26.89(7)
AG1

1941

Выполнено
6
ог

ПРО ЕНО
1939 г.

91

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

4854-2

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНІЮ.
С. П. Б. О-во ГРАМОТНОСТИ
Театральн. ул. 5.

АМЕРИКА.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПО ВОПРОСАМЪ
ОБРАЗОВАНІЮ.
Театральн. ул. 6.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Крубером, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

3-ье, исправленное и дополненное, изданіе.

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущено** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем. и въ безпл. народ. читал.
Уч. Ком. М. Фин. **одобрено** въ учен. библ. коммер. учебн. завед.
Уч. Ком. М. Земледѣл. **одобрено** въ учен. библ., подвѣд. М-ву учеб. завед.

Цѣна **2** р. **25** к.

Изданіе **Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.**
Москва—1909.

Другіе географическіе сборники тѣхъ же составителей:

„Азія“.— 3-е, исправл. и дополн., изданіе, 548 стр., съ 70 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. листахъ М., 1907 г. Цѣна **2** р., въ изящномъ переплетѣ **2** р. **60** к.

„Африка“.—2-ое исправ. и дополн. изданіе, 512 стр. съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣльн. листахъ., М. 1905 г. Ц. **2** р., въ изящн. переплетѣ **2** р. **60** к.

„Европа“.— 3-е, исправл. и дополнен., изданіе 752 стр. съ 72 иллюстр. въ текстѣ и 23 на отд. листахъ. М. 1907 г. Ц. **2** р. **75** к., въ изящ. пер. **3** р. **35** к.

„Австралія и Полярныя страны“.—2-ое допол. изд., 469 стр. съ 54 иллюст. въ текстѣ и 11 на отд. лист. М. 1907 г. Ц. **2** р., въ изящн. пер. **2** р. **60** к.

„Азіатская Россія“.— 2-ое исправл. и допол. изданіе, съ 84 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1905 г. Ц. **2** р., въ изящн. пер. **2** р. **60** к.

„Европейская Россія“.— 2-ое исправл. и допол. изданіе, съ 76 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. М. 1906 г. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. **2** р. **60** к.

Учен. Ком. М. Н. П. сборники ДОПУЩЕНЫ въ ученич. библіот. средн. учебн. завед., учительск. институт. и семинарій, въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Учебники географіи тѣхъ же авторовъ:

Начальный курсъ географіи. — 6-е изд. Съ 10 цвѣтными картами и 150 иллюстраціями и діаграммами въ текстѣ. Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущено* въ кач. руковод. для средн. учебн. завед. Цѣна 90 к. въ коленкор. переплетѣ.

Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ. (Азія, Африка, Америка, Австралія.) 3-ье изд. Съ 35 цвѣтными картами и 200 иллюстраціями и діаграммами въ текстѣ. Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущено* въ качест. руковод. для средн. учеб. завед. (Журн. М. Н. П. 1906 г., февраль). Цѣна въ изящн. коленк. переплетѣ **1** руб.

Курсъ географіи Европы. (Западная Европа.) Съ 26 цвѣтными картами и 200 иллюстраціями и діаграммами въ текстѣ. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ **1** руб.

„О. Шмейль. Очерки изъ жизни растеній“. 2-е исправ. изданіе. Перев. съ нѣм. С. Григорьева, Л. Синицкаго и С. Чефранова.—464 стран. съ 210 рисунками въ текстѣ и 40 *цвѣтными таблицами* на отд. листахъ. М. 1909 г. Цѣна **3** р., въ изящн. тисн. золот. и краск., переплетѣ **3** р. **75** к. Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущено* въ учен. библ. всѣхъ средн. учебн. зав. М-ва, а также для выдачи учащимся въ сихъ завед., въ видѣ награды, равно какъ и въ безпл. народн. читал. и библ.—Учебн. Ком. М. Фин. *одобрено*, какъ учебное пособіе, для пріобр. въ ученич. библ. и для выдачи въ качествѣ награды учен. старш. класс. коммер. учебн. зав. вѣдом. М. Фин.—Уч. Ком. М-ва Земледѣл. и Гос. Им. *рекомендовано* въ качествѣ учебнаго пособія для подвѣдомств. М-ву средн. учебн. зав., а равно и для выдачи въ награду учащ. въ этихъ учебн. завед.— Главн. Управл. Военно-учебныхъ завед. *рекомендовано* въ фундаментал. библіот. кадет. корп. и для чтенія кадетъ II—VII кл.

Е. М. Чепурковскій.—Элементы общаго землевѣдѣнія. Со многими рисунками и картами въ текстѣ. Цѣна **1** р. **50** к.

К. Гассертъ.—Города. Географическій этюдъ. Въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго, съ добавленіями Л. Д. Синицкаго. Съ 25 рисунками. (Печатается.)

А. Кронебергъ.—Начальный курсъ физической географіи. Съ рисунками и цвѣтными картами въ текстѣ. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній. (Печатается.)

Н. Тарасовъ и С. Моравскій.—Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Съ 12 *картинами* на отдѣльн. листахъ. Цѣна **1** р. **25** к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учен. библ. средн. учебн. зав. и для раздачи учащимся въ сихъ завед. въ награду, а также въ безпл. народн. читал. и библіот.—Глав. Упр. Воен.-Учеб. Зав. *рекомендована* въ ротн. библ. старш. класс. кадет. корп.—Учебн. Ком. М. Фин. *допущена* въ учен., средн. и старш. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства М. Фин. и для выдачи въ качествѣ награды учащ. въ сихъ учебн. завед.

Р. Киплингъ.—Смѣлые мореплаватели. Повѣсть, *полный* пер. съ англ. А. Каррикъ. Съ 38 иллюстр. Цѣна **1** р. **25** к., въ изящ. папкѣ **1** р. **50** к.—Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ ученич., средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. читал. и библ.—Учебн. Ком. М. Фин. *допущена* въ ученич., средн. и старш. возр., библ. учебн. завед. вѣдомства М. Фин.

Главный складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, **въ Москвѣ:** Пименовская, соб. д., и отдѣленіяхъ: **въ С.-Петербургѣ:** Фонтанка, 117, типогр. М-ва Путей Сообщенія; **въ Кіевѣ:** Караваевская, 5.

АМЕРИКА.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНІЮ.
С. П. Б. О-во ГРАМОТНОСТИ
Театральн. ул. 5.
1953
80
1965
91(7) 26.89(7)
91(08)
А 61
50462
ПРОВЕРЕНО 1935 г.
ПРОВЕРЕНО 1935 г.
Инв. 1949
№ 50462

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

ИЗДАНІЕ III,

исправленное и дополненное,

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

I-е изданіе Уч. Ком. М. Н. П. **одобрено** въ учен. библ. средн. и старш. возр. гимн., мужск. и женск., реальн. уч., учит. инст. и сем. и въ безпл. народн. чит.— Уч. Ком. М. Фин. **одобрено** въ учен. библ. коммер. учеб. зав. Уч. Ком. М. Земледѣл. **одобрено** въ ученич. библ. подвѣд. М-ву учеб. завед.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°**, Пименовская ул., соб. д.
1909.

1987

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Фалкландскіе острова.—А. Іонина 1
2. Природа Огненной Земли.—Н. Альбова 9
3. Чилійскій архипелагъ.—А. Іонина 19
4. Населеніе центральнаго и сѣвернаго Чили.—По Іонину и Гюсфельду . . . 25
5. Аконкагуа.—Его же 29
6. Черезъ внутреннюю цѣпь Кордильеровъ.—Чуди 36
7. Степь Пампа.—Хэдзона 44
8. Животныя пампы.—Его же 47
9. Изъ Аргентины въ Уругвай въ дилижансѣ.—А. Іонина 54
10. Буэносъ-Айресъ.—А. Іонина 65
11. Въ Патагоніи.—Ч. Дарвина 74
12. Тегуэльки и арауканцы.—Мустера 78
13. Гаучосы.—А. Беркенгейма 86
14. Скотоводство въ пампѣ.—Его же 90
15. По Паранѣ и Парагваю.—А. Іонина 97
16. По Парагваю.—Его же 108
17. Пуна—нагорная пустыня Кордильеровъ.—Его же 120
18. Титикака.—Маркуа 128
19. Эстансія въ степи.—А. Іонина 137
20. По желѣзной дорогѣ въ Бразиліи.—Его же 144
21. Среди индѣйцевъ центральной Бразиліи.—К. фонъ-Штейнена 153
22. У береговъ Бразиліи.—А. Іонина 157
23. Въ экваторіальномъ лѣсу Бразиліи.—Бэтса 162
24. По Амазонкѣ.—Его же 169
25. Ловля черепахъ на Амазонкѣ.—Его же 177
26. Горная страна Эквадора.—Штюбеля 185
27. Восхожденіе на Котопахи.—Рейсса 192
28. Въ столицѣ Колумбіи.—О. Бюргера 197
29. На архипелагѣ Галапагосъ.—Ч. Дарвина 209
30. Приморскій городъ въ Венецуэлѣ (Пуэрто-Кабелло).—Аппуна 215
31. У подножія Венецуэльскихъ горъ.—Его же 227
32. Черезъ льяносы.—Циммермана 238
33. Въ Британской Гвіанѣ.—Аппуна 252
34. Малые Антильскіе острова.—Кингслея 266
35. Гаванна.—По Декерту и Тоуншенду 271
36. Бермудскіе острова.—М. Твэна 280
37. Изъ жизни средне-американскихъ индѣйцевъ.—О. Штолля 285

Стр.

38. По Мексиканскому плоскогорью.—А. Краснова 289
39. Городъ Мексико и его окрестности.—Гессе-Вартега 296
40. Восхожденіе на Попокатепетль.—Его же 307
41. По Юкатану.—Патканова 319
42. Природа Флориды.—Тренча Тоуншенда 324
43. Лѣсопильня во Флоридѣ.—Тверского 333
44. Поѣздка въ Техасъ.—Циммермана 336
45. Новый Орлеанъ.—По Циммерману, Г.-Вартегу и др. 344
46. Въ Луизіанѣ.—Циммермана 350
47. Сахарная плантація въ Луизіанѣ.—Его же 355
48. Положеніе негровъ въ южныхъ штатахъ.—А. Краснова 360
49. Мамонтова пещера.—Д. Ч. 364
50. Преріи.—Г. Сенкевича 371
51. На берегу Соленаго озера.—В. Витковскаго 377
52. По желѣзной дорогѣ изъ Небраски въ Калифорнію.—Г. Сенкевича 386
53. Санъ-Франциско.—По П. Тверскому и др. 391
54. Іоземитская долина въ Калифорніи.—Боульса 398
55. Охота на сѣраго медвѣдя.—Г. Сенкевича 403
56. Современная калифорнская деревня.—П. Тверского 415
57. Пустыня Могавъ.—Г. Сенкевича 421
58. Американскій національный праздникъ.—П. Тверского 431
59. На Змѣиной рѣкѣ.—В. Витковскаго 435
60. Іеллостонскій національный паркъ.—Циттеля 446
61. По Висконсину и Дакотѣ.—Крживицкаго 458
62. Изъ жизни сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.—М. Б. 464
63. Чикаго.—По Тверскому и Святловскому 475
64. Городъ Пульмана.—Святловскаго 483
65. Вашингтонъ.—Миропольскаго 486
66. Черезъ Атлантическій океанъ.—В. Витковскаго 503
67. Эмигранты.—В. Короленко 509
68. Нью-Іоркъ.—В. Витковскаго 520
69. Янки.—В. фонъ-Поленца 532
70. Какъ живутъ и работаютъ американцы.—Г. де-Воллана и Гессе-Вартега . 542
71. „Безъ языка“.—В. Короленко 553
72. Американскія желѣзныя дороги.—Святловскаго 570
73. Ніагара.—В. Витковскаго 575
74. Ньюфаундлендъ.—Гессе-Вартега 587
75. Квебекъ.—Алексѣева 594
76. Черезъ канадскія преріи.—Его же 601
77. По Британской Колумбіи.—Его же 606
78. Въ земляхъ Гудзонова залива.—По Бахъ-Монреалю и Бредрову 616
79. На берегахъ Аляски.—Д. Иванова 625
80. Природа и люди крайняго сѣверо-запада Америки.—А. К. 632

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

На отдѣльныхъ листахъ:

Стр.

1. Аллея королевскихъ пальмъ. (Съ фотографіи) 1
2. Мысъ Пиляръ въ Чилійскомъ архипелагѣ. (Изъ Реклю) 20
3. Сантъ-Яго. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 28
4. Въ лѣсахъ Парагвая. (Изъ „Америки“ Сиверса) 110
5. Въ бухтѣ Ріо-Жанейро. (Изъ „Америки“ Сиверса) 158
6. Средне-американскіе индѣйцы. (Съ фотографіи) 288
7. Берега Флориды. (Изъ альб. „Un voyage à travers l'Amerique“) 330
8. На пристани въ Новомъ Орлеанѣ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 348
9. На Миссисипи. (Изъ альб. „Un voyage à travers l'Amerique“) 354
10. Гигантская секвойя. (Съ фотографіи) 402
11. Каньонъ. (Съ фотографіи) 414
12. Индѣйскій вождь. (Съ фотографіи) 464
13. Капитолій въ Вашингтонѣ. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) 496
14. Ніагарскій водопадъ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 584
15. Квебекъ. (Съ фотографіи) 598
16. Гора „Три сестры въ Канадѣ“. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) . . 608

Въ текстѣ:

Стр.

1. На берегу Фалкландскихъ острововъ. (Изъ Келлера: „Жизнь моря“) . . . 3
2. Вигвамъ индѣйцевъ Огненной Земли. (Съ фотографіи) 11
3. Индѣйцы Огненной Земли. (Съ фотографіи) 17
4. Чилійка. (Съ фотографіи) 27
5. Аконкагуа съ nieve penitente. (Изъ „Америки“ Сиверса) 31
6. Въ пампѣ. (Съ фотографіи) 49
7. Корсо въ Буэносъ-Айресѣ. (Изъ „Америки“ Сиверса) 72
8. Видъ въ Патагоніи. (Съ фотографіи) 77
9. Патагонцы. (Изъ Реклю) 79
10. Гаучосы. (Изъ „Америки“ Сиверса) 89
11. Сушка кожъ въ саладеро. (Съ фотографіи) 93
12. Прирученіе лошадей. (Съ фотографіи) 96
13. Ранчо въ Парагваѣ. (Изъ „Америки“ Сиверса) 115
14. Видъ въ Андахъ. (Изъ „Америки“ Сиверса) 123
15. Титикака. (Изъ Реклю) 135
16. Лѣсъ араукарій (Изъ Реклю) 149
17. Бакапри. (Изъ „Америки“ Сиверса) 155
18. Кампо. (Изъ „Америки“ Сиверса) 172

Стр.

19. Пальмовый лѣсъ. (Изъ Реклю) 181
20. Индѣецъ изъ Эквадора. (Изъ „Америки“ Сиверса) 191
21. Видъ на Галапагосскихъ островахъ. (Изъ Реклю) 211
22. Рынокъ въ венецуэльскомъ городѣ. (Съ фотографіи) 221
23. Жилище индѣйцевъ въ Гвіанѣ. (Съ фотографіи) 229
24. Льяносы. (Изъ „Америки“ Сиверса) 241
25. Улица въ Джорджтаунѣ. (Изъ книги „British Gwiana“) 253
26. Сборъ сахарнаго тростника. (Изъ книги „British Gwiana“) 265
27. Видъ на Антильскихъ островахъ. (Изъ „Америки“ Сиверса) 269
28. Воланта. (Изъ книги „Cuba“) 273
29. Видъ на Кубѣ. (Изъ книги „Cuba“) 277
30. Растительность мексиканскаго плоскогорья. (Изъ „Америки“ Сиверса) . . 293
31. Видъ города Мексико. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) 297
32. Плавучіе острова близъ города Мексико. (Съ фотографіи) 301
33. Соборъ въ Мексико. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 305
34. Ицтаккихуатль. (Изъ „Америки“ Сиверса) 311
35. На рѣкахъ Флориды. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 327
36. Купецъ въ Техасѣ. (Изъ альб. „Un voyage à travers l'Amerique“) 343
37. Улица въ Новомъ Орлеанѣ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 347
38. Сборъ хлопка. (Изъ „Америки“ Сиверса) 353
39. Ферма въ южныхъ штатахъ. (Изъ „Америки“ Сиверса) 357
40. Негрскій кварталъ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 361
41. Пуэбло. (Съ фотографіи) 379
42. Мормонскіе храмы. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) 383
43. Санъ-Франциско. (Съ фотографіи) 393
44. Скала Эль-Каптэнъ въ Іоземитской долинѣ. (Изъ альб. „Un voyage à travers l'Amerique“) 399
45. Упаковка апельсиновъ на калифорнской фермѣ. (Съ фотографіи) 419
46. Видъ въ пустынѣ Могавъ. (Съ фотографіи) 429
47. Гора Шаста. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) 437
48. Шошонскій водопадъ. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) 443
49. Гейзеръ въ Іеллостонскомъ паркѣ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 453
50. На американской фермѣ. (Съ фотографіи) 459
51. Обработка земли въ преріи. (Изъ альб. „De Neue Welt“) 461
52. Индѣйскія поселенія въ Дакотѣ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 467
53. Индѣйскій вигвамъ. (Съ фотографіи) 471
54. Типъ сѣверо-американскаго индѣйца. (Съ фотографіи) 473
55. Домъ въ Чикаго. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 479
56. Улица въ Вашингтонѣ. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) 493
57. Столовая 1-го класса на океанскомъ пароходѣ. (Съ фотографіи) 503
58. Статуя Свободы въ Нью-Іоркѣ. (Изъ альб. „Im Fluge durch die Welt“) . . 515
59. Улица въ Нью-Іоркѣ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 525
60. Нью-Іоркъ съ высоты 10-го этажа. (Съ фотографіи) 529
61. Янки. (Съ фотографіи) 537
62. Бруклинскій мостъ. (Изъ альб. „Un voyage à travers l'Amerique“) 563
63. Ніагарскій водопадъ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 579
64. Бизоны. (Изъ альб. „Un voyage à travers l'Amerique“) 603
65. Вигвамъ канадскихъ индѣйцевъ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 612
66. Рубка лѣса въ Канадѣ. (Изъ альб. „Die Neue Welt“) 613
67. Эскимосъ. (Изъ „Америки“ Сиверса) 637

ПРЕДИСЛОВІЕ къ III-му ИЗДАНІЮ.

Въ 3-мъ изданіи настоящаго сборника добавлены вновь статьи: „Въ столицѣ Колумбіи“ и „Какъ живутъ и работаютъ американцы“. Первая изъ нихъ рисуетъ жизнь южно-американскаго города и вліяніе католицизма, столь сильное въ южно-американскихъ республикахъ; вторая посвящена характеристикѣ американской промышленности, трестамъ и описанію быта двухъ слоевъ американскаго общества, стоящихъ на противоположныхъ полюсахъ: милліардеровъ и рабочихъ.

Количество рисунковъ для этого изданія, насколько позволяло мѣсто, увеличено.

Москва,
2 марта 1909 г.

Аллея королевскихъ пальмъ.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА.

Фалкландскіе острова.

(А. Іонина.)

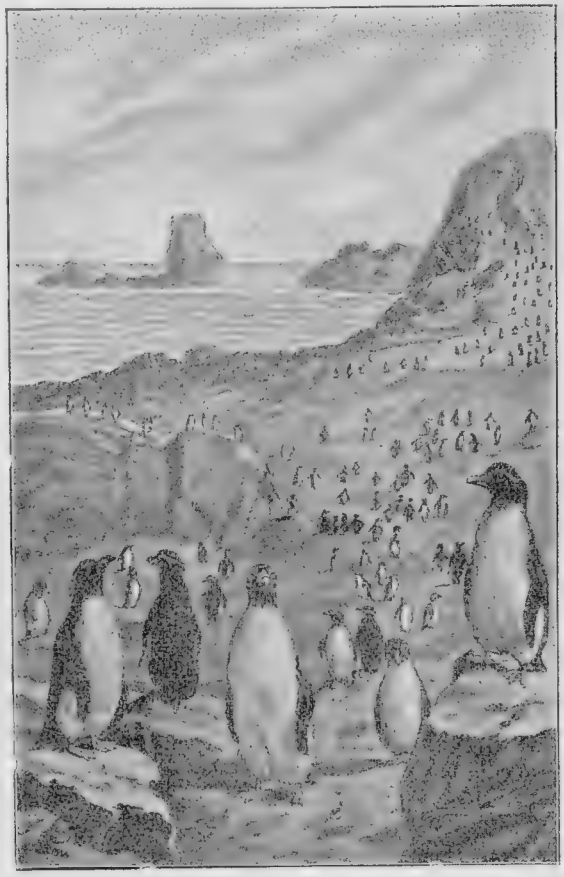
На пятый день плаванія мы проснулись утромъ около самыхъ береговъ восточнаго острова Фалкландскаго архипелага. Мелкій дождикъ продолжалъ еще моросить, но вѣтеръ уже повернулъ и дулъ съ запада—рѣзкій, холодный. Онъ углаживалъ волненіе, которое развела буря съ востока, и море было уже почти тихо, но море угрюмое, холодное, тяжелаго сѣро-зеленаго цвѣта. Холодъ пронизывалъ всѣ члены, холодъ и отъ рѣзкаго вѣтра и отъ воды негостепріимнаго моря, которое, казалось, вотъ-вотъ опять разозлится. Вѣтеръ на Фалкландѣ никогда не перестаетъ: съ востока, съ необъятнаго пространства холоднаго океана, отъ льдовъ южнаго полюса бури наносятъ потоки дождя, и какъ только буря эта утихнетъ, вѣтеръ съ запада, со степей Патагоніи и съ огромныхъ ледниковъ Кордильеръ начинаетъ нападать въ свою очередь на несчастные острова, немного сушитъ ихъ въ продолженіе двухъ-трехъ дней, а затѣмъ та же исторія—буря съ востока и опять проливной дождь. Впрочемъ, дождь и съ западнымъ вѣтромъ не перестаетъ совершенно; перестаетъ ливень, но атмосфера такъ полна здѣсь водяными парами, что и сухой вѣтеръ степей Патагоніи несетъ съ собой тучи водяныхъ брызгъ, которыя рѣзкими, маленькими каплями, точно уколами булавокъ, пребольно стегаютъ лицо и руки. Солнца здѣсь почти не видно—только рѣдко лучъ его скользнетъ на минуту по здѣшнему морю, какъ бы дразня обиженную имъ природу, и потомъ опять скроется на цѣлые дни.

Очень жуткое впечатлѣніе производитъ и земля—берега острововъ. Плоскія темно-сѣрыя съ желтизною глыбы гранита составляютъ поверхность многочисленныхъ острововъ, о которые вѣчно бьются волны вѣчно бушующаго океана, а берега большого восточнаго острова представляютъ длинные ряды острыхъ, почти черныхъ скалъ, невысокихъ, изъѣденныхъ, изрытыхъ, исковерканныхъ водой—всюду длинные, глубокіе фіорды, врѣзывающіеся въ землю, мрачныя, зубастыя стѣны узкихъ коридоровъ, и въ нихъ съ шумомъ врывается океанъ, какъ-то первно

и зло шипя и гремя водою, которая крутится, разбиваясь о зубья гранита или вливаясь между ними въ безчисленныя черныя дыры. Наши финляндскія шхеры могутъ дать нѣкоторое понятіе о берегахъ Фалкланда, но только нѣкоторое, ибо холодные и тоже лишенные красокъ сѣверные берега Финскаго залива въ сравненіи съ здѣшнею землей кажутся почти Италіей. По граниту нашихъ шхеръ тамъ и сямъ видна трава, вдали за ними хотя и тощій, и грустно-сѣрый, но все-таки лѣсъ сосенъ — солнце тамъ часто ярко освѣщаетъ эту незатѣйливую картину и красками своихъ лучей вознаграждаетъ за отсутствіе красокъ на землѣ, а здѣсь солнца никогда не видно и не замѣтно ни единаго признака растительности, не говоря уже о деревьяхъ. Только обогнувъ самый восточный мысъ Соледадъ (уединеніе), какъ зовутъ его испанцы, мы увидали въ концѣ этого длиннаго, окаймленнаго зубчатыми, мрачными выступами коридора, черезъ бѣловатую мглу измороси, округлыя горы и по нимъ очень темныя пятна, которыя издали могли казаться лѣсомъ, но это былъ на самомъ дѣлѣ не лѣсъ, а своеобразная трава, которою тамъ и сямъ покрытъ островъ. На двухъ-трехъ плоскихъ, низкихъ островкахъ темнаго гранита, лоснящихся отъ воды, которая въ продолженіе послѣдней бури переливалась черезъ нихъ, всѣ отмели были густо покрыты неподвижными бѣло-сѣрыми птицами—пингвинами всѣхъ величинъ, которые стояли прямо на своихъ толстыхъ хвостахъ, точно барышни 40-хъ годовъ на своихъ кринолинахъ. Это сходство тѣмъ болѣе всплывало въ памяти, что черненькія, немного оттопыренныя крылышки-лапки этой птицы напоминали тоже, какъ эти барышни оттопыриваютъ свои ручки въ черныхъ перчаткахъ, приготовляясь сдѣлать классическій реверансъ передъ учителемъ танцевъ. И вертлявыя черныя головки этихъ птицъ съ коротенькими носиками тоже, какъ и головки барышень, какъ-то суетливо озираются по сторонамъ, пугливо приподнятыя на тоненькомъ перехватѣ шеи. Эта вертлявость головокъ при неподвижности тѣла придаетъ пингвинамъ, этимъ полуптицамъ, полурыбамъ, какой-то смѣшной видъ. Въ водѣ, вокругъ парохода, со всѣхъ сторонъ тоже ныряютъ и кувыркаются пингвины и тоже очень смѣшно, какъ-то неровно и неуклюже, будто они, переставъ быть рыбами, не сдѣлались еще птицами. Дальше, на совсѣмъ маленькой глыбѣ гранита, высовывающейся изъ моря среди прыгающихъ и бьющихся, толкающихъ другъ друга всплесковъ волнъ, лежали, какъ неподвижные бурые обрубки, три тюленя, одинъ большой и два маленькихъ, и, высоко вытянувъ свои круглыя головы, любопытно, но спокойно слѣдили за нами, лоснясь своею мокрою шкурой въ лѣнивомъ освѣщеніи сумрачнаго утра.

Какой быстрый переходъ отъ береговъ Лаплаты, гдѣ въ солнцѣ и въ воздухѣ такъ еще близко чувствуются тропики — всего пять дней,

во время которыхъ человѣкъ изолированъ въ океанѣ и, не видя берега, забываетъ о землѣ, и уже чувствуется полюсъ—холодно, сыро, сѣро, пустынно. Это всего еще 52° градусъ южной широты, что должно бы соотвѣтствовать природѣ, напримѣръ, нашей Воронежской губерніи, особенно лѣтомъ, а какая разница! Чтобы получить впечатлѣніе, подобное тому, какое производятъ природа и море вокругъ Фалкландскихъ острововъ, въ сѣверной половинѣ земного шара нужно добраться по крайней мѣрѣ до Новой Земли. Наконецъ, въ полдень мы обогнули еще острый мысъ, и, круто повернувъ на западъ, пароходъ юркнулъ въ узкій, извилистый коридоръ, въ одинъ изъ безчисленныхъ заливовъ или скорѣе фіордовъ Фалкландскихъ острововъ, которые изгрызли ихъ материки на множество едва держащихся другъ за друга клочковъ. Въ узкомъ, извилистомъ коридорѣ вода была спокойна, какъ въ чашкѣ, темная, какъ вороненая сталь. Вѣтеръ свистѣлъ въ мачтахъ корабля, сердито разрывая на клочки дымъ, какъ только онъ показывался изъ пароходной трубы, но вѣтеръ этотъ до воды не касался: ее защищали отвѣсныя стѣны коридора. Черезъ четверть часа, сдѣлавъ нѣсколько зигзаговъ, мы вдругъ очутились въ большомъ бассейнѣ, не очень широкомъ, но очень длинномъ, среди плоскихъ и голыхъ береговъ, и на южномъ берегу этого бассейна увидали широко разставленные другъ отъ друга, у самой воды, маленькіе бѣлые домики. Это портъ Стенлей, столица и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное поселеніе на этой довольно обширной (355 квадратныхъ миль, около



На берегу Фалкландскихъ острововъ.

17.000 кв. вер.), но негостепріимной землѣ, которая теперь принадлежитъ Англіи.

Скоро мы бросили якорь почти у самаго берега. На мрачномъ фонѣ неуклюжихъ, неправильныхъ камней, среди этой холодной пустыни, заманчиво вырисовывались миловидные, опрятные, бѣленькіе, подъ красными, острыми черепичатыми крышами, англійскіе коттеджи. Передъ ними зеленѣли маленькіе палисадники, обнесенные съ юга высокими стѣнами, аккуратно сложенными изъ неправильныхъ темныхъ камней, связанныхъ бѣлымъ цементомъ. Мы, пассажиры, усталые отъ труднаго перехода, дрожащіе отъ сырости и холода, съ радостью приняли приглашеніе на завтракъ агента пароходовъ «Cosmos», вилла котораго стояла на краю городка, прислоняясь къ довольно высокой скалѣ, защищавшей ее отъ южнаго, самаго злого вѣтра.

Проходя съ берега къ дверямъ коттеджа, мы прежде очутились въ микроскопическомъ палисадникѣ и, проникнутые впечатлѣніемъ, которое произвелъ на насъ наружный видъ этой заброшенной въ холодномъ океанѣ земли, мы вдругъ остановились, пріятно улыбаясь какъ будто чему-то родному. Палисадникъ, обнесенный высокой стѣной, закрытой сплошь густо разросшимся пахучимъ букомъ, былъ наполненъ свѣжею весеннею растительностью. Съ одной стороны дорожки, ведущей ко входу въ домикъ, былъ цвѣтникъ, и цвѣли георгины и даже левкои, а съ другой—растенія болѣе полезныя—малюсенькій огородикъ, на которомъ подымались сочныя веселыя стрѣлы зеленаго лука, яркія головки салата и т. д., а въ углу—два-три куста малины и смородины. «Намъ казалось, что здѣсь ничего не растетъ, а посмотрите, какой веселенькій садикъ», удивились мы.

— О, очень многое можетъ расти,—отвѣчалъ хозяинъ;—здѣсь не такъ скверно, какъ вы думаете, только все нужно обнести толстыми стѣнами, чтобы защитить отъ южнаго вѣтра; разъ это сдѣлано, количество воды замѣняетъ недостатокъ тепла. Да вы удивитесь, что я вамъ еще скажу: тамъ, гдѣ есть растительность на нашихъ островахъ, а такихъ мѣстъ не мало, хотя съ моря ихъ и не видно, растительность эта вѣчно-зеленая—трава никогда не перестаетъ расти. Очень просто почему: вѣчный, коль хотите, холодъ, вѣчный дождь, но морозовъ мы здѣсь почти не знаемъ и зимой очень рѣдко видимъ снѣгъ, который остается на землѣ не дольше, какъ нѣсколько часовъ. Вотъ дерева уже никакого здѣсь нельзя воспитать: съ одной стороны вѣтеръ, а съ другой—отсутствіе достаточно глубокой растительной почвы. Вездѣ камень, и только на поверхности его лежитъ торфъ—дереву негдѣ укрѣпиться и некуда пустить свои корни, ну а трава въ этомъ торфѣ можетъ благоденствовать.

Гостепріимная хозяйка тотчасъ усадила насъ за завтракъ, во время

котораго намъ, между прочимъ, подали бараньи котлеты такой величины и такія вкусныя, какихъ я никогда не видалъ и не ѣдалъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Мясо это, гораздо болѣе свѣтлое, чѣмъ обыкновенное баранье, просто таяло во рту ароматное, нѣжное.

Если бы бараны здѣсь оставались такими, какими ихъ производитъ Лаплатская пампа, то и разводить ихъ не стоило бы, потому что на Лаплатѣ баранъ стоитъ самое большее одинъ незасъ ($3^1/_2$ франка); но тамъ этихъ барановъ множество и пути сообщенія отличные, такъ что владѣтеля ихъ количество вознаграждаетъ за дешевизну, а здѣсь, на краю свѣта, гдѣ сообщеніе ужасно затруднительно, баранъ этотъ ничего бы не стоилъ, если бы торфъ, покрывающій впадины острова, не производилъ такой особенной травы, которая до того передѣлала его мясо и его породу, что изъ него получилось нѣчто совсѣмъ особенное, подобное чему нельзя произвести нигдѣ на свѣтѣ. Благодаря этому, разведеніе случайно заброшенныхъ сюда барановъ оказалось дѣломъ весьма выгоднымъ и доставило большой доходъ предпринимателю. Кушая эти необыкновенныя котлеты, мы разговорились о баранахъ и ихъ будущности на Фалкландѣ; и я уже кстати разскажу здѣсь, что узналъ объ этомъ.

Плоскіе вообще Фалкландскіе острова изобилуютъ глубокими впадинами, въ которыхъ много озерковъ прѣсной воды и ручейковъ, и впадины эти, будучи кое-какъ защищены отъ разрушительнаго дѣйствія вѣтровъ и благодаря непомѣрной сырости, покрылись толстымъ слоемъ торфа, а на торфѣ этомъ выросла рѣдкая и низкая, но весьма вкусная травка, главное — нѣсколько породъ травянистаго кустарника, составляющаго особенность этой оригинальной страны. Одно изъ подобныхъ замѣчательныхъ растеній, нѣчто среднее между травою и кустарникомъ, есть такъ называемый здѣсь туссокъ (Dactylis caespitosa); растеніе это многолѣтнее, образующее непроницаемый, густой кустарникъ, часто вышиною въ 5—6 футовъ, растетъ поблизости моря, во впадинахъ земли, на самыхъ безплодныхъ и сырыхъ мѣстахъ, голомъ пескѣ, между камней, по окраинамъ торфяныхъ залежей, и растетъ въ большомъ количествѣ. Оказалось на практикѣ, что нѣтъ на свѣтѣ лучше корма для скота, какъ этотъ туссокъ, и обстоятельство тѣмъ болѣе странное, что до появленія человѣка на Фалкландскихъ островахъ не существовало ни одного травоядnаго животнаго, такъ что долгое время предполагали, что никакое животное жить на этихъ островахъ не можетъ. Только въ концѣ прошлаго столѣтія извѣстный путешественникъ вокругъ свѣта, графъ Буженвиль, задавшись мыслью основать здѣсь колонію, привезъ на восточный островъ нѣсколько головъ рогатаго скота и лошадей изъ Лаплаты. Колонія Буженвиля скоро пропала, его колонисты ушли, и островъ надолго опять опустѣлъ, опять на немъ

не осталось людей, какъ отъ начала міра, но завезенныя ими коровы и лошади остались, нашли упомянутый туссокъ и расплодились въ большомъ количествѣ, конечно при этомъ совершенно одичавши. Много лѣтъ спустя узнали, что островъ населился скотомъ, и опять затѣяли устроить на немъ колонію, главнымъ образомъ, изъ гаучо Аргентины. Эти новые колонисты уже остались. Землю опять-таки нельзя было обрабатывать, но новые пришельцы стали ловить дикій скотъ и продавать его мясо и шкуры кораблямъ, заходившимъ сюда для ловли китовъ и моржей или для того, чтобы укрыться отъ бури. Потомъ пришли англичане и стали приручать этотъ скотъ, доить коровъ и дѣлать масло, пока, наконецъ, нѣкто мистеръ Бутъ нечаянно не напалъ на овцеводство, которое теперь и составляетъ главную привлекательную сторону острова; ему начали подражать другіе, и теперь здѣсь насчитывается до десятка хозяевъ овечьихъ стадъ.

Дикій рогатый скотъ уничтожалъ быстро туссокъ, потому что не только объѣдалъ его листья, но особенно любилъ глодать его стебли около корня, которые содержатъ въ себѣ пріятный сокъ, сладкій почти какъ медъ,—и туссокъ, и скотъ вслѣдствіе этого, вѣроятно, пропали бы, если бы не новые колонисты, которые, замѣтивъ это обстоятельство, начали разводить туссокъ искусственно. Его даже отправили въ Англію, думая развести его и тамъ, особенно для укрѣпленія песчаныхъ ландъ или для образованія непроницаемыхъ заборовъ, но, кажется, эти опыты долго не удавались: туссокъ не хотѣлъ расти внѣ своеобразнаго климата Фалкландскихъ острововъ.

Однако какъ здѣсь ни привольно нѣкоторымъ травоядным, но скота здѣсь все-таки немного. Дикихъ лошадей насчитываютъ здѣсь всего до 15.000 головъ, а рогатаго скота до 30.000, большею частью еще абсолютно дикаго, не принадлежащаго никому и всѣмъ, за которымъ охотятся еще, какъ за дичью, сотня гаучосовъ, переселившихся сюда во время оно изъ Аргентины. Какъ туссокъ ни питателенъ, такъ же какъ и нѣкоторые злаки, растущіе на поверхности торфа, но этого блага относительно немного. Болѣе трехъ четвертей острова составляетъ все-таки совершенно безплодная, холодная, каменистая пустыня, и въ большомъ количествѣ скотъ не могъ бы здѣсь существовать. Что касается до овецъ, теперь главнаго богатства восточнаго острова, то ихъ насчитываютъ никакъ не болѣе 100.000 головъ. Для большой торговли это пустякъ.

Пароходъ «Menes», на которомъ мы прибыли, уходилъ только на другое утро, и потому послѣ завтрака мы, желая воочію познакомиться съ своеобразною природой острова, отправились въ далекую прогулку, закутавшись въ плащи, ибо къ вечеру дождь становился сильнѣе, а вѣтеръ свистѣлъ почти уже неистово, часто чуть не опрокидывая насъ

на ходу. Теперь лѣто, но лѣто именно и есть самое дождливое и бурное время года; зимою бываютъ, говорятъ, хоть и рѣдко, немного морозные и ясные дни.

Городокъ, какъ я сказалъ выше, представляетъ только рядъ домиковъ, стоящихъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга вдоль набережной, на которой, кромѣ того, устроена маленькая пристань и маленькій, дрожащій отъ ударовъ вѣтра, деревянный молъ—вотъ и все. Всѣ домики похожи одинъ на другой, даже жилище богача Бута едва превосходитъ ихъ размѣрами и отличается только убранствомъ—миніатюрныя готическія башенки, затѣйливая входная дверь съ большими сверкающими выпуклыми стеклами, а передъ нею садикъ немного большихъ размѣровъ и въ немъ очень много цвѣтовъ; даже и домъ губернатора—а этихъ чиновниковъ Англія помѣщаетъ обыкновенно очень роскошно—едва больше коттеджа пароходнаго агентства и вокругъ него, кромѣ флага, никакого признака офиціальнаго отличія. Солдатъ нѣтъ, полиціи тоже; губернаторъ со своимъ секретаремъ и съ судьею исчерпываютъ весь персоналъ администраціи, которая и безъ того, судя по странѣ, стоитъ очень дорого—губернаторъ получаетъ 1.500 ф. стерлинговъ, т.-е. по теперешнему курсу 13.000 руб. сер.; это на 800 душъ жителей! Вдали на холмикѣ красуется прехорошенькая готическая маленькая церковь — все это точно уголокъ провинціальной и аккуратной Англіи, заброшенный нечаянно подъ южный полюсъ. Все чисто, опрятно, выметено и вымыто; впрочемъ, поломойка здѣсь отличная и неутомимая и стоитъ дешево — сама природа. Я удивился, что всѣ живутъ здѣсь въ такихъ тѣсныхъ жилищахъ, даже люди со средствами, какъ Бутъ, губернаторъ, судья.

— Иначе и жить здѣсь нельзя,—отвѣчали мнѣ.—При этомъ климатѣ постоянно почти нужно топить, а это довольно затруднительно и потому нужно жить въ маленькихъ комнатахъ. Лѣса и, слѣдовательно, дровъ нѣтъ, и мы топимъ травой.

Здѣсь растетъ трава, которою можно топить печи, какъ дровами. Я послѣ въ полѣ увидѣлъ эту траву, — ее англичане зовутъ бальзамомъ (Bolax gloЬaria, какъ сообщилъ мнѣ спутникъ по прогулкѣ, англичанинъ, который любилъ ботанику). Какъ и туссокъ, это опять многолѣтняя трава, дающая крѣпкія, довольно толстыя и корявыя вѣтви, которыя такъ крѣпко переплетены между собой, что разбросанное по полямъ растеніе это представляетъ какъ будто комки твердой массы, имѣющіе видъ правильныхъ полушарій, сверху покрытыхъ грязно-желтыми шершавыми листочками. Вѣтви этого куста сплочены тѣсно между собой не потому только, что онѣ другъ за друга цѣпляются, но потому еще, что онѣ склеиваются смолою, которую выпускаетъ изъ себя растеніе и которая стекаетъ по его корнямъ и

имѣетъ запахъ, отчасти похожій на запахъ смолы съ ладаномъ; вообще растеніе это напоминаетъ ладанъ, растущій по горамъ Греціи. Смола эта собственно не очень полезна. Говорятъ, что въ свѣжей водѣ она составляетъ хорошее лѣкарство для ранъ, но главное ея достоинство состоитъ въ томъ, что она сплачиваетъ кустарникъ въ одну общую массу и дѣлаетъ изъ него хорошее топливо; кусокъ этотъ не нужно даже сушить, чтобы обратить въ дрова, потому что, благодаря смолѣ, онъ горитъ и сырымъ, и горитъ сильнымъ, медленнымъ огнемъ, оставляя долго держащіе жаръ уголья.

Итакъ, туссокъ и бальзамъ—вотъ два растенія, которыя природа, точно на всякій случай, не создавъ на этихъ пустынныхъ островахъ никакого живого существа, приготовила для животнаго и для человѣка. Не будь ихъ, ни тотъ, ни другой никогда не могли бы здѣсь жить.

Послѣ получасовой прогулки по открытому каменистому пространству, усѣянному крупными осколками кварцевыхъ и кремневыхъ камней, на которомъ вѣтеръ былъ особенно невыносимъ, мы по очень отлогому склону спустились въ обширную зеленовато-сѣрую долину, среди которой виднѣлось маленькое озерко и паслось тамъ и сямъ нѣсколько коровъ и лошадей. Около самаго склона маленькое стадо овецъ инстинктивно защищалось отъ вѣтра за высокими кустами темнаго туссока и грязно-желтаго бальзама, который пятнами выдѣлялся тамъ и сямъ по всей долинѣ. Мы пошли поперекъ по этой долинѣ, оказавшейся сплошнымъ ковромъ торфа, по которому росла низкая трава. Трава эта очень любопытна: вѣтеръ не позволяетъ ей стоять прямо, и она вся растетъ горизонтально, лежитъ по землѣ, даже и тонкіе стебли злаковъ. Еще любопытнѣе корни этой травы: они не идутъ внизъ, тутъ сейчасъ камень, а стелются по самой поверхности торфа и такъ тѣсно и крѣпко переплетены между собой, что по нимъ идешь, какъ по крѣпко натянутой ткани, все колышется вокругъ васъ, и каждый шагъ выдавливаетъ воду, которая хлюпаетъ и брызжетъ изъ-подъ ногъ, тогда какъ безъ того ея совсѣмъ не было бы замѣтно.

Я все-таки удивлялся, что, несмотря на благодѣтельный туссокъ, животныя могутъ переносить такую вѣчно мокрую почву и это при постоянномъ вѣтрѣ и холодѣ.

— Это въ самомъ дѣлѣ удивительно,—отвѣчали мнѣ,—но дѣло въ томъ, что, несмотря на всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства, климатъ и почва здѣсь необыкновенно здоровы. Лихорадокъ нѣтъ, и люди весьма рѣдко страдаютъ ревматизмомъ. Что же касается до вѣтра, отъ котораго скоту дѣйствительно приходится иногда жутко, то, какъ видите, тамъ и сямъ, вокругъ равнины выступаютъ перпендикулярныя глыбы камней и въ нихъ множество дыръ, точно гротовъ,—въ этихъ-то гротахъ, за камнями, скотъ скрывается отъ большого ненастья и такимъ

образомъ переноситъ свою тяжелую жизнь. Дальше внутри островъ дѣлается болѣе гористымъ, и эти глыбы камней и гроты дѣлаются обширнѣе и встрѣчаются чаще, такъ что природа, какъ видите, на всякій случай приготовила уже здѣсь и первобытныя конюшни для скота.

Послѣ часовъ двухъ ходьбы мы вышли опять къ берегу, къ открытому океану, перерѣзавъ такимъ образомъ узкій мысъ, на сѣверной сторонѣ котораго стоитъ поселокъ порта Стенлей. Къ морю сойти было трудно: скалы хотя не высоки, но отвѣсны, а за ними опять продолжаются тамъ и сямъ каменистыя отмели; мы остановились полюбоваться съ высоты нашего положенія дѣйствительно внушительною, хотя и дикою, суровою картиною. Отмели были усѣяны бѣлыми точками—пингвинами и другими водяными птицами,—а за ними океанъ, утихшій было, когда мы подходили къ Фалкланду, опять уже начиналъ бушевать и катилъ съ юга, т.-е. съ полюса, тяжелыя, будто свинцовыя массы широкихъ валовъ, подъ свинцовымъ, почти чернымъ, низкимъ небомъ, и валы эти съ трескомъ пушечныхъ ударовъ разбивались о прибрежныя глыбы или объ острыя скалы, брошенныя въ самое море и тамъ и сямъ торчащія черными иглами далеко среди бушующей и кипящей воды; удары волнъ подымали высоко кверху столбы брызгъ, и бѣлыя колонны этой водяной пыли, вырѣзываясь на черномъ фонѣ неба и моря, какъ-то особенно злобно подчеркивали хмурое величіе этихъ послѣднихъ. Спины нѣсколькихъ китовъ мелькали вдали по этой волнующейся черной степи, выбрасывая свои тоненькіе бѣленькіе фонтанчики, разлетающіеся въ едва замѣтныя издали брызги. Я такъ недавно оставилъ еще почти тропическія страны, сдѣлавъ относительно недлинный переѣздъ по морю, которое оставляетъ какъ бы пробѣлъ въ цѣпи жизненныхъ впечатлѣній, и вотъ взоры мои вперяются въ даль, гдѣ загадочный южный полюсъ такъ ревниво и сердито оберегаетъ себя отъ человѣка...

Однако мнѣ и моимъ спутникамъ было уже некогда, и мы, подгоняемые вѣтромъ, пошли назадъ, даже чуть не побѣжали, при чемъ сдѣлали обратный путь гораздо быстрѣе, чѣмъ когда мы шли на югъ, противъ вѣтра. Солнце, должно быть, уже садилось, когда мы пришли опять на чистенькую набережную англійской колоніи къ шлюпкѣ, которая насъ ждала, чтобы водворить опять на пароходъ «Menes».

Природа Огненной Земли.

(Н. Альбова.)

Брошенные далеко въ океанѣ, у самой оконечности американскаго материка, въ негостепріимныхъ широтахъ далекаго юга, расположенные какъ бы на краю свѣта, острова Огненной Земли какъ по своей

изобильной и роскошной растительности, такъ и по своей величественной природѣ кажутся почти фантастическими.

Никто не ожидалъ бы встрѣтить лѣса столь зеленые, растительность такую обильную, такіе изящные цвѣты тамъ, гдѣ царствуетъ климатъ антарктическихъ странъ, подъ широтами, соотвѣтствующими въ сѣверномъ полушаріи широтѣ Канады и Сибири. Впечатлѣніе получается тѣмъ болѣе сильное, что оно совершенно неожиданно. Проѣзжая мимо береговъ Патагоніи, вы видите только печальную пустыню, почти лишенную растительности; лишь кое-гдѣ рисуются передъ вашими взорами, какъ черныя пятна, чахлые силуэты колючихъ кустовъ калафата. Сѣрый и желтый — вотъ цвѣта, преобладающіе въ этомъ пейзажѣ. На сотни и сотни километровъ тянутся прямою и однообразною линіей берега; иногда они образуютъ невысокую возвышенность, а иногда группу низкихъ холмовъ, всегда голыхъ и печальныхъ. Почва лѣтомъ выжжена солнцемъ безъ милосердія; путешественникъ на протяженіи цѣлыхъ миль не встрѣтитъ ни источника прѣсной воды, чтобъ утолить свою жажду, ни дерева, подъ которымъ онъ могъ бы провести ночь. И по этой мрачной пустынѣ мчится съ звучнымъ шумомъ вѣтеръ-памперо, ея могучій повелитель, свободный, гордый, неодолимый.

При входѣ въ Магеллановъ проливъ продолжается въ общемъ тотъ же самый пейзажъ; сѣверная часть Огненной Земли имѣетъ видъ столь же печальный, какъ и Патагонія: тотъ же сѣрый и обнаженный берегъ, еще менѣе возвышенный. Однако послѣ Пунта-Арены, при входѣ въ каналъ Магдалены, все неожиданно мѣняется. Въ предшествующую ночь путешественникъ уснулъ подъ грустными впечатлѣніями, навѣянными на него видомъ мрачныхъ и печальныхъ береговъ; на слѣдующее утро онъ пробуждается среди восхитительныхъ пейзажей, точно среди чудесъ сказочнаго царства. Пароходъ легко скользитъ по узкимъ каналамъ, въ спокойныя воды которыхъ бросаются стремглавъ со скалъ пингвины. Прекрасныя горы, одѣтыя отъ основанія до вершины зеленою чащей лѣсовъ, окаймляютъ эту восхитительную картину, и вездѣ кругомъ взглядъ отдыхаетъ на густой, свѣжей и изящной зелени. Вдали, скрытыя наполовину ближайшими горами, подымаются величественныя вершины, увѣнчанныя вѣчными снѣгами; могучіе ледники спускаются съ нихъ голубоватой лентой. Тамъ и сямъ, подобно серебрянымъ нитямъ, ниспадаютъ съ прибрежныхъ скалъ безчисленные каскады. Косые лучи солнца, проникая изъ-за облаковъ, почти закрывающихъ небо, освѣщаютъ эту картину какимъ-то страннымъ свѣтомъ.

Чѣмъ болѣе углубляется пароходъ въ каналы, тѣмъ грандіознѣе становится пейзажъ; горы кажутся еще болѣе высокими, а тамъ вдали появляются еще въ большемъ числѣ громадныя снѣжныя вершины.

Эта картина достигаетъ своей высшей красоты въ одномъ изъ юж-

Вигвамъ индѣйцевъ Огненной Земли.

ныхъ каналовъ, въ проливѣ Дарвина. Тамъ гигантскіе ледники спускаются съ горъ почти къ самому берегу моря, въ формѣ ледопадовъ, въ 2.000 футовъ высоты. Такая могучая стѣна льда, нависшая въ смѣломъ паденіи надъ водами канала, производитъ неизгладимое впечатлѣніе по своему контрасту съ свѣжею зеленью окружающихъ ее лѣсовъ. Подобной картины не встрѣтить нигдѣ, кромѣ Огненной Земли...

Теперь бросимъ взглядъ на растительность Огненной Земли. Остановимся ненадолго въ одномъ изъ тѣхъ маленькихъ заливовъ, которыми изобилуютъ берега Огненной Земли и которые англійскіе моряки окрестили выразительнымъ именемъ «coves», что значитъ «убѣжище», «маленькая вѣрная пристань». Эти заливы, закрытые отъ всѣхъ вѣтровъ, представляютъ спокойный пріютъ морякамъ, гонимымъ бурей. Вода въ нихъ кажется неподвижною, и въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражаются лѣса, покрывающіе берегъ. Здѣсь свободно разрастаются гигантскія водоросли, образующія зеленые подводные лѣса, которые иногда затрудняютъ движеніе парохода. Въ этихъ маленькихъ заливчикахъ водится въ изобиліи рыба разнаго рода, и пингвины и морскія чайки плаваютъ въ водѣ, гоняясь за добычей. Но, несмотря на свое удобное положеніе, эти «coves» производятъ грустное впечатлѣніе. Чувствуешь себя какъ бы затерянымъ далеко, далеко, отдѣленнымъ отъ остального міра, потому что здѣсь недостаетъ того, кто одушевляетъ всю природу: человѣка. Только изрѣдка на спокойныхъ водахъ вырисовывается первобытный «кану», или лодка, обитателя Огненной Земли. Его «вигвамъ», построенный изъ сучьевъ, находится тогда поблизости, почти спрятанный въ зелени лѣса; его едва можно замѣтить лишь по голубоватому дыму, который подымается надъ отверстіемъ въ его крышѣ.

Впрочемъ, эти кану, эти вигвамы становятся годъ отъ году все болѣе рѣдкими, благодаря быстрому исчезанію первобытныхъ жителей, и можно проѣхать многіе километры, не встрѣтивъ ни одного туземца.

Въ то время, какъ пароходъ своими пронзительными свистками и оглушительнымъ шумомъ якорныхъ цѣпей производитъ ужасное смятеніе въ пернатомъ царствѣ этихъ водъ, не привыкшемъ къ виду человѣка, направимся въ лодкѣ къ сушѣ.

Крикъ восхищенія вырывается у насъ, когда мы достигаемъ берега, потому что никакъ нельзя было ожидать въ этихъ отдаленныхъ широтахъ растительности столь красивой и обильной. На самомъ берегу природа-мать раскинула пышный садъ, гдѣ разные цвѣты привлекаютъ взоръ яркостью своихъ красокъ. Только колючіе кусты калафата, растущіе здѣсь такъ же пышно, какъ и другія растенія, противорѣчатъ общему пріятному впечатлѣнію.

Огненная Земля можетъ по справедливости назваться царствомъ лѣсовъ, потому что они составляютъ преобладающую и неизмѣнную черту

въ характерѣ ея природы. Однако лѣсъ здѣсь не отличается великолѣпіемъ и разнообразіемъ деревьевъ, входящихъ въ его составъ, что вполнѣ объясняется географическимъ положеніемъ страны. Извѣстно, что, по мѣрѣ удаленія отъ экватора, уменьшается число различныхъ родовъ деревьевъ, составляющихъ лѣсъ. Все-таки антарктическіе лѣса имѣютъ свою привлекательность, которой недостаетъ лѣсамъ климатовъ болѣе теплыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ деревья и кусты вѣчно зелены и не теряютъ своей листвы круглый годъ, отчего зелень лѣсовъ Магелланова пролива имѣетъ видъ всегда свѣжій и веселый. Несмотря на суровый климатъ, думаешь, что находишься въ странѣ вѣчной весны; зеленая зима только усиливаетъ впечатлѣніе, которое производятъ лѣса Огненной Земли; какъ-то странно видѣть подлѣ свѣжей и обильной зелени столько снѣга ослѣпительной бѣлизны. Главнымъ образомъ эти лѣса состоятъ изъ бука съ вѣчно-зелеными листьями. Несмотря на невысокій ростъ, деревцо имѣетъ красивый видъ, съ маленькими, жесткими и очень душистыми листьями. Обыкновенно его листва бываетъ вся сосредоточена на окопечностяхъ вѣтвей, расположенныхъ въ формѣ короны; съ перваго взгляда кажется, что видишь передъ собою хвойное дерево, напримѣръ, итальянскую сосну. Столь же часто встрѣчается въ этихъ лѣсахъ антарктическій букъ, съ опадающими листьями. Это также очень красивое дерево, съ мелкими и узкими листьями. Осенью, когда листва мѣняетъ цвѣтъ, переходя отъ краснаго до блѣдно-желтаго, мѣста, отмѣченныя группами бука, очень эффектны издали. Эти красивые лѣса составляютъ настоящее богатство острововъ, они годны какъ для построекъ, такъ и для разнаго употребленія въ практической жизни; придетъ время, когда они будутъ служить выгоднымъ предметомъ вывоза.

Однако самое красивое дерево лѣсовъ Огненной Земли есть, безъ сомнѣнія, «Drimys Winteri», принадлежащее къ семейству магноліевыхъ; оно имѣетъ жесткіе листья и бѣлые благовонные цвѣты и походитъ на магнолію своей блестящей вѣчно-зелсной листвой. Его видъ переноситъ воображеніе путешественника въ климатъ болѣе умѣренный и привѣтливый, гдѣ растутъ подобныя деревья; на минуту забываешь, что находишься въ суровыхъ антарктическихъ странахъ. Это дерево очень обыкновенно по всей Южной Америкѣ, на западномъ склонѣ Андъ и встрѣчается отъ Колумбіи до мыса Горнъ. Его кора, очень ароматичная, употребляется въ Чили, какъ лѣкарство, въ различныхъ болѣзняхъ, а въ прежнія времена пользовалась большою извѣстностью въ европейской медицинѣ.

При взглядѣ на густые лѣса Огненной Земли самъ собою возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить то обстоятельство, что подъ столь высокими широтами является такое обиліе вѣчно-зеленыхъ растеній, которыя

обыкновенно предпочитаютъ тепло и, во всякомъ случаѣ, очень чувствительны къ перемѣнамъ температуры? Мы можемъ быстро дать себѣ отвѣтъ. Это зависитъ отъ влажности климата этихъ странъ. Огненная Земля, расположенная между двумя океанами, посредствомъ своихъ горъ отнимаетъ у вѣтровъ всю влажность, которою они насыщены, и по обилію водяныхъ осадковъ есть первая страна въ мірѣ, исключая пояса тропиковъ и нѣкоторыя подтропическія страны. Это обиліе и равномѣрность осадковъ умѣряютъ разницу между временами года; въ то время какъ лѣто очень свѣжо и термометръ въ теченіе дня понижается иногда до 4^0 и 5^0, зима соотвѣтственно очень умѣренна, термометръ рѣдко опускается ниже -7^0 и -8^0, обыкновенно же держится на 3^0 и 4^0. Этотъ климатъ, конечно, нельзя назвать пріятнымъ, скорѣе его можно отнести къ числу климатовъ суровыхъ, но онъ постояненъ и не подверженъ тѣмъ колебаніямъ температуры, которыми отличаются страны той же или болѣе низкой широты въ сѣверномъ полушаріи. Люди, пріѣзжающіе на Огненную Землю изъ странъ умѣренныхъ, чувствуютъ вначалѣ какое-то безпокойство. Это постоянство и относительная умѣренность температуры объясняютъ намъ то, что косточковые плоды не выспѣваютъ здѣсь, въ то время какъ вѣчно-зеленыя деревья растутъ столь успѣшно. Первые нуждаются во время двухъ-трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ сухомъ климатѣ и въ извѣстномъ количествѣ градусовъ тепла, хотя нечувствительны къ суровой зимѣ, потому что въ теченіе ея замираетъ ихъ жизнь, въ то время какъ вторыя, вѣчно-зеленыя, по природѣ своей требуютъ равномѣрной, мало возвышенной температуры и постоянной влажности.

Предпримемъ небольшую экскурсію, чтобы съ большею точностью узнать природу страны. Только нѣсколько шаговъ—и уже началась непроходимая лѣсная чаща. И сколько трудности, сколько препятствій представляетъ путь въ этихъ дѣвственныхъ лѣсахъ!

Здѣсь нѣтъ никакихъ тропинокъ, потому что индѣйцы Огненной Земли сообщаются между собою, плавая по каналамъ въ своихъ легкихъ кану; если попадаются слѣды дорожки, то она протоптана гуанако, который ходитъ на водопой, по своему обыкновенію, по одному и тому же пути и оставляетъ на немъ слѣды своихъ ногъ; однако эти тропинки не самыя лучшія и не кратчайшія, и осторожный путешественникъ отыскиваетъ себѣ дорогу, выбирая менѣе густыя мѣста лѣса. Приходится идти медленно и съ трудомъ, потому что вѣтви бьютъ въ лицо и раздираютъ платье. Въ особенности заросли калафата своими шипами представляютъ непроходимую преграду; безполезно ихъ раздвигать и искать прохода; съ расцарапаннымъ тѣломъ и изорваннымъ платьемъ отказываешься отъ этой мысли. Часто встрѣчаются стволы упавшихъ деревьевъ, загораживающіе дорогу. Влажность такъ велика въ

этихъ лѣсахъ, что деревья, кончивъ свой вѣкъ, крѣпко держатся въ водѣ своими источенными червями корнями и подолгу стоятъ, склонившись надъ почвой. Каждыя сто или двѣсти лѣтъ лѣсъ возобновляется самъ собою. Эти мертвыя деревья составляютъ характерную черту, которую невольно запоминаешь во время труднаго пути черезъ лѣсъ. Въ душѣ остается неизгладимое впечатлѣніе при видѣ контраста между свѣжею, веселою зеленью молодыхъ поросле́й и этими трупами когда-то величественныхъ патріарховъ лѣса. Кажется, что присутствуешь на веселомъ праздникѣ, устроенномъ на кладбищѣ. Погибшія деревья рѣдко встрѣчаются въ одиночку; они по большей части нагромождены одно на другое колоссальными баррикадами; со всѣхъ сторонъ видишь картину разрушенія, смерти. Будто дыханіе чудовищнаго урагана пронеслось здѣсь или будто это—мѣсто битвы титановъ. Какъ стволы мертвыхъ деревьевъ, такъ и тѣ, въ которыхъ сохранилась еще жизнь, покрыты густою зеленью мховъ, лишаевъ и папоротниковъ. Изобиліе этихъ чужеядныхъ растеній, покрывающихъ иногда всю кору, ясно показываетъ, до какой высокой степени достигаетъ влажность въ этихъ мрачныхъ лѣсахъ. На круглыхъ наростахъ, особенно часто встрѣчающихся на стволахъ и вѣтвяхъ буковъ, процвѣтаютъ многочисленныя колоніи маленькаго гриба, круглой формы и желтоватаго цвѣта. Его кожица, въ молодости совершенно гладкая и эластичная, по мѣрѣ зрѣлости становится губчатою; въ то время отъ нея отдѣляются споры. Этотъ грибъ индѣйцы ѣдятъ какъ лакомство, хотя онъ не имѣетъ особеннаго вкуса.

Какъ въ каждомъ густомъ и влажномъ лѣсу, здѣсь уменьшается число травянистыхъ растеній, которыя нуждаются въ свѣтѣ и теплѣ. Лишь изрѣдка встрѣчается хорошенькая орхидея съ бѣлыми цвѣтами, испещренными розовыми точками. Тамъ и сямъ виднѣются желтыя фіалки и низенькое растеніе изъ семейства розоцвѣтныхъ, съ круглыми листьями и ползучимъ стволомъ, у котораго между листьями спрятаны очень вкусныя ягоды, по вкусу и запаху похожія на малину. Въ чащѣ этихъ лѣсовъ болѣе всего встрѣчается лишаевъ и мховъ, которые при обиліи сырости растутъ роскошно.

Какое невозмутимое спокойствіе царствуетъ въ этихъ лѣсахъ! Не слышно ни пѣнія птицъ, ни жужжанія насѣкомыхъ; вы никого не встрѣчаете; очень рѣдко пролетятъ съ рѣзкимъ крикомъ попугаи, да утка подымется съ водопоя, пронзительно крякая. Путешественника сопровождаетъ только одна очень маленькая птичка (*Oxyurus spinicauda* Gmel), пепельно-сѣраго цвѣта, которая цѣлыми стаями перелетаетъ съ вѣтки на вѣтку, съ несноснымъ чиликаньемъ, будто спрашивая: «кто ты? чего ищешь здѣсь?».

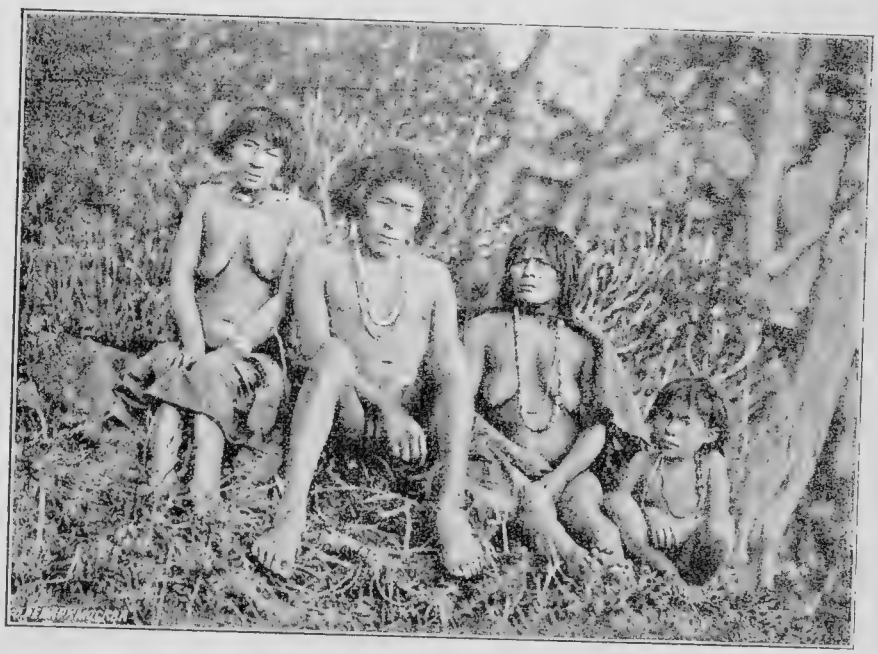
Это спокойствіе не такъ тягостно въ теченіе дня, когда солнце, проникая сквозь древесную листву, золотитъ мѣстами пейзажъ; по ночью

оно становится невыносимымъ. Много разъ мнѣ приходилось совершенно одному проводить ночь въ лѣсахъ Огненной Земли, и никогда не забыть мнѣ испытанныхъ въ то время тяжелыхъ впечатлѣній. Когда послѣдніе лучи сумерекъ потухаютъ на небѣ и загораются блестящія южныя звѣзды, когда стихаетъ дневной вѣтеръ и листва становится неподвижною, когда пары сгущаются бѣлыми клубами надъ потоками и горы заволакиваются газомъ тумана, когда ночь, медленно наступая, въ своихъ объятіяхъ соединяетъ и смѣшиваетъ кусты и деревья, которые вырисовываются черными и безформенными пятнами,—тогда наступаетъ въ лѣсу молчаніе и спокойствіе могилы. Кажется, будто вся природа впала въ тяжелый летаргическій сонъ. Если и есть вокругъ путника живыя существа, то они спятъ въ тѣ часы. Время отъ времени со стороны моря доносится странный шумъ, словно глубокое и мѣрное дыханіе спящаго чудовища. Это океанъ бьется о берегъ... Чувствуешь себя какъ бы затерянымъ въ этой темной пустынѣ, въ маленькой ложбинкѣ на берегу потока, гдѣ проводишь ночь. Костеръ вашъ трещитъ, распространяя вокругъ себя красноватый свѣтъ; и этотъ огонь, незамѣнимый товарищъ, помогаетъ вамъ коротать ночь въ этой глуши. Время идетъ; разгорѣвшійся костеръ обѣщаетъ тепло на остатокъ ночи; утомленный трудною дорогой, пройденною днемъ, завертываешься въ плащъ и стараешься уснуть; холодъ усиливается, и, просыпаясь, чувствуешь себя прозябшимъ до костей. Огонь потухаетъ, и тьма сгущается. Отдаленный крикъ заставляетъ васъ насторожиться; онъ, очевидно, принадлежитъ какому-то живому существу. Звуки усиливаются мало-по-малу, становятся болѣе ясными, и уже можно различить хриплый и прерывистый лай. Вотъ это животное уже тутъ, позади кустарника у вашего изголовья, хотя вы его не различаете хорошенько: это лиса. Ваше присутствіе на этомъ мѣстѣ привлекло ея вниманіе; почуявъ что-то странное и непривычное въ пустынномъ дѣвственномъ лѣсу, она приблизилась разузнать, что это такое. Антарктическая лисица есть единственное хищное животное на Огненной Землѣ. Ягуаръ, пума, дикая кошка остались на континентѣ, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ. Здѣсь также нѣтъ ни змѣй, ни ядовитыхъ пауковъ, ни москитовъ, ни разныхъ непріятныхъ гадовъ, которые въ изобиліи встрѣчаются въ теплыхъ странахъ.

Между тѣмъ сонъ отлетѣлъ, и проводишь остатокъ ночи, поддерживая огонь и устремивъ взглядъ въ подымающееся пламя. Наконецъ, небо свѣтлѣетъ на востокѣ; звѣзды мало-по-малу потухаютъ; смутныя тѣни, окружавшія васъ, принимаютъ форму деревьевъ, и утренняя заря зажигаетъ горы своимъ розовымъ свѣтомъ. Свѣтъ — другъ вашъ, вы болѣе не чувствуете себя одинокимъ, вы видите окружающія васъ живыя существа, потому что эти деревья, кустарники, скромныя растеньица, даже послѣдній мохъ и лишай живутъ тою же органическою жизнью,

что и вы, только эта жизнь бьется пульсомъ болѣе слабымъ, болѣе медленнымъ.

Успокоенный наступленіемъ утра, путешественникъ продолжаетъ свой путь; онъ спѣшитъ поскорѣе выбраться изъ этой удушливой чащи, которая угнетаетъ его, туда, наверхъ, на вершины горъ, въ царство скалъ и вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ воздухъ болѣе чистъ, гдѣ дышишь полною грудью и гдѣ горизонтъ становится свободнымъ и широкимъ. Недолго придется подниматься: лѣса Огненной Земли уже кончаются на пятистахъ метрахъ высоты надъ уровнемъ моря; по мѣрѣ подъема почва становится болѣе каменистою и болѣе сухою. Скучныя болота исчезаютъ. Несмотря



Индѣйцы Огненной Земли.

на то, лѣсъ остается все такимъ же густымъ и представляетъ столько же трудностей для отысканія въ немъ дороги. Когда случайно встрѣтишь на горѣ полянку, куда проникаютъ веселые и игривые лучи солнца,—отдохнешь немного и освѣжишь губы ягодами невысокаго кустарничка вороньей ягоды, покрывающаго почву этихъ полянокъ.

И наконецъ, побѣждая послѣднее препятствіе, пролагаешь себѣ дорогу чрезъ густѣйшія заросли карликоваго бука, которыя составляютъ, такъ сказать, ограду царства лѣсовъ, отдѣляющую эти послѣдніе отъ альпійской области. Наконецъ, слава Богу, взбираешься наверхъ, въ альпійскую область, гдѣ ничто не затрудняетъ дороги.

1949

Тотъ, кто побывалъ на горахъ Стараго Свѣта и знаетъ ихъ альпійскіе луга, испытаетъ разочарованіе, сравнивая съ ними ту же область Огненной Земли. Здѣсь нѣтъ и слѣда тѣхъ цвѣтущихъ пастбищъ, тѣхъ свѣжихъ и сочныхъ травъ съ милліонами цвѣтовъ разныхъ колеровъ, которые очаровываютъ путника на горахъ Швейцаріи, Пиренеевъ или Кавказа. Здѣсь, вмѣсто нихъ, видишь вездѣ низкій и тощій дернъ, составленный изъ мелкихъ травъ, изъ которыхъ многія едва достигаютъ сантиметра вышины.

На бо́льшей высотѣ исчезаетъ и эта чахлая растительность, и на 800—900 метрахъ высоты надъ уровнемъ моря скалы едва прикрыты нѣкоторыми мхами и лишаями, разновидности которыхъ такъ ограничены, что ихъ можно пересчитать по пальцамъ. На высотѣ 1.000 метровъ почти не встрѣчается другого признака органической жизни, кромѣ одного лишая черновато-зеленаго цвѣта (Usnea melaxantha); еще выше пойдутъ только обнаженныя скалы, совершенно лишенныя растительности, мрачныя и печальныя; ясно, что здѣсь настоящая граница жизни,—граница, отдѣляющая органическій міръ отъ неорганическаго.

Тамъ, внизу, за нѣсколько сотенъ метровъ, жизнь еще слабо борется въ послѣднихъ усиліяхъ, а здѣсь живое существо—только случайно забредшій сюда путникъ; это царство смерти и разрушенія.

На самой вершинѣ горы остановимся и бросимъ послѣдній взглядъ на Огненную Землю. Со всѣхъ сторонъ въ безпорядкѣ виднѣются скалы, частью покрытыя пятнами снѣга. На сосѣдней вершинѣ, которая смѣло поднимается къ небу, какъ бѣлая пирамида, спускается въ лощину внушительный ледникъ, оканчивающійся голубымъ озеркомъ; изъ него вытекаетъ ручеекъ, который бѣжитъ по мягкой зелени долины, какъ серебряная змѣйка, и теряется, извиваясь, въ чащѣ лѣса; еще ниже торжественно раскинулось лѣсное царство. Вдалекѣ за лѣсами другіе острова, другіе лѣса, новыя горы, а еще дальше, за лабиринтомъ острововъ и каналовъ, ограничиваетъ горизонтъ туманная лента: Тихій океанъ!..

Какимъ духомъ смерти вѣетъ надъ этимъ пейзажемъ! Какое гнетущее молчаніе, какое внушающее страхъ спокойствіе! Лѣтнее солнце весело свѣтитъ, распространяя въ воздухѣ свѣтъ и тепло. Никто не пользуется его животворными лучами; не слышно ни пѣнія птицъ, ни жужжанія насѣкомыхъ. Тягостное и суровое могильное молчаніе царствуетъ здѣсь вѣчно; ни ревъ океана, бьющагося о прибрежныя скалы въ бурные зимніе дни, ни звучный свистъ юго-восточныхъ вѣтровъ, которые несутся съ отдаленныхъ морей и съ силой урагана бросаются на острова,—ничто не пробуждаетъ природу Огненной Земли отъ ея вѣчнаго сна.

Чилійскій архипелагъ.

(А. Іонина.)

Только послѣ полудня небо прояснилось и очень кстати для насъ, путешественниковъ, и для капитана, ибо собственно каналъ Смита кончился и мы входили въ относительно широкое пространство, окруженное землею самымъ фантастическимъ образомъ. Непомѣрно длинные и низкіе мысы и такіе же длинные острова, идущіе къ намъ навстрѣчу со стороны океана, переплетаются здѣсь, какъ полянки затѣйливо устроеннаго парка, водяныя дорожки котораго усѣяны, кромѣ того, миріадами острыхъ скалъ. Фарватеръ, по которому можетъ пройти пароходъ между всѣми этими препятствіями, такъ извилистъ и опасенъ, что въ туманѣ или при сильномъ дождѣ очень было бы рискованно двинуться съ мѣста, несмотря на превосходныя морскія карты; но къ счастью дунулъ вѣтеръ съ горъ, дождь пересталъ заслонять видъ своею скучною пеленой, и мы могли хоть съ часъ времени любоваться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ видовъ архипелага. Вода врѣзывается здѣсь въ землю между относительно низкими и пологими горами и, образуя широкія извилины, преграждаемыя то справа, то слѣва далеко вдающимися мысами, уходитъ все дальше и дальше въ материкъ, который поднимается постепенно все выше и выше и заканчивается вдали сплошною стѣною снѣговыхъ вершинъ. Вода видна только сначала, при входѣ въ фіордъ, а затѣмъ она мелькаетъ два-три раза въ щеляхъ между скалами, а потомъ пропадаетъ и только чувствуется у подножія хребтовъ, среди которыхъ она извивается и которые круто обрываются къ ея поверхности. Кажется, что это ворвавшееся въ землю море наконецъ останавливается у подножія сѣверной стѣны, которая только едва видна съ парохода среди густыхъ обваловъ, но и это только оптическій обманъ,—на дѣлѣ этотъ Obstruction-sound (загроможденный фіордъ) разрѣзываетъ и самую высокую цѣпь Кордильеръ, ихъ снѣговую линію, заходитъ за ихъ восточный склонъ въ Патагонію и, обогнувъ ее на протяженіи болѣе 200 верстъ, образуетъ, наконецъ, цѣлое внутреннее море, Skirnig Water, отъ котораго рукой подать до Пунта-Арены, т.-е. до того пункта, откуда мы три дня тому назадъ начали наше плаваніе, такъ сказать, по Кордильерамъ. Читатель можетъ себѣ представить, какой удивительный и подавляющій видъ представляетъ эта борьба моря и горъ, что называется не на животъ, а на смерть. Obstruction-sound на всемъ своемъ протяженіи можетъ имѣть около 400 верстъ, если измѣрить его со всѣми извилинами. Мы видѣли съ парохода только его начало, но воображеніе рисовало остальное, и какъ бы хотѣлось пробраться въ Патагонію по этой рѣкѣ-морю, перевалить, такъ сказать,

Кордильеры на лодкѣ, но для этого потребовалась бы продолжительная экспедиція.

Ненадолго облака раздвинулись, затѣмъ они опять сгустились, полилъ дождь, и мы, днемъ впотьмахъ, продолжали пробираться по каналамъ, огибая скалы и острова. Погода становилась все хуже и хуже, и, пріютившись, наконецъ, на ночь въ одной бухточкѣ при выходѣ изъ архипелага Аделаиды, капитанъ призадумался. На завтра будутъ очень трудные проходы, много острововъ, капитанъ боялся еще и тумановъ, которые могутъ его запереть Богъ знаетъ на сколько времени въ проливахъ. Приближается осень, съ ея туманами. Капитанъ думалъ уже, не лучше ли выйти завтра въ чистое море, въ океанъ—самую скверную часть его мы уже обошли. Но на завтра мы все-таки поплыли по каналамъ. До полудня погода была очень скверная, пошелъ даже снѣгъ; становилось все холоднѣе, несмотря на то, что мы все удалялись отъ полюса. Къ вечеру опять немного прояснилось, и мы вошли въ прекрасную и широкую бухту, которая врѣзывается глубоко въ материкъ. По бокамъ ея подымались опять высокія скалы, покрытыя рослымъ и густымъ лѣсомъ, а наверху ихъ бѣлѣла снѣжная поверхность. Изъ ледниковъ, господствующихъ надъ бухтою, но невидныхъ за высокими прибрежными скалами, въ глубинѣ ущелья стекаетъ съ горъ рѣчка, образуя маленькіе водопады и очень живописныя тѣснины, а у устья этой рѣчки образуется узкая песчаная отмель, уходящая въ море и доставляющая якорю почву, за которую онъ можетъ крѣпко зацѣпиться. Мы въ этой бухтѣ и опустили якорь.

Пока мы приставали, намъ доставили большое развлеченіе киты. Два кита, повидимому молодые, судя по ихъ неопытности, но впрочемъ весьма солидныхъ размѣровъ, нѣсколько времени уже слѣдовали за нами и повернули вмѣстѣ съ нами и въ бухту. Какъ только мы остановили ходъ, эти гигантскія животныя разыгрались, какъ дѣти, которымъ нашъ пароходъ показался игрушкой. Очень было забавно смотрѣть на эту игру: какъ маленькія рыбки, эти гиганты кувыркались и бѣгали, образуя круги вокругъ насъ все ближе и ближе, наконецъ такъ, что одинъ китъ ударилъ хвостомъ по борту нашего парохода, расшалившись черезчуръ со своимъ, вѣроятно, братцемъ. Въ ожиданіи, пока эта забава и для насъ и для китовъ кончится, капитанъ приказалъ не спускать нашихъ маленькихъ шлюпокъ, ибо, чего добраго, расшалившіеся киты могли ихъ опрокинуть. Ихъ можно было бы тотчасъ прогнать выстрѣломъ, но жаль было помѣшать забавѣ, которая все-таки нарушала однообразіе нашего плаванія. Я никогда бы не могъ предположить, что такія огромныя и тяжелыя животныя могутъ такъ баляспичать и кувыркаться, точь въ точь какъ маленькія рыбки, выскакивая часто изъ воды почти всѣмъ своимъ корпусомъ съ необыкновенною легкостью, — о тяжести

Мысъ Пиляръ въ Чилійскомъ архипелагѣ.

этихъ грузныхъ тѣлъ свидѣтельствовала только вода, которая кругомъ шипѣла и пѣнилась, точно въ ваннѣ, которую мѣшаютъ лопаткой.

Киты то высоко выскакивали надъ водой, выпуская съ шумомъ свои фонтаны, то потомъ, прыгнувъ въ море головами внизъ, вдругъ показывали выше нашего борта свои широко развѣтвленные хвосты, быстро повертывая ими въ воздухѣ, точно желая насъ подразнить. Наконецъ, черезъ четверть часа эта веселая парочка, вѣроятно набѣгавшись вдоволь, стала рядомъ и мѣрно поплыла по поверхности моря обратно, къ выходу изъ бухты, равномѣрно побрасывая свои фонтанчики, которые, разсыпаясь мелкою пылью, долго еще бѣлѣли на темномъ фонѣ пейзажа, и долго еще слышали мы мѣрный ихъ шумъ.

Я удивлялся смѣлости этихъ животныхъ. «Но,—сказалъ капитанъ,—здѣсь уже давно никто ихъ не ловитъ, и они не боятся человѣка, не знаютъ еще, какой это опасный звѣрь». А китовъ здѣсь очень много. Выйдя изъ Магелланова пролива и пробираясь по каналамъ, мы уже часто видѣли то вдали, то даже очень близко надъ поверхностью воды ихъ круглыя спины, съ высокимъ перомъ посрединѣ, или ихъ фонтаны. Здѣсь въ лабиринтахъ архипелага, въ этомъ уединеніи, гдѣ ихъ никто не безпокоитъ, они производятъ на свѣтъ своихъ дѣтей, а эти послѣднія подрастаютъ въ этихъ тихихъ водахъ, пока не будутъ въ состояніи въ открытомъ океанѣ, вмѣстѣ съ родителями своими, совершать длинныя путешествія изъ холодныхъ водъ въ теплыя и обратно, смотря по сезону, на пространствѣ десятковъ тысячъ верстъ.

До ночи оставалось нѣсколько часовъ, и мы отправились на охоту. Заливъ былъ покрытъ птицами — міріады мелкихъ утокъ и нырковъ суетились около береговыхъ скалъ, и между ними мелькали тамъ и сямъ величественные бѣлые лебеди съ черными головами. Сѣвши на лодки, мы поплыли стрѣлять въ это водяное племя, и, конечно, въ нѣсколько минутъ настрѣляли цѣлую кучу бѣдныхъ птицъ; убили, впрочемъ, только одного лебедя.

Особенно забавно было гоняться за большими, даже огромными утками или гусями (palmipedes), которые представляютъ особенность здѣшней пернатой фауны и которыхъ англичане живописно зовутъ утками-пароходами. Это очень большая птица, сѣрая сверху и бѣлая на брюхѣ, снабженная претолстымъ мѣхомъ изъ перьевъ и пуха. Она чрезвычайно толста, такъ что кажется почти круглой, съ длинной шеей, которая придаетъ ей очень смѣшной и неуклюжій видъ; но главная ея особенность состоитъ въ томъ, что это широкое и большое тѣло снабжено очень маленькими крыльями, такъ что она летать не можетъ. Эта птица составляетъ переходъ отъ пингвина къ уткѣ, среднее звено между двумя этими породами, но пингвинъ имѣетъ зачаточныя крылья, покрытыя чешуеподобными перышками, такъ что можетъ только нырять

и такимъ только способомъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, подобно рыбѣ, тогда какъ у утки-парохода этотъ плавательный аппаратъ снабженъ уже короткими перьями и она старается употребить въ дѣло этотъ зачатокъ летательнаго снаряда, передвигаясь съ мѣста на мѣсто уже не подъ водой, а на поверхности ея, отъ которой, впрочемъ, не можетъ отдѣлиться и полетѣть какъ слѣдуетъ. Эта смѣсь полета и плаванія, къ которой утка прибѣгаетъ, когда ее спугнутъ съ мѣста, очень смѣшна; утка хвостомъ идетъ по водѣ, а крыльями орудуетъ какъ колесами парохода, чрезвычайно учащенно шлепая концами ихъ по водѣ, и, такимъ образомъ, подвигается впередъ довольно быстро—настоящій колесный пароходъ. Стаи этихъ утокъ, спугнутыя нашими выстрѣлами, бросились изъ-подъ лодки, какъ стрѣлы, вдоль поверхности воды, производя большой шумъ, и дробь наша, конечно, летѣла имъ вдогонку. Мясо этихъ утокъ довольно вкусно, хотя и жестко, но не пахнетъ рыбой и гораздо лучше, чѣмъ мясо остальныхъ здѣшнихъ птицъ. Утка эта, впрочемъ, и не питается рыбой, а только ракушками, а чтобы раздроблять эти ракушки, снабжена сильнымъ и широкимъ клювомъ, который тоже представляетъ нѣчто среднее между клювомъ пингвина, относительно длиннымъ и загнутымъ на концѣ, какъ у ястреба, и клювомъ утки. Утка, такимъ образомъ, можетъ и щипать траву и вмѣстѣ щелкать морскіе орѣшки.

Поохотившись за птицами, одни изъ насъ пошли собирать по берегу раковины и устрицы, а я съ капитаномъ пошелъ попытаться сдѣлать прогулку вдоль ручья по крутому берегу его, который казался доступнымъ и заросшимъ довольно рѣдкимъ мелколѣсьемъ. Ручей этотъ, стремясь съ высоты изъ-подъ снѣга водопадами, образуетъ на этажахъ горы нѣсколько озеръ, расположенныхъ въ ущельяхъ скалъ, какъ площадки лѣстницы, другъ надъ другомъ. Намъ хотѣлось добраться хотя бы до перваго изъ нихъ и посмотрѣть, какъ это ютятся озера на этихъ вертикальныхъ скалахъ.

Но добраться до берега отмели было не легко. Здѣшняя водоросль гигантскій фукусъ—покрывалъ все пространство воды около берега метровъ на 20 ширины. Мы все-таки добрались, но съ трудомъ подвигались впередъ не посредствомъ веселъ, а уже посредствомъ багра, пробираясь, такъ сказать, между вѣтвей этого огромнаго подводнаго дерева, исключительно принадлежащаго только морской флорѣ здѣшнихъ архипелаговъ.

Это обстоятельство позволило мнѣ поближе познакомиться съ растеніемъ, которое обусловливаетъ столь богатое развитіе жизни птицъ въ здѣшнихъ водахъ. Гигантскій фукусъ есть древесная водоросль. Корень его сидитъ глубоко въ водѣ, на днѣ морскомъ около берега, а главный стволъ достигаетъ, какъ говорятъ, иногда до фута въ діаметрѣ.

Стволъ этотъ развѣтвляется, впрочемъ, тотчасъ же надъ землей на безчисленное множество, цѣлый лѣсъ вѣтокъ, которыя, извиваясь и переплетаясь, точно безконечныя длинныя змѣи, съ ихъ длинными (болѣе $1^1/_2$ арш. длины) и толстыми желтовато-зелеными листьями, образуютъ тотчасъ же подъ поверхностью моря и вплоть до морского дна какъ бы искусственный органическій материкъ, распространяющійся вдоль берега часто на пространство 200 метровъ.

Я полюбопытствовалъ узнать, что происходитъ между вѣтвями и листьями этого фукуса въ водѣ,—и мы, остановившись посреди его вѣтокъ, начали ихъ разворачивать и подымать баграми. Нельзя себѣ представить такого количества и разнообразія всевозможныхъ морскихъ живыхъ организмовъ, какое кишитъ въ нѣдрахъ этого тоже живого дома, этого огромнаго въ своемъ родѣ государства.

Какъ только мы подымали вѣтку, что приводило въ движеніе цѣлую сторону растенія, то въ прозрачной водѣ черно-зеленаго цвѣта мы видѣли цѣлыя миріады маленькихъ рыбокъ—и тоненькихъ, и кругленькихъ, и бѣлыхъ, и зеленыхъ, и сверкающихъ золотыми полосками, которыя суетились, разбѣгались во всѣ стороны, встревоженныя нашимъ жестокимъ любопытствомъ. Это была какая-то живая каша. Слизистые, тяжелые, длинные листья, слизистые стволы вѣтокъ, изогнутые, сучковатые, дырявые, были сплошь облѣплены ракушками, моллюсками, медузами, анемонами, тоже всевозможныхъ цвѣтовъ—и алыми, и желтыми, и синевато-зелеными, и между всѣмъ этимъ длинными зелеными прядями волосъ росли паразиты-водоросли, а въ дырахъ гнѣздились и копошились многочисленныя семьи краббовъ, часто очень большихъ, точно аристократы въ отдѣльныхъ комнатахъ. Дѣйствительно, этотъ фукусъ представлялъ изъ себя какъ бы цѣлое государство, цѣлую область вѣтокъ и листьевъ, гдѣ всякому сословію есть мѣсто—и аристократамъ, и ничтожной разношерстной мелюзгѣ, почти микроскопической. Всему этому міру фукусъ даетъ и пищу, и убѣжище. Рыбы кладутъ здѣсь свои яйца подъ защитой этой непроницаемой чащи, въ которой маленькія рыбки могутъ выводиться и жить почти безопасно, не боясь хищниковъ, пока не подрастутъ и не будутъ въ состояніи выйти въ большой свѣтъ. Волненіе воды не проникаетъ внутрь этого мірка, и ракушки, устрицы, медузы тоже могутъ спокойно плодиться, и все это плодилось бы здѣсь до того, что не оставалось бы уже уголка, гдѣ помѣститься, если бы благодѣтельная природа не создала тутъ же препятствія для безконечнаго размноженія этихъ низшихъ организмовъ; природа посадила въ этотъ лабиринтъ вѣтокъ разныхъ аристократовъ хищниковъ раковъ и краббовъ, а сверху, надъ водой, расплодила безчисленныя стаи утиной породы, которыя тоже живутъ на счетъ этого подводнаго государства, вѣчно копошась, ныряя вокругъ него и объѣдая его.

Вотъ этотъ-то фукусъ, облѣпляя почти непрерывно всѣ берега всѣхъ острововъ, особенно въ узкихъ каналахъ архипелага (снаружи волны не даютъ ему разрастись), становится причиной необычайнаго размноженія живыхъ организмовъ и того обилія птицъ, которое здѣсь поражаетъ путешественника. Къ сѣверу отъ Чилійскаго архипелага фукусъ уже не разрастается до такой степени, а замѣняется по берегамъ обитаемаго Чили другою водорослью, которая уже служитъ тамъ очень распространенною пищей для самого человѣка: ее варятъ и ѣдятъ, какъ овощъ.

Добравшись до берега, мы легко вскарабкались по обрывамъ ручья, образующаго нѣсколько каскадовъ, до берега озера. Глыбы камней здѣсь покрыты ползучею древесною растительностью и усыпаны многочисленными цвѣтами. Невысокія деревья, торчащія всюду изъ щелей, доставляютъ хорошую опору для рукъ, чтобы карабкаться наверхъ. Озеро отдѣлено отъ обрыва, по которому мы поднялись, узенькимъ рядомъ низенькихъ скалъ, такъ что оно точно повисло надъ моремъ. Чистое, прозрачное, вѣроятно очень глубокое, оно налито какъ въ чашку между высокими горами, и ничто не шелохнетъ его поверхности. Вѣтру сюда трудно проникнуть. На поверхности озера нѣтъ ни одного живого существа—ни одной птицы, а между тѣмъ такъ близко, внизу, море покрыто ими. И въ водѣ этого озера, говорятъ, тоже нѣтъ жизни, ни рыбъ, ни ракушекъ. За озеромъ идетъ бурая взъерошенная мелколѣсьемъ и кустарникомъ долина, а за нею скала, по которой стремится внизъ тонкій водопадъ; это другое, верхнее озеро выливается въ то, около котораго мы стоимъ,—и сколько еще наверху такихъ этажей! Разглядѣть это издали уже трудно—ландшафтъ принимаетъ видъ какого-то безпорядочнаго нагроможденія лѣса и глыбъ гранита, пока не заканчивается вдали полосою снѣга.

Такихъ многоэтажныхъ озеръ очень много по берегу материка, и они составляютъ одну изъ характерныхъ особенностей здѣшней природы.

Когда мы сошли внизъ, было уже почти темно, а капитанъ предложилъ развлеченіе, до котораго большіе охотники моряки, пробирающіеся по каналамъ здѣшняго архипелага. Развлеченіе это — иллюминація горы,—оригинальный лѣсной пожаръ. Потѣха была тотчасъ устроена—отыскали въ лодкѣ смолистую веревку, сухую доску, положили это въ чащу, гдѣ посуше, зажгли, а сами ушли поскорѣе въ лодку. И въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ дерево, подъ которымъ лежала веревка, вспыхнуло вдругъ и затрещало такъ, какъ будто оно было обсыпано порохомъ, бросая искры во всѣ стороны, за нимъ другое, третье, и въ пять минутъ цѣлый лѣсокъ, покрывавшій бугорокъ горы, изъ зеленаго сдѣлался чернымъ, ибо потухъ такъ же быстро, какъ воспламенился. Это былъ настоящій фейерверкъ, оказавшійся въ самомъ дѣлѣ

очень красивымъ, а главное удивительнымъ. Какъ это могли такъ быстро загорѣться и сгорѣть въ минуту, какъ порохъ, листья этого лѣска, вѣчно поливаемаго водою и растущаго въ вѣчной сырости, на корняхъ, опущенныхъ тоже въ воду. Фантазіи природы безконечны. Дерево здѣшнее въ самомъ дѣлѣ такъ сыро, такъ пропизано водой, что, не высушивши его въ продолженіе очень долгаго времени, изъ него никакъ нельзя устроить костра; здѣсь нельзя нарубить дровъ и зажечь ихъ, чтобы погрѣться или сварить пищу,—огня не будетъ; но это же самое дерево, особенно нѣкоторыя изъ его породъ, какъ, напримѣръ, мирты, заключаетъ столько смолы, что листья его, пропитавшись ею, воспламеняются, какъ порохъ, но только одни листья, мелкіе, хрупкіе, которые трещатъ и разбрасываютъ фонтаны искръ. Все это такъ же быстро потухаетъ, ибо огонь не можетъ даже хотя бы чуть-чуть обуглить вѣтокъ. Въ вѣткахъ этихъ вода уже оказывается сильнѣе смолы.

Населеніе центральнаго и сѣвернаго Чили.

(По Іонину и Гюсфельду.)

Во время моего пребыванія въ Вальпарайсо я получилъ отъ одного изъ помѣщиковъ Чили приглашеніе посѣтить его гаціенду.

Годная для обработки земля раздроблена и часто большіе участки ея принадлежатъ одному владѣльцу. Употребительное въ Чили названіе для большого имѣнія—гаціенда, откуда гаціендадо—помѣщикъ.

Гаціендадо пользуются въ Чили такимъ вліяніемъ, какое напоминаетъ феодальные порядки въ Европѣ, и ихъ помѣстья тяготѣютъ надъ цѣлою округой. Зачастую и гаціенды совсѣмъ имѣютъ видъ замка. Гдѣнибудь на холмѣ, среди загороженнаго пространства, какъ въ стѣнахъ крѣпости, возвышается богатый, солидный, крѣпкій домъ, рядомъ съ нимъ церковь съ высокою колокольней, кругомъ разныя постройки для слугъ, тоже солидныя, каменныя и опрятныя, а сзади всего этого, по обѣимъ сторонамъ лощины, въ которой журчитъ, падая каскадами, ручеекъ, спускается длинный, широкій паркъ, въ которомъ чилійскіе буки, растущіе въ дикомъ состояніи только далеко на югѣ, перемѣшаны съ занесенными въ Америку эвкалиптусами.

Важнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства въ среднемъ Чили составляетъ разведеніе пшеницы и скотоводство. Особеннаго процвѣтанія земледѣліе въ Чили достигло въ 40-хъ годахъ, послѣ открытія золота въ Калифорніи. Калифорнія была тогда незаселенная страна, а въ нее устремилась масса народа со всѣхъ странъ свѣта, который Чили и кормилъ своимъ хлѣбомъ; но затѣмъ золотопромышленники Калифорніи частью сами преобразовались въ хлѣбопашцевъ, и Калифорнія не только перестала покупать чилійскій хлѣбъ, но и сама начала снабжать имъ

берега Тихаго океана—хлѣбопашество въ Чили сравнительно упало, заставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ развиться скотоводство, которое становится все выгоднѣе и выгоднѣе. Количество скота, который держатъ при гаціендахъ, весьма значительно; такъ, напр., въ одной изъ посѣщенныхъ мною гаціендъ было сосредоточено 7.500 головъ рогатаго скота, 12.000 овецъ и нѣсколько сотъ лошадей. Цѣна одного быка составляетъ 40 песосъ (приблизительно 60 руб.). Не весь скотъ, который пасется на тучныхъ лугахъ гаціенды, мѣстнаго происхожденія: часть животныхъ родиной изъ Аргентины, гдѣ обширныя, необозримыя пампы простираются до самой подошвы Андъ и гдѣ налицо имѣются всѣ условія для первобытнаго скотоводства. Съ этихъ бѣдныхъ пастбищъ стада пригоняются въ Чили черезъ мало извѣстные проходы въ Кордильерахъ. Скотъ приходитъ полумертвый, и обыкновенно половина его погибаетъ во время труднаго перехода. Въ Чили ограниченность пространства вознаграждается плодородіемъ почвы, и скотъ откармливается здѣсь сѣномъ, получаемымъ съ участковъ земли, засѣянныхъ альфальфою (люцерной), и удваивается въ своей цѣнѣ.

Пастухи—вакеросъ, отъ «вака»—корова, всѣ на коняхъ и находятся подъ начальствомъ надсмотрщика—«копатацъ». Въ опредѣленное время весь скотъ пригоняется для своего рода смотра, называемаго «родео»; этотъ смотръ представляетъ внушительное, дикое зрѣлище, при чемъ можно наглядно убѣдиться въ большомъ искусствѣ вакеросъ ѣздить верхомъ и предводительствовать этими массами рогатаго войска.

Для гаціендадо наиболѣе важный вопросъ—это какимъ количествомъ текучей воды онъ можетъ располагать; луга, поля, засѣянныя люцерной и пшеницей, нуждаются въ искусственномъ орошеніи. Иногда большія пространства земли лежатъ безъ всякаго употребленія или представляютъ только скудное пастбище для скота. Рѣки, стекающія съ Андъ, не всегда полноводны, и какъ только онѣ оставляютъ поясъ высокихъ горъ, то раздѣляются на самыя тонкія струйки, не могущія удовлетворить всѣмъ потребностямъ во влагѣ.

Обрабатываютъ земли въ гаціендахъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ хозяина или его управляющаго—«инквилина». Инквилины Чили представляютъ изъ себя нѣчто среднее между вассалами и крѣпостными, хотя по закону въ Чили никакой крѣпостной зависимости одного человѣка отъ другого не существуетъ.

Инквилиновъ не нанимаютъ, а даютъ имъ хижину и на все ихъ семейство клочокъ земли различныхъ, но обыкновенно незначительныхъ размѣровъ. За пользованіе этою землей инквилинъ принимаетъ на себя обязанность обрабатывать барское поле три дня въ недѣлю, и дни эти выбираетъ хозяинъ. Остальные дни инквилинъ можетъ работать на себя, на своемъ полѣ, или гдѣ ему угодно, но это только по

закону, на практикѣ же онъ можетъ работать только на своемъ полѣ, которое, въ виду его микроскопическихъ размѣровъ, не требуетъ и одного дня работы. Этимъ еще свобода инквилина не связана; если онъ не доволенъ своимъ хозяиномъ, то можетъ его оставить и пойти къ другому, но это только такъ по теоріи, на практикѣ же онъ этого не можетъ сдѣлать, ибо вѣчно въ долгу у хозяина. Долгъ же этотъ происходитъ такимъ образомъ: не имѣя возможности пропитаться, какъ слѣдуетъ на своемъ надѣлѣ, инквилинъ, конечно еще менѣе имѣетъ возможность удовлетворять другимъ своимъ потребностямъ, — ему нужно одѣться, обуться, выпить наконецъ, до чего онъ большой охотникъ — между тѣмъ другой работы, кромѣ земледѣльческой, въ среднемъ Чили не существуетъ; онъ не умѣетъ сдѣлать глинянаго горшка, какъ индѣецъ Парагвая; жена его не умѣетъ соткать куска полотна; фабрикъ и заводовъ нѣтъ и т. д. Дѣлать нечего инквилину приходится у того же хозяина выслуживать средства для удовлетворенія всѣхъ своихъ потребностей, и хозяинъ ихъ удовлетворяетъ: онъ даетъ ему рубашку, юбку его женѣ—сапогъ или обуви они не знаютъ, ибо ходятъ босикомъ,—но такъ какъ у инквилина денегъ нѣтъ, то дается все это въ долгъ и на него насчитываются, кромѣ тѣхъ дней, новые дни работы.

Чилійка.

Если поля уже воздѣланы, то хозяинъ употребляетъ его на другія работы: посылаетъ въ горы пасти стада быковъ, доить коровъ, ходить за лошадьми, а если онъ болѣе или менѣе понятливый малый, что съ инквилинами, впрочемъ, случается рѣдко, то его берутъ на дворъ, въ слуги, дѣлаютъ изъ него лакея, повара,—словомъ, образуютъ дворню.

Конечно, всегда принимаютъ мѣры для того, чтобы инквилинъ оставался постоянно въ долгу. Хозяинъ большею частью не покупаетъ того,

что даетъ инквилину въ долгъ,—его одежду и водку: онъ большею частью при своей гаціендѣ содержитъ лавочку, изъ которой инквилинъ и забираетъ потребныя ему вещи. Можно себѣ представить, по какой цѣнѣ и на какихъ условіяхъ ему эти вещи тамъ отпускаются.

Если изрѣдка инквилину и удается зашибить гдѣ-нибудь на заработкахъ лишнюю копейку, то деньги онъ большею частью пропиваетъ. Такіе порядки, продолжаясь вѣками, сдѣлали изъ инквилина почти безпомощное животное, забили и превратили его въ пьяницу, какъ только онъ на минутку вырвется на свободу.

Кромѣ инквилиновъ, на гаціендѣ можно найти еще гуассовъ, которые представляютъ изъ себя тоже рабочее населеніе Чили, но, въ противоположность осѣдлымъ и порабощеннымъ земледѣльцамъ, кочующее и вполнѣ свободное. Занятіе гуассо заключается въ переправѣ скота Аргентинской пампы черезъ Кордильеры.

Гуассо—значитъ по-араукански (индѣйское нарѣчіе) кавалеръ, т.-е. то же самое, что и аргентинскій гаучо, но чилійскій гуассо выглядитъ совершенно иначе, чѣмъ всадникъ изъ Аргентинской пампы. Въ наружности гуассо едва замѣтны слѣды индѣйской крови; лицо ихъ смуглое, съ черной курчавой бородой. Одежда состоитъ изъ пестраго пончо (кусокъ матеріи съ вырѣзомъ для головы), широкой войлочной шляпы, кожаныхъ, усѣянныхъ бляхами botas del campo (наполовину сапогъ, наполовину штановъ) съ монументальными шпорами, заканчивающимися громаднымъ колесикомъ съ зубцами. Прибавьте сюда своеобразный видъ осѣданной лошади съ обстриженной гривой, съ высокимъ киргизскимъ сѣдломъ и деревянными стременами, и вы будете имѣть представленіе о чилійскомъ гуассо.

Чтобы закончить нашъ очеркъ различныхъ слоевъ населенія, необходимо сказать еще о «calcadoros», этихъ смѣлыхъ удальцахъ, которыхъ выработала пустынная горная сѣверная часть Чили. Жизнь катеадора проходитъ въ поискахъ за серебромъ, золотомъ и другими металлами мало кому извѣстныхъ огромныхъ пространствъ, заваленныхъ горами, среди хаотически громоздящихся Кордильеръ, въ пескахъ, среди соляныхъ озеръ, подъ страшно палящимъ солнцемъ, не мѣшающимъ однако морозу каждую ночь леденить землю. Тутъ все почти неизвѣстно—это какая-то заколдованная земля, и катеадоръ долженъ углубиться въ нее, отыскивая дороги и проходы, на недѣли, мѣсяцы, иногда годы, пока не отыщетъ какой-нибудь руды, которою бы можно было воспользоваться.

Катеадоръ, конечно, не ученый геологъ, и онъ пользуется для нахожденія металловъ наблюденіями своей долгой практики. Онъ ѣдетъ по степи, между скалъ и горъ, карабкается надъ неизвѣданными пропастями, на ледяныя верхушки горъ, проникаетъ во всѣ неизвѣданные

Сантъ-Яго.

закоулки, заставляя каждую вершину разсказывать ему свою исторію. Онъ даже не беретъ компаса въ это путешествіе по волнамъ горнаго океана—звѣзды показываютъ ему путь,—не ту дорогу, которую онъ пройдетъ, ибо онъ не знаетъ, куда пойдетъ—та или другая форма горы или ущелья опредѣляетъ ему дальнѣйшій путь,—а ту, которую онъ прошелъ. Онъ звѣзды знаетъ наизусть, онъ точно изучилъ ихъ перемѣщенія по тверди небесной отъ захожденія до восхожденія солнца. Катеадоръ такимъ образомъ идетъ все дальше и дальше, не желая, несмотря ни на какія лишенія, возвратиться ни съ чѣмъ, чтобы дома не смѣялись надъ нимъ люди, и часто, очень часто онъ гибнетъ въ этихъ пустыняхъ, гибнетъ отъ голода, отъ утомленія, отъ холода, отъ снѣжныхъ вьюгъ, отъ темныхъ туманныхъ ночей зимою, заслоняющихъ ему дорогу, которую онъ только и можетъ читать почью по звѣздамъ, отъ нестерпимыхъ лучей солнца, онъ часто тоже можетъ заблудиться и пропадаетъ. Для такихъ предпріятій нужно быть человѣкомъ смѣлымъ, закаленнымъ въ борьбѣ съ природой и знать природу пустыни во всѣхъ ея проявленіяхъ; нужно много исходить и испытать, чтобы сдѣлаться хорошимъ катеадоромъ, мастеромъ своего дѣла; такихъ катеадоровъ немного, они почти наперечетъ, и ихъ стараются нарасхватъ заполучить разные предприниматели, какъ мѣстные, такъ и наѣзжіе.

Катеадоры наживаютъ иногда большія состоянія и пользуются затѣмъ зажиточностью и богатствомъ; но далеко не всегда катеадоры кончаютъ такъ счастливо: удалая и беззаботная ихъ натура, ихъ страсть къ риску и приключеніямъ развивается обыкновенно во всю ширь при удачѣ. Деньги не удерживаются въ рукахъ и быстро проигрываются и проживаются. Многіе изъ нихъ по нѣсколько разъ отыскивали богатые рудники, продавали право на разработку, обогащались, а потомъ тотчасъ же опять разорялись и опять пускались въ пустыни за новыми поисками.

Аконкагуа.

(Гюсфельда.)

Къ 20-му февраля были закончены предварительные розыски, и намъ предстояло начать восхожденіе. Наши приготовленія были несложны, такъ какъ, во избѣжаніе излишняго отягощенія, мы могли съ собою взять только немного провіанта и одежды: горсточку чая, нѣсколько сухарей, сырой лукъ и немного чарки—вотъ и все. Чарки—это засушенное бычачье мясо, употребленіе котораго широко распространено въ Чили и Аргентинѣ. Его варятъ вмѣстѣ съ лукомъ и краснымъ перцемъ, иногда прибавляютъ еще сухарей, картофель и коренья.

Осѣдлываніе и навьючиваніе животныхъ происходило при угрожающихъ обстоятельствахъ: вскорѣ послѣ полудня погода нахмурилась,

между вторымъ и третьимъ часомъ небо почти сплошь затянулось облаками, и пошелъ снѣгъ. Передъ моими людьми я дѣлалъ видъ, какъ будто ничего не замѣчаю, хотя въ душѣ и былъ сильно обезпокоенъ. Тѣмъ не менѣе оставалось одно хорошее предзнаменованіе: небо, со всѣхъ сторонъ покрытое облаками, надъ Аконкагуа было совершенно прозрачно и чисто.

Въ 4 часа пополудни мы тронулись въ путь и около 7 часовъ достигли нашего перваго бивуака въ устьѣ ущелья, заваленнаго щебнемъ. Мы остановились среди снѣжныхъ глыбъ, напоминающихъ собою колѣнопреклоненныя фигуры, закутанныя въ бѣлыя покрывала *), и съ трудомъ разожгли привезенные съ собой уголья. Люди сварили себѣ похлебку, а я ограничился кружкой чая и ломтемъ сухого хлѣба, который необходимо было предварительно размочить въ водѣ и нагрѣть.

По мѣрѣ приближенія ночи погода прояснялась. Я чувствовалъ себя наканунѣ важнаго дѣла и былъ въ приподнятомъ настроеніи. Мѣсяцъ всплылъ изъ-за горъ и обливалъ своимъ свѣтомъ сверкающія поля «снѣга кающихся», разбросанныя тамъ и сямъ по склонамъ. На западѣ зазубренные хребты горъ рѣзко вырисовывались на небѣ. Воздухъ былъ совершенно спокоенъ, на всемъ лежала печать величія, и все очарованіе этого часа мягко ложилось на мою душу. Въ $8^1/_2$ час. вечера я съ двумя проводниками, Жильбертомъ и Винцентомъ, тронулся дальше, оставивъ животныхъ на мѣстѣ первой стоянки. Въ ущельѣ, по которому мы взбирались, на залитыхъ луннымъ свѣтомъ мѣстахъ лежали рѣзкія тѣни краевъ утесовъ. Около $10^1/_2$ час. мы достигли Portezueleo del Penitente и 20 минутъ отдыхали на его вершинѣ. Сѣрой, таинственной массой подымается впереди Аконкагуа, широко раскинулись передъ нами сверкающія фирновыя поля. Казалось однако, что каждый предметъ этого безжизненнаго ландшафта смотрѣлъ на насъ враждебно, какъ на нарушителей царящаго здѣсь безмолвія.

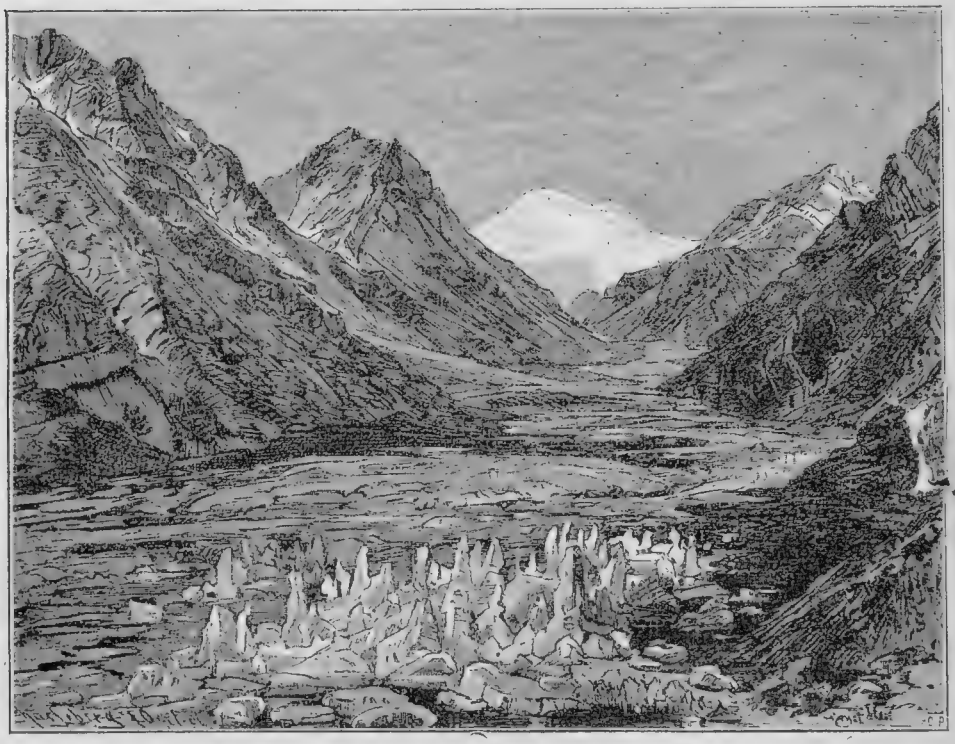
Однако нельзя было терять времени. Мы спустились съ вершины, переправились черезъ замерзшую лагуну и снѣжный валъ и вскорѣ уже шли по дѣвственному фирну, на которомъ мѣсяцъ впервые рисовалъ тѣни человѣческихъ существъ. Фиръ на всемъ протяженіи сохранялъ одно и то же строеніе. Какъ перекладины положенной на землю рѣшетки, выдавались полосы льда, чрезвычайно затрудняя ходьбу. Хорошо еще, что не было снѣга—обстоятельство, избавлявшее насъ не только отъ лишнихъ усилій, но и отъ опасенія провалиться въ прикрытую сверху трещину.

Веревка не соединяла насъ, каждый шелъ на свой страхъ. Вскорѣ

*) Nieve penitente („снѣгъ кающихся“) въ Кордильерахъ. Это обширныя снѣжныя поля, ниже фирновой границы, превращенныя солнцемъ и вѣтромъ въ стройныя изрѣзанныя фигуры.

послѣ полуночи мы находились на равномъ разстояніи отъ обоихъ береговъ фирноваго поля, отстоящихъ другъ отъ друга самое малое на $3^1/_2$ км. Налѣво отъ насъ, посреди̇нѣ сверкающей ледяной поверхности, открывалась долина, исчезавшая на болѣе глубокой и невидимой для насъ ступени; направо поверхность круто поднималась къ покрытой льдомъ горной цѣпи, замыкающей котловину и служащей основаніемъ Аконкагуа.

Поразительно свѣтлая лунная ночь придавала всему еще болѣе магическій отпечатокъ. Никогда еще я не видалъ такого яркаго луннаго



Аконкагуа съ nieve penitente.

освѣщенія! Массы снѣга и высота надъ уровнемъ моря въ 5.000—6.000 м. увеличивали его яркость.

Правда, гдѣ не лежалъ снѣгъ или гдѣ ландшафтъ тонулъ въ тѣни, для ослѣпленнаго глаза возникало впечатлѣніе усиленной темноты, болѣе темнымъ казался и самый конусъ Аконкагуа, масса котораго все больше и больше вырастала передъ нашими глазами и въ то же время теряла въ отчетливости очертаній. Въ 1 часъ 50 минутъ съ 20 на 21 февраля мы, наконецъ, вступили на его основаніе. Переходъ съ фирна на щебневую поверхность горы не представилъ большихъ за-

трудненій. Это заслуживаетъ потому упоминанія, что фирнъ какъ разъ тамъ, гдѣ онъ окружаетъ горную цѣпь, обыкновенно обрывается и образуетъ расщелину, наподобіе крѣпостного рва окружающую массивъ.

Съ этого момента началось восхожденіе на Аконкагуа въ тѣсномъ смыслѣ слова, восхожденіе на отдѣльную гору, подымающуюся на общемъ горномъ фундаментѣ. Изъ всѣхъ восхожденій, которыя мнѣ приходилось совершать, это было самое однообразное. Обширныя щебневыя поверхности безъ конца тянутся вверхъ подъ угломъ въ 30°—40°; кое-гдѣ онѣ были покрыты пятнами снѣга. Только различіе въ окраскѣ горныхъ породъ да круглыя скалистыя стѣны, раздѣляющія склонъ на нѣсколько террасъ, вносили разнообразіе. Горныя породы сильно вывѣтрились и только мѣстами представляли свѣжія поверхности. Разнообразіе ихъ было чрезвычайно значительно. Къ несчастію, я не могъ заняться откалываніемъ и собираніемъ камней: всякая лишняя тяжесть, всякое напряженіе, не приближающее къ цѣли, могло погубить успѣхъ всего дѣла, которому и такъ грозило неблагоразумное поведеніе моихъ спутниковъ.

На всемъ пути до подножія Аконкагуа я имѣлъ полнѣйшее основаніе быть довольнымъ моими чилійцами. Но какъ только мы оставили фирнъ, дѣло измѣнилось. На Аконкагуа дули болѣе суровые вѣтры, пронизывавшіе до самыхъ костей, къ тому же крутизна основанія требовала большихъ усилій при восхожденіи. Вѣтеръ становился все сильнѣе, температура опускалась, а вмѣстѣ съ ней исчезало и мужество моихъ людей. Уже между 5 и 6 часами утра они хотѣли повернуть и увѣряли, что мы всѣ трое замерзнемъ. Я отсчиталъ —10° Ц.; возможно, что было и холоднѣе, такъ какъ я вращалъ термометръ слишкомъ короткое время, не будучи въ состояніи держать окоченѣлыми руками шнурокъ, къ которому онъ былъ привязанъ.

Жильбертъ и Винцентъ улеглись на землю среди причудливыхъ скалъ сѣраго песчаника. Вслѣдствіе этого ощущеніе холода только увеличилось, и ими овладѣло то робкое безпокойство, которое возникаетъ, когда мы въ опасномъ положеніи отдаемся бездѣйствію. Потребовались съ моей стороны громадныя усилія, чтобы побудить ихъ къ дальнѣйшему путешествію. Но дѣйствіе было непродолжительно, и черезъ нѣсколько времени исторія опять повторилась. На меня это дѣйствовало какъ ядъ, такъ какъ каждая такая рѣчь на испанскомъ языкѣ требовала отъ меня, не говоря уже о душевномъ напряженіи, значительной затраты физическихъ силъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность легкихъ на этой высотѣ была и безъ того усилена; а затѣмъ все болѣе и болѣе возрастающее недовѣріе и сознаніе, что нельзя разсчитывать на помощь другихъ людей, все это тяжелымъ гнетомъ ложилось на меня. Таково было положеніе дѣлъ, когда мы прошли еще 400 метровъ изъ оставшихся 1.900 м.

Я завелъ часы, и мы продолжали неровнымъ шагомъ наше восхожденіе. Морозъ дѣйствительно причинялъ намъ сильное страданіе; въ особенности меня тревожило опасеніе отморозить носъ. Временами я пытался его защитить тѣмъ, что держалъ впереди руку, одѣтую въ шерстяную варежку и сверху покрытую носкомъ. Но въ концѣ-концовъ, когда рука слишкомъ утомлялась, я принужденъ былъ предоставить Господу Богу заботу объ этомъ выступающемъ украшеніи лица.

Наконецъ, показалось солнце и наступилъ желанный день. Вѣтеръ утихъ. Между 8 и 9 часами утра мы развели аппаратъ для нагрѣванія воды; растопили немного снѣга, бросили туда горсточку чайныхъ листьевъ и нѣсколько совершенно затвердѣвшихъ кусковъ хлѣба и затѣмъ проглотили приготовленное кушанье. Это была моя единственная ѣда за 24 часа, хотя я и не чувствовалъ никакого голода. Еще поразительнѣе было полное отсутствіе жажды, несмотря на то, что воздухъ былъ чрезвычайно сухъ. Губы и ротъ высохли настолько, что глотокъ коньяку причинялъ сильную боль въ глоткѣ.

Въ 10 часовъ Винцентъ остался на мѣстѣ; онъ уже нѣсколько разъ жаловался на боли въ ногахъ; но мы не обращали на это вниманія. Теперь онъ рѣшительно заявилъ, что не пойдетъ дальше. Дѣйствительно, онъ поморозилъ себѣ ноги и не годился для дальнѣйшаго путешествія.

Это случилось на высотѣ приблизительно 6.200 метровъ. Мы продолжали наше путешествіе вдвоемъ съ Жильбертомъ. Въ характерѣ окружавшей насъ природы ничто не измѣнилось—всюду царило поразительное однообразіе. Мнѣ казалось, что весь свѣтъ представляетъ изъ себя одну сплошную щебневую поверхность. Справа и позади насъ взорамъ открывалось цѣлое море возвышенностей, изъ которыхъ на сѣверѣ выдѣлялись двѣ высокія отдѣльныя вершины. Вообще виднѣлось мало снѣгу, нельзя было также обнаружить слѣдовъ глетчеровъ. Вершина Аконкагуа совершенно скрылась изъ виду.

Медленность нашего восхожденія превышала всякое вѣроятіе: все чаще повторялись остановки, и мы тратили столько же времени на отдыхъ, сколько на ходьбу.

Въ 11 часовъ утра я занесъ въ свою записную книжку слѣдующую фразу: «Мы не знаемъ, какой конецъ ожидаетъ насъ», а Жильбертъ сказалъ мнѣ: «У меня сильно болятъ ноги». То же самое я бы могъ ему сказать и про себя, такъ какъ именно въ сильной боли и парализующемъ организмъ утомленіи сказывается дѣйствіе разрѣженнаго воздуха. Въ $11^1/_2$ часовъ снова показалась вершина Аконкагуа, и теперь я впервые могъ обозрѣть дорогу, ведущую къ ней. Жильбертъ высказывалъ желаніе вернуться обратно. Еще разъ мнѣ пришлось собрать всѣ свои силы и пустить въ ходъ свои адвокатскія способности, чтобы возможно ярче расписать ему, какое выпадетъ на его долю торжество,

если ему удастся вмѣстѣ со мной взойти на самую высокую вершину Южной Америки, которую до сихъ поръ всѣ считали недоступной; какое чествованіе устроятъ ему по возвращеніи въ родную гаціенду, какъ имя его будетъ долго жить въ памяти согражданъ и многое другое. Жильбертъ былъ не безъ тщеславія; представлялся удобный случай прославиться; имъ овладѣла чисто мужская рѣшимость. «Будь, что будетъ, а меня онъ не покинетъ», рѣшилъ онъ, и здѣсь, на высотѣ 6.400 метровъ, мы пожали другъ другу руку въ знакъ союза.

Съ этой минуты мы больше не говорили другъ съ другомъ. Мы шли, останавливаясь для отдыха, и снова двигались впередъ въ молчаливомъ соглашеніи. Такимъ образомъ мы достигли высоты въ 6.560 метровъ, гдѣ и развели нашъ аппаратъ для согрѣванія воды, которая у насъ кипѣла при 78,9° Ц. Здѣсь, у подошвы бѣлаго утеса, который прорѣзывалъ покрытую щебнемъ поверхность, мы рѣшили остановиться на болѣе продолжительный срокъ.

За утесомъ торчали макушки горнаго хребта Аконкагуа, вершина же горы, казалось, была настолько близка, что можно было на ней различить каждый камешекъ; самые высокіе утесы выдѣлялись изъ общей массы своими болѣе теплыми, красными тонами. Весь остальной міръ лежалъ у нашихъ ногъ: подъ нами, вправо отъ фирновой долины, которую мы пересѣкли ночью, 12 часовъ тому назадъ, виднѣлась другая подобная же долина, которая начиналась у Аконкагуаскаго массива.

Между часомъ и двумя дня, когда я былъ занятъ гипсотермометрическими измѣреніями *), сѣрыя облака заволокли вершину нашей горы, атмосфера затянулась туманомъ; пошелъ градъ, и намъ стала угрожать опасность быть застигнутыми метелью. Мы какъ разъ совѣщались о томъ, не лучше ли отложить дальнѣйшее восхожденіе до слѣдующаго дня и провести здѣсь ночь, невзирая на отсутствіе теплыхъ одѣялъ и топлива. Въ самомъ дѣлѣ, мы оба чуствовали себя страшно обезсиленными, мы шли уже почти безъ отдыха болѣе 17 часовъ, и съ самаго ранняго утра предыдущаго дня, значитъ въ теченіе 30 часовъ, я находился непрерывно въ работѣ, и это при самой скудной пищѣ! Въ похвалу Жильберту я долженъ сказать, что онъ нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы храбро ожидать вмѣстѣ со мною ночь, которая могла сдѣлаться для насъ переходомъ въ вѣчность.

Но вотъ налетѣла tormenta, т.-е. снѣжная вьюга, и положила конецъ всѣмъ нашимъ разсужденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, непогода на подобной высотѣ оставляла намъ выборъ только между вѣрною гибелью, въ случаѣ если бы мы рѣшили остаться на мѣстѣ, и возможностью спастись въ случаѣ возвращенія. Побѣжденные силою необходимости

*) Измѣреніе высоты на основаніи измѣненія температуры кипѣнія.

мы рѣшили повернуть. Туманъ еще не былъ настолько густъ, чтобы мы не могли различить ближайшія окрестности. Если бы онъ сгустился, нечего было бы и думать о нахожденіи настоящей дороги; мы бы погибли среди этой дикой обстановки совершенно такъ же, какъ погибаютъ во время тумановъ и снѣжныхъ метелей альпійскіе проводники, несмотря на то, что они отлично знаютъ свои горы.

Съ невѣроятною быстротой мы начали спускаться—доказательство, что наши силы не были истощены и что мы страдали только отъ рѣдкости воздуха. Правда, намъ благопріятствовало свойство почвы, такъ какъ не было необходимости принимать какія-либо особенныя предосторожности. На такой щебневой поверхности для спуска требуется не болѣе $^1/_5$ или $^1/_6$ того времени, которое нужно для восхожденія, по крайней мѣрѣ въ поясѣ между 6.500 и 5.000 м.

Тяжелая работа началась для насъ только, когда мы попали на обширное фирновое поле Аконкагуа; неровное и съ выступающими сосульками строеніе поверхности доставило намъ нѣсколько очень непріятныхъ часовъ. Ноги постоянно проваливались и ихъ приходилось съ трудомъ освобождать, къ этому присоединилось еще удушье, которое не оставляло насъ и послѣ того, какъ мы покинули возвышенную зону.

Къ счастію туманъ порѣдѣлъ, и только Аконкагуа оставался покрытымъ облаками, такъ что въ этотъ день мы его болѣе не видѣли. Важнѣе для насъ было то, что виднѣлось начало долины съ nieve penitente, такъ что мы могли найти единственно возможный для насъ выходъ. Въ 7 часовъ вечера мы достигли снова Portezuello del Penitente, слѣдовательно спустя 20 часовъ послѣ того, какъ мы его покинули. Нѣсколько раньше мы соединились съ Винцентомъ и спускались такимъ образомъ вмѣстѣ по щебневой долинѣ. При выходѣ мы нашли нашихъ животныхъ, которыя 24 часа простояли у nieve penitente безъ корма и питья. Было уже темно, когда мы прибыли туда; нѣсколько стакановъ чая, разогрѣтаго на угольяхъ, оживили наши силы послѣ долгаго воздержанія.

Отдохнувъ въ продолженіе часа, мы сѣли на животныхъ и поѣхали ночью къ нашему бивуаку черезъ щебневыя поверхности, крутые склоны, ручейки — все дальше, все ниже. Животныя, хотя и сильно устали, шли какъ наэлектризованныя. Имъ представлялись, по всей вѣроятности, тощіе луга у бивуака, какъ своего рода рай. Въ полудремотѣ сидѣлъ я на сѣдлѣ, инстинктивно слѣдя однако за всадникомъ впереди, который временами, когда разстояніе дѣлалось слишкомъ значительнымъ, исчезалъ изъ виду. Тогда я погонялъ своего гнѣдка, который не могъ угнаться за мулами, остріемъ ледниковаго топорика. Такимъ образомъ, мы достигли въ 11 часовъ ночи нашего перваго бивуака послѣ путешествія, длившагося 31 часъ.

Пылающій бивуачный огонекъ и тарелка горячаго супа показались мнѣ достаточной наградой за неудачную экспедицію. Я не достигъ своей цѣли.

Черезъ внутреннюю цѣпь Кордильеровъ.

(Чуди.)

Наконецъ закончены были приготовленія для путешествія черезъ Кордильеры. Спутниками моими былъ дюжій парень лѣтъ 18-ти да закаленный, здоровенный индѣецъ, съ непривѣтливой, злобной физіономіей, къ которому я долгое время не питалъ никакого довѣрія. Они запаслись плотнымъ шерстянымъ платьемъ, шерстяными чулками и теплыми шапками, сдѣланными изъ мѣха ламы, какъ будто предстояла экспедиція въ полярныя страны. Провизія ихъ, главнымъ образомъ, состояла изъ слегка поджаренной пшеничной муки для приготовленія Ulpeada-напитка, въ составъ котораго входитъ эта мука, разбавленная холодной или горячей водой, иногда прибавляютъ еще немного сахара. Послѣ утомительныхъ переходовъ по холоднымъ Кордильерскимъ горамъ Ulpeada очень согрѣваетъ и утоляетъ голодъ.

Вторично произведена была строгая ревизія всей клади, чтобы какъ можно равномѣрнѣе распредѣлить грузъ; подковы, сѣдла и вьюки были тщательно освидѣтельствованы. Въ моемъ распоряженіи находились семь муловъ, изъ которыхъ три были подъ сѣдломъ, на двухъ навьючена кладь, одного нагрузили кукурузой, служившей кормомъ для нашихъ животныхъ, а одинъ шелъ налегкѣ. Въ 8 часовъ вечера 30-го іюня выступили мы въ походъ и постепенно поднимались по узкой извилистой долинѣ. Дно долины и пологіе склоны горъ покрыты галькой и пескомъ, поэтому растительность тамъ крайне скудная. Исполинскій степной кактусъ да низкорослый кустарникъ «тола» (Baccharis Tola) являются единственными представителями растительнаго царства и придаютъ мѣстности какой-то крайне своеобразный характеръ. Эти исполины изъ породы кактусовъ подымаются на нѣсколько саженъ вверхъ мощными, правильными колоннами съ однимъ, а иногда и нѣсколькими шаровидными боковыми побѣгами, величиною съ человѣческую голову. Иногда кактусы тѣснятся цѣлыми семействами, точно трубы какого-то громаднаго органа. Шарообразныя верхушки ихъ покрыты тонкимъ бѣлымъ пушкомъ и торчащими въ разныя стороны мелкими иглами. Немного дальше отъ макушки расположены чрезвычайно острыя, съ правильными гранями иглы, длиною отъ трехъ до четырехъ дюймовъ. Сердцевина отмершихъ экземпляровъ часто оголена и только мѣстами покрыта коричневою корой. Часто видишь высоко на макушкѣ такого великана продолговатое углубленіе, въ которомъ свила свое гнѣздышко веселая сильвія; она безпечно

порхаетъ взадъ и впередъ, среди опасныхъ илъ. Эти застывшія, однообразныя и въ то же время крайне причудливыя растительныя формы производятъ вполнѣ впечатлѣніе допотопныхъ твореній.

Чѣмъ выше подымаешься вверхъ по долинѣ, тѣмъ хуже и каменистѣе дѣлается дорога, а группы степного кактуса принимаютъ все болѣе и болѣе причудливыя формы, постепенно рѣдѣютъ и, наконецъ, совершенно исчезаютъ. Долина совершенно обнажена; боковые склоны горъ состоятъ изъ порфира, который легко вывѣтривается и оставляетъ послѣ себя красноватый песокъ. По сторонамъ долины лежитъ красный и сѣрый конгломератъ. Подымаясь уже въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ горы, мы наконецъ остановились у водоема, такъ какъ ночь уже давно наступила. Изъ нѣсколькихъ кусковъ «тола» намъ удалось развести костеръ, но поддерживать его, пока не сварился нашъ скудный ужинъ, стоило намъ большихъ усилій, такъ какъ внизъ, по долинѣ, дулъ леденящій вѣтеръ. Два изъ моихъ четырехъ сундуковъ я велѣлъ поставить рядомъ, два другихъ на нѣкоторомъ отдаленіи отъ первыхъ и въ этомъ, похожемъ на желобъ, промежуткѣ устроилъ изъ попонъ и пончо свою постель. Такимъ образомъ по крайней мѣрѣ верхняя часть моего тѣла была мало-мальски защищена отъ бури. Въ полночь термометръ показывалъ 8^0 R. ниже нуля. На одномъ изъ сундуковъ стояла жестяная кружка со свѣжей водой. Пока завывала буря, я безпрерывно слышалъ, какъ ударялись о жестяныя стѣнки образовавшіеся кусочки льда; около двухъ часовъ буря затихла, и почти моментально вся вода обратилась въ ледяной комокъ. Вечеромъ проводники задали нашимъ животнымъ немного кукурузы и спутали имъ переднія ноги, дабы они не могли вернуться домой. Отъ холоду мнѣ едва удалось заснуть на одинъ часъ; немногимъ лучше меня спали и мои люди. Поэтому уже въ три часа утра они пригнали животныхъ и стали ихъ сѣдлать, пока я старательно разводилъ огонь, чтобы вскипятить воду. Въ половинѣ пятаго мы двинулись въ путь, едва владѣя нашими окоченѣлыми членами. Всѣ проточныя воды превратились въ ледъ. Цѣлыхъ семь leguas *) подымались мы вверхъ по каменистой, то расширяющейся, то сужпвающейся въ ущелье, долинѣ. Подъемъ на эту песчаную возвышенность былъ крайне затруднителенъ для нашихъ животныхъ, которыя уже сильно страдали отъ горной болѣзни и принуждены были отъ времени до времени останавливаться на нѣсколько секундъ, чтобы перевести дыханіе.

Добравшись до гребня горной цѣпи, мы увидѣли тамъ одну изъ тѣхъ небольшихъ кучекъ каменьевъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Arachitca или Arachcta, которыя съ давнихъ временъ воздвигались индѣйцами на высотѣ горныхъ проходовъ и которыя по большей части имѣли глу-

*) Испанская миля, около $6^1/_2$ верстъ.

боко религіозное значеніе. Въ настоящее время индѣйцы безсмысленно бросаютъ камни въ общую кучу или кладутъ въ видѣ жертвы нѣсколько свѣжихъ кокосовыхъ листьевъ или же выплевываютъ комокъ жеванаго кокосоваго листа, не вѣдая того, какой смыслъ придавали ихъ предки подобному жертвоприношенію. Мои оба парня тоже вынули изо рта свои отвратительные комки жеванаго кокосоваго листа и бросили ихъ на камни.

Отсюда начинается пустыня, которая только изрѣдка прерывается оазисами и тянется до самаго Тихаго океана. Тамъ и сямъ низкорослый, высохшій кустарникъ или побитый морозомъ пучокъ ковыля (Stipa ichu)—вотъ жалкіе представители растительности Перу-боливіанскаго плато. Они разбросаны очень рѣдко на высотѣ 1.100—1.200 футовъ надъ уровнемъ моря и съ виду представляются жидкими, щетинистыми пучками, по большей части круглой, рѣже удлиненной формы, и имѣютъ отъ 12—18 дюймовъ въ поперечникѣ. Обращенная къ господствующему вѣтру сторона почти всегда занесена пескомъ, такъ что жизнь сохраняется только въ одной части круга и эта послѣдняя имѣетъ бо́льшую часть года сѣровато-желтый, почернѣвшій, будто обожженный видъ и не въ состояніи оживить однообразную пелену песковъ пустыни. Проѣхавъ почти четыре версты по постепенно спускающейся долинѣ, мы вступили въ обширную, страшно безотрадную, сначала песчаную, затѣмъ каменистую пустыню, съ громадными залежами соли и небольшими соляными озерами. На одномъ изъ такихъ озеръ я насчиталъ около 56 прекрасныхъ кордильерскихъ фламинго; между ними былъ одинъ совершенно бѣлый экземпляръ. Они выказывали такъ мало робости, что мы проѣхали всего въ нѣсколькихъ шагахъ мимо ихъ, нимало не потревоживъ; только нѣкоторые изъ нихъ удивленно вытянули свои длинныя шеи, а затѣмъ важно зашагали обратно въ середину узкаго озера, тогда какъ другіе были всецѣло заняты отысканіемъ пищи на его днѣ.

Чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ рѣже попадалась ужъ и безъ того скудная растительность и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась. Въ этой лишенной всякой растительности пустынѣ меня поразило громадное количество норокъ, вырытыхъ полевыми мышами. Послѣ семичасовой ѣзды мы достигли соляного озера, которое заканчивалось обширнымъ, поросшимъ осокой, соляным болотомъ. Тутъ мы нашли скудный кормъ для нашихъ заморенныхъ животныхъ и рѣшили поэтому остановиться, тѣмъ болѣе, что ночь уже давно наступила. На слѣдующее утро я замѣтилъ что въ нѣсколькихъ тысячахъ шагахъ отъ нашего лагеря находилась избушка, въ которой жилъ индѣйскій пастухъ со своей семьей. Мы даже застали небольшое стадо тощихъ овецъ, которыя щипали сухіе пучки травы. Въ четыре часа утра термометръ показывалъ еще только $8^1/_2{}^0$ R. Вѣтра не было, и поэтому ночь прошла довольно сносно. Я,

конечно, спалъ не раздѣваясь, плотно закутавшись въ свои пончо. Болѣе всего страдали ноги. Когда я снималъ обувь, то за ночь она до того обмерзала, что въ теченіе цѣлаго дня мнѣ не удавалось ее согрѣть; когда же я обувь сохранялъ на ногахъ, то послѣднія коченѣли отъ холода и дѣлались совершенно безчувственными; словомъ, положеніе довольно мучительное!

На слѣдующій день, воскресенье, 1-го августа, мы двинулись въ путь въ 7 часовъ утра, такъ какъ на этотъ день намъ предстоялъ сравнительно небольшой переходъ. Отъ нашей стоянки тянулась опять на цѣлую legua пустыня до слѣдующей, поросшей осокою болотистой площади.

Въ 5 часовъ вечера прибыли мы къ мѣсту, защищенному горною цѣпью отъ вѣтра, гдѣ и разбили нашъ лагерь. Въ этомъ мѣстечкѣ имѣлась прѣсная вода, а вдоль ручейка наши животныя нашли себѣ кормъ. Зато не было дровъ для топлива, но одинъ изъ моихъ проводниковъ оказался настолько предусмотрительнымъ, что на протяженіи двухъ миль тащилъ связку сухихъ сучьевъ какого-то смолистаго кустарника, имѣющаго сильный, напоминающій мяту, запахъ. Этотъ кустарникъ является единственной растительной формой окраинъ соляныхъ пустынь и извѣстенъ у индѣйцевъ подъ названіемъ «Pussaillo». Гуанаки очень вредятъ растенію, выкапывая изъ-подъ земли его корни: они съ удовольствіемъ ихъ поѣдаютъ, пренебрегая вѣтками и листьями, покрытыми многочисленными острыми иглами. Мулы также ѣдятъ ихъ весьма охотно. Мы добыли воды для приготовленія ulpeada и мате и состряпали изъ чарки и бараньяго сала наше обычное кушанье, но едва мы съ этимъ управились, какъ бѣшеный порывъ бури загасилъ нашъ слабый огонь. Съ этого момента у меня сильно стала страдать кожа лица отъ рѣдкаго, сухого воздуха и ледянаго вѣтра. Губы вспухли, потрескались и сильно болѣли. Несмотря на то, что я одѣлъ такъ называемыя Соссюровскіе очки, глаза мои воспалились и тоже болѣли, но другихъ непріятныхъ ощущеній, кромѣ, конечно, леденящаго холода и днемъ и ночью, я еще не испытывалъ. Когда на мѣстѣ стоянки я нагнулся, чтобы разостлать попону и пончо между своими сундуками, я вдругъ почувствовалъ сильнѣйшее недомоганіе; мною овладѣло какое-то безпокойство, голова кружилась, въ ушахъ звенѣло, дышать было тяжело, а сердце усиленно билось. Я поднялся и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подошелъ къ горящему очагу, гдѣ хотѣлъ заняться приготовленіемъ ужина, пока мои люди возились съ нашими животными. Отъ ходьбы безпокойное чувство немного отлегло, но я едва волочилъ ноги отъ утомленія. Стоило мнѣ только нагнуться къ огню—и снова сердце больно сжималось и было трудно дышать. Всѣ эти проявленія усиливались до невыносимой степени при малѣйшемъ движеніи рукъ. Я вернулся къ своему ложу, растянулся, и всѣ симптомы уменьшились, въ особенности головокруженіе

и сердцебіеніе. Лежа, при свѣтѣ своего дорожнаго фонаря я занесъ въ свой дневникъ всѣ необходимыя замѣтки безъ особеннаго затрудненія. Но лишь только я подымался, чтобы свернуть себѣ папироску, снова начиналось сердцебіеніе и усиленная работа артерій и пульса, который теперь дѣлалъ 112 ударовъ въ минуту, тогда какъ внизу онъ дѣлалъ ихъ только 78. Я поручилъ одному изъ проводниковъ наблюдать за огнемъ, но произнести это распоряженіе вслухъ стоило мнѣ большихъ усилій: глотка пересохла, языкъ поворачивался съ трудомъ. Между тѣмъ изъ нѣсколькихъ хворостинокъ и навоза муловъ мои проводники снова разложили небольшой костеръ, чтобы вскипятить воду для ulpeada. Но первый же глотокъ этого любимаго мною напитка вызвалъ только отвращеніе къ нему. Черезъ полчаса одинъ изъ моихъ людей принесъ мнѣ тарелку нашего скромнаго блюда «чарки», но послѣ первой же ложки я почувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ пищѣ. Несмотря на все свое стараніе хоть немного подкрѣпиться пищей, сдѣлать это я положительно былъ не въ силахъ. Поднести ко рту ложку стоило мнѣ такихъ громадныхъ усилій, что я бы охотно отказался отъ всякаго ужина, если бы даже не чувствовалъ такого страшнаго отвращенія ко всякой ѣдѣ; послѣ нѣсколькихъ глотковъ мате я почувствовалъ сильный приливъ крови къ головѣ. На этотъ разъ я страдалъ горнымъ недугомъ столь сильно, какъ это было только однажды во время моего прежняго путешествія въ Перуанскіе Кордильеры. Я былъ удивленъ, что этотъ, слишкомъ мнѣ знакомый недугъ такъ внезапно и съ такой силой овладѣлъ мною, что въ продолженіе дня я не замѣчалъ никакихъ приступовъ, да и высота приблизительно въ 13.200 футовъ была совсѣмъ уже не настолько значительна.

На мѣстѣ нашей стоянки ощущалось сильное электрическое напряженіе въ воздухѣ; при малѣйшемъ движеніи всѣ шерстяные предметы искрились, и трескъ сопровождалъ каждое движеніе какъ днемъ во время ѣзды, такъ и ночью на постели. При осѣдлываніи и разсѣдлываніи нашихъ животныхъ изъ-подъ концовъ нашихъ пальцевъ выскакивали маленькіе электрическіе огоньки. Шерсть нашихъ животныхъ была усѣяна синеватыми точками; стоило только нѣсколько разъ быстро провести рукой по ихъ гривамъ, какъ съ трескомъ сыпались искры, будто отъ электрической батареи. Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней замѣтилъ я сильныя электрическія явленія, но нигдѣ они не были такъ сильны, какъ именно въ этотъ и слѣдующій день. На меня это производило въ высшей степени непріятное впечатлѣніе. Постоянный трескъ и ощущеніе электрическаго тока на кожѣ раздражали меня и значительно ухудшали мое и безъ того скверное состояніе. Только куреніе крѣпкаго табаку и спокойное горизонтальное положеніе приносили мнѣ нѣкоторое облегченіе. Въ лежачемъ положеніи я чувствовалъ себя значи-

тельно лучше, но заснуть я не могъ ни на минуту, ибо дышать было трудно и въ груди чувствовалось удушье. Вьюга свирѣпѣла и обдавала насъ своимъ ледянымъ дыханіемъ; мы дрожали отъ стужи, а укрыться или согрѣться было негдѣ. Опасаясь, что наши животныя пострадаютъ отъ мороза, мы осѣдлали и навьючили ихъ и въ полночь покинули нашъ безотрадный лагерь. Я всегда самъ осѣдлывалъ свое животное, но на этотъ разъ я не могъ этого сдѣлать. Сложить свое пончо и затянуть въ ремни свои вещи стоило мнѣ такихъ громадныхъ усилій, что я отчаивался въ возможности справиться съ этимъ дѣломъ. Но когда я сидѣлъ на своемъ животномъ, покуривая папиросу, всѣ признаки горной болѣзни замѣтно смягчились и, не будь леденящей стужи, я бы чувствовалъ себя довольно сносно. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ мы ѣхали по окраинѣ соляной пустыни; блѣдный серпъ убывающей луны заливалъ ее своимъ матовымъ свѣтомъ. Вдругъ я замѣтилъ, что надъ ушами моего мула засвѣтились два синеватыхъ огненныхъ язычка, около двухъ дюймовъ длины, настоящіе огни св. Эльма; они начинались не отъ самыхъ концовъ ушей, а будто свободно порхали на нѣкоторомъ разстояніи въ воздухѣ, трепетно слѣдуя за каждымъ движеніемъ головы животнаго.

Съ восходомъ солнца мы достигли подошвы поперечнаго, идущаго отъ юга къ сѣверу, горнаго хребта. Отсюда начинается собственно настоящій переходъ черезъ Кордильеры, простирающійся на 30 leguas. Перебравшись черезъ первую возвышенность, мы проѣхали слегка поднимающееся песчаное поле и вступили въ широкое ущелье, съ довольно крутыми боковыми склонами, имѣющее характеръ стараго рѣчного русла. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды глубокіе снѣга заставили насъ карабкаться по крайне крутому склону на лежащую къ югу отъ ущелья гору. Трудная это была работа для нашихъ муловъ; каждые два-три шага они останавливались, чтобы перевести дыханіе. У четырехъ изъ семи животныхъ сочилась кровь изо рта и ноздрей. Я боялся, чтобы они не изнемогли отъ горной болѣзни. Съ большимъ трудомъ взобравшись на вершину возвышенности, мы продолжали путь по каменистому плоскогорью. Вертикальные голые выходы слоевъ безпорядочно выступаютъ по плоскогорью и производятъ издали впечатлѣніе какихъ-то странныхъ построекъ. Рядомъ съ ними я иногда замѣчалъ остатки циклопическихъ стѣнъ, которыя вѣроятно возникли во времена господства инковъ и представляютъ изъ себя тѣ остатки провіантскихъ магазиновъ, которые по приказанію воинственнаго царя инковъ были воздвигнуты въ пустынѣ и въ Кордильерахъ во время одного изъ его завоевательныхъ походовъ въ Чили.

Мы прошли опять, какъ и въ предыдущій день, нѣсколько соляныхъ и песчаныхъ пустынь, которыя отличались отъ предыдущихъ только

тѣмъ, что лежали на нѣсколько футовъ выше ихъ. По краямъ всей дороги лежало безчисленное количество скелетовъ и высохшихъ мумій муловъ. Обыкновенно лошадей и муловъ сильно пугаетъ видъ ихъ мертвыхъ товарищей, но наши спокойно шли мимо; они слишкомъ привыкли къ подобному зрѣлищу и были слишкомъ утомлены, чтобы поддаться страху.

Съ самаго ранняго утра злобно завывала вьюга; она дико неслась съ окутанныхъ вѣчными снѣгами Кордильеровъ и гнала намъ навстрѣчу острый соленый песокъ. Наши лица опухли, покрылись ранами, будто ихъ обожгло крапивой, глаза горѣли, губы болѣли почти нестерпимо; нёбо и языкъ высохли и одеревенѣли, члены закоченѣли отъ ледяного вѣтра, дыханіе было въ высшей степени затруднительно. Въ теченіе цѣлаго дня мы не обмѣнялись и десятью словами, даже говорить было трудно.

Въ 7 часовъ вечера наши животныя уже совершенно выбились изъ силъ; наступила ночь и не стало видно дороги. Въ теченіе 19 часовъ мы ѣхали, не вынимая ноги изъ стремени, и ощущали сильную потребность въ отдыхѣ. Мы остановились близъ самой вершины. Мулы, какъ и въ предыдущую ночь, были защищены отъ холода вьючными сѣдлами и ламовыми мѣхами. Они настолько устали, что даже не валялись. Имъ подвѣсили мѣшки съ двойной порціей кукурузы, къ которой они до слѣдующаго утра и не притронулись. Жажда и усталость бѣдныхъ животныхъ были слишкомъ велики, чтобы могло обнаружиться желаніе ѣсть.

Сухой вѣтеръ да переполненный поднятыми бурей соляными частицами воздухъ съ часу на часъ усиливали страшную жажду, которою мы уже томились въ продолженіе цѣлаго дня. Утолить ее не было никакой возможности. На нѣсколько миль кругомъ невозможно было отыскать топлива, съ помощью котораго можно было бы развести огонь и оттаять снѣгъ на мѣстѣ нашего лагеря. Впрочемъ, буйный ураганъ не дозволилъ бы намъ зажечь его и поддерживать пламя. Взятые въ ротъ куски снѣгу только усиливали жажду и причиняли сильную боль губамъ. Бурдюки, наполненные частью водой, частью виномъ, полопались отъ мороза, и находящаяся въ нихъ жидкость уже нѣсколько дней какъ вытекла. Въ 9 час. вечера термометръ показывалъ 9° R. ниже нуля, а въ 3 часа утра —$11^1/_2$° R. Не имѣя достаточной защиты отъ бушевавшей бури, мы безъ сна, дрожа отъ холода, дожидались утра. То была долгая, мучительная ночь. Дыханіе спиралось въ груди и артеріи усиленно бились, лицо и губы болѣли, а постоянное потрескиванье электричества въ высшей степени раздражало нервы.

Еще до восхода солнца мы осѣдлали и навьючили нашихъ усталыхъ, изнемогающихъ отъ жажды муловъ. Отъ холода мы едва могли усидѣть на нихъ. На одномъ, направляющемся съ юго-востока къ сѣверо-западу,

горномъ хребтѣ намъ попались обширныя снѣговыя поля, обойти которыя не было никакой возможности. Животныя проваливались въ снѣгу, выбивались изъ силъ и въ концѣ-концовъ такъ были утомлены, что намъ едва удавалось заставить ихъ идти впередъ. Только идущіе безъ всякаго груза впереди мулы подстрекали остальныхъ слѣдовать ихъ примѣру.

За этою горною цѣпью простиралось обширное каменистое плоскогорье, покрытое трахитовыми и порфировыми обломками.

Странное впечатлѣніе производятъ Кордильеры, когда находишься среди нихъ. Надъ плоскогорьемъ поднимаются многочисленныя пирамидальныя или конусообразныя возвышенности, по большей части покрытыя снѣгомъ. Онѣ часто возвышаются парами, будто два близнеца, изъ которыхъ одинъ имѣетъ круглую вершину, а другой оканчивается острымъ шпицемъ съ острыми же боковыми гранями. Большая часть изъ нихъ, судя по формѣ, вулканы.

Около полудня мы прошли долину, лежащую между двумя рядами вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, и стали спускаться въ сѣверо-западномъ направленіи. Буря продолжалась съ невѣроятною силой; только прильнувъ къ нашимъ животнымъ, мы могли усидѣть на нихъ. Съ минуты на минуту жажда дѣлалась сильнѣй и мучительнѣй. У меня начинались различныя галлюцинаціи: то мнѣ казалось, что вся мѣстность окрашивается въ кроваво-красный, лиловый или желтый цвѣтъ (вѣроятно отъ сильнаго прилива крови къ сѣтчатой оболочкѣ), то мнѣ видѣлось озеро, то слышался совсѣмъ близко плескъ воды. Я не могъ связать ни одной путной мысли. Всѣ помыслы вертѣлись вкругъ одного только представленія—«вода». Я понялъ, что можно обезумѣть отъ жажды, и, кажется, былъ уже близокъ къ тому. Животныя ѣли снѣгъ, но онъ, повидимому, не освѣжалъ ихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ спускались мы съ горы и прибыли, наконецъ, въ мѣстность, скудно поросшую ковылемъ, но не нашли здѣсь ни капли воды. Въ 8 часовъ вечера мы находились въ узкой долинѣ, въ которой ютится небольшая индѣйская деревушка Soncor. Я остановился у первой же хижины, обитательница которой, старая индіанка, охотно приняла насъ. Я первымъ дѣломъ потребовалъ воды. Женщина принесла полную кружку и наполнила мой стаканъ. Но только что я успѣлъ притронуться къ водѣ губами, какъ горло судорожно сжалось и я почувствовалъ къ ней непреодолимое отвращеніе. Чрезмѣрная жажда вызвала во мнѣ формальную водобоязнь. Я погрузилъ въ воду руки, вымылъ лицо, ополаскивалъ отъ времени до времени ротъ и черезъ полчаса былъ уже въ состояніи проглотить нѣсколько глотковъ, что стоило мнѣ большихъ усилій. Моя хозяйка сообщила мнѣ, что у старосты селенія имѣется клеверъ. Я послалъ за нимъ одного изъ своихъ проводниковъ, и онъ тотчасъ же согласился

продать мнѣ нѣсколько центнеровъ за скромную плату. Конечно, правильность вѣса я долженъ былъ принять на вѣру. Не дотронувшись до прекраснаго корма, мулы бросились къ ручью и выпили громадное количество воды. За это время я приготовилъ мате, которое могъ пить безъ особеннаго непріятнаго чувства. Несмотря на то, что ужъ въ теченіе трехъ дней во рту у меня не было ни крошки, я не испытывалъ ни малѣйшаго чувства голода и пробавлялся все слѣдующее утро мате.

Уже раньше признаки горной болѣзни сильно ослабли; когда же я прибылъ въ Soncor, то осталась только боль въ лицѣ и глазахъ да сильное сердцебіеніе, которое, впрочемъ, и впослѣдствіи возобновлялось отъ времени до времени въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Степь пампа.

(Хэдзона.)

Ни одна часть земного шара не подверглась столь поразительнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе цивилизаторства европейцевъ, какъ огромная площадь южно-американской низменности, получившая отъ британскихъ писателей названіе «пампасовъ» и извѣстная также подъ болѣе подходящимъ испанскимъ названіемъ «пампа». Названіе «пампа» происходитъ отъ мѣстнаго слова, означающаго открытую площадь, и въ данномъ случаѣ вполнѣ подходитъ, потому что пампасы представляютъ въ общемъ одну сплошную равнину, заключающую около 200 тысячъ квадратныхъ миль влажной травянистой поверхности.

Мѣстность эта стала заселяться европейцами съ половины XVI столѣтія. Но до самаго послѣдняго времени это заселеніе происходило въ слишкомъ ограниченномъ размѣрѣ, такъ что совершенно не могло произвести большихъ перемѣнъ въ странѣ; завоеванія европейцевъ въ области пампасовъ ограничивались длинной, рѣдко населенной, исключительно пастушеской полосой земли, и индѣйцы, несмотря на первобытные способы обороны, были въ состояніи отражать вторженіе пришельцевъ въ большей части своихъ наслѣдственныхъ охотничьихъ владѣній. Не далѣе, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, достаточно было отъѣхать на 200 миль отъ главнаго аргентинскаго города Буэносъ-Айреса, чтобы перенестись за самый отдаленный юго-западный пограничный постъ. Въ 1879 г. аргентинское правительство рѣшило очистить страну отъ ея первобытныхъ хозяевъ, и вся травянистая площадь пампасовъ, а также большая часть малоплодородныхъ земель пампы и Патагоніи были предоставлены къ услугамъ колонистовъ.

Измѣненія, происшедшія въ обликѣ пампасовъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, по своему значенію далеко превосходятъ все то, что было сдѣлано прежде въ продолженіе трехъ вѣковъ.

Сырая травянистая область пампасовъ простирается, коротко говоря, на полдороги отъ Атлантическаго океана и отъ впадающихъ въ него рѣкъ Ла-Платы и Параны до Андовъ и переходитъ постепенно въ каменистую мѣстность, извѣстную подъ именемъ *безплодной* пампы, представляющей песчаную и въ большей или меньшей степени безплодную страну, гдѣ встрѣчается сухая, жесткая, деревянистая растительность, главнымъ образомъ—колючіе кустарники и низкорослыя деревья. Каменистая площадь пампы къ югу постепенно сливается съ Патагоніей.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы читатель перенесся воображеніемъ вмѣстѣ со мной въ эту ровную степь, по одну сторону которой раскинулось море, а по другую—безграничное пустынное пространство, покрытое травой, тоже какъ бы море, только не покрытое гигантскими волнами, а спокойное. Нѣтъ ничего легче, какъ вообразить себѣ подобную страну, такъ какъ здѣсь нѣтъ ни лѣсовъ, ни горъ, ни озеръ, ни рѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь нѣтъ ничего, что давало бы пищу воображенію; его не поражаетъ даже необъятность степи. Чѣмъ ровнѣе мѣстность, тѣмъ болѣе суживается горизонтъ; и это по-моему совершенно разрушаетъ ту величественность, какая, по обычному представленію, составляетъ свойство необъятныхъ равнинъ. Мнѣ вспоминается тотъ случай, когда мнѣ пришлось впервые подняться на холмъ и выйти, такимъ образомъ, изъ постояннаго заточенія въ «узкихъ границахъ» равнины. Это былъ одинъ изъ холмовъ, входящихъ въ составъ каменистыхъ горъ близъ мыса Корріентесъ, не выше восьмисотъ футовъ; а тѣмъ не менѣе, когда я поднялся на его вершину, я былъ пораженъ обширностью земли: такой огромной представлялась она мнѣ съ этого скромнаго возвышенія. Чаще всего богатая, но сухая почва пампы покрыта жесткими травами, въ три или четыре фута высоты, которыя совершенно оплетаютъ своей огромной массой степь и сохраняютъ зеленый цвѣтъ въ теченіе круглаго года: среди лѣса этихъ травъ влачитъ свое жалкое существованіе въ скудномъ количествѣ болѣе нѣжная растительность и клеверъ съ длинными вьющимися стеблями; во всякомъ случаѣ могучая деревянистая трава вытѣсняетъ большинство другихъ растеній и ея однообразный вѣчно-зеленый покровъ лишь изрѣдка окрашивается какимъ-нибудь цвѣткомъ. Иногда встрѣчаются то небольшія мѣстечки, то обширныя площади, лишенныя этой травы; тогда они бываютъ устланы низкой ползучей растительностью ярко-зеленаго цвѣта и съ наступленіемъ весны весело пестрѣютъ цвѣтами, по преимуществу изъ семейства сложноцвѣтныхъ и мотыльковыхъ; тутъ же красуется вербена—пурпуровая, алая, розовая и бѣлая. Въ сырыхъ болотистыхъ мѣстахъ пампы растетъ, кромѣ того, нѣсколько видовъ лилій, желтаго, бѣлаго, краснаго цвѣта, а также различные другіе мелкіе цвѣты; при всемъ этомъ флора пампасовъ оказывается весьма бѣдной по числу видовъ и

уступаетъ флорѣ всякаго другого плодороднаго округа на земномъ шарѣ. На сырой глинистой почвѣ цвѣтетъ роскошная трава пампасовъ—серебристый гинерій *), стебли котораго часто достигаютъ высоты въ восемь или девять футовъ. Мнѣ приходилось проѣзжать много миль по такой травѣ, при чемъ перистыя метелки ея были на уровнѣ моей головы и часто выше. Я совершенно не въ состояніи дать хоть сколько-нибудь соотвѣтствующее обстоятельствамъ представленіе о той изысканной прелести серебристаго гинерія, какою въ нѣкоторыя времени года чаруетъ зрителей эта царица травъ, составляющая самую большую славу безлюдной пампы. Въ культурномъ видѣ она извѣстна всякому, но жизнь въ саду постоянно придаетъ ей жалкій, чахлый и загрязненный видъ, такъ что часто она возбуждаетъ въ зрителѣ положительное отвращеніе вянущей массой грубыхъ листьевъ, разостлавшейся по землѣ, и пучками метелокъ всегда одного и того же мертвенно-блѣднаго или грязно-молочнаго цвѣта. Между тѣмъ цвѣтъ ихъ представляетъ сочетаніе самыхъ разнообразныхъ красокъ небесной лазури, оттѣняющихъ ихъ облачную бѣлизну, и является однимъ изъ главныхъ украшеній этой травы, когда она растетъ на родинѣ.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ траву пампы въ полномъ расцвѣтѣ ея красоты при заходѣ солнца въ одинъ изъ ясныхъ мартовскихъ дней. Это былъ одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ закатовъ, какіе можно видѣть только въ пустынѣ, гдѣ ни крыши домовъ, ни заборы не нарушаютъ поэтической простоты природы и гдѣ краски земли и неба сливаются въ гармоническое цѣлое. Я ѣхалъ тогда съ однимъ своимъ пріятелемъ цѣлый день и уже въ продолженіе двухъ часовъ мы ѣхали по безплодной травѣ пампы, которая по обѣ стороны отъ насъ раскинулась на много миль; міріады бѣлыхъ метелокъ, разнообразно оттѣненныхъ, на нѣкоторомъ разстояніи сливались въ одну общую массу и пріобрѣтали сходство съ поверхностью облака. Вдругъ послышался ударъ хлыста позади насъ, мы круто повернули своихъ лошадей и не болѣе какъ на разстояніи 40 ярдовъ отъ себя увидѣли группу изъ пяти индѣйцевъ, ѣхавшихъ верхомъ и быстро приближавшихся къ намъ; въ это время лошади индѣйцевъ остановились, точно замерли, и въ тотъ же мигъ всѣ пять всадниковъ вспрыгнули и выпрямились во весь ростъ на ихъ спинахъ. Было видно, что они вовсе не имѣли намѣренія напасть на насъ и что они просто высматривали въ травѣ своихъ затерявшихся лошадей. Успокоившись на этомъ, мы продолжали нѣсколько времени слѣдить за ними; а они осматривали степь по разнымъ направленіямъ, молча и не двигаясь, точно это были бронзовыя статуи на странныхъ конеобразныхъ пьедесталахъ изъ чернаго камня; благодаря своей мѣдно-красной кожѣ и длиннымъ черными волосамъ, они казались мрачными

*) Gynerium argenteum.

изваяніями на фонѣ алѣющаго небосклона; подъ ихъ ногами и кругомъ былъ раскинутъ коверъ изъ бѣлыхъ или розовыхъ перьевъ гинерія.

Въ другіе часы дня и въ другія времена года общій видъ степи поражаетъ монотонностью; несмотря на открытую перспективу, на богатую зелень и обиліе свѣта, въ ней есть тогда что-то меланхолическое, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ она никогда не бываетъ угрюмой. Унылое меланхолическое настроеніе, какое навѣваетъ пампа на людей, еще не успѣвшихъ съ ней свыкнуться, объясняется, безъ всякаго сомнѣнія, въ значительной степени бѣдностью ея жизни и глубокимъ безмолвіемъ степи. Вѣтеръ рѣдко стихаетъ на этой обширной равнинѣ; здѣсь, какъ и въ лѣсу, «слышенъ шумъ многихъ дыханій». Любопытно между прочимъ, что птицы пампасовъ, за малымъ исключеніемъ, сравнительно очень молчаливы; и это касается даже такихъ птицъ, которыя во всякомъ другомъ мѣстѣ славятся своею пѣвучестью. Объясненіе этому найти не трудно. Въ лѣсахъ и рощахъ, гдѣ больше всего живутъ птицы, онѣ то и дѣло теряютъ другъ друга изъ виду, и чтобы не заблудиться, у нихъ есть только одно средство—частое перекликанье; кромѣ того, густая листва заглушаетъ звукъ, и, наконецъ, всюду, гдѣ сосредоточено много голосовъ, развивается духъ соревнованья: все это побуждаетъ большинство птицъ, и особенно склонныхъ къ общественности, совершенствовать свой голосъ и въ пѣніи, и въ перекликаніи, и въ кричаніи. Въ открытыхъ пампасахъ, гдѣ птицы не скрываются въ травѣ, онѣ могутъ видѣть другъ друга на большихъ разстояніяхъ, и постоянное перекликаніе не представляется необходимымъ; къ тому же, при безмолвіи степи, каждый звукъ передается весьма далеко. По большей части голоса птицъ пампы поразительно глухи; безмолвіе природы наложило на нихъ свой отпечатокъ и, благодаря привычкѣ къ молчанію, сдѣлало ихъ тоже безмолвными. Исключеніе составляютъ только водяныя птицы, которыя почти всѣ прилетаютъ сюда на время изъ другихъ болѣе шумныхъ странъ; онѣ собираются въ лагунахъ или на болотахъ и постоянно перекликаются. Слѣдуетъ еще замѣтить, что подавленные голоса птицъ пампы, которые иногда, однако, бываютъ чрезвычайно мелодичны и выразительны, очень походятъ на звуки, издаваемые многими насѣкомыми и лягушками; повидимому, эти голоса находятся въ созвучіи съ вѣтромъ, разыгрывающимъ свои мотивы на арфѣ камышей и травъ.

Животныя пампы.

(Хэдзона.)

Млекопитающія животныя въ пампасахъ представлены небольшимъ числомъ видовъ, и, за исключеніемъ *вискачи*, здѣсь нѣтъ ни одного вида, о которомъ можно было бы съ увѣренностью сказать, что онъ соста-

вляетъ дѣтище пампы. Извѣстно, напримѣръ, что область распространенія этого крупнаго грызуна не ограничивается истинными пампасами, а захватываетъ также земли къ сѣверу, западу и югу отъ нихъ: но нигдѣ вискачи не чувствуютъ себя такъ хорошо, какъ на обширной травянистой площади пампасовъ. Здѣсь, до извѣстныхъ предѣловъ, онъ, подобно бобру, создаетъ даже собственную обстановку. Вискача живетъ маленькими обществами изъ двадцати или тридцати членовъ и селится въ особыхъ колоніяхъ, состоящихъ изъ норъ съ глубокими ходами, при чемъ ихъ входныя отверстія расположены группами, близко одно отъ другого, и каждое изъ нихъ находится въ особой ямѣ. Жилище вискачи вѣчно или, по крайней мѣрѣ, существуетъ неопредѣленно долго; поэтому земля, которую онъ постоянно нагромождаетъ, образуетъ насыпь до 30 или 40 футовъ въ діаметрѣ, благодаря чему жилища его въ низменныхъ и ровныхъ мѣстностяхъ защищены отъ наводненій. Вискача не быстръ на ноги, и всѣ хищные звѣри являются его врагами; а между тѣмъ онъ любитъ нѣжныя и сочныя травы и злаки, и чтобы найти ихъ, ему пришлось бы совершать большія путешествія по окрестностямъ, среди гигантскихъ травъ, гдѣ неусыпные враги вискачи ждутъ перваго удобнаго момента, чтобы схватить его. Отъ опасности быть растерзаннымъ хищниками онъ спасается тѣмъ, что на большомъ разстояніи вокругъ своего жилища производитъ расчистку, и владѣнія его обрастаютъ мягкимъ лоснящимся дерномъ; здѣсь вискача ѣстъ и здѣсь же, въ сравнительной безопасности, устраиваетъ свои вечернія развлеченія: приближеніе всякаго врага становится сразу же замѣтно; раздается тревожный крикъ, и вся компанія устремляется въ свое убѣжище.

Норы вискачи бываютъ самыхъ различныхъ размѣровъ; это глубокія, широко раскрытыя пустоты, расположенныя очень близко одна отъ другой. Поселеній вискачи бываетъ такъ много, что можно сдѣлать пятьсотъ миль и на этомъ разстояніи не подвинуться ни на полмили, не наткнувшись на норы. Встрѣчаются районы, гдѣ на огромномъ протяженіи, какое только можетъ охватить глазъ, раскинулись широкія равнины, плоскія и гладкія, какъ поле, приноровленное для игры въ шары; въ подобныхъ округахъ, особенно зимою, когда трава бываетъ низко скошена и почва еще не поросла колючимъ гигантскимъ чертополохомъ, насыпи вискачи кажутся какими-то коричневыми или черными пятнами на зеленомъ фонѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ расположены такъ часто, что, сидя верхомъ на лошади и не сдвигаясь съ мѣста, ихъ можно насчитать, по крайней мѣрѣ, сотню.

Самые большіе звѣри изъ плотоядныхъ Южной Америки—это двѣ королевскія кошки, *ягуаръ* и *пума*. Каковы бы ни были ихъ отношенія другъ къ другу въ прочихъ мѣстахъ, въ области пампы господствуетъ

пума: онъ значительно превосходитъ здѣсь своего пятнистаго соперника въ количественномъ отношеніи и лучше его умѣетъ пользоваться благами жизни. Въ виду гибкости хищническихъ нравовъ пумы нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ поселился въ пампасахъ. Всякому, кто лично знакомъ съ образомъ жизни этого льва Новаго Свѣта, извѣстно, что онъ обладаетъ чудовищною отвагой и смѣлостью. Въ пастушескихъ мѣстностяхъ пума представляетъ огромную опасность для болѣе крупныхъ домашнихъ животныхъ и находитъ необыкновенное удо-

Въ пампѣ.

вольствіе въ лошадиномъ мясѣ. Послѣ лошади пума отдаетъ особенное предпочтеніе овцѣ передъ всякимъ другимъ мясомъ; и если гдѣ-нибудь онъ натыкается на стадо, то безъ всякаго смущенія производитъ нападеніе на рогатый скотъ.

Если не считать покорности пумы передъ человѣкомъ, то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ оказывается смѣлымъ охотникомъ. Въ пустынныхъ мѣстностяхъ онъ убиваетъ пекари, тапира, страуса, оленя, гуанако и тому подобныхъ животныхъ, отличающихся силою и быстротою бѣга. Скелеты гуанако, встрѣчающіеся въ Патагоніи, почти всегда бываютъ съ изуродованнымъ въ шейной части позвоночникомъ, и это

показываетъ, что виновникомъ гибели гуанако былъ пума, между тѣмъ всѣмъ извѣстно, какъ чутокъ гуанако и какъ быстро онъ бѣгаетъ. Мнѣ пришлось однажды провести нѣсколько недѣль со сторожевымъ отрядомъ въ такой мѣстности, гдѣ было множество пумъ, и каждый день я находилъ оленей, обыкновенно недавно убитыхъ и непремѣнно со свернутой шеей. Самъ пума съѣдалъ обыкновенно лишь кусокъ грудины, а во многихъ случаяхъ и не прикасался къ мясу, довольствуясь высосанною кровью.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ обезьянъ, пума — самое игривое изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ животныхъ. Всѣ молодыя животныя изъ семейства кошекъ большую часть времени проводятъ въ характерномъ прыганьи; въ пору возмужалости они ведутъ себя однако съ важностью и достоинствомъ, при чемъ исключеніе составляетъ лишь мать, играющая при случаѣ со своими дѣтьми. Пума въ душѣ всегда остается котенкомъ, находя невыразимое наслажденіе въ своихъ шалостяхъ; если онъ живетъ одинъ въ пустынной мѣстности, то онъ готовъ дурачиться въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, то вступая съ кѣмъ-то въ борьбу, то играя въ прятки съ воображаемыми товарищами, то подкарауливая и пуская въ ходъ всѣ свои уловки только для того, чтобы поймать пролетавшую мимо него бабочку. Я зналъ одного пуму въ прирученномъ состояніи, и это животное въ теченіе семи или восьми лѣтъ ни разу не обнаруживало слѣдовъ дурного расположенія. Когда къ нему подходили, оно падало, громко мурлыча и вертясь затѣмъ у вашихъ ногъ въ надеждѣ быть обласканнымъ. Достаточно было помахивать веревочкой или платкомъ, чтобы цѣлый часъ поддерживать его въ состояніи веселаго возбужденія; и если вы утомлялись играть съ нимъ, пума былъ всегда готовъ завязать новую игру съ слѣдующимъ посѣтителемъ.

Какъ страннымъ должно показаться, что этотъ самый хитрый, самый смѣлый и кровожадный представитель кошекъ (Felidae), палачъ ягуара и бичъ жвачныхъ, живущихъ въ одной съ нимъ мѣстности, никогда не нападаетъ на человѣка. Трусливая, пожирающая падаль собака и та,—если знаетъ, что это можно сдѣлать безнаказанно,—кидается на людей; между тѣмъ замѣчательно, что всюду, гдѣ единственно крупнымъ хищникомъ оказывается пума, и взрослый человѣкъ, и даже маленькія дѣти могутъ совершенно безопасно выходить въ степь и спать въ открытомъ полѣ. Въ то же время пума не избѣгаетъ человѣка, хотя въ естественно-историческихъ сочиненіяхъ и утверждается противное; иначе поступаетъ онъ только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ противъ него ведется непрерывная борьба со стороны человѣка. Но это еще не все: онъ обыкновенно даже и не защищается противъ человѣка, хотя въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ онъ, какъ извѣстно, и отступалъ отъ этого правила.

Мнѣ вспоминается разсказъ одного англичанина, проведшаго большую часть жизни въ пампасахъ. На мой вопросъ, убивалъ ли онъ когда-нибудь пуму, онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно убилъ одного пуму, но что послѣ этого онъ далъ себѣ клятву не убивать этого животнаго въ другой разъ. Случилось это такъ: пума появился въ то время, какъ онъ былъ въ полѣ вмѣстѣ съ однимъ гаучосомъ, стерегшимъ скотъ. Животное сидѣло, облокотившись спиной на гамень, и совершенно не двигалось, даже въ ту минуту, какъ гаучосъ накинулъ на него петлю аркана. Тогда англичанинъ сошелъ съ лошади и, вынувъ ножъ, приблизился къ пумѣ, чтобы убить его. Пума не сдѣлалъ ни одной попытки освободиться, но, повидимому, сознавалъ, къ чему клонится дѣло, потому что началъ дрожать, изъ его глазъ закапали слезы, и онъ завылъ самымъ жалобнымъ образомъ. Англичанинъ убилъ пуму безъ всякаго сопротивленія со стороны послѣдняго и, исполнивъ дѣло, почувствовалъ, что совершилъ преступленіе.

Разсказавъ объ этомъ, онъ прибавилъ, что изъ всѣхъ совершонныхъ имъ дѣлъ только убійство пумы вызываетъ въ немъ раскаянье всякій разъ, какъ оно вспоминается.

Всѣ, кому приходилось убивать пуму или быть свидѣтелемъ этого, признаютъ, что онъ всегда принимаетъ смерть отъ руки человѣка покорно и вызывая сожалѣніе. «Когда на пуму нападаетъ человѣкъ,—говоритъ въ «Естественной исторіи Чили» Гей,—энергія и дерзость вдругъ покидаютъ его, и онъ становится слабымъ, безвреднымъ животнымъ; дрожа и испуская жалобные стоны и даже проливая обильныя слезы, онъ производитъ такое впечатлѣніе, будто проситъ своего великодушнаго врага о состраданіи». Врагъ его не всегда бываетъ великодушенъ; во всякомъ случаѣ многіе гаучосы увѣряли меня, что хотя они, оберегая своихъ домашнихъ животныхъ, и убиваютъ пуму, но считаютъ совершенно недостойнымъ лишать его жизни въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ, среди дикихъ звѣрей, является единственнымъ другомъ человѣка.

Если охотникъ отправляется въ поле въ сопровожденіи собакъ, то пума приходитъ въ страшное бѣшенство: шерсть ощетинивается, глаза загораются зеленымъ пламенемъ; животное прыгаетъ, точно взбѣсившаяся кошка. Въ подобныхъ случаяхъ пума какъ бы вовсе не замѣчаетъ присутствія человѣка; все его вниманіе посвящается тогда собакамъ, и противъ нихъ направляется вся его ярость. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ англійскихъ газетахъ появилась замѣтка; въ ней разсказывалось о происшествіи, которое случилось во время показыванія дикаго пумы. Животное было выведено изъ клѣтки, и его хозяинъ, въ сопровожденіи толпы любопытныхъ, гулялъ съ нимъ по полю. Вдругъ пума остановился, пораженный какимъ-то предметомъ въ толпѣ; онъ внима-

тельно всматривался въ этотъ предметъ и обнаруживалъ признаки крайняго возбужденія; затѣмъ, метнувшись съ силою въ сторону, онъ вырвалъ цѣпь изъ рукъ своего хозяина и ринулся въ толпу, которая сейчасъ же съ крикомъ разбѣжалась во всѣ стороны. Страхъ оказался однако напраснымъ, потому что предметомъ, на который обрушилась ярость пумы, была собака, выслѣженная въ толпѣ.

Что касается ягуара, то, по всей вѣроятности, только чрезвычайное обиліе дичи въ видѣ крупныхъ млекопитающихъ, еще недавно отсутствовавшей здѣсь, побудило его, несмотря на привязанность къ рѣкѣ и лѣсу, поселиться въ этой холодной, безлѣсной и сравнительно безводной степи.

Изъ жвачныхъ животныхъ въ пампасахъ есть только одинъ олень пампасовъ, встрѣчающійся здѣсь очень часто. Самая интересная особенность этого животнаго заключается въ томъ, что олень-самецъ обладаетъ рѣзкимъ мускуснымъ запахомъ.

Прежде чѣмъ покончить съ млекопитающими, мы должны упомянуть еще о двухъ интересныхъ видахъ сумчатыхъ; оба они относятся къ одному роду, но по образу жизни столь же различаются другъ отъ друга, какъ, напр., выдра и кошка. Одна изъ этихъ двуутробокъ, повидимому, чрезвычайно приспособлена къ жизни на равнинахъ пампы. Голова этой двуутробки снабжена длинной и тонкой клиновидной мордой, тѣло ея удивительно приспособлено къ тому, чтобы легко и быстро двигаться въ густой травѣ и камышѣ. Она является одновременно наземнымъ и воднымъ животнымъ и, соотвѣтственно этому, она прекрасно приспособлена къ жизни въ низменныхъ и ровныхъ мѣстностяхъ, подверженныхъ наводненіямъ. Въ сухой мѣстности она ведетъ образъ жизни хорька; въ залитыхъ водой лощинахъ, гдѣ она ныряетъ и плаваетъ съ особенною легкостью, двуутробка строитъ себѣ шаровидныя гнѣзда, подвѣшенныя въ камышѣ. Шерсть у нея мягкая, прекраснаго золотистаго цвѣта. Всѣ эти красивые оттѣнки шерсти и ея металлическій блескъ быстро пропадаютъ; въ противномъ случаѣ это животное не имѣло бы покоя отъ людей, которые такъ любятъ украшать себя мѣхомъ и перьями убитыхъ ими изящныхъ по одѣянію звѣрей и птицъ. Другой видъ двуутробокъ—это *опоссумъ Азары*, цвѣтъ котораго представляетъ смѣшеніе чернаго и бѣлаго. Присутствію его въ пампасахъ дѣйствительно нельзя не удивляться. Хотя опоссумъ Азары перемѣщается по землѣ медленно и неуклюже, тѣмъ не менѣе онъ—большой любитель путешествій. Извѣстный путешественникъ Чуди встрѣтилъ однажды опоссума на значительной высотѣ; безпорядочность его похожденій простирается до того, что я натолкнулся на него даже въ Патагоніи, гдѣ, насколько извѣстно, нѣтъ ни одного животнаго изъ разряда сумчатыхъ. Опоссумъ приспособленъ главнымъ образомъ къ жизни на деревьяхъ; несмотря на

это, онъ встрѣчается всюду и на голой землѣ, совершенно лишенной той обстановки, какая, казалось бы, необходима для его существованія. Можетъ быть, прошло уже много тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ опоссумъ живетъ на равнинахъ, при чемъ его лучшія способности остаются безъ приложенія; его изящныя и приспособленныя къ лазанью лапки съ трудомъ плетутся по землѣ, а цѣпкій хвостъ волочится позади него, какъ ни къ чему ненужная веревка. Но стоитъ только перенести его на дерево, какъ опоссумъ, очутившись въ своей сферѣ, совершенно преображается; дерево для него то же, что вода для утки; по стволу и по вѣтвямъ дерева онъ передвигается и лазитъ съ ловкостью обезьяны.

Птицами пампа богаче, чѣмъ млекопитающими; большинство ихъ принадлежитъ къ числу перелетныхъ и проводитъ здѣсь часть года то для высиживанія птенцовъ, то съ цѣлью пропитанія. Два вида ибиса по своей величинѣ не уступаютъ индюку и славятся своимъ звучнымъ, громкимъ голосомъ. Интересна птичка, ростомъ съ нашу курицу, *ипикаха*, отличающаяся изяществомъ и пестротою оперенія. Она любитъ устраивать общественныя сборища. Множество ипикахъ собираются на какой-нибудь мягкой и ровной площадкѣ, окаймленной густымъ камышомъ, и приступаютъ къ исполненію концерта. Это—цѣлый хаосъ раздирающихъ душу криковъ, которые имѣютъ нѣкоторое сходство съ человѣческимъ голосомъ, выражающимъ ужасъ и отчаяніе. За этимъ продолжительнымъ крикомъ слѣдуютъ болѣе низкія ноты; этотъ двойной вопль птицы повторяютъ нѣсколько разъ. Все это время птицы мечутся изъ стороны въ сторону, съ распущенными крыльями, широко раскрывъ и поднявъ свой клювъ. Этотъ танецъ продолжается три или четыре минуты, послѣ чего собраніе мирно расходится.

Самая характерная для пампы птица *тинаму*, какъ называютъ тамъ обыкновенно куропатку; ихъ два вида, одинаковыхъ по образу жизни. Маленькая головка тинаму вооружена тонкимъ загнутымъ клювомъ. Оперніе тинаму ярко-желтаго цвѣта, съ темными и бурыми пятнами на спинѣ. Птица эта скрывается въ высокой травѣ и летаетъ неохотно. Голосъ ея звучитъ мягко и жалобно; вечерніе клики тинаму напоминаютъ своимъ характеромъ звуки флейты.

Мнѣ остается еще пополнить общій очеркъ пампы указаніемъ на страуса. Великаны животнаго царства, глиптодонъ, токсодонъ, милодонъ, мегатеріумъ, давно уже исчезли съ лица земли и не оставили послѣ себя никакихъ потомковъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь ничтожныхъ карликовъ. Зато среди пернатыхъ обитателей пампы сохранился и до сихъ поръ представитель древности, огромный американскій страусъ, извѣстный подъ именемъ *нанду*; это пережитокъ того времени, когда и среди птицъ были свои великаны.

Во время охоты на нанду употребляется болась *). Если при этомъ есть конь, способный къ быстрому и продолжительному бѣгу и пріученный слѣдовать за страусомъ при всѣхъ его внезапныхъ поворотахъ, то охота на него представляетъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ обворожительныхъ видовъ спорта, изобрѣтенныхъ когда-либо человѣкомъ. Преслѣдуемой птицѣ представляется при этомъ условіи не одинъ удобный случай, чтобы ускользнуть отъ охотника, безъ чего всякій спортъ превращается въ простую бойню, совершенно недостойную разумныхъ существъ; кромѣ того, при этомъ оригинальномъ способѣ охоты удача охотника зависитъ отъ приготовленности его ко всѣмъ сюрпризамъ и внезапнымъ увертками, какія практикуются страусомъ въ тотъ моментъ, какъ его настигаютъ, какъ бы инстинктивно, по какому-то вдохновенію; наконецъ, нужно обладать большимъ искусствомъ, чтобы выбрать вполнѣ подходящій моментъ для бросанія боласа, что требуетъ къ тому же извѣстной мѣткости, которая не пріобрѣтается никакой практикой, если только не дана отъ природы.

«Беззавѣтная радость пустыни», какою была для гаучосовъ въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій охота на нанду, доживаетъ свой вѣкъ, потому что быстрота ногъ нанду не въ состояніи спасти его отъ истребленія. Стоитъ только ему подняться на ноги, и для него не значитъ ничего ни конь, ни всадникъ; но огнестрѣльныя орудія, изобрѣтенныя наукой и обличающія трусость человѣка, въ связи съ систематически ведущеюся противъ него истребительною войной, лишаютъ его всякихъ шансовъ на существованіе. Та же участь постигаетъ ведущаго издревле родъ великолѣпнаго фламинго, лебедей, рыжаго тинаму, съ его сладкоголосыми, печальными и мелодичными вечернимъ серенадами, и благородную хохлатую паламедею, этого звонкоголосаго ночного стражника пустыни. Скоро наступитъ время, когда всѣ эти и другія крупныя птицы, равно какъ и самые изящные виды изъ числа млекопитающихъ, совершенно исчезнутъ съ лица пампы, подобно тому какъ скоро же исчезнетъ бизонъ и многіе другіе виды въ Сѣверной Америкѣ.

Изъ Аргентины въ Уругвай въ дилижансѣ.

(А. Іонина.)

Было еще темно, заря даже не брезжилась, когда мы всѣ, путешественники въ Уругвай, пошли къ дому содержателя дилижансовъ со своими чемоданами. Впрочемъ, виноватъ, чемоданъ былъ только у меня,

---

*) *Болась* состоитъ изъ двухъ или трехъ круглыхъ камней, обтянутыхъ кожей и соединенныхъ вмѣстѣ тонкимъ плетенымъ ремнемъ, въ нѣсколько футовъ длиною. Гаучосы чрезвычайно искусно кидаютъ болась, при чемъ шары, падая на какой-нибудь предметъ, обвиваются вокругъ него и, если это—животное, сшибаютъ его съ ногъ.

а у моихъ спутниковъ оказались только тощіе свертки какого-то хлама, завернутаго въ старыхъ пончо и перевязаннаго ремневыми веревками, откуда непремѣнно торчала наружу пара сапогъ. Было холодно, я и въ тепломъ пальто стучалъ зубами и удивлялся, какимъ образомъ вся эта компанія довольствовалась для предохраненія себя отъ стужи одними пончо, подъ которыми вѣтеръ гуляетъ на просторѣ. Дилижансъ былъ уже заложенъ, и мы скоро усѣлись.

Дилижансъ?—Читатель знакомъ съ этими ящиками, куда влѣзаютъ сзади, называемыми омнибусами. Вообразите такой омнибусъ самый старый, не мытый, запыленный, разбитый по всѣмъ суставамъ, безъ подушекъ на лавкахъ, и вы получите довольно ясное представленіе объ уругвайскомъ дилижансѣ—и это удовольствіе на цѣлую недѣлю, а можетъ быть и больше! Впрочемъ, я сѣлъ на козлы: это была просто узенькая лавочка, безъ перилъ съ боковъ; багажъ привязали наверху. Увидавъ такую колымагу и особенно ея упряжь, я чуть не расхохотался: нѣчто весьма оригинальное и живописное. Вокругъ дышла этого въ сущности маленькаго экипажа сгруппированъ былъ цѣлый табунъ лошадей. Въ первомъ ряду пять, впереди на длинныхъ постромкахъ три, и впереди на веревкѣ, метровъ въ 6 или 8, еще одна. На этой передовой, на мохнатой грудѣ бараньихъ кожъ, замѣняющихъ сѣдло, сидѣлъ въ одной рубашкѣ, въ дырявой, какъ рѣшето, поярковой шляпѣ набекрень, съ ногами, завернутыми въ онучи, мальчикъ-гаучо лѣтъ двѣнадцати, держась бодро и молодцевато, съ длиннымъ кнутомъ въ рукахъ. Сзади экипажа были еще три лошади на привязи. Богъ знаетъ, какъ это все сцѣплялось между собою: шлеи и помину нѣтъ, вмѣсто хомута толстый кожаный поясъ, а отъ него, отъ всѣхъ восьми лошадей, тянулось по одной веревкѣ прямо къ длинной перекладинѣ, лежавшей на корнѣ длиннаго дышла, которое въ свою очередь связано было съ экипажемъ по бокамъ опять однѣми только веревками. Хомутъ передней лошади, на которой сидѣлъ мальчикъ-гаучо, соединялся веревкой съ концомъ дышла. Мальчикъ, сидящій на бараньихъ шкурахъ, собственно и есть настоящій кучеръ-водитель экипажа, потому что гаучо, съ внушительными усами, грѣвшійся рядомъ со мною, подобралъ вожжи, зацѣпилъ ихъ преспокойно за деревянный колъ, прикрѣпленный сбоку его лавки, протянулъ ноги, свернулъ папироску изъ кукурузнаго листа, закурилъ ее,—словомъ, принялъ позу пассажира на томъ мѣстѣ, гдѣ, по нашимъ понятіямъ, долженъ сидѣть кучеръ. Передъ нимъ 8 лошадей, но вожжей, прикрѣпленныхъ къ колу, оказалось только двѣ, отъ двухъ лошадей у дышла, на головахъ только этихъ двухъ лошадей были надѣты элементарныя уздечки, описанныя выше, и вмѣсто удилъ веревочная петля около нижней губы. Тотъ, кого мы назвали бы кучеромъ, даже обидѣлся бы, если бы его такъ назвали: это «началь-

никъ», «командиръ», майоралъ, онъ оказался самъ и хозяиномъ всего предпріятія.

Майоралъ усѣлся, оглянулся, спросилъ, все ли готово, у стоявшихъ вокругъ гаучо, и, получивъ утвердительный отвѣтъ: «adio!»—крикнулъ мальчику-форейтору; тотъ встрепенулся, чихнулъ, махнулъ энергично кнутомъ поверхъ головъ лошадей, и весь нашъ косматый табунъ прямо въ карьеръ поскакалъ, точно сорвавшись съ цѣпи, по широкой улицѣ.

Топотъ двѣнадцати лошадей, трескъ, визгъ, скрипъ экипажа—все это поднялось вдругъ оглушительнымъ, зловѣщимъ, казалось мнѣ, громомъ: этотъ расшатанный экипажъ рухнетъ и разобьется вдребезги на первой кочкѣ, на первомъ поворотѣ! Но скоро я привыкъ къ этому сомнѣнію и успокоился. Стремглавъ мы поворачивали въ полутемныхъ улицахъ (утро только что брезжилось) направо, налѣво, какъ ни въ чемъ не бывало. Майоралъ все курилъ свою папиросу, и мы въ минуту выскочили изъ послѣднихъ заборовъ городка въ чистое поле; волнистая даль убѣгала кругомъ въ полумракѣ утренней зари, городъ скрылся изъ виду, и мы мчались по гладкой почвѣ степи, сбѣгая и взбѣгая по отлогимъ холмамъ.

Рѣзкій холодный вѣтеръ, производимый быстрымъ движеніемъ, рѣзалъ лицо и проникалъ всюду подъ мое теплое и наглухо застегнутое пальто. Но я не обращалъ на это вниманія—этотъ оригинальный способъ ѣзды, новизна впечатлѣній, эта жизнь, воплощенная въ цѣлый табунъ, скачущій въ карьеръ впереди и сзади экипажа, стада быковъ, разсыпанныя кругомъ по степи, и стаи птицъ, пробуждаемыя стукомъ и топотомъ, длинноногіе страусы, бросающіеся бѣжать въ сторону съ нашей дороги у самаго носа лошадей,—все это было такъ ново и такъ полно какимъ-то удалымъ размахомъ жизни, что я позабылъ и про холодъ, и про перспективу—пропрыгать 8 дней на моей узенькой скамеечкѣ.

Красноватые лучи восходящаго солнца вырвались изъ-за дальняго холма на синемъ горизонтѣ и, скользнувъ по волнообразной степи, мгновенно покрыли ея поверхность цѣлой гаммой цвѣтовъ и тѣней, когда впереди экипажа показалась Pio Негро, рѣка довольно широкая.

Мы прямо мчались къ ней... Но гдѣ же мостъ? Помилуйте, какой же мостъ въ этой степи, кто его тутъ построитъ и кому онъ нуженъ? Берега рѣки кажутся не обрывистыми, не высокими, но все-таки крутыми, а кругомъ еще кустарники. Любопытно, какъ это мы проскользнемъ здѣсь съ нашей девяткой лошадей и съ дребезжащимъ экипажемъ, съ десяткомъ пассажировъ и ихъ багажомъ... Но вотъ майоралъ подобралъ двѣ свои вожжи и натягиваетъ ихъ, а гаучо-форейторъ уменьшаетъ шагъ—вся девятка покорно слушается этого предостереженія и

изъ карьера переходитъ въ легкій галопъ. Вдругъ передъ самыми кустами, заслонившими уже рѣку отъ нашихъ глазъ, форейторъ бросается круто, какъ испуганный, влѣво, въ сторону, взмахнувъ веревкой. Наша девятка, какъ послушный батальонъ за офицеромъ, поворачиваетъ тоже, но не круто, а отлого, на скаку описывая правильный полукругъ, потомъ такой же поворотъ вправо, и мы ныряемъ по крутому скату между кустами, вѣтви которыхъ хлещутъ по лошадямъ и экипажу... Вдругъ толчокъ, который чуть не выбрасываетъ меня за бортъ и заставляетъ ухватиться обѣими руками за пончо моего сосѣда майораля,—и мы въ водѣ, подымая цѣлый фонтанъ брызгъ, окатившій насъ мгновенно съ головы до ногъ. Нѣсколько цапель и фламинго, спугнутые у самыхъ колесъ экипажа, неистово кричатъ, размахивая впопыхахъ крыльями. Разскакавшіяся лошади и въ водѣ продолжаютъ еще свой аллюръ и переходятъ на шагъ только на срединѣ рѣки... Вода имъ выше брюха. Переднія колеса совсѣмъ утонули, и струи тоже какъ бы испуганной рѣки покрываютъ подножіе нашего сидѣнія. Я какъ-то ухитрился скорѣе подобрать ноги на мою узкую лавочку, крѣпко вцѣпившись въ пончо майораля, который благосклонно улыбнулся мнѣ, какъ новичку, приговаривая, что это ничего, что дорога теперь отличная и самая сухая, что рѣдко бываетъ такъ мало воды въ рѣкѣ.

Я оглянулся назадъ посмотрѣть на моихъ спутниковъ, заключенныхъ въ узкомъ ящикѣ омнибуса: на двухъ продольныхъ лавочкахъ они всѣ сидѣли съ подобранными ногами, держась другъ за друга, и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали свой оживленный споръ, вѣроятно, о политикѣ, вода же переливалась у ихъ ногъ.

Достигнувъ противоположнаго берега рѣки, наша девятка снова встрепенулась подъ энергичнымъ взмахомъ удалого гаучосика, и мы-молніей, покосившись неимовѣрно на бокъ на крутомъ косогорѣ, вылетѣли изъ прибрежныхъ кустовъ и очутились на просторѣ, на плоскости широкаго холма. Опять помчались впередъ по бархатной муравѣ, опять въ карьеръ, опять между разбросанными въ степи быками, пугая всякихъ птицъ и страусовъ. Ночной холодъ быстро смѣнился жаромъ, и полчаса спустя по восхожденіи своемъ солнце жгло и палило уже насъ своими жгучими лучами. Въ нѣсколько минутъ мы вполнѣ высохли отъ полученной ванны, и мой страхъ прошелъ...

Очнувшись отъ первыхъ впечатлѣній, я началъ вникать въ подробности новаго для меня способа передвиженія и окружавшей насъ картины. Несмотря на мое узкое сидѣнье, несмотря на такое устройство экипажа, которое необходимо должно было дѣлать его очень тряскимъ, ѣхать было относительно покойно—дорога дѣйствительно была бархатная. Дорога!—это слово, впрочемъ, вовсе не подходитъ; собственно дороги не было, и направленіе нашего пути обозначалось только слѣдами

колесъ, которые тамъ и сямъ бѣжали по степной травѣ, то скрещиваясь, то расходясь. Движеніе на колесахъ здѣсь малое, да и тѣ, которые ѣдутъ, берутъ просто цѣликомъ по травѣ и не выбиваютъ тѣ колеи, которыя такъ непріятно знакомы по нашимъ грунтовымъ дорогамъ, ограниченнымъ съ боковъ или канавами, или посѣвами, или просто степью, по ѣздить по которой не велятъ. Здѣсь же просторъ неограниченный кругомъ: хлѣба не сѣютъ, травы не косятъ, а потому въ сухое время, вотъ какъ теперь, пыли нѣтъ, а въ дождливое не бываетъ и грязи, трава растетъ вѣчно и зиму и лѣто, только лѣтомъ на возвышенныхъ мѣстахъ она дѣлается золотисто-желтою, тонкою, какъ нитки, низенькою соломой, стоящей на корню.

До уругвайской границы намна еще не совершенно плоское пространство; она волниста, но почва, покрывающая эти волны, совершенно гладкая; только во впадинахъ очень часто встрѣчаются ручьи, которые вырываютъ иногда довольно глубокія русла, иногда въ нѣсколько метровъ глубины, обрывистые, часто каменистые.

Эти ручьи составляютъ единственныя препятствія для ѣзды; слѣды колесъ, разбѣгаясь по степи, соединяются въ одной точкѣ у извѣстныхъ уже бродовъ, у тѣхъ мѣстъ, гдѣ крутизны береговъ у ручья болѣе отлоги, и образуютъ выбоины, ибо въ этихъ же мѣстахъ переѣзжаютъ не только на колесахъ, но переходятъ и табуны. Не будь этихъ ручьевъ, по волнистой плоскости степи и въ сухой, и въ дождливый сезонъ можно было бы катиться какъ по асфальту, и притомъ безъ шума, мягко, покойно; но ручьи эти представляютъ иногда неодолимыя препятствія. Иногда во время дождей они дѣлаются глубокими потоками, заливающими окрестность, и тогда ни переѣхать, ни пройти черезъ нихъ нельзя; а когда вода начинаетъ спадать, то промоченная почва низменности превращается въ невылазное болото, такъ что никогда нельзя сказать, во сколько времени можно доѣхать отъ такого-то до такого-то пункта,—все зависитъ не отъ земли, а отъ неба.

Степь кругомъ кишитъ жизнью. Я говорилъ уже о стадахъ быковъ и лошадей, которыя вперемежку (или безъ малѣйшаго перерыва), вразсыпную покрываютъ все видимое пространство, но кромѣ того тутъ бездна зайцевъ, въ кустахъ около рѣкъ ягуары, а главное—птицы, птицы вездѣ. Четвероногихъ, проѣзжая въ экипажѣ, видно мало, но птицы очень оживляютъ картину, особенно въ низменныхъ мѣстахъ—бѣлые и черные, розовые, стройные, тонкіе фламинго съ ихъ красивыми носами, цапли, ибисы и вокругъ нихъ міріады куликовъ всѣхъ родовъ и величинъ, особенно въ то время, какъ я проѣзжалъ, осенью. Но птица, которая покрываетъ намну всю, сплошь, какъ быки и лошади, это родъ нашего чибиса, называемаго здѣсь «таро-таро» въ подражаніе крику, который онъ издаетъ. Эти таро-таро, черные съ бѣлыми крыльями, жи-

вые, подвижные, тоненькіе и граціозные, шныряютъ всюду и наполняютъ воздухъ своими отрывистыми, рѣзкими криками.

Тамъ и сямъ, тоже всюду, по всей степи, разгуливаютъ мѣрными шагами страусы, и чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ ихъ больше. Эти страусы дикіе, но они такъ привыкли къ быкамъ и людямъ, которые ихъ не трогаютъ, что пѣшкомъ къ нимъ можно подойти на два шага, и нашъ экипажъ, несмотря на весь свой громъ, дребезжанье и топотъ двѣнадцати лошадей, пущенныхъ почти въ карьеръ, разгонялъ ихъ группы только тогда, когда подъѣзжалъ къ нимъ вплотную. Группа страусовъ, вытянувшихъ свои длинныя шеи, прервавъ поиски пищи между травъ, останавливалась какъ вкопанная, услышавъ насъ, и, уставивъ на насъ свои выпуклые глаза, старалась какъ бы опредѣлить, что это такое—просто ли маленькій табунъ лошадей, котораго конечно пугаться не стоитъ, или есть что-нибудь и другое между лошадьми, и только убѣдившись въ присутствіи чего-то необычнаго—нашего дребезжащаго дилижанса, страусы вдругъ сгибались, вытягивали шею впередъ, растопыривали свои кудрявыя крылья и стремглавъ, широкою рысью, пускались въ степь направо, налѣво—кто куда попало.

Всюду, особенно на возвышенныхъ мѣстахъ, въ желтой, чисто какъ золото блестящей на солнцѣ травѣ, шныряютъ южно-американскія куропатки, и тоже всѣхъ возможныхъ величинъ: есть такія, которыя достигаютъ размѣровъ индѣйки. На длинныхъ ногахъ прыгаютъ тутъ же степныя востроносыя курочки. И все это такъ не пугливо, точно кругомъ человѣка совсѣмъ нѣтъ. Человѣкъ въ самомъ дѣлѣ очень рѣдокъ, да и тотъ, который есть, не нарушаетъ гармоніи и идилліи этой первобытной жизни; онъ не преслѣдуетъ этихъ вольныхъ жителей пампы, живетъ одинаковой съ ними простой жизнью. Здѣшнему человѣку довольно имѣть быка-другого, больше онъ ничего и знать не хочетъ. Для добыванія же себѣ пищи у него есть арканы, «лассо» и «боласъ», веревка съ мертвой петлей или съ тремя ядрами на концѣ, и длинный ножъ—вотъ все, что ему нужно.

Солнце было уже довольно высоко, мы выскочили на пригорокъ изъ оврага одного изъ ручьевъ, какъ майораль, подобравъ вожжи, свистнулъ мальчику—онъ мгновенно бросился въ сторону, поворотилъ назадъ свою лошадь къ намъ лицомъ и натянутою веревкою, связывающею его съ дышломъ, разомъ остановилъ лошадей, обогнувъ ею ихъ груди.

«Надобно перемѣнить коренныхъ», сказалъ майораль, не торопясь слѣзая съ козелъ. Мальчикъ спрыгнулъ съ сѣдла, и они пошли назадъ отвязать двухъ лошадей изъ тѣхъ трехъ, которыя на длинныхъ привязяхъ бѣжали за нами про запасъ. Мы, пассажиры, тоже сошли на землю повыпрямить наши члены.

Часа черезъ два (было уже около 10-ти, а мы выѣхали около пяти)

показалось вдали на хребтѣ пригорка на видъ большое строеніе, темное и только въ одномъ концѣ бѣлое, съ нѣсколькими деревьями вокругъ, тоже казавшимися огромными. Но странно: чѣмъ больше мы приближались къ этой постройкѣ, тѣмъ меньше становились и строеніе, и окружавшія его деревья, и когда подъѣхали къ нему, то строеніе съ крышей оказалось чуть-чуть выше человѣческаго роста, деревья—тощими, прозрачными и грустными ивами, вовсе не высокими.

Это постоянная иллюзія въ пампѣ—все, что находится на возвышенности, кажется издали огромнымъ, особенно при легкомъ туманѣ, такъ же, какъ и едва замѣтныя въ сущности возвышенности кажутся чуть не горами. Этотъ оптическій обманъ производится противоположностью свѣта и тѣни на этомъ необозримомъ ровномъ пространствѣ.

Строеніе оказалось просто ранчо *), стѣны которой слѣплены просто изъ земли съ сухой травой и выбѣлены растворенною въ водѣ известью съ одного угла, гдѣ и имѣлось оконце безъ рамы и стекла, конечно не закрывающееся ставнями. Это жилой уголъ, то-есть нѣчто въ родѣ комнатки, гдѣ спятъ обитатели сего степного палаццо. Земляныя, черныя мѣстами, стѣны покрыты толстою крышею изъ камыша, который добывается въ мѣстныхъ болотахъ. Крыша держалась на тоненькихъ жердочкахъ—часто, должно быть, эта крыша возобновляется, ибо и небольшому порыву вѣтра ничего не стоитъ ее снести, а тутъ царство ужаснаго памперо **). Ранчо эти — все, всякое жилье въ степи и, главнымъ образомъ, корчма—построены почти по одинаковому плану. Это обыкновенно квадратикъ, имѣющій метровъ десять по сторонамъ, въ серединѣ входъ въ довольно широкое пространство, гдѣ на полу изъ утоптанной земли тлѣютъ угли, надъ которыми виситъ котелъ съ водою; по стѣнамъ иногда полки изъ досокъ, положенныхъ на колья, воткнутые въ рыхлую земляную стѣну. Изъ сѣней, которыя служатъ и салономъ, и кухней вмѣстѣ, низенькая дверца ведетъ въ комнатку съ окошечемъ наружу, выбѣленную снаружи и внутри, гдѣ люди спятъ на полу, на своихъ пончо, а если они живутъ пороскошнѣе, да матрацахъ, набитыхъ сухою травой. Мебели никакой, и единственное украшеніе—изображеніе Божьей Матери или какого-нибудь святого, большею частью св. Франциска Ассизскаго. Другая дверца ведетъ внутрь, на маленькій дворикъ, гдѣ тоже слѣплены изъ земли двѣ-три конуры для житья; тутъ, кромѣ того, много куръ, собакъ, а иногда можно встрѣтить и свинью. Такого рода ранчо представляетъ жилье для гаучо и не только пастуховъ окружныхъ стадъ, но даже и для собственниковъ ихъ, которые именно и живутъ въ этихъ выбѣлен-

*) Ранчо—лачуга, изба и, пожалуй, всякое строеніе, которое немножко совѣстно назвать домомъ, это тоже и лавка, и постоялый дворъ.

**) Памперо—очень сильный, сухой вѣтеръ, дующій часто въ пампѣ.

ныхъ комнаткахъ. Немного нужно здѣшнему человѣку въ степи. Даже если у него есть и деньги, если ему захочется позабавиться и проиграть или пропить свои деньги, онъ, продавши годовую пропорцію своего стада, отправляется для того въ ближайшій городъ на Уругвай, а то и въ самое Монтевидео, гдѣ часто живетъ постоянно его семья. Въ пампѣ же опять онъ преображается въ гаучо и живетъ такъ же, какъ и его peonas (слуги, работники), отъ которыхъ его можно отличить только тѣмъ, что у него серебряныя шпоры, ножны его обдѣланы тоже въ серебро, а пончо изъ вигони, пріѣхавшее изъ горъ Боливіи, а не нѣмецкаго происхожденія. Впрочемъ, эти вещи представляютъ предметъ мечтаній всякаго гаучо, который, если не можетъ ихъ выработать, готовъ иногда на преступленіе (только не на воровство), чтобы ихъ добыть, а потому часто хозяина не отличить отъ его peona. Впрочемъ, этотъ послѣдній такой же свободный человѣкъ, какъ и хозяинъ, даже болѣе проникнутъ чувствомъ своей свободы, ибо у него ничего нѣтъ, нѣтъ, какъ у хозяина, своего стада, которое приковывало бы его къ одному мѣсту.

Если ранчо исправляетъ должность корчмы, какъ это строеніе, къ которому мы теперь подъѣхали, то съ одного конца ея есть еще другой входъ въ комнату, стоящую особо и тоже выбѣленную, стѣны которой покрыты доверху полками. Тутъ есть уже и прилавокъ, и столъ—нѣсколько досокъ, прямо положенныхъ безъ затѣй на козлы, сколоченныя изъ нѣсколькихъ кольевъ! Такія ранчо-корчмы бываютъ на проѣзжихъ путяхъ, да тутъ почти всѣ онѣ—корчмы. Другихъ построекъ, другого жилья въ степи нѣтъ, село—понятіе неизвѣстное, и эти изъ земли слѣпленныя пристанища человѣка разбросаны по степи далеко не густо; иногда скачешь часа два-три, прежде чѣмъ увидишь ранчо на дорогѣ или гдѣ-нибудь въ сторонѣ. Помѣщаются онѣ большею частью тамъ, гдѣ есть вода; воды, впрочемъ, довольно много въ уругвайской пампѣ.

Около ранчо помѣщается загонъ, о которомъ я тоже говорилъ выше, и больше ничего—ничего не насажено и не посѣяно. Мебели въ этомъ родѣ построекъ не полагается; столъ или кровать изъ досокъ на козлахъ составляютъ уже роскошь, а стулья и подавно; распиливаютъ на кусочки поперекъ толстый стволъ дерева, въ него снизу втыкаютъ три палки, такъ, чтобы онѣ немного расходились, вотъ вамъ и весь этотъ примитивный стулъ! Но и этотъ матеріалъ, отпиленный отъ ствола кругъ дерева, рѣдокъ въ этой безлѣсной странѣ, гдѣ по берегамъ рѣкъ растетъ только рослой породы кустарникъ, годный на дрова да на тѣ кривые, корявые и крѣпкіе, какъ желѣзо, довольно толстые, впрочемъ, колья, изъ которыхъ устраиваютъ загонъ, а потому искусство гаучо примѣнило къ сидѣнью черепъ быка и лобъ его служитъ

обычнымъ стуломъ, если къ нему снизу придѣланы въ видѣ ножекъ тоже три палки. Читатель можетъ себѣ представить, что сидѣніе это не комфортабельно. Гаучо больше любитъ лежать, если не сидитъ верхомъ, и для этого подстилаетъ если не свое пончо, то просто сырую шкуру быка.

Когда мы пріѣхали на такого рода станцію, народа было тамъ уже довольно много, и въ корчмѣ, и вокругъ очага, посреди́нѣ большого чернаго помѣщенія. Это были тоже проѣзжіе, но съ юга, верхомъ или на арбахъ,—мелкіе купцы, или гаучо, а вокругъ углей суетились за приготовленіемъ мате нѣсколько женщинъ. По ихъ прямымъ, толстымъ волосамъ, даже большею частью не собраннымъ на головѣ, а распущенным или заплетеннымъ въ двѣ тяжелыя косы вмѣстѣ съ суконною, красною ленточкой, по ихъ широкимъ лицамъ, поперечный діаметръ которыхъ казался больше продольнаго, по широкимъ ртамъ, узкимъ глазамъ и маленькимъ носамъ видно было тотчасъ, что это все смѣшанныя породы европейской и индѣйской крови, а одна изъ этихъ женщинъ была совсѣмъ чистокровнаго типа,—темно-бронзоваго цвѣта, крѣпкая, приземистая, коренастая—жена одного гаучо изъ бразильцевъ. Наше появленіе произвело, конечно, нѣкоторую суматоху. Мои спутники оказались большею частью знакомыми съ встрѣчными путешественниками, которые сейчасъ же уступили намъ свои мѣста на бычачьихъ лбахъ или шкурахъ вокругъ огня, и пошли тотчасъ разговоры и разспросы о томъ, какъ дѣла обстоятъ внутри республики, что, конечно, очень интересовало возвращающихся революціоперовъ. Какъ только мы сѣли, началось сосаніе мате, которое никогда не производится стоя. Мате это дерево съ бѣлесоватыми стволами, растущее въ Парагваѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ и замѣняющее здѣсь чай. Оно изъ породы Пех, т.-е. сродни нашему дубу. Европейцы прежде всего познакомились съ нимъ въ Парагваѣ и потому назвали Парагвайскимъ чаемъ, ибо листья его употребляютъ такъ же, какъ листья чая.

Мате собираютъ, обрубая тонкія вѣтки совсѣмъ съ листьями. Въ городахъ фабриканты скупаютъ продуктъ и приготовляютъ изъ него порошокъ. Фабрикація этого чая вовсе не такъ сложна, какъ китайскаго. Фабрики большею частью ручныя или конныя. Листъ и стебли сушатъ на медленномъ огнѣ, затѣмъ растираютъ отдѣльно, а потомъ мѣшаютъ въ извѣстной пропорціи—вотъ и все.

Сосаніе мате—это въ нѣкоторомъ родѣ серьезная минута въ жизни степного человѣка, даже разговоръ на это время прекращается. Тутъ сосутъ мате гораздо болѣе примитивно, чѣмъ это я дѣлалъ на гасіендѣ моего бразильскаго знакомаго помѣщика. То-есть приспособленіе то же, заваривают его такъ же, но безъ сахара; колба, чашка или простая высушенная, коричневаго цвѣта тыква, трубочка изъ желтой мѣди-

вотъ и все. И эта одна посуда на всю компанію, и переходитъ по очереди отъ одного къ другому. Женщина засыплетъ порошокъ-мате, сохраняющійся въ бычачьемъ пузырѣ, въ тыкву, нальетъ горячей воды и поднесетъ гостю. Гость пососетъ не болѣе минуты, сосать дольше невѣжливо, и передаетъ тыкву обратно женщинѣ, которая, стоя передъ нимъ, ждетъ, пока онъ кончитъ. Она опять наливаетъ воды, не перемѣняя порошка, и подноситъ сидящему рядомъ, и такъ далѣе, пока тыква не обойдетъ всю прибывшую въ гости компанію, а затѣмъ, если сила порошка уже истощена, насыпается новый, и операція начинается снова, опять съ перваго гостя.

Операція эта продолжается иногда часами; цѣлый вечеръ, цѣлый день пожалуй, если компаніи нечего дѣлать и она никуда не спѣшитъ. При этомъ наблюдается строгій этикетъ. Нельзя, напр., потребовать тыкву не въ очередь; нужно, принявъ тыкву послѣ своего сосѣда, опять предложить ему ее обратно, спрося, не желаетъ ли онъ повторить, при чемъ тотъ непремѣнно долженъ отказаться; принимая въ свои губы трубочку, которая только что была въ губахъ сосѣда, нельзя вытирать ее,—это невѣжливо. Садясь вокругъ огня для сосанія мате, нужно садиться по чинамъ или, по крайней мѣрѣ, по старшинству возраста и т. д.

Не знаю, какъ сказать, вкусно мате или нѣтъ. Оно похоже вкусомъ на крѣпкій чай безъ сахара, но немножко болѣе горько, терпко, вяжуще, немного отзывается также запахомъ пареныхъ листьевъ; но, путешествуя по степи, я скоро не только къ нему привыкъ, но даже пристрастился. На гаціендѣ я его пробовалъ, пилъ скорѣе изъ любопытства, но здѣсь, усталый послѣ долгой ѣзды на неудобныхъ лавкахъ дребезжащаго дилижанса, послѣ безсонной и холодной ночи, я въ первый разъ съ наслажденіемъ потянулъ изъ трубочки эту горячую жидкость и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда трубочка подойдетъ ко мнѣ въ другой разъ. Я сразу почувствовалъ себя бодрѣе, и этого было довольно.

Хозяинъ ранчо, онъ же и лавочникъ и собственникъ стада, которое гуляло кругомъ по степи, пригласилъ насъ въ корчму, гдѣ имѣлся столъ для завтрака. Столъ уже былъ покрытъ довольно чистою, хотя конечно и грубою, скатертью, на немъ стояли куриныя и нѣсколько страусовыхъ яицъ, зажаренныя куры, нѣсколько открытыхъ коробочекъ сардинокъ, а мы съ собою имѣли тоже кое-какіе запасы и хлѣбъ. Куры оказались жестче деревянныхъ, сардинки протухлыми, и мнѣ осталось довольствоваться яйцами, сваренными вкрутую. Яйца здѣшнихъ страусовъ не такъ велики, какъ яйца африканскихъ, немного больше яицъ индѣйки, и не могу сказать, чтобы были вкусны. Впрочемъ, это такъ кажется, можетъ быть, съ непривычки.

Когда мы подъѣхали къ ранчо, она же и станція, майораль и малень-

кіи гаучо быстро и ловко начали отпрягать лошадей. Отцѣпять одну, майораль даетъ ей энергичный ударъ пинкомъ въ брюхо, и она со всѣхъ ногъ мчится въ степь, гдѣ скоро и исчезаетъ изъ виду. Затѣмъ съ другою, третьею и т .д. та же процедура; табунъ, на которомъ мы пріѣхали, разогнанъ на всѣ четыре стороны. «Вотъ такъ стойла,—думалъ я,— но гдѣ же другія лошади, чтобы замѣнить прежнихъ до слѣдующей станціи?» Впрочемъ, двухъ изъ нихъ, которыя были посвѣжѣе, майораль не прогналъ, а привязалъ къ одному изъ кольевъ. Позавтракавъ съ нами, майораль взялъ свое лассо, явился другой мальчикъ-гаучо тоже съ лассо, и они отправились сѣдлать привязанныхъ у ранчо лошадей, а осѣдлавъ ихъ, пустились галопомъ въ степь и исчезли изъ виду. Больше часу прошло, когда они появились, таща за собою двухъ лошадей, пойманныхъ на лассо, прикрѣпленныя къ сѣдлу, а передъ собою гнали маленькій табунъ головъ въ 10 по направленію къ открытому входу загона, при чемъ лошади постоянно старались улизнуть въ сторону; но ловкіе гаучо слѣдили за ними зорко и при первой попыткѣ свернуть въ степь они тотчасъ же обскакивали лошадь и водворяли ее въ табунъ. Наконецъ, съ гиканьемъ и съ довольно большимъ трудомъ загнали этотъ табунъ полудикихъ животныхъ въ загонъ, всадники соскочили со своихъ сѣделъ, во мгновеніе сбросили ихъ на землю, послѣднія двѣ лошади, привезшія насъ, получили въ свою очередь по пинку въ брюхо и ускакали въ пространство. Теперь другая операція: нужно было выловить лошадей по очереди изъ загона—это тоже производится посредствомъ лассо. Два гаучо становятся у входа, бросаютъ петлю лассо на голову лошади и точно выуживаютъ ее оттуда, какъ рыбу: лассо захлестываетъ шею лошади, и гаучо тянетъ ее къ себѣ, при чемъ животное упирается, брыкается и неистово прыгаетъ.

Поймавъ лошадь, онъ ведетъ ее къ дилижансу, впрягаетъ, т.-е. прикрѣпляетъ къ ея хомуту постромку, и идетъ обратно ловить другую.

Я любовался этой длинной процедурой запряжки лошадей и именно тѣмъ искусствомъ, граціею и необыкновенною мѣткостью, съ которою майораль распоряжался своимъ лассо,—точно онъ родился съ нимъ, точно это была не веревка въ его рукахъ, а часть его тѣла, какъ щупальцы каракатицы—ни одного промаха!

Испуганныя и возбужденныя лошади толпятся въ кучѣ въ загонѣ и майораль не ловитъ ихъ какъ попало, а долженъ забросить лассо именно на ту голову, которая ему прежде всего нужна, ибо сначала нужно поймать двухъ дышловыхъ, выбравъ ихъ изъ тѣхъ, которыя покрѣпче, поздоровѣе, а потомъ и другихъ по очереди, смотря по качеству лошадей и сообразно ихъ роли въ запряжкѣ: въ первый ли рядъ, во второй, подъ сѣдло мальчику и, наконецъ, на запасъ. И все это происходитъ безъ запинки, аккуратно, точно на машинѣ.

Замѣчательнымъ мнѣ показалось и то обстоятельство, что всѣ эти лошади видимо были полудикія и весьма несговорчиваго нрава; пойманныя на лассо, онѣ брыкались и сердились; но разъ ихъ привязывали къ экипажу, онѣ становились какъ вкопанныя, точно искусные кучера занимались ихъ выѣздкою.

Читатель можетъ себѣ представить, что какъ ни искусно производится эта операція перемѣны однѣхъ лошадей на другихъ, но все-таки она должна при такихъ данныхъ производиться довольно медленно. Мы пріѣхали на станцію часовъ въ десять и уѣхали въ два, и это при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ—день былъ сухой, свѣтлый; не всегда дѣло обходится такъ благополучно.

Опять мы сѣли по мѣстамъ и опять девятка лошадей подхватила насъ прямо съ мѣста и помчала въ карьеръ до слѣдующей такой же станціи, гдѣ намъ нужно было ночевать. Солнце было уже на закатѣ, когда мы подъѣзжали къ слѣдующей ранчо-станціи.

Буэносъ-Айресъ.

(А. Іонина.)

Между Монтевидео и Буэносъ-Айресомъ имѣется ежедневное сообщеніе на пароходахъ мѣстной компаніи «Platense», всего отъ 8 до 10 часовъ хода. Выйдутъ изъ Монтевидео вечеромъ, утромъ рано ужъ приходятъ въ Буэносъ-Айресъ, и наоборотъ; это очень удобно для торговаго люда, и пароходы эти, большіе, удобные, многоэтажные, обыкновенно наполнены публикою черезъ край, несмотря на то, что имѣются тоже почти ежедневныя сообщенія на большихъ океанскихъ пароходахъ, которые по пути въ Буэносъ-Айресъ непремѣнно останавливаются въ Монтевидео или наоборотъ.

Лаплата не представляетъ интереса для туриста. Берега плоски и ихъ не видно, но тѣмъ не менѣе интересно большое движеніе судовъ на этой рѣкѣ-заливѣ, а километровъ 25 не доходя до Буэносъ-Айреса, когда города еще не видно даже на горизонтѣ, пароходъ «Платензе» проходитъ между длинными рядами огромныхъ океанскихъ пароходовъ, стоящихъ на якоряхъ,—это цѣлый флотъ, сошедшійся со всѣхъ концовъ свѣта. Дѣло въ томъ, что это пространство рѣки представляетъ до сихъ поръ главный портъ Буэносъ-Айреса. Къ самому городу могутъ подходить вплоть только мелкосидящіе корабли, а сидящіе глубже бросаютъ якорь въ 25 километрахъ; товары и пассажиры перевозятся потомъ на маленькихъ пароходахъ къ городу. Тутъ же рядомъ съ коммерческимъ флотомъ останавливаются и большіе военные корабли европейскихъ державъ, а между ними и единственный солидный представитель аргентинскаго флота, «Адмиралъ Броунъ», на которомъ я соб-

ственно и прибылъ въ Буэносъ-Айресъ въ первое мое посѣщеніе этого города. Пройдя посреди этого флота, пароходъ Платензе поворачиваетъ на югъ, и вы скоро видите въ утреннемъ туманѣ городъ, точно вдругъ встающій изъ воды всею своею массою. Городъ стоитъ на плоскости, но первое впечатлѣніе онъ производитъ все-таки внушительное, почти какъ если бы прямо изъ Финскаго залива безъ перехода вы вдругъ очутились на Невѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Вы чувствуете, что подплыли къ большой, серьезной столицѣ: рядъ большихъ грузныхъ зданій подымается прямо изъ воды, образуя набережную на нѣсколько верстъ протяженія, и вы уже издали, съ парохода видите, что жизнь кипитъ на этой набережной: паръ локомотивовъ, бѣгущихъ безпрестанно вдоль нея, заслоняетъ зданія мимолетными облачками, у берега шныряютъ пароходики и туча лодокъ; громъ колесъ и гулъ городской ѣзды раздаются далеко по водѣ.

Видъ этого ряда зданій даже не такъ однообразенъ, какъ этого можно было бы ожидать отъ американскаго города, выстроеннаго на краю степи. Надъ сплошною массою домовъ возвышаются во множествѣ разнообразныя колокольни и большіе, красивые купола церквей, что придаетъ городу снаружи видъ настоящей и какъ будто старой даже столицы. Впереди всего выдается посреди набережной огромное полукруглое зданіе таможни, онущенное стѣнами прямо въ воду и представляющее видъ большого укрѣпленія (оно и было таковымъ въ старые годы), а отъ этого зданія идетъ красивый деревянный молъ, протяженіемъ по крайней мѣрѣ съ версту; далѣе, вверхъ по рѣчкѣ, видно еще нѣсколько такихъ моловъ. Къ самому берегу, къ набережной, даже въ лодкѣ нельзя подъѣхать во всякое время, а иногда, при сильномъ отливѣ, вода уходитъ отъ города на нѣсколько верстъ, оставляя совершенно на сушѣ клѣткообразные высокіе молы. Въ концѣ ихъ останавливаются рѣчные пароходы, мелкосидящіе въ водѣ, какъ, напримѣръ, пароходы компаніи Платензе, и пассажирамъ, чтобы достигнуть города, нужно идти по этой шатающейся деревянной постройкѣ нѣшкомъ минутъ двадцать. Во время бурь и дождей эта прогулка весьма неудобна. Мнѣ случилось ее сдѣлать разъ во время вѣтра: молъ дрожалъ, гнулся, точно карточный, скрипѣлъ и пищалъ, какъ испуганный ребенокъ, и прохожимъ нужно было идти, обнявшись, группами, чтобы противостоять порывамъ бѣшенаго вѣтра; если бы не крѣпкія перила, многихъ бы снесло въ воду. Подъѣхать въ дурную погоду на лодкѣ къ молу тоже не малая задача и сопряжена иногда съ опасностью, а съ холодной ванной во всякомъ случаѣ. Весь этотъ способъ высадки не соотвѣтствуетъ великолѣпному виду большой столицы, но что дѣлать? Съ Ла-Платой еще и до сихъ поръ не могли сладить.

Съ товарами и кладью другая исторія. Первое, что бросается здѣсь

въ глаза путешественнику, это способъ выгрузки товаровъ въ портѣ Буэносъ-Айреса. Нѣчто очень своеобразное и нигдѣ невиданное: при мелководьѣ выгружаютъ корабли на лошадяхъ, запряженныхъ въ большія телѣги на высокихъ колесахъ, и это, по крайней мѣрѣ, въ верстѣ или въ двухъ верстахъ разстоянія отъ берега, смотря по глубинѣ воды въ данный моментъ. Все огромное пространство между судами и набережной, по всей длинѣ ея, наполнено съ утра до ночи иногда тысячами этихъ своеобразныхъ экипажей, отъ которыхъ надъ водой видны только верхушки, а отъ лошадей только однѣ спины. Для непривычнаго глаза это представляетъ очень комичный видъ, ибо телѣги, запряженныя двумя или четырьмя лошадьми гуськомъ, съ кучерами верхомъ на лошадяхъ, двигаются по водѣ среди множества маленькихъ лодочекъ и подъѣзжаютъ вплоть къ борту парохода, поднимаютъ кладь и возвращаются къ берегу, до котораго большія барки не могли бы доѣхать. Цѣлое населеніе и тысячи лошадей занимаются здѣсь такою разгрузкою кораблей—этимъ извозомъ на рѣкѣ. Морскому судну нельзя не остановиться у Монтевидео, идя въ Буэносъ-Айресъ, ибо безъ мѣстнаго лоцмана дальнѣйшее плаваніе очень опасно: вѣхи, разставленныя по фарватеру на буйкахъ, не всегда его обозначаютъ, ибо въ одну ночь при порядочномъ вѣтрѣ капризная рѣка можетъ все это передѣлать по-своему. Портъ такимъ образомъ представляетъ длинную и неширокую рѣку, всегда на нѣсколько верстъ въ длину буквально покрытую пароходами, парусными судами, лодками и баржами до такой степени, что между судами совсѣмъ не видно воды, ибо, несмотря на большую длину порта, вдоль его набережной можетъ ошвартоваться *) развѣ только четвертая часть всѣхъ прибывающихъ сюда морскихъ кораблей.

Здѣсь находятся вдоль набережной главные оптовые склады товаровъ, за ними желѣзная паровая дорога со множествомъ развѣтвленій, идущая просто по улицамъ безъ всякой предосторожности, а вдоль ея трактиры, лавки безъ конца, между которыми иногда и красивые дома купцовъ, занятыхъ спеціально въ портѣ, гостиницы и рядомъ съ ними пустыри для склада такихъ продуктовъ страны и Европы, которые нельзя, по ихъ громоздкости и количеству, помѣстить подъ крышу: цѣлыя горы бычачьихъ шкуръ, хлѣба, сѣна, камней, дерева и т. п. наполняютъ эти пустыри. Городъ и его торговля такъ развиваются, что не успѣваютъ строить прикрытій для людей и товаровъ, несмотря на лихорадочную поспѣшность строительной спекуляціи. Далѣе главной пристани, вверхъ по рѣкѣ, выстроился другой цѣлый городъ, гдѣ живутъ рабочіе порта, ремесленники, прибывающіе эмигранты и т. д. Этотъ городъ Барракосъ можно назвать городомъ на курьихъ ножкахъ. Онъ

*) Пристать къ берегу.

состоитъ изъ деревянныхъ домиковъ, высоко поднятыхъ на сваяхъ, подъ которыми гуляютъ всевозможныя домашнія животныя, а въ зимнее время волнуется цѣлое озеро воды, ибо мѣстность эта часто затопляется разливомъ рѣки, такъ что по улицамъ ѣздятъ, смотря по сезону, то въ телѣгахъ или верхомъ, то на лодкахъ. Движеніе, суета и гамъ невообразимые; ни въ одномъ большомъ портѣ Европы мнѣ не случалось видѣть такой толпы и такой суеты. Я не говорю, конечно, о Лондонѣ. Болѣе 100.000 народа ежедневно наполняютъ здѣсь набережную и ея кабаки, снуютъ по улицамъ пѣшкомъ, верхомъ, въ экипажахъ, между вагонами желѣзной дороги или безчисленныхъ линій конки, между вереницами монументальныхъ carretos, арбъ пампы, запряженныхъ десятками быковъ, и все это стучитъ, гремитъ, кричитъ, кричитъ на всѣхъ языкахъ Европы за разъ. Запахъ кожъ, смолы, протухлой воды, невообразимая пыль и зимою такая же невообразимая грязь. Оригинальное, но любопытное зрѣлище—этотъ коммерческій хаосъ Боки и его городка Барракоса.

Между этими пригородами, Бока и Барракосъ, и собственно городомъ Буэносъ-Айресомъ простирается и теперь еще пустырь, песчаный и голый. Онъ часто затопляется водою, и серьезныя постройки на немъ затруднительны, но пустырь этотъ все болѣе и болѣе суживается и черезъ нѣсколько лѣтъ, если движеніе торговли и спекуляціи продолжится въ такихъ же размѣрахъ, какъ теперь, нѣтъ сомнѣнія, все это пространство засыплется привозною землею и застроится, а домики на курьихъ ножкахъ въ Барракосѣ будутъ только преданіемъ и сохранятся только на фотографіяхъ на удивленіе слѣдующему поколѣнію, которое, пожалуй, и не повѣритъ, что въ такихъ жилищахъ могло помѣщаться цѣлое населеніе большого города, колыбель его всемірной торговли.

Таковъ видъ Буэносъ-Айреса снаружи. Теперь пойдемте въ городъ, въ его улицы.

Если вы пристали со стороны Лаплаты, то, пройдя по молу и выбравшись черезъ обширные магазины таможни, гдѣ всегда кишитъ толпа, на площадь около главной, центральной станціи желѣзныхъ дорогъ, вы тотчасъ же чувствуете, что попали въ настоящую столицу. Дома — солидные, грузные—возвышаются кругомъ въ 3 или 4 этажа, общеевропейская архитектура новыхъ коммерческихъ центровъ замѣнила испанскую; на площадяхъ, на узкихъ улицахъ—толпа, цѣпляющіеся другъ за друга экипажи, толкотня и суета, перегоняющіе другъ друга люди, видимо очень занятые, нервно-возбужденные, бьющіеся за жизнь, не такъ какъ въ Монтевидео, гдѣ всѣ улыбаются и точно фланируютъ, отправляясь даже на биржу или въ портъ. Тутъ же, тотчасъ послѣ таможни, начинается главная улица и, проходя по западной сторонѣ главной площади «Викторія», идетъ прямая, какъ стрѣла, на четыре версты, такъ

что въ концѣ ея перспективы виднѣется въ туманной мглѣ клочокъ плоскаго горизонта пампы, которая начинается тутъ же въ концѣ и кончается... т.-е. вовсе уже не кончается.

Во всѣхъ улицахъ, куда вы ни повернитесь, вы видите въ концѣ ихъ эту пампу, ибо всѣ улицы прямыя, какъ стрѣлы, и всѣ перекрещиваются между собою съ математическою точностью подъ прямымъ угломъ. Это составляетъ главную и, можетъ быть, единственную оригинальность города. Всѣ испанскіе города въ Америкѣ построены по тому же незатѣйливому плану, но всѣ они или очень маленькіе или, какъ въ Монтевидео, прямолинейность плана ихъ разнообразится неправильностями почвы; тутъ же вы видите въ первый разъ городъ въ 700.000 жителей на совершенно плоскомъ пространствѣ, сохранившій точное математическое однообразіе, которое кажется неестественнымъ явленіемъ обыкновенно капризной жизни. Затѣмъ Буэносъ-Айресъ во всемъ уже напоминаетъ большіе города Европы, построенные заново, съ преднамѣренною пышностью, какъ будто напоказъ. Стараго здѣсь осталось уже очень мало, почти только одно «Cabildo», старое, тяжелое испанское зданіе на гранитныхъ устояхъ, которое прежде служило центромъ правительства, потомъ замкомъ и тюрьмою, теперь составляетъ южную сторону площади Викторія. Зданіе это имѣетъ высокую башню съ часами, украшено желѣзными неуклюжими балкончиками и напоминаетъ собою до сихъ поръ, что городъ существуетъ все-таки не со вчерашняго, такъ сказать, дня, что онъ, по крайней мѣрѣ, не моложе нашего Петербурга. Но это напоминаніе о прошломъ, я думаю, уже не существуетъ въ настоящую минуту: это старое зданіе, еще при мнѣ, начали съ поспѣшностью ломать, рѣшивъ пробить, начиная отъ площади Викторія, параллельно улицѣ Rivadavia, новую улицу, которая должна, согласно проекту, быть послѣднимъ словомъ современности и затмить своимъ великолѣпіемъ все, что знаетъ Европа въ этомъ родѣ. Десятки милліоновъ долларовъ ассигнованы на эту затѣю. Затѣмъ на той же площади оставалось еще не совсѣмъ новое зданіе собора. Противъ Кабильдо, черезъ площадь, на берегу Лаплаты возвышается домъ правительства, зданіе совсѣмъ новое. Тутъ же рядомъ стоитъ очень большой главный театръ. Онъ оказывается несоотвѣтствующимъ будущему великолѣпію главной площади города, разживающагося на всѣхъ парахъ. Его хотѣли ломать и строить нѣчто подобное теперешней парижской Оперѣ.

Площадь огромная, обсаженная еще пока молодыми пальмами, вѣчно залита солнцемъ и посреди ея торчитъ, можно сказать, весьма скромныхъ размѣровъ обелискъ, съ весьма тоже скромною статуей побѣды, стоящею на пальчикахъ, какъ танцовщица, на его остріѣ. Памятникъ этотъ, воздвигнутый героямъ войны за независимость, тоже совсѣмъ не

отвѣчаетъ уже теперь ни важности предмета, ни важности города, ни размѣрамъ площади и величію окружающихъ ее, впрочемъ, въ будущемъ зданій. Надобно полагать, что и столь важный памятникъ этотъ тоже сломаютъ и поставятъ болѣе великолѣпный: итальянцы объ этомъ очень хлопочутъ.

Гуляя по прямымъ улицамъ, тамъ и сямъ вы встрѣчаете около центра города въ самомъ дѣлѣ великолѣпныя зданія и частныя и общественныя, особенно же помѣщенія банковъ. Мраморному бѣлому дворцу Banco national позавидовалъ бы и самъ Ротшильдъ.

Страшно подумать, сколько все это стоитъ и въ такое короткое время! Иногда «quadra» домовъ, то-есть кварталъ или квадратъ, имѣющій ненамѣнно 100 метровъ по сторонамъ, исчезаетъ, образуя площадь, на которой обыкновенно разведенъ скверъ съ пальмами и цвѣтами, а посрединѣ его непремѣнно поставленъ памятникъ. Иногда такая площадь-скверъ занимаетъ пространство двухъ quadras и скверъ дѣлается тогда маленькимъ паркомъ, въ такомъ случаѣ на немъ ставятъ двѣ или болѣе статуй. Всюду рядомъ съ великолѣпными зданіями возвышаются лѣса и подмостки, роются ямы для фундаментовъ, строятся новые дома, загромождаются улицы грудами щебня и вереницами телѣгъ, камнемъ, землей. И между всѣми этими оконченными и неоконченными зданіями ходить или ѣздить по улицамъ—чистое мученіе. Такихъ скверныхъ мостовыхъ нѣтъ, я думаю, нигдѣ на свѣтѣ, и множество улицъ представляетъ еще просто ямы, въ которыхъ можно утонуть въ грязи во время дождей.

Нельзя же вдругъ; нужно строить дома, потому что населеніе растетъ, какъ и капиталисты растутъ, не по днямъ, а по часамъ, надобно поскорѣе населять городъ историческими статуями, устраивать гулянья, такъ гдѣ же взять время, чтобы подумать о мостовыхъ, тѣмъ болѣе, что это здѣсь самая трудная статья городского хозяйства. Почва такъ же почти рыхла, какъ и у насъ въ Петербургѣ: булыжная мостовая тонетъ въ ней, а каменная плита поворачивается бокомъ послѣ нѣсколькихъ проливныхъ дождей. Да сверхъ того и булыжникъ, и камень нужно привезти очень издалека. Плиты каменныя, особенно для тротуаровъ, привозятся просто изъ Европы на пароходахъ, чуть не мѣсяцъ разстоянія, потому что въ пампѣ ихъ нѣтъ, а изъ Бразиліи можно получить только гранитъ.

Далѣе отъ центра города по окраинамъ, тамъ, гдѣ прекращается торговое движеніе, Буэносъ-Айресъ сохраняетъ прежній испанско-американскій видъ: низенькіе, часто миловидные дома и мостовыя улицъ сохранили тамъ тотъ же первобытный характеръ. Тутъ въ грязи зимою можно просто утонуть. Если нужно поѣхать въ экипажѣ, особенно по окраинамъ города, гдѣ собственно и живетъ богатый людъ, такъ это

истинная пытка. Хорошо еще, что конка ходитъ, безъ исключенія, по всѣмъ улицамъ и представляетъ часто единственно возможный способъ для передвиженія, да и то движеніе по этимъ конкамъ—цѣлая наука. Улицы такъ узки, что по нимъ положенъ только одинъ путь и безъ разъѣздовъ, ибо движеніе ужъ очень велико; вагоны конки идутъ только въ одну сторону и возвращаются по другимъ параллельнымъ улицамъ; такъ что нужна всегда цѣлая комбинація, чтобы попасть въ извѣстный пунктъ. Экипажи тоже могутъ ѣздить по этимъ улицамъ въ одну сторону, ибо часто нѣтъ возможности имъ разъѣхаться, и не потому только, что улица узка, но еще потому, что она скверна и для движенія экипажей остается самое узкое пространство. Часто вы часами стоите въ своемъ экипажѣ, завязнувъ между сотнями всякихъ телѣгъ, при чемъ полиція, конечно, отсутствуетъ и ругаться нельзя, ибо это съ здѣшними гаучо очень опасно, и остается только терпѣніе, котораго нужно много, если вамъ, напримѣръ, нужно дѣлать визиты, а по дѣламъ лучше ужъ ходить пѣшкомъ.

Единственныя улицы, которыя вымощены, нельзя сказать, чтобы хорошо, но сносно, это первыя отъ набережной параллели, которыя перпендикулярно calle Rivadavia идутъ на сѣверъ, на гулянье, которое зовется Палермо, и далѣе въ загородныя предмѣстья по берегу Лаплаты. Путь въ Палермо идетъ по широкому бульвару, между красивыми и часто роскошными виллами, окруженными садами, за которыми на западъ на возвышеніи подымается нѣсколько монументальныхъ строеній: это больница, тюрьма и т. п. заведенія, но ихъ фронтоны и затѣйливая архитектура своими элегантными формами и размѣрами напоминаютъ скорѣе дворцы; особенно роскошна тюрьма. Все это ночью освѣщено электрическимъ свѣтомъ и совершенно отвѣчаетъ требованіямъ большой столицы, выросшей на деньгахъ.

Палермо, будущій тѣнистый паркъ, обширный, со всевозможными затѣями, будетъ великолѣпенъ, но теперь ему недостаетъ еще тѣни. Кусты будутъ, вѣроятно, деревьями, если позволитъ памперо, и тогда, вѣроятно, этотъ паркъ будетъ гордостью господъ portenos, какъ называютъ себя граждане Буэносъ-Айреса. Конечно, все это будетъ, если ихъ дѣла пойдутъ такъ, какъ идутъ теперь. Пока же гордость Палермо составляетъ только его пальмовая аллея, хотя пальмы эти еще пока не выше шести метровъ,—аллея, по которой передъ захожденіемъ солнца тянутся шагомъ и чинно изящные экипажи здѣшней знати. Здѣсь, въ пальмовую аллею Палермо на извозчикѣ пріѣхать нельзя, да и самый «собственный экипажъ» долженъ быть безукоризненъ и великолѣпенъ, чтобы смѣть здѣсь показаться. Въ хорошій день вы можете насчитать здѣсь такихъ экипажей до пятисотъ, и они чинно кружатся на этомъ маленькомъ пространствѣ до самой ночи. Это выставка аргентинскихъ

милліоновъ, аргентинскихъ красавицъ и туалетовъ. Скучно, но великолѣпно. Для гуляющихъ нѣмкомъ въ Палермо устраивается зоологическій садъ спеціально изъ звѣрей и птицъ Южной Америки; садъ большихъ

Корсо въ Буэносъ-Айресѣ.

размѣровъ и будетъ онъ, вѣроятно, очень красивъ и интересенъ, ибо при здѣшнемъ климатѣ все это такъ удобно устроить.

Стоитъ ли для полноты описанія города говорить объ остальныхъ его достопримѣчательностяхъ? Ихъ здѣсь такъ же мало, какъ и въ

Монтевидео, и изъ старыхъ зданій остались только церкви, но церкви эти тоже неинтересны, хотя размѣръ ихъ внушителенъ.

Между школами для бѣдныхъ, разбросанными по всему городу, есть такія, которыя имѣютъ видъ дворцовъ. Аргентинцы щеголяютъ теперь своимъ стремленіемъ къ просвѣщенію народа. Зато университетъ помѣщается въ сторонѣ, въ очень обширномъ, но уже совсѣмъ не блестящемъ зданіи прежней іезуитской коллегіи. Онъ основанъ въ 1825 году, но до сихъ поръ не собрались еще построить для него новаго и болѣе удобнаго зданія.

Далѣе по берегу Лаплаты процвѣтаютъ нѣсколько городковъ, служащихъ почти исключительно лѣтнею резиденціей богатыхъ porteños. Здѣсь берегъ подымается довольно высоко надъ рѣкою, изобилующею заливчиками, ручейками, и покрытъ густымъ, хотя и невысокимъ лѣсомъ—единственное пространство, покрытое деревьями въ огромной, гладкой, какъ скатерть, провинціи Буэносъ-Айреса, такъ что въ этихъ городахъ можно забыть, что живешь въ пампѣ. Города эти прелестны, утопаютъ въ роскошныхъ садахъ, изобилуютъ хорошенькими, часто очень обширными виллами, со всѣми затѣями роскоши и комфорта, но обитаемы они могутъ быть только въ хорошій сезонъ: во время дождей улицы и площади ихъ превращаются въ море грязи. Къ нимъ идетъ желѣзная дорога, но чтобы добраться отъ станціи этой дороги до домовъ, требуется знаніе мѣстности и большое искусство: можно ходить только по тротуарамъ, которые вездѣ устроены удовлетворительно, но приходится иногда перебираться черезъ улицу, и вотъ тутъ-то представляются часто непреодолимыя препятствія. Зимою въ экипажѣ доѣхать до этихъ загородныхъ резиденцій невозможно: гладкая и пріятная лѣтомъ дорога дѣлается непроходимымъ болотомъ. Здѣсь все такъ ново, затѣяно такъ широко, что ничего еще не окончено, но со временемъ они сдѣлаются одними изъ самыхъ прелестныхъ въ свѣтѣ мѣстечекъ, которымъ Лаплата придаетъ видъ приморскихъ городовъ. Здѣсь воздухъ гораздо лучше, чѣмъ въ Буэносъ-Айресѣ; сравнительно высокій и ароматичный лѣсъ способствуетъ его чистотѣ и оздоровленію, такъ что, несмотря на всѣ описанныя выше неудобства, много иностранныхъ семей живетъ здѣсь круглый годъ.

Что же касается до окрестностей какъ самого Буэносъ-Айреса, такъ и этихъ городовъ, на очень большое пространство, то гуляя или знакомясь съ ними, можно теперь и совсѣмъ забыть, что эта Америка собственно испанскаго происхожденія: все тутъ густо заселено осколками всевозможныхъ европейскихъ народностей. Здѣсь говорятъ на всѣхъ языкахъ Стараго Свѣта и меньше всего по-испански, ибо и тѣ, которые говорятъ здѣсь по-испански, тоже пришельцы-колонисты изъ Испаніи, а не мѣстные уроженцы. Особенно съ итальянскимъ языкомъ вы можете здѣсь пробраться всюду.

Въ Патагоніи.

(Ч. Дарвина.)

Мы пріѣхали въ Портъ-Дезире, лежащій подъ 47° ю. широты на берегу Патагоніи. Заливъ простирается внутрь страны приблизительно на двадцать миль, неправильно расширяясь. «Бигль» сталъ на якорѣ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ входа, въ виду развалинъ стараго испанскаго поселенія.

Въ тотъ же вечеръ я вышелъ на берегъ. Первая высадка въ новую страну чрезвычайно интересна, особенно если, какъ въ настоящемъ случаѣ, на всемъ окружающемъ лежитъ рѣзкій и характеристическій отпечатокъ. Поверхность совершенно ровная и состоитъ изъ круглыхъ валуновъ въ соединеніи съ бѣловатою землей. Мѣстами попадаются разбросанные островки бурой и грубой травы и изрѣдка нѣсколько низкихъ колючихъ кустарниковъ. Погода суха и пріятна, чистое голубое небо рѣдко помрачается. Если стать среди одной изъ этихъ пустынныхъ равнинъ и осмотрѣться, то глазу обыкновенно представляется скатъ другой равнины, иногда болѣе возвышенной, но одинаково ровной и печальной, и горизонтъ кругомъ неясенъ вслѣдствіе колебанія воздуха.

Въ такой странѣ участь испанскаго населенія была скоро рѣшена: сухость воздуха въ теченіе большей части года, а по временамъ и враждебныя нападенія кочующихъ индѣйцевъ принудили колонистовъ бросить недостроенными жилища. Всѣ попытки колонизировать часть Америки, лежащую къ югу отъ 41°, кончались бѣдственно. У бухты св. Іосифа, на патагонскомъ поморьѣ, была небольшая колонія, но въ одно воскресенье на нее напали индѣйцы и перебили все населеніе, за исключеніемъ двухъ человѣкъ, жившихъ долгое время въ плѣну.

Фауна Патагоніи такъ же скудна, какъ и ея флора. Гуанако, или дикая лама,—самое замѣчательное четвероногое на равнинахъ Патагоніи: оно замѣняетъ въ Южной Америкѣ верблюда. Въ дикомъ состояніи гуанако очень изящное животное съ длинной, стройной шеей и съ тонкими ногами. Оно очень распространено въ умѣренныхъ частяхъ континента, доходя къ югу до острововъ, находящихся вблизи Огненной Земли. Живетъ оно обыкновенно небольшими стадами, отъ полудюжины до тридцати головъ въ каждомъ, но на берегахъ Сантъ-Круса видѣли мы одно стадо, состоявшее по меньшей мѣрѣ изъ пятисотъ штукъ.

Ламы вообще дики и крайне осторожны. Охотникъ часто узнаетъ о ихъ присутствіи по пронзительному крику, которымъ они даютъ сигналъ къ тревогѣ. Вглядѣвшись повнимательнѣе, онъ нерѣдко открываетъ стадо, расположенное въ одну линію на краю какого-нибудь отдаленнаго холма. Если подступить къ нимъ ближе, то они испускаютъ еще нѣсколько

взвизговъ и тогда пускаются, повидимому, мѣрнымъ, но въ дѣйствительности чрезвычайно быстрымъ шагомъ по узкой битой тропѣ къ сосѣднему холму. Если же охотнику внезапно попадется какъ-нибудь одно животное или нѣсколько вмѣстѣ, то они обыкновенно останавливаются неподвижно и пристально на него смотрятъ; потомъ, отойдя на нѣсколько шаговъ, снова оборачиваются и опять взглядываютъ. Животныя эти легко становятся ручными; въ сѣверной Патагоніи мнѣ случилось видѣть нѣсколько штукъ гуанако, жившихъ при одномъ домѣ безъ всякаго принужденія.

Утромъ мы отыскивали нѣсколько рѣчекъ, нанесенныхъ на одной старой испанской картѣ. Мы нашли заливъ, у начала котораго струился ручеекъ съ солоноватой водой. Теченіе принудило насъ остановиться здѣсь на нѣкоторое время, и я успѣлъ обойти нѣсколько миль кругомъ по берегу Равнина, какъ обыкновенно, состояла изъ песку, смѣшаннаго съ землею, которая съ виду походила на известь, но въ сущности совершенно отъ нея отличалась. Вслѣдствіе мягкости этихъ матеріаловъ равнина была изрыта оврагами. Ни одного деревца не было видно, ни одного почти животнаго, ни даже птицы, одинъ только гуанако стоялъ на вершинѣ холма бдительнымъ стражемъ своего стада. Всюду пустынная тишина. И однако, глядя на эту картину, не оживленную ни однимъ свѣтлымъ отраднымъ явленіемъ, живо чувствуешь какое-то неопредѣленное, но сильное наслажденіе. Невольно спрашиваешь: сколько вѣковъ равнина находится уже въ этомъ состояніи и сколько вѣковъ еще суждено ей такъ оставаться?

Вечеромъ мы проплыли нѣсколько миль далѣе и затѣмъ расположились на ночлегъ. Около полудня на слѣдующій день яликъ сѣлъ на мель и по причинѣ мелководья не могъ идти далѣе. Съ трудомъ мы поднялись на нѣсколько миль далѣе. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, насъ окружали крутые обрывы и отвѣсные утесы. Болѣе замкнутаго и уединеннаго отъ всего міра мѣста, чѣмъ эта скалистая расщелина на обширной равнинѣ, мнѣ, кажется, нигдѣ не удавалось встрѣчать.

На другой день, по возвращеніи къ стоянкѣ, я пошелъ въ сопровожденіи офицеровъ на изслѣдованіе старой индѣйской могилы, найденной мною на вершинѣ сосѣдняго холма. Два громадные камня, каждый вѣсомъ по меньшей мѣрѣ въ двѣ тонны *), лежали передъ скалистой грядой, возвышавшейся на шесть футовъ. На днѣ могилы на твердомъ камнѣ была земляная настилка, нанесенная вѣроятно снизу изъ равнины. Она была вымощена плоскими камнями, а сверхъ нихъ наложена была еще куча камней. Для завершенія могилы индѣйцамъ удалось отдѣлить отъ гряды большой обломокъ, который брошенъ поверхъ всего, покоясь на двухъ глыбахъ.

*) Тонна = 62 пуд.

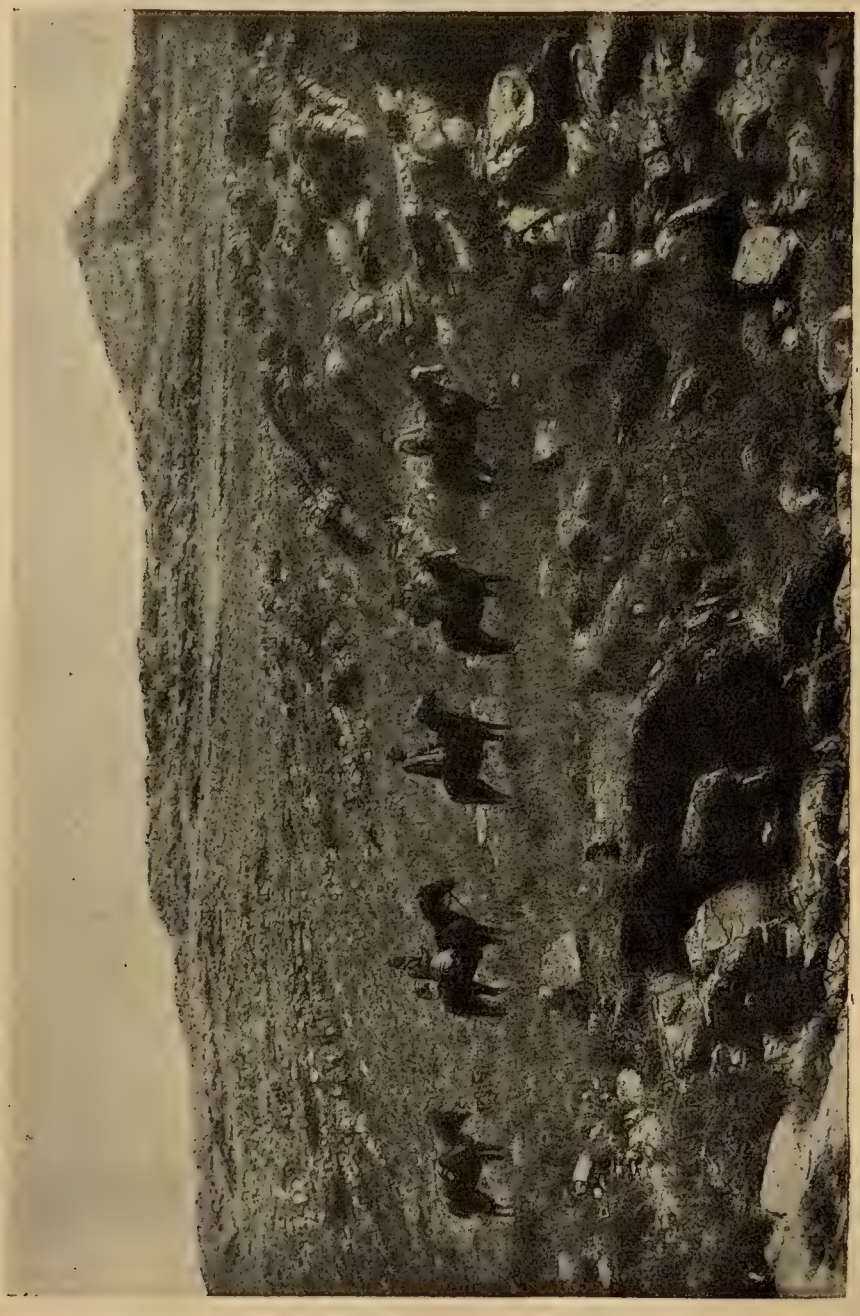
Однажды совершили мы вмѣстѣ съ капитаномъ длинную прогулку вокругъ пристани порта С.-Юліана. Одиннадцать часовъ сряду мы были безъ воды, и многіе изъ насъ совершенно изнурились. Съ вершины одного холма усмотрѣно было прекрасное озеро, и двое изъ насъ отправились на развѣдки, условившись напередъ въ томъ, какими знаками передать намъ извѣстіе, если вода окажется прѣсною. Каково же было наше разочарованіе, когда вмѣсто воды намъ представился бѣлоснѣжный пластъ соли въ большихъ кубахъ. Мы приписывали нашу жажду сухости воздуха и чрезвычайно обрадовались, вернувшись поздно вечеромъ къ лодкамъ. Во время этого странствія мы нигдѣ не могли сыскать ни капли прѣсной воды.

«Бигль» бросилъ якорь въ устьѣ Санта-Круса. Рѣка эта протекаетъ приблизительно въ 60 миляхъ къ югу отъ порта С.-Юліана. Капитанъ рѣшился прослѣдить ея теченіе, насколько дозволитъ время. Три китоловныя лодки выступили, снабженныя трехнедѣльной провизіей, а экипажъ состоялъ изъ двадцати пяти человѣкъ; этого было достаточно, чтобы помѣряться съ цѣлою ратью индѣйцевъ. При сильномъ приливѣ и хорошей погодѣ сдѣлали мы порядочный рейсъ, вскорѣ добыли прѣсной воды, а къ ночи находились внѣ вліянія прилива и отлива.

Рѣка здѣсь принимаетъ тотъ объемъ и видъ, въ которомъ остается она на всемъ почти пройденномъ нами протяженіи. Быстрое теченіе быть можетъ самая замѣчательная черта этой рѣки. Вода въ ней чисто голубого цвѣта, съ легкимъ молочнымъ отливомъ. Противъ такого сильнаго теченія, разумѣется, совершенно невозможно было плыть на веслахъ или на парусахъ; поэтому три лодки связаны были вмѣстѣ, въ каждой оставлено по одному человѣку, а остальные сошли на берегъ тянуть бечеву. Въ этотъ день мы проѣхали немного, потому что на пути было много островковъ, покрытыхъ колючими кустами, а проливы между ними мелководны.

На другой день мы замѣтили густой дымъ и нашли скелетъ лошади, изъ чего заключили, что индѣйцы находятся поблизости. На слѣдующее утро виднѣлись по землѣ слѣды лошадиныхъ копытъ и знаки, оставленные длинными пиками. Всѣ подумали, что индѣйцы высматривали насъ въ продолженіе ночи. Немного спустя мы дошли до одного мѣста, гдѣ по свѣжимъ слѣдамъ людей и лошадей ясно было видно, что партія переправилась черезъ рѣку.

Страна здѣсь такая же и крайне нелюбопытна. Полнѣйшее сходство произведеній по всей Патагоніи есть одно изъ самыхъ выдающихся ея свойствъ. Повсюду встрѣчаются однѣ и тѣ же птицы и насѣкомыя. Но какъ ни бѣдна Патагонія во многихъ отношеніяхъ, она, однако, можетъ похвастаться бо̀льшимъ количествомъ мелкихъ грызуновъ, чѣмъ, можетъ быть, какая-либо другая страна въ свѣтѣ. Эти маленькія



Видъ въ Патагоніи.

животныя кишатъ въ зарослях среди долинъ, гдѣ имъ по цѣлымъ мѣсяцамъ приходится оставаться безъ капли воды, за исключеніемъ росы. Слѣды пумы замѣтны были почти вездѣ по берегамъ рѣки, а остовы многихъ гуанако, съ вывихнутыми шеями и сломанными костями, свидѣтельствовали о ихъ насильственной смерти.

Мы радостно привѣтствовали съ одного возвышенія бѣлыя вершины Кордильеровъ, выглядывавшія сквозь темный облачный покровъ. Въ продолженіе немногихъ слѣдующихъ дней мы подвигались впередъ медленно, такъ какъ теченіе рѣки было извилисто и загромождено огромными обломками гранита и разныхъ древнихъ породъ.

Капитанъ рѣшился не тянуть далѣе лодокъ. Рѣка приняла излучистое теченіе и была очень быстра, а видъ страны не искушалъ подвигаться далѣе. Мы находились въ ста сорока миляхъ отъ Атлантическаго океана и около шестидесяти миль отъ ближайшаго рукава Тихаго. Въ этой верхней своей части долина расширилась въ обширный бассейнъ, ограниченный съ сѣвера и юга базальтовыми платформами, надъ которыми господствовала длинная цѣпь Кордильеровъ, увѣнчанныхъ снѣгомъ. Мы съ сожалѣніемъ смотрѣли на эти высокія горы, довольствуясь одними соображеніями о ихъ природѣ вмѣсто того, чтобы, какъ мы надѣялись, стоять на ихъ вершинахъ. Обратное плаваніе мы совершили очень быстро, проходя около десяти узловъ въ часъ. Въ одинъ день мы прошли то, что стоило намъ при плаваніи вверхъ пяти съ половиною дней тяжкаго труда, и на четвертый день достигли «Бигля» послѣ 21-дневной экспедиціи внутрь страны.

Тегуэльки и арауканцы.

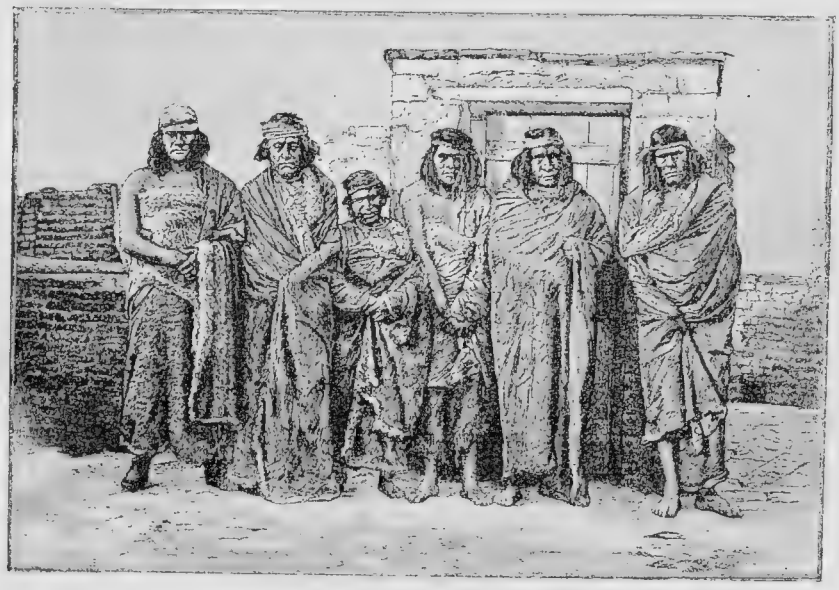
(Мустера.)

Мы направлялись къ Кордильерамъ, потому что тегуэльки, къ которымъ присоединился и я, намѣревались соединиться въ горахъ съ арауканцами.

Патагонскіе тегуэльки—сильный и рослый народъ съ хорошо развитыми мускулами на груди и рукахъ. Глаза у нихъ выразительные и умные, цвѣтъ кожи—красновато-коричневый. Они выщипываютъ себѣ бороду и брови, но заботливо охраняютъ густые курчавые волосы на головѣ.

Одеждой мужчинъ служитъ «чирипа», которою обертываютъ бедра; она дѣлается изъ пончо, шали или изъ шерсти гуанако; матеріаломъ для чирипы можетъ быть любая ткань, но эта часть одежды считается безусловно необходимой. Остальная часть костюма состоитъ изъ шкуры, которую носятъ мѣхомъ внутрь; такая одежда можетъ долгое время защищать отъ сырости во время дождливой погоды. На головѣ они но-

сятъ обыкновенно только цвѣтную повязку, чтобы удерживать волосы, но иногда, особенно по случаю праздниковъ, они надѣваютъ также и шляпы, если послѣднія можно гдѣ-нибудь достать. Одежда женщинъ похожа на мужскую, только она застегивается около шеи крупной серебряной булавкой съ широкимъ кружкомъ (нѣчто въ родѣ брошки) или же гвоздемъ и т. п. Подъ этою верхнею одеждой носятъ широкое платье, похожее на мѣшокъ, изъ ситца или другой матеріи, которое закрываетъ тѣло отъ плечъ до ступени. Въ дорогѣ платье стягивается у таліи широкимъ поясомъ, украшеннымъ бусами и серебряными или мѣдными украшеніями.



Патагонцы.

Утренній туалетъ тегуэльковъ несложенъ. Послѣ купанья въ рѣкѣ женщины причесываютъ мужьямъ волосы, что производится посредствомъ грубой щетки; послѣ этого женщины приступаютъ къ раскраскѣ лица мужьямъ. Для траура онѣ употребляютъ черную краску; но передъ битвой онѣ подъ глазами проводятъ иногда полосы бѣлой краской, которая, рѣзко выдѣляясь на черномъ, придаетъ лицу свирѣпое выраженіе. Женщины раскрашиваютъ лица одна другой, или если у нихъ имѣется кусокъ зеркала, что иногда случается, то онѣ разрисовываютъ себя сами.

Главнымъ орудіемъ для охоты тегуэльковъ служитъ боласъ, съ двумя шарами для ловли страусовъ, и боласъ съ тремя шарами для охоты за гуанако. Шары бываютъ обыкновенно каменные, впрочемъ иногда

ихъ выдѣлываютъ изъ бѣлаго металла или мѣди. Во время охоты на гуанако и страусовъ тегуэльки стараются накинуть боласъ всегда на шею животнаго. Разстояніе, на которомъ бросаютъ боласъ съ лошади на всемъ скаку, равняется 70 метрамъ (около 30 саженъ), и шары при полетѣ производятъ характерный звукъ въ воздухѣ. При охотѣ на быковъ и лошадей, а иногда и на пуму, употребляютъ лассо, но обыкновенно тегуэльки убиваютъ пуму, оглушивъ его сначала ударомъ въ голову.

Оружіе тегуэльковъ состоитъ изъ ружья или револьвера, шпаги или кинжала, длиннаго и тяжелаго копья, которое индѣйцы употребляютъ въ дѣло только тогда, когда сражаются съ лошади, и, наконецъ, изъ особаго шара, который, разъ будучи брошенъ, не берется обратно. Это оружіе легко приготовить снова: для этого берутъ камень съ остріемъ, обтягиваютъ его кожей, за исключеніемъ острія, и къ послѣднему прикрѣпляютъ бечеву изъ грубой кожи около метра длиною; на другомъ концѣ бечевы завязываютъ узелъ, чтобы она не выскакивала изъ рукъ, когда ею вертятъ, намѣреваясь бросить оружіе въ непріятеля. Ранѣе распространенія огнестрѣльнаго оружія этотъ боласъ былъ первобытнымъ оружіемъ тегуэльковъ и въ ихъ рукахъ до нашихъ дней представляетъ въ высшей степени опасный для враговъ метательный снарядъ.

Дорога, по которой мы ѣхали, пролегала по долинѣ; послѣ полудня мы подъѣхали къ стану тегуэльковъ, называвшемуся Карге-кайкъ, что значитъ «четыре холма». Ландшафтъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Склоны холмовъ были покрыты низкимъ кустарникомъ; вершины представляли скалы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ состояли изъ рыхлыхъ камней, между которыми лежали и грѣлись на солнцѣ армадиллы. Этихъ животныхъ можно легко настичь, потому что они очень неповоротливы, но если они въ норѣ, то ихъ трудно вытащить оттуда, потому что они съ большой силой цѣпляются за землю. Мясо ихъ очень вкусно и жарится обыкновенно съ панцыремъ; внутренности ихъ при этомъ вынимаются и на ихъ мѣсто кладутъ раскаленные камни.

На другой день послѣ нашего прибытія были посланы послы къ арауканскимъ индѣйцамъ или манганеросамъ, которые, какъ намъ сообщили, стояли лагеремъ на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ отъ насъ. Послѣ полудня нѣкоторые посланные уже вернулись и привезли съ собой одного араукапца, окруженнаго цѣлою толпою любопытныхъ.

Этотъ индѣецъ былъ средняго роста. Одѣтъ онъ былъ въ цвѣтное пончо; голова его была повязана шелковымъ платкомъ. Онъ имѣлъ правильныя черты лица, блестящіе черные глаза и былъ такъ же приблизительно раскрашенъ, какъ гаучосы на рѣкѣ Ланлата. Волосы его были

коротко подстрижены, что вмѣстѣ съ опрятною внѣшностью вообще производило рѣзкій контрастъ съ волнистыми длинными локонами и пестро раскрашенными лицами тегуэльковъ. На слѣдующее утро онъ уѣхалъ отъ насъ, а въ 9 часовъ утра всѣ женщины и дѣти были уже на лошадяхъ и продолжали путь.

Намъ приходилось переходить неглубокія рѣчки, по берегамъ окаймленныя невысокими буковыми деревьями и впадавшія или въ лагуны или въ рѣку.

Холмы, раздѣлявшіе эти рѣки, имѣли съ южной стороны отлогіе, покрытые жесткою травой склоны, тогда какъ противоположные сѣверные склоны были круты и покрыты одними обломками скалъ и камнями. Мнѣ говорили, что земля араукапцевъ очень каменпста, что тамъ водится много армадилловъ, но зато мало другой дичи.

Послѣ путешествія по холмамъ и узкимъ долинамъ мы выѣхали наконецъ на холмистую равнину, покрытую, какъ обыкновенно, кустарникомъ и усѣянную кремнистымъ агатомъ и другими камнями, и остановились на ночь близъ русла одной рѣки, почти пересохшей въ это время года, лишь въ глубокихъ ямахъ оставалась еще вода.

На западъ отъ насъ виднѣлись вдали, на разстояніи около 30 километровъ, Кордильеры; на югъ возвышались крутыя скалы; на сѣверъ отъ насъ виднѣлась цѣпь холмовъ съ острыми вершинами; она шла въ направленіи къ западу и на западномъ концѣ своемъ понижалась къ долинѣ, лежащей у подножія Кордильеровъ. На слѣдующій день раннимъ утромъ, когда иней еще лежалъ на лугу, мы были снова въ дорогѣ и вскорѣ достигли другой равнины, сплошь усѣянной камнями, сильно затруднявшими быструю ѣзду; несмотря на это, мы успѣли окружить цѣлое стадо гуанако и много застрѣлили; зато страусовъ, повидимому, здѣсь мало. Въ то время какъ я гнался за гуанако, прямо изъ-подъ ногъ моей лошади поднялись, къ моему большому изумленію, двѣ крупныхъ куропатки и, пролетѣвъ немного, снова опустились. Это были первыя куропатки, встрѣченныя мною въ Патагоніи.

Около трехъ часовъ пополудни мы вышли изъ каменистой страны на равнину, покрытую пескомъ и низкимъ кустарникомъ. Отдохнувши и подкрѣпившись у ручья, мы направились къ сѣверу, такъ что Кордильеры были прямо передъ нами; мы обходили высокую скалу, со склонами, покрытыми зелепью и постепенно переходящими въ равнину. Къ большой своей радости мы замѣтили вдали дымокъ, который подымался, какъ бы въ отвѣтъ костру нашей стоянки, въ лагерѣ араукапскихъ индѣйцевъ. Вокругъ насъ въ неясныхъ очертаніяхъ виднѣлись лѣсистыя горы; на востокѣ тянулась цѣпь холмовъ, обнаженныхъ и пустынныхъ, лишь мѣстами одинокіе гуанако щипали жалкую траву. Передъ нами, прямо на сѣверъ, лежала широкая лагуна, въ водахъ

которой плавало множество лебедей и фламинго. Близъ нея виднѣлся небольшой лагерь араукапцевъ.

Мы подъѣхали къ нему на разстояніе приблизительно полверсты; къ нашему удивленію однако никто не показывался, чтобы насъ встрѣтить; лишь долго спустя вышла какая-то женщина и сообщила намъ, что всѣ мужчины на охотѣ, но что за ними послали и они скоро будутъ.

Наши женщины между тѣмъ поставили палатку на зеленой лужайкѣ, покрытой земляникой, возлѣ небольшого ручья, который отдѣлялъ нашу стоянку отъ араукапскаго лагеря. Мы всѣ усѣлись и отдыхали послѣ долгаго путешествія; прошло около получаса, какъ мы замѣтили араукапцевъ, вихремъ несущихся на лошадяхъ. Женщины ихъ приготовили для нихъ свѣжихъ лошадей; тѣ быстро вскочили на сѣдла и ждали съ копьями въ рукахъ, выстроившись по прямой линіи, чтобы мы продѣлали церемонію привѣтствія. Мы тотчасъ встали и исполнили обычную скачку, привѣтствіе и установленные поклоны. Мнѣ особенно понравилось смѣлое, прямодушное обращеніе молодыхъ мужчинъ; одѣтые въ пестрыя пончо, изъ-подъ которыхъ виднѣлись шерстяныя короткія панталоны и бѣлые фланелевые жилеты, они производили впечатлѣніе совершенно цивилизованныхъ людей. Среди всѣхъ ихъ особенно выдѣлялись четыре брата; это были красивые, сильные мужчины съ раскрашенными лицами, которые издали, гдѣ нельзя замѣтить окраски ихъ глазъ, казались настоящими европейцами. Когда я сообщилъ это одному тегуэльку, который во время церемоніи привѣтствія ѣхалъ рядомъ со мною, онъ сказалъ мнѣ тихо: «Эти злые черти навѣрно замышляютъ нападеніе на насъ». Одно то, что онъ могъ такъ думать, въ то время какъ насъ было вдесятеро больше, чѣмъ ихъ, показываетъ ясно, какой славой пользуется араукапская храбрость.

Однако все прошло благополучно, и на слѣдующій день была назначена сходка.

Когда мы вернулись къ нашимъ палаткамъ, то увидѣли, что нѣсколько араукапцевъ гнали изъ небольшого лѣса, расположеннаго по берегу ручья, стадо овецъ, другіе гнали стадо рогатаго скота. Въ долинѣ пасся на зеленой лужайкѣ большой табунъ лошадей.

На слѣдующій день произошло собраніе араукапцевъ и обмѣнъ подарками. Здѣсь я познакомился со старымъ предводителемъ араукапцевъ, Квинтугуалемъ, и подарилъ ему мечъ. Это былъ человѣкъ невысокаго роста и крѣпкаго сложенія съ свирѣпымъ выраженіемъ лица. Онъ принялъ меня сначала съ большою подозрительностью. Онъ предложилъ мнѣ вопросы: кто я и зачѣмъ явился сюда; когда я сообщилъ ему, что я служу въ Англіи, которая покровительственно относится къ индѣйцамъ, но что я посѣтилъ страну только для своего удовольствія, онъ выразилъ, что онъ не мальчикъ, котораго можно такъ легко про-

вести; однако, собравши секретно обо мнѣ свѣдѣнія, онъ скоро перемѣнилъ тонъ и сталъ относиться ко мнѣ съ большимъ расположеніемъ и безъ устали разспрашивалъ меня про Англію и англичанъ.

На третій день послѣ нашего прибытія я посѣтилъ палатки нашихъ новыхъ союзниковъ; меня пригласили въ одну палатку, гдѣ сидѣли четыре женщины и шили плащи. Одна изъ нихъ, повидимому принадлежащая къ пампасской вѣтви араукапцевъ, старая и некрасивая собою, говорила по-испански. Она отвѣчала за остальныхъ трехъ дѣвушекъ, стройныхъ и бойкихъ, племянницъ Квинтугуаля. Онѣ были одѣты въ пестрыя пончо; ихъ красивые волосы, собранные въ двѣ длинныя косы и красиво оттѣнявшіе свѣтлую, чистую кожу лица, были повязаны шелковыми платками. Первый вопросъ, который онѣ поставили мнѣ, былъ: «откуда я пришелъ?» Когда я отвѣтилъ имъ, что я пришелъ съ той стороны, откуда восходитъ солнце, онѣ спросили: «не слишкомъ ли жарко тамъ?» Потомъ онѣ спросили, былъ ли я хоть однажды на небѣ, умиралъ ли я и снова оживалъ, и такъ далѣе въ томъ же родѣ.

Удовлетворивъ, какъ только могъ, ихъ любопытство и выкуривъ трубку, я отправился смотрѣть скачки. Происходило большое состязаніе между двумя племенами. Кругъ для скачекъ былъ около 6 километровъ длины. Скачки окончились побѣдой тегуэльковъ. Обѣ партіи держали многочисленныя пари за своихъ любимыхъ лошадей; на этотъ разъ женщины принимали живѣйшее участіе въ пари, и среди тегуэльковъ была большая радость, потому что они выиграли у арауканскихъ красавицъ много дорогихъ плащей. Вечеромъ происходило большое пиршество съ танцами.

Поблизости отъ этого мѣста росъ въ большомъ количествѣ дикій картофель; женщины отправлялись туда обыкновенно рано поутру и возвращались къ вечеру съ навьюченными лошадьми. Это былъ самый крупный картофель, какой я когда-либо видѣлъ, вкусомъ онъ напоминалъ бататы. Его варятъ обыкновенно въ горшкѣ, поверхъ котораго кладутъ комъ земли, чтобы не выходилъ паръ.

Мы пробыли восемь дней въ Эсгель-кайкъ, принимали участіе въ скачкахъ, были въ гостяхъ у араукапцевъ и вообще провели время очень пріятно.

Когда мы оставили Эсгель, характеръ мѣстности измѣнился. Мы шли уже не по пампѣ съ ея печально однообразнымъ колоритомъ, но по открытымъ широкимъ долинамъ, пересѣкаемымъ ручьями съ низкорослыми деревьями по берегамъ и богатымъ дичью. Главное паправленіе возвышенностей, раздѣлявшихъ долины одна отъ другой и образованныхъ округлыми дюнами и то здѣсь, то тамъ торчащими изъ-подъ воды скалами, было съ запада на востокъ.

Къ вечеру мы сдѣлали привалъ у ручья, гдѣ былъ подходящій

кормъ для лошадей; видно было, какъ вдали съ холмовъ спускались, подобно муравьиному рою, женщины; араукапцы гнали за нами свои стада рогатаго скота и лошадей отдѣльно отъ нашего каравана, а ихъ овцы подъ присмотромъ нѣсколькихъ парней составляли медленно двигавшійся арьергардъ.

На слѣдующее утро мы рано снялись съ лагеря и, перейдя черезъ холмъ, покрытый роскошной, высокой травой, вышли на равнину, безплодную и непріятную; съ одной стороны, близъ невысокой цѣпи холмовъ она окаймлялась нѣсколькими деревьями и серебристой полоской рѣки, текущей съ Кордильеровъ; послѣдніе подымались на высоту 600 и 900 метровъ и были почти до вершинъ покрыты лѣсомъ; ихъ гребни блестѣли мѣстами отъ лежавшаго на нихъ снѣга. Мы пересѣкли въ поперечномъ направленіи равнину, на которой здѣсь и тамъ попадались отдѣльные кусты барбариса и другіе кустарники и, какъ бы для разнообразія, шли въ разныхъ направленіяхъ небольшія возвышенія и холмы; на берегу одной рѣки, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Кордильеровъ, мы разбили свой лагерь. Здѣсь мы въ разныхъ мѣстахъ лагеря развели огромные костры. Араукапцы зажгли свои костры на южномъ берегу рѣки, тогда какъ костры тегуэльковъ находились на другомъ; рѣка такимъ образомъ раздѣляла одно отъ другого два становища.

На мѣстѣ высохшаго залива рѣки женщины, а иногда и мужчины, выкапывали съѣдобные корни растенія, которое росло тамъ въ большомъ количествѣ. Листья этого растенія очень мелки, корень, находящійся глубоко въ землѣ, имѣетъ въ длину отъ 3 до 8 сантиметровъ. Онъ совершенно бѣлаго цвѣта; въ сыромъ видѣ вкусомъ напоминаетъ каштаны, только нѣсколько слаще послѣднихъ. Индѣйцы варятъ его и пьютъ отваръ, очень сладкій на вкусъ.

Въ продолженіе двухдневной нашей стоянки мы питались, за неимѣніемъ мяса, этой пищей, а также рыбой, которую ловили въ рѣкѣ. Нѣкоторые тегуэльки при этомъ впервые научились варить рыбу, и нѣкоторымъ изъ нихъ это нововведеніе пришлось очень по вкусу, они взяли у меня удочки и крючки и тотчасъ сѣли у воды, терпѣливо ожидая, когда у нихъ заклюетъ. Поймавши нѣсколько рыбъ, они къ вечеру возвратились съ моими удочками, принесли намъ также часть своей добычи, хотя мы этого вовсе не желали.

Старшій сынъ Квинтугуаля, съ которымъ я былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, сказалъ мнѣ, что ему хотѣлось бы заключить со мною братскій союзъ. Мы подали другъ другу руки и торжественно дали слово другъ другу жить какъ братья, всегда помнить объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на насъ этой дружбой, и если будетъ нужно, помогать другъ другу, гдѣ бы мы ни находились. Мои новыя сестры и кузины были тѣ самыя дѣвушки, которыя съ такимъ любопытствомъ

разспрашивали меня въ Эгелѣ и съ которыми я, несмотря на то, что ни я, ни онѣ не знали языка другого, постоянно разговаривалъ знаками. Прекрасная теплая зимняя погода, стоявшая здѣсь во время нашей стоянки въ Лилли-кайкѣ, такъ называлось это мѣстечко, дѣлала наше пребываніе въ этой мѣстности въ высшей степени пріятнымъ, и мы вдоволь пользовались тѣми удовольствіями, какія доставлялъ намъ лѣсъ; по временамъ трое или четверо изъ насъ уходили отъ насъ за ручей, переходили черезъ равнину, на которой были наши лошади и скотъ, и отправлялись искать въ ближайшихъ горахъ земляннику или влѣзали на высокія деревья и собирали желтые невкусные труты, росшіе на вѣтвяхъ, или же ложились среди дикихъ фіалокъ и предавались пріятному ничегонедѣланью. Эти индѣйцы, какъ истинныя дѣти природы, умѣютъ проводить праздное время съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ школьники проводятъ праздничные дни.

Однажды нѣсколько человѣкъ изъ насъ отправились искать матеріала для починки сѣделъ; мы срубили нѣсколько хорошихъ деревьевъ, выбрали подходящіе куски и вырубили ихъ. Это было очень труднымъ дѣломъ, потому что топоры были тупы, но индѣйцы, разъ они за что-нибудь возьмутся, неутомимы. Починивъ съ помощью топора свое сѣдло, я отправился съ товарищемъ въ частый лѣсъ, чтобы набрать трута для добыванія огня. Скоро жажда заставила насъ искать воды, и мы открыли ручей съ прекрасной, холодной, какъ ледъ, водой, окруженный кустами смородины съ зрѣлыми ягодами.

На обратномъ пути мы убили плоскую ящерицу, которую индѣйцы считали почему-то за воплощенье нечистой силы.

Склоны холмовъ были покрыты кальцеоляріями, Alyssum, чрезвычайно мелкими видами дикой герани и другими неизвѣстными мнѣ цвѣтами. Между послѣдними были два красивыхъ вьющихся растенія; одно, съ великолѣпными лиловыми трубчатыми цвѣтами, напоминало виноградную лозу, другое отличалось красивыми круглыми оранжевыми цвѣтами съ черными полосками.

Наконецъ мы оставили Лилли-кайкъ съ его гостепріимнымъ и дружественнымъ населеніемъ. Когда мы поднялись на сѣверный склонъ возвышенности, ограничивающей долину, я остановился, чтобы бросить прощальный взглядъ на равнину, и моимъ глазамъ открылась картина, рѣдкая по своей красотѣ.

Долина, суживаясь, шла на западъ; на ея концѣ въ исполинскомъ ущельѣ, съ отвѣсными стѣнами въ 100 метровъ высоты, пробѣгалъ потокъ, берущій начало въ горахъ. Въ ущельѣ было такъ темно, что даже острые индѣйскіе глаза ничего не могли тамъ разсмотрѣть, и потокъ появлялся сразу изъ непроницаемой тьмы. Выше поднимались по обѣимъ сторонамъ крутые утесы и сливались съ высокими горами.

одѣтыми густою, темною зеленью буковыхъ лѣсовъ, а между ихъ вершинами можно было замѣтить вершины другихъ, болѣе далекихъ горъ, ослѣпительно блиставшія вѣчными снѣгами. То были Кордильеры.

Гаучосы.

(А. Беркенгейма.)

Изящныя виллы окрестностей Буэносъ-Айреса чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ болѣе смѣняются pueblo, т.-е. городами и городками. Сначала это сравнительно большіе города, правильно распланированные, какъ и самъ Буэносъ-Айресъ, на квадраты. По обѣимъ сторонамъ совершенно прямыхъ улицъ идутъ чистые двухъэтажные дома съ магазинами и вывѣсками, опять-таки европейскаго типа, въ родѣ нашихъ губернскихъ.

Европейцы живутъ кругомъ въ своихъ земледѣльческихъ фермахъ. Нѣсколько параллельныхъ рядовъ такихъ фермъ разбросаны обыкновенно на большой, часто совершенно квадратной площади, и въ центрѣ такой площади, называющейся колоніей, опредѣлено неизмѣнно тоже квадратное мѣсто для pueblo. Окрестные колонисты такое pueblo всегда называютъ plora, т.-е. «площадью». Вблизи такой колоніи имѣется обыкновенно большое поле или лугъ, всегда окруженные изгородью, предназначенные для овцеводства; на немъ пасутся тысячи овецъ. Но еще дальше отъ Буэносъ-Айреса уже не встрѣчаются ни pueblo, ни колоніи; тутъ уже царитъ голая «пампа» во всей своей первобытности; здѣсь европейцы рѣдки, и вмѣсто нихъ господствуютъ «гаучо»; здѣсь еще нѣтъ ни земледѣлія, ни даже правильнаго овцеводства, а только первобытное скотоводство. Изрѣдка встрѣчается землянка—ранчо, какъ тутъ ее называютъ—сдѣланная или изъ большихъ земляныхъ кирпичей, не обожженныхъ и сцементированныхъ грязью, или просто изъ глины. Глиняныя ранчо устраиваются такъ: устанавливаются четыре столба изъ негніющаго въ землѣ сорта дерева, иногда шесть или даже восемь столбовъ, смотря по величинѣ ранчо; столбы соединяются между собою съ двухъ сторонъ параллельными рядами бамбуковыхъ длинныхъ тростей, которыя иногда еще скрѣпляются проволокой, и между двумя стѣнами изъ такихъ тростей набивается грязь, которая потомъ притаптывается особыми кольями. Снаружи и снутри затѣмъ оштукатуриваются тою же грязью стѣны. Послѣ этого устанавливается крыша, обыкновенно изъ тростниковыхъ стеблей, растущихъ въ болотистыхъ низинахъ. Печей настоящій гаучо не знаетъ; только европейцы познакомили его съ этимъ изобрѣтеніемъ, и мѣстами гаучо стали дѣлать теперь печи, но не внутри ранчо, а поблизости его: печи эти уродливой формы изъ тѣхъ же необожженныхъ кирпичей, съ куполообразнымъ сводомъ —

крышей; только внутренняя поверхность печи выкладывается обожженнымъ кирпичомъ. Какъ же живетъ гаучо въ такомъ ранчо и каковъ онъ самъ?

Мебели у гаучо нѣтъ никакой. Въ углахъ разбросано нѣсколько необходимыхъ ему предметовъ: вертелъ, котелокъ, миска, что-то въ родѣ нашего чайника; въ другомъ углу лежитъ сѣдло съ принадлежностями, куски кожи и всякій другой хламъ. На гвоздяхъ висятъ кое-какіе предметы туалета, часто еще гитара. Этимъ почти и ограничивается убранство ранчо. Однако поближе къ европейскимъ колоніямъ у гаучо можно уже найти кое-какіе предметы роскоши, въ родѣ койки, составленной изъ соединенныхъ брусьями двухъ деревянныхъ крестообразныхъ стоекъ, между которыми натянута парусина. Кой у кого завелись также низкія скамейки, въ родѣ тѣхъ, на какихъ у насъ сидятъ за работой сапожники, а у болѣе богатыхъ гаучо есть уже и столъ, и длинныя скамейки.

Одѣвается гаучо просто: короткая рубашка, чаще изъ клѣтчатаго миткаля, широкія шаровары; поверхъ нихъ живописно накинутъ четырехугольный кусокъ черной матеріи, обвивающій ноги и придерживающійся широкимъ кожанымъ поясомъ съ отдѣленіями для неизбѣжнаго ножа, а въ новѣйшее время и для револьвера и патроновъ. Поверхъ рубашки накидывается такъ называемая пончо, или пледъ съ вырѣзомъ посрединѣ, куда просовывается голова. Пончо покрываетъ и грѣетъ все тѣло и, дѣйствительно, очень удобно при верховой ѣздѣ. Оно дѣлается изъ плотной, почти непромокаемой шерсти, и любимый цвѣтъ его темно-оранжевый съ большими болѣе свѣтлыми полосами. На головѣ гаучо носитъ чаще шляпу, мягкую, круглую, черную съ небольшими полями, всегда отогнутыми такъ, чтобы лучше прикрывать глаза, но нерѣдко еще на лобъ навязывается платокъ, а шея почти всегда обвернута платкомъ, чаще бѣлымъ и у зажиточныхъ—шелковымъ. Наконецъ, ноги обуты у болѣе бѣдныхъ въ своего рода лапти, но существенно отличающіеся отъ нашихъ русскихъ. Это скорѣе туфли изъ парусины, которая пришита къ подошвѣ, сдѣланной изъ спирально завернутаго длиннаго пучка витой соломы. Болѣе состоятельный гаучо носитъ сапоги, напоминающіе русскіе, часто съ громадными серебряными шпорами, которыя снабжены желѣзными крупными зубчатыми колесиками.

Женщины одѣваются проще; онѣ носятъ простую юбку и шаль; послѣдняя накидывается то на плечи, то на голову. Въ послѣднее время однако женщины стали носить уже европейскія простыя платья. Дѣти, часто полунагія, валяются вмѣстѣ съ собаками, безъ которыхъ тоже не можетъ обойтись жилище гаучо.

Живетъ гаучо крайне просто. Хлѣба до самаго послѣдняго времени

онъ не зналъ почти совсѣмъ, и теперь еще въ мѣстахъ, болѣе далекихъ отъ колоній, онъ часто обходится безъ хлѣба. Но если онъ и ѣстъ хлѣбъ, то почти никогда не знаетъ свѣжаго хлѣба, а лишь галеты; это сухія, крупныя, кругловатыя булки. Галеты эти продаются на фабрикахъ мѣшками и уже въ магазинахъ ихъ, хотя и рѣдко, покупаетъ врознищу гаучо. Главную же пищу составляетъ мясо, которое здѣсь менѣе питательно, чѣмъ мясо европейскаго скота. Мясо гаучо жаритъ либо на вертелѣ, либо просто на желѣзномъ прутѣ, втыкаемомъ въ землю. Подъ вертеломъ или вокругъ прута разводится огонь, и такое быстро обжаренное мясо является любимымъ блюдомъ гаучо. Мясо вареное называется «пучеро»; въ такой супъ иногда подбрасывается немного кукурузы. Приготовленное такимъ образомъ мясо гаучо отрѣзываетъ себѣ кусками посредствомъ ножа, иногда торчащаго у него сзади за поясомъ; вилокъ гаучо не признаетъ, а прямо беретъ пальцами торчащее на прутѣ жареное и отрѣзываетъ отъ него часть и подноситъ ко рту, затѣмъ закусываетъ, отрѣзываетъ ножомъ кусокъ у рта и съѣдаетъ его, опять закусываетъ и отрѣзаетъ ножомъ и т. д.

Любимый напитокъ гаучо—матэ. Матэ—это трава, растущая въ Парагваѣ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Парагваемъ мѣстностяхъ Аргентины и замѣняющая тутъ чай.

Если гаучо живетъ съ женой, съ семействомъ, то всѣ несложныя домашнія обязанности исполняетъ жена; въ противномъ случаѣ гаучо безъ труда справляется съ ними и самъ. Женщины чѣмъ старше, тѣмъ безобразнѣе; молодыя дѣвушки иногда миловидны: что-то среднее между французско-испанскимъ и индѣйскимъ видно въ ихъ смуглыхъ, матовыхъ лицахъ и черныхъ глазахъ. Тотъ же типъ преобладаетъ и у мужчинъ. Типичный гаучо—невысокаго роста, съ темно-смуглымъ лицомъ, съ рѣзкими чертами лица и короткой, рѣдкой бородой; черные глаза его окружены темноватымъ бѣлкомъ, съ явственно обозначенными кровеносными сосудами. Гаучо вовсе не силенъ физически, скорѣе даже слабъ. Большею частью неграмотный, онъ однако держится прекрасно, съ большимъ достоинствомъ. Какое-то благородство и гордость видны въ этомъ дикарѣ, чего не замѣчается въ низшихъ классахъ европейскихъ народовъ. Гаучо молчаливъ, не разговорчивъ, не любопытенъ и всегда вѣжливъ. Никогда никому онъ не скажетъ просто «si» или «no», но всегда «si, сеньоръ», «no, сеньоръ». Подобно окружающей его природѣ пампы, то безмятежной, то бурной, гаучо обыкновенно добродушенъ и вялъ, но бѣда, если кто разбудитъ въ немъ дремлющую страсть или чѣмъ-нибудь задѣнетъ его необузданную гордость. Гаучо не проститъ обиды и жестоко отомститъ обидчику, вонзитъ ему въ грудь свой неизмѣнный ножъ,—все равно, кто бы ни былъ обидчикъ:

другъ или недругъ, братъ или чужой. Воообще гаучо очень легко смотритъ на смерть, и на свою, и на чужую, и часто изъ-за пустяка способенъ всадить ножъ своему другу.

Гаучо гостепріименъ до патріархальности. Если проѣзжій, кто бы онъ ни былъ, другъ или врагъ, богатый или нищій, зайдетъ въ его хижину, гаучо сдѣлаетъ все, чтобы получше принять гостя. Если гаучо богатъ и если гости у него званые, онъ никогда не отпуститъ ихъ безъ подарка, обыкновенно маленькаго барашка. Часто послѣ такого ужина

Гаучосы.

съ гостями кто-нибудь возьметъ гитару и, наигрывая на ней, начнетъ импровизировать пѣсни.

Гаучо всегда верхомъ на конѣ. Ему и лѣнь, и скучно пройти хотя бы сто шаговъ. Если что нужно притащить, онъ всегда притащитъ верхомъ на конѣ; будетъ ли это бревно, бочка, что угодно,— онъ привяжетъ длиннымъ своимъ лассо къ сѣдлу и притащитъ. Надо ему воды накачать побольше, онъ всегда это сдѣлаетъ сидя верхомъ; привяжетъ къ сѣдлу ведро, отойдетъ съ лошадью и вытащитъ ведро съ водой. Гаучо любитъ лошадь и никогда съ нею не разстается; на ней онъ проѣзжаетъ тысячи верстъ по пампѣ, оріентируясь съ боль-

шимъ искусствомъ среди открытой степи; при этомъ онъ беретъ не одну лошадь, а двѣ, три или цѣлое небольшое стадо. Устанетъ одна лошадь, онъ пересядетъ на другую, устанетъ другая—на третью. При этомъ отдыхающихъ, свободныхъ лошадей онъ часто не привязываетъ къ той, на которой сидитъ, а предпочитаетъ гнать ихъ передъ собой. Если какая-нибудь изъ нихъ убѣжитъ далеко въ сторону, гаучо погонится за ней, оставитъ остальныхъ лошадей, потомъ погонится за остальными и т. д.

Гаучо любитъ украшать свою лошадь. Оставляя длинный хвостъ, онъ тщательно и красиво обстригаетъ гриву и украшаетъ ее лентой.

Сѣдло и узда у него часто богато украшены серебромъ, и нерѣдко это единственное богатство и гордость гаучо. Сѣдло состоитъ изъ многихъ частей, имѣющихъ каждая свое названіе; части эти либо кожаныя, либо изъ бумажной или шерстяной матеріи. Ночью въ пампѣ эти части служатъ гаучо одна подушкой, другая матрацемъ; одѣяломъ же неизмѣнно служитъ пончо. Всегда гаучо имѣетъ при себѣ привязанное съ правой стороны къ сѣдлу лассо или болладоръ; лассо представляетъ собою длинную веревку, въ 14—18 метр. длиной, изъ перевитыхъ тонкихъ ремней съ кольцомъ на концѣ, съ помощью котораго дѣлается узелъ; у болладора такая кожаная веревка снабжена на концахъ шарами, на одномъ—двумя, на другомъ—однимъ.

Скотоводство въ пампѣ.

(А. Беркенгейма.)

Гаучо не знаетъ и не любитъ земледѣлія, которымъ занимаются лишь европейскіе переселенцы-колонисты. Послѣдніе и ввели, и развили дѣло земледѣлія за послѣднія 30—35 лѣтъ. До этого времени хлѣбъ въ страну ввозился, и много-много, если гдѣ-нибудь близъ городовъ распахивалось немного земли и сѣялась кукуруза.

Гаучо же и до этого, и теперь занимался и занимается только скотоводствомъ. Единственными достойными для себя занятіями гаучо считаетъ «работу верхомъ» и «работу съ ножомъ».

Быть можетъ, единственное хорошее, что сдѣлали испанцы, покоривъ Южную Америку, это—что они ввезли въ страну лошадь и рогатый скотъ. Лишивъ свободы прежнихъ обитателей страны—индѣйцевъ—и перерѣзавъ ихъ сотнями тысячъ, испанцы дали полную свободу новымъ четвероногимъ переселенцамъ, и послѣдніе расплодились неимовѣрно. Съ теченіемъ столѣтій появились неизвѣстныя въ Европѣ стада дикихъ быковъ и табуны дикихъ лошадей.

Вопреки общераспространенному мнѣнію, въ пампѣ кормъ плохъ и пастбища далеко не хороши. Чѣмъ же объяснить противорѣчіе этихъ

фактовъ, какъ согласовать плохія пастбища и милліоны скота и лошадей? Объяснить это не трудно, если вспомнить о тѣхъ необъятныхъ пространствахъ, которыя были, да и теперь еще находятся въ распоряженіи одичалыхъ животныхъ. Только благодаря этому простору и только при непремѣнномъ, такъ сказать, отсутствіи борьбы за существованіе рогатый скотъ могъ расплодиться до милліоновъ. Гдѣ же скотъ лишился простора, какъ это естественно произошло вблизи Буэносъ-Айреса, гдѣ земля вздорожала, тамъ онъ вынужденъ былъ голодать и падать сотнями.

Скотоводство все здѣсь вполнѣ примитивное. Единственное, что теперь почти повсемѣстно заведено, это обнесеніе опредѣленнаго для скотоводства поля изгородью; такой огороженный кампъ называется «potrero».

Въ опредѣленныхъ мѣстахъ въ изгороди оставляютъ мѣста для воротъ. У каждыхъ воротъ устраиваются ранчо для сторожа, который слѣдитъ за цѣлостью аламбрадо и за тѣмъ, чтобъ кто-либо не угналъ пасущійся внутри изгороди скотъ. Если на кампѣ достаточно воды, т.-е. если есть канавы съ сохраняющейся долгое время водой, или если черезъ кампъ протекаетъ невысыхающая рѣчка, то этимъ заботы хозяина о скотѣ и ограничиваются. Если «кампъ» достаточно великъ и не обремененъ скотомъ, то хозяинъ и считаетъ лишнимъ прилагать еще какія-либо заботы. Если же воды недостаточно, то оказывается необходимымъ поить скотъ, т.-е. устраивать для этой цѣли въ мѣстахъ, гдѣ есть высыхающія лѣтомъ рѣчки, особаго рода запруды, а гдѣ рѣчекъ нѣтъ—особые колодцы.

Надо, впрочемъ, сказать: гдѣ нѣтъ естественныхъ источниковъ, воды скоту достается все-таки мало, и онъ даже на хорошемъ кампѣ дохнетъ массами отъ жажды. Устройствомъ водопоя заботы о скотѣ и оканчиваются; онъ размножается самъ собою; но вотъ тутъ-то и начинается самая трудная обязанность хозяина,—это хотя бы болѣе или менѣе приблизительно знать количество своего скота, состоящее нерѣдко изъ многихъ десятковъ тысячъ головъ.

Для этой цѣли на эстансіи существуетъ цѣлая система «кораловъ», т.-е. огороженныхъ площадей, изгороди которыхъ устраиваются однако нѣсколько иначе, чѣмъ для потреро. Столбы ставятся здѣсь гораздо тѣснѣе, притомъ они имѣютъ большую длину и вкапываются глубже; въ хорошемъ хозяйствѣ ихъ ставятъ даже вплотную одинъ за другимъ и еще скрѣпляютъ между собою проволоками. Коралъ устраивается сравнительно большой и подраздѣляется на отдѣленія разной величины. Процедура счета начинается съ того, что часть скота эстансіи загоняется въ самое большое изъ этихъ отдѣленій, гдѣ животныя сортируются и перегоняются затѣмъ въ меньшіе коралы небольшими пар-

тіями, которыя уже легко считать. Изъ отдѣленій быки снова загоняются въ большой коралъ и потомъ всѣ вмѣстѣ выгоняются наружу и стерегутся всей группой, чтобы не могли смѣшаться съ еще несосчитанными. Теперь новая партія загоняется въ коралъ, считается и т. д.

Лишь съ тѣхъ поръ, какъ стало развиваться земледѣліе, т.-е. съ конца 50-хъ годовъ, да и то лишь въ небольшихъ размѣрахъ, стали приручать быковъ къ работѣ, а коровъ для молочнаго хозяйства. Большая часть животныхъ такъ и остается дикими и идетъ лишь на мясо, кожи и кости.

Интересны способы здѣшняго приученія быковъ и коровъ. И тѣхъ и другихъ приручать начинаютъ лишь молодыхъ, обыкновенно трехгодовалыхъ. Къ дикому молодому быку подойти, чтобы надѣть ярмо, понятно, крайне опасно. И опять на помощь въ этомъ случаѣ является лассо. Быка валятъ на землю и привязываютъ ему къ рогамъ ярмо помощью узкихъ длинныхъ ремней. Надѣвъ ярмо на пару быковъ, ихъ освобождаютъ отъ лассо и пускаютъ пастись вдвоемъ вмѣстѣ. Быкамъ это не нравится, они всячески стараются освободиться, но совершенно напрасно, такъ какъ они не въ силахъ разорвать крѣпкіе ремни или сломать ярмо, сдѣланное изъ крайне прочнаго дерева; волей-неволей быки начинаютъ пастись вмѣстѣ и въ такомъ положеніи ихъ оставляютъ часто недѣли на двѣ. Быки успѣваютъ привыкнуть и къ ярму и другъ къ другу, да и дикость ихъ нѣсколько при этомъ уменьшается, такъ какъ первый шагъ къ уничтоженію ихъ свободы уже сдѣланъ. Теперь ихъ начинаютъ пріучать къ работѣ; для этого ихъ не впрягаютъ въ плугъ однихъ, но ставятъ между двумя парами уже ручныхъ быковъ, впряженныхъ попарно гуськомъ. Погоняютъ сперва первую пару ручныхъ быковъ; дикіе ни за что не хотятъ двинуться съ мѣста, но сзади ихъ толкаетъ задняя пара опытныхъ быковъ, спереди ихъ тащитъ впередъ передняя пара, и дикимъ быкамъ въ концѣ-концовъ волей-неволей приходится идти. Имъ не даютъ сразу долго работать, а понемножку. Потомъ уже ихъ пускаютъ въ работу лишь съ одной парой ручныхъ быковъ впереди, покуда въ концѣ-концовъ быки не измѣнятъ своего дикаго характера и не сдѣлаются совершенно ручными.

Въ послѣднее время прирученіе стало иногда вестись европейцами-колонистами нѣсколько иначе: приручаютъ быка къ себѣ постепенно, давая ему лизать соль и пріучая его къ одному мѣсту. Гаучо однако не одобряетъ такую систему нѣжнаго воспитанія быковъ и продолжаетъ примѣнять свой старый способъ.

Прирученіе коровъ дѣлается тоже помощью лассо. Корову хватаютъ, крѣпко связываютъ и сразу начинаютъ доить. Когда понемногу корову пріучатъ къ этой процедурѣ, ее начинаютъ связывать все слабѣе и слабѣе, и, наконецъ, она позволяетъ уже себя доить не привя-

Сушка кожъ въ саладеро.

занная. Одну уступку дѣлаютъ при этомъ коровѣ: ее доятъ въ присутствіи ея теленка, чтобы она могла мечтать, что ее не доятъ, а что ее сосетъ теленокъ. Чтобы теленокъ невзначай и въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ немножко пососать, гаучо считаетъ благоразумнымъ надѣть ему на морду что-то въ родѣ небольшого ведра безъ дна.

Большую часть своихъ животныхъ гаучо продаетъ партіями, въ сотни и тысячи головъ, либо на городскія бойни (mataderos), либо въ спеціальныя заведенія, фабрики, носящія названія «saladeros». Въ «saladeros», т.-е. въ заведеніяхъ, спеціально занимающихся убоемъ скота и торговлей получающимися отъ убоя продуктами, иногда бьютъ по тысячѣ и больше головъ скота въ день. Это грандіозныя фабрики смерти, и тутъ гаучо находитъ другую любимую свою работу, «работу съ ножомъ», въ которой онъ, въ самомъ дѣлѣ, не менѣе ловокъ, чѣмъ въ «работѣ верхомъ».

Саладеро устраивается обыкновенно близъ большой рѣки; особенно много встрѣчается ихъ на берегахъ Уругвая. Посреднѣ обширнаго «потреро», т.-е. обнесеннаго изгородью луга, идетъ рядъ круглыхъ кораловъ, послѣдовательно уменьшающихся въ діаметрѣ и отдѣленныхъ одинъ отъ другого воротами, которыя подымаются вверхъ помощью блока, прикрѣпленнаго къ перекладинѣ на двухъ высокихъ столбахъ. За послѣднимъ кораломъ идетъ продолговатый коридоръ, полъ котораго нѣсколько наклоненъ и заканчивается площадкой, поверхъ которой устроена другая деревянная площадка, тоже съ перекладиной на двухъ высокихъ столбахъ и блокомъ посреднѣ; на этотъ блокъ навернуто лассо. Быковъ изъ потреро, гдѣ они пасутся, загоняютъ въ первый самый большой коралъ; оттуда уже меньшая партія загоняется во второй коралъ; въ слѣдующій третій коралъ попадаетъ еще меньше животныхъ, и такъ дальше, покуда въ послѣднемъ маленькомъ коралѣ оказывается лишь нѣсколько головъ. Отсюда криками и ударами съ помощью пики гаучо, стоя верхомъ по другую сторону изгороди, выгоняетъ въ коридоръ одного быка. Сюда быкъ попадаетъ уже разъяренный и бѣжитъ стремглавъ вдоль коридора, покуда сидящій на верхней деревянной площадкѣ гаучо не накинетъ ему на рога лассо. Помощью блоковъ лассо теперь крѣпко натягивается, и быкъ попадаетъ на нижнюю площадку со скользкимъ поломъ изъ желѣзныхъ листовъ. Помощью лассо и особаго привода голову быка приподымаютъ до самаго пола верхней площадки, и стоящій здѣсь гаучо съ силой вонзаетъ въ голову быка между рогами ножъ. Животное послѣ того опускаютъ на нижнюю площадку, и отсюда оно увозится дальше. Между тѣмъ гаучо верхней площадки весь въ крови, съ разгорѣвшимися отъ убійства глазами, ловитъ другого быка; опять та же процедура, опять быка приподымаютъ и вонзаютъ ему ножъ. Картина ужасная, но гаучо ее любитъ.

Коридоръ и площадки окапчиваются внутри громаднаго сарая съ высокой крышей, обыкновенно изъ волнистаго желѣза. Въ разныхъ мѣстахъ этого сарая производится дальнѣйшая работа. Въ одномъ мѣстѣ съ поразительною скоростью и ловкостью ножомъ сдираютъ шкуру, которая уже уносится въ другое отдѣленіе. Тушу же кладутъ на длинные столы, и другіе гаучо съ тою же ловкостью дѣлятъ на части, отрѣзаютъ черепъ, рога, копыта и отдѣляютъ мясо отъ костей, при чемъ кровь по желобамъ стекаетъ въ особые бассейны, гдѣ и сохнетъ. Отдѣльныя части разносятся затѣмъ по разнымъ отдѣленіямъ сарая. Мясо переносится на другіе длинные столы, гдѣ его разрѣзываютъ на правильные ломти, сильно солятъ и откладываютъ кучами въ сторону. Пролежавши нѣкоторое время съ солью, эти четырехугольные пласты мяса выносятся на дворъ, примыкающій къ сараю. Здѣсь многими параллельными рядами изъ жердей на низенькихъ, тоненькихъ столбахъ устроены перекладины. Тутъ сушатся и эти пласты мяса, и снятыя шкуры. Дальнѣйшую работу производитъ уже солнце,—оно совершенно высушиваетъ и мясо, и шкуры, и послѣ того ихъ лишь снимаютъ и собираютъ, чтобы отвезти громадными партіями сначала по желѣзной дорогѣ, а потомъ на корабляхъ и пароходахъ сушеное мясо въ Бразилію, Антильскіе острова и Центральную Америку, а шкуры въ Европу. Обрѣзки, кости и прочее поступаютъ въ новое отдѣленіе сарая или даже въ особый сарай, гдѣ устроены громадные котлы, въ болѣе усовершенствованныхъ «saladeros» даже паровые, въ которыхъ вываривается сало. Когда сало остынетъ, имъ наполняютъ бочки и отправляютъ тоже въ Европу (преимущественно въ Англію). Лишь въ немногихъ лучшихъ saladeros устроены небольшіе заводы для фабрикаціи мыла. Остающіеся послѣ выварки сала мягкіе отсѣки служатъ топливомъ для печей паровыхъ котловъ. Кости, копыта и проч. тоже сушатъ, собираютъ партіями и отправляютъ въ Европу. Интересно видѣть цѣлыя громадныя платформы, вагоны и даже поѣзда съ однимъ только грузомъ—черепами быковъ.

Любимое занятіе гаучо—это разведеніе и прирученіе дикихъ лошадей. Коренная здѣшняя лошадь мелка, слаба и худа. Да это и неудивительно: англичане на своихъ заводахъ кормятъ лошадей кукурузой и люцерной, которыми засѣваютъ иногда громадныя площади во много тысячъ гектаровъ. Между тѣмъ гаучо даетъ ѣсть своей лошади, какъ онъ выражается, только кампъ, т.-е. естественную, сухую и рѣдкую траву пампы. При всей своей слабости здѣшняя лошадь удивительно вынослива; тысячи верстъ пробѣгаетъ она со своимъ хозяиномъ, дѣлая при этомъ въ день иногда до 100 километровъ, получая въ награду опять-таки только кампъ.

Конокрадство крайне распространено въ странѣ. Часто гаучо во-

руетъ лошадь, ѣздитъ на ней, покуда она ему не надоѣстъ, и приводитъ самъ къ ея хозяину съ совершенно невиннымъ видомъ, объясняя, что только что нашелъ ее, и получаетъ при этомъ еще благодарность хозяина.

Лошади тысячами продаются на saladeros, гдѣ съ нихъ снимаютъ шкуру и изъ туши вываривaютъ сало. Лишь относительно меньшее количество лошадей приручается для верховой ѣзды. Способъ приученія дикой лошади очень оригиналенъ и жестокъ. Лошадь ловятъ помощью лассо, которое накидывается на верхнюю часть шеи и на заднія ноги;

Приученіе лошадей.

затѣмъ ее валятъ, при чемъ лошадь нерѣдко вывихиваетъ себѣ ногу переднюю или заднюю. Теперь ей надѣваютъ крѣпкіе поводья, даютъ встать и крѣпко привязываютъ къ 3-мъ, связаннымъ вмѣстѣ проволокою, столбамъ, глубоко врытымъ въ землю, при этомъ привязываютъ такъ, чтобы голова была поднята возможно выше и чтобъ ей больно было качнуть головой или топнуть передними ногами. Въ такомъ положеніи лошадь оставляютъ день или два, и ей не даютъ ничего ни ѣсть, ни пить. Потомъ ее валятъ опять помощью лассо и въ первый разъ надѣваютъ узду съ удилами изъ мятой кожи. Въ это время ноги связываютъ особыми кожаными снарядами, состоящими изъ двухъ кожа-

ныхъ круговъ, соединенныхъ кожанымъ же лоскуткомъ; въ круги просовываются ноги. Это не позволяетъ лошади развести широко ногами; къ заднимъ ногамъ онъ привязывается ниже колѣна, къ переднимъ — выше колѣна.

Теперь лошадь не можетъ уже ударить ногой, и ее легко освобождаютъ отъ лассо; тогда гаучо смѣло подходитъ, беретъ поводья въ лѣвую руку, а лѣвое ухо лошади въ правую. Если лошадь вздумаетъ повернуть голову къ стоящему слѣва мучителю, послѣдній движеніемъ правой руки потянетъ ее за лѣвое ухо и не дастъ ей укусить себя. Лошади безъ труда надѣваютъ сѣдло, при чемъ стремена сѣдла, сдѣланныя изъ многихъ концентрическихъ слоевъ тонкой кожи, устроены такъ, что нога ѣздока никогда не можетъ застрять въ нихъ, такъ какъ вырѣзъ крайне малъ.

Теперь смѣло садится укротитель, «domador», босой. Лошади освобождаютъ ноги, освобождаютъ и ея лѣвое ухо. Въ первый моментъ лошадь бываетъ иногда неподвижна; обыкновенно же она начинаетъ метаться, чтобы сбросить съ себя непривычную ношу, и когда ей это не удается, стремглавъ бросается впередъ и всегда по прямой линіи. Разсвирѣпѣвшая, разгоряченная, она теперь не видитъ ничего и въ своемъ прямолинейномъ бѣгѣ можетъ налетѣть на аламбрадо или что другое, что попадется на дорогѣ. Въ виду этого вслѣдъ за ней бросаются верхомъ два помощника domador'а, несутся съ двухъ сторонъ совершенно параллельно ей и заставляютъ ее своротить съ прямой линіи; лошадь летитъ во весь карьеръ съ удивительной быстротой и черезъ 20—30 минутъ измучивается до конца, совершенно теряя волю. Достаточно теперь выждать удобный моментъ, чтобы спрыгнуть. Тогда съ измученной лошади ужъ безъ труда снимаютъ сѣдло и даютъ ей отдохнуть. Процедуру эту повторяютъ ежедневно, раза два въ день, пока лошадь не сдѣлается ручной. Лошадь обыкновенно худѣетъ отъ этихъ мученій, которымъ она подвергается. Чѣмъ безпокойнѣе лошадь при прирученіи, тѣмъ гаучо больше любитъ ее мучить, находя, что только тогда изъ нея и можетъ выйти толковая, хорошая верховая лошадь.

По Паранѣ и Парагваю.

(А. Іонина.)

Парагвай недавно, всего 20 лѣтъ тому назадъ, былъ какимъ-то таинственнымъ заповѣднымъ уголкомъ міра, куда никто не могъ даже проникнуть, который наяву былъ какою-то легендою, ибо, дѣйствительно, почти никого въ него не пускали.

Теперь поѣхать туда ничего не стоитъ,—это самое прозаическое

путешествіе для того, кто живетъ уже въ Буэносъ-Айресѣ, но очень любопытное.

Это прозаическое путешествіе длится однако цѣлую недѣлю. Семь дней нужно, чтобы доплыть до столицы Парагвая «Assuncion» (Успеніе), но это только по расписанію пароходовъ; на дѣлѣ же выходитъ больше, ибо порядокъ такой, что нужно нѣсколько разъ натыкаться на мели.

Я отчалилъ отъ набережной Буэносъ-Айреса въ 6 часовъ утра одного яснаго и прохладнаго іюньскаго дня. Это самый удобный сезонъ для поѣздки въ Парагвай, потому что въ тѣ мѣсяцы, которые у насъ называютъ весенними, а здѣсь осенними, въ Парагваѣ идетъ дождь, а съ іюня наступаетъ сухое время, и не столь жаркое, тогда какъ въ Буэносъ-Айресѣ начинаются слякоть и почти холодъ.

Это время года особенно непріятно въ блестящей столицѣ Лаплаты — многіе изъ зажиточныхъ фамилій уѣзжаютъ тогда въ Парагвай, какъ у насъ ѣздятъ въ Италію, особенно слабые грудью и даже чахоточные. Говорятъ, что для послѣднихъ воздухъ Ассунсіона зимою очень хорошъ, а потому на пароходѣ «Санъ-Мартинъ» я нашелъ не многочисленное, но очень милое общество. На пароходѣ было просторно; огромное судно, построенное въ два этажа на американскій манеръ, было почти роскошно, освѣщено электричествомъ, съ огромными залами наверху и внизу, съ очень просторными каютами, такъ что длинное путешествіе неутомительно и даже нескучно для новичка, хотя и однообразно. Черезъ часъ времени послѣ отхода пароходъ оставляетъ такъ называемую Лаплату и входитъ въ устье Параны, обогнувъ знаменитый въ здѣшней исторіи островъ, играющій роль Гибралтара въ южноамериканской жизни. Онъ заслоняетъ входъ въ двѣ главныя водяныя артеріи пампы: въ рѣки Парану и Уругвай, устья которыхъ сливаются здѣсь въ общее устье, называемое рѣкою Лаплатою.

Обогнувши островъ довольно узкимъ, но глубокимъ каналомъ, мы вошли въ Парану—скатерть воды вдругъ расширяется. Опять могучая Парана, какъ и Лаплата, чуть не захватываетъ всего горизонта. Берега ясно видны, но они далеки, особенно справа, низкій и болотистый берегъ провинціи Entre-Rios едва замѣтенъ, но это только главный рукавъ рѣки Параны. Слѣва тянется длинный архипелагъ острововъ, который скрываетъ цѣлую сѣть болѣе узкихъ побочныхъ рукавовъ той же рѣки, и потому съ этой стороны настоящаго берега ея не видно. Острова стѣсняютъ дальше и главный рукавъ, но онъ все-таки и въ самыхъ узкихъ мѣстахъ разливается на нѣсколько верстъ. Пароходъ бѣжитъ на всѣхъ парахъ почти по прямолинейному фарватеру; тутъ до города Розаріо мелей не боятся—рѣка очень глубока. Видовъ никакихъ, кругомъ теряется въ безконечности плоская степь, которая даже будто лоснится, какъ поверхность гладко отполированнаго стола,—

степь, которую видно тамъ и сямъ съ верхней палубы парохода, поверхъ плоскихъ пустынныхъ острововъ, тоже едва поднимающихся надъ поверхностью воды, но покрытыхъ тощимъ, грустнымъ, сѣро-зеленымъ кустарникомъ. Поверхность самой воды желтоватаго цвѣта тоже иногда покрыта вѣтками, а часто и обломками деревьевъ, еще сохранившими свои листья, которые рѣка Парана вѣчно цѣлыми массами несетъ въ океанъ: это обломки лѣсовъ, которые подмываются и опрокидываются верхними притоками ея, текущими на болѣе наклонной плоскости между дремучими лѣсами, часто черезъ скалы и пороги. На порогахъ этихъ деревья ломаются, разбиваются на куски и только въ такомъ видѣ доплываютъ до Лаплаты. Кромѣ того, во время наводненій, а часто и послѣ трехъ стремительныхъ дождей, которые вдругъ проносятся по пампѣ, рѣка внезапно скрываетъ цѣлые острова на нижнемъ своемъ теченіи, и мелкая растительность ихъ уносится водою, покрывая ея поверхность переплетенными между собою зелеными вѣтвями, которыя издали кажутся иногда пловучими островами.

Таковъ видъ рѣки Параны до самыхъ устьевъ Парагвая, то-есть болѣе чѣмъ на тысячу триста верстъ. До города Розаріо нигдѣ не видно ни малѣйшаго признака жилья, хотя страна, по которой течетъ эта часть рѣки, теперь довольно уже густо заселена, но люди живутъ далеко отъ ея береговъ. Дѣло въ томъ, что Парана, какъ и Амазонка, какъ и Нилъ, подвержена періодическому половодью и затопляетъ свои низкіе берега на далекое пространство во время лѣтнихъ мѣсяцевъ, начиная отъ ноября и до іюня, когда въ верховьяхъ ея, въ тропикахъ, идутъ дожди и на Кордильерахъ таютъ снѣга. Да и кромѣ того, помимо этихъ періодическихъ наводненій, капризная Парана вдругъ ни съ того, ни съ сего выступаетъ изъ своихъ настоящихъ береговъ, и причины этихъ внезапныхъ ея шалостей достовѣрно неизвѣстны и предвидѣть ихъ нельзя. Частью это происходитъ отъ того, что сильные юго-восточные вѣтры въ Атлантическомъ океанѣ закупориваютъ вдругъ устье Лаплаты и тѣмъ подымаютъ уровень рѣки. Поэтому даже быкамъ опасно пастись у самыхъ ея береговъ—такія внезапныя наводненія могутъ ихъ захватить врасплохъ и унести, что часто и случается.

Такимъ образомъ трудно себѣ представить что-нибудь пустыннѣе и однообразнѣе плаванія по Паранѣ: она какъ будто водворила смерть вокругъ себя—нѣтъ растительности и жизни животной не видно. По главному ея руслу не видно ни одной птицы; пернатому населенію гораздо удобнѣе жить по безчисленнымъ ея рукавамъ, которые извиваются капризными зигзагами далеко по степи, образуя болота и безчисленныя озера. Только тамъ и сямъ берегъ возвышается до 30—60 футовъ и обрывается перпендикулярно стѣною, barrancos, какъ здѣсь называютъ эти обрывы. Эти barrancos образуютъ удобныя мѣста для

постояннаго жилья, а также и глубокія пространства въ рѣкѣ, которыя служатъ отличными естественными портами или рейдами для кораблей. Въ этихъ мѣстахъ корабли могутъ приставать къ берегу вплотную. На этихъ барранкахъ строятся города, села или просто пристани, въ которыя свозятся продукты изъ городовъ и колоній, построенныхъ далеко въ пампѣ.

Первая такая длинная барранка представляетъ плоскость, на которой возвышается городъ Розаріо, къ которому мы пристали на другой день рано утромъ, съ намѣреніемъ простоять цѣлый день.

Еще на протяженіи 100 верстъ оживленіе на рѣкѣ продолжается: встрѣчается много судовъ и пароходовъ и много ихъ стоитъ на якорѣ, прислонившись къ обрывистому берегу, который вплоть до города Санта-Фе имѣетъ все ту же форму, какъ и у Розаріо. Дѣло въ томъ, что по этому берегу возвышается нѣсколько элеваторовъ, и къ нимъ прямо пристаютъ морскіе пароходы, чтобы нагрузиться зерномъ. На высокомъ берегу построены длинные, высокіе, почти монументальные амбары, и отъ нихъ на деревянныхъ подставкахъ высовываются надъ рѣкою высокія трубы или желоба, иные болѣе 100 футовъ длины. Подъ эти желоба подходятъ пароходы такъ, чтобы подъ ихъ отверстіями прямо находились люки, ведущіе въ трюмъ, и тогда изъ элеватора пускается потокъ зерна, который наполняетъ такимъ образомъ пароходъ въ часъ времени—зерно наливаютъ въ него точно воду. Какое удобство! Пароходъ приходитъ прямо изъ океана, нагружается еще подъ парами и, не теряя ни минуты времени, оборачивается назадъ и опять уходитъ прямо къ берегамъ Бразиліи, а скоро, можетъ быть, и къ берегамъ Европы. Всего 3, самое большее 4 года, какъ страна эта отпускаетъ хлѣбъ за границу, и много ли еще здѣсь сравнительно земледѣльцевъ—капля въ морѣ, а уже нѣсколько элеваторовъ возвышаются по берегу рѣки! Все готово, чтобы не задержать дальнѣйшаго земледѣлія, чтобы земледѣльцу здѣшнему не было хлопотъ съ посредниками. Дѣло только что родилось и его уже упорядочили. Теперь здѣсь еще народу мало, но скоро весь берегъ Параны украсится, какъ и вблизи Розаріо, рядомъ этихъ примитивныхъ желобовъ, сколоченныхъ изъ нашихъ финляндскихъ досокъ, и изъ желобовъ хлѣбъ потечетъ въ Европу. А между тѣмъ работнику-землепашцу платятъ здѣсь минимумъ 7 или 8 франковъ въ день, тогда какъ онъ у насъ обходится въ 50 копеекъ. Гдѣ бы, казалось, соперничать?! Но что дѣлать—дешевыя руки и въ Индіи не мѣшаютъ людямъ умирать съ голоду... Къ вечеру мы пристали къ другой провинціальной столицѣ, къ городу Парана, послѣ маленькой стоянки противъ города Діаманте, который теперь сталъ богатымъ промышленнымъ мѣстомъ. Діаманте не видно съ берега, который здѣсь низокъ и заливается водою, какъ и весь почти лѣвый берегъ Параны. Мы при-

стали только къ молу, въ концѣ котораго стоитъ длинное зданіе на сваяхъ, содержащее таможню, а отъ этой пристани до города нѣсколько верстъ. Этою неудобною пристанью пользуются теперь, впрочемъ, мало, ибо отъ Діаманте до города Параны всего 20 верстъ, и потому предпочитаютъ пристань этого города, который, какъ и Розаріо, стоитъ на возвышенномъ берегу, хотя тоже не у самой рѣки.

Зеленые холмы, хотя не такъ отвѣсно спускающіеся въ воду, какъ въ Розаріо, образуютъ ущелье и въ этомъ ущельи идетъ дорога въ городъ Парану, версты двѣ или три. У самой воды построено нѣсколько домовъ и образуется площадка, на которой ждала прихода парохода толпа людей и множество извозчиковъ съ довольно приличными экипажами, такъ же какъ carretos съ быками.

Городъ Парана еще новѣе, чѣмъ Розаріо, т.-е. онъ даже не имѣетъ еще и вида сплошного города. Между новыми великолѣпными домами, которые только что построены, тянутся еще большіе пустыри и еще больше начатыхъ строеній. Дома большею частью не оштукатурены, не окрашены, какъ всѣ дома въ здѣшней землѣ; голые кирпичи стѣнъ не успѣли еще замаскировать.

Теперь число жителей здѣсь доходитъ уже до 15.000.

Особенно красива средняя площадь, на которой стоятъ два уже довольно старыхъ дома, въ самомъ дѣлѣ, прекрасной архитектуры, въ итальянскомъ вкусѣ: домъ центральнаго правленія, Caza de Gabierno, и частный домъ генерала Уркизы, знаменитаго человѣка, который умеръ лѣтъ 15 тому назадъ. Всѣ дома съ плоскими крышами, и террасы, замѣняющія ихъ, служатъ, повидимому, по ночамъ салонами. Вечеромъ, гуляя по городу, я любовался совсѣмъ оригинальнымъ зрѣлищемъ: вездѣ на крышахъ было общество, которое сидѣло, смѣялось, разговаривало — въ одномъ мѣстѣ даже танцовали при свѣтѣ лампъ. Ночь была тихая и ясная. Цвѣты въ горшкахъ и померанцевыя деревья дѣлаютъ изъ этихъ террасъ, должно быть, весьма милыя гостиныя, и ночью это производитъ поэтическое и оригинальное впечатлѣніе, конечно при хорошей погодѣ. Если бы только мостовыя были лучше, а то улицы этой юной столицы представляютъ нѣчто въ родѣ широкихъ канавъ, доверху посыпанныхъ пылью или налитыхъ грязью, смотря по сезону.

Нѣтъ ничего труднѣе въ этой странѣ, гдѣ нѣтъ камня, какъ мостить улицы: дурно обожженные кирпичи, которыми выложены тротуары, скоро превращаются въ щебень, а затѣмъ и въ пыль. Но нельзя же все вдругъ. Городъ Парана состоитъ столицею провинціи весьма недавно. Провинція Entre-Rios, главнѣйшимъ городомъ которой онъ является, становится послѣ провинціи Буэносъ-Айреса самою богатою. Воды здѣсь много, и притомъ тамъ и сямъ растетъ даже лѣсъ по холмамъ, которые тянутся съ сѣвера отъ Парагвая и нарушаютъ одно-

образіе пампы. Географическое положеніе ея было всегда великолѣпно между такими двумя рѣками, какъ Парана и Уругвай, а теперь, кромѣ того, строятъ еще желѣзную дорогу отъ столицы къ городу Уругваю.

Рѣка Парана — странная рѣка. Обыкновенно рѣки бываютъ шире у своего устья, чѣмъ въ срединѣ теченія, Парана же, напротивъ, начиная отъ города Парана вверхъ, расширяется вдвое противъ нижней части своего теченія, по которому мы сюда доплыли. Какъ разъ противъ города Параны находится на противоположномъ берегу пристань города Санта-Фе, а мы плыли до этой пристани на пароходѣ два часа съ четвертью, что равнялось пространству больше чѣмъ въ 20 морскихъ миль. Острова исчезли, и рѣка казалась совсѣмъ обширнымъ озеромъ. Поднялся вѣтеръ, и большой пароходъ нашъ стало очень серьезно качать. Говорятъ, что бури въ этой части рѣки такъ же опасны, какъ и въ морѣ.

Пристанью города Санта-Фе, который, какъ я сказалъ, стоитъ далеко отъ берега, кончается цивилизація, по крайней мѣрѣ по правому берегу Параны, и тутъ высадилось съ парохода почти послѣднее прилично одѣтое семейство, послѣднія дамы, одѣтыя лучшими портнихами Парижа. Осталась на пароходѣ только одна чахоточная дама, ѣхавшая въ Парагвай, а затѣмъ исключительно мужское общество дѣловыхъ людей, эксплуататоровъ дикихъ пустынь, среди которыхъ мы теперь плывемъ.

Выше города Санта-Фе тотчасъ же начинается территорія, называемая Гранъ-Чако (большая пустыня). Отсюда на западъ до Кордильеръ и на сѣверъ на безконечное пространство Гранъ-Чако до сихъ поръ остается неизвѣданною страною, въ нѣдра которой бѣлые люди почти еще не проникали.

Провинція Санта-Фе защищалась отъ этой грозной пустыни рядомъ укрѣпленій, которыя тянутся и теперь еще по совсѣмъ необитаемой степи, вдоль теченія рѣки Саладо, начиная отъ пристани города Санта-Фе, имѣющей тоже видъ укрѣпленія, и до самыхъ Кордильеръ. Укрѣпленія эти ограждали обитаемую и богатую провинцію отъ набѣговъ индѣйцевъ, болѣе свирѣпыхъ и непримиримыхъ, чѣмъ всѣ индѣйцы южной части материка. Тобасы и моковисы проскользали часто между немногочисленными гарнизонами, переплывали рѣку, и шайки ихъ рѣзали людей и жгли все попавшееся подъ руку, даже въ самой срединѣ провинціи. Они прерывали даже сообщенія между городами Розаріо и Кордовой. Теперь эти набѣги прекратились, благодаря трехлѣтнему походу въ эту невѣдомую землю генерала Витторина. Теперь уже не слышно объ индѣйцахъ въ южной части пустыни Гранъ-Чако, а также и по берегу рѣки Параны. Уже нѣсколько лѣтъ они здѣсь не показываются, но дѣйствительно ли они истреблены, или только очень напуганы, объ этомъ въ сущности никто навѣрно не знаетъ.

Со мною ѣхали на пароходѣ двое господъ, одинъ испанецъ, другой аргентинецъ, которые купили нѣсколько leguas земли около Resistencia, единственнаго маленькаго села на правомъ берегу Параны, противъ города Корріентесъ. Они ѣхали посмотрѣть на эту землю и узнать, нельзя ли водворить на ней эмигрантовъ. Они, впрочемъ, не смущались, а говорили о планахъ своихъ на будущее съ увлеченіемъ и вѣрою. Земля ихъ, правда, находилась еще относительно въ удобномъ мѣстѣ, около единственнаго пункта, гдѣ жило уже нѣсколько сотенъ бѣлыхъ, которые, благодаря близости убѣжища, города Корріентесъ, стоящаго на другомъ берегу рѣки, рискнули поселиться и укрѣпиться почти среди дикарей, соблазненные выгодной ловлей дикихъ быковъ, никому не принадлежащихъ; но все-таки проекты моихъ странниковъ показались мнѣ фантастическими. Къ дикарямъ они однако относились съ презрѣніемъ, увѣряли даже, что ихъ вовсе нѣтъ, но все-таки везли съ собою трехъ гаучо и одного здороваго итальянца, да и десятокъ тоже ружей.

— Что вы такъ скептически смотрите на эти вещи?—вмѣшался разъ въ мой разговоръ съ двумя авантюристами одинъ изъ элегантныхъ гражданъ Уругвайской республики. — Ихъ фантазіи очень сбыточны, нужна только энергія. Я вотъ уже седьмой годъ завелъ плантацію сахарнаго тростника около устьевъ рѣки Парагвая, въ этомъ самомъ Гранъ-Чако, въ мѣстности, еще болѣе опасной, потому что вокругъ меня сплошной лѣсъ, и самъ генералъ Витторина не доходилъ еще до этого мѣста; но мои дѣла идутъ весьма благополучно: большой доходъ получаю и постоянно увеличиваю плантацію, расчищая лѣсъ. Я сначала вывозилъ мой тростникъ, но это оказалось убыточно, ибо дрова дороги въ Корріентесѣ; теперь я построилъ заводъ на самомъ мѣстѣ, топливо даромъ, и я въ прошломъ году вывезъ въ Буэносъ-Айресъ уже болѣе милліона килограммовъ сахару. Мѣстность здѣсь здоровая, несмотря на обиліе воды и лѣса, и я нахожу работниковъ очень легко. Они, правда, дороги, но богатая почва не требуетъ большихъ хлопотъ, даетъ отличный урожай и все окупается отлично.

— Но какъ же вы живете съ дикими?

— Во-первыхъ, у меня человѣкъ 25 рабочихъ, хорошо вооруженныхъ, и ни одной женщины. Чего намъ бояться? Стрѣлъ глупыхъ тобасовъ? Они сначала пробовали было насъ безпокоить, но это имъ солоно обошлось, и перестали. Да, наконецъ, и съ ними нужно только умѣніе обращаться строго и милостиво. Теперь у меня даже живутъ трое дикихъ: я ихъ кормлю и одѣваю, это стоитъ дешево, а они рыскаютъ по лѣсу и доносятъ исправно, если что замѣтятъ подозрительное, какъ, напримѣръ, какія-нибудь злыя намѣренія своихъ соотечественниковъ, и мы принимаемъ свои мѣры, дѣлаемъ, когда нужно, облаву. Приручить этихъ дикарей было бы не очень мудрено, если бы ревност-

ные чиновники и солдаты ихъ постоянно не пугали... Чуть появятся на берегу дикіе и въ Корріентесѣ это узнаютъ, то тотчасъ посылаютъ экспедицію волонтеровъ. Это сдѣлалось тамъ спортомъ. Дикіе эти можетъ никакихъ дурныхъ намѣреній и не имѣютъ, просто пошли половить рыбу, а ихъ немилосердно стрѣляютъ и рѣжутъ. Нѣтъ,—завершилъ мой уже опытный собесѣдникъ,—хотя я и не поклонникъ генерала Витторина, но вѣрю въ будущность этой пустыни. Гранъ-Чако составитъ богатство республики, когда ее хорошенько узнаютъ, а главное, когда найдутъ возможность плавать по рѣкамъ этой пустыни, тогда можно будетъ проникнуть и въ нѣдра ея.

Далѣе въ разговоръ вмѣшался еще одинъ пассажиръ-итальянецъ. Оказалось, что онъ также имѣетъ плантацію сахарнаго тростника еще дальше устьевъ Парагвая, повидимому, въ мѣстности еще болѣе дикой, на самой рѣкѣ Вермехо. Онъ тоже ѣхалъ освидѣтельствовать свои плантаціи, которыя, впрочемъ, отдаетъ въ аренду двумъ нѣмцамъ и одному парагвайцу. Онъ тоже получаетъ большой доходъ и не боится тобасовъ. Вообще мнѣ разсказывали, что дикари въ лѣсахъ не такъ опасны, какъ въ пампѣ. Живя вразбродъ въ лѣсу и принужденные ходить пѣшкомъ, они не могутъ соединяться въ большія шайки и производить серьезныя нападенія... Они могутъ убить, напасть на заблудившагося человѣка или на какое-нибудь ранчо, стоящее въ глуши, но не болѣе; для большихъ набѣговъ имъ нужно долго сбираться, по крайней мѣрѣ здѣсь, по берегамъ большихъ рѣкъ, гдѣ ходятъ пароходы.

Но какъ бы то ни было, несмотря на эти маленькія рѣдкія дверцы, черезъ которыя цивилизація пробиваетъ себѣ входы въ заколдованную точно страну, аргентинское Гранъ-Чако представляетъ до сихъ поръ одно изъ самыхъ обширныхъ неизвѣданныхъ пространствъ земного шара, и это въ центрѣ Америки, которая, относительно говоря, все-таки очень извѣстна цивилизованному міру. Вокругъ этого пространства давно уже двигается и течетъ общественная жизнь: съ одной стороны ея тянется теперь желѣзная дорога, съ другой—мы плывемъ на великолѣпныхъ пароходахъ, а еще въ первой половинѣ 16-го столѣтія, т.-е. тотчасъ послѣ завоеванія Перу, авантюристы проложили себѣ пути отъ Кордильеръ до большихъ рѣкъ—съ юга по степямъ пампы, а съ сѣвера по степямъ, которыя служатъ водораздѣломъ между бассейнами Параны и Амазонки. Однако, несмотря на это, внутренность пространства, заключающагося между этими путями, никому до сихъ поръ неизвѣстна. Большія рѣки, которыя перерѣзываютъ эту землю, Вермехо и Пилькомайо, остались, кажется, единственными рѣками на свѣтѣ, которыя совершенно неизвѣстны. Теперь половину этой страны даже продали, собираются продавать и другую, а все-таки она остается неизвѣстною.

Другой, лѣвый, берегъ Параны тоже становится болѣе пустыннымъ послѣ города Параны. Тутъ начинается провинція, классическая страна гаучо. Она и теперь остается почти таковою же, какъ и сѣверная часть Уругвайской республики, по которой мы проѣхали и отъ которой Корріентесъ отдѣляется рѣкою Уругваемъ. Эмиграція сюда еще не проникла, здѣсь господствуютъ еще быки и лошади безраздѣльно. Вдоль этого берега пароходъ еще нѣсколько разъ останавливается у маленькихъ городовъ «La Paz», «Goya» и такъ далѣе. Но пристани ихъ пустынны, съ полуразрушенными деревянными эстокадами, пассажировъ нѣтъ, два-три ящика товара—вотъ все, что привезъ имъ нашъ плавучій дворецъ. Извозчиковъ, экипажей не видно; все движеніе происходитъ уже только верхомъ.

Черезъ степи Уругвая можно проѣхать на колесахъ. Здѣсь же и это сдѣлать трудно и почти нельзя. Вся огромная провинція покрыта множествомъ болотъ, озеръ, рѣчекъ и этихъ ужасныхъ трясинъ, которыя всасываютъ въ себя неосторожное животное или человѣка, какъ муха всасываетъ медъ. Геологически земля эта неокончательно сформирована природою—она еще движется, хотя давно уже занята человѣкомъ и была одною изъ первыхъ въ Америкѣ, которая просвѣтилась христіанствомъ, благодаря іезуитамъ.

Даже послѣ поверхностнаго наблюденія на пристаняхъ и улицахъ городковъ, у которыхъ мы останавливались, можно замѣтить, что и народъ здѣсь другой, чѣмъ въ южныхъ провинціяхъ республики. Помѣсь съ европейцами очень малая, а настоящихъ представителей бѣлой расы становится все меньше и меньше, чѣмъ дальше мы подвигаемся. Здѣшніе гаучо почти всѣ свѣтло-коричневаго цвѣта, съ прямыми черными волосами, съ широкими скулами, съ едва замѣтною растительностью на бородѣ. Даже испанскій языкъ не овладѣлъ страною безраздѣльно. На пристаняхъ, между рабочими и гаучо, слышатся уже непонятные звуки языка гвараней.

Уже 7 сутокъ мы были на пароходѣ. Черезъ дня полтора мы доѣдемъ до Ассунсіона, стало быть опоздаемъ по крайней мѣрѣ на одинъ сутки. Это очень хорошо, вода низка, а мы всего только два раза простояли по нѣскольку часовъ на мели. Обыкновенно опаздываютъ гораздо больше, и всѣ хвалятъ расторопность и дѣятельность капитана, да и вообще всѣ его очень любятъ на пароходѣ.

Еще 3 часа—и мы передъ устьями рѣки Парагвая; Парана поворачиваетъ на востокъ и по ней большіе пароходы дальше уже не ходятъ — было бы невыгодно: берега очень мало населены и находятся совсѣмъ уже въ первобытномъ состояніи.

Мѣсто, гдѣ сливаются Парагвай и Парана, представляетъ величественное зрѣлище. Около этой огромной поверхности воды природа

вдругъ измѣняется. Такіе рѣзкіе переходы отъ одного вида къ другому, повидимому не объяснимые никакими ея законами, въ привычкахъ жизни земли Южной Америки: здѣсь, у устьевъ Парагвая, природа эта представляетъ въ этомъ отношеніи одно изъ поразительныхъ явленій. Пампа вдругъ обрывается: голое, плоское пространство, безъ единаго дерева, вдругъ прекращается съ поворотомъ Параны на востокъ, хотя земля, климатъ, строеніе почвы остаются тѣ же, и, начиная отъ устьевъ Парагвая, вдругъ подымается густой, сплошной, почти непроходимый лѣсъ. Мы входимъ въ это устье, точно въ нарочно устроенныя зеленыя тріумфальныя ворота. Оставляя широкую, лѣниво расплывшуюся по болотамъ и лугамъ мутную Парану, мы входимъ въ узкій, строго ограниченный крутыми берегами Парагвай, съ его чистой, прозрачной и блестящей, какъ вороненая сталь, водой между сплошныхъ стѣнъ роскошной зелени. Точно вдругъ попадаешь въ другой міръ! Парагвай здѣсь не узокъ—онъ имѣетъ около 800 метровъ ширины, но въ сравненіи съ Параной онъ кажется узкимъ коридоромъ, въ который входишь изъ широкой огромной залы. Воды въ Парагваѣ, пожалуй, наполовину меньше, чѣмъ въ Паранѣ, но онъ гораздо глубже и несетъ свою воду всю, не теряя ея въ безчисленныхъ рукавахъ.

Лѣсъ разступается, и на холмѣ, гдѣ была крѣпость, стоитъ теперь только нѣсколько полуразрушенныхъ домиковъ и таможня съ парагвайскимъ флагомъ на длинномъ шестѣ. Крѣпость теперь заброшена и опустѣла. Она осталась только въ видѣ очень живописнаго мѣстечка, разбросаннаго по зеленымъ холмамъ среди густого лѣса, а развалины ея завоеваны теперь самою роскошною растительностью ліанъ, покрытыхъ яркими цвѣтами. Когда-то богатые сады Умаиты тоже одичали и сдѣлались сплошнымъ непроходимымъ лѣсомъ апельсиновъ и персиковъ. Немного далѣе мы останавливаемся у устьевъ рѣки Вермехо, передъ покосившимся на бокъ маленькимъ деревяннымъ моломъ. Кругомъ ни кола, ни двора, и только едва замѣтная въ травѣ тропинка убѣгаетъ отъ мола въ лѣсъ.

Рѣка Вермехо гораздо уже Парагвая, но такъ же глубока, и пейзажи около ея устья восхитительны: какая могучая и разнообразная растительность! Особенно красивы маленькіе островки съ ихъ букетами высокихъ деревьевъ, заплетенныхъ ліанами. Внизу на маленькихъ отмеляхъ и въ чащѣ ліанъ копошатся или грѣются и дремлютъ на солнцѣ безобразные аллигаторы, не смущаясь шумомъ парохода, остановившагося въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Штукъ пять этихъ глупыхъ животныхъ грѣлись на пескѣ ближайшаго острова и, раскрывъ свои огромныя пасти, преспокойно глядѣли на насъ. Пассажиры вздумали позабавиться, нашлось нѣсколько ружей, и въ аллигаторовъ полетѣли пули, но онѣ, должно быть, только скользили по ихъ бронѣ. Взмахнувъ

хвостами и какъ-то неуклюже извиваясь и корчась, вся эта компанія мгновенно юркнула въ воду, — на пароходѣ раздался хохотъ. Впослѣдствіи, вплоть до Ассунсіона, мы часто занимались этою платоническою охотой, стрѣляя въ аллигаторовъ, которые цѣлыми стадами попадались намъ вдоль берега, и забавлялись ихъ прыжками и испугомъ, когда пули щелкали по ихъ непроницаемымъ шкурамъ. Чтобы убить такое животное, надо попасть ему въ ротъ или подъ мышку, но это мудрено на ходу парохода. Кромѣ аллигаторовъ, мы часто стрѣляли по дикимъ свиньямъ, которыя попадались намъ также въ большомъ количествѣ, особенно подъ вечеръ, когда животныя эти сходятъ къ рѣкѣ на водопой. Одинъ разъ даже удалось убить такую свинью; нѣкоторые даже увѣряли, что это былъ маленькій тапиръ, и мы пристали къ капитану, чтобы онъ остановилъ пароходъ и позволилъ взять съ берега это хорошее жареное. Капитанъ согласился,—порядки здѣсь патріархальные, а за восемь дней всѣ мы, и командиръ, и пассажиры, сдѣлались дружескою компаніей. Свинью только тяжело ранили, и животное, пока мы копошились съ лодками, чтобы достигнуть берега, ушло въ чащу тростниковъ и ліанъ.

Вообще плаваніе по Парагваю пріятнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ плаваніе по Паранѣ, хотя отъ Умаито до Ассунсіона на всемъ этомъ длинномъ протяженіи стоятъ только два или три городка, которые злоупотребляютъ этимъ названіемъ, ибо представляютъ собою только грязныя хижины, но все это такъ оживлено, природа такъ кокетлива, что ею не устаешь любоваться, особенно послѣ долгаго житья въ пампѣ. Лѣсъ часто раздвигается. Онъ здѣсь не такой сплошной, какъ въ тропикахъ, и среди него образуются ярко-зеленыя поляны по склонамъ возвышенностей, а на полянахъ виднѣются хижины среди зарастающихъ прежнихъ садовъ; тамъ и сямъ даже мелькаютъ маленькія плантаціи, около которыхъ пасутся быки, но уже не большими стадами, какъ въ пампѣ, а маленькими группами. Иной разъ кажется, что переѣзжаешь зеленую Голландію. Не чувствуешь подавляющей массы тропической растительности, лѣсъ похожъ на лѣса средней Европы, точно это растетъ дубъ, кленъ или липа вперемежку съ мелколѣсьемъ. Тѣ же формы и тотъ же общій характеръ развѣсистыхъ, сучковатыхъ деревьевъ, покрытыхъ густою сочною листвой; только тамъ и сямъ тоненькія ліаны цѣпляются за сучья этихъ деревьевъ или заплетаются въ ихъ листву, спускаясь иногда къ водѣ гирляндами цвѣтовъ, что напоминаетъ путнику, что онъ находится уже у самыхъ тропиковъ. Но все это не составляетъ уже той непроницаемой густой сѣти, которая заплетаетъ тропическій лѣсъ. Нѣтъ этихъ гигантовъ, этихъ прямыхъ, голыхъ какъ колонны стволовъ, которые всѣ вырастаютъ точно по одной мѣркѣ и которые производятъ въ настоящемъ тропическомъ лѣсу такое негостепріимное впе-

чатлѣніе. Здѣсь это точно паркъ, такъ и хочется полежать на лужайкѣ травы, подъ развѣсистыми и тѣнистыми деревьями, не пугающими своимъ величіемъ, подъ тѣнью которыхъ не коношатся, какъ кажется издали, змѣи и гады. Какъ-то даже странно думать, смотря на эти веселые пейзажи, что находишься у самыхъ тропиковъ, въ нѣдрахъ южноамериканскаго материка. Все это похоже, особенно издали, на тщательно культивированную Европу; только отсутствіе именно этой культуры, самовластное хозяйничанье одной только природы, отсутствіе человѣка, горячее солнце, которое здѣсь кажется еще сильнѣе, чѣмъ подъ такой же широтой у береговъ моря, да аллигаторы, расположившіеся рядышкомъ по песчанымъ отмелямъ рѣки, заставляютъ вспомнить о дѣйствительности, о томъ, что плывешь вдоль полудикихъ заброшенныхъ береговъ Парагвая.

По Паргаваю.

(А. Іонина.)

Мы выѣхали изъ Ассунсіона въ одно прекрасное утро. Іюль—это почти средина зимы, а зима—единственное время года, когда въ Парагваѣ можно путешествовать безъ особеннаго труда. Жизнь Парагвая подходитъ уже подъ условія тропической природы, гдѣ дожди идутъ въ жаркое время года или скорѣе въ то время, когда солнце стоитъ высоко, а сухое наступаетъ въ зимніе мѣсяцы, тогда какъ относительно недалеко, въ Буэносъ-Айресѣ, въ памиѣ, это происходитъ наоборотъ. Въ Парагваѣ замѣчается только маленькое измѣненіе этого правила, ибо въ срединѣ лѣта тоже наступаетъ засуха, а дожди льютъ главнымъ образомъ осенью и весною. Іюнь—самый пріятный сезонъ: дожди только что прошли, земля еще живетъ подъ вліяніемъ спустившейся влаги,—все зелено, весело, много цвѣтовъ. Но прекрасное утро продолжается недолго: какъ только солнце поднялось, часовъ въ 8, начинается жара, хотя это время и зовется зимою, а когда мы ѣхали въ Парагвари, мой термометръ показывалъ въ полдень 37° Цельсія. Это много для зимы.

Самая процедура путешествія по желѣзной дорогѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго: поѣздъ состоитъ всего изъ двухъ пассажирскихъ и одного товарнаго вагона. Одинъ пассажирскій назначенъ для чистой публики и носитъ названіе 1-го класса, устроенъ такъ же, какъ въ Бразиліи, т.-е. сидѣть надобно на деревянныхъ скамейкахъ; для народа никакого сидѣнія не полагается, да что касается народа, въ вагонѣ съ нами поѣхали до ближайшей станціи только нѣсколько женщинъ, возвращающихся съ рынка, а съ нами, кромѣ нашей компаніи, усѣлись до Парагвари два-три чиновника и никого больше.

Черезъ полчаса по выѣздѣ со станціи Ассунсіонъ поѣздъ идетъ въ

продолженіе часа по берегу длиннаго и свѣтлаго озера Ибираи, и мы съ удовольствіемъ любуемся прелестнымъ пейзажемъ по берегу его, оживленнымъ и человѣческою жизнью. По берегу Ибираи бѣлѣютъ тамъ и сямъ домики среди роскошной зелени банановыхъ садовъ или между граціозныхъ группъ деревьевъ. На всемъ пространствѣ по низенькимъ холмамъ, блестящимъ подъ утреннимъ солнцемъ свѣжею зеленью травы, разбросаны развѣсистыя, тяжелыя, чуть не черныя апельсинныя деревья, осыпанныя золотомъ ихъ желтыхъ плодовъ. За озеромъ подымается невысокій, покрытый лѣсомъ хребетъ, который красиво нарушаетъ монотонный видъ волнующейся плоскости. Озеро въ нѣсколько верстъ ширины, гладкое и тихое, тамъ и сямъ подернется иногда мимолетною рябью, которая блеститъ и искрится міріадами алмазовъ, но большею частью ослѣпляетъ глаза точно огромнымъ зеркаломъ отполированнаго золота. Все точно купается въ свѣтѣ, какъ въ огнѣ. Рѣдко я встрѣчалъ такой веселый, игривый пейзажъ въ его подробностяхъ. Это озеро, впрочемъ, и здѣсь славится своею красотою: оно единственное въ странѣ (а ихъ въ Парагваѣ много), по берегу котораго если не кипитъ, то движется какъ бы улыбающаяся, лѣнивая жизнь.

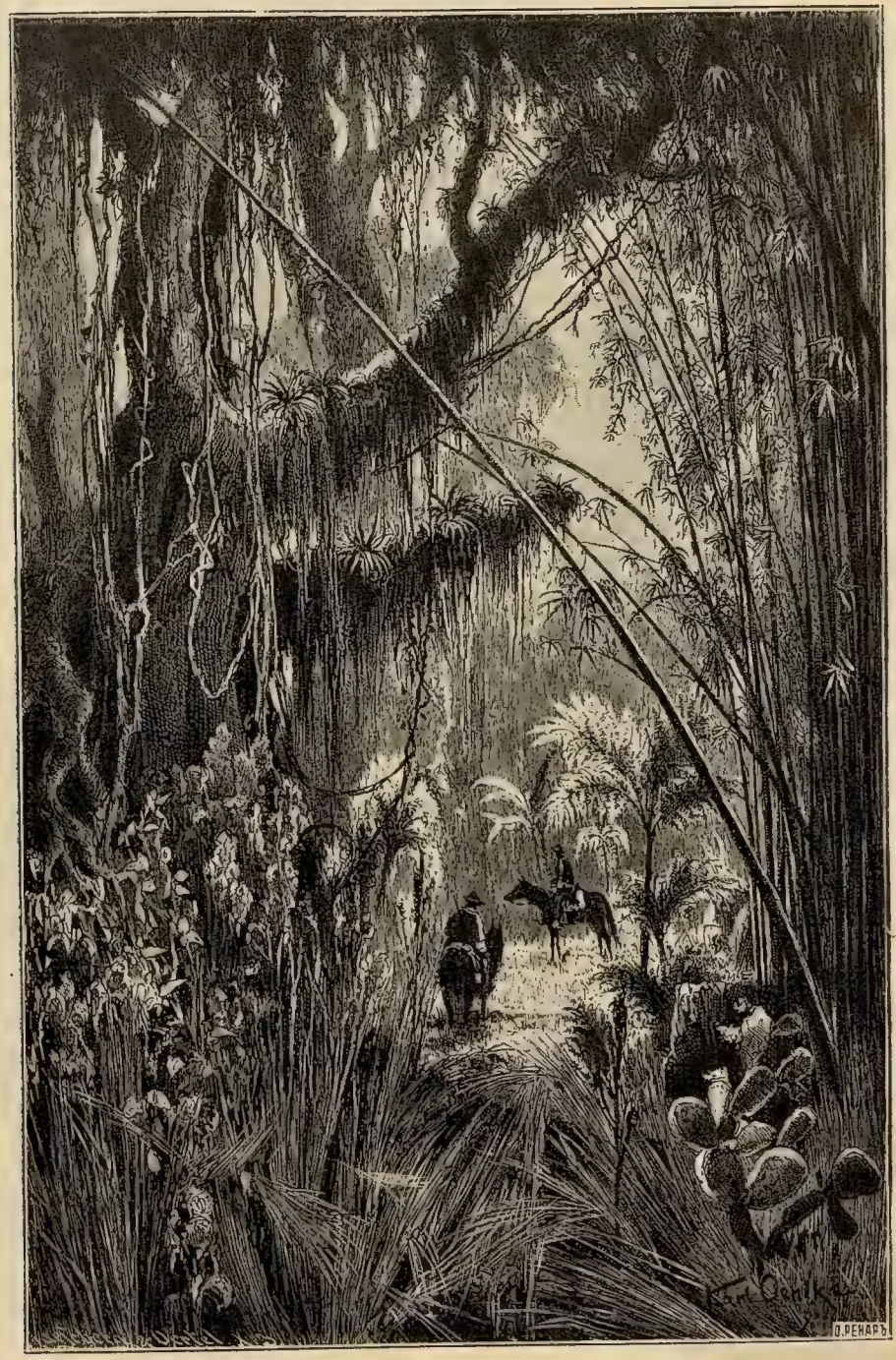
Прежніе аристократы и зажиточные люди Ассунсіона имѣли здѣсь свои загородныя виллы, свои эстансіи, около которыхъ ютились разбросанныя въ садахъ хижины метисовъ; а теперь все это осталось большею частью въ полуразрушенномъ и запущенномъ видѣ, но, облитое тропическими лучами солнца, все это еще продолжаетъ улыбаться. Поѣздъ останавливается безпрестанно по берегу озера около маленькихъ поселковъ, и тутъ можно видѣть этотъ упадокъ прежняго и недавняго благополучія, но это только видно вблизи -издали все это кажется веселымъ и цвѣтущимъ, да и вблизи прежнія виллы, теперь косящіяся на бокъ, безъ оконъ и дверей, благодаря здѣшней природѣ, чуть ли не выигрываютъ въ живописности и не напоминаютъ собою трупы или муміи. Какъ только здѣсь человѣкъ перестаетъ заботиться о своемъ жильѣ, это жилье тотчасъ оплетаютъ ліаны и паразиты въ самомъ фантастическомъ и капризномъ безпорядкѣ: гирлянды ползучихъ розъ, глициній и всякихъ другихъ цвѣтовъ массивной бахрамой цѣпляются по карнизамъ заброшеннаго жилья и по вѣткамъ одичалыхъ померанцевъ, а тамъ и сямъ виденъ цѣлый лѣсокъ гарденій или цѣлое поле разросшихся на свободѣ роскошныхъ туберозъ, замѣнившихъ прежній картофель, и среди этого поля вдругъ подымаетъ граціозная пальма-латанія свой тонкій изящный силуэтъ на яркой горячей лазури залитаго свѣтомъ неба. Здѣсь природа—такой неподражаемый артистъ, а искусство человѣка тамъ мало кажется изобрѣтательно въ сравненіи съ нею! Тамъ, гдѣ все еще обстоитъ благополучно и люди живутъ за

неразбитыми еще окнами и дверьми, садики вокругъ ихъ жилищъ кажутся такими мизерными рядомъ съ этими капризами природы.

Обогнувъ озеро, дорога идетъ по чуть-чуть волнистому пространству—опять луга и пастбища и по нимъ разбросаны группы деревьевъ, которыя только вдали, сливаясь вмѣстѣ въ одинъ планъ, представляютъ горизонтъ лѣса. Кое-гдѣ пасутся быки, но признаки человѣческаго жилья становятся все рѣже и рѣже, только бѣленькія хижины мелькаютъ тамъ и сямъ на черномъ фонѣ апельсинныхъ рощъ. Плантаціи апельсиновъ, сначала разбросанныхъ въ одиночку, становятся все гуще и гуще, и мы въѣзжаемъ на станцію Парагвари около полудня среди цѣлаго ароматическаго лѣса этихъ деревьевъ, покрытыхъ заразъ и цвѣтами, и плодами. Цвѣтутъ эти деревья въ октябрѣ и ноябрѣ, т.-е. весною, но въ этомъ климатѣ какъ только выпадетъ сильный дождь, то цвѣты появляются и не въ урочное время—природа такъ сильна, что, кромѣ серьезной работы, можетъ еще играть и забавляться.

Парагвари оказывается огромною площадью, покрытою травой, на которой пасутся десятка два лошадей со связанными передними ногами. По четыремъ сторонамъ этого поля его ограничиваетъ квадратъ низенькихъ домиковъ, едва превышающихъ ростъ человѣка, деревянныхъ или глиняныхъ, покрытыхъ крышами изъ пальмовыхъ вѣтокъ, всклокоченныхъ, какъ нечесанныя головы индѣйцевъ. Въ промежуткахъ между домиками виднѣются садики, или скорѣе огородцы, гдѣ посажены маніокъ, кукуруза, а иногда и группа банановъ, и всюду по землѣ арбузы, дыни и тыквы въ неописанномъ количествѣ. Эти плоды зрѣютъ здѣсь два раза въ годъ, плодятся непомѣрно безъ труда и работы и заплетаютъ всѣ заборы своими цѣпкими плетьми.

Было очень жарко, когда мы, сѣвши на маленькихъ, неуклюжихъ лошадей, на сѣдла, покрытыя еще кромѣ того бараньими шкурами или цѣлыми ворохами пончо, рысцою поѣхали изъ Парагвари. Солнце такъ жгло, что было бы нестерпимо продолжать путешествіе, особенно при такихъ острыхъ и сухихъ толчкахъ неловкой рыси нашихъ животныхъ, но скоро мы избавились отъ лучей солнца и отъ несносной рыси. Черезъ четверть часа мы въѣхали въ лѣсъ, въ густую тѣнь, и извилистая и узкая тропинка заставила насъ ѣхать шагомъ. Лѣсъ этотъ не имѣетъ характера рощицъ или соединенныхъ группъ деревьевъ, какъ это замѣчается по берегамъ рѣки Парагвая. Здѣсь начинается настоящій, сплошной лѣсъ, который покрываетъ центральную часть республики, но все-таки не имѣетъ еще характера настоящей тропической природы—много еще солнечныхъ лучей проникаетъ до земли и потому деревья не вытягиваются въ голые, высокіе стволы безъ вѣтвей, трава покрываетъ землю какъ бы сплошнымъ ковромъ, воздухъ сухъ и прохладенъ, не пресыщенъ парами, какъ въ Бразиліи, а эпифиты только тамъ и



Въ лѣсахъ Парагвая.

сямъ покрываютъ сучья деревьевъ въ мѣстахъ около воды или тамъ, гдѣ растительность гуще и больше мрака. Орхидеи почти незамѣтны. Хотя воздухъ сухъ, но воды все-таки много: мы безпрестанно переѣзжаемъ ручьи, или журчащіе по камнямъ, или разливающіеся въ маленькія болотца, заросшія цвѣтами, пестрыми листьями колеуса или группами великолѣпныхъ антурій. Часто эти ручьи образуютъ озерки, очень красивыя съ ихъ бордюрами свѣтло-зеленыхъ камышей, и среди нихъ, какъ гиганты среди карликовъ, подымаются лохматыя темныя рощи пышныхъ, густыхъ бамбуковъ, которые часто перерастаютъ деревья лѣса и рисуютъ на свѣтломъ небѣ дрожащіе узоры своихъ тонкихъ листьевъ. Вода этихъ мѣстныхъ озеръ, которая отъ тѣни кругомъ принимаетъ цвѣтъ вороненой стали, ярко искрящейся на солнцѣ, когда прорвавшійся сквозь деревья лучъ ударяетъ по ея зеркалу, у береговъ обыкновенно сплошь покрыта разноцвѣтными листьями водныхъ растеній, переплетенныхъ между собою, по которымъ мелькаютъ бѣлые большіе цвѣты кувшинокъ. Здѣсь растетъ знаменитая «ипуре», или, какъ называютъ испанцы это растеніе, «mais de agua», водяной маисъ, великолѣпное водяное растеніе. Говорятъ, что размѣры листьевъ и цвѣтовъ этой ипуре достигаютъ почти до размѣровъ викторіи, хотя и имѣютъ другую, немного продолговатую форму. Почти у всякаго озерка мы останавливались и между тростниками влѣзали въ воду по самое брюхо лошади, чтобы найти это растеніе, и только разъ видѣли его завянувшіе листья, сдѣлавшіеся уже коричневаго цвѣта. Они въ самомъ дѣлѣ велики, напоминаютъ листья Victoria Regia, такъ же загнуты съ боковъ, но далеко не такихъ размѣровъ, какъ листья королевы американскихъ озеръ. Цвѣтовъ не видѣли—ихъ нѣтъ въ это время года, для этого нужно пріѣхать сюда во время весеннихъ январскихъ дождей, но тогда нельзя добраться до этихъ озеръ, и въ результатѣ я не встрѣтилъ въ Парагваѣ ни одного человѣка, который бы видѣлъ самъ на свободномъ воздухѣ цвѣтокъ ипуре.

Животная жизнь тоже очень богата около этихъ лѣсныхъ водъ Парагвая. Чѣмъ больше мы удалялись отъ Парагвари, тѣмъ замѣтнѣе становилось ея присутствіе. Часто при нашемъ приближеніи шуршалъ камышъ и трещали вѣтки кустарника. Это выводки водосвинокъ испугались нашего приближенія и спѣшили скрыться въ чащѣ. Одинъ разъ мой спутникъ далъ выстрѣлъ по одной свинкѣ, запоздавшей юркнуть въ густой бамбукъ, но сдѣлалъ промахъ. На охоту за этими животными нужно приготовиться спеціально и не быть верхомъ. Еще чаще едва слышный и нѣжный шелестъ въ камышѣ обнаруживаетъ присутствіе водяного удава, до котораго добраться еще труднѣе, чѣмъ до свинки. Змѣи эти не такъ робки. Производимый ими шелестъ слышенъ часто почти у ногъ нашихъ лошадей, но живутъ онѣ въ самой темной чащѣ

побережной растительности или цѣпляются по корявымъ вѣткамъ, до которыхъ ни на лошади, ни пѣшкомъ добраться нельзя. На одномъ озерѣ, размѣромъ больше, чѣмъ другія, уже совсѣмъ подъ вечеръ на песчаной мели, очень близко отъ тропинки, по которой мы ѣхали, мы встрѣтили семейство аллигаторовъ. Большія и маленькія животныя эти, точно обрубки дерева, неподвижно лежали на пескѣ, обративъ свои длинныя морды къ заходящему солнцу. Я попросилъ, чтобы по нимъ не стрѣляли, надѣясь ближе полюбоваться картиной невозмутимаго семейнаго счастія этихъ гигантовъ-пресмыкающихся, и дѣйствительно минутъ пять мы простояли около нихъ. Только маленькое пространство воды отдѣляло насъ отъ мели, и они, что называется, не моргнули глазомъ, не пошевелили ни однимъ мускуломъ, не дали себѣ труда хоть немного повернуть головы въ нашу сторону, хотя, конечно, имъ могла бы грозить отъ насъ опасность. «Зачѣмъ? вѣроятно думали они,—здѣсь не въ обычаѣ по насъ стрѣлять. Много уже народа проходило и проѣзжало мимо насъ, и все обошлось благополучно». Это лѣнивое и прожорливое животное очень дорожитъ своимъ спокойствіемъ, когда переваривaетъ свою пищу, грѣясь подъ вечеръ на солнцѣ, и дѣлается тогда совершенно безобиднымъ. Аллигаторы никогда здѣсь не бросаются на человѣка, и не будь между нами воды, мы пѣшкомъ, вѣроятно, могли бы дойти до нихъ, не спугнувъ ихъ съ мѣста и не рискуя попасться на ихъ зубы. Опасно только упасть въ воду или идти въ ней въ присутствіи аллигатора; тогда онъ дѣлается смѣлѣе, и лѣнь его на землѣ смѣняется необыкновенною подвижностью и смѣтливостью въ водѣ. Старшіе изъ аллигаторовъ, которыми мы любовались, могли быть около сажени длины,—въ Парагваѣ они не очень велики. Водяныхъ птицъ не очень много, только тамъ и сямъ бѣлыя цапли выстроились въ рядъ, точно строй солдатъ, и стоятъ по опушкѣ тростниковъ, не шевеля ни однимъ членомъ и глубокомысленно смотря въ воду, да между водяными растеніями шныряютъ юркіе ныркн, породы которыхъ, повидимому, очень разнообразны: есть большіе и маленькіе, черные, коричневые и красноватые. Наверху, въ вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ, больше всего неугомонно суетятся и трещатъ своими рѣзкими, точно сердитыми голосами стаи маленькихъ зеленыхъ попугаевъ. Въ травѣ лѣса часто мелькаютъ куропатки и дикія курочки. Говорятъ, что здѣсь дичи очень много, но въ тропическихъ лѣсахъ очень трудно ее видѣть въ большомъ количествѣ, хотя лѣсъ здѣсь не совсѣмъ тропическій, но все-таки слишкомъ густъ и тѣнистъ.

Вообще путешествіе по этому лѣсу въ этой странѣ очень пріятно, картины и природа не давятъ человѣка и постоянно развлекаютъ его своимъ разнообразіемъ. Но это не главная прелесть парагвайскаго лѣса, того, по крайней мѣрѣ, черезъ который мы пробирались въ Ягвари.

Оригинальность его заключается въ томъ, что послѣ часа ѣзды отъ Парагвари начинается сплошной дикій, дѣвственный апельсинный лѣсъ. Онъ тянется начиная отъ Парагвари до Villa-Ricca и далѣе на югъ на огромномъ пространствѣ,—верстъ на 200 въ длину. Деревья этого лѣса не похожи на деревья апельсиновъ, которыя мы знаемъ въ ихъ воспитанномъ видѣ и которыя отличаются столь правильными и симметрическими формами своихъ вѣтвей и своей листвы. Это не тѣ круглыя непроницаемыя шапки густой и точно изъ картона сдѣланной листвы, держащейся на прямыхъ стволахъ, съ которыми мы знакомы въ Италіи, въ Испаніи и т. д. Деревья здѣшнихъ лѣсовъ гораздо выше, стволы неправильны, изогнуты, иногда точно скручены въ винтообразные жгуты, длинные сучья капризно переплетаются во всѣ стороны, хватаются другъ за друга, сцѣпляясь съ сучьями сосѣднихъ деревьевъ и развертывая роскошную и гораздо болѣе яркую листву только по верхушкамъ. Тяжелые, большіе, свѣтло-желтые или зеленые плоды облѣпляютъ дерево не сплошными массами, какъ въ садахъ Стараго Свѣта, а только тамъ и сямъ висятъ подъ шапкою зелени на длинныхъ стержняхъ. Эти плоды валяются и гніютъ въ травѣ, разбросанные повсюду, и производятъ острый спиртуозный запахъ, который иногда силенъ до такой степени, что заставляетъ чихать, и не совсѣмъ похожъ на запахъ обыкновенныхъ апельсиновъ, напоминаетъ скорѣе запахъ померанцевъ. Ѣсть эти плоды нельзя, они кисло-горькіе, но главнымъ образомъ оттого, что сокъ ихъ, а особенно спиртъ ихъ корки имѣютъ разъѣдающее свойство, какъ сокъ ядовитыхъ растеній... Я попробовалъ было, и у меня распухли губы и нѣсколько часовъ чесались. Какимъ образомъ явились здѣсь въ Парагваѣ эти дѣвственные лѣса апельсиновъ, которые разбросаны болѣе или менѣе значительными группами по всему его пространству, это вопросъ. Извѣстно, что апельсинъ занесенъ въ Америку изъ Стараго Свѣта, а между тѣмъ въ своемъ отечествѣ онъ уже никогда не встрѣчается въ дикомъ видѣ. Вѣроятно, онъ нашелъ здѣсь особенно благопріятную для себя почву, отбился отъ рукъ человѣка, одичалъ и распространился такъ, что вытѣснилъ собою на огромныхъ пространствахъ природныхъ жителей здѣшнихъ лѣсовъ. Словомъ, поступилъ такъ, какъ поступилъ и европейскій быкъ въ пампѣ. И апельсинъ, и быкъ точно начали жизнь свою съ начала въ Новомъ Свѣтѣ, т.-е. начали съ дикаго состоянія, о которомъ они уже и забыли въ Старомъ. Но въ Америкѣ это явленіе извѣстно только лишь въ Парагваѣ. Апельсиновъ вездѣ здѣсь много и они особенно привольно тутъ растутъ, но нигдѣ они не образовали настоящихъ лѣсовъ, можетъ быть потому, что, будучи занесены человѣкомъ, они такъ и остались въ распоряженіи человѣка въ другихъ мѣстахъ. Въ Парагваѣ съ ними случилось нѣчто особенное, какъ и съ быками въ пампѣ. Человѣкъ ли, разсадив-

шій ихъ здѣсь, потомъ исчезъ, или апельсинъ, какъ я говорилъ, самъ отбился отъ рукъ, кто знаетъ. Вѣроятно тотъ дикій лѣсъ, черезъ который мы ѣхали, такъ же, какъ и многіе другіе апельсинные лѣса въ странѣ, былъ прежде просто плантаціей осѣдлаго народа, но людей разогнали, культуру уничтожили и плантаціи сначала одичали, а потомъ, какъ дикая сила, завоевали все окружающее пространство. Рядомъ, тамъ, гдѣ люди уцѣлѣли, апельсины тоже остались ручными и, какъ все ручное, жирными, тучными и неподвижными, такими, какими мы ихъ знаемъ въ Италіи.

Было уже совсѣмъ темно, а намъ оставалось еще болѣе часа до Ягвари, и наши носильщики, которые, сказать мимоходомъ, несмотря на свой мизерный и смиренный видъ, оказались неутомимыми пѣшеходами и прыгали черезъ пни и сучья, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на 25 верстъ, пройденныя съ чемоданами на спинѣ, должны были взять нашихъ лошадей подъ уздцы, чтобы впотьмахъ мы могли лавировать между этими пнями, сучьями и деревьями, чтобы не погрязнуть гдѣ-нибудь въ болотѣ. Было совсѣмъ темно, мы почти не видѣли другъ друга, но люди эти видѣли или чувствовали тропинку точно днемъ.

Мы скоро увидали, что темнота не составляетъ препятствія и что мы все-таки, благодаря нашимъ проводникамъ, доѣдемъ благополучно до ночлега, да и сами лошади дѣлаются впотьмахъ какъ-то умнѣе; но насъ стало смущать другое обстоятельство: послѣ захода солнца температура снова измѣнилась, какъ бы подъ вліяніемъ магическаго жезла, и сдѣлался вдругъ такой холодъ, что мы дрожали, не попадая зубъ на зубъ, а одѣты мы были совсѣмъ по-лѣтнему. Я еще никогда не испытывалъ такого быстраго перехода отъ сильнѣйшей жары къ такому холоду, а мои спутники, исключая, разумѣется, адъютанта, и еще меньше. Они стали серьезно безпокоиться, боясь простудиться и соображая, какъ мы проведемъ ночь. Но вотъ и Ягвари. Мы въѣхали въ него, совсѣмъ не замѣтивъ, что пріѣхали въ городъ. Таковымъ онъ значится въ географіи страны. Выѣхавъ изъ лѣсу, мы проѣхали минутъ пять его опушкой, подымаясь по отлогому холму, покрытому, должно быть, травою, и вдругъ остановились у низенькаго домика съ навѣсомъ, въ одномъ изъ маленькихъ оконъ котораго свѣтился огонекъ, а за домикомъ слабо краснѣло на небѣ зарево чего-то горящаго, но, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ полѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы выѣхали изъ лѣсу и поднялись на возвышенное мѣсто, ощущеніе холода сдѣлалось просто ощущеніемъ мороза, и мы очень обрадовались, что пріѣхали.

— Здѣсь живетъ донъ-Паскаль, мы у него перепочуемъ,—сказалъ адъютантъ, спрыгнувъ съ лошади и направляясь къ двери.

Мы слѣзли съ лошадей, дверь отворилась, и маленькій человѣкъ въ

рубашкѣ и панталонахъ, съ накинутымъ на плечи пончо, явился передъ нами, сталъ намъ поспѣшно пожимать руки, увѣряя насъ, что его домъ—нашъ домъ и что все здѣсь находится въ нашемъ распоряженіи.

Мы вошли въ сѣни; изъ нихъ двѣ двери вели въ жилище—одна направо, другая налѣво. Дверь направо вела на дворикъ или садикъ дома, была отворена и черезъ нее виднѣлся маленькій, ярко пылающій костеръ, зарево котораго мы замѣтили снаружи и вокругъ котораго двигалось нѣсколько человѣческихъ фигуръ. Насъ ввели налѣво въ ком-

Ранчо въ Парагваѣ.

нату, изъ которой свѣтился изъ окна огонекъ, когда мы подъѣхали. Низенькія стѣны были выбѣлены, но потолка не было. Надъ комнатой возвышалась крыша дома, утвержденная на трехъ деревянныхъ столбахъ, которые раздѣляли ее какъ бы на двѣ половины. Сквозь бамбуковыя жерди крыши спускались космы засохшихъ листьевъ тростника и пальмы.

Мы продрогли и потому, въ ожиданіи, пока приготовятъ ужинъ и гамаки, поспѣшили въ садикъ погрѣться около горѣвшаго тамъ костра. Это былъ не просто костеръ—надъ дровами, на четырехъ ножкахъ возвышалась реторта, а около нея другія двѣ машины, изъ ко-

торыхъ одна оказалась чѣмъ-то въ родѣ мельницы для раздавливанія палокъ сахарнаго тростника, а другая прессомъ. Гнали водку изъ этого тростника. Около этого первобытнаго винокуреннаго завода суетились два человѣка въ сильно поношенныхъ европейскихъ костюмахъ. Они оказались французами. Намъ вынесли стулья, мы усѣлись грѣться вокругъ огня, и одна изъ служанокъ явилась тотчасъ же съ кастрюлькою воды, которую повѣсила надъ костромъ, и съ бомбильями. Вода скоро закипѣла, и мы начали сосать мате въ круговую, быстро опустошая одну бомбилью за другою. Черезъ полчаса мы были согрѣты, и усталости какъ не бывало. Отяжелѣвшія головы наши сдѣлались даже какими-то особенно умными и веселыми, такъ что скоро завязался оживленный разговоръ.

Приспособленія для выгонки водки были даже забавны своею незатѣйливостью; чтобы выжать сокъ изъ тростника, его нужно прежде смолоть или раздавить, и для этого два тяжелыхъ деревянныхъ бруса наложены другъ на друга въ горизонтальномъ положеніи, такъ что между ними оставалась узенькая щель, и вертѣлись на желѣзныхъ стержняхъ, вставленныхъ въ вертикальныя бревна съ перекладинами наверху въ видѣ висѣлицы. Одинъ изъ этихъ стержней, пропущенный сквозь бревно, снабженъ былъ рукояткою, посредствомъ которой горизонтальнымъ брусьямъ придавалось вращательное движеніе, а подъ этимъ аппаратомъ помѣщалась большая глиняная лохань мѣстнаго производства. Одинъ мальчикъ вставлялъ одну за другою палки тростника въ щель между брусьями, французъ вертѣлъ рукоятку, и брусья, вращаясь, вбирали тростникъ въ образуемую между ними щель и раздавливали его. Палка такимъ образомъ въ сплющенномъ видѣ выходила въ противоположную сторону, а сокъ ея стекалъ внизъ въ глиняную лохань. Но въ этой сплющенной палкѣ сохранялось еще довольно большое содержаніе сока и, чтобы дополнить операцію, рядомъ стоялъ прессъ, столь же примитивный. Этотъ прессъ выжималъ еще нѣкоторое количество сока изъ раздавленнаго тростника, а остатки этого послѣдняго поступали, кромѣ упомянутой уже бутылки водки, во владѣніе хозяина дома, который кормилъ ими своихъ свиней и дойныхъ коровъ.

Въ комнатѣ уже были повѣщены три гамака между столбами и стѣнами ея, а около двери былъ готовъ ужинъ на маленькомъ столикѣ. Были вилки и ножи, хотя и старые, но все же чистые. На столѣ тѣ же куры и яйца вареныя, сладкіе бататы и фрукты—апельсины, бананы. Посрединѣ стола помѣщался опрокинутый на спину большой тату (броненосецъ), зажаренный прямо въ своей бронѣ. Точно природа посадила ему на спину эту броню, чтобы она служила ему сковородой на случай, если его зажарятъ. Онъ лежалъ во всей своей неприкосновенности, тоненькая мордочка и обуглившіяся лапки торчали во всѣ стороны, высо-

вываясь изъ края брони-сковороды. Въ витринахъ всѣхъ ресторановъ Буэносъ-Айреса эти тату, зажаренные въ ихъ бронѣ, составляютъ одну изъ главныхъ приманокъ для мѣстныхъ гастрономовъ, а въ пампѣ особенно много водится этихъ животныхъ. Но мнѣ никогда не пришло въ голову попробовать этого жаренаго. Видъ его казался мнѣ слишкомъ неаппетитнымъ. Но тутъ мы были не въ большомъ городѣ, и я легко убѣдился увѣреніями адъютанта, что это самое вкусное жареное на свѣтѣ. Я попробовалъ его ѣсть, но не могъ продолжать: мясо оказалось приторно-жирное, напоминающее не то маслянистое мясо угря, не то волокнистое мясо кролика. Спутникамъ моимъ тату тоже не понравилось, такъ что адъютантъ кончилъ тѣмъ, что поставилъ передъ собою это чешуйчатое блюдо и безъ помощи тарелки началъ кушать прямо изъ него бѣднаго тату. Вообще же намъ хотѣлось не ѣсть, а спать, хотя гамаки и не казались очень заманчивыми кроватями. Ужинъ кончился скоро, и мы также скоро бултыхнулись въ наши люльки. Въ комнатѣ было не такъ холодно, какъ на дворѣ, но все-таки холодно. Раскачиваясь въ гамакѣ, въ позѣ, неудобство которой для человѣка, привыкшаго спать въ постели, замѣчается не вдругъ, послѣ утомительнаго дня, я думалъ, что тотчасъ же усну и началъ было даже и засыпать, но это было только иллюзіей. Какъ только потушили восковую свѣчку, откуда ни возьмись комары наполнили воздухъ, голосистые, дерзкіе, точно они съ цѣпи сорвались, а затѣмъ мой дорожный пледъ оказался далеко недостаточнымъ покровомъ. Въ комнатѣ становилось все холоднѣе и холоднѣе, а когда лежишь въ гамакѣ, холодъ чувствительнѣе, особенно снизу, что крайне непріятно. Въ борьбѣ съ этимъ холодомъ и комарами мы провели безсонную ночь, которая совсѣмъ было изгладила пріятныя впечатлѣнія предшествовавшаго дня, всѣ эти картины чудесной природы, дѣвственнаго лѣса и такъ далѣе. Не только я и бразилецъ, но и сынъ великаго Парагвая, всѣ мы трое начали ругать этотъ самый Парагвай. Но кто же былъ въ самомъ дѣлѣ виноватъ, какъ не мы сами? Запасись мы теплымъ платьемъ, мускитьерами, все бы обошлось благополучно. Развѣ только къ утру заболѣли бы кости отъ непривычнаго лежанія въ гамакѣ, ногами кверху и непремѣнно на спинѣ. Но насъ увѣряли, что въ Парагваѣ такая жара, что никакой теплой одежды не нужно и зимою, и что комаровъ зимою тоже нѣтъ. Съ первымъ свѣтомъ зари, за которымъ въ широтѣ Парагвая выплываетъ скоро изъ-за горизонта и самое солнце, мы выскочили изъ гамаковъ и поспѣшили на воздухъ, чтобы освѣжиться послѣ такой ночи. Окрестности домика, большая площадь, поле, покрытое мелкой травою, все было бѣло, все было покрыто инеемъ, по которому уже загорались алмазныя искорки отъ восходящаго солнца. «Да это просто морозъ былъ ночью!» Я удивился, но термометръ скоро разубѣдилъ меня: было 7^0 тепла, и, несмотря на это, все было покрыто

инеемъ, который мы привыкли видѣть у себя только при морозѣ! Но дѣло въ томъ, что 7° ночью послѣ 37° днемъ и для природы кажутся морозомъ—все относительно.

Въ кухнѣ тоже уже всѣ встали, и служанка все въ томъ же коленкорѣ, какъ и днемъ, снова разводила огонь. Мы усѣлись около него съ бомбильями въ рукахъ, и благодѣтельное горячее мате скоро привело опять наши чувства въ порядокъ, и мы уже опять раскаивались, что ругали ночью этотъ хорошенькій и гостепріимный Парагвай.

Городъ Ягвари оказался даже не городкомъ, а развѣ скромнымъ селомъ. По волнистому пространству, въ срединѣ довольно возвышенной, безлѣсной и большой поляны, тянутся низенькіе домики и хижины, изъ которыхъ нѣкоторые построены просто изъ бамбука. Постройки эти образуютъ нѣчто въ родѣ площади—и это весь городъ. Только посрединѣ этого пространства возвышается большое кирпичное зданіе, потемнѣвшее отъ времени, съ деревяннымъ навѣсомъ вокругъ стѣнъ, подъ которыми широкій тротуаръ вымощенъ большими кирпичными плитами. Зданіе это украшалось двумя деревянными колокольнями надъ фронтономъ, безъ колоколовъ. Все это представляетъ еще не развалину, но начало развалины.

Верстъ на десятокъ еще послѣ Ягвари продолжался районъ лѣсовъ, при чемъ дикіе апельсины перестаютъ составлять сплошной лѣсъ, попадаются все рѣже и рѣже и, наконецъ, исчезаютъ. Проѣзжая утромъ рано, когда вся природа послѣ холодной ночи приходитъ точно въ восторгъ отъ первыхъ лучей солнца, въ густыхъ чащахъ деревьевъ, столпившихся особенно около воды, мы встрѣчали маленькія стада обезьянъ, которыя, раскачиваясь на цѣпкихъ хвостахъ, перебрасывались съ одного сука на другой. Такимъ способомъ вереницы этихъ животныхъ, слѣдуя другъ за другомъ гуськомъ, съ поразительною быстротой дѣлаютъ большіе переходы черезъ густую листву верхушекъ деревьевъ, неистово треща, щелкая и свистя, производя звуки такіе же смѣшные, какъ и ихъ движенія. Эти клоуны лѣсовъ, кривляясь такимъ образомъ, дѣлаютъ однако утромъ свое самое серьезное дѣло: изъ чащи лѣса, гдѣ они проводятъ ночь, они спѣшатъ на опушку его, гдѣ разведена какая-нибудь культура, воровать маисъ, бананы, сладкіе апельсины. Говорятъ, что дикихъ апельсиновъ обезьяны тоже не ѣдятъ. Разъ, заслышавъ издали свистъ и трещаніе группы обезьянъ, которая, повидимому, приближалась прямо къ намъ, мы остановились, думая, что онѣ проскачутъ черезъ наши головы, и приготовили наши ружья; и въ самомъ дѣлѣ, скоро въ чащѣ небольшихъ сучьевъ появилась обезьяна, повисла на своемъ хвостѣ, должно быть съ намѣреніемъ раскачаться и прыгнуть на ближайшій сукъ, но вдругъ такъ и замерла, вися на хвостѣ, неистово защелкавъ какою-то рѣзкою, злою трелью. Она, вѣ-

роятно, увидѣла насъ. Тотчасъ же явилась на томъ же суку другая, третья, и опять такой же трескъ и щелканье зубами. Все это продолжалось нѣсколько секундъ, въ продолженіе которыхъ мы поняли, что обезьяны насъ увидѣли, уставили на нихъ наши ружья, но не успѣли спустить курковъ, какъ животныя эти исчезли, повернувъ назадъ своими криками всю стаю, которая слѣдовала за ними. Пули, дробь все-таки полетѣли за ними, но напрасно—все это засѣло, вѣроятно, въ густомъ переплетѣ сучьевъ. Какъ я узналъ послѣ достовѣрно, въ американскихъ лѣсахъ охотиться съ ружьемъ довольно трудная вещь и требуетъ большой сноровки и привычки, хотя именно обезьяны, несмотря на ихъ подвижность, представляютъ самую легкую добычу. Только нельзя или трудно ихъ стрѣлять въ то время, когда онѣ дѣлаютъ переходы съ одного мѣста на другое, потому что тутъ онѣ очень осторожны, между тѣмъ какъ когда онѣ остановятся на мѣстѣ, гдѣ найдутъ себѣ пищу, то природное ихъ обжорство беретъ въ нихъ верхъ надъ трусостью и осторожностью, чѣмъ охотники и пользуются.

Выѣхавъ изъ лѣса, мы очутились въ мѣстности совсѣмъ другого характера, въ болѣе густо населенномъ районѣ Парагвая. Часто мы останавливались у дверей встрѣчающихся хижинъ и, спрыгнувъ съ сѣделъ, спѣшили въ тѣнь апельсина или подъ крышу легкаго навѣса, чтобы освѣжить себя глоткомъ воды или сладкой «чичи», которою насъ всюду угощали гостепріимныя поселянки.

Эти парагвайскія хижины меня удивляли своей чистотой и уютнымъ характеромъ—обыкновенно это три стѣны изъ необожженаго кирпича подъ плоскою кровлею, немного наклоненною съ передней стороны назадъ для стока воды и построенною на бамбуковыхъ жердяхъ изъ соломы маиса или тростника, иногда изъ листьевъ латаній. Передней стѣны обыкновенно нѣтъ, а пустое пространство на мѣстѣ ея заслонено легкимъ и прозрачнымъ заборомъ изъ тростника, съ такою же дверцею. Сквозь этотъ заборъ свѣтъ бьетъ внутрь жилья, а на ночь запираться не для чего—не такіе здѣсь обычаи у этихъ примитивныхъ людей. Европа не принесла еще имъ привычки воровать, этого исключительно, кажется, европейскаго порока, какъ то могъ замѣтить я не разъ, странствуя по разнымъ странамъ внѣ нашей цивилизованной жизни. Въ такомъ примитивномъ жильѣ виситъ обыкновенно нѣсколько гамаковъ или устроены нары для спанья, тоже изъ тростника, полъ изъ утрамбованной глины чисто выметенъ, въ одномъ углу собрана глиняная посуда домашняго произведенія сѣроватаго цвѣта или разукрашенная цвѣтными полосами и разводами, а въ другомъ стоитъ непремѣнно ткацкій станокъ, на которомъ ткутъ мѣстныя пончо. Станокъ, какъ и все остальное, тоже самаго примитивнаго устройства. Вокругъ домика довольно большое пространство земли подъ огромными апельси-

новыми деревьями расчищено и тщательно выметено—это дворикъ, часто обнесенный заборомъ изъ тростника или бамбука, по которому вьются стебли арбузовъ и тыквъ, а за дворикомъ маленькая плантація табаку, маньока, нѣсколько банановъ, иногда поле сахарнаго тростника, который сѣется въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ апельсины расходятся и образуютъ полянки: этому тростнику нужно солнце. Домашнія свиньи и коровы тоже питаются безъ труда около такого жилья. Для первыхъ апельсины составляютъ неисчерпаемую пищу; коровы, гдѣ онѣ есть, пользуются круглый годъ травою, которую здѣсь въ сухое время года солнце не высушиваетъ окончательно, благодаря густой тѣни отъ апельсиновъ. Коровы эти не требуютъ ухода и не дичаютъ, какъ въ пампѣ,—деревья ограничиваютъ горизонтъ и успокаиваютъ ихъ воображеніе, и не нужно лассо, чтобы обуздывать ихъ порывы къ независимости.

Немного нужно здѣшнему люду матеріала и немного работы, чтобы кормиться, и женщины могутъ вполнѣ справляться съ этою работой и кормить свои семьи. Маньокъ, бананы, бататы зрѣютъ круглый годъ; бобы, которыми заплетенъ обыкновенно частоколъ дворика, и апельсиновый паркъ даютъ плоды тоже нѣсколько разъ въ годъ. Тяжелой работы съ сохою и бороною не нужно, ибо хлѣба не сѣютъ, а что касается до маиса, то онъ тоже растетъ всюду въ разбивку—стоитъ только всунуть зерно его въ землю; но несмотря на то, все-таки видно, что народъ этотъ не проводитъ жизнь въ праздности, что это настоящее осѣдлое населеніе, пустившее корни въ землю и притомъ уже съ давняго времени, дорожитъ своею осѣдлостью, ибо привыкло къ чистотѣ и аккуратности—эти два качества суть несомнѣнно продукты исторіи и долгой культуры.

Пуна—нагорная пустыня Кордильеровъ.

(А. Іонина.)

Тотчасъ же по выходѣ изъ станціи Арекипы желѣзная дорога начинаетъ довольно замѣтно подниматься на большой хребетъ Кордильеръ. Еще нѣсколько минутъ поѣздъ бѣжитъ, описывая крутые зигзаги между холмиками и отдѣльными глыбами камня, лежащими у подножія горнаго хребта, по маленькому плато Арекипы среди зеленыхъ садовъ и бѣленькихъ домиковъ, а затѣмъ, перебравшись черезъ віадукъ, входитъ въ пустынный районъ гигантскаго хребта.

Поѣздъ, состоящій всего изъ одного, довольно длиннаго, открытаго съ боковъ, вагона для пассажировъ и другого маленькаго для багажа, двигается медленно; машина скрипитъ и пыхтитъ, точно выбиваясь изъ силъ, и, тяжело дыша, подымается на крутизну, а пріятная прохлада ранняго утра въ Арекипѣ постепенно дѣлается все болѣе острою и пе-

реходитъ въ ощущеніе какого-то колючаго холода, который осыпаетъ все тѣло уколами міріадъ невидимыхъ микроскопическихъ булавокъ. Утреннее солнце наконецъ выкатываетъ свой раскаленный добѣла шаръ изъ-за зубьевъ горъ и обливаетъ вдругъ все кругомъ потоками бѣлаго ослѣпительнаго свѣта, а холодъ все увеличивается, дѣлается все болѣе пронизывающимъ,—солнечные лучи жгутъ, но не грѣютъ. Приходится надѣвать толстое пальто и плотно его застегивать,—одна дама покрываетъ себя шубою; а тамъ внизу, у нашихъ ногъ, правда глубоко, но не далеко, на этой сверкающей огнями прибрежной полосѣ пустыни, теперь горячо какъ на сковородѣ. Воздухъ рѣдѣетъ, дѣлается все суше; порывисто и жадно начинаешь его вдыхать и ртомъ и носомъ, и къ ощущенію холода присоединяется какая-то неловкость въ груди, въ желудкѣ, наконецъ въ головѣ, которая начинаетъ не то кружиться, не то нѣмѣть и какъ бы отказывается думать.

Долго поѣздъ извивается по хребтамъ Кордильеръ, сначала по краю пропасти, а потомъ забирается внутрь широкаго ущелья перпендикулярно по направленію къ оси хребта и, наконецъ, поднимается на высокій обрывъ его у станціи «Puna de Arrieros» на высотѣ надъ моремъ 12.300 футовъ. До сихъ поръ, начиная отъ Арекипы, откосы хребта тамъ и сямъ пестрѣютъ тощимъ, но упругимъ кустарникомъ, съ трудомъ высасывающимъ изъ камня и щебня остатки влаги послѣ давно минувшихъ дождей. Среди этого кустарника торчатъ то прямые какъ свѣчи, то корявые и исковерканные пуки лохматаго пятиграннаго кактуса, то сѣро-зеленаго, то грязно-коричневаго, грустнаго, сердитаго, только кое-гдѣ оживленнаго широкимъ пятномъ густой ярко-пунцовой шапки цвѣтовъ. Затѣмъ кусты постепенно исчезаютъ, исчезаютъ и послѣдніе признаки травы, одни кактусы разсыпались еще по громаднымъ широкимъ обваламъ сѣро-коричневаго камня, но на высотѣ 10.000 футовъ и кактусы мельчаютъ и понемногу тоже исчезаютъ. Непомѣрно рѣдкій, сухой и холодный воздухъ изсушаетъ здѣсь изъ земли мгновенно всякую влагу, и даже кактусъ не можетъ расти. Съ этой высоты начинается холодная горная южно-американская пустыня.

До сихъ поръ мы подымались, и пейзажъ все расширялся подъ нами, переходя постепенно въ огромную рельефную географическую карту, но на станціи «Puna de Arrieros» мы очутились вдругъ на краю новаго безконечно широкаго пространства, на краю такъ называемой Пуны или нагорной степи.

Чѣмъ дальше подвигаемся, тѣмъ горизонтъ становится все шире: каменные, желтые или сѣрые, суровые и однообразные холмы открываются одинъ за другимъ, а тамъ на горизонтѣ, на югъ и на сѣверъ далеко, изъ-за краевъ этого моря камней выдвигаются все новыя вершины, конусы, зубья, пики, зубчатыя длинныя стѣнки, сначала темно-

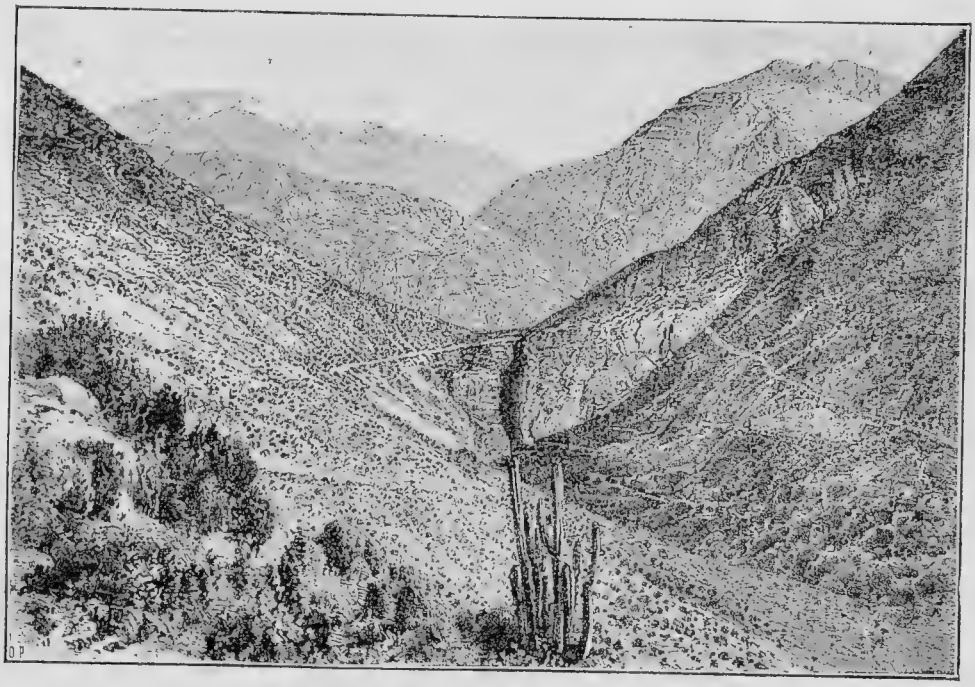
синіе, затѣмъ голубые прозрачные, точно фарфоровые и наконецъ вблизи перевала, у станціи Вишкокая, надъ краями Пуны вырисовываются на сѣверѣ бѣлыя, матовыя глыбы далекихъ снѣжныхъ вершинъ. Это снѣговая громада Каро-Пуна, состоящая изъ ряда могучихъ конусовъ и куполовъ, достигающая 23.000 футовъ надъ моремъ, но отсюда видна только снѣговая ея вершина, какъ ледяной островъ среди окаменѣвшаго океана. Гора эта отстоитъ отъ насъ по прямому направленію не менѣе какъ на 100 верстъ, но вслѣдствіе прозрачности воздуха глазъ ощущаетъ ее такъ близко, что кажется, будто чувствуешь ея ледяное дыханіе. И все это стоитъ мертво, все замерло и замерзло, не слышно и движенія рѣзкаго вѣтра, ибо ему не за что зацѣпиться, не съ чѣмъ бороться и вслѣдствіе этого зашумѣть или завизжать; нѣтъ и песку, чтобы образовать хоть облако пыли въ этомъ царствѣ камня и снѣга и тѣмъ нарушить общее впечатлѣніе безжизненности.

Обыкновенно растительность, какъ бы она ни была мизерна, оживляетъ все-таки земную кору, но растительность Пуны какъ нарочно будто создана для того, чтобы еще болѣе сжалось сердце человѣка при видѣ этой мертвенной пустыни. Въ ямочкахъ среди кремнистаго щебня торчатъ пучки какихъ-то спицъ, довольно толстыхъ, цвѣта грязной охры, оканчивающихся черными острыми иглами, точно спицы эти обожжены и обуглились, точно ихъ натыкали нарочно въ эту безплодную почву, а не сами онѣ изъ нея выросли—это трава Пуны. Округленные камни покрыты мхомъ, представляющимъ также твердыя иглы вершка въ два длины, которыя такъ плотно сплочены и сжаты, что скрываютъ собою камень совершенно и образуютъ плотные шероховатые шары и полушарія, такъ что этотъ мохъ имѣетъ видъ вполнѣ правильныхъ круглыхъ глыбъ кремня. Эти шары мха представляютъ однако драгоцѣнность для человѣка: они годятся на топливо; горятъ они плохо, только тлѣютъ, но все-таки даютъ достаточный жаръ, чтобы поджарить кое-какъ кусокъ мяса.

Казалось бы, что никакая животная жизнь невозможна на поверхности этой ледяной пустыни, при такомъ полномъ на видъ отсутствіи растительности, а между тѣмъ это не такъ. Быку, лошади, даже овцѣ, этимъ животнымъ, которыя уживаются почти во всякомъ климатѣ, какъ и человѣкъ, и при всякихъ обстоятельствахъ, конечно, здѣсь нечѣмъ питаться, и ихъ нѣтъ; но природа создала особенную фауну для этой особенной пустыни, и многія породы животныхъ гложутъ здѣшнюю будто обуглившуюся растительность, траву и мохъ, и ухитряются жить.

Какъ только поѣздъ перевалилъ за порогъ Пуны, у станціи «Puna de Arrieros», по склонамъ холмовъ начали мелькать то въ одиночку, то маленькими стадами силуэты черныхъ граціозныхъ альпага и бурыхъ гуанако; гуанако, впрочемъ, едва были замѣтны, такъ какъ цвѣтъ

ихъ бурой шерсти сливался съ бурою поверхностью Пуны, но длинныя шеи черныхъ альпага и ихъ тонкія ноги ясно вырѣзывались на фонѣ, залитомъ солнцемъ. Поѣзда желѣзной дороги ѣздятъ здѣсь рѣдко, такъ что стукъ и свистъ локомотива не успѣлъ еще напугать этихъ животныхъ новаго міра, и нерѣдко быстроногія альпага съ ихъ лохматымъ туловищемъ встрѣчаются чуть не у самыхъ рельсовъ дороги. Озадаченныя появленіемъ поѣзда, онѣ даже не бросаются тотчасъ же бѣжать куда глаза глядятъ, а останавливаются, смотрятъ на насъ нѣсколько



Видъ въ Андахъ.

секундъ, какъ бы желая убѣдиться въ опасности новаго явленія, и только затѣмъ довольно лѣнивыми прыжками удаляются вверхъ по скату холма. Тѣ, которыя находятся отъ насъ нѣсколько дальше, совсѣмъ не безпокоятся.

Альпага, вигонь даютъ драгоцѣнную шерсть, гуанако — хорошій мѣхъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обширнаго кордильерскаго плато за ними гоняются, ихъ даже истребляютъ, но на эту холодную полосу вдоль хребта охотники заходятъ рѣдко. Человѣкъ, которому нужно перебраться черезъ нее; спѣшитъ это сдѣлать какъ можно скорѣе, чтобы не окоченѣть отъ холода, не задохнуться отъ сорочи (горной болѣзни). Одинъ-другой смѣлый охотникъ—ничто въ этихъ безлюдныхъ огромныхъ про-

странствахъ, и гуанако и альпага будто это сознаютъ и ведутъ себя необыкновенно храбро по отношенію къ человѣку. Эта холодная пустыня обитаема, не то что та, внизу, горячая пустыня; холодъ не уничтожаетъ жизни такъ, какъ вѣчный жаръ, а напротивъ, изощряетъ органы живыхъ существъ, была бы только на нихъ хорошая шуба, а на здѣшнихъ животныхъ шуба хороша.

На поверхности Пуны гуанако и альпага гложутъ сухія иглы травы и камнеподобный мохъ, живя у самыхъ льдовъ здѣшнихъ горныхъ массъ,—льдовъ, не спускающихся въ здѣшнихъ районахъ Кордильеръ ниже 16.000 футовъ; а подъ корою щебня, который покрываетъ холмы Пуны, роютъ подземные лабиринты другія маленькія животныя—кроты, мыши, которые гложутъ длинные и тоже одеревенѣлые корни той же травы, а между этими мышами есть и драгоцѣнныя, потому что онѣ носятъ богатыя шубы, какъ, напримѣръ, командреха или особенно шиншилла, пушистый голубовато-серебристый мѣхъ которыхъ такъ извѣстенъ нашимъ дамамъ. Говорятъ, что пространство Пуны, теперь прорѣзанное желѣзной дорогой, особенно изобилуетъ шиншиллами, но ихъ здѣсь мало ловятъ: высоко, холодно, и на огромное пространство кругомъ никакого жилья.

Переступивъ за порогъ Пуны, поѣздъ бѣжитъ быстрѣе, подъемъ уже почти незамѣтенъ, и онъ старается нагнать потерянное время. Солнце уже спускается къ горизонту сзади насъ, и всѣ мы, пассажиры, умирали бы отъ голода, такъ какъ съ ранняго утра ничего не ѣли, кромѣ чашки шоколада,—на здѣшнихъ станціяхъ нигдѣ ничего нѣтъ по части продовольствія и самыя станціи представляютъ кое-какъ изъ щебня сложенныя лачуги, если бы не вѣтеръ Пуны и воздухъ все болѣе рѣдѣющій, чѣмъ болѣе мы поднимаемся. Этотъ воздухъ заставляетъ насъ всѣхъ забыть про голодъ и заботиться совсѣмъ о другомъ. Горная болѣзнь умерщвляетъ всякое желаніе ѣды, всякую внутреннюю работу организма. Всѣ разговоры въ вагонѣ мало-по-малу умолкли, всѣ начали цѣпенѣть, все усерднѣе кутаясь въ верхнія одежды и стараясь не дѣлать лишнихъ движеній. Только нѣсколько человѣкъ въ вагонѣ остаются совершенно здоровыми, остальные всѣ болѣе или менѣе больны или чувствуютъ себя весьма неловко; между послѣдними находился и я, когда поѣздъ подходилъ къ станціи Вилькокая, самой высокой желѣзнодорожной станціи въ свѣтѣ. Вилькокая стоитъ на высотѣ 14.360 футовъ, но это еще не перевалъ; поѣздъ подымается еще немного, и черезъ нѣсколько минутъ мы достигаемъ до настоящаго перевала, до водораздѣла—это пунктъ Crucero Alto и находится онъ на 14.666 футахъ. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ ничего, никакого строенія—здѣсь вѣчный вѣтеръ, метель въ лѣтнее время, когда солнце стоитъ въ зенитѣ, и станціи построить нельзя; только сложенный изъ сырыхъ камней ша-

лашъ даетъ пріютъ индѣйскому семейству, которое смотритъ за полотномъ дороги. Наконецъ, поѣздъ прибавляетъ ходу, и мы катимся внизъ по весьма, впрочемъ, незамѣтному наклону, извиваясь по бокамъ желтобурыхъ волнъ Пуны, которыя здѣсь подымаются все выше и выше, образуя то могучіе конусы, точно гигантскіе искусственные курганы, то удлиненные хребты, которые тамъ и сямъ сталкиваются, образуя скалистые обрывы. Все глухо, мертво, холодно, тяжело, тѣмъ болѣе, что толпящіяся въ безпорядкѣ возвышенности заслоняютъ теперь широкій до сихъ поръ горизонтъ.

Заходящее солнце едва измѣняетъ грубый бурый цвѣтъ горъ. Онѣ становятся даже еще болѣе грустными, покрываясь полутѣнью сѣраго цвѣта, точно духъ смерти посыпалъ ихъ пепломъ. Но вотъ поворотъ, горы разступаются широкимъ кругомъ, и гладкое, какъ отшлифованное стекло, блеститъ широкое зеркало озера между пологими берегами, и только эту какъ будто застывшую и замерзающую кристальную воду заходящее солнце окрашиваетъ въ неимовѣрно нѣжный розовый цвѣтъ. По краямъ озера ни малѣйшаго всплеска, ни малѣйшаго признака жизни въ водѣ; впрочемъ, края эти покрыты уже тончайшимъ слоемъ льда, на которомъ смутно переливаются цвѣта радуги, какъ на поверхности мыльнаго пузыря или венеціанскаго стекла. Какъ только лучи ослабли, морозъ беретъ свое вдругъ, не дожидаясь, чтобы солнце скрылось совсѣмъ за горизонтомъ. Въ продолженіе четверти часа мы огибаемъ это большое озеро, и пока солнце садится, пленка льда растетъ съ необыкновенной быстротой, завоевывая поверхность точно умершаго озера. За ночь, вѣроятно, все озеро покроется этой пленкой, но едва встанетъ солнце и броситъ на него снопъ своихъ тропическихъ лучей, и ледъ растаетъ въ мгновеніе ока.

Это озеро Соракоча. Богъ знаетъ какимъ образомъ налилась здѣсь вода на высотѣ 14.000 футовъ, ибо не замѣтно ни малѣйшихъ рѣчекъ или ручьевъ, которые его питали бы,—ледники кордильерскихъ вершинъ отстоятъ отсюда на очень большомъ разстояніи. Вся эта восточная покатость широкаго перевала черезъ хребетъ, покатость, теряющаяся въ огромной боливійской нагорной возвышенности, усѣяна озерами, которыя, повидимому, извнѣ не питаются никакимъ притокомъ воды,—надо полагать, что большіе ледники Кордильеръ питаютъ ихъ издалека подземными водопроводами.

На станціи Хуліака довольно продолжительная остановка; половина пассажировъ покинули поѣздъ и поѣхали въ маленькомъ вагончикѣ до Санта-Роза, гдѣ они сядутъ верхомъ на муловъ и черезъ снѣжный хребетъ доберутся до Куско, до этой древней столицы таинственной имперіи инковъ. Другая половина пассажировъ поѣхала со мною въ Пуно, куда мы прибыли только въ полночь.

Городъ Пуно, расположенный на равнинѣ по отлогому скату хребта, въ верстѣ разстоянія отъ маленькаго заливчика озера Титикака, одинъ изъ самыхъ старыхъ городовъ, основанныхъ испанцами на этихъ высотахъ, на мѣстѣ, гдѣ не было никакихъ значительныхъ поселеній прежнихъ народностей.

Среди безотрадныхъ, совершенно безплодныхъ широкихъ холмовъ, на одной изъ покатостей этихъ холмовъ, расползлись на огромномъ пространствѣ вокругъ площади длинные, одноэтажные квадраты домовъ со стѣнами, прорѣзанными рѣдкими и маленькими окнами. На верхней сторонѣ этой площади подымается темно-сѣрое неуклюжое зданіе собора—самое старое зданіе, возведенное испанцами на Кордильерахъ. Ни малѣйшаго признака дерева или растительности не замѣтно на широкихъ, пустынныхъ, немощеныхъ улицахъ.

Единственно, что могло бы нарушить впечатлѣніе пустынности, такъ это яркія краски, которыми покрываютъ обыкновенно стѣны городскихъ домовъ въ Южной Америкѣ; это радуга алыхъ, ярко-синихъ, зеленыхъ оттѣнковъ, но и эти краски будто только подчеркиваютъ безотрадность и тяжесть всей картины, взятой вмѣстѣ.

И съ общимъ видомъ города чрезвычайно гармонируетъ сѣрый соборъ, высокое зданіе съ треугольнымъ фронтономъ, съ неуклюжими башнями по бокамъ и стѣнами, которыя покрыты высѣченными на камнѣ рельефами. Скульпторы, работавшіе надъ этими стѣнами, были конечно индѣйцы, только что покоренные, едва перименованные въ христіанъ, но не успѣвшіе еще измѣнить своего міросозерцанія подъ вліяніемъ европейской культуры. Это самый старый храмъ въ Перу, а монахи доминиканцы, которые строили его, были изъ самыхъ первобытныхъ проповѣдниковъ христіанства, пришедшихъ еще съ самимъ Пизаро. Извѣстно, что доминиканцы были народъ суровый, съ вѣрою не шутили и понимали христіанскаго Бога на манеръ іудеевъ съ ихъ жестокимъ Іеговою. Тяжелые и свирѣпые пумы, ягуары и змѣи съ раскрытыми пастями, которыхъ имъ высѣкли индѣйцы сплошь на всей стѣнѣ фасада собора, имъ, вѣроятно, очень понравились—это грубое звѣрье пугало коричневыхъ обращенныхъ предвкушеніемъ новаго христіанскаго ада; и соборъ такъ и остался стоять, пугая индѣйцевъ и до сихъ поръ, да и самихъ бѣлыхъ, новыхъ жителей Пуны.

Но еще болѣе чѣмъ общее впечатлѣніе отъ домовъ, улицъ и собора, рѣдкіе люди, которые тихо, пѣшкомъ или верхомъ на мулахъ движутся по городу, переносятъ васъ въ какой-то новый міръ, далекій отъ Стараго Свѣта.

Кажется почти невѣроятнымъ, что васъ сюда привезъ локомотивъ желѣзной дороги. Бѣлокожій человѣкъ здѣсь совсѣмъ рѣдкость—можетъ быть не больше, какъ одинъ изъ десяти—почти всѣ, кто движется по

улицамъ, принадлежатъ господствующей здѣсь расѣ индѣйцевъ, еще болѣе темнокожихъ, чѣмъ въ Арекипѣ.

Тамъ и сямъ длинная вереница этихъ нахмуренныхъ людей, одѣтыхъ въ тяжелыя шерстяныя одежды, тянется молча, степенно, не спѣша вдоль улицы рядомъ съ ихъ столь же степенными ламами, несущими маленькіе вьюки; рѣдко только проѣдетъ неторопливою иноходью всадникъ верхомъ на мулѣ, производя многократное и рѣзко повторяющееся эхо звяканьемъ подковъ о камни среди этой морозной тишины.

Страшно холодно и жутко было жить въ гостинницѣ, мрачной, неуютной, раздѣленной внутри квадрата домовъ на три патіо, или двора, съ огромной столовой, покрытой оборванными зелеными обоями и напоминавшей больше ледникъ, гдѣ кормили варенымъ мерзлымъ картофелемъ или жесткими ломтями мяса, протухшими, какъ все вареное или жареное, противнымъ дымомъ помета ламъ. Недалеко за городомъ здѣсь ютится заводъ для вытапливанія серебряной руды, сносимой сюда изъ маленькихъ шахтъ, находящихся въ окрестностяхъ. Даже и эта операція производится посредствомъ того же топлива—помета ламъ, другого нѣтъ кругомъ на огромномъ пространствѣ. Казалось бы страннымъ, что большой городъ могъ устроиться на этой высотѣ, среди этой суровой природы, безъ признаковъ растительности, а между тѣмъ это былъ нѣкогда большой городъ. Это главный пунктъ, отъ котораго развѣтвляются дороги на сѣверъ и на югъ, вдоль Кордильерскаго плато,—центръ, въ который сходились караваны, странствующіе по этимъ ледянымъ пустынямъ, чтобы отсюда спуститься къ морю, и первые завоеватели страны, конечно, обратили вниманіе на таковыя условія этой мѣстности.

Но не только выгоды коммерческаго движенія обусловливали существованіе и процвѣтаніе Пуно. И минеральныя богатства его окрестностей еще недавно казались неисчерпаемыми. Во время испанскаго владычества это былъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ добычи серебра. Почти у воротъ города и теперь еще виднѣются остатки шахтъ серебра, которыя считались самыми богатыми шахтами Америки.

И до сихъ поръ тамъ и сямъ вырабатываютъ серебро, но это уже незначительная, бѣдная промышленность, возобновленная прибывшими за самое послѣднее время европейскими искателями приключеній, главнымъ образомъ итальянцами, но прибывшими безъ капиталовъ, безъ организаціи. Серебро вывозятъ отсюда и до сихъ поръ, но уже только пригоршнями.

Но не одни караваны и минеральныя богатства окрестностей были причиною бывшаго процвѣтанія города Пуно. Несмотря на безотрадную пустынность общаго характера здѣшней природы, эта пустыня находится все-таки подъ тропическимъ солнцемъ. Достаточно, чтобы какая-

нибудь долинка была защищена какою-нибудь высокою заслонкой отъ вліянія холоднаго и сухого вѣтра, чтобы она получала достаточно влаги, и она дѣлается способною производить богатую травяную растительность. Эти долины могутъ производить даже картофель, ячмень и своеобразный нагорный маисъ.

Огромный бассейнъ озера Титикака доставляетъ влагу своимъ непосредственнымъ окрестностямъ, и по берегамъ его, между кряжей выбѣгающихъ въ него скалъ, тамъ и сямъ ярко зеленѣютъ долинки, дающія обильный кормъ скоту. Вотъ и передъ городомъ Пуно, между послѣдними его домами и заливчикомъ развернулся изумрудный травяной коверъ, и по ковру этому разбросаны черныя неподвижныя фигуры тучныхъ дородныхъ быковъ.

Пространства этихъ оазисовъ очень ограничены, трава ихъ очень малорослая, но зато она густа, какъ бархатъ, и круглый годъ одинаково зелена—она никогда совершенно не съѣдается и не вытаптывается скотомъ. Здѣсь почти круглый годъ бываетъ утромъ морозъ, несмотря даже на умѣряющее вліяніе паровъ озера Титикака; но слабый морозъ вдругъ разгоняется ежедневно же лучами тропическаго солнца, и завянувшая на минуту трава снова выпрямляется и растетъ съ неимовѣрной энергіей, точно морозъ служитъ для нея стимуломъ. Возможность откармливать рогатый скотъ въ окрестностяхъ озера Титикака представляетъ драгоцѣнное условіе для жизни и богатства человѣка въ верхнихъ районахъ Кордильеръ, которые такою страшной и сплошной цѣпью заслоняютъ отъ Тихаго океана необъятныя и плодородныя пространства восточной и центральной Южной Америки.

Такимъ образомъ самые зажиточные обитатели города Пуно не тѣ, которые владѣютъ, можетъ быть, богатыми, но теперь почти неразрабатываемыми шахтами серебра, а счастливые обладатели зеленыхъ полянъ по берегамъ озера, да и самъ городъ Пуно только благодаря этому влачитъ еще кое-какъ свое существованіе и насчитываетъ въ своихъ негостепріимныхъ стѣнахъ до 6.000 жителей.

Титикака.

(Маркуа.)

Послѣ полудня консулъ Трумпъ и я задумали предпринять прогулку по окрестностямъ. Ради удобства мы велѣли осѣдлать муловъ и поѣхали рядомъ. Въ пріятной бесѣдѣ мы незамѣтно достигли берега Титикаки. Тамъ мы слѣзли съ муловъ, пустили ихъ пастись на лужайку, покрытую рѣдкой и жесткой травой, а сами усѣлись на берегу, съ котораго можно было охватить взоромъ довольно обширную часть озера. У нашихъ ногъ берегъ, усѣянный галькой и порфировыми валунами,

тянулся извилистой линіей, образуя входящіе и выходящіе углы. Поверхность воды была взволнована легкимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ и рѣзко отдѣлялась отъ берега полосою пѣны. На нѣкоторомъ разстояніи передъ нами подымались изъ волнъ два скалистыхъ островка, вокругъ которыхъ взадъ и впередъ сновали серебристыя чайки, какъ пчелы около улья. На правомъ островѣ ясно вырисовывалась группа домиковъ какой-то пуэбло. Налѣво, за островами, въ прозрачной синевѣ поднимался на пьедесталѣ снѣжныхъ массивовъ и хребтовъ младшій братъ Иллимани, пикъ-де-Сората, достигая высоты 6.650 м. надъ уровнемъ моря. Направо поверхность озера терялась въ безграничной дали. Невыразимымъ спокойствіемъ и миромъ вѣяло отъ этой обширной картины, а наступленіе вечера придавало ей еще какую-то меланхолическую прелесть. Ни малѣйшій шумъ или крикъ не нарушалъ тишины этихъ возвышенныхъ мѣстъ. Я почувствовалъ себя какъ бы перенесеннымъ на другую планету, гдѣ ничего не знаютъ ни о человѣкѣ, ни о скорбяхъ нашей бренной земли. Мало склонный къ мечтательности консулъ Трумпъ забавлялся бросаніемъ камней въ воду и занималъ меня разговоромъ о своимъ коммерческихъ предпріятіяхъ. Я не прерывалъ его и отъ времени до времени выражалъ свое одобреніе кивкомъ головы. Не знаю, сколько времени прошло такимъ образомъ, но наступленіе вечера и потемнѣвшіе тона неба, отражавшагося въ озерѣ, заставили насъ подумать о возвращеніи. Мы сѣли на нашихъ муловъ и пустили ихъ быстрою рысью, чтобы ночь не застала насъ среди дороги. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога подошла къ самому берегу, мы замѣтили индѣйца, срѣзывавшаго стебли тоторы (тростника). Стебли тростника идутъ здѣсь на постройку плоскодонныхъ лодокъ, которыми пользуются индѣйцы при своихъ плаваніяхъ по архипелагу Титикаки и сношеніяхъ между собой. Вещь эта была слишкомъ обыденная, чтобы я обратилъ вниманіе; но меня поразила необыкновенная форма лодки, бока которой были прорѣзаны чѣмъ-то въ родѣ бойницъ, и я спросилъ индѣйца, что онъ намѣревается дѣлать.

«Это для охоты за «мукутюсъ», отвѣтилъ онъ. Такъ какъ это непонятное слово ничего не говорило мнѣ и мой спутникъ не былъ въ состояніи дать мнѣ желательнаго разъясненія, то индѣецъ, сообразивъ по нашему изумленному виду, что мы его не поняли, указалъ рукой на сѣрыхъ птицъ, плававшихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и, какъ мнѣ показалось издали, принадлежавшихъ къ семейству гагаръ, шелковистый пухъ которыхъ употребляется скорняками вмѣсто мѣха.

Мысль принять участіе въ этой охотѣ пронеслась внезапно въ моей головѣ, и я спросилъ консула, не одобряетъ ли онъ моего намѣренія. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что моя мысль сама по себѣ ему мало улыбается, но чтобы доставить мнѣ удовольствіе, онъ готовъ охотиться не только

за гагарами, но за чѣмъ угодно. Оставалось предложить индѣйцу принять насъ въ компанію и условиться съ нимъ о мѣстѣ и времени встрѣчи. Но едва я высказалъ свое предположеніе и сталъ доказывать, что наши ружья могутъ оказать ему значительную услугу, какъ онъ покачалъ головой и наотрѣзъ отказалъ взять насъ съ собой подъ предлогомъ, что гагары чрезвычайно чутки и что изъ-за одной птицы, которую намъ случится убить, мы спугнемъ всю стаю, и она перелетитъ на другой берегъ рѣки. «Тѣмъ не менѣе, — продолжалъ онъ, — если охота вамъ по душѣ и вы непремѣнно хотите въ ней принять участіе, то я не вижу въ этомъ ничего невозможнаго. Оставьте только ваши ружья дома и выходите между одиннадцатью и двѣнадцатью часами на берегъ противъ островка, который передъ вами. Я уже буду здѣсь. Не забудьте, главное, захватить съ собой бутылочку водки, такъ какъ вода въ озерѣ ночью чрезвычайно холодна и безъ этой предосторожности вы промерзнете до костей».

Нетрудно было понять, что индѣецъ, по примѣру своихъ собратій, хотѣлъ извлечь пользу изъ нашего удовольствія, но такъ какъ требуемое имъ вознагражденіе было ничтожно, то мы, обѣщавъ быть въ указанное время на назначенномъ мѣстѣ, простились съ нимъ и вернулись въ городъ.

Около полуночи мы были на мѣстѣ, указанномъ охотникомъ за гагарами. Подъ пончо, въ которыя мы были закутаны до ушей, мы принесли двѣ бутылки тафія (водки) такой крѣпости, что отъ одного глотка захватывало духъ. Индѣецъ былъ, согласно своему обѣщанію, на мѣстѣ, но не одинъ, а въ сопровожденіи двухъ товарищей. Три плетеныя лодки, стоявшія около берега, указывали, что каждый изъ нихъ предполагалъ плыть отдѣльно. На наше замѣчаніе, что одной лодки довольно для меня съ консуломъ, индѣецъ отвѣчалъ, что лодка не можетъ выдержать болѣе одного пассажира и что если мой спутникъ желаетъ также принять участіе въ охотѣ, то онъ долженъ сѣсть въ другую лодку, что же касается до третьей, то она должна была насъ сопровождать: такіе важные люди, какъ мы, не могли же охотиться одни, какъ простые смертные.

Мы посмѣялись въ душѣ надъ ухищреніемъ взять съ насъ втройнѣ на чай, но тѣмъ не менѣе не отказались отъ первоначальной мысли и подали первому предусмотрительному индѣйцу бутылку тафіи, которой вооружились по его указанію. Подъ предлогомъ оцѣнить достоинство напитка и убѣдиться, что кабатчикъ не надулъ насъ, онъ раскупорилъ одну изъ бутылокъ и сдѣлалъ изъ нея нѣсколько хорошихъ глотковъ. Одобривъ напитокъ, онъ передалъ бутылку своимъ товарищамъ, которые продѣлали то же самое.

Принявъ такимъ образомъ надлежащія мѣры противъ холодныхъ

порывовъ вѣтра, мой лодочникъ предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ къ мѣсту, гдѣ была привязана его лодка. Принужденный разстаться съ консуломъ Трумпомъ, котораго уводилъ въ свою очередь другой лодочникъ, я назначилъ ему свиданіе на серединѣ озера или, въ случаѣ какого-нибудь несчастья, въ другомъ лучшемъ мірѣ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ достаточно хорошій пловецъ, чтобы не бояться аварій, и мы разстались. Оставшись наединѣ со мной, мой проводникъ прежде всего приподнялъ нѣсколько валуновъ и вынулъ изъ-подъ нихъ спрятанное весло съ длинной ручкой и широкой лопаткой; далѣе, посадивъ меня въ одномъ углу судна, имѣвшаго не болѣе шести квадратныхъ футовъ, онъ распустилъ привязь и оттолкнулъ лодку.

Когда мы отъѣхали на нѣсколько сотенъ метровъ отъ берега, индѣецъ досталъ баранiй рогъ, наполненный жженой паклей, высѣкъ огонь и зажегъ факелъ, въ родѣ тѣхъ факеловъ, которые употребляютъ рабочіе въ рудникахъ. Затѣмъ онъ прикрѣпилъ этотъ факелъ на переднемъ концѣ плота. Но я позабылъ, что не сказалъ еще ни слова о своеобразной формѣ судна, которое я называю то плотомъ, то лодкой, такъ какъ не нахожу подходящаго названія.

Представьте себѣ плоское и четырехугольное днище, сложенное изъ стеблей тростника или камыша; на каждый уголъ этого днища положено по куску пористаго и легкаго дерева, предназначеннаго поддерживать плетенку тоже изъ тростника, связаннаго нитями изъ шерсти ламы. Эта плетенка, съ прорѣзанными по бокамъ отверстіями, была достаточно высока, чтобы за ней могъ укрыться человѣкъ въ сидячемъ положеніи.

Въ тотъ моментъ, когда мой кормчій зажегъ факелъ, то же сдѣлали и его сотоварищи, какъ будто они только ожидали этого сигнала. Но вмѣсто того, чтобы приближаться къ намъ, какъ этого я ожидалъ, они направились въ противоположныя стороны. Пламя отъ ихъ факеловъ тонуло среди тумана, спустившагося надъ озеромъ, и постоянно мѣняло свое мѣсто, такъ что казалось, будто волшебные огоньки перебѣгали по болоту.

Не прошло и десяти минутъ съ момента отплытія, какъ у меня отъ стужи начали стучать зубы. Черезъ рѣшетчатое дно судна, которое погрузилось въ воду приблизительно на шесть футовъ, стала проникать вода. Я чувствовалъ, что мое платье становится мало-по-малу мокрымъ и что по тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Тѣмъ временемъ индѣецъ съ силою налегалъ на весла, останавливаясь только для того, чтобы приложиться къ бутылкѣ. При другихъ обстоятельствахъ я бы оцѣнилъ по заслугамъ оригинальность этой ночной охоты среди безбрежнаго озера, въ водахъ котораго отражались рѣдкія звѣзды и на которомъ вырисовывались черные силуэты скалистыхъ островковъ и порослей тростника. Но мое по-

ложеніе становилось съ каждымъ моментомъ все серьезнѣе и все мое вниманіе было сосредоточено на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ. Сидячая ванна, которую я принужденъ былъ принять противъ всякаго желанія, и леденящій холодъ, пронизывавшій всѣ члены, сводили къ нулю весь мой восторгъ.

Тѣмъ временемъ наша лодка приблизилась къ островку, поверхность котораго была сплошь покрыта тростникомъ. Вѣтеръ проносился надъ освѣщенными верхушками тростника съ жалобнымъ шорохомъ, который при моемъ удрученномъ состояніи казался мнѣ зловѣщимъ. Индѣецъ рѣшилъ, что мѣсто удобно для охоты, захватилъ пучокъ тростника, протянулся и остановилъ лодку въ его чащѣ. Отъ стужи я не могъ говорить; а индѣецъ, повидимому, приписывалъ мое молчаніе удивленію, которое я долженъ былъ чувствовать передъ этой охотой и его приготовленіями. Подкрѣпившись еще разъ глоткомъ водки, онъ расположился противъ одной изъ вырѣзокъ въ суднѣ и сталъ подражать глухому крику гагаръ.

Подражаніе оказалось настолько совершеннымъ, что птицы были приведены въ заблужденіе. Чаща тростника отъ времени до времени стала раздвигаться, глухіе крики послышались въ отвѣтъ на призывъ охотника, и цѣлая флотилія полусонныхъ гагаръ направилась къ судну, привлеченная блескомъ факела.

Поджидая приближенія гагаръ, индѣецъ припалъ къ стѣнкамъ плота, знакомъ приглашая и меня послѣдовать его примѣру. Когда птицы подплыли къ свѣтлому кругу, который факелъ бросалъ на воду, онѣ остановились, присматриваясь къ пламени, манившему ихъ, и къ такому необычному для нихъ предмету, какъ судно. Онѣ жались другъ возлѣ друга и издавали невнятные крики, какъ бы дѣлясь впечатлѣніями. Успокоенныя неподвижностью судна, онѣ отдѣлились другъ отъ друга и каждая изъ нихъ подплывала къ судну и трогала его клювомъ, желая, вѣроятно, убѣдиться, что это за штука. Индѣецъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого момента. Всякій разъ, какъ какая-нибудь гагара проплывала мимо выемки, около которой онъ помѣстился, руки его моментально выпрямлялись и схватывали за шею неосторожную. Менѣе чѣмъ въ полчаса вся стая, состоявшая изъ одиннадцати штукъ, была во власти непріятеля.

Удовольствовавшись такой добычей, индѣецъ издалъ пронзительный свистъ, на который отвѣтили тѣмъ же его товарищи. Два другіе плота, которые мы потеряли изъ виду, стали приближаться къ намъ, и пламя отъ факеловъ мало-по-малу выплывало изъ тумана. Результатъ ихъ охоты былъ далеко не такъ удаченъ.

Индѣйцы, предполагавшіе, что мы заберемъ всѣхъ пойманныхъ птицъ въ обмѣнъ за двѣ бутылки тафіи, были пріятно удивлены, когда мы

предоставили въ ихъ распоряженіе всю добычу. Эта щедрость, къ которой мы присоединили еще по реалу на брата, вызвала со стороны ихъ безчисленныя благословенія на наши головы, что однако не могло высушить нашего платья, намокшаго отъ ледяной воды озера. Мы возвратились въ городъ, оставивъ за собой влажную дорожку отъ нашихъ слѣдовъ. Возвратившись домой, мы первымъ дѣломъ перемѣнили бѣлье и затѣмъ потеплѣе укрылись одѣялами. Но эта прогулка не прошла для меня безъ печальныхъ послѣдствій: у меня началась довольно сильная лихорадка, и я принужденъ былъ провести нѣсколько дней въ постели.

Едва поправившись, я снова пошелъ на берегъ озера. На этотъ разъ небо, противъ обыкновенія, не было затянуто облаками и сіяло въ своемъ лазурномъ одѣяніи. Поверхность водъ Титикаки отражала въ себѣ лазурь небесъ и была ясная, прозрачная. Отдаленные снѣга, ряды горъ, возносящихся одна надъ другой, нагроможденіе скалъ, обрамляющихъ озеро и освѣщенныхъ цѣлымъ снопомъ солнечныхъ лучей,—все это производило чарующее впечатлѣніе. Хотѣлось не только любоваться, но и набросать картину всего, что только могъ охватить глазъ. При видѣ этой чудной панорамы у меня съ каждой минутой все опредѣленнѣе и сильнѣе становилось желаніе совершить поѣздку вокругъ всего озера. Въ этотъ же день я привелъ въ порядокъ свои дѣла, сговорился съ проводниками и нанялъ муловъ.

Было семь часовъ, когда я на другой день покинулъ городокъ Пуно. Черезъ полчаса пути вдоль сѣверной части озера мы пошли по берегу лагуны Санта-Луція, внѣдряющейся въ сушу и соединенной широкими протоками съ озеромъ Титикака. Немного далѣе мы миновали какую-то деревушку, всего нѣсколько домиковъ изъ обломковъ камней, связанныхъ глиной и покрытыхъ горнымъ ковылемъ. Дорога наша стала спускаться, скалы раздвинулись, и мы увидѣли клочокъ озера, воды котораго сохраняли все еще чудную голубую окраску и искрились подъ лучами солнца. Два скалистыхъ островка подымались изъ воды, и цѣлыя стаи чаекъ, гагаръ и утокъ плавали и суетились около нихъ, оживляя картину.

Далѣе поверхность почвы, покатая къ берегамъ озера, стала быстро подниматься по направленію къ сѣверо-западу, и на ней появилось нѣсколько холмистыхъ грядъ, которыя въ Европѣ были бы названы горными цѣпями. Нѣкоторыя изъ нихъ состояли изъ толщъ песка, покрытаго мѣстами выщвѣтами соли, другія были сложены изъ свѣтлаго песчаника. Растительность, покрывающая ихъ, обнаруживала замѣтныя различія. Въ долинахъ, защищенныхъ отъ вліянія горныхъ снѣговъ, росли люцерна, овесъ, жалкіе колоски ржи и родъ картофеля, называемаго maltana. На вершинахъ эти растенія были замѣнены ячменемъ

и колючимъ картофелемъ, называемымъ papa lisa. Всѣ эти растенія какого-то полинявшаго и холоднаго цвѣта имѣли печальный и страдальческій видъ и, казалось, протестовали противъ слишкомъ близкаго сосѣдства снѣговыхъ Кордильеровъ.

За холмами послѣдовали пуны, т.-е. плоскогорья преобладающаго желтаго цвѣта. Онѣ тянулись безконечно одна за другой и терялись далеко на горизонтѣ. Стада ламъ, альпака и овецъ паслись на дернѣ низкаго мха, среди котораго тамъ и сямъ были разбросаны отдѣльные пучки травы.

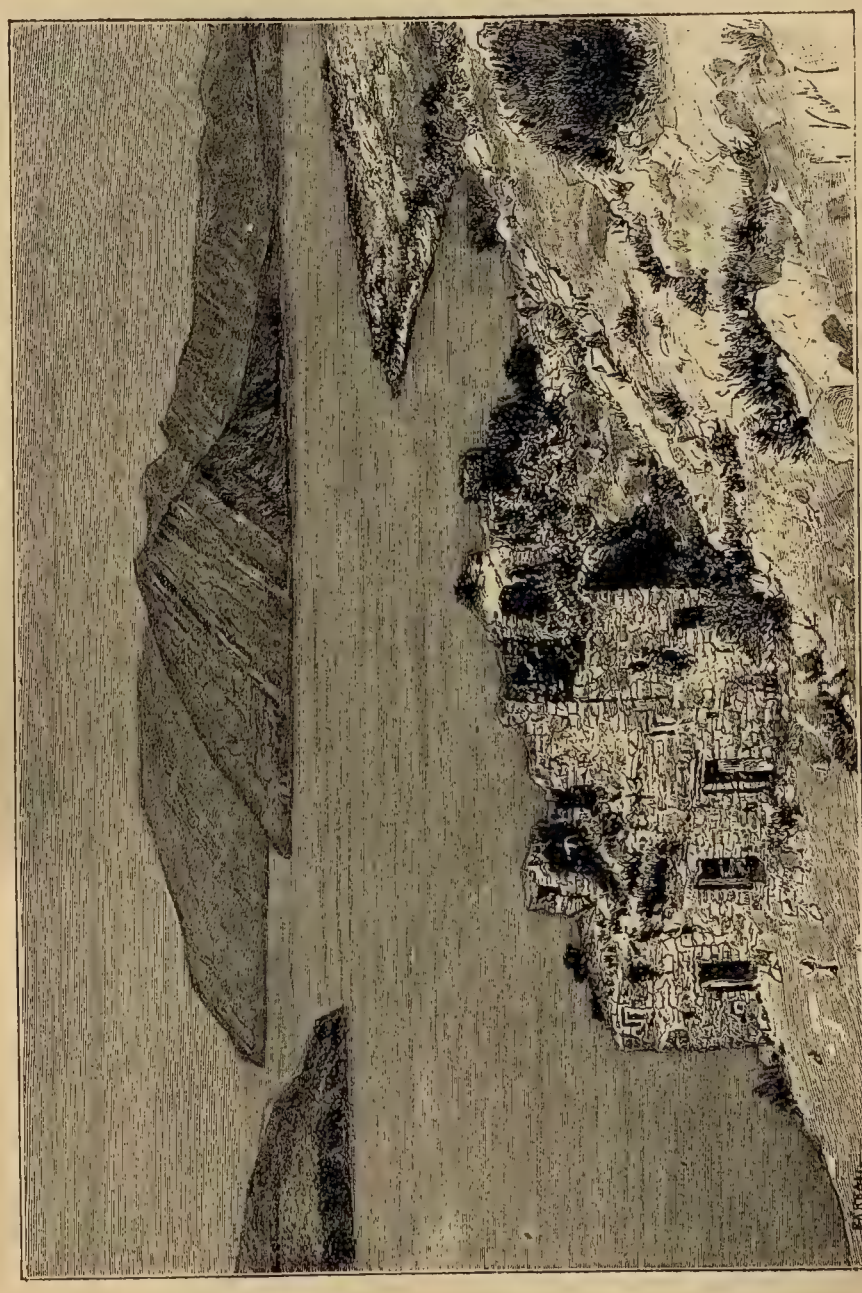
Непримѣтно надвинулась ночь, и съ снѣжныхъ вершинъ Кордильеровъ на насъ повѣяло леденящимъ холодомъ, когда мы прибыли на мѣсто нашей первой ночевки.

На другой день дорога представляла мало интереснаго.

Заночевали мы въ деревнѣ Тіахуанаку у священника. Послѣдній сообщилъ намъ, что неподалеку можно видѣть много древнихъ построекъ, которыя мы и посѣтили на слѣдующій день.

Нѣкоторыя изъ нихъ сохранились еще довольно хорошо. Ихъ стѣны были сложены изъ глыбъ песчаника. Судя по высотѣ дверей, можно было предположить, что общая высота зданій достигала отъ 12 до 15 метровъ. Громадныя статуи стояли или лежали у подножія стѣнъ, представляя изъ себя фигуры, совершенно нагія или закутанныя въ длинныя одѣянія. Длина ушей у нѣкоторыхъ изъ нихъ указывала на обычай, распространенный между всѣми представителями рода инковъ,— искусственно удлинять мочку уха настолько, чтобы она касалась плеча. Какъ извѣстно, и въ настоящее время многія дикія племена слѣдуютъ этому обычаю, бывшему нѣкогда привилегіей знатныхъ. Всѣ эти полуразвалившіяся зданія, портики, украшенные выпуклыми изваяніями и барельефами, эти первобытные грубые орнаменты и уродливыя статуи придавали мѣстности какой-то причудливый и въ то же время угрюмый характеръ.

Благодаря содѣйствію мѣстнаго священника, намъ удалось раздобыть лодку, чтобы посѣтить острова, расположенные противъ полуострова Іахи и образующіе нѣсколько значительныхъ группъ. Большая часть этихъ острововъ представляетъ изъ себя нагроможденія черныхъ и голубыхъ мраморовъ; они изрѣзаны многочисленными небольшими заливами, въ которыхъ цѣлыми стаями копошатся черныя утки, бѣлые или коричневые чистики, серебристыя чайки-рыболовы, лысухи, гагары и другія птицы. На островѣ Сурика мы нашли могилы круглой и четырехугольной формы, въ которыхъ прибрежные индѣйцы хоронили мертвыхъ. Эти могилы не имѣютъ опредѣленнаго направленія и сложены изъ груды камней, сверху онѣ прикрыты гладкими слегка наклоненными плитами. Мертвецъ, часто безъ всякой одежды или въ лохмотьяхъ, посаженъ на



Титикака.

корточки съ сжатыми кулаками, вложенными въ глазницы, и локтями упирается въ колѣни. Головѣ придана искусственная форма яйца, одинъ изъ концовъ котораго соотвѣтствуетъ лицу.

Къ сѣверу отъ группы острововъ начинается проливъ Тиквина, соединяющій двѣ половины озера между вдвигающимися навстрѣчу другъ другу полуостровами. При входѣ проливъ имѣетъ едва три километра въ ширину, но постепенно расширяется къ сѣверу. Парные хребты, или, лучше сказать, холмы изъ порфироваго песчаника, высотою въ нѣсколько сотенъ метровъ, окаймляютъ съ восточной стороны проливъ; на западѣ вдоль пролива идетъ группа острововъ или островковъ, соединенныхъ между собой плотинами. Изъ этихъ острововъ, расположенныхъ по прямой линіи въ сѣверо-западномъ направленіи, только два имѣютъ особое названіе. Одинъ изъ нихъ, заканчивающій собою всю цѣпь, называется островомъ Солнца или Титикака, другой, къ востоку отъ перваго и на разстояніи одного километра отъ него, островомъ Луны или Коата. На обоихъ островахъ находятся древнія постройки, по всей вѣроятности храмы, посвященные богу Солнца и богу Луны. Зданіе на островѣ Титикаки имѣетъ приблизительно 20 квадратныхъ метровъ и возвышается на фундаментѣ. Фасадъ прорѣзанъ одиннадцатью четырехугольными окнами, которыя издали кажутся черными дырами, и четырьмя дверьми съ прорѣзомъ въ видѣ острой трапеціи съ барельефами вверху въ стилѣ, напоминающемъ египетскій. Двѣ двери изъ четырехъ истинныя, остальныя ложныя, точно такъ же, какъ и двери бокового фасада. Двѣ уцѣлѣвшія стѣны, прилегающія къ главному зданію справа, свидѣтельствуютъ, что и этотъ храмъ, подобно другимъ храмамъ, посвященнымъ солнцу, имѣлъ нѣсколько придѣловъ, гдѣ помѣщались многочисленные служители культа солнца.

Посѣтивъ всѣ острова, я рѣшилъ высадиться на берегъ озера у Сантъ-яго, гдѣ, согласно уговору, меня долженъ былъ поджидать проводникъ. Утро слѣдующаго дня я употребилъ на то, чтобы ознакомиться съ окрестностями Сантъ-яго, представлявшими мѣстами зеленѣющія поля. Тамъ и сямъ валялись различныя скульптурныя изображенія изъ древнихъ построекъ.

Среди этихъ памятниковъ старины лучше всего сохранилась одна статуя изъ силурійскаго песчаника, найденная мною у входа въ могилу въ лежачемъ положеніи. Статуя эта, очевидно обрубленная, имѣла 6 метровъ 40 см. длины, 1 метръ 80 см. высоты и 2 метра ширины въ плечахъ. Она представляла человѣка съ курчавыми волосами, съ несоразмѣрно длинными ушами, съ выдающимися скулами и глазами, съ орлинымъ носомъ и толстыми губами. Ни слѣда одежды не видно на тѣлѣ статуи; по бокамъ ея изображены три наполовину свернувшіяся змѣи.

Руки скрещены и положены на грудь, такъ что весь идолъ какъ бы находится въ молитвенной позѣ.

Съ мѣста, гдѣ лежала громадная статуя, можно было охватить взоромъ обширную равнину, замыкаемую вдали бѣлоснѣжными зубцами восточнаго хребта Кордильеровъ, которые съ поразительною ясностью вырисовывались на сѣро-свинцовомъ небѣ. Чтобы насладиться вполнѣ этой чудной панорамой и прослѣдить въ то же время снѣговую цѣпь Андъ, я по уху и лицу статуи взобрался на ея животъ. Тамъ я усѣлся, вооружился карандашомъ и набросалъ въ свою записную книжку картину, представлявшуюся моимъ взорамъ.

Эстансія въ степи.

(А. Іонина.)

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, меня разбудилъ шумъ, крикъ и мычаніе быковъ на дворѣ. Хотя я спалъ очень мало, но вскочилъ съ постели скоро и бодро—рѣзкій, чистый и холодный ночью степной воздухъ заставляетъ человѣка спать здоровымъ сномъ, не оставляя этой несносной сонливости послѣ пробужденія, которая гнететъ европейца среди лѣсовъ, въ сырой атмосферѣ Бразиліи. Утро было совсѣмъ холодное, и если бы не термометръ, который показывалъ, впрочемъ, только 7 градусовъ по Цельсію, я думалъ бы, что на дворѣ морозъ. Когда я вышелъ во дворъ, яркій свѣтъ ослѣпилъ меня: кругомъ волнистая степь терялась въ туманномъ горизонтѣ утра; солнце сильное, какое-то бѣлое и необыкновенно яркое, пробивало мглистую, бѣловатую отъ утреннихъ паровъ атмосферу, и зеленовато-желтая поверхность земли блестѣла росою, точно искрилась подъ солнечными лучами. Бѣлый домъ блестѣлъ тоже какъ серебряный, одинъ-одинешенекъ среди этой необозримой степи, а быки вперемѣшку съ лошадьми, всюду кругомъ, насколько можно было видѣть глазомъ, вырѣзывались силуэтами на утреннемъ небѣ. Вблизи они казались огромными при этомъ освѣщеніи, при этомъ сліяніи тумана и яркаго свѣта, а далѣе, все болѣе стушевываясь, постепенно утопали въ мглистомъ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока тамъ, на горизонтѣ, не замелькали уже миріадами какихъ-то туманныхъ точекъ, точно не касавшихся земли. Около дома эстансіи съ одной стороны росло только нѣсколько сѣроватыхъ прозрачныхъ ивъ да два-три, тоже сѣрыхъ и тощихъ, эвкалиптуса, но и они при этомъ освѣщеніи восходящаго надъ степью солнца принимали какіе-то гигантскіе размѣры. Вблизи тянулись изъ степи длинныя вереницы быковъ, оглашавшихъ пространство ревомъ, все болѣе и болѣе усиливающимся и переходящимъ точно въ перекаты грома, по мѣрѣ приближенія стада. Вокругъ стада, по бо-

камъ его, вездѣ носились взадъ и впередъ съ гиками и криками фигуры всадниковъ, принимавшихъ иногда какіе-то фантастическіе образы.

Я никогда не забуду этого перваго впечатлѣнія южно-американской пампы, этого пробужденія послѣ тѣсныхъ и тяжелыхъ картинъ тропиковъ съ ихъ тяжелымъ свѣтомъ, тяжелымъ воздухомъ, тяжелыми людьми: здѣсь какъ-то весело, широко вздохнулось этимъ рѣзкимъ, холоднымъ и вольнымъ воздухомъ въ широкомъ и полномъ жизни раздольѣ. Вмѣсто деревьевъ и деревьевъ—все быки, быки и быки, ни одного деревца, ничего, что нарушало бы эту плавность земныхъ волнъ степи, которыя съ такою же правильностью, какъ волны моря, утопали въ мглистомъ горизонтѣ. Такъ и хочется самому вскочить на полудикую лошадь и поскакать куда глаза глядятъ, размахивая надъ головою, какъ эти гаучосы, вьющимся по воздуху какъ змѣя лассо.

Въ сторонѣ, недалеко отъ дома эстансіи, былъ устроенъ кораль, т.-е. круглый загонъ, и скачущія фигуры всадниковъ старались загнать въ него стадо быковъ. Быковъ этихъ ночью они окружили въ степи и, работая всю ночь, сгоняли въ одну массу, стараясь все болѣе и болѣе сплотить ее, по мѣрѣ того какъ суживались круги, описываемые ими и ихъ собаками вокругъ разбросанныхъ по степи животныхъ. Одни всадники вооружены были лассо, длиннымъ арканомъ изъ кожаной веревки, прикрѣпленной однимъ концомъ къ сѣдлу и оканчивающейся мертвою петлею или тремя шарами изъ чугуна или твердаго камня (тогда lasso называется bolas); другіе—длиннѣйшими пиками изъ тонкаго и гибкаго тростника съ желѣзнымъ гвоздемъ на концѣ. Эти пикадоры ѣхали рысцой или шагомъ вокругъ стада и главнымъ образомъ во главѣ его и пиками старались возвращать тѣхъ животныхъ, которыя дѣлали видъ, что хотѣли убѣжать или вообще подозрѣвались въ этомъ намѣреніи; а тѣ всадники, которые были съ лассо, скакали во весь карьеръ, поодаль, особенно на задахъ стада, или, согнувшись надъ лукою сѣдла, неистово размахивая своимъ длиннымъ арканомъ надъ головою, поджавъ ноги съ огромными шпорами, которыя какъ звѣзды блистали мгновеньями подъ ударомъ солнечнаго луча, бросались въ сторону, въ степь, за непокорнымъ быкомъ, который, улучивъ минуту, вдругъ, тоже стремглавъ, отдѣлялся отъ стада и бросался въ степь наутекъ. Ловкій гаучосъ настигалъ его на всемъ скаку и съ непостижимою вѣрностью удара и изяществомъ бросалъ ему на рога свою петлю или свои три шара по заднимъ его ногамъ; смущенный и озадаченный быкъ бросался въ сторону, всадникъ въ другую, лассо, какъ струна, натягивалось между животнымъ и сѣдломъ всадника, и большею частью быкъ кубаремъ летѣлъ на землю, задравъ кверху неистово барахтавшіяся ноги. Гаучосъ безстрашно подскакивалъ къ освирѣпѣвшему, но сконфуженному животному, подымалъ пикой его на ноги и гналъ его передъ собою, или, давъ

шпоры лошади, бросался впередъ, таща за собою за рога на длинномъ лассо упирающагося быка.

Иной разъ гаучосъ въ погонѣ за особенно смѣлымъ и быстроногимъ животнымъ исчезалъ изъ виду въ утреннемъ туманѣ и возвращался къ стаду часъ или полтора спустя.

Часа три я любовался этимъ удалымъ, захватывающимъ душу искусствомъ загонять стадо въ кораль и пожалѣлъ, когда эта операція кончилась,—такая это живая, полная энергіи и разнообразія картина. Все стадо было загнано благополучно, одинъ только быкъ изъ четырехсотъ, ускользнувъ отъ гаучосовъ, пропалъ въ степи и убѣжалъ такъ далеко, что не стопло уже за нимъ гоняться; но его найдутъ послѣ и пріобщатъ къ другому стаду.

Только часамъ къ десяти загнали все это стадо въ кораль. Кораль—это единственная, если можно такъ выразиться, постройка для скота около дома эстансіи; это просто кругъ, огороженный крѣпкими кольями толщиною въ 10—15 сантиметровъ, вышиною аршина въ два, связанными между собою желѣзною проволокою,—вотъ и все. Незатѣйливо, но большаго и не требуется при хозяйствѣ около стада въ 3.500 головъ быковъ и лошадей. Кругъ этотъ служитъ только для того, чтобы загонять въ него скотъ, назначенный на убой или къ отправкѣ къ берегу моря.

Когда эта операція была окончена, мы пошли завтракать, и съ нами три главныхъ гаучоса приказчика, изъ которыхъ одинъ былъ покупщикъ, пріѣхавшій за купленнымъ скотомъ, а другой, принадлежащій къ эстансіи. Оба они говорили по-португальски, но португальской крови текло въ нихъ, вѣроятно, очень мало. Приказчикъ эстансіи между своими предками считалъ, вѣроятно, нѣсколько негровъ, а другой, пріѣзжій, съ широкимъ лицомъ бронзоваго цвѣта, съ такимъ же ртомъ, открывавшимъ рядъ плотныхъ, бѣлыхъ, хищныхъ зубовъ, съ длинными, узкими глазами, съ длинными же черными, плоскими волосами и съ рѣдкою бородкой клиномъ, конечно, принадлежалъ болѣе къ индѣйскому племени, чѣмъ къ португальскому. Оба въ коричневыхъ пончо, украшенныхъ каймою огромныхъ розъ по краямъ, въ широкихъ поясахъ, за которыми торчали длинные ножи въ простыхъ кожаныхъ ножнахъ, въ высокихъ сапогахъ съ монументальными шпорами. Третій, старшій неонъ эстансіи, напротивъ, стройный, высокій, гибкій юноша, снявшій свое пончо и оставшійся въ рубашкѣ, очень сильно изорванной, юноша съ очень граціозными манерами, съ небольшими черными усиками и большими глазами, смотрѣлъ скорѣе какимъ-то переодѣтымъ денди, изображающимъ оборванца на салонномъ представленіи оперы. Онъ, видимо, былъ чистокровный испанецъ.

Несмотря на это смѣшеніе расъ и дикость ихъ ремесла и внѣшняго

вида, всѣ эти донъ-Хозе, донъ-Альваресъ, донъ-Карменъ отличались самыми изящными манерами, даже изысканною вѣжливостью. Послѣ обыкновенныхъ представленій, какъ въ лучшемъ салонѣ, и дружескихъ рукопожатій, и прежде чѣмъ приняться за завтракъ, мы сѣли въ ближайшей къ столовой комнатѣ для того, чтобы выпить «мате», парагвайскаго чая. Пьютъ его въ степи такъ: изъ особенной породы маленькой тыквы выдѣлывается продолговатая чашка, съ довольно узкимъ отверстіемъ вверху, въ нее насыпается порошокъ мате почти доверху и наливается кипящая вода, а чтобы вода эта попала въ ротъ, впускается въ отверстіе трубочка, на концѣ которой придѣлана шарообразная сѣточка изъ тонкой серебряной проволоки или просто изъ волоконъ тонкаго гибкаго тростника, смотря по богатству и положенію хозяина. Эта сѣтка опускается въ траву, заваренную кипяткомъ, а другой конецъ трубочки берутъ въ губы и сосутъ—сѣтка мѣшаетъ порошку пробираться въ ротъ вмѣстѣ съ водою и засаривать трубочку. Трубочка называется бомбилья, и по ней весь инструментъ носитъ то же названіе. Манера пить мате здѣсь отличается, впрочемъ, отъ степной: намъ подали каждому по бомбильѣ, а мнѣ подали чашку не изъ тыквы, а изъ серебра, какъ почетному гостю, чему я, впрочемъ, не обрадовался, такъ какъ чуть не обжегъ о нее своихъ пальцевъ. Мате прежде всего нужно было для этихъ донъ-Хозе и Альвареса, чтобы возстановить ихъ послѣ столь труднаго и долгаго моціона, продолжавшагося цѣлую ночь и все утро: мате и согрѣваетъ, и ободряетъ. Я впослѣдствіи узналъ цѣну этому драгоцѣнному въ степи напитку, къ вкусу котораго сначала довольно трудно привыкнуть, но къ которому человѣкъ скоро пристращается, какъ къ табаку, до невозможности обойтись безъ него.

Послѣ завтрака, состоявшаго главнымъ образомъ изъ жаренаго на разный манеръ мяса и бобовъ съ типично бразильской приправой муки изъ маніока вмѣсто хлѣба, почтенный хозяинъ повелъ меня показывать свою «эстансію», т.-е. усадьбу.

Эстансія имѣетъ низкій, длинный фасадъ, чисто выбѣленный известью; высокая крыша изъ пальмовыхъ почернѣвшихъ дранокъ, привезенныхъ изъ недалекихъ горныхъ лѣсовъ; внизу длинная веранда съ далеко выдающимся навѣсомъ и съ тщательно вымощеннымъ плитами сѣраго камня поломъ. Широкая дверь посрединѣ ведетъ въ большія сѣни или переднюю, изъ которой противоположная дверь выходитъ во дворъ; двери по обѣимъ сторонамъ передней ведутъ въ рядъ комнатъ, направо и налѣво. Дворъ тоже обнесенъ галлереей или верандой. Передняя часть зданія заключаетъ въ себѣ помѣщеніе хозяевъ; оно выстроено изъ кирпича, на каменномъ фундаментѣ, имѣетъ въ одномъ концѣ даже и часовню. Къ этому главному строенію примыкаетъ

постройка изъ необожженнаго кирпича, тоже выбѣленная, но кажущаяся сѣрой или пестрой, потому что неровная поверхность черныхъ и постоянно осыпающихся и отъ вѣтра, и отъ дождей кирпичей не позволяетъ краскѣ держаться сплошною массою. Это—жилье для слугъ, амбары, магазины и т. д.; наружу никакого выхода; всѣ двери во дворъ, и оконъ не полагается; подъ навѣсомъ сплошной рядъ узкихъ, неплотно сколоченныхъ дверей; комнаты, въ которыя онѣ ведутъ, не соединяются между собою. Съ одной стороны живутъ семьи вольныхъ гаучо, смотрящихъ за скотомъ, въ каждой комнатѣ по одной семьѣ, а напротивъ—помѣщеніе для рабовъ: тутъ вперемежку живетъ по нѣсколько семей въ одной комнатѣ. Общій дворъ, впрочемъ, соединяетъ эти два населенія въ общую семью. Когда мы туда вошли, куча ребятишекъ обоихъ половъ и всевозможныхъ цвѣтовъ: красные, сѣрые, бѣлые, черные, коричневые, всѣ почти совсѣмъ голые, весело и дружелюбно копошились или бѣгали въ пыли. Женщины, тоже всѣхъ цвѣтовъ, большею частью сидѣли вокругъ двора подъ верандою, занимаясь шитьемъ, или шелушили бобы и кукурузу: негритянки и вообще рабыни, хотя и болѣе свѣтлыхъ цвѣтовъ, въ рубашкахъ изъ полосатаго, бѣлаго съ синимъ, грубаго бумажнаго холста и въ темно-синихъ юбкахъ и, конечно, босыя; жены гаучосовъ въ пестрѣйшихъ ситцевыхъ платьяхъ, засаленныхъ и надѣтыхъ прямо на тѣло, безъ бѣлья. Рабы дальше дома не ходятъ — они служатъ въ домѣ при хозяевахъ или копаютъ землю на огородѣ около строенія. Съ рабствомъ не вяжется вольная жизнь пеона гаучоса, который цѣлый день и ночь живетъ въ степи между скотомъ, спитъ въ шалашѣ въ часѣ или двухъ разстоянія отъ дома, куда является только, чтобы захватить себѣ ѣду да повидаться съ женой.

Съ одной стороны дома пристроенъ еще маленькій не то домикъ, не то сарайчикъ; это лавочка, и лавочка довольно обширная. Кругомъ, по всѣмъ стѣнамъ, тянутся полки, разгороженныя на клѣтки, и въ нихъ всякая всячина: гвозди, шпоры, сѣдельныя принадлежности, ременныя и другія веревки, а рядомъ пестрый ситецъ, коленкоръ, якобы голландскій или мѣстный сыръ колонистовъ, бѣлый, похожій не то на простое мыло, не то на куски известковаго камня; но больше всего табаку—и въ листьяхъ, и крошеный, и въ сигарахъ, и въ бочонкахъ, а главное водка; зато и запахъ табаку и водки стоитъ густою атмосферою въ этой сторонѣ усадьбы. Прилавокъ, а за нимъ негръ въ синихъ изорванныхъ штанахъ, исполняющій должность приказчика. Когда мы прошли въ лавочку, всѣ гаучосы, которые утромъ гарцовали вокругъ стада и были такъ живописны, стояли около прилавка или сидѣли вокругъ по скамьямъ, тоже въ живописныхъ ухарскихъ позахъ, и пили изъ толстыхъ стаканчиковъ убійственную, вонючую, желтую спиртуозную жидкость, которая называется въ Бразиліи «кашаса». Сегодня, такъ

какъ къ вечеру предстоитъ вывести стадо изъ кораля и гнать его дальше, продажу водки хозяинъ запретилъ, а самъ уже на свой счетъ угощаетъ ею даромъ, но не въ такомъ количествѣ, чтобы гаучосы опьянѣли. Этотъ день—исключеніе, но когда дѣла нѣтъ или оно не столь важно, гаучосы могутъ свободно пропивать и проигрывать въ карты въ этой лавочкѣ все, что зарабатываютъ, возвращая такимъ образомъ обратно въ карманъ хозяину плату, которую отъ него получаютъ за службу. Лавочка эта составляетъ вообще одну изъ хорошихъ доходныхъ статей хозяйства.

Съ другой, сѣверной, стороны, немного защищенной строеніемъ отъ свирѣпаго южнаго вѣтра памперо, разбитъ садикъ съ цвѣтами и посажено нѣсколько деревьевъ: ивы и эвкалиптусъ для украшенія и персики и груши для пользы; но все это растетъ плохо и тщедушно, и растетъ еще благодаря тому, что рядомъ течетъ маленькая степная рѣчонка, пробирающаяся по плоскому руслу, заросшему веселою миніатюрною зеленью, такъ что вода близко, рабовъ много, и поливать можно вдоволь. Эта рѣчка составляетъ счастливое удобство для усадьбы, очень нерѣдкое въ здѣшней провинціи, но очень рѣдкое дальше, въ глубокой степи. Вѣтеръ мѣшаетъ деревьямъ расти; процвѣтаетъ, какъ и во всей Южной Америкѣ, только кактусъ, прямой, наподобіе канделябръ, съ толстыми мохнатыми сучьями; здѣсь, за рѣкою, начинается тоже и царство этого кактуса вмѣстѣ съ царствомъ быковъ и лошадей. Около стѣны постройки и дальше по лицевой верандѣ однако очень пышно разросся виноградъ вперемежку съ другимъ ползучимъ растеніемъ, которое въ Бразиліи роскошно украшаетъ дома и заборы своею темною густою зеленью и бархатными красными цвѣтами въ видѣ стаканчиковъ. Дальше садика тянется огородъ, воздѣлываемый рабами, гдѣ больше всего кукурузы и бобовъ разныхъ породъ. Бразильскаго банана уже нѣтъ, хотя еще торчатъ нѣсколько невысокихъ, но уже тщедушныхъ пальмъ, которыя не гнутся, какъ другія деревья, подъ вліяніемъ памперо.

Подъ вечеръ со скотомъ началась другая операція: выводъ стада изъ кораля и отправленіе его въ путь. Эта операція представляла гораздо менѣе трудностей. Быки успокоились за цѣлый день стоянки въ тѣсномъ коралѣ безъ пищи и воды подъ жгучими лучами солнца. Пикадоры, т.-е. всадники, вооруженные длинными пиками, стали въ два ряда у выхода изъ кораля, а поодаль кругомъ гаучосы съ арканами. Пѣшіе погонщики (пеоны) за оградой поощряли осторожно быковъ двигаться и выходить на волю въ отверстіе, освобожденное отъ двухъ горизонтально положенныхъ бревенъ, которыя его запирали, — воротъ здѣсь не полагается. Интересенъ общій въ пампѣ пріемъ какъ для передвиженія стада по степи, такъ и на бойняхъ, для введенія этихъ ди-

кихъ быковъ въ замкнутыя пространства на убой; одни люди съ ними не сладили бы, и они призываютъ себѣ на помощь сообщника изъ ихъ же рогатой породы. Приручается для этого быкъ, особенно зарекомендовавшій себя благонравіемъ, и приручается до того, что онъ дѣлается послушнымъ даже голосу человѣка.

Быка этого, чтобы вывести стадо изъ кораля, спокойно и мирно ставятъ у входа; какъ только загораживавшія его перекладины сняты и стадо поднято на ноги, быкъ мѣрно и тихо идетъ между двумя рядами пикадоровъ, и, соблазненные его спокойною и увѣренною походкой, принимая этого выдрессированнаго вожатаго за товарища, остальные быки одинъ за другимъ, сначала нерѣшительно, а затѣмъ уже массой, въ силу своего стаднаго инстинкта, слѣдуютъ за нимъ, а пикадоры стоятъ по сторонамъ, чтобы загораживать имъ дорогу съ боковъ, готовые водворить въ строй ударами пики перваго быка фантазера, который вздумалъ бы воспользоваться просторомъ, чтобы снова убѣжать въ степь. Такіе же дрессированные быки употребляются на бойняхъ, чтобы вводить своихъ дикихъ товарищей въ тотъ роковой узкій проходъ, въ концѣ котораго имъ предстоитъ быть убитыми. Очень характерно техническое названіе этихъ быковъ: ихъ зовутъ «измѣнникъ». Подлая роль, но благодаря ей быкъ живетъ до старости и хорошо ѣстъ.

Такимъ образомъ въ полночь стадо, предводимое измѣнникомъ, вышло изъ кораля. Только нѣсколько быковъ получили удары пикъ въ бока, и послѣ минутнаго замѣшательства все приходило въ порядокъ. Тотчасъ же вся эта масса потянулась на югъ, къ роковому для нея городу Пелотасъ. Оставшіеся при гаціендѣ гаучосы, провожавшіе съ версту своихъ собратовъ, уходившихъ въ путь со стадомъ, простившись съ ними энергическими пожатіями рукъ, шагомъ возвращались назадъ; ревъ и мычаніе стада, удалявшагося въ степь, все болѣе и болѣе стихали въ обычной тишинѣ степи, какъ и его масса стушевывалась въ туманѣ легкой пыли, окрашиваемой оранжевыми лучами заходящаго солнца. День прошелъ, гаціенда погружалась въ обычный миръ, на дворѣ рабы собрались уже, чтобы похлебать вечернюю похлебку изъ бобовъ, и то дребезжащими, то визгливыми голосами пѣли «Аве Марія», а мы съ хозяиномъ, которому проходящіе рабы цѣловали руку, отправились тоже въ комнаты, гдѣ и насъ ждалъ ужинъ. Послѣ «Аве Марія» на дворѣ слышна была еще перекличка рабовъ, которую дѣлалъ имъ ихъ же собратъ-староста или управляющій изъ негровъ, затѣмъ все утихло. Рабовъ послѣ переклички и похлебки заперли на ключъ; семейства гаучосовъ еще сидѣли на порогахъ своихъ дверей и тихо болтали при свѣтѣ однѣхъ только звѣздъ; но уже носилась тихая, невозмутимая ночь степи, тишину которой какъ бы подчеркивало по временамъ далекое унылое мычаніе какого-нибудь быка или писк какой-

нибудь птицы. Пріятно, какъ-то особенно разслабляюще дѣйствовала на меня эта широкая и тихая степь послѣ толкотни на пароходахъ, тряски на желѣзной дорогѣ и мѣстныхъ экипажахъ, тѣмъ болѣе, что какъ только сѣло солнце, жаръ вдругъ превратился почти въ холодъ и неудержимая дрожь пробѣгала по всему тѣлу, несмотря на толстый пледъ, которымъ я себя укуталъ, такъ что за ужиномъ я уже сильно зѣвалъ. Хозяинъ, замѣтивъ это, скоро отпустилъ меня спать, тѣмъ болѣе, что на утро надобно было встать очень рано, чтобы поспѣть на ближайшую станцію къ отходу поѣзда.

По желѣзной дорогѣ въ Бразиліи.

(А. Іонина.)

Городокъ Паранагва, довольно значительный портъ Бразиліи, служащій выходомъ къ морю провинціи Параны, расположенъ по берегамъ краснваго и просторнаго залива. Послѣ Ріо-Жанейро это самая красивая часть бразильскаго берега. Непрерывный прибрежный хребетъ достигаетъ здѣсь самой большой своей высоты. Рядъ величественныхъ скалъ огибаетъ заливъ, который самыми капризными бухточками и извилинами проникаетъ всюду въ ущелья между гранитными утесами, образуя то рѣчки, то озера,—словомъ, цѣлый лабиринтъ проходовъ и закоулковъ. Растительность здѣсь еще пышнѣе и гуще, чѣмъ даже около Ріо-Жанейро, потому что никогда человѣческая рука до нея не дотрогивалась. Культура почти незамѣтна, только тамъ и сямъ, среди густого лѣса, мелькаютъ бѣленькіе домики фермъ или маленькихъ фазендъ, но ихъ очень немного.

Красивый, маленькій и чистенькій городокъ Паранагва, спускающійся къ морю по уступамъ гранитнаго отрога, образующаго далеко выдающійся мысъ, кажется какимъ-то страннымъ явленіемъ на фонѣ этой первобытной, дѣвственной природы; но еще болѣе страннымъ явленіемъ кажется желѣзная дорога, которая изъ этого городка проникаетъ тотчасъ же въ чащу переплетеннаго ліанами лѣса и, карабкаясь по скаламъ и стремнинамъ, чрезъ пропасти и водопады лѣзетъ въ гору, на самую высоту хребта.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Паранагва былъ еще меньше, почти село, существовавшее передачей на суда скудныхъ товаровъ, которые доставляла ему едва начинающая только оживляться провинція. Постройка желѣзной дороги его оживила и подняла, и чистенькіе, опрятные домики, по бразильскому обычаю окрашенные въ разныя нѣжныя краски, обставили двѣ-три весьма приличныя улицы, обсаженныя уже великолѣпными королевскими пальмами, самыми стройными и прямыми изъ всѣхъ существующихъ пальмъ, достигающими въ высоту до 30

метровъ. Эти пальмы съ прямыми, какъ стрѣла, стволами, точно точеными и покрытыми лакомъ, съ темно-зелеными густыми и правильными букетами вѣтвей наверху, очень любимыя бразильцами, завезены сюда съ вестъ-индскихъ острововъ. Всѣ города прежде всего, какъ только мѣстечко начинаетъ богатѣть, стараются обсадить свои улицы этими декоративными деревьями или устроить аллеи изъ нихъ въ своихъ публичныхъ садахъ, при чемъ идеалъ подобныхъ аллей находится въ ботаническомъ саду Ріо-Жанейро. Эти пальмы имѣютъ только одинъ недостатокъ: онѣ слишкомъ правильны и симметричны. Бразильскія площади, уставленныя этими пальмами, напоминаютъ дѣтскіе игрушечные сады съ ихъ деревцами изъ жести и крашенаго пера.

До сихъ поръ кругомъ города Паранагва культуры не было никакой. Это низменная болотистая мѣстность, заключенная между большими горами и потому нездоровая.

Первый участокъ дороги отъ Паранагва до селенія Моретесъ, около 40 километровъ, неинтересенъ: ни одного жилья, по обѣимъ сторонамъ дороги однообразно тянется высокій, густо переплетенный кустарникъ на тощей болотистой почвѣ. Подъ тропиками на низменныхъ мѣстахъ около моря большой лѣсъ не растетъ.

Моретесъ—маленькое село, стоитъ у подножія хребта и прежде служило мѣстомъ отдыха для муловъ, которые спускались изъ Коретибы или отправлялись туда. Кромѣ желѣзнодорожныхъ построекъ, тамъ и теперь ничего интереснаго нѣтъ, но тотчасъ же послѣ Моретесъ мы начинаемъ понемногу приходить въ удивленіе, которое все болѣе и болѣе смѣняется восторгомъ.

Поѣздъ начинаетъ подниматься и тотчасъ, выйдя изъ селенія, погружается въ настоящій тропическій лѣсъ, слѣдуя по берегу извилистаго ручья, состоящаго изъ непрерывныхъ каскадовъ, шумно стремящихся между яркою и разноцвѣтною растительностью. Внизу, вокругъ стволовъ сплошною и сочною массою покрываютъ землю большіе кусты антурія и музъ, огромные листья которыхъ почти касаются до колесъ нашего поѣзда, а между ними пестрый коверъ колеусовъ, кротоновъ, бегоній. Изъ этого мохнатаго ковра по обѣимъ сторонамъ подымаются сплошныя колоннады прямыхъ стволовъ деревьевъ, иногда залѣпленныхъ сплошь цѣлымъ міромъ эпифитовъ, цвѣтущими орхидеями, бромеліями, кактусами или густою бахромою пестрыхъ папоротниковъ. Деревья сверху распускаютъ цѣлые шатры густой листвы, держащейся на прихотливо искривленныхъ сучьяхъ; спускаются внизъ или перебрасываются съ дерева на дерево роскошныя гирлянды ползучихъ растеній, съ богатыми листьями, какъ филодендроны, а ліаны эти тоже усѣяны въ свою очередь міріадами маленькихъ эпифитовъ. По всему этому темному фону блеститъ, какъ кружево, безконечная сѣть дру-

гихъ, тонкихъ какъ нитки, ліанъ. Эти ліаны то, какъ туго натянутыя веревки, иногда скрутившіяся по двѣ и по три вмѣстѣ, какъ снасти корабля, идутъ отъ верхнихъ сучьевъ, прикрѣпляя дерево къ землѣ, точно мачту, то въ горизонтальномъ направленіи перевязываютъ эти деревья между собою, и на нитках ихъ качаются длинныя сѣдыя бороды тропическихъ лишайниковъ. Тамъ и сямъ тонкія, высокія, гибкія пальмы вырѣзываютъ свои золотисто-зеленые легкіе букеты на общемъ тяжеломъ фонѣ или древесные папоротники распускаютъ изящные зонтики своихъ серебристыхъ, узорчатыхъ, кудрявыхъ, какъ страусовыя перья, вѣтвей.

Чѣмъ выше подымается желѣзная дорога, тѣмъ крупнѣе и выше становится лѣсъ, могущественнѣе оказываются стволы деревьевъ и тѣмъ прихотливѣе наверху этихъ стволовъ дѣлаются капризныя развѣтвленія ихъ сучьевъ, которые тамъ и сямъ, точно сводъ высокаго туннеля, сходятся надъ поѣздомъ.

Дорога, подымаясь сначала отлого по берегу ручья въ чащѣ лѣса, оставляетъ скоро этотъ ручей глубоко подъ собой внизу, такъ что его уже не видно и слышенъ только его шумъ. Она круто начинаетъ тогда влѣзать по карнизамъ отвѣстныхъ гранитныхъ скалъ, которыя подымаются съ лѣвой стороны отъ насъ на югъ гигантскою стѣной. Наконецъ, около половины пути и съ сѣверной стороны лѣсъ уходитъ совсѣмъ внизъ, и намъ открывается широкій и разнообразный видъ. Кругомъ амфитеатромъ на большомъ разстояніи подымаются горы, а внизу, какъ на днѣ огромной чаши, равнина, изрытая во всѣхъ направленіяхъ прихотливыми узорами залива, далеко врѣзавшагося въ землю и развѣтвляющагося на безконечное множество маленькихъ затоновъ. Эти затоны, точно маленькія голубыя, свѣтлыя озерки, мелькаютъ между темныхъ скалъ, отброшенныхъ черпымъ хребтомъ въ долину, или между холмами, покрытыми тяжелымъ лѣсомъ. Лѣсъ, всюду лѣсъ. Его неровная поверхность представляетъ точно волнующееся зеленое море. Только въ концѣ самаго далекаго, врѣзавшагося въ материкъ залива бѣлѣютъ домики городка «Антонина», который прежде соперничалъ съ портомъ Паранагва, какъ вывозной пунктъ для торговли провинціи, а теперь обреченъ, вѣроятно, на гибель. Это море лѣса, какъ неумолимая стихія, вѣроятно, скоро затопитъ городокъ, боровшійся такъ долго съ его волнами.

Эта первая половина дороги не представляетъ особенныхъ интересныхъ техническихъ работъ, исключая только карниза, прорубленнаго въ скалѣ по скату хребта,—карниза, висящаго иногда надъ пропастью, взглядъ въ которую кружитъ голову. Поѣздъ, слѣдуя по этому карнизу, долженъ однако часто проноситься по мостикамъ черезъ пропасти, образуемыя расщелинами хребта, въ чёрной глубинѣ которыхъ прыгаютъ

по камнямъ и падаютъ стремглавъ тонкіе водопады, вырывающіеся точно изъ облаковъ, ютящихся по вершинамъ горъ.

На серединѣ подъема уступъ хребта, по берегу котораго мы ѣдемъ, образуетъ небольшую площадку и на ней построена маленькая станція. Отсюда-то и представляется во всемъ ея величіи картина, видъ которой я описалъ, такъ какъ площадка выдается мысомъ и виситъ надъ глубокою пропастью, съ трехъ сторонъ не загороженная лѣсомъ, а лѣсъ здѣсь достигаетъ самыхъ могучихъ размѣровъ. Такъ какъ вокругъ площадки онъ отчасти вырубленъ и оставлены только самыя большія деревья, съ которыми справиться было трудно, то по величинѣ этихъ деревьевъ можно судить о составныхъ частяхъ лѣса. Эти гиганты поражаютъ европейцевъ такъ же, какъ, напримѣръ, при первомъ взглядѣ куполъ Св. Петра въ Римѣ; кажется въ нихъ что-то такое несообразное съ природою, за которой мы не подозрѣваемъ у себя дома такой силы.

Тотчасъ же послѣ этой площадки горы обрываются отвѣсно, и съ нихъ стремглавъ течетъ Rio St. Juao, вырывая широкую и глубокую щель, черезъ которую дорога должна была перешагнуть. Віадукъ черезъ это ущелье величественъ и дѣйствительно дѣлаетъ честь инженерному искусству. Все ущелье подъ мостомъ заросло дѣвственнымъ лѣсомъ, совершенно заслоняющимъ своими могучими вѣтвями рѣку, которая съ шумомъ и грохотомъ рвется на днѣ его сквозь камни и скалы.

Дорога за этимъ ущельемъ становится все смѣлѣе и смѣлѣе. Скоро проѣзжаемъ мы Pico de Deablo (Дьявольскую гору), которая уступами вырывается изъ хребта, образуя отвѣсъ на нѣсколько тысячъ футовъ, и черезъ которую пробитъ туннель. Затѣмъ, по отвѣсной длинной гранитной стѣнѣ мы ѣдемъ по чугунному балкону, который надъ пропастью вдѣланъ въ эту стѣну—поѣздъ точно чудомъ виситъ надъ пространствомъ.

На этой половинѣ дороги маленькіе віадуки, туннели и мостики безъ конца; поѣздъ точно прыгаетъ съ одной скалы на другую и, наконецъ, достигаетъ вершины хребта, послѣдняго мостика надъ щелью, изъ которой отвѣснымъ каскадомъ выливается рѣка St. Juao. Каскадъ такъ близокъ къ дорогѣ, что воду его можно почти достать рукою съ мостика, и природа кругомъ, кажется, точно постаралась здѣсь подъ конецъ собрать всю свою тропическую прелесть.

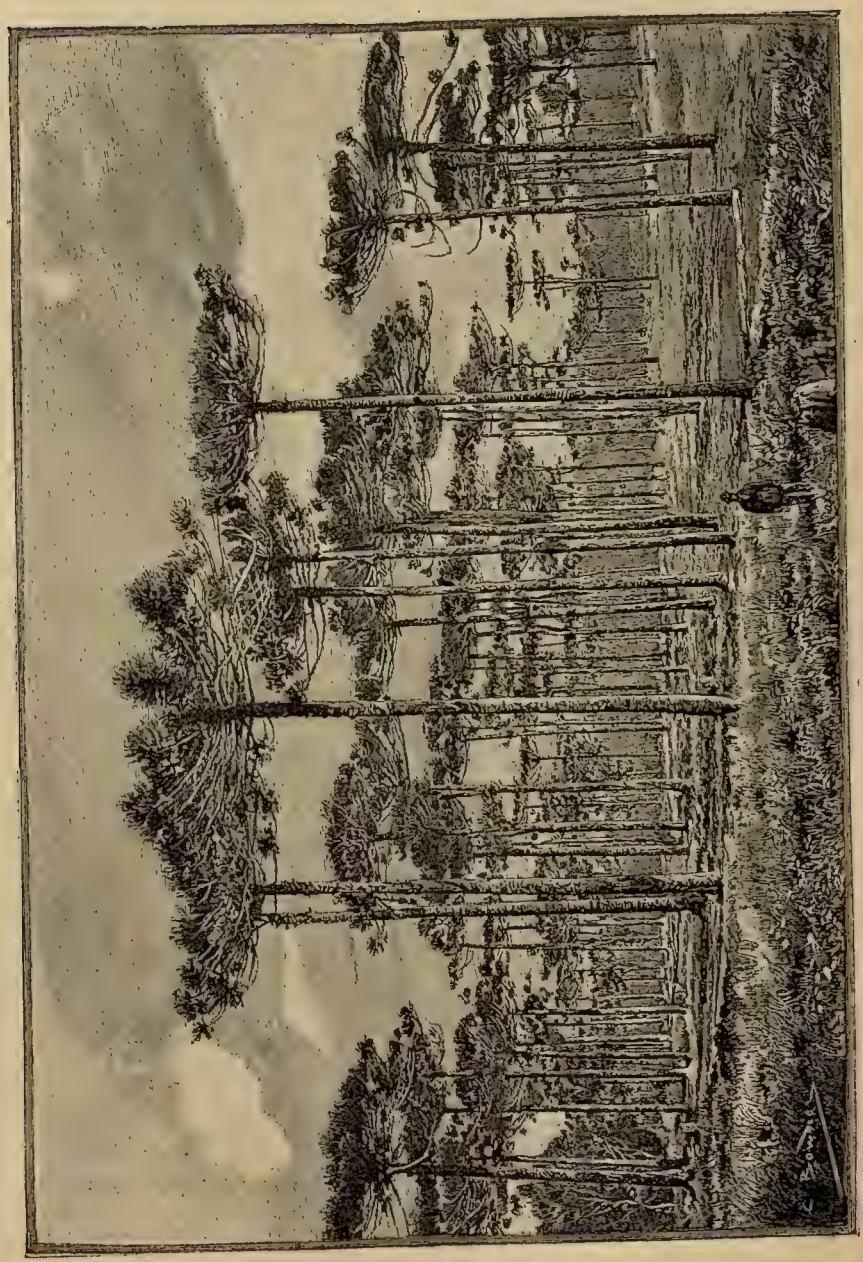
Послѣ этого мостика поѣздъ тотчасъ очутился на перевалѣ, и тутъ нашимъ взорамъ представилось дѣйствительно единственное зрѣлище. Мы вышли изъ ущелій горъ, горизонтъ расширился, и съ обѣихъ сторонъ пути мы могли видѣть довольно длинный и узкій гребень хребта, по крайней мѣрѣ верстъ на 10 или 15. Это водораздѣлъ. На востокѣ горы, по которымъ мы поднялись, круто опускаются къ морю, и вода

сбѣгаетъ по нимъ каскадами; на западъ земля полога и, едва замѣтно спускаясь, образуетъ плоскость чуть-чуть холмистую. Высота здѣсь 1050 метровъ надъ моремъ. Вода на этой плоскости течетъ плавно и не торопясь въ далекое русло Параны, чтобы, сдѣлавъ огромный оборотъ, снова вернуться въ тотъ Атлантическій океанъ, въ виду котораго она здѣсь вытекаетъ на Божій свѣтъ.

Но не одну воду раздѣляетъ этотъ хребетъ: онъ какъ ножомъ обрѣзываетъ тропическую растительность. На самомъ гребнѣ хребта, безъ всякаго перерыва, безъ малѣйшей прогалины или просвѣта, раздѣляются два лѣса, двѣ природы, совершенно другъ на друга непохожія.

Тропическій непроницаемый лѣсъ со своими эпифитами и ліанами карабкается отъ моря до самаго гребня и подъ конецъ переходитъ въ сплошной лѣсъ однѣхъ только пальмъ. Вдругъ пальмовый лѣсъ прекращается, точно натыкается на лѣсъ араукарій, т.-е. на лѣсъ бразильскихъ сосенъ: сталкиваются эти два лѣса такъ, что ни одна араукарія не забѣжала за восточный склонъ, не затерялась между пальмами, и ни одна пальма не забѣжала въ лѣсъ араукарій, а между тѣмъ пустого пространства между ними нѣтъ. Точно двѣ арміи одинаковой силы столкнулись и остановились вдругъ, не вступая въ рукопашную. Это одинъ изъ самыхъ поразительныхъ, наглядныхъ примѣровъ дѣйствія различныхъ слоевъ воздуха, какой гдѣ-либо можно встрѣтить. При переходѣ черезъ Кордильеры путешественника тоже поражаетъ измѣненіе природы по двумъ склонамъ этихъ гигантскихъ горъ, но тамъ это впечатлѣніе не такъ поразительно: нужно нѣсколько дней, чтобы пройти по плоской возвышенности хребта; двѣ различныя природы другъ друга не касаются, а тутъ это безъ всякаго перехода. Дѣйствіе пропитаннаго парами горячаго воздуха Атлантическаго океана точно обрѣзывается гребнемъ горъ и останавливаетъ неудержимую растительность тропиковъ съ ея безконечнымъ разнообразіемъ. Съ другой стороны вѣетъ сухой воздухъ степей огромной южно-американской равнины, и однообразный лѣсъ хвойныхъ породъ завоевываетъ землю—эпифиты, папоротники, ліаны, все это исчезло!

Разстояніе отъ моря до гребня 86 верстъ; поѣздъ, переваливъ черезъ него, уже идетъ по плоскому пространству, тоже черезъ дѣвственный лѣсъ, но это лѣсъ араукарій. Не знаю, что можетъ болѣе восхитить и что красивѣе—тотъ лѣсъ, изъ котораго мы пріѣхали, или этотъ, ибо это совершенно два различныхъ впечатлѣнія, но одинаково грандіозныхъ. Араукаріи—это прямые, какъ стрѣлы, стволы, какъ королевскія пальмы, отъ одного до полутора метровъ въ діаметрѣ и высотой до 35 метровъ; на высотѣ ихъ полукруглые сучья поразительной правильности, какъ подсвѣчники канделябръ, подымаются правильными дугами



Лѣсъ араукарій.

вверхъ и напоминаютъ собою форму вазы на длинной, длинной ножкѣ. Этотъ вѣнецъ дерева шириною въ діаметрѣ до 15 и болѣе метровъ. Растутъ деревья не тѣсно, не мѣшая другъ другу, и соприкасаются между собою только вверху своими вѣтвями, такъ что лѣсъ этотъ кажется безконечной колоннадой, покрытой плоскимъ потолкомъ, правильнымъ, какъ архитектурная затѣя, очень темно-зеленаго, почти чернаго цвѣта. Между этимъ потолкомъ и землею много свѣта и воздуха, а внизу ярко-зеленая травка, скромная, какъ садовый газонъ, и большею частью никакой другой растительности. Притомъ лѣсъ араукарій не сплошной—часто онъ разступается и являются большія пустыя пространства, напоминающія наши поляны или луга. Тамъ и сямъ онъ заросъ другими породами кустарника или малорослыхъ деревьевъ, особенно по берегамъ ручьевъ, и между этими малорослыми деревьями особенно замѣчательны деревья парагвайскаго чая, т.-е. замѣчательны не своею красотой, а тою пользой, которую они приносятъ. Это дерево, называемое здѣсь mate, съ бѣлесоватымъ стволомъ и съ хрупкими глянцевитыми, темно-зелеными листьями, съ сучьями неправильными и негустыми, изъ породы Ilex, т.-е. сродни нашему дубу, составляетъ главный источникъ богатства провинціи Парана и, далѣе ея, всѣхъ плоскихъ возвышенностей по верховьямъ рѣки Параны и ея сѣверныхъ притоковъ. Европейцы прежде всего познакомились съ нимъ въ Парагваѣ и потому назвали парагвайскимъ чаемъ, ибо листья его употребляются такъ же, какъ и листья чая.

Мате собираютъ, обрубая тонкія вѣтки совсѣмъ съ листьями, сносятъ ихъ въ маленькія поселенія, а оттуда гаучосы и отчасти европейцы свозятъ его въ городъ на арбахъ, запряженныхъ волами. Въ городѣ нѣсколько фабрикантовъ скупаютъ продуктъ и фабрикуютъ изъ него тотъ порошокъ, который потомъ подъ именемъ парагвайскаго чая вывозится за границу. Фабрикація этого чая вовсе не такъ сложна, какъ китайскаго, напротивъ, совершенно проста, хотя тоже требуетъ нѣкоторой сноровки; надобно, чтобы порошокъ не былъ ни слишкомъ мелокъ, ни слишкомъ крупенъ и чтобы количество древеснаго вещества, происходящаго отъ раздробленныхъ стеблей самыхъ вѣтокъ, находилось въ немъ именно въ опредѣленной дозѣ. Фабрики большею частью ручныя или конныя. Листъ и стебли сушатъ на медленномъ огнѣ, затѣмъ растираютъ отдѣльно, а потомъ мѣшаютъ въ извѣстной пропорціи—вотъ и все. Упаковываютъ порошокъ въ пачки, какъ фунты нашего чая, и вывозятъ.

Еще около 25 верстъ поѣздъ шелъ по этому ровному пространству, то среди лѣса араукарій, то по открытымъ лугамъ, то между кустарниками по берегамъ свѣтлыхъ и тихо журчащихъ ручьевъ, о которыхъ и думать забудешь, проживая долго на скатахъ горъ къ Атлантическо-

му океану, гдѣ всѣ рѣки—каскады. Мы приближались къ городу Коретиба, столицѣ провинціи, стоящей среди плоской равнины съ широкимъ, какъ въ Россіи, горизонтомъ, который тамъ и сямъ пріятно разнообразятъ то отдѣльные граціозные, тонкіе силуэты араукаріи, то группы этихъ деревьевъ, не заслоняющія однако свѣта и горизонта. Воздухъ такъ же измѣнился, какъ и природа. Изъ душной бани или оранжереи мы попали въ свѣтлое, прозрачное, веселое пространство и, несмотря на лучи солнца, которые здѣсь все-таки сильны, особенно въ мартѣ мѣсяцѣ, пахнуло какою-то свѣжестью, легкія обрадовались знакомому европейскому вѣтерку, какъ празднику. Возвышенность относительно небольшая, всего 3.500 футовъ, а между тѣмъ какая разница!

Мнѣ много приходилось видѣть поразительныхъ, величественныхъ и красивыхъ видовъ во время долгаго странствованія по Южной Америкѣ; я, наконецъ, ѣхалъ и теперь изъ Ріо-Жанейро, бухта котораго безспорно составляетъ одну изъ знаменитѣйшихъ картинъ земного шара, но дорога изъ Паранагвы въ Коретибу оставила во мнѣ одно изъ самыхъ неизгладимыхъ впечатлѣній. Виды на этомъ пути по своему разнообразію и величію могутъ соперничать съ какимъ угодно знаменитымъ пейзажемъ; тутъ и на маломъ пространствѣ можно видѣть все разнообразіе жизни этого материка, чуть не всю Америку, особенно если изъ Коретибы проникнуть дальше въ степи.

Сама Коретиба—городъ совершенно новый, имѣющій до 10 тысячъ жителей.

Если бы въ Россіи строились новые города и если бы въ Россіи было меньше грязи, пыли или навоза, если бы при въѣздѣ въ уѣздный городъ не охватывало у насъ свѣжаго человѣка специфическимъ запахомъ дегтя и сырой мочалы, то Коретиба напоминала бы русскій городъ. Широкія, немощеныя улицы, дома въ видѣ прямолинейныхъ коробокъ среди обширныхъ пустырей, обнесенныхъ деревянными заборами, дома, выстроенные какъ попало: одинъ большой, рядомъ маленькая коробочка, а кругомъ города выгоны, покрытые мелкою травой, а тамъ степь съ ея букетами араукаріи, въ увеличительномъ видѣ напоминающими сосновые лѣсочки. Нельзя себѣ представить, какъ отдыхаютъ здѣсь взоръ и легкія сѣвернаго человѣка, проживающаго долго среди тропической подавляющей, удушливой природы и вѣчной влаги оранжерейнаго воздуха. Кажется свѣтло, свѣжо, несмотря еще на почти отвѣсные лучи солнца, а главное—просторно: волнистая горная возвышенность, похожая на нашу равнину, горизонтъ почти безъ конца, только тамъ далеко, на сѣверѣ, самые возвышенные кряжи прибрежнаго хребта кажутся синеватыми холмами.

Дома, если большіе, то въ два этажа, съ огромнымъ количествомъ

оконъ, большею частью бѣлые, но двери и окна обведены разноцвѣтными полосами, большею частью зелеными и желтыми—національные цвѣта Бразиліи. Въ бразильской архитектурѣ любятъ пестроту красокъ, что замѣняетъ полное отсутствіе архитектурныхъ затѣй и линій. Я думаю, что бразильцы совершенно правы, ибо краски и позолота разнообразятъ эти квадратики или продолговатые ящики, изъ которыхъ состоятъ улицы бразильскихъ городовъ. Маленькіе домики съ одною дверью и окномъ, въ одинъ этажъ выстраиваются вплотную, рядомъ другъ около друга подъ одну крышу. Это жилище бѣднаго люда. Они состоятъ изъ единственной комнаты съ поломъ, не возвышающимся надъ уровнемъ улицы, и съ единственнымъ выходомъ, который ведетъ прямо на улицу. Несмотря на это обстоятельство, вездѣ кажется чисто и опрятно.

Нѣсколько длинныхъ, широкихъ улицъ, перекрещивающихся между собой подъ прямымъ угломъ, составляютъ городъ и посрединѣ ихъ широкая площадь, еще не выровненная, на которой возвышается домъ президента и присутственныхъ мѣстъ, а также церковь, тоже безъ архитектуры—большой бѣлый параллелограмъ съ гладкими стѣнами и съ колокольнею въ томъ же стилѣ.

Коретиба, кромѣ архитектуры своихъ строеній, въ которыхъ преобладаетъ еще незатѣйливый купеческій португальскій вкусъ, уже не напоминаетъ собою настоящей, т.-е. тропической, Бразиліи—это уже переходъ къ пампѣ, къ другой, вольной жизни. Негровъ уже почти нѣтъ; нѣтъ по угламъ толстыхъ и безобразныхъ старыхъ негритянокъ съ ихъ лотками, съ разными диковинными, но мало съѣдобными для европейца фруктами или съ пирогами изъ маньоки, зажаренными въ пальмовомъ маслѣ. По улицамъ уже прогуливаются быки и быстрою иноходью шныряютъ всадники въ коричневыхъ пончо съ широчайшими пляпами. Типы людей другіе. Негро-бразильскій типъ теряется почти среди новыхъ элементовъ. Пріѣхавшіе издалека, можетъ быть съ береговъ Параны или Уругвая, и пригнавшіе сюда быковъ или вьюки съ листьями мате всадники—большею частью темно-корчневаго цвѣта, который свидѣтельствуетъ о ихъ очень близкомъ родствѣ съ индѣйцами—мѣшаются съ разнообразными, большею частью бѣлокурыми типами Европы, свидѣтельствующими, что Коретиба окружена колонистами. Тамъ и сямъ видны уже арбы, похожія на цѣлые дома на двухъ огромныхъ колесахъ,—арбы, которыя лѣниво и мѣрно тянутъ три или четыре пары быковъ, запряженныхъ гуськомъ, а часто и телѣги.

Среди индѣйцевъ Центральной Бразиліи.

(К. фонъ-Штейнена.)

11-го августа послѣ обѣда мы снова тронулись въ путь вдоль береговъ одной изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Хингу. Вскорѣ, къ нашему радостному изумленію, мы замѣтили на лѣвомъ берегу челнокъ индѣйцевъ. Нѣсколько ниже этого мѣста рѣка образовала прекрасный водопадъ, ниспадавшій двумя уступами. Мы однако мало обратили на него вниманія, и всѣ мысли сосредоточились на томъ, гдѣ же скрываются индѣйцы. Мы собрались всѣ вмѣстѣ, оставили трехъ людей для охраны лодки и двинулись далѣе съ оружіемъ въ рукахъ. Хорошо утоптанная тропинка вела въ глубь лѣса; на корѣ одного дерева, мимо котораго мы проходили, были вырѣзаны грубыя очертанія мужчины и женщины вполовину естественной величины.

Тихо шли мы черезъ лѣсъ; скоро узкая тропинка кончилась, и мы вышли на прогалину. Точно обломанныя колонны стояли тутъ еще дымившіе и чадившіе пни, а между ними, на землѣ, валялись, обугленные стволы и сучья. Очевидно, мы находились на мѣстѣ, гдѣ индѣйцы собирались устроить плантацію или поле и съ этою цѣлью жгли лѣсъ. Но сколько мы ни осматривались, кругомъ не видно было ни души. Запрогалиной снова потянулась лѣсная тропинка.

«Бэйжусъ!» (пироги) восклицаетъ вдругъ кто-то подавленнымъ голосомъ и съ торжественнымъ видомъ указываетъ на остатки пищи, валявшіеся на землѣ. «У нихъ есть пироги», шепчетъ каждый своему сосѣду. Вотъ у дерева прислонена, вся украшенная перьями, стрѣла. Мы стали серьезнѣе, и даже негры, обыкновенно начинающіе въ минуту испуга ободрять себя болтовнею, безмолвно шагаютъ впередъ. Тамъ и тутъ виднѣются маленькіе костры, горящіе или потухшіе. Мы идемъ уже три четверти часа. Но вотъ опять показалась новая поляна, тутъ же раскинулась хорошенькая рощица пальмъ бакаюра, приносящихъ орѣхи; на землѣ валяются просыпанныя маисовыя зерна; опять небольшой участокъ лѣса, и, наконецъ, идущій впереди проводникъ восклицаетъ: «дома!» Три хижины, напоминающія своею формой пчелиный улей, открываются нашимъ взорамъ. Въ ближайшей хижинѣ низенькая дверь открыта; чрезъ нее мы можемъ различить внутри хижины нѣсколько головъ. Молодой, совершенно голый и хорошо сложенный индѣецъ выступаетъ впередъ, затворяетъ за собою дверь и идетъ намъ навстрѣчу, держа въ рукѣ длинную стрѣлу безъ острія. Я поручаю нашему проводнику, Антоніо, передать ему привѣтствіе по-бакаирски. «Ксулино!» кричитъ Антоніо, и индѣецъ отвѣчаетъ ему по-бакаирски. Затѣмъ онъ подошелъ къ Антоніо, и они обнялись.

Насъ ввели въ самую маленькую изъ трехъ хижинъ, и мы сѣли

на лежавшее у порога дерево. Двѣ балки поддерживали соломенную крышу; вверху онѣ были украшены вѣнцомъ изъ перьевъ попугая, а внизу обвиты гирляндами сухой травы. Нѣсколько красивыхъ стрѣлъ торчали въ стѣнахъ. Эти бакаири еще никогда не видали бѣлыхъ людей.

Мы не могли долго оставаться въ хижинѣ. Когда мы вышли изъ хижины, около нея собрались индѣйцы, среди которыхъ было двѣ женщины; одна изъ нихъ, уже немолодая и некрасивая, со спутанными волосами, озабоченно суетилась около насъ. Треугольный соломенно-желтый лоскутокъ, укрѣпленный на ниткѣ, обвивавшей бока, составлялъ всю ея скудную одежду. У встрѣтившаго насъ индѣйца, взявшаго на себя обязанность проводника, на тѣлѣ было три шнура, на которыхъ были нанизаны поперемѣнно соломинки и черныя зерна; въ каждомъ ухѣ у него было воткнуто по два желтыхъ пера, а на ногахъ, выше лодыжекъ, была надѣта повязка изъ лубка. Волосы его отливали темно-розовымъ цвѣтомъ, а макушка была выбрита, какъ у католическихъ священниковъ. Къ этой толпѣ скоро прибавилось еще новое лицо: индѣецъ средняго роста, съ тонкимъ носомъ съ горбинкою, съ тѣломъ, выкрашеннымъ густою красною краскою, только что вернувшійся съ охоты. Онъ боязливо приблизился къ намъ, согнувшись и бормоча что-то не то про себя, не то обращаясь къ намъ. Мы прозвали его «профессоромъ» за тотъ въ высшей степени достойный видъ, съ которымъ онъ внимательно осматривалъ каждый предметъ.

Поданные въ большомъ количествѣ «бэйжусъ» (пироги), такъ же какъ и «пувасъ», т.-е. куски сушеной маніоки, по своей твердости похожіе на кирпичи, не мало способствовали праздничному настроенію; кромѣ того, каждому подносили отдѣльно въ большихъ раковинахъ напитокъ, называемый здѣсь «мингаусъ». Нельзя сказать, чтобы индѣйцы выказали большое удивленіе при видѣ многихъ неизвѣстныхъ для нихъ вещей. Бѣлый цвѣтъ кожи и борода мало привлекали ихъ вниманіе; правда, они любовались одеждою, пожами, биноклями, но совсѣмъ какъ дѣти, уже не впервые получающія подарки къ Рождеству. Зато выстрѣлы внушили имъ необыкновенный ужасъ. Женщины убѣгали, мужчины дрожали, а потомъ смущенно смѣялись, вторя нашему смѣху, и упрашивали насъ не повторять представленія своими «ала, ала», т.-е. «довольно». «Профессоръ» былъ такъ сильно испуганъ появленіемъ никогда невиданныхъ имъ собакъ, что тотчасъ же проявилъ сильнѣйшее желаніе застрѣлить ихъ.

На другой день бакаири отдали намъ визитъ съ женами и дѣтьми. При этомъ они принесли съ собой много пироговъ. Очень скоро между нашими людьми и ими установился дѣятельный обмѣнъ вещами; наши люди вымѣнивали себѣ стрѣлы, перья или же «пувасъ», отдавая вза-

мѣнъ ихъ пуговицы и разорванное платье. Пуговицы были у индѣйцевъ въ большомъ почетѣ, и они нанизывали ихъ себѣ на поясной шнурокъ. Особенно же привлекали нашихъ гостей ножи, тарелки и ложки. Одна изъ пришедшихъ женщинъ, самая старшая въ племени, бѣгала съ дѣловымъ видомъ взадъ и впередъ и съ видимымъ волненіемъ оглядывала воровскими взглядами одинъ котелъ. Ей все-таки удалось стащить одну ложку и цинковую тарелку, которыя она поспѣшно унесла въ находившійся близъ дороги шалашъ и опять вернулась за новой добычей.

Бакаири.

Въ полдень я съ проводникомъ отправился въ одно поселеніе, находившееся неподалеку отъ того, гдѣ мы остановились. Мы устроились совершенно по-домашнему въ одной изъ хижинъ и чувствовали себя наединѣ съ этимъ невиннымъ народцемъ какъ пельзя быть лучше. Къ вечеру, когда насъ начали безпокоить москиты, мы отправились обратно; на этотъ разъ мы прошли черезъ воздѣланное поле. На краю горизонта синѣлъ темный лѣсъ, за которымъ садилось ярко-красное солнце. Вернувшись, мы нашли у хижинъ толпу индѣйцевъ. Они примѣряли наши платья и, казалось, были въ большомъ смущеніи. Имъ настоятельно нужна была наша помощь; они пробовали одѣвать панталоны, не только обматывая ихъ вокругъ ногъ, но и стараясь натянуть ихъ на руки, а ноги хотѣли всунуть въ рукава рубашки. Одинъ, нарядив-

шійся въ сюртукъ, никакъ не могъ его снять. Большое впечатлѣніе произвели на нихъ ножницы. Главное орудіе этихъ индѣйцевъ составляетъ каменный топоръ, представляющій хорошо отточенный камень, вдѣланный въ деревянную ручку: имъ они рубятъ деревья, обтесываютъ столбы и т. п. Другимъ матеріаломъ для ихъ орудій служатъ кости, зубы и раковины. Они принесли намъ въ хижину огня и удалились, самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣвъ наши свѣчи. Но потомъ они опять приходили то одинъ, то другой, прося насъ снять съ нихъ сюртуки и брюки. Одинъ молодой индѣецъ пришелъ и жаловался, указывая на грудь: «тукъ, тукъ, тукъ». У него было сердцебіеніе. Я далъ ему порошокъ и ожидалъ, что онъ откажется отъ лѣкарства. Однако онъ выпилъ всю смѣсь, хотя и очень медленно и боязливо, послѣ того какъ я ободрилъ его, похлопывая по плечу. Затѣмъ пришли новые посѣтители, съ вниманіемъ слушавшіе разсказъ о томъ, что тутъ произошло; всѣ они внимательно осматривали бумажку, въ которую былъ завернутъ порошокъ. Цѣлительное же дѣйствіе лѣкарства, которое скоро почувствовалъ больной, они очевидно приписали водѣ, которую я налилъ въ лѣкарство.

На слѣдующій день мы посѣтили домъ «профессора». Благодаря довольно скудному освѣщенію, проникавшему внутрь хижины, можно было различить только нѣсколько отвѣсныхъ и горизонтальныхъ столбовъ и коричневыя занавѣски. Старуха и другая женщина помоложе сидѣли на полу, усердно скобля раковиной маніоку. Хижины всѣхъ индѣйцевъ устроены по одному типу: въ центрѣ находится свободное мѣсто, посрединѣ котораго устроенъ простой очагъ изъ трехъ или четырехъ камней; на этомъ очагѣ готовится пища. Кругомъ идутъ столбы, между которыми повѣшены занавѣски, такъ что образуются отдѣльныя комнаты. Потолокъ весь черный отъ копоти. Тутъ же находится и вся незатѣйливая утварь: большіе глиняные сосуды, въ которые ссыпается мука, и совершенно плоскія глиняныя же блюда, на которыхъ пекутся пироги. Глина, изъ которой сдѣланы сосуды,—темно-коричневаго цвѣта, и приготовляются они женщинами ручнымъ способомъ. Тутъ же находятся низенькія четырехугольныя скамеечки для сидѣнья изъ темно-коричневаго пальмоваго дерева. Въ стѣнахъ торчатъ воткнутые туда, имѣющіе всѣ одинаковую форму, толстые деревянные цилиндры, оканчивающіеся болѣе тонкой ручкой. Внизу стоятъ высокія корзины, наполняемыя мукой; снаружи онѣ обвиты коричневыми лубками, а внутри покрыты маисовыми листьями. Тутъ же и лопаточки для размазыванія маніоки. Наверху цѣлая масса запыленныхъ маисовыхъ початковъ. Съ потолка на длинныхъ нитяхъ свѣшиваются какія-то странныя куклы, сплетенныя изъ маисовыхъ листьевъ: онѣ въ видѣ большихъ птицъ, величиною съ
изъ маисовыхъ листьевъ: онѣ въ видѣ большихъ птицъ, величиною съ

индюка, съ далеко отставленными крыльями, сплетенными изъ одного листа, и съ ногами съ тремя пальцами изъ листьевъ, свернутыхъ въ трубочку; другія, похожія на человѣческія фигуры, съ головкой наверху, расходящіяся внизу узкими полосками. Есть тутъ и чашки, сдѣланныя изъ тыквы, и луки со стрѣлами. Стрѣлы имѣютъ простые деревянные или костяные наконечники; на концѣ древка прикрѣплены спиралью широкія перья. Тутъ же въ сложенныхъ наподобіе папокъ рогожкахъ хранятся связки перьевъ, разбросаны маленькія корзинки и сѣти съ веретенами, красками, костями, кореньями, раковинами и т. п. Занавѣски также украшены перьями или раковинами; нѣкоторыя изъ нихъ, сдѣланныя изъ черной и свѣтлой соломы, довольно красивы.

Одинъ изъ бакаири показалъ намъ способъ, какимъ они добываютъ огонь; для этого они берутъ двѣ длинныя, тонкія палочки сухого дерева; въ одной изъ нихъ сдѣлана зарубка; одинъ индѣецъ придерживаетъ эту палочку, прижимая ее къ землѣ двумя другими палочками, а другой въ то же время быстро вертитъ обѣими руками вторую палку въ зарубкѣ первой. Получившаяся отъ тренія пыль начинаетъ тлѣть.

Посѣщенное нами племя, повидимому, мало заботилось объ украшеніи своего тѣла. Волосы у женщинъ были неправильно обрѣзаны и только за ушами падали до плечъ; лобъ былъ почти совсѣмъ закрытъ. У одной молодой женщины, видѣнной нами, они были выкрашены густою красною краской. Украшеній онѣ не носятъ, и только на одной старухѣ былъ надѣтъ шнурокъ, спускавшійся съ лѣваго плеча и проходившій подъ правою рукой. Она нанизала на него три пуговицы, которыя отрѣзала у нашихъ панталонъ. Ноздри у мужчинъ не были проколоты, между тѣмъ какъ въ другихъ посѣщенныхъ нами племенахъ бакаири носили въ ноздряхъ цилиндрическія палочки; тѣло ихъ было пестро раскрашено, а голова украшена пестрыми перьями; всѣ волосы, за исключеніемъ волосъ на головѣ, бровей и рѣсницъ, были тщательно удалены.

У береговъ Бразиліи.

(А. Іонина.)

Полная тишина, какая бываетъ только подъ тропиками; теплый прозрачный паръ насыщаетъ воздухъ, дѣлая его похожимъ на воздухъ теплицы, гдѣ растутъ у насъ тропическія пальмы; бѣловатый туманъ разстилается по гладкой, какъ зеркало, тихо и сонно колеблющейся поверхности океана; лучи восходящаго солнца лѣниво скользятъ въ водѣ. Зеркало воды не блеститъ, не искрится. Океанъ тяжело дышитъ, и свѣтъ и тѣнь на его поверхности смѣняются широкими полосами; только изрѣдка золотая ниточка блеснетъ вдоль горизонта...

Вотъ впечатлѣніе тропическаго утра въ дождливое время года у береговъ Бразиліи, гдѣ вѣчно насыщенный парами воздухъ кладетъ свой тяжелый гнетъ на все: на воду, на роскошную сплошную массу растительности, на темно-красныя или сине-коричневыя гранитныя скалы берега, на самые лучи солнца. Къ полудню туманъ или растетъ подъ отвѣсными лучами солнца, или соберется въ массивные клубы облаковъ, сѣрыхъ, безжизненныхъ, неподвижныхъ, непроницаемыхъ; клубы эти сгустятся въ сплошную сѣрую массу, изъ которой польются на землю теплыя нити отвѣсно падающаго, мѣрнаго дождя.

Такимъ теплымъ тропическимъ утромъ чѣмъ свѣтъ нашъ пароходъ «Ла-Плата» бразильской компаніи, медленно поворачиваясь, обогнулъ природныя ворота бухты Ріо-Жанейро и направился на югъ. Слѣва безконечная матовая поверхность океана, а справа, менѣе чѣмъ въ верстѣ разстоянія, кругомъ совершенно пустынный берегъ: горы фантастическихъ формъ, то обрывистыя, остроконечныя, съ отвѣсными боками, то обрѣзанныя сверху, точно ножомъ, толпятся въ безпорядкѣ, то какъ бы толкая другъ друга, то раздвигаясь и образуя между собой извилистые ущелья и коридоры, гдѣ клубится или ползетъ по скаламъ бѣловато-сѣрый утренній туманъ, и все это сплошь, густо, непроницаемо заросло лѣсомъ.

Нѣтъ ничего поразительнѣе, величественнѣе, удивительнѣе вида горъ при входѣ въ бухту Ріо-Жанейро,—горъ, которыя дѣлаютъ изъ этой мѣстности, можетъ быть, самую великолѣпную и вмѣстѣ съ тѣмъ подавляющую картину, какая только можетъ встрѣтиться путешественнику по морямъ земного шара, и картина эта поражаетъ тѣмъ болѣе, что впечатлѣніе отъ нея ничуть непохоже на то, которое производятъ горы и ландшафты въ этомъ родѣ въ Старомъ Свѣтѣ, особенно въ Европѣ. Прихотливыя или суровыя линіи и краски европейскаго пейзажа даже среди мрачныхъ ущелій Альпъ или Кавказа какъ-то веселятъ, расширяютъ душу человѣка. Поражаясь громадой нагроможденныхъ другъ на друга альпійскихъ скалъ или прихотливыми и веселыми линіями разноцвѣтнаго итальянскаго пейзажа, вы чувствуете себя какъ бы раздѣльною частью природы, которая васъ заставляетъ улыбнуться или испугаться—все равно, вы ощущаете, что жизнь этой природы сродни вашей жизни. Даже если пугаетъ васъ эта природа, она васъ не давитъ, не гнететъ, не уничтожаетъ, а, напротивъ, вызываетъ въ васъ энергію. Вотъ это-то именно чувство гнета, уничтоженія ощущаетъ человѣкъ, особенно при первой встрѣчѣ съ тропическими берегами Бразиліи: здѣсь красота, разнообразіе красокъ и формъ поразительны, но это такъ нагромождено, такъ все тяжело-могуче, такъ преисполнено жизнью, что человѣкъ чувствуетъ себя подавленнымъ этой природой и, дивясь красотѣ и разнообразію цвѣтовъ, какъ-то съеживается душою.

Въ бухтѣ Ріо-Жанейро.

Я испыталъ это чувство, когда очутился у береговъ Бразиліи, у входа въ бухту Ріо-Жанейро, которая представляетъ собою самое характерное выраженіе бразильской природы. И послѣ я долго жилъ среди этой природы, долго странствовалъ по этимъ горамъ и лѣсамъ, которые до того безконечно разнообразны, что не отпускаютъ ни на минуту ни вниманія, ни любопытства, и все-таки не могъ отвязаться отъ этого чувства гнета, сопровождающаго здѣсь всякое впечатлѣніе, производимое красотою.

Берега Атлантическаго океана южной и средней Америки представляютъ, вѣроятно, самое огромное пространство въ свѣтѣ, покрытое сплошною массой непроходимой роскошной растительности, въ которой кишитъ и кипитъ такая же богатая животная жизнь. Самыя условія положенія Атлантическаго океана между тропиками способствуютъ такому пышному развитію органической жизни. Тепло тропическихъ лучей солнца еще увеличивается вліяніемъ теплаго экваторіальнаго теченія, идущаго къ берегамъ Бразиліи отъ береговъ Африки, а юго-восточный пассатъ, дующій съ океана, приноситъ съ собой огромное количество влаги. Можно себѣ представить, что отъ этого происходитъ на землѣ. На почвѣ болѣе или менѣе рыхлой трава, деревья, ліаны точно взапуски стараются перегнать другъ друга, тѣснясь, карабкаясь, неистово вытягиваясь вверхъ въ жадномъ стремленіи изъ душной тѣсноты и тьмы къ лучамъ солнца, при чемъ маленькія растенія бросаютъ землю, потому что въ погонѣ за свѣтомъ не могутъ соперничать съ большими, и, тоже тѣснясь и толкая другъ друга, вползаютъ на своихъ могучихъ сосѣдей, облѣпляя ихъ міріадами эпифитовъ. Но даже на такой почвѣ, которая при другихъ условіяхъ никакъ не могла бы дать пищи органической жизни, какъ, напримѣръ, гранитныя и порфировыя скалы, все почти покрыто сплошною массою растительности.

Такимъ образомъ взорамъ путешественника представляется сплошная масса зелени, карабкающейся до самыхъ вершинъ горнаго хребта, который непрерывною цѣпью, иногда удаляясь немного отъ моря, тянется по всему берегу Бразиліи, почти отъ экватора до Уругвая.

Во все время, пока огибаешь этотъ берегъ, ибо пароходъ почти всегда идетъ около самой земли, чувствуешь себя подъ впечатлѣніемъ и обаяніемъ этой тропической жизни. То вы видите на далекомъ пространствѣ стѣны крутыхъ, изрытыхъ ущельями гранитныхъ горъ, покрытыхъ внизу непроницаемою массой дѣвственнаго лиственнаго лѣса, то съ коричневымъ, то съ краснымъ оттѣнкомъ, изъ котораго густою толпой вырываются кверху, издали кажущіеся бѣлыми, тонкіе, стройные стволы тропическихъ гигантовъ съ ихъ правильными, какъ зонтикъ, шапками. То вдругъ отвѣсныя скалы темно-краснаго гранита поднимаются отдѣльно изъ этого моря зелени и тоже покрыты сверху донизу

гирляндами ліанъ или испещрены правильными, точно выточенными изъ дерева и разноцвѣтными букетами бромелій; то горы расходятся, и отлогія долины съ волнообразными холмами покрыты рощами пальмъ всевозможныхъ породъ; пальмы рисуются тонкими, изящными, то яркозелеными, то синевато-серебристыми силуэтами на густомъ, тяжеломъ фонѣ лиственнаго лѣса. То длинная песчаная отмель врѣзывается въ море, окаймленная гирляндою кокосовыхъ пальмъ съ ихъ извилистыми, перекрещенными другъ съ другомъ стволами, съ ихъ пучками вѣтокъ наверху, склоненными, кудрявыми, какъ страусово перо, шелестящими и дрожащими при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра. Отмель эта—солончакъ, не допускающій никакой другой растительности, и потому сквозь прозрачную чащу лѣса кокосовъ блеститъ клочокъ синей поверхности залива или неба. Эти лѣса кокосовыхъ пальмъ по берегамъ, особенно сѣверной Бразиліи, прелестны при ясномъ небѣ, особенно ближе къ экватору, гдѣ ясное небо можно видѣть очень часто—это точно затѣйливое кружево нѣжнаго серебристо-зеленаго цвѣта на темной и горячей лазури тропической атмосферы.

Зато вѣчно пересыщенный влагою, вѣчно разслабляюще-теплый воздухъ здѣсь весьма мало прозраченъ. Небо почти всегда покрыто облаками, рѣдко принимающими тѣ затѣйливыя формы, которыя намъ такъ знакомы на сѣверѣ и въ которыхъ такъ много фантастической жизни. Въ дождливое время года небо особенно безцвѣтно и мрачно, но и сухое время года сухо только относительно. Облака не такъ густы, но они постоянно покрываютъ небо. Море здѣсь, на которомъ бури очень рѣдки, переливаетъ только мертвою широкою зыбью, едва замѣтною для глаза и ощущаемою только на пароходѣ или кораблѣ, который плавно и лѣниво качается, даже и при мертвомъ штилѣ. Это море почти лишено красокъ.

Но бываетъ исключеніе—рѣдко оно, но бываетъ. Это однообразіе сырой скуки природа иногда вдругъ вздумаетъ нарушить, не знаю ужъ по какимъ причинамъ. Вдругъ облака исчезнутъ, и тогда красота тропическаго юга Бразиліи представляется въ неподражаемомъ широкомъ величіи. Небо дѣлается темно-голубое, тяжелое; лучи солнца, бѣлые, ослѣпительные, ударяя по поверхности моря, просто зажигаютъ его, и этотъ пожаръ рѣжетъ глазъ, какъ ножомъ, такъ что не знаешь, на что тяжелѣе смотрѣть: на самое солнце или на тѣ миріады солнцъ, которые лучи его зажигаютъ на морѣ. Вѣрно только то, что на это отраженіе глазу нельзя смотрѣть, какъ въ Европѣ: упрямый человѣкъ можетъ ослѣпнуть отъ такой шалости. Вокругъ этой полосы пожара океанъ дѣлается сизо-синимъ и мрачнымъ, у береговъ совсѣмъ чернымъ, а темный растительный коверъ этихъ береговъ разнообразится до невѣроятія красками, о которыхъ въ обыкновенные дни и не подозрѣваетъ

человѣкъ. Въ этихъ свѣтлыхъ, но рѣдкихъ дняхъ чувствуется какая-то титаническая сила свѣта и жизни. Я видѣлъ берега вѣчно сухой Америки у Тихаго океана: берегъ и море облиты вѣчнымъ, поражающимъ свѣтомъ, но нигдѣ этотъ постоянный свѣтъ не производитъ такого ошеломляющаго впечатлѣнія, какъ въ эти рѣдкіе дни по прибрежью тропической Бразиліи; нигдѣ синева неба не похожа такъ на какой-то раскаленный голубой металлъ, какъ здѣсь, нигдѣ не черно такъ море у береговъ. Но это рѣдкое исключеніе; обыкновенно же, если и нѣтъ облаковъ, то какая-то золотистая дымка заслоняетъ пейзажъ...

Горы, столпившіяся въ живописномъ безпорядкѣ вокругъ бухты Ріо-Жанейро (которая величиною превосходитъ Женевское озеро), представляютъ собою отдѣльную группу возвышеній, сзади которыхъ простирается довольно широкая долина рѣки Парахиба. Горы эти не такъ высоки; самыя высокія вершины ихъ едва достигаютъ 6000 футовъ, хотя онѣ кажутся мрачными и величественными, благодаря своимъ формамъ. Но сзади этой группы тянутся другія—длинный хребетъ, который на высотѣ Ріо-Жанейро отходитъ отъ моря, образуя почти полукругъ или отлогую дугу. Главный хребетъ этотъ тянется почти отъ Амазонки до Porto Allegro, т.-е. до 30° широты, и, приближаясь къ морю около 10-го градуса, образуетъ почти постоянный берегъ океана. Хребетъ этотъ болѣе однообразенъ и ровенъ, чѣмъ горы около Ріо-Жанейро, и, за нѣкоторыми исключеніями, спускается къ морю крутою сплошною стѣной. Его разнообразятъ только многочисленныя рытвины и ущелья, образуемыя потоками и рѣчками, которые, благодаря вѣчной сырости и густотѣ растительности, стекаютъ съ этихъ горъ въ большомъ количествѣ стремительными каскадами или разливаются у берега океана, гдѣ почва, уносимая ими, образуетъ часто отмели, озерки и живописныя, гостепріимныя для мореплавателей бухты. Бухты эти были бы еще гостепріимнѣе, если бы сзади ихъ не подымалась тотчасъ непроницаемая стѣна растительности, карабкающейся по отвѣснымъ скаламъ, и если бы въ этихъ сырыхъ ущельяхъ, которыя не продуваетъ никакой вѣтеръ, не скоплялись смертельные міазмы желтой горячки и другихъ лихорадокъ, часто еще болѣе страшныхъ.

Отъ Ріо-Жанейро на югъ до города Дестеро путешественникъ часто любуется съ парохода пейзажами этихъ бухтъ: особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи красота узкаго прохода между берегомъ и островомъ S. Sebastiao съ живописнымъ городомъ Villa Bella da Princessa. Островъ этотъ представляетъ высокій хребетъ, очень крутой и покрытый сплошь густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Могучіе и прямые, какъ стрѣла, стволы тропическихъ гигантовъ съ ихъ развѣсистыми зонтиками листвы карабкаются по скаламъ среди чащи тоненькихъ изящныхъ пальмъ, а въ ущельяхъ на протяженіи всего хребта, не бо-

лѣе 25 километровъ, летятъ съ самой высоты его въ стремнины, теряющіяся въ зелени, семь водопадовъ. Декорація эта великолѣпна и жива. У подножія скалъ водопады нанесли пологую, какъ бы скользящую въ море, узкую долину, которая, въ противоположность черной зелени заднаго плана, блеститъ на солнцѣ золотистою, яркою зеленью полей, засѣянныхъ сахарнымъ тростникомъ. То бѣлыя, то красныя хижины колонистовъ оживляютъ тамъ и сямъ пейзажъ, дѣлающійся совсѣмъ улыбающимся въ томъ мѣстѣ, гдѣ городокъ Villa Bella, на сѣверной оконечности острова, лежитъ живописно среди пальмъ и манговъ, по отброшеннымъ въ море глыбамъ гранита, образующимъ маленькую тихую бухту съ синею водой. Здѣсь мы уже не въ тропикахъ, и краски пейзажа гораздо ярче, хотя растительность все та же, что и подъ тропиками.

Я часто проѣзжалъ этотъ проливъ и всегда съ новымъ удовольствіемъ любовался этой неподражаемою картиной. Вѣчно тихое море въ проливѣ было причиной того, что здѣсь скучилось населеніе и низменныя мѣста острова сплошь покрыты воздѣланными полями, хотя напротивъ него отвѣсная стѣна горъ далеко и на сѣверъ и на югъ заслоняетъ отъ человѣка континентъ, какъ стѣна неприступной крѣпости. Такимъ образомъ островъ этотъ точно оазисъ въ степи между моремъ и землей, съ которой онъ можетъ сообщаться или у Ріо-Жанейро, или у города Сантоса. Все остальное пространство, болѣе чѣмъ въ четыреста верстъ, совершенно почти безлюдно. Тутъ вездѣ отвѣсныя горы не оставляютъ человѣку никакого горизонтальнаго пространства, на которомъ онъ могъ бы удержаться или разбить свое поле. Тамъ и сямъ только по нѣсколькимъ отмелямъ, образовавшимся отъ наносной земли, усѣлось нѣсколько фазендъ, плантацій сахарнаго тростника, обитатели которыхъ живутъ здѣсь на материкѣ тоже какъ на островахъ, сообщаясь съ остальнымъ свѣтомъ только на лодкахъ.

Въ экваторіальномъ лѣсу Бразиліи.

(Бэтса.)

Во время нашего пребыванія въ Парѣ мы давно искали случая проникнуть въ глубину роскошнаго лѣса, который, начинаясь прямо за городомъ, тянется далеко въ глубь страны; и въ одно ясное утро, въ 11 часовъ, собравъ необходимыя свѣдѣнія насчетъ дороги, отправились въ путь.

Выйдя изъ города, мы пошли по прямой возвышенной дорогѣ. По обѣимъ сторонамъ шла низкая болотистая почва, на которой однако же въ густой зелени были построены обширныя дачи. Миновавъ ихъ, мы пришли къ мѣсту, гдѣ въ разстояніи около 20 футовъ отъ края дороги

стѣной подымается лѣсъ футовъ во сто вышины. Стволы деревьевъ едва проглядывали сквозь густую зелень ползучихъ растеній, обвивавшихъ ихъ снизу доверху самыми яркими зелеными гирляндами: цвѣтовъ было очень мало, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ росъ одинокій страстецвѣтникъ, какъ яркая звѣзда на зеленомъ фонѣ. Низкая земля по краямъ лѣса и дороги была вся покрыта кустарникомъ, между которымъ было множество колючихъ мимозъ, застилавшихъ остальные кустарники. Другія маленькія мимозы лежали съ краю дороги и съеживались при легкомъ прикосновеніи ногой. Низкія деревья состояли большею частью изъ кассій съ ихъ красивыми желтыми цвѣтами и изящными перистыми листьями, а кругомъ болотистыхъ ямъ группами росли древесные ароиды. Неизвѣстныя яркоцвѣтныя бабочки порхали повсюду; однѣ всѣ сплошь оранжевыя или желтыя, другія черныя съ голубыми, красными и желтыми пятнами, съ чрезвычайно широко растянутыми крыльями, горизонтально плавали въ воздухѣ. Другихъ насѣкомыхъ, кромѣ бабочекъ, было немного, за исключеніемъ стрекозъ огненно-краснаго цвѣта.

Мы безпрестанно останавливались, чтобы любоваться природой. Лишь только дорога слегка возвышалась, почва и растительность тотчасъ же перемѣняли характеръ. Разстилавшаяся по землѣ растительность состояла изъ травъ, осоки и другихъ растеній съ листьями, болѣе узкими, сравнительно съ породами, растущими на сырой почвѣ. Деревья имѣли общій видъ лавровыхъ и другихъ вѣчно-зеленыхъ деревьевъ, съ лоснящимися темно-зелеными листьями. Нѣкоторыя были покрыты волосками и изящными жилками. Тамъ и сямъ были разбросаны деревья съ мелкими листьями, но они не измѣняли общаго характера растительности. Погода стояла чудесная, небо безоблачное. Солнце уже начинало сильно припекать, и мы шли медленно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ дней, какими всегда начинается сухое время года; отраженіе тепла отъ почвы было замѣтно по дрожанію воздуха надъ ней: не видать было и не слыхать птицъ и звѣрей, только нѣсколько коровъ изъ какой-то деревни стояли подъ большими тѣнистыми деревьями. Земля горѣла подъ нашими ногами, мы торопились къ лѣсу, который былъ у насъ въ виду. Наконецъ, мы вошли туда, и что было за наслажденіе! Тутъ мы пошли по довольно широкой тропинкѣ, надъ которой переплетались вѣтви деревьевъ и давали отрадную тѣнь. Вначалѣ лѣсъ былъ густъ и непроходимъ. Земля вмѣсто травы и кустарниковъ, какъ въ Европѣ, была покрыта плаунами и мхами, похожими на папоротникъ. Мало-по-малу картина измѣнилась. Съ возвышенной, сухой и песчаной мѣстности мы незамѣтно спустились на низкую, болотистую почву; здѣсь на насъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ и обдало запахомъ гніющихъ растеній. Теперь деревья стали подыматься выше, подлѣсокъ росъ ужъ не такъ

густо, и мы могли со всѣхъ сторонъ смотрѣть въ самую дремучую чащу первобытнаго лѣса. Густолиственныя верхушки деревьевъ, изъ которыхъ не увидишь рядомъ двухъ одинаковыхъ, сплелись густымъ сводомъ высоко надъ нами, будто еще новый лѣсъ; кое-гдѣ просвѣчивало ясное, голубое небо; и только въ этихъ просвѣтахъ мы могли различать очертанія листьевъ. Тутъ были и большіе, широкіе, ланчатые листья, похожіе на раскрытую ладонь, и тонкіе, перистые, подобно листьямъ мимозъ. Внизу стволы деревьевъ были связаны между собой обвивающими ихъ ползучими растеніями. Древесные гибкіе стебли вьющихся и ползучихъ деревьевъ поднимались до самыхъ вершинъ лѣса; то перевивались они наподобіе каната, то вдругъ какъ змѣи обвивали сучья, то висѣли петлями или свертывались спиралью и зигзагами бѣжали вверхъ на ужасную высоту.

Эти ползучія деревья не составляютъ отдѣльнаго семейства, но обстоятельства какъ бы вынудили нѣкоторые виды растеній ползать и виться. Попадался даже и видъ ползучихъ пальмъ, называемыхъ туземцами «хаситара». Ихъ стебли, тонкіе и гибкіе, обвивающіеся вокругъ непомѣрно высокихъ деревьевъ, снабжены толстыми колючками. Листья на длинныхъ промежуткахъ идутъ вдоль стеблей, а не соединяются въ густой пучокъ на верхушкѣ. Каждый листъ оканчивается нитью, на которой сидятъ длинныя загнутыя колючки. Такое расположеніе колючекъ отлично помогаетъ растенію цѣпляться, но зато сильно безпокоитъ пѣшехода, потому что, часто свѣшиваясь надъ тропинкой, онѣ стаскиваютъ съ головы шляпу и рвутъ одежду. Разнообразныя ползучія растенія американскихъ лѣсовъ интересны, если принять во вниманіе, что и у животныхъ этихъ лѣсовъ вообще замѣтна наклонность быть лазунами.

Многіе изъ древесныхъ ліанъ не принадлежатъ къ ползучимъ растеніямъ: это—воздушные корни эпифитныхъ растеній, которыя сидятъ на самыхъ толстыхъ вѣтвяхъ и оттуда свѣшиваются внизъ совершенно отвѣсно поодиночкѣ или цѣлыми группами; иныя не достигаютъ наполовину земли, другія же спускаются совсѣмъ донизу и пускаютъ въ землѣ корни.

Далѣе почва становится еще болотистѣе, такъ что мы могли съ трудомъ пробираться. Тутъ начали показываться дикіе бананы, и такъ какъ всѣ они росли массами, то картина получила здѣсь другой видъ. Листья этого великолѣпнаго растенія, формой похожіе на клинокъ шпаги, шириной въ 1 футъ и длиной въ 8 футовъ; они торчатъ вверхъ изъ верхушки ствола 5 или 6-ти футовъ вышины. Многочисленныя породы растеній съ листьями, похожими по виду на листья банана, только мелкіе, стлались по землѣ. Стволы деревьевъ были покрыты ползучими папоротниками; бамбуки и другіе высокіе тростники и травы перекре-

ципали дорогу. Видъ этой части лѣса былъ такъ необыкновененъ, что трудно его описать. Кто видѣлъ большую оранжерею пальмъ, пусть представитъ себѣ такую растительность, но на огромномъ болотистомъ пространствѣ, между огромными столѣтними деревьями, какъ наши дубы и вязы; деревья обвѣшаны ползучими и эпифитными растеніями, земля завалена гніющими стволами, вѣтвями и листьями. Все это среди влажной атмосферы освѣщено палящими вертикальными лучами солнца.

Тамъ, гдѣ земля болѣе возвышенна и волниста, разнообразныя болотистыя растенія съ ихъ длинными широкими листьями исчезаютъ; подлѣску меньше, хотя деревья растутъ дальше другъ отъ друга. Земля обыкновенно была устлана плаунами, но ее покрывали, кромѣ того, массы остатковъ растеній и толстый слой сухихъ листьевъ. Разные плоды валялись на землѣ; между ними было нѣсколько сортовъ бобовъ, попадались стручья длиною въ футъ, иные гладкіе и плоскіе, другіе твердые какъ камень. Въ одномъ мѣстѣ валялось множество большихъ пустыхъ чашекъ, которыя падаютъ съ дерева *сапукая*; эти чашки называются кубками обезьянъ и содержатъ орѣхи. На верхушкѣ чашки находится круглое отверстіе съ естественной, аккуратно подходящей къ нему крышкой. Когда орѣхи созрѣютъ, крышка эта отдѣляется и тяжелая чашка падаетъ съ шумомъ, а орѣхи разсыпаются по землѣ. Самое дерево—огромной высоты. Оно очень похоже на бразильское орѣховое дерево, сѣмена котораго также содержатся въ большихъ деревянистыхъ чашкахъ; но чашка послѣдняго не имѣетъ крышки и падаетъ на землю цѣльная. Поэтому одни орѣхи гораздо дороже другихъ; оба дерева одинаково плодоносны, но орѣхи сапукая, падая, разсыпаются и ихъ поѣдаютъ животныя, между тѣмъ какъ неразбивающіяся отъ паденія чашки бразильскихъ орѣховъ собираются туземцами.

Насъ всего болѣе поразила колоссальность деревьевъ; стволы вообще были не особенно толсты, но самая замѣчательная черта въ нихъ состоитъ не въ толщинѣ стволовъ, а въ томъ, что вѣтви у нихъ начинаются только на огромной высотѣ. Но эти великаны подымаются точно башни почти на версту другъ отъ друга. Только одинъ такой гигантъ можетъ жить на извѣстномъ пространствѣ земли; онъ исключительно завладѣваетъ цѣлымъ участкомъ, и только деревья, которыя гораздо ниже его, могутъ расти по сосѣдству. Цилиндрическіе стволы самыхъ большихъ деревьевъ обыкновенно имѣютъ около 20 или 25 футовъ въ окружности. Высота ихъ колоннообразныхъ стволовъ не меньше 100 футовъ отъ земли до первой вѣтви. Гдѣ стоитъ одно изъ такихъ деревьевъ, широкая куполообразная его вершина поднимается надъ другими деревьями, какъ каоедральный соборъ надъ другими зданіями въ городѣ.

Всего замѣчательнѣе, что вокругъ нижней части ствола этихъ де-

ревьевъ вырастаютъ отростки, такъ что они составляютъ какъ бы тонкія деревянныя перегородки, а пространство между ними образуетъ обширныя помѣщенія, наподобіе стойлъ въ конюшнѣ, куда могутъ войти до шести человѣкъ. Они очевидно необходимы деревьямъ какъ подпоры и свойственны всѣмъ видамъ большихъ деревьевъ. Характеръ ихъ и способъ образованія объясняются при наблюденіи молодыхъ деревьевъ разныхъ возрастовъ. Тогда видно, что это корни, поднявшіеся изъ земли; они постепенно растутъ все выше, потому что возрастающая вышина дерева требуетъ усиленія подпоръ. Ясно, что они служатъ подпорами массивнымъ вершинамъ и стволамъ деревьевъ въ этихъ густыхъ лѣсахъ, гдѣ корни не могутъ разрастаться въ землѣ въ стороны за многочисленностью другихъ вытѣсняющихъ растеній.

Самое замѣчательное изъ этихъ величественныхъ деревьевъ было *массарандуба*, или коровье дерево. Кора его даетъ большое количество молока, такого же вкуснаго, какъ коровье, а бревна идутъ на строевой лѣсъ и очень долго не гніютъ въ водѣ. Плоды его мы ѣли раньше въ Парѣ, гдѣ негритянки продаютъ ихъ на улицахъ. Это дерево—одинъ изъ самыхъ большихъ властелиновъ лѣса и отличается красной, шероховатой, съ глубокими трещинами корой. Отваръ коры употребляется для окраски матерій въ красный цвѣтъ.

Таковъ общій видъ растительности этихъ дремучихъ лѣсовъ; но гдѣ же цвѣты? Къ великому нашему огорченію, мы не видѣли ихъ, а если и попадались цвѣты, то очень незначительные. Орхидеи весьма рѣдки въ густыхъ лѣсахъ низкихъ мѣстъ, а у большей части лѣсныхъ деревьевъ въ экваторіальной Бразиліи маленькіе и не особенно красивые цвѣты. Въ лѣсахъ также рѣдки насѣкомыя, живущія на цвѣтахъ; и это весьма естественно, потому что тамъ нѣтъ ихъ любимой пищи; даже и въ тѣхъ мѣстахъ въ лѣсу, гдѣ попадались цвѣты, на нихъ видно было чрезвычайно мало насѣкомыхъ или вовсе ихъ не было. Лѣсныя пчелы Южной Америки большею частью кормятся не цвѣтами, а сладкимъ сокомъ, выдѣляющимся изъ деревьевъ, или пометомъ птицъ, который остается на листьяхъ. Мы не встрѣчали въ лѣсу также ни одного изъ большихъ животныхъ. Не было слышно оживленнаго движенія, шума, который бы показывалъ жизнь. Мы не слыхали и не видали по дорогѣ обезьянъ, не встрѣтили ни тапира, ни ягуара. Птицы были тоже очень рѣдки. Иногда слышался глубокій жалобный звукъ *инамбу*, птицы въ родѣ куропатки, а изъ открытыхъ мѣстъ по берегамъ ручейковъ раздавалось пѣніе другихъ птицъ, которыя, казалось, призывали другъ друга и летали парами по вершинамъ деревьевъ. Эти звуки разносились въ пустынномъ лѣсу. Какая-то одинокая птичка, вѣроятно принадлежащая къ роду дроздовъ, пѣла очень нѣжно и грустно; пѣсня ея состояла изъ однихъ плачевныхъ звуковъ, которые вначалѣ были громки и постепен-

по гармонически затихли. Всѣ эти птичьи звуки очень своеобразны и характеризуютъ лѣсъ.

Послѣ узналъ я, что сдѣланное мной, по первому впечатлѣнію, заключеніе о немногочисленности животныхъ въ амазонскихъ лѣсахъ было несправедливо. Здѣсь, напротивъ, водится множество млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся, но они разбросаны по огромному пространству лѣса и очень боятся человѣка. Страна эта такъ обширна, и лѣса, покрывающіе ея поверхность, такъ однообразны, что только черезъ большіе промежутки встрѣчается много животныхъ, если напасть на извѣстное мѣсто, которое почему бы то ни было привлекаетъ ихъ больше другихъ мѣстъ. Вообще же въ Бразиліи немного млекопитающихъ, живущихъ на землѣ, и виды ихъ небольшого размѣра, а потому они и не составляютъ отличительной черты этихъ лѣсовъ. Охотникъ не долженъ ожидать, что онъ встрѣтитъ здѣсь стада животныхъ. Самая большая и самая интересная часть бразильской фауны принадлежитъ къ древеснымъ родамъ. Изъ всѣхъ на свѣтѣ древесныхъ животныхъ самыя исключительно древесныя—это южно-американскія обезьяны; многія изъ нихъ имѣютъ какъ бы пятую руку въ своемъ цѣпкомъ хвостѣ, который сильно развитъ и имѣетъ голую площадку на концѣ, а потому очень помогаетъ имъ лазать.

Въ описаніяхъ путешествій мы много читали о безмолвіи и мракѣ бразильскихъ лѣсовъ, и въ самомъ дѣлѣ они таковы. Производимое ими впечатлѣніе становится все глубже по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ ними. Рѣдкіе, грустные и таинственные крики птицъ не оживляютъ лѣса и не веселятъ сердца, но какъ бы еще усиливаютъ окружающее безмолвіе. Вдругъ раздается среди тишины рѣзкій звукъ,—это отчаянный крикъ беззащитнаго травоядnаго въ когтяхъ тигровой кошки или въ объятіяхъ удава. По утрамъ и по вечерамъ страшные и жалобные вопли обезьянъ наводятъ невольную тоску. Грустное чувство, порождаемое дикою глушью, еще усиливается отъ этихъ страшныхъ звуковъ. Часто въ тихіе часы полудня раздается вдругъ глухой трескъ падающей вѣтки или цѣлаго дерева. Слышится здѣсь еще много другихъ звуковъ, не объяснимыхъ даже для туземцевъ. То раздается шумъ, похожій на глухіе удары желѣзной полосы о кору дуплистаго дерева, то какой-то непонятный крикъ разнесется вдругъ въ воздухѣ. Звуки эти не повторяются, и наступающее за ними безмолвіе еще болѣе усиливаетъ тяжелое впечатлѣніе. Туземцы увѣряютъ, что этотъ шумъ производитъ дикій лѣсной духъ Курупира. Курупира, по мнѣнію туземцевъ, есть таинственное существо, обладающее разнообразными качествами, смотря по мѣстности. Иные представляютъ его орангутангомъ, съ длинною и жесткою шерстью, который живетъ въ дуплахъ. Другіе говорятъ, что у него раздвоенныя копыта и ярко-красное лицо,

что онъ женатъ, имѣетъ дѣтей и бродитъ около домовъ или плантацій, чтобы красть маніоку. У меня былъ слуга, молодой туземецъ, который слѣпо вѣрилъ всѣмъ мѣстнымъ легендамъ. Онъ сопровождалъ меня въ лѣсъ, хотя одинъ ни за что не пошелъ бы туда, и когда раздавались эти страшные звуки, то онъ дрожалъ какъ листъ отъ страха и, присѣвъ на землю, умолялъ меня возвратиться. Страхъ его проходилъ только тогда, когда онъ дѣлалъ заклинанья для защиты себя отъ Курупира. Онъ бралъ свѣжій пальмовый листъ, свертывалъ его въ кольцо и вѣшалъ на вѣтку по дорогѣ.

Общій видъ такого лѣса почти не измѣняется круглый годъ, но самое лучшее время—послѣ періода дождей. Тогда въ раннюю пору небо постоянно безоблачно; слѣды сильной росы или дождя предыдущей ночи скоро исчезаютъ на зелени подъ яркимъ солнцемъ, которое поднимается прямо съ востока и чрезвычайно быстро достигаетъ зенита. Вся природа свѣжа, вездѣ распускаются почки и цвѣты. Иногда тамъ, гдѣ вечеромъ была одна однообразная масса зелени, на слѣдующее утро какъ бы волшебствомъ дерево красуется все въ цвѣтахъ. Птички просыпаются; изъ дикихъ фруктовыхъ деревьевъ слышатся пронзительные крики остроклювыхъ тукановъ или перцеядовъ. Небольшія стаи попугаевъ, рѣзко очерчиваясь на голубомъ сводѣ, летаютъ на большой высотѣ, всегда парами, и весело перекликаются.

Къ двумъ часамъ жара быстро усиливается, и тогда всѣ птицы и млекопитающія замолкаютъ; только отъ времени до времени слышится въ деревьяхъ пронзительный трескъ кобылокъ. Влажные и свѣжіе отъ утренней росы листья теперь опускаются и висятъ, съ цвѣтовъ опадаютъ лепестки.

Въ іюнѣ и іюлѣ обыкновенно почти каждый день около полудня идетъ проливной дождь, который очень освѣжаетъ воздухъ. Часовъ въ десять утра подымается свѣжій морской вѣтеръ; онъ крѣпчаетъ по мѣрѣ усиливающагося солнечнаго жара, затѣмъ ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ затихаетъ. Тогда жара и электрическое напряженіе атмосферы становятся почти невыносимы. Всѣ люди и лѣсныя животныя изнемогаютъ и томятся. Съ востока находятъ и собираются громады большихъ бѣлыхъ тучъ; нижнія окраины ихъ постепенно чернѣютъ. Горизонтъ на востокѣ почти вдругъ темнѣетъ, тучи заволакиваютъ все небо и, наконецъ, скрываютъ совершенно солнце. Тогда быстро пробѣгаетъ по лѣсу порывъ сильнаго вѣтра, наклоняя вершины деревьевъ, засверкаютъ яркія молніи, загремитъ громъ и, наконецъ, разражается ливень. Такія бури скоро проходятъ, но до ночи остаются на небѣ неподвижныя синевато-черныя тучи. Природа освѣжается, но подъ деревьями лежатъ цѣлыя груды сорванныхъ лепестковъ, цвѣтовъ и листьевъ. Къ вечеру все снова оживляется, въ кустарникахъ и де-

ревьяхъ слышится обычный шумъ. На слѣдующее утро солнце восходитъ на безоблачномъ небѣ, и такимъ образомъ въ тропикахъ въ одинъ день какъ бы совершаются три времени года: весна, лѣто и осень. Вообще въ этой странѣ всѣ дни похожи одинъ на другой. Между сухимъ и дождливымъ временемъ года не бываетъ большой разницы; обыкновенно и въ сухое время, продолжающееся отъ іюля до декабря, бываютъ проливные дожди, и въ сырое время, отъ января до іюня, перепадаютъ солнечные дни. Оттого періодическія жизненныя отправленія растеній и животныхъ не совершаются, какъ въ умѣренныхъ странахъ, одновременно у всѣхъ видовъ или у всѣхъ особей одного вида. Разумѣется, здѣсь нѣтъ зимней спячки, и такъ какъ сухое время не очень знойно, то не бываетъ и лѣтней спячки, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ тропическихъ странахъ. Не всѣ растенія распускаются и лишаются листьевъ въ одно время, какъ и не всѣ птицы линяютъ и высиживаютъ птенцовъ въ опредѣленное время года. Въ Европѣ лѣсъ измѣняется по четыремъ временамъ года, но подъ экваторомъ онъ остается всегда почти въ одномъ видѣ. Каждый день, безпрерывно, у однихъ видовъ распускаются листья и цвѣты, у другихъ зрѣютъ плоды или падаютъ листья. Дѣятельность птицъ и насѣкомыхъ продолжается безпрерывно. Времена года не слѣдуютъ одно за другимъ, не бываетъ по порядку весны, лѣта, осени, но каждый день соединяетъ въ себѣ всѣ три времени года. Какъ величественна въ своей простотѣ и полномъ равновѣсіи природа подъ экваторомъ, гдѣ день и ночь всегда равны, гдѣ атмосферныя перемѣны и волненія устанавливаются передъ каждымъ утромъ, гдѣ солнце доходитъ до зенита и температура, за исключеніемъ разности въ 2^0 и 3^0, почти одинакова цѣлый годъ!

По Амазонкѣ.

(Бэтса.)

Жители Бразиліи называютъ Амазонскую рѣку Средиземнымъ моремъ Южной Америки. Эта колоссальная рѣка заслуживаетъ такого прозванія не только по огромному протяженію главной рѣки и ея обширныхъ притоковъ, омывающихъ громадное пространство земли, но и по системѣ естественныхъ каналовъ, сообщающихся съ главной рѣкой узкими протоками, соединяющими цѣлые ряды озеръ въ 20, 30 и 50 верстъ длины. Вся Амазонская долина покрыта сѣтью судоходныхъ водъ, образующихъ не рѣку, а, лучше сказать, цѣлое внутреннее море прѣсной воды съ безконечными развѣтвленіями. Въ дельтѣ, образуемой сліяніемъ рѣкъ Пары и Амазонки, земля такъ ровна, что коротенькія мѣстныя рѣки не имѣютъ ни истоковъ, ни теченія внизъ, а подвержены правильному приливу и отливу вмѣстѣ съ моремъ. Туземцы называютъ

ихъ «игарапесы». Безчисленные игарапесы или протоки въ этой большой дельтѣ характеризуютъ страну. Земля здѣсь повсюду покрыта непроходимыми лѣсами; всѣ дома и деревни построены по берегамъ, и все сообщеніе производится по водѣ. Полуводяная жизнь здѣшнихъ жителей составляетъ отличительную черту этого края. Для рыбной ловли и коротенькихъ поѣздокъ употребляютъ особую маленькую лодку, называемую «монтарія». Она построена изъ пяти досокъ, дно сдѣлано изъ одной широкой доски, которую выгибаютъ посредствомъ дѣйствія тепла; бока состоятъ изъ двухъ узкихъ досокъ, а носъ и корма—изъ двухъ маленькихъ треугольныхъ дощечекъ. Руля нѣтъ, а правятъ и подвигаютъ впередъ лодку весломъ. Такая лодка замѣняетъ здѣсь лошадей, муловъ и верблюдовъ другихъ странъ.

Главные рукава рѣкъ разливаются здѣсь на громадную ширину. Ширина Пары при устьѣ достигаетъ 54 верстъ; Токантинсъ, третій по величинѣ притокъ Амазонки, при впаденіи въ Пару разливается на 67 верстъ. Берега по большей части чрезвычайно живописны. Прямо отъ воды подымается сплошная стѣна богатаго и разнообразнаго лѣса, какъ бы покоящагося на поверхности воды. Этотъ лѣсъ великолѣпно окаймляетъ водную поверхность. Большія закругленныя куполообразныя верхушки громадныхъ деревьевъ составляютъ фонъ картины, по которому богатыми узорами рисуются безконечно разнообразныя формы пальмъ, каждая съ особенными стволами, вершинами и листьями. Мѣстами разбросаны низкіе острова, затопляемые во время прилива и заросшіе пальмами. Въ другихъ мѣстахъ рѣка разливается какъ море, морскія ласточки рѣютъ въ воздухѣ, а на поверхности воды время отъ времени появляются дельфины; даже въ 2.000 верстахъ вверхъ отъ устья Амазонки всегда можно слышать сильное дыханіе, храпъ и фырканье дельфиновъ, особенно ночью. Звуки эти усиливаютъ впечатлѣніе, которое дѣлаетъ на путешественника обширная водяная пустыня.

Отъ впаденія притока Хингу картина мѣняется. Отсюда до Сантарема, на протяженіи 200 съ лишкомъ верстъ, южный берегъ низменный и совершенно необитаемъ; лѣсъ не такъ разнообразенъ, какъ на возвышенной землѣ, и окраина воды, лишенная зеленаго покрова ползучихъ растеній, которыя въ другихъ мѣстахъ составляютъ такое богатое украшеніе, вездѣ завалена упавшими деревьями. На сѣверномъ берегу тянутся холмы, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ 800 футовъ надъ поверхностью рѣки и имѣютъ плоскія вершины. Одни изъ нихъ стоятъ одиноко, какъ усѣченныя пирамиды, другіе растягиваются на нѣсколько верстъ въ длину; на нихъ вовсе нѣтъ лѣса. Скатъ ихъ крутой, неровный и, повидимому, покрытъ короткою травой, но мѣстами видны голыя бѣлыя лысины. Рѣка здѣсь болѣе 7 верстъ ширины, и въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ посрединѣ ея лежатъ длинные, низкіе острова, которые своей нѣжной и яркой зеленью какъ-то особенно хорошо выдаются на общей великолѣпной картинѣ широкой рѣки и сѣрыхъ горъ.

Съ приближеніемъ къ Тапахосу характеръ картины снова мѣняется. Мѣсто низкаго и болотистаго прибрежья замѣняетъ широкій и покатый берегъ изъ бѣлаго песку. Лѣсъ не представляетъ перепутанной массы неправильной и могучей растительности, но рисуется мягкими округленными контурами. Несмотря на то, что Тапахосъ очень большая рѣка, въ 1.500 верстъ длины, а въ послѣднихъ 100 верстахъ отъ 6 до 15 верстъ ширины, эта масса воды незамѣтна на срединѣ въ Амазонкѣ. Бѣлая, мутная вода главной рѣки течетъ горделиво, занимая всю ея ширину, между тѣмъ какъ болѣе мутная вода ея притока какъ будто крадется около берега и уже незамѣтна въ 6—8 верстахъ отъ своего устья.

У самаго устья Тапахоса лежитъ городъ Сантаремъ—самое цивилизованное и самое значительное изъ всѣхъ поселеній на берегахъ Амазонской рѣки отъ Перу до Атлантическаго океана. Хорошенькій городокъ этотъ, съ рядами своихъ однообразныхъ, выбѣленныхъ и крытыхъ красною черепицей домовъ, окруженныхъ зелеными садами и рощами, стоитъ на слегка покатой мѣстности на самомъ берегу рѣки. Послѣ долгаго путешествія по Амазонкѣ видъ Сантарема съ его бѣлымъ песчанымъ прибрежьемъ, прозрачныя темно-зеленыя воды и рядъ живописныхъ холмовъ, подымающихся изъ-за зеленаго лѣса, представляютъ пріятное и неожиданное зрѣлище. Когда путешествуешь по Амазонкѣ, виды вообще очень однообразны, исключая тѣхъ случаевъ, когда идешь около самаго берега: тутъ удивительное разнообразіе и красота растительности доставляютъ постоянное развлеченіе. Иначе однообразная широкая желтая рѣка и длинная низкая полоса лѣса, то исчезающая, то снова появляющаяся на горизонтѣ какъ море огромной рѣки, утомляютъ своимъ однообразіемъ.

Въ окрестностяхъ Сантарема пѣтъ такого высокаго, густого лѣса, какъ въ остальной части обширной сырой равнины Амазонской рѣки. Это луговая страна, почва ея нѣсколько возвышена и волниста, а лѣсъ растетъ только небольшими кучками или отдѣльными разбросанными деревьями. Подобныя области носятъ здѣсь названіе «кампо». Точно такой характеръ имѣетъ и часть страны по обѣ стороны Тапахоса, вытекающаго изъ огромнаго кампо внутри Бразиліи. Поверность земли покрыта тонкой мохнатой травой, негодной для пастбища, растущей на футъ вышины. Клочки лѣса представляются кустарникомъ посреди зеленыхъ луговъ; туземцы называютъ ихъ «ilhas de mato», т.-е. острова молодого лѣса; это названіе дано имъ, безъ сомнѣнія, потому, что они

рѣзко отдѣляются отъ гладкаго зеленаго ковра вокругъ, что дѣйствительно придастъ имъ видъ острововъ. Они состоятъ изъ чрезвычайно разнообразныхъ деревьевъ, отягченныхъ сочными эпифитами и перепутанныхъ между собою древесными ползучими растеніями, какъ и лѣсъ въ другихъ мѣстахъ.

Кампо чрезвычайно измѣняютъ свою наружность смотря по времени года. Они не представляютъ того грандіознаго однообразія круглый годъ, столь поразительнаго въ дѣвственномъ лѣсу и производящаго впечатлѣніе все болѣе и болѣе глубокое, чѣмъ больше тамъ живешь.

Кампо.

Въ этой части Амазонской области между временами года существуетъ рѣзкое различіе, но все-таки разница эта не такъ велика, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ тропическихъ странахъ, гдѣ въ сухое время года насѣкомыя и пресмыкающіяся погружаются въ лѣтнюю спячку, а съ деревьевъ вдругъ опадаютъ листья. По мѣрѣ того какъ сухое время года подвигается впередъ (августъ и сентябрь), трава на кампо вянетъ, а кустарники обращаются въ желтую массу сухихъ прутьевъ. Но стоитъ пройти дождямъ, и страна принимаетъ совершенно другой видъ. На изсохшей землѣ быстро выступаетъ зелень; запыленныя, почти зачахшія деревья, не теряя старыхъ листьевъ, одѣваются новыми свѣтло-зелеными листочками; вездѣ показывается множество удивительно разнообразныхъ и быстро растущихъ бобовыхъ растеній, а земля, кустарники

и стволы деревьевъ покрываются густыми ползучими растеніями. Это напоминаетъ быстрое наступленіе весны въ сѣверномъ климатѣ...

За городомъ Обидосомъ оба берега рѣки становятся опять низменны. Ширина рѣки измѣняется отъ 3 до 5 верстъ, но ни тотъ, ни другой берегъ не составляютъ настоящей твердой земли, отъ которой они отдѣляются каналами. Каналы эти не что иное, какъ рукава рѣки, такъ что земля, которую они окружаютъ, состоитъ, собственно говоря, изъ острововъ. На берегахъ расположено много плантацій какао. Мы приставали у одной изъ нихъ. Домъ ея владѣльца былъ крѣпкой постройки, стѣны были сдѣланы изъ толстыхъ бревенъ, поставленныхъ стойкомъ, переплетенныхъ прутьями и оштукатуренныхъ глиною, а крыша крыта черепицею. Хозяева-туземцы принадлежали къ бѣднѣйшему классу плантаторовъ какао. Они всѣ ходили босикомъ и въ широкой удобной одеждѣ. Вдоль одной изъ стѣнокъ дома, гдѣ вмѣсто настоящаго пола была просто хорошо утоптанная земля, шла широкая веранда; между ея подпорами висѣло нѣсколько гамаковъ, и на полу была разостлана большая тростниковая цыновка; на ней сидѣла полная и почтенная хозяйка дома и шила вмѣстѣ съ двумя хорошенькими маленькими мулаточками, а на плечѣ у нея сидѣлъ ручной попугай. Хозяинъ въ прохладномъ костюмѣ, панталонахъ и рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, лежалъ въ своемъ гамакѣ и курилъ изъ длинной, нарядно раскрашенной деревянной трубки. Домашняя утварь, глиняные кувшины, горшки и кастрюли лежали на другомъ концѣ веранды, гдѣ былъ разведенъ огонь и всегда готовый кофе потихоньку кипѣлъ въ кофейникѣ на глиняномъ таганѣ. Недалеко отъ дома, въ рощѣ банановыхъ, дынныхъ и мангровыхъ деревьевъ, стоялъ большой навѣсъ; подъ нимъ находились печи, корыта, рѣшета и прочіе снаряды, употребляемые при приготовленіи маніоки. Около дома земля была расчищена всего на нѣсколько футовъ; за нею, по берегу рѣки и по обѣ стороны дома, простирались плантаціи какао. Насъ приняли очень ласково, какъ это всегда бываетъ, когда кто-нибудь посѣщаетъ жилища, лежащія, подобно этому, въ сторонѣ отъ дороги, тѣмъ болѣе, что здѣсь народъ вообще вѣжливъ и гостепріименъ. Мы поболтали съ хозяевами, напились кофе, и, когда собрались уѣзжать, одна изъ дочерей прислала намъ на дорогу цѣлую корзину апельсиновъ.

Для разведенія плантацій расчищаютъ лѣсъ и сажаютъ деревья рядами. Работы не много; обыкновенно каждое семейство обрабатываетъ свою небольшую плантацію изъ 10.000 или 15.000 деревьевъ; но во время сбора плодовъ сосѣди всегда помогаютъ другъ другу. Жизнь ихъ, какъ мнѣ показалось, должна быть самая легкая и пріятная; всѣ работы производятся въ тѣни и продолжаются всего нѣсколько недѣль въ году. Бассейнъ Амазонской рѣки—первобытная родина главнаго вида шоко-

ладнаго дерева, которое въ изобиліи растетъ въ лѣсахъ по верховьямъ рѣки. Далѣе берега рѣки снова принимаютъ дикій и пустынный характеръ, который до сихъ поръ хоть въ нѣкоторой степени смягчался разбросанными кое-гдѣ человѣческими жилищами.

Жизнь на нашемъ суднѣ проходила правильно и однообразно. Мы обыкновенно плыли весь день, а на ночь привязывали наше судно къ дереву, отпуская канатъ какъ можно длиннѣе, чтобы ночевать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега и такимъ образомъ избавляться отъ москитовъ, которые хотя и кишатъ въ лѣсу, но рѣдко вылетаютъ на рѣку. Сильное теченіе въ 100 футахъ отъ берега удерживало судно на этомъ разстояніи и не давало тащить насъ къ берегу. Спали мы всѣ на открытомъ воздухѣ, потому что въ началѣ ночи въ каютахъ была невыносимая жара. Сверхъ обыкновенной одежды ничѣмъ не нужно было покрываться, кромѣ одной простыни, потому что на Амазонкѣ пониженіе температуры воздуха ночью никогда не бываетъ очень сильно, имъ можно только наслаждаться послѣ удушливаго дневного жара. Какъ только первые лучи утренней зари показывались изъ-за темнаго лѣса, мы вставали. Платье наше и гамаки бывали обыкновенно насквозь промочены росой, но это насъ не безпокоило. Индѣйцы начинали свой день тѣмъ, что погружались въ рѣку подъ носомъ судна, чтобы освѣжиться. Затѣмъ мы пили кофе и принимались за работу. Рано утромъ рѣдко бывалъ вѣтеръ, такъ что мы обыкновенно нѣсколько времени шли на веслахъ, если около берега было довольно глубоко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ теченіе было очень сильно, даже около самыхъ береговъ, особенно тамъ, гдѣ они образуютъ длинныя, врѣзывающіяся внутрь материка бухты; тогда мы очень медленно подвигались впередъ. Въ подобныхъ мѣстахъ берега рѣки состоятъ изъ рыхлаго, богатаго чернозема, на которомъ въ изобиліи растетъ роскошнѣйшій лѣсъ. Постоянно подмываемые водою берега эти почти ежедневно обрываются огромными глыбами, такъ что рѣка, на нѣсколько футовъ отъ берега, загромождена повалившимися деревьями, вѣтви которыхъ дрожатъ въ потокѣ рѣки.

Утромъ до полудня всегда бывало прохладно и пріятно; но позже жаръ становился почти невыносимымъ, особенно въ ясную и вѣтреную погоду. Эти томительные часы удушливаго жара мы проводили, лежа въ тѣни парусовъ, или сходили въ каюты къ своимъ гамакамъ, предпочитая задыхаться отъ недостатка воздуха, чѣмъ подвергаться на палубѣ изнуряющему и вредному дѣйствію солнечныхъ лучей. Обыкновенно мы останавливались часовъ въ десять для ночлега, выбирая мѣсто, гдѣ бы было удобно привязать судно на ночь. Прохладные вечера были восхитительны; только что яркое солнце скрывалось за горизонтомъ, стаи свистящихъ утокъ, попугаевъ и арасовъ съ ихъ крикомъ, похожимъ

на ржаніе, пара за парой летѣли на ночлегъ. Тогда начинались короткіе вечерніе хоры животныхъ, въ которыхъ главными исполнителями бывали обезьяны ревуны; страшный, точно неземной ревъ еще болѣе усиливалъ и безъ того тяжелое чувство одиночества, которое все болѣе и болѣе давило меня по мѣрѣ того, какъ наступала темнота. Вслѣдъ затѣмъ множество разнородныхъ свѣтящихся мухъ начинало порхать вокругъ деревьевъ. По мѣрѣ того какъ ночь подвигалась впередъ, все утихало въ лѣсу и изрѣдка только раздавалось квакапье древесныхъ лягушекъ или однообразное чирикапье кузнечиковъ и лѣсныхъ сверчковъ.

Верхнюю рѣку, или Солимоэнсъ, бразильцы считаютъ отдѣльной рѣкой. И дѣйствительно, эта часть Амазонки имѣетъ много особенностей, отличающихъ ее отъ нижней рѣки. Пассатный вѣтеръ, доходящій въ самую сильную пору сухого времени года до устья Pio-Негро, т.-е. за 1500 верстъ отъ Атлантическаго океана, никогда не дуетъ на верхней рѣкѣ. Слѣдовательно, въ воздухѣ здѣсь больше застоя и духоты, а господствующіе вѣтры непродолжительны и неправильны. Большая часть мѣстности на нижней Амазонкѣ гористая; тамъ находятся также обширныя кампо, т.-е. открытыя равнины, и длинныя полосы песчанаго грунта, одѣтыя рѣдкимъ лѣсомъ. Потому тамъ климатъ сравнительно сухъ, и въ лѣтнее время, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вовсе не бываетъ дождя. На Солимоэнсѣ же другое дѣло. Двѣ недѣли сухой и ясной погоды—большая рѣдкость; вся страна, чрезъ которую протекаетъ рѣка и ея притоки, есть обширная равнина около 1000 миль въ длину и отъ 500 до 600 миль въ ширину, покрытая однообразнымъ высокимъ, непроходимымъ и сырымъ лѣсомъ. Песчаной почвы нигдѣ нѣтъ; она состоитъ изъ твердой глины или намывного грунта, или же изъ чернозема. Этотъ послѣдній бываетъ футовъ въ двадцать или тридцать въ глубину, что можно видѣть во многихъ мѣстахъ, гдѣ вода размыла расщелины въ берегахъ рѣки. При такомъ климатѣ и такой почвѣ богатство растительности, разнообразіе и красота животныхъ формъ, столь замѣчательныя уже въ странахъ, ближайшихъ къ Атлантическому океану, еще совершеннѣе на верхней Амазонкѣ. Плоды, какъ дикіе, такъ и воздѣлываемые, общіе обѣимъ этимъ странамъ, ближе къ западу постепенно увеличиваются въ объемѣ, и нѣкоторыя деревья, цвѣтущія въ Сантаремѣ и Парѣ только одинъ разъ въ году, въ Эгѣ круглый годъ покрыты цвѣтами и плодами. Климатъ очень здоровый, хотя живешь точно въ паровой банѣ. По берегамъ рѣки большею частью тянется великолѣпная дикая страна, до сихъ поръ мало извѣстная цивилизованному человѣку. Да и человѣкъ,

въ какомъ бы то ни было состояніи, по малочисленности населенія кажется жалкимъ посреди этой обширной пустыни. Надо сказать, что Солимоэнсъ течетъ на протяженіи 2130 миль; во всякое время года, на протяженіи 1400 миль за устьемъ Pio-Негро, по немъ могутъ ходить большіе пароходы.

Однимъ изъ величественнѣйшихъ явленій, наблюдаемыхъ на верхней Амазонкѣ, являются terras cahidas, или обвалы земли, которые по временамъ случаются на крутыхъ берегахъ, особенно когда вода прибываетъ. Иногда большія суда даже совершенно бываютъ завалены этими лавинами земли и деревьевъ. Мнѣ самому пришлось однажды во время плаванія быть свидѣтелемъ подобнаго явленія, и притомъ въ очень большихъ размѣрахъ. Въ одно утро я былъ пробужденъ еще до разсвѣта страшнымъ шумомъ, похожимъ на громъ пушекъ. Я лежалъ одинъ наверху своей каюты; было очень темно, товарищи мои спали, и я сталъ прислушиваться. Звуки слышны были въ значительномъ отдаленіи, и ударъ, разбудившій меня, сопровождался другими, менѣе сильными ударами. Первое, что мнѣ пришло на умъ, это землетрясеніе, потому что хотя ночь и была удивительно тиха, но волны были сильныя, и судно наше страшно качало. Вскорѣ раздался еще взрывъ, гораздо ближе перваго, и за нимъ послѣдовали другіе. Удары эти, похожіе на громовые, казалось, то удалялись, то опять были совершенно близко, и за внезапнымъ трескомъ иногда наступалъ долгій промежутокъ тишины или продолжительные раскаты. При второмъ взрывѣ лоцманъ-индѣецъ, спавшій у руля, проснулся и сказалъ мнѣ, что это terra cahida; но я почти не повѣрилъ ему. Это продолжалось уже около часа, когда наконецъ стало свѣтать, и мы увидали на противоположномъ берегу рѣки, въ разстояніи пяти верстъ отъ насъ, продолжающееся страшное разрушеніе. Массы колоссальныхъ деревьевъ, вышиною футовъ въ 200, качались взадъ и впередъ и одно за другимъ падали въ воду, вершиною внизъ. Послѣ каждаго обвала произведенная имъ волна съ неистовой силой возвращалась на берегъ и уносила за собой новыя массы. Явленіе это происходило на протяженіи двухъ или трехъ верстъ, но мы не могли видѣть, гдѣ именно оно кончалось, потому что мѣстность эта закрыта была отъ насъ небольшимъ островомъ. Это былъ величественный видъ: каждый обвалъ производилъ цѣлое облако брызгъ; отъ сильнаго сотрясенія рушились огромныя массы земли и деревьевъ далеко отъ этого мѣста, и такимъ образомъ удары продолжались, то приближаясь, то удаляясь, и трудно было предвидѣть, когда это кончится. Два часа послѣ восхода солнца, когда мы уплыли такъ далеко, что ничего уже не было видно, разрушеніе все еще продолжалось.

Ловля черепахъ на Амазонкѣ.

(Бэтса).

Во время моего пребыванія въ городѣ Эгѣ, на верхней Амазонкѣ, я нѣсколько разъ сопровождалъ моего хозяина Кардоцо въ его поѣздкахъ на «праіа» (песчаные островки), на черепашьи озера въ лѣсахъ и на притоки и заводи большой пустынной рѣки. Въ эгской области четыре праіи, на которыя каждый годъ собираются жители для сбора черепашьихъ яицъ и для выдѣлки масла изъ яичнаго желтка. Для наблюденія за правильностью сбора на каждый праіа назначается особый начальникъ, однимъ изъ которыхъ былъ и мой хозяинъ, Кардоцо; кромѣ того, на праіа ставятъ караульныхъ, чтобы наблюдать за черепахами въ то время, когда онѣ кладутъ яйца. Въ іюлѣ и августѣ, пока еще не высохли выходы, черепахи, которыя должны нестись, спускаются изъ внутреннихъ озеръ въ главную рѣку и идутъ отыскивать тогда безчисленными стаями свои любимые песчаные островки, потому что только нѣсколько извѣстныхъ праіа выбираются ими изъ множества другихъ. Молодыя черепахи остаются въ озерахъ на все сухое время. Въ то время, какъ черепахи кладутъ яйца, отмели эти лежатъ отъ двадцати до тридцати или болѣе футовъ выше уровня рѣки и доступны только тогда, когда проложена къ нимъ дорога черезъ глухой лѣсъ.

Въ нашу первую поѣздку мы оставили Эгу, чтобы побывать на праіи, пока черепахи еще неслись. Мы застали обоихъ караульныхъ на краю отмели, примыкавшей къ опушкѣ высокаго лѣса; они устроили себѣ маленькій шалашъ на кольяхъ, покрытый пальмовыми листьями. Надо принимать большія предосторожности, чтобы не спугнуть чуткихъ черепахъ. Караульные стараются не показываться въ это время и удаляютъ всякаго, кто подходитъ къ берегу. Огонь для себя они разводятъ въ глубокихъ ямахъ около окраины лѣса, такъ чтобы не было видно дыму. Если случится пройти лодкѣ по мелкому мѣсту, гдѣ собираются эти животныя, или если они увидятъ человѣка или огонь на пескѣ, то въ ту ночь уже не выходятъ изъ воды, чтобы класть яйца; а если такая тревога повторится еще разъ или два, онѣ и совсѣмъ оставляютъ праіа и ищутъ болѣе спокойнаго мѣста.

На другое утро я всталъ на разсвѣтѣ, дрожа отъ холода; праіа вслѣдствіе сильнаго лученспусканія ночью къ утру дѣлается самымъ холоднымъ мѣстомъ, какое только можно найти въ этомъ климатѣ. Кардоцо съ караульными уже стерегли черепахъ. Для этого караульные строятъ подмостки около пятидесяти футовъ вышины на высокомъ деревѣ подлѣ того мѣста, куда собираются животныя; взбираться туда надо было по лѣстницѣ, сдѣланной изъ ліанъ. Караульные обязаны съ своей обсерваторіи наблюдать за черепахами и разсчитывать время, когда

онѣ кладутъ яйца, чтобы такимъ образомъ указать начальнику праіи, когда ему можно созвать жителей для сбора яицъ. Черепахи кладутъ яйца ночью, выходя изъ воды, если имъ ничто не помѣшаетъ, большими стадами, и ползутъ на середину, т.-е. самую возвышенную часть праіи. Время между полуночью и разсвѣтомъ самое дѣятельное. Черепахи вырываютъ своими широкими перепончатыми лапами глубокія ямы въ мягкомъ пескѣ: первая вырываетъ яму въ три фута глубины и кладетъ свои яйца (штукъ до 120) и потомъ накрываетъ ихъ сверху тонкимъ слоемъ песку; другая кладетъ сверху тѣхъ, что были положены ея предшественницей, и такъ далѣе, пока не будутъ наполнены всѣ ямы. Все стадо черепахъ, посѣщающее праію, перестаетъ класть яйца не раньше какъ черезъ четырнадцать или пятнадцать дней, даже если имъ не встрѣчалось никакого препятствія. Когда онѣ кончаютъ нестись, то площадь, называемая бразильцами «таболейро», изрытая ихъ ямами, отличается отъ остальной праіи только едва замѣтными слѣдами на пескѣ.

Вставши, я присоединился къ моимъ товарищамъ. Немногія изъ моихъ прогулокъ на Амазонкѣ оставили во мнѣ такое живое и пріятное воспоминаніе, какъ прогулка по бѣлому песчаному морю въ то прохладное утро. Небо стояло безоблачное; только что взошедшее солнце пряталось за темной массой лѣсовъ, а къ западу другая длинная полоса лѣса, съ своими роскошными декораціями великолѣпныхъ пальмъ, освѣщалась горизонтальными золотистыми лучами. Изъ лѣсу долеталъ по водѣ далекій хоръ птицъ; стаи чаекъ и ржанокъ съ жалобными криками летали надъ берегами праіи: онѣ кладутъ свои яйца въ гнѣздахъ, свитыхъ ими въ маленькихъ углубленіяхъ въ пескѣ. Слѣды бродившихъ черепахъ виднѣлись на гладкой бѣлой поверхности праіи.

Подошедши къ окраинѣ лѣса, я взлѣзъ на подмостки караульныхъ какъ разъ во-время, чтобы видѣть, какъ на противоположной сторонѣ отмели черепахи, положивъ яйца, уходили назадъ въ воду. Зрѣлище стоило того, чтобы лѣзть по шаткой лѣстницѣ. Передовыя партіи уже отошли версты на полторы, а поверхность отмели все еще чернѣлась отъ множества черепахъ, которыя ковыляли къ рѣкѣ; рѣчной берегъ былъ нѣсколько крутъ, и онѣ бросались въ воду головой внизъ.

Когда приходитъ время собирать черепашьи яйца, все народонаселеніе уходитъ на праіи. Множество народу: мужчины, женщины, дѣти, всѣ во всевозможныхъ лодкахъ стремятся туда, какъ на большой праздникъ. Располагаются обыкновенно на берегу песчанаго острова; для защиты отъ солнца и дождя каждое семейство устраиваетъ себѣ временный навѣсъ изъ кольевъ, покрытыхъ пальмовыми листьями. По всему берегу въ это время разсѣяны большіе мѣдные котлы для выдѣлки масла и сотни красныхъ глиняныхъ кувшиновъ.

Сборъ яицъ и выдѣлка масла занимаютъ нѣсколько дней. Послѣ исполненія нѣкоторыхъ формальностей всѣ направляются къ мѣсту кладки яицъ и становятся въ кругъ; каждый вооружается весломъ, которое должно служить ему лопатой, и послѣ даннаго начальниками сигнала принимаются рыть песокъ. Картина самая оживленная: каждый въ этомъ широкомъ кругѣ соперниковъ роетъ, взбрасывая тучи песку своими энергическими усиліями. Работаютъ, постепенно приближаясь къ центру круга. Въ полдень, во время самаго сильнаго жара, отдыхаютъ немного, а вечеромъ убираютъ яйца въ шалаши, въ корзинкахъ. На второй день къ вечеру весь кругъ бываетъ раскопанъ, а около каждаго шалаша возвышаются большія кучи яицъ, нѣкоторыя отъ четырехъ до пяти футовъ вышины,—это результатъ труда цѣлой семьи.

Когда, наконецъ, уже всѣ яйца вырыты, начинается приготовленіе масла. Надо замѣтить, что яйцо имѣетъ мягкую кожистую скорлупу; оно совершенно круглое и немного больше куринаго. Всю кучу яицъ бросаютъ въ порожнюю лодку и мѣшаютъ деревянными вилами; но иногда голые индѣйцы и дѣти прыгаютъ въ эту массу и топчутъ ее ногами; при этомъ, конечно, они всѣ выпачкаются желткомъ, и получается самая грязная картина, какую только можно себѣ вообразить. Потомъ въ лодку наливается вода, и въ такомъ видѣ жирная масса оставляется на нѣсколько часовъ на солнцѣ; масло отдѣляется и всплываетъ наверхъ; его снимаютъ длинными ложками, которыя дѣлаются изъ привязанныхъ къ палкѣ большихъ раковинъ улитокъ, и, наконецъ, очищаютъ черезъ огонь въ мѣдныхъ котлахъ.

Каждый годъ такимъ образомъ истребляется громадное количество черепашьихъ яицъ. Добываемое изъ нихъ масло идетъ на освѣщеніе, жареніе рыбы и другія потребности. Благодаря такому истребленію яицъ, количество черепахъ на верхней Амазонкѣ убываетъ съ каждымъ годомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной поѣздки на праіа мы отправились на вторую экскурсію; на этотъ разъ Кардоцо хотѣлъ побывать въ лѣсу и отыскать тамъ знакомые ему пруды, чтобы наловить молодыхъ черепахъ. Только самые опытные охотники знаютъ, гдѣ находятся эти затаенные пруды; мы взяли съ собой изъ Эги одного изъ такихъ людей, туземца по имени Педро, а по дорогѣ захватили еще другого. Мы выѣхали на разсвѣтѣ въ двухъ лодкахъ; въ нихъ помѣщалось двадцать три человѣка, девятнадцать изъ которыхъ были индѣйцы. Утро было пасмурное и прохладное; съ рѣки дулъ свѣжій вѣтеръ, и противъ него намъ нужно было грести, изо всѣхъ силъ налегая на весла, несмотря на то, что мы ѣхали по теченію; лодка непріятно качалась и зачерпывала очень много воды. Скоро передъ нами открылось на юго-востокъ обширное, великолѣпное пространство воды, не стѣ-

сѣянное островами. Страна, лежащая по лѣвому берегу, состоитъ однако не изъ твердаго материка, а образуется слоями наносной земли, она наводняется каждый годъ во время половодья и пересѣкается множествомъ узкихъ, но глубокихъ протоковъ. Эта негостепріимная полоса земли тянется на нѣсколько сотенъ миль; внутри ея таится безчисленное множество озеръ и прудовъ, богатыхъ черепахами, рыбами, аллигаторами и водяными змѣями. Цѣлью нашей настоящей поѣздки было посѣтить одно мѣсто на этомъ берегу. Проплывши три часа посрединѣ рѣки, мы пристали къ крутому берегу; грунтъ земли былъ сыпучій, и берегъ подымался уступами—это слѣды, которые оставляетъ по себѣ вода въ разные періоды своего убыванія. Береговая линія тянулась на нѣсколько миль почти прямо, и берегъ возвышался около тридцати футовъ надъ настоящимъ уровнемъ рѣки: на вершинѣ его подымалась сплошная стѣна лѣса. Въ голову никому не придетъ, что могутъ существовать пруды на этомъ высокомъ берегу. По низу его шло узкое ровное пространство земли. Выйдя на берегъ, мы первымъ дѣломъ позавтракали. Пока два мальчика, индѣйцы, разводили огонь, жарили рыбу и варили кофе, другіе поднялись на берегъ и своими длинными охотничьими ножами принялись просѣкать тропинку въ лѣсу по направленію къ озеру, лежавшему въ полумилѣ отъ берега. Послѣ завтрака мы нарѣзали множество короткихъ палокъ и положили ихъ поперекъ тропинки; потомъ съ помощью ліанъ вытащили на землю три легкихъ монтаріи, которыя у насъ были взяты съ собой, и прокатили ихъ къ озеру. Затѣмъ вытащили большой неводъ и отправили его туда же. Работа шла быстро, и когда мы съ Кардоцо пришли къ мѣсту въ одиннадцать часовъ, то нѣкоторые изъ индѣйцевъ уже принялись за дѣло. Они стояли на небольшихъ подмосткахъ, устроенныхъ изъ палокъ и обрубковъ деревьевъ, сложенныхъ крестъ-накрестъ и скрѣпленныхъ ліанами; отсюда они изъ лука стрѣляли по черепахамъ, какъ только тѣ показывались въ водѣ. Индѣйцы говорятъ, что ловля черепахъ неводомъ не настоящая охота, и когда Кардоцо предложилъ имъ этотъ способъ, они пожелали прежде часъ или два поохотиться по-старому, своимъ оружіемъ.

Озеро занимало площадь въ полторы или двѣ десятины, со всѣхъ сторонъ оно замыкалось лѣсомъ; безконечно разнообразный и великолѣпный лѣсъ стоялъ надъ нимъ прелестными группами зелени; здѣсь было такъ хорошо, что живописнѣе этого мѣста мнѣ почти еще не случалось видѣть. Около воды берегъ низокъ и покрытъ маленькой травой, называемой «матуна». Тамъ и сямъ показывается въ травѣ папоротникъ, а дальше подымаются ряды высокихъ древесныхъ аронидовъ, доходящихъ до пятнадцати и двадцати футовъ вышины; вся эта богатая растительность составляла чудесную зеленую каймy вокругъ озера.

Пальмовый лѣсъ.

Надъ этимъ возвышались уже большія лѣсныя деревья: пальмовидныя цекропіи, стройныя пальмы ассаи въ тридцать футовъ вышины, съ ихъ нѣжными перьями на верхушкѣ, вѣнчающей легкій, стройный стволъ, небольшія вѣерныя пальмы и, наконецъ, какъ бы на заднемъ планѣ этой роскошной декораціи, стояли массы обыкновенныхъ лѣсныхъ деревьевъ, унизанныхъ по всѣмъ вѣтвямъ гирляндами, фестонами, цѣлыми сѣтями вьющихся растеній. Глубина озера нигдѣ не была больше пяти футовъ, на которые приходился цѣлый футъ чрезвычайно нѣжнаго и мягкаго илу.

Цѣлый часъ ѣхали мы съ Кардоцо по озеру. Я былъ удивленъ искусствомъ, съ какимъ индѣйцы стрѣляли черепахъ. Они не дожидались, чтобы черепахи поднялись на поверхность воды подышать воздухомъ, а слѣдили за малѣйшими движеніями въ водѣ, обличающими ихъ присутствіе тамъ. Этотъ небольшой слѣдъ въ водѣ называется «сирири»; какъ только покажется такой слѣдъ, тотчасъ же летитъ стрѣла изъ лука ближайшаго охотника, и ни разу не дастъ промаха, каждая пущенная стрѣла такъ и вонзится въ щитъ лежащаго подъ водой животнаго. Если черепаха очень далеко, то понятно, что въ такомъ случаѣ надо прицѣливаться съ болѣе возвышеннаго мѣста; охотники предпочитаютъ отвѣсные выстрѣлы, потому что тогда стрѣла глубже вонзается въ щитъ.

У стрѣлъ, употребляемыхъ для черепахъ, крѣпкій, острый, стальной наконечникъ, вставленный въ деревянный гвоздь, который входитъ въ конецъ древка. Этотъ гвоздь привязывается къ древку бечевкой, сплетенной изъ волоконъ ананасныхъ листьевъ; бечевка, футовъ 100 длины, аккуратно наматывается вокругъ древка. Когда стрѣла остріемъ вонзится въ щитъ черепахи, гвоздь выскакиваетъ, раненое животное уходитъ съ нимъ на дно, а древко плаваетъ на поверхности. Тогда охотникъ садится въ монтарію, гребетъ къ тому мѣсту и потихоньку тащитъ бечевку, отпуская ее, пока животное ныряетъ, и притягивая снова, когда оно выплываетъ ближе къ поверхности; тутъ онъ уже вонзаетъ въ него вторую стрѣлу, и при помощи двухъ бечевокъ безъ труда вытаскиваетъ свою добычу на берегъ.

Къ полудню было поймано штукъ около двадцати почти совсѣмъ взрослыхъ черепахъ. Тогда Кардоцо велѣлъ растянуть неводъ; но такъ какъ берегъ былъ топкій, болотистый, то не было возможности устроить неводъ такъ, чтобы можно было вытащить уловъ на берегъ; поэтому употребили другой способъ. Двое индѣйцевъ на одномъ концѣ продолговатаго озера растянули неводъ дугой, поддерживая его перпендикулярными палками, прикрѣпленными къ каждому концу; ширина невода была почти одинакова съ глубиной озера, слѣдовательно его нижній край лежалъ на днѣ, между тѣмъ какъ поплавки поддерживали верхній

край на поверхности воды; такимъ образомъ, стоило только свести концы и дѣлалась отличная западня. Остальные люди разсыпались по болоту на противоположномъ концѣ озера и принялись колотить по густымъ кустамъ матупы крѣпкими палками, чтобы согнать черепахъ на середину. Эта работа продолжалась часъ, если не больше; колотившіе воду постепенно приближались другъ къ другу, гоня впереди себя цѣлое войско черепахъ; множество маленькихъ рыльцевъ, которыя поминутно высовывались изъ воды, доказывали, что дѣло идетъ на ладъ. Когда черепахи стали приближаться къ неводу, охотники прибавили шагу и принялись громко кричать и еще крѣпче колотить палками. Множество здоровыхъ, сильныхъ рукъ схватили концы невода и разомъ потащили его впередъ, въ то же время сходясь постепенно и сводя его, чтобы такимъ образомъ запереть въ кружокъ всю добычу. Тутъ всѣ попрыгали въ этотъ кружокъ, вытащили лодки на берегъ и уже безъ всякаго труда брали черепахъ просто руками. Вслѣдъ за прочими и я влѣзъ въ воду, хотя только что передъ тѣмъ сдѣлалъ открытіе, что въ прудѣ множество гадкихъ, красныхъ, четырехугольныхъ піявицъ; я замѣтилъ, какъ сквозь щелочки нѣсколько этихъ милыхъ животныхъ пробирались въ нашу монтарію. Эти піявки часто цѣпляются за ноги рыбаковъ, однако на этотъ разъ онѣ насъ не побезпокоили. Кардоцо остался съ лодками, но не успѣвалъ переворачивать на спины всѣхъ черепахъ, такъ что множество ихъ выкарабкивалось и уходило на волю. Несмотря на то, три полныхъ лодки, штукъ до восьмидесяти, было поймано не больше какъ въ двадцать минутъ. Наконецъ, всю добычу вытащили на берегъ, и тутъ уже каждой черепахѣ связали ноги крѣпкими мочалами. Два раза мы наполнили лодки и, проработавши безъ отдыха цѣлый день, прекратили ловлю.

Мы пообѣдали на берегу рѣки немного раньше заката. Но когда солнце сѣло, москиты стали насъ мучить до такой степени, что спать тутъ не было никакой возможности; мы сѣли въ лодку и поѣхали на песчаную отмель мили за три и тамъ ночевали. Кардоцо и я спали въ гамакахъ, привѣшенныхъ къ шестамъ, остальные разлеглись на пескѣ около большого костра. До перваго часа ночи мы все не спали, лежали и разговаривали. Одинъ изъ стариковъ разсказывалъ разныя исторіи и говорилъ такъ умно, что его можно было просто заслушаться. Обыкновенно рѣчь шла о борьбѣ съ какимъ-нибудь хищнымъ звѣремъ—ягуаромъ, морской коровой или аллигаторомъ. Разсказъ сопровождался восклицаніями и выразительными жестами, а когда доходилъ до того мѣста, гдѣ животное было поражено стрѣлой или ловкимъ ударомъ, вдругъ вырывалось восклицаніе: «Ра terra!» Много чудесныхъ исторій разсказывалось про «буто», какъ называютъ большого амазонскаго дельфина.

На слѣдующее утро мы опять били воду въ прудѣ, но на этотъ разъ безъ большого успѣха, хотя мы навѣрно знали, что тамъ осталось еще много черепахъ. Старики индѣйцы говорили намъ, что это отъ того, что черепахи «ладино» (хитрятъ) и на другой день не обращаютъ вниманія на шумъ. Когда неводъ стянули въ кругъ и люди попрыгали туда, тамъ оказался аллигаторъ. Никто и не подумалъ испугаться, только одного и боялись, чтобы онъ не разорвалъ сѣть. Одинъ закричалъ: «я тронулъ его голову»; другой: «онъ царапнулъ мнѣ ногу». Наконецъ, я съ берега закричалъ одному мальчику лѣтъ четырнадцати, чтобы онъ взялъ его за хвостъ и держалъ покрѣпче; онъ сейчасъ же это исполнилъ и, послѣ недолгаго сопротивленія, вытащилъ чудовище на берегъ. Открыли неводъ, и мальчикъ тихонько потащилъ опасное, но трусливое животное по берегу, саженъ на десять отъ воды. Между тѣмъ я срубилъ съ дерева толстую палку, и какъ только бросили аллигатора на землю, со всего размаху ударилъ его по темени; онъ тутъ же и околѣлъ. Онъ принадлежалъ къ виду большихъ каймановъ, хакаре-уассу, какъ его называютъ амазонскіе индѣйцы; челюсть его была больше фута и такая, что ей ни по чемъ было перекусить пополамъ человѣческую ногу. Хакаре-уассу, или большой кайманъ, достигаетъ иногда восемнадцати и двадцати футовъ длины и бываетъ чрезвычайно тяжелъ. Туземцы не любятъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боятся большого каймана. Я прожилъ разъ мѣсяцъ въ небольшой деревушкѣ полуцивилизованныхъ индѣйцевъ. Мой хозяинъ, единственный бѣлый во всей деревнѣ, предложилъ какъ-то поѣхать на рыбную ловлю на озеро,—это озеро образовалось вслѣдствіе разлива рѣки, на которой стоитъ деревня. Аллигаторы такъ и кишѣли въ водѣ. Наловивши огромное количество рыбы, мы стали собираться домой, и я попросилъ индѣйцевъ взять съ собою одного аллигатора, съ тѣмъ чтобы въ деревнѣ напустить на него стаю собакъ. Выбрали аллигатора восьми футовъ длины; одинъ держалъ его за голову, другой за хвостъ, а третій скрутилъ ему ліанами пасть и ноги. Въ такомъ безопасномъ видѣ его положили поперекъ скамеекъ, на которыхъ намъ нужно было просидѣть въ продолженіе полуторачасового переѣзда до дому. Хотя мы и были нѣсколько стѣснены, но нашъ любезный пассажиръ не безпокоилъ насъ во все время плаванія. Пріѣхавши въ деревню, мы принесли животное на лужокъ противъ церкви, гдѣ было много собакъ, и тутъ выпустили его на волю; двое изъ насъ вооружились длинными палками, чтобы загораживать ему дорогу, если бы онъ вздумалъ идти къ водѣ, а другіе принялись уськать собакъ. Аллигаторъ пришелъ въ ужасъ, хотя собакъ нельзя было заставить даже подойти къ нему близко, и что есть силъ пустился къ водѣ, переваливаясь съ боку на бокъ какъ утка. Мы старались не пускать его, но онъ разъярился, схватилъ зубами конецъ палки, кото-

рую я держалъ, и чуть не вырвалъ ее у меня изъ рукъ. Кончилось тѣмъ, что мы убили его, чтобы онъ не ушелъ. Вообще аллигаторъ смиренъ или, лучше сказать, трусливъ. Онъ никогда не нападаетъ на человѣка, когда тотъ насторожѣ, но настолько хитеръ, что знаетъ, когда можетъ сдѣлать свое дѣло безнаказанно.

Аллигаторы миріадами кишатъ по всей верхней Амазонкѣ. Подобно черепахамъ, они дѣлаютъ ежегодныя переселенія; въ дождливое время года они удаляются во внутреннія озера и наводненные лѣса, а въ сухое время уходятъ въ главную рѣку, зато во время полноводья не увидишь здѣсь ни одного аллигатора. Въ средней части нижней Амазонки, гдѣ многіе пруды и каналы высыхаютъ въ лѣтнее время, аллигаторы прячутся въ илъ и все время до дождей проводятъ въ спячкѣ. На верхней же Амазонкѣ, гдѣ сухое время никогда не бываетъ особенно рѣзко, они не имѣютъ этой привычки и живутъ круглый годъ. Почти безъ преувеличенія можно сказать, что въ сухое время Солимоэсъ такъ же кишитъ большими аллигаторами, какъ лѣтомъ у насъ какая-нибудь канава лягушками. Разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ мнѣ случилось ѣхать пять дней сряду на пароходѣ по верхней Амазонкѣ; въ теченіе всего этого времени около берега чуть не на каждомъ шагу видны были аллигаторы, и пассажиры съ утра до ночи забавлялись стрѣльбой по нимъ изъ ружей. Особенно ихъ было много въ тихихъ заливахъ; когда пароходъ проходилъ мимо, они бросались въ сторону, лѣзли другъ на дружку, при чемъ ихъ чешуя издавала громкій трескъ.

Горная страна Эквадора.

(Штюбеля.)

Плоскогорье Квито, которое поднимается надъ уровнемъ моря больше, чѣмъ на 2.000 метровъ, окружено, какъ стѣнами, двумя параллельными цѣпями Андъ, направляющимися съ сѣвера на югъ. Очень часто ихъ обозначаютъ названіемъ Западныхъ и Восточныхъ Кордильеръ. Ихъ внутренніе склоны обращены къ высокому плоскогорью, а наружные—къ низменностямъ, на западѣ—къ побережью Тихаго океана, на востокѣ—къ сильвасамъ Амазонки. Надъ этими каменными стѣнами подобно башнямъ возвышаются многочисленныя вершины, изъ которыхъ самыми значительными по высотѣ являются расположенные въ два ряда вулканы: въ западной цѣпи мы назовемъ изъ нихъ только Пичинчу и Чимборазо, а въ восточной Антизану и Котопахи. Между этими довольно неправильно тянущимися цѣпями простирается высокая горная долина, длиною въ 180 километровъ, ширины весьма различной и высоты надъ уровнемъ моря болѣе двухъ тысячъ метровъ; это и есть плоскогорье Квито. Поперечными цѣпями вулканическихъ горъ эта про-

дольная долина разбивается на четыре части, изъ которыхъ каждая обладаетъ своей особенной рѣчной системой, а воды этихъ послѣднихъ направляются или къ Амазонкѣ, или къ Тихому океану.

Въ одной изъ этихъ частей, у восточнаго подножія вулкана Пичинчи, лежитъ столица Эквадора, Квито. Мѣсто на главной площади, гдѣ стоитъ каоедральный соборъ, находится на 2.850 метрахъ надъ уровнемъ моря. Весь городъ построенъ амфитеатромъ на склонѣ Пичинчи. Тѣмъ не менѣе замѣчательно, что положеніе города вполнѣ безопасное: на этомъ склонѣ выше города находится большой выступъ въ видѣ террасы, дающій городу пріютъ и защиту; но зато, конечно, онъ закрываетъ въ значительной степени видъ на великолѣпную панораму окрестныхъ горъ. Квито—прекрасный примѣръ того физическаго закона, что температура какого-нибудь мѣста понижается вмѣстѣ съ повышеніемъ надъ уровнемъ моря. Хотя городъ лежитъ только на 14 минутъ южнѣе экватора, его средняя годовая температура всего 13,2° Ц. и въ теченіе года колебанія ея весьма незначительны. Если выразить личное впечатлѣніе о температурѣ Квито, то всего правильнѣе сказать, что климатъ Квито круглый годъ таковъ, какимъ онъ бываетъ въ Палермо (въ Сициліи) въ теченіе декабря мѣсяца. Эта средняя температура, держащаяся весьма твердо, не дозволяетъ здѣсь развиться пышной и разнообразной растительности, какъ этого можно ожидать подъ экваторомъ; такъ какъ лѣса и деревья совершенно отсутствуютъ, то весь ландшафтъ имѣетъ безнадежно унылый и пустынный видъ, въ особенности когда небо закрыто тяжелыми облаками. Кругомъ все голо. Земледѣлецъ воздѣлываетъ здѣсь только картофель, ячмень и лупинусы (на кормъ скоту), и то послѣднее растеніе лишь при условіи искусственнаго орошенія. Большія пространства крестьяне оставляютъ подъ пастбища для скота, и на нѣсколько сотъ метровъ выше города начинается область горной растительности, называемая «Парамо»; здѣсь становится невозможнымъ всякое земледѣліе.

Главная артерія города—рѣчка Махангара, по берегамъ которой всегда кипитъ жизнь. Эта рѣчка проложила себѣ русло въ видѣ глубокой пропасти черезъ слои застывшей лавы, поверхъ которой лежитъ слой свѣтло-коричневой почвы, продукта вывѣтриванія лавы. Къ сѣверу отъ Квито, на разстояніи часа пути, Махангара въ видѣ могучаго водопада впадаетъ въ рѣку Ріо-Сампедро; здѣсь при ея устьи стоитъ церковь съ изображеніемъ Божіей Матери, украшенной мечомъ,—мѣсто, очень посѣщаемое богомольцами. Вулканъ Пичинча тоже доставляетъ городу въ изобиліи воду; она струится по глубокимъ бороздамъ, черезъ которыя переброшены мосты, и питаетъ городскіе бассейны.

Населеніе Квито по своему составу ничѣмъ не отличается отъ населенія прежней испанской Южной Америки; оно состоитъ на семь

восьмыхъ изъ метисовъ и индѣйцевъ, и число ихъ по разнымъ даннымъ весьма различно: путешественники считаютъ его въ 30 тысячъ, а по официальнымъ свѣдѣніямъ оно простирается до 40 тысячъ; однако къ этому не слѣдуетъ относиться съ большимъ довѣріемъ. Болѣе низкая цифра представляется потому вѣроятнѣе, что въ рѣзко ограниченномъ узкомъ пространствѣ города дома все одноэтажные, много двухъэтажные; а въ городѣ множество церквей, много обширныхъ, но малолюдныхъ монастырей, и при домахъ широкіе дворы. Кромѣ немногихъ болѣе значительныхъ общественныхъ зданій и выдающихся своей богатой архитектурой церквей, въ городѣ мало достопримѣчательностей; особенно замѣтно отсутствіе какихъ-либо памятниковъ изъ времени, предшествующаго покоренію города испанцами (1533 г.).

Однако бросимъ взглядъ на горнаго великана, подъ защитой котораго пріютился Квито. Пичинча—стоящій отдѣльно вулканъ; однако по формѣ своей онъ скорѣе напоминаетъ горную группу, раздѣленную глубокими долинами и пропастями и увѣнчанную нѣсколькими различными по высотѣ вершинами. Его сѣверо-восточная часть, у которой лежитъ Квито, представляетъ изъ себя массивный куполъ, на которомъ возвышается зубчатая скалистая пирамида; это самая старая, лишенная кратера часть вулкана, называемая туземцами «Руку-Пичинча» («руку»—старый). Юго-западная часть «Гуагуа-Пичинча» («гуагуа»—дитя) отличается своими отвѣсными склонами и высоко подымающимся изъ кратера бѣлымъ столбомъ пара. Между этими двумя главными вершинами, «отцомъ и сыномъ», втиснуты четыре второстепенныхъ вершины, промежутки между которыми заполнены пемзой. 20 и 28-го мая 1802 года Александръ Гумбольдтъ съ своими спутниками взбирался на край кратера Гуагуа-Пичинчи, высоту котораго онъ опредѣлилъ въ 4.854 метра; такъ какъ его живое описаніе и по сію пору еще совершенно вѣрно, то, слѣдовательно, изверженныя раньше породы не были измѣнены или засыпаны какими-нибудь новыми, болѣе могучими изверженіями. Глубина кратера, отъ самой высокой его точки и до дна, 600 метровъ, а поперечникъ его наверху равняется километру. Стѣны его настолько круты, что спуститься можно только въ двухъ или трехъ мѣстахъ, но и то не безъ опасности. На краю кратера можно замѣтить двѣ разсѣчины: одну на западной, другую на южной сторонѣ. Черезъ западную разсѣчину вытекаетъ вода, которая собирается на днѣ вулкана. Эту рѣчку, протекающую около ста десяти километровъ по безлюднымъ, непроходимымъ лѣсамъ, по справедливости называютъ Ріо Волканъ (рѣчка вулкана). Въ глубинѣ кратера нѣтъ никакихъ слѣдовъ болѣе новой дѣятельности, сопровождающейся изверженіями. Нигдѣ не видать свѣжихъ потоковъ лавы; только обломки скалъ, оторвавшіеся отъ стѣнъ, покрываютъ землю. Нигдѣ изъ почвы не выдѣляются ни

пары сѣры, ни углекислота; вся новая дѣятельность проявляется только въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ къ небу поднимается столбъ ослѣпительно-бѣлаго водянаго пара съ небольшой примѣсью сѣры; послѣднее замѣтно по желтому налету на всѣхъ окрестныхъ камняхъ. Столбъ пара поднимается изъ отверстія въ два-три метра въ поперечникѣ, вокругъ котораго лежитъ невысокій валъ изъ камней; иногда паръ выдѣляется со свистомъ или даже съ громомъ и въ тихую погоду онъ достигаетъ значительной высоты. Архивы города Квито содержатъ въ себѣ свѣдѣнія только о трехъ изверженіяхъ Пичинчи—въ 1566, 1575 и 1660 годахъ, при чемъ въ Квито выпадалъ пепельный дождь, но отъ потоковъ лавы городъ былъ защищенъ уже упомянутымъ раньше выступомъ горы.

На плоскогорьѣ, у подножія Чимборазо, лежитъ городъ Ріобамба. Въ настоящее время въ немъ только одноэтажные дома, стѣны которыхъ, равно какъ и стѣны, окружающія сады и дворы, состоятъ изъ плотно убитой земли; всѣ балки и бревна сдѣланы изъ цвѣточныхъ стеблей агавы (достигающихъ до 10 метровъ длины), а крыши крыты черепицей или травой. Внутри большихъ домовъ находится четырехугольный дворъ, окруженный навѣсомъ. Окна дѣлаютъ здѣсь рѣдко, а воздухъ и свѣтъ проникаютъ въ комнаты только черезъ открытыя двери. Дома окружены деревьями изъ породы ивъ, очень похожими на наши тополя, а также дикими вишневыми деревьями, плоды которыхъ достигаютъ величины нашей дикой вишни. На бѣдномъ растительностью плоскогорьѣ эти дикія вишневыя деревья особенно цѣнятся, благодаря своему твердому дереву, и существованіе ихъ всегда поддерживается съ помощью искусственнаго орошенія. Современный Ріобамба построенъ не совсѣмъ на мѣстѣ стараго, на развалинахъ котораго въ 1803 году Гумбольдтъ могъ изучить ужасы южно-американскаго землетрясенія; за шесть лѣтъ до того это землетрясеніе разрушило весь городъ и стоило жизни по счастью только 2.036 человѣкамъ изъ 40-тысячнаго населенія города. Съ колокольни одной изъ церквей можно видѣть могучій конусъ Чимборазо, который послѣ посѣщенія и описанія его Гумбольдтомъ долгое время считался величайшею вершиной въ Андахъ, хотя его высота надъ уровнемъ моря только 6.310 метровъ (около шести верстъ), а высота надъ площадью Ріобамбы только 2.798 метровъ. Снѣговая линія не представляетъ правильнаго круга, но образуетъ большіе зигзаги, то подымаясь выше, то спускаясь ниже. Снѣжная шапка этого горнаго гиганта спускается внизъ приблизительно на 1.500 — 1.600 метровъ отъ вершины. Кратера не видно,—онъ скрытъ подъ мощнымъ слоемъ льда; не видно никакихъ другихъ слѣдовъ недавней связи горы съ подземнымъ жаромъ.

Черезъ сѣдловину между Чимборазо и его ближайшимъ сосѣдомъ Янорумн ведетъ знаменитая горная тропинка, по которой въ 4 дня съ

плоскогорья можно спуститься внизъ, на морское побережье, къ гавани Гваяквиль. Это одна изъ труднѣйшихъ дорогъ для верховыхъ и вьючныхъ животныхъ, которой боятся какъ пѣшіе индѣйцы, такъ и путники, ѣдущіе верхомъ. На высотѣ 4.281 метра—значитъ, на высотѣ Финстераргорна—переѣзжаешь перевалъ и нѣсколько часовъ ѣдешь по широкой песчаной пустынѣ, суровый климатъ которой и представляетъ ужасъ для путешественника. Это единственная дорога, которая связываетъ съ цивилизованнымъ міромъ плоскогорье Эквадора и значительную часть Колумбіи. Къ счастью, она доступна только 6 мѣсяцевъ въ году, такъ какъ, когда на западномъ склонѣ Чимборазо начинаются дожди, часть этой дороги превращается въ совершенно непроходимое болото. При такихъ горныхъ переходахъ незамѣнимымъ животнымъ является лама, которая здѣсь достигаетъ сѣвернаго предѣла своего распространенія. Она составляетъ домашнее животное индѣйцевъ. Неохотно и съ жалобными криками во время навьючиванія она тащитъ свой грузъ, который на большихъ переходахъ не долженъ превышать 25 килограммовъ.

Это животное служитъ для сообщенія какъ между плоскогорьемъ и прибрежной полосой, такъ и между отдѣльными мѣстами плоскогорья. На ней возятъ изъ маленькихъ индѣйскихъ фермъ картофель, бобы, кормовой лупинусъ на рынокъ въ Ріобамбу, разумѣется, въ томъ случаѣ, если такой индѣецъ принадлежитъ къ небольшому числу счастливцевъ, которые не состоятъ батраками на гаціендахъ большихъ помѣстьевъ креоловъ. Конечно, очень требовательна та почва, которую обрабатываетъ индѣецъ. Мощный слой летучихъ песковъ покрываетъ плоскогорье вокругъ Ріобамбы, а во многихъ мѣстахъ вѣтромъ намело песчаные холмы, въ родѣ дюнъ. И эту-то жалкую почву индѣецъ заставляетъ приносить плоды: борозды, которыя онъ проводитъ, тутъ же заносятся вѣтромъ, несмотря на то, что онъ старается оградить свои поля отъ нашествія песковъ изгородями изъ алоэ и молочайника. На этой тощей почвѣ стебли кукурузы едва достигаютъ высоты двухъ футовъ, початки ея сидятъ почти на самой землѣ и для вызрѣванія требуютъ почти 9 мѣсяцевъ. Заботливо употребляетъ земледѣлецъ для орошенія протекающую вблизи города рѣчку, искусно распредѣляя ея воду съ помощью хитро устроенной сѣти каналовъ.

Здѣсь и тамъ можно видѣть индѣянку, пасущую маленькое стадо овецъ; чтобы не потерять времени, она прядетъ, поручивъ своему сынишкѣ надзоръ за животными, между которыми всегда попадается «пика»—козелъ съ четырьмя рогами. На спинѣ у туземки всегда находится неизбѣжная «гукка», безъ которой индѣянки встрѣчаются рѣдко; и ребенокъ подражаетъ въ этомъ матери. Войдемте въ одну изъ индѣйскихъ хижинъ. Стѣны состоятъ изъ плотно убитаго дерна, балки изъ цвѣточныхъ стеблей агавы, а крыша изъ травы или соломы. Внут-

реннее убранство ограничивается обыкновенно придѣланной къ стѣнѣ стойкой, которая уставлена горшками и домашнею утварью изъ сухой тыквы, кукурузные початки подвязаны къ балкамъ, и круглая кадка съ водой стоитъ въ углубленіи пола. Нѣсколько камней сдерживаютъ въ извѣстныхъ предѣлахъ горящій на полу огонь, дымъ отъ котораго выходитъ только въ дверь. Ложа для всего семейства приготовляетъ отецъ, разстилая на полу овечьи шкуры; рано стелется постель и убирается передъ восходомъ солнца. Почти въ каждой хижинѣ есть нѣсколько скудно питаемыхъ дворняжекъ. Передъ уходомъ на работу дверь хижины завязываютъ бечевкой, и такого запора достаточно для совершенной безопасности хижины.

Полную противоположность безплодной песчаной равнинѣ Ріобамбы представляютъ покрытые сочною зеленью склоны Кордильеръ; здѣсь лежатъ гаціенды—большія помѣстья креоловъ, которые обыкновенно проживаютъ въ городахъ; вплоть до высоты 3.400 метровъ поля засѣяны ячменемъ, картофелемъ и бобами, но главная часть земли отведена для скотоводства, которое ведется здѣсь уже въ такихъ большихъ размѣрахъ и съ такою же беззаботностью, какъ и въ Уругваѣ. Къ несчастію эта болѣе плодородная почва находится въ рукахъ весьма немногихъ крупныхъ помѣщиковъ, такъ называемыхъ «гаціендадо». Ихъ предки, испанскіе завоеватели, захватили себѣ эту землю, потомки удержали ее за собой, а первоначальные собственники, потомки культурнаго индѣйскаго народа, находятся у нихъ въ жестокой кабалѣ, несутъ тяжелую батраческую работу. Эти индѣйцы, такъ называемые «концiерто», собственно говоря, находятся у помѣщиковъ въ постыднѣйшемъ рабствѣ, и, къ несчастію, республиканское правительство и католическая церковь закрѣпили такія отношенія закономъ. Правда, концiерто получаетъ ничтожную подешую плату, и ему оставлено право жить со своимъ семействомъ гдѣ угодно и даже уходить отъ своихъ хозяевъ. Но денегъ онъ никогда въ руки не получаетъ, а своимъ правомъ мѣнять хозяевъ онъ и не пробуетъ пользоваться. Дѣло въ томъ, что взамѣнъ свободнаго мѣста жительства несчастному батраку отводится такой клочокъ земли, доходами съ котораго, состоящими изъ ячменя и картофеля, совершенно невозможно прокормить семью. Вслѣдствіе этого онъ начинаетъ забирать все въ долгъ у гаціендадо. Послѣдній самъ ведетъ долговую запись и ведетъ ее такъ, что въ короткое время несчастный концiерто оказывается настолько въ долгу, что о перемѣнѣ мѣста не можетъ быть и рѣчи. Тогда ему ничего не остается, какъ нести свое иго, и его же оставляетъ онъ дѣтямъ въ качествѣ единственнаго наслѣдства.

Если область воздѣланной почвы полосы гаціендъ лежитъ по склонамъ горъ ниже плоскогорья, та тамъ же, но только выше, находится

растительная область, называемая «Парамо», достигающая предѣла вѣчныхъ снѣговъ. Возлѣ нижней границы мы находимъ здѣсь луга изъ высокой травы, возлѣ верхней границы альпійскія растенія. Хотя, благодаря быстрымъ перемѣнамъ погоды, климатъ этихъ мѣстъ очень вре-

Индѣецъ изъ Эквадора.

денъ для здоровья, тѣмъ не менѣе область Парамо, благодаря своимъ обильнымъ пастбищамъ для рогатаго скота, лошадей и овецъ, является самою важною частью страны, главнымъ ея богатствомъ. Такъ какъ большая часть этой области представляетъ изъ себя не частную, но

общественную собственность, то, конечно, здѣсь свободно можетъ пастись и скотъ бѣдняка. Далѣе, эта область доставляетъ дрова для отопленія домовъ и траву для крышъ; наконецъ, это—неограниченное мѣсто для охоты, гдѣ водятся олени, кролики, утки, тетерева, маленькіе волки и медвѣди съ бѣлыми мордами. Во время революціи здѣсь находили себѣ убѣжище толпы вооруженныхъ людей, здѣсь же скрываются и преступники. Конечно, градъ и раннie морозы области Парамо простираются и на нижележащую полосу. И если ужъ постоянные обитатели этого горнаго хребта, отличающагося самой непостоянной погодой въ мірѣ, страдаютъ отъ неправильностей климата, то еще болѣе терпитъ отъ нихъ путешественникъ; кто изъ жаркой прибрежной полосы быстро подымется въ область Парамо, испытываетъ обыкновенно головную боль, обмороки, тяжесть въ желудкѣ,—словомъ, горную болѣзнь, которая не щадитъ даже верховыхъ и вьючныхъ животныхъ. Погода этой области представляетъ любимый предметъ разговоровъ для индѣйцевъ, которымъ черезъ нее приходится проходить. Одинъ вамъ разскажетъ, какъ застигнутый туманомъ и снѣжною метелью онъ принужденъ былъ провести ночь, плотно прижавшись къ утесу, босикомъ подъ легкимъ пончо (плащомъ); холодный вѣтеръ почти заморозилъ его. У другого, погонщика муловъ, одно изъ его нагруженныхъ животныхъ сошло съ дороги; только послѣ нѣсколькихъ часовъ блужданія по окрестностямъ животное было найдено мертвымъ въ глубокой пропасти между скалами. У третьяго случилось такъ, что нѣкоторые изъ его прекрасно знающихъ дорогу муловъ исчезли внизъ головой въ одномъ болотѣ, черезъ которое они раньше часто проходили безъ всякаго вреда. У четвертаго убило молніей товарища, такъ какъ электрическіе разряды здѣсь въ горахъ необычайно сильны. Фантазія индѣйцевъ видитъ въ горныхъ гигантахъ живыя существа, къ которымъ нужно относиться съ благоговѣніемъ и для которыхъ нѣтъ большаго оскорбленія, какъ дерзкая попытка проникнуть въ ихъ область, подняться на ихъ вершины. Такая попытка можетъ только вызвать ихъ месть, которая выразится въ губительной непогодѣ. Поэтому не удивительно, что несущій тяжесть индѣйскій проводникъ, видя такое намѣреніе со стороны путешественника, кричитъ ему въ видѣ предупрежденія: «El cerro se pondra bravo: смотрите, гора разгнѣвается!»

Восхожденіе на Котопахи.

(Рейсса.)

Мы перешли черезъ рѣчку Рio-Кутухо, обтекающую Котопахи съ западной стороны, и, перейдя черезъ ровную, покрытую рѣдкимъ кустарникомъ поверхность, достигли на высотѣ 3.547 метровъ той точки, от-

куда начинается крутой подъемъ на гигантскій вулканъ. Здѣсь остались мои спутники, и только нѣкоторые слуги изъ туземцевъ сопровождали меня до вершины.

На обращенной къ намъ сторонѣ могучаго вулкана тянулись внизъ двѣ глубокія пропасти, которыя начинались въ одномъ мѣстѣ, высоко наверху, на границѣ вѣчныхъ снѣговъ, и, расходясь все дальше другъ отъ друга, оканчивались внизу у рѣки. Мы собирались взобраться вверхъ по образовавшемуся такимъ образомъ огромному треугольнику, чтобы въ мѣстѣ соединенія обѣихъ пропастей, на границѣ снѣговой линіи, провести ночь.

Дорога была нелегка. Вначалѣ маленькія деревца покрывали почву, образуя цѣлый лѣсъ, такъ что было трудно прокладывать дорогу для вьючныхъ животныхъ. Выше попадалась только трава, которая была сильно повреждена пепломъ и вулканическою грязью. Затѣмъ послѣдовалъ третій поясъ, состоящій изъ такъ называемыхъ «ареналей»—мѣстъ, гдѣ вся поверхность покрыта чернымъ пескомъ и чернымъ пепломъ, а растительность совершенно исчезаетъ.

Почти весь западный склонъ Котопахи между 3.900—4.600 метр. представляетъ, благодаря подобнымъ ареналямъ, видъ черной, мрачной пустыни. Эти аренали производятъ на путешественника обезкураживающее впечатлѣніе. Здѣсь нельзя точно опредѣлять разстояніе и величину видимыхъ предметовъ; при каждомъ шагѣ нога погружается глубоко въ песокъ, и только съ большимъ трудомъ подвигаешься впередъ. Отсутствіе воды въ такой мѣстности, которая какъ будто нарочно создана, чтобы возбуждать жажду, отблескъ вулканическаго пепла, иногда почти металлическій, однообразная поверхность склона, всѣ неправильности которой сглажены вулканическимъ пескомъ, при дальнѣйшемъ подъемѣ становящимся все глубже и глубже, ничѣмъ ненарушаемая тишина этихъ мѣстъ, въ которыхъ человѣкъ является странникомъ, не имѣющимъ пристанища,—все это дѣйствуетъ на воображеніе. Мысли невольно обращаются къ тѣмъ таинственнымъ подземнымъ силамъ, которыя, какъ бы смѣясь надъ человѣческимъ стремленіемъ къ изслѣдованію, внезапно распространяютъ вокругъ себя смерть и разрушеніе и превращаютъ мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ растеній и животныхъ, въ безжизненныя пустыни.

Во всякомъ случаѣ при хорошей погодѣ черезъ эти аренали еще можно пробраться безъ особаго труда. Широкій видъ, который раскидывается съ этихъ высотъ, и близость покрытой снѣгомъ горной вершины—все это неудержимо притягиваетъ наблюдателя. Но въ дурную погоду, которая была во время нашего восхожденія, при вѣтрѣ и снѣгѣ эти мѣста, закутанныя въ облака, казались намъ почти недоступными.

Однако къ 2 часамъ дня мы добрались до конца склона, къ той

точкѣ, гдѣ сходятся другъ съ другомъ скалы, стоящія по краямъ обѣихъ пропастей; здѣсь же раздѣляется на-двое огромный потокъ лавы, который, нѣсколько выше этой точки, образуетъ цѣлое каменное море. Однако мы не могли видѣть очень далеко за хаосомъ нагроможденныхъ другъ на друга скалъ, которыя загораживали намъ дальнѣйшій путь впередъ. Снѣгъ такъ и валилъ хлопьями и въ короткое время покрылъ черный пепелъ слоемъ въ нѣсколько сантиметровъ толщиною. При такихъ обстоятельствахъ поставить палатку было дѣломъ нелегкимъ, такъ какъ большинство слугъ не хотѣли ничего дѣлать, съ недовольнымъ видомъ опускались на снѣгъ и преспокойно смотрѣли, какъ я работалъ, чтобы разбить для насъ палатки. Наконецъ, у меня терпѣніе лопнуло, и я заставилъ ихъ приняться за дѣло.

Приблизительно въ 6 часовъ вечера наверху горы прояснилось, и мы увидали величественное и необыкновенное зрѣлище. Прямо передъ нами вздымалась покрытая снѣгомъ вершина въ видѣ непомѣрно широкаго, но на взглядъ неособенно высокаго и поэтому неособенно крутого конуса; по почти вертикальнымъ стѣнкамъ скалъ, окружающихъ кратеръ съ этой стороны, и по самому краю кратера подымался паръ изъ фумаролъ въ видѣ бѣлыхъ облачковъ. Край кратера представлялся широкой линіей, съ высокими скалистыми зубцами на сѣверной и на южной сторонѣ, а у подножія утесовъ, увѣнчивающихъ кратеръ, виднѣлись очень крупныя аренали, по которымъ, равно какъ и по окружающему снѣгу, тянутся внизъ полосы камней, оторвавшихся отъ утесовъ. На юго-западной сторонѣ склона изъ аренали выступала огромная масса застывшей лавы и тянулась вплоть до мѣста нашего лагеря, гдѣ она, раздѣлившись на двѣ части, падала въ упомянутыя уже пропасти. Насколько я могъ видѣть, эта рѣка лавы состоитъ изъ четырехъ главныхъ потоковъ, которые, то сливаясь, то расходясь, представляютъ черную полосу, уже издалека замѣтную на склонѣ горы. Вся эта лава еще горяча, что можно замѣтить по многимъ фумаролямъ; вырывающіяся изъ нихъ облака пара видны по всему протяженію потока.

На другое утро гора показала вершину во всемъ блескѣ, хотя облака окутали своею непроницаемою вуалью не только низины, но и все, что находилось ниже 3.900 м. надъ уровнемъ моря, такъ что изъ-подъ нея выдавались только вершины горъ, увѣнчанныя снѣгами. Растаявшій за день снѣгъ за ночь превратился въ зеркально-гладкій ледъ, что и принудило насъ подождать съ дальнѣйшимъ восхожденіемъ до 7 часовъ утра.

Сперва наша тропинка вела черезъ скалы, а затѣмъ черезъ потокъ лавы; это было довольно легко и безопасно, такъ какъ каменистая поверхность лавы представляла надежную, твердую почву. Къ 9 часамъ

утра мы достигли верхняго конца лавоваго потока, поднявшись въ теченіе двухъ часовъ на 900 м. кверху. Начиная отсюда восхожденіе становилось труднѣе; подъемъ былъ возможенъ только по аренали, покрытой глубокимъ, мелкимъ пескомъ и постепенно становившейся все круче и круче. По обѣимъ сторонамъ ея разстилались широкія ледяныя поля, ступить на которыя было очень рисковано, тогда какъ дорога по песку была безопасна, хотя и очень трудна. Поворачивая то въ одну, то въ другую сторону, мы подвигались впередъ чрезвычайно медленно, такъ какъ путь по засыпанной пескомъ почвѣ заставлялъ насъ все чаще и чаще пріостанавливаться для отдыха.

До сихъ поръ покрытая снѣгомъ часть Котопахи оставалась чистой и свободной отъ облаковъ. Всходившее сзади вулкана солнце бросало отъ конуса на поверхность нижележащихъ облаковъ огромную тѣнь, которая простиралась вплоть до вершины Илиница, но съ каждымъ мгновеніемъ становилась все меньше и меньше, пока, наконецъ, дневное свѣтило не озарило нашъ путь. Изъ всѣхъ окрестныхъ вершинъ были видны только Илиница и Чимборазо, да еще на юго-западѣ надъ поверхностью облачнаго моря подымалась огромная масса, которая сливалась изъ четырехъ толстыхъ столбовъ пара, смѣшаннаго съ вулканическимъ пепломъ; она подымалась вертикально на огромную высоту и, подхваченная восточнымъ вѣтромъ, разстилалась на значительное пространство въ видѣ второго вертикальнаго слоя облаковъ. Подъ лучами солнца облака постепенно поднимались и, разсѣиваясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, открывали тамъ видъ то на ту, то на другую мѣстность, расположенную подъ нашими ногами. Какъ на огромной географической картѣ, мы различаемъ плоскогорье Лакатунга, вершину Раминагуа съ снѣжными полями, разбросанными между фантастическими зубцами утесовъ, а еще дальше долину Чило. Ближе къ намъ, почти подъ самыми нашими ногами, подымалась вершина «Кабеца-дель-Котопахи», въ сторону которой покрытый снѣгомъ и льдомъ склонъ опускался такъ круто, что отъ взгляда на него могла закружиться голова.

Однако облака подымались быстрѣй, чѣмъ мы, и между тѣмъ какъ нѣкоторыя легкія облачка съ востока долетѣли до самой вершины, масса облаковъ, лежащая на западѣ, настигла насъ. Когда не видишь передъ собой, куда идешь, то очень легко теряешь мужество и довѣріе къ своимъ силамъ, поэтому мнѣ при подъемѣ по аренали разъ или два приходили въ голову мысли, что мнѣ будетъ невозможно достигнуть вершины. Несмотря на это, мы добрались до самаго труднаго пункта всего восхожденія. Стало невозможно добраться до самаго верхняго конца аренали, которая привела насъ къ весьма высокимъ и совершенно отвѣснымъ утесамъ; мы должны были немного завернуть на югъ, чтобы добраться до скалъ, которыя находятся на юго-западномъ склонѣ

кратера по направленію къ «Кабеца-дель-Котопахи». Вначалѣ попытки перебраться къ этимъ скаламъ были безплодны, такъ какъ ледъ, подмѣшанный здѣсь къ песку, затруднялъ путь. Наконецъ, мнѣ удалось пробраться немного выше того мѣста, гдѣ эти скалы выглядываютъ изъ-подъ снѣга, и такимъ образомъ найти болѣе удобный переходъ къ нимъ. Въ 10 час. 15 мин. утра, добравшись до этихъ скалъ, которыя поднимаются надъ уровнемъ моря на 5712 м., я въ первый разъ присѣлъ, чтобы подождать моихъ спутниковъ, которые остались немного позади. Утесы, на которыхъ я находился, представляли изъ себя обломки старой лавы, разрушенной фумаролами, и уже начинали распространять отъ себя острый запахъ сѣрнистой кислоты. Взобраться по нимъ было очень трудно, благодаря ихъ очень крутымъ склонамъ и покрывавшей ихъ твердой почвѣ, куски которой выскальзывали изъ-подъ ногъ; однако, помогая себѣ руками и ежеминутно останавливаясь, мы подвигались впередъ, хотя и очень медленно.

Дальше мы пошли вдоль края снѣжнаго поля, покрывающаго южный склонъ; съ этой стороны неоднократно и раньше бывали попытки подняться на вершину горы. Однако тотъ, кто, подобно намъ, имѣлъ бы возможность разсматривать этотъ склонъ сверху, не удивился бы, что никому не было удачи на этой дорогѣ. Голубой плотный ледъ покрываетъ здѣсь весь скатъ, наклонъ котораго 35—40°. Правда, поверхность этого льда неровна, она скорѣе шероховата, благодаря многочисленнымъ зубцамъ и выступамъ около 10 сант. высотой, тѣмъ не менѣе по ней нельзя подниматься иначе, какъ вырубая себѣ ступени и ежеминутно рискуя паденіемъ, которое должно быть смертельно. Подниматься по твердому камню было далеко не такъ утомительно, какъ по аренали, которая не представляетъ надежной почвы подъ ногами, поэтому выше мы могли идти свободнѣе, остерегаясь камней, которые отрывались отъ скалъ горы и прыгали черезъ аренали огромными скачками, свистя какъ пули. То нагибаясь, то отскакивая въ сторону, мы старались избѣжать этихъ камней, иногда величиной съ человѣческую голову, которые летѣли внизъ съ высоты болѣе 300 метровъ. Одинъ изъ такихъ камней, упавшій на меня въ томъ мѣстѣ, гдѣ избѣжать его было невозможно, нанесъ мнѣ такую рану, которая едва не заставила меня повернуть назадъ почти у самой вершины.

Такъ какъ самая вершина была закутана облаками, то лежащіе передъ нами утесы казались очень высокими и удаленными. Однако, завернувши еще немного на югъ, мы внезапно очутились на вершинѣ. Въ этотъ моментъ облака разорвались, и человѣческимъ глазамъ впервые представилась внутренность кратера Котопахи. Кратеръ имѣлъ, если глядѣть отъ насъ, овальную форму, шире съ сѣвера на югъ, чѣмъ съ запада на востокъ. Со всей его окружности внизъ спускаются крутыя

каменныя стѣны и сходятся внизу почти въ одной точкѣ, такъ что въ глубинѣ кратера не образуется никакой площадки. На сѣверо-востокѣ почти сверху и донизу стѣнка кратера покрыта огромной массой снѣга, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ кратера можно видѣть только нѣсколько незначительныхъ ледяныхъ глыбъ. Многочисленныя осыпи, образовавшіяся со всѣхъ сторонъ, не даютъ различить строенія стѣнокъ. Особенно много такихъ обваловъ на западной сторонѣ кратера, тамъ все время слышенъ шумъ осыпающихся камней. Самая пологая сторона, съ которой, быть можетъ, возможно достичь дна кратера, это юго-восточная; тамъ можно замѣтить нѣсколько значительныхъ фумаролъ, которыя выбрасываютъ безъ всякаго шума густыя облака бѣлаго пара съ сильнымъ запахомъ сѣрнистой кислоты, а вокругъ фумаролъ образовался значительный налетъ сѣры. Кромѣ того, на юго-западномъ склонѣ, во многихъ мѣстахъ вырывается горячій паръ; однако здѣсь нигдѣ нельзя замѣтить никакихъ веществъ, осѣвшихъ изъ пара, ни яркой окраски окрестныхъ камней, которую часто можно наблюдать въ кратерахъ. Глубина кратера Котопахи, какъ кажется, достигаетъ 500 метровъ.

Пока я, сидя верхомъ на краю кратера, разсматривалъ отложенія фумаролъ, сильный порывъ вѣтра внезапно запорошилъ глаза пескомъ, пропитаннымъ сѣрнистой кислотой, что вызвало очень сильное, почти моментальное воспаленіе. Теперь, полуослѣпши, я могъ только думать о томъ, чтобы какъ можно скорѣе спуститься внизъ.

Въ 11 час. 45 мин. мы достигли края кратера, а въ 1 час. 15 мин. мы тронулись обратно. Подкрѣпившись нѣсколькими плодами кактуса и водкой, смѣшанной со льдомъ, мы весело и беззаботно тронулись внизъ; избѣгая, насколько можно, твердыхъ камней, мы бѣгомъ спускались по песку и мелкому щебню. Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже у начала лавоваго потока, а въ 3 час. 30 мин. мы вновь очутились на мѣстѣ нашей прежней стоянки, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда началась жестокая снѣжная метель; это обстоятельство, къ моему большому сожалѣнію, вынудило меня отказаться отъ болѣе точнаго изслѣдованія западнаго склона вулкана и возвратиться въ селеніе Санта-Анна.

Въ столицѣ Колумбіи.

(О. Бюргера.)

Городъ Богота, столица Колумбіи, лежитъ на высотѣ 2.600 метровъ, немного ниже области вѣчнаго снѣжнаго покрова въ Альпахъ. Разрѣженный воздухъ даетъ себя чувствовать, и только по прошествіи нѣсколькихъ недѣль начинаешь приспособляться къ здѣшнимъ условіямъ. Не можетъ Богота похвалиться и своимъ климатомъ. Съ декабря по мартъ продолжается лѣто; въ это время дождя не бываетъ

вовсе и солнце день за днемъ всходитъ на безоблачномъ небѣ. Зато въ остальное время рѣдкій день не идетъ дождь. Въ лучшихъ случаяхъ около полудня разражаются тропическіе ливни, превращающіе улицы въ ручьи; въ худшихъ—цѣлыми днями и недѣлями виситъ тонкій, пронизывающій и холодный туманъ, изъ котораго сѣется мелкій дождь. Къ этому присоединяются крайне рѣзкія колебанія температуры. Лѣтомъ между 11 и 3 часами дня убійственная жара; европейцамъ опасно ходить по улицамъ, и даже туземцы избѣгаютъ выходить изъ своихъ домовъ; напротивъ, ночью наступаетъ такой холодъ и даже морозъ, что въ окрестностяхъ города часто вымерзаетъ картофель; уже къ вечеру окружающія Боготу горы покрываются обыкновенно легкимъ инеемъ. Европеецъ въ Боготѣ встрѣчается съ тѣми же неудобствами, какія ожидаютъ жителя сѣверной Европы зимой въ Италіи, которую мы привыкли представлять себѣ какъ страну вѣчной весны и лѣта. Но если въ Италіи въ гостинницахъ еще можно найти каминъ, то въ Боготѣ приходится полагаться исключительно на плащъ и одѣяло. Впрочемъ, сами боготанцы рѣдко на это жалуются, а при разговорахъ съ иностранцами не безъ гордости указываютъ на «среднюю» температуру своего города въ 14—15° Ц.

Какъ городъ, Богота не представляетъ для европейца ничего выдающагося, кромѣ развѣ своихъ размѣровъ, по европейскому масштабу слишкомъ огромныхъ для города съ 100.000 жителей. Улицы вытянуты въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Первыя называются «каррера», вторыя—«калле» и обозначаются номерами по порядку. Народъ, впрочемъ, называетъ ихъ большей частью именами, обыкновенно заимствуемыми отъ церквей, которыхъ въ Боготѣ очень много. Въ центрѣ города дома большею частью двухъэтажные, съ многочисленными балконами, на окраинахъ—почти исключительно одноэтажные. Дома большею частью сложены изъ глиняныхъ, необожженыхъ кирпичей, но, благодаря своей пестрой окраскѣ, зеленымъ дверямъ и выступающимъ далеко наружу оконнымъ рѣшеткамъ, имѣютъ привлекательный, веселый видъ. Улицы хорошо вымощены и чисты, но ходить по нимъ доставляетъ мало удовольствія, такъ какъ жизни почти не замѣтно. Интересны лишь здѣшнія вывѣски: каждое заведеніе старается придумать для себя наиболѣе пышное заглавіе, не имѣющее ничего общаго съ своимъ ремесломъ; на вывѣскахъ, напр., портного стоитъ громкое «La Esperanza» (надежда), у шляпнаго магазина «La Corona» (корона), а у лавочки, торгующей сигарами,—«La Intimidad» (довѣріе).

Жители Боготы ложатся спать рано и спятъ долго. Магазины и конторы открываются не ранѣе 9 часовъ, затѣмъ отъ 11—1 часу они вновь закрываются на время завтрака и, наконецъ, въ 5 часовъ вечера

закрываются совсѣмъ. Въ 6 часовъ утра церковные колокола возвѣщаютъ наступленіе дня, призывая горожанъ къ мессѣ. Первыми просыпаются и наполняютъ улицы мальчишки; одни спѣшатъ съ ящиками и щетками для чистки сапогъ прохожимъ—ремесло, которому они выучились отъ эмигрировавшихъ сюда итальянцевъ, другіе разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ съ свѣже-отпечатанными газетами. Нищіе занимаютъ свои насиженныя мѣста около входовъ въ банкъ, на почту и перекрестки улицъ. По улицамъ начинаетъ свои рейсы конка, запряженная мулами, а улицы постепенно заполняются кучками болтающихъ «сеньоровъ» въ черныхъ пальто и цилиндрахъ и пеоновъ въ темныхъ плащахъ и бѣлыхъ высокихъ панамскихъ шляпахъ. Появляются продавцы сѣделъ и уздечекъ. Индѣйцы предлагаютъ ящички съ бабочками, пестрыя шкурки птицъ и мелкихъ животныхъ, ящерицъ и змѣиныя кожи—продукты болѣе низкой тропической области, такъ называемой tierra caliente. Они торгуютъ и живыми представителями животнаго царства. Вотъ отъ дома къ дому ходитъ человѣкъ, продающій броненосца; другой носитъ въ искусно сплетенной изъ бамбука клѣткѣ нѣсколькихъ попугаевъ, меланхолическій крикъ которыхъ очень любятъ здѣшніе жители; третій тащитъ маленькую обезьяну или связанную молодую тигровую кошку. На каждомъ шагу встрѣчаются продавцы орхидей и другихъ растеній. Нѣтъ недостатка и въ мѣстныхъ кустарныхъ издѣліяхъ: черной скорлупѣ кокосовыхъ орѣховъ съ красивой рѣзьбой, изготовленіемъ которой занимаются мѣстные арестанты, и картинахъ, изображающихъ какой-нибудь ландшафтъ съ большими птицами, при чемъ птицы сдѣланы изъ настоящихъ, пестрыхъ перьевъ. По улицамъ полнымъ карьеромъ скачутъ всадники на лошадяхъ и мулахъ; экипажи попадаются очень рѣдко, зато тамъ и сямъ видны носилки. Слышны звуки военной музыки и проходятъ, отбивая тактъ, солдаты, одѣтые наподобіе французскихъ, въ красные штаны, голубыя куртки и низкія кепи; всѣ они имѣютъ воинственный видъ: офицеры идутъ съ шашками наголо; на ногахъ у нихъ, впрочемъ, надѣты альпаргаты—родъ мѣстныхъ лаптей; по большимъ праздникамъ они надѣваютъ кожаные башмаки и бѣлые гамаши.

Утромъ въ субботу можно подумать, что весь городъ состоитъ изъ калѣкъ и больныхъ. Суббота—день нищихъ. Сосчитать и описать всѣхъ бѣдняковъ, которые проходятъ мимо, нѣтъ никакой возможности; очень часто попадаются люди съ искалѣченными руками; свои увѣчья они получили въ большинствѣ случаевъ на мельницахъ, гдѣ перемалывается сахарный тростникъ. Впрочемъ, милостыню просятъ часто и люди изъ высшаго класса, несомнѣнные «сеньоры»; въ числѣ такихъ нищихъ былъ даже одинъ писатель по профессіи.

Кто знакомъ съ уличными продавцами и нищими южно-европей-

скихъ странъ, тому естественно предположить, что въ тропическихъ странахъ, съ ихъ смѣшаннымъ населеніемъ, навязчивость всѣхъ этихъ людей должна быть гораздо сильнѣе. На самомъ дѣлѣ отъ нихъ отдѣлаться куда легче. Носильщикъ, стоящій безъ дѣла, правда, войдетъ за вами въ магазинъ, куда вы зашли, чтобы сдѣлать покупки, и тамъ будетъ предлагать свои услуги; если вы ѣдете верхомъ, васъ непремѣнно будетъ конвоировать цѣлое стадо мальчишекъ, ожидая, когда вы слѣзете съ лошади, чтобы покараулить ее за соотвѣтственное вознагражденіе; нищій, мимо котораго вы будете проходить, перечислитъ вамъ всѣ свои дѣйствительныя и мнимыя страданія, но онъ не побѣжитъ за вами, да и другимъ довольно сказать «no» (нѣтъ) или «nada» (ничего), чтобы они отстали.

Съ наступленіемъ темноты улицы совершенно пустѣютъ. Конка перестаетъ ходить и даже мальчишки исчезаютъ. Такой жизни по вечерамъ и ночью, какъ въ европейскихъ городахъ, здѣсь не существуетъ вовсе. Электрическіе фонари свѣтятъ лишь для немногихъ прохожихъ и для безконечнаго множества ночныхъ бабочекъ, совиноголовокъ и всевозможныхъ насѣкомыхъ, которыхъ привлекаетъ блѣдный электрическій свѣтъ. Они окружаютъ массами стеклянный шаръ, ползаютъ по бѣлымъ стѣнамъ домовъ и падаютъ на мостовую; натуралистъ найдетъ здѣсь для себя много интереснаго.

Самые крупные магазины находятся на улицахъ Calle Reale и Calle Florian; только немногіе изъ нихъ имѣютъ окна, но и тамъ, гдѣ есть послѣднія, магазины напоминаютъ всего лишь наши среднихъ размѣровъ лавочки. Ремесленники живутъ больше въ нижней части города. Здѣсь, какъ и въ Неаполѣ, всѣ работаютъ на улицѣ, въ раскрытыхъ дверяхъ. Если нужно что-нибудь купить или сдѣлать заказъ, то приходится пробираться съ трудомъ между учениками и рабочими въ глубь помѣщенія, гдѣ за прилавкомъ возсѣдаетъ самъ хозяинъ.

Наибольшее оживленіе можно наблюдать въ улицѣ Санъ-Мигуэль въ тѣ дни, когда тамъ собирается базаръ, что происходитъ три раза въ недѣлю. Здѣсь въ крытыхъ галлереяхъ рынка можно видѣть все, что производитъ Колумбія въ ея четырехъ климатическихъ поясахъ. Такого разнообразія плодовъ и овощей нельзя найти ни на какомъ другомъ рынкѣ. Tierra caliente присылаетъ сюда горы золотистыхъ манго, зеленыхъ и оранжевыхъ банановъ; tierra templada—испанскіе ананасы, фиги, апельсины и лимоны; въ нижней части tierra fria, недалеко отъ города, созрѣваютъ великолѣпныя яблоки и ежевика, доставляемыя сюда цѣлыми корзинами; наконецъ, около самой Боготы, въ такъ называемой «парамо», растетъ очень вкусный картофель. Кромѣ того, салатъ, золотистые початки кукурузы, томаты, бобы перемѣшиваются съ мѣшками риса и пучками сахарнаго тростника. Очень много также

всевозможной птицы, составляющей неизмѣнную принадлежность боготанскаго стола, но мало рыбы. Въ другой галлереѣ выставлены издѣлія европейскихъ фабрикъ и на ряду съ ними кустарныя туземныя: плетеная обувь, веревки, сумки, которыя изготовляются до сихъ поръ въ сосѣднемъ округѣ по древне-индѣйскому способу и оттуда доставляются въ Боготу, ящики изъ лубка для дровъ, цыновки, кухонная утварь, вырѣзанная изъ дерева, и національные музыкальные инструменты типль и бандола рядомъ съ гитарами и тамбуринами; снаружи длинными рядами выставлены глиняные горшки и сосуды, въ которыхъ сохраняютъ воду. Тутъ же на землѣ сидятъ женщины съ дюжинами кружекъ, выкрашенныхъ въ ярко-красную краску и потомъ разрисованныхъ золотистыми арабесками или пестрыми птицами и цвѣтами. Между всѣми этими драгоцѣнностями уже спозаранокъ движутся боготанскія хозяйки или кухарки, сопровождаемыя пеонами, немилосердно торгуясь направо и налѣво, такъ какъ цѣны въ виду небольшого спроса запрашиваются очень высокія. Звучатъ типли, съ которыми здѣшніе крестьяне не разстаются даже въ базарной сутолокѣ, стучатъ жестянки, съ которыми монахи различныхъ орденовъ переходятъ отъ одного лотка къ другому, собирая никкелевыя монеты.

Въ воскресенье лавки заперты, но оживленіе еще больше. Всѣ идутъ въ церковь, посѣщеніе которой не связано, повидимому, съ опредѣленной службой, такъ какъ во всякое время можно видѣть народъ, входящій и выходящій изъ церкви. Около полудня на площади играетъ военный оркестръ и тамъ собирается высшее общество; простонародье набивается къ вечеру въ многочисленныя «чичеріи» въ предмѣстьяхъ и проводитъ время весело за кружками съ чичой *).

Населеніе Боготы европейскаго или индѣйскаго происхожденія. Примѣсь негрской крови очень незначительна. Хотя въ настоящее время негры и встрѣчаются кое-гдѣ въ качествѣ поваровъ или слугъ, тѣмъ не менѣе появленіе негра на улицѣ производитъ такую же сенсацію, какъ въ любомъ захолустномъ европейскомъ городкѣ.

«Сеньоры» представляютъ собой потомковъ испанцевъ; доказательствомъ служатъ не только ихъ худощавыя, стройныя фигуры, но и чрезвычайная вѣжливость и изысканность обращенія. Ни одинъ дѣловой визитъ, ни одна самая простая встрѣча на улицѣ не обходятся безъ того, чтобы встрѣтившіеся не обмѣнялись между собой взаимными вопросами, какъ того требуютъ здѣшнія правила вѣжливости: «Какъ поживаете?»—«Тысячу благодарностей! Очень хорошо. А вы?»—«Благодарю васъ. Великолѣпно».—«А сеньора?»—«Очень благодаренъ. Отлично».—«А какъ здоровье вашей супруги?»—«Благодарю васъ. Она

*) Мѣстный напитокъ вродѣ водки.

чувствуетъ себя хорошо», и т. д., начиная отъ взрослыхъ членовъ семьи и кончая грудными младенцами. Любой сеньоръ, къ которому вы явитесь съ рекомендательнымъ письмомъ, прежде всего заявитъ вамъ, что онъ самъ и весь его домъ къ вашимъ полнымъ услугамъ. Если вы изъ вѣжливости выразите удивленіе передъ какой-нибудь вещью изъ его домашней обстановки, она сейчасъ же подносится вамъ какъ подарокъ. Конечно, это—лишь манера говорить, и хозяинъ даримой вещи совершенно увѣренъ, что его вещь такъ и останется при немъ. Сеньоры и сеньориты столь же вѣжливы въ обращеніи, какъ и мужская половина. Онѣ склонны къ полнотѣ и отличаются бѣлой окраской кожи, что въ соединеніи съ румянцемъ, покрывающимъ щеки, черными волосами, красиво обрамляющими лицо, темными глазами, бровями и рѣсницами и пухлыми губками придаетъ ихъ лицамъ очень привлекательное выраженіе.

Нигдѣ я не встрѣчалъ такихъ дѣтей-старичковъ, какъ въ семьяхъ боготанцевъ. Поговорка, что въ Боготѣ есть только большіе и маленькіе господа, совершенно справедлива. Какъ только мальчикъ надѣваетъ панталоны, онъ уже сеньоръ. Не только слуги, но и родители зовутъ его не иначе, какъ «сеньоромъ»; въ свою очередь и онъ, обращаясь къ родителямъ, называетъ ихъ «сеньоръ» и «сеньора». Маленькая дѣвочка отъ молочнаго рожка и до брачнаго алтаря для всѣхъ домашнихъ—«сеньорита». Дѣти держатъ себя какъ взрослые. Потребности игръ въ нихъ не существуетъ, кажется, вовсе; зато я цѣлыми часами наблюдалъ, какъ они, расположившись гдѣ-нибудь и болтая ногами, вели между собой очень серьезные дебаты. Въ образованіи они тоже не нуждаются, такъ какъ появляются уже на свѣтъ «благовоспитанными дѣтьми». Впрочемъ, они въ общемъ непритязательны, бѣгаютъ дома босикомъ, а выходя на улицу, подростки даже самыхъ значительныхъ семействъ надѣваютъ только плетеную обувь.

Потомки испанскихъ завоевателей до настоящаго времени представляютъ или крупныхъ землевладѣльцевъ, или ведутъ большія торговыя дѣла, или занимаютъ государственныя должности. Потомки индѣйцевъ въ лучшемъ случаѣ являются фермерами или владѣльцами небольшихъ участковъ. Креолы, испанскій элементъ, замкнуты въ отдѣльную касту, совершенно недоступную для индѣйцевъ. Послѣдніе происходятъ отъ индѣйскаго племени чибча, которое ко времени испанскаго нашествія населяло высокія плато восточныхъ Кордильеровъ и достигло значительной степени культуры. Боготанецъ испанской крови называетъ болѣе или менѣе чистыхъ потомковъ этого племени «indio»—«индѣйцами»—съ оттѣнкомъ презрѣнія. Индѣецъ почти никогда не скрываетъ своего происхожденія. Несмотря на сильное смѣшеніе съ европейцами, его расовыя черты, особенно лицо, измѣнились очень мало; они низки и

коренасты, шея короткая, члены худые. Лицо широкое, съ довольно высокимъ лбомъ и умѣренно выдающимися скулами. Отталкивающее выраженіе лицу придаетъ носъ, который въ верхней части слишкомъ узокъ, а книзу сильно расширяется; вдобавокъ складки, которыя тянутся отъ носа ко рту, выступаютъ черезчуръ рѣзко. Подбородокъ сильно развитъ и выдается впередъ, ротъ напротивъ малъ, съ узкими губами. Цвѣтъ лица равномѣрно желтоватый или коричневый. Глаза темно-каріе, волосы и брови черные; послѣднія обыкновенно бываютъ очень густы, тогда какъ борода рѣдкая. Въ общемъ черты лица очень напоминаютъ монгольскую расу. Женщины имѣютъ такой же типъ, какъ и мужчины, но слишкомъ быстро старѣютъ и часто бываютъ до того тощи и худы, что напоминаютъ бродячія муміи.

Индѣйцы всѣ безъ исключенія имѣютъ какой-то убитый, подавленный видъ. Нигдѣ и никогда я не видѣлъ такого стереотипнаго выраженія затаеннаго страданія, какъ у боготанскихъ неоновъ. Какъ часто и безуспѣшно ломалъ я себѣ голову надъ тѣмъ, чтобы вызвать улыбку на лицѣ какого-нибудь 18-лѣтняго малаго, сопровождавшаго меня цѣлыми днями въ моихъ экскурсіяхъ и мучившаго меня своимъ безпричинно мрачнымъ видомъ. Но всѣ мои попытки не имѣли никакого успѣха. Они еще отходятъ немного въ кругу своихъ, но по отношенію къ европейцамъ, будетъ ли это пріѣзжій иностранецъ или потомокъ ихъ старыхъ тирановъ, они чувствуютъ только ненависть; эта ненависть сдѣлалась уже инстинктивной, врожденной чертой ихъ характера, такъ какъ благодаря невѣжеству, въ которомъ умышленно держатъ ихъ бѣлые, они не знаютъ ничего объ исторіи своего племени. Положеніе ихъ, если принять во вниманіе, что нѣкогда они были хозяевами страны, дѣйствительно очень жалкое; но по сравненію съ тѣмъ игомъ, которое несли ихъ предки у своихъ испанскихъ господъ, теперешнее ихъ положеніе еще можетъ быть названо хорошимъ: во всякомъ случаѣ они являются свободными гражданами.

Зажиточный индѣецъ Боготы обыкновенно ремесленникъ или содержатель кабачка. Онъ представляетъ собою наше среднее сословіе. Но далеко бо́льшая часть ихъ ничего не имѣетъ и добываетъ свой хлѣбъ насущный самыми разнообразными способами. Многіе таскаютъ тяжести. Боготанскій носильщикъ взваливаетъ себѣ на спину цѣлыя горы ящиковъ и мѣшковъ и несетъ ихъ цѣлые километры. Взрослый носитъ на себѣ пудовъ 6 съ лишнимъ, дѣти свыше 10 лѣтъ отъ $2^1/_2$ до 4 пудовъ; телѣжки встрѣчаются очень рѣдко. Другіе индѣйцы разносятъ воду въ огромныхъ глиняныхъ сосудахъ или, если дѣла ихъ идутъ хорошо, покупаютъ осла, на котораго навьючиваютъ уже два такихъ сосуда. Очень многіе добываютъ себѣ пропитаніе, собирая и продавая разныя вещи. Они срѣзаютъ бамбукъ и ситникъ, который въ окрестно-

стяхъ Боготы достигаетъ вышины больше человѣческаго роста, и плетутъ изъ нихъ разныя издѣлія, или дѣлаютъ могильные вѣнки изъ вѣтвей и цвѣтовъ кустарниковъ, или, наконецъ, собираютъ и продаютъ топливо. Нѣкоторые занимаются охотой. Они стрѣляютъ колибри изъ длинныхъ стеклянныхъ трубокъ, выдувая изъ нихъ глиняные шарики; оружіемъ этимъ они владѣютъ въ совершенствѣ. Иногда они спускаются съ горъ и доходятъ до самыхъ льяносовъ, стрѣляя птицъ съ пестрымъ опереніемъ; шкурка снимается тутъ же на мѣстѣ. Въ лучшемъ случаѣ индѣецъ добудетъ въ день 60—80 такихъ шкурокъ. Обыкновенно такой охотникъ беретъ съ собой еще сѣтку и ловитъ бабочекъ, которыхъ упаковываетъ съ большимъ искусствомъ въ треугольныя бумажныя коробочки; попутно онъ собираетъ также жуковъ и раковины, улитокъ, стрекозъ и пр. Все это однако даетъ ему очень немного. Шкурка колибри стоитъ въ Боготѣ въ среднемъ отъ 1—3 копеекъ; сотня хорошихъ бабочекъ въ рѣдкихъ случаяхъ даетъ счастливому охотнику $1^1/_2$—2 рубля; остальное оплачивается грошами. Конечно, и жизнь такой охотникъ ведетъ самую жалкую. Живетъ онъ на чердакѣ какой-нибудь посады или хижины мелкаго земледѣльца, спитъ на землѣ; чашечка кофе съ парой маисовыхъ лепешекъ и тарелка мацаморры составляютъ его ежедневную пищу. Впрочемъ, на чичу и водку онъ затрачиваетъ втрое больше. Наиболѣе выгоднымъ промысломъ является собираніе орхидей, которое требуетъ, однако, ботаническихъ познаній.

Всѣ эти бабочки, птичьи шкурки и пр. вывозятся въ Европу; предварительно въ Боготѣ онѣ проходятъ черезъ нѣсколько рукъ, что значительно повышаетъ ихъ стоимость.

Всего ближе знакомится путешественникъ съ индѣйцами, когда приходится нанимать ихъ въ качествѣ погонщиковъ или проводниковъ. Индѣецъ съ плоскогорья—неутомимый ходокъ, по быстротѣ своего шага не уступающій любому мулу; въ пути онъ обыкновенно и не ѣдетъ верхомъ, а бѣжитъ рядомъ съ муломъ. Въ болѣе прохладныхъ областяхъ онъ можетъ идти такимъ образомъ въ теченіе 10—14 дней безъ всякой усталости; но въ болѣе жаркихъ областяхъ онъ по выносливости уступаетъ европейцу. Во время путешествія и обнаруживается характеръ индѣйца со всѣми его недостатками и достоинствами, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ выносливость и умѣренность. Свои хорошія качества онъ получаетъ отъ рожденія, воспитаніе на него совершенно не дѣйствуетъ. Индѣецъ Боготы трусливъ по природѣ; къ своему хозяину онъ никогда не привязывается и самый надежный способъ добиться его вѣрности—дать ему въ долгъ небольшую сумму денегъ. Онъ любитъ выпить, лишенъ иниціативы и неохотно идетъ навстрѣчу вашимъ желаніямъ. Въ дорогѣ онъ идетъ молча, безъ шутокъ; также лишенъ онъ и чувства красоты въ природѣ. Только запахъ чичи,

распространяющійся изъ посады, мимо которой приходится проходить, оживляетъ его взоръ, все время устремленный въ землю. Онъ очень заботится о томъ, чтобы ѣда происходила въ опредѣленные часы, и никакія увѣщанія не убѣдятъ его отступить отъ этого правила. Онъ не выходитъ до восхода солнца, а съ наступленіемъ темноты уже долженъ имѣть убѣжище на ночь и предпочтетъ самую жалкую хижину хорошей гостинницѣ, если для того, чтобы добраться къ послѣдней, ему нужно идти еще полчаса въ потемкахъ. У него много гордости и самолюбія; если относиться къ нему дружелюбно, онъ не замѣчаетъ этого, за строгія замѣчанія платитъ тѣмъ, что убѣгаетъ. Его сопротивленіе постоянно носитъ пассивный характеръ.

Индѣецъ—католикъ и ревностный приверженецъ церкви. Священникъ владѣетъ имъ безраздѣльно. Образованіе этихъ «цивилизованныхъ» индѣйцевъ стоитъ на самой низкой степени. Умѣющіе читать и писать встрѣчаются среди нихъ только какъ рѣдкія исключенія. Даже въ Боготѣ съ трудомъ можно найти индѣйца, который сумѣлъ бы разобрать номеръ дома; про нихъ разсказываютъ удивительныя исторіи. Но ихъ необразованность должна быть поставлена въ вину не имъ, а мѣстному правительству, находящемуся подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства; кромѣ того, несомнѣнно они глупѣютъ съ возрастомъ отъ неумѣреннаго употребленія чичи.

Между тѣмъ ихъ предки, индѣйцы чибча, были довольно развитой и интеллигентный народъ. Они умѣли обрабатывать мѣдь, серебро и золото, и издѣлія ихъ отличаются большимъ вкусомъ; напротивъ, бронза и желѣзо были имъ неизвѣстны. Орудія ихъ были сдѣланы изъ камня или дерева. Они были осѣдлы и имѣли поля, на которыхъ разводили кукурузу и картофель. Древне-индѣйское названіе картофеля «papas» сохранилось до сихъ поръ и не могло быть вытѣснено испанскимъ «пататы». Домашнихъ животныхъ чибча не имѣли, что объясняется составомъ здѣшней горной фауны. И въ настоящее время во всей сѣверной части Южной Америки нѣтъ мѣстныхъ домашнихъ животныхъ, если не считать прирученныхъ попугаевъ и ибисовъ. Только къ югу отъ экватора появляются въ качествѣ домашнихъ животныхъ ламы и морскія свинки, которыхъ испанцы нашли уже у инковъ. Теперь ламъ можно сплошь и рядомъ видѣть въ Боготѣ.

Предки теперешнихъ чибча одѣвались въ хлопчатобумажныя рубашки и плащи собственнаго издѣлія; они были также искусны въ изготовленіи посуды. Но они не умѣли, подобно ацтекамъ и инкамъ, строить каменныхъ зданій; они жили въ круглыхъ, крытыхъ соломою хижинахъ, а божества свои почитали на открытомъ воздухѣ или въ храмахъ, сдѣланныхъ изъ дерева. Зато ремесла процвѣтали у нихъ не менѣе, чѣмъ у древнихъ обитателей Мексики и Перу; особенно искусны они были

въ ювелирномъ дѣлѣ. Сохранившіеся отъ нихъ орнаменты, въ которыхъ большую роль играютъ спираль и кругъ, указываютъ на то, что древніе индѣйцы были, по всей вѣроятности, восточно-азіатскаго происхожденія. Ихъ католическіе потомки въ настоящее время стоятъ по развитію ниже своихъ языческихъ предковъ. Европейская культура не подняла индѣйца, а лишь заставила его позабыть свою собственную. Только талантъ искуснаго ремесленника еще сохранился у нѣкоторыхъ индѣйцевъ, и они съ большимъ искусствомъ дѣлаютъ цѣлыя картинки изъ перьевъ колибри или вырѣзаютъ различныя фигуры и сцены изъ дерева.

Но вернемся къ бѣлому населенію. Богота былъ гдѣ-то названъ городомъ траура, и это вѣрно, такъ какъ костюмы здѣшняго населенія сплошь почти чернаго цвѣта, какъ при погребеніи. Женщины и дѣвушки, даже дѣвочки-подростки, одѣваются сплошь въ черное, а голову покрываютъ черной же накидкой. «Сеньоръ» каждый день носитъ черный, длинный сюртукъ и черный же, старательно приглаженный цилиндръ, рѣдко свѣтлыя панталоны; въ холодную погоду надѣвается темное пальто обыкновеннаго покроя или длинный черный испанскій плащъ, который придаетъ такому «сеньору» видъ факельщика изъ похоронной процессіи. Индѣецъ одѣвается не менѣе траурно. Вмѣсто сюртука онъ носитъ темный плащъ, который рѣзко контрастируетъ съ бѣлой очень высокой и широкополой панамской шляпой, обыкновенно прикрывающей короткую и толстую голову болѣе или менѣе чистаго потомка древнихъ чибча. Индіанка также покрываетъ голову черной накидкой, поверхъ которой надѣваетъ еще широкую, но низкую шляпу. Только «сеньоръ» носитъ кожаные башмаки, индѣецъ ходитъ въ альпаргатахъ—мѣстной плетеной обуви, а бѣдные и совсѣмъ босикомъ. Лишь въ экстренныхъ случаяхъ здѣшнія дамы мѣняютъ свой траурный костюмъ на болѣе свѣтлыя, бальныя платья европейскаго покроя, а индіанки надѣваютъ бѣлыя рубашки, похожія на блузы. Бѣлыя дамы, въ отличіе отъ индіанокъ, не носятъ шляпы сверху накидки, а на балахъ надѣваютъ шляпы парижскаго фасона.

Жизнь хорошей боготанской фамиліи протекаетъ большею частью внутри дома. Только благодаря необходимости посѣщать церковь, члены семейства часто показываются на улицѣ. Общественныхъ развлеченій очень мало; изрѣдка бываютъ концерты или спектакли, послѣдніе однако не каждый годъ; вотъ и все. Никакихъ кофеенъ и кондитерскихъ въ Боготѣ не существуетъ. Впрочемъ, у боготанцевъ есть свое развлеченіе—ходить цѣлый день отъ одной лавки къ другой, всюду болтая, но нигдѣ не дѣлая покупокъ.

Чтобы ближе познакомиться съ жизнью здѣшняго общества, посѣтимъ какой-нибудь боготанскій домъ, куда мы имѣемъ рекомендатель-

ныя письма. Такъ какъ мы—«кабаллеро», то мы безъ всякихъ предупрежденій открываемъ дверь и входимъ; пеонъ долженъ сначала звонить у воротъ и ждать, когда ему отворятъ. Пріемная находится налѣво отъ входа, и мы, не стѣсняясь, заглядываемъ, нѣтъ ли въ ней кого-нибудь изъ хозяевъ. Если, какъ это часто бываетъ, въ пріемной никого нѣтъ, мы поворачиваемъ назадъ и выходимъ на внутренній дворъ—патіо, кругомъ котораго расположены жилыя комнаты и столовая (комедоръ). Столовая всегда находится противъ входа. Теперь мы должны громко позвать слугу. Въ ожиданіи, пока онъ явится, чтобы отвести насъ обратно въ пріемную и доложить о нашемъ посѣщеніи, мы имѣемъ достаточно времени разсмотрѣть красивый садикъ, составляющій украшеніе этого двора. Въ центрѣ его растетъ низкая пальма, а кругомъ тѣснятся высотою въ человѣческій ростъ геліотропы, фуксіи, исполинскія астры, розы, жасмины, перевитыя пурпуровыми пассифлорами, а на землѣ цвѣтутъ фіалки и лобеліи. По проволокамъ вьются орхидеи съ великолѣпными цвѣтами. Все это цвѣтетъ круглый годъ.

Тѣмъ временемъ Серафимъ, Цезарь или Ганнибалъ или другой слуга съ не менѣе громкимъ именемъ (будь это дѣвушка, она называлась бы Марія Інсусъ или—съ политической окраской—Конституція) услышали нашъ зовъ, и мы идемъ назадъ въ залу. Домъ изъ очень зажиточныхъ, судя по богатой обстановкѣ, дорогой мебели и коврамъ. Есть даже рояль, что по здѣшнимъ условіямъ считается большой роскошью, такъ какъ одна доставка его черезъ Кордильеры стоитъ дороже 500 рублей. Все, что мы видимъ кругомъ, привезено изъ Европы или Соединенныхъ Штатовъ: оконныя задвижки, зеркала, мебель, всякій желѣзный винтикъ и даже иголки. Навстрѣчу намъ выходитъ самъ хозяинъ дома. Онъ видитъ насъ въ первый разъ, тѣмъ не менѣе онъ дружески привѣтствуетъ насъ и выражаетъ свою радость, что мы посѣтили его домъ. Все—къ нашимъ услугамъ: онъ самъ, его семейство, его домъ. Въ слѣдующій разъ онъ встрѣчаетъ насъ еще сердечнѣе. Онъ обнимаетъ насъ, какъ дорогихъ друзей, и съ полминуты или болѣе похлопываетъ съ силою по спинѣ; мы, если не желаемъ показаться невоспитанными, должны отвѣчать тѣмъ же. Самыя вѣжливыя фразы расточаются съ обѣихъ сторонъ.

Иногда иностранецъ, еще мало знакомый съ мѣстными обычаями, можетъ очутиться въ очень странномъ положеніи. Онъ входитъ въ пріемную, но вмѣсто ожидаемаго хозяина дома, съ которымъ можно было бы вести чисто дѣловой разговоръ, выходитъ неизвѣстная еще ему хозяйка дома. Она молча отвѣчаетъ на его поклонъ, опускается на софу, вынимаетъ носовой платокъ и начинаетъ плакать. По временамъ она взглядываетъ на посѣтителя взоромъ, который еще больше вызываетъ смущеніе, и, наконецъ, какъ это было со мною, заставляетъ обратиться

къ ней съ вопросомъ, не потеряла ли она кого-нибудь. Тогда сеньора посмотрѣла на меня со страхомъ и перестала плакать. Позднѣе выяснилось, что она считала меня за человѣка, пришедшаго выразить ей свое сочувствіе, такъ какъ въ ея семьѣ умеръ какой-то дальній родственникъ.

Семейная жизнь протекаетъ очень однообразно. Днемъ глава семейства занятъ дѣлами, дамы часть времени удѣляютъ домашнимъ и материнскимъ заботамъ, а больше всего занимаются хожденіемъ по церквамъ и сплетнями съ различными родственницами и приживалками, которыхъ во всякомъ зажиточномъ боготанскомъ домѣ всегда бываетъ большое количество. Вечеромъ всѣ собираются въ залѣ, гдѣ немного музицируютъ. Прогулки и поѣздки въ окрестностяхъ города ограничиваются ежегоднымъ паломничествомъ къ капелламъ Монсеррата и Гвадалупы, расположеннымъ на горахъ надъ городомъ. Обыкновенно это бываетъ весною, и на богомолье отправляются всѣмъ семействомъ. Выступаютъ еще до восхода солнца, чтобы поспѣть во-время къ ранней обѣднѣ и полюбоваться панорамой снѣжныхъ вершинъ центральной цѣпи Кордильеровъ. Нѣсколько слугъ несутъ холодныя закуски. Дорога очень неудобная, поднимается зигзагами на высоту 600 метровъ и часто представляетъ собой не что иное, какъ высохшее русло горнаго потока. Неблагочестивыя восклицанія въ родѣ «карамба» (сто чертей!) или «карайя» (къ коршуну!) невольно вырываются у богомольцевъ при карабканьи по этой тропинкѣ; разрѣженный воздухъ дѣлаетъ его еще болѣе труднымъ.

Въ самые лучшіе мѣсяцы, декабрь и январь, состоятельный боготанецъ обыкновенно уѣзжаетъ на дачу. Онъ ѣдетъ туда, гдѣ тепло,—желаніе, вполнѣ понятное для того, кто жилъ долго въ Боготѣ,—и выбираетъ, смотря по степени своей любви къ теплу, какое-нибудь мѣстечко въ tierra templada или tierra caliente. Или онъ ѣдетъ брать ванны на минеральные источники, которыхъ много въ Колумбіи.

Однообразіе здѣшней жизни нарушается только праздниками, которые носятъ здѣсь шумный характеръ. На Рождествѣ большую роль играетъ фейерверкъ. На всѣхъ перекресткахъ и даже во дворахъ домовъ цѣлый день съ утра до вечера бросаютъ шутихи; днемъ пускаютъ ракеты, не смущаясь яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Больше всего принимаютъ участіе въ этой суматохѣ дамы. Въ праздникъ Зачатія устраивается большая иллюминація; всѣ церкви, посвященныя Мадоннѣ, блистаютъ въ сіяніи сотенъ маленькихъ свѣчей, которыми густо убраны окна, ниши и архитектурныя линіи фасада. Кромѣ того, иллюминуются также всѣ дома, въ которыхъ въ этотъ день приходится рожденіе хозяйки дома или она носитъ имя Концепціи (зачатіе). Вѣроятно, многіе изъ мужчинъ и мальчиковъ, имѣвшихъ счастье увидѣть въ этотъ день

свѣтъ, также принимаютъ участіе въ иллюминаціи. Зато церкви св. Доминика, Августина, Іосифа и др. стоятъ въ полномъ мракѣ. На Пасхѣ устраиваются процессіи. Въ Вербное воскресенье стѣны церквей едва вмѣщаютъ молящихся; они стекаются сюда въ огромномъ количествѣ, чтобы получить талисманъ отъ огня и болѣзни въ видѣ пальмовой вѣтви; настоящихъ пальмовыхъ вѣтвей здѣсь я, впрочемъ, совершенно не видѣлъ: ихъ замѣняютъ искусственныя плетенія, въ которыхъ колумбіанецъ старается усовершенствовать природу насколько возможно, придавая этимъ «пальмовымъ» вѣтвямъ видъ то креста, то епископскаго жезла, то сердца. На Пасхѣ все, что можетъ двигаться, идетъ въ процессіяхъ со свѣчами, знаменами и различными священными предметами.

Церковь въ Колумбіи владычествуетъ надъ всѣмъ. Еще приближаясь къ городу, путешественникъ видитъ сверкающія въ лучахъ заходящаго солнца часовни Монсеррата и Гвадалупы. Днемъ, до глубокой ночи, населеніе ходитъ по безчисленнымъ церквамъ. Если спросить кого-нибудь, гдѣ онъ живетъ, онъ назоветъ церковь, вблизи которой находится его домъ; дѣти учатся обыкновенно въ церковной школѣ. Монашескіе ордена, изгнанные изъ Венецуэлы, Бразиліи и Эквадора, нашли здѣсь себѣ пріютъ, и духовенство пользуется огромнымъ вліяніемъ на политическую жизнь страны.

На архипелагѣ Галапагосъ.

(Ч. Дарвина.)

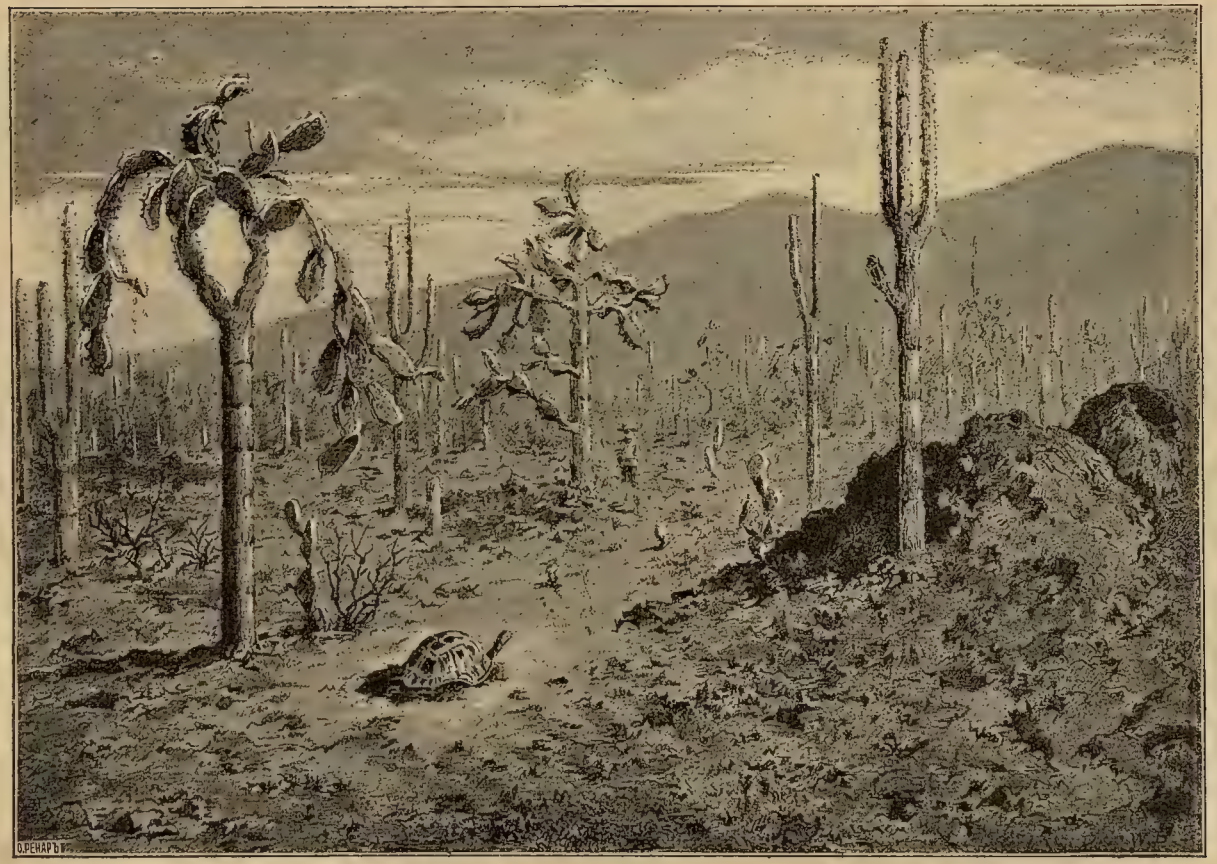
Утромъ 17 октября 1835 года мы высадились на островѣ Чатамѣ, который, какъ и другіе острова этого архипелага, рисуется на горизонтѣ мягкою, округленною линіей, изрѣдка пересѣченною разбросанными холмиками, остатками прежнихъ кратеровъ. Съ перваго взгляда ничего нѣтъ привлекательнаго: ровное поле черной базальтовой лавы, застывшей угловатыми волнами и пересѣченной большими трещинами, все покрыто частымъ кустарникомъ, который опаленъ солнцемъ и почти не показываетъ признаковъ жизни. Сухая почва, палимая полуденнымъ солнцемъ, придаетъ атмосферѣ спертый, душный характеръ печи; намъ показалось даже, что кустарникъ непріятно пахнетъ. Даже на маломъ разстояніи этотъ кустарникъ кажется такимъ же безлиственнымъ, какъ наши деревья зимой, и я, только близко присмотрѣвшись, увидѣлъ, что почти всѣ эти растенія были не только въ листьяхъ, но даже и въ цвѣту. Одинъ видъ акаціи и большой, страннаго вида кактусъ— единственныя деревья, дающія нѣкоторую тѣнь. Послѣ періода проливныхъ дождей острова покрываются, какъ я слыхалъ, на короткое время зеленью.

«Бигль» обошелъ вокругъ острова Чатама и останавливался на якорь во многихъ бухтахъ. Одинъ разъ я ночевалъ на берегу той части острова, которая необыкновенно изобиловала черными усѣченными конусами: съ вершины одного маленькаго холма я насчиталъ ихъ до шестидесяти, и всѣ они были увѣнчаны болѣе или менѣе правильными кратерами. Вышина ихъ надъ равниною лавы не превышала 50—100 футовъ; всѣ они уже, повидимому, давно потухли. Вся поверхность этой части острова пронизана, какъ рѣшето, подземными норами. Мѣстами лава, пока была еще мягка, вздулась большими пузырями; въ другихъ мѣстахъ верхушки образовавшихся такимъ образомъ пустотъ провалились, а пустоты образовали круглые колодцы съ крутыми стѣнками. Правильная форма многихъ кратеровъ придаетъ мѣстности искусственный видъ, живо напоминавшій мнѣ тѣ части въ Англіи (Стаффордшира), гдѣ особенно много большихъ желѣзоплавиленъ. День былъ самый знойный, и ходьба по этой неровной мѣстности сквозь заросли спутанныхъ кустарниковъ была чрезвычайно утомительна; но для меня все это вознаграждалось страннымъ характеромъ пейзажа. Я встрѣтилъ дорогою двухъ огромныхъ черепахъ, изъ которыхъ каждая вѣсила по крайней мѣрѣ по 200 фунтовъ. Одна изъ нихъ ѣла кактусъ; когда я приблизился, она поглядѣла на меня пристально и медленно поползла прочь.

Другая пронзительно зашипѣла и спрятала голову. Эти громадныя пресмыкающіяся, окруженныя черною лавой, безлиственнымъ кустарникомъ и огромными кактусами, показались мнѣ какими-то допотопными существами. (Немногія встрѣченныя мною птицы такъ же мало обратили на меня вниманія, какъ и на огромныхъ черепахъ.)

Послѣднія животныя, какъ мнѣ кажется, водятся на всѣхъ островахъ архипелага и ужъ навѣрное на большей части изъ нихъ. Они любятъ въ особенности высокія, сырыя мѣста, хотя попадаются и въ безплодныхъ областяхъ. Нѣкоторыя достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Одинъ англичанинъ разсказывалъ намъ, что онъ видѣлъ нѣсколько такихъ громадныхъ экземпляровъ, что нужны были усилія шести или восьми человѣкъ, чтобы ихъ поднять съ земли; нѣкоторыя изъ нихъ дали до двухсотъ фунтовъ мяса. Крупнѣе всѣхъ старые самцы; самки рѣдко достигаютъ такой величины; самецъ легко отличается отъ самки по болѣе длинному хвосту. Черепахи, живущія на безводныхъ островахъ или въ безплодныхъ нижнихъ частяхъ другихъ острововъ, питаются преимущественно сочными кактусами. Тѣ же, которыя живутъ въ возвышенныхъ влажныхъ частяхъ острововъ, ѣдятъ листья разныхъ деревьевъ и свѣтло-зеленый волокнистый лишайникъ, растущій пучками на стволахъ деревьевъ.

Черепаха очень любитъ воду, пьетъ ее въ большомъ количествѣ и



Видъ на Галапагосскихъ островахъ.

валяется въ грязи. Только на большихъ островахъ есть источники, и они всегда находятся въ центральной части, на довольно большой высотѣ. Поэтому черепахи, живущія внизу, принуждены для утоленія жажды проходить довольно значительныя пространства. Отъ этого происходятъ широкія, хорошо утоптанныя тропинки, развѣтвляющіяся во всѣ стороны отъ источника къ берегу моря; вода была найдена впервые испанцами именно съ помощью этихъ тропинокъ. Когда я высадился на островѣ Чатамѣ, я никакъ не могъ догадаться, какое животное такъ методически проходитъ по старательно избраннымъ тропинкамъ. Любопытно было видѣть множество этихъ огромныхъ животныхъ около ручья, какъ одни двигались впередъ съ вытянутой шеей, а другія, напившись вдоволь, уже возвращались отъ ручья. Когда черепаха подойдетъ къ ручью, то, не обращая никакого вниманія на зрителей, сейчасъ же погружаетъ голову выше глазъ въ воду и жадно пьетъ, дѣлая по десяти глотковъ въ минуту. Жители говорятъ, что каждое изъ этихъ животныхъ остается близъ воды два или три дня и послѣ этого возвращается въ низменныя мѣста; но насчетъ времени возобновленія этихъ походовъ мнѣнія различны. По всей вѣроятности, животное регулируетъ свои походы, смотря по роду пищи, которую оно принимаетъ. Достовѣрно однако же, что черепахи могутъ жить и на такихъ островахъ, гдѣ нѣтъ воды, кромѣ той, которая выпадаетъ во время рѣдкихъ дождей.

Пускаясь въ путь, черепаха идетъ день и ночь и достигаетъ цѣли своего путешествія гораздо скорѣе, чѣмъ этого можно было бы ожидать. Жители, по наблюденію надъ напередъ замѣченными экземплярами, полагаютъ, что черепаха проходитъ разстояніе около восьми миль въ два или три дня. Большая черепаха, которую я наблюдалъ, проходила до шестидесяти ярдовъ (77 аршинъ) въ десять минутъ, что составляетъ 360 ярдовъ (154 сажени) въ часъ. Во время моего пребыванія (въ октябрѣ) черепахи клали яйца. Тамъ, гдѣ почва песчаная, самка сладываетъ всѣ яйца вмѣстѣ и зарываетъ ихъ въ песокъ; тамъ же, гдѣ она камениста, она безъ разбора складываетъ ихъ въ какую-нибудь яму; одинъ изъ нашихъ спутниковъ нашелъ ихъ 7 штукъ, сложенныхъ въ трещину. Яйцо бѣлое и шарообразное; одно изъ нихъ я измѣрилъ: оно имѣло семь и три восьмыхъ дюйма въ окружности и было, слѣдовательно, больше куринаго. Большое количество только что выведшихся, молодыхъ черепахъ становится добычею сарычей. Старыя большею частью умираютъ отъ несчастныхъ случаевъ, напр., отъ паденія въ пропасти; по крайней мѣрѣ жители говорятъ, что они не видѣли ни одной черепахи, умершей отъ старости. Жители считаютъ этихъ животныхъ совершенно глухими; они дѣйствительно не слышатъ шаговъ идущаго за ними человѣка. Меня всегда очень забавляло перегонять какое-либо изъ этихъ большихъ чудовищъ, спокойно ползущихъ по дорогѣ: въ тотъ

самый мигъ, какъ я проходилъ мимо, оно внезапно вбирало голову и ноги и, испустивъ свистъ, тяжело падало на землю, какъ мертвое. Нерѣдко садился я къ нимъ на спину и, ударивъ нѣсколько разъ по задней части щита, заставлялъ ихъ подыматься опять на ноги и идти, но при этомъ мнѣ было весьма трудно удержаться въ равновѣсіи. Свѣжее и соленое мясо этихъ животныхъ употребляется въ пищу, изъ жира ихъ приготовляется отличное, прозрачное масло. Поймавши черепаху, дѣлаютъ надрѣзъ на кожѣ у хвоста и смотрятъ, довольно ли накопилось у нея на спинѣ жира. Если его окажется мало, то животное выпускается на свободу; говорятъ, что рана отъ такой странной операціи весьма скоро заживаетъ. Чтобы изловить сухопутную черепаху, недостаточно перевернуть ее на спину, какъ поступаютъ съ морскими черепахами, потому что онѣ нерѣдко въ состояніи опять перевернуться и стать на ноги. Эта черепаха безъ всякаго сомнѣнія относится къ числу первоначальныхъ обитателей острововъ Галапагосъ.

23 сентября Бигль продолжалъ путь къ острову Чарльсу. Жители этого острова всѣ представители цвѣтной расы, изгнанные за различныя преступленія изъ республики Эквадоръ. Колонія лежитъ въ $4^1/_5$ миляхъ отъ берега, на высотѣ, вѣроятно, около тысячи футовъ. Въ началѣ пути мы шли безлиственнымъ кустарникомъ, какъ на островѣ Чатамѣ, но выше лѣса постепенно становились зеленѣе, а перейдя горный хребетъ, пересѣкающій этотъ островъ, мы почувствовали прохладный южный вѣтерокъ, и взоры наши отдохнули на зеленой, густой растительности. Въ этой верхней полосѣ растетъ множество грубыхъ злаковъ и папоротниковъ, но древовидныхъ папоротниковъ нѣтъ. Я не встрѣтилъ также ни одного представителя семейства пальмъ, и это меня удивило тѣмъ болѣе, что за 360 миль къ сѣверу Кокосовый островъ даже названіе свое получилъ отъ обилія на немъ кокосовъ. Дома неправильно разбросаны по плоской равнинѣ, засѣянной бататами и бананами. Трудно себѣ представить, какъ пріятенъ былъ для насъ видъ чернозема послѣ выжженной почвы Перу и сѣвернаго Чили, на которую мы такъ долго глядѣли. Населеніе этого края хотя и жалуется на бѣдность, однако добываетъ себѣ безъ большого труда средства къ существованію. Въ лѣсахъ водится много одичалыхъ свиней и козъ, но главную часть животной пищи составляютъ черепахи. Число ихъ, конечно, замѣтно уменьшилось на этомъ островѣ, однако и теперь два дня охоты за ними доставляютъ пищи на цѣлую недѣлю. (Говорятъ, что прежде одно судно набирало ихъ до семисотъ и что за нѣсколько лѣтъ назадъ экипажъ одного фрегата принесъ однажды къ берегу до двухсотъ черепахъ въ одинъ день.)

29 сентября мы обогнули юго-западную оконечность острова Альбемарля и слѣдующій день одва не были застигнуты штилемъ между нимъ

и островомъ Нарборо. Оба эти острова залиты потоками черной, обнаженной лавы, которая или текла черезъ край огромныхъ котловинъ, какъ деготь черезъ край котла, въ которомъ онъ кипитъ, или, вырываясь черезъ меньшія отверстія въ бокахъ, стекала по отлогостямъ и заливала берегъ на нѣсколько миль. Извѣстно, что на обоихъ этихъ островахъ бывали изверженія, а на Альбемарлѣ мы сами видѣли струйку дыма, взвивающуюся на вершинѣ одного изъ большихъ кратеровъ. Вечеромъ мы высадились на островѣ Альбемарлѣ, и на слѣдующее утро я отправился бродить. Къ югу отъ разломаннаго туфоваго кратера, въ которомъ Бигль сталъ на якорь, находился другой такой же кратеръ, эллиптической формы, очень красивый и симметричный; наибольшая длина его была немного менѣе мили и глубина 500 футовъ. На днѣ его находилось мелкое озеро, посреди котораго возвышался въ видѣ острова небольшой кратеръ. День былъ невыносимо жаркій, а озеро такъ привѣтливо синѣло, что я поспѣшно сошелъ внизъ по обуглившейся отлогости и, задыхаясь отъ пыли, жадно припалъ къ водѣ. Но каково же было мое разочарованіе, когда оказалось, что эта вода солепая, какъ разсолъ!

Прибрежные утесы изобилуютъ большими черными ящерицами, имѣющими отъ 3 до 4 футовъ длины, а на горахъ также обыкновенъ другой видъ, желтовато-бурый и очень безобразный. Этихъ послѣднихъ видѣли мы очень много: иныя неповоротливо убѣгали съ дороги при нашемъ появленіи, другія прятались въ свои норы, которыя сами выкапываютъ между обломками лавы или еще чаще на ровныхъ мѣстахъ въ мягкомъ туфѣ въ родѣ песчаника. Норы эти не очень глубоки и направляются подъ незначительнымъ угломъ къ поверхности почвы. Отъ этого на мѣстахъ, изрытыхъ подобными норами, земля постоянно сыплется подъ ногой, что очень непріятно, особенно для усталаго ходока. Вырывая нору, животное работаетъ попеременно обѣими сторонами своего тѣла. Одна изъ переднихъ лапъ царапаетъ землю, передавая ее задней, которая выбрасываетъ ее вонъ изъ норы. Когда одна сторона тѣла устанетъ, ее смѣняетъ другая и т. д. Я наблюдалъ одну изъ такихъ ящерицъ очень долго, пока половина ея тѣла не скрылась въ землѣ; тогда я подошелъ и потянулъ ее за хвостъ; она этому очень удивилась и обернулась, чтобы посмотрѣть, въ чемъ дѣло; она посмотрѣла мнѣ въ лицо, какъ бы желая сказать: «съ какой стати ты тянешь меня за хвостъ?»

Онѣ питаются днемъ и не отходятъ слишкомъ далеко отъ своихъ поръ; если ихъ испугать, то онѣ сейчасъ же прячутся въ норы, при чемъ имѣютъ самую неуклюжую походку. Исключая того случая, когда онѣ бѣгутъ подъ гору, эти ящерицы не могутъ двигаться скоро, вѣроятно, вслѣдствіе бокового положенія ногъ. Онѣ вовсе небоязливы, иногда

внимательно слѣдятъ за кѣмъ-нибудь, свернувъ хвостъ кольцомъ и приподнявшись на переднихъ ногахъ, быстро кивають головой и стараются казаться чрезвычайно сердитыми; въ дѣйствительности же онѣ вовсе не злы и, если приблизиться къ нимъ, то хвостъ немедленно развертывается, и онѣ какъ можно скорѣе убѣгаютъ въ норы. Если подразнить ящерицу, придерживая ее палкой, то она крѣпко вцѣпляется въ нее зубами; но я не разъ ловилъ ихъ за хвостъ, и онѣ не старались кусаться. Если держать такимъ образомъ двоихъ вмѣстѣ, то онѣ передерутся и перегрызутся до крови.

Тѣмъ изъ этихъ ящерицъ, которыя живутъ на нижнихъ частяхъ острововъ,—а такихъ всего больше,—едва ли удается отвѣдать воды хоть разъ въ годъ, но онѣ ѣдятъ много сочныхъ кактусовъ, вѣтви которыхъ поломаны вѣтромъ. Я часто бросалъ куски этого растенія въ кучу ящерицъ; забавно было видѣть, какъ всѣ онѣ бросались на него и старались захватить зубами, словно собаки кость. Онѣ ѣдятъ довольно медленно, но не пережевываютъ пищи. Маленькія птички очень хорошо знаютъ всю безвредность этихъ животныхъ; я видѣлъ, какъ толстоклювый зябликъ клевалъ одинъ конецъ вѣтки кактуса, чрезвычайно любимаго всѣми животными нижней части острововъ, въ то время какъ ящерица ѣла другой конецъ; затѣмъ птичка съ величайшею беззаботностью сѣла ящерицѣ на спину.

Я вскрывалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и находилъ въ желудкѣ много растительныхъ волоконъ и листьевъ различныхъ деревьевъ, въ особенности акаціи. Въ высокихъ мѣстахъ онѣ по преимуществу питаются ягодами; подъ этими деревьями я видѣлъ ящерицъ, питающихся рядомъ съ неуклюжими черепахами. Онѣ лазятъ за листьями акаціи по низкимъ шероховатымъ стволамъ деревьевъ, и можно нерѣдко видѣть ихъ покойно качающимися на высотѣ нѣсколькихъ футовъ надъ землею. Вареное мясо ящерицъ бѣло и нравится тѣмъ, чьи желудки стоятъ выше всякаго предразсудка.

20 октября мы покинули Галапагосскіе острова.

Приморскій городъ въ Венецуэлѣ (Пуэрто-Кабелло).

(Аппуна.)

Пять часовъ утра. Корабль, послѣ благополучнаго плаванія, медленно приближается, при слабомъ вѣтрѣ, къ твердой землѣ Южной Америки. Отдаленныя приморскія Анды Венецуэлы еще облечены въ густой покровъ облаковъ, изъ котораго выдѣляются, въ живописныхъ формахъ, только нѣкоторыя самыя высокія вершины, окрашенныя въ синій цвѣтъ. Ближайшія горы, какъ и морской берегъ, погружены еще въ сѣроватый туманъ; только бѣлая пѣна прибоя, ударяющагося о ко-

ралловые острова, лежащіе при входѣ въ гавань Пуэрто-Кабелло, рѣзко отличается отъ темно-синей водяной массы, которая медленно катится къ берегу. Корабль нѣкоторое время лавируетъ передъ островами, выжидая наступленія дня и съ нимъ морского вѣтра, чтобы безопасно войти въ портъ. Новая земля привѣтствуетъ насъ роскошнымъ благоуханіемъ цвѣтовъ. Наконецъ разсвѣло. Солнце во всемъ своемъ блескѣ показывается надъ высокою горою Силла-де-Каракасъ и позлащаетъ облегающія горизонтъ облака, фантастическіе образы которыхъ принимаютъ все болѣе и болѣе яркіе цвѣта. Этотъ переходъ въ освѣщеніи открывающейся передо мною панорамы берега совершается съ такою изумительною быстротою, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за великолѣпными переливами цвѣтовъ, которые мѣняются съ каждой минутой на всѣхъ окружающихъ предметахъ, освѣщенныхъ лучами восходящаго солнца.

Золотистыя облака, окружавшія вершины горъ, разсѣялись, и послѣднія являются передъ зрителями окрашенными въ прелестный фіолетовый цвѣтъ. Высокія и крутыя гранитныя массы Санъ-Гиларіо кажутся серебристо-бѣлыми. Утренній вѣтеръ качаетъ верхушки пальмъ, покрывающихъ ближайшіе къ берегу отроги, и огненные лучи солнца, отражаясь отъ блестящихъ листьевъ, разливаютъ ослѣпительно-яркій свѣтъ. На ближайшихъ предгоріяхъ, поросшихъ низкимъ темно-зеленымъ кустарникомъ, кривою, колючею мимозою, кактусами въ 40 ф. вышины и агавами, стебель которыхъ достигаетъ 30 ф. высоты, круто поднимается въ видѣ темно-красной полосы дорога, ведущая въ райскую долину Санъ-Эстебанъ. Съ первой вершины предгорій, тоже поросшей почти непроходимымъ колючимъ кустарникомъ, горделиво смотритъ построенная испанцами сторожевая башня, съ толстыми бѣлыми стѣнами, ярко освѣщенными солнцемъ.

Городъ Пуэрто-Кабелло раскинулся на самомъ берегу и защищенъ построенною испанцами на косѣ, далеко вдающеюся въ море, крѣпостцою съ чрезвычайно толстыми стѣнами, на которыхъ поставлено штукъ тридцать пушекъ. Волны съ страшнымъ шумомъ разбиваются объ эту косу, состоящую изъ коралловыхъ рифовъ, и бѣлая пѣна буруна взлетаетъ высоко по скаламъ. Эти коралловые рифы, которые тянутся въ небольшомъ разстояніи отъ берега, сначала на сѣверъ, затѣмъ на востокъ и крайняя сѣверо-западная оконечность которыхъ, гдѣ прибой бушуетъ съ наибольшею силою, по справедливости прозвана «Опасный мысъ», защищаютъ городъ отъ напора волнъ Карибскаго моря, такъ что гавань Пуэрто-Кабелло принадлежитъ къ числу самыхъ спокойныхъ и безопасныхъ во всей Венецуэлѣ.

Нашъ корабль уже выкинулъ флагъ, и въ отвѣтъ на это привѣтствіе на крѣпостцѣ тоже вывѣсили венецуэльскій флагъ краснаго, го-

лубого и желтаго цвѣтовъ. Мы благополучно вошли въ портъ, обогнувъ крѣпостцу, и якорь съ грохотомъ покатился на дно спокойнаго въ этомъ мѣстѣ моря.

Все, что я увидѣлъ вокругъ себя, было ново для меня и поражало оригинальностью формъ и красокъ: кирпично-красный берегъ, архитектура зданій, странныя растенія съ исполинскими листьями и роскошными цвѣтами, наконецъ, люди бѣлаго, желтаго, смуглаго и чернаго цвѣтовъ, иные въ богатыхъ нарядахъ, другіе въ лохмотьяхъ или почти нагіе. Надо мною раскинулось синее тропическое небо, по которому несется стая пеликановъ, описывая зигзаги и оглашая воздухъ рѣзкимъ крикомъ. Вокругъ меня разстилается слегка волнующаяся поверхность моря, которое разбивается о берега, блистая зелеными, желтыми и пурпурными оттѣнками на лазурномъ фонѣ. Новизна и грандіозность этой картины поражаетъ зрителя до глубины души.

Послѣ визитовъ таможенныхъ и санитарныхъ властей нашъ корабль подошелъ къ пристани, такъ что я могъ сойти съ борта прямо на берегъ. Гавань Пуэрто-Кабелло похожа на большой спокойный бассейнъ, который тянется отъ города далеко на востокъ и южная сторона котораго поросла длинными полосами корнепуска, раздѣляющими эту лагуну на длинные каналы, въ которыхъ незнакомый съ мѣстностью легко можетъ заблудиться, плавая на лодкѣ.

Эти такъ называемые «мангры» состоятъ изъ различныхъ видовъ корнепуска и замѣчательны своеобразнымъ строеніемъ корней, которые поднимаются высоко надъ уровнемъ воды. Изъ вѣтвей корнепуска выдѣляется множество воздушныхъ корней, которые, спустившись въ воду, укрѣпляются тамъ и образуютъ новыя деревья, такъ что часто одно растеніе занимаетъ обширное пространство и тянется далеко въ море. Корни до такой степени перепутываются и имѣютъ такую крѣпкую ткань, что по нимъ можно спокойно ходить надъ водою. Корнепуски кишатъ вкусными алыми и голубыми краббами, которые прогуливаются по кустарникамъ; корни же ихъ усѣяны безчисленными съѣдобными устрицами, составляющими одинъ изъ промысловъ недостаточнаго населенія. Къ сожалѣнію, «мангры» весьма вредны въ санитарномъ отношеніи, потому что во время прилива море оставляетъ на корняхъ тину, грязь и другія гніющія вещества, которыя въ періодъ отлива, отъ дѣйствія знойныхъ лучей солнца, приходятъ въ броженіе и на большія пространства заражаютъ воздухъ, чему не мало способствуютъ также находящіеся на корняхъ разлагающіеся остатки моллюсковъ, которые, вслѣдствіе періодической смѣны прилива и отлива, бываютъ поперемѣнно подвержены то дѣйствію воды, то вліянію солнца. Полагаютъ, и не безъ основанія, что въ мангровыхъ кустарникахъ гнѣздится желтая лихорадка, повторяющаяся почти ежегодно въ подобныхъ мѣстностяхъ.

Гладкою скатертью, словно озеро, разстилается необозримая поверхность порта по утрамъ и вечерамъ, и суда, стоящія на якорѣ, отражаются въ ней какъ въ зеркалѣ. Въ это время морское дно похоже на роскошный садъ; великолѣпные кораллы, актиніи и морскія губки являются въ нѣжныхъ формахъ цвѣтковъ и растеній и, вслѣдствіе отраженія свѣта, играютъ великолѣпными переливами цвѣтовъ голубого, зеленаго и краснаго; рыбы яркихъ красокъ и странныхъ формъ плаваютъ въ хрустальной массѣ водъ или прячутся въ коралловомъ саду, раскинутомъ на днѣ тихаго моря.

Только около полудня, когда усиливается морской вѣтеръ, лазурная поверхность водъ подернется рябью и заливаетъ богатыя моллюсками коралловыя мели. Мели эти—сущій кладъ для натуралиста, и я впослѣдствіи очень часто посѣщалъ ихъ: онѣ населены странными улитками, раковинами, перендами, головоногими, морскими звѣздами, голотуріями и иглокожими, которыя своимъ оригинальнымъ образомъ жизни и своеобразными движеніями представляютъ естествоиспытателю обширное поле для наблюденія. Бывало, возьмешь лодку и отправишься на коралловую мель, лежащую среди моря. Добравшись до мели и привязавъ гдѣ-нибудь лодку, предпринимаешь экскурсію пѣшкомъ, часто по поясъ въ водѣ, при чемъ необходима нѣкоторая осторожность. Не говоря уже о большихъ иглокожихъ, которыя во множествѣ лежатъ между коралловыми деревьями и чрезвычайно больно колютъ ноги своими длинными черными иглами, иногда вы вдругъ вскрикиваете отъ ужаса при видѣ спины или пера акулы. Въ этихъ случаяхъ я бросался къ челну и тащилъ его руками до открытаго моря, затѣмъ перепрыгивалъ съ мели въ челнъ и поспѣшно удалялся на другую мель продолжать наблюденія и ловлю мирныхъ морскихъ обитателей. Нерѣдко случается также, что большой осьминогъ обвивается своими длинными щупальцами вокругъ голыхъ ногъ ревностнаго собирателя коллекцій и прицѣпливается съ помощью находящихся на концѣ щупальцевъ присасывательныхъ бородавокъ такъ, что несчастному натуралисту стоитъ немалаго труда освободиться отъ отвратительнаго животнаго; или бываетъ, что иглистый скатъ, растянувшійся на тинистомъ днѣ, наноситъ вамъ весьма опасныя раны своимъ длиннымъ плетеобразнымъ хвостомъ, снабженнымъ на концѣ загнутыми крючкомъ иглами. Никогда однако подобная экспедиція не оканчивалась безъ того, чтобы мнѣ не удалось набрать полный челнокъ морскихъ сокровищъ, изъ которыхъ, впрочемъ, половина всегда погибала отъ зноя и недостатка морской воды, прежде чѣмъ я добирался до дому; актиніи и голотуріи (морскія кубышки) съеживались, у иглокожихъ выпадали иглы, моллюски расплывались какъ студень, и даже у меня самого тѣ мѣста тѣла, которыя были обнажены во время странствованія

въ водѣ, а также лицо и шея принимали отъ жгучихъ лучей солнца великолѣпный красный цвѣтъ, какой бываетъ у варенаго рака, послѣ чего всегда появлялось сильное воспаленіе на кожѣ и зудъ, продолжавшіеся по нѣскольку дней.

Верфь образуетъ большую площадь, куда выходятъ главныя улицы внутренняго города; главное зданіе въ верфи—это таможня, большой старинный домъ обыкновенной архитектуры; всѣ остальные дома на площади, какъ и во всемъ почти городѣ, имѣютъ по одному этажу, лежащему въ уровень съ землею; они по большей части похожи одинъ на другой какъ двѣ капли воды, всѣ покрыты снаружи кирпичомъ, выбѣлены бѣлою краской и имѣютъ большія окна безъ стеколъ, которыя замѣнены зелеными деревянными рѣшетками и ставнями.

Во время сбора кофе и какао въ здѣшній портъ приходитъ много иностранныхъ судовъ, и тогда на верфи царствуетъ шумная жизнь. Цѣлыя горы мѣшковъ съ кофе и какао, тюковъ хлопка, ящиковъ индиго, кожъ, коровьихъ роговъ, разнаго дерева, какъ-то: бакаутоваго, желтаго, краснаго, кедроваго и т. д., лежатъ здѣсь приготовленныя къ погрузкѣ, и около нихъ снуетъ и суетится толпа негровъ, мулатовъ, замбосъ и разныхъ другихъ цвѣтныхъ разновидностей, происшедшихъ отъ смѣшенія трехъ человѣческихъ расъ. Потъ крупными каплями струится по ихъ голому тѣлу и блеститъ на солнцѣ; шумъ и гамъ всей этой безъ толку суетящейся толпы сливается съ мѣрнымъ пѣніемъ работающихъ на суднахъ матросовъ и производитъ такой диссонансъ, что человѣкъ непривычный и безъ того уже не знающій, куда дѣваться отъ невыносимаго зноя, приходитъ въ совершенное отчаяніе. Смуглые туземцы съ попугаями, обезьянами и другими рѣдкостями животнаго царства стараются протѣсниться сквозь толпу, чтобы продать на судахъ свой товаръ, и каждый изъ этихъ звѣрей по мѣрѣ силъ аккомпанируетъ раздирающему уши концерту. Даже растенія—и тѣ какъ будто пытаются принять участіе въ этомъ общемъ гамѣ. Стройныя кокосовыя пальмы съ ихъ колоссальными вѣерами, стоящія вокругъ бассейна на площади, соперничаютъ въ этомъ отношеніи съ длинными атласными листьями банановъ, которые съ любопытствомъ выглядываютъ черезъ стѣны садовъ и, качаемые легкимъ вѣтеркомъ, нашептываютъ своимъ сосѣдямъ тайны, которыя онъ приноситъ имъ изъ дальнихъ краевъ.

Долго стоялъ я на площади, наблюдая новую для меня, оригинальную жизнь. Между тѣмъ солнце поднялось уже высоко, посылая на землю свои палящіе лучи; оно, наконецъ, прогнало меня съ площади и заставило искать болѣе прохладнаго мѣста. Медленно поплелся я по улицамъ такъ называемаго внутренняго города. Улицы эти довольно широки, вымощены, имѣютъ тротуары и выходятъ на большія немощеныя пло-

щади, изъ которыхъ ни одна не можетъ похвалиться красивыми зданіями. На одной изъ площадей находится церковь, низенькое, неказистое зданіе, такъ что трудно было бы догадаться о его назначеніи, если бы не колоколъ, повѣшенный тутъ же рядомъ на деревянной перекладинѣ и въ который по большимъ праздникамъ чернокожіе парни трезвонятъ изо всѣхъ силъ.

Внутренній городъ служитъ главнымъ образомъ резиденціей иностранцамъ, въ особенности негоціантамъ, которые имѣютъ здѣсь склады товаровъ. Улица «Свободы» почти вся состоитъ изъ складовъ, изъ которыхъ иные новые и очень изящно отдѣланные, съ жилыми помѣщеніями наверху, такъ что эту улицу можно, по справедливости, назвать самою большою и красивою во всемъ городѣ.

Всѣ склады имѣютъ обширныя помѣщенія и въ этомъ отношеніи не уступаютъ величайшимъ складамъ въ Европѣ; они до такой степени переполнены товаромъ, что остается лишь нѣсколько узенькихъ проходовъ. Тишина, царствующая въ этихъ магазинахъ, гдѣ торговый міръ совершаетъ свои грандіозныя операціи, составляетъ рѣзкій контрастъ съ шумною жизнью, господствующею на улицахъ.

Во время сбора кофе, съ января до апрѣля, по улицѣ Свободы нельзя ни пройти, ни проѣхать, потому что вся она, во всю длину и ширину, занята ослами, мулами и лошадьми, изъ которыхъ одни пришли съ мѣстными продуктами, а другіе возвращаются внутрь края, нагруженные мануфактурнымъ товаромъ. Обыкновенно отъ 6 до 8 этихъ животныхъ связываются вмѣстѣ, и состоящій при этомъ караванѣ погонщикъ муловъ (arriero) никогда не дастъ себѣ труда разставить ихъ такъ, чтобы оставалось свободное пространство для прохода: онъ предоставляетъ животнымъ располагаться, какъ имъ заблагоразсудится, и потѣшается надъ несчастнымъ пѣшеходомъ, который принужденъ лавировать между стоящими гуськомъ или лежащими на землѣ вьючными животными.

Въ концѣ этой улицы находится городская тюрьма, неказистое зданіе, и рядомъ съ нею домъ городского управленія, построенный въ очень красивомъ, безыскусственномъ стилѣ. На площади стоитъ низкая колокольня, назначеніе которой показывать время; служба при этой колокольнѣ исполняется часовыми, которые бьютъ въ колоколъ каждый часъ, съ четырехъ утра до девяти вечера; впрочемъ, вечеромъ очень неаккуратно, такъ что раздѣленіе времени зависитъ совершенно отъ усмотрѣнія часового.

Двѣ параллельныя улицы ведутъ съ этой площади на базарную площадь, гдѣ съ пяти часовъ утра до десяти царитъ необыкновенное оживленіе, съ неизбѣжнымъ шумомъ и гамомъ. Главную роль здѣсь играютъ негритянки съ острова Кюрасао, занимающіяся продажею всякаго рода

фруктовъ, и если вы не желаете услыхать ихъ не совсѣмъ любезныя рѣчи и подвергнуться выходкамъ ихъ буйнаго права, то должны относиться къ нимъ съ такимъ же почтеніемъ, къ какому привыкли, напр., рыбныя и овощныя торговки въ Берлинѣ.

Въ оригинальномъ костюмѣ, съ большимъ пестрымъ платкомъ на головѣ, обвитымъ въ видѣ чалмы и защищающимъ отъ солнечнаго зноя, вооруженныя большими дождевыми зонтиками, эти торговки сидятъ передъ своимъ товаромъ—великолѣпными тропическими фруктами—и предлагаютъ его проходящимъ на своемъ тарабарскомъ парѣчіи, состоящемъ

Рынокъ въ венецуэльскомъ городѣ.

изъ смѣси голландскаго, испанскаго и какого-нибудь африканскаго языковъ.

Я остановился въ удивленіи передъ этими грудами фруктовъ и не могъ налюбоваться разнообразіемъ ихъ формы и красокъ. Какой роскошный ароматъ распространяли они въ воздухѣ! Мнѣ невольно припомнилось изъ «Тысячи и одной ночи» художественное описаніе тропическихъ фруктовъ, и я пожалѣлъ только, что вижу передъ собой не индѣйскихъ или персидскихъ принцессъ, а безобразныхъ толстыхъ негритянокъ съ черными, сморщенными лицами, которыя отъ моего продолжительнаго наблюденія начинали уже принимать сердитое выраженіе. Не подозрѣвая еще о грозившей съ этой стороны опасности, я

продолжалъ спокойно свои изслѣдованія. Въ особенности меня поразили огромные золотистаго цвѣта ананасы, круглая, величиною съ человѣческую голову, маммея; похожая на желтую сливу манга; ароматическая чешуйчатая анона; желтая, похожая на грушу или яблоко, гуйява; круглые краснобокіе гранаты; многіе сорта золотисто-желтыхъ лимоновъ, величиной отъ человѣческой головы до куринаго яйца, и еще многіе другіе, неизвѣстные мнѣ въ то время, фрукты. Тутъ же лежали груды кокосовыхъ орѣховъ и различныя разновидности вкусныхъ, свѣтло-желтыхъ, имѣющихъ форму огурца, банановъ, а также необходимые для здѣшней кухни овощи: чеснокъ, уродливый колоссальный ямсъ и похожіе на картофель бататы. Не были забыты также всевозможные роды овощей и травъ, употребляемые въ кухонномъ искусствѣ; изъ европейскихъ же овощей есть только картофель, большею частью привозный изъ Европы, да здѣшняго производства огурцы, свекла, рѣдиска, капуста и салатъ, но всѣ эти овощи всегда стоятъ въ очень высокой цѣнѣ.

Какъ ни соблазнительны были для меня эти фрукты, я однако не рѣшился пробовать ихъ, помня слышанныя мною отъ разныхъ лицъ предостереженія, что для человѣка, въ первый разъ прибывшаго подъ тропики, употребленіе фруктовъ въ высшей степени опасно, потому это они сильно охлаждаютъ желудокъ, послѣдствіемъ чего очень часто бываетъ желтая или перемежающаяся лихорадка, или дизентерія, какъ я потомъ много разъ имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ.

Но моя осторожность вскорѣ оказалась пагубною для меня въ другомъ отношеніи, и я увидѣлъ, что пора прекратить мой обзоръ фруктовъ. Сначала я услыхалъ оживленные монологи за грудами фруктовъ, напоминавшіе сердитое ворчанье цѣпной собаки, передъ тѣмъ какъ она бросается съ дикимъ лаемъ на неосторожно подошедшаго къ ея конурѣ; вскорѣ эти монологи перешли въ рѣзкіе крики; тутъ только я догадался, что причиною гнѣва хранительницы этихъ рѣдкостей было мое долгое глазѣнье.

Съ ужасомъ взглянулъ я на непріятеля: черное, морщинистое лицо мегеры выпучило на меня глаза, словно хотѣло проглотить меня. Правую руку старуха протянула къ близъ стоявшей толстой трости, ужъ не знаю, для того ли, чтобы раздробить ее въ своихъ чудовищныхъ челюстяхъ, или прогуляться по моей спинѣ. Я бросился опрометью, не желая на первыхъ же порахъ по прибытіи въ Америку сдѣлаться мученикомъ ботаники. Бѣгство привело меня въ то мѣсто рынка, гдѣ продаютъ рыбу, и я уже испугался было, что попалъ изъ огня въ полымя, но, по счастію, скоро убѣдился, что здѣсь прекрасный полъ не участвуетъ въ продажѣ рыбы. Великолѣпный ароматъ фруктовъ смѣнился въ этомъ мѣстѣ сильнымъ, хотя и не совсѣмъ пріятнымъ

запахомъ мертвыхъ морскихъ животныхъ. На доскахъ было разложено множество большихъ морскихъ рыбъ, какъ-то: круглая колючая рыба съ острыми зубами, маленькая акула, пила-рыба и пр.; колючій лангустъ, превосходящій по величинѣ омара, огромной величины пестрые крабы, съѣдобныя морскія улитки предлагались смуглыми рыбаками въ качествѣ деликатесовъ. Продавцы—очень вѣжливый народъ, такъ что я могъ, сколько душѣ угодно, разсматривать ихъ товаръ, ничего не покупая и не рискуя поплатиться за изслѣдованіе собственными боками.

Такъ какъ судьба завела меня въ царство пикантныхъ запаховъ, которые я отгонялъ, по возможности, сигарою, то я рѣшился заглянуть по пути и въ мясной рядъ, гдѣ продается преимущественно коровье и свиное мясо. Вывѣшенное здѣсь мясо не имѣетъ того аппетитнаго вида, какъ въ европейскихъ мясныхъ лавкахъ: оно разрѣзано на маленькіе длинные куски; свинина же, кромѣ того, предлагается покупателю въ разсолѣ, состоящемъ изъ кислыхъ апельсиновъ, испанскаго перцу, чесноку и огромной порціи соли, такъ какъ она, при здѣшнихъ жарахъ, очень недолго можетъ сохраняться въ свѣжемъ состояніи. Больше всего поразили меня длинныя и твердыя черныя полосы, словно толстые ремни, висѣвшія на перекладинахъ; оказалось, что это высушенное на солнцѣ мясо, которое особенно въ большомъ употребленіи въ деревняхъ, гдѣ оно замѣняетъ свѣжее мясо. Впослѣдствіи мнѣ, во время моихъ странствованій вдали отъ городовъ, пришлось близко познакомиться съ этимъ продуктомъ; первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, было не совсѣмъ благопріятное, чему, впрочемъ, болѣе всего способствовалъ непріятный его запахъ.

Я охотно удалился изъ этой части рынка, гдѣ передъ моимъ желудкомъ открывалась печальная перспектива.

Въ окружающихъ базарную площадь рядахъ продаются разные другіе товары, какъ-то: красный товаръ, желѣзныя и мѣдныя вещи, напитки—кофе, ромъ, водка изъ сахарнаго тростника, кожа плода тыквеннаго дерева, употребляемая вмѣсто тарелокъ, ложекъ и т. п., а возлѣ площади стоитъ множество ословъ съ кукурузою, до такой степени нагруженныхъ, что отъ всего животнаго видны только характеристическія уши, выглядывающія изъ-подъ маисовыхъ листьевъ. Шумъ и толкотня на базарной площади увеличивались съ каждою минутою; люди всѣхъ цвѣтовъ кожи, за исключеніемъ синяго и зеленаго, бѣгали и суетились.

Жгучіе лучи солнца падали почти вертикально на прикрытыя соломенными шляпами или носовыми платками головы всего этого люда; мнѣ не хотѣлось долѣе подвергать мою голову и кожу дѣйствію тропическаго солнца, и потому я укрылся въ ближайшей гостиницѣ. Здѣсь тоже ки-

пѣла шумная жизнь; неумолимыя требованія желудка соединили здѣсь множество посѣтителей, большею частью въ свѣтлыхъ, хотя и не особенно модныхъ костюмахъ; эти посѣтители, въ ожиданіи обычнаго звонка, призывающаго къ столу, прохлаждались любимыми въ Венецуэлѣ напитками, настойкой на мятѣ или можжевельникѣ, или водкой съ примѣсью какой-то эссенціи. Собравшаяся публика помѣщается въ двухъ большихъ комнатахъ. Въ одной изъ нихъ стоитъ бильярдъ, въ другой находится буфетъ, гдѣ пребываетъ большинство посѣтителей. Вокругъ бассейна на улицѣ, возлѣ гостиницы толпится масса шумныхъ людей; черные, смуглые и цвѣтные парни и дѣвушки, съ боченками, большими глиняными кувшинами и тыквенными бутылками въ рукахъ, бранятся и толкаются, такъ какъ всякій старается поскорѣе набрать воды; погонщики ословъ навьючиваютъ своихъ животныхъ, чтобы спабдить нужнымъ своихъ постоянныхъ покупателей.

Поднимается страшнѣйшій шумъ. Два чернокожіе парня не на шутку заспорили между собой, и дѣло можетъ быть порѣшено только кулачнымъ поединкомъ. Черпавшая воду публика пріостановила свою работу, чтобы полюбоваться столь занимательнымъ зрѣлищемъ, которое не могло быть разстроено вмѣшательствомъ полиціантовъ или жандармовъ, извѣстныхъ здѣсь развѣ только изъ европейскихъ газетъ. Бойцы уже сняли съ себя рубашки и положили ихъ въ безопасное мѣсто, изъ предосторожности, чтобы во время борьбы какъ-нибудь не порвать свой костюмъ. Противники со скрещенными, по правиламъ боксерскаго искусства, на груди руками, прежде всего ударились съ разбѣгу своими курчавыми головами; черепы издали глухой звукъ, но не разбились. Этотъ маневръ былъ повторенъ еще два раза, пока ратоборцы не убѣдились, что этимъ путемъ, несмотря на всѣ усилія, не прольешь ни одной капли крови. Затѣмъ послѣдовалъ кулачный бой; противники охотно вцѣпились бы другъ другу въ волосы, какъ это водится у цивилизованныхъ длинноволосыхъ человѣческихъ племенъ, но ихъ короткіе курчавые волосы не позволяютъ имъ подобныхъ изъявленій дружбы, и потому они по необходимости должны были избрать мишенью своихъ кулаковъ лицо и въ особенности широкій носъ. Наконецъ, желанная кровь пролита: носъ одного изъ дуэлянтовъ уже сдѣлался вдвое шире противъ прежняго; въ то же время и одинъ глазъ его получилъ весьма чувствительную контузію, вслѣдствіе чего счелъ нужнымъ закрыться. Раненый объявилъ себя побѣжденнымъ, и споръ былъ рѣшенъ. Зрители, которые въ глубокомъ молчаніи слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ за ходомъ поединка, разразились громкими возгласами, осыпая насмѣшками побѣжденнаго; въ этомъ хорѣ преобладали пронзительные тоны, напоминавшіе свистъ локомотива.

Бойцы снова облекаются въ свои рубашки, и раненый гладіаторъ

лѣчится водкой, которую онъ добылъ, съ помощью одного сострадательнаго друга, изъ ближайшей «пульперіи» для наружнаго и внутренняго употребленія; большая часть лѣкарства пошла въ желудокъ, а остатками патерли окровавленный и расплывшійся носъ и, наконецъ, нѣсколько капель той же цѣлебной влаги влили въ насильно открытый распухшій глазъ—способъ лѣченія, имѣющій какъ пріятныя, такъ и непріятныя стороны.

Половина одиннадцатаго. Раздается звонокъ, призывающій къ обѣду. Голодные «кабаллеры» усаживаются за столъ, и это смѣшеніе различныхъ цвѣтовъ кожи образуетъ оригинальный букетъ. Табльдотъ устроенъ на галлереѣ или верандѣ, обращенной на дворъ и сверху донизу закрытой шторами для защиты отъ солнца. Посреднѣ двора красуются великолѣпныя группы кокосовыхъ и финиковыхъ пальмъ съ длинными вѣерами, бананы съ большими листьями, сахарный тростникъ, просвирнякъ съ алыми цвѣтами, ароматическія гарденіи, гранаты съ пурпурнокрасными цвѣтками, отчасти обвитыя красивыми ипомеями. Крошечныя колибри, похожія на брильянтовые шарики, порхаютъ по роскошнымъ цвѣткамъ. Красные попугаи лазятъ по пальмамъ, оглашая воздухъ своимъ негармоническимъ крикомъ.

Здѣсь никакое дѣло, даже такое пріятное, какъ насыщеніе желудковъ, не дѣлается безъ шума и крика. При входѣ въ столовую стоитъ резервуаръ съ металлическимъ краномъ, гдѣ, по обычаю, всякій моетъ руки передъ трапезою и по окончаніи ея. Всѣ кушанья уже поданы на столъ.

Обѣдъ открывается очень питательнымъ туземнымъ блюдомъ—супомъ, который варится изъ мяса и всевозможныхъ овощей, какъ-то: ямъ, юка, бататы, бананы, окумо, ауйама, апіо, картофель, капуста и т. д. Послѣ того каждый беретъ себѣ то, что ему всего болѣе нравится. Выборъ блюдъ большой, но, къ сожалѣнію, большую часть ихъ приходится ѣсть холодными, благодаря скверному обычаю подавать всѣ кушанья заразъ, передъ тѣмъ какъ садиться за столъ. Великолѣпная морская рыба, бифстексъ, ростбифъ, рагу, фрикадельки, разные десерты и фрукты поставлены въ изобиліи; вина можно пить сколько угодно.

Чтобы сдѣлать ростбифъ еще вкуснѣе, я взялъ стоявшую передо мною банку пикулей мѣстной фабрикаціи, приготовляемыхъ изъ лука, пальмовой капусты, огурцовъ и испанскаго перца, и положилъ себѣ на тарелку нѣсколько красныхъ стручковъ, полагая, что это томаты. Но какъ жестоко я ошибся. Сосѣди посмотрѣли на меня удивленными глазами, когда я поднесъ ко рту одинъ изъ этихъ красивыхъ плодовъ. Раскусивъ его и проглотивъ половину, я тутъ только почувствовалъ свою ошибку и быстро выплюнулъ другую половину стручка: но ужъ

было поздно: я страшнѣйшимъ образомъ обжегъ себѣ весь ротъ. То былъ испанскій перецъ, который я, по несчастію, принялъ за томаты, съ которыми онъ, впрочемъ, совершенно сходенъ по формѣ и цвѣту. Въ эту минуту мнѣ пріятнѣе всего было бы вскочить изъ-за стола, чтобы скрыть отъ взоровъ публики мои гримасы и слезы, невольно катившіяся у меня изъ глазъ; но я не хотѣлъ дать замѣтить посѣтителямъ табльдота мою ошибку и потому терпѣливо переносилъ мучительную боль. Горячій кофе, который я употребилъ какъ противоядіе, еще болѣе усилилъ боль во рту, и только нѣсколько стакановъ краснаго вина съ водою, которые я поспѣшно выпилъ одинъ за другимъ, принесли мнѣ нѣкоторое облегченіе. Да, могу сказать, я самымъ осязательнымъ образомъ узналъ тогда разницу между испанскимъ перцемъ и томатами.

По окончаніи обѣда я закурилъ хорошую гаванскую сигару и отправился въ свой номеръ, который я нанялъ въ гостиницѣ на короткое время, такъ какъ пребываніе въ каютѣ, гдѣ царствовали нестерпимая жара и духота, порядкомъ уже надоѣло мнѣ.

Отведенная мнѣ комната была высокая и обширная; сквозь большія окна безъ стеколъ свободно дулъ прохладный морской вѣтерокъ. Мебель состояла изъ зеркала, умывальнаго столика и множества стульевъ; спать жильцу предоставляется на висячей койкѣ или на складной деревянной кровати, обтянутой холстомъ, стоявшей въ одномъ изъ угловъ. Я избралъ для послѣобѣденнаго отдыха неиспытанную еще мною койку, въ которой и заснулъ послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ лечь какъ можно удобнѣе. Когда я проснулся, было два часа пополудни; я тотчасъ же отправился продолжать начатый мною осмотръ города.

Съ базарной площади я вышелъ на другую большую площадь съ бассейномъ посрединѣ. Высокія пальмы: кокосовыя, финиковыя и манпоры, бананы, тамаринды, мимозы съ верхушками, распростертыми въ видѣ зонтика, стоятъ на площадкахъ передъ домами или выглядываютъ изъ-за крышъ. Начиная съ этого мѣста и до самой степи тянется такъ называемый внѣшній городъ. Улицы въ этой части города правильныя и съ тротуарами, но не мощеныя; посрединѣ улицы идетъ канавка для стока воды. Дома здѣсь низенькіе, а въ концѣ улицъ, по направленію къ степи, смѣняются мазанками. Неподалеку отъ главной улицы находится еще церковь; по наружности она еще менѣе напоминаетъ о своемъ назначеніи, чѣмъ церковь внутренняго города, и отличается отъ сосѣднихъ зданій только нѣсколько болѣе значительными размѣрами.

Большая часть домовъ на главной улицѣ заняты подъ магазины и «пульперіи»; первые ведутъ и оптовую, и розничную торговлю всякаго

рода съѣстными припасами, какъ мѣстными, такъ и привозными, желѣзнымъ товаромъ, виномъ, ромомъ и т. д.; послѣднія торгуютъ тѣми же предметами, но ограничиваются одною мелочною продажею. Публика пульперіи самая разнообразная и состоитъ изъ смуглыхъ, черныхъ и цвѣтныхъ посѣтителей, принадлежащихъ преимущественно къ классу прислуги, а также изъ любителей крѣпкихъ напитковъ.

У подножія Венецуэльскихъ горъ.

(Аппуна.)

Въ разстояніи мили отъ города Пуэрто-Кабелло къ югу находится прелестная Санъ-Эстебанская долина. Въ этой долинѣ иностранные негоціанты, живущіе въ приморскомъ городѣ, имѣютъ скромныя дачи, гдѣ они проводятъ часть года, чтобы пользоваться здоровымъ прохладнымъ горнымъ воздухомъ, который, несмотря на близость Пуэрто-Кабелло, поразительно разнится отъ жаркаго климата этого города.

Дорога изъ Пуэрто-Кабелло въ долину Санъ-Эстебанъ необыкновенно живописна и представляетъ, особенно для человѣка, впервые пріѣхавшаго въ Южную Америку, рядъ постоянно мѣняющихся тропическихъ видовъ. Сейчасъ за городомъ начинается обширная равнина, которая тянется до самыхъ предгорій и въ сухое время года похожа на замерзшее поле, покрытое инеемъ, въ дѣйствительности же это есть не что иное, какъ высушенное солнцемъ и подернутое тонкимъ налетомъ соли (а въ дождливый періодъ почти непроходимое) болото. Черезъ эту равнину пролегаетъ шоссе, ведущее къ предгоріямъ, каменистая красно-бурая поверхность которыхъ покрыта густою растительностью.

Равнина населена тысячами маленькихъ крабовъ, которые живутъ въ норахъ, устроенныхъ въ болотистой почвѣ, и когда кто-нибудь нарушитъ ихъ покой, ползаютъ взадъ и впередъ, словно миніатюрныя пожарныя трубы, съ грозно поднятыми вверхъ клешнями, изъ которыхъ одна значительно больше другой.

По обѣимъ сторонамъ шоссе тянутся кладбища, бѣлыя стѣны которыхъ, ярко освѣщенныя солнцемъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ красно-бурою почвой и темно-зеленою растительностью окрестныхъ холмовъ.

За кладбищами дорога начинаетъ понемногу подниматься въ гору, болото исчезаетъ и смѣняется бурою глинистою или каменистою почвой.

Вдоль длинной кладбищенской ограды, возлѣ которой пролегаетъ шоссе, между большими, извивающимися по землѣ корнями деревьевъ и у стволовъ акацій, образующихъ большіе кусты, виднѣются безчисленныя норы, изъ которыхъ выглядываютъ большіе синеватые крабы, запирающіе входъ въ свое жилище, въ предупрежденіе всякаго враже-

скаго нашествія, большою клешней, имѣющею дюймъ въ ширину и нѣсколько дюймовъ въ длину. Рано утромъ и подъ вечеръ обитатель норы выползаетъ на прогулку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на поиски за пищею; если тронуть его въ это время, то онъ бросается въ сторону заднимъ ходомъ и становится въ оборонительное положеніе, приподнимаясь на заднихъ лапахъ и протягивая вверхъ свои большія, широко растопыренныя клешни, которыми онъ такъ крѣпко ущемляетъ всякій приближенный къ нему предметъ, что его можно поднять вмѣстѣ съ этимъ предметомъ на воздухъ. Въ прежнее время этотъ крабъ считался у испанцевъ очень лакомымъ блюдомъ; нынѣшніе же венецуэльцы совсѣмъ не употребляютъ его въ пищу, потому что онъ ѣстъ всякую падаль и нечистоты; но въ Британской Гвіанѣ онъ и до сихъ поръ составляетъ любимое кушанье какъ знати, такъ и простонародья.

Дорога становится все круче; горы, приближающіяся иногда къ самому морю, покрыты густымъ кустарникомъ, съ него раздается въ началѣ дождливаго періода пронзительное жужжаніе тысячъ кузнечиковъ. Между кустарникомъ бродятъ стада крупнаго рогатаго скота, отыскивая скудную пищу на твердой глинистой почвѣ, и путникъ часто бываетъ напуганъ какимъ-нибудь дикимъ быкомъ, который, откуда ни возьмись, преграждаетъ ему дорогу, сердито мыча и копая землю передними копытами.

Горы сдвигаются все ближе и ближе, и между ними на высотѣ идетъ шоссе, ведущее въ Санъ-Эстебанскую долину. Съ этой высоты изъ прохода открывается великолѣпный видъ на ярко освѣщенныя солнцемъ бѣлыя массы домовъ Пуэрто-Кабелло, на крѣпостцу съ примыкающею къ ней гаванью и на синее море. Этотъ горный проходъ есть единственное мѣсто, черезъ которое морской вѣтеръ проникаетъ въ долину.

Дорога, наконецъ, начинаетъ понижаться и идетъ по косогору въ равнину; черезъ низкій кустарникъ вдали виднѣются зеленѣющія поля, засѣянныя сахарнымъ тростникомъ. Здѣсь колючій кустарникъ уже перемѣшанъ съ болѣе высокими темно-зелеными растеніями съ пучками золотисто-желтыхъ цвѣтовъ.

Скоро дорога вступаетъ въ долину и идетъ у подошвы горъ. Вправо извивается ручеекъ, окаймленный кокосовыми пальмами, усѣянными орѣхами, а влѣво мѣстность покрыта прекрасною растительностью, состоящею изъ мимозъ. На косогорѣ изъ низкаго кустарника возвышаются большія цезальпиніи съ верхушкою, распростертою наподобіе зонтика: къ стволамъ ихъ прицѣпились мясистые стебли ванили съ длинными толстыми листьями и бѣлыми цвѣтами, торчащими между черенками листьевъ и наполняющими воздухъ ароматическимъ запахомъ.

Толстые, гладкіе, сѣрые стволы пальмы, съ блестящими, словно по-

крытыми лакомъ, карнизами, образуемыми основаніемъ черешковъ листьевъ, окружающихъ стволъ, достигаютъ высоты 70—80 фут. и заканчиваются наверху большими, широко раскинутыми вѣерами, украшенными длинными перистыми листьями. Ткань остроконечныхъ листьевъ до того нѣжная и длинный черешекъ листа обладаетъ такою упругостью, что малѣйшее движеніе воздуха заставляетъ качаться длинные вѣера, на которыхъ солнечные лучи отражаются съ ослѣпительнымъ блескомъ. Подъ самымъ карнизомъ расположены короткія цилиндрической формы цвѣточныя головки, распускающіяся въ толстые бѣлоснѣж-

Жилище индѣйцевъ въ Гвіанѣ.

ные цвѣты, которые, впрочемъ, быстро отцвѣтаютъ, уступая мѣсто плоду, имѣющему форму маленькой круглой ягоды. Рядомъ съ этимъ символомъ жизни и плодовитости висятъ старые помертвѣлые листья, которые еще долго качаются отъ вѣтра и производятъ своимъ треніемъ о стволъ пронзительную музыку, пока не свалятся съ грохотомъ на землю.

Свернутое въ трубку, твердое какъ кожа основаніе черешка листьевъ собирается бѣднымъ классомъ; его сначала распрямляютъ, накладывая камни на выпуклую сторону, и сушатъ на солнцѣ, послѣ чего употребляютъ на стѣны хижинъ.

Находящіеся внутри карниза изъ листьевъ неразвившіеся листья своею необыкновенною бѣлизною и матовымъ блескомъ могутъ поспо-

рить съ лучшею слоновою костью и употребляются, подъ названіемъ пальмовой капусты, въ пикули. Вкусъ у нихъ нѣсколько вяжущій, въ остальномъ же они похожи на «американскіе» орѣхи.

Неподалеку отъ двухъ высокихъ манор стоитъ молодая пальма той же породы, которая по правильности и красотѣ своего ствола можетъ быть поставлена на ряду съ совершеннѣйшимъ произведеніемъ токарнаго искусства. Стволъ ея, совершенно круглый, утолщенъ у основанія, затѣмъ постепенно дѣлается тоньше, но на нѣкоторой высотѣ снова утолщается, послѣ чего опять становится тоньше и заканчивается великолѣпнымъ вѣнцомъ изъ вѣеровъ. Такимъ образомъ стволъ молодой манор похожъ на полированный конусъ, которому правильно размѣщенныя кольца листьевъ и блестящій свѣтло-зеленый карнизъ придаютъ чрезвычайно красивый видъ.

На поворотѣ дороги опять стоитъ какое-то зданіе съ глиняными стѣнами и частью кирпичною, частью изъ пальмовыхъ листьевъ крышею. Большой дощатый ставень въ передней стѣнѣ, днемъ открываемый наружу и служащій прилавкомъ, показываетъ, что здѣсь пульперія, что подтверждается, кромѣ того, присутствіемъ на верандѣ оборванныхъ темно-смуглыхъ молодцовъ, напоминающихъ типы Мурильо. Чернокожіе парни, облеченные въ половину рубашки и съ половиною шляпы на головѣ, гонятъ въ городъ ословъ, навьюченныхъ незрѣлой кукурузой; животныя до такой степени нагружены, что видны только головы и ноги; особенно забавный видъ представляютъ они сзади—вы видите передъ собою гору зелени, которая какъ будто движется сама собою.

Вправо отъ дороги огромная банановая роща занимаетъ всю ширину долины до рѣки Санъ-Эстебанъ, протекающей по долинѣ ея. Многія тысячи банановъ и пизанговъ *) стоятъ здѣсь длинными рядами и своими верхушками, украшенными длинными и широкими шелковистыми листьями, придаютъ ландшафту истинно тропическій колоритъ. Какъ ни красивы бананы и пизанги съ ихъ огромными атласными листьями, но они много проигрываютъ, когда скучены, какъ здѣсь, большими массами въ одномъ мѣстѣ,—проигрываютъ главнымъ образомъ вслѣдствіе однообразія, царствующаго въ этомъ морѣ совершенно похожихъ одинъ на другой листьевъ, разорванныхъ вѣтромъ на узкія полоски; между тѣмъ какъ небольшая группа этихъ великолѣпныхъ растеній, хотя бы даже часть листьевъ была повреждена вѣтромъ или пожелтѣла, производитъ поразительный эффектъ своимъ контрастомъ съ окружающею растительностью, особенно съ мимозами, древовидными папоротниками, пальмами и бамбуками. То же самое можно сказать и о большихъ кокосовыхъ плантаціяхъ, которыя утомляютъ глазъ своею монотонностью.

*) Пизангъ—видъ банана.

Въ одной Венецуэлѣ существуетъ до тридцати разновидностей банановъ и пизанговъ. Стволы этихъ деревьевъ, когда приближается время созрѣванія плодовъ, подрубаютъ при основаніи и плоды употребляютъ въ незрѣломъ состояніи, или печеные, или вареные.

Кромѣ того, плодъ банана ѣдятъ и въ зрѣломъ состояніи, поджареный на жирѣ или испеченный; сырой онъ здѣсь никогда не употребляется въ пищу, потому что отъ него бываетъ, какъ говорятъ, лихорадка; въ Бразиліи, напротивъ, его часто подаютъ на столъ сырымъ въ видѣ десерта.

Плоды пизанга ѣдятъ не иначе, какъ сырые: ихъ срываютъ еще незрѣлыми и даютъ дозрѣвать въ домахъ, такъ какъ иначе большая часть ихъ была бы истреблена летучими мышами, крысами, птицами и насѣкомыми, которыя очень любятъ этотъ плодъ. Корни срубленныхъ банановъ быстро пускаютъ новые отростки, которые черезъ годъ уже приносятъ плоды, такъ что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ стволъ часто увеличивается разъ въ двадцать. Плоды банана вмѣстѣ съ кассавою и кукурузою замѣняютъ хлѣбъ въ Венецуэлѣ, гдѣ только иностранцы ѣдятъ хлѣбъ изъ пшеничной муки (привозной), природные же жители, даже принадлежащіе къ высшему классу общества, изъ патріотизма всегда употребляютъ туземные суррогаты хлѣба, а именно печеные бананы, тонкія лепешки изъ кассавы или хлѣбъ изъ кукурузы.

Разведеніе банановъ, особенно вблизи городовъ, очень выгодно, почему многіе владѣльцы плантацій употребляютъ эти растенія, какъ быстро растущія и дающія большую тѣнь, для защиты отъ солнца новыхъ плантацій кофе и какао и такимъ образомъ извлекаютъ двойную выгоду изъ своей земли.

Долина постепенно суживается, и дорога скоро вступаетъ въ высокій лѣсъ. Лѣсъ этотъ—что въ Южной Америкѣ большая рѣдкость—насаженъ рукою человѣка и состоитъ изъ одной породы деревьевъ—эритриніи съ блестящими пурпурно-красными цвѣтами, которые вырастаютъ въ такомъ изобиліи, что во время цвѣтенія буквально закрываютъ всю довольно густую листву дерева. Это дерево разводятъ на всѣхъ плантаціяхъ кофе и какао для полученія нужной тѣни, безъ которой эти культурныя растенія не могутъ развиваться, и это быстро растущее и обладающее густою листвою дерево какъ нельзя болѣе годится для этой цѣли. Обширный лѣсъ, въ который я вступилъ, защищаетъ своею тѣнью плантацію какао, разсаженнаго правильными рядами.

Воздѣлываніе какао очень прибыльно въ Венецуэлѣ, такъ какъ оно требуетъ менѣе рабочихъ рукъ сравнительно съ другими родами культуры, что весьма важно въ такой малолюдной странѣ, какъ Венецуэла, и, съ другой стороны, какао постоянно держится въ очень высокой

цѣнѣ. Однако плантація какао требуетъ гораздо большаго ухода и надзора, чѣмъ всякая другая, не исключая даже и кофейной. Шоколадное дерево растетъ только вблизи рѣкъ и ручьевъ, гдѣ въ сухой сезонъ къ плантаціи проводятъ воду посредствомъ искусственныхъ канавокъ или даже затопляютъ всю почву на короткое время.

Это дерево растетъ довольно скоро, но приноситъ плоды не ранѣе какъ черезъ 8 или 10 лѣтъ; вотъ главная причина, почему культура его сравнительно мало распространена; съ этого времени развитіе его совершается съ необыкновенною силою, и цвѣты появляются не только на стволѣ и вѣтвяхъ, но даже на обнаженныхъ частяхъ корней. Животныя млекопитающія, птицы и насѣкомыя наносятъ большой вредъ плодамъ какао, отчего, а также отъ дурной погоды, особенно отъ внезапнаго пониженія температуры, урожай его часто бываетъ очень плохой. Сборъ какао обыкновенно происходитъ дважды въ годъ—въ іюнѣ и декабрѣ, въ плантаціяхъ же, поставленныхъ въ особенно благопріятныя условія, черезъ каждые три мѣсяца. Сѣмена, помѣщающіяся въ большихъ, толстыхъ, красно-бурыхъ стручкахъ, изъ которыхъ каждый содержитъ до 30 бобовъ, заключенныхъ въ бѣловатую водянистую оболочку, ссыпаются въ большой сарай, гдѣ мягкая оболочка приходитъ въ броженіе и выходящая изъ нея влага стекаетъ по желобамъ.

Когда сокъ достаточно стечетъ и быстрое прорастаніе сѣмени прекратится вслѣдствіе броженія, сѣмена валяютъ въ толченомъ кирпичѣ, который вбираетъ въ себя остальную жидкость, послѣ чего бобы сушатъ на солнцѣ; эта послѣдняя операція должна быть производима быстро и осторожно, такъ какъ внезапный ливень можетъ испортить все дѣло. Хорошо высушенные бобы долго сохраняются въ сухомъ мѣстѣ, хотя скоро теряютъ масло и силу.

Въ самой Венецуэлѣ потребляется большое количество какао, особенно креолами, которые пьютъ его безъ примѣси какихъ-либо пряностей; на рынкахъ и въ пульперіяхъ продаются по очень дешевой цѣнѣ маленькія круглыя лепешки изъ чистаго какао.

Плантація какао имѣетъ привлекательный видъ. Густая синевато-зеленая листва, съ золотисто-желтыми и пурпурными оттѣнками, гладкій, поросшій красивымъ ярко-зеленымъ и пунцовымъ лишаемъ стволъ, съ прелестными красноватыми цвѣтами и съ плодовыми коробочками, которыя въ незрѣломъ состояніи синевато-зеленаго и золотисто-желтаго цвѣта, а въ зрѣломъ—темно-пурпурнаго,—все соединяется, чтобы показать въ этомъ деревѣ вѣрный образъ роскошнѣйшей растительной силы и красоты. Возвышающіеся между рядами низкихъ шоколадныхъ деревьевъ частью гладкіе, частью колючіе стволы эритрины, по которымъ вьются до самой вершины вьющіяся растенія съ продырявленными листьями, распростерли свой тѣнистый навѣсъ надъ плантаціей, и стан зеленыхъ

попугаевъ, налетающія сюда въ періодъ созрѣванія плодовъ какао, оживляютъ своими криками живописный пейзажъ.

По землѣ, между деревьями, движется какая-то коричневая съ алыми полосами лента, имѣющая около 6 дюймовъ ширины и, повидимому, безконечная; это—муравьи съ большою головою и щупальцами, занимающіеся истребленіемъ цвѣтовъ эритриніи; каждый муравей несетъ большой кусокъ ярко-краснаго цвѣтка въ свой обширный муравейникъ, построенный изъ красной глины и песку.

Горе животному или человѣческой ногѣ, которая наступитъ на эту движущуюся ленту. Разъяренныя животныя въ мгновеніе ока сблѣпятъ ихъ и жестоко мстятъ своимъ укушеніемъ, причиняющимъ мучительную боль; лягушекъ и змѣй порядочной величины они въ короткое время замучиваютъ до смерти и, соединившись большими кучами, утаскиваютъ ихъ трупы съ изумительною силою и энергіею въ свое гнѣздо.

Плантація какао обнесена живою изгородью. Дорога проходитъ мимо строеній плантаціи, и послѣ небольшого поворота взорамъ путешественника открывается Санъ-Эстебанская долина во всей ея красѣ. По обѣ стороны стоятъ довольно крутыя горы, которыя по направленію къ югу постепенно повышаются и въ глубину степи образуютъ живописно нагроможденныя одна на другую группы. Всѣ эти горы до самыхъ вершинъ покрыты роскошнѣйшею растительностью, и надъ линіей ихъ возвышаются стройныя пальмы, великолѣпныя верхушки которыхъ рѣзко выдѣляются на темно-синемъ фонѣ неба.

По правому берегу Ріо Санъ-Эстебанъ, которая беретъ начало въ этихъ горахъ и протекаетъ по всей длинѣ долины, тянутся на цѣлыя полмили дачи живущихъ въ Пуэрто-Кабелло иностранцевъ и хижины цвѣтныхъ туземцевъ. Дачи—это одноэтажные каменные дома съ черепичными крышами и нѣкоторые съ верандами, построенные въ простомъ венецуэльскомъ стилѣ и расположенные въ прекрасныхъ садахъ, которые содержатся въ безукоризненной чистотѣ. Онѣ окружены великолѣпными группами пальмъ, банановъ, манговыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ, образующими восхитительныя, истинно тропическія картины природы.

Мазанки туземцевъ, покрытыя пальмовыми листьями и стоящія среди роскошной исполинской растительности, какъ и обитатели ихъ, полунагіе, смуглые, съ дикимъ выраженіемъ лица, мужчины и легко одѣтыя въ свѣтлыя ткани стройныя дѣвушки, съ черными огненными глазами и длинными распущенными черными волосами, представляютъ живописцу богатый матеріалъ для изображенія на полотнѣ сценъ южно-американскаго быта.

Я поселился на дачѣ, любезно уступленной мнѣ, на время моего пребыванія въ этихъ мѣстахъ, владѣльцемъ ея, однимъ изъ важнѣйшихъ негоціантовъ въ Пуэрто-Кабелло.

Выйдя на веранду незадолго до восхода солнца, я прежде всего направилъ взоръ на колоссальныя горы, виднѣвшіяся за заднемъ планѣ картины. Склоны ихъ были обложены сѣроватыми облаками, и только горделивыя вершины поднимались надъ горизонтомъ, рѣзко обрисовываясь на синевѣ неба. Въ воздухѣ не шелохнетъ, не слышно шелеста пальмъ, стоящихъ въ живописномъ безпорядкѣ возлѣ моего жилища и у подошвы горъ.

Но скоро на востокѣ начало проясняться, за горами появилась желтоватая полоса, которая постепенно расширялась, и, наконецъ, изъ-за горъ показался огненный шаръ. Насталъ день, а вмѣстѣ съ нимъ мигомъ измѣнилось и освѣщеніе пейзажа. Горизонтальный поясъ облаковъ, облегающій горы, окрашивается по краямъ въ золотисто-желтый цвѣтъ, а сѣрая масса его превращается въ прозрачную лазурь; сѣроватая дымка, окружавшая крутые утесы, переходитъ на освѣщенныхъ солнцемъ зубцахъ и крутизнахъ въ нѣжный желтый цвѣтъ съ красноватымъ отливомъ, тогда какъ темныя части горъ блестятъ мягкимъ пурпурно-синимъ колоритомъ.

Сквозь массы синевато-зеленой листвы, покрывающей гребень горъ, пробиваются длинныя полосы свѣта и проникаютъ въ квебрадо, т.-е. горныя ущелья, которыя еще погружены въ глубокій мракъ; съ многочисленныхъ водопадовъ квебрадъ подымается голубой паръ, который разсѣивается въ чистой атмосферѣ, прежде чѣмъ успѣетъ достигнуть вершинъ.

Солнечные лучи прокрадываются уже на дно долины; верхушки пальмъ окрашиваются въ желтый цвѣтъ; густая листва высокихъ прибрежныхъ деревъ, обвитыхъ тысячами вьющихся растеній, позлащается солнечнымъ свѣтомъ; только рѣка, бѣгущая въ каменистомъ руслѣ, съ ея низкою прибрежною растительностью, еще погружена въ пріятный полумракъ.

Наконецъ просыпается и міръ животныхъ.

Изъ густого кустарника позади дачи несутся странные крики мотмота—птицы, похожей на фазана; стаи зеленыхъ попугаевъ поднимаются изъ своихъ гнѣздъ, устроенныхъ въ дуплахъ, и шумно летятъ въ горы на поиски за плодами или для нападенія на поля кукурузы, разстилающіяся по косогорамъ; изъ лѣса раздастся возвѣщающее дождь громкое завываніе стаи красныхъ ревуновъ и пронзительное воркованье хохлатаго гокко.

Разсудивъ, что купанье въ прохладной водѣ рѣки лучше всего освѣжитъ и подкрѣпитъ тѣло послѣ ночи, проведенной въ душной комнатѣ, я въ нѣсколько минутъ былъ уже на берегу Санъ-Эстебана.

Пріятно освѣженный купаньемъ, я вернулся на тѣнистую веранду дачи. Солнце поднялось уже высоко и обливаетъ всю долину своими

жгучими лучами. На бѣлыхъ цвѣтахъ меликока чирикаютъ похожіе на ночныхъ бабочекъ древолазы и жужжатъ колибри, вынимая изъ цвѣтковъ своими тоненькими клювами мелкихъ насѣкомыхъ.

По тѣнистой аллеѣ изъ хлѣбныхъ деревьевъ медленно плетутся черные курчавые мальчишки, смуглые и грязные парни, молодыя дѣвушки съ черными блестящими глазами и съ бѣлыми цвѣтами жасмина въ черныхъ, съ синеватымъ отливомъ волосахъ, направляясь прямо къ верандѣ, чтобы предложить «сеньору натуралисту» какую-нибудь достопримѣчательность природы: маленькаго каймана, котораго несутъ двое мужчинъ, или змѣю, висящую на палкѣ съ веревкою, обмотанною вокругъ шеи продавца (если же змѣя очень велика, то ее просто тащатъ по землѣ), или большую жабу (которая, впрочемъ, водится въ немаломъ количествѣ, какъ я убѣдился собственными глазами, и въ занимаемыхъ мною комнатахъ), или ящерицъ, длинныхъ, черныхъ многоножекъ, пауковъ-птицеядовъ, летучихъ мышей, нѣкоторыя дѣвушки несли большихъ бабочекъ, проколотыхъ черезъ крылья тонкими, длинными иглами пальмы и сильно попорченныхъ.

Толпа праздпаго люда обыкновенно сопровождала этихъ продавцовъ рѣдкостей, которые всегда запрашивали за самыхъ обыкновенныхъ животныхъ баснословную цѣну, но послѣ продолжительнаго торга довольствовались очень скромною платою.

Поднялся вѣтеръ и сталъ играть длинными вѣерами кокосовыхъ пальмъ и шелковистыми листьями банановъ и срывать плоды съ густолистыхъ хлѣбныхъ деревьевъ; плоды съ шумомъ падаютъ на землю. Большія свѣтло-голубыя бабочки медленно летаютъ въ тѣни деревьевъ, направляясь въ свое любимое мѣсто—темный прибрежный кустарникъ, другія быстро гонятся одна за другою подъ темно-зеленымъ сводомъ изъ листьевъ, садясь по временамъ съ распростертыми крыльями на исполинскій сѣроватый стволъ хлѣбнаго дерева или на гладкій желтовато-бурый стволъ гуйявы. Подъ крышею веранды сидятъ съ распростертыми крыльями, погруженныя въ дремоту, ночныя бабочки, и когда ихъ спугнетъ какой-нибудь шумъ, быстро улетаютъ въ густой кустарникъ, растущій среди высокихъ деревьевъ.

Солнечные лучи падаютъ отвѣсно на живописный пейзажъ, и въ воздухѣ скоро распространяется томительный зной. Вдали на горизонтѣ скопляются густыя массы облаковъ и окружаютъ высокія горы, горделивыя вершины которыхъ по временамъ выглядываютъ изъ моря паровъ. Облака быстро заволакиваютъ небесный сводъ, раскаленный шаръ солнца скрывается за густою пеленою паровъ, и во всей природѣ воцаряется на короткое время мертвая тишина. Смолкаетъ веселое и пронзительное жужжаніе саранчи и кузнечиковъ.

Вѣтеръ все усиливается и скоро переходитъ въ бурю, бушеваніе ко-

торой глухимъ гуломъ разносится по долинѣ. Верхушки пальмъ и банановъ гнутся подъ напоромъ вѣтра, срывающаго массы листьевъ, засохшихъ вѣтвей и полузавядшихъ цвѣтовъ. Тучи все ниже спускаются въ долину, и, вмѣсто великолѣпнаго тропическаго освѣщенія, которое еще недавно придавало такую прелесть чудному пейзажу, разгнѣванная природа принимаетъ мрачный, сѣрый колоритъ.

Странный шумъ, похожій на глухое рычанье, наводящій страхъ на незнакомаго съ этимъ явленіемъ, слышится все ближе и ближе, становится все сильнѣе и сильнѣе, но еще мгновеніе—и онъ уже проносится мимо, гонимый бурею. Затѣмъ разражается тропическій ливень и все окружающее обращается въ безразличную сѣрую массу. Глухой шумъ, всегда предшествующій ливню, происходитъ отъ удара крупныхъ дождевыхъ капель, гонимыхъ сильнымъ вѣтромъ, объ исполинскіе, грубые, какъ кожа, листья банановъ и густую листву большей части тропическихъ деревьевъ. Вода льется съ крыши потоками; ручеекъ, протекающій по саду, мгновенно выступаетъ изъ береговъ; страшные удары грома, долго повторяющіеся въ горахъ, проносятся прямо надъ моею головою и ослѣпительныя молніи ярко освѣщаютъ всю видимую часть пейзажа.

Буря, наконецъ, стихаетъ, но дождь все еще льетъ какъ изъ ведра. Широкія и длинныя, чрезвычайно противныя жабы съ большими бородавками на кожѣ, похожей на шагреневую, спасаясь отъ бури, прыгаютъ по лѣстницѣ, ведущей на веранду, и стараются пробраться въ домъ; длинныя черныя, цилиндрической формы тысяченожки извиваются по низкимъ стѣнамъ веранды съ такою быстротою, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за волнообразнымъ движеніемъ ихъ многочисленныхъ ногъ.

Наконецъ, облака повидимому облегчились отъ своего тяжелаго груза и начинаютъ подыматься въ болѣе высокіе слои атмосферы, чтобы отдохнуть на склонахъ горъ. Небо проясняется, и надъ великолѣпнымъ пейзажемъ снова разстилается лазурный сводъ съ всеоживляющимъ дневнымъ свѣтиломъ. Отдаленныя горы являются въ синеватомъ туманѣ, и освѣженная растительность блистаетъ болѣе яркими и сочными зелеными красками.

Немного спустя отъ грозы и ливня не видно уже ни малѣйшаго слѣда; ручеекъ въ саду вошелъ въ свое обычное русло; залитая потоками воды почва высохла, и назойливые посѣтители, изъ которыхъ иные, за свою продерзость и ошибку въ счетѣ времени, попали въ стекляный кувшинъ, предназначенный для спиртуозныхъ напитковъ, поспѣшили убраться во-свояси.

Скоро солнце начинаетъ печь съ прежнею силою, и большія красивыя ящерицы бѣгаютъ по горячимъ камнямъ или лакомятся упавшими на землю и обратившимися въ кашицу плодами хлѣбнаго дерева.

Около 4 часовъ пополудни зной начинаетъ спадать и настаетъ пріятнѣйшая пора изъ всего дня. Я въ это время обыкновенно предпринималъ прогулку по окрестностямъ, предварительно выкупавшись еще разъ.

Придя домой, я любовался съ веранды разнообразными оттѣнками и переливами цвѣтовъ, игравшими на густой листвѣ деревьевъ, при волшебномъ вечернемъ освѣщеніи. Освѣщенныя заходящимъ солнцемъ массы листьевъ облиты золотистымъ цвѣтомъ, въ то время какъ тѣни ихъ окрашены въ темно-фіолетовые цвѣта, и эти контрасты красокъ производятъ магическій эффектъ. Надъ пестрымъ сводомъ листвы возвышаются горныя вершины, окрашенныя въ синій цвѣтъ; ни одного облачка не замѣтно на ихъ склонахъ, и надъ великолѣпнымъ пейзажемъ разстилается ясное небо, освѣщенное лучами заходящаго дневного свѣтила. Изъ кустарника, позади дома, снова раздаются громкіе крики мотмота; попугаи возвращаются въ плантацію изъ своей экскурсіи въ горные лѣса; темно цвѣтныя сумеречныя бабочки съ быстротою молніи порхаютъ по бѣлоснѣжнымъ цвѣтамъ помарозы и кофейнаго дерева; большіе блистающіе яркими зелеными и желтыми цвѣтами бражники кружатся около большихъ раскрытыхъ цвѣтковъ дурмана и запускаютъ свои длинные и тонкіе хоботки въ широкій цвѣточный вѣнчикъ, въ который часто они совсѣмъ влѣзаютъ.

Солнце уже скрылось за горами. Отдаленныя вершины снова приняли сѣроватый колоритъ, какой онѣ имѣли раннимъ утромъ, и великолѣпныя краски, которыми еще недавно блестѣла растительность, смѣнились однообразнымъ синевато-зеленымъ цвѣтомъ. Большія летучія мыши, словно привидѣнія, сновали въ открытой верандѣ; темно-сѣрый козодой гоняется за летающими въ саду насѣкомыми, и отъ времени до времени припадаетъ къ песчаной дорогѣ, испуская жалобные крики; большія жабы снова начинаютъ свои странствованія, обнаруживая сильное желаніе проникнуть въ домъ. Подъ крышею и въ углахъ пробуждается шумная жизнь; отвратительные широконогіе гекко ползаютъ по стѣнамъ, издавая непріятные звуки, цѣпляются за покрывала и падаютъ въ койку; къ великому моему ужасу огромные тараканы, скорпіоны и тому подобные милые сожители ползаютъ по стѣнамъ; жуки, похожіе на майскихъ, жужжатъ и ударяются объ освѣщенную бѣлую стѣну веранды. Надъ свѣчой кружатся цѣлые рои крылатыхъ муравьевъ, изжелта-красныхъ наѣздниковъ, съ длиннымъ, сжатымъ съ боковъ брюхомъ, противныя зудилки, моль, большіе виды шелкопряда и сродныхъ съ нимъ бабочекъ, и вся эта веселая компанія силится затушить свѣтъ. Въ довершеніе всего раздается тоненькій голосокъ насѣкомаго «санкудосъ» *), который заставляетъ меня противъ воли качаться въ койкѣ.

*) Насѣкомое, родственное комару.

Мои мучители дѣлаются до того назойливы, что я рѣшаюсь, наконецъ, бѣжать отъ нихъ въ свою комнату. Спрыгнувъ съ койки, я попалъ ногою на какое-то холодное слизистое тѣло, которое издало глухой жалобный крикъ. Отскочивъ въ ужасѣ въ сторону, я увидѣлъ на полу сплюснутую овальную массу, которая, впрочемъ, обнаруживала признаки жизни, надулась и то ползкомъ, то прыжкомъ поспѣшно удалилась: то былъ одинъ изъ моихъ пріятныхъ сожителей — большая футовая жаба.

Такъ текла моя жизнь въ Санъ-Эстебанѣ—правда, однообразно, но зато я вполнѣ наслаждался природою. Кромѣ того, мнѣ удалось собрать въ этой очаровательной долинѣ богатую коллекцію сокровищъ природы; близкое море, сама долина и сосѣднія горы предлагали желающему свои сокровища въ изумительномъ обиліи и разнообразіи.

Черезъ Льяносы.

(Циммермана.)

На четвертый день по выѣздѣ изъ Каракаса мы еще до разсвѣта спускались уже по послѣднимъ холмамъ. Наконецъ, они рѣшительно остались за нами, а впереди далеко-далеко разстилалась ровная гладь. Ни одного холмика, ни одного бугорка не было видно впереди до самаго края горизонта.

— Вотъ они, наши льяносы! — радостно воскликнулъ Альбараго, такъ звали проводника, или по-мѣстному «пеона», указывая на обширную равнину.

Вся она, насколько можно было видѣть простыми глазами, поросла довольно высокою травою, изсохшею отъ долгаго зноя. Только справа отъ насъ, вдали, темнѣлъ лѣсокъ, словно островъ среди зеленаго моря.

Солнце было на восходѣ. Лучи его яркимъ блескомъ пронизали воздухъ надъ льяносами и озолотили верхушки деревъ. Мы уже проѣзжали мимо лѣса. Въ это самое время оттуда, изъ лѣсной чащи, пронесся странный перекатный ревъ. Мы невольно остановили муловъ и посмотрѣли на нашего проводника. Альбараго усмѣхнулся своей добродушной улыбкой и сказалъ:

— Хотите видѣть этихъ ревуновъ? Дайте мнѣ вашихъ муловъ; я подожду васъ вонъ тамъ на опушкѣ. А вы ступайте лѣсомъ. Да наложите свѣжихъ пистоновъ на курки. Тамъ будетъ что пострѣлять.

Сказано—сдѣлано. Съ цолверсты прошли мы до лѣсу. Ревъ становился все громче. Можно было подумать, что тамъ собралась цѣлая стая волковъ или другихъ хищныхъ звѣрей. На деревьяхъ отъ продолжительной засухи оставалось очень мало листьевъ. Мы осторожно подкрадывались и вскорѣ увидѣли на сучьяхъ штукъ до двадцати

обезьянъ-ревуновъ. Они разсѣлись на корточкахъ по сучьямъ деревьевъ и, глядя другъ другу въ глаза, завывали съ такимъ стараніемъ, какъ будто собрались сюда на концертъ для собственнаго удовольствія. Ростомъ съ порядочную собаку, эти обезьяны покрыты довольно густою шерстью темно-рыжаго цвѣта; такого же цвѣта хвостъ у нихъ чуть ли не длиннѣе самаго тѣла. Лицо съ рѣдкими волосками покрыто морщинами. У стариковъ сверхъ того подбородокъ оброслъ густою рыжею бородой.

Мы подошли ближе къ дереву, и тутъ только ревуны замѣтили насъ. Они тотчасъ же пріумолкли, и взоры ихъ со страхомъ устремились на неожиданныхъ пришельцевъ. Взгляды эти придавали лицамъ ревуновъ какъ будто человѣческое выраженіе. У насъ даже рука не поднималась для того, чтобы стрѣлять по нимъ.

Мы, напротивъ того, поспѣшили скрыться за кустомъ. Обезьяны, повидимому, успокоились. Немного погодя старикъ, съ самымъ угрюмымъ лицомъ и съ длинной бородой, началъ громко вытягивать густымъ басомъ. Молодые подхватили на разные лады. Потомъ вся стая медленно поплелась по толстымъ, развѣсистымъ сучьямъ и стала переходить по нимъ, словно по мосткамъ, съ одного дерева на другое. Двѣ матки несли своихъ дѣтенышей на спинѣ. Онѣ пробирались на четверенькахъ, не торопясь. Въ это время мы вышли изъ-за кустовъ и пустились вдогонку за ними. Ревуны заторопились и вслѣдъ за своимъ старикомъ легко запрыгали съ сучка на сучокъ. Иной обезьянѣ приходилось прыгать слишкомъ далеко. Вотъ она обовьетъ цѣпкимъ хвостомъ крайній сучокъ, повиснетъ въ воздухѣ, потомъ съ размаху схватитъ передними руками ближайшій сукъ на другомъ деревѣ и догоняетъ своихъ товарищей. У этихъ обезьянъ мало того что четыре руки, но и цѣпкій хвостъ у нихъ дѣйствуетъ не хуже рукъ; онъ даже еще крѣпче обхватываетъ сучья. Ревуны уходили все дальше въ глубь лѣса и, наконецъ, совсѣмъ пропали у насъ изъ виду.

Мы выбрались на опушку, гдѣ поджидалъ насъ Альбараго съ мулами. Опять послышался завывающій ревъ обезьянъ. Онѣ забрались далеко на другой конецъ лѣса. Проводникъ нашъ не мало дивился тому, что мы не рѣшились стрѣлять по ревунамъ. Онъ сѣлъ опять по-дамски на сѣдло и, обратившись къ намъ, заговорилъ:

— Этихъ угрюмыхъ животныхъ у насъ никто не считаетъ даже за обезьянъ. И ходятъ-то ревуны на четверенькахъ, какъ собаки; да и во всемъ они похожи на злыхъ собакъ. Настоящая обезьяна всегда такая игривая, забавная. А эти скучныя твари только надоѣдаютъ своимъ ревомъ.—Однако при этомъ онъ тотчасъ разсказалъ, какъ сильно любятъ матки своихъ дѣтенышей.

Разговаривая, мы отъѣхали между тѣмъ такъ далеко, что реву-

повъ совсѣмъ не было слышно. Вскорѣ и самый лѣсъ пропалъ изъ виду. Нашъ пеонъ пріумолкъ. Мулы шли, неслышно ступая по тропамъ, протоптаннымъ по сухой травѣ. Вокругъ насъ мертвая тишина. Мы оглядѣлись по сторонамъ: какой просторъ! какое раздолье! На сотни верстъ кругомъ разстилалась ровная, зеленая гладь. И хоть бы что-нибудь выдалось на ней, хоть бы какой-нибудь бугорокъ или кочка. Далеко, на самой окраинѣ жаркій воздухъ струился надъ землей густою сизою дымкой. За нею нельзя было разобрать даже ту черту, гдѣ небо сходилось съ землей. И сколько ни подвигались мы впередъ, насъ окружала все та же однообразная пустыня—нѣмая, недвижная. И конца ей не видать! Проходитъ часъ, проходитъ два, мы проѣзжаемъ версту за верстой, а намъ все чудится, будто мулы наши лишь топчутся на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вокругъ насъ все одна и та же зноемъ опаленная, грубая трава. Она съ виду похожа на осоку, что растетъ у насъ по берегамъ стоячихъ водъ.

Наконецъ, обращаемся къ Альбараго съ вопросомъ, знаетъ ли онъ навѣрное, куда мы ѣдемъ?

— Какъ куда? Разумѣется, въ Колобозо,—сказалъ нашъ пеонъ и указалъ при этомъ пальцемъ въ пустынную даль, какъ будто тамъ можно было видѣть что-нибудь.

— Вотъ она и большая дорога, по которой перегоняютъ гурты въ Каракасъ.

Про какую это большую дорогу говоритъ нашъ проводникъ? Оказалось, что онъ называлъ такъ тѣ тропинки, по которымъ шли наши мулы. Правда, много такихъ тропъ глубокими бороздами вились по льяносамъ. Почти всѣ онѣ направлялись къ югу. Однако врядъ ли удалось бы проѣхать на колесахъ по протоптаннымъ бороздамъ. По этой большой дорогѣ, какъ называлъ ее Альбараго, никогда еще не проѣзжала ни одна телѣга. По ней только и возможно пробираться верхомъ на мулахъ или ослахъ.

Солнце поднялось уже такъ высоко, что стояло почти надъ самой головой. Лучи его раскаляли обширную пустыню. Она вся изсохла, исчахла отъ зноя. Мѣстами земля трескалась, и длинныя щели пересѣкали нашъ путь.

Послѣ полудня зачернѣло что-то вдали, на самой окраинѣ степи. Проѣхавъ еще немного, мы увидѣли верхушку пальмы. Она какъ будто вырастала немного изъ земли и, наконецъ, выступила передъ нами всѣмъ своимъ стволомъ. Мы ѣхали прямо на нее. Тамъ показалось еще нѣсколько пальмъ; а вскорѣ увидѣли мы и крышу низенькой хаты.

— Здѣсь намъ надо хорошенько отдохнуть,—говорилъ Альбараго;—отсюда до самаго Колобозо нѣтъ никакого жилья, а придется ѣхать цѣлую ночь до утра.

Не очень высокія пальмы, числомъ съ дюжину, стояли по краямъ лужи мутной воды. Прямой буроватый стволъ ихъ словно крупной щетиной былъ усаженъ остатками отпавшихъ черенковъ. На немъ на высотѣ трехъ-четырехъ саженъ во всѣ стороны торчали молодые черенки съ широкими листьями, похожими на развернутый вѣеръ. Эта вѣерообразная пальма называется «де-сомбрера», какъ говоритъ нашъ испанъ.

Она растетъ въ сухихъ степяхъ, очень медленно. Дерево ея такъ крѣпко, что въ стволъ ея насилу можно вколотить гвоздь. Стволы нѣ-

Льяносы.

сколькихъ такихъ пальмъ были срублены на постройку стоявшей тутъ хаты. А крыша ея была покрыта листьями того же дерева. Изъ молодыхъ листьевъ дѣлаются также широкополыя шляпы, въ родѣ соломенныхъ.

Насталъ уже шестой часъ вечера, когда мы опять пустились верхомъ по льяносамъ. Солнце близилось къ закату. Оно здѣсь круглый годъ заходитъ въ одно и то же время, около шести часовъ вечера, и точно такъ же всегда восходитъ около шести часовъ утра.

Воздухъ надъ льяносами всегда сухъ и чистъ. На небѣ вовсе не показывалось румяной зари, какъ обыкновенно бываетъ у насъ при

закатѣ солнца. Сумерки прошли такъ скоро, что мы и не замѣтили ихъ. Все кругомъ быстро потемнѣло и даль передъ нами казалась еще пустыннѣе прежняго. Можно было бы подумать, что въ природѣ все вымерло, если бы надъ головой не раскинулось чудное звѣздное небо.

Звѣзды сверкали здѣсь ярче, чѣмъ у насъ даже въ самыя ясныя ночи; тутъ было много совершенно новыхъ звѣздъ, которыхъ никогда не увидишь въ нашихъ сѣверныхъ странахъ. Точно такъ же и млечный путь стлался по небу не совсѣмъ такъ, какъ у насъ. Онъ, правда, свѣтилъ тѣмъ же матовымъ серебристымъ блескомъ, но тутъ онъ былъ гораздо разнообразнѣе и вѣтвистѣе.

Въ бѣлесоватомъ полѣ его, словно золотыя блестки, искрились самыя яркія звѣзды. А тамъ, далеко въ сторонѣ, виднѣлись еще два такихъ же серебристыхъ пятна, словно два свѣтлыхъ облачка на темно-синемъ небѣ. Они въ ясныя, свѣтлыя ночи всегда показываются вмѣстѣ съ млечнымъ путемъ. Эти бѣлесоватыя пятна путешественниками прозваны Магеллановыми облаками.

Между тѣмъ, какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ закатилось солнце, небо свѣтилось сперва золотистымъ отблескомъ, словно заревомъ отдаленнаго пожара. Потомъ зарево поднималось прямымъ столбомъ все выше и выше и заостреннымъ концомъ своимъ доходило почти до середины неба. Это чудное сіяніе, ни съ чѣмъ несравнимая прелесть южныхъ ночей, названо «зодіакальнымъ свѣтомъ».

Онъ освѣщалъ безжизненную пустыню своимъ золотистымъ трепетнымъ свѣтомъ—не очень сильнымъ, но все-таки болѣе яркимъ, чѣмъ свѣтъ млечнаго пути. А сквозь его сіяніе, какъ сквозь прозрачную пелену, мерцали звѣзды такимъ тихимъ, но яснымъ блескомъ. И чѣмъ темнѣе становилось вокругъ насъ на землѣ, тѣмъ ярче горѣли въ вышинѣ звѣзды и золотистѣй становился матовый мерцающій блескъ зодіакальнаго свѣта.

— Посмотрите!—сказалъ Альбараго, указывая лѣвой рукой въ другую сторону неба,—вонъ и крестъ уже поднимается!

И въ самомъ дѣлѣ, тамъ, надъ черною чертою льяносовъ, въ полѣ млечнаго пути показались четыре большія звѣзды «Южнаго Креста». Онѣ необыкновенно ясно выдаются изъ группы сосѣднихъ звѣздочекъ. Сначала онъ казался какъ бы наклоненнымъ въ лѣвую сторону. Потомъ уже, по мѣрѣ того какъ четыре яркія звѣзды его возвышались надъ горизонтомъ, онъ какъ будто поднимался понемногу на своемъ подножіи. Наконецъ, крестъ сталъ передъ нами совершенно прямо. Тогда, указавъ на него, Альбараго проговорилъ: «наступила полночь».

Такъ для жителей льяносовъ этотъ южный крестъ замѣняетъ вѣрные часы. Послѣ полуночи крестъ, приближаясь къ закату, опять сталъ наклоняться понемногу на правую сторону.

По льяносамъ подувалъ свѣжій вѣтеръ съ востока. Выносливые мулы бодро шли впередъ, хотя съ послѣдней стоянки прошло уже часовъ десять. Мы рады были остановиться, чтобъ дать отдохнуть имъ; но тогда муламъ пришлось бы слишкомъ долго оставаться безъ всякаго корма и они истомились бы еще болѣе. А трава въ льяносахъ была такъ суха и жестка, что животныя совсѣмъ не могли ея ѣсть.

Альбараго слегка покачивался на сѣдлѣ. Онъ, какъ видно, дремалъ понемногу. Но вотъ въ свѣжемъ воздухѣ почуялся запахъ дыма. Мы стали оглядываться во всѣ стороны, не понимая, откуда могъ взяться этотъ дымъ. Пеонъ нашъ тоже встрепенулся отъ дремоты. Онъ выпрямился на сѣдлѣ и заботливо вглядывался въ даль.

— А, карамба!—воскликнулъ, наконецъ, Альбараго,—никакъ тамъ льяносы горятъ!

И въ самомъ дѣлѣ вскорѣ по лѣвую сторону отъ дороги показалась огненная полоса. Альбараго сталъ торопить своего мула. Несмотря на усталость, добрыя животныя прибавили шагу.

— Теперь не отставайте,—говорилъ пеонъ,—а то пожаръ перерѣжетъ намъ дорогу.

Мы уже близко подъѣзжали къ пожарищу. Слышно было, какъ трава трещала, словно пылающая лучина. Тусклое, багровое пламя широкой рѣкой все далѣе и далѣе разливалось по ровной степи. Здѣсь и тамъ верхушка травы ярко вспыхивала огненными языками. Чуткіе мулы, навостривъ уши, сами спѣшили впередъ. На насъ пахнуло теплою гарью. Но мы еще во-время успѣли выбраться на другую сторону горящей полосы. Позади насъ огонь скачками перемахивалъ черезъ дорогу.

— Теперь пускай себѣ горитъ,—радостно воскликнулъ Альбараго,—тѣмъ лучше, послѣ дождей славная трава вырастетъ на пожарищѣ.

Здѣшніе жители нарочно поджигаютъ льяносы для того, чтобы уничтожить старую, грубую траву и дать вволю разрастись свѣжей, молодой. Иногда, впрочемъ, такіе пожары случаются по неосторожности.

Мы продолжали путь, когда солнце уже взошло, и вскорѣ показался берегъ степной рѣчки. Однако отъ долгой засухи въ руслѣ ея не нашлось ни капли воды; даже муловъ нечѣмъ было напоить. А они уже пятнадцать часовъ кряду прошли безъ пищи и питья.

Мы поспѣшили проѣхать по сухому дну рѣки и поднялись на другой берегъ. Тамъ начинался уже городъ Колобозо; вскорѣ и мулы наши завернули въ одну изъ его гостинницъ. Тутъ, наконецъ, напоили и накормили изнуренныхъ животныхъ.

Давно не спалось намъ такъ крѣпко, какъ послѣ ночного переѣзда по прибытіи въ Колобозо.

Въ гостинницѣ, называемой испанцами «посадой», нашлись даже кро-

вати. Мы ихъ не видали съ самаго Каракаса, и кровать показалась намъ истинной роскошью, хотя и пришлось лежать просто на парусинѣ, натянутой въ деревянной рамкѣ.

Я спалъ подъ открытымъ окномъ, обращеннымъ на довольно большой дворъ посады. Сквозь сонъ почудились мнѣ громкій говоръ, топотъ лошадей, шумъ и суетня. Гдѣ-то прокричали пѣтухи.

Но вотъ кто-то стягиваетъ съ меня мое легкое одѣяло. Я спросонья вздернулъ колѣномъ и ударилъ имъ обо что-то не очень мягкое. Тутъ я открылъ глаза. Смотрю и понять не могу, гдѣ я и что за чудище наклонилось надо мною. Вглядываюсь—и въ полутьмѣ узнаю сѣрую кудлатую морду и предлинныя уши добродушнаго ослика. Онъ со двора просунулъ голову въ низкое окно и, должно быть, со скуки сталъ теребить мое одѣяло. Ему, казалось, и въ голову не приходило, что подъ одѣяломъ лежалъ кто-нибудь. Когда мое колѣно стукнулось объ его морду, онъ какъ будто удивился, посмотрѣлъ передъ собой своими мутными глазами и потомъ уже, подобравъ уши, потянулъ голову вонъ изъ окна.

Теперь только могъ я разобраться, что творилось за окномъ. Тамъ, на мощеномъ дворѣ посады, толпилась большая куча людей. Сюда собрались съ разныхъ концовъ жители дальнихъ льяносовъ. Ихъ называютъ обыкновенно льянеросами. Всѣ они были одѣты въ цвѣтныя рубахи, перевязанныя поясомъ поверхъ штановъ. Бѣлаго цвѣта штаны плотно обтягивали ихъ ноги и застегивались внизу, какъ штиблеты, на пуговицы. У каждаго къ сапогу лѣвой ноги прицѣплена была длинная шпора. Голова покрывалась сѣрой войлочной шляпой, изъ-подъ которой назади выглядывали концы пестраго платка. Льянеросы повязываютъ голову платкомъ для того, чтобы защитить затылокъ отъ палящихъ лучей солнца.

Въ широкія ворота посады въѣхало еще нѣсколько человѣкъ такихъ же льянеросовъ съ длинными пиками на плечахъ, верхомъ на сухопарыхъ, но добрыхъ лошадяхъ. Приставивъ своихъ лошадей къ задней части двора, вновь прибывшіе вмѣшались тоже въ говорливую толпу. Кромѣ льянеросовъ, въ ней показывались также городскіе жители, купцы, одѣтые, какъ обыкновенно, въ бѣлые накрахмаленные сюртуки.

Товарищъ мой былъ на дворѣ, и я поспѣшилъ туда же. Альбараго успѣлъ уже разгласить о насъ, какъ о путешественникахъ изъ дальней Россіи, заѣхавшихъ въ Венецуэлу. Креолы по своему обыкновенію приняли насъ очень любезно. Ихъ любезность доходила даже до крайностей. Стоило только заговорить съ тѣмъ или другимъ, и каждый изъ нихъ тотчасъ же предлагалъ вамъ свои услуги и даже свой домъ въ полное ваше распоряженіе. Намъ оставалось только благодарить за учтивыя предложенія.

Болѣе всего занимали насъ льянеросы, эти лихіе наѣздники степей.

Одинъ изъ нихъ только что въѣхалъ во дворъ со своей длинной пикой. Мы подошли къ нему. Креолъ, разговаривавшій съ нами, сказалъ при этомъ: «не напоминаютъ ли вамъ льянеросы съ ихъ длинными пиками вашихъ русскихъ казаковъ?».

Нельзя было не согласиться, что между тѣми и другими много схожаго, хотя казаки одѣваются иначе. Притомъ у льянеросовъ лошади поросльѣе и поскладнѣе. Я сталъ хвалить статнаго жилистаго коня только что прибывшаго всадника. Въ отвѣтъ на мою похвалу льянеросъ тотчасъ же обратился ко мнѣ съ учтивымъ поклономъ и, показывая на свою лошадь, сказалъ:

— Она ваша! Распоряжайтесь ею, какъ вамъ угодно.

Такое предложеніе меня озадачило съ перваго раза. Поблагодаривъ за подарокъ, я сталъ было объяснять, что ни въ какомъ случаѣ не могу принять его. Но креолъ возразилъ:—Все равно! Теперь вы полный хозяинъ этой лошади и можете потребовать ее когда вамъ угодно.

Само собой разумѣется, что все это были одни только учтивыя фразы со стороны льянероса. Лошадь осталась, конечно, при своемъ настоящемъ хозяинѣ. Однако намъ скоро пришлось убѣдиться въ томъ, что подобныя фразы иногда исполняются на самомъ дѣлѣ, въ полномъ смыслѣ слова. Вотъ какъ это вышло. Одинъ изъ креоловъ показывалъ намъ прекрасныя чучела разноцвѣтныхъ колибри. Мы не могли налюбоваться пестрыми перышками этихъ крошекъ и похвалили отлично сдѣланныя чучела.

— Они ваши!—отвѣтилъ на это креолъ,—возьмите ихъ сейчасъ же всѣ съ собой. Они ваши!

Мы стали было отказываться отъ подарка, но напрасно! Креолъ настаивалъ на своемъ. Мы отговаривались тѣмъ, что неудобно возить съ собой эти чучела, тѣмъ болѣе, что съ нами не было ни чемодана, ни даже дорожнаго мѣшка.

— Это все можно устроить, — возразилъ креолъ, — предоставьте только мнѣ. Я весь къ вашимъ услугамъ.

Мы поблагодарили его, думая, что и на этотъ разъ все кончится одними ласковыми фразами. Но вышло иначе. На другой же день креолъ прислалъ къ намъ деревянный ящикъ. Въ немъ самымъ бережнымъ образомъ были уложены шесть чучелокъ колибри. И какъ послѣ мы ни отказывались отъ подарка, но должны были принять его. Иначе, какъ увѣрялъ насъ хозяинъ посады, мы обидѣли бы креола. Нечего было дѣлать, мы взяли ящикъ съ чучелами и въ цѣлости довезли его до Москвы. Но съ тѣхъ поръ мы были осторожнѣе и въ разговорахъ съ любезными креолами не хвалили болѣе, если намъ что-нибудь нравилось у нихъ.

Посмотримъ однако, что дѣлается на дворѣ нашей посады? Не да-

ромъ собралось тамъ до трехсотъ человѣкъ народу. Льянеросы пріѣхали въ городъ для того, чтобы запродать купцамъ свой скотъ. Онъ пригоняется сюда большими гуртами, штукъ по тысячѣ разомъ. А изъ Колобозо гурты отсылаются уже въ Каракасъ и въ другіе города. На этотъ разъ льянеросы, какъ владѣльцы большихъ стадъ, съѣхались въ городъ собственно для того, чтобы договориться съ купцами. Имъ необходимо было знать напередъ, сколько штукъ рогатаго скота пригнать въ городъ на слѣдующій мѣсяцъ. Эти переговоры и торги скоро были окончены.

Вслѣдъ затѣмъ многіе изъ собравшихся отправились на другой задній дворъ посады, куда пригласили и насъ обоихъ. Тамъ устроенъ былъ небольшой циркъ для пѣтушинаго боя. Зрители разсѣлись по скамьямъ вокругъ небольшой площадки, усыпанной пескомъ. На площадку вынесли двухъ пѣтуховъ. Они были ощипаны такъ, что перья остались только на головѣ и шеѣ, да еще на крыльяхъ и хвостѣ; а тѣло было совершенно голое. Сосѣдъ нашъ разсказывалъ, что хозяева пѣтуховъ нарочно держатъ ихъ по нѣскольку дней въ совершенно темномъ мѣстѣ, для того, чтобы они набрались побольше злости. А кромѣ того, имъ подтачиваютъ подпилкомъ концы шпоръ такъ, чтобы онѣ были острѣе.

Общипанныхъ бойцовъ выпустили на средину. Пѣтухи съ яростью бросились другъ на друга, стараясь ударить одинъ другого острыми шпорами. Зрители кругомъ такъ и впились въ разъяренныхъ бойцовъ. Каждый старался угадать впередъ, который изъ пѣтуховъ одержитъ верхъ. При этомъ креолы держатъ между собой пари за того или за другого пѣтуха. Зрители горячились не менѣе даже самихъ птицъ. При каждомъ сильномъ ударѣ бойцовъ раздавались громкія восклицанія креоловъ. Шпоры нещадно вонзались въ голое тѣло пѣтуховъ. Кровь капала на песокъ. Уже съ четверть часа продолжался бой. Наконецъ, одинъ пѣтухъ вышибъ своему противнику глазъ, и израненая птица, вся въ крови, замертво упала на землю.

Нельзя было безъ отвращенія смотрѣть на это побоище. А креолы, державшіе пари за побѣдившаго, но тѣмъ не менѣе окровавленнаго пѣтуха, радовались своему выигрышу. Между тѣмъ на площадку вышли хозяева обоихъ бойцовъ и взяли ихъ на руки. Каждый изъ хозяевъ сталъ тотчасъ же высасывать ртомъ кровь изъ ранъ своей избитой птицы. Сосѣдъ нашъ увѣрялъ, что полумертвый пѣтухъ со временемъ понемногу отходитъ, раны его залѣчатся и черезъ нѣсколько недѣль онъ будетъ даже опять въ состояніи вступить въ бой съ другимъ пѣтухомъ. Когда, наконецъ, унесли израненныхъ, то на площадку выпустили новыхъ бойцовъ, и опять началась кровавая потѣха.

Однако мы поспѣшили уйти оттуда. Признаться, мы никакъ не ожидали, чтобы эти, столь любезные въ обращеніи креолы, для своей

потѣхи, могли заставлять терзать другъ друга раззадоренныхъ пѣтуховъ. У воротъ посады встрѣтился намъ нашъ пеонъ и съ нимъ какой-то человѣкъ въ длинной бѣлой рубахѣ. Поздоровавшись съ нами, Альбараго сказалъ:—Вотъ этотъ пеонъ проводитъ васъ дальше по льяносамъ. Я и самъ охотно поѣхалъ бы съ вами, да мнѣ никакъ нельзя. Вы вѣдь знаете, я обязался лично доставить муловъ хозяину. Сегодня же и поѣду съ ними назадъ въ Каракасъ.

Уговорившись тутъ же съ новымъ проводникомъ, котораго звали Монико, мы распростились съ Альбараго, какъ съ старымъ близкимъ знакомымъ. Изъ Колобозо пришлось пробираться дальше уже по льяносамъ на осликахъ. Другихъ средствъ сообщенія не оказалось. Пеонъ нашъ щадилъ своихъословъ; а для этого какъ онъ, такъ и мы большую часть дороги шли пѣшкомъ. Монико постоянно странствовалъ по льяносамъ; потому онъ и одѣвался иначе, чѣмъ пеоны, ходящіе по горамъ. Бѣлая длинная рубаха съ широкими рукавами, ничѣмъ не подпоясанная, свободно висѣла на его плечахъ. Широкія холщевыя шаровары закрывали ноги, обутыя въ толстые башмаки. На головѣ носилъ онъ высокую поярковую шляпу цилиндрической формы съ широкими полями. Онъ шелъ за своими ослами, помахивая на нихъ длинной палкой. Вѣтерокъ, вѣявшій прохладой по степи, надувалъ его холщевую рубаху, словно парусъ.

Передъ нами тянулась все та же утомительная однообразная степь. На необъятномъ пространствѣ ея не показывалось ни одного живого существа. А солнце обливало пустыню своими жгучими лучами.

Но вотъ далеко впереди, надъ самымъ краемъ горизонта, въ воздухѣ мелькнули какія-то птицы.

— Это степныя чайки,—сказалъ Монико. Можно себѣ представить, какъ мы обрадовались имъ. Гдѣ чайки, тамъ, значитъ, и вода! Даже ослики наши, почуявъ влагу въ воздухѣ, какъ будто пріободрились. И точно, вскорѣ среди пустыни весело блеснула синяя поверхность стоячей воды. Жители ее называютъ обыкновенно лагуной. Здѣсь въ небольшомъ углубленіи степной поверхности вода скопилась послѣ дождей. Правда, такая лагуна не что иное, какъ большая лужа, но и этой водицы было довольно, чтобы освѣжить все вокругъ нея. Даже трава тутъ свѣжѣе; а посреди нея зеленѣютъ кустики мелколиственной мимозы. Надъ ними вѣеромъ раскинулись листья пальмы де-сомбрера. А по берегу вездѣ шныряютъ и сидятъ птицы. Не мало летаетъ ихъ также надъ водой. Такое собраніе разнаго рода пернатыхъ можно видѣть развѣ только въ богатомъ зоологическомъ саду или, пожалуй, на большомъ птичьемъ дворѣ.

Еще издали увидѣли мы тутъ какихъ-то странныхъ птицъ, величиною не ниже человѣка средняго роста. Онѣ относятся къ породѣ

листовъ, извѣстныхъ подъ именемъ испанскихъ. Неуклюжее тѣло ихъ покрыто бѣлымъ перомъ, а голая шея и голова съ длиннымъ клювомъ совершенно черныя. Только шея какъ будто стянута у нихъ узкимъ краснымъ воротникомъ. Моншко называлъ этихъ листовъ гарсонами. Ихъ съ дюжину сидѣло тутъ рядкомъ вдоль берега. Задумчиво наклоняли они головы, точно монахи въ бѣлыхъ балахонахъ съ черными капорами.

Не доѣзжая до озера, Моншко остановилъ осликовъ и просилъ застрѣлить хоть одного гарсона.

— Да подходите къ нимъ осторожнѣе,—говорилъ онъ,—они очень чутки.

Мы стали подкрадываться изъ-за высокаго тростника. Шагахъ въ пятидесяти отъ сидящихъ птицъ товарищъ мой вышелъ на болѣе открытое мѣсто. Увидѣвъ его, гарсоны вскочили на ноги во весь свой длинный ростъ. Расправляя крылья, они пустились было бѣжать по песчаному берегу. Раздался выстрѣлъ, и задній гарсонъ рухнулся на песокъ. Остальные поднялись и полетѣли далѣе.

Однако упавшая птица была только ранена картечью въ крыло. Она тотчасъ же вскочила на ноги и размашистыми шагами направилась было вслѣдъ за улетавшими. Мой товарищъ пустился за ней вдогонку. Не успѣлъ онъ подбѣжать къ ней, какъ раненая птица оборотилась и пошла прямо на своего врага. Она грозила ему своимъ длиннымъ острымъ клювомъ и сильно защелкала имъ. Мой товарищъ невольно попятился. Въ это самое время Моншко подоспѣлъ къ гарсону съ другой стороны и со всего маху ударилъ его своей палкой по шеѣ. Птица растянулась на землѣ. Добивъ ее окончательно, Моншко поволокъ добычу къ берегу лагуны.

— Сейчасъ крылья отрѣжемъ, я повезу ихъ домой сыну въ подарокъ,—говорилъ онъ.

Все время, пока спутники мои возились съ гарсономъ, я стоялъ на берегу и не зналъ, куда смотрѣть: такъ много птицъ встревожилось выстрѣломъ и разомъ показалось надъ лагуной. Пернатое населеніе ея поднялось изъ воды, изъ тростника и понеслось по воздуху во всѣ стороны. Недалеко отъ меня съ пронзительнымъ крикомъ взлетѣла цапля съ прекраснымъ, бѣлымъ какъ снѣгъ перомъ. Тутъ же съ шумомъ вспорхнула стая утокъ. Пролетѣвъ надъ водою, онѣ опять спустились на другомъ концѣ. Съ противоположнаго берега поднялся статный фламинго и потянулъ надъ льяносами къ другой степной лагунѣ. Бѣлое съ розовымъ налетомъ перо его долго рисовалось на голубомъ небѣ. А сизокрылыя чайки, высоко поднявшись, продолжали носиться надъ водой, оглашая воздухъ жалобными криками.

Я выбрался наконецъ изъ тростника на песчаный берегъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ пробѣжали гарсоны, видны были свѣжіе слѣды ихъ лапъ.

Разстояніе между этими отпечатками было такъ велико, что я едва могъ перешагнуть отъ одной ступни до другой; такими-то большими шагами бѣгаютъ эти великаны-аисты.

Спутники мои подошли между тѣмъ къ лагунѣ и выбрали мѣсто для привала какъ разъ подъ пальмами. Ослики, напившись вдоволь, пощипывали уже свѣжую траву. Монико между тѣмъ набралъ цѣлую груду высохшихъ вѣерообразныхъ листьевъ пальмы съ ихъ толстыми черенками. Онъ готовился развести костеръ; но замѣтилъ, что надо бы сперва застрѣлить какую-нибудь дичину. Нечего было и думать о томъ, чтобы зажарить застрѣленнаго аиста. Мясо его слишкомъ непріятно на вкусъ. Впрочемъ, за дичью дѣло не стало. Если бы намъ вздумалось поохотиться какъ слѣдуетъ вокругъ лагуны, то въ одинъ день можно бы настрѣлять столько дичи, что ея хватило бы на недѣлю.

Оставивъ Монико на мѣстѣ привала, мы вдвоемъ отправились въ обходъ лагуны. Вскорѣ изъ тростника передъ нами поднялись два ибиса, издавая рѣзкій громкій крикъ, точно трубачи. Величиною съ нашего грача, они отличались блестящими черно-бурыми перьями и довольно длиннымъ, красиво загнутымъ клювомъ оранжеваго цвѣта. Далѣе взлетывали болотныя курицы, цапли, разнаго рода утки, то въ одиночку, то стаями. Послѣ двухъ-трехъ промаховъ намъ удалось застрѣлить пару утокъ величиною съ нашихъ чирковъ.

Мы вернулись съ добычей къ нашему пеону. Утки тутъ же были ощипаны и выпотрошены какъ слѣдуетъ.

Прутья мимозы, росшей по берегу, служили намъ вмѣсто вертела. Костеръ запылалъ. Утки жарились на этомъ огнѣ, при чемъ понемногу поливались водой, чтобы не обгорѣли. Въ то же время нашъ запасливый пеонъ заварилъ какао въ своемъ дорожномъ котелкѣ. Нѣсколько взятыхъ сухарей дополнили нашъ обѣдъ. Монико увѣрялъ, что ему давно не приходилось ѣсть такое вкусное свѣжее жаркое.

Какъ ни привольно хорошо было намъ на берегу лагуны, но вскорѣ пришлось разстаться съ нею. Пеонъ навьючилъ своихъословъ, и вслѣдъ за ними мы опять зашагали по протореннымъ въ льяносахъ тропинкамъ. Чайки, кружившіяся въ вышинѣ, провожали насъ своимъ заунывнымъ крикомъ. Удаляясь, мы еще долго оглядывались на нихъ. Наконецъ, онѣ совсѣмъ пропали изъ виду, и вокругъ насъ опять опустѣло.

На другой день около полудня мы подошли къ перелѣску. Тутъ въ воздухѣ сильно запахло дымомъ. Наша дорога пролегала какъ разъ по горѣвшему мѣсту. Это, впрочемъ, нисколько не помѣшало намъ ѣхать далѣе. Трава въ лѣсу была не высока и притомъ такъ рѣдка, что огонекъ лишь медленно пробирался по землѣ. Онъ вспыхивалъ здѣсь и тамъ синимъ пламенемъ и едва лишь обжигалъ кору высохшихъ деревъ. Только почва подъ ногами тлѣла и въ воздухѣ разносился густой дымъ.

Намъ стоило только кое-гдѣ объѣзжать мѣста, горѣвшія послѣднѣе. Недалеко по опушкѣ лѣса пронесся маленькій американскій олень. Спасаясь отъ огня, онъ выбѣжалъ въ степь и быстро промчался по равнинѣ. Пара большихъ краснокрылыхъ попугаевъ съ крикомъ поднялась и отлетѣла въ другой конецъ лѣса.

Однако изъ-за этого пожара намъ нельзя было остановиться въ лѣсу и отдохнуть въ тѣни его. А въ открытой степи негдѣ было укрыться отъ жгучихъ лучей солнца. Почва тамъ мѣстами едва покрывалась травой, хотя и высокой, но уже вполовину обгорѣлой, а мѣстами стлался горячій желто-бурый песокъ. Отъ него было даже жарко ногамъ. Нечего было и думать останавливаться среди этой сухмени. А потому мы не мало обрадовались, когда вдали показался шалашъ, собранный изъ бамбуковыхъ жердей.

Когда подошли мы къ этому шалашу, то увидѣли предъ нимъ двухъ дѣвочекъ и мальчика отъ семи- до десятилѣтняго возраста. Совершенно голыя дѣти играли на пескѣ. Красно-бурое тѣло ихъ казалось еще краснѣе при яркомъ освѣщеніи солнца. На порогѣ у самаго входа въ шалашъ сидѣла на корточкахъ мать ихъ и перебирала какія-то луковицы.

Лицо и руки ея были тоже краснаго, почти кирпичнаго цвѣта, а на плечи было накинуто что-то въ родѣ рубахи, но только безъ рукавовъ. Дикари, повидимому, не обращали на насъ никакого вниманія. Только дѣти какъ будто присмирѣли немного и искоса, тайкомъ посматривали на насъ.

Монико, не говоря ни слова, разсѣдлалъ ословъ и пустилъ ихъ по волѣ.

Между тѣмъ изъ-за угла жилища вышелъ индѣецъ, самъ хозяинъ шалаша. Онъ несъ въ рукѣ большую кисть банановъ и отдалъ ее женѣ. Потомъ кивнулъ головой и подалъ намъ руку.

Монико перекинулся съ нимъ нѣсколькими словами.

Полудикій индѣецъ былъ, какъ видно, неразговорчивъ. Изъ-подъ узкаго красноватаго лба его строго смотрѣли глубоко впавшіе черные глаза. Однако во взглядѣ не было ничего суроваго, дикаго, а большой ротъ съ широкими, но не толстыми губами придавалъ лицу даже добродушное выраженіе. Черныя пряди волосъ покрывали его голову, но на лицѣ не было никакихъ слѣдовъ бороды. Довольно широкія краснозмуглыя плечи и грудь были обнажены до пояса. Весь костюмъ индѣйца состоялъ изъ холщевыхъ штановъ, спускавшихся немного пониже колѣнъ.

Эти коренные туземцы Америки были однако не совсѣмъ дикарями. Напротивъ, они успѣли уже перенять кое-что у креоловъ. Наши хозяева выстроили себѣ хотя и не очень затѣйливое жилище изъ бам-

бука. Кромѣ того, они занимались скотоводствомъ и даже немного земледѣліемъ. Короче, у нихъ уже было свое осѣдлое хозяйство, тогда какъ совершенно дикіе индѣйцы знаютъ только свою охоту да рыбную ловлю.

Моника распоряжался здѣсь, какъ у себя дома. Онъ вошелъ въ шалашъ, досталъ тамъ посудину для воды, очень походившую на тыкву, и позвалъ насъ съ собой. Повернувъ за уголъ шалаша, мы тотчасъ же очутились передъ чудной банановой рощей. Она раскинулась тутъ въ неглубокой низинѣ, и свѣтло-зеленыя макушки деревъ такъ сблизились между собой, что подъ ними всегда стояла довольно густая тѣнь. Посреди рощи тихой струей пробирался свѣтлый ручеекъ. На насъ повѣяло заманчивой свѣжестью. Набравъ воды въ свою тыкву, Моника ушелъ къ шалашу, а мы вдвоемъ углубились въ рощу.

Спускаясь по тѣнистой рощѣ, мы вскорѣ вышли къ болоту. На краю его стояло нѣсколько суковатыхъ лиственныхъ деревъ, обросшихъ мохомъ. Подходя къ одному изъ нихъ, я увидалъ, какъ по стволу скользнулъ звѣрокъ зеленоватаго цвѣта, немного болѣе бѣлки. Онъ тотчасъ же прилегъ на суку, такъ что трудно было бы его замѣтить. Я выстрѣлилъ наудачу. Звѣрокъ кубаремъ свалился съ сучка. Мы скоро отыскали его въ высокой травѣ, и тутъ только замѣтилъ я, что это былъ не звѣрокъ, а большая ящерица. Ее называютъ «игуаной».

Отъ широкой губастой морды и до конца заостреннаго хвоста было около трехъ четвертей аршина длины. Но самый хвостъ былъ подлиннѣе тѣла, травянистаго цвѣта. Болѣе всего страшный видъ игуанѣ придавалъ ея мясистый гребень. Онъ тянулся наподобіе стоячей гривы отъ затылка по всей спинѣ и до конца хвоста. А подъ глоткой нависъ еще довольно большой, съ боковъ сплюснутый зобъ, тоже съ зубчатымъ гребнемъ напереди.

Игуанъ намъ и послѣ случалось встрѣчать всегда поблизости воды. Онѣ ловко плаваютъ, при чемъ длинный и сильный хвостъ служитъ имъ отличнымъ рулемъ. Ныряютъ эти ящерицы тоже хорошо. Какъ черепахи, крокодилы,—словомъ, какъ всѣ пресмыкающіяся, такъ и игуаны несутъ яйца. Величиной они съ голубиныя, но только болѣе кругловатыя съ виду. Матка обыкновенно зарываетъ свои яйца въ песокъ по нѣскольку десятковъ въ одно мѣсто. Затѣмъ она оставляетъ ихъ, и дѣтеныши выводятся уже сами собой на солнечномъ пригекѣ. Только что вылупившіеся игуанята очень похожи на обыкновенную маленькую ящерицу. Послѣ уже, когда вырастаетъ у нихъ зобъ и гребень на спинѣ, они дѣлаются настоящими, страшными съ виду игуанами. Питаются они больше всего растеніями; иногда развѣ лакомятся насѣкомыми, личинками ихъ и разными мелкими животными, которыя случайно попадутся.

Забравъ съ собой добычу, мы поспѣшили назадъ къ шалашу, гдѣ поджидалъ насъ Моника. Увидѣвъ нашу дичь, онъ сказалъ: «Хорошо сдѣлали, что принесли игуанъ, а то у этихъ индѣйцевъ, кромѣ банановъ, ничего не достанешь».

Признаться, мы никакъ не ожидали, чтобы заботливому пеону вздумалось накормить насъ такой гадиной. Намъ случалось, правда, ѣсть заднія лапки лягушекъ; мы знали также, что изъ черепахъ приготовляется очень вкусный супъ. Но кромѣ того, сколько намъ было извѣстно, ни одно изъ земноводныхъ не употребляется въ пищу. Однако въ нуждѣ все можетъ идти въ снѣдь. А потому мы не возражали пеону и предоставили ему распорядиться игуаной, какъ самъ знаетъ.

Онъ тотчасъ же съ видомъ знатока принялся за дѣло. А между тѣмъ индѣецъ предложилъ намъ своихъ банановъ. Испеченные на угольяхъ, они были очень пріятнаго вкуса и довольно сытны. Когда же потомъ мы попробовали вареной игуаны, то мясо ея намъ чрезвычайно понравилось. Довольно нѣжное, оно напоминало собою нѣсколько мясо молочнаго поросенка. Впослѣдствіи мы на самомъ дѣлѣ убѣдились, что игуаны составляютъ одно изъ лакомыхъ блюдъ у здѣшнихъ достаточныхъ городскихъ жителей, въ родѣ того, какъ у насъ рябчики и другая дичь.

Поутру мы выступили въ дальнѣйшій путь.

Въ Британской Гвіанѣ.

(Аппуна.)

Джорджтаунъ, главный городъ Британской Гвіаны, лежитъ подъ 6^0 с. ш. и подъ 58^0 з. д., на восточномъ, или правомъ, берегу рѣки Демарары; большую часть жителей составляютъ негры и цвѣтные. Немногочисленное бѣлое населеніе состоитъ преимущественно изъ англичанъ; прочихъ европейцевъ, а также сѣверо-американцевъ въ Джорджтаунѣ чрезвычайно мало, какъ и вообще во всей Гвіанѣ.

Съ моря городъ Джорджтаунъ представляетъ замѣчательно красивый видъ, благодаря роскошной тропической растительности, окружающей какъ бы въ видѣ громаднаго парка чистые и большею частью красивые домики, снабженные балконами. Повсюду надъ городомъ поднимаются тысячи великолѣпныхъ просвѣчивающихъ опахаловидныхъ коронъ капустной пальмы, вмѣстѣ съ усаженными огромными пучками крупныхъ орѣховъ куполами кокосовыхъ пальмъ, вслѣдствіе чего издали городъ представляется обширнымъ пальмовымъ лѣсомъ, и только при приближеніи къ устью рѣки Демарары путешественникъ видитъ передъ собою, сквозь лѣсъ мачтъ и снастей, какъ бы внезапно выросшій изъ-подъ земли оживленный портовый городъ.

Самый городъ распланированъ необыкновенно правильно, и всѣ улицы пересѣкаются подъ прямыми углами. Изъ улицъ замѣчательна по своей длинѣ и оживленности Уотеръ-стритъ, тянущаяся по берегу Демарары болѣе чѣмъ на цѣлую милю въ длину. Она занята преиму-

Улица Въ Джорджтаунѣ.

щественно купцами, склады и верфи которыхъ далеко врѣзываются въ рѣку. Въ 1864 году два страшные пожара совершенно истребили эту улицу вмѣстѣ съ частью прилегающихъ къ ней второстепенныхъ улицъ, послѣ чего вмѣсто нея отстроилась новая, еще болѣе красивая и ши-

рокая улица съ великолѣпными зданіями и изящной крытой галлереей для пѣшеходовъ, поддерживаемой деревянною колоннадою. Въ этой улицѣ цѣлый день, въ особенности до полудня, производится самая дѣятельная торговля, придающая ей весьма оживленный видъ, который еще усиливается безпрерывною суетней на многочисленныхъ то нагружаемыхъ, то разгружаемыхъ корабляхъ. Улицу пересѣкаютъ шесть снабженныхъ шлюзами каналовъ, по которымъ во время отлива городскія нечистоты стекаютъ въ рѣку.

Двѣ другія главныя улицы, Майнъ- и Камнъ-стритъ, идутъ параллельно Уотеръ-стриту и отличаются своею шириной, а также красотою зданій. Посрединѣ во всю длину улицы тянутся каналы съ прѣсною водою, раздѣляющіе улицы на двѣ стороны, соединяющіяся многочисленными мостиками. Эти каналы съ прозрачной какъ хрусталь водою, вмѣстѣ съ роскошными карминово-красными олеандрами, густо покрывающими берега ихъ, придаютъ необыкновенную прелесть этимъ въ высшей степени чистымъ улицамъ. Безчисленное множество мелкихъ улицъ пересѣкаютъ три эти и многія другія главныя улицы города. Дома большею частью деревянные, преимущественно двухъэтажные, съ гонтовыми или шиферными крышами; строятся на кирпичныхъ столбахъ, поднимающихся фута на три или на четыре отъ земли. Передъ большими домами расположены галлереи или крытые ходы, снабженные, какъ и окна, зелеными венеціанскими жалюзи, которыя могутъ по произволу то задергиваться, то отдергиваться. Каждый такой домъ имѣетъ свои флигеля и службы: для прислуги, кухни и скота, обсаженные деревьями и кустарниками, а передъ домомъ тщательно разводится окруженный проволочною рѣшеткою или красивой деревянной изгородью садикъ съ роскошнѣйшими тропическими цвѣтами. Дома выкрашены преимущественно бѣлой масляной краской, что придастъ городу, утопающему въ изумрудной зелени тропической растительности, поразительно красивый видъ.

Въ устьѣ Демерары, достигающемъ три четверти мили въ ширину, расположенъ фортъ Вильямъ-Фридрихъ, не отличающійся особенно сильными укрѣпленіями.

Близъ форта поднимается прекрасный каменный, покрытый желѣзомъ кирпичный маякъ, достигающій 100 ф. въ высоту и окруженный галлереей. Ночью онъ свѣтитъ чрезвычайно яркимъ и далеко видимымъ свѣтомъ. Къ востоку отъ него, на огромномъ учебномъ плацу, расположены обширныя казармы и два военные госпиталя.

Самое величественное и красивое зданіе города представляетъ, безспорно, ратуша, расположенная въ центрѣ города. Это колоссальное зданіе построено въ самомъ чистомъ стилѣ и украшено богатыми, но простыми барельефами.

Вдоль по восточному берегу идетъ желѣзная дорога, соединяющая Джорджтаунъ съ деревней Магайкою, отстоящею отъ него на 20 миль: по обѣимъ сторонамъ дороги тянутся многочисленныя плантаціи, почему на ней происходитъ чрезвычайно оживленное движеніе, въ особенности товаровъ.

Городъ имѣетъ два большіе крытые рынка, которые устроены въ высшей степени изящно и удобно, снабжены множествомъ лавокъ и складовъ и окружены необыкновенно красивою желѣзною рѣшеткой. Большой рынокъ, расположенный у рѣки, на всемъ своемъ пространствѣ представляетъ въ высшей степени оживленную картину по утрамъ, въ особенности въ субботу, главный базарный день Джорджтауна. Въ этотъ день на рынкѣ и на примыкающей къ нему улицѣ Уотеръ-стритъ поднимается такая толкотня, что путешественнику легко было бы подумать, что онъ находится въ одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ какой-нибудь европейской столицы, если бы разнообразный цвѣтъ кожи снующей по всѣмъ направленіямъ толпы не нарушалъ этой иллюзіи. Этотъ рынокъ со своими черными садовницами и огородницами, съ жадными до прибыли португальскими рыбными и банановыми торговцами, съ цвѣтными мясниками, со своими ресторанами, наполненными элегантною публикой, истребляющей бифштексы, соленую рыбу и водку, и со многими другими, часто забавными группами, болѣе или менѣе напоминаетъ, по всей своей пестротѣ и толкотнѣ, рынокъ въ приморскихъ городахъ Венецуэлы, съ тою только разницей, что въ Джорджтаунѣ несравненно больше порядка и чистоты и не приходится затыкать носъ отъ зловонія, что происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мясники продаютъ только свѣжую говядину, а не сушеную, которая не употребляется въ Британской Гвіанѣ. Полиція также строго слѣдитъ, чтобы привозимая на продажу рыба была совершенно свѣжа, вслѣдствіе чего какъ здоровье, такъ и обоняніе публики не страдаютъ отъ запаха гніющей рыбы.

Европейцы, привыкшіе къ роскоши и утонченному комфорту, могутъ найти въ многочисленныхъ, часто весьма изящныхъ, лавкахъ города все, что только имъ вздумается, потому что всѣ части свѣта наперерывъ стараются снабдить Британскую Гвіану своими произведеніями.

Высшая власть въ колоніи принадлежитъ губернатору, управляющему вмѣстѣ съ колоніальнымъ парламентомъ изъ 10 членовъ почти по тѣмъ же самымъ законамъ, какіе существовали во время владычества голландцевъ.

Въ Джорджтаунѣ, какъ вообще въ Британской Гвіанѣ, правительство дѣлаетъ весьма много для школъ и годъ отъ году отпускаетъ на нихъ все большія и большія суммы. Сверхъ того въ Джорджтаунѣ существуетъ высшая школа, въ которой молодые люди получаютъ пре-

красное воспитаніе и такое же основательное образованіе, какъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы.

Общественная жизнь въ Джорджтаунѣ, какъ и въ большей части городовъ Южной Америки, чрезвычайно однообразна, виною чему главнымъ образомъ жаркій климатъ. Для европейца главнымъ удовольствіемъ считается поѣздка на гулянье высшаго общества. Въ западномъ концѣ города, вдоль берега Демарары расположенъ бульваръ, состоящій изъ аллеи величественныхъ капустныхъ пальмъ. Каждый бѣлый, живущій въ Джорджтаунѣ, если только онъ имѣетъ какую-нибудь претензію на высокое положеніе въ обществѣ, богатство или образованіе, считаетъ своимъ долгомъ, если только ему позволяютъ средства, пріобрѣсти экипажъ, большею частью двуколку, на которой онъ ѣздитъ какъ по дѣламъ, такъ и на гулянье, такъ какъ ходить пѣшкомъ считается въ высшей степени неприличнымъ и избѣгается всѣми.

Балы высшаго свѣта бываютъ весьма рѣдко, но зато поражаютъ своею роскошью. Огромная зала клуба бываетъ разубрана въ эти дни самымъ волшебнымъ образомъ; вся она обвивается роскошными тропическими растеніями; на обоихъ концахъ ея бьютъ въ теченіе цѣлой ночи фонтаны драгоцѣнныхъ флоридскихъ духовъ.

Что же касается до увеселенія негритянскаго населенія Джорджтауна, то оно обезпечено болѣе чѣмъ нужно заведеніемъ многочисленныхъ кабаковъ и учрежденіемъ еженедѣльныхъ баловъ. Балы эти служатъ для удовлетворенія страсти различныхъ негритянскихъ обществъ къ танцамъ.

Въ настоящее время въ Джорджтаунѣ достаточное число гостинницъ и столовыхъ, хотя сравнительно съ европейскими все въ нихъ очень дорого.

Индѣйцы рѣдко показываются въ городѣ и появляющіеся принадлежатъ преимущественно къ прибрежнымъ племенамъ, и только какъ величайшую рѣдкость можно встрѣтить между ними индѣйца изъ внутреннихъ частей материка. Они появляются на непродолжительное время, чтобы вымѣнять свои товары, какъ, напр., цыновки, ручныхъ звѣрей, въ особенности обезьянъ и попугаевъ, прекрасно сплетенныя корзины, глиняныя издѣлія, красивыя перья, сухую рыбу, смолу и т. д., на необходимые для нихъ предметы, каковы: ножи, ножницы, топоры, сѣкиры, ружья, порохъ, пули, жемчугъ и т. п., послѣ чего они тотчасъ же уѣзжаютъ, такъ какъ климатъ и жизнь на прибрежьѣ совершенно непривычны для индѣйцевъ. Однако нѣкоторые изъ нихъ нанимаются работниками на большія заведенія лѣсопромышленниковъ по Демарарѣ. Эссеквибо, чтобы на сдѣланныя сбереженія купить винтовку, составляющую высшую цѣль ихъ желаній и цѣнимую ими больше жены, и затѣмъ снова удалиться въ свою пустыню.

Англійское правительство обращается съ индѣйцами въ высшей сте-

пени гуманно, охотно дозволяетъ имъ свободную рубку лѣса, охоту, обработку земли и т. д. и содержитъ для охраненія ихъ и заботы о ихъ матеріальномъ и умственномъ благосостояніи трехъ инспекторовъ.

Британская Гвіана пользуется дурною славою какъ въ Европѣ, такъ и въ Вестъ-Индіи за свой нездоровый климатъ, вызывающій большую смертность между европейцами: вообще климатъ Гвіаны неблагопріятенъ бѣлымъ, прибывшимъ изъ умѣреннаго пояса, въ особенности если они начинаютъ заниматься земледѣліемъ на прибрежной полосѣ. По берегамъ иногда свирѣпствуетъ желтая лихорадка, поражающая преимущественно иностранцевъ, въ особенности моряковъ, которые всѣхъ болѣе подвержены этой ужасной болѣзни. Эта эпидемія, равно какъ и перемежающаяся лихорадка, свирѣпствуетъ только по берегу, въ особенности близъ устьевъ рѣкъ, и не распространяется внутрь страны. Здоровость климата внутреннихъ частей вошла въ пословицу; воздухъ тамъ до такой степени чистъ, что Венера и Юпитеръ бываютъ видимы днемъ.

Разница между температурою берега и центральныхъ частей необыкновенно велика. Высокая температура прибрежья значительно умѣряется дневными морскими бризами, дующими съ востока и освѣжающими атмосферу. Они начинаются отъ 8 до 10 часовъ утра, достигаютъ своего максимума около 2 часовъ пополудни и прекращаются около солнечнаго заката. Въ это время начинается ночной бризъ, представляющій легкій, неправильный вѣтеръ, дующій отъ суши къ морю. Влажный, холодный и пропитанный міазмами отъ разложенія растительныхъ и животныхъ веществъ, ночной бризъ считается весьма опаснымъ для здоровья.

Длинный періодъ дождей наступаетъ въ срединѣ или въ концѣ апрѣля и оканчивается въ послѣднихъ числахъ августа; въ теченіе же прочихъ мѣсяцевъ обыкновенно не выпадаетъ ни капли дождя. Такъ что здѣсь только два времени года: дождливое и сухое.

Грозы, особенно сильныя при перемѣнѣ временъ года, бываютъ довольно часто, при чемъ молнія бороздитъ все небо, и вся природа кажется однимъ громаднымъ пожаромъ; однако здѣсь молнія не причиняетъ такихъ опустошеній, какъ въ умѣренномъ поясѣ. Землетрясенія чрезвычайно рѣдки, а если и происходятъ, то бываютъ чрезвычайно мало замѣтны.

Климатъ Британской Гвіаны, кромѣ того, отличается необыкновенною влажностью. Въ ясныя ночи атмосферная влага осѣдаетъ въ видѣ росы, появляющейся въ сухое время года въ весьма большомъ количествѣ. Часто также, въ особенности на рѣкахъ во время солнечнаго заката, появляется густой туманъ, который, впрочемъ, скоро исчезаетъ.

Въ 1812 году, по взаимному соглашенію, Британская Гвіана перешла отъ Голландіи къ Англіи, подъ властью которой она съ тѣхъ

поръ и находится, годъ отъ году развивая гигантскими шагами свое земледѣліе и промышленность. Послѣ освобожденія отъ рабства большая часть черныхъ, работавшихъ на плантаціяхъ, покинули своихъ прежнихъ господъ, частью чтобы найти себѣ болѣе пріятное занятіе, а частью чтобы насладиться свободною по ихъ мнѣнію, т.-е. праздною, жизнью.

Въ странѣ, гдѣ природа производитъ въ изобиліи все необходимое для человѣка, отъ него требуется весьма мало труда, чтобы поддержать свое существованіе: нѣсколько очень легко разводимыхъ банановъ и хлѣбныхъ деревьевъ, обильная рыбою рѣка по сосѣдству, лѣсъ со своими дикими пернатыми и низшими млекопитающими,— все это доставляетъ лѣнивому негру достаточныя средства къ пропитанію. И онъ можетъ валяться цѣлый день въ своей койкѣ, въ то время какъ подруга его жизни хлопочетъ объ удовлетвореніи его потребностей.

Несмотря на окружающую ихъ высокую цивилизацію, негры, живущіе по деревнямъ и отчасти по городамъ, ни на одинъ шагъ не подвинулись въ своемъ домашнемъ быту; вмѣсто того чтобы улучшать свое хозяйство, они тратятъ свой незначительный заработокъ на покупку вычурнаго платья и дорогихъ бездѣлушекъ. Одна или двѣ деревянныя скамейки, служащія для сидѣнія, и грубый столъ, на которомъ нагромождены какъ попало стаканы, тарелки, чашки, глиняные горшки, жестяные сосуды и ящики и непзбѣжныя тыквы,—вотъ вся ихъ домашняя утварь. Тыквы составляютъ необходимѣйшую часть ихъ хозяйства, потому что онѣ служатъ рукомойниками, кувшинами, графинами, мисками и многимъ другимъ. На полу, состоящемъ обыкновенно изъ плотно утрамбованной земли, стоятъ многочисленныя четырехугольныя бадьи, играющія столь же важную роль въ домашнемъ обиходѣ негритянки, какъ и тыквы, и употребляющіяся для такихъ же цѣлей. Въ нихъ носятъ онѣ на рынокъ овощи и въ нихъ же приносятъ закупленную ими провизію—рыбу, говядину, бананы и т. п.; дома онѣ служатъ для храненія грязнаго и чистаго бѣлья, а также замѣняютъ кровати для маленькихъ дѣтей. Негритянка, положившая своего ребенка въ такую бадью, считаетъ его настолько же защищеннымъ отъ всякихъ враждебныхъ ему вліяній, какъ если бы онъ лежалъ въ самой удобной и безопасной колыбели; что же касается до непріятностей, которыя могутъ причинить ему собаки, козы или куры, то на нихъ не обращаютъ никакого вниманія. Сверхъ того, бадьи въ знойное время защищаютъ отъ солнца, а въ дождливое—отъ дождя; однимъ словомъ, негритянка съ тыквою и бадьею совершенно счастлива и не завидуетъ никому въ мірѣ. Третій изъ главныхъ предметовъ домашняго хозяйства составляетъ большой обрубокъ дерева съ выдолбленнымъ въ немъ углубле-

ніемъ, въ которомъ превращаютъ недозрѣлые бананы въ тѣстообразную массу, извѣстную подъ именемъ «фу-фу» и считающуюся у негровъ и цвѣтныхъ величайшимъ лакомствомъ. Постель состоитъ изъ матраца, набитаго сухими пальмовыми или банановыми листьями, или изъ висячей койки.

Негръ, живущій въ городѣ, не пользуется такою щедростью природы и потому принужденъ работать; при этомъ обыкновенно онъ работаетъ лишь настолько, чтобы удовлетворить своимъ первымъ потребностямъ, а также имѣть средства покупать ромъ, табакъ и т. п. Это относится главнымъ образомъ къ неграмъ, рожденнымъ въ Британской Гвіанѣ и представляющимъ по характеру и развитію середину между своими черными родителями и бѣлыми воспитателями, почему они и носятъ названіе «негровъ-креоловъ».

Цвѣтъ кожи негровъ-креоловъ свѣтлѣе, чѣмъ у коренныхъ африканцевъ, точно такъ же и черты лица ихъ съ теченіемъ времени замѣтно измѣнились, приблизившись болѣе къ европейскому типу. Носъ ихъ прямѣе и менѣе приплюснутъ, ротъ меньше, губы тоньше и волосы не такъ курчавы и шерстеобразны, какъ у старыхъ поколѣній. Многія изъ этихъ измѣненій могли произойти отъ смѣшенія съ племенами, родственными съ европейскою расою, однако они замѣчаются и у чистокровныхъ негровъ. Тѣлосложеніе негровъ-креоловъ большею частью весьма совершенное; они отличаются прекрасно развитыми руками, плечами и спиною.

Негры-креолы не обладаютъ замѣчательною твердостью характера природныхъ африканцевъ и, несмотря на болѣе быстрое и развитое соображеніе, они такъ же скрытны и лукавы, какъ и послѣдніе.

Несмотря на ихъ большую опытность въ практическихъ дѣлахъ, имъ всегда недостаетъ предусмотрительности и выдержки. При этомъ они чрезвычайно веселы, болтливы и даже докучливы, однако въ высшей степени упрямы и непостоянны; самая незначительная мелочь, въ особенности если она удовлетворяетъ ихъ страсти къ наслажденіямъ, въ одно мгновеніе заставляетъ ихъ забыть то, чѣмъ они недавно весьма сильно интересовались.

Они въ высшей степени хвастливы, но не имѣютъ и тѣни гордости; они любятъ религіозные обряды и охотно посѣщаютъ церковь и религіозныя собранія. Они страстные любители музыки и танцевъ, къ чему имѣютъ отъ природы талантъ и въ чемъ достигаютъ высокой степени совершенства.

Хотя ихъ лѣнь и апатія достаточно велики, однако, въ виду какой-нибудь особенной цѣли, они способны къ самой усиленной работѣ,— забравшій себѣ что-нибудь въ голову негръ легко можетъ быть отклоненъ отъ своего намѣренія убѣжденіемъ, но никогда не бранью и не

силою. Городскіе негры выказываютъ сильное стремленіе перенимать европейскіе обычаи, и притомъ не только хорошіе, но и дурные. Говоря вообще, они живутъ умѣренно, но, къ несчастію, ихъ нравственный уровень стоитъ на весьма низкой ступени.

Въ противоположность прочимъ племенамъ, они не имѣютъ особаго національнаго костюма, но каждый изъ имѣющихъ какую-нибудь претензію на образованность одѣвается по европейской модѣ какъ только можетъ. Отсюда происходитъ удивленіе путешественника, когда негръ, котораго онъ видѣлъ въ теченіе недѣль въ самыхъ грязныхъ лохмотьяхъ, вдругъ встрѣчается ему въ воскресенье въ прекраснѣйшемъ костюмѣ, сшитомъ по послѣдней модѣ: въ суконномъ сюртукѣ, изящнѣйшихъ брюкахъ, въ лакированныхъ штиблетахъ, во французскомъ цилиндрѣ и съ хлыстикомъ въ рукахъ, или когда онъ увидитъ предъ собою свою прачку, носящую въ теченіе недѣли изодранную въ клочки дерюгу, въ батистовомъ платьѣ, модной шляпкѣ, съ зонтикомъ и въ перчаткахъ. По воскресеньямъ негръ бываетъ настоящимъ джентльменомъ. Въ описанномъ костюмѣ онъ гуляетъ по улицамъ, входитъ въ кафе, чтобы потребовать тамъ водки и сельтерской воды; онъ снисходительно здоровается со своими черными собратами и дружески-фамильярно подходитъ къ бѣлому, подавая ему затянутую въ перчатку руку. Онъ говоритъ настоящимъ лондонскимъ жаргономъ и куритъ настоящія гаванскія сигары. Вечеромъ онъ отправляется въ церковь, стуча что есть мочи каблуками, чтобы показать, что у него есть сапоги, которые къ тому же скрипятъ на всевозможные тона. Тотчасъ по окончаніи службы онъ идетъ въ такое мѣсто, гдѣ по воскресеньямъ тайкомъ продаютъ ромъ, и, для завершенія праздника, дерется со своими товарищами.

На другой день онъ выступаетъ по улицамъ босикомъ и въ лохмотьяхъ, справляя въ измѣненномъ образѣ проводы вчерашняго праздника.

Въ послѣднее время стремленіе негровъ къ нарядамъ значительно ослабѣло, въ особенности въ деревняхъ; негръ выходитъ изъ дому даже по воскресеньямъ, частью по нерадивости, частью по бѣдности, въ самомъ небрежномъ и часто даже въ самомъ жалкомъ костюмѣ, хотя бы онъ принадлежалъ къ числу должностныхъ лицъ въ своемъ обществѣ. Это объясняется главнымъ образомъ сильнымъ пониженіемъ заработной платы негра.

Вслѣдствіе освобожденія негровъ и послѣдовавшаго затѣмъ отказа ихъ работать на плантаціяхъ, въ Британской Гвіанѣ возникла мелкая поземельная собственность, такъ какъ многіе изъ покинутыхъ неграми плантаторовъ принуждены были продать за дешевую цѣну свои земли, которыя въ настоящее время скуплены однимъ негритянскимъ обще-

ствомъ и раздѣлены поровну между его членами. Теперь онѣ превращены либо въ плантаціи, съ разбросанными на нихъ отдѣльными домиками, либо въ настоящія деревни. Весьма трудно встрѣтить въ этихъ «свободныхъ общинахъ» сносно выстроенный и чистый домъ; одни только кабаки выглядываютъ немного красивѣе прочихъ домовъ. О дренажѣ или каналѣ для отвода нечистотъ въ этихъ поселеніяхъ не можетъ быть и рѣчи, и дождевая вода собирается здѣсь въ ямахъ или образуетъ вокругъ домовъ обширные пруды, которые въ дождливое время дѣлаютъ улицы почти непроходимыми. Единственно хорошо выстроенныя и чисто содержимыя зданія—это церкви, находящіяся въ большей части этихъ поселеній и представляющія пріятный контрастъ съ полуразрушенными, грязными лачугами, окружающими ихъ.

Собственникъ маленькаго участка и, разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ семейства проводитъ время, покачиваясь въ койкѣ или сидя на изломанномъ стулѣ, и смотритъ въ щель, продѣланную въ боковой стѣнѣ, а иногда и въ окно, чтобы полюбоваться, быть можетъ въ десятитысячный разъ, деревьями, окружающими домъ; послѣ долгихъ размышленій онъ наконецъ встаетъ, надѣваетъ самое вычурное, но неудобное платье и отправляется, въ сопровожденіи своей тощей собаки, на прогулку, оканчивающуюся всегда кабакомъ. Если онъ человѣкъ болѣе или менѣе достаточный, то у него навѣрное есть тощая кляча, которая должна сама отыскивать себѣ пищу; на ней онъ ежедневно ѣздитъ верхомъ; а если у него двуколка, предметъ его честолюбивыхъ помысловъ, то онъ катается по деревнѣ вмѣстѣ со своей лэди.

Что касается до нравовъ и обычаевъ, то негры-креолы выказываютъ необыкновенную склонность подражать европейцамъ. Во время свадебъ, крестинъ и похоронъ они всегда нанимаютъ изящные экипажи, и гости являются не иначе, какъ по печатному или литографированному пригласительному билету; однимъ словомъ, они лѣзутъ изъ кожи, чтобы только по внѣшности приблизиться какъ можно больше къ европейцамъ.

Несмотря на все это, между неграми, въ особенности ремесленниками, встрѣчаются иногда люди очень трудолюбивые, замѣчательно искусные и смышленые.

Британская Гвіана обязана теперешнимъ развитіемъ своей торговли и благосостоянія не труду негровъ, а главнымъ образомъ работѣ остъ-индскихъ и китайскихъ кули (рабочихъ, посильщиковъ) для сбработки плантацій.

По темному, коричневому цвѣту кожи, правильнымъ чертамъ лица и длиннымъ чернымъ волосамъ остъ-индскіе кули представляютъ рѣзкій контрастъ съ первобытными жителями страны, индѣйцами. Кули имѣетъ болѣе темный цвѣтъ лица, чѣмъ индѣецъ, болѣе стройное и граціозное тѣло, съ длинными красивыми членами; онъ подвижнѣе и веселѣе

индѣйца, но слабѣе его физически. Его волосы блестящи и волнисты, а не прямые, какъ у краснокожаго кули. Исповѣдующіе мусульманство бреютъ голову, оставляя одну кожу.

Кули говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, смотря по племени, къ которому принадлежатъ, но всѣ они, по всей вѣроятности, произошли отъ двухъ основныхъ языковъ—индостанскаго и бенгальскаго.

По религіи своей они принадлежатъ къ многочисленнымъ остъ-индскимъ сектамъ, отчасти же исповѣдуютъ магометанство; большая часть ихъ вовсе не ѣстъ мяса или же употребляетъ только мясо извѣстныхъ животныхъ.

Кули изъ Калькутты отличаются болѣе высокимъ ростомъ и краснымъ тѣлосложеніемъ. Ихъ красиво сформированная голова, здоровыя плечи часто невольно поражаютъ наблюдателя. Черты лица у многихъ чрезвычайно, почти классически прекрасны; въ этомъ отношеніи отличаются опять-таки женщины, между которыми встрѣчаются настоящія красавицы. Ихъ темная бархатистая кожа, огненные глаза, блестящіе волосы и чудный ростъ дѣлаютъ ихъ достойными кисти художника.

Мужчины носятъ бѣлые тюрбаны или круглые колпаки яркихъ цвѣтовъ, длинныя куртки, короткія панталоны изъ бѣлаго или пестраго муслина или ситца, или же съ большимъ вкусомъ окутываютъ свое красивое, стройное тѣло въ длинный кусокъ бѣлой или полосатой матеріи; другіе же окружаютъ только одну поясницу кускомъ бѣлой или пестрой матеріи, образующимъ волнистыя складки; на работу они надѣваютъ всегда простое, часто даже поношенное платье.

Женщины не носятъ никакихъ головныхъ украшеній: онѣ обвиваютъ свои черные блестящіе волосы вокругъ головы, предварительно расчесавъ, напомадивъ и раздѣливъ или заплетя ихъ въ косы, и укрѣпляютъ ихъ золотыми или серебряными иголками. Въ ушахъ и носовой перемычкѣ прокалываются дырочки, въ которыя вставляются золотыя или серебряныя колечки; браслеты и кольца на пальцахъ рукъ и ногъ, сдѣланные изъ того же металла, дополняютъ праздничное убранство кулійской красавицы. Верхняя часть ихъ тѣла и грудь одѣты въ узкую кисейную рубашку, а отъ таліи до земли спускается живописными складками кусокъ матеріи краснаго или другого яркаго цвѣта.

Для удобства и благополучія кули правительство и плантаторы сдѣлали очень много: въ каждой плантаціи существуетъ хорошій столъ, больница, приняты мѣры къ обезпеченію больнымъ хорошаго ухода и медицинской помощи, и только въ немногихъ случаяхъ двѣ плантаціи, съ разрѣшенія губернатора и парламента, могутъ имѣть одинъ общій госпиталь.

Кули, возвращающіеся въ Остъ-Индію послѣ окончанія своего пяти-

лѣтняго срока, обыкновенно всегда увозятъ съ собою сравнительно большія суммы, составленныя изъ ихъ сбереженій.

Китайцы, какъ работники на плантаціяхъ, весьма пригодны; они легко пріучаются къ этой работѣ и пріобрѣтаютъ большую ловкость, какъ и во всякомъ другомъ трудѣ. По характеру они веселы, смирны, но вмѣстѣ съ тѣмъ упрямы, злы и мстительны, и въ нравственномъ отношеніи стоятъ чрезвычайно низко. Куреніе опіума для нихъ, какъ и для ость-индскихъ кули, которые главнымъ образомъ и курятъ его, составляетъ насущную потребность.

При этомъ китайскіе кули страстные игроки, и даже нерѣдко крадутъ у своихъ хозяевъ скотъ, чтобы удовлетворить своему волчьему аппетиту.

Будучи переселены на всю жизнь, китайцы, отработавшіе свой условленный срокъ или переселившіеся безъ всякаго контракта, основали на правомъ берегу Демарары свободный городъ подъ именемъ Гонъ-тоуна, для чего имъ отведена отъ англійскаго правительства полоса земли. Исключительно китайское населеніе этого города обработало на десять миль въ окружности предоставленное имъ прибрежье Демарары и развело на немъ бананы, бататы, имбирь и другія растенія, имѣющія хорошій сбытъ въ Джорджтаунѣ.

Сравнительно ничтожное число бѣлыхъ, преимущественно англичанъ, находящихся въ Британской Гвіанѣ, живетъ, главнымъ образомъ, въ обоихъ городахъ колоніи, Джорджтаунѣ и Бербисѣ, а также на плантаціяхъ, расположенныхъ по берегу; они большею частью отправляютъ должности чиновниковъ или занимаются торговлею или же управленіемъ плантаціями.

Главные предметы вывоза изъ Гвіаны составляютъ сахаръ и ромъ.

Планъ расположенія сахарной плантаціи въ Британской Гвіанѣ слѣдующій.

Земля, назначенная подъ плантацію, представляетъ обыкновенно узкую прямоугольную полосу, своею переднею стороною, саженъ отъ 100 до 300, примыкающую къ берегу моря или рѣкѣ.

Каждая плантація окружена четырьмя плотинами: переднею плотиной, служащею для защиты отъ воды рѣки, канала или моря, заднею и двумя боковыми плотинами—для предохраненія плантаціи отъ наводненій въ дождливое время года. Эти довольно широкія плотины служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ улицами вокругъ плантаціи, хотя для провоза продукта въ кладовыя, расположенныя преимущественно въ передней части, служатъ исключительно каналы. Отъ передней плотины во всю длину плантаціи и почти посрединѣ ея проходитъ насыпь, имѣющая съ каждой стороны по каналу (такъ называемые срединные каналы), настолько широкому, что по нимъ легко могутъ пройти два большихъ

судна. Отъ срединныхъ каналовъ на равныхъ и сравнительно небольшихъ разстояніяхъ идутъ подъ прямымъ угломъ боковые каналы, оканчивающіеся всего въ одной сажени разстоянія отъ водосточныхъ рвовъ. Эти каналы раздѣляютъ всю плантацію на маленькіе участки и, окружая ихъ съ трехъ сторонъ, дозволяютъ весьма быстро отвозить тростникъ въ требуемый пунктъ. Въ нѣкоторыхъ плантаціяхъ бываетъ всего одинъ судоходный каналъ посрединѣ. Всѣ каналы получаютъ свою воду большею частью только отъ дождей; однако на случай сильныхъ засухъ или для предохраненія отъ слишкомъ большого спаданія воды въ сухое время года они соединяются съ сосѣднимъ озеромъ или даже моремъ.

Въ передней плотинѣ, въ концѣ большихъ водосточныхъ рвовъ, которые обыкновенно соединяются между собой рвомъ, устроены необходимые шлюзы.

Плантаціи бываютъ большею частью значительной длины, при чемъ правительство обыкновенно даетъ землю въ аренду подъ плантацію.

Сахарная плантація раздѣляется вышеупомянутыми каналами на участки, отъ которыхъ мотыкою проводятъ параллельныя борозды. Въ нихъ сажаютъ на разстояніи 1 фута другъ отъ друга по два или по три стебля старыхъ растеній или отводки, послѣ чего ихъ засыпаютъ землею, такъ что снаружи остается только дюйма три. По прошествіи десяти или четырнадцати дней въ сидящихъ на узлахъ почкахъ начинаютъ развиваться длинные камышеобразные листья; вслѣдъ затѣмъ должно тщательно выполоть поле и время отъ времени сгребать землю вокругъ черенка, до тѣхъ поръ, пока, по прошествіи 6 или 8 мѣсяцевъ, растенія не достигнутъ такой величины, что ихъ тростникообразные, на концѣ скученные въ видѣ опахала, листья такъ густо покрываютъ все поле, что заглушаютъ всякую сорную траву.

Послѣ девяти мѣсяцевъ начинаетъ развиваться прикрѣпленный на длинной красноватой камышеобразной ножкѣ цвѣтокъ, похожій на самую нѣжную бѣлую перепонку, спускающуюся въ видѣ флага: въ теченіе этого періода самый стебель тростника дѣлается совсѣмъ мягкимъ и наполняется однимъ водянистымъ сокомъ. Вскорѣ послѣ опаданія цвѣтовъ стебель снова пріобрѣтаетъ свою твердость и по прошествіи года послѣ посадки созрѣваетъ окончательно. Въ это время онъ обыкновенно достигаетъ 10 или 18 ф., при поперечникѣ въ два съ половиной или три дюйма, и, подобно бамбуку, сильно расчленяется. Вслѣдъ затѣмъ онъ косится подъ самый корень, рубится на куски въ 3 или 4 фута и сплавляется къ мельницамъ.

Послѣ рубки тростника огромное количество остающихся отъ него сухихъ листьевъ собирается въ кучи и служитъ, послѣ своего перегниванія, прекраснымъ удобреніемъ для полей; оставшіеся въ землѣ корни тростника по прошествіи нѣсколькихъ дней даютъ новые отпрыс-

ки, которые черезъ 12 мѣсяцевъ, въ свою очередь, даютъ новую жатву, и такимъ образомъ остающіяся въ землѣ части тростника могутъ давать въ теченіе 20 лѣтъ безпрерывныя и притомъ довольно по-

Сборъ сахарнаго тростника.

рядочныя жатвы тростника; обыкновенно сахарныя плантаціи перепахиваются каждые три или четыре года.

Выжатый на мельницахъ сокъ сахарнаго тростника проводится въ

цистерны или ящики, гдѣ къ нему прибавляется столько извести, сколько необходимо для приданія ему прозрачности. Отсюда онъ проходитъ въ цѣлый рядъ чугунныхъ сосудовъ, которые нагрѣваются высушенными выжимками только что обработаннаго сахарнаго тростника. Въ этихъ сосудахъ кипящій сокъ еще болѣе очищается вслѣдствіе отдѣленія пѣны и подвергается испаренію до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ извѣстной густоты, послѣ чего впускается въ плоскій деревянный сосудъ, гдѣ происходитъ кристаллизація. Это простѣйшій, грубый способъ приготовленія сахара, видоизмѣненный въ большей части плантацій введеніемъ различныхъ практическихъ улучшеній.

Полученный сахаръ свѣтло-желтаго цвѣта, сухъ и состоитъ изъ мелкихъ, довольно блестящихъ кристалловъ, тогда какъ приготовленный обыкновеннымъ способомъ бываетъ влаженъ, буро-желтъ и обладаетъ особеннымъ запахомъ, однако весьма сладокъ и по наружному виду напоминаетъ крупный рѣчной песокъ. Преимущественно въ такомъ видѣ отправляется онъ въ Англію, такъ какъ по причинѣ высокихъ пошлинъ ввозъ совершенно бѣлаго блестящаго сахара невыгоденъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА и ВЕСТЪ-ИНДІЯ.

Малые Антильскіе острова.

(Кингслея.)

Въ одно ясное утро, послѣ долгаго плаванія, мы увидѣли наконецъ Новый Свѣтъ. Сначала на горизонтѣ показалась круглая вершина острова Горда, а за ней постепенно, по мѣрѣ приближенія, сталъ открываться архипелагъ длинныхъ, низкихъ острововъ. Неясныя очертанія, оттѣнки которыхъ казались пурпуровыми подъ лучами солнца и темно-сѣрыми въ тѣни, по приближеніи преобразовывались въ богатѣйшую зелень, въ невысокіе ярко-желтые и красноватые утесы вулканическаго происхожденія, красиво расположенные вдоль берега. Верхнія ихъ окраины изрыты небольшими разсѣлинами и сухими рытвинами, очевидно размытыми водою. Вездѣ виднѣлись свѣжіе обрывы смытыхъ разрушенныхъ скалъ, обломки которыхъ, наваленные кучами, носятъ здѣсь названіе «индѣйцевъ», вслѣдствіе нѣкотораго сходства съ фигурами краснокожихъ, сидящихъ въ лодкѣ. Ясность и чистота воздуха, пріятныя очертанія, богатство и нѣжность красокъ — все навѣвало свѣжее, радостное, пріятное настроеніе.

Послѣ полудня мы подошли къ берегу острова св. Ѳомы и, обогнувъ одинокій холмъ, увидѣли передъ собой небольшую узкую гавань и

красныя крыши города. Онѣ поднимались одна изъ-за другой между апельсинныхъ деревьевъ, у ногъ зеленѣющихъ корій въ 100 и болѣе футовъ вышины. На прибрежныхъ крутыхъ скалахъ, убранныхъ тропическою растительностью, поднимались высокія алоэ и какіе-то совершенно незнакомые европейскому глазу кусты. Все было пышно-зелено, ярко, роскошно, хотя и первобытно дико, и представляло поразительную противоположность съ видомъ чернаго шумѣвшаго моря. Лодки, наполненныя неграми, скользили во всѣ стороны по бухтѣ. Только что пароходъ остановился, какъ былъ окруженъ цѣлой флотиліей лодокъ, негры привезли огромные пучки банановъ, всякой зелени, груды апельсиновъ, сахарнаго тростнику и пр. Вся палуба была рѣшительно завалена. Нѣкоторые изъ пассажировъ для перваго знакомства съ Вестъ-Индіей сосали сахарный тростникъ, очистивъ его предварительно отъ твердой наружной кожуры.

Я не хотѣлъ оставаться на берегу въ городѣ. Меня влекла къ себѣ находившаяся за полверсты отъ города бухточка, гдѣ бѣлая песчаная полоса отдѣляла море отъ изумрудной рощи, раскинувшейся у подножья крутого холма. Полоса эта шла лентой въ нѣсколько саженъ ширины; потомъ тянулись непроходимые тростники, изъ которыхъ поднимались на небольшую вышину корявые, изогнутые желтые стволы кокосовыхъ пальмъ, а выше сѣрыя стройныя колонны пальмъ «каротъ», съ вѣерообразными широкими листьями, манили свѣжестью и красивою оригинальностью очертаній и красокъ. Въ сопровожденіи двухъ товарищей я отправился, въ первый разъ въ жизни, на *настоящій* берегъ Новаго Свѣта...

Долго стояли мы тамъ безмолвно передъ зеленой стѣной тропическихъ растеній; удивленіе поглотило въ насъ всѣ другія чувства и впечатлѣнія. Удивленіе это не было вызвано громадностью размѣровъ,— такъ какъ не было деревьевъ выше 30 футовъ, — или великолѣпіемъ красокъ, потому что еще только незначительная часть деревьевъ начинала цвѣсти, но мы невольно изумлялись поразительной силѣ растительности. Массивность, сочность, необычайность, разнообразіе, огромная длина новыхъ отпрысковъ и старыхъ побѣговъ представляли нѣчто поразительное. Огромныя шомеи, съ вѣтвями до 30 футовъ длины, съ широкимъ листомъ у каждаго колѣна и съ пурпуровыми цвѣтами въ родѣ колокольчиковъ, лежали прямо на пескѣ. Кустарниковыя растенія росли сплошною стѣною; одни съ длинными, перегибающимися одна черезъ другую вѣтвями, съ листьями въ большую ладонь съ темно-бархатной изнанкой, которые ложились одинъ на другой, какъ ряды черепицъ крыши; другіе — высокіе, почти безлиственные, съ толстыми мясистыми отпрысками, съ бѣлыми цвѣтами превосходнаго запаха; съ кустами перемѣшивались многочисленныя мимозы и вьющіяся растенія. Въ одномъ

мѣстѣ находилось небольшое болото съ протухлой водой, заваленное массой деревьевъ во всевозможныхъ положеніяхъ и степеняхъ разрушенія и гнилости; они тѣснились, лежали, торчали, скрещивались, глохли въ кучахъ, кустахъ и кочкахъ, между которыми манговое дерево, похожее на многоногаго громаднаго паука, подымалось на своихъ корняхъ, какъ великанъ на ходуляхъ... Время прошло незамѣтно; мы гуляли по берегу, собирали раковины и вернулись на пароходъ почти ночью, очарованные всѣмъ видѣннымъ...

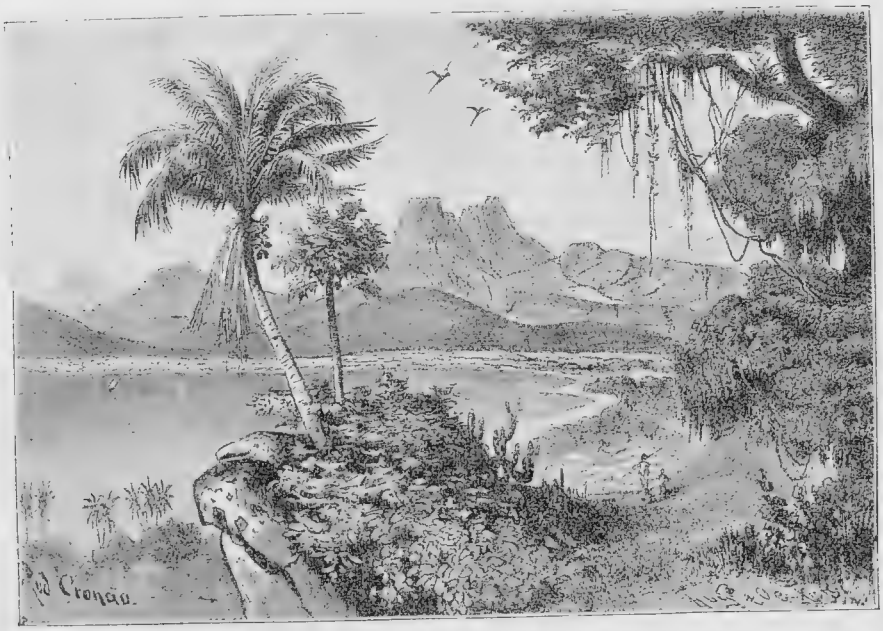
Еще въ дѣтствѣ я много читалъ о Малыхъ Антильскихъ островахъ, воображеніе мое сотни разъ рисовало ихъ чудныя картины; но красота и величіе живой природы превзошли всѣ мои ожиданія. На протяженіи сотенъ верстъ, когда мы плыли среди этихъ острововъ, передъ нами ежедневно мѣнялись картины и виды, которые можно было сравнивать, и то лишь приблизительно, развѣ съ видами Везувія и Неаполя.

Надъ нами стояло безоблачное небо, подъ нами разстилалось спокойное море, подернутое лишь легкою рябью; передъ нами, на южномъ горизонтѣ медленно выступали одни за другими какъ бы сѣроватыя облака, оказывавшіяся потомъ мощными темными горами. Но мѣрѣ приближенія сѣрый цвѣтъ измѣнялся въ пурпуровый; изъ моря выходили розовые берега. Еще ближе пурпурные оттѣнки смѣнялись зелеными. Высокія пальмы стройно вырисовывались на синевѣ неба, а бѣлая лента морского прибоя распадалась пышной бахромой у подножія одинокихъ скалъ. Еще нѣсколько ближе, и мы вступали въ прибрежную полосу моря, гладкую, какъ металлическое зеркало. Облака, будто узорный шатеръ, широко осѣняли островъ; свободно дыша въ ихъ полупрохладѣ, мы скользили надъ бездонной глубиной голубыхъ водъ прибрежья.

Я упомянулъ, что эти острова имѣютъ сходство съ Везувіемъ и Неаполитанскимъ заливомъ. Причиною этого является вулканическій характеръ обѣихъ мѣстностей. Каждый изъ здѣшнихъ острововъ представляетъ вулканъ, лава и пепелъ котораго достигли поверхности воды. На многихъ островахъ имѣется по нѣсколько конусообразныхъ вулкановъ, которые разнообразятъ расположеніе и очертаніе береговъ, большая же часть острововъ представляетъ только одинъ вулканъ, какъ, напримѣръ, небольшой островъ Савва. Онъ выступаетъ изъ моря прямо какъ столбъ, болѣе чѣмъ на 1500 футовъ. На немъ не встрѣчается почти ровнаго мѣста, даже нѣтъ настоящей гавани. Такіе одиночные острова, въ сущности говоря, представляютъ собою лишь утесы. Но и болѣе значительные острова, какъ св. Христофора, имѣютъ то же строеніе. Почва этого послѣдняго острова подымается отъ самаго моря, сначала медленно, потомъ быстро, къ возвышающемуся въ центрѣ шероховатому, исковерканному пику, извѣстному подъ грознымъ прозви-

щемъ «Горы бѣдствій». Это — пирамида черной лавы, поднимающаяся надъ разрушенными краями стараго кратера, срѣзаннаго какъ будто ножомъ.

Благодаря постепенному разложенію лавы и пепла, почва здѣсь всюду чрезвычайно плодородна. Тропическіе дожди смываютъ шлаки и уносятъ ихъ въ болѣе низкія мѣста, открывая для дѣйствія воздуха свѣжія поверхности, которыя вслѣдствіе вывѣтриванія и разрушенія вскорѣ обращаются въ самую благодатную почву. На покатостяхъ появляются разсѣлины, заканчивающіяся вверху глубокими, узко прорѣзанными до-



Видъ на Антильскихъ островахъ.

линами, что придаетъ многимъ островамъ странный, изборожденный, морщинистый видъ. Низменные склоны всѣ обработаны и заняты плантаціями сахарнаго тростника. Среди нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, около дорогъ, полянъ, построекъ, возвышаются сѣрые тонкіе стволы капустныхъ пальмъ, увѣнчанные темною зеленью.

Самый значительный изъ Малыхъ Антильскихъ острововъ Гваделупа. Онъ состоитъ собственно изъ двухъ острововъ, раздѣленныхъ болотами и узкимъ протокомъ соленой воды. Одну половину его, восточную, путешественникъ едва видитъ: такъ она плоска и низка; другая, западная, поднимается высокими вулканическими массами. Между горами, среди которыхъ насчитывается до 14 погасшихъ кратеровъ, разстилаются

долины, покрытыя великолѣпными рощами. Въ южной части острова, надъ разрушеннымъ громаднымъ кратеромъ, поднимается высокій, до 5.000 футовъ, пикъ; намъ не удалось видѣть его вершины, такъ какъ она почти всегда покрыта облаками. Только одинъ разъ видѣли мы часть ея и никогда не забудемъ картины, которая намъ представилась. Солнце восходило за горою и пурпуровая вершина отчетливо рисовалась на голубомъ небѣ; надъ нею стояли облака, снизу совершенно золотыя, у самой вершины клубился ослѣпительно бѣлый паръ, а надъ нимъ изъ жерла выходилъ сѣрый туманъ, по временамъ прорѣзывавшійся и открывавшій зубчатыя очертанія окраинъ вершины горы. На переднемъ планѣ сверкало въ лучахъ солнца огромное пространство, засаженное сахарнымъ тростникомъ; ниже — разстилался городъ съ хорошенькими домиками, церквами и монастырями древней архитектуры, окруженными тамариндами и капустными пальмами. Вдоль берега, подъ деревьями, тянулся рынокъ, у самаго же берега на водѣ ожидали выгрузки многочисленныя лодки и пестрѣли самые яркіе наряды. Гармоническій плескъ прибоя долеталъ до нашего слуха вмѣстѣ съ веселыми окликами говора и рѣзкимъ звономъ колокола съ высокой отдаленной башни, призывавшаго къ ранней обѣднѣ...

Здѣшнія горы вообще имѣютъ совершенно особенный и характерный видъ. Пирамиды громоздятся надъ пирамидами и, составляя уклонъ около 45°, соединяются во множество разнообразнѣйшихъ пиковъ всевозможной величины, изрытыхъ по всѣмъ направленіямъ глубокими рытвинами. Самою странною противоположностью съ этими стремнинами, остроконечными зубцами и рытвинами, со всѣми признаками дикаго опустошенія, является изумительная роскошь растительности, покрывающей островъ до высочайшихъ его вершинъ. Издали все будто застлано кудрявымъ кустарникомъ, но вооруженный глазъ узнаетъ съ изумленіемъ, что этотъ кажущійся кустарникъ большею частью гигантскій строевой лѣсъ. Въ этой полосѣ не видно ни одной обнаженной скалы; всѣ онѣ совершенно укрыты зеленью, принимающею издали то сѣрый, то желтоватый оттѣнокъ. Въ каждой долинѣ течетъ ручей, который прячется въ травѣ; близъ него стремятся въ воздухъ, какъ мачты корабля, сѣрые стволы капустныхъ пальмъ. Самый цвѣтъ острововъ представляетъ всевозможные яркіе и темные оттѣнки и переходы отъ зеленовато-палеваго до темно-синяго. Когда вѣтеръ, колыхая листву, пестритъ горы и долины переливами свѣта и тѣней, картина ежеминутно измѣняется. Все становится переливчато-радужнымъ, какъ павлинья шея; весь островъ, отъ вершины до подошвы береговъ, блеститъ какъ огромный изумрудъ, вставленный въ оправу голубого моря и бѣлаго прибоя волнъ—снизу и голубого же неба и бѣлыхъ облаковъ—сверху!.. Этого описать невозможно, необходимо видѣть самому, нужно проплыть мимо

какого бы то ни было изъ здѣшнихъ острововъ, чтобы убѣдиться, какъ бѣдны и безцвѣтны всевозможныя описанія въ сравненіи съ великолѣпно-роскошными красотами, разсыпанными на Антильскихъ островахъ.

Путешественникъ съ удивленіемъ видитъ, что острова эти совсѣмъ не велики, но это лишь обманъ зрѣнія. Низкія земли Гваделупы, напримѣръ, тянутся въ длину до 40 миль. Издали перспектива сокращаетъ эту длину на $^1/_2$ или больше и вовсе не потому, чтобы острова закрывали другъ друга. Происходитъ это вслѣдствіе чрезвычайной прозрачности воздуха, благодаря которой всѣ предметы представляются укороченными, мелкими и какъ будто ближе отстоящими отъ путешественника. Иногда зрѣнію представляются довольно любопытные обманы; подчасъ кажется, напримѣръ, будто островъ не поднимается изъ моря, а свободно плаваетъ на его поверхности, или что онъ удерживается на мѣстѣ не твердымъ фундаментомъ сплошной подводной скалы, а однимъ лишь облакомъ, которое, окружая его вершину, не спускаетъ его съ мѣста, прижимаетъ къ морю; невольно думаешь, что вотъ-вотъ стойдетъ облако и исчезнетъ вся эта волшебная декорація... а глядя пристально изъ каюты, видишь, какъ декорація эта, будто уносимая вѣтромъ, двигается, плыветъ мимо васъ, тогда какъ въ дѣйствительности вы сами плывете мимо.

Гаванна.

(По Декерту и Тоуншенду.)

Черезъ 9 часовъ ѣзды на пароходѣ, отправляющемся изъ Кей-Веста, передъ путешественникомъ открываются берега Кубы. Сначала изъ голубыхъ волнъ выплываетъ только узенькая полоска земли, надъ которой даже зимою, т.-е. въ сухое время года, почти всегда клубятся облака. Когда же пароходъ подходитъ ближе къ берегу, открывается удивительно своеобразный ландшафтъ. Берега Кубы съ этой стороны представляютъ рядъ чрезвычайно правильныхъ террасъ. Передняя изъ нихъ, совершенно горизонтальная, поднимается всего на 30—40 метровъ надъ уровнемъ моря; за ней идетъ вторая, 120—150 метровъ высоты, спускающаяся къ первой крутымъ обрывомъ и также горизонтальная; наконецъ, сзади поднимается до 400 метровъ третья и самая высокая терраса. Не будь размѣры этихъ террасъ такъ огромны, ихъ можно было бы счесть за дѣло рукъ человѣческихъ: до того онѣ правильны. Весь ландшафтъ украшенъ зеленью; тамъ и сямъ виднѣются стройные стволы королевской пальмы — типичнѣйшаго дерева Кубы; всюду уютныя, хорошо обработанныя плантаціи. Въ общемъ, въ открывающейся панорамѣ нѣтъ ничего поражающаго, грандіозно-величественнаго, но

развѣ лишь очень спокойный человѣкъ можетъ остаться равнодушнымъ, увидѣвъ въ первый разъ горы Кубы.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимались и опускались на длинныхъ волнахъ залива, я слѣдилъ за дневнымъ разсвѣтомъ, начинавшимъ сіять на пунцовыхъ скатахъ, на которыхъ изрѣдка видиѣлись домики плантаторовъ, гнѣздившіеся въ темно-зеленыхъ чащахъ королевскихъ пальмъ. Отъ ряда отдаленныхъ горъ до избитыхъ бурунами скалъ цвѣта переходили изъ сѣраго въ голубой, затѣмъ въ пунцовый и золотой, по мѣрѣ того какъ заря быстро смѣнялась дневнымъ свѣтомъ. Когда солнце взошло и утренній пушечный выстрѣлъ съ берега возвѣстилъ, что входъ въ портъ Гаванны былъ свободенъ, мы вошли въ ведущій въ гавань проливъ, имѣющій полмили въ длину и такой узкій, что въ него могутъ проходить суда не иначе, какъ по одному.

Пройдя это узкое мѣсто, мы бросили якорь у входа въ гавань. Выбравъ одну изъ маленькихъ парусныхъ лодокъ съ бѣлыми наметами, мы переѣхали на берегъ и помѣстились въ отелѣ San Carlos, великолѣпно расположенномъ у самой гавани и точки отилытія перевозныхъ судовъ, перевозящихъ на главную станцію желѣзной дороги, по ту сторону гавани.

Гаванна, какъ мы уже успѣли замѣтить съ корабельной палубы, имѣла блестящій видъ, благодаря солнечному освѣщенію; ея разноцвѣтные дома, древнія церкви и вычурныя старинныя зданія придаютъ городу живописное разнообразіе, недостатокъ котораго такъ сильно ощущается въ казенныхъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Улицы здѣсь соотвѣтствуютъ климату; онѣ очень узки, вымощены большими камнями; по обѣимъ сторонамъ тянутся каменныя зданія печальной наружности, рѣдко имѣющія болѣе одного этажа. Тротуары очень узки, не болѣе двухъ футовъ въ ширину, такъ что два пѣшехода едва могутъ разойтись и ближайшій къ стѣнѣ долженъ какъ можно плотнѣе прижаться къ ней, между тѣмъ какъ другой подвергается опасности быть раздавленнымъ проѣзжающими экипажами. Особенно узки улицы и тротуары въ частяхъ города, прилегающихъ непосредственно къ гавани: это настоящее гнѣздо лихорадокъ. Впрочемъ, улицы эти имѣютъ то удобство, что черезъ нихъ сравнительно легко перебраться, когда по нимъ, во время тропическихъ ливней, несутся цѣлые потоки воды. Эти улицы и дома, которые со своими окнами, забранными желѣзными рѣшетками, и массивными дубовыми дверями представляютъ настоящія крѣпости, являются историческимъ пережиткомъ, уцѣлѣвшимъ еще отъ тѣхъ временъ, когда городъ подвергался нападеніямъ разныхъ корсаровъ и флибустьеровъ и когда не существовало другихъ способовъ передвиженія, кромѣ пѣшаго хожденія и вьючныхъ животныхъ. Теперь на нѣкоторыхъ изъ этихъ улицъ весьма оживленное движеніе, особенно

въ раннія утреннія и послѣобѣденные часы, и надо только удивляться тому искусству, съ которымъ разъѣзжаются здѣсь экипажи; впрочемъ, на сломанный экипажъ никто не обращаетъ вниманія.

Между различными способами передвиженія здѣсь встрѣчается еще, хотя и рѣдко, старинный и своеобразный экипажъ воланта. Экипажъ этотъ былъ завезенъ сюда 2—3 столѣтія тому назадъ изъ Испаніи и, исчезнувъ на своей родинѣ, сохранился еще здѣсь и даже сдѣлался національнымъ экипажемъ.

Воланта.

Воланта представляетъ собою двухколесный экипажъ, съ колесами, имѣющими шестнадцать футовъ въ діаметрѣ и находящимися на разстояніи десяти футовъ одно отъ другого, съ оглоблями въ восемнадцать футовъ длины, запряженный двумя лошадьми, изъ которыхъ одна впрягается въ оглобли, а другая на пристяжку, на цѣлую голову позади первой. На пристяжной лошади сидитъ кучеръ, по большей части изъ негровъ, въ высокихъ сапогахъ съ огромными серебряными шпорами и въ курткѣ съ золотыми нашурками. Благодаря кожанымъ рессорамъ и громаднымъ колесамъ волянты, въ ней одной возможно ѣздить по неудобнымъ дорогамъ Кубы, не подвергаясь опасности быть опрокинутымъ или выброшеннымъ изъ экипажа.

Въ Гаваннѣ воланта вытѣсняется омнибусами, конными и паровыми трамваями.

Омнибусы ходятъ по многимъ улицамъ и дешевизна передвиженія такъ же замѣчательна, какъ пріятна въ такомъ жаркомъ климатѣ. Большая же часть тяжестей изъ окрестностей доставляется, какъ и встарь, на вьючныхъ животныхъ.

Многія улицы оттѣнены полотномъ, растянутымъ отъ дома къ дому такимъ образомъ, чтобы окончательно препятствовать солнечнымъ лучамъ и доставить тѣнь лавкамъ, которыя съ наружной стороны всѣ открыты.

Почти чрезъ лавку находятся «Fabrico de Tabaco» или «de Cigarros», и всякая живая душа, встрѣчающаяся въ Гаваннѣ, въ домахъ или на улицѣ, мужчины и женщины, богатые и бѣдные вѣчно курятъ сигары или папиросы; ежегодная сумма расхода на табакъ не болѣе двухсотъ двадцатитысячнаго населенія доходитъ почти до 10 милліоновъ рублей. Исключая отелей и нѣсколькихъ новѣйшихъ зданій, во всей Кубѣ не знаютъ употребленія стеколъ. Желѣзные прутья защищаютъ окна, касающіяся земли, и на нихъ почти никогда нѣтъ ни шторъ, ни занавѣсей.

Въ центрѣ города широкія улицы, обсаженныя вестъиндскими лавровыми деревьями, съ прекрасными домами; еще лучше — площади, окруженныя пальмами, хибискусомъ и розами, украшенныя статуями и фонтанами. Кругомъ—театры, кофейни, отели. Вечеромъ все это заливается электричествомъ и наполняется публикой; въ разныхъ мѣстахъ играетъ музыка. Конечно, какъ и всюду, и въ Гаваннѣ есть бѣднота, вносящая диссонансъ въ это царство блеска, но она здѣсь перемѣшивается съ богатыми и потому не такъ замѣтна. Бѣдные не живутъ въ особыхъ кварталахъ, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ; часто рядомъ съ мраморнымъ палаццо богача купца можно видѣть домишко или хижину какого-нибудь бѣдняка. Точно такъ же бѣлое и цвѣтное населеніе перемѣшивается между собою.

Бѣлое населеніе Кубы, въ противоположность населенію Соединенныхъ Штатовъ, отличается однородностью, такъ какъ родиной его является одна страна — Испанія.

Замѣчательно при этомъ еще то, что различіе между жителями разныхъ провинцій, существовавшее на старой родинѣ, очень быстро исчезаетъ на Кубѣ. Единство здѣшняго населенія въ языкѣ, обычаяхъ и образѣ жизни, а равно и въ религіозномъ отношеніи поистинѣ замѣчательно. Всѣ кубанцы говорятъ на чистомъ кастильскомъ нарѣчіи; точно такъ же любимымъ ихъ зрѣлищемъ является бой быковъ съ пестро одѣтыми тореро и бандерильерами; нѣтушиные бои и лотереи процвѣтаютъ здѣсь такъ же, какъ и національные испанскіе танцы: фанданго

и запатеадо. Только во всемъ этомъ кубанцы проявляютъ еще большую страстность, чѣмъ сами испанцы, такъ что можно утверждать даже, что національный испанскій характеръ получилъ у жителей Кубы еще болѣе рѣзкое выраженіе. Мужчины, какъ и въ Испаніи, носятъ широкополое сомбреро, а женщины — черныя мантильи. Дома Гаванны и Сантъ-Яго своей массивной тяжелой архитектурой напоминаютъ Толедо и Севилью; точно такъ же внутри ихъ находятся убранные цвѣтами и пальмами дворики—патіо, только, соотвѣтственно тропическому климату, стекла въ окнахъ замѣнены рѣшетками; напитки охлаждаются въ извѣстныхъ испанскихъ алькаразахъ (пористыхъ глиняныхъ кружкахъ), хотя сохранились еще и индѣйскіе сосуды. Наконецъ, какъ и въ Испаніи, духовенство всецѣло царитъ надъ умами.

На душевный складъ населенія громадное вліяніе оказалъ и климатъ страны.

Въ большей части острова дующіе съ материка сѣверо-западные вѣтры умѣряютъ тропическій зной, и потому островъ представляетъ большія удобства для акклиматизаціи бѣлой расы, чѣмъ какое-либо другое мѣсто между тропиками. Но въ то же время здѣшній климатъ дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ на нервы и вообще на весь организмъ. Средняя температура января въ Гаваннѣ (22,2° С.), на 3° слишкомъ выше, чѣмъ средняя температура іюля въ Берлинѣ, а средняя температура іюля (28° С.), хоть и немного, все-таки выше, чѣмъ въ Новомъ Орлеанѣ; къ этому надо добавить, что въ дождливое время (съ мая по ноябрь) воздухъ сильно насыщенъ водяными парами.

Благодаря этимъ климатическимъ условіямъ, бѣлые, родившіеся на Кубѣ,—креолы или такъ называемые «кубаносъ»,—въ массѣ гораздо слабѣе европейцевъ. Имъ въ значительной степени недостаетъ энергіи, предпріимчивости, мужества; въ то же время имъ свойственны скрытность и коварство.

Но возвратимся къ городу.

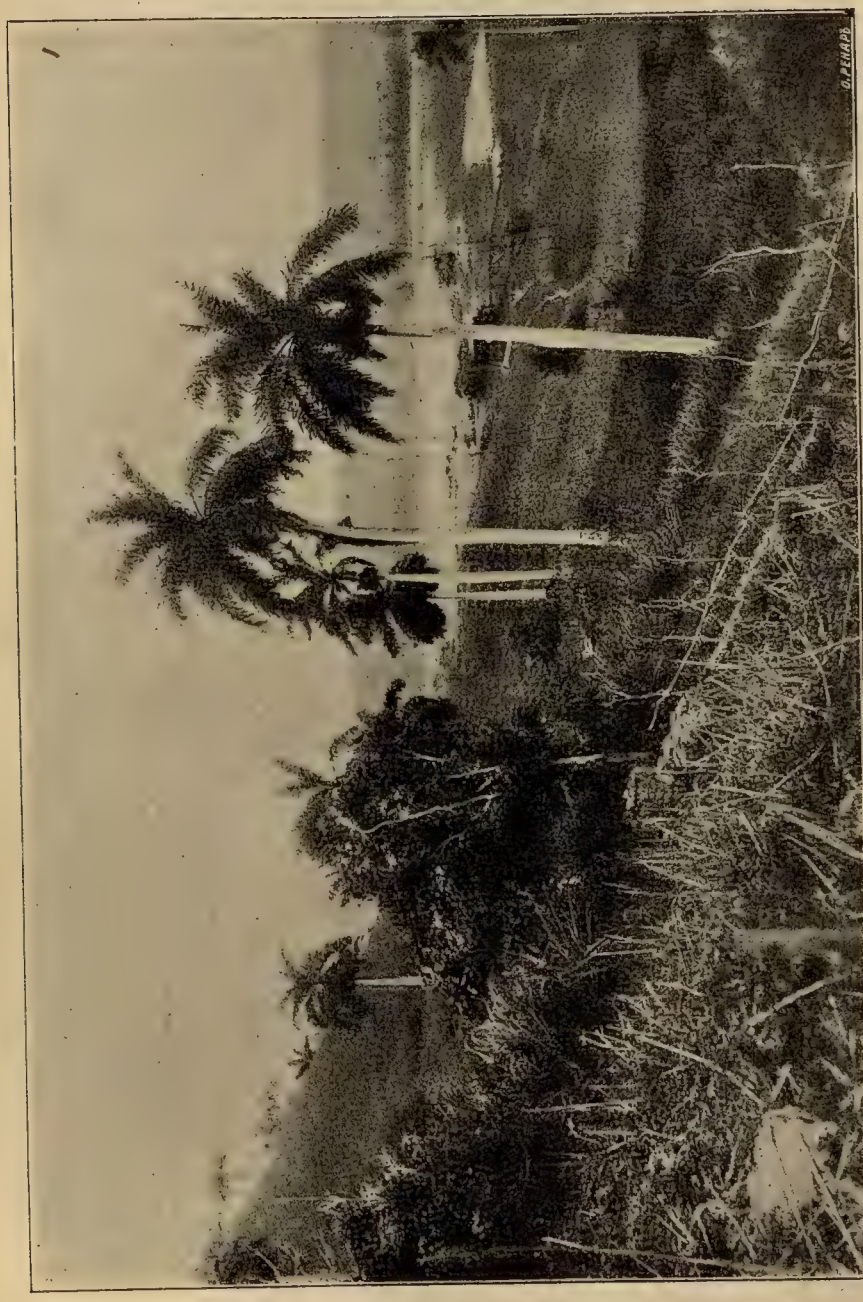
Общественныя зданія въ Гаваннѣ не особенно хороши. Соборъ снаружи очень некрасивъ, а внутри бѣденъ и пестръ, но тѣмъ не менѣе онъ внушаетъ уваженіе по своей древности и представляетъ поразительную картину, когда бываетъ наполненъ молящимися женщинами, покрытыми черными вуалями, что мнѣ пришлось видѣть въ воскресенье утромъ. Мавзолей Колумба, съ полуизгладившеюся надписью, любопытенъ, какъ послѣднее мѣсто успокоенія великаго человѣка, открывшаго Новый Свѣтъ; памяти его гаванцы, при своемъ богатствѣ, могли бы, конечно, поставить болѣе приличный памятникъ.

Публичные сады и скверы въ Гаваннѣ содержатся теперь въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ Лондонѣ; въ нихъ много цвѣтовъ, много густыхъ тѣнистыхъ деревьевъ и королевскихъ пальмъ; ихъ украшаютъ

фонтаны, доставляющіе пріятную прохладу. Въ глубинѣ сада, напротивъ дворца генералъ-губернатора, показываютъ дерево, выдавая его за то самое, подъ которымъ Колумбъ принималъ индѣйскихъ начальниковъ, когда высадился на берегъ, что дѣлаетъ его весьма интереснымъ, если вѣрить этому преданію. Во время вечерней прохлады мы иногда отправлялись на дачу генералъ-губернатора, расположенную въ предмѣстьи города, гдѣ есть великолѣпный, хотя запущенный садъ, дѣйствительно достойный посѣщенія. Аллеи величественныхъ прямыхъ пальмъ, кокосовыхъ, манговыхъ и другихъ тропическихъ деревьевъ замѣчательно хороши, а лабиринтъ съ живыми изгородями изъ красныхъ и пунцовыхъ китайскихъ розъ представляетъ массу красокъ поразительнаго эффекта. На возвратномъ пути мы проѣзжали по длинной улицѣ, составляющей предмѣстье, называемое Cerro, вдоль которой идутъ мраморные портики виллъ кубанской аристократіи. По стилю эти виллы походятъ одна на другую; онѣ выстроены близъ пыльной дороги, съ мраморными колоннами, поддерживающими потолокъ, выступающій надъ широкой верандой. Большая галлерея у входа заключаетъ въ себѣ, какъ ни удивительно это кажется каретный сарай, пріемныя комнаты, бильярдную, все въ одномъ этажѣ. Послѣднія комнаты выходятъ окнами въ садъ, разстилающійся посреди каждой виллы. Полы, подобно стѣнамъ, вездѣ мраморные или изъ раскрашенныхъ кирпичей, между тѣмъ какъ мебель состоитъ изъ нѣсколькихъ креселъ, нѣсколькихъ качалокъ и стола; всю обстановку этого прохладнаго и просторнаго, если и не роскошнаго жилища можно видѣть черезъ окна безъ стеколъ.

Около рынка, называемаго Campo de Marte, находится «настоящая фабрика» гаванскихъ сигаръ, которую намъ любезно показалъ ея владѣлецъ. Нѣсколько сотенъ китайцевъ и негровъ были заняты свертываніемъ сигаръ. Всѣ рабочіе имѣли блѣдный, изнуренный и нездоровый видъ, доказывающій, что сильный запахъ и мелкая пыль табачныхъ листьевъ, которыми пропитанъ воздухъ, дѣйствуютъ разрушительно на здоровье.

Въ послѣдніе годы гаванскія сигары стали гораздо хуже прежняго, благодаря распространенію гуано и другихъ искусственныхъ удобреній на табачныхъ плантаціяхъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ землю обрабатывали безъ удобренія и окончательно истощили ее, вслѣдствіе чего плантаторы стали употреблять самое сильное удобреніе, не обращая вниманія на горечь, которую получилъ табакъ. Мы посѣтили и другую большую табачную фабрику, производящую ежедневно три милліона папиросъ. Въ каждомъ отдѣленіи множество машинъ: машина для рѣзки и прессованія табаку для папиросъ, машина для клейменія, для дѣланія боченковъ, для печатанія и даже для наполненія и верченія папиросъ; послѣдняя принадлежитъ французской изобрѣтательности и очень слож-



Видъ на Кубѣ.

на. Около сотни китайцевъ и столько же поденщиковъ работаютъ внутри фабрики и вертятъ папиросы за самое малое вознагражденіе. Любопытно слѣдить за быстротой, съ какою китайцы отсчитываютъ и запаковываютъ бумажныя обертки, въ которыя завертываются сигарныя пачки; они какъ будто знаютъ, не считая, посредствомъ осязанія, точное число сигаръ, и движеніе рукъ ихъ такъ быстро, что глазъ едва успѣваетъ слѣдить за нимъ.

За какія-нибудь 5 лѣтъ вывозъ табаку и сигаръ сократился почти наполовину. То же самое приходится сказать и о сахарномъ тростникѣ, являющемся однимъ изъ главныхъ ресурсовъ экономическаго благополучія жителей Кубы. Съ тѣхъ поръ, какъ у тростниковаго сахара явился грозный конкурентъ въ видѣ свекловичнаго сахара, благосостояніе всѣхъ классовъ населенія упало. Заработокъ рабочихъ классовъ сократился, сократилась и роскошь городской жизни; достать работу какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ стало очень трудно; количество нищихъ и разбойниковъ, такъ называемыхъ десперадо, увеличилось въ ужасающей степени. Впрочемъ, подобная участь постигла не только Кубу, но и другіе вестъиндскіе острова, принадлежащіе Англіи и имѣющіе большія плантаціи сахарнаго тростника: С. Христоферъ, Антигуа, Барбадосъ.

Въ настоящее время значительная часть сахарныхъ и табачныхъ плантацій Кубы принадлежитъ нѣмцамъ, которые захватили въ свои руки эту отрасль промышленности, тогда какъ американцы пріобрѣли желѣзные и марганцевые рудники, а также развели большія плантаціи южныхъ фруктовъ. Въ окрестностяхъ Гаваны есть не мало такихъ плантацій, и, проѣзжая по желѣзной дорогѣ, можно видѣть толпы негровъ, занятыхъ срѣзываніемъ сахарнаго тростника, который въ фурахъ, запряженныхъ волами, свозятъ къ «ingenio», или сахарному заводу; послѣдній построенъ обыкновенно среди плантаціи и виденъ уже издалека по высокой трубѣ, изъ которой валитъ дымъ.

Гаціенда, или дача плантатора, лежитъ обыкновенно ближе къ линіи желѣзной дороги и окружена кокосовыми пальмами, бананами и апельсиновыми деревьями. Иногда къ ней ведетъ аллея изъ двойного ряда королевскихъ пальмъ, иногда видна одиноко стоящая старая сейба или хлопчатое дерево съ ярко окрашенной листвой. На станціяхъ выстроены большіе деревянные амбары, наполненные сахаромъ и патокой.

Во время нашего пребыванія въ Гаванѣ погода была слишкомъ жарка для этого времени года. Мы однако никогда не страдали отъ жары въ нашемъ отелѣ, благодаря отличнымъ приспособленіямъ для произведенія прохладнаго воздуха и защиты отъ солнца. Широкая галлерея, вымощенная мраморомъ, идущая по обѣимъ сторонамъ внутренняго треугольнаго двора, представляла столовую; на нее выходили спальни и пріемныя комнаты, также выстланныя мраморомъ, съ кирпич-

ными раскрашенными стѣнами. Черный и бѣлый мраморъ, такъ широко расходуемый на Кубѣ какъ снаружи, такъ и внутри домовъ, привозится изъ Генуи въ Италіи, за шесть тысячъ верстъ разстоянія. Хотя на самомъ островѣ находится много мрамора, нѣтъ никакой выгоды его разрабатывать, такъ какъ разведеніе сахарнаго тростника, кофе и табаку занимаетъ всѣ рабочія руки. Въ нашихъ спальняхъ грубый холстъ, растянутый на желѣзной рамѣ, безъ всякаго матраца, представлялъ прохладную и достаточно мягкую постель, въ которой не могло скрыться ни одно насѣкомое. Окна наши выходили на широкій балконъ съ видомъ на пристань; съ балкона мы ежедневно наслаждались свѣжимъ восточнымъ пассатомъ, который дулъ черезъ бухту отъ восхода до заката солнца и освѣжалъ разгорячённый воздухъ.

Самая бухта представляла постоянно измѣняющееся, интересное зрѣлище. Пароходы, купеческія суда и шкуны постоянно прибывали изъ Европы, Соединенныхъ Штатовъ, острововъ Карибскаго моря и Мексики; цѣлая флотилія маленькихъ парусныхъ лодокъ, съ растянутыми бѣлыми навѣсами, тѣснились въ бухтѣ, перѣзжая отъ судна къ судну и перевозя багажъ и пассажировъ съ кораблей на берегъ. Два парома, отправляющіеся черезъ бухту до предмѣстья Регла, перевозятъ каждые полчаса толпы сельскихъ жителей для разнообразныхъ дневныхъ занятій, что представляетъ интересный случай изученія типовъ и костюмовъ.

Припоминая красивыя лица и стройныя фигуры, наполнявшія театры, бои быковъ и всѣ увеселительныя мѣста въ Севильѣ, Мадридѣ и другихъ городахъ Испаніи, я былъ сильно разочарованъ, увидѣвъ представителей креольскаго населенія въ Гаванѣ. Мужчины были плохи, малорослы и слабы; женщины худы и непривлекательны; это вырожденіе расы замѣтно не только между потомками испанскихъ переселенцевъ, живущихъ въ городѣ, но, хотя въ слабѣйшей степени, и между креолами, здѣсь родившимися.

Въ продолженіе двѣнадцати дневныхъ часовъ шумъ, суета и оживленіе не переставали ни на минуту; но какъ только садилось солнце, бухта покрывалась мракомъ и тишиной, которую нарушалъ только свистъ и звонокъ парохода, продолжавшаго перевозить пассажировъ до самой полуночи.

Послѣ заката солнца ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ воду, на спокойной поверхности которой отражавшіяся звѣзды сіяли такъ же ярко, какъ и въ небесной тверди. Черезъ теплый воздухъ ночи доносилось къ намъ бряцаніе гитары, звуки скрипокъ изъ ближайшихъ кафе, голоса людей, разговаривающихъ на площади, и смѣхъ негритянки съ кровли сосѣдняго дома. Около полуночи по морю и сушѣ распространялась почти невозмутимая тишина...

Бермудскіе острова.

(М. Твэна.)

На третій день по выѣздѣ изъ Нью-Йорка показалась земля. Вдали, за освѣщенными солнцемъ волнами, слабо выдѣляющаяся темная полоса протягивалась на горизонтѣ. Скоро Бермудскіе острова стали ясно очерчиваться. Главный изъ нихъ, длинный, темный островъ, покрытый небольшими горами и долинами, поднимался высоко надъ водой. Онъ весь опоясанъ невидимыми коралловыми рифами, такъ что мы не могли идти прямо на него, а должны были обогнуть его кругомъ, въ шестнадцати миляхъ отъ берега. Наконецъ, показались плавающіе тамъ и здѣсь баканы, мы вошли между ними въ узкій каналъ и вступили въ мелкую синюю воду, которая скоро перемѣнила свой цвѣтъ на блѣдно-зеленый съ едва замѣтною рябью.

Мы долго шли по узкому каналу, между двумя полосами суши, низкими горами, которыя могли бы быть зелеными и травянистыми, но вмѣсто того казались поблеклыми. Вода была очень красива со своими блестящими переливами изъ синяго въ зеленый цвѣтъ и роскошными темными пятнами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рифы доходили до поверхности.

Наконецъ, мы остановились между двумя островами, скалистые берега которыхъ оставляли ровно столько мѣста, сколько было нужно, чтобы помѣститься кораблю. Передъ нами террасами возвышался Гамильтонъ, главный городъ Бермудскихъ острововъ, расположенный по скатамъ и вершинамъ горъ, самый бѣлый городъ изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ.

Городъ разбросанъ по вершинамъ и скатамъ группы невысокихъ горъ. Ихъ выдающіяся части тонутъ въ зелени кедровыхъ лѣсовъ. Вдоль берега нѣтъ лѣсныхъ заворотовъ, нѣтъ зеленаго эстровка на живописно зыблющемся морѣ; зато все сплошь усѣяно блестящими бѣлыми точками, полускрытыми въ зелени домами. Архитектура города большею частью испанская, наслѣдованная отъ колонистовъ, пришедшихъ сюда двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тамъ и сямъ мелькаютъ кокосовыя пальмы, придающія острову тропическій видъ.

Большая пристань очень массивна. На ней подъ навѣсомъ сложено нѣсколько тысячъ бочекъ съ картофелемъ, продуктомъ, доставившимъ такую славу Бермудскимъ островамъ. Мы бросили якорь въ десяти или пятнадцати шагахъ отъ пристани. Было воскресенье, день былъ ясный, солнечный. Люди на пристани, мужчины, юноши и мальчики, дѣлились на двѣ равныя половины: бѣлую и черную. Всѣ были хорошо и чисто одѣты, нѣкоторые пестро, нѣкоторые, напротивъ, съ большимъ вкусомъ. Женщины и молодыя дѣвушки, черныя и бѣлолицыя, случайно проходившія мимо, всѣ были въ красивыхъ платьяхъ, а многія въ очень

модныхъ и элегантныхъ. Изъ мужчинъ не многіе были въ лѣтнихъ костюмахъ, но женщины и дѣвочки всѣ, и замѣчательно пріятно было смотрѣть на ихъ бѣлые и свѣтлые туалеты.

Мы поѣхали на берегъ, гдѣ насъ ждалъ пріятный сюрпризъ: ни у пристани, нигдѣ кругомъ не было видно ни извозчиковъ, ни лошадей, ни омнибусовъ. Никто не предлагалъ намъ своихъ услугъ, никто насъ не безпокоилъ. Мы знали, что здѣсь существуетъ нѣчто въ родѣ пансіона для пріѣзжающихъ, и теперь намъ нужно было только, чтобы насъ туда доставили. Въ это время проходилъ маленькій босоногій чернокожій мальчикъ въ самыхъ антибермудскихъ лохмотьяхъ. Его задъ былъ до такой степени испещренъ разноцвѣтными квадратными и треугольными заплатами, что можно было почти навѣрно сказать, что это карта, вырѣзанная изъ географическаго атласа. Мы сговорились съ нимъ и пошли по его слѣдамъ. Онъ водилъ насъ изъ одной живописной улицы въ другую и довелъ куда слѣдуетъ, взявъ лишь бездѣлицу за услуги.

Въ пансіонѣ намъ дали большія, чистыя, свѣтлыя комнаты во второмъ этажѣ, выходящія окнами въ палисадникъ, полный цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустарниковъ: камея, лилія, лантаны, геліотропы, жасмины, розы, гвоздика, махровая герань, олеандры, гранаты, голубая ипомея громадныхъ размѣровъ и множество незнакомыхъ мнѣ растеній.

Мы совершили длинную послѣполудненную прогулку и скоро открыли, что этотъ ослѣпительный бѣлый городъ построенъ изъ бѣлаго коралла. Бермуда—коралловый островъ, покрытый шестидюймовымъ слоемъ земли. У каждаго жителя есть собственная каменоломня. На каждомъ шагу вамъ попадаются квадратныя выемки въ горахъ, съ отвѣсными стѣнами, не попорченныя заступомъ или киркой. Съ перваго взгляда вамъ кажется, что отсюда цѣликомъ высѣчена огромная глыба для постройки дома; но вы ошибаетесь, хотя матеріалъ взятъ дѣйствительно отсюда и вотъ какимъ образомъ: кораллъ пробивается насквозь, на какую угодно глубину, обыкновенно отъ десяти до двадцати футовъ, и вынимается квадратными большими кусками. Сверленіе производится рѣзцомъ съ ручкой въ двѣнадцать-пятнадцать футовъ длины. Его употребляютъ, какъ обыкновенный ломъ, когда имъ пробиваютъ отверстіе, или какъ мутовку, когда ею сбиваютъ масло,—такъ мягокъ этотъ камень. Затѣмъ обыкновенной ручной пилой эти скалы перепиливаются на огромные красивые кирпичи. Большею частью въ нихъ два фута длины, футъ ширины и около шести дюймовъ толщины. Ихъ свободно складываютъ въ кучи и даютъ имъ окрѣпнуть; такъ они лежатъ съ мѣсяцъ. Затѣмъ начинается постройка. Домъ сложенъ изъ этихъ кирпичей, покрытъ широкими коралловыми плитами въ одинъ дюймъ толщиной. Плиты эти наложены рядами, одна на другую, такъ что крыша имѣетъ видъ лѣст-

ницы съ низкими ступеньками или террасами. Граціозныя живописныя трубы выпилены изъ кусковъ коралла, нижняя веранда и дорожка къ калиткѣ вымощены коралломъ, ограда построена изъ массивныхъ коралловыхъ столбовъ съ широкими верхушками и тяжелыми косяками у воротъ. Все это выпилено красивыми узорами и покрыто сверху крѣпкимъ растворомъ извести, толщиною въ ноготь большого пальца. Восходитъ солнце и освѣщаетъ эту картину, и тутъ вы невольно жмурите непривычные глаза, изъ боязни, чтобы они не отказались служить вамъ. Это самая бѣлѣйшая бѣлизна, какую только можно себѣ представить, самая ослѣпительная. Бермудскіе дома не похожи на мраморные; ихъ бѣлизна гораздо гуще, въ ней есть что-то неопредѣлимо изящное, отличающее ее отъ мрамора. Мы долго придумывали, съ чѣмъ бы сравнить эту бѣлизну, какъ бы описать ее, и наконецъ нашли. Это точь въ точь бѣлизна глазури на кондитерскихъ тортахъ, съ тѣмъ же едва замѣтнымъ неописуемымъ глянцемъ. Бѣлизна мрамора скромна въ сравненіи съ этой.

Послѣ обмазки известью между кирпичами нельзя отыскать ни одной трещины, ни одной соединительной линіи, отъ самаго основанія дома до верхушки трубы. Все зданіе какъ будто цѣликомъ высѣчено изъ одной глыбы, въ которой потомъ пробиты окна и двери.

Бѣлый мраморный домъ имѣетъ непривѣтливый видъ; отъ него вѣетъ холодомъ, могилой; мраморъ мѣшаетъ вамъ говорить, угнетаетъ васъ. Совсѣмъ другое бермудскій домъ. Въ его живительной бѣлизнѣ есть что-то веселое, радостное, особенно когда освѣщаетъ его солнце. Если онъ граціозно и красиво построенъ, какъ большинство бермудскихъ домовъ, то до такой степени очаровываетъ васъ, что вы не въ состояніи отвести отъ него глазъ. Одна эта аккуратно вырѣзанная, кокетливая труба, слишкомъ бѣлая для нашего міра, одной стороной сіяющая на солнцѣ, съ другой покрытая нѣжною тѣнью, способна овладѣть вашимъ вниманіемъ на цѣлые часы. Эти утопающіе въ зелени снѣжные домики прелестны. Невозможно удержаться отъ восклицанія, когда цѣлый домикъ, иногда внезапно, вырастаетъ передъ вами въ какомъ-нибудь уголкѣ извилистой загородной дороги.

Куда бы вы ни пошли, въ городѣ ли, въ деревнѣ ли, вездѣ вы находите эти снѣжные дома, всегда окруженные массою яркихъ цвѣтовъ. Но стѣны не обвиты виноградомъ: онъ не держится на жесткой, скользкой известкѣ. Куда бы вы ни шли, въ городѣ или по сельскимъ дорогамъ, между небольшими картофельными фермами, дорого стоящими дачами и участками непаханной земли, вездѣ эти дѣвственно бѣлые домики сверкаютъ сквозь листву и цвѣты и попадаются вамъ на каждомъ поворотѣ. Самая крошечная хижина такъ же бѣла и непорочна, какъ и величественный дворецъ. Нигдѣ нѣтъ грязи, нѣтъ вони, нѣтъ лужъ съ

валяющимися въ нихъ свиньями, никакого безпорядка, небрежности, недостатка нарядности и чистоты. Дорога, улицы, дома, народъ, платье, все, что видитъ глазъ, замѣчательно опрятно и чисто. Бермудскія дороги представляютъ изъ себя не что иное, какъ выбитыя на нѣсколько дюймовъ въ твердой коралловой почвѣ мелкія канавы со сглаженнымъ сверху русломъ; когда попадается обвалъ, глубина ихъ достигаетъ нѣсколькихъ футовъ. Дѣлаются онѣ очень легко и просто. Коралловыя зерна грубы и пористы; дороги какъ будто сдѣланы изъ грубаго бѣлаго сахара. Въ нихъ есть одно неудобство—ихъ необыкновенная бѣлизна и чистота. Когда вы идете по ней, солнце съ такою силой отражается въ вашихъ глазахъ, что вамъ постоянно хочется чихать.

Мы въ этотъ день сдѣлали нѣсколько миль при ослѣпительномъ сіяніи солнца, бѣлыхъ домовъ и дороги. Встрѣчавшіяся намъ чернокожія женщины и дѣти обыкновенно кланялись намъ и разговаривали, мужчины большею частью отдавали по-военному честь. Этому они научились у солдатъ. Англія съ незапамятныхъ временъ держитъ здѣсь гарнизонъ.

Загородныя дороги самыми восхитительными изгибами извиваются туда и сюда и на каждомъ шагу готовятъ вамъ сюрпризы: колеблющіяся массы олеандровъ, виднѣющіяся изъ далекихъ выступовъ, какъ розовое облако солнечнаго заката; внезапныя погруженія въ сады, жизнь и дѣятельность, за которой слѣдуютъ такія же внезапныя погруженія въ темныя и молчаливыя дебри лѣсовъ; убѣгающія видѣнія бѣлыхъ крѣпостей и маяковъ, отражающіяся на небѣ въ видѣ далекихъ горныхъ вершинъ; блестящая зелень моря, на минуту мелькающая изъ-за открытыхъ полянокъ и снова исчезающая опять; лѣсъ и уединеніе, время отъ времени новый открытый переходъ, и вдругъ совершенно неожиданно вся ширь океана, съ его роскошными, мягкоцвѣтными полосами и граціозно колеблющимися парусами.

Идите по какой хотите дорогѣ и вы не останетесь на ней и съ полмили. Въ ней есть все, что можно требовать отъ дороги: она обсажена деревьями и чудными цвѣтущими растеніями, она тѣниста и пріятна, или залита солнцемъ и все-таки пріятна. Она приводитъ васъ къ прелестнѣйшимъ, идеальнѣйшимъ домамъ сквозь лѣсныя чащи, погруженныя въ глубочайшую тьму, оживленную иногда пѣніемъ птицъ. Она все время извивается, все время обѣщаетъ что-нибудь новое, тогда какъ на прямыхъ дорогахъ все сразу видно и весь интересъ ихъ сразу истощается. Все это есть въ ней, но все-таки вы не останетесь на ней съ полмили, такъ какъ по обѣ стороны отдѣляются отъ нея маленькія соблазнительныя таинственныя тропинки; онѣ точно такъ же извиваются и развѣтвляются и скрываютъ то, что впереди, и вы не можете удержаться отъ соблазна покинуть избранную вами дорогу и перейти на

эти, за что обыкновенно вполнѣ вознаграждаетесь. Поэтому прогулка ваша по внутренности острова всегда оказывается самой неопредѣленной, запутанной и круговоротной, какую только можно себѣ представить. Разнообразія масса. Иногда вы вдругъ оказываетесь въ открытомъ полѣ, съ болотомъ, поросшимъ толстымъ тростникомъ въ 10 футовъ вышины съ одной стороны и грядками картофеля и лука—съ другой. Затѣмъ попадете на вершину горы, а вокругъ васъ разстилается океанъ, съ разбросанными по немъ островами. Вотъ вдругъ дорогу пересѣкаетъ глубокая пробоина, съ отвѣсными стѣнами въ 30 футовъ вышины, покрытая самыми причудливыми наслоеніями, указывающими на внезапныя поднятія здѣсь почвы въ былыя времена, украшенная тамъ и сямъ случайно пригнѣздившимся цвѣткомъ или виноградной лозой; время отъ времени вашъ путь выходитъ на берегъ моря и вы можете смотрѣть внизъ, сажени на двѣ или на три вглубь, сквозь прозрачную воду и слѣдить за брильянтовыми переливами свѣта на песчаномъ или скалистомъ днѣ до тѣхъ поръ, пока не утомитесь, если только вы такъ созданы, что можете утомляться подобными вещами.

Въ слѣдующіе дни мы катались въ экипажѣ по всему острову и ѣздили въ городъ Ст.-Джорджъ, за пятнадцать или двадцать миль отъ Гамильтона. Такихъ прекрасныхъ, твердыхъ дорогъ невозможно найти нигдѣ, кромѣ Европы. Намъ служилъ проводникомъ и возницей смышленый молодой негръ. При выѣздѣ изъ города мы видѣли пять-шесть королевскихъ пальмъ, росшихъ ровными рядами на равныхъ разстояніяхъ одна отъ другой; это были не самыя высокія изъ когда-либо видѣнныхъ мною деревьевъ, но самыя величественныя, самыя роскошныя. Эта аллея представляетъ изъ себя самую удачную поддѣлку колоннады природой. Деревья всѣ одинаковой величины, футовъ въ 60; сѣрые, какъ гранитъ, стволы постепенно и ровно заостряются къ концу. Ни одной вѣтки, ни одного узла или трещины, никакого знака. Поверхность ствола не похожа на кору, а имѣетъ видъ выдѣлаинаго, но неотполированнаго гранита. Такъ онъ тянется до самаго верху на 50 футовъ. Затѣмъ онъ начинаетъ принимать видъ плотно обмотанной зеленою веревкою катушки или выточенной на токарномъ станкѣ. Надъ этой катушкой находится возвышеніе, изъ котораго на 6 и болѣе футовъ кверху тянется ярко-зеленый цилиндръ, состоящій изъ свертковъ, подобныхъ колосу зеленой индійской ржи. Далѣе фонтаномъ расходятся перистые листья, тоже зеленые. Прочія пальмы обыкновенно сгибаются, отступаютъ отъ перпендикуляра, но въ этомъ ряду ни однимъ ватерпасомъ не отыщешь уклоненія ни въ одномъ индивидуумѣ этой величественной аллеи. Онѣ стоятъ такъ же прямо, какъ Баальбекскія колонны, въ нихъ та же вышина, та же грація, та же важность. Въ су-

мерки или въ лунную ночь ихъ легко смѣшать съ ними, если бы не листья на верхушкѣ.

Тамъ и сямъ по загородной дорогѣ попадались намъ лимоны, апельсины, лины, фиги, дынныя деревья, также различныя породы пальмъ, между прочимъ кокосовая, финиковая малорослая пальма.

Мы видѣли бамбуки въ 40 футовъ вышины со стволомъ въ человѣческую руку. Густыя заросли корнепуска поднимались изъ болотъ, упираясь на свои переплетающіеся корни, какъ на сваи. Въ болѣе сухихъ мѣстностяхъ благородный тамариндъ спускалъ на землю благодатное облако тѣни, тамъ и здѣсь цвѣтущій тамарискъ украшалъ края дороги. Было еще одно любопытное кривое, корявое, черное дерево безъ всякаго признака листьевъ. Его можно было бы принять за высохшую яблоню, если бы не разбросанные по немъ ярко-красные звѣздообразные цвѣты. Вблизи и вдали мелькали розовыя облака олеандровъ и красное пламя гранатовыхъ цвѣтовъ.

Въ одной части дикаго лѣса плети ипомеи обвили деревья до самой ихъ верхушки и украшаютъ ихъ кистями большихъ голубыхъ колокольчиковъ. Замѣчательно красивое, обаятельное зрѣлище, особенно издали. Темный кедръ вездѣсущъ, и его зелень преобладаетъ. Нельзя судить, насколько онъ теменъ, пока не увидишь рядомъ съ нимъ ярко-зеленой листвы лимона. Въ одномъ только отношеніи Бермуда въ высшей степени тропична, по крайней мѣрѣ, въ маѣ: это въ матовомъ, слегка поблекломъ видѣ общаго пейзажа. Лѣса же ея одѣты самой восхитительной зеленой листвой.

Изъ жизни средне-американскихъ индѣйцевъ.

(О. Штолля.)

Игнаціо-Квихъ былъ индѣецъ изъ племени Квихо, изъ деревни Санъ-Себастіанъ, въ Гватемалѣ. Съ его помощью я началъ изученіе языка этого племени.

Нахо, какъ я называлъ его дружески, былъ небольшого роста, но хорошо сложенный мужчина. У него была маленькая, короткая голова и низкій, но не слишкомъ покатый лобъ, который обыкновенно былъ закрытъ прядями довольно длинныхъ, черныхъ, какъ вороново крыло, волосъ. Широкій у основанія, сливающійся со лбомъ и приплюснутый на концѣ носъ мало напоминалъ въ профиль тѣ орлиныя очертанія этой части лица, которыми мы привыкли любоваться у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и древнихъ римлянъ, какъ внѣшнимъ выраженіемъ энергіи и силы ихъ духа. Маленькіе, живые, совсѣмъ черные глаза, казалось, выглядывали изъ слегка скошенныхъ прорѣзовъ глазъ; ротъ его, нормальный для индѣйца, былъ слишкомъ великъ по европейскимъ понятіямъ и невольно бросался въ глаза; на верхней губѣ росло нѣсколько

короткихъ черныхъ волосковъ, которые могли бы быть названы усами, если бы не были такъ рѣдки. Щеки и подбородокъ были лишены всякой растительности, хотя возможно, что въ болѣе позднемъ возрастѣ, — когда я познакомился съ Нахо, ему было около 25—27 лѣтъ,—у него, какъ и у многихъ его соплеменниковъ, выросла бы рѣдкая борода. Ноги, по его маленькому росту, были довольно велики, руки же маленькія и красивыя. Цвѣтъ его кожи трудно опредѣлить однимъ словомъ; это не былъ красный или желтый цвѣтъ, цвѣтъ мѣди или кожи, скорѣе это былъ свѣтлый кофейно-коричневый цвѣтъ, только подъ нимъ просвѣчивалъ еще тотъ нѣжный оттѣнокъ, который и у насъ дѣлаетъ кожу не чисто бѣлою, а придаетъ ей розоватый живой тонъ.

Нахо былъ живой, вдумчивый и впечатлительный человѣкъ. Правда, судьба не одарила его разсудкомъ въ полномъ объемѣ, какъ нѣкоторыхъ другихъ индѣйцевъ, но я былъ бы несправедливъ къ нему, если бы сталъ утверждать, что его умственныя способности были только изъ среднихъ. Нахо былъ въ своемъ родѣ оригиналъ.

Онъ былъ небогатъ, однако имѣлъ въ Санъ-Себастіанѣ собственное хорошенькое ранчо, въ которомъ онъ жилъ съ женою и тремя дѣтьми, и поле, засѣянное бананами, кукурузой и бобами; обработка этихъ полей оставляла ему еще много свободнаго времени, часть котораго однако уходила на барщину. Дѣйствительно же свободное свое время Нахо охотно употреблялъ на прогулки въ Реталулу, чтобы выполнить нѣкоторыя порученія, какъ онъ оправдывался передъ самимъ собой и передъ своей женой. Что говорило въ пользу моего пріятеля, такъ это опрятность его одежды; я никогда не видалъ, чтобы Нахо пришелъ въ грязномъ или разорванномъ платьѣ. Отправляясь въ Реталулу, онъ надѣвалъ чистыя, бѣлыя или черныя, клѣтчатыя брюки съ краснымъ шерстянымъ поясомъ и сѣрую куртку, изъ-подъ отворотовъ которой виднѣлась чистая простая рубашка. Ходилъ онъ босикомъ. Маленькая соломенная шляпа оттѣняла его добродушное лицо.

Бывая въ Реталулу, Нахо посѣщалъ меня довольно правильно. Обыкновенно онъ заходилъ ко мнѣ на часъ или на два и сообщалъ мнѣ все, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ знать. Когда же, по слабости его голоса и нѣкоторой сонливости, появлявшейся въ его взглядѣ, я замѣчалъ, что онъ усталъ, я кончалъ визитъ.

Изучая языкъ, мы дошли съ нимъ до чиселъ, и однажды въ воскресенье, передъ обѣдомъ, сѣли къ моему столу и начали считать. Нахо твердо считалъ до 100; онъ считалъ и далѣе, до 200; но послѣ этого его ариѳметика покидала его и онъ дѣлалъ безуспѣшныя усилія. Я принесъ изъ кухни полную горсть манговыхъ зеренъ и раздѣлилъ ихъ на маленькія кучки, положивъ сперва въ каждую по 20, потомъ по 100 зеренъ, и затѣмъ заставлялъ Нахо считать. Онъ каждый разъ быстро

взглядывалъ на новую кучку, потомъ закрывалъ глаза, прижималъ кулакъ ко лбу и видимо сосредоточивалъ все свое вниманіе на трудной задачѣ, которая, можетъ быть, никогда не встрѣчалась ему въ обыденной сферѣ его занятій. Такимъ образомъ мы медленно добрались до 1.000; Нахо усталъ, потъ выступилъ у него на лбу и на щекахъ, и я отпустилъ его на этотъ день.

Не менѣе затрудненій представило для моего друга и спряженіе. Когда я въ первый разъ спросилъ его, какъ будетъ на его языкѣ: «У меня есть деньги», онъ отвѣтилъ почтительно: «Ага, у тебя есть деньги?» А когда я перешелъ ко второму лицу единственнаго числа и спросилъ, какъ будетъ: «У тебя есть деньги», онъ отвѣтилъ печально: «Да нѣтъ же, у меня нѣтъ денегъ» и въ доказательство вывороталъ карманъ своей куртки. Въ концѣ-концовъ онъ выучился все-таки спрягать довольно сносно.

Постояннымъ предметомъ удивленія для Нахо было большое зеркало, висѣвшее въ моей комнатѣ. Не то, чтобы онъ удивлялся собственно зеркалу: его удивленіе относилось исключительно къ его собственной фигурѣ, любоваться которой онъ никогда не уставалъ. При нашихъ занятіяхъ онъ всегда старался усѣсться такъ, чтобы видѣть въ зеркало свое лицо. Однажды я подарилъ ему старую поярковую шляпу. Нахо былъ въ восторгѣ. Онъ вертѣлся передъ зеркаломъ, какъ молодая дама, примѣряющая новое платье. Къ его большой досадѣ всѣ его старанія увидѣть себя въ зеркалѣ сзади оказывались тщетными, пока я не показалъ ему, какъ преодолѣть это затрудненіе посредствомъ второго ручного зеркала. Разъ какъ-то онъ привелъ трехъ своихъ дѣтей. Здороваясь со мной, эти хорошо воспитанныя дѣвочки, изъ которыхъ самой младшей было только четыре года, по обычаю индѣйцевъ скрестили на груди руки и поочередно поклонились мнѣ, ожидая, чтобы я благословилъ ихъ, подобно священнику, возложеніемъ руки на ихъ головы. Когда Нахо увидѣлъ себя и свое потомство въ одной группѣ, отраженной въ зеркалѣ, его отеческое сердце забилось отъ гордости и восторга.

Къ сожалѣнію, въ этой семейной картинѣ недоставало жены Нахо; она давно уже была больна, и однажды онъ сказалъ мнѣ, что его жена должна умереть; она сама сказала ему это и совѣтовала послѣ ея смерти недолго оставаться одному, но поскорѣе искать себѣ новую жену, такъ какъ ему нехорошо жить одному въ домѣ. Кто сталъ бы молоть для него маисовыя зерна, кто варилъ бы ему кушанье и кормилъ его свиней? Кто сталъ бы мыть его одежду? А потомъ дѣти! Уже ради дѣтей онъ не долженъ оставаться одинъ; дѣти должны опять имѣть свою «Нана», которая заботилась бы о нихъ и держала въ порядкѣ ихъ платье.

Жена Нахо дѣйствительно умерла черезъ нѣсколько времени, повторивъ опять, чтобы онъ поскорѣе женился снова. Онъ похоронилъ ее по индѣйскому обычаю, угостилъ водкой сосѣдей, съ которыми былъ друженъ, и родственниковъ, самъ напился съ ними и затѣмъ вернулся къ своей обычной жизни. Онъ спрашивалъ моего совѣта, что ему дѣлать. Съ одной стороны, ему была нужна жена для хозяйства, съ другой же у него не было ни малѣйшей охоты жениться: «сердце у него еще такъ болѣло», какъ онъ выражался. Но черезъ нѣсколько недѣль онъ пришелъ ко мнѣ и по секрету сообщилъ мнѣ, что онъ знаетъ одну дѣвушку, которая ему нравится и которая отлично пришлась бы къ его дому. Къ сожалѣнію, эта скромная красавица рѣшительно была противъ этого и смѣялась надъ нимъ, когда онъ начиналъ разговоръ о своемъ намѣреніи. Нахо просилъ у меня какого-нибудь средства, чтобы возбудить любовь въ сердцѣ молодой дѣвушки. Я боюсь, что Нахо подумалъ, что я секретничаю отъ него, когда я объяснилъ ему, что такія средства не включаются въ число лѣкарствъ, извѣстныхъ въ нашей медицинѣ.

Нахо по вѣроисповѣданію былъ христіанинъ-католикъ, но христіанство его было довольно поверхностно. При упоминаніи о нѣкоторыхъ именахъ и предметахъ онъ никогда не забывалъ сдѣлать большимъ и согнутымъ указательнымъ пальцемъ руки какой-то знакъ въ воздухѣ, видимо желая изобразить этимъ крестное знаменіе. Онъ никогда не разсказывалъ мнѣ о пріятныхъ для него вещахъ, о своемъ здоровьи или хорошемъ состояніи своихъ посѣвовъ, не прибавивъ при этомъ: «Primero Dios». Ко мнѣ въ домъ Нахо входилъ во всякое время съ ласковымъ: «Ave Maria», и я не считаю невозможнымъ, чтобы онъ ставилъ восковыя свѣчи Божьей Матери или св. Себастіану. Во всякомъ случаѣ Нахо былъ христіаниномъ только по внѣшности, на самомъ же дѣлѣ былъ настоящимъ язычникомъ.

Онъ раздѣлялъ вѣрованія большей части своихъ соплеменниковъ. Можно съ полнымъ правомъ утверждать, что большая часть чистокровныхъ индѣйцевъ Гватемалы придерживаются этихъ воззрѣній. Было не особенно легко опредѣлить, въ чемъ собственно заключаются эти воззрѣнія; но я все-таки достигъ, наконецъ, того, что понялъ, что̀ существуютъ два различныхъ божества, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою отдѣльную область и требуетъ для себя отдѣльнаго поклоненія. Одинъ богъ, какъ поучалъ меня Нахо, богъ иностранцевъ, «Dios de la Iglessia», богъ церкви; ему поклоняются зажженными свѣчами, знаменіемъ креста, колѣнопреклоненіемъ и различными молитвами. Это богъ бѣлыхъ и полукровныхъ; объ индѣйцахъ же онъ мало заботится, такъ какъ живетъ далеко и не видитъ «pobres». Индѣйцы имѣютъ своего собственнаго бога, который въ свою очередь мало заботится о бѣлыхъ: это «Dios

Средне-американскіе индѣйцы.

de la montana», богъ лѣса, котораго индѣйцы называютъ также «Dueno del palo»—господиномъ дерева; господиномъ дерева онъ называется потому, что живетъ въ священномъ деревѣ—сейбѣ. Онъ заботится объ индѣйцахъ; онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы они при воздѣлываніи полей или во время ночного путешествія не наступали на ядовитую змѣю; онъ же заставляетъ всходить посѣянный маисъ; онъ доставляетъ индѣйцамъ успѣшную охоту, и за это они почитаютъ его, принося въ жертву подъ священнымъ деревомъ часть своей добычи и своего урожая и сожигая ихъ на жертвенномъ огнѣ.

Кромѣ этого бога, есть еще другія существа, которыхъ также нужно бояться и почитать. Это собственно не божества, какъ богъ дерева, а больше злые духи, имѣющіе свое мѣстопребываніе въ различныхъ мѣстахъ. Одни изъ нихъ обитаютъ въ скалахъ и ущельяхъ, другіе—въ горахъ и лѣсахъ или рѣкахъ. Они подчинены «Dueno del palo» и выполняютъ его повелѣнія. Однако, если ихъ не почитаютъ, они сами вредятъ здоровью и жизни: портятъ жатву, убиваютъ дѣтей болѣзнями и т. д. Поэтому отъ времени до времени хорошо приносить имъ жертвы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ.

Въ окрестностяхъ селеній натыкаешься иногда въ лѣсу на колоссальныя сейбы, у подножія которыхъ разбросаны поломанная посуда, черепа оленей и свиней, а также слѣды костровъ. Это и есть индѣйскіе жертвенники, на которыхъ и до настоящаго времени приносятся жертвы «Dueno del palo».

СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА.

По Мексиканскому плоскогорью.

(А. Краснова.)

Въ настоящее время вдоль всего Мексиканскаго плоскогорья тянется линія желѣзной дороги, дающая нѣсколько вѣтвей вправо и влѣво, къ Тихому океану и Мексиканскому заливу. Желѣзная дорога эта—точная копія сѣверо-американскихъ: тѣ же вагоны 1-го класса съ неудобными для спанья, обитыми бархатомъ сидѣніями; тѣ же роскошные спальные вагоны, тѣ же порядки. Но страна, по которой тянется главная линія, поражаетъ своею пустынностью. Сутками мчится поѣздъ по ровному, какъ степь, плато, гдѣ ни стада, ни селенія не нарушаютъ его мертвенной пустыни. Станціонныя постройки одиноко возвышаются среди этого безлюдья. Рѣдко когда сгруппируется около нихъ какой-нибудь десятокъ кубическихъ построекъ съ небольшой харчевней, и тогда люди съ обликомъ бандитовъ оживляютъ плат-

форму станціи. Двое сутокъ мчался я на югъ, а между тѣмъ никакого измѣненія въ характерѣ страны, никакого измѣненія въ ея растительности. Тѣ же низкорослыя юкки, Aigeroba—не дерево, какъ на Сандвичевыхъ островахъ, а приземистый кустарникъ, группы низкорослыхъ кактусовъ опунція да изрѣдка небольшія агавы, тамъ и сямъ разсѣянныя по степи,—вотъ все, что я видѣлъ на пути. Начало пути отъ El Paso до мексиканскаго города Chihuahua я находился въ чисто американскомъ обществѣ. Прислуга—негры; кондуктора, служащіе на дорогѣ, казалось, не хотѣли знать испанскаго языка, и вы могли бы забыть, что мчитесь по территоріи, не принадлежащей янки. Только въ третьемъ классѣ сидѣло нѣсколько съ ногъ до головы вооруженныхъ испанцевъ. Эта масса оружія, которая была на нихъ навѣшана и казалась удивительной даже послѣ всего, что приходилось видѣть навѣшаннымъ на нашихъ горцахъ Кавказа, объяснялась тѣмъ, что традиціи о набѣгахъ апачей на поѣзда, набѣгахъ, давно уже отошедшихъ въ область исторіи въ Соединенныхъ Штатахъ, еще не изгладились изъ памяти мексиканцевъ. Опасенія нашихъ спутниковъ были однако напрасны. Индѣйцевъ не было видно, да и трудно было бы представить ихъ живущими здѣсь, на этой гладкой, какъ столъ, безлюдной пустынѣ, съ обнаженными, рѣзко на горизонтѣ выдѣляющимися контурами горъ, столь же лишенныхъ растительности, какъ и самая равнина. Всѣ рѣки и рѣчки, которыя рисуются на имѣющихся въ обращеніи картахъ Мексики, суть или продуктъ воображенія топографовъ, или только сухія ложбины, которыя увлажняются на какихъ-нибудь полтора мѣсяца въ году. Большія озера, показанныя на картахъ, точно такъ же суть сухіе солонцы съ корками солей въ дюймъ и толще, на поверхности которыхъ только миражъ кое-гдѣ создавалъ зеркала водъ. На протяженіи 225 миль пути попадается только двѣ или три станціи, да и то не каждая изъ нихъ снабжена колодцами и водокачками, а еще на нѣкоторыхъ, какъ нѣкогда у насъ на закаспійской дорогѣ, устроены резервуары для храненія привезенной воды. Это большія, поставленныя на платформу бочки, которыя наполняются водою изъ водокачекъ сосѣдней станціи и доставляются туда, гдѣ нельзя достать воды непосредственно. Эти маленькія промежуточныя желѣзнодорожныя станціи представляютъ по устройству большую простоту. Маленькій домикъ, сколоченный изъ листовой жести,—родъ тѣхъ сардиночныхъ коробочекъ, какія сколачиваютъ себѣ бѣдные жители батумскихъ окраинъ. Въ этомъ домикѣ помѣщается каморка для телеграфнаго аппарата и небольшой арсеналъ, въ которомъ спитъ начальникъ станціи. Около—кадка съ водою для локомотива и старый товарный вагонъ, служащій мѣстомъ жительства для рабочихъ. Кругомъ въ изобиліи разбросаны жестянки отъ консервовъ, свидѣтельствующія о томъ, какъ рѣдко приходится здѣшнимъ служащимъ имѣть свѣжую пищу.

Еще недавно эти станціи были маленькими укрѣпленіями противъ краснокожихъ. Благодаря разнымъ предосторожностямъ, принимаемымъ противъ краснокожихъ, и въ этой части Америки, гдѣ они сохранились въ большемъ числѣ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, увидѣть индѣйца далеко не такъ легко. Только разъ въ Chihuahua, и то только мелькомъ, пришлось мнѣ увидѣть небольшую группу индѣйцевъ. Они были одѣты въ короткіе кожаные, обшитые бусами и хватавшіе до колѣнъ сюртучки, также бусами обшитыя гамаши, къ которымъ ремнями были прикрѣплены мокассины. Сверху было накинуто что-то среднее между курткой, жилетомъ и японской накидкой, также сдѣланное изъ кожи. Эти загорѣлые люди были довольно красивы. Ихъ черты лица были правильны, и сами они хорошо сложены. Длинные, черные какъ смоль волосы были заплетены въ косы, въ которыя вплетены были золотыя и серебряныя монеты. Въ уши одного была вдѣта золотая цѣпь отъ часовъ, у другого въ волосы были вплетены крышечки отъ нихъ вѣроятно остатки отъ когда-то удачно произведеннаго набѣга. Луки и стрѣлы, такъ часто фигурировавшіе въ разсказахъ Купера объ этихъ краснокожихъ, давно уже исчезли у нихъ изъ употребленія. Ружья и револьверы новѣйшей конструкціи составляютъ вооруженіе этихъ остатковъ грознаго племени апачей. Это оружіе—конечно военные ихъ трофеи. Еще прошлое десятилѣтіе они наводили ужасъ на край. Весною 1882 года, наприм., 300 индѣйцевъ въ теченіе двухмѣсячной войны убили 141 человѣка бѣлыхъ, угнали 540 головъ скота, ограбивъ имущества не менѣе какъ на 76 тыс. долларовъ. Ростъ встрѣченныхъ мною индѣйцевъ былъ средній, они были худощавы, въ рукахъ и ногахъ нельзя было видѣть особенно сильнаго развитія мускуловъ, но грудь и спина бросались въ глаза своею шириной. Носъ былъ только слегка орлиный. У всѣхъ были ожерелья и браслеты изъ амулетовъ и монетъ. Охватывавшій станъ поясъ былъ увѣшанъ различными кожаными мѣшечками для табаку, спичекъ, зеркала и коллекціи красокъ для раскрашиванія лица въ военное время. Во время атаки апачи, говорятъ, освобождаются не только отъ всей этой амуниціи, но и отъ одежды вообще и, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что грязно-кирпичный цвѣтъ ихъ тѣла не позволяетъ легко отличать ихъ отъ окружающей мѣстности, сражаются совершенно нагіе. Это была единственная встрѣча съ настоящими краснокожими, хотя надо сознаться, что такъ называемые мексиканцы, несмотря на свой испанскій языкъ и нравы, по крайней мѣрѣ въ лицѣ низшихъ классовъ общества, содержатъ большой процентъ индѣйской крови.

20 миль южнѣе Chihuahua вниманіе путешественника обращаютъ высокія блестяще-бѣлаго цвѣта возвышенности, составляющія рѣзкій контрастъ съ темными контурами возвышающихся сзади ихъ горныхъ

цѣпей. Это область такъ называемыхъ Medanos, песчаныхъ дюнъ или барханов громадной величины, поразительно сходныхъ по виду съ такими же дюнами, которыя я видѣлъ изъ оконъ вагона на сѣверъ отъ Капра, по правому берегу Нила, на пути въ Суэцъ. Уже много столѣтій область этихъ Medanos считалась наиболѣе непріятною частью здѣшнихъ караванныхъ путей, и многіе торговцы предпочитали дѣлать значительные обходы, чтобы только избѣжать дороги, пролегавшей по этимъ сыпучимъ пескамъ, гдѣ и теперь еще постоянно попадаются скелеты и бѣлыя кости погибшихъ животныхъ. Всѣ особенности движенія барханов, всѣ формы этихъ песчаныхъ бугровъ, превращающихъ мѣстность въ подобіе громаднаго взволнованнаго моря, повторяются здѣсь съ поразительнымъ сходствомъ. Мѣстами поѣздъ летитъ между стѣнами песку, превышающими высоту вагоновъ; въ другихъ мѣстахъ возвышаются деревянные щиты, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются у насъ для защиты отъ снѣжныхъ заносовъ. Область этихъ Medanos была опасна для караванов еще и потому, что здѣсь охотнѣе всего нападали апачи, такъ какъ бѣгство для истомленныхъ переходами по пескамъ людей и животныхъ было особенно трудно. Теперь, конечно, съ проведеніемъ желѣзной дороги опасность миновала.

За областью Medanos слѣдуетъ вновь каменистая пустыня,—страна колючихъ растеній Мексики. По преимуществу маленькія агавы, юкки, всевозможныхъ сортовъ кактусы покрываютъ сухую почву, которая въ промежуткахъ между этими невысокими и колючими растеніями остается совершенно гладкою и обнаженною. Трудно представить, какъ неприхотливы эти растенія. Американскіе промышленники собираютъ здѣсь ихъ цѣлыя коллекціи, безъ земли запаковываютъ ихъ въ ящики, шлютъ въ Европу, и здѣсь, посаженныя въ изящныя вазы, они возбуждаютъ удивленіе и восторгъ любителей и сторицею окупаютъ расходъ на ихъ добычу и пересылку. Большинство растеній пустыни ростомъ своимъ не превышаютъ 3—4 ф.; только нѣкоторыя юкки съ вѣтвистою кроною, свѣчевидные кактусы Cereus да опунціи поднимаются надъ уровнемъ царства этихъ колючихъ уродовъ. Южнѣе агавы и Mesquit вытѣсняютъ прочіе виды. Колючему царству растеній соотвѣтствуетъ и фауна этой пустыни. Скорпіоны, колючія лягушки, колючія ящерицы сѣро-коричневаго цвѣта—подъ окраску пустыни, тарантулы и гремучія змѣи господствуютъ среди этихъ зарослей, дѣлая прогулки по нимъ настолько же опасными, насколько непріятными стараются ихъ сдѣлать растенія; только на окраинахъ пустыни полевыя мыши, кролики и луговыя собаки оживляютъ мертвенность пустыни. На разстояніи $^3/_4$ пути между El Paso и Chihuahua расположилось озеро Laguna de los Encinillos. Какъ какой-то миражъ, виднѣются издали его зеленѣющіе, усаженные деревьями берега, изъ-за которыхъ выглядываетъ укрѣплен-

ная гаціенда—подобіе древнихъ замковъ, обычаи которыхъ отчасти перешли къ обитателямъ этихъ мексиканскихъ фермъ-укрѣпленій. До сихъ поръ еще почти ежегодно служащіе у такихъ гаціендеросовъ теряютъ своихъ товарищей въ войнахъ съ апачами, уносящими себѣ на память ихъ скальпы. Жалкіе поселяне обрабатываютъ эти земли. Въ Мексикѣ нѣтъ крѣпостного права, но туземцы, въ жилахъ которыхъ течетъ 99 % индѣйской крови, по отношенію къ крупнымъ владѣльцамъ земли, владѣльцамъ европейскаго происхожденія, играютъ почти что роль крѣпостныхъ. Помѣщичій домъ—обыкновенно одноэтажная четырехугольная постройка съ плоскою крышею и внутреннимъ дворомъ. Она построена

Растительность мексиканскаго плоскогорья.

изъ самана (земляные кирпичи), оштукатуреннаго снаружи, но снабжена лишь немногими выходящими наружу окнами, защищенными желѣзными рѣшетками. Къ ней примыкаютъ конюшни, мѣста для прессованія хлопка, службы и нерѣдко мельницы. Спереди широкая площадка, на которой постоянно толкутся волы, коровы, свиньи, куры, ослы и другія домашнія животныя. Въ небольшомъ разстояніи скучены хижины поселянъ, работающихъ на помѣщика,—примитивныя хижины безъ оконъ, съ большими дверями, настоящіе кубики, слѣпленные изъ глины. Эти крестьяне получаютъ отъ помѣщика жилье, земледѣльческія орудія, сѣмена и животныхъ, но зато должны подъ надзоромъ служащихъ помѣщика обрабатывать землю, отдавая ему половину урожая.

Въ помѣстьѣ все пробуждается съ первыми лучами солнца. Выѣзжаетъ управляющій, надсмотрщики въ поле. Скоро появляется и самъ хозяинъ верхомъ, обязательно съ револьверомъ за поясомъ и саблей черезъ плечо, въ сопровожденіи слуги и своры собакъ. Домъ пустуетъ: въ эти часы вы найдете въ немъ развѣ только письмоводителя да случайно заѣхавшаго за плугомъ или мукой крестьянина. Къ полудню все возвращается въ имѣніе, и оно опять погружается въ тихій сонъ.

Отдохнувъ, владѣлецъ выходитъ за ворота и, садясь на пень, чинитъ судъ и расправу или даетъ распоряженія крестьянамъ, почтительно, съ непокрытой головой передъ нимъ стоящимъ.

Къ вечеру появляются телѣги, нагруженныя снопами или другими полевыми продуктами. Такъ идетъ день за днемъ въ монотонной послѣдовательности этой степной жизни, не знающей даже того разнообразія, какое имѣетъ нашъ степной помѣщикъ —разницы между зимою и лѣтомъ, весною и осенью.

Пріѣздъ гостя въ запряженномъ четверкою лошадей экипажѣ вноситъ маленькое разнообразіе. Устраивается родъ джигитовки. Ловкіе деревенскіе парни укрощаютъ никогда не бывавшаго подъ сѣдломъ мула, или наѣзднику на всемъ скаку перевертывается вверхъ ногами, взявши за хвостъ молодого вола—первобытныя и грубыя развлеченія одичавшихъ въ одиночествѣ испанцевъ. Такова жизнь въ этихъ мексиканскихъ захолустьяхъ.

Но поѣздъ мчитъ насъ далѣе къ Закатекасу. Вотъ онъ пересѣкаетъ тропикъ, и все та же мертвенная, сухая пустыня, все то же сходство съ Египтомъ.

Закатекасъ считается самымъ типичнымъ мексиканскимъ городомъ, типичнѣе даже Мексико, гдѣ слишкомъ много европейцевъ и европейскихъ вліяній. Въ немъ насчитываютъ до 80.000 жителей. Впечатлѣніе, имъ производимое издали, впечатлѣніе чисто сѣверо-африканскаго города. Кубическіе одноэтажные и двухъэтажные дома съ совершенно плоскими крышами оштукатурены и окрашены, какъ дома русскихъ городовъ, въ розовую, голубую, желтую и бѣлую краски. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ возвышаются оригинальной архитектуры церкви. По извилистымъ улицамъ, мощенымъ разнокалиберными кусками гранита, довольно первобытнаго устройства конка провозитъ васъ съ вокзала въ центръ города, гдѣ вы можете остановиться въ довольно первобытной гостиницѣ. Здѣсь все мнѣ напомнило Испанію. Тѣ же исполинскія двери комнатъ, въ которыя можно въѣхать въ каретѣ, простота убранства номера, прислуга, какъ-то еще не привыкшая обращаться съ пріѣзжимъ, точно это прислуга какого-то частнаго дома, и при дешевизнѣ помѣщенія весьма недурной столъ. То же слабое движеніе на улицахъ, тѣ же патріархальные порядки, допотопные фонари, обтрепанные горо-

довые, простенькіе магазины—недостаетъ только нашихъ извозчиковъ, составившихъ бы прекрасный pendant къ здѣшнимъ первобытнымъ мостовымъ. Обликъ населенія напоминаетъ уже описанный. Его смуглый цвѣтъ кожи говоритъ, что вы имѣете дѣло съ говорящими по-испански индѣйцами. Въ то время какъ въ Соединенныхъ Штатахъ англо-саксонская культура вытравила коренное населеніе почти догла, здѣсь шло его быстрое сліяніе, или, точнѣе, подчиненіе романской культурѣ. Испанцы растворились въ массѣ индѣйскаго населенія. Предметъ особой гордости мексиканца—что выпадаетъ на долю немногихъ — хвалиться чистотою своего европейскаго происхожденія. Мужчины одѣты въ тѣ же самыя кожаныя куртки съ громадными пуговицами, остроконечныя шапки, необъятные штаны и одѣяла, замѣняющія плащи. Впрочемъ, въ Закатекасѣ многіе еще носятъ плащи индѣйскаго издѣлія, болѣе оригинальные и изящные. Этотъ плащъ—необходимый спутникъ мексиканца днемъ и ночью, въ дождь и вёдро, въ сухую и мокрую погоду. Впрочемъ, на Мексиканскомъ плоскогорьѣ, какъ и въ Сахарѣ, ночью довольно холодно, да и днемъ въ описываемое время, несмотря на тропическое положеніе мѣста, въ суконномъ платьѣ безъ пальто было очень прохладно. Гораздо живописнѣе было одѣяніе женщинъ, въ особенности вечеромъ, когда улицы Закатекаса, какъ и всѣхъ вообще испанскихъ городовъ, бывали особенно оживлены. Волосы женщинъ заплетены въ двѣ косы, распущенныя на спинѣ и перевитыя, какъ у нашихъ деревенскихъ дѣвушекъ, цвѣтными лентами. Сверху голова покрыта темнаго цвѣта платочкомъ (reboso). Самыя бѣдныя носятъ все-таки кокетливыя ботинки на высокихъ каблукахъ, въ выгодномъ свѣтѣ выставляющія ихъ и безъ того замѣчательно маленькія ножки. Высшіе классы общества щеголяютъ въ европейскаго покроя сюртукахъ. Дамы блещутъ весьма элегантными нарядами, но вмѣсто шляпокъ все-таки господствуетъ мантилья, и въ глаза кидаются громадныхъ размѣровъ броши и серьги. Эта чистая публика появляется обыкновенно вечеромъ на такъ называемой Alameda, родъ городского бульвара, эффектно убраннаго тропическими деревьями и цвѣтниками, среди которыхъ разставлены мраморныя скамейки. Эта Alameda безспорно красивѣйшая часть города и украшаетъ его не менѣе, чѣмъ оригинальной архитектуры соборы, число коихъ сдѣлало бы честь любому русскому городу такихъ же размѣровъ.

Утромъ улицы Закатекаса тихи и мало оживлены. Вы здѣсь чувствуете себя въ мирной обстановкѣ нашего провинціальнаго города и отдыхаете отъ шума и суетни городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Только базаръ представляетъ оживленіе, и здѣсь вы видите цѣлыя груды фруктовъ, очевидно привозимыхъ изъ субтропической полосы Мексики. Здѣсь я видѣлъ груды гуявъ, массу нашихъ европейскихъ фруктовъ. Иную

картину представляетъ изъ себя Закатекасъ вечеромъ. Тогда улицы его полны прогуливающимся народомъ, слышны, какъ въ Испаніи, крики продавцовъ газетъ, торговцевъ прохладительными напитками. Въ описываемое время, когда былъ только что изобрѣтенъ графофонъ, десятки предпріимчивыхъ янки ходили по улицамъ, предлагая за 5 centavos прослушать какую-нибудь арію.

Окрестности Закатекаса не интересны. Это та же мертвенная пустыня, или голая, или представляющая поля, въ описываемое время голыя и обсаженныя только рядами агавъ, перебродившій сокъ цвѣтневыхъ стержней которыхъ въ изобиліи продавался подъ именемъ pulque въ мѣстныхъ ресторанчикахъ. Для пріѣзжаго нѣкоторый интересъ представляетъ пригородъ и осмотръ серебряныхъ рудниковъ, однихъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ, поставляющихъ серебро для тѣхъ мексиканскихъ долларовъ, которые являются ходячею монетою на всемъ дальнемъ востокѣ Азіи. Здѣсь руда мѣстами содержитъ до 80% чистаго серебра.

Руду находятъ даже въ самомъ городѣ; жилы проходятъ у самой поверхности почвы, и ихъ часто разрабатываютъ во дворахъ жилыхъ помѣщеній. Но обыкновенно эти послѣдніе, какъ у древнихъ римлянъ, превращаются здѣсь въ хорошенькіе цвѣтники, и хотя самый городъ бѣденъ растительностью, жители его, сидя во дворѣ своихъ помѣщеній, могутъ наслаждаться зрѣлищемъ свѣжей зелени и цвѣтовъ. Глубочайшій изъ рудниковъ Закатекаса достигаетъ до 1800 фут. глубины, но обыкновенно гнѣзда и жилы настолько богаты, что ихъ разрабатываютъ только у самой поверхности.

Городъ Мексико и его окрестности.

(Гессе-Вартега.)

Городъ Мексико лежитъ среди обширной, совершенно ровной горной котловины, достигающей въ діаметрѣ 60 километровъ и окруженной вѣнцомъ горныхъ хребтовъ, многочисленныя вершины которыхъ возвышаются отъ 3.000 до 5.500 метровъ. Но даже самая ближайшая изъ нихъ отстоитъ отъ города на 30 км., а вершина Попокатепетль—даже на 70 км. Только съ сѣвера вѣнецъ горъ остается разомкнутымъ, хотя и здѣсь невысокіе хребты пересѣкаютъ плоскогоріе.

Вслѣдствіе положенія города среди равнины и распредѣленія его улицъ въ видѣ шахматной доски изъ Мексико ни въ одномъ направленіи не видно горъ. Можно долго прожить въ Мексико, посѣтить Аламеду, Plaza mayor и другія большія площади и тѣмъ не менѣе не составить себѣ правильнаго представленія о замѣчательномъ положеніи города среди величественныхъ горъ. Только поднимаясь на обсерваторію національнаго дворца или, еще лучше, на соборную колокольню,

Видъ города Мексико.

съ каждымъ шагомъ вверхъ получаешь возможность любоваться все болѣе обширной и величественной панорамой, подобную которой едва ли могутъ представить многія другія мѣстности на земномъ шарѣ. Все, что въ состояніи охватить глазъ: обширная котловина съ четырьмя большими озерами, сіяющими вдали лазурью своихъ водъ, опоясывающіе ее хребты горъ съ черными величавыми массами Попокатепетля и Ицтаккихуатля и ихъ бѣлыми, какъ бы закутанными въ горностай вершинами, — все это указываетъ, что находишься въ центрѣ отмершаго, давно уже заполненнаго кратера одного изъ наиболѣе колоссальныхъ вулкановъ земного шара. Еще и въ настоящее время покровъ этого кратера часто сотрясается подземными ударами, а въ пользу вулканическаго происхожденія обрамляющихъ его горъ свидѣтельствуютъ не только массы лавы и базальта, но, главнымъ образомъ, возникшій впослѣдствіи на краю кратера громадный вулканъ Попокатепетль, дѣйствующій еще до сего времени и извергающій въ громадномъ количествѣ изъ сольфатаръ сѣру и горячіе пары. Сама котловина сохранила также достаточно слѣдовъ вулканической дѣятельности, хотя почва состоитъ исключительно изъ намытыхъ (аллювіальныхъ) массъ и остатковъ растительнаго происхожденія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на поверхность пробиваются горячіе ключи, въ другихъ находятъ озокеритъ. Подобно большинству кратеровъ потухшихъ вулкановъ, и этотъ громадный кратеръ имѣетъ свое озеро, или, лучше сказать, остатки одного большого озера, которое прежде покрывало, вѣроятно, $^2/_3$ всей котловины, въ настоящее же время въ значительной степени высохло и оставило слѣды своего существованія въ видѣ бассейновъ въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ. Еще во времена ацтекскаго царства, лѣтъ 380 тому назадъ, большая часть горной котловины была покрыта водой, и самъ городъ Мексико, ацтекская Венеція, стоялъ среди воды, но затѣмъ, отчасти вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ, отчасти вслѣдствіе вулканическихъ причинъ уровень водъ, понизился и оставилъ свои слѣды въ видѣ четырехъ большихъ озеръ, представляющихъ теперь такую своеобразную особенность этой котловины. Наибольшее и наиболѣе близкое къ городу озеро—Текскоко. Не имѣя стока и будучи расположено на болѣе низкомъ уровнѣ сравнительно съ другими озерами, оно получаетъ все количество соли и другихъ минеральныхъ веществъ, смываемыхъ дождями съ сосѣднихъ горъ. Кромѣ того, воды его принимаютъ нечистоты города Мексико и выдѣляютъ поэтому сѣроводородъ. Подобно другимъ соленымъ озерамъ, въ немъ не живутъ рыбы, но зато оно является родиной своеобразной саламандры, служившей долгое время загадкой для естествоиспытателей,—аксалотля (Amblystoma Axalotl), одного изъ наиболѣе уродливыхъ и отталкивающихъ животныхъ. Наполовину саламандра, наполовину рыба грязно-сѣраго цвѣта,

съ черными пятнами, аксалотль имѣетъ голову, подобную головѣ хамелеона, съ парою жабръ въ видѣ пальмовыхъ метелокъ. Со времени открытія аксалотля въ прошломъ столѣтіи и до 1865 года его считали за взрослую форму. Лишь въ 1865 г. было сдѣлано открытіе, что это личинки весьма распространенной въ Америкѣ саламандры. Длина взрослаго животнаго 6—10 дюймовъ.

Это уродливое животное массами продается на рынкахъ Мексико, такъ какъ его мясо индѣйцы и испанцы считаютъ за лакомство и приготовляютъ къ столу весьма разнообразнымъ способомъ. Оно отличается нѣжностью и напоминаетъ мясо угря, и я не увѣренъ, что во время моего пребыванія въ Мексико мнѣ не подавали аксалотля вмѣсто этого послѣдняго.

Другой замѣчательный продуктъ мексиканскихъ озеръ и въ частности озера Текскоко — это милліарды водяныхъ мухъ. Цѣлыми тучами носятся эти мухи надъ озеромъ или садятся на его поверхность такими массами, что образуютъ обширныя черныя поля, которыя издали кажутся островами. Плывя по озеру, я былъ самъ приведенъ въ обманъ этими островами изъ мухъ. Къ счастію, онѣ держались вдали и не сдѣлали нападенія на лодку, что, впрочемъ, было бы непріятно только вслѣдствіе ихъ непомѣрнаго количества, такъ какъ онѣ не кусаются. Индѣйцы вычерпываютъ этихъ мухъ изъ воды, растираютъ ихъ въ кашицу и затѣмъ варятъ въ маисовомъ тѣстѣ. Такія пирожныя изъ мухъ можно найти въ большомъ количествѣ на рынкахъ г. Мексико. Такимъ же образомъ поступаютъ съ яйцами мухъ, въ невѣроятномъ количествѣ откладываемыми на водяныхъ растеніяхъ. Поблизости отъ озера развился даже цѣлый промыселъ, состоящій въ томъ, что индѣйцы на извѣстномъ разстояніи втыкаютъ въ илъ, покрывающій дно озера, пучки сахарнаго тростника, такъ что только ихъ концы торчатъ изъ воды. Эти пучки быстро покрываются яйцами, тогда ихъ вынимаютъ изъ воды, стряхиваютъ надъ простыней и затѣмъ снова погружаютъ въ воду, а яйца идутъ въ начинку маисовыхъ пирожковъ. Собираютъ съ этою цѣлью также личинокъ мухъ, маленькихъ желтовато-бѣлыхъ червячковъ. Говоря объ озерахъ, находящихся близъ столицы, нельзя обойти молчаніемъ такъ называемыхъ chinampas, или плавучихъ садовъ, представляющихъ изъ себя остатокъ древней ацтекской культуры, сохранившійся вмѣстѣ съ немногими другими древностями отъ губительной руки испанскихъ завоевателей. Правда, что эти chinampas исчезли изъ непосредственнаго сосѣдства съ городомъ Мексико, такъ какъ озера, волны которыхъ во времена Монтезумы, предпослѣдняго царя ацтековъ, омывали стѣны города и колыхались по улицамъ этой Венеціи западнаго полушарія, сократились въ своихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и chinampas, окружавшіе тогда городъ вѣнкомъ цвѣтущихъ садовъ изъ

розъ, опустились на высохшую почву и образуютъ въ настоящее время часть твердой земли. Пловучіе острова сохранились еще только на болѣе удаленныхъ озерахъ.

Вдоль юго-восточныхъ береговъ одного изъ нихъ поверхность воды покрыта пловучими садами, продукты которыхъ даютъ средства для существованія всего прибрежнаго населенія. Маисъ, стручковыя растенія, различные овощи и, сверхъ того, роскошные цвѣты выращиваются на этихъ chinampas и даютъ весьма большой доходъ. Основой пловучихъ острововъ служатъ массы переплетающихся темныхъ стеблей и корней водяныхъ растеній.

Густыя тучи пыли, которыя вѣтеръ въ сухое время года сдуваетъ съ сжатыхъ полей, а также накапливающіеся мало-по-малу остатки гніющихъ растительныхъ и животныхъ организмовъ съ теченіемъ времени образовали слой почвы, вѣтеръ же принесъ сюда сѣмена растеній, и, такимъ образомъ, возникли зеленѣющіе острова. Они плаваютъ по озеру, пристаютъ то къ одному берегу, то къ другому и застаиваются иногда, какъ бы утомленные своимъ скитальческимъ существованіемъ, образуя часть настоящаго берега. Индѣйцы вырѣзываютъ изъ такихъ плавающихъ острововъ прямоугольные участки, отводятъ ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ общей массы, чтобы вокругъ образовался каналъ, и складываютъ затѣмъ на немъ массы ила, которыя они достаютъ со дна. Съ каждымъ новымъ слоемъ ила участокъ опускается все глубже и глубже, при чемъ иногда даже достигаетъ твердаго дна. Затѣмъ его прикрѣпляютъ къ мѣсту съ помощью кольевъ; впрочемъ, довольно часто случается, что такіе chinampas переправляютъ на буксирѣ въ другое болѣе благопріятное мѣсто или буря срываетъ нѣсколько chinampas и уноситъ ихъ далеко въ середину озера. На нѣкоторыхъ пловучихъ островахъ ихъ хозяева выстроили хижины и живутъ во время посѣва и жатвы въ своемъ маленькомъ, окруженномъ водою царствѣ въ полной независимости отъ внѣшняго міра, настоящими владѣтельными князьками. Они имѣютъ даже преимущество передъ этими послѣдними, такъ какъ въ случаѣ недовольства сопредѣльными государствами имъ достаточно сняться съ якоря и отправиться въ другую сторону озера. Улитку называютъ наиболѣе сильнымъ существомъ въ мірѣ, такъ какъ она носитъ съ собою свое жилище. Но что она въ сравненіи съ владѣтельными князьками на озерахъ Мексики, которые могутъ куда угодно переносить не только свое жилище, но и всю свою страну! Ихъ поля доставляютъ имъ плоды, овощи и розы, излишекъ они продаютъ на рынкахъ Мексико и добываютъ такимъ образомъ деньги. Озеро даетъ имъ вкуснаго, своеобразнаго аксалотля, а изъ мухъ и ихъ личинокъ они приготовляютъ маисовыя лепешки. Мы чувствуемъ отвращеніе при мысли о такомъ лакомствѣ, но не въ правѣ ли то же самое сдѣлать ац-

Пловучіе острова близъ г. Мексико.

теки, узнавъ, что мы употребляемъ въ пищу устрицъ, икру, садовыхъ улитокъ и т. д.

Но не одни только преимущества доставляетъ городу близость озеръ, она является въ то же время довольно большимъ неудобствомъ. Дѣло въ томъ, что уровень озеръ, за исключеніемъ Текскоко, лежитъ выше города, который занимаетъ одну изъ наиболѣе низменныхъ частей всей котловины. Во время проливныхъ дождей, которые часто бываютъ въ Мексико, поверхность водъ Текскоко подымается на одинаковый уровень съ городомъ и прекращаетъ стокъ дождевой воды и городскихъ отбросовъ. Часто поверхность озера подымается еще выше и на 1 или 2 фута заливаетъ улицы. Наводненія, стоячія грязныя воды, порождающія міазмы и являющіяся причиной лихорадокъ, тифа и другихъ болѣзней,—вотъ неблагопріятныя условія, зависящія отъ указаннаго положенія города. Счастье еще, что Мексико расположенъ на высотѣ 2.200 метровъ надъ уровнемъ моря, такъ что воздухъ здѣсь болѣе разрѣженъ и менѣе влаженъ, что замедляетъ гніеніе накопившихся въ теченіе столѣтій органическихъ веществъ.

Если такимъ образомъ окрестности и положеніе Мексико представляютъ много своеобразнаго, то нельзя того же сказать о самомъ городѣ, который въ сущности имѣетъ менѣе характерныхъ особенностей, чѣмъ Санъ-Франциско, Нью-Іоркъ или Новый Орлеанъ. И причину этого не трудно угадать. Она заключается въ полной событій и плачевной исторіи столицы ацтековъ. Въ декабрѣ 1520 года испанцы взяли городъ, имъ пришлось съ оружіемъ въ рукахъ завладѣвать каждымъ домомъ, каждымъ камнемъ; храмы и дворцы были обращены въ груду развалинъ разъяренными завоевателями, и обломками ихъ были завалены каналы и пристань.

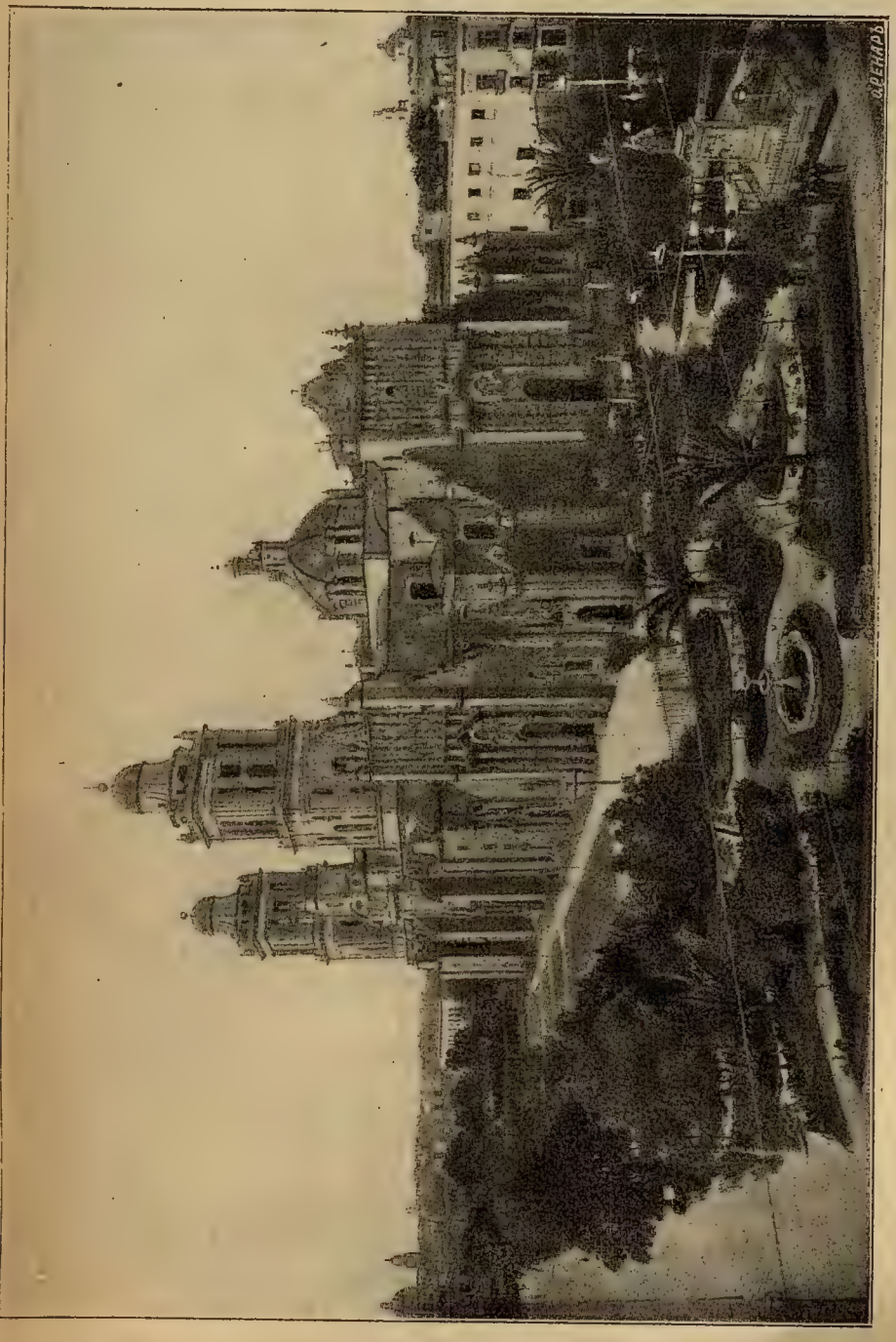
Нѣтъ ничего мудренаго, что въ Мексико не осталось никакихъ слѣдовъ отъ древней столицы ацтековъ и что на мѣстѣ ея лежитъ сравнительно молодой городъ съ красивыми, прямыми улицами, пересѣкающимися между собой подъ прямыми углами, какъ въ какомъ-либо городѣ Сѣверной Америки, и притомъ улицами всюду одинаковой ширины, одинаковой длины и съ довольно однообразными зданіями испаноритальянской архитектуры, прерываемыми только утратившими свое прежнее значеніе церквами, монастырями да отъ времени до времени театромъ или дворцомъ. Немногіе дома въ Мексико имѣютъ болѣе двухъ этажей, и то только въ кварталахъ города, прилегающихъ къ главной площади; чѣмъ дальше удаляешься отъ центра, тѣмъ ниже, невзрачнѣе и рѣже становятся зданія и наконецъ совершенно теряются среди садовъ, аллей и полей, окруженныхъ заборами изъ кактусовъ. Многочисленные площади и скверы вносятъ пріятное разнообразіе въ это море домовъ.

Наибольшее движеніе сосредоточивается на улицѣ, соединяющей двѣ важнѣйшія площади Мексико: Аламеду и Plaza mayor. Здѣсь находятся лучшіе и наиболѣе богатые магазины, гостиницы, кофейни и рестораны, а также дворцы частныхъ лицъ. Собственные экипажи и удобныя извозчичьи коляски снуютъ взадъ и впередъ; нарядныя дамы въ красивыхъ парижскихъ туалетахъ, съ накинутыми на голову бѣлыми или черными кружевными платками, такъ называемыми ребозо, дѣлаютъ здѣсь закупки или возвращаются домой послѣ каждодневнаго посѣщенія церкви; гордые кабаллеросъ (всадники), въ живописномъ мексиканскомъ національномъ костюмѣ съ широкимъ, окаймленнымъ серебромъ сомбреро (широкополой шляпой) на головѣ, съ саблей съ боку и никогда не отсутствующимъ револьверомъ на лукѣ, проѣзжаютъ на роскошныхъ, танцующихъ коняхъ; мелочные торговцы завладѣли каждой нишей и громкими возгласами предлагаютъ свои товары: газеты, небольшія серебряныя вещицы, лотерейные билеты, плоды, изображенія святыхъ и т. д. Потокъ проходящихъ чрезвычайно великъ въ теченіе всего дня, за исключеніемъ развѣ обѣденнаго времени. Проходя по тротуару, иногда удается заглянуть черезъ случайно открытыя ворота въ обширные дворы, окаймленные колоннадой, съ фонтаномъ и клумбами посрединѣ. На окнахъ магазиновъ видно много французскихъ книгъ, фотографій, изображающихъ живописные уголки Мексико, гипсовыхъ и ониксовыхъ копій съ немногихъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ временъ ацтековъ, швейцарскіе часы, французская бронза, французскіе галантерейные и модные товары, но совсѣмъ мало предметовъ мексиканскаго производства. Вообще Мексико дѣлаетъ впечатлѣніе зажиточнаго и благоустроеннаго города, что плохо согласуется съ финансовымъ положеніемъ всей страны. Мостовая главныхъ улицъ и площадей въ большой исправности; по угламъ улицъ всюду прикрѣплены голубыя дощечки съ названіями улицъ, что здѣсь весьма необходимо, такъ какъ отдѣльные участки одной и той же улицы имѣютъ часто различныя названія; дома тщательно перенумерованы; телеграфныя и телефонныя проволоки пересѣкаютъ улицы; нѣтъ даже недостатка въ газовыхъ фонаряхъ. Полицейскіе съ револьверами и шашками наблюдаютъ за уличнымъ движеніемъ; многочисленные бассейны и фонтаны на углахъ улицъ и площадяхъ даютъ достаточно воды; въ странѣ, которая пережила за 60 лѣтъ своей независимости 80 революцій и правительство которой пользуется въ свѣтѣ весьма дурной славой и плохимъ кредитомъ, такого рода усовершенствованія представляютъ не мало удивительнаго. Постоянными междоусобіями и непрочностью положенія объясняется также полное отсутствіе предметовъ туземнаго производства, которое поражаетъ всякаго путешественника во время его прогулокъ по улицамъ города.

Тамъ, гдѣ по преданію стояли дворецъ Монтезумы, храмъ, пирамиды и изваянія ацтекскихъ боговъ, подшмаются и въ настоящее время наиболѣе величественныя зданія Мексико, окружая обширную площадь, съ которою по величинѣ и красотѣ могутъ сравниться только площади немногихъ европейскихъ столицъ. Важнѣйшее зданіе, подавляющее всѣ остальныя своими размѣрами и красотой, это соборъ, выстроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ ацтекскому богу войны. Величественный фасадъ зданія, увѣнчанный двумя высокими башнями, занимаетъ вмѣстѣ съ нескладной приходской церковью сѣверную часть площади, и контрастъ между стремящейся къ небу благородной постройкой собора и обремененной христіанскими и ацтекскими орнаментами церковью рядомъ нѣсколько сглаживается чуднымъ тѣнистымъ садомъ, занимающимъ часть площади передъ ними. Въ саду разбиты клумбы, устроены фонтаны и павильонъ, гдѣ нѣсколько разъ въ недѣлю играетъ одна изъ лучшихъ музыкальныхъ капеллъ Мексико.

Внутренность собора, несмотря на то, что онъ не разъ подвергался разграбленію во время революціи, производитъ сильное впечатлѣніе и поражаетъ скопленіемъ сокровищъ. Мексиканскій соборъ выглядитъ болѣе веселымъ, если угодно, болѣе небеснымъ, чѣмъ мрачные готическіе соборы Европы, а стиль ренессанса гармонируетъ гораздо лучше, чѣмъ готическій, съ изобиліемъ позолоты, съ блестящими боковыми алтарями, великолѣпнымъ хоромъ, статуями и могилами. Фрески на стѣнахъ и на высокомъ граціозномъ куполѣ исполнены лучшими испанскими мастерами. Вообще во многихъ церквахъ Мексико можно найти картины блестящаго періода испанской живописи. Въ то время Мексико, какъ колонія, была въ полномъ расцвѣтѣ, ея безпримѣрно богатые рудники доставляли серебро и золото всему свѣту; духовенство обладало несмѣтными богатствами, и, слѣдовательно, не было недостатка въ средствахъ, чтобы роскошнѣйшимъ образомъ разукрасить домъ Божій. По богатству, заключенному въ главномъ алтарѣ, съ мексиканскимъ соборомъ могутъ соперничать только немногіе соборы Америки. Еще и теперь тамъ хранятся массивные свѣтильники и сосуды, золотыя, украшенныя драгоцѣнными камнями статуи святыхъ и т. д. Правда, статуя Божіей Матери, представлявшая стоимость свыше милліона долларовъ, и золотое паникадило главнаго алтаря, одно золото котораго стоило 70.000 долларовъ, исчезли. Революціи и войны положили всюду конецъ этимъ сокровищамъ.

Я рѣшился взобраться на одну изъ башенъ собора уже по той причинѣ, что еще ни разу не видѣлъ двухъ близнецовъ вулкановъ, Попокатепетля и Ицтаккихуатля. Оба великана были задернуты облаками, и даже съ башни собора ихъ нельзя было разсмотрѣть, какъ будто все, что относится ко временамъ ацтековъ, было миѳомъ или какъ будто



Соборъ въ Мексико.

Кортесъ (завоеватель Мексики) стеръ ихъ также съ лица земли. Тѣмъ не менѣе видъ на городъ и на плоскогорье Анагуакъ достаточно красивъ, чтобы вознаградить туриста. У подножія собора большой скверъ, отъ центра котораго въ разныя части города расходятся десятки рельсовыхъ путей конной желѣзной дороги; прямыя, широкія улицы прорѣзываютъ обширное желтовато-бѣлое море домовъ съ ихъ плоскими крышами, перерываемое тамъ и сямъ площадями, рынками, садами и аллеями, и надъ всѣмъ этимъ возвышаются отдѣльные башни и купола безчисленныхъ церквей, въ большинствѣ случаевъ потерявшихъ свое прежнее назначеніе и служащихъ общественнымъ цѣлямъ. Республиканское правительство обратило ихъ въ лѣчебницы, казармы, библіотеки, арсеналы. Дальше за предѣлами города виднѣются бурыя степи и зеленыя поля, перерѣзанныя многочисленными каналами и дорогами, съ разбросанными тамъ и сямъ городками, обнесенными стѣнами и утопающими въ зелени деревьевъ; наконецъ, обширныя озера, наполовину теряющіяся въ распростертомъ надъ долиной, особенно утромъ, туманѣ. На разстояніи 20 англійскихъ миль кругозоръ замыкается чудными голубыми предгоріями Сіерры, а въ юго-восточномъ направленіи отъ города подымаются въ облака двѣ покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ высочайшія вершины центральной Америки.

Вокругъ собора группируются важнѣйшія правительственныя зданія Мексико: городская ратуша съ обширной колоннадой вдоль фасада, подъ сводами которой пріютились безчисленныя лавочки и палатки, гдѣ продаютъ pulque національный напитокъ мексиканцевъ, приготовляемый изъ сока алоэ; затѣмъ національный дворецъ, гдѣ засѣдаетъ правительство мексиканской республики. Если это казарменное зданіе съ своимъ длиннымъ, въ 700 футовъ, главнымъ фасадомъ и съ своими безчисленными входами чѣмъ-нибудь замѣчательно, то прежде всего своею непомѣрной величиной. Общая длина дворца съ боковыми фасадами не менѣе километра! Близъ широко раскрытыхъ воротъ лѣниво прикурнули солдаты, одѣтые чуть не въ лохмотья, офицеры въ легкой походной формѣ размѣстились на скамьяхъ и покуриваютъ сигаретки; среди обширныхъ дворовъ толпятся въ пестромъ безпорядкѣ министры, сенаторы, служащіе въ департаментахъ, помѣщики и индѣйцы. Въ связи съ національнымъ дворцомъ находится почтамтъ, управляемый чуть не по-турецки, и ботаническій садъ, въ которомъ среди другихъ тропическихъ растеній находится знаменитое arbol be los manitus —«дерево маленькихъ ручекъ» (Cheirostemon platanifolium ботаниковъ). Названіе этого растенія происходитъ отъ свѣтло-розовыхъ цвѣтовъ, черешокъ которыхъ напоминаетъ нѣжную руку съ загнутыми внутрь пальцами. Это дерево чрезвычайно рѣдко въ Мексикѣ, и, по преданію, изъ-за него одинъ царь ацтековъ велъ продолжительную войну съ другимъ властителемъ.

Еще болѣе, нежели зданія, окружающія обширную Plaza mayor, интересовала меня пестрая и до самой глубокой ночи несмолкающая жизнь народа.

Въ праздничные дни на обширной площади подъ всегда голубымъ безоблачнымъ небомъ устраивается нѣчто въ родѣ ярмарки—особенность мексиканскихъ и вестъ-индскихъ городовъ, которую я наблюдалъ всюду въ Вестъ-Индіи, въ Гаваннѣ, Каракасѣ, Тринидатѣ и даже въ американскихъ городахъ, лежащихъ вдоль Мексиканскаго залива, и которая придаетъ имъ много жизни и своеобразной красоты.

Длинный рядъ будочекъ, гдѣ продается лимонадъ и pulque, и неказистыхъ ресторановъ тянется вдоль южной стороны площади; мало того, даже передъ церковью пристроились такія dulcerias и pulquerias, а немного подальше иногда стоитъ еще американскій циркъ.

Pulquerias представляютъ въ большинствѣ случаевъ легкія сквозныя постройки изъ камыша, открытыя съ трехъ сторонъ и снабженныя полотняною крышей. Въ задней части ихъ помѣщаются громадные глиняные сосуды красивой древней формы, погруженные въ кучи песка; женщины, торгующія въ pulquerias, прилежно поливаютъ ихъ водой, чтобы, благодаря испаренію, сохранить въ прохладѣ содержимое глиняныхъ сосудовъ. Нѣсколько столовъ и стульевъ довершаютъ убранство. Владѣльцы этихъ pulquerias, по большей части индѣйцы, повидимому, не наживаютъ большихъ денегъ, такъ какъ только въ особенно жаркій день простонародье заглядываетъ сюда, чтобы потребовать стаканъ pulque или какой-нибудь иной фруктовой воды, какъ-то: изъ ананаса, апельсина, лимона и т. д., которыя дѣйствительно чрезвычайно хороши въ Мексикѣ. Въ промежуткахъ женщины отдыхаютъ въ тѣни своихъ лавочекъ, непремѣнно съ сигареткой въ рукахъ, или передаютъ другъ другу городскія сплетни. Въ срединѣ площади, какъ уже сказано, находится центральная станція конныхъ желѣзныхъ дорогъ, существующихъ, правда, сравнительно съ недавняго времени, но уже играющихъ видную роль въ городскомъ движеніи. Не только люди, но и товары перевозятся здѣсь на конкахъ; мало того, иногда погребальная процессія идетъ по конкѣ! До этого еще не дошли и у насъ въ Европѣ!

Восхожденіе на Попокатепетль.

(Гессе-Вартега.)

Уже цѣлую недѣлю прожилъ я въ городѣ Мексико, тщетно выжидая момента, когда удастся увидѣть Попокатепетль. Облака и густой туманъ застилали отъ глазъ восхитительное плоскогоріе Анагуакъ. Я пожалуй сталъ бы сомнѣваться въ существованіи этой богатой преданіями горы, если бы мнѣ не приходилось на красивой Plaza mayor

ежедневно наслаждаться напиткомъ nive de Popocatepetl, приготовляемымъ изъ снѣга Попокатепетля, смѣшаннаго съ превосходными фруктовыми водами.

Но именно настойчивость, съ которой скрывалась отъ взоровъ эта высочайшая изъ горъ Сѣверной Америки (высотою около 18.000 фут.), да предостереженія моихъ друзей побудили меня предпринять восхожденіе на его вершину и собственными глазами увидѣть его кратеръ.

— Вѣдь вамъ же все одно не добраться до вершины, amigo,—говорили мнѣ, — вы вѣдь погибнете на дорогѣ, подобно многимъ другимъ. Если вы убережетесь отъ глетчеровъ, снѣговъ, лавинъ и удушливыхъ сѣрныхъ газовъ, то не ускользнете отъ разбойниковъ. Берегитесь! Вся гора кругомъ кишитъ ладронесами и ратеросами, — они и рубашки на васъ не оставятъ.

На слѣдующее утро я уже былъ на Plaza mayor, чтобы направиться по конкѣ къ вокзалу. Было еще такъ рано, что я могъ разсчитывать, что не встрѣчу кого-либо изъ моихъ вчерашнихъ собесѣдниковъ. А если бы они мнѣ и повстрѣчались, то едва ли признали бы меня и тщательно стали бы сторониться отъ меня.

Во избѣжаніе всякаго соблазна для разбойниковъ я рѣшилъ снова облачиться въ свой старый, изношенный дорожный костюмъ, который я носилъ во время моихъ поѣздокъ по Аризонѣ и Сонорѣ. Костюмъ этотъ состоялъ изъ сѣрой блузы, кожаныхъ штановъ, съ кожаными же гамашами и испанскими шпорами. На головѣ красовалось широкополое сомбреро; за поясъ были заткнуты револьверы, кинжалъ и цѣлый рядъ блестящихъ металлическихъ патроновъ, а на плечѣ покоилось старое винчестерское ружье - мой вѣрный спутникъ. Въ такомъ одѣяніи я самъ былъ скорѣе похожъ на бандита.

Когда я потребовалъ въ кассѣ билетъ до Амекамеки, то мнѣ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ выдали таковой третьяго класса - обстоятельство, очень меня обрадовавшее, такъ какъ оно свидѣтельствовало о томъ, какъ удачно я нарядился бандитомъ. Послѣ трехчасовой ѣзды по веселому, хорошо обработанному плоскогорью добрался я до Амекамеки и скоро пріютился въ довольно порядочной гостиницѣ. Я находился теперь у подножія Попокатепетля, но даже и отсюда мнѣ суждено было увидѣть его снѣговую вершину лишь на другой день.

На слѣдующее утро мнѣ безъ труда удалось нанять двухъ индѣйскихъ пеоновъ, или проводниковъ, и трехъ лошадей для восхожденія на гору. Среди дня я предпринялъ еще поѣздку на гору Сакро-Монте, святыню города, которая съ городской площади напоминала своимъ видомъ ацтекскую пирамиду. Сакро-Монте не есть произведеніе ацтековъ, а вулканическій холмъ, на вершинѣ котораго, словно корона, высятся церковь и старинный монастырь. Подъ тѣнью вѣковыхъ ки-

парисовъ и каменныхъ дубовъ, покрытыхъ сѣрымъ, ниспадающимъ длинными прядями бородатымъ лишайникомъ, взбирался я по каменнымъ ступенямъ, и, какъ только вступилъ на плоскую вершину, облачный покровъ, окутывавшій обѣ горы, прорвался и моему восхищенному взору представились Попокатепетль и Ицтаккихуатль среди ясной синевы неба!

Увидѣвъ однажды эти чудныя горы-близнецы, ужъ никогда ихъ больше не забудешь. Попокатепетль—правильный конусъ, своими дивными очертаніями рѣзко выступаетъ на ясной синевѣ неба. Ицтаккихуатль—вытянутый вверхъ и сильно зазубренный горный хребетъ, отдѣленъ отъ своего высокаго товарища глубокой и просторной котловиной. Оба они покрыты вѣчными снѣгами на протяженіи нѣсколькихъ тысячъ футовъ отъ вершины. Болѣе высокій изъ нихъ—Попокатепетль, болѣе красивый—Ицтаккихуатль. При чудномъ вечернемъ освѣщеніи оба великана предстали предо мной въ наилучшемъ своемъ убранствѣ. Медленно ползли тѣни отъ подножія ихъ вверхъ, сперва по золотистымъ созрѣвшимъ нивамъ кукурузы и пшеницы, далѣе по зеленому поясу агавъ и кактусовъ, а тамъ, снова, ступенью выше, по густой темной зелени сосновыхъ лѣсовъ, которыми поросли ихъ склоны. Все было уже окутано мракомъ и туманомъ подо мной, а солнце еще все горѣло на темно-коричневомъ поясѣ вулканическихъ породъ, окружающемъ горы выше пояса лѣсовъ, и еще все блестѣли и искрились обширныя снѣговыя поля, посылая мнѣ свой прощальный привѣтъ. Постепенно очертанія ихъ расплывались въ рдѣющей подъ лучами заходящаго солнца атмосферѣ, ослѣпительная бѣлизна снѣговыхъ полянъ становилась темнѣе, золотистѣе, розовѣе; вотъ исчезъ въ сумеркахъ и хребетъ Ицтаккихуатля, и только послѣдніе лучи давно зашедшаго солнца еще цѣловали красновато-золотистый куполъ Попокатепетля, такъ высоко и далеко, что казалось будто вершина его находится тамъ, на небѣ, и ничто не связываетъ ее съ землей.

На другое утро, когда я покинулъ свою комнату, мой проводникъ Діего сѣдлалъ уже маленькихъ тощихъ лошадей. Черезъ четверть часа мы покинули Амекамеку и уже двигались по плохой дорогѣ въ направленіи Попокатепетля, чтобы достигнуть ранчо Тламака въ 18-ти кил. отъ Амекамеки. Тамъ мы должны были переночевать и на слѣдующее утро съ восходомъ солнца продолжать наше восхожденіе.

Мѣстность, которую мы проѣзжали, пользовалась дурною славой. Діего развлекалъ меня разсказами о многочисленныхъ случаяхъ смертоубійства и грабежа, которые происходили здѣсь за послѣдніе годы, и большое количество простыхъ черныхъ крестовъ вдоль дороги, казалось, подтверждало его показанія. У каждаго такого креста Діего и пеонъ дѣлали крестное знаменіе и шептали краткую молитву. Еще за

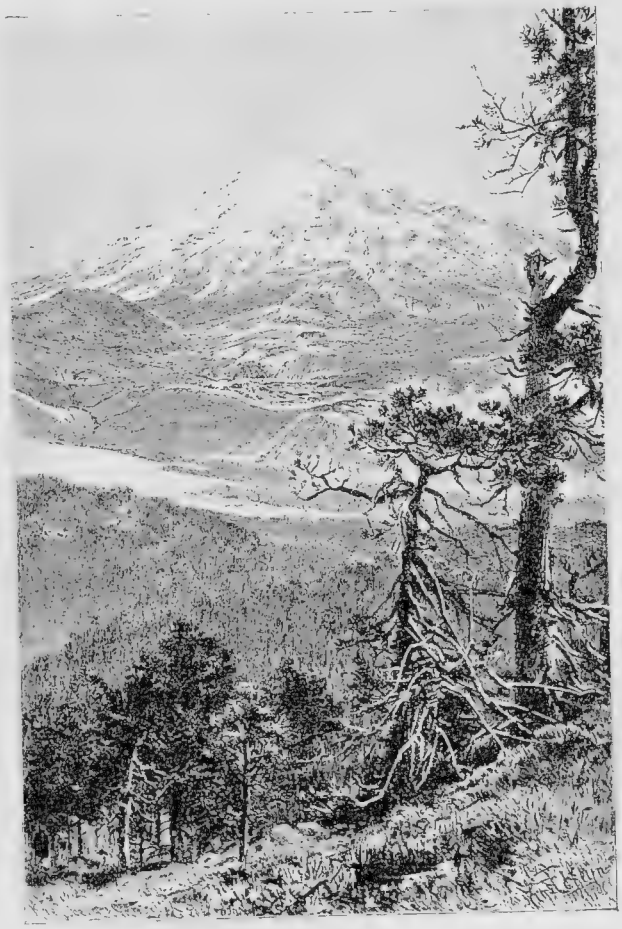
нѣсколько мѣсяцевъ до насъ бандиты напали на общество американцевъ какъ разъ на этомъ самомъ мѣстѣ обстоятельство, заставившее меня разстегнуть револьверный чехолъ и положить свой винчестеръ поперекъ сѣдла, конечно, лишь для того, чтобы успокоить Діего, который изрядно трусилъ и бросалъ вокругъ себя испуганные взгляды при каждомъ поворотѣ.

Вмѣсто разбойниковъ мы встрѣтили только небольшія стада рогатаго скота и овецъ въ сопровожденіи полунагихъ ободранныхъ дѣтей да возы на неуклюжихъ колесахъ, нагруженные лѣсомъ и спускавшіеся внизъ, въ городъ, изъ громадныхъ сосновыхъ лѣсовъ, находящихся выше. Мы принуждены были взбираться каждый разъ на крутые боковые склоны отвратительной дороги, чтобы пропускать транспорты лѣса. Всякій разъ какъ мы выбирались изъ лощинъ и овраговъ, моему взору всюду представлялись роскошныя поля кукурузы и пшеницы и обширные сосновые лѣса, надъ которыми на этотъ разъ съ замѣчательною ясностью выступали оба мощныхъ горныхъ великана. «Посмотрите, сеноръ,—обратился ко мнѣ Діего,—можетъ быть, вы теперь различите на вершинѣ Ицтакхихуатля образъ бѣлой женщины?» И въ самомъ дѣлѣ, вытянутый снѣжный хребетъ имѣлъ отсюда видъ женской фигуры съ распущенными длинными волосами, лежащей на смертномъ одрѣ и покрытой бѣлоснѣжнымъ саваномъ. Такъ, значитъ, это и была та знаменитая «Mujer blanca»—«бѣлая женщина», которая дала имя колоссу.

Nostros indos,—разсказывалъ Діего, все еще вѣрятъ, что обѣ горы когда-нибудь воскреснутъ. Это не горы, сеноръ, это великаны, люди, какъ мы. Давно, давно оба великана вызвали на поединокъ высшее божество, которое въ гнѣвѣ своемъ наказало ихъ, превративъ въ камень. Вотъ стоитъ Попокатепетль, а рядомъ съ нимъ лежитъ его подруга, Ицтакхихуатль, на смертномъ одрѣ. Взбѣшенный своею немощью, тщетно проливалъ онъ лавовыя слезы и такъ содрогался, надѣясь сбросить свои оковы, что земля сотрясалась кругомъ. Поэтому-то наши предки и называли его Тлалокъ—«повелитель бурь». Но,—прибавилъ онъ, бросая на меня искоса многозначительный взглядъ,—въ это вѣрятъ еще только глупые пеоны, но не мы, воспитанные люди!

Чѣмъ выше мы взбирались по ухабистой, изрытой быстрыми потоками дорогѣ, тѣмъ рѣже встрѣчались поля. Гигантскіе кактусы и сѣролистыя агавы покрывали каменистую почву; тамъ и сямъ виднѣлись уже группы чахлыхъ сосенъ. Проѣхавъ около двухъ часовъ, мы добрались до двухъ изолированныхъ холмовъ, представляющихъ изъ себя прежнія мѣста погребенія и жертвенники ацтековъ. Отсюда лѣсъ становился гуще, сосны все выше и мощнѣе, такъ что ихъ стволы походили на колонны какого-то громаднаго храма. Мы находились теперь на высотѣ 11.000 фут. надъ уровнемъ моря, высоко надъ послѣдними

слѣдами человѣческой культуры. Ничто не нарушало глубокой тишины и томительнаго одиночества этого дѣвственнаго лѣса. Слышался только топотъ копытъ нашихъ лошадей, съ трудомъ карабкавшихся по камнямъ и пнямъ. «Какое великолѣпное мѣсто для разбойничьяго нападенія», подумалъ я, но господа бандиты упустили случай, несмотря на то, что какъ разъ здѣсь наша дорога соединялась съ тропой, ведущей изъ Пуэблы въ Мексико. Облака, находившіяся теперь уже подъ нами, къ сожалѣнію, застилали намъ мѣстность, лежащую у нашихъ ногъ.



Ицтаккихуатль.

Восходя все выше, мы скоро прошли и полосу лѣсовъ; деревья стали попадаться рѣже и уступали мѣсто мхамъ и сѣрымъ жесткимъ пучкамъ травы, о которые спотыкались наши усталые кони. Величественный снѣговой конусъ возвышался теперь какъ разъ передъ нами. Мы уже прошли куда больше половины его высоты, а его ослѣпительныя снѣговыя равнины подымались такъ безконечно далеко въ небеса, что вершина его отсюда казалась мнѣ гораздо выше, чѣмъ съ подошвы. Между нами и извилистой границей вѣчнаго снѣга, спускающагося далеко внизъ по лощинамъ и оврагамъ, лежали крутыя пустыни изъ базальтовыхъ и порфировыхъ утесовъ и лавоваго песку, покрытыя мѣстами скудною растительностью. Дорога сдѣлалась до того затруднительной, что наши бѣдныя лошади

только съ величайшимъ трудомъ могли подыматься впередъ, и я бы навѣрное слѣзъ съ сѣдла, если бы не сознавалъ, что нужно беречь всѣ свои силы для слѣдующаго дня.

Стало чувствительно холодно. Я мерзъ, несмотря на свое теплое шерстяное одѣяніе. Облака висѣли по сторонамъ вулкана, словно легкіе хлопья ваты, но они становились тяжелѣе, гуще, темнѣе и скоро заволокли весь величественный конусъ, тогда какъ второй слой облаковъ подъ нашими ногами былъ ярко освѣщенъ солнцемъ и простирался на необозримое пространство, словно море съ вздымающимися волнами и пѣнистымъ прибоемъ о склоны горъ. Въ то время, какъ я любовался этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, горный великанъ привѣтствовалъ насъ изъ своихъ снѣжныхъ пространствъ густымъ, холоднымъ туманомъ. Скоро пошелъ снѣгъ и градъ, ледяныя зерна котораго глухо стучали о наши сомбреро—снѣгъ и градъ въ маѣ мѣсяцѣ подъ 19° широты, на широтѣ Индіи, южной Аравіи и центральной Африки. Молча ѣхали мы дальше, промокши до костей, несмотря на наше плотное одѣяніе. Туманъ былъ до того густъ, что мы могли только на нѣсколько шаговъ видѣть передъ собой. Изъ предосторожности я послалъ пеона съ нагруженными животными, чтобы изслѣдовать тропу, изрѣзанную оврагами, а мѣстами и совсѣмъ размытую, и его возгласы раздавались поминутно. Облако, сквозь которое мы, вѣроятно, проходили, окутало насъ бѣлымъ мракомъ; передъ моими глазами разстилалась какъ бы одна бѣлая вата, и въ концѣ-концовъ я принужденъ былъ вполнѣ предоставить моему умному животному выборъ наилучшей дороги. Наконецъ, послѣ продолжительнаго путешествія сквозь туманы раздался радостный возгласъ пеона: Aqui esta Tlamacas! Мы находились, слѣдовательно, у самаго высокаго ранчо Попокатепетля, на высотѣ 3.900 м., почти на той же высотѣ, какъ и Юнгфрау.

Сначала я ничего не могъ разглядѣть. До меня доносились только глухіе голоса, да чувствовался удушливый запахъ сѣры; наконецъ, кто-то взялъ меня за руку и ввелъ въ повидимому закрытое помѣщеніе, гдѣ пылалъ громадный костеръ темно-краснымъ пламенемъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, я могъ обсушить свое насквозь промокшее платье. Цѣлый часъ загостились облака на Тламакѣ, а тамъ потянулись дальше внизъ; атмосфера сдѣлалась яснѣе, теплѣе, и вдругъ засіяло солнце на величественномъ снѣговомъ конусѣ, который возвышался надо мной еще на 5.000 ф. Тламака представляетъ изъ себя жалкое ранчо, состоящее изъ трехъ полуразвалившихся деревянныхъ хижинъ, которыя служатъ необходимымъ убѣжищемъ для работающихъ въ шахтахъ вулкана индѣйцевъ (но можно ли было ожидать чего-либо лучшаго, чѣмъ это жалкое убѣжище, на почтенной высотѣ 13.000 ф. надъ уровнемъ моря). Вѣтеръ продувалъ сквозь безчисленное количество щелей и дырокъ тон-

кихъ дощатыхъ стѣнъ; единственное окно, размѣромъ едва съ мой носовой платокъ, не имѣло стеколъ, и я былъ доволенъ, что хоть дверь по крайней мѣрѣ запиралась. Термометръ показывалъ 4° С. и, къ моему большому неудовольствію, опустился къ ночи ниже нуля. Значитъ, подъ тропиками можно тоже замерзнуть.

Несмотря на то, что Тламака ежегодно часто посѣщается не только работающими въ кратерѣ, но и туристами, здѣсь замѣчается полное отсутствіе всякаго комфорта. Ни кровати, на которой можно было бы выспаться, ни стула, ни посуды для приготовленія пищи. Все убранство этой гостиницы, открытой всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, состоитъ изъ пары паръ, немного приподнятыхъ надъ поверхностью земли и сдѣланныхъ изъ двухъ, вмѣстѣ сколоченныхъ досокъ, при чемъ подушкой обыкновенно служитъ сѣдло, шаткаго стола и станка, на который вѣшается сѣдло и сбруя.

Дымъ горящихъ съ трескомъ дровъ, не имѣя выхода, заставляетъ кашлять и причиняетъ такую боль глазамъ, что ихъ едва можно держать открытыми. Поэтому я велѣлъ погасить огонь, какъ только мы окончили нашу скудную трапезу съ прекраснымъ кофе. Близъ ранчо находится печь для перегонки сѣры, добываемой изъ кратера Попокатепетля. Съ наступленіемъ темноты надъ громадными глиняными горшками, въ которыхъ расплавляютъ сѣру, танцовали, словно призраки, синеватые огоньки, и подымающіеся оттуда удушливые пары скоро изгнали меня изъ ранчо. Невозможно описать всю дикость природы, окружающей это мѣсто. Глубокій черный песокъ покрываетъ почву. Сосновый лѣсъ, окружающій ранчо, сильно повырубленъ, а оставшіеся деревья сохранили только немногія жалкія, растерзанныя вѣтрами и непогодой вѣтви. Нѣкоторыя изъ нихъ были поражены, вѣроятно, молніей и, сломанныя, стояли, прислонившись къ своимъ сосѣдямъ; другія почти уже сгнили и лежали на землѣ. Все было покрыто снѣгомъ. Двѣ сороки испуганно порхали съ одного дерева на другое и стряхивали съ вѣтвей рыхлый снѣгъ, который, спускаясь съ вѣтки на вѣтку, падалъ наконецъ тяжелымъ комкомъ на землю.

Подобныя же унылыя мѣстности часто встрѣчались мнѣ въ золотоносной области Сіерры-Невады, въ Калифорніи, и дальше, сѣвернѣе, въ Аризонѣ и въ Британской Колумбіи, но не ожидалъ я ихъ встрѣтить здѣсь подъ тропиками! Изъ Амекамеки казалось, что оцѣпенѣвшая масса Ицтаккихуатля отдѣлена отъ главнаго колосса глубокой, но узкой котловиной; но отсюда я увидѣлъ, что разстояніе это равняется километрамъ 12-ти. По возвышенному плато Анагуака все еще разстилался слой облаковъ, и только на востокѣ изъ этого облачнаго моря, какъ скалистый островъ, подымался чудно-прекрасный конусъ.

День угасъ среди тумана и облаковъ. Внутри ранчо молча сидѣли

тощія, дикія фигуры волканеровъ, закутанныя въ свои индѣйскіе плащи, съ низко на лобъ нахлобученными сомбреро, вокругъ громаднаго огня, который, вспыхивая, освѣщалъ всю картину своимъ темно-краснымъ свѣтомъ. Лошади стояли поблизости, тѣсно прижавшись другъ къ другу, съ опущенными головами. Бѣдныя, усталыя животныя, вѣроятно, предчувствовали, что на завтра имъ предстояла еще болѣе трудная работа. Скоро заснулъ и я крѣпкимъ сномъ, закутавшись въ плащъ и положивъ рядомъ съ собою ружье.

Было три часа утра, когда я проснулся при страшномъ холодѣ. Индѣйцы все еще недвижно лежали, закутанные въ свои плащи. Огонь погасъ, и даже пепелъ остылъ. Съ трудомъ удалось мнѣ разбудить моихъ проводниковъ. Лошадей скоро осѣдлали, и, подкрѣпившись свѣжимъ, горячимъ кофе и здоровымъ глоткомъ водки, мы двинулись снова въ путь, намѣреваясь на этотъ разъ добраться до вершины вулкана. Съ версту ѣхали мы еще сосновымъ лѣсомъ, но едва мы перебрались черезъ широкое и глубокое ущелье и взобрались на противоположную его сторону, какъ очутились среди глубокихъ и рыхлыхъ песковъ чернаго цвѣта, которые окружаютъ подножіе самаго вулканическаго конуса. Ни единое дерево не дерзнуло переступить за поясъ лѣсовъ. Рѣзкой каймой заканчиваются здѣсь древесныя породы и только тамъ и сямъ виднѣется еще мохъ и кустообразные пучки травы — послѣдніе остатки растительной жизни. Ноги нашихъ бѣдныхъ лошадей увязали до самаго верху въ рыхломъ пескѣ; онѣ съ трудомъ дѣлали нѣсколько шаговъ безъ передышки. Изъ широко раздувшихся ноздрей сочилась кровь, глаза выступали изъ орбитъ, дышать было тяжело этимъ рѣдкимъ воздухомъ. Дѣйствительно, ихъ было невыразимо жаль, но, сознавая необходимость беречь свои собственныя силы, мы не могли слѣзть съ нихъ послѣ столь непродолжительной ѣзды. Мой проводникъ, которому я указалъ на безнадежное состояніе животныхъ, только возразилъ: «ничего, все пойдетъ ладно, надо только двигаться не спѣша, poco-a-poco», а мы впослѣдствіи назвали въ шутку вулканъ poco-a-pococatepetl. Два часа медленно тащились мы вверхъ, и я право не знаю, могли ли лошади страдать больше меня, свидѣтеля и въ то же время виновника ихъ неимовѣрныхъ усилій. Наконецъ мы достигли темныхъ утесовъ, называемыхъ Ла-Круцъ, у которыхъ начинается снѣговая линія. Черный застывшій лавовый потокъ спускается отсюда прямо по направленію къ Пуэбло, выступая, подобно хребту, изъ окружающей его вулканической золы. На высшей его точкѣ стоитъ большой черный крестъ, воздвигнутый работающими въ шахтахъ въ память многочисленныхъ несчастныхъ случаевъ, съ которыми до сихъ поръ сопряжено добываніе сѣры. Одни, поскользнувшись на гладкой ледяной поверхности конуса, скатились внизъ съ высоты нѣсколькихъ тысячъ футовъ; другіе наверху, въ кра-

терѣ, уснули отъ усталости, чтобы никогда больше не проснуться; иныхъ застигла лютая вьюга,—среди тумана они сбивались съ пути и падали съ какого-нибудь утеса. Нѣтъ, не такъ-то безопасно восхожденіе на вторую по высотѣ вершину Мексики.

Здѣсь мы сошли съ нашихъ усталыхъ и совершенно изнуренныхъ коней и въ сопровожденіи пеона отослали ихъ обратно въ Тламаку. Теперь за нами была очередь приступить къ работѣ. Я еще разъ крѣпко затянулъ свои кожаныя гамаши, а Діего окуталъ свои ноги толстымъ шерстянымъ тряпьемъ, такъ что скоро онъ сдѣлался похожимъ на страдающаго слоновою болѣзнью. Прежде чѣмъ одѣть темные консервы, чтобы продолжать восхожденіе по ослѣпительной снѣговой поверхности, я еще разъ окинулъ взглядомъ все, что меня окружало, потому что, какъ знать, можетъ быть черезъ какой-нибудь часъ облако прикроетъ всю эту дивную необозримую панораму и открытая книга Мексики, лежащая у моихъ ногъ, закроется. Внизу въ полной красокъ долинѣ ютился полумилліонный городъ, будто селеніе пигмеевъ, а надъ нимъ висѣла легкая тучка. По сторонамъ, какъ мелкіе осколки зеркала, пять большихъ озеръ, а тамъ сотни городовъ, деревень, горъ и рѣкъ лежали будто пестро разрисованная ландкарта у подножья горы, а въ самой дали высокіе береговые хребты Оризабы и Яланы заключали панораму. Окликъ Діего пробудилъ меня отъ моего восторженнаго созерцанія, и мы стали продолжать восхожденіе. Въ продолженіе перваго получаса снѣгъ и вулканическая зола смѣняли другъ друга. Невзирая на мои консервы, снѣжная пелена до того ослѣпляла глаза, что томительно хотѣлось поскорѣе добраться до золы, но стоило только вступить на нее, какъ ноги такъ глубоко увязали, что я опять радовался возможности вырваться на снѣгъ. Чѣмъ выше мы восходили, тѣмъ болѣзненнѣе и затруднительнѣе дѣлался каждый шагъ; каждые пять-шесть шаговъ я принужденъ былъ останавливаться, чтобы перевести дыханіе. Я еще никогда не находился на подобной высотѣ и впервые испытывалъ острую боль въ груди, сильное біеніе сердца и такое давленіе въ вискахъ, отъ котораго, казалось, лопнетъ черепъ. Но неужели же вернуться съ полупути? Никогда! Значитъ, впередъ! Мнѣ показалось, что я иду уже цѣлую вѣчность, а по часамъ прошло всего полчаса. Каждую минуту я посматривалъ вверхъ, отыскивая зубчатые края кратера, и эти голые утесы на вышинѣ 17.800 ф. были теперь для меня единственно желанною цѣлью; но чѣмъ выше мы восходили, тѣмъ грустнѣе и однообразнѣе простиралась безграничная ослѣпительная снѣжная пелена. Въ концѣ-концовъ я впалъ въ состояніе, похожее на тупую невмѣняемость: воспріимчивость и способность мыслить исчезли, я только видѣлъ гладкій, сверху подмерзшій снѣгъ да толстыя ноги Діего, въ слѣды которыхъ я ставилъ свои ноги. Объ опасности я и не думалъ, хотя она и грозила

намъ ежеминутно. Поскользнись кто-либо изъ насъ, и тѣло его, скатившись съ утеса вышиною въ нѣсколько тысячъ футовъ, неминуемо прибыло бы внизъ трупомъ. Какъ разъ за недѣлю такое несчастіе постигло одного пеона, котораго тутъ же и закопали его товарищи. Ему даже еще не успѣли воздвигнуть деревяннаго креста. Все дальше, выше 14, 15, 16 до 17.000 футовъ, и все еще не видно кратера! Да и мнѣ въ сущности стало безразлично: чувствительность наполовину утратилась. Каждые шесть-десять шаговъ мы оба невольно останавливались, чтобы перевести духъ и успокоить наши до крайности возбужденные нервы; затѣмъ снова двигались впередъ, а сверкающій снѣгъ не прерывался ни утесомъ, ни полосой лавы, ни трещиной. Вдругъ я почувствовалъ сильный запахъ сѣры, и въ тотъ же моментъ Діего закричалъ мнѣ: «Aqui està el crater!» Двумя скачками приблизился я къ Діего, и когда моимъ ослѣпленнымъ отъ снѣга взорамъ представилась черная обширная пучина, въ первый моментъ показавшаяся мнѣ необъятно глубокой, я невольно схватился за его руку, нуждаясь въ опорѣ. Потомъ я принужденъ былъ закрыть глаза и, ослѣпленный, усталый, чувствуя головокруженіе, опустился наземь. Діего подалъ мнѣ нѣсколько кокосовыхъ листьевъ; я сталъ жевать ихъ, и они меня какъ будто освѣжили; теперь я все же былъ въ состояніи, несмотря на сильную боль въ вискахъ и въ груди, съ большимъ спокойствіемъ обозрѣть великое чудо природы. Гигантскій котелъ эллиптической формы, объемомъ въ 5 километровъ, а глубиною въ 300 метровъ! Когда я глядѣлъ съ подошвы этой громадной горы, вершина ея казалась почти острымъ, ясно выдѣляющимся на небѣ шпицемъ, а теперь оказалось, что окружность одного кратера равняется 5-ти километрамъ. Почти вертикально спускаются играющія всѣми цвѣтами радуги базальтовыя стѣны въ глубину огненной пучины, свѣтлая сѣра въ большомъ количествѣ залегла во всѣхъ щеляхъ, дымъ и водяные пары, насыщенные сѣрой, подымаются изъ сотни сольфатаръ, разбросанныхъ по всему кратеру, и образуютъ облако, которое, какъ корона, высоко виситъ надъ кратеромъ.

Порывисто и со свистомъ вылетаетъ паръ изъ трещины этой чертовой кухни, и адскій шумъ усиливаетъ еще эхо, происходящее вслѣдствіе многократнаго отраженія звуковъ отъ стѣнъ исполинскаго котла. Я едва дерзнулъ взглянуть за края кратера, сложенные изъ рыхлаго песку, и проникнуть взорами до дна пучины. Самый отважный смѣльчакъ и тотъ содрогнулся бы на узкомъ краю кратера, имѣя, съ одной стороны, у ногъ своихъ исполинскій кратеръ съ его клокочущей глубиной, съ другой—крутой скатъ горы, спускающійся на нѣсколько километровъ. Робко скользятъ взоры вдоль вертикальныхъ базальтовыхъ стѣнъ, по которымъ нѣкогда стекала огненная расплавленная масса изъ нѣдръ земныхъ. Внизу, на днѣ вулкана, раскинулось озеро мо-

лочно-зеленаго цвѣта, а вокругъ сольфатары съ такою силой выбрасываютъ пары, что поднимаютъ цѣлыя глыбы. Вокругъ этихъ предохранительныхъ клапановъ земли въ большомъ количествѣ и въ самыхъ причудливыхъ формахъ осѣла свѣтло-желтая сѣра. Изъ нихъ подымается до самаго верху горячее дыханіе, не дозволяющее Попокатепетлю одѣться до самаго кратера въ свою бѣлоснѣжную горностаевую мантію, которая накинута на его плечи. Массы снѣга толщиною въ 6—10 футовъ лежатъ на зубчатыхъ краяхъ, а обледенѣлая кора снѣговъ заходитъ и дальше, но горячіе пары съ шипѣніемъ говорятъ ей: до сихъ поръ и не дальше! На западѣ край кратера подымается значительно надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ мы стояли, и на этотъ высшій пунктъ Попокатепетля, называемый Нико-Майоръ, еще никто не восходилъ, да онъ и вообще недоступенъ для восхожденія; тотъ же край, на которомъ мы находились, называется «хребтомъ діавола». Пока я восхищался и дѣлалъ снимки съ вулкана, собралась непогода. Старый опытный волкаперъ Діего былъ того мнѣнія, что буря продлится не долго, но совѣтовалъ во всякомъ случаѣ переждать ее, прежде чѣмъ предпринять что-либо дальнѣйшее. Забившись въ одно изъ углубленій кратера, намъ, въ самомъ дѣлѣ, не долго пришлось дожидаться. Сначала глухое клокотанье, а затѣмъ оглушительные раскаты грома возвѣстили приближеніе бури. Паръ и дымъ оставались внутри кратера, только отъ времени до времени вспыхивали желтые и синіе огни изъ пасти сольфатаръ. Жара въ нашемъ убѣжищѣ становилась невыносимой, а между тѣмъ надъ нами неслась ледепящая буря, гоня передъ собой густыя облака снѣга, которыя, приближаясь къ котловинѣ кратера, тотчасъ же таяли. Никогда не забуду тѣхъ жуткихъ часовъ, которые я провелъ здѣсь на вершинѣ, замуравленный среди ледяныхъ глыбъ и въ то же время на краю огненныхъ расплавленныхъ нѣдръ земныхъ. Но и эти минуты прошли не безъ веселыхъ эпизодовъ. Діего, который очень жаловался на жажду, робко взглянувъ на меня, вдругъ вытащилъ изъ своего кармана откупоренную и уже до половины выпитую бутылку шампанскаго, которую онъ прихватилъ изъ моего провіанта въ Тламакѣ. Робко подалъ онъ мнѣ ее, и подкрѣпляющій глотокъ пришелся мнѣ какъ нельзя больше впору. Въ пустую бутылку мы сунули клочокъ бумаги съ написанными на немъ нашими именами и числомъ, а затѣмъ положили ее въ глубину горной трещины. Кто-то ее нашелъ?

Невѣроятнымъ казалось мнѣ, что на этой ледяной вышинѣ въ 17.800 футовъ цѣлыми недѣлями должны жить и работать люди! Но доказательства были налицо: воротъ съ канатомъ и корзиной, приспособленный для спуска рабочихъ и подъема сѣры. Здѣсь лежали тоже плетеные мѣшки, въ которыхъ спускаютъ сѣру по крутому горному

склону до снѣговой полосы. Уже въ теченіе 20 лѣтъ эксплуатируются эти высочайшіе сѣрные рудники земного шара. Когда осядетъ достаточное количество сѣры, волканеры попеременно то работаютъ въ кратерѣ, то отдыхаютъ въ ранчо Тламака. Цѣлую недѣлю въ кратерѣ Попокатепетля! При одной этой мысли мы уже содрогались. Опасность для здоровья и для жизни такъ велика, что волканеры, почти всѣ исключительно индѣйцы, берутъ большую плату за свой трудъ, чтобы впослѣдствіи самимъ заплатить дорогую дань природѣ. Они ужасно подвержены болѣзнямъ дыхательныхъ органовъ, теряютъ зубы и обыкновенно не долго пользуются пріобрѣтеннымъ состояніемъ. Они настолько привыкли къ рѣдкому воздуху, что пребываніе на высотѣ $5^1/_2$ километровъ надъ уровнемъ моря переносится ими легко, но отважься бѣлый провести здѣсь ночь, то предпріятіе это окончилось бы, навѣрное, для него гибелью. Годъ тому назадъ одинъ американецъ поплатился за это своею жизнью.

Непогода пронеслась такъ же скоро, какъ и налетѣла, и мы выползли изъ своей засады. Вѣроятно, въ этотъ день я былъ единственнымъ человѣкомъ во всемъ Божьемъ мірѣ, который находился на подобной высотѣ, если, конечно, не предположить, что въ этотъ же самый день новый Гумбольдтъ взошелъ на Чимборасо или второй Шлагинвейтъ на вершины Гималая. 17.800 футовъ надъ уровнемъ моря, которое омываетъ континентъ на 200 кил. къ востоку отъ меня и которое, какъ мнѣ казалось, я различаю въ самой дали рядомъ съ сахарной головой Оризабы! 3.000 футовъ выше Монблана—высочайшей вершины Европы. Но когда я взглянулъ на небо, какъ разъ надо мной горделиво носился орелъ! Какимъ несчастнымъ и безпомощнымъ показался я самому себѣ въ сравненіи съ нимъ! Если бы мнѣ имѣть его крылья хоть на нѣсколько мгновеній! Я, конечно, не воспользовался бы ими для того, чтобы подняться на эти высоты, а чтобы какъ можно скорѣе и удобнѣе спуститься изъ этихъ полярныхъ мѣстъ внизъ къ тропикамъ, лежащимъ у моихъ ногъ.

Полярные и тропическіе пояса и все, что между ними заключается, все это помѣщается здѣсь на небольшомъ клочкѣ земли на протяженіи нѣсколькихъ километровъ. Въ два дня я прошелъ по порядку всѣ пояса земли. Вздумай я продѣлать то же самое на плоской поверхности, то мнѣ пришлось бы, считая отъ Амекамеки, сдѣлать путешествіе въ 4000 километровъ къ сѣверу. Отправляясь по 99^0 западной долготы, меридіану Попокатепетля, въ Мексикѣ я бы пересѣкъ тропическій поясъ, въ Техасѣ—поясъ кактусовъ, въ Іовѣ и Миссури—поясъ хлѣбныхъ растеній, у Канадскихъ острововъ—поясъ лѣса, у Гудзонова залива — границу растительности, а чтобы добраться до пояса вѣчныхъ снѣговъ, которые я здѣсь нашелъ всего въ 20-ти километрахъ отъ Амекамеки, мнѣ бы пришлось отправиться къ недоступнымъ ледянымъ пространствамъ Баффиновой земли.

Конечно, такъ размышлялъ я только впослѣдствіи. Находясь же на остромъ краю кратера и балансируя между льдомъ и огнемъ, я былъ въ такомъ состояніи, что голова моя совсѣмъ не была на то способна. Мнѣ было очень холодно, такъ какъ, несмотря на полдень, термометръ показывалъ 5° ниже нуля, и въ мою душу закралось тайное желаніе поскорѣе вернуться въ привѣтливую хижину Тламаки съ ея теплымъ огнемъ. А вѣдь вчера еще она мнѣ казалась такой неприглядной, тогда какъ сегодня стала единственнымъ предметомъ всѣхъ моихъ вожделѣній. Какъ хорошо бы было быть теперь уже внизу, въ лѣсахъ! Какъ прекрасна природа тамъ, у подножія горы, а отсюда она мнѣ казалась еще куда заманчивѣе. Діего, который, вѣроятно, раздѣлялъ мои желанія, поспѣшилъ къ вороту и, доставъ плетеный мѣшокъ, положилъ его на снѣгъ у края кратера. Я сѣлъ на него, держа между ногъ веревку, прикрѣпленную къ срединѣ его; Діего помѣстился позади и обхватилъ меня ногами. Еще послѣдній взглядъ на кратеръ, толчокъ — и мы во весь духъ понеслись внизъ по гладкой снѣжной поверхности конуса. Съ обѣихъ сторонъ клубились густые хлопья снѣгу, подобно пѣнѣ, которую оставляетъ за собой корабль, разрѣзая волны. Леденящій воздухъ пронизывалъ насъ насквозь; несмотря на теплое одѣяніе, мы страшно зябли, но, съ другой стороны, невыразимый страхъ бросалъ меня въ жаръ. Что, если мы наткнемся на скрытый подъ снѣгомъ утесъ? Что, если снѣговая лавина засыплетъ насъ? Что, наконецъ, если при нашемъ быстромъ необуздномъ полетѣ мы слишкомъ быстро подкатимъ къ краямъ обрыва и полетимъ въ ущелье? Но быстрѣе нашихъ мыслей и опасеній стрѣлой летѣли мы внизъ по ослѣпительно бѣлымъ склонамъ горы. Я закрылъ глаза и превратился весь въ ожиданіе тѣхъ ужасовъ, которые должны были приключиться, какъ мы уже очутились на жесткомъ голомъ пескѣ, лежащемъ у снѣговой границы.

Отсюда предстояло еще идти два часа до ранчо Тламаки. Миновали эти два часа, и вечеромъ при яркомъ огнѣ мы роспили послѣднюю бутылку шампанскаго, родная сестра которой, лишенная своего содержимаго, можетъ быть, еще до сего дня мерзнетъ въ кратерѣ Попокатепетля.

По Юкатану.

(Патканова.)

Въ два часа пополудни нашъ маленькій поѣздъ мѣстной узкоколейной желѣзной дороги вышелъ изъ Мериды *). Жара стояла ужасная, особенно въ вагонахъ, несмотря на открытыя двери и окна. Прорѣзавъ

*) Главный городъ Юкатана.

окраины города, поѣздъ на протяженіи многихъ миль тянулся чрезъ безконечныя плантаціи агавъ, частью молодыхъ, частью уже зрѣлыхъ съ листьями, обрѣзанными снизу наполовину высоты растенія.

Плантаціи эти содержатся довольно чисто и обнесены невысокой изгородью изъ нагроможденнаго плитняка. Съ ними чередуются пустопорожнія невоздѣланныя пространства, поросшія акаціями со снѣлыми пучками сѣрыхъ стручковъ, разными кустами и сорными травами, обвитыми разноцвѣтными мелкими вьюнками. Вообще, пейзажъ, какъ почти всюду въ Юкатанѣ, не отличается ни красотой, ни разнообразіемъ. Не даютъ его и деревеньки, разбросанныя около станцій. Онѣ состоятъ изъ болѣе или менѣе значительной группы жердяныхъ домиковъ съ травяной крышей, окруженныхъ садиками изъ тѣхъ же акацій, мимозъ и другихъ кустообразныхъ растеній. Вблизи такой деревушки обыкновенно видны небольшія поля маиса, бобовъ и банановъ, но всегда весьма небольшихъ размѣровъ.

Населеніе, преимущественно индѣйское, съ небольшою примѣсью метисовъ, держитъ себя столь же чинно и скромно, какъ вездѣ. Не слыхать на здѣшнихъ станціяхъ ни шуму, ни гаму, нѣтъ здѣсь также жалкихъ нищихъ, своимъ ужаснымъ видомъ старающихся разжалобить туристовъ. На нѣкоторыхъ станціяхъ молодыя индѣянки, а иногда и дѣти приносили для продажи въ плоскихъ корзинахъ маисовыя лепешки, вареные початки, бананы и рѣдко другіе съѣстные припасы. Вообще же мѣстные жители такъ бѣдны и такъ мало производятъ плодовъ и овощей, что имъ и продавать нечего. Отсутствуютъ всегда, какъ и на болѣе крупныхъ рынкахъ, продукты молочнаго хозяйства, такъ какъ индѣйцы не имѣютъ ни скота, ни лошадей. Среди припасовъ особенно хороши оказались tortillas; онѣ весьма тонки и нѣжны и имѣютъ особый ароматъ, такъ что напоминаютъ скорѣе печенье. Если ихъ сравнить, напримѣръ, съ грубымъ и тяжелымъ маисовымъ хлѣбомъ, который приготовляютъ горные жители Кавказа, то невольно можно признать ихъ за своего рода совершенство хлѣбопекарнаго искусства. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что съ маисомъ туземцы Америки освоились еще за много столѣтій до пришествія въ страну бѣлыхъ и что приготовленіе этихъ лепешекъ довольно хлопотливо и сопряжено со значительною потерей времени. Зрѣлые початки мочатъ въ известковомъ молокѣ, потомъ зерна растираютъ между камнями и приготовленное изъ нихъ тѣсто жарятъ на раскаленныхъ камняхъ.

Въ шестомъ часу, когда стало смеркаться, появились миріады свѣтляковъ, которыми были буквально унизаны травы и кусты. Постоянно перелетая съ мѣста на мѣсто, эти граціозные жучки имѣли въ темнотѣ видъ золотыхъ ниточекъ. Пролетѣвъ нѣкоторое разстояніе, эти золотыя ниточки быстро потухали, чтобы засвѣтиться въ другомъ мѣстѣ.

Число ихъ въ общемъ такъ велико, что получалось впечатлѣніе, будто идетъ огненный дождь, съ красотой котораго не можетъ сравняться никакой фейерверкъ. Нѣсколько жучковъ влетѣли чрезъ открытое окно къ намъ въ вагонъ; я поймалъ ихъ и убѣдился, что они весьма сходны съ нашими сѣверными свѣтляками. Сидѣвшій рядомъ со мной молодой юкатанецъ, увидѣвъ во мнѣ иностранца, обращающаго вниманіе на столь обыденное явленіе, сообщилъ мнѣ на ломаномъ французскомъ языкѣ, что въ этихъ краяхъ водятся и болѣе крупные жуки, которые свѣтятся еще сильнѣе. Объ этихъ послѣднихъ жукахъ изъ семейства златокъ (Buprestis), называемыхъ Pyrophorus, я слышалъ еще раньше. Они составляютъ весьма характерное и красивое туземное украшеніе дамъ на балахъ. Ихъ живыми зашиваютъ въ кисею и образуютъ изъ нихъ колье вокругъ шеи; носятъ ихъ и въ волосахъ. Говорятъ, что подобное украшеніе придаетъ смуглымъ головкамъ красавицъ пичѣмъ незамѣнимый блескъ. Но зато красавицы и берегутъ своихъ жучковъ. По окончаніи бала ихъ купаютъ, сажаютъ до слѣдующаго праздника въ маленькую клѣточку изъ прутиковъ и кормятъ сахарнымъ тростникомъ. Въ особенномъ изобиліи эти жучки водятся въ штатахъ, лежащихъ при Мексиканскомъ заливѣ, какъ-то: Вера-Круцъ, Кампетъ и другъ.

Когда мы прибыли въ Тикуль, было совсѣмъ темно, и я, боясь заблудиться въ пустынныхъ улицахъ, сѣлъ въ первый попавшійся, впрочемъ, вполнѣ приличный, экипажъ и велѣлъ везти себя въ гостинницу.

На другой день я нанялъ для дальнѣйшаго путешествія двухколесный фургончикъ. Этотъ фургончикъ, называемый vollan'омъ, совмѣщая въ себѣ два неоцѣнимыя для всякаго экипажа качества, легкость и прочность, представляетъ изъ себя повозку, чрезвычайно удобную и практичную для разъѣздовъ по каменистымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ.

Фургончикъ состоитъ изъ деревяннаго остова, который крытъ грубымъ холстомъ или брезентомъ, окрашеннымъ въ голубой цвѣтъ. Этотъ покровъ прикрѣпленъ прочно лишь къ верху повозки, а съ боковъ свѣшивается въ видѣ фартуковъ, которые можно по желанію опустить, защищаясь отъ жары или дождя, или, напротивъ, поднять кверху, сдѣлавъ экипажъ совершенно открытымъ. Прибавлю еще, что, во избѣжаніе возможности потерять что-либо изъ повозки, къ нижней части ея боковыхъ стѣнокъ прикрѣплены еще полосы брезента.

Размѣстившись поудобнѣе со своими спутниками, мы тронулись въ путь. Дорога, по которой мы теперь ѣхали, соединяла лишь гациенды или большія помѣстья, въ виду чего оказалась узка и мѣстами, особенно на подъемахъ, загромождена камнями. Но наша тройка муловъ не обращала никакого вниманія на этого рода препятствія и, подгоняемая кнутомъ и возгласами hilo! hilo! нашего возницы, юнаго метиса, бодро и

ровно мчалась впередъ, кое-гдѣ заставляя волановъ дѣлать на грудахъ камней скачки вверхъ и въ стороны, отъ которыхъ мы ударялись объ его стѣнки и другъ о друга.

Вблизи города путь пролегалъ чрезъ агавовыя плантаціи, а потомъ чрезъ молодой лѣсъ, который тянулся съ небольшими перерывами вплоть до гаціенды Uxmal. Въ этомъ лѣсу преобладали мимозы и акаціи, ревниво охранявшія дорогу и протягивавшія навстрѣчу другъ другу свои вѣтви, украшенныя соцвѣтіями въ видѣ розовыхъ и бѣлыхъ пушистыхъ шариковъ или, чаще, пучками зрѣлыхъ стручковъ, то коричневаго цвѣта и часто огромныхъ размѣровъ, то болѣе мелкихъ вишневаго, а при проходящемъ свѣтѣ — ярко-краснаго цвѣта. По случаю поздняго времени года большая часть цвѣтущихъ растеній была покрыта плодами, и цвѣтовъ встрѣчалось сравнительно немного.

У самой дороги стелются и взбираются на ближайшіе кусты вездѣсущіе вьюнки—бѣлаго, нѣжно-голубого и другихъ цвѣтовъ. Не меньшую красоту придавали этимъ, впрочемъ довольно однообразнымъ, лѣснымъ дорогамъ и мотыльки всевозможныхъ, часто весьма яркихъ и причудливыхъ сочетаній цвѣтовъ, порхавшіе вокругъ нашей повозки, и соперничавшая съ цвѣтами яркостью своей окраски прелестная птичка Mariposa («бабочка») изъ рода колибри и небесно-голубая Chele. Эти птички изрѣдка перелетали черезъ нашу дорогу или неслись вдоль нея, гоняясь за мухами и коромыслами.

Но въ общемъ лѣсная природа Юкатана оказалась неизмѣримо бѣднѣе, чѣмъ можно было ожидать. Видно, что почва, состоящая изъ чистаго известняка и покрытая лишь тонкимъ слоемъ перегноя и его смѣсью съ известью, въ особенности при отсутствіи проточной воды, не въ состояніи даже подъ столь низкой широтой произвести тѣхъ лѣсныхъ великановъ и вообще ту разнообразную и роскошную растительность, которою отличаются другія прибрежныя и подтропическія провинціи Мексики. Даже садоводство встрѣчаетъ здѣсь немало затрудненій; часто приходится вырывать для растеній въ известнякѣ большія ямы и заполнять ихъ землей, привезенною изъ другихъ мѣстъ, а также прилагать заботу къ правильному искусственному орошенію.

Проѣхали какую-то гаціенду, видную уже издали по ея пальмовому саду, и опять углубились въ молодой лѣсъ, который почти сплошь покрываетъ эту часть Юкатана. У слѣдующей гаціенды мы сдѣлали остановку, такъ какъ проѣхали полпути. Въѣхавъ въ каменную ограду, которая повсемѣстно въ Мексикѣ опоясываетъ жилыя строенія, службы и обширные внутренніе дворы (patios), мы остановились передъ воротами барскаго дома. Пока наши мулы отдыхали, мы осматривали строенія, службы и сады гаціенды. Главный patio вымощенъ передъ домомъ

плитнякомъ и имѣетъ красивый и своеобразный видъ. Стройныя кокосовыя пальмы со свѣшивающимися, почти зрѣлыми плодами образуютъ по его окраинамъ живописныя группы съ тополями, густолиственными лавровыми, манговыми и другими южными деревьями и своею разнообразною зеленью составляютъ рѣзкій контрастъ съ бѣлыми и мѣстами почернѣвшими отъ времени стѣнами строеній и оградъ, воздвигнутыхъ въ отдаленное время.

Въ одномъ углу двора четыре индѣянки вертѣли подъ палящимъ солнцемъ крестообразный воротъ для подъема воды изъ колодца; справа былъ виденъ тѣнистый садъ, слѣва какое-то небольшое, тоже каменное зданіе, около котораго суетились босоногіе индѣйцы. Это строеніе оказалось фабрикой, гдѣ подвергаются обработкѣ листья агавъ для добычи волокна.

Агавы сажаются правильными рядами на извѣстной площади земли. Дальнѣйшій уходъ за этими растеніями состоитъ лишь въ томъ, что два раза полютъ около нихъ сорныя травы. Когда насажденія достигнутъ зрѣлаго возраста, что бываетъ на пятомъ году, работающіе на плантаціи индѣйцы ежегодно обрѣзаютъ нижніе листья растеній, которые при этомъ связываются въ пучки и на мулахъ или при помощи рельсоваго пути подвозятся къ фабрикамъ. Агавы даютъ такого рода жатвы вплоть до цвѣтенія, т.-е. въ теченіе шести лѣтъ, когда онѣ отмираютъ и замѣняются новыми. Листья же подвергаются на фабрикѣ переработкѣ на спеціальныхъ машинахъ, которыя ихъ дробятъ и отдѣляютъ мязгу отъ волоконъ. Волокна вынимаются горстями и вѣшаются на горизонтальныя жерди для сушки, потомъ прессуются въ видѣ кубическихъ тюковъ и въ такомъ видѣ идутъ въ продажу.

Живущіе при гаціендахъ индѣйцы, получающіе за день въ недѣлѣ, который они обязаны работать на поляхъ хозяина, небольшіе клочки земли для собственнаго пользованія, также отчасти разводятъ агавы, но обрабатываютъ ихъ ручнымъ способомъ, при чемъ при усиленномъ трудѣ, къ тому же сильно портящемъ руки, не въ состояніи заготовить значительное количество волокна. Мязга агавовыхъ листьевъ, составляющая отбросъ этого производства, отчасти употребляется въ качествѣ корма для рогатаго скота, хотя она и не можетъ замѣнить хорошее сѣно, которое доставляется сюда, какъ это ни странно, моремъ изъ Соединенныхъ Штатовъ. Главный недостатокъ мязги въ качествѣ кормового вещества состоитъ въ ѣдкости заключающагося въ ней сока, который при долгомъ употребленіи вредно отзывается на организмѣ животныхъ.

Значеніе волоконъ агавы для страны громадное. На невзрачномъ растеніи, изъ котораго они добываются, зиждется все благосостояніе Юкатана: оно доставляетъ работу тысячамъ людей, занимающихся его

культурой, выдѣлкой, перевозкой и нагрузкой получаемаго изъ него волокна; оно составляетъ главный источникъ доходовъ мѣстныхъ помѣщиковъ; благодаря ему въ краѣ существуютъ желѣзныя дороги, занимающіяся доставкой его въ порты, и ему, наконецъ, Юкатанъ обязанъ своимъ правильнымъ сообщеніемъ съ Соединенными Штатами Америки. Осмотрѣвъ фабрику, мы отправились въ смежный садъ, въ которомъ въ большомъ порядкѣ были разсажены разныя плодовыя деревья: манговыя, апельсинныя, кофейныя и другія, мнѣ мало знакомыя. Всѣ эти деревья отличались роскошнымъ развитіемъ и были увѣшаны полузрѣлыми плодами, при чемъ особенно поражали своими размѣрами апельсины, принадлежащіе однако къ другой породѣ, чѣмъ тѣ, которые культивируются въ южной Европѣ и Калифорніи. Эти апельсины, отличающіеся грязнымъ буро-краснымъ цвѣтомъ кожи и горьковатымъ вкусомъ, находятъ хорошій сбытъ въ Меридѣ. Вообще же фруктовый садъ въ этихъ мѣстахъ можетъ приносить доходъ лишь при условіи искусственнаго орошенія, ради котораго весь садъ изборожденъ выложенными плитнякомъ канавами, отъ которыхъ имѣется стокъ къ корню каждаго дерева. Въ настоящее время разведеніе плодовыхъ деревьевъ, кофе, какъ и хлопка, въ Юкатанѣ ничтожно и въ качествѣ источника благосостоянія жителей никакого значенія не имѣетъ.

Природа Флориды.

(Тренча Тоуншенда.)

Мы подъѣхали къ длинной деревянной пристани, ыдающейся въ рѣку, и огоньки, свѣтящіеся на берегу, лай собакъ и пѣніе пѣтуховъ возвѣстили намъ, что мы прибыли въ маленькое мѣстечко Монате. Мы побрели вдоль по пристани съ багажомъ на спинѣ къ деревянному дому въ двадцати ярдахъ отъ насъ, почти спрятанному въ чащѣ апельсинныхъ, лимонныхъ и банановыхъ деревьевъ, вывѣска на которомъ гласила крупными буквами: «Sudge Gatès Hause». Сильный стукъ въ двери разбудилъ заспавшаго и угрюмаго хозяина, пробормотавшаго, что гостиница полна; однако послѣ нѣкоторыхъ объясненій мы получили право на входъ и позволеніе спать на полу, вслѣдствіе чего мы разостлали наши постели, сняли мокрыя отъ тумана и соленой воды платья и навѣрное крѣпко бы уснули, если бы то позволили блохи и другія насѣкомыя.

Деревня Монате находится на южномъ берегу рѣки того же имени, въ шести миляхъ отъ ея устья. Это хорошенькое маленькое мѣстечко; каждый домъ окруженъ густыми чащами апельсиновыхъ, лимонныхъ и банановыхъ деревьевъ. Оно расположено на полосѣ песчаной земли

въ полмили шириною, покрыто хвойнымъ лѣсомъ и считается очень здоровымъ.

Позади пояса сосенъ и пальмочекъ разстилаются такъ называемые гаммоки. Гаммокъ составляетъ особенность Флориды и состоитъ изъ жирнаго рѣчного ложа, недостаточно влажнаго для того, чтобы назваться болотомъ, покрытаго сплошною чащей гидрангеи, сумахи, травы не тронь меня, лобеліи, квассіи, сенны и многихъ другихъ травъ, пробковыми деревьями, капустными пальмами, хлопчатниками, магноліями, красными и черными кленами и сладкою камедью, кипарисами и проч. и окаймленнаго дикимъ виноградникомъ, конвольвулусомъ и другими вьющимися растеніями.

Эти естественныя углубленія постепенно наполнялись растительными остатками, приносимыми съ возвышенностей; это дѣлаетъ ихъ чрезвычайно тучными и вмѣстѣ съ тѣмъ очень нездоровыми. Поэтому мѣстные жители поселяются на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, между которыми гаммоки разбросаны на разстояніи нѣсколькихъ миль; отсюда люди могутъ обрабатывать жирныя низменности, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ маляріи, являющейся вслѣдствіе разложенія растительныхъ остатковъ.

Кромѣ гаммоковъ и хвойныхъ лѣсовъ, провинціи Флориды по большей части покрыты лугами, состоящими изъ низкорастущихъ пальмочекъ и травы, на которой пасется множество стадъ; по этимъ лугамъ разсѣяны озера, окаймленныя высокою травой; полосы сосноваго и пальмоваго лѣса, которыя туземцы называютъ островами, пересѣкаютъ ихъ.

Во всѣхъ этихъ провинціяхъ гаммоки до сихъ поръ представляютъ непроходимыя джунгли, постоянное пребываніе дикихъ звѣрей, пресмыкающихся, насѣкомыхъ и безчисленныхъ птицъ съ яркимъ опереніемъ и чуднымъ пѣніемъ, между тѣмъ какъ рѣки и лиманы изобилуютъ рыбой, которая достается охотнику гораздо легче, нежели крупная дичь.

Мы рѣшились проникнуть дальше внутрь страны и остановиться въ Монате только для изслѣдованія рѣки и бухты у селенія Тампа.

Одинъ полякъ, поселенецъ въ Монате, любезно одолжилъ намъ очень маленькую парусную лодку, въ которой мы проводили на водѣ почти цѣлый день; погода была всегда прелестная, и прохладный вѣтерокъ съ залива поднимался аккуратно въ 10 часовъ утра. Днемъ термометръ обыкновенно стоялъ на 24° R. въ тѣни, и самое жаркое время было отъ 7 до 10 ч. утра, когда стоялъ томительный жаръ и ни одно дуновеніе вѣтерка не смягчало палящихъ лучей солнца. Въ 6 часовъ пополудни вѣтерокъ упадалъ одновременно съ солнечнымъ закатомъ и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ дѣлалось очень душно, пока густая роса не освѣжала разгоряченную землю.

Ночи всегда были достаточно свѣжи, чтобы не препятствовать спо-

койному сну; москиты также не были въ такомъ количествѣ, чтобы сдѣлать необходимыми сѣтки или bars на мѣстномъ нарѣчіи.

Ширина рѣки доходитъ отъ одной до двухъ миль на протяженіи почти пятнадцати миль къ востоку отъ поселенія, послѣ чего она суживается до пятидесяти ярдовъ *); надъ ней свѣшиваются капустныя пальмы, дубы и другія деревья; вода сперва становится солоноватой, затѣмъ прѣсной, но никогда не бываетъ годна для питья. Между группами дубовъ, наклоненныхъ надъ рѣкой, мы замѣтили нѣсколько индѣекъ и были видны слѣды краснаго звѣря, приходившаго на водопой; изрѣдка появлялся аллигаторъ, которыхъ тамъ было мало.

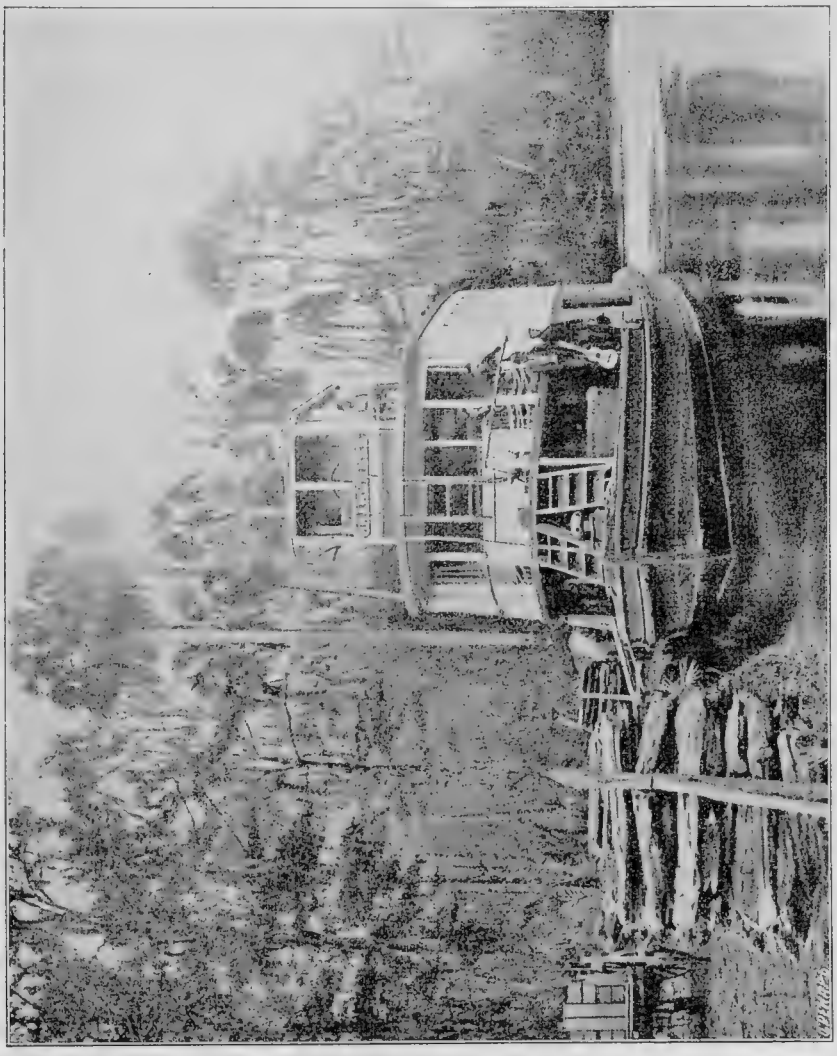
Иногда мы спускались внизъ по рѣкѣ мимо болотъ и камышевыхъ кустовъ къ устью. Отсюда къ сѣверу находится Тампа, главное поселеніе на юго-западномъ берегу Флориды.

Мѣстные жители главнымъ образомъ занимаются торговлей скотомъ, и вывозъ скота и свиней въ Кубу представляетъ обширную и выгодную промышленность. Устрицы въ бухтѣ знамениты своимъ вкусомъ; ихъ также вывозятъ, но зато мало заботятся объ извлеченіи выгодъ изъ громаднаго количества здѣшней рыбы. Большая часть домовъ поселенцевъ окружена апельсиновыми деревьями, какъ и въ Монате, но пространство обработанной земли въ окрестностяхъ очень ограничено.

Доставъ за шесть долларовъ въ день телѣгу, запряженную мулами, съ расторопнымъ малымъ въ качествѣ кучера и проводника, мы въ половинѣ февраля выѣхали къ озерамъ Міакка, лежащимъ въ двадцати пяти миляхъ къ юго-западу отъ бухты Тампа, такъ какъ насъ увѣряли, что эта часть провинціи изобилуетъ крупною дичью и что индѣекъ тамъ такое множество, что ихъ можно сотнями сбивать съ деревьевъ. Въ то же время насъ предупредили, что нашъ путь будетъ не легокъ — предсказаніе, которое оказалось совершенно справедливымъ. Переѣхавъ полосу хвойнаго лѣса, на которой расположено поселеніе Монате, мы вскорѣ выѣхали въ гаммокъ, лежащій за селеніемъ, и очутились въ густомъ джунглѣ высокихъ капустныхъ пальмъ, дубовъ и ивъ, въ которомъ ярко-зеленые листья дикаго винограда и другихъ ползучихъ растеній образовали надъ нашими головами прелестную крышу, защищавшую насъ отъ жгучаго солнца. Цѣлый легіонъ пѣвчихъ птицъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялся сладкозвучный пересмѣшникъ, распѣвали почти на каждомъ деревѣ, а цвѣтущіе кустарники придавали еще большую прелесть этой чудной картинѣ; снизу поднимался острый запахъ разложившихся растительныхъ остатковъ. Сквозь черную почву просачивалась вонючая вода, и ядовитая змѣя проскальзывала между ногами мула, когда мы переѣзжали черезъ низменную

*) Ярдъ = 3 футамъ.

часть болота. Переѣхавъ гаммокъ, мы добрались до сосноваго лѣса, гдѣ была маленькая сахарная плантація, послѣ чего мы выѣхали на безотрадную голую степь, которая покрываетъ почти всю внутренность южной Флориды.



На рѣкахъ Флориды.

Я не знаю мѣстности, гдѣ путешествовать было бы такъ непріятно, какъ въ этихъ флоридскихъ преріяхъ, гдѣ голову и тѣло жжетъ солнце, а ноги обдираютъ острые зубцы колючихъ растеній, повреждая платье и нанося чувствительныя раны. Горизонтъ окаймленъ отдаленными сосновыми «островами», и животная жизнь представлена единственно

стадами худого, полудикаго скота, который находитъ скудную пищу въ травѣ, растущей на мѣстахъ, гдѣ пальмовые кустарники выжжены пастухами.

Мы дѣлали около двухъ миль въ часъ, не имѣя другой дороги, кромѣ песчаной тропинки черезъ преріи, гдѣ корни пальмочекъ позволяли намъ подвигаться медленно и съ затрудненіями, между тѣмъ какъ въ лѣсахъ намъ приходилось топоромъ прокладывать путь нашей телѣгѣ чрезъ повалившіяся деревья, полуобгорѣлые пни и другія препятствія.

Множество болотистыхъ прудовъ было разбросано по степи; при нашемъ приближеніи оттуда поднимались дикія утки, зуйки и стаи великолѣпныхъ большихъ бѣлоснѣжныхъ цапель. Поверхность воды, по большей части вонючей, была покрыта разноцвѣтными водяными лиліями, надъ которыми показывались головы большихъ и маленькихъ аллигаторовъ.

Въ сосновыхъ островахъ величественно выступали большіе черные журавли, и ихъ громкій крикъ раздавался въ воздухѣ за цѣлыя мили, когда они убѣгали, испуганные выстрѣлами нашихъ ружей.

Намъ не пришлось встрѣтить никакой четвероногой дичи, за исключеніемъ одинокаго сѣраго волка, который угощался вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями отвратительныхъ птицъ гніющими остатками коровы.

Около полуночи громкій лай собакъ возвѣстилъ наше прибытіе къ дому поселенца, по имени Д. Гуффъ, богача фермера, который гостепріимно насъ принялъ.

Жилыя помѣщенія во Флоридѣ строятся почти одинаково какъ на фермахъ, такъ и на плантаціяхъ и въ деревняхъ. Основныя бревна подняты на два или три фута надъ поверхностью земли и лежатъ на деревянныхъ, каменныхъ или кирпичныхъ столбахъ; на этихъ балкахъ лежатъ капитальныя стѣны, обшитыя простыми досками; такимъ же образомъ сдѣланы внутреннія перегородки. Широкія веранды, называемыя піаццами (piazzas), покрытыя выдающеюся впередъ гонтовою крышей, идутъ вдоль передней и задней стороны дома, служа такимъ образомъ защитой отъ солнца, что такъ необходимо въ этомъ климатѣ. Передняя и задняя стороны дома соединены обыкновенно широкимъ коридоромъ, сквозь который устроенъ такой сквозной вѣтеръ, что его достаточно, чтобы прогнать вѣчно безпокоящихъ песчаныхъ мухъ и москитовъ.

Наша ежедневная прогулка для отысканія дичи была по направленію верхняго озера Міакка, въ одной милѣ разстоянія отъ дома, чрезъ сосновый лѣсъ съ подлѣскомъ изъ пальмочекъ. Лужи, оставшіяся послѣ разлива озера, кишѣли аллигаторами; въ одной такой лужѣ, въ пятьдесятъ ярдовъ въ діаметрѣ, я насчиталъ тридцать пять этихъ отвра-

тительныхъ пресмыкающихся, имѣющихъ отъ восьми до двадцати футовъ длины. Сначала мы испытывали непріятное чувство, отправляясь за утками по водѣ и грязи до самаго пояса и зная, что каждый изъ нашихъ шаговъ могъ привести насъ на спину аллигатора, зарытаго въ тинѣ, вѣроятно слѣдствіемъ чего была бы потеря ноги, но такъ какъ подобнаго случая не было, мы скоро позабыли нашъ страхъ. На озерѣ мы нашли нѣсколько дюжинъ разныхъ видовъ утокъ, хотя большія стада уже начали переселяться на сѣверъ; мы часто также встрѣчали выдръ, плавающихъ между водяными лиліями; ихъ ловятъ въ большомъ количествѣ какъ на озерѣ Міакка, такъ и на Нижнемъ, или озерѣ Вандершъ.

Позади озеръ разстилается большая низменность, которая, совершенно затопленная въ дождливое время года, постепенно показывается по мѣрѣ пониженія воды и быстро покрывается травой, какъ скоро высохнетъ илъ.

Эта трава простирается отъ края воды до высокихъ прерій и сосновыхъ лѣсовъ и представляетъ превосходное пастбище для многочисленныхъ стадъ, принадлежащихъ главнымъ образомъ Д. Буффу и его родственникамъ. Стада эти, чрезвычайно изнуренныя, пока ихъ пастбище по случаю разлива ограничивается голою преріей, дѣлаются, напротивъ, настолько же жирными, когда начинаютъ пастись на сочной травѣ низменности. Свиньи также теряютъ свою собачью наружность, составляющую особенность какъ домашней, такъ и дикой флоридской свиньи, а лошади, которыхъ пригоняютъ большими табунами съ сѣвера, тоже отгуливаются, когда ихъ оставляютъ нѣсколько мѣсяцевъ пастись на волѣ на этихъ естественныхъ пастбищахъ.

На берегахъ озера Міакка мнѣ въ первый разъ случилось попробовать «капусту» капустной пальмы рода Chamaerops, которою изобилуетъ Флорида. Хотя она растетъ и на сѣверѣ почти до устья рѣки С. Джонъ, но тамъ она имѣетъ нѣсколько захирѣвшій видъ, зато на югѣ полуострова это одно изъ прекраснѣйшихъ деревьевъ. Возвышаясь прямымъ и граціознымъ стволомъ на высоту отъ шестидесяти до ста двадцати футовъ, она вдругъ раскидывается массой темно-зеленыхъ вѣерныхъ листьевъ; въ серединѣ этой массы подъ защитой множества волоконъ находится нѣжный бѣлый отпрыскъ, называемый капустой, который опытный человѣкъ легко можетъ вырѣзать охотничьимъ ножомъ. Вкусомъ онъ походитъ на каштанъ; его ѣдятъ въ сыромъ и вареномъ видѣ. Во время междоусобной войны южные солдаты ѣли это растеніе въ большомъ количествѣ. Вырѣзываніе «капусты» ведетъ за собой уничтоженіе дерева, которое столь же полезно, сколько и красиво. Листья служатъ превосходною защитой отъ непогоды, и пальмовый шалашъ можно выстроить въ нѣсколько минутъ. Стволъ капустной пальмы

не разрушаетъ ни вода, ни насѣкомыя, а потому его часто употребляютъ для постройки длинныхъ быковъ, на которыхъ устраиваютъ пристани на рѣкахъ или приморскихъ берегахъ Флориды, гдѣ по случаю мелководья корабли не могутъ подходить къ берегу ближе, какъ на разстояніе двухъ-или трехсотъ ярдовъ.

Каждое утро, за полчаса до солнечнаго восхода, въ нашемъ кочевьѣ пробуждалъ насъ истинно удивительный хоръ птицъ и насѣкомыхъ. Казалось, вся тварь пробуждалась къ дѣятельной жизни такъ же быстро, какъ день смѣняется ночью и ночь смѣняетъ день въ этихъ широтахъ. Громкій раздирающій крикъ песчаныхъ журавлей, крикъ выпей, цапель и ибисовъ, смѣшанное кряканье огромныхъ стай дикихъ утокъ, болтовня попугаевъ, пѣніе сотенъ пѣвчихъ птицъ, жужжаніе милліоновъ насѣкомыхъ—все соединялось въ оглушительный концертъ. По мѣрѣ того какъ солнце быстро поднималось надъ вершинами сосенъ, различные звуки постепенно умолкали и въ продолженіе полуденной жары наступала мертвая тишина, которая снова нарушалась, какъ только вечернее солнце спускалось къ западу. Звуки замолкали съ исчезновеніемъ солнца такъ же быстро, какъ начинались утромъ. Тишину полуночи прерывали крики совъ и ночныхъ птицъ и еще болѣе дикіе голоса волковъ, пантеръ, оцелотовъ и аллигаторовъ. Въ лѣсахъ и болотахъ Флориды полная тишина бываетъ только во время полуденной жары, что представляетъ удивительный контрастъ съ подавляющей тишиной обширныхъ сѣверныхъ лѣсовъ во время дня.

Огромныя стада свиней расплодились по всему Флоридскому полуострову. Онѣ бродятъ по лѣсамъ въ полудикомъ состояніи, отыскивая себѣ необходимую пищу, питаясь плодами дубовъ, пальмъ и другихъ деревьевъ, разбросанныхъ по лѣсамъ и гаммокамъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прибытія въ домъ фермера у него собралась компанія изъ шести такихъ дюжихъ и храбрыхъ молодыхъ людей, какихъ только можно было пожелать для совмѣстной охоты въ дикой странѣ.

Двѣ телѣги, запряженныя волами, везли ружья, амуницію и багажъ всей компаніи. Для выгонки дичи изъ густой чащи и для защиты лагеря въ наше отсутствіе насъ сопровождали четыре болѣе или менѣе чистокровныя кубанскія собаки, потомки тѣхъ животныхъ, которыхъ въ прежнее время наши товарищи употребляли для преслѣдованія бѣглыхъ невольниковъ.

Мы выѣхали въ самомъ лучшемъ расположеніи духа по направленію Нижняго Міакка или озера Вандерипъ, разсчитывая остановиться въ его южномъ концѣ, въ пятнадцати миляхъ отъ дома фермера. Множество прудовъ, окаймленныхъ травою, имѣющей отъ шести до десяти футовъ вышины, кишѣли аллигаторами. Изъ одного пруда поднялась

Берега Флориды.

цѣлая стая прекрасныхъ розовыхъ ибисовъ; бѣлые ибисы сидѣли во множествѣ около каждой лужи, и въ густой травѣ лежали утки и бекасы, поднимаясь почти изъ-подъ нашихъ ногъ. Въ одномъ густомъ пальмовомъ джунглѣ мы услышали свирѣпый лай собакъ, и въ то время, какъ онѣ преслѣдовали какое-то животное взадъ и впередъ по чащѣ, стадо изъ десяти индѣекъ пролетѣло надъ нашими головами. Пара ихъ упала отъ выстрѣла моего ружья, заряженнаго крупной дробью, которая мнѣ скоро пригодилась для болѣе крупнаго и свирѣпаго животнаго, нежели жирная индѣйка. Собаки бѣгали взадъ и впередъ между группами низкорослыхъ пальмочекъ; скоро охотникамъ стало очевидно, что онѣ напали на слѣдъ оцелота—животнаго, которое въ Флоридѣ называютъ кошкой.

Такъ какъ жара была невыносимая, то собакъ отъ времени до времени отзывали, для того чтобы свести ихъ къ ближайшему пруду, гдѣ онѣ лежали, тяжело дыша, между тѣмъ какъ хозяинъ съ ружьемъ наготовѣ караулилъ приближеніе аллигатора.

Освѣжившись въ достаточной мѣрѣ, собаки опять принимались за дѣло, такъ что оцелотъ, постоянно преслѣдуемый свѣжимъ непріятелемъ, долженъ былъ наконецъ изнемочь. Собаки охотились уже около часа; я стоялъ по поясъ въ густомъ пальмовомъ кустарникѣ, наблюдая за ними, какъ вдругъ увидѣлъ движеніе листьевъ на разстояніи десяти ярдовъ. Я выстрѣлилъ по этому направленію, и изъ кустарника на меня прыгнулъ оцелотъ, но послѣ вторичнаго выстрѣла упалъ мертвымъ почти къ моимъ ногамъ. Это великолѣпное животное имѣло четыре фута четыре дюйма въ длину, отъ носа до корня хвоста; мѣхъ былъ красноватый, красиво помѣченный черными полосами и пятнами, продолговатыми на спинѣ и круглыми на животѣ и лапахъ; переднія лапы обнаруживали большую силу. Оцелотъ, трусливое и свирѣпое животное, дѣлаетъ большія опустошенія между свиньями и телятами и считается поэтому самымъ смертельнымъ врагомъ скотовладѣльцевъ, такъ какъ онъ многочисленнѣе волковъ, кагуаровъ или пумъ, изъ которыхъ каждый приноситъ свою долю вреда. Флоридскіе поселенцы предпринимаютъ всевозможныя мѣры къ истребленію всѣхъ этихъ животныхъ, такъ что въ настоящее время ихъ стало меньше, но оцелотовъ все еще много, хотя безъ собаки трудно напасть на ихъ слѣдъ.

Вскорѣ послѣ этого собаки загрызли другого оцелота, и въ полдень, когда мы добрались до мѣста нашей стоянки, вотъ каковъ былъ результатъ нашей утренней охоты: два оцелота, опоссумъ, одинъ хорекъ, три енота, олень, гремушки отъ двухъ громадныхъ гремучихъ змѣй и большой мѣшокъ съ индѣйками, дикими утками, бекасами и перепелами. Одну изъ этихъ гремучихъ змѣй я услышалъ, будучи еще

въ двадцати ярдахъ отъ группы капустныхъ пальмъ; осторожно подвигаясь по направленію звука, я нашелъ большую змѣю, свернувшуюся у подножія одной изъ этихъ пальмъ. Я застрѣлилъ ее и смѣрилъ; она имѣла семь футовъ длины.

Такъ какъ небо на западѣ стало предвѣщать непогоду, мы укрѣпили наши палатки лишними гвоздями въ ожиданіи грозы, которая впрочемъ продолжалась не болѣе десяти минутъ. Послѣ дождя явились москиты и задали намъ ужасную ночь, оставивъ насъ въ покоѣ только за два часа до разсвѣта.

Желая посвятить слѣдующее утро охотѣ на индѣекъ, я взялъ заряды, ружье, компасъ и отправился, слѣдуя теченію рѣки, черезъ густую, спутанную лѣсную чащу и дикій виноградъ, покрывающій болото; я изрѣдка выходилъ на открытыя саванны, покрытыя свѣжей зеленой травой и степными цвѣтами, на которыхъ было много слѣдовъ индѣекъ.

Дикая индѣйка очень труслива и осторожна; она быстро бѣгаетъ и подойти къ ней очень трудно. Однако я вскорѣ выстрѣлилъ по двумъ индѣйкамъ, поднявшимся недалеко отъ меня, между тѣмъ какъ большая стая, встревоженная моимъ выстрѣломъ, поднялась съ шумнымъ хлопаньемъ болѣе чѣмъ на выстрѣлъ разстоянія. Такъ какъ индѣйки стали «кудахтать», одинъ изъ охотниковъ, пришедшій на мои выстрѣлы, подалъ мнѣ мысль спрятаться между капустными пальмами, въ то время какъ самъ онъ подражалъ крику индѣйки; при помощи косточки онъ дѣлалъ это такъ удачно, что великолѣпный индѣйскій пѣтухъ, гордо выступая, распустивъ хвостъ и выказывая свое золотистое оперенiе, явился покорить воображаемую самку. Выстрѣлъ моего товарища сразилъ его гордость и прибавилъ въ наши сумки пѣтуха, вѣсившаго около пятидесяти фунтовъ. Перья дикой индѣйки гораздо красивѣе домашней, они блестящаго сѣраго и чернаго цвѣта, съ ярко кирпичными концами; вѣсъ убитыхъ нами индѣекъ достигалъ обыкновенно отъ тридцати до пятидесяти фунтовъ, и густой слой желтаго жира, покрывавшій ихъ, былъ чрезвычайно пріятенъ для нашихъ голодныхъ глазъ.

Убивъ еще одного пѣтуха, мы получили столько добычи, сколько были въ состояніи нести, и потому, взваливъ убитыхъ индѣекъ на спину, мы отправились домой, гдѣ былъ уже приготовленъ завтракъ.

Вчерашній дождь и приступы лихорадки у нѣкоторыхъ нашихъ товарищей научили насъ передвинуть нашъ лагерь дальше отъ болота на болѣе возвышенную и здоровую мѣстность. Москиты были до такой степени невыносимы въ первую ночь, проведенную подъ пальмами, что мы должны были сидѣть все время въ дыму нашего костра, гдѣ хотя и задыхались отъ дыма, но были избавлены отъ ихъ нападеній. На слѣдующую ночь мы рѣшили попробовать ихъ выжечь, устроили огненный кругъ вокругъ нашей пальмовой группы. Сухіе пальмовые

листья скоро жарко загорѣлись, и мы уже поздравляли себя съ избавленіемъ отъ нашихъ мучителей, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ охотниковъ вскочилъ съ громкимъ крикомъ: «Чортъ возьми, да здѣсь идетъ змѣиный дождь!» При этихъ словахъ гремучая змѣя прямо упала къ нему на голову съ верхушки пальмы, по счастью отуманенная отъ дыма, который густыми клубами вился надъ нами. Мы не замедлили уничтожить эту незванную гостью вмѣстѣ со многими другими, упавшими съ другихъ деревьевъ.

Во Флоридѣ существуетъ убѣжденіе, что лучшимъ средствомъ противъ змѣинаго яда служатъ виски и корень одного растенія palk; но эти средства должны быть употреблены очень быстро, иначе смерть слѣдуетъ черезъ два или три часа послѣ укушенія.

Во время выслѣживанія дичи въ густой травѣ или пальмовой заросли змѣи составляютъ истинное несчастіе человѣка. Необходимо быть всегда насторожѣ и зорко смотрѣть подъ ноги. Звукъ трещотки, обличающій смертоноснаго невидимаго врага, всегда леденилъ кровь въ моихъ жилахъ.

Другое препятствіе охотнику во Флоридѣ представляетъ невозможность предохранить оружіе отъ ржавчины. Несмотря на то, что погода ясна и не чувствуется ни малѣйшаго ощущенія сырости, атмосфера насыщена влагой. Я вычистилъ ружья, заботливо смазалъ ихъ масломъ и черезъ нѣсколько часовъ нашелъ стволы покрытыми ржавчиной. Еще одною особенностью климата, благодаря которой мы оставались иногда безъ обѣда, была невозможность сохранить иначе, какъ посоливши, всякую рыбу, мясо или дичь, болѣе часа или двухъ. Мясо убитыхъ животныхъ зачастую было никуда негодно, когда мы его приносили домой.

Лѣсопильня во Флоридѣ.

(Тверского.)

По приглашенію одного нашего знакомаго американца мы отправились осматривать его паровую лѣсопильную мельницу за нѣсколько миль отсюда. Его лѣсопилка служитъ ему лишь временнымъ источникомъ заработка, а всѣ надежды на будущее возложены на апельсиновую рощу, посаженную лѣтъ шесть тому назадъ.

Любезный хозяинъ самъ везъ насъ на своей парѣ флоридскихъ пони и дорогой сообщалъ множество свѣдѣній о лѣсномъ дѣлѣ.

Мало странъ въ Америкѣ столь богатыхъ лѣсомъ самыхъ разнообразныхъ породъ, какъ Флорида. Флоридская сосна колоссальныхъ размѣровъ и такъ пропитана смолой, что щепочка, отколотая отъ сердцевины, горитъ какъ свѣча. Кромѣ сосны, въ гаммокахъ Флориды растутъ: кинарисы, магноліи, красные кедры, лавры, бѣлый и красный

дубъ, тополь, черный орѣхъ и множество другихъ цѣнныхъ породъ. Опыты показали, что флоридская желтая сосна—лучшая въ Америкѣ. Мексика получаетъ отсюда всѣ желѣзнодорожныя шпалы. Самые значительные склады лѣса находятся въ прекрасной гавани Пенсакола на берегу Мексиканскаго залива. Здѣсь во всякое время года цѣлая флотилія судовъ ожидаетъ нагрузки съ колоссальныхъ лѣсопильныхъ заводовъ, расположенныхъ вдоль по берегу. Наибольшая часть флоридскаго лѣса нагружается въ Пенсаколѣ. Строящаяся желѣзная дорога соединитъ эту гавань съ атлантической желѣзной дорогой. Проходя сплошь по безконечному сосновому бору, сохранившемуся до сихъ поръ въ своей недоступности, она откроетъ новый край для лѣсной промышленности.

Въ 1881 году, по вычисленіямъ лѣсной комиссіи, было вывезено около 3% всего количества лѣса на корню. По этому расчету Флорида можетъ поставлять лѣсъ въ продолженіе 30 лѣтъ, къ тому времени вырубленныя мѣста покроются новыми зарослями. Мѣстные лѣсопромышленники испытали на дѣлѣ, что ростъ деревьевъ здѣсь гораздо быстрѣе, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ штатахъ, и уже черезъ 20 лѣтъ получается отличный матеріалъ для лѣсопильныхъ заводовъ. Кромѣ вышеименованныхъ промышленныхъ предпріятій, существуетъ множество болѣе мелкихъ производствъ, какъ, напримѣръ, производство терпентина, смолы, дегтя, дубовой коры и проч.

Подъѣзжая къ лѣсопилкѣ, мы поминутно встрѣчали логкарты, нагруженные громадными бревнами. Логкартъ—это два громадныя колеса съ простымъ механизмомъ, придѣланнымъ къ оси, который съ помощью цѣпи и двухъ желѣзныхъ крючьевъ захватываетъ бревно, приподнимаетъ его и на вѣсу везетъ къ мѣсту назначенія. Нагрузка бревна производится въ какую-нибудь минуту времени.

Такимъ образомъ вывозятъ тяжелые кипарисы громадной величины изъ болотъ, сплошь заросшихъ всевозможною растительностью и заваленныхъ валежникомъ. Ихъ везли два или три мула съ погонщикомъ-негромъ верхомъ на одномъ изъ нихъ. Привѣтствуя насъ, негры весело скалили свои ослѣпительно-бѣлые зубы, и крики ихъ далеко разносились по лѣсу. Иногда попадались новыя расчистки, гдѣ негры съ пѣснями рубили сосны. Сильный запахъ смолы разносился далеко вокругъ.

Наконецъ вотъ и усадьба, или, какъ здѣсь называется, «мѣсто» (place), нашего американца. Маленькій домъ съ верандами вокругъ едва виднѣется изъ-за высокихъ, прелестныхъ, тѣнистыхъ деревьевъ. Ихъ вѣтви располагаются зонтикообразно, и въ 5—6 лѣтъ отъ посадки они вырастаютъ въ громадныя деревья.

Обогнувъ уголъ, мы остановились у воротъ изгороди, и передъ нами открылся широкій видъ на озеро, на берегу котораго помѣщалась лѣ-

сопилка въ зданіи самаго нехитраго устройства. Оно представляло собою громадный навѣсъ, подъ которымъ помѣщались паровикъ, машина и круглая пила. Бревна по рельсовому пути подкатывались къ нимъ, а оттуда распиленныя доски моментально разбирались по сортамъ рабочими и по разнымъ рельсовымъ путямъ развозились въ надлежащее мѣсто. Богатство лѣсного матеріала настолько велико, что лѣсопилка не только не употребляетъ въ дѣло опилокъ, но даже обрѣзки сжигаютъ, чтобы не загромождать мѣста.

Рядомъ съ лѣсопилкой пріютилась строгальная машина. Доски, пропущенныя черезъ нее, выходятъ выстроганными и вполнѣ готовыми къ отдѣлкѣ домовъ. Мы видѣли также множество красныхъ кедровъ, на нашихъ глазахъ распиленныхъ и простроганныхъ. Доски изъ нихъ были замѣчательно красивы по цвѣту и рисунку и заказаны для внутренней отдѣлки дома. Кедръ, тополь, магнолія и другія деревья привозятся за нѣсколько миль изъ громаднаго гаммока въ нѣсколько тысячъ акровъ.

На берегу Мексиканскаго залива, въ Тампѣ и Сидеръ-Кей находятся громадныя лѣсопилки, поставляющія исключительно доски изъ краснаго кедра для карандашныхъ фабрикъ. Вообще лѣсная промышленность приняла уже здѣсь громадные размѣры.

Прямо съ завода хозяинъ повелъ насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ на верандѣ, со всѣхъ сторонъ обвитой виноградомъ и множествомъ яркихъ цвѣтовъ, мы нашли все его семейство. Послѣ обѣда мы прошли въ апельсиновую рощу, гдѣ къ намъ присоединился и хозяинъ. Насъ непріятно поражало однообразіе правильно разсаженныхъ деревьевъ, которыя длинными рядами тянулись по совершенно плоской мѣстности, и еще непріятнѣе чувствовалось отсутствіе травы, которую мы привыкли встрѣчать дома въ нашихъ яблонныхъ садахъ въ видѣ мягкаго ковра.

— Видно, что вы здѣсь впервѣ, — сказалъ хозяинъ съ улыбкой,— намъ же никогда и въ голову не приходитъ сажать апельсины иначе, какъ рядами; это было бы страшной помѣхой при уходѣ. Пока деревья еще молоды, а разстояніе между ними должно быть никакъ не менѣе 25 футовъ, мы ежегодно три-четыре раза вспахиваемъ рощу вдоль и поперекъ плугомъ. Судите сами, какъ было бы неудобно пахать въ этихъ промежуткахъ, если бы деревья были посажены не рядами. Если роща велика, то и засыпка искусственнымъ удобреніемъ производится бороной. Что же касается травы, то мы не можемъ допустить ее расти здѣсь. Корни апельсинныхъ деревьевъ расположены такъ, что только одинъ главный стержневой корень углубляется вертикально, всѣ же остальные стелются подъ самою поверхностью земли. Вотъ взгляните сюда!—И хозяинъ рукой разгребъ немного земли около дерева, не болѣе вершка въ глубину, и показалъ намъ множество тонкихъ перепле-

тенныхъ мочекъ. — Мы называемъ это: питательныя мочки. Если дать травѣ расти здѣсь, она поглотитъ все удобреніе, которымъ мы посыпаемъ дерево два-три раза въ годъ, и дерево зачахнетъ, покроется паразитными насѣкомыми, и не дождаться отъ него плода.

Онъ показалъ намъ нѣсколько любопытныхъ плодовъ и съ любовью остановился около красивыхъ деревьевъ того же семейства, сплошь покрытыхъ крошечными лимончиками.

— Нѣтъ ничего лучше этихъ сочныхъ тонкокожихъ фруктовъ для лимонада. Совѣтую вамъ посадить такія деревца хоть для домашняго употребленія.

Взглянувъ на солнце, мы заторопились уѣзжать, такъ какъ боялись быть застигнутыми темнотой ночи по незнакомой дорогѣ, и распростились съ радушными хозяевами.

Поѣздка въ Техасъ.

(Циммермана.)

Нашъ пароходъ остановился у Гальвестонской гавани среди бухты, гдѣ на якоряхъ стояло большое число парусныхъ кораблей. Вдали виднѣлся низменный пустынный островъ съ выступающими въ море косами и мелями; онъ едва возвышался надъ морскою поверхностью, представляя совершенно голую равнину, на которой росли лишь два одинокія деревца. На одномъ концѣ длиннаго острова расположился городъ Гальвестонъ со своими бѣлыми домиками и кирпичными зданіями. Когда на разсвѣтѣ мы стали подъѣзжать къ нему, то казалось, будто городъ, выступивъ изъ морскихъ волнъ, плавалъ на ихъ поверхности.

Мы причалили къ пристани. Она оживлена шумной толпой, поджидающей пароходъ. Но что за народъ встрѣчаетъ насъ? Это не тѣ стройные, но худощавые американцы, въ своихъ короткихъ легкихъ пиджакахъ, съ небольшими войлочными шляпами на головахъ, которыхъ привыкли мы видѣть до сихъ поръ въ другихъ городахъ. Здѣсь, напротивъ, что ни человѣкъ, то богатырь по росту и по тѣлосложенію.

Даже негры рослѣе и дороднѣе видѣнныхъ нами еще недавно въ Новомъ Орлеанѣ. Эти люди и одѣваются иначе, примѣняясь, какъ по всему видно, къ условіямъ своей мѣстности. Вотъ кстати передъ нами почтенная личность, предлагающая свой отель; этотъ господинъ можетъ служить типичнымъ образцомъ здѣшняго обывателя: высокаго роста, широкій въ плечахъ, онъ одѣтъ въ длинополое черное пальто изъ грубаго сукна, брюки запущены въ ботфорты, украшенные отворотами фіолетоваго цвѣта, а голова покрыта черной войлочной шляпой съ непомѣрно широкими полями. Послѣдовавъ за нимъ

по грязнымъ улицамъ города, я убѣдился на дѣлѣ, что ботфорты здѣсь весьма у мѣста. На улицахъ же я былъ пріятно пораженъ встрѣчей съ явленіемъ другого рода, невиданнымъ мною съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи: то были волы съ такими же ярмами, какъ у насъ въ Малороссіи. Въ числѣ двухъ-трехъ паръ они тащили къ пристани большія телѣги съ хлопчато-бумажными тюками. А тамъ проскакалъ техасецъ на сухопаромъ конѣ, напоминающимъ нашихъ казачьихъ лошадей. Походя складомъ тѣла на обыкновенную казачью лошадь, она немного рослѣе ея, но такъ же вынослива, и по пустыннымъ степямъ, гдѣ вслѣдствіе скуднаго подножнаго корма не было бы возможности проѣхать на обыкновенной лошади, ловкій наѣздникъ Техаса скачетъ по цѣлымъ днямъ на неутомимомъ конѣ.

Самый городъ Гальвестонъ имѣетъ уже много высокихъ кирпичныхъ зданій. На многихъ, нѣсколько удаленныхъ отъ пристани улицахъ украшеніемъ служатъ высокіе густозеленые олеандры, растущіе по краямъ тротуаровъ, выложенныхъ кирпичомъ. Выстроенный на низменномъ островѣ, Гальвестонъ представляетъ въ своей бухтѣ одну изъ лучшихъ гаваней Техаса и, будучи связанъ съ внутренними городами желѣзной дорогой, составляетъ главное мѣсто вывоза для произведеній юнаго штата, состоящихъ по преимуществу изъ кожъ, сала, убойнаго скота и хлопка. Отсюда продукты доставляются частью въ Новый Орлеанъ, частью въ сѣверные штаты и даже прямо въ Англію. Отъ материка, къ которому городъ обращенъ своею гаванью, онъ отдѣленъ бухтою и довольно широкимъ проливомъ; черезъ послѣдній проложенъ длинный мостъ желѣзной дороги, со стороны же Мексиканскаго залива островъ представляетъ низменное песчаное прибрежье. Тутъ во время прилива волны выносятъ на чистый, плотно улегшійся песокъ разныхъ видовъ раковины и между прочимъ небольшую свѣтло-бурую звѣзду, носящую названіе техасской звѣзды.

Собравъ въ Гальвестонѣ свѣдѣнія о состояніи дорогъ внутри края, я отправился по желѣзной дорогѣ въ Хустонъ. Локомотивъ понесъ насъ сперва вдоль по острову къ проливу; потомъ мы выѣхали на тотъ длинный мостъ, что ведетъ на материкъ, и понеслись между небомъ и водою. Когда мы переѣхали на материкъ, то вмѣсто взволнованной водной поверхности передъ нами раскинулась во всѣ стороны ровная зеленая степь. Вотъ станція среди степи. Возлѣ находится загонъ для скота, пригоняемаго сюда для отправки въ Гальвестонъ. Отъ огороженнаго грубымъ заборомъ пространства легкимъ покатомъ наверхъ къ площадкѣ идетъ узкій прогонъ. Когда требуется вогнать скотъ въ назначенный для него вагонъ, то послѣдній подкатывается вплоть къ площадкѣ; выгоняемый изъ ограды скотъ выходитъ на площадку и скрывается въ вагонъ отъ своихъ погонщиковъ. Онъ попадаетъ туда словно

въ западню. Когда вагонъ полонъ, то дверь накрѣпко закрывается и подкатывается слѣдующій. Такимъ образомъ въ короткое время безъ задержки размѣщается нѣсколько сотенъ головъ, и локомотивъ уноситъ ихъ куда слѣдуетъ.

Городъ Хустонъ, куда мы прибыли вечеромъ, расположенъ на холмистомъ берегу Буффало-бей. Здѣсь степь смѣнилась уже лѣсами, покрывающими холмистые берега рѣки. Въ Хустонѣ, или вѣрнѣе въ его окрестностяхъ, находится бульонный заводъ, устроенный однимъ французомъ. Заводъ лежитъ на берегу Буффало-бей между холмами и оврагами, поросшими орѣшникомъ, дубомъ, магноліей, лавромъ и другими лиственными породами. Бульонный экстрактъ здѣсь приготовляется по способу, состоящему въ томъ, чтобы довести мясной отваръ до крайней степени сгущенія. Приготовленіе экстракта состоитъ изъ трехъ пріемовъ: сперва мясо варится въ водѣ цѣлыя сутки; потомъ отваръ подвергается кипяченію опять почти сутки; наконецъ онъ сгущается и очищается отъ жира, что продолжается около двухъ сутокъ. Сгущенный экстрактъ размѣщается въ жестянки и наглухо запаивается. Въ такомъ видѣ онъ поступаетъ въ продажу. Онъ можетъ сохраняться весьма долго и потому представляетъ большія выгоды для путешественниковъ и войскъ.

Изъ Хустона я отправился далѣе на западъ внутрь Техаса. Нѣсколько миль за городомъ по обѣимъ сторонамъ рельсоваго пути опять начались степи, и опять пошли одинокія станціи среди пустынныхъ, зеленѣющихъ кругомъ равнинъ. Тамъ и здѣсь паслись на волѣ лошади, ослы и коровы. Изрѣдка попадались селенія и возникающіе города. Въ такихъ мѣстахъ поѣздъ останавливался на нѣсколько минутъ, принималъ новыхъ пассажировъ и кладь и потомъ снова несся по равнинѣ.

Чѣмъ далѣе мы ѣхали на западъ, тѣмъ болѣе нѣмцевъ являлось между пассажирами. Городъ Колумбусъ, куда мы прибыли послѣ заката солнца, населенъ большею частью нѣмцами. Между ними случалось встрѣчать даже такихъ, которые, проживъ уже долгое время въ Техасѣ, не умѣютъ еще говорить по-англійски. Многіе города и селенія западнаго Техаса исключительно заняты нѣмцами, они господствуютъ въ этомъ краѣ. И здѣсь они являются въ своемъ настоящемъ видѣ, не то, что въ другихъ штатахъ, гдѣ нѣмцы, въ обществѣ съ строгими янки, стараются поддѣлаться подъ простые, но воздержные пріемы послѣднихъ. Янки, напримѣръ, не любятъ тратить лишнихъ словъ; однако на дѣльный вопросъ всегда даютъ хотя и краткій, но толковый отвѣтъ. По природѣ многословные нѣмцы въ такомъ случаѣ, стараясь подражать американцамъ, зачастую едва отвѣчаютъ на вопросы, а то и отмалчиваются, какъ будто у нихъ языкъ прилипъ къ гортани. Точно такъ же американцы, являясь за общій столъ, держатъ себя строго-воздержно, но просто, естественно. Нѣмецъ же въ такомъ случаѣ

или напуститъ на себя важный видъ и сидитъ такъ, какъ будто съ него портретъ снимаютъ, или же онъ состроитъ жалкую физіономію и напоминаетъ собою преступника, приговореннаго къ казни. Въ Техасѣ, напротивъ, нѣмцы даютъ полную волю своимъ природнымъ наклонностямъ. Хотя они своими шумными, невоздержными рѣчами подчасъ нарушаютъ общественный порядокъ, всегда господствующій въ средѣ американцевъ, зато они по крайней мѣрѣ естественнѣе и проще въ своихъ пріемахъ.

Обращеніе здѣшнихъ людей отличается необыкновенною простотой. Не слѣдуетъ однако думать, что крайняя свобода въ обращеніи заключается въ томъ—какъ нерѣдко приходится слышать въ Европѣ,—будто какой-нибудь господинъ, напримѣръ, закинетъ ноги на спинку вашего стула или плюнетъ, не обращая вниманія на то, въ кого попадетъ его плевокъ. Такія небывалыя выходки приводятся въ разсказахъ больше для курьеза, въ дѣйствительности этого не бываетъ. Свобода обращенія заключается прежде всего въ совершенномъ отсутствіи всякихъ почитаемыхъ столь важными въ нашемъ свѣтѣ условій приличія. Техасецъ, напримѣръ, не говоря ни слова, возьметъ васъ просто за плечо и сдвинетъ съ мѣста, если вы загородили ему дорогу, и ему въ голову не придетъ извиниться. Вы въ свою очередь можете поступить съ нимъ точно такъ же, и никто не вздумаетъ обидѣться. Но онъ не позволитъ себѣ ничего такого по отношенію къ вамъ, что могло бы причинить вамъ дѣйствительную непріятность. Вотъ для примѣра образчикъ здѣшнихъ пріемовъ: вечеромъ по пріѣздѣ въ городъ, за ужиномъ возлѣ меня сидѣлъ почтенный господинъ въ длинномъ сюртукѣ и ботфортахъ, но безъ воротничковъ и безъ галстука. Онъ потребовалъ себѣ жареныхъ устрицъ, которыхъ спросилъ и я у того же самаго негра. Послѣдній принесъ устрицы въ двухъ судочкахъ и поставилъ ихъ передъ моимъ сосѣдомъ и передъ мною. Сосѣдъ мой по ошибкѣ взялъ мой судокъ. Зная, что всякія объясненія здѣсь излишни и что чѣмъ проще все дѣлается, тѣмъ лучше, я протянулъ руку и взялъ себѣ его судокъ. Тутъ только замѣтилъ онъ свою ошибку и, взглянувъ на меня, кивнулъ головой и произнесъ: al right, т.-е. «ладно», — тѣмъ дѣло и кончилось. Воображаю, если бы нѣчто подобное случилось между французами, то какимъ потокомъ извиненій, учтивостей наградили бы они другъ друга. Такихъ ни къ чему не ведущихъ учтивостей техасецъ не вѣдаетъ вовсе. Само собой разумѣется, что при такихъ условіяхъ въ обществѣ техасцевъ нечего ожидать того глянца и лоска, тѣхъ изящныхъ манеръ, какими отличается общество въ любомъ городѣ Европы.

Техасцы — вообще тугіе градостроители; они по преимуществу фермеры. Довольствуясь сельскою жизнью на своихъ фермахъ, разсыпанныхъ по плодородному краю, они выбираютъ себѣ мѣсто для суда и

школъ; вокругъ нихъ группируются уже нѣсколько улицъ съ колоніальными лавками, гостиницами и тому подобными заведеніями, удовлетворяющими потребностямъ сельскихъ жителей и пріѣзжающихъ.

А потому настоящее значеніе города надо искать здѣсь не въ немъ самомъ, а въ его окрестностяхъ, въ тѣхъ фермахъ, для которыхъ онъ служитъ только средоточіемъ. Это составляетъ отличительную черту Техаса съ его плодородной черноземной почвой, съ его степями, питающими обширное скотоводство. Въ другихъ мѣстахъ нерѣдко встрѣчаются города, лишенные почти всякаго окрестнаго сельскаго населенія, и особенно такіе, которые возникаютъ по сторонамъ рельсоваго пути. Здѣсь же, въ Техасѣ, наоборотъ, случается проѣзжать сотни миль и видѣть однѣ только фермы или открытыя степи съ пасущимся на нихъ скотомъ. Если же попадаются такъ называемые города, то они зачастую состоятъ изъ разсыпанныхъ по мѣстности фермъ, между которыми пролегаетъ большая дорога, служащая главной улицей для мнимаго города.

На фермахъ по всему здѣшнему краю воздѣлывается по преимуществу хлопокъ, какъ наиболѣе цѣнный продуктъ. Онъ родится здѣсь отличнаго качества. Поле засѣвается имъ по нѣскольку лѣтъ сряду, потомъ смѣняется на одинъ или два года кукурузою.

При такомъ крайне одностороннемъ хозяйствѣ жители промышляютъ еще скотоводствомъ. Рогатый скотъ и свиньи гуляютъ по волѣ всю зиму. Весной фермеръ выѣзжаетъ верхомъ въ степи и лѣса и собираетъ своихъ разбредшихся коровъ, успѣвшихъ къ этому времени стелиться. Тогда онъ загоняетъ ихъ вмѣстѣ съ телятами въ огороженное мѣсто около фермы. Выпуская на день коровъ на пастбище, онъ держитъ телятъ въ загонѣ. Вечеромъ коровъ загоняютъ, а телятъ выпускаютъ наружу. Такимъ порядкомъ, обходясь безъ пастуха, фермеръ въ состояніи держатъ значительное стадо, состоящее по малой мѣрѣ изъ пятидесяти головъ; а болѣе богатые держатъ ихъ по нѣскольку сотенъ и даже тысячъ. Лѣтомъ хозяинъ помѣчаетъ своихъ телокъ и, отобравъ изъ стада нѣсколько головъ для отправки на рынокъ, выгоняетъ остальныхъ въ степи и лѣса.

Что касается свиней, то фермеры большей частью пользуются ими сами для своего домашняго обихода. Когда наступаетъ надобность въ свининѣ, то хозяинъ вооружается винтовкой и отправляется въ лѣсъ какъ на охоту. Отыскавъ тамъ гуртъ своихъ свиней, которыхъ узнаетъ по мѣткѣ на ушахъ, онъ выбираетъ себѣ любую изъ нихъ и застрѣливаетъ ее. Свиное сало, сильно просоленое, служитъ вездѣ обыденною пищей. Однако нѣмцы не охотники до него, и потому они приготовляютъ себѣ колбасы и сосиски, которыя у нихъ и являются постоянно на столѣ взамѣнъ мяса. Послѣднее составляетъ рѣдкость въ краѣ,

несмотря на обиліе скота. Значительное количество скота потребляется на салотопни. Послѣдняя состоитъ обыкновенно изъ загона, откуда скотина узкимъ проходомъ выгоняется на бойное мѣсто—тѣсную площадку, надъ которой на высокихъ подмосткахъ стоитъ мясникъ съ здоровымъ копьемъ въ рукѣ. Быкъ, выходя изъ узкаго прохода, попадаетъ какъ разъ подъ доску, и мясникъ сверху вгоняетъ ему копье въ шею у самой холки. Два человѣка тотчасъ же подхватываютъ павшаго быка и вытаскиваютъ его наружу, а другой быкъ поступаетъ уже на мѣсто убитаго и подвергается той же участи. Потомъ съ убитаго быка сдираютъ шкуру и солятъ ее. Лучшіе куски мяса тоже солятъ, а остальное поступаетъ въ большіе чаны на сало. Въ чаны снизу проведены трубы изъ паровика и сало выгоняется паромъ. Наконецъ чаны наполняются водою, сало всплываетъ на поверхность, и его снимаютъ ведрами на длинныхъ рукояткахъ. Лѣтомъ, когда мясо скоро портится, его не солятъ вовсе, а оно все цѣликомъ идетъ на сало. Остатки выбрасываются изъ чановъ вонъ и ими кормятся свиньи. Здѣсь тратится даромъ огромное количество мяса

Таково полудикое хозяйство западной части Техаса. На югѣ оно производитъ, кромѣ того, нѣсколько тростниковаго сахара, а на самомъ сѣверѣ, въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, воздѣлывается отличнаго качества пшеница. До послѣдней войны въ Техасѣ существовало также невольничество; но благодаря раздолью въ обширномъ краѣ, и тогда уже одновременно съ рабствомъ процвѣтало вольное фермерское хозяйство, такъ что свободный трудъ здѣсь господствовалъ возлѣ рабскаго. Оттого, по отмѣнѣ послѣдняго, здѣшнія хозяйства не подверглись такому сильному потрясенію, какъ въ другихъ южныхъ штатахъ. Фермеры выиграли даже отъ уничтоженія рабства, потому что прежніе невольники теперь охотнѣе нанимаются къ нимъ, а особенно къ добросовѣстнымъ нѣмцамъ, чѣмъ къ бывшимъ рабовладѣтелямъ. Впрочемъ, бывшіе рабовладѣтели теперь большею частью отдаютъ свои земли въ аренду по долямъ или даже совсѣмъ продаютъ ихъ. Арендаторами зачастую являются негры.

Не много найдется такихъ странъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы трудолюбивому земледѣльцу представлялось столько средствъ для достиженія прочнаго благосостоянія, какъ Техасъ. Со своими степями, черноземной почвой, вспахиваемой волами, съ своимъ не блестящимъ, но прочнымъ довольствомъ Техасъ въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ, какъ намъ кажется, занимаетъ такое же мѣсто, какъ наша Малороссія по отношенію къ Россіи. Подобно нашимъ чумакамъ, техасцы находятъ много прелести въ переѣздахъ по степямъ. Партіями изъ пяти до двадцати телѣгъ тянется себѣ обозъ съ хлопкомъ. Вотъ подъѣхали къ рѣчкѣ, берега которой поросли лѣсомъ. Тутъ устраивается

привалъ, разводятся костры, варится кофе, пекутся лепешки и жарится сало съ сосисками. Волы пасутся кругомъ на свободѣ. А если случится, что одинъ изъ нихъ забѣжитъ далеко въ лѣсъ, то весь обозъ стоитъ на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока возчики общими силами не поймаютъ бѣглеца и не загонятъ его вновь подъ ярмо. И далѣе подвигается обозъ, не торопясь, въ перевалку. Наработавшись дома лѣтомъ на своихъ хлопковыхъ поляхъ, люди рады отдохнуть, предаться удовольствію среди раздолья вольныхъ степей... А погонщики гуртовъ, подобно нашимъ прасоламъ, перегоняютъ стада за сотни и тысячи миль, слѣдуя за ними верхами на своихъ неутомимыхъ лошадяхъ, осѣдланныхъ мексиканскими сѣдлами. Послѣднія состоятъ изъ одного арчака, обшитаго кожей и съ деревянной ложкой впереди, наподобіе большой пуговицы, къ которой прикрѣпляется одинъ конецъ длиннаго лассо. И эти техасскіе прасолы съ проложеніемъ рельсовъ должны отказаться отъ своей страсти къ наѣздничеству, съ которымъ свыклись чуть не съ колыбели. Техасцы вообще мало сочувствуютъ тому, что янки перерѣзываютъ ихъ край рельсами. «Волы возятъ насъ вездѣ,—говорятъ они,—и когда намъ мало двухъ паръ, мы заложимъ три, четыре пары; это намъ нипочемъ; держать вола стоитъ менѣе, чѣмъ держать курицу; волъ самъ себѣ находитъ кормъ, а курицѣ все-таки надо подсыпать зерна. Прежде бывало отвезешь хлопокъ въ городъ, а оттуда захватишь клади для себя и для сосѣдей по порученію, такъ что ѣдешь съ кладью туда и назадъ, и заработаешь еще деньги. Теперь же все доставляется по желѣзной дорогѣ и, сдавъ свой хлопокъ на станцію, приходится порожнемъ возвращаться домой».

Надо замѣтить однако, что Техасъ вообще много выиграетъ отъ развитія желѣзныхъ дорогъ и пароходства. Тогда будетъ положенъ предѣлъ чрезмѣрному расточенію продуктовъ, въ огромномъ количествѣ пропадающихъ теперь даромъ, и жители не будутъ терпѣть недостатка въ свѣжемъ мясѣ среди окружающаго ихъ множества скота.

Намѣреваясь попасть въ городъ Бренгамъ, я попросилъ одного фермера, возвращавшагося домой, подвезти меня. Телѣга, запряженная двумя парами воловъ цугомъ, подъѣхала къ берегу Бразосъ-ривера, и мы перебрались на противоположный берегъ на простомъ плоту.

Такой плотъ—большая рѣдкость въ Америкѣ, гдѣ переправы черезъ рѣки устраиваются обыкновенно на пароходахъ. Выѣхавъ на берегъ, мы стали шагомъ подвигаться по изрытой дорогѣ. Приходилось перебираться черезъ ручьи, подобные такъ называемымъ балкамъ въ Новороссіи; объѣзжать овраги съ крутыми, дождемъ изборожденными боками; выбираться съ трудомъ изъ рытвинъ, размытыхъ водой; переѣзжать по живымъ мостикамъ, короче—пришлось испытать всѣ прелести нашихъ

проселочныхъ дорогъ, хорошо знакомыхъ всякому, кому случалось совершать переѣзды по Курской, Харьковской и другимъ губерніямъ, особенно послѣ сильныхъ дождей. По мѣрѣ того, какъ мы подавались на сѣверъ, степь чаще стала смѣняться лѣсами. Попадались фермы нѣмцевъ съ полями хлопка и маиса. Мѣстечко, куда мы прибыли послѣ полудня, тоже состояло изъ большого числа разсыпанныхъ по холмистой мѣстности фермъ. Въ немъ считается до двухъ тысячъ жителей, которые содержатъ шесть школъ для дѣтей обоего пола. Какъ только

Купецъ въ Техасѣ.

въ краѣ поселится сотня-другая колонистовъ, то первымъ дѣломъ своимъ они считаютъ соорудить своими средствами школу и пристроить учителя или учительницу, для чего обращаются къ учебному вѣдомству въ ближайшемъ городѣ. На расходы по школѣ назначается особый налогъ на каждое семейство.

Наконецъ я добрался до Бренгама, лежащаго при желѣзной дорогѣ. По ней я проѣхалъ до города Новазоты съ поѣздомъ, въ которомъ четыре вагона были биткомъ набиты переселенцами, спѣшившими занять въ Техасѣ плодородныя черноземныя земли. Для того, чтобы

изъ Новазоты пробраться къ сѣверо-восточной границѣ Техаса, къ Редъ-риверу, мнѣ пришлось проѣхать около трехсотъ миль въ почтовой каретѣ. Она состоитъ изъ обыкновенной телѣги на хорошихъ рессорахъ, крытой парусиннымъ верхомъ. Изрытая колесами фургоновъ дорога все время шла по лѣсистымъ холмамъ, и мы то и дѣло или поднимались въ гору, или спускались съ горы. Нечего описывать толчки и тряску по избитой колдобинами и рытвинами дорогѣ,—все это можно испытать и въ Россіи. Для насъ было не ново также, когда, переѣзжая рѣку въ бродъ, телѣга завязла на противоположномъ берегу въ илистой глинѣ и добрые кони стали. Извозчикъ раза два прикрикнулъ было на нихъ, но, видя, что ихъ попытки вытащить телѣгу напрасны, онъ соскочилъ съ козелъ, пригласилъ насъ—четырехъ пассажировъ—выбраться изъ кареты. Мы сами кое-какъ и выбрались на берегъ, но наши чемоданы, привязанные къ задку, погрузились уже наполовину въ воду. Теперь насъ крайне занималъ вопросъ, какъ почта выйдетъ изъ затруднительнаго положенія. Не говоря ни слова, извозчикъ отложилъ лошадей и пошелъ собирать сучья и бревна. Подостлавъ сучья подъ колеса, онъ приладилъ здоровое бревно подъ ось и мы общими силами стали поднимать передокъ телѣги. Замѣчательно, что все это совершалось молча, какъ будто дѣло шло о постановкѣ какой-нибудь машины для фабрики. И такимъ образомъ не болѣе какъ въ четверть часа удалось вывезти переднія колеса; лошади опять были заложены и уже сами вынесли телѣгу на сухой берегъ. Наконецъ, послѣ пятидневной ѣзды въ каретѣ, мы прибыли въ Хальвиль, гдѣ находится станція желѣзной дороги.

Немного времени осталось техасцамъ наслаждаться своимъ ненарушимымъ спокойствіемъ, своими переѣздами на волахъ, чумацкими привалами въ лѣсахъ и степяхъ, лихимъ наѣздничествомъ за стадами. Со всѣхъ сторонъ въ благодатные края врѣзываются рельсы желѣзной дороги, и скоро разсказы о недавно минувшемъ дикомъ состояніи этихъ мѣстъ покажутся новому поколѣнію чудными легендами.

Новый Орлеанъ.

(По Циммерману, Г. Вартегу и др.)

Мы подъѣзжали къ Новому Орлеану, переплывши Мексиканскій заливъ, и искали входа въ бухту. Новый Орлеанъ расположенъ на низменномъ перешейкѣ между рѣкой Миссисипи и озеромъ Поншартренъ. Миссисипи принимаетъ въ себя мутныя воды многочисленныхъ притоковъ, приноситъ къ своему устью большое количество илистой глины, изъ осадковъ которой образовалась большая дельта, выдающаяся въ заливъ наподобіе орлиной лапы. Вся земля, начиная отъ Новаго Орле-

ана и до устья, образовалась вслѣдствіе отложенія рѣчныхъ наносовъ, такъ что можно сказать, что весь здѣшній край своимъ существованіемъ обязанъ Миссисипи и его притокамъ. Дельта еще и теперь часто заливается водою, осаждающей новые слои глины, и потому непрерывно мѣняетъ свои очертанія. Дно рѣки въ ея рукавахъ постепенно измѣняется и мѣстами образуетъ мели, затрудняющія судоходство. Мѣстность эта покрыта высокимъ тростникомъ, среди котораго находятъ себѣ убѣжище многочисленные аллигаторы. Теперь одинъ изъ рукавовъ рѣки сталъ доступенъ для торговли съ океаномъ; для этого большая часть воды была направлена при помощи дорого стóящихъ сооруженій въ средній рукавъ, «Южный проходъ»; на концѣ послѣдняго были сооружены двѣ огромныя дамбы до косы, находящейся въ морѣ. Вода, прибывая, размыла косу и вырыла сама себѣ русло болѣе семи метровъ глубиною, что дало возможность подниматься до Новаго Орлеана даже океанскимъ пароходамъ.

Далѣе на сѣверъ почва образована изъ той же наносной глины, какъ и дельта, но она поднята нѣсколько выше и покрыта лѣсами, заливаемыми только во время половодья. Для того, чтобы оградить себя отъ разливовъ рѣки, прибрежные жители соорудили высокіе валы, тянущіеся вдоль береговъ далеко вверхъ по теченію. Эти валы, вышиной до трехъ метровъ, называются здѣсь *леве* и напоминаютъ собою плотины Голландіи.

Самый Новый Орлеанъ, какъ Венеція, вышелъ изъ воды. Уровень города болѣе чѣмъ на одинъ метръ ниже обычнаго уровня воды въ рѣкѣ.. Леве служитъ оградой отъ наводненій и для самаго Новаго Орлеана, отстоящаго отъ устья на 92 мили: ближе къ морю не нашлось удобнаго мѣста для постройки города.

Какъ только мы проплыли форты Джаксона и Филиппа, мы увидѣли направо и налѣво плодородныя плантаціи апельсинныя, рисовыя и сахарнаго тростника. Съ лѣвой стороны онѣ пересѣкались приморской желѣзной дорогой. Рѣка дѣлаетъ здѣсь крутой изгибъ, открывая передъ нами высокое бѣлое зданіе — прежній монастырь Новаго Орлеана, нынѣ резиденція католическаго епископа. Тотчасъ за этимъ зданіемъ по берегу рѣки тянется на протяженіи одиннадцати километровъ портовая часть города съ башнями, куполами, каналами и сотнями морскихъ и рѣчныхъ пароходовъ, парусами и плоскодонными судами, на которыхъ перевозятся сюда товары съ бассейна Миссисипи. Особенное вниманіе всякаго прибывшаго сюда привлекаетъ огромное 10-тиэтажное зданіе сахарнаго завода на Сахарной набережной, куда пристаютъ пароходы изъ округовъ, богатыхъ сахарнымъ тростникомъ, главнымъ образомъ изъ Вестъ-Индіи. Огромный паромъ пересѣкаетъ здѣсь рѣку и посредствомъ него поддерживаются сноше-

нія между вокзалами главнаго города и предмѣстьемъ Гретной, лежащимъ на правомъ берегу рѣки.

Новый Орлеанъ справедливо носитъ названіе «полулунпаго», такъ какъ все расположеніе города повторяетъ изгибъ рѣки; подъѣзжая къ нему, мы видимъ, насколько можно охватить взглядомъ, вытянутыя полумѣсяцемъ верфи, у которыхъ стоятъ, тѣсно сомкнувшись, парусныя суда и пароходы. Рѣка при устьѣ течетъ отъ запада къ востоку; улицы, которыя идутъ параллельно рѣкѣ, повторяютъ ея крутые изгибы и отличаются необыкновенною длиною; онѣ пересѣкаются въ перпендикулярномъ направленіи другими правильными улицами, такъ что планъ города нѣсколько напоминаетъ шахматную доску.

Весь городъ вдоль и поперекъ перерѣзанъ каналами, по которымъ стекаетъ вода изъ города. Только при помощи искусственно проведенныхъ каналовъ и оказалось возможнымъ осушить болотистую мѣстность, на которой расположенъ Новый Орлеанъ. Всѣ почти каналы открыты, за исключеніемъ самыхъ крупныхъ, широкихъ, которые закрыты на томъ протяженіи, гдѣ городъ застроенъ домами. На одной изъ главныхъ улицъ, названной Улицей Канала (Canal Street), каналъ не только покрытъ сверху землей, но надъ нимъ даже проходитъ широкій бульваръ, занимающій средину широкой улицы.

Улицей Канала городъ дѣлится на старый, болѣе бѣдный, французскій, и новый, болѣе богатый, заключающій американскіе кварталы. Украшеніемъ улицы служатъ трехъэтажные ярко окрашенные каменные дома съ балконами. Послѣдніе утверждены на желѣзныхъ подпоркахъ и закрываютъ собой широкіе тротуары шаговъ на шесть, образуя аркаду, подъ которой прогуливаются во время дождя или солнечнаго зноя. Въ огромныхъ складахъ, магазинахъ, кафе жизнь бьетъ ключомъ подъ этими аркадами; черныя продавщицы цвѣтовъ, фруктовъ, разносчики газетъ, чистильщики сапогъ снуютъ здѣсь огромною толпой. Многочисленные рельсы служатъ частью для конной, частью для паровой желѣзной дороги; между ними снуютъ во множествѣ экипажи и телѣги съ кладью.

Тамъ, гдѣ улица эта подходитъ къ рѣкѣ, находится знаменитая *хлопковая* набережная, гдѣ ежегодно нагружаютъ около двухъ милліоновъ хлопковыхъ тюковъ. Хлопокъ въ жизни здѣшнихъ обитателей играетъ огромную роль. Здѣсь все занято имъ: имъ завалены набережная, огромные складочные амбары и дворы вдоль по берегу; цѣлыми обозами его везутъ по улицамъ; онъ клочьями валяется по мостовымъ, пристаетъ къ платьямъ прохожихъ; имъ заняты умы жителей, жующихъ даже ради развлеченія свой «коттонъ», выплевывая потомъ мокрые комки его, подобно тому, какъ жуютъ американцы табакъ. Даже всѣ занятія жителей имѣютъ прямое или косвенное отношеніе къ

хлопку. Мало того, разсказываютъ, что благодаря именно хлопку американцы одержали самую блестящую побѣду надъ англичанами въ войну 1815 года. Въ пяти миляхъ отъ города происходила битва англичанъ съ американцами, и американскій генералъ Джаксонъ воспользовался для своего редута хлопковыми тюками, изъ-за которыхъ американцы съ большою безопасностью для себя обстрѣливали наступавшаго непріятеля; изъ восьми тысячъ англичанъ въ короткое время легло на мѣстѣ двѣ

Улица въ Новомъ Орлеанѣ.

тысячи слишкомъ человѣкъ, тогда какъ у американцевъ потери выражались только шестью убитыми.

Хлопокъ до послѣдняго времени составляетъ главный предметъ вывоза. Въ 1888 году, напримѣръ, его было вывезено оттуда болѣе $37^1/_2$ милліоновъ килограммовъ. Цѣлые ряды пароходовъ бываютъ сверху до низу нагружены тюками хлопка, привезеннаго сюда съ Редъ-Ривера, Арканзаса и другихъ притоковъ Миссисипи. Этими тюками загромождено обширное пространство набережной; огромныя телѣги, запряженныя четверкою муловъ, едва успѣваютъ освобождать мѣсто для вновь привозимыхъ тюковъ. Прежде чѣмъ нагружать пароходы хлопкомъ для

вывоза на фабрики Сѣверныхъ Штатовъ и въ Европу, тюки подвергаютъ прессованію, для того чтобы на пароходѣ могло умѣститься большее количество груза. Для этого здѣсь существуютъ хлопковые прессы. Хлопковые тюки, вѣсомъ по 450 фунтовъ каждый, перевозятъ въ зданіе, гдѣ находится прессъ. Приводимый въ движеніе паровой машиной, онъ стягиваетъ тюкъ со всѣхъ сторонъ, такъ что послѣдній уменьшается почти на треть своего прежняго объема. Тюкъ тутъ же обтягивается желѣзными обручами и въ такомъ видѣ доставляется для нагрузки на пароходъ. Многочисленныя конторы для торговли хлопкомъ расположены въ улицѣ Carondelet и Gravier-Street, а на перекресткѣ ихъ находится великолѣпное зданіе—хлопковая биржа; подобныя красивыя сооруженія представляютъ также товарная и сахарная биржи.

Такъ какъ Новый Орлеанъ основанъ французами, бывшими обладателями Луизіаны, то французскій языкъ, французскіе нравы могутъ обратить ваше вниманіе на каждомъ шагу. Магазины на улицѣ Канала убраны на французскій ладъ, часто на улицѣ вы услышите французскій языкъ. Французскіе обычаи господствуютъ въ особенности во французской половинѣ города, примыкающей къ улицѣ Канала. Даже названія улицъ здѣсь французскія: напримѣръ, улица Бурбона, Дофинэ, Ройяль, Тулуза и т. п. Здѣсь есть также широкая улица, носящая названіе Елисейскихъ полей. Самый характеръ построекъ домовъ во французскомъ кварталѣ напоминаетъ нѣкоторыя парижскія предмѣстья, и только выглядывающіе кое-гдѣ листья банана, магноліи или пальмы заставляютъ васъ вспомнить, что вы не въ Парижѣ, а около тропиковъ.

Кромѣ французовъ, въ Новомъ Орлеанѣ живетъ значительное число испанскихъ креоловъ, нѣмцевъ и т. д. Послѣдніе поселились также въ особомъ кварталѣ, по сосѣдству съ французами. Каждый народъ упорно сохраняетъ свой языкъ, и когда приходится заговаривать съ незнакомымъ, то приходится спрашивать, на какомъ языкѣ онъ говоритъ. Трудно найти другой городъ въ Соединенныхъ Штатахъ, представляющій такую пеструю смѣсь языковъ и народовъ. Каждый народъ живетъ отдѣльно отъ другого, особнякомъ, и всѣхъ ихъ связываетъ только одинъ общій интересъ—хлопокъ.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на другую часть города, которую выбрало, или, точнѣе, должно было выбрать, для жительства бѣдное населеніе. Въ то время какъ дома лучшей части города строятся выше илистой почвы, чтобы предохранить отъ наводненія, деревянныя хижины бѣднаго населенія построены или прямо на болотистомъ грунтѣ, или же, подобно свайнымъ постройкамъ первобытныхъ людей, на сваяхъ.

Понятно, что такой городъ, выросшій изъ болотъ, населеніе могло избрать мѣстомъ своего пребыванія только въ силу необходимости. Во всемъ краѣ не нашлось даже сухого мѣста, гдѣ бы можно было хоро-

На пристани въ Новомъ Орлеанѣ.

нить умершихъ. Вездѣ, гдѣ только начинаютъ рыть, находятъ воду. Поэтому, не желая своихъ покойниковъ опускать въ воду, здѣшніе жители хоронятъ ихъ надъ землей въ саркофагахъ, какъ древніе египтяне. Гробницы въ Новомъ Орлеанѣ дѣлаются изъ кирпичей и имѣютъ форму четырехгранника. Передняя стѣнка оставляется открытой, гробъ вкладываютъ внутрь и затѣмъ закладываютъ стѣну кирпичами. Такое кладбище представляется съ виду настоящимъ городомъ мертвыхъ.

Въ Новомъ Орлеанѣ нѣтъ ни одного холма, пригоднаго для устройства водопровода; несмотря на обиліе влаги въ городѣ и вокругъ него, несмотря на рѣку и озеро, городъ все-таки терпитъ недостатокъ въ хорошей прѣсной водѣ. Населеніе принуждено пользоваться дождевой водой, выпадающей въ огромномъ количествѣ во время тропическихъ дождей. Для храненія ея здѣсь употребляются огромные чаны, или цистерны изъ кедроваго дерева. Такой чанъ, окрашенный обыкновенно въ зеленый цвѣтъ, возвышается въ уровень съ верхнимъ этажомъ дома, сверху бываетъ покрытъ колпакомъ и издали напоминаетъ какую-то башню. Вода эта недурна на вкусъ; жители экономно расходуютъ ее, особенно въ сухое время.

Конечно, тамъ, гдѣ чувствуется недостатокъ въ водѣ для питья, нельзя требовать большой чистоты въ жилищахъ самаго населенія; въ домахъ черныхъ провѣтриваніе комнатъ весьма плохое, и самый воздухъ въ этихъ кварталахъ, густо населенныхъ и расположенныхъ на болотѣ, насыщенъ вредными испареніями. Понятно поэтому, что каждое лѣто желтая лихорадка уноситъ здѣсь много жертвъ и свирѣпствуетъ съ большою силой. Болѣе зажиточные классы съ наступленіемъ дождливаго времени спѣшатъ уѣхать подальше отъ этого очага болѣзней.

«Что это за страшная болѣзнь!—описываетъ очевидецъ, посѣтившій переполненныя людьми жилища Новаго Орлеана; — она не похожа на чуму съ ея багровыми пятнами, съ невыносимой лихорадкой и потерей сознанія; она не похожа и на холеру съ ея сильными спазмами и ослабляющими человѣка страданіями. Желтая лихорадка имѣетъ признаки самой обыкновенной, легкой болѣзни: ознобъ съ легкою дрожью, головная боль, черезъ нѣкоторое время боль въ спинѣ. Конечно, больной думаетъ, что это пустяки. При такомъ нездоровьѣ онъ не находитъ нужнымъ ложиться въ постель, а бѣднякъ-работникъ и не можетъ этого сдѣлать. Вмѣсто того, чтобы лечь въ постель, позвать доктора и принять всѣ нужныя мѣры, онъ остается на работѣ до тѣхъ поръ, пока не станетъ слишкомъ поздно. Онъ переноситъ кризисъ болѣзни, не замѣчая его. Онъ мечется на постели и чувствуетъ страшную головную боль. Затѣмъ наступаетъ улучшеніе, и радость и надежды снова окрыляютъ больного. Но вслѣдъ за этимъ приступъ лихорадки возобновляется. Послѣдняя надежда на выздоровленіе исчезла; слабый, мертвенно-блѣд-

ный лежитъ больной съ едва слышнымъ пульсомъ. Вслѣдъ за этимъ появляются кровавыя пятна на губахъ, кровь идетъ горломъ, и черезъ нѣсколько часовъ больной умираетъ».

Намъ осталось еще заглянуть на нѣсколько минутъ на улицу Леве, т.-е. Плотинную, чтобы познакомиться съ нѣкоторыми другими особенностями этого города. Первое, что обращаетъ наше вниманіе,—это постоялые дворы степняковъ изъ Техаса, пригоняющихъ сюда свой скотъ для продажи мясникамъ. Они представляютъ длинный рядъ конюшенъ и сараевъ, набитыхъ рогатымъ скотомъ, лошадьми и свиньями. Когда требуется доставить нѣсколько десятковъ головъ на бойню, техасцы собираютъ назначенный скотъ и верхомъ гонятъ его на бойню. Случается, что быкъ или корова отобьется отъ стада и, поднявъ хвостъ, помчится по улицамъ города, напрасно пытаясь попасть на просторъ степи. Степные наѣздники, на потѣху городскихъ жителей, бросаются за животнымъ, съ изумительною ловкостью и мѣткостью набрасываютъ ему на рога лассо и тащатъ его за собой, несмотря на всѣ усилія быка освободиться.

Недалеко отсюда находится большая фабрика жевательнаго табаку. Листовой табакъ прессуется довольно тонкими пластинками. Американцы, большіе любители жеванія табаку, откусываютъ комокъ и пережевываютъ его нѣкоторое время, затѣмъ выплевываютъ. Привычка эта особенно распространена среди рабочаго класса, такъ что табаку для жеванія потребляется большое количество. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ много такихъ фабрикъ, и всѣ онѣ приготовляютъ табакъ главнымъ образомъ для внутренняго потребленія.

Въ Луизіанѣ.

(Циммермана.)

Послѣ тряской ѣзды на почтовыхъ по избитымъ дорогамъ Техаса и безпокойнаго ночлега въ переполненной гостиницѣ въ возникающемъ городѣ Хальвилѣ было истиннымъ наслажденіемъ остановиться въ Чревепортѣ, въ настоящемъ американскомъ отелѣ, обставленномъ своеобразнымъ американскимъ комфортомъ. И тѣмъ болѣе, что городъ Чревепортъ, лежащій въ штатѣ Луизіанѣ, на берегу Редъ-Ривера, почти на границѣ Техаса, самъ по себѣ пріятный городъ средней величины. Красиво расположенный на холмахъ, онъ съ перваго взгляда представляетъ ту особенность, что выстроенъ какъ будто гнѣздами. Придерживаясь прямолинейныхъ улицъ, жители воздвигли свои красивые дома по холмамъ и ихъ склонамъ, а большая часть низменныхъ мѣстъ между холмами осталась незастроенною, такъ что среди города находится не мало значительныхъ пустопорожнихъ промежутковъ. Но болѣе всего

привлекательны окрестности Чревепорта, расположенныя по холмистой мѣстности и покрытыя лѣсами. Благодаря тому, что послѣдніе лишены подлѣска, ліанъ и другихъ вьющихся растеній, можно гулять по этимъ прекраснымъ лѣсамъ, какъ по очищенному парку, несмотря на то, что они теперь еще находятся въ нетронутомъ, почти дѣвственномъ состояніи. Мнѣ удалось лѣсами пробраться къ озеру Каддо, находящемуся верстахъ въ восьми къ сѣверо-западу отъ города, и невольно вспоминалъ я тутъ, какъ въ Европѣ изъ Англіи, Германіи и даже изъ Россіи люди совершаютъ дальнія поѣздки въ Швейцарію для того только, чтобы насладиться красотами природы, подобными здѣшнимъ. А тутъ это озеро, такъ легко доступное для жителей города, до сихъ поръ таится среди великолѣпныхъ лѣсовъ, въ глубокомъ уединеніи, блистая на солнцѣ красно-бурой водой своей. Кое-гдѣ по высокимъ холмамъ, его окружающимъ, выглядываютъ между деревьями лачужки негровъ, заводящихъ среди этой живописной мѣстности свои небольшія фермы. И такихъ озеръ среди лѣсовъ находится нѣсколько въ недальнемъ разстояніи отъ города, какъ по ту, такъ и по другую сторону Редъ-Ривера. Когда со временемъ сосѣдніе горожане будутъ искать для дачъ красивыхъ мѣстъ, то, поздно спохватившись, они увидятъ, что лучшія изъ нихъ уже заняты неграми, и тогда имъ придется пріобрѣтать тѣ же мѣста за дорогія цѣны.

Что же въ настоящее время такъ сильно поглощаетъ все вниманіе жителей? Не что иное, какъ все тотъ же неизбѣжный хлопокъ, тюки котораго то и дѣло подвозятся къ пристани города и по желѣзной дорогѣ, и на волахъ. Въ настоящее время года въ южныхъ штатахъ рѣшительно никуда не спасешься отъ хлопка; и въ этомъ отношеніи пристани по Редъ-Риверу и другимъ притокамъ Миссисипи представляютъ собою нѣкоторое подобіе новоорлеанское леве, но лишь въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Пароходъ, на который я сѣлъ, намѣреваясь спуститься внизъ по Редъ-Риверу, былъ въ полномъ смыслѣ слова закутанъ въ хлопокъ; тюки громоздились по бортамъ, начиная съ нижней палубы и почти до третьяго яруса. Кажется, теперь хоть изъ пушекъ пали въ пароходъ — ему ничего не сдѣлается! Тюковъ числомъ было всего тысяча; кромѣ того, еще много другой клади. Нашъ пароходъ, «Дора», могъ бы принять до 1.600 тюковъ. На широкихъ, длинныхъ, но не глубоко сидящихъ въ водѣ американскихъ пароходахъ только и возможно перевозить такое обширное количество клади по рѣкамъ, въ которыхъ вода нерѣдко бываетъ всего около трехъ футовъ глубины. Непонятнымъ становится, отчего нигдѣ въ Европѣ не строятся пароходы по американскому образцу, которые во всѣхъ отношеніяхъ лучше глубоко сидящихъ въ водѣ, неуклюжихъ и мало помѣстительныхъ европейскихъ.

Редъ-Риверъ, т.-е. Красная рѣка, вполнѣ отвѣчаетъ своему прозвищу: густая вода ея имѣетъ цвѣтъ красно-бураго кирпича, размытые берега состоятъ изъ глины тоже яркаго цвѣта, и вдобавокъ ко всему на берегу попадались деревянные дома, окрашенные тою же краской, такъ что рѣшительно красный цвѣтъ всюду бьетъ въ глаза. Берега мѣстами сходятся до того близко между собой, что пароходъ, держась глубокой воды, своими колесами и высокими трубами задѣвалъ за сучья, и, съ трескомъ отрываясь отъ дерева, они по временамъ падали на верхнюю палубу третьяго яруса. Не легко управлять такимъ пароходомъ, и должность рулевого, наблюдающаго изъ своей высокой башни за рѣкой, чрезвычайно трудная. Для того чтобы получить званіе рулевого, онъ долженъ по крайней мѣрѣ лѣтъ пять ходить съ пароходомъ по рѣкѣ въ качествѣ помощника, или по-нашему — ученика. На пароходѣ два главныхъ рулевыхъ и два помощника. Сверхъ того, за соблюденіемъ всѣхъ этихъ условій строго слѣдятъ уже въ своихъ интересахъ общества страхованія. Послѣднія въ описываемое время имѣли въ виду очистить рѣку отъ разныхъ пней, торчащихъ на днѣ ея и весьма опасныхъ для судоходства. Для этой цѣли общества пригласили одного изъ старыхъ опытныхъ рулевыхъ, знающаго Редъ-Риверъ какъ свое жилище, съ тѣмъ, чтобы онъ проѣхалъ по рѣкѣ и доставилъ обществамъ свѣдѣнія о мѣстахъ, наиболѣе опасныхъ своими пнями. Этотъ рулевой находился также между пассажирами «Доры».

Пароходъ шелъ довольно скоро, но такъ ровно, что, привыкнувъ къ однообразному шуму колесъ и къ пыхтѣнію паровика, ночью крѣпко спишь въ уютной койкѣ. Наступила уже вторая ночь. Мы плывемъ впередъ, благополучно миновавъ нѣсколько опасныхъ мѣстъ, на которыя между прочимъ указывалъ мнѣ старикъ рулевой. Пассажиры уже улеглись. Пароходъ мѣрно бороздитъ красную воду рѣки. Вдругъ среди ночи меня кто-то толкнулъ: «вставайте и выбирайтесь вонъ! пароходъ горитъ!» успѣлъ только сказать старый рулевой. Одѣвшись на скорую руку, выхожу вонъ изъ залы; въ окно блеснулъ свѣтъ пламени. Загорѣлся хлопокъ отъ искръ, падающихъ изъ трубъ. Тамъ негры суетятся около огня; пассажиры повыбрались изъ каютъ; рулевой направилъ пароходъ къ берегу... Однако, къ счастью нашему, негры успѣли потушить пламя, подымавшееся выше третьяго яруса. Все это происходило въ пустынной мѣстности, среди лѣсовъ, растущихъ по обоимъ берегамъ. Отъ начавшагося пожара почернѣли лишь на поверхности четыре тюка съ хлопкомъ Пассажиры на пароходѣ опять успокоились и разбрелись по своимъ мѣстамъ. Взяты были мѣры, чтобы хлопокъ не загорѣлся опять отъ случайно затлѣвшейся въ немъ искры, и цѣлую ночь негры смѣняли другъ друга, наблюдая за тюками.

Съ наступившимъ яснымъ утромъ пароходъ шелъ между берегами уже

болѣе заселенными. Красивые дома фермеровъ такъ близко стояли къ водѣ, что капитанъ и другіе люди на палубѣ, проѣзжая мимо, перекликались и размѣнивались съ жителями привѣтствіями и разными любезными рѣчами. Къ намъ навстрѣчу шелъ другой пароходъ, и кассиръ его бросилъ мимоходомъ на нашу палубу газету, привязанную къ палкѣ, доставивъ намъ такимъ образомъ самыя свѣжія новости изъ Новаго Орлеана. Когда мы вышли въ Миссисипи, то я высадился въ мѣстечкѣ Бею-Сара, лежащемъ на лѣвомъ берегу.

Сборъ хлопка.

Городъ расположился у подножія возвышенностей, которыя тянутся вдоль по берегамъ. Низменныя, большею частью поемныя, береговыя мѣста называются «боттомъ». Сожженный во время войны городокъ съ недавнихъ поръ началъ опять обстраиваться, и на прежнихъ развалинахъ возникли уже новые дома съ магазинами, складами, гостинницами и прочими принадлежностями американскаго города, находящагося, подобно Бею-Сара, при станціи желѣзной дороги. На другой день пришелъ пароходъ изъ Новаго Орлеана, и я поѣхалъ на немъ въ Санъ-Луи. Только тогда, когда самъ совершишь многодневную поѣздку на пароходѣ по Миссисипи, получаешь настоящее наглядное понятіе объ огромномъ протяженіи этого «отца рѣкъ», какъ про-

званъ онъ индѣйцами, орошающаго необъятныя пространства земель разныхъ климатовъ и произведеній. Начинаясь далеко на сѣверѣ, тамъ, гдѣ произрастаютъ лишь рожь, кукуруза, а потомъ, южнѣе, и пшеница, Миссисипи извилинами течетъ далѣе къ югу, омывая своими водами хлопковыя поля, и несется къ морю мимо богатыхъ сахарныхъ и наконецъ, рисовыхъ плантацій, разведенныхъ по низовьямъ его обширной пятилопастной дельты. Недѣли двѣ, по крайней мѣрѣ, требуется на то, чтобы проѣхать отъ устья до водопадовъ Св. Антонія, гдѣ останавливается судоходство, хотя, впрочемъ, другія суда ходятъ выше самихъ водопадовъ еще далѣе на сѣверъ. Если же пуститься по впадающей въ него Миссури, то придется проѣхать еще гораздо большее пространство Этому огромному протяженію своему съ сѣвера на югъ отецъ рѣкъ и обязанъ по преимуществу своей громадной всесвѣтной славой, тогда какъ по ширинѣ русла, по береговымъ видамъ, по разнообразію растительности найдется, конечно, много рѣкъ, особенно въ Южной Америкѣ, которыя превзойдутъ Миссисипи. И въ самомъ дѣлѣ, мы семь дней и ночей употребили на переѣздъ до Санъ-Луи, дѣлая въ сутки около полутораста миль, и въ это время мы едва успѣли выѣхать изъ области хлопка. Ѣдемъ день, ѣдемъ другой, и передъ взорами подвижной панорамой проходятъ все тѣ же невысокіе берега съ свѣже размытыми водой краями, съ подымающимися вдали въ видѣ холмовъ возвышенностями. И по берегамъ все тѣ же лѣса коттонвуда, здѣсь и тамъ смѣняемые полями хлопка или маиса. Думаешь, наконецъ, гдѣ же предѣлъ этой рѣки? И мысль о безпредѣльности ея невольно охватываетъ васъ. Лачужки дровосѣковъ и даже красивые дома фермеровъ пропадаютъ какъ песчинки среди необъятныхъ, еще рѣдко заселенныхъ пустынь. Иногда только холмы, подступая ближе къ водѣ, причудливыми очерками своихъ вершинъ вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ монотонность береговыхъ видовъ. У подножія такихъ холмовъ гнѣздятся обыкновенно мѣстечки, состоящія изъ нѣсколькихъ дощатыхъ домиковъ и изъ кирпичныхъ строеній. И во все время нашего плаванія пароходъ приставалъ только къ тремъ городамъ болѣе значительной величины, а именно: во второй день къ Винсбургу, расположенному на террасахъ, образованныхъ холмами, прибрежными возвышенностями; потомъ, на пятый день къ Мемфису, лежащему на самомъ верху холма, часть котораго къ рѣкѣ была снята отлого до самой поверхности воды, такъ что отъ нея покатый подъемъ ведетъ наверхъ къ городу; и, наконецъ, на седьмой день мы приставали у устья Охейо въ Каиро, или Керо, какъ выговариваютъ американцы. Проѣзжая по прошествіи одиннадцати лѣтъ во второй разъ мимо этого города, я былъ неожиданно пораженъ его настоящимъ положеніемъ. Дѣло въ томъ, что при впаденіи Охейо въ Миссисипи необходимо было устроить складочное мѣсто для судовъ, хо-

На Миссисипи.

дящихъ по обѣимъ рѣкамъ; но въ этомъ самомъ мѣстѣ берега всюду такъ низки, что заливаются водой то изъ одной, то изъ другой рѣки. Потому прежде Керо, выстроенный на низменномъ мысѣ, состоялъ лишь изъ нѣсколькихъ сараевъ и небольшихъ домиковъ. Теперь же, благодаря проходящей сюда желѣзной дорогѣ съ сѣвера, все измѣнилось: для проложенія рельсовъ было необходимо нанести насыпи, для того подвезли по рельсамъ землю; весь низменный мысъ покрытъ такою же насыпью, и теперь Керо, не подвергаясь болѣе разлитіямъ, представляетъ порядочный городъ, обстроенный многоэтажными каменными зданіями; тутъ мѣсто для города создано, такъ сказать, самими жителями. Выгрузивъ здѣсь товары для Цинцинnати, Луизвиля и Питсбурга и принявъ другіе, нашъ пароходъ пошелъ далѣе вверхъ по Миссисипи.

Сахарная плантація въ Луизіанѣ.

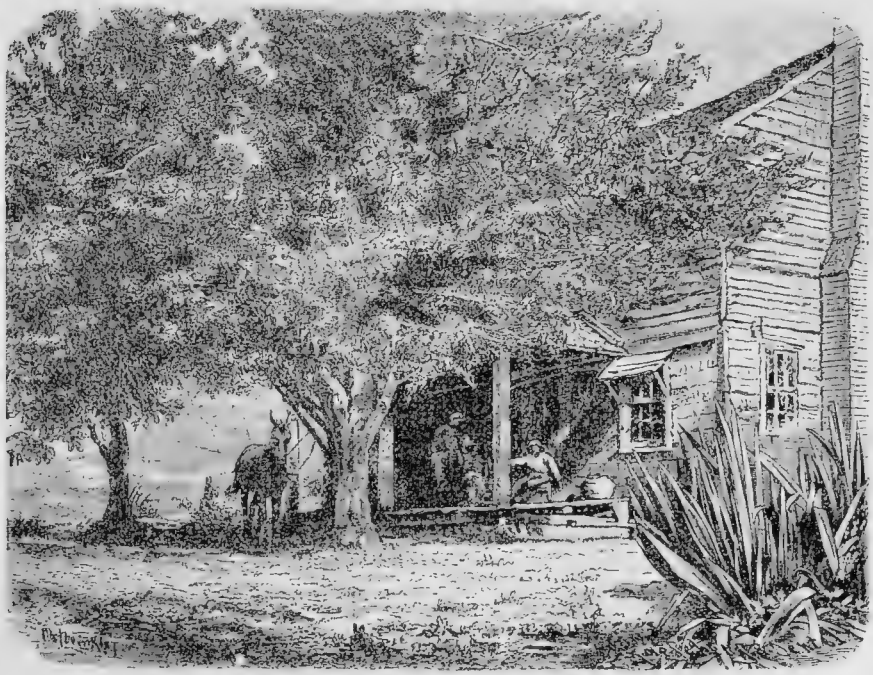
(Циммермана.)

Къ самымъ доходнымъ статьямъ земледѣлія въ Луизіанѣ относится сахаръ. Но сахарныя плантаціи занимаютъ по берегамъ Миссисипи довольно ограниченное пространство, простираясь отъ Новаго Орлеана, вверхъ по теченію, на разстояніе немногимъ болѣе ста миль, а внизъ по рѣкѣ еще гораздо менѣе того. Эти земли по своей дорогой цѣнѣ доступны только людямъ, обладающимъ капиталами въ нѣсколько десятковъ тысячъ долларовъ; здѣсь на сахарныхъ плантаціяхъ безденежный земледѣлецъ осужденъ оставаться навсегда наемнымъ работникомъ; здѣсь владѣютъ исключительно богатые люди... У меня было рекомендательное письмо къ одному изъ обладателей сахарной плантаціи, прозванной Иверъ-Гринъ. Я отправился на леве въ Новомъ Орлеанѣ и взялъ мѣсто на одномъ изъ пароходовъ, ходящихъ вверхъ по Миссисипи. Пароходъ шелъ полдня и цѣлую ночь, то и дѣло приставая къ берегу для того, чтобы высадить пассажира или сдать какую-нибудь кладь. На слѣдующее утро онъ подошелъ къ размытому водой берегу; багажный смотритель объявилъ мнѣ, что тутъ плантація Иверъ-Гринъ. Я поспѣшилъ пройти по перекинутой съ борта доскѣ и вышелъ на берегъ; а пароходъ тотчасъ же вновь отчалилъ и пошелъ себѣ далѣе вверхъ по рѣкѣ. Не видя сначала передъ собой ничего, кромѣ возвышающагося валомъ леве, который тянется по обоимъ берегамъ, я взошелъ на возвышеніе. Тутъ, близъ вала, по другую сторону неширокой дороги, стоялъ двухъэтажный довольно красивый домъ съ верандами и бельведеромъ, окруженный садомъ съ зеленѣющими круглый годъ деревьями, вслѣдствіе чего плантація и названа Иверъ-Гринъ, т.-е. вѣчнозеленая. Пройдя черезъ садъ, я вошелъ въ большую комнату дома, гдѣ передалъ письмо находившейся тутъ экономкѣ. Вскорѣ

явился владѣлецъ, г. Грассенъ, и пригласилъ меня къ камину, обычному мѣсту для гостя во всякомъ американскомъ домѣ, невзирая на то, тепло ли, холодно ли на дворѣ.

Г. Грассенъ въ тотъ же день познакомилъ меня съ сосѣдями по своему околотку, что, впрочемъ, было весьма легко совершить, потому что плантаціи наподобіе обширныхъ полосъ, обращенныхъ узкой стороной къ берегу, тянутся одна возлѣ другой, такъ что сосѣднія дачи недалеко размѣщены другъ отъ друга. Такимъ образомъ мнѣ удобно было познакомиться съ работами и ходомъ дѣлъ на плантаціяхъ: на одной совершалась выварка сахара, на другой вспахивали поля, на третьей сажали тростникъ. Плантаціи своимъ расположеніемъ такъ походятъ одна на другую, что, ознакомившись съ одной, уже легко можно знать, что и гдѣ находится на другой. Прежде всего напомнимъ, что у самаго леве, которымъ плантаціи ограждаются отъ разлитій во время половодья, тянется дорога, служащая главнымъ средствомъ сообщенія для здѣшнихъ жителей. Въ сухое время эта дорога очень хороша, но послѣ дождей вязкій, липкій черноземъ сильно затрудняетъ ѣзду. Вдоль одной стороны дороги тянутся простые заборы, прерываемые болѣе красивыми оградами, окрашенными въ бѣлый цвѣтъ. Большія разукрашенныя ворота ведутъ въ садъ или аллею, проложенную до дома болѣе или менѣе роскошной постройки, смотря по средствамъ плантатора За садомъ находится огородъ, къ которому примыкаютъ разныя мелкія хозяйственныя постройки. Потомъ отъ дома широкая дорога идетъ въ поля. По обѣ ея стороны размѣщены: конюшни, амбары, домъ смотрителя или управляющаго и сахарный заводъ. Потомъ тянутся обыкновенно въ два ряда небольшіе деревянные домики прежнихъ невольниковъ, занимаемые теперь наемными работниками съ ихъ семействами. При каждомъ домикѣ находится огородъ. А тамъ уже раскидываются поля и тянутся до самаго лѣса, которымъ плантаціи и ограничиваются съ материковой стороны. Несмотря на леве, поля приходится осушать довольно обширною системой каналовъ и канавъ. Почва, состоящая изъ наносной илистой глины, по цвѣту и на ощупь напоминаетъ собой черноземъ въ нашихъ южныхъ степяхъ; она называется здѣсь французами жирной землей. Это и есть самая лучшая земля для сахара. Изъ орудій для полевой обработки употребляется, такъ же какъ и для хлопка, одинъ только плугъ. Земля вспахивается грядами, и весной по вершинамъ грядъ кладутся рядомъ стебли тростника, разрѣзаннаго въ куски около двухъ футовъ длиной, и слегка лишь прикрываются землей. Въ мѣстахъ, гдѣ находятся узлы тростника, выходятъ корни и новые стебли. Послѣ этого остается только пропалывать поле разъ-другой. Осенью, когда растеніе достигаетъ полнаго роста, никакое поле не можетъ сравниться съ тростникомъ, съ его высокими

стеблями, увѣнчанными длинными свѣтло-зелеными листьями. Иногда, впрочемъ, сажаютъ тростникъ и осенью на зиму; но въ такомъ случаѣ покрываютъ его довольно толстымъ слоемъ земли, дабы предохранить отъ холодовъ; потомъ весной землю снимаютъ сверху, такъ, чтобы на посаженный тростникъ могло вліять солнечное тепло. Тростниковое поле, разъ посаженное, даетъ здѣсь два, изрѣдка лишь три урожая кряду, тогда какъ во Флоридѣ такихъ урожаевъ бываетъ шесть-семь, а на Кубѣ—двадцать и болѣе. По этому одному уже можно судить, что Луизіана не въ состояніи была бы соперничать съ Кубой по сахарному



Ферма въ южныхъ штатахъ.

производству, и оно держится здѣсь благодаря лишь высокому тарифу на привозный сахаръ. По истеченіи двухъ лѣтъ, т.-е. послѣ двукратной уборки сахара, въ Луизіанѣ поле перепахивается и засѣивается кукурузой вмѣстѣ съ бобами особаго рода. Первая снимается осенью, а послѣдніе служатъ собственно для удобренія почвы, и потому по сборѣ кукурузы бобовые всходы часто запахиваются въ землю. Это и есть единственное удобреніе, какое употребляется на здѣшнихъ сахарныхъ плантаціяхъ. Такимъ образомъ постоянно находится двѣ трети всѣхъ пахотныхъ полей подъ тростникомъ, а одна треть подъ маисомъ съ бобами.

Уборка тростника начинается обыкновенно въ ноябрѣ и продолжается до января. Негры срѣзаютъ какъ можно ниже стебли, которые бываютъ въ руку толщиной, и сваливаютъ ихъ въ телѣги. Доставленный на заводъ тростникъ пропускается между тремя почти соприкасающимися между собой цилиндрами. Выжатый сокъ проводится въ большіе котлы, поставленные на довольно длинную кирпичную печь. Подвергаясь вываркѣ, сахарный сокъ переливается большими лопатообразными ложками изъ одного котла въ другой, потомъ въ третій. Наконецъ, когда онъ достаточно сгущенъ и очищенъ, его проводятъ въ плоскодонные резервуары, гдѣ сокъ, охлаждаясь, окончательно твердѣетъ, а жидкая масса, или патока, протекаетъ внизъ. Полученный такимъ образомъ сахаръ, хотя и не совсѣмъ еще чистый, но съ примѣсью патоки, сваливается въ большіе чаны, вмѣщающіе въ себѣ каждый по 1.200 фунтовъ, и въ такомъ видѣ поступаетъ на рынки. На одной изъ большихъ плантацій, далѣе внизъ по Миссисипи, я видѣлъ на заводѣ новаго устройства аппаратъ для болѣе совершенной очистки сахара. Вываренный сокъ поступаетъ въ особаго рода цилиндръ съ мелкими отверстіями по всей боковой поверхности. Цилиндръ приводится въ быстрое вращательное движеніе; вслѣдствіе центробѣжной силы жидкая патока вытѣсняется изъ отверстія и стекаетъ внизъ, а въ цилиндрѣ остается совершенно бѣлый, въ видѣ кристаллическихъ крупинокъ сахаръ, который въ чистотѣ не уступаетъ рафинаду. Заводъ и называется центробѣжно-рафинаднымъ. Въ сутки на немъ вываривается и очищается до десяти бочекъ чистаго сахара. Для того чтобы дать понятіе о чрезвычайной доходности тростниковыхъ полей въ сравненіи съ хлѣбными, скажемъ только, что сахарное поле по малой мѣрѣ вчетверо доходнѣе хлѣбнаго. Десять человѣкъ легко могутъ обработать сто акровъ подъ тростникомъ и маисомъ вмѣстѣ. Работникъ получаетъ здѣсь 16 долларовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Притомъ каждому негру отводится особое жилище вмѣстѣ съ огородомъ для его семьи. Въ послѣднемъ разводятся маисъ, картофель, бататы и разная зелень для домашняго употребленія негрскаго семейства, которое держитъ также своихъ свиней, куръ, а иногда даже коровъ. Работаютъ же негры по пяти съ половиною дней въ недѣлю, оканчивая работу на плантаторскихъ поляхъ въ субботу въ полдень. Замѣтимъ еще, что, подражая американскимъ фермерамъ, негры не посылаютъ своихъ женъ на полевыя работы, что, конечно, не нравится здѣшнимъ землевладѣльцамъ.

Лѣсъ, всегда имѣющійся при плантаціи, не составляетъ особеннаго источника дохода, но служитъ для добыванія топлива на сахарный заводъ. Этотъ лѣсъ, растянутый позади плантаціи, до сихъ поръ находится большею частью въ первобытномъ своемъ состояніи, особенно въ мѣстахъ болѣе удаленныхъ. Потому прогулка по немъ даетъ хорошее

понятіе о томъ минувшемъ дѣвственномъ состояніи, въ какомъ находился весь край до поселенія здѣсь бѣлаго человѣка.

Однимъ прекраснымъ январскимъ утромъ, съ которымъ въ нашемъ суровомъ климатѣ можетъ сравниться развѣ только изрѣдка выдающееся утро въ маѣ или іюнѣ, я отправился по дорогѣ мимо ряда домиковъ, гдѣ жены негровъ были заняты своимъ домашнимъ хозяйствомъ, между тѣмъ какъ мужья ихъ снаряжались на полевыя работы, а дѣти весело играли въ палисадникѣ. Миновавъ тростниковыя и маисовыя поля, я перешелъ черезъ широкую канаву, обведенную по окраинѣ пашни, и сталъ проникать въ чащу. Могучія, обнаженныя теперь отъ листвы деревья, для которыхъ наши березы и осины могли бы служить простыми сучьями, до самаго верха были обвиты ліанами, словно толстыми канатами. Подлѣсокъ, состоящій изъ зеленѣющихъ лиственныхъ породъ и пальметто, рѣзко выдѣлялся своею свѣжею густою зеленью. Почва, покрытая лѣсомъ, та же самая, на которой воздѣлывается сахаръ, и такая почва тянется приблизительно миль на двадцать отъ рѣки внутрь материка, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ на песчаной мѣстности начинаются безконечные сосняки. Неистощимыя богатства растительныхъ туковъ хранятся здѣсь для будущихъ воздѣлывателей земли.

Въ теченіе недѣли, которую я провелъ въ гостяхъ у г. Грассена, были приведены къ концу работы истекшаго года на плантаціяхъ, а до начала новыхъ полевыхъ работъ оставалось еще недѣли двѣ-три. По этому случаю владѣлецъ Иверъ-Грина, какъ начинающій хозяинъ, приготовилъ для своихъ работниковъ угощеніе. Для пиршества было отведено большое пространство подъ навѣсомъ сахарнаго завода. Пиръ начался съ обѣда, для котораго было убито: одинъ волъ, два барана, четыре гуся, два индюка, восемь куръ; кромѣ того, было наготовлено много съѣстного изъ маиса, риса, бататовъ и пр.; къ десерту подавались сладкія печенья и разнаго рода конфеты; все это запивалось простымъ краснымъ виномъ здѣшняго производства. На такой истинно гомерическій обѣдъ явились не только работники съ плантаціи Иверъ-Гринъ, но также родственники и друзья ихъ съ сосѣднихъ плантацій. Негровъ и щегольски разодѣтыхъ негритянокъ собралось до полутораста человѣкъ. Послѣ обѣда былъ открытъ балъ. Оркестръ состоялъ изъ одной скрипки и еще трехъ молодыхъ негровъ, помогавшихъ скрипачу, неистово хлопая ладонями по своимъ ляжкамъ и притопывая въ тактъ ногами. Импровизированные музыканты съ такимъ рвеніемъ исполняли свою должность, что уставали скорѣе танцующихъ, впрочемъ, тоже не щадившихъ своихъ ногъ. Случалось, что музыка отъ истощенія вдругъ прерывалась въ самый разгаръ танцевъ. Впрочемъ, трудно было бы уловить, какого рода танцы сочиняли тутъ негры. Это была какая-то смѣсь кадрили съ галлопадомъ, смѣнявшимся иногда настоя-

щею негрскою, туземнаго происхожденія пляскою. Въ промежуткахъ неграмъ разносили красное вино, а негритянкамъ подавали лимонадъ. Они танцовали съ большимъ азартомъ, и всѣ старались сохранить пріемы свѣтскаго приличія, которые негры подмѣчаютъ, слѣдя за обращеніемъ своихъ хозяевъ между собой.

Положеніе негровъ въ южныхъ штатахъ.

(А. Краснова.)

Когда вы покинете Санъ-Франциско и переѣдете за Каскадныя горы въ Техасъ, негры начинаютъ встрѣчаться чаще и чаще, и чѣмъ больше ихъ численность, тѣмъ нетерпимѣе относится къ нимъ бѣлый. За что ненавидятъ здѣсь негра, понять трудно. Онъ работаетъ какъ волъ, онъ не только чернорабочій, но и мелкій торговецъ и промышленникъ, весьма полезный въ краѣ. Изъ негровъ же состоитъ большая часть прислуги. Но это человѣкъ другой расы, другого склада ума и характера, и главное—это недавній рабъ, котораго насильственно освободили сѣверные штаты, чего ему никогда не простятъ южане. И вотъ въ странѣ, которая на весь міръ кричитъ о своей свободѣ и либерализмѣ, на этого негра воздвигнуто такое гоненіе, что врядъ ли въ эпоху, описываемую Бичеръ-Стоу, ему жилось хуже, чѣмъ въ настоящее время. Убить негра, застрѣлить его какъ собаку не считается преступленіемъ, и бѣлый за весьма небольшой штрафъ выйдетъ всегда правымъ изъ суда.

Негръ не имѣетъ права вступать въ торговыя и другія компаніи съ бѣлымъ. Если онъ вступитъ въ бракъ съ американкой, въ нѣкоторыхъ штатахъ его дѣти не признаются законными и гражданами, и они должны эмигрировать въ Мексику, чтобы искать хоть какихъ-нибудь правъ на существованіе. Въ Техасѣ, Луизіанѣ и смежныхъ штатахъ расовая ненависть доходитъ до того, что негровъ превратили въ полномъ смыслѣ слова въ паріевъ Индіи, всякое общеніе съ которыми оскверняетъ. При мнѣ былъ случай, что когда негръ изъ зажиточнаго класса сѣлъ въ вагонъ 1-го класса и администрація поѣзда отказалась по требованію пассажировъ вывести его вонъ, такъ какъ онъ заплатилъ стоимость своего билета, то на первой же станціи всѣ пассажиры до одного отказались продолжать путь въ этомъ поѣздѣ и компанія, боясь потерпѣть убытки, заставила негра удалиться. Другой разъ одинъ изъ министровъ республики Санъ-Доминго, прибывшій въ Новый Орлеанъ, былъ принужденъ ѣхать на пароходѣ въ 3-мъ классѣ, такъ какъ его не пустили въ 1-й, куда допускаютъ только бѣлыхъ. Изъ пансіона въ Цинциннати выключили успѣшно учившагося мальчика за то только, что онъ имѣлъ настолько смуглый цвѣтъ кожи, что директоръ заподозрилъ въ немъ

примѣсь негритянской крови, и оскорбленные родители возбудили процессъ, доказывая, что ребенокъ ихъ чистокровный бѣлый. Негръ долженъ жить отдѣльно, вступать въ бракъ только съ черными, имѣть дѣла только съ неграми, для бѣлыхъ же въ лучшемъ случаѣ быть рабомъ, какимъ онъ былъ до войны за освобожденіе. Само собой разумѣется, что негры, изъ среды которыхъ въ штатахъ, болѣе сѣверныхъ, какъ въ Виргиніи и Каролинѣ, есть доктора, юристы и университетски образованные люди, ведутъ сильную борьбу противъ такого без-

Негрскій кварталъ.

правія. Но въ штатахъ южныхъ и юго-западныхъ они еще не скоро добьются чего-либо.

Въ этой «свободной странѣ» равенство и равноправность между бѣлыми существуютъ на ряду съ неравенствомъ между людьми разныхъ расъ, и несмываемое пятно позора, лежавшее на рабовладѣльцахъ южныхъ штатовъ, достаточно ярко описанное въ «Хижинѣ дяди Тома», смѣнилось здѣсь еще большимъ позоромъ расцвѣтающихъ здѣсь расовыхъ и сословныхъ предразсудковъ. Бѣлые никакъ не могутъ помириться съ тѣмъ, что ихъ бывшіе черные рабы теперь такіе же граждане, какъ и они сами.

По закону съ 1866 года негры не только свободны, но и граждане Соединенныхъ Штатовъ. Они имѣютъ право голоса въ засѣданіяхъ и трибунахъ, право быть выбираемыми въ качествѣ народныхъ представителей въ отдѣльныхъ штатахъ и даже въ національномъ собраніи-конгрессѣ.

Въ южныхъ штатахъ Америки, особенно въ Луизіанѣ, Южной Каролинѣ и Флоридѣ, негритянское населеніе составляло такое большинство, что, дѣйствительно, первыя десять лѣтъ неграмъ удавалось фигурировать въ качествѣ такихъ выборныхъ лицъ.

Все это привело въ южныхъ штатахъ къ образованію двухъ кастъ: бѣлой и черной, и американскіе штаты могутъ дать картину кастовыхъ предразсудковъ не менѣе поучительную, чѣмъ Индія.

Современное негритянское населеніе, смотря по степени его зажиточности,—или половинщики, или поденщики.

Послѣдніе работаютъ за 10—20 долларовъ въ мѣсяцъ, при чемъ получаютъ квартиру, отопленіе и огородъ въ свое распоряженіе. Если они работаютъ изъ половины, они имѣютъ право, сверхъ того, засѣвать въ свою пользу клочокъ земли, гдѣ они сѣютъ маисъ, картофель и овощи для своего пропитанія. Часто они арендуютъ себѣ землю за 8—10 долларовъ за моргенъ и тѣми или другими способами добиваются того, чтобы хоть на старости сдѣлаться собственниками хоть маленькаго клочка земли. Можно назвать множество негровъ въ окрестностяхъ Новаго Орлеана, которые, начавъ съ такой роли поденщика и перейдя черезъ положеніе арендатора, теперь имѣютъ доходъ отъ 1.000 до 3.000 долларовъ въ годъ. Но большинство негровъ до сихъ поръ остается въ роли поденщиковъ, прислуги, чернорабочихъ. Поэтому-то и въ Новомъ Орлеанѣ ими заселены по преимуществу бѣдныя окраины города.

Эти кварталы представляютъ однако мало оригинальнаго, только цвѣтъ кожи отличаетъ чернорабочаго африканца отъ прочаго американскаго пролетаріата. Ставъ свободнымъ, негръ стремится по возможности во всемъ подражать своимъ бывшимъ бѣлымъ господамъ, хотя въ подражаніи этомъ онъ, быть можетъ, еще болѣе комиченъ, чѣмъ недавно пріѣхавшій въ городъ крестьянинъ, желающій подражать парижанину. Больше всего привлекаютъ негра модные европейскіе костюмы.

Дѣйствительно, все черное населеніе здѣсь почти не отличается по одеждѣ отъ бѣлаго, кромѣ развѣ того, что если и бѣлые въ Америкѣ не одѣваются франтовато (я разумѣю массу), то негры носятъ лохмотья. Разъ чернорабочій негръ заработаетъ лишнюю копейку, онъ своимъ долгомъ считаетъ направиться въ ближайшую еврейскую лавочку, чтобы пріобрѣсти костюмъ, сшитый по послѣдней модѣ, лакированные сапоги съ острыми носками, тросточку, толстую цѣпь для часовъ изъ поваго

золота, цилиндръ и тому подобныя принадлежности американскаго джентльмена, воображая, что все это въ глазахъ окружающихъ сдѣлаетъ его таковымъ. И если манеры и разговоръ дѣлаютъ нашихъ такимъ образомъ разодѣтыхъ деревенскихъ жителей комичными въ глазахъ окружающихъ, то негръ, котораго прежде всего выдаетъ черный цвѣтъ его кожи, дѣлается положительно смѣшнымъ, когда онъ, надувшись какъ павлинъ, разодѣтый въ подобный костюмъ, рисуется на улицѣ, вызывая удивленіе и зависть своихъ товарищей. Насладившись жизнью, какъ это умѣетъ дѣлать негръ въ такомъ положеніи, онъ забирается на ночь въ свое никогда неподметавшееся и кишащее всевозможными паразитами жилье, гдѣ нерѣдко, не раздѣваясь, онъ заваливается спать на полъ. Если послѣ дневной пирушки у него еще остается немного денегъ, онъ приводитъ въ порядокъ свой костюмъ и направляется къ ближайшему парикмахеру, разваливается въ креслѣ съ важностью своего бывшаго барина и приказываетъ превратить его волнистую шерсть на головѣ въ мягкіе локоны, чего не безъ труда съ помощью помады и духовъ и достигаетъ парикмахеръ, рискуя не получить со своего кліэнта должной суммы. Затѣмъ снова начинается копированіе манеръ бѣлыхъ джентльменовъ съ точностью, достойною опытнаго актера, до тѣхъ поръ, пока истощившіяся средства не заставятъ заложить дорогой нарядъ у ростовщика-еврея и вернуться къ болѣе скромному одѣянію рабочаго, въ которомъ добывается новый запасъ долларовъ для повторенія той же комедіи.

Американскіе бытописатели не скупятся на факты, указывающіе на то, что освобожденные негры представляютъ изъ себя народъ лѣнивый, преданный различнымъ порокамъ, особенно пьянству, игрѣ и праздности. Къ этому присоединяется обвиненіе въ глубокомъ невѣжествѣ, связанномъ съ нежеланіемъ пріобрѣтать новыя познанія и сильнымъ фанатизмомъ. Указываютъ, что негръ живетъ какъ дитя: онъ мало заботится о завтрашнемъ днѣ, мало разборчивъ въ пищѣ. Склонный къ подражанію, онъ, говорятъ, проявляетъ весьма мало творческаго таланта. Америка имѣетъ много талантливѣйшихъ актеровъ изъ негровъ, но она не создала еще ни одного чернаго писателя. Но пѣвцы и менестрели черныхъ гражданъ музыкальностью своею далеко превосходятъ бѣлыхъ, и негритянскія труппы пѣвцовъ и оркестры пользуются большою популярностью даже среди бѣлыхъ. Труппы негритянскихъ пѣвцовъ имѣли громадный успѣхъ и давали ихъ антрепренерамъ большіе заработки.

Но недостатки негровъ почти всѣ суть слѣдствіе ихъ приниженнаго положенія въ столь недавнемъ прошломъ. Если многіе негры и теперь вѣрятъ въ колдуній, то не нужно забывать, какъ мало дѣлали для ихъ развитія въ то время, когда на нихъ смотрѣли, какъ на вьючныхъ жи-

вотныхъ. Тѣ пороки, въ которыхъ обвиняютъ негровъ, не чужды въ извѣстной долѣ всякой народной массѣ.

Эти люди, недавно считавшіеся животными, въ настоящее время всѣ почти имѣютъ земельную собственность, пріобрѣтенную своимъ трудомъ; среди нихъ есть масса духовныхъ лицъ, прекрасныхъ, славящихся своимъ краснорѣчіемъ проповѣдниковъ, адвокатовъ. Въ національномъ собраніи 1876 года засѣдалъ даже въ партіи такъ называемыхъ демократовъ, т.-е. партіи, противной чернымъ, негръ. Бывали даже черные сенаторы: такъ, напримѣръ, одинъ негръ занималъ мѣсто сенатора въ собраніи въ Каролинѣ и былъ затѣмъ верховнымъ судьей. Такихъ лицъ можно насчитать нѣсколько десятковъ. Тѣмъ не менѣе эти исключенія не измѣняютъ общей картины кастовыхъ предразсудковъ, и не далеко еще то время, когда громадныя наказанія—до высокихъ денежныхъ штрафовъ и тюремнаго заключенія—накладывались на бѣлаго за то, что онъ унижалъ свою «высшую расу», садясь играть въ карты съ негромъ или привѣтствуя его какъ европейца.

Мамонтова пещера.

(Д. И.)

Проѣзжая Кентукки съ сѣвера на югъ по Луневильской и Намвильской желѣзной дорогѣ, путешественникъ замѣчаетъ, что въ 40 миляхъ отъ Луневиля дорога начинаетъ извиваться по Мульдровскому холму, представляющему собой сѣверный крутой склонъ возвышеннаго известковаго плато.

Эта область славится во всемъ мірѣ своими знаменитыми пещерами, обязанными своимъ происхожденіемъ просачиванію воды въ известковую породу и размыванію послѣдней.

Число уже открытыхъ здѣсь пещеръ громадно. А многія данныя заставляютъ предполагать, что существуетъ еще большее количество неоткрытыхъ по недоступности входа.

Первое мѣсто между извѣстными теперь пещерами занимаетъ Мамонтова пещера, превосходящая другія подобныя же пустоты своими грандіозными размѣрами, вышиной входовъ, таинственною прелестью своихъ рѣкъ и рѣдкой красотой, напоминающихъ живые цвѣты, своихъ уборовъ и сверкающихъ кристалловъ, которые украшаютъ ея мрачные коридоры.

Ко входу Мамонтовой пещеры ведетъ живописная дорога, начинающаяся отъ отеля и спускающаяся по склону холма, по покрытымъ высокимъ мхомъ и папоротникомъ известковымъ скаламъ въ прекрасную долину. Долина эта простирается отъ подножія холма до Зеленой рѣки, уровень которой на 194 фута ниже устья пещеры и которая находится

отъ пещеры въ полумилѣ разстоянія. Если стоитъ теплая погода, то при входѣ въ пещеру на васъ вѣетъ свѣжая живительная струя воздуха, вырывающагося изъ пещеры и струящагося по долинѣ ниже слоя болѣе легкаго и теплаго воздуха. Воздухъ въ пещерѣ и зимой и лѣтомъ имѣетъ одинаковую температуру въ 12°. Пещера два раза въ годъ производитъ, такъ сказать, вдыханіе и выдыханіе; первое бываетъ зимой, второе—лѣтомъ. Воздухъ въ пещерѣ отличается своею чистотой и свободенъ отъ бактерій.

Нашъ проводникъ-негръ сосчиталъ все наше общество, приготовилъ требуемое количество лампъ, подалъ сигналъ, — и мы гуськомъ послѣдовали за нимъ по твердымъ каменнымъ ступенямъ пещеры въ ея преддверіе. Обернувшись назадъ, мы бросили взглядъ на прекрасный дневной свѣтъ и полюбовались каскадомъ, падавшимъ съ арки, нависшей надъ входомъ

Здѣсь мы зажгли лампы и вошли въ молчаливое, таинственное обиталище вѣчной ночи, куда не проникаютъ ни лѣтній жаръ, ни зимній холодъ, ни буря, ни громы внѣшняго міра. Пройдя нѣсколько сотъ ярдовъ, мы стали испытывать такое ощущеніе, какъ будто перешли изъ тѣснаго пространства въ очень обширное.

Можно было разсмотрѣть только бѣлый известнякъ, мѣстами выступающій на черномъ фонѣ далекихъ стѣнъ и потолка этой огромной, почти круглой комнаты, вышиной приблизительно въ 70 ф., которую нашъ проводникъ назвалъ Ротондой.

Когда въ Ротондѣ зажгли свѣтъ, наше вниманіе обратилось на необыкновенную прозрачность воздуха и на его чистоту; мы скоро убѣдились, что въ этой пещерѣ не пылятся даже наши сапоги. Всѣ замѣтили также, какое возбуждающее дѣйствіе воздухъ оказываетъ на членовъ нашего общества. Думаютъ, что воздухъ здѣсь сильно насыщенъ кислородомъ, благодаря чему, а также сухости и чистотѣ, въ этой пещерѣ можно ходить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, не чувствуя ни малѣйшей усталости. А какъ сухъ здѣсь воздухъ, показываетъ слѣдующее обстоятельство. Въ 1812 году здѣсь были устроены чаны для селитры, которые стоятъ и теперь на томъ же мѣстѣ, и дерево, изъ котораго они были сдѣланы, до сихъ поръ не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ признаковъ разрушенія. Въ эти бассейны собирается селитра изъ почвы, пропитанной ею въ верхнихъ и среднихъ сухихъ слояхъ; селитру эту употребляютъ для фабрикаціи пороха. Во время войны 1812 г. американцы брали селитру въ подобныхъ пещерахъ, и Мамонтова пещера поставляла самое большое ея количество.

Чтобы совершить обычное путешествіе по Мамонтовой пещерѣ, требуется полтора дня: полдня уходитъ на путешествіе по такъ называе-

мой Короткой дорогѣ и цѣлый день—на путешествіе по Длинной, или Рѣчной дорогѣ. Но если ходить только по этимъ дорогамъ, можно осмотрѣть далеко не все то, что представляетъ интересъ; можно провести цѣлые дни въ осмотрѣ ходовъ, переходовъ, комнатъ и сводовъ, которые не пересѣкаются обычными дорогами. Простое перечисленіе всѣхъ интересныхъ предметовъ, встрѣчающихся при путешествіи по этой обычной дорогѣ, наполнило бы цѣлую главу; поэтому намъ придется ограничиться только нѣкоторыми, наиболѣе интересными пунктами.

Сперва мы прошли черезъ главную пещеру. Это — большой коридоръ со сводомъ, начинающійся отъ Ротонды и простирающійся на 4 мили; дальше пещера завалена обрушившимися скалами. Средняя ширина коридора 60 ф., вышина 40 ф., но мѣстами онъ расширяется въ огромныя комнаты, вышиной отъ 50 до 75 ф. Эти аллеи кажутся особенно велики вслѣдствіе того, что въ нихъ царитъ непроницаемый мракъ.

Мы опять прошли мимо селитряныхъ чановъ, потомъ черезъ церковь методистовъ, гдѣ устроены грубыя каменныя сидѣнья. Это огромная комната съ прекраснымъ сводомъ, окаймленная съ одной стороны галлереей; тамъ, какъ намъ сказали, иногда совершается богослуженіе. Потомъ мы прошли черезъ готическія галлереи; подъ большой аркой проводникъ попросилъ насъ остановиться и послушать. Вы слышите какъ будто правильное тиканье большихъ часовъ. Это происходитъ отъ того, что каждую секунду въ бассейнъ падаетъ капля воды. Чтобы получилась полная иллюзія, надо придти сюда одному, затушить лампу и слушать это гармоническое тиканье, разносящееся по всей широкой залѣ.

Немного погодя мы приблизились къ двумъ каменнымъ коттеджамъ, выстроеннымъ при одной изъ стѣнъ коридора. Они уцѣлѣли изъ числа многихъ другихъ, подобныхъ имъ домиковъ, построенныхъ въ 1843 г. для чахоточныхъ больныхъ. Въ то время думали, что чистый воздухъ пещеры окажется цѣлебнымъ для нихъ; 15 больныхъ, дѣйствительно, поселились здѣсь и прожили около 5 мѣсяцевъ, не выходя никуда. Говорятъ, что по выходѣ изъ пещеры трое изъ нихъ умерли, не дойдя до гостиницы. Бѣдные больные нуждались, чтобы быть здоровыми, не въ одномъ чистомъ воздухѣ, но и въ солнечномъ свѣтѣ. Говорятъ однако, что копатели селитры пользуются здѣсь замѣчательнымъ здоровьемъ, а люди съ слабыми легкими тоже чувствуютъ значительное облегченіе послѣ недолговременнаго пребыванія въ пещерѣ.

Мы знаемъ, что этотъ воздухъ чистъ, ибо животные останки здѣсь не разлагаются, а высыхаютъ. Муміи, найденныя въ пещерѣ, были не настоящія муміи, но просто высохшія тѣла. Однообразіе температуры (отъ 11^0 до 12^0 круглый годъ) уже указано. Чахоточные могутъ со-

вершать здѣсь продолжительныя экскурсіи, не утомляясь. Я зналъ слабыхъ женщинъ, которыя гуляли по пещерѣ часовъ 9, карабкаясь по крутымъ подъемамъ и скаламъ, и не чувствовали ни малѣйшей усталости, пока не выходили на теплый, нечистый воздухъ внѣшняго міра, напитанный запахомъ разлагающейся растительности; тогдѣ онѣ доходили почти до обморока и безъ посторонней помощи не могли добраться до отеля.

Мы оставили за собой эти маленькіе каменные домики, омраченные столь грустными воспоминаніями. Для развлеченія нѣкоторые изъ нашей партіи, обладающіе хорошимъ голосомъ, попробовали резонансъ, который очень эффектенъ подъ этими высокими сводами, и убѣдились, что скалы даютъ многократный отзвукъ, если попасть въ надлежащій тонъ.

Затѣмъ мы вошли въ огромную залу, шириной болѣе 70 ф.; длину же ея и высоту трудно опредѣлить: надъ возвышающимися здѣсь скалами все темно, и во мракѣ исчезаютъ даже тѣ стѣны, которыя мы видимъ прямо передъ нами. Проводникъ попросилъ насъ сѣсть и прислониться спиной къ правой скалѣ, а самъ отодвинулъ лампы, чтобы свѣтъ не падалъ въ глаза, а направлялся кверху; потомъ сказалъ намъ, чтобъ мы смотрѣли въ потолокъ. Всѣ взглянули—и разразились восклицаніями удивленія: мы смотрѣли какъ будто изъ дула огромной пушки въ темное полуночное небо, усѣянное безчисленными звѣздами,— и чѣмъ дольше мы смотрѣли, тѣмъ полнѣе была иллюзія. А проводникъ, посредствомъ ловкой игры свѣтовыми эффектами, забавлялъ насъ дальше, устраивая такъ, что небо какъ будто застилалось темными тучами, звѣзды скрывались за ними, потомъ вѣтеръ прогонялъ ихъ и ночныя свѣтила снова появлялись съ прежнимъ блескомъ; наконецъ, они исчезли, какъ будто спрятавшись за правой скалой, и мы услышали, какъ шаги нашего проводника все удалялись, потомъ наступила тьма и тишина, и мы остались одни въ знаменитой «звѣздной комнатѣ». Черезъ нѣкоторое время появился и проводникъ съ лампами. Оказалось, потолокъ звѣздной комнаты покрытъ черною окисью марганца и усыпанъ блестящими гипсовыми кристаллами. Глазъ тонетъ въ черной глубинѣ и вамъ потолокъ такъ кажется, какъ будто вы смотрите въ необозримое небесное пространство, гдѣ блестятъ крошечныя звѣздочки.

Звѣздная комната заканчиваетъ собою «Короткую дорогу», и путешественники, достигнувъ ея, обыкновенно возвращаются назадъ. Но за ней лежитъ еще пространство въ нѣсколько миль, которое стóитъ посѣтить, чтобы видѣть величайшее въ мірѣ подземное помѣщеніе, носящее названіе «Главнаго города». Это огромное помѣщеніе имѣетъ 500 ф. длины, 280 ф. ширины и 90 — 125 ф. высоты. Сюда, раньше прибытія

бѣлыхъ, часто приходили индѣйцы для добыванія кремня, который отличается здѣсь нѣкоторыми достоинствами въ сравненіи съ обыкновеннымъ кремнемъ, главнымъ образомъ—прекрасною слоистостью, что даетъ возможность легко раскалывать его. Индѣйцы вообще давно уже посѣщали Мамонтову пещеру, какъ это можно заключить по многочисленнымъ находкамъ разныхъ вещей изъ ихъ стариннаго обихода. Къ сожалѣнію, первые посѣтители не обратили должнаго вниманія на эти находки, и цѣнный для науки матеріалъ погибъ.

Прежде чѣмъ перейти рѣку и попасть на Длинную дорогу, мы посѣтили нѣкоторыя изъ замѣчательныхъ отдѣленій пещеры, находящихся въ той ея части, которая лежитъ на Зеленой рѣкѣ. Самыя интересныя изъ нихъ: сводъ Горина, Бездонное ущелье и Мамонтовъ сводъ.

Сводъ Горина—самый глубокій и высокій, а Мамонтовъ сводъ самый широкій изъ нихъ и состоитъ изъ двухъ частей—верхней, въ которой находятся высокія колонны, и нижней, въ которую падаетъ каскадъ съ очень большой высоты. Шесть огромныхъ колоннъ въ 80 ф. вышины и около 25 ф. въ діаметрѣ поддерживаютъ одно изъ полукружій свода. Эти колонны напоминаютъ развалины какого-то огромнаго египетскаго храма. Бѣлый известнякъ красиво выдѣляется на сталактитовомъ фонѣ; кромѣ того, пещерѣ придаютъ не мало красоты свѣсившіеся сталактиты.

На «сводъ Горина» обыкновенно смотрятъ изъ круглаго окошечка, продѣланнаго съ боку коридора, оно приходится какъ разъ на срединѣ между поломъ и потолкомъ пещеры. Сталактиты, висящія известковыя занавѣси, инкрустаціи здѣсь прекраснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и, вмѣстѣ съ необычайной вышиной, придаютъ этой пещерѣ особую прелесть.

Рѣка, текущая на днѣ пещеры, соединяется съ рѣкою Эхо неизвѣстно гдѣ преходящимъ рукавомъ. Къ руслу спускается лѣстница, и такъ какъ съ нея открывается одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ, то очень обидно, что туристамъ не приходится ею пользоваться. На круглыхъ выступающихъ изъ воды стѣнахъ пещеры видны различные слои земли, изрѣзанные и размытые водопадомъ; алебастръ, свѣшивающійся въ видѣ занавѣсовъ, дѣлаетъ эту чудесную красоту еще поразительнѣе.

Бездонное ущелье нѣсколько напоминаетъ пещеру Горина, но меньше и уже ея. Страшно смотрѣть въ эту пропасть съ мостика, переброшеннаго съ одного выступа на другой. Однажды я спустился съ товарищами до самаго дна этой пропасти по извилистой тропинкѣ. Черезъ нѣкоторое время послышались наверху крики и смѣхъ приближающейся партіи посѣтителей. Мы потушили свои лампы и ждали, чтобы они всѣ собрались наверху, а когда тѣ остановились и посмотрѣли

внизъ, громко закричали. Въ испуганной толпѣ на мосту раздались восклицанія страха и ужаса. И только проводникъ успокоилъ ихъ, объяснивъ, что мы ушли впередъ и что эти звуки не были издаваемы какими-нибудь злыми духами.

Всѣ путешественники бываютъ глубоко поражены обширностью и вышиной всѣхъ извѣстныхъ частей пещеры; но многіе переходы ея до сихъ поръ еще не изслѣдованы. На Длинной или Рѣчной дорогѣ путешественникъ продолжаетъ испытывать то же подавляющее чувство передъ огромными пещерами и переходами; легкій пріятный отдыхъ наступаетъ только въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣку пересѣкаютъ запутанные извивы Коркскрю («Штопора»), или еще на узенькомъ, извилистомъ, размытомъ водою проходѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Бѣдственное положеніе толстяка», который не шире 18-ти дюймовъ при длинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ. Этою извилистою дорогой мы вышли въ одинъ изъ величайшихъ коридоровъ пещеры, названный Рѣчной Залой, простирающійся на нѣсколько миль и ведущій въ своихъ развѣтвленіяхъ къ чудеснымъ подземнымъ рѣкамъ и озерамъ. Огни, искусно расположенные на выступающихъ скалахъ противоположной стороны, освѣщали только среднюю часть пещеры и не могли вполнѣ разсѣять мрака, нависшаго надъ блестящей водой внизу. Мы остановились, чтобы послушать гармоничный плескъ маленькаго каскада, потомъ пошли дальше по каменной аркѣ, образующей естественный мостъ надъ рѣкой Стиксомъ, на высотѣ въ нѣсколько сотъ футовъ.

Пройдя гуськомъ мимо озера Леты, мы вышли въ «Обширное мѣсто для прогулки»—широкую, большую аллею въ 90 ф. вышиной, имѣющую 1.200 ф. длины и простирающуюся до берега рѣки Эхо. Полъ этого высокаго коридора — чистый желтый песокъ. Когда въ рѣкѣ вода высока, эта аллея затопляется и составляетъ часть увеличившейся рѣки. Долгое время рѣка Эхо заграждала путь къ цѣлой системѣ аллей по ту ея сторону. Извѣстный краснокожій проводникъ, Стивенъ Бешопъ, первый перешелъ черезъ нее. Съ тѣхъ поръ были открыты и раскрыты новые коридоры, такъ что теперь можно попасть въ находящіяся за рѣкой пещеры сухимъ путемъ. Но къ этому прибѣгаютъ только въ томъ случаѣ, если вода въ рѣкѣ высока, такъ какъ плаванье по этому подземному потоку доставляетъ большое удовольствіе. Мы достали себѣ плоскодонныя лодки, изъ которыхъ каждая вмѣщала 20 человѣкъ. На каждомъ концѣ лодки укрѣплена лампа. Усѣвшись на скамейкахъ, расположенныхъ вдоль лодокъ по обѣимъ ихъ сторонамъ, мы отчалили и стали молча скользить подъ темными арками, направляясь въ невѣдомый міръ, какого мы себѣ прежде и не представляли. Рѣка имѣетъ около 20 ф. глубины; вода такъ чиста, что можно видѣть камешки на днѣ. Мѣстами она расширяется до 200 ф.,

и съ обѣихъ сторонъ въ темноту уходятъ рукава. Приходилось плыть почти $^3/_4$ мили, чтобы доѣхать до мѣста остановки, но зато это плаванье оставило неизгладимое впечатлѣніе.

Нашъ проводникъ попросилъ насъ сидѣть смирно; потомъ, приподнявъ широкое, тяжелое весло, при помощи котораго онъ подвигалъ нашу лодку, со всѣхъ силъ ударилъ плоской его стороной по водѣ. Тогда разразился словно громъ. По всѣмъ направленіямъ разбѣжалась волна звуковъ, невѣроятно усиливаясь, потомъ отступая и возвращаясь съ еще увеличившейся силой. Все это продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ секундъ и потомъ замерло, переходя въ пріятную отдаленную мелодію. Когда затихли послѣдніе звуки, проводникъ сталъ волновать воду весломъ. Тогда среди тишины мы услышали пріятные звуки колокольчика: то играли взбаламученныя волны.

Эта подземная рѣка представляетъ еще тотъ интересъ, что въ ней живутъ нѣсколько породъ слѣпыхъ безцвѣтныхъ рыбъ, на которыхъ можно наглядно видѣть, какъ животныя приспособляются къ окружающей средѣ: у этихъ рыбъ нѣтъ настоящихъ глазъ снаружи, а только зачаточные, подъ кожей. Вмѣсто глазъ голова покрыта маленькими рядами круглыхъ щупальцевъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ въ центрѣ нѣжный, выступающій наружу, крайне чувствительный первъ, такъ что зрѣніе у этихъ рыбъ замѣняется осязаніемъ. Въ рѣкѣ находятъ также слѣпыхъ безцвѣтныхъ раковъ; наконецъ, здѣсь, въ пещерѣ, всюду попадается пещерный сверчокъ, или безкрылый кузнечикъ. У него есть глаза, но такъ какъ они не нужны ему въ темнотѣ, то онъ имѣетъ очень длинные и очень чувствительные усики, которыми шевелитъ, нащупывая себѣ дорогу въ темнотѣ.

Отсюда предстоитъ еще долгій путь до того мѣста, гдѣ обыкновенно выходятъ изъ пещеры, и по пути попадается много интереснаго. Славой этой части пещеры считается «Кабинетъ Клевелэнда», высокая арка мили въ три длины; стѣны ея и потолокъ покрыты инкрустаціями изъ сверкающихъ кристалловъ гипса. Мѣстами жилки гипса располагаются розетками и покрываютъ скалы массой бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ. На пространствѣ цѣлыхъ двухъ миль, пока мы проходили по этой чудесной аркѣ, усыпанной какъ бы цвѣтами и сверкающими брильянтами, слышались восклицанія удивленія и восторга.

Наконецъ, и эта волшебная страна осталась за нами, смѣнившись болѣе темными коридорами. Съ большими затрудненіями взобрались мы въ обширную пещеру, называемую «Скалистыя горы», и вошли въ «Залу Грогана», гдѣ находится глубокая пропасть, называемая «Мельстромъ». Надъ этою пропастью висятъ большіе ажурные сталактиты. Намъ говорили, что здѣсь конецъ пещеры, но это только одинъ изъ многихъ концовъ, и притомъ нѣкоторые коридоры были завалены

упавшими скалами или загорожены нарастающими сталактитами, и настоящій конецъ ея неизвѣстенъ.

Мы возвратились по прежней дорогѣ и послѣ девятичасового странствованія вышли на душный воздухъ здѣшняго міра. Ничто не можетъ быть прекраснѣе, чѣмъ розовый свѣтъ заката послѣ этой подземной тьмы, но все-таки мы съ сожалѣніемъ бросили послѣдній взглядъ на чудесный таинственный подземный міръ, гдѣ всегда царитъ духъ вѣчнаго, неизмѣннаго молчанія.

Прерія.

(Г. Сенкевича.)

Штаты Айова, Небраска, Уайомингъ, Утахъ и Невада въ своихъ среднихъ полосахъ — огромная безлѣсная прерія, поросшая травой, верескомъ и кое-гдѣ въ оврагахъ, при ручейкахъ, чахлыми кустами лозъ.

Болѣе всего къ тишу степи подходитъ Небраска. Путешественникъ, утомленный видомъ населенныхъ, пестрѣющихъ фермами восточныхъ штатовъ, жаждущій видѣть пустыню, находитъ здѣсь, что искалъ. Рѣдко, рѣдко, у самой линіи желѣзной дороги, пріютился домикъ зашедшаго сюда піонера; кругомъ пустыня и пустыня, безбрежная, молчаливая, на которой взоръ, не имѣя на чемъ остановиться, падаетъ какъ птица, возымѣвшая намѣреніе перелетѣть на своихъ крыльяхъ черезъ океанъ.

Иногда, при болѣе долгихъ остановкахъ, я уходилъ изъ станціи и направлялся въ степь, что начинается сейчасъ же за огородомъ мизерной, всегда деревянной станціи. Снѣгъ хрустѣлъ подъ моими ногами, вѣтеръ покачивалъ верхушками вереска, кругомъ царило глубокое молчаніе,—ни птицы, ни звѣря, ни единаго живого существа, но эта тишина и запустѣніе имѣютъ свое глубокое значеніе. Не только взоръ, но и душа и мысль теряются въ этихъ степяхъ, покидаютъ свою обычную дорогу, забываютъ о своемъ *я*, сливаются съ окружающимъ, и черезъ минуту, кажется, живешь не своею собственною жизнью, но всѣмъ могуществомъ степей, въ которомъ растворился, какъ капля воды въ морѣ.

Степи Небраски, вѣрнѣе—степи среднихъ штатовъ, производятъ необыкновенно могучее впечатлѣніе, благодаря своимъ размѣрамъ и глуши. Онѣ тянутся на цѣлыя тысячи миль на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ.

Мѣстами, между рѣкъ, растутъ огромные вѣковые лѣса, но по всей линіи желѣзной дороги я не видалъ рѣшительно ни одного дерева, кромѣ посаженныхъ въ небольшомъ количествѣ около станціи.

Вездѣ степь и степь, поросшая верескомъ, бурьяномъ и какимъ-то

шишковатымъ растеніемъ, похожимъ на нашу белену. Видъ торжественный, но чрезвычайно унылый. Правда, въ первый разъ я видѣлъ степи въ половинѣ марта, т.-е. когда все еще объято зимнимъ сномъ. Въ степяхъ Айовы, Небраски, Уайоминга, Утаха и Невады, находящихся подъ 42° сѣверной широты, почти на параллели Португаліи, Испаніи и южной Италіи, зима бываетъ долгая и суровая. Читателямъ, вѣроятно, извѣстно, что на такой широтѣ въ Европѣ теплѣе чѣмъ гдѣ-либо, но не надо забывать и другой чрезвычайно важной причины—высоты положенія этихъ степей надъ уровнемъ моря. Начиная отъ системы великихъ озеръ, собственно говоря отъ Миссисипи, плоская возвышенность подымается такъ, что въ Уайомингѣ и Утахѣ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, т.-е. до линіи вѣчныхъ снѣговъ. За всѣмъ тѣмъ поднятіе почвы настолько незначительно и постепенно, что путешественникъ, очутясь на высотѣ Монъ-Блана или С.-Готарда, даже и не замѣтитъ, что ѣхалъ въ гору. На взглядъ поѣздъ мчится по равнинѣ, и только снѣжныя засыпи да такъ называемые снѣжные дома, т.-е. огромныя деревянныя галлереи надъ дорогою, показываютъ настоящее положеніе вещей.

Небраска лежитъ значительно ниже, но и въ ней, особенно въ западной ея части, зима длится до половины апрѣля, зато лѣтомъ жары доходятъ до ста слишкомъ градусовъ по Фаренгейту (37° Ц.). Солнечные лучи, падая почти отвѣсно на незащищенную древесною тѣнью степь, раскаляютъ ее, какъ плавильную печь. Трава, бурьянъ, репейникъ сохнуть, какъ порохъ, и, упавши на землю, представляютъ собою одну избитую, пожелтѣвшую подстилку.

Меньшія рѣки, такъ называемыя «creek», даже большія (river) почти пересыхаютъ, листья вербы чернѣютъ, свертываются около своего стебля и крошатся въ рукахъ. Ни малѣйшій вѣтерокъ не охлаждаетъ раскаленнаго воздуха; безоблачное, сѣрое небо точно дышитъ на землю своимъ пламеннымъ дыханіемъ; земля трескается...

Въ это время степи глухи и безмолвны, какъ самая смерть: въ желтыхъ листьяхъ не видно ни мотылька, ни мошки; въ небесной выси не рѣетъ птица; дикій звѣрь цѣлый день спитъ въ логовищѣ.

Даже ягуаръ и пума, степной левъ, рѣдко отваживаются блуждать въ полуденную пору, когда жара доходитъ до высшей степени. Большіе сѣрые медвѣди, самые страшные степные разбойники, удаляются въ горы, гдѣ снѣгъ никогда не таетъ.

Только вечеромъ, когда громадный красный дискъ солнца скроется за горизонтомъ, начинается ночная жизнь въ степяхъ. Тутъ и тамъ слышится зловѣщій крикъ пумы, иногда раздается рычаніе сѣраго медвѣдя,— и все вокругъ замолкаетъ, а черезъ минуту вѣтеръ опять доноситъ жалобный вой маленькихъ степныхъ волковъ, идущихъ вслѣдъ за большими

хищниками и живущихъ остатками ихъ трапезы. Наибольшее движеніе царствуетъ около невысыхающихъ во время жаровъ рѣкъ и озеръ.

Но во время жары, когда въ степи все умолкаетъ и засыпаетъ и когда даже индѣйцы кроются подъ сѣнь вигвама, только одно существо отваживается выставлять свою голову навстрѣчу солнечнымъ палящимъ лучамъ—это бѣлый человѣкъ. Не разъ въ минуту величайшаго зноя, среди воздуха, напитаннаго тончайшею пылью, видишь большія телѣги въ три, четыре, даже шесть паръ воловъ. Такой караванъ подвигается съ шумомъ и звономъ, на каждомъ мулѣ четыре колокольчика, — ихъ звукъ придаетъ силу животному. Крыши телѣгъ покрыты полосатой холстиной, въ телѣгахъ сидятъ женщины, дѣти, лежитъ разная домашняя утварь; за караваномъ сквэтеры, часто негры или метисы, погоняютъ стада коровъ или овецъ, похлестывая длиннымъ бичомъ и покрикивая: го! го! либо проклиная жару и другъ друга. Возлѣ каждой запряжки медленно плетется «traweller» со штуцеромъ за плечами, въ фланелевой рубашкѣ и широкой шляпѣ сомбреро.

Что это за люди? Піонеры, идущіе на «Дальный Западъ» вмѣстѣ съ женами, дѣтьми и всѣми пожитками. Они часто сами не знаютъ, куда идутъ. Иногда, впрочемъ, сумѣютъ указать штатъ или какое-либо мѣсто: «ѣдемъ въ Канзасъ, Колорадо, Небраску, въ дѣвственную степь; какъ найдемъ землю, лѣсокъ и воду, такъ и осядемъ».

Не нужно упоминать, насколько небезопасно такое путешествіе. Правда, нѣсколькимъ хорошо вооруженнымъ и храбрымъ людямъ, если только между ними царствуетъ порядокъ, нечего бояться цѣлыхъ сотенъ сіуксовъ или павніевъ, — индѣйцы не нападаютъ никогда, если знаютъ, что имъ придется дорогою цѣной заплатить за небогатое количество добычи и скальповъ.

Наконецъ, благодаря теперешнему положенію вещей и солидарности, съ которой одни бѣлые мстятъ за другихъ, краснокожіе, въ особенности если они не охраняютъ своей вотчины, не особенно смѣютъ нападать даже на жизнь одинокихъ путешественниковъ, но зато обкрадываютъ и грабятъ ихъ, насколько возможно.

Лошади и мулы составляютъ для нихъ легкую добычу; они крадутъ ихъ такъ ловко, что путешественники должны день и ночь сторожить свои обозы, а если они сядутъ около индѣйскихъ вигвамовъ, то бдительность никогда не прекращается.

Новый піонеръ всегда заявляетъ, что всякаго индѣйца, котораго встрѣтитъ въ такомъ-то разстояніи отъ своей фермы, застрѣлитъ, какъ собаку, не спрашивая, правъ ли онъ, или виноватъ; но даже и это мало помогаетъ,—нужно неуклонно остерегаться отъ нападеній, кражи, даже отъ поджоговъ, потому что индѣйцы часто поджигаютъ поля бѣлыхъ, просто изъ желанія сдѣлать пакость.

Такое положеніе вещей существуетъ въ Индіанъ-Территоріи. Земля эта, отданная краснокожимъ, теперь заселяется бѣлыми, несмотря на правительственныя запрещенія, все болѣе и болѣе.

Наибольшей опасности подвергаютъ путешествующихъ въ телѣгахъ часто случающіеся лѣтомъ степные пожары. Иногда индѣйцы поджигаютъ нарочно, часто степи загораются отъ костровъ путниковъ или просто отъ солнечнаго зноя. Весьма понятна ужасающая быстрота, съ которой пламя, гонимое вѣтромъ, бѣжитъ по преріи. Сухая, выжженная солнцемъ трава blue grasse горитъ, какъ порохъ. Огонь, едва возникшій отъ одной искры въ извѣстномъ мѣстѣ, охватываетъ стебли волчеца, листья бурьяна, перескакиваетъ пустыя пространства, разсыпаетъ золотыя искры на всѣ стороны, гудитъ и мчится впередъ съ неистовствомъ, догоняетъ напрасно убѣгающихъ животныхъ, которыя, полузадушенныя отъ дыма и жара, падаютъ съ высунутыми языками еще ранѣе, чѣмъ пламя успѣетъ ихъ охватить и пройти далѣе по обугленнымъ трупамъ. Горе путешественнику, который ночью, увидавши на горизонтѣ красный отблескъ зарева, не догадается зажечь степи передъ собою и не схоронится на свѣже-выжженное, еще горячее пространство. Если онъ спохватится поздно, то, прежде чѣмъ высѣчетъ огонь, бѣшеный потокъ огня промчится точно на крыльяхъ, и тутъ уже нѣтъ спасенія, потому что если его и не спалитъ огонь, то задушатъ дымъ, жаръ и недостатокъ воздуха.

Однако такой пріемъ приноситъ и значительную долю зла: пожаръ распространяется еще шире и обнимаетъ громадныя пространства. Нѣтъ ничего печальнѣй зрѣлища спаленной степи; прерія покрыта вся однообразно чернымъ покровомъ пепла и угля, всюду абсолютная тишь и безмолвіе, и солнечные лучи, падая на черную поверхность, такъ нагрѣваютъ воздухъ, что дышать нельзя.

Съ другой стороны, пожары удобряютъ прерію до невѣроятной степени. Весною, послѣ зимнихъ дождей, когда влажная земля покроется первою зеленью, спаленныя въ прошломъ году мѣста покрываются травою еще болѣе густой и высокой. Не разъ мнѣ показывали впослѣдствіи полосы, по которымъ годъ тому назадъ прошелъ огонь, и я самъ легко отличалъ ихъ по болѣе густому зеленому цвѣту и травамъ, изъза которыхъ видны были только головы и плечи всадниковъ.

Нѣтъ словъ высказать или описать все очарованіе степей весною, когда солнце растопитъ снѣга, земля насквозь пропитается влагою, всѣ ручьи—creeks—выступятъ изъ береговъ и зальютъ огромныя пространства, весело играя серебряными струйками среди травъ и зарослей. Въ это время все растетъ не по днямъ, а по часамъ, все наливаетъ почки, цвѣтетъ. Степь кажется пестрымъ ковромъ. Даже дороги, по которымъ шли телѣги, зарастаютъ прелестными золотисто-желтыми цвѣтами, которые цвѣтутъ только на мѣстѣ, взрытомъ копытами.

Эти дороги, точно золотыя ленты, вьются по всей степи: то расходятся, то кружатся, то снова перекрещиваются между собою и, наконецъ, пропадаютъ вдали. Въ иныхъ мѣстахъ степь поросла высокою, тонкою травою съ серебряными мелкими цвѣточками; въ другомъ мѣстѣ около бѣлыхъ цвѣтовъ синѣютъ большіе степные колокольчики, далѣе цѣлыя семейства заячьей капусты и росянокъ, перепутываясь, блестятъ то желтыми, то красными цвѣтами, мѣстами на цѣлыя версты пестрѣютъ дикіе тюльпаны. Тамъ цвѣты, похожіе на бокалы, полные утренней росы, гостепріимно наклоняютъ навстрѣчу путнику свои чашечки; наконецъ, множество цвѣтовъ, одноцвѣтныхъ или пестрыхъ, ползучихъ, вьющихся растеній, переплетаются между собою, заглушаютъ другъ друга, вырастаютъ одни на другихъ, торжествуютъ, любятъ, — однимъ словомъ, цѣлый хаосъ растеній извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, разныхъ сортовъ названій. Все это доходитъ до такихъ размѣровъ, что въ зеленыхъ и пестрыхъ волнахъ можно спрятаться съ головою. Тысячи запаховъ—то медовые, то нѣжные, какъ отъ лилій и геліотроповъ, то сильные наркотическіе,—раздражаютъ обоняніе. Освѣжающій запахъ травъ то преобладаетъ надъ ними, то уступаетъ пальму первенства дыханію цвѣтовъ.

Въ цвѣтахъ и надъ цвѣтами, въ травѣ и надъ травой кишитъ міръ представителей животнаго царства. Иногда трава вдругъ заколышется и покажется прелестная мордочка антилопы съ большими, грустными глазами и вновь исчезнетъ въ морѣ травъ.

Подъ ногами то и дѣло шмыгаютъ полевыя собаки и отвратительныя земляныя мыши, называемыя здѣсь гофрами. Когда трава еще невелика, можно видѣть молодого зайчика, на заднихъ лапкахъ, съ вытаращенными глазами, настороженными ушами и грозно двигающимися усами. Онъ исчезаетъ, какъ только завидитъ человѣка. Отъ времени до времени раздаются зловѣщіе, сухіе звуки колецъ гремучей змѣи, которая однако стремительно уползаетъ, зная, что человѣкъ убьетъ ее безъ милосердія, если только увидитъ. Даже изъ поѣзда можно видѣть мѣсто, гдѣ полевыя собаки построили себѣ цѣлый городъ. Это рядъ кочекъ, стоящихъ другъ возлѣ друга, съ выходами къ обширнымъ подземнымъ ямамъ. Между кочками снуютъ ихъ маленькіе жители, то играя на волѣ, то перетаскивая въ склады товары или коренья. Иныя сидятъ на заднихъ лапкахъ у самаго входа и важно присматриваются ко всему творящемуся въ лагерѣ, точно хозяйка въ дверяхъ хаты. Недалеко отъ лагеря стоитъ стража, какъ въ хорошо организованномъ людскомъ обществѣ.

Такихъ поселеній я видѣлъ уже много и поэтому-то, собственно, не совѣтую неосторожному путешественнику приближаться къ нимъ. Уже за нѣсколько шаговъ можно замѣтить на солнцѣ что-то длинное,

время отъ времени лѣниво поворачивающееся,—это ни болѣе, ни менѣе какъ гремучія змѣи, а ихъ въ каждомъ поселеніи множество.

На видъ грозныя существа живутъ въ полномъ согласіи со своими маленькими сосѣдями, но, какъ говорятъ знающіе люди, подчасъ и кушаютъ ихъ, и тѣ, не имѣя возможности избавиться отъ своихъ гонителей, волей-неволей должны сносить ихъ, считая, можетъ быть, за своихъ боговъ или жрецовъ.

Весною степь заселяется также огромнымъ количествомъ птицъ,—послѣднія прилетаютъ изъ лѣсистымъ мѣстностей и держатся главнымъ образомъ около рѣкъ, поросшихъ лозиной. На обильной степи на каждомъ шагу попадаются маленькія сѣрыя совы, съ неимовѣрно свѣтлыми, оглупѣвшими отъ солнечнаго свѣта глазами. Онѣ питаются мышами, крысами и гофрами и въ большомъ почтеніи въ заселенныхъ мѣстахъ. Кромѣ совъ, въ воздухѣ парятъ на распростертыхъ крыльяхъ большіе орлы, ястреба, кобчики и соколы. Съ глазами, устремленными въ степь, часто они по цѣлымъ получасамъ висятъ неподвижно надъ травою.

Иногда въ Калифорніи я видѣлъ издалека огромныхъ черныхъ птицъ съ красной головой. Издали онѣ мнѣ казались похожими на нашихъ индѣекъ; я сначала и считалъ ихъ за дикихъ индюковъ, и только, подстрѣливши одного, убѣдился, что это коршунъ, такъ называемый стервятникъ. Они питаются падалью и несутъ свою санитарную службу какъ въ степяхъ, такъ и въ заселенныхъ уже мѣстностяхъ.

Но гораздо болѣе многочисленны пѣвчія птицы. Въ раннюю пору вся степь гремитъ свистомъ, пѣніемъ, щебетаньемъ,—однимъ словомъ, цѣлымъ огромнымъ концертомъ самоучекъ-артистовъ. Вообще здѣшнія птицы поютъ не такъ, какъ наши. Напримѣръ, большой калифорніійскій жаворонокъ, размѣровъ нашей перепелки, съ длиннымъ клювомъ и золотистою грудью, не поетъ такъ долго и мелодично, какъ нашъ, но свиснетъ разъ-другой и довольно. Иныя птицы поютъ и чирикаютъ довольно мелодично, но лучше всѣхъ такъ называемый пересмѣшникъ.

Вотъ странная птица! Его вездѣ держатъ въ клѣткахъ, поэтому-то я хорошо познакомился съ нимъ. Величиною съ нашего жаворонка, весь сѣрый, съ маленькими бѣлыми крапинками на крыльяхъ, онъ не блеститъ своимъ костюмомъ, но зато обладаетъ другими талантами, вполнѣ замѣняющими наружную красоту. Онъ не только самъ поетъ необыкновенно хорошо, но и подражаетъ всему, что услышитъ: слышитъ онъ мяуканье—и самъ начинаетъ мяукать, какъ кошка; слышитъ лай собаки—и самъ лаетъ по-собачьи. Когда его держатъ въ домѣ, онъ научается даже кашлять и сморкаться, какъ живущіе съ нимъ люди.

Разъ, во время пребыванія въ Калифорніи, я зашелъ къ одному знакомому фермеру и, увидѣвъ надъ дверями клѣтку съ пересмѣшникомъ,

подошелъ къ ней и началъ что-то напѣвать. Птичка тотчасъ же спустилась съ верхней жердочки на нижнюю, высунула голову сквозь прутья, зажмурила одинъ черный крохотный глазъ и, казалось, внимательно слушала. Черезъ минуту она, уже понявъ, въ чемъ дѣло, вскочила на верхнюю насѣсть, пріободрилась, и я услышалъ самое точнѣйшее повтореніе моего напѣва, которое шло до тѣхъ поръ, пока птичка, идя за мной по слѣдамъ, не начала смѣяться самымъ сердечнымъ смѣхомъ, точно услыхала что-то необыкновенно остроумное.

Обыкновенная его пѣсня, похожая на соловьиную, не такъ звонка и звучна. На степяхъ онъ то и дѣло перелетаетъ съ одного растенія на другое, качается на чертополохѣ, поетъ и передразниваетъ звѣрей и птицъ.

Но—увы!—вся эта степная жизнь, яркая и шумная, длится недолго; съ момента жаровъ все или отлетаетъ, или прячется въ заросли и замолкаетъ вплоть до будущей весны. Потомъ наступаетъ осень, такъ же прекрасная, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ же и короткая, какъ весна, а послѣ осени снова безмолвіе смерти овладѣваетъ всѣмъ краемъ. Въ воздухѣ кружатся снѣжинки, степь замираетъ, и только сухіе стебли бурьяна порой зашелестятъ подъ дуновеніемъ вѣтра или локомотивъ, несущійся на западъ, стремительнымъ и горячимъ дыханіемъ прерветъ на мгновеніе нѣмую тишь.

Исключеніемъ изъ этого правила служатъ степи южныхъ штатовъ, какъ, напримѣръ, Индіанъ-Территоріи, гдѣ царитъ вѣчная весна, или Техаса, съ его вѣчными жарами. Зато въ штатахъ, лежащихъ болѣе на сѣверъ, на вершинахъ Скалистыхъ горъ, почти вѣчная зима, снѣгъ не сходитъ даже и лѣтомъ. Небраска обладаетъ умѣреннымъ климатомъ, съ рѣзкими переходами отъ жестокой зимы къ палящему лѣту.

Этотъ край имѣетъ передъ собою великую будущность. Предпріимчивые американцы уже теперь подумываютъ объ учрежденіи въ немъ огромныхъ скотоводческихъ хозяйствъ, наподобіе существующихъ нынѣ въ степяхъ Южной Америки, въ Аргентинѣ, Парагваѣ, Урагваѣ.

На берегу Соленаго озера.

(В. Витковскаго.)

Изъ Манпту въ городъ Большого Соленаго озера можно проѣхать двумя путями. Первый путь проходитъ у самаго подножья Пайксъ-Пика и прорѣзываетъ главный хребетъ Скалистыхъ горъ по наиболѣе живописнымъ мѣстамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по самому высокому перевалу, называемому Хагермановымъ. Другой путь не такъ живописенъ, но зато проходитъ черезъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ западной Америки—черезъ Пуэбло. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, по-

строенный на развалинахъ индѣйскаго. Когда преемники Кортеца проникли изъ Мексики на сѣверъ, въ нынѣшніе юго-западные штаты, то, кромѣ кочевыхъ индѣйцевъ, они встрѣтили и индѣйцевъ, живущихъ осѣдло, въ довольно большихъ поселкахъ, которые испанцы называли пуэбло, т.-е. деревнями. Помимо домовъ, сложенныхъ изъ сырцовыхъ кирпичей, индѣйцы строили жилища также въ горахъ, вырубая цѣлые ряды комнатъ въ отвѣсныхъ склонахъ скалъ. Такія пещерныя поселенія получили затѣмъ названіе пуэбло, и однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей ихъ является понынѣ существующій городъ Пуэбло; въ настоящее время онъ пріобрѣлъ особенно важное значеніе, благодаря открытію въ его окрестностяхъ богатыхъ мѣсторожденій серебра.

Покидая Маниту, я колебался, какой бы путь мнѣ избрать для переѣзда въ городъ Большого Соленаго озера. Однако, когда я прибылъ на станцію желѣзной дороги, судьбѣ угодно было сдѣлать выборъ помимо моей воли. Тамъ было вывѣшено объявленіе, что, по случаю сгорѣвшаго моста, поѣздъ на Пуэбло не пойдетъ вовсе впередъ до слѣдующаго объявленія; такимъ образомъ выбирать не приходилось: я запасся билетомъ и поѣхалъ по желѣзной дорогѣ черезъ Скалистыя горы.

Стоявшій уже у платформы поѣздъ поразилъ меня своимъ составомъ: два паровоза и всего три вагона, изъ которыхъ одинъ багажный. Оказывается, что пускаться иначе на трудный перевалъ невозможно; отъ самаго Маниту начинается непрерывный подъемъ, о крутизнахъ и поворотахъ котораго европейскіе путешественники не имѣютъ и понятія. Непосредственно отъ станціи пошли безъ перерыва мосты и туннели, а окружающая мѣстность поражала своимъ дикимъ величіемъ. Несмотря на необходимость преодолѣвать множество природныхъ затрудненій, полотно дороги устроено весьма просто. Мосты вездѣ деревянные и имѣютъ видъ временныхъ сооруженій, при чемъ просто со страхомъ взираешь, какъ такой мостъ выдерживаетъ тяжесть двухъ паровозовъ. Туннели оставлены совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ они остались послѣ работъ съ порохомъ. Стѣны нигдѣ не облицованы искусственно и представляютъ грубыя неровности съ острыми камнями, за которые того и гляди задѣнутъ вагоны. Высунуть голову изъ окна положительно опасно.

По мѣрѣ того какъ мы поднимались вверхъ, въ воздухѣ дѣлалось замѣтно холоднѣе, и вскорѣ въ боковыхъ ущельяхъ показались сплошныя залежи снѣга. Въ одномъ мѣстѣ дорога пролегаетъ по обширному, извилистому ущелью, называемому *Каскаднымъ* по изобилію живописныхъ и величественныхъ водопадовъ, стекающихъ по стѣнамъ въ столь близкомъ разстояніи, что вагоны обдавались тонкой водяной пылью. При яркомъ солнечномъ освѣщеніи то тутъ, то тамъ являлись красивыя радуги. Шумъ водопадовъ порой заглушалъ шумъ поѣзда. Чтобы любоваться роскошными видами, приходилось поминутно переходить съ

Пуэбло.

одной стороны вагона на другую. Въ другомъ мѣстѣ желѣзнодорожное полотно составляетъ рядъ петель съ постепеннымъ подъемомъ, такъ что послѣ каждаго завитка поѣздъ опять близко подходилъ къ станціи, съ тою разницей, что мы поднимались все выше и выше, а станція какъ бы проваливалась все ниже и ниже. На этомъ пути построено нѣсколько огромныхъ віадуковъ въ два и три этажа. Эти віадуки построены просто изъ дерева, изъ толстыхъ брусьевъ, но такъ жидко, что издали они казались прозрачными, кружевными, а когда нашъ тяжелый поѣздъ слѣдовалъ по нимъ, право дѣлалось жутко. Кажется, американцы не очень хлопочутъ о прочности и довольствуются минимальною. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ полотно подходитъ къ дикимъ откосамъ, оно защищено отъ снѣговыхъ и каменныхъ обваловъ искусственными сооруженіями, выстроенными изъ толстыхъ бревенъ, поставленныхъ стоймя и покрытыхъ бревенчатою же крышей. Такіе бревенчатые коридоры устроены въ иныхъ мѣстахъ саженъ на сто и болѣе. Въ нихъ постоянная и нестерпимая пыль отъ движенія поѣзда, такъ что приходится закрывать окна вагоновъ. Зато въ остальныхъ участкахъ пути можно наслаждаться чуднымъ, легкимъ для дыханія, горнымъ воздухомъ.

На высочайшей точкѣ подъема желѣзнодорожнаго пути стоитъ столбъ съ краснорѣчивою и лаконическою надписью: «11.528 футовъ надъ уровнемъ океана». Однако это еще не вершина перевала, но здѣсь поѣздъ входитъ въ мрачный туннель, длиною почти 4 версты. За туннелемъ начинается уже западная часть Сѣверной Америки, представляющая вилоть до горъ Сіерра-Невада дикое плоскогоріе, лишь у Тихаго океана окаймленное плодородною береговою полосою.

По выходѣ изъ туннеля прежде всего бросается въ глаза высокая, одиноко стоящая гора, называемая горою Святого Креста. На ней имѣется три глубокихъ ущелья, одно продольное и два боковыхъ, пересѣкающихъ продольное въ одной точкѣ; эти ущелья постоянно наполнены вѣчными снѣгами. Зимою, когда вся гора покрыта снѣгомъ, она представляется одною снѣговою шапкой, но лѣтомъ, когда вершины и склоны обнажаются, три упомянутыя ущелья ясно вырисовываются на мрачномъ фонѣ темныхъ скалъ въ видѣ огромнаго бѣлаго креста. Издали можно подумать, что крестъ просто нарисованъ на склонѣ горы. Мѣстность, по которой мы теперь ѣхали, пожалуй еще красивѣе, чѣмъ раньше, до туннеля, но она не такъ разнообразна и бѣднѣе водою. Поѣздъ шелъ все скорѣе и скорѣе, такъ какъ непрерывно спускался подъ гору; однако изъ предосторожности его везли все еще два паровоза, и только на станціи Аспенъ одинъ паровозъ былъ отцѣпленъ, и мы двинулись дальше обыкновеннымъ порядкомъ.

Истинные туристы по большей части останавливаются на упомянутой станціи и ночуютъ здѣсь, чтобы любоваться послѣдующими видами

при дневномъ свѣтѣ, но я торопился дальше, зная, что завтра воскресенье, единственный день въ недѣлѣ, когда обыкновенные смертные допускаются въ знаменитый храмъ мормоновъ. Всю ночь я спокойно спалъ въ роскошномъ пульмановскомъ вагонѣ. Когда же я проснулся и выглянулъ въ окно, характеръ окружающей мѣстности былъ совершенно иной: вмѣсто дикихъ ущелій и величественно нагроможденныхъ скалъ тутъ была равнина, только на горизонтѣ окаймленная холмами, похожими издали на какія-то гигантскія многоэтажныя зданія.

Чѣмъ дальше мы подвигались на западъ, тѣмъ окружающіе холмы дѣлались ниже; среди обнаженной пустыни кое-гдѣ виднѣлись какъ бы оазисы съ хорошею растительностью.

Наконецъ, вдали показались дома и сады обширнаго города: мы подъѣзжали къ здѣшнему Іерусалиму, городу Большого Соленаго озера. Оставивъ вещи на вокзалѣ, я тотчасъ сѣлъ въ великолѣпный вагонъ электрической желѣзной дороги и поѣхалъ по широкимъ и красивымъ улицамъ прямо въ знаменитый Теберпекль, т.-е. скинію мормоновъ, гдѣ вскорѣ должно было начаться богослуженіе.

Извѣстно, что еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго вѣка нѣкто Джое Смитъ основалъ въ Соединенныхъ Штатахъ секту мормоновъ. Онъ увѣрялъ своихъ послѣдователей, что однажды во снѣ ангелъ передалъ ему истинное евангеліе, написанное Мормономъ въ IV вѣкѣ по Р. Х. Главная основная мысль этого евангелія заключалась въ томъ, что Іисусъ Христосъ не ограничитъ своего пришествія на землю единымъ явленіемъ въ Іудеѣ, а будетъ являться нѣсколько разъ, и для слѣдующаго ближайшаго пришествія изберетъ мѣсто поселенія мормоновъ, среди которыхъ и явится въ образѣ человѣка. Вѣрующіе этому откровенію тотчасъ послѣ смерти обращаются въ святыхъ. Для большаго успѣха своей пропаганды Смитъ разрѣшилъ мормонамъ многоженство.

Преслѣдуемые соотечественниками и особенно послѣдователями другихъ довольно многочисленныхъ въ Америкѣ христіанскихъ сектъ, мормоны порѣшили покинуть насиженныя мѣста, удалиться въ пустыню и образовать тамъ независимую общину. Среди гоненій самъ Смитъ былъ убитъ, и предводителемъ мормоновъ сдѣлался Брайгамъ Юнгъ. Съ этимъ смѣлымъ и предпріимчивымъ вождемъ мормоны совершили небывалое въ Новомъ Свѣтѣ переселеніе, по лишеніямъ въ пути и тяжкимъ страданіямъ напоминающее развѣ лишь переходъ евреевъ изъ Египта въ обѣтованную землю. Двигаясь непрерывно на западъ и встрѣчая постоянное сопротивленіе сперва со стороны бѣлыхъ колонистовъ, а затѣмъ со стороны шаекъ воинственныхъ индѣйцевъ, мормоны въ 1847 году перешли хребты Скалистыхъ горъ и достигли береговъ Соленаго озера. Несмотря на то, что мѣсто было пустынно, дико и совершенно необитаемо, мормоны рѣшились тутъ остановиться и основать свое поселеніе.

Послѣ ряда лишеній, благодаря безпримѣрному трудолюбію, мормонамъ удалось устроить цвѣтущую колонію, при чемъ земля сдѣлалась плодородною только путемъ искусственнаго орошенія при помощи цѣлой системы каналовъ, отводящихъ воды многочисленныхъ и безполезныхъ до тѣхъ поръ горныхъ потоковъ въ воздѣланныя и нынѣ цвѣтущія поля. Въ настоящее время всѣхъ мормоновъ насчитывается до 100.000 человѣкъ, при чемъ почти половина ихъ живетъ въ самомъ городѣ Соленаго озера.

Городъ Соленаго озера не похожъ на другіе американскіе города. Онъ раскинутъ на огромномъ пространствѣ и представляетъ почти сплошной садъ, по которому тянутся великолѣпныя широкія улицы, обсаженныя тѣнистыми деревьями. По бокамъ каждой улицы проложены узенькія канавки, облицованныя бѣлоснѣжнымъ мраморомъ, и по нимъ непрерывно струится чистая, свѣжая вода. Весь городъ построенъ на легкомъ скатѣ горы, и потому вода въ канавкахъ никогда не застаивается. Дома по большей части небольшіе, одноэтажные, отлично построенные и окруженные садами, такъ что напоминаютъ не тѣсныя городскія постройки, а какія-то роскошныя загородныя виллы. Извозчиковъ и вообще экипажей почти не видно; жители довольствуются сѣтью электрическихъ желѣзныхъ дорогъ. Большинство жителей занимается не промышленностью и торговлей, а исключительно земледѣліемъ въ окружающихъ городъ обширныхъ и превосходно воздѣланныхъ поляхъ.

Одинъ изъ центральныхъ кварталовъ города занятъ храмомъ мормоновъ и принадлежащими къ нему постройками. Весь кварталъ обнесенъ высокою каменною оградой, за которую съ улицы взоръ непосвященнаго проникнуть не можетъ. Только въ одномъ мѣстѣ этой ограды я увидалъ массивныя ворота, которыя были однако еще заперты; подлѣ сидѣли у канавокъ и стояли цѣлыя толпы мормоновъ, ожидавшихъ начала богослуженія. Мнѣ пришлось просидѣть тутъ съ полчаса и я успѣлъ разговориться съ однимъ старикомъ, который жаловался на притѣсненія, испытываемыя мормонами съ 1869 года, когда проведена была сюда первая желѣзная дорога съ сѣвера, изъ Огдена. Въ послѣднее время, именно съ 1887 года, запрещено даже многоженство.

Между тѣмъ толпы богомольцевъ все увеличивались; ровно въ часъ дня ворота отворились, и всѣ ринулись внутрь черезъ садъ къ знаменитому тебернеклю. Это—большое, но невысокое каменное зданіе, въ видѣ шатра, съ выпуклою крышей. Длина зданія 250, ширина 150, а высота 80 футовъ. Оно имѣетъ нѣсколько дверей съ красивыми, но небольшими мраморными лѣстницами. Внутри тебернекль представляетъ одну огромную овальную залу, въ одной сторонѣ которой стоитъ высокій большой столъ, сплошь заставленный массивными серебряными сосудами съ водою, предназначенною для освященія. За этимъ столомъ

или алтаремъ устроены амфитеатромъ мѣста для хора, а у самой стѣны стоитъ гигантскихъ размѣровъ органъ, считающійся первымъ по величинѣ на материкѣ Америки; онъ имѣетъ 2.648 трубъ. Все остальное

Мормонскіе храмы.

пространство храма предназначено собственно для молящихся и заставлено безчисленнымъ множествомъ постепенно возвышающихся скамеекъ съ удобными спинками прекрасной работы. Кругомъ всего храма устроена обширная внутреняя галлерея, куда ведутъ нѣсколько широкихъ дере-

вянныхъ лѣстницъ и гдѣ тоже установлены скамейки. Вообще, это одно изъ обширнѣйшихъ въ свѣтѣ помѣщеній, прикрытыхъ однимъ сводомъ. Всѣхъ мѣстъ считается тутъ 13.500. Говорятъ, что это зданіе замѣчательно также и въ акустическомъ отношеніи: когда оно пусто, стукъ упавшей гдѣ-нибудь иглы слышенъ съ любого мѣста.

Вскорѣ послѣ нашего прихода въ храмъ вошла цѣлая процессія духовныхъ лицъ, состоящая изъ главнаго пастора и его 12-ти апостоловъ. Всѣ они были одѣты въ роскошныя красныя бархатныя мантіи. Усѣвшись около стола съ сосудами, они приступили къ богослуженію. Судя по массѣ занятыхъ мѣстъ, въ храмѣ, я полагаю, было не менѣе 12.000 человѣкъ; тутъ были люди всѣхъ возрастовъ, начиная отъ столѣтнихъ старцевъ до малыхъ дѣтей; всѣ сидѣли и вели себя весьма скромно, отнюдь не нарушая торжественности церковной службы. Мормоны славятся своимъ долголѣтіемъ, и нигдѣ не насчитываютъ такого относительно большого числа старцевъ въ преклонномъ возрастѣ. Несмотря на жаркій день, внутри храма было довольно прохладно; множество открытыхъ оконъ доставляло массу свѣта и свѣжаго воздуха.

Органисты и пѣвчіе въ числѣ 100 дѣвушекъ налѣво и 100 мужчинъ направо исполняли молитвы и псалмы съ поразительною отчетливостью. Нѣкоторыя молитвы пѣлись не только хоромъ, но и всѣми присутствующими; при этомъ всѣ вставали со своихъ мѣстъ и, повидимому, не жалѣли своихъ голосовъ, но такъ какъ, очевидно, всѣ учились когда-нибудь пѣнію, то исполненіе выходило величественнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, требующихъ силы, впечатлѣніе было поистинѣ потрясающее. Даже въ наиболѣе тихихъ мѣстахъ густота звука поражала слушателя.

Передъ окончаніемъ богослуженія церковные служители, одѣтые въ самые прозаическіе пиджаки, сняли со стола серебряные сосуды и начали разносить ихъ по проходамъ между скамейками. Молящіеся принимали ихъ отъ служителей и передавали затѣмъ другъ другу. Въ сосудахъ была святая вода и мелко нарѣзанные куски бѣлаго хлѣба. Такое причащеніе совершается мормонами каждое воскресенье, безъ всякаго подготовительнаго поста.

Выйдя изъ тебернекля, я обошелъ весь кварталъ, огороженный стѣною, и осмотрѣлъ снаружи новый, еще строящійся храмъ, на который уже теперь затрачено болѣе 10-ти милліоновъ долларовъ. Внутрь ни теперь, ни послѣ не будутъ пускать непосвященныхъ. Мормоны увѣряютъ, что какъ только храмъ этотъ будетъ готовъ, сюда явится Іисусъ Христосъ.

Погулявъ затѣмъ по городу, я рѣшился съѣздить на самое Соленое озеро, которое отстоитъ отсюда на цѣлыхъ 27 верстъ. Туда устроена вѣтка желѣзной дороги, и на озеро ежедневно ѣздятъ ты-

сячи жителей купаться. Сегодня по случаю воскреснаго дня публики было особенно много, и я съ трудомъ добился мѣста на поѣздѣ. Впрочемъ, поѣзда отходятъ каждую четверть часа, и потому если бы я не сѣлъ въ этотъ, то поѣхалъ бы въ слѣдующемъ. Особенность этой дороги заключается въ томъ, что всѣ вагоны открытые, т.-е. снабжены лишь крышами и холщевыми занавѣсками, хотя весь путь (27 верстъ) совершается только полчаса.

Мы неслись между прекрасно воздѣланныхъ полей, на которыхъ мормоны ухитряются снимать ежегодно двѣ жатвы. Только не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до самаго озера, цвѣтущія поля смѣнились голыми солончаками.

Когда поѣздъ остановился и я вышелъ на платформу, то моимъ взорамъ представилось обширное водное пространство—настоящее море; по направленію къ сѣверо-западу противоположныхъ береговъ вовсе не видно. Это, конечно, и не мудрено, такъ какъ длина озера около 150, ширина болѣе 70 верстъ, а поверхность цѣлыхъ 6.000 квадратныхъ верстъ. Берегъ со стороны города низкій и покрытъ солончаками, далѣе же видны дикія негостепріимныя скалы, совершенно лишенныя растительности. Глубина озера вообще не велика и не превосходитъ 36 футовъ, но во всякомъ случаѣ это наиболѣе обширный водоемъ соленой воды, лежащей на такой значительной высотѣ (болѣе 4.000 футовъ) надъ уровнемъ океана. Плотность и соленость воды поразительныя, больше, чѣмъ въ океанѣ. Я вскорѣ убѣдился, что въ этой водѣ человѣкъ не можетъ погрузиться всѣмъ своимъ тѣломъ. Въ озерѣ вовсе нѣтъ рыбъ, но увѣряютъ, что здѣшняя вода полезна для здоровья: она укрѣпляетъ кожу, и купанье предписывается иногда врачами.

На берегу, недалеко отъ того мѣста, гдѣ оканчивается полотно желѣзной дороги, устроено купальное заведеніе, гдѣ толпилось уже множество народа. Какъ и вездѣ въ Америкѣ, тутъ имѣется бюро, въ которомъ выдаются билетики для купанья и принимаются на сохраненіе деньги и цѣнные предметы. Предъявивъ потомъ билетикъ, я получилъ у сторожа ключъ отъ свободнаго номера, гдѣ нашелъ полотенца и купальный костюмъ изъ шерсти. Безъ костюма купаться здѣсь не допускаютъ. Въ озерѣ у самыхъ лѣстницъ барахталось множество купающихся мужчинъ, женщинъ и дѣтей; всѣ вмѣстѣ и всѣ одинаково одѣты въ разноцвѣтныя фуфайки. Я сказалъ—барахтались, а не купались, потому что близъ берега очень мелко и плавать невозможно. Оставивъ толпу и пройдя далеко впередъ, я нашелъ вскорѣ глубокое мѣсто, гдѣ можно было стоять въ водѣ почти по горло. Окунувши голову, я замѣтилъ весьма непріятное дѣйствіе здѣшней воды: густой соляной растворъ жжетъ глаза, слѣпляетъ волосы и во рту производитъ впечатлѣніе отвратительнаго вкуса. При такихъ условіяхъ я не могъ тутъ

долго плавать и поспѣшилъ вернуться въ каморку, гдѣ было сложено мое платье и гдѣ устроенъ душъ съ прѣсною водою. Дѣйствительно, послѣ купанья въ Соленомъ озерѣ необходимо окатиться обыкновенною водою.

Погулявъ затѣмъ по берегу и полюбовавшись окрестными видами, я вернулся на желѣзнодорожную платформу и поѣхалъ обратно въ городъ.

По желѣзной дорогѣ изъ Небраски въ Калифорнію.

(Г. Сенкевича.)

11 марта мы пріѣхали въ Сидней, большую станцію, лежащую еще въ Небраскѣ, но уже въ западной ея части. Степь все возвышается. Мы уже на нѣсколько тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, но почти нигдѣ не замѣтно, чтобы поѣздъ шелъ въ гору. Въ вагонѣ топятъ печи не на животъ, а на смерть,—все предвѣщаетъ близость Скалистыхъ горъ.

Въ этотъ же самый день мы прибыли въ Пайнъ-Блоффъ,—на границѣ Небраски и Уайоминга. Характеръ мѣстности совершенно измѣняется и изъ степного переходитъ въ гористый. Поѣздъ все еще летитъ равниной, но по обѣимъ сторонамъ дороги видны горы съ снѣговыми верхушками или скалы, наваленныя другъ на друга въ фантастическомъ безпорядкѣ. Вокругъ все дико и печально. Изъ вагона мы снова видимъ антилопъ и города степныхъ собакъ. Мы приближаемся къ Чейэнну, станціи въ Уайомингѣ, но по дорогѣ проѣзжаемъ первый «снѣжный домъ», тянущійся на нѣсколько верстъ. «Снѣжные дома»— не что иное, какъ безконечныя крытыя галлереи, охраняющія линію желѣзной дороги отъ снѣжныхъ засыпей. Я столько слышалъ о нихъ разговоровъ, что испытывалъ полное разочарованіе. Правда, галлереи очень длинны, но зато сколочены самымъ первобытнымъ способомъ изъ досокъ и балокъ; балки сбиты гвоздями, въ крышѣ дыра на дырѣ,— однимъ словомъ, все построено такъ, какъ у насъ десятки лѣтъ тому назадъ строили шалаши. Такая постройка можетъ вполнѣ соотвѣтствовать своему назначенію, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ названія восьмого чуда свѣта.

За снѣжнымъ домомъ открывается величественный видъ. Направо отъ поѣзда, какъ на ладони, Черныя горы. Это особая группа, стоящая на равнинѣ отдѣльно отъ иныхъ горъ. Среди мѣстности, покрытой снѣгомъ, на фонѣ оловяннаго неба горы эти кажутся черными, какъ ночь, мрачными, таинственными и грозными. Только вершины покрыты снѣгомъ, остальная черная масса не имѣетъ и слѣда свойственнаго всѣмъ горамъ синеватаго оттѣнка.

Чейэннъ лежитъ непосредственно въ системѣ Скалистыхъ горъ и находится на высотѣ около 6.000 фут. надъ уровнемъ моря. За станціей снѣжные дома почти не прерываются, потому что вездѣ снѣгъ. Маленькіе полустанки лежатъ все выше и выше. Наконецъ, мы доѣзжаемъ до станціи Клермэнъ, высочайшей точки линіи, на высотѣ 9.000 ф.

Трудно вообразить себѣ печальный видъ этой станціи. На голой небольшой площадкѣ стоитъ домъ съ крышей, занесенной сугробами снѣга; воздухъ рѣзкій, холодъ пронзительный, такъ что мы дрожали въ нашихъ шубахъ. Снѣгъ здѣсь идетъ почти постоянно, вѣтеръ воетъ и кружитъ снѣжными хлопьями, кое-гдѣ торчатъ голыя, черныя скалы, сегодня вѣтеръ сдулъ съ нихъ снѣгъ, завтра нанесетъ новый. Я никакъ не могу понять, какъ люди могутъ постоянно жить здѣсь, гдѣ груди просто-напросто не хватаетъ воздуха, въ ушахъ звенитъ, а у слабыхъ людей идетъ кровь горломъ.

12 марта мы начинаемъ понемногу спускаться внизъ, но даже и по ту сторону горъ уклонъ весьма незначителенъ,—мы все находимся на нѣсколько тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь уже конецъ Уайоминга. Въ полдень мы прибываемъ къ Гринъ-Риверу, который недалеко отсюда, въ горахъ, беретъ свое начало. Мѣстность вездѣ скалистая, скалы образуютъ такія фантастическія группы, что эту часть дороги можно назвать самою интересною. То видны обелиски, то пирамиды; вонъ тамъ возвышается замокъ: можно поклясться, что онъ возведенъ человѣческими руками, тутъ нѣтъ недостатка ни въ башняхъ, ни въ стрѣльчатыхъ окнахъ, ни даже въ полуразвалившейся стѣнѣ. Но опять новая смѣна декорацій, скалы понижаются и, покуда глазъ хватаетъ, образуютъ стѣны, длинныя, прямыя и правильныя, точно построенныя по линейкѣ. Въ Утахѣ, недалеко отъ станціи Эхо, самыя любопытныя формаціи, такъ называемыя Дьявольскія Ворота и Дьявольская Тропинка, похожія другъ на друга и разнящіяся только размѣрами. Это скалы, идущія внизъ двумя хребтами совершенно параллельно и образующія глубокій коридоръ, такой дикій и демоническій,что дьяволъ нигдѣ на свѣтѣ не могъ бы найти болѣе соотвѣтственнаго жилища.

Наконецъ, переѣхавши одинъ рукавъ (можетъ быть, притокъ Гринъ-Ривера), мы прибыли въ Огденъ, станцію и городъ въ Утахѣ. Недалеко отъ Огдена, въ сторону отъ желѣзной дороги, лежитъ городъ Соленаго озера, столица мормоновъ. Къ несчастію, за два часа до нашего прихода пришла телеграмма, что дорога засыпана снѣгомъ и только на другой день будетъ свободна. Я, не устрашенный этимъ, хотѣлъ было дождаться слѣдующаго дня, чтобы осмотрѣть замѣчательный городъ, когда пришла новая телеграмма, угрожающая, что черезъ два дня движеніе можетъ прекратиться и по всей большой линіи, потому что въ горахъ идетъ небывалый до сего времени снѣгъ. Исхода

не было,—спѣша въ Санъ-Франциско, я долженъ былъ отказаться отъ посѣщенія мормоновъ, обѣщавши себѣ на обратномъ пути провести среди нихъ хоть нѣсколько дней.

Послѣдствія доказали, что я лучше сдѣлалъ бы, оставшись въ Огденѣ, потому что на слѣдующій день на маленькой и скверной станціи Туано, гдѣ поѣздъ останавливается на три минуты, пришло извѣстіе, что дальнѣйшая дорога засыпана снѣгомъ на нѣсколько миль въ длину и на нѣсколько футовъ глубиною.

— Что дѣлать?—спросилъ я своихъ товарищей.

— Очень просто,—вернемся въ Огденъ, а оттуда поѣдемъ въ городъ Соленаго озера.

Обрадованные этою мыслью, идемъ въ кассу и спрашиваемъ, когда пойдетъ поѣздъ въ Огденъ.

— Отсюда поѣздъ не отходитъ. Въ Огденъ идетъ только поѣздъ, выходящій изъ Санъ-Франциско до Нью-Йорка,—отвѣчалъ кассиръ.

— А когда придетъ поѣздъ изъ Санъ-Франциско?

— Когда дорога будетъ свободна.

Мы повѣсили головы. Нужно было оставаться и ждать въ Туано, пока Богъ смилуется. Трудно себѣ вообразить что-нибудь болѣе скучное, чѣмъ Туано. Это просто-напросто пять или шесть лачугъ, сколоченныхъ изъ досокъ и стоящихъ на снѣгу. Сидѣть тамъ, когда впереди чудная Калифорнія, равняется смерти. А въ это время никто сказать не можетъ, сколько продолжится заточеніе. Можетъ быть недѣлю, можетъ два дня, можетъ десять,—вотъ и все.

Мы слышали, что шесть локомотивовъ пришли изъ Санъ-Франциско; четыре, прибывшіе изъ Огдена, сами видѣли проходящими чрезъ Туано. Всѣ они, вооруженные плугами, пошли разбивать снѣговыя засыпи, но можетъ случиться, что на расчищенное мѣсто опять нападетъ снѣгъ.

Отъ нечего дѣлать первый день мы около четырехъ часовъ стрѣляли изъ револьверовъ; подъ вечеръ, выпросивши ружья у жителей станціи, отправились на охоту. Намъ сказали, что въ ближайшихъ горахъ водятся медвѣди. Съ охоты мы вернулись позднею ночью, не видавши ни слѣда медвѣдей, зато измученные и иззябшіе, такъ какъ по дорогѣ иногда случалось проваливаться по шею въ снѣгъ.

Такимъ образомъ прошелъ день; мы перезнакомились всѣ въ нашемъ спальномъ вагонѣ; да трудно и не познакомиться, живя съ кѣмъ-нибудь въ одномъ вагонѣ. Американцы начали устраиваться, точно мы должны были остаться здѣсь навѣки. Насъ заносило все болѣе и болѣе; день уплывалъ за днемъ. Каждый вечеръ мы ложимся съ мыслью: завтра, можетъ, проснемся въ Невадѣ, и просыпаемся... въ Туано.

Наконецъ, вечеромъ на четвертый день кто-то пустилъ слухъ, что ночью мы поѣдемъ. Полные радужныхъ надеждъ, залегли спать и рано

утромъ проснулись... въ Туано. Тогда мы упали духомъ, потому что намъ грозила новая опасность. Въ Туано всѣ жизненные припасы были на исходѣ. Оставались еще сухари, сахаръ, чай, кофе и калифорнійскія яблоки, но въ мясѣ существовалъ уже недостатокъ, а со стороны Огдена придти ничего не могло, потому что дорога была засыпана. По счастью, вечеромъ того же дня пришло вѣрное извѣстіе по телеграфу, что локомотивы съ плугами расчистили, наконецъ, снѣгъ и скоро будутъ въ Туано.

Я никогда не забуду минуты, когда они пришли. Былъ уже вечеръ и вечеръ очень темный, только отблескъ снѣга слегка разгонялъ темноту. Вдругъ мы услыхали отдаленный шумъ локомотивовъ, и, наконецъ, въ сумракѣ появился неясный силуэтъ цѣлаго поѣзда изъ однѣхъ только машинъ. Первый, вооруженный гигантскимъ плугомъ, весь засыпанный снѣгомъ, посилъ на себѣ ясные слѣды тяжелой битвы. Они приближались, звоня въ колокольчики, свистя, сопя, роняя цѣлые снопы искръ. Этотъ шумъ, звонъ колокольчиковъ, свистъ пара производили необыкновенно сильное впечатлѣніе. Казалось, что черныя чудовища торжествуютъ, что они радуются послѣ трудной борьбы и побѣды. Какою-то неописанною силою вѣяло отъ чернаго хоровода машинъ, который, прошедши мимо насъ цѣпью возвращающихся съ водопоя звѣрей, исчезалъ и понемногу тонулъ во мракѣ, какъ ночное видѣніе. Только шумъ, свистъ и звонки долго еще достигали нашихъ ушей изъ туманной дали, потомъ вагоны наши дрогнули, потомъ ударились другъ о друга и медленно двинулись впередъ.

Вскорѣ мы были уже въ Невадѣ и ѣхали по ней цѣлый день и ночь.

Здѣшнія окрестности необыкновенно печальны. Ничто такъ не угнетаетъ, ничто не проникаетъ въ душу такимъ холоднымъ трепетомъ, какъ видъ этой шеренги черныхъ голыхъ скалъ, окружающихъ долину, перерѣзанную желѣзной дорогой. Я думаю, что такъ должны выглядывать мертвыя долины луны. Тутъ—только одна смерть. Растительности нѣтъ никакой, ни слѣда живого существа, скалы кажутся только трупами скалъ, вся площадь—гигантскимъ кладбищемъ. Иногда приходитъ въ голову, что весь край спитъ какимъ-то мертвымъ, летаргическимъ сномъ, что онъ заклятъ и проклятъ злымъ духомъ. Ѣдешь, ѣдешь цѣлый день, и окрестность не измѣняется, вѣчно та же равнина, холодная, одеревенѣлая, развертывается передъ тобою, а по бокамъ такія же точно уснувшія или мертвыя горы. Къ чувству трепета присоединяется еще чувство скуки и кажется, что и тебя обойметъ также сонъ, что уснетъ все и будетъ ожидать пробужденія цѣлые вѣка въ глубокой и непрерывной тишинѣ. Даже и названія-то въ этомъ странномъ краю какія-то грустныя и зловѣщія.

Вечеромъ мы были у великихъ соляныхъ озеръ въ западной части

Невады. Кругомъ грунтъ всюду покрытъ солью и почти совершенно лишенъ растительности. Окрестности немногимъ отличаются отъ предыдущихъ; вода сѣрая, неподвижная, кажется, тоже уснула заклятымъ сномъ.

Зима тутъ длинная и суровая. Мѣстами еще до сихъ поръ на равнинѣ лежитъ снѣгъ, всѣ верхушки горъ покрыты бѣлыми шапками, дуетъ сердитый и пронзительный вѣтеръ. Я вышелъ на минуту на крылечко и вернулся иззябшій и измученный. Если и Калифорнія похожа на Неваду, думалъ я, то чего же ради стремиться къ ней цѣлые дни и ночи; не затѣмъ ли, чтобы, увидавъ ее завтра, стосковаться и разочароваться, какъ и теперь?

Съ такими грустными мыслями я заснулъ. Ночью мнѣ снилось, что мы все еще въ Туано, отчего я ежеминутно просыпался; наконецъ, едва только первые солнечные лучи проникли сквозь зеленыя занавѣски спальнаго вагона, я одѣлся и вышелъ изъ вагона.

Сначала мнѣ показалось, что я еще сплю.

Невада, вмѣстѣ со своими печальными видами, зимою и холоднымъ вѣтромъ, исчезала; мы были въ лѣсахъ, въ высокихъ горныхъ сосновыхъ лѣсахъ, веселыхъ, благоухающихъ и улыбающихся въ розовомъ свѣтѣ утра. Теплый весенній вѣтерокъ ласково обвѣваетъ мое лицо, надо мною распростерлось голубое небо; тысячи ручьевъ шумя сбѣгали съ горъ, въ лѣсахъ слышался тысячеголосный птичій хоръ, бока красной скалы у самаго полотна желѣзной дороги покрыты невысохшими отъ ночной росы цвѣтами... вездѣ весна, пробужденіе, жизнь и праздникъ...

Мы были въ Калифорніи. Поѣздъ быстро спускался по западному крутому спуску Сіерра-Невады. Вскорѣ всѣ выбѣгали на крылечки вагоновъ, на всѣхъ лицахъ рисовались радость и восторгъ. Люди улыбались природѣ, природа людямъ. Окрестности становились все красивѣе. Я никогда не видалъ такого богатства и гармоніи красокъ. Небо голубое, какъ въ Италіи, темно-зеленые лѣса, свѣтлыя долины, красныя скалы,—все это мѣняется и играетъ въ солнечныхъ лучахъ. Въ глубокихъ пропастяхъ ущелій, у самаго полотна желѣзной дороги, шумятъ обильные весенніе ручьи, тутъ и тамъ длинные деревянные шлюзы, въ которыхъ промываютъ золото. Кучи китайцевъ съ длинными черными косами толпятся около шлюзовъ, всыпая туда золотоносную землю и песокъ. Въ долинахъ, на темномъ фонѣ лѣсовъ, бѣлѣютъ домики фермеровъ, среди травы и цвѣтовъ живописно пасутся стада коровъ и овецъ, иногда промелькнетъ всадникъ на высокомъ сѣдлѣ съ лассо вокругъ высокой луки и скроется въ поворотѣ лѣсной тропинки.

По мѣрѣ того, какъ мы спускались внизъ, край становился все болѣе красивымъ и населеннымъ; передъ домиками красовались огром-

ные кактусы и другія цвѣтущія растенія, множество другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ, вилось около дороги или цѣплялось за шлюзы, иногда совершенно скрывая ихъ подъ своею зеленою сѣтью. Наконецъ, горы исчезли, и мы неслись по лугамъ, поросшимъ въ разныхъ мѣстахъ гигантскими дубами. Надъ водою поднимались тысячи дикихъ утокъ и чирятъ. На поляхъ, огороженныхъ плетнями, зайцы убѣгали при нашемъ приближеніи, либо скрывались въ травѣ, выставивши оттуда только уши и усы; разноцвѣтныя птицы перепархивали съ дерева на дерево, веселымъ щебетаньемъ наполняя воздухъ.

Въ одиннадцать часовъ мы прибыли въ Сакраменто, столицу Калифорніи, а черезъ четверть часа поѣхали дальше. Дорога нѣсколько минутъ шла берегомъ золотоносной рѣки Сакраменто-Риверъ, величественно катившей свои полныя весеннія воды. Скоро рѣка исчезла изъ нашихъ глазъ, зато по обѣимъ сторонамъ дороги пошли невысокіе, покрытые пестрыми цвѣтами, холмы. Мѣстность становилась все болѣе людною, фермы болѣе частыми, культура лучшею. Мѣстами казалось, что ѣдешь въ Саксоніи и Бельгіи, но горячіе солнечные лучи и экзотическія растенія выводятъ изъ заблужденія. Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ на горизонтѣ блеснула голубая зыбь моря. Я думалъ, что предъ нами уже Тихій океанъ, но это оказалось только его заливомъ, надъ которымъ лежитъ Санъ-Франциско и его предмѣстье Окландъ, мимо котораго мы проѣхали безостановочно. Поѣздъ летитъ какъ сумасшедшій, и представьте мое изумленіе, когда я, выглянувши изъ вагона, увидалъ по обѣимъ сторонамъ морскія волны, дикихъ утокъ и чаекъ, однимъ словомъ, увидалъ себя вмѣстѣ съ поѣздомъ,—просто-напросто на морѣ, вѣрнѣе на длинномъ, мили въ двѣ, деревянномъ мосту. Признаюсь, такой способъ путешествія показался мнѣ ужъ черезчуръ американскимъ еще и потому, что я не зналъ, долго ли намъ придется такъ путешествовать. Наконецъ, въ половинѣ залива мостъ кончился и поѣздъ сталъ; путешествіе наше тоже было окончено. Оставалось только сѣсть на пароходъ и проѣхать другую половину залива, на противоположномъ берегу котораго изъ морской мглы вырисовывался уже видимый для глазъ Санъ-Франциско.

Санъ-Франциско.

(По П. Тверскому и др.)

Путешественникъ, подъѣзжающій къ Санъ-Франциско по трансконтинентальной желѣзной дорогѣ, останавливается въ Окландѣ, городѣ, стоящемъ напротивъ Санъ-Франциско, по другую сторону залива. Отсюда пассажиры съ ихъ вещами перевозятся черезъ заливъ на обыкновенномъ паромѣ. Заливъ имѣетъ здѣсь около 8 верстъ ширины, и во время пе-

рѣзда можно любоваться городомъ, расположеннымъ на противоположномъ берегу красивымъ амфитеатромъ.

Заливъ, на берегу котораго стоитъ Санъ-Франциско, представляетъ огромную водную поверхность, растянувшуюся вдоль берега Тихаго океана. Увѣряютъ, что въ этомъ заливѣ могутъ помѣститься флоты всего міра. Заливъ отдѣленъ отъ океана двумя полуостровами, выступающими съ юга и съ сѣвера и оканчивающимися высокими мысами, между которыми остается свободный ходъ, или проливъ, около $1^1/_2$ версты шириною, называемый Золотыми Воротами. Сѣверный полуостровъ очень скалистъ и весь покрытъ еще дикимъ лѣсомъ, южный же, вѣроятно, болѣе удобенъ для поселенія: на его-то оконечности и выстроенъ Санъ-Франциско, при чемъ самый городъ обращенъ къ заливу. Благодаря великолѣпному заливу и расположенію амфитеатромъ на уступахъ скалъ, Санъ-Франциско производитъ издали, съ парома, очень красивое впечатлѣніе, хотя особенно выдающихся зданій въ немъ нѣтъ. Но стоитъ выйти на берегъ и вступить въ самый городъ, какъ тотчасъ становится замѣтнымъ, что ему еще далеко не только до многихъ европейскихъ городовъ, но и до городовъ восточной части Соединенныхъ Штатовъ. Улицы и площади грязны, дома по большей части деревянные и самой безвкусной, простой архитектуры. Конечно, есть нѣсколько роскошныхъ гостиницъ, дворцовъ и красиво выстроенныхъ зданій присутственныхъ мѣстъ, но въ общемъ эти зданія почти незамѣтны. Однако въ городѣ оживленіе большое,—вагоны желѣзныхъ дорогъ и тротуары переполнены ѣдущими и идущими. Здѣсь особенно много кабельныхъ желѣзныхъ дорогъ, при чемъ вагоны съ удивительною быстротою и легкостью подымаются по весьма крутымъ подъемамъ.

Главная улица Санъ-Франциско, «Рыночная», перерѣзываетъ весь городъ и оживлена болѣе прочихъ. Тутъ сосредоточены гостиницы и наилучшіе дома. Прислушиваясь къ разговорамъ на улицахъ и въ ресторанахъ, поражаешься смѣсью языковъ. Тутъ въ ходу, кажется, всѣ европейскіе языки, и прислуга, повидимому, умѣетъ ихъ понимать; преобладаетъ, конечно, послѣ англійскаго, языкъ нѣмецкій. Этимъ смѣшеніемъ языковъ Санъ-Франциско рѣзко отличается отъ всѣхъ большихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Городское оживленіе особенно поражаетъ послѣ привольныхъ прерій Канзаса и необитаемыхъ пустынь Юты и Невады, черезъ которыя проѣзжаетъ путешественникъ. Множество легкихъ экипажей и тяжелыхъ фургоновъ съ кладью просто запружаютъ улицы. Всего чаще попадаются громадные фургоны съ надписями: «Ice» (ледъ). Ледъ привозится сюда на судахъ изъ Аляски и затѣмъ развозится по городу. Изъ фургоновъ ледъ извлекается огромными желѣзными клещами, волочится по землѣ до люковъ въ подвалы и тамъ принимается рабочими.

Одной изъ достопримѣчательностей главной улицы является «Palace Hôtel». Американскій отель вообще—верхъ совершенства и далеко оставляетъ за собою все то, что ни есть лучшаго въ этомъ отношеніи въ Европѣ. «Palace Hôtel» занимаетъ цѣлый кварталъ, насчитываетъ 1.200

Санъ-Франциско.

отдѣльныхъ номеровъ и, когда полонъ гостями, его населеніе, включая служащихъ, достигаетъ 7—8 тысячъ человѣкъ. Это огромное четырехугольное зданіе, съ внутреннимъ дворомъ, на который выходятъ колонады со сплошными балконами отъ всѣхъ этажей; все выкрашено въ

яркій бѣлый цвѣтъ, дворъ покрытъ громаднымъ стекляннымъ куполомъ. Постройка, отдѣлка и меблировка стоятъ свыше десяти милліоновъ долларовъ; зданіе построено исключительно изъ стали, камня и стекла и считается неразрушимымъ для землетрясеній. Каждая комната, каждый уголъ обставлены со всевозможною роскошью и удобствами. Ни въ Петербургѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Лондонѣ, ни даже въ Парижѣ нѣтъ ничего подобнаго, съ чѣмъ бы можно было сравнить этотъ отель.

Санъ-Франциско является старѣйшимъ городомъ тихоокеанскаго побережья временъ американскаго владычества, хотя прошло всего 45 лѣтъ съ того времени, какъ была построена въ немъ первая лачужка, и еще живы и совершенно бодры люди, которые хорошо помнятъ это событіе. Онъ вообще грязенъ; въ дѣловыхъ частяхъ его плохая, сравнительно, мостовая изъ грубыхъ, неотесанныхъ гранитныхъ кубиковъ, и въ немъ нѣтъ ни одной улицы со сплошными массами большихъ домовъ, а десяти-двѣнадцатиэтажные великаны разбросаны повсюду вперемежку съ одноэтажными дрянными временными постройками. Кромѣ того, все какъ-то слишкомъ скучено, какъ будто натискано одно на другое, точно мѣста не хватило. Въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ своего существованія городъ росъ такъ быстро, что его жителямъ все казалось, что узенькаго полуострова, на которомъ онъ расположенъ, въ самомъ непродолжительномъ времени не хватитъ,—вотъ они и громоздили постройку на постройку, оставили мѣстами очень узкія улицы и даже засыпали значительную полосу самаго залива, около полумили въ ширину и пять или шесть миль въ длину. За послѣднее десятилѣтіе ростъ города значительно замедлился, а теперь и совсѣмъ почти прекратился, и жители увидали, что они опасались попусту и что мѣста на полуостровѣ хватитъ для трехъ или четырехъ такихъ городовъ, какъ Санъ-Франциско.

Одну изъ наиболѣе выдающихся особенностей Санъ-Франциско составляетъ китайскій кварталъ, заключенный въ особыхъ, рѣзко опредѣленныхъ границахъ, съ спертыми въ нихъ сорока тысячами китайцевъ, составляющихъ $^1/_3$ всего китайскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Въ общемъ этотъ китайскій кварталъ представляетъ грязную, душную, отвратительную картину: узенькія улицы съ висящими съ обѣихъ сторонъ животрепещущими балкончиками, глубокіе подвалы съ извилистыми подземными ходами, развѣшанное повсюду грязное бѣлье, зловоніе, нездоровая скученность и тѣснота,—все это подъ управленіемъ «шести компаній», утвержденныхъ китайскимъ правительствомъ частныхъ обществъ, держащихъ въ самой безобразной кабалѣ всякаго китайца на американской почвѣ и съ безпощадною жестокостью подавляющихъ всякую попытку къ самостоятельности. Органы этихъ обществъ распространены по всему союзу, хотя главные воротилы, какъ гово-

рятъ, приближенные къ трону мандарины, и живутъ въ Китаѣ; ихъ представители, благодаря желѣзной дисциплинѣ, религіознымъ понятіямъ и всесилію заправилъ обществъ у себя на родинѣ, въ Китаѣ, управляютъ американскими китайцами неограниченно. Примѣры открытаго ослушанія и непокорности крайне рѣдки и обыкновенно кончаются быстрой, неожиданной смертью ослушниковъ, хотя и неизмѣнно при обстоятельствахъ, не дозволяющихъ бѣлымъ властямъ доказать преступленіе и накрыть мстящую руку; словомъ, это довольно искусно организованное государство въ государствѣ, не допускающее вмѣшательства мѣстныхъ властей.

Китаецъ работаетъ днемъ и ночью, спитъ урывками, питается водой и рисомъ и откладываетъ всякій грошъ; его неутомимость и безусловное отсутствіе какихъ-либо потребностей цивилизованнаго человѣка дѣлаютъ его страшнымъ, непобѣдимымъ противникомъ бѣлыхъ вездѣ, гдѣ они сталкиваются на житейскомъ полѣ битвы. Почти съ самаго начала китайской эмиграціи на тихоокеанскомъ побережьи то тамъ, то сямъ постоянно вспыхивали волненія среди бѣлыхъ рабочихъ, направленныя противъ сыновъ Небесной имперіи; волненія эти нерѣдко сопровождались кровавыми расправами съ ними и совершеннымъ изгнаніемъ ихъ изъ извѣстныхъ районовъ. Тѣмъ не менѣе число китайцевъ въ предѣлахъ Союза все увеличивалось. Десятки тысячъ привозились ежегодно «шестью компаніями», содержавшими привозимыхъ на оброкѣ и наживавшими на этомъ громадные барыши, тогда какъ только относительно весьма немногіе, разбогатѣвъ, возвращались обратно въ Китай. Сначала китайцы занимались исключительно стиркой, стряпней и домашнимъ услуженіемъ; но мало-по-малу число ихъ увеличилось до того, что этихъ занятій оказалось недостаточно, и они стали наниматься на фермерскую, желѣзнодорожную и рудокопную работы, быстро уменьшая заработную плату и тѣсня бѣлаго рабочаго все больше и больше. Общественное мнѣніе высказывалось противъ нихъ все громче и громче, и, наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, конгрессъ долженъ былъ къ нему прислушаться и издать особый законъ о воспрещеніи дальнѣйшей эмиграціи китайцевъ въ предѣлы Союза.

Границы Соединенныхъ Штатовъ отъ британскихъ владѣній на сѣверѣ до Мексики на югѣ и береговая линія Тихаго океана такъ обширны, а населеніе на нихъ такъ рѣдко, что законъ этотъ обходился съ большимъ успѣхомъ съ самаго дня его изданія и «шесть компаній» продолжали и продолжаютъ ввозить китайцевъ цѣлыми массами, какъ контрабанду. Единственнымъ прямымъ результатомъ этого закона оказалось увеличеніе барышей этихъ компаній, такъ какъ онѣ, пользуясь сравнительною опасностью этого дѣла для отдѣльныхъ лично-

стей, стали насчитывать вдвое и втрое противъ прежняго барышей на эту живую контрабанду. Бѣлое населеніе, видя невозможность примѣнить законъ о воспрещеніи эмиграціи, опять заволновалось, и года два тому назадъ конгрессъ долженъ былъ издать новый законъ, требующій немедленной переписи всего наличнаго китайскаго населенія въ Союзѣ и обязывающій мѣстное начальство высылать на родину всякаго китайца, который послѣ послѣдняго назначеннаго для переписи дня окажется въ предѣлахъ Союза безъ установленнаго свидѣтельства, сопровождаемаго его фотографіей. «Шесть компаній» не на шутку встревожились, запретили китайцамъ переписываться и наняли лучшихъ адвокатовъ для того, чтобы оспаривать справедливость этого закона въ высшемъ судѣ Соединенныхъ Штатовъ. Судъ этотъ разсмотрѣлъ дѣло, призналъ актъ справедливымъ, и число китайцевъ на тихоокеанскомъ побережьи должно уменьшиться.

Несмотря однако на всю грязь, китайскій кварталъ отличается оригинальностью. Передъ каждой лавочкой висятъ огромные стеклянные или просто бумажные фонари, расписанные причудливыми фигурами и орнаментами. Всѣ вывѣски—исключительно китайскія; это тѣмъ болѣе странно, что вообще въ Америкѣ не видно другихъ вывѣсокъ, кромѣ англійскихъ. По улицамъ снуютъ взадъ и впередъ малорослые и грязно одѣтые китайцы. Говорятъ, что прогулки по китайскому кварталу не совсѣмъ безопасны, особенно для пріѣзжихъ.

Другою оригинальною особенностью Санъ-Франциско является чрезвычайное обиліе разныхъ общественныхъ учрежденій, пожертвованныхъ ему частными лицами. Ни одинъ городъ въ Соединенныхъ Штатахъ не обладаетъ такимъ числомъ милліонеровъ и нигдѣ они не проявили такой изумительной щедрости относительно нуждъ своего роднаго города. Золотая горячка 1849—1860 годовъ, послѣдовавшая за нею колоссальная спекуляція золотыми и серебряными пріисками и полученные отъ нея громадные барыши дали Калифорніи вообще и городу Санъ-Франциско въ особенности сотни милліонеровъ, пришедшихъ сюда иногда пѣшкомъ, безъ гроша въ карманѣ, съ чрезвычайными лишеніями. Они начали свою карьеру безъ гроша, теперь они имѣютъ десятки и даже сотни милліоновъ долларовъ. Всѣ они, безъ единственнаго исключенія, сами прошли вначалѣ или суровую школу рудокопа, рабочаго, или поденщика, или извозчика, или матроса; всѣ они съ ранней молодости, со дней лишеній и нужды, относились съ любовью къ Санъ-Франциско и всѣ они и до сихъ поръ гордятся этимъ городомъ и любятъ его. Еще не было примѣра, чтобъ одинъ изъ нихъ покинулъ его; они ѣздятъ на Востокъ, въ Европу, но считаютъ Санъ-Франциско своимъ домомъ и неизмѣнно къ нему возвращаются. Эти-то люди и снабжаютъ общественныя учрежденія и Калифорніи, и Санъ-Франциско

своими поистинѣ царскими подарками. Такъ, одинъ изъ милліонеровъ, Станфардъ, пожертвовалъ свыше двадцати милліоновъ долларовъ деньгами и поземельнымъ имуществомъ на устройство и содержаніе образцоваго университета въ Пало-Альто, въ 33 миляхъ отъ Санъ-Франциско; другой, Ликъ, устроилъ знаменитую обсерваторію на горѣ Хамильтонѣ, съ самымъ большимъ во всемъ мірѣ телескопомъ, учредилъ въ Санъ-Франциско даровыя публичныя бани, со всѣми послѣдними приспособленіями строительнаго и инженернаго искусствъ, и, кромѣ того, пожертвовалъ въ пользу города свой отель, въ то время бывшій лучшимъ на тихоокеанскомъ побережьи. Около десятка этихъ милліонеровъ, сложившись, пожертвовали городу не только паркъ въ 1.000 акровъ, называемый паркомъ Золотыхъ Воротъ, считающійся величайшимъ по пространству городскимъ паркомъ міра, начинающійся почти въ центрѣ города и пересѣкающій весь полуостровъ до самаго Тихаго океана, но и всѣ средства, необходимыя на его устройство и поддержаніе. Хотя парку этому всего нѣсколько лѣтъ, но и теперь уже онъ является образцовымъ учрежденіемъ этого рода, наполненъ дорогими изваяніями, содержитъ прелестный ботаническій садъ, и въ немъ ежедневно, съ 2-хъ до 4-хъ часовъ играетъ прекрасный оркестръ. Еще одинъ милліонеръ устроилъ несгораемую и, говорятъ, одну изъ богатѣйшихъ въ мірѣ, по числу томовъ и рѣдкости изданій, библіотеку и при самомъ входѣ въ узкій проливъ, соединяющій заливъ Санъ-Франциско съ Тихимъ океаномъ и называемый Золотыми Воротами, великолѣпный паркъ, въ которомъ собралъ копіи почти со всѣхъ знаменитыхъ изваяній Стараго Свѣта. Паркъ этотъ оканчивается утесами, о которые бьютъ волны океана, поддерживается въ безукоризненномъ порядкѣ и всегда открытъ для публики. На каждомъ шагу гуляющій поражается чудесными видами природы и всевозможными затѣйливыми постройками, бесѣдками, искусственными гротами и т. п. Особенно красива большая ротонда съ колоннами, построенная на высокой скалѣ у самаго обрыва къ океану. Отъ нея спускается длинная роскошная лѣстница изъ бѣлаго мрамора къ берегу, гдѣ устроена купальня. Видъ изъ ротонды на необозримый просторъ Великаго океана восхитителенъ и не поддается описанію.

Имена этихъ людей и понынѣ встрѣчаются во главѣ всякаго новаго общественнаго дѣла. Они-то и толкаютъ впередъ и безъ того кипучую жизнь тихоокеанскаго побережья своими именами, своимъ вліяніемъ, своими деньгами. «Palace Hôtel», о которомъ говорилось выше, былъ выстроенъ ими послѣ получасового совѣщанія, такъ какъ одинъ изъ нихъ, вернувшійся изъ поѣздки на Востокъ, замѣтилъ, что ему кажется, что Санъ-Франциско начинаетъ отставать въ этомъ отношеніи отъ Нью-Йорка.

Іоземитская долина въ Калифорніи.

(Боульса.)

Калифорнія имѣетъ видъ большой впадины, заключенной между двумя горными хребтами. Одинъ изъ нихъ тянется вдоль морского берега, а другой на востокѣ отдѣляетъ Калифорнію отъ Невады. По этой впадинѣ, длина которой простирается до 200 миль, а ширина достигаетъ 40—50 миль, текутъ рѣки Сакраменто съ сѣвера и Санъ-Іоахимъ съ юга; онѣ соединяются нѣсколько выше Санъ-Франциско и вливаютъ свои воды въ обширную бухту, которая посредствомъ Золотыхъ воротъ соединяется съ Тихимъ океаномъ.

Лучшее время для посѣщенія Калифорніи—весна, отъ февраля до іюня, когда уже миновала пора дождей, а лѣтняя жара еще не началась. Тогда холмы и равнины, которые въ августѣ представляются путешественнику обнаженными и выгорѣвшими отъ солнца, одѣваются пышною зеленью и дикіе цвѣты раскидываютъ свой разноцвѣтный коверъ на всемъ пространствѣ нетронутой почвы. Никакой садъ восточныхъ штатовъ, даже пользующійся самымъ тщательнымъ уходомъ, не можетъ сравниться въ роскоши, разнообразіи и обиліи цвѣтовъ съ лугами и холмами Калифорніи.

Особенно красивы долины прибрежныхъ горъ. Цѣпь горъ задерживаетъ облака, приносимыя съ океана, и драгоцѣнная влага остается въ долинахъ. Эти долины, съ ихъ тѣнистыми, вѣчнозелеными дубовыми рощами и мягкимъ климатомъ, представляютъ настоящіе фруктовые сады Санъ-Франциско, соединяя въ себѣ тишину и спокойствіе деревни съ городской культурой. Тамъ и сямъ разбросаны красивые деревенскіе домики. На цѣлыя мили тянутся поля пшеницы и цвѣтущія деревни, говорящія о постоянныхъ урожаяхъ и прочномъ доходѣ отъ земледѣлія; онѣ составляютъ рѣзкій контрастъ съ запущенными и приходящими въ упадокъ городками, возникшими при копяхъ внутри страны. Старые, близкіе къ разрушенію дома миссій и церкви, построенные изъ камней и глины, безъ дерева и желѣза, и старыя персиковыя фиговыя деревья, растущія тутъ же въ фруктовыхъ садикахъ, свидѣтельствуютъ о прежней дѣятельности католическихъ испанскихъ миссіонеровъ среди индѣйцевъ...

Но вѣнецъ всѣхъ красотъ и чудесъ природы Дальняго Запада есть Іоземитская долина. Изумленный и восхищенный останавливается путешественникъ, когда, при выходѣ изъ зеленыхъ лѣсовъ, съ высокой, крутой стѣны скалъ онъ видитъ передъ собой цѣлое море гранитныхъ горъ, въ глубинѣ которыхъ покоится долина съ ея лугами, рощами и серебряными каскадами водопадовъ.

Двойная стѣна отвѣсныхъ гранитныхъ утесовъ, высотою отъ по-

ловины до одной мили, окаймляетъ долину съ обѣихъ сторонъ. Ширина ея едва достигаетъ полмили, тогда какъ длина простирается до 15 миль. Ее можно было бы назвать скорѣе расщелиной среди скалъ, ущельемъ; но несмотря на свою узость она обладаетъ всѣмъ плодородіемъ и красотою большой и богатой долины. Ея склоны покрыты роскошной травой и поросли дубовыми и сосновыми рощами; въ по-

Скала Эль-Каптэнъ въ Іоземитской долинѣ.

слѣднихъ нерѣдко попадаются величественныя деревья, достигающія 350 футовъ высоты. Мѣстами раскинулись густыя заросли ивы, березы, лавра и терновника. Тамъ и здѣсь цвѣтутъ различныя примулы, золотая рута и фіалки усѣиваютъ каждое свободное мѣстечко. Благоуханіе цвѣтовъ, ароматъ мяты, здоровый смолистый запахъ елей и сосенъ наполняютъ воздухъ, а между лугами, цвѣтами и кустарниками извивается рѣка Мерседесъ, такая чистая, такая прозрачная и

ясная, что трудно сказать, гдѣ кончается воздухъ и начинается вода. То она быстро течетъ по гладкой галькѣ и бѣлому песку, то разливается въ глубокихъ омутахъ, которые такъ и манятъ искупаться и въ которыхъ водятся форели.

А по обѣимъ сторонамъ луговъ, цвѣтущихъ кустарниковъ и лѣсовъ, отвѣсныя и неприступныя, вздымаются мощныя гранитныя стѣны, увѣнчанныя вершинами самой разнообразной формы. Господствующая окраска камня—мягкое, нѣжное золото, которое мѣстами кажется болѣе густымъ или блѣднымъ, какъ будто дождь, снѣгъ и вѣтеръ пробовали на немъ свою силу. Иногда попадаются рѣзкія сочетанія свѣтлыхъ и темныхъ цвѣтовъ. Но еще болѣе, нежели окраска, приковываетъ взглядъ самая форма скалъ. Главное, что обращаетъ вниманіе,—массивная стѣна по обѣимъ сторонамъ долины желто-сѣраго цвѣта, которая прямо за лугами поднимается отвѣсно къ небу на три четверти мили высоты и безъ всякихъ уступовъ. Индѣйское и испанское названія этой стѣны значатъ: «Великій Іегова», и весьма вѣроятно, что у туземныхъ жителей она является предметомъ поклоненія даже для цивилизованнаго человѣка; невозможно не почувствовать себя передъ ней маленькимъ и ничтожнымъ.

Подобныя, хотя и не столь величественныя формы встрѣчаются въ долинѣ еще разъ, всѣ же другія скалы имѣютъ болѣе поэтическій и фантастичный видъ. Тамъ и здѣсь возвышаются громадныя массивныя скалы, напоминающія церкви. Высочайшая скала долины вполнѣ походитъ на разрѣзанный посрединѣ соборъ. Маленькое озеро, раскинувшееся у ея подножія, отражаетъ, какъ въ зеркалѣ, ея величественныя формы. Правильныя пирамиды то прислоняются къ стѣнѣ долины, то стоятъ группами другъ возлѣ друга и возвышаются одна сзади другой и другъ надъ другомъ, какъ «Три брата», «Соборъ» и «Соборная башня», соединяющія съ величественностью красоту и фантастичность формъ готическаго стиля. Очертаніе и окраска ихъ производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто находишься дѣйствительно среди руинъ старинаго готическаго собора, въ сравненіи съ которымъ соборы кельнскій и миланскій показались бы простыми игрушками.

Самая распространенная форма скалъ—слегка покатые, чрезвычайно высокіе, обнаженные валы, которые мѣстами поднимаются такъ высоко, что ежегодно лишаютъ на нѣсколько часовъ долину солнечнаго сіянія. На поверхности такихъ валовъ иногда находятся обширныя впадины; иногда самые валы раздроблены на отдѣльныя глыбы и въ трещинахъ между ними растутъ сосны, которыя, благодаря мощности и высотѣ вала, кажутся снизу кустарникомъ. Въ другихъ мѣстахъ скалы лежатъ другъ на другѣ, подобно толстымъ складкамъ на шеѣ носорога, или образуютъ колонны, высѣченныя на поверхности стѣны;

нѣкоторыя нависаютъ надъ долиной подобно полямъ шляпъ и наверху заостряются въ конусъ. Многія изъ наблюдаемыхъ здѣсь явленій—формы скалъ, ихъ окраска, переходы отъ свѣта къ тѣни—обусловливаются нагроможденіемъ другъ на друга огромныхъ каменныхъ массъ. Морозъ и ледъ проникаютъ въ самыя тончайшія трещины и отрываютъ куски скалъ величиною отъ яблока до дома, которые, дробясь и сокрушая, всѣ устремляются внизъ, въ долину.

Вдоль боковыхъ стѣнъ долины шумятъ потоки воды, вытекающіе изъ болѣе узкихъ, выше лежащихъ долинъ и ущелій. Увѣнчанныя снѣгомъ вершины горъ Невада замыкаютъ задній планъ. Многочисленные водопады безспорно составляютъ лучшее украшеніе Іоземитской долины, особенно въ періодъ таянія снѣговъ, въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Тогда всѣ эти потоки переполняются водою, между тѣмъ какъ въ остальное время года они превращаются въ обыкновенные ручьи. Въ главной части долины прежде всего бросается въ глаза водопадъ, называемый «Покрывало невѣсты». Количество воды въ этомъ водопадѣ незначительно. Вслѣдствіе этого при паденіи съ утеса почти въ 1000 футовъ высотою онъ превращается въ блистающую мелкую водяную пыль, которая при движеніи воздуха развѣвается какъ газовая вуаль. Далѣе въ глубь долины съ шумомъ низвергается черезъ край скалы Іоземитскій водопадъ, ширина котораго достигаетъ 20 футовъ, а толщина слоя воды 2 футовъ. Этотъ водопадъ по своей высотѣ превосходитъ всѣ извѣстные до сихъ поръ водопады во всемъ свѣтѣ. Сперва онъ падаетъ отвѣсно почти съ высоты 1.500 футовъ, затѣмъ прерывается выступающими утесами, среди которыхъ низвергается цѣлымъ рядомъ пѣнистыхъ каскадовъ на протяженіи слишкомъ 600 футовъ, послѣ чего дѣлаетъ послѣдній скачокъ въ 400 футовъ. Такъ какъ всѣ эти паденія происходятъ въ одной и той же отвѣсной плоскости, то можно окинуть ихъ взглядомъ всѣ заразъ, и впечатлѣніе, производимое ими, живописнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда вода низвергается съ высоты скалы въ долину однимъ столбомъ. Количество воды въ верхней части водопада слишкомъ велико, чтобы разлетаться въ пыль, какъ въ «Покрывалѣ невѣсты»; но при вѣтрѣ, дующемъ съ большой силой, струя падающей воды все-таки колеблется въ разныя стороны, и тогда явленіе имѣетъ чрезвычайно величественный видъ, особенно при волшебномъ свѣтѣ полной луны. Высота всего водопада въ круглыхъ цифрахъ равна 2.550 футамъ. Такимъ образомъ этотъ водопадъ въ 15 разъ выше Ніагарскаго.

Выше за Іоземитскимъ водопадомъ долина развѣтвляется на два или на три узкихъ ущелья, которыя вскорѣ замыкаются гранитными стѣнами верхняго плоскогорія. Въ концѣ одного изъ нихъ главное теченіе рѣки Мерседесъ на незначительномъ разстояніи въ полмили пре-

терпѣваетъ два паденія со скалъ, разъ въ 350 футовъ высоты и другой въ 700. Нижній, меньшій, водопадъ носитъ названіе Вернальскаго. Его воды изливаются однимъ потокомъ, который образуетъ у подножія водопада великолѣпную радугу. Верхній водопадъ называется Невадскимъ. При своемъ паденіи съ вершины скалы онъ расширяется лучеобразно, пѣнится, дробится въ мелкую пыль и почти на полпути падаетъ на скалу, которая отклоняетъ его нѣсколько въ сторону. Невада есть водопадъ водопадовъ. Его удивительная, притягивающая къ себѣ красота не имѣетъ ничего себѣ подобнаго даже въ Швейцаріи, гдѣ есть нѣсколько похожихъ на него водопадовъ. Каждая капля этого могучаго потока бѣла, какъ молоко. Отъ начала до конца водопадъ кажется однимъ большимъ кружевнымъ облакомъ. Когда пѣна падаетъ на скалы, въ ней можно различить каждую каплю; и дѣйствительно, этотъ водопадъ нельзя сравнить ни съ чѣмъ, кромѣ кружевъ съ ихъ безчисленными узелками—только работа природы по ея тонкости, красотѣ и законченности безконечно выше человѣческой. Роскошными пѣнистыми каскадами бѣжитъ далѣе вода Невадскаго водопада и по гладкому гранитному ложу, прозрачная и чистая, достигаетъ нижняго водопада.

Дорога къ Невадскому водопаду тяжела и небезопасна. Она ведетъ черезъ узкія ущелья, обрывы скалъ, лѣпится по краю пропастей и упирается въ отвѣсныя стѣны, подняться на которыя можно только съ помощью лѣстницъ. Но всѣ эти усилія съ избыткомъ вознаграждаются красотою водопадовъ и общимъ красивымъ расположеніемъ скалъ.

Во всякомъ ущельѣ есть свои водопады и каскады, своимъ шумомъ и грохотомъ нарушающіе тишину и спокойствіе долины. Блестящая, отполированная поверхность ограничивающихъ долину скалъ и горизонтальная штриховка ихъ указываютъ на то, что Іоземитская долина вмѣстѣ съ ея отвѣтвленіями нѣкогда была покрыта ледниками.

Конгрессъ передалъ эту долину въ собственность штату Калифорніи съ тѣмъ условіемъ, чтобы она исключительно была назначена для удовольствія и отдохновенія публики; и дѣйствительно, число любителей красотъ природы, наѣзжающихъ въ нее, увеличивается съ каждымъ годомъ.

Къ югу отъ этой долины находится другая достопримѣчательность Дальняго Запада—знаменитыя гигантскія деревья, секвойи или веллингтоніи. Они не образуютъ отдѣльныхъ лѣсовъ или рощъ, а разсѣяны отдѣльными группами среди сосновыхъ и кедровыхъ лѣсовъ на обширномъ пространствѣ многихъ миль. Къ востоку отъ Скалистыхъ горъ уже сосны и кедры, въ сообществѣ которыхъ растутъ эти гиганты, вызываютъ удивленіе. Дѣйствительно, поперечникъ ихъ простирается отъ 6 до 10 фу-

товъ, а высота достигаетъ 250 футовъ. Но и эти колоссы растительнаго царства кажутся пигмеями возлѣ секвойи. Поперечникъ послѣднихъ имѣетъ отъ 30 до 40 футовъ и высота ихъ рѣдко бываетъ менѣе 250 футовъ. Шесть изъ нихъ имѣютъ поперечникъ больше 30 футовъ и отъ 90 до 100 футовъ въ обхватѣ. Такъ называемый «Сѣдой Великанъ», одно изъ самыхъ крупныхъ деревьевъ, поднимается на 90 футовъ, при чемъ толщина его замѣтно не уменьшается, и затѣмъ выпускаетъ вѣтви, имѣющія 6 футовъ въ поперечникѣ. Но красота этихъ деревьевъ не уступаетъ громадности ихъ размѣровъ. Окраска ихъ коры нѣжнаго свѣтло-коричневаго цвѣта; самая кора покрыта бороздами, придающими стволу сходство съ коринѳскими колоннами. Вершина, похожая на шапочку, сидящую на верхушкѣ корабельной мачты, образуетъ настоящій конусъ зелени. Вѣчнозеленые листья отличаются особымъ, нѣсколько матовымъ блескомъ, благодаря которому эти деревья легко распознать издали въ лѣсу. Сердцевина окрашена въ темный густой красный цвѣтъ, приближающій эти деревья къ тому роду, который въ избыткѣ растетъ на прибрежныхъ горныхъ цѣпяхъ Тихаго океана и обыкновенно извѣстенъ подъ названіемъ краснаго дерева. Древесина гигантской секвойи состоитъ однако изъ болѣе мелкихъ ячеекъ, нежели древесина ея меньшихъ родственниковъ, и поэтому древесина и кора, хотя толщина послѣдней иногда превосходитъ 20 дюймовъ, такъ легки и хрупки, что вѣтры и зимній снѣгъ часто повреждаютъ ихъ вершину и верхнія вѣтви. Два изъ самыхъ большихъ деревьевъ были повалены бурею и сквозь стволъ одного, болѣе стараго, который былъ выжженъ внутри, можно было проѣхать верхомъ. Нѣкоторыя деревья повреждены огнемъ, который когда-то былъ разложенъ вокругъ нихъ.

О возрастѣ этихъ деревьевъ существуютъ различныя вычисленія. Самыя старыя изъ нихъ далеко оставляютъ за собою христіанскую эпоху. Нѣкоторыя, вѣроятно, уже росли, когда надъ Виѳлеемомъ засіяла звѣзда, возвѣщавшая о рожденіи Спасителя. Въ одномъ изъ пней такихъ деревьевъ, имѣвшемъ поперечникъ не менѣе 23 футовъ, по годичнымъ кольцамъ былъ опредѣленъ возрастъ въ 4830 лѣтъ...

Охота на сѣраго медвѣдя.

(Г. Сенкевича.)

Позднею ночью пошли мы съ товарищемъ моимъ Джэкомъ къ сквэтеру Плезенту. Завтра утромъ нужно было приступить къ охотѣ на сѣраго медвѣдя.

Мѣстность, занятая Плезентомъ, представляла обширную долину, покрытую вѣковыми дубами; съ одной ея стороны огромнымъ полукругомъ тянулся продолговатый рядъ горъ, отвѣсныхъ какъ стѣна; другой

же, гораздо болѣе отлогій, противоположный берегъ этой долины былъ ограниченъ потокомъ. За потокомъ тянулась другая лощина, значительно ниже, замкнутая высокими горами.

Вся окрестность, лишь только я въ первый разъ взглянулъ на нее при лунномъ свѣтѣ, показалась мнѣ чрезвычайно романтичной, какъ и большая часть сквэтерскихъ жилищъ въ каньонахъ. Долина болѣе возвышенная, другая ниже и, подобно амфитеатру, очерченныя дугой горы образовывали какъ бы исполинскій циркъ или нѣчто въ родѣ ступеней. У подножія ихъ, въ скалистомъ коридорѣ, шумѣлъ потокъ, по берегамъ котораго шла дорога къ жилищу. Ночь была уже поздняя, но прекрасная. Луна обливала сіяньемъ весь этой амфитеатръ горъ и арену долины. Вездѣ царили тишина и спокойствіе. Скалы, громоздившіяся ярусами, иногда въ чудно симметрическихъ формахъ, издали при лунномъ свѣтѣ напоминали угрюмую массу домовъ большого города.

Собачій лай возвѣстилъ жителямъ долины о нашемъ прибытіи. Вскорѣ между дубовыми вѣтвями я увидалъ пылавшій костеръ и освѣщенныя багровымъ заревомъ стѣны бѣлаго домика. Около костра мелькали человѣческія фигуры, бродившія тамъ и здѣсь или по индѣйскому обычаю сидѣвшія кучками. Взобравшись на высокій берегъ ручья, мы очутились во дворѣ дома. Хозяинъ, вышедшій къ намъ навстрѣчу, привѣтствовалъ обычнымъ «гало!» моего товарища и затѣмъ познакомился со мной и представилъ меня своей женѣ. Кромѣ нихъ, я познакомился еще съ двумя сквэтерами, братьями Шрьюсбёри, старшимъ — Сэмомъ и младшимъ—Люціемъ. Сэмъ былъ коренной типъ американца-піонера, футовъ шести ростомъ, съ лицомъ, напоминавшимъ стараго волка, съ умнымъ, но коварнымъ взглядомъ, съ большими костлявыми руками и ногами и съ сухимъ, но могучимъ тѣлосложеніемъ. Во время разговора онъ вытягивалъ впередъ свои исполинскія ноги и голову и, поглаживая обросшій подбородокъ, всегда начиналъ съ протяжнаго «well». Кромѣ того, онъ постоянно жевалъ табакъ и ежеминутно сплевывалъ отвратительную красноватую слюну. Младшій, Люцій, слылъ превосходнымъ стрѣлкомъ и былъ вообще веселый парень, не заботившійся о завтрашнемъ днѣ.

Гости, вмѣстѣ съ десяткомъ мексиканцевъ, сидѣли не въ домѣ, состоявшемъ только изъ одной комнаты, но въ сторонѣ отъ дома, около костра. Вслѣдствіе теплаго климата, по общепринятому въ горахъ обычаю, мексиканцы только спятъ подъ крышей, но ѣдятъ и проводятъ все время подъ открытомъ небомъ. Москитовъ, являющихся казнью теплыхъ странъ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ, и потому ничто не препятствуетъ этой жизни на волѣ. У Плезентовъ, какъ и вездѣ, недалеко отъ дома и костра возвышалась веранда, состоявшая изъ четырехъ тонкихъ необтесанныхъ платановыхъ стволовъ, подпиравшихъ крышу, сплетенную изъ листьевъ и сухихъ лавровыхъ вѣтвей. Хозяева проводили большую

часть жизни подъ сѣнью этого незатѣйливаго зданія, и тутъ же теперь былъ столъ, или, вѣрнѣе, доски, гдѣ госпожа Плезентъ приготовляла ужинъ. Огонь, безпрерывно поддерживаемый мексиканцами, ярко пылалъ почти надъ кровлей веранды, вздымаясь багровыми языками и со всѣхъ сторонъ обнимая закопченный котелъ, гдѣ готовилось мясо антилопы съ красною фасолью.

Рядомъ съ нимъ клокотали, жарясь, корчась и шипя, какъ души грѣшниковъ, куски солонины, самаго лакомаго мексиканскаго блюда. Японскій чай съ медомъ, приготовленный на кипяченой водѣ, служилъ дополненіемъ ужина. Костеръ и группировавшіеся около него люди, когда я на минуту отдалился и взглянулъ на нихъ изъ темноты, представляли чудно-оригинальную картину. Вообрази, читатель, эти кровавые снопы пламени, сыплющіе дождь искръ среди залитой луннымъ свѣтомъ атмосферы, эти деревья, мрачныя отъ ночной темноты, серебряныя отъ луны и розовыя отъ блеска пламени! Представь, что слышишь потокъ, шумящій въ каменномъ ущельѣ; а вдали темный, величественный амфитеатръ горъ и скалъ, черными силуэтами рисующійся на серебристомъ фонѣ ночного неба. Сидѣвшія около костра фигуры усиливали романтическое очарованіе всей картины. Мексиканцы имѣли еще болѣе дикій видъ, чѣмъ Сэмъ, Люцій, Джэкъ и Плезентъ. Люди, сидѣвшіе по индѣйскому обычаю кучками около костра, хранили на лицахъ выраженіе вмѣстѣ и индѣйской важности, и испанской задумчивости, странно противорѣчившихъ съ изодранной одеждой, плохо прикрывавшей нагіе колѣна и локти.

Всѣ эти кабаллеро были родственники хозяйки и въ близкомъ родствѣ между собою. Это были, какъ мнѣ потомъ разсказывали, потомки рода, нѣкогда богатаго, обладавшаго обширными имѣніями, но, по мѣрѣ заселенія страны янками, утратившаго все и ушедшаго на кочевое житье въ горы. Общее ихъ прозваніе было Сальвадоры.

Когда Плезентъ знакомилъ меня съ Сальвадорами, каждый изъ этихъ рыцарей поочередно вставалъ, снималъ шляпу, затѣмъ, отдавая церемоніальный поклонъ, протягивалъ правую руку съ такою изысканностью, граціей и выраженіемъ собственнаго достоинства, какія принесли бы честь любому графу. Кромѣ того, я замѣтилъ, что всѣ эти джентльмены, хотя всѣ въ родствѣ между собою, двоюродные или даже родные братья, все же не оставляли въ разговорѣ учтиваго «usted» или «caballero». Всѣ они держали себя какъ бы въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Шрьюсбёри, Джэка и даже отъ Плезента, хотя сохраняли въ обращеніи съ ними обычную учтивость. Это было даже нѣсколько смѣшно, такъ какъ грубые американцы не могли оцѣнить должнымъ образомъ ни этой товарищеской политики, ни этой изысканности, и, со своей стороны, какъ люди болѣе богатые, считая себя повыше, обходились съ черно-

волосыми рыцарями до нѣкоторой степени покровительственно. Впрочемъ, между обѣими сторонами царствовала полная гармонія, тѣмъ болѣе, что, за исключеніемъ госпожи Плезентъ, никто изъ мексиканцевъ не зналъ по-англійски, сѣверные же сквэтеры очень мало знали по-испански.

Наконецъ, ужинъ былъ готовъ. Мы сѣли за него подъ верандой, размѣстившись не на креслахъ, а на старыхъ ульяхъ, похожихъ на ящики. Люцій, задѣтый мною за живую струнку, сталъ разсказывать мнѣ свои охотничьи приключенія, и разговоръ зашелъ о медвѣдѣ, съ которымъ наутро намъ предстояло имѣть дѣло. Тутъ старый индѣецъ Рамонъ, жившій у Плезентовъ, подалъ свой голосъ и заявилъ, что это звѣрь «muy grande» (очень большой). При этомъ я пришелъ къ заключенію, что, собственно говоря, кружокъ настоящихъ охотниковъ составляли только два Шрьюсбёри, Джэкъ, Плезентъ и я, такъ какъ все оружіе пришлыхъ мексиканцевъ состояло изъ лассо и ножей. Задачей ихъ было стеречь звѣря, чтобы онъ не ушелъ изъ долины, а если бы онъ хотѣлъ вырваться, то накинуть на него веревку и остановить. Старые калифорнійцы часто выходятъ на медвѣдя съ однимъ лассо, но несравненное оружіе это можетъ быть съ пользой употребляемо исключительно только съ лошади и, конечно, не въ ущельяхъ и не въ кустарникахъ.

Между тѣмъ ужинъ кончился, и мы опять усѣлись около костра. Старый Рамонъ приложилъ къ губамъ инструментъ, называемый «coyotte», и, поднявъ взоръ къ небу, началъ дудѣть на немъ. Издалека во мракѣ слышалось ржаніе мексиканскихъ мустанговъ, привязанныхъ къ деревьямъ, и звонки ангорскихъ козъ, запертыхъ въ коралѣ на скатѣ горы. Эти звонки я слышалъ потомъ цѣлую ночь, такъ какъ ихъ привязываютъ къ лошадямъ и козамъ для устрашенія дикихъ звѣрей. Неясный звукъ, подобный отголоску эха, производитъ впечатлѣніе меланхолическое, но пріятное и склоняетъ къ грезамъ.

Около часа мы всѣ сидѣли въ молчаніи, прерываемомъ только трескомъ пылавшихъ сучьевъ и тихими звуками «coyotte». Вскорѣ однако же молчаніе это было прервано однимъ изъ приключеній, ежедневно повторяющихся въ горахъ. Около кораля съ козлятами залаяла собака, остальныя тотчасъ бросились туда, и черезъ минуту весь оврагъ огласился неистовымъ лаемъ. Плезентъ зажегъ длинную смолистую лучину, взялъ ружье и пошелъ посмотрѣть, что дѣлается. За нимъ пошелъ и я со старымъ Рамономъ. Бѣдные козлята страшно блеяли, собаки же, собравшись подъ однимъ большимъ деревомъ и поднявъ кверху морды, завывали. Рамонъ поднялъ нѣсколько каменьевъ и сталъ швырять ими въ дерево, громко свища при этомъ. Не прошло минуты, какъ мы увидали темную фигуру звѣря, величиной съ среднюю собаку, такъ быстро

перескочившаго къ сосѣднему дереву, что Плезентъ не успѣлъ даже и выстрѣлить по немъ.

— Что это такое?—спросилъ я.

- Lynx! — отвѣчалъ Плезентъ.—Привязываю въ коралѣ хорошую собаку, но и это не помогаетъ... Въ прошломъ году *серебряный левъ* похитилъ у меня двѣнадцать козлятъ и стараго козла, купленнаго мною въ Лосъ-Анджелосѣ за семьдесятъ пять долларовъ наличными.

Мы съ минуту шли молча, я немножко уклонился въ сторону, выбирая, по моему мнѣнію, кратчайшую дорогу, какъ вдругъ сквэтеръ вскрикнулъ:

— Не туда! Не туда! Осторожнѣе! А то какъ разъ попадете въ капканъ!

И въ самомъ дѣлѣ, его слова едва не оправдались. Два сосѣдніе кораля, одинъ съ козами, другой съ козлятами, имѣли видъ маленькихъ крѣпостей, не легко доступныхъ врагамъ. Однако же ничто такъ не привлекало всякаго рода хищниковъ, какъ эта лакомая добыча.

Разведеніе козъ, насколько я присмотрѣлся къ нему, не представляетъ никакой трудности. На разсвѣтѣ отпираютъ кораль, козы выходятъ въ горы, идутъ, куда хотятъ, ѣдятъ, что хотятъ, и на ночь возвращаются. Днемъ онѣ не подвергаются нападеніямъ хищныхъ звѣрей. Несмотря на тяжкій запахъ, издаваемый этими животными, я присматривался иногда къ нимъ по цѣлымъ часамъ. Глаза у нихъ большіе и кроткіе; шелковистая, серебряная или блѣдно-золотистая шерсть придаетъ имъ особенную миловидность. У козловъ шерсть особенно длинна, такъ что изъ-подъ нея видны только лодыжки. Красивѣе же всего козлята съ короткою, молочнаго цвѣта, шерстью и съ движеніями газели. Они съ необыкновенною ловкостью прыгаютъ по скаламъ, обрывамъ и надъ пропастями. Козелъ бородатый — вождь и притомъ деспотическій хозяинъ всего стада. Онъ первый выходитъ по утрамъ, ведетъ свое стадо, побрякивая колокольчикомъ и съ важностью кивая головой, выбираетъ мѣсто для пастбища. Въ движеніяхъ выказываетъ развязность, соединенную съ степенностью, твердостью и увѣренностью въ себѣ. Вслѣдствіе огромной головы, еще большихъ рогъ и обильной шерсти онъ производитъ впечатлѣніе большого животнаго, но на самомъ дѣлѣ малъ, и когда его остригутъ, то смотритъ совсѣмъ голышомъ. Собакъ не боится вовсе: увидя чужую, идетъ прямо на нее, вытаращиваетъ глуповатые глаза, киваетъ бородой и громко сплевываетъ какъ бы съ отвращеніемъ. Если собака не уступаетъ, но, что чаще всего случается, останавливается, обнюхиваетъ и сама всматривается въ урода, тогда и козелъ, приблизясь на нѣсколько шаговъ, становится, минуту смотритъ, чихаетъ еще грознѣе и наконецъ, наклонивъ рога, какъ молнія бросается на непріятеля. Случается, что воинствен-

ный козелъ бросается и на своего хозяина въ минуту, когда тотъ выпускаетъ его, но хозяинъ тотчасъ же хватаетъ его за шерсть, одною рукою около затылка, другою около хвоста, и безъ дальнихъ церемоній шаговъ на десять перебрасываетъ его черезъ заборъ. Обиженный такимъ обращеніемъ козелъ выражаетъ свой гнѣвъ громкимъ плеваніемъ и поспѣшно удаляется.

Старый индѣецъ Рамонъ, спеціально занимавшійся этими козами, любилъ ихъ какъ своихъ дѣтей. Возвращаясь домой, я ближе познакомился съ нимъ. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти, съ бѣлыми волосами, но крѣпкій и здоровый, съ бронзовымъ цвѣтомъ лица. Глотка два водки, предложенныхъ изъ моей бутылки, отворили мнѣ его сердце. Мы рядомъ сѣли у костра и стали разговаривать. Я спросилъ его, гдѣ онъ живетъ. Въ горахъ! отвѣчалъ онъ. А гдѣ «le casa de usted?» (домъ его). Но... добрый Рамонъ!.. у него и совсѣмъ нѣтъ дома! Онъ живетъ то у Плезентовъ, то у Шрьюсбёри, то въ шатрахъ Сальвадоровъ, но чаще всего у Плезентовъ, такъ какъ это очень, очень добрые люди. Прежде, но очень давно, у Рамона была и жена, и дѣти, и шалашъ, и свои стада. Потомъ... Эта несчастная огненная вода... ну, словомъ, теперь Рамонъ «solo»... ахъ, «solito», грустно повторялъ онъ, «solito!» Высказавъ это, онъ взялъ свой «cyotte» и снова сталъ дудѣть на немъ, уставивъ глаза въ темное звѣздное небо.

Я съ любопытствомъ присматривался къ этому инструменту, вѣроятно, самому простѣйшему въ мірѣ. Почти всѣ скаты въ горахъ покрыты растеніемъ, по-испански называемымъ «cyotte»; англійскаго названія его я не могъ доискаться. «Cyotte» — кустарникъ, листьями своими похожій на наши лиліи, только они жестче и на концахъ съ шипами. Изъ средины этихъ листьевъ довольно высоко, футовъ отъ пяти до восьми, поднимается вверхъ бѣлый стволъ, внизу болѣе толстый, а кверху суживающійся. Конецъ ствола весною покрывается плетями пышныхъ пурпуровыхъ цвѣтовъ. Растеніе это полезно во многихъ отношеніяхъ. Сердцевина ствола, какъ у бузины, легкая и наполняющая его во всю длину, доставляетъ индѣйцамъ и мексиканцамъ вкусную пищу. У нея вкусъ остраго грецкаго орѣха. Во время цвѣтенія около пурпуровыхъ плетей вьются стаи колибри, большихъ бабочекъ, пчелъ и слѣпней. Осенью, когда цвѣты опадутъ, а стволъ достаточно высохнетъ, тогда изъ него легко сдѣлать инструментъ. Обрѣзавъ снизу и сверху, къ нему привязываютъ струну, подпираютъ ее съ одной стороны подставкой, и инструментъ готовъ. Такимъ образомъ это нѣчто въ родѣ арфы объ одной струнѣ, но играютъ на ней не такъ, какъ на обыкновенной. Старый Рамонъ бралъ тонкій конецъ въ зубы и пальцами одной руки прижималъ струну въ разныхъ мѣстахъ для произведенія различныхъ тоновъ, другою же игралъ на ней. Несмотря на скудость

звуковъ, Рамонъ однако наигрывалъ разныя мексиканскія мелодіи, по большей части меланхолическія и заунывныя. Одинъ изъ Сальвадоровъ по временамъ вторилъ ему глубокимъ и металлически-звучнымъ баритономъ. Сущность пѣсенокъ большею частью касалась любви: «когда я спалъ подъ тѣнью магноліи,—пѣлъ Франческо Сальвадоръ,—я видѣлъ во снѣ тебя; проснувшись, я сталъ плакать и опять захотѣлъ уснуть!» Послѣ такой коротенькой пѣсни слѣдовала остановка и съ минуту были слышны только колокольчики козъ и звуки «cyotte», а потомъ пѣвецъ кончалъ громкимъ голосомъ, выражавшимъ какъ бы глубочайшую тоску: «О, Юлія! О, Юлія!»

Между тѣмъ въ этихъ разговорахъ, пѣсняхъ и размышленіяхъ прошло довольно много времени; была уже полночь; пѣтухъ уже пропѣлъ въ сараѣ, гдѣ стояли телѣга и пчелиные ульи Плезента. Старшій Шрьюсбёри протянулъ ноги, погладилъ подбородокъ и, обратившись къ хозяевамъ, сказалъ:

— Well! Встанемъ на разсвѣтѣ.

Мы разошлись; мексиканцы пошли въ сарай, гдѣ немного было ячменной соломы, но гдѣ стоялъ также отлученный отъ стада старый козелъ, отравлявшій воздухъ. Шрьюсбёри же, я и Джэкъ легли у костра. Несмотря на то, что я былъ чрезвычайно измученъ, а быть можетъ и по этому самому, я не могъ уснуть. Въ ушахъ постоянно раздавались монотонные колокольчики козъ, то ржали лошади, то на вершинахъ дальнихъ горъ завывали звѣри, то собаки бросались съ пенистымъ лаемъ и исчезали въ темнотѣ. Сонъ сомкнулъ мнѣ вѣжды только черезъ часъ-другой, когда костеръ подернулся пепломъ и почти совсѣмъ угасъ...

Меня разбудили звуки желѣзнаго шомпола о ружейный стволъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ въ полумракѣ огромную фигуру Люція, наклонившуюся надъ длиннымъ карабиннымъ стволомъ. Старшій Сэмъ тоже не спалъ, въ сараѣ шевелились мексиканцы, а въ окнѣ у Плезентовъ мерцалъ огонекъ. На небѣ уже брезжилъ разсвѣтъ. Ночь все блѣднѣла, отдаленныя пространства съ рядами древесныхъ стволовъ виднѣлись все яснѣе, ранняя птичка—дятелъ задолбилъ въ дерево, какъ бы говоря: «пукъ! пукъ! Вставайте! Въ горахъ и долинахъ наступаетъ день!» Наконецъ, вдали между двумя горами блеснули первые лучи утренней зари. На востокѣ, подобно лентѣ пояса, протянулась легкая, прозрачная блѣдно-розоваго цвѣта полоска. Небо было еще темно, холодно и мрачно, но полоска росла и разливалась все шире. Верхній край ея мало-по-малу принималъ блѣдно-золотистый оттѣнокъ. Взоръ не могъ уловить измѣненія тоновъ: такъ незамѣтно одна краска переходила въ другую. На минуту играли между собой блѣдное золото, лазурь и блѣдная зелень, пока, наконецъ, все затя-

нула легкая розовая мгла. Вставала заря, прекрасная, румяная, заливающая горы и долины радужнымъ свѣтомъ и обращающая въ брильянты капли росы, повиснувшей на дубовыхъ листьяхъ. Была какая-то истинная радость въ этомъ дѣвственномъ, еще юномъ свѣтѣ, пробуждающемся къ жизни съ любовью и вѣрою въ нее. Запѣли птицы, заблеяли козы, весело запрыгали собаки. По всѣмъ косогорамъ отозвалось обычное: «ого! го!» куропатокъ самцовъ, сзывающихъ самокъ. Даже степенный Сэмъ распѣвалъ извѣстную американскую пѣсню, гдѣ послѣ каждаго куплета повторяется: «Hej ho Missisipi, Missisipi river!» Наконецъ, осмотрѣвъ оружіе, мы отправились на охоту.

Сойдя въ каменное ущелье, мы пошли вверхъ по теченію ручья. Плезентъ и старый Рамонъ, лучше всѣхъ зная мѣстность, шли впередъ, вторую пару составляли я и Люцій, а Сэмъ и Джэкъ были назади. Мексиканцы отправились гораздо раньше насъ: одни—къ западному, или нижнему, другіе—къ восточному, или верхнему, берегу ручья. Эти послѣдніе могли идти русломъ только часть дороги, далѣе же, какъ показывали слѣды, взобрались на берегъ и, перейдя гору, огибаемую ручьемъ, сократили такимъ образомъ путь. Задачей ихъ было проникнуть какъ можно дальше въ глубину горъ, чтобы заградить звѣрю дорогу, въ случаѣ если бы онъ вздумалъ уйти вверхъ по теченію ручья. Планъ облавы, составленный Рамономъ и Люціемъ, заключался въ томъ, чтобы кавалерія, занявъ два выхода изъ долины, нагнала звѣря на пѣхоту, помѣщавшуюся въ срединѣ. Медвѣдь, конечно, могъ бы точно такъ же уйти и боковыми путями, какъ русломъ, но стороны долины были образованы довольно отлогими горными скатами, видными для глаза и лишь изрѣдка поросшими дубовымъ лѣсомъ, такъ что мы навѣрно увидали бы медвѣдя. Наконецъ, Рамонъ, бывшій извѣстнымъ охотникомъ, утверждалъ, что медвѣдь почти навѣрно найдется на одномъ холмѣ, образующемъ изгибъ ручья и чрезвычайно круто возвышающемся надъ водою. Мили за три отъ границы Плезентовскаго участка Рамонъ сталъ внимательно присматриваться къ узкой полосѣ песка, смѣшаннаго со слюдой. Съ минуту это изслѣдованіе было безплодно, но вдругъ старый индѣецъ наклонился и тихонько вскрикнулъ: «hugh», указавъ намъ глубокій и ясный слѣдъ. Онъ былъ тѣмъ замѣтнѣе, что въ углубленіяхъ набралось довольно слюды и слѣдъ сверкалъ какъ позолоченный. Было, собственно, три слѣда, и изъ нихъ только два яснѣе, и затѣмъ они пропадали въ каменьяхъ. Рамонъ могъ усмотрѣть слѣды даже тамъ, гдѣ никто и не подозрѣвалъ ихъ. Чудный видъ имѣлъ этотъ старикъ съ бронзовымъ лицомъ и бѣлыми волосами, высматривавшій какъ гончая собака, ежеминутно склонявшійся и вскрикивавшій гортаннымъ голосомъ: «hugh!» Вчера ночью, когда онъ вмѣстѣ съ другими сидѣлъ у огня, опершись локти на ко-

лѣни и склонивъ сѣдую голову на руки, онъ казался мнѣ почти сгорбленнымъ; теперь же ноздри его были расширены и сильно раздувались, какъ бы ловя вѣтеръ, а блестящіе глаза бѣгали съ истинно индѣйской быстротой, изслѣдуя каждый обрывъ надъ ручьемъ, каждый кустикъ на косогорѣ и, наконецъ, землю подъ ногами. Приближаясь къ холму, гдѣ звѣрь, по нашему мнѣнію, долженъ былъ найти себѣ пристанище, мы всѣ задерживали шаги и шли такъ тихо, что я ясно слышалъ журчанье воды по каменьямъ, стукъ дятла по деревьямъ и крикъ горныхъ куропатокъ. Утро было прелестно; солнце уже взошло; воздухъ, наполненный медовымъ запахомъ шалфея, былъ бы поистинѣ благоуханнымъ, если бы по временамъ не отравляли его отвратительныя испаренія скунксовъ, или американскихъ хорьковъ, маленькихъ черныхъ звѣрковъ, чрезвычайно многочисленныхъ въ этихъ горахъ. Ужасный запахъ, издаваемый ими, есть не что иное, какъ избытокъ мускуса—вещества, черезчуръ пахнущаго даже въ самомъ маломъ количествѣ, въ избыткѣ же просто удушающаго. Домъ, гдѣ поселится скунксъ, дѣлается положительно невозможнымъ для житья: запахъ отъ него поражаетъ и носъ и горло, переполняетъ легкія и производитъ кашель и рвоту. Его не выносятъ даже собаки; куры же, услышавъ его, впадаютъ въ полное оцѣпенѣніе.

Въ продолженіе нашей ходьбы мы раза три-четыре попадали на этотъ запахъ, и мнѣ стоило большихъ усилій удержаться отъ кашля. Наконецъ, мы дошли до холма, поднимавшагося какъ бы въ видѣ треугольника надъ окружающимъ его ручьемъ. Надежда найти на немъ звѣря превратилась почти въ увѣренность, когда старый Рамонъ подъ самыми своими ногами указалъ большой камень, поросшій нѣжнымъ, склизкимъ слоемъ мха. Звѣрь, очевидно, вскарабкивался по немъ вверхъ и притомъ недавно, такъ какъ слѣды на сыромъ мху очевидно были свѣжи, черты же, оставленныя скользившими тутъ страшными когтями, сверкали ночной росой. Рамонъ, показавъ намъ эти слѣды, тихонько прошепталъ: «orso», и мы тотчасъ же раздѣлились на двѣ партіи. Люціи, Сэмъ и Плезентъ окружили выступавшій мысъ, чтобы съ другой стороны взойти на холмъ, а мы пошли прямо подъ гору. Кустарникъ былъ здѣсь такъ густъ, что подвигаться впередъ можно было только чрезвычайно тихо. Мы втроемъ, т.-е. Рамонъ, Джэкъ и я, раздѣлились такимъ же образомъ, по крайней мѣрѣ, шаговъ на сорокъ другъ отъ друга. Теперь началась настоящая облава. На всемъ холмѣ было тихо какъ въ могилѣ; зоркій глазъ не могъ бы примѣтить насъ, такъ какъ мы ползли въ кустахъ, даже не видя другъ друга.

Время отъ времени каждый изъ насъ только поднималъ голову, чтобы по дрожанію кустовъ удостовѣриться, гдѣ его товарищи. Такимъ образомъ, разъ я увидалъ большую бороду Джэка, а въ другой—огненные глаза Рамона. Прошло минутъ десять или четверть часа, а мы

проползли всего нѣсколько десятковъ шаговъ. Я попалъ на такое мѣсто, гдѣ у корней кустарниковъ былъ крупный песокъ: маленькіе камешки осыпались и шумѣли, и я долженъ былъ притаиться и ожидать. Я подвигался съ возможною осторожностью; прошло, наконецъ, съ полчаса, и я уже начиналъ нѣсколько приходить въ нетерпѣніе. Тишина! Поднявъ голову, я увидѣлъ направо и налѣво легкое дрожаніе вѣтвей,—значитъ, товарищи подвигались впередъ. Мнѣ пришло въ голову, что если бы мы подали голосъ, то звѣрь, если онъ дѣйствительно въ кустахъ, тотчасъ открылъ бы намъ свое мѣстопребываніе. Это было вѣрно, но вѣрно и то, что если бы онъ находился близко къ вершинѣ, отдаленной отъ насъ по крайней мѣрѣ еще ярдовъ на шестьсотъ, то перевалилъ бы за нее и скрылся бы отъ нашихъ глазъ, и половина нашихъ трудовъ пропала бы понапрасну. Къ тому же нетерпѣнію моему теперь оставалось уже не слишкомъ долгое испытаніе. Прошло, быть можетъ, еще съ десять минутъ, какъ вдругъ по другую сторону мыса грянулъ выстрѣлъ изъ карабина, потомъ раздалось страшное рычаніе и затѣмъ громкій крикъ: «take care! take care!» За этимъ другой и третій выстрѣлъ. Мы всѣ вскочили и сломя голову бросились къ мысу. Рамонъ, бывшій ближе всѣхъ, добѣжалъ первый. Я видѣлъ издали, какъ, добѣжавъ, онъ остановился и приложилъ ружье къ щекѣ. Затѣмъ еще выстрѣлъ, два и опять крикъ, уже не прерываемый, и возгласы: «take care!» Наконецъ и я, и особенно отдаленный Джэкъ прибѣжали къ мѣсту поворота. Теперь передъ моими глазами открылась цѣлая покатость другой стороны. Повыше стояли два Шрьюсбёри и второпяхъ стрѣляли изъ карабиновъ, а нѣсколько далѣе Плезентъ, спокойно прицѣливавшійся. Сначала я не могъ отыскать глазами медвѣдя, но черезъ минуту я увидѣлъ почти у подножья холма огромную сѣрую массу, подобную исполинскому шару, быстро карабкавшуюся кверху. Я ровно ничего не понималъ, что дѣлается. Я предполагалъ стрѣлковъ увидѣть внизу, а медвѣдя наверху, между такъ какъ вышло наоборотъ. Впрочемъ, размышлять было некогда, такъ какъ все описываемое совершалось не въ минуты, а въ секунды. Плезентъ выстрѣлилъ, сѣрая масса испустила новый отчаянный крикъ, продолжая быстро карабкаться. Тутъ прицѣлились и мы съ Джэкомъ. Медвѣдь на мгновеніе скрылся въ кустахъ, но тотчасъ же показался снова, и Джэкъ выстрѣлилъ въ него, послѣ чего звѣрь вскочилъ на ноги, но упалъ назадъ и скатился до самаго ручья. У всѣхъ насъ вырвалось единогласное ура! Я думалъ, что ужъ конецъ, но могучее чудовище опять вскочило и, цѣпляясь мордой и когтями за кусты, бросилось на Шрьюсбёри. Оба брата еще по разу выстрѣлили, мы же съ Джэкомъ, имѣя карабины въ четырнадцать зарядовъ, пускали пулю за пулей. Въ этотъ моментъ раздался и топотъ мексиканскихъ ѣздо-

ковъ, галопировавшихъ по противоположному плоскому берегу ручья и вывшихъ, какъ дикіе звѣри. Два изъ нихъ, достигнувъ берега и отдѣленные отъ звѣря только ручьемъ и небольшимъ пространствомъ косогора, закрутили надъ головами страшныя веревки, но прежде чѣмъ петли были брошены, драма была уже окончена. Звѣрь опять скатился къ ручью, и болѣе уже не вставалъ. Когда я хотѣлъ бѣжать къ нему, Джэкъ удержалъ меня громовымъ «stop!» Мы стали потихоньку спускаться всѣ вмѣстѣ и съ пальцами на куркахъ. Шагахъ въ десяти мы остановились, приготовясь выстрѣлить. Звѣрь лежалъ на брюхѣ съ вытянутыми лапами и еще трепеталъ; изъ морды текла широкая струя крови и по временамъ слышался предсмертный храпъ. Песокъ и трава, гдѣ онъ лежалъ, были изрыты страшными когтями, окровавленные же губы и носъ были вываляны въ пескѣ, когда онъ въ ярости хваталъ его зубами.

Люцій выстрѣлилъ еще разъ, приставивъ дуло своего карабина почти къ самой медвѣжьей мордѣ, затѣмъ дрожаніе прекратилось и туловище звѣря неподвижно выпрямилось. «Enough!» (довольно!) флегматически сказалъ Сэмъ. Затѣмъ мы стали осматривать бѣдпягу.

Онъ былъ прострѣленъ какъ рѣшето. Одна пуля попала въ голову, подъ ухомъ, другая подъ глазомъ, не считая послѣдней Люціевой и всѣхъ остальныхъ, попавшихъ въ него. Это былъ не столь исполинскій звѣрь, какъ видѣнный мною раньше въ Чэйеннѣ на желѣзной дорогѣ, но также одинъ изъ самыхъ большихъ въ своей породѣ. Я едва могъ приподнять его огромную морду, подложивъ подъ нижнюю челюсть обѣ руки. Я раздвинулъ ему пасть, чтобы осмотрѣть зубы: между ними сочились струи крови, уже запекавшейся; переднія лапы были вооружены такими когтями, передъ какими когти нашихъ литовскихъ едва заслуживаютъ своего названія.

Сѣрый американскій медвѣдь, на мѣстномъ языкѣ «gryzzli», по латыни же «ursus ferox»,—опаснѣйшій звѣрь изъ всей породы медвѣдей. Величиной и силой превосходя всѣ величайшія породы европейскихъ медвѣдей, онъ превосходитъ ихъ также дикостью, смѣлостью и злобой. На людей онъ довольно рѣдко или почти никогда не нападаетъ первый, но мало боится ихъ; бываютъ случаи, что, привлеченный голодомъ, онъ врывается въ хаты или сквэтерскіе шалаши; встрѣтивъ человѣка, гнѣвно сопитъ, маленькіе глаза свирѣпо блещутъ, а тронутый онъ бросается и преслѣдуетъ свою жертву съ неслыханною настойчивостью. По причинѣ же своей громадности и тяжеловѣсности онъ не можетъ взбираться на деревья, какъ европейскіе медвѣди. Въ немъ столько жизненности, что даже съ пулями въ головѣ онъ можетъ бѣжать еще довольно долго.

По надлежащемъ осмотрѣ убитаго звѣря Рамонъ и мексиканцы остались, чтобы содрать съ него шкуру и отрѣзать лапы, при чемъ я попросилъ припрятать мнѣ зубы и когти, и мы воротились въ хату.

Спустя часъ воротились и мексиканцы съ Рамономъ. Съ ихъ прибытіемъ начался настоящій концертъ лая и вытья; собаки, почуявъ медвѣжью шкуру, подняли такой неистовый гвалтъ, какъ будто ихъ собственная шкура была въ опасности. Въ этотъ самый день, вслѣдствіе успѣшной охоты, имѣвшей для насъ нѣсколько торжественный характеръ, Сальвадоры устроили нѣчто въ родѣ турнира или конскихъ скачекъ. Послѣ полудня мы всѣ ушли на долину, лишь изрѣдка поросшую дубами. Всѣ мексиканцы были верхами и держали закрученныя около рукъ лассо, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «rietto». Когда начались скачки, я не зналъ, чему больше дивиться ловкости лошадей или ѣздоковъ. Одинъ изъ рыцарей представлялъ бѣглеца и такъ прижимался къ лошади, что голова его, руки и ноги составляли какъ бы одно съ нею и лассо не за что было зацѣпиться; другой, размахивая надъ головою страшной веревкой, съ воемъ преслѣдовалъ противника, чтобы поймать его. Выбравъ удобную минуту, онъ бросалъ лассо, при чемъ лошадь, хотя несшаяся во весь карьеръ, вдругъ оборачивалась и галопировала въ противоположную сторону. Если лассо падало, не зацѣпивъ бѣглеца, тогда онъ бросался за своимъ преслѣдователемъ и старался точно такимъ же образомъ поймать его. Чаще всего случалось такъ, что веревка обматывалась вокругъ шеи убѣгавшаго. Въ этомъ случаѣ единственное средство, чтобы не быть сдернутымъ съ лошади и задушеннымъ—быстро поворотить ее и скакать вслѣдъ за тѣмъ, кто держитъ лассо въ рукѣ, догнать его и вступить съ нимъ въ рукопашную борьбу. Это требуетъ чрезвычайной ловкости и умѣнія управлять лошадью, такъ какъ ѣздокъ, держащій веревку, нарочно предпринимаетъ неожиданные повороты, чтобы сбросить пойманнаго съ сѣдла.

За этимъ послѣдовала скачка съ пѣтухомъ. Выпрошенную нарочно для этой цѣли у госпожи Плезентъ несчастную птицу со связанными ногами слегка закопали въ землю, такъ, чтобы видно было только шею и голову. Потомъ каждый изъ кабаллеро отъѣзжалъ на нѣсколько десятковъ шаговъ, пускалъ лошадь и, мчась во всю прыть мимо пѣтуха, старался, бросивъ лассо, вырвать его изъ земли. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ попытокъ пѣтухъ издохъ, а спустя нѣсколько времени голова его осталась въ рукѣ одного изъ Сальвадоровъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это увеселеніе съ пѣтухомъ принадлежитъ къ любимѣйшимъ у мексиканцевъ и что въ Лосъ-Анджелосѣ подобныя скачки ежегодно устраиваются съ великою торжественностью. На нихъ съѣзжается все мексиканское населеніе и множество янки изъ города и окрестныхъ фермъ.

Мы остались еще на день у гостепріимныхъ Плезентовъ и затѣмъ вернулись домой.

Каньонъ.

Современная калифорнская деревня.

(П. Тверского.)

Поселеніе, о которомъ здѣсь будетъ рѣчь, представляетъ довольно захолустную американскую деревню въ штатѣ Калифорнія, удаленную на 6.000 верстъ отъ культурныхъ и торговыхъ центровъ востока союза; непосредственно на югѣ расположены полудикія сѣверныя провинціи Мексики, а на западѣ разстилается почти безграничный Тихій океанъ. Графство Санъ-Бернардино, въ составъ котораго оно входитъ, тянется свыше чѣмъ на 300 миль въ длину, до самыхъ границъ Аризоны и Невады на востокѣ, и до 200 миль въ ширину, хотя почти все его населеніе скучено въ юго-западномъ его углу, въ небольшой долинѣ, образуемой хребтами Сіерра-Мадре и Санъ-Бернардино на сѣверѣ и востокѣ, съ покрытыми вѣчными снѣгами нѣсколькими пиками и горнымъ плато Санъ-Діэго на югѣ. Вся остальная территорія состоитъ изъ дикой, неприступной пустыни, пересѣкаемой въ разныхъ направленіяхъ многочисленными горными хребтами. Графство это имѣетъ около 6.000 человѣкъ бѣлаго населенія, большая часть котораго мексиканскаго происхожденія, — потомки когда-то владѣвшихъ тихоокеанскимъ побережьемъ сначала испанцевъ, потомъ мексиканцевъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это—грязная, едва ли способная къ современной цивилизаціи, вымирающая здѣсь раса, состоящая изъ смѣси небольшого количества испанской крови съ ацтеками и индѣйцами; занимаются они почти исключительно примитивными земледѣліемъ и скотоводствомъ. Чистокровные американцы переселились сюда всего лѣтъ 12 тому назадъ, когда трансконтинентальная желѣзная дорога достигла береговъ Тихаго океана. Земледѣліе безъ искусственнаго орошенія здѣсь крайне безуспѣшно, и только съ тѣхъ поръ, какъ стали примѣнять искусственное орошеніе, пустыня стала уступать мѣсто фруктовымъ садамъ и виноградникамъ. Снѣга и воды горныхъ хребтовъ употребляются съ этою цѣлью съ каждымъ годомъ все больше и больше и въ настоящее время въ горахъ устроено уже нѣсколько гигантскихъ резервуаровъ. Одинъ изъ нихъ, расположенный на высотѣ 6.500 футовъ надъ поверхностью моря, представляетъ громадную площадь въ 60 квадратныхъ миль, охваченную со всѣхъ сторонъ каменными плотинами, и составляетъ теперь, по всей вѣроятности, наибольшій искусственный водный резервуаръ во всемъ свѣтѣ.

Первыя поселенія американскихъ переселенцевъ изъ восточныхъ штатовъ были основаны въ такихъ мѣстахъ, гдѣ вода для орошенія давалась самой природой. Зеленые, цвѣтущіе оазисы этихъ плантацій разбросаны по всей долинѣ; между ними тянется пустыня, клочки которой

отвоевываются человѣкомъ съ каждымъ годомъ и увеличиваютъ первоначальныя поселенія.

Калифорнская пустыня въ своемъ первоначальномъ видѣ большую часть года не представляетъ собою ничего привлекательнаго. Раннею весной, послѣ зимнихъ дождей, она покрывается на короткое время массой самыхъ разнообразныхъ дикихъ цвѣтовъ и затѣмъ опять принимаетъ свой постоянный сѣро-желтый цвѣтъ. Только сухой, придавленный Sage brush, низкій, некрасивый, пыльнаго цвѣта кустарникъ, да кактусы и немногія другія, такія же некрасивыя, ползучія и колючія растенія покрываютъ неровными клочками, какъ бы пятнами, желтовато-сѣрую голую почву. Нижніе склоны горъ еще голѣе; только въ ущельяхъ, гдѣ бѣгутъ зимніе ручьи и гдѣ сохраняется влага все лѣто, растутъ немногочисленные дубы, сикоморы и ольха. На высотѣ около пяти тысячъ футовъ начинаютъ попадаться сосны, сначала мелкія и рѣдкія, затѣмъ все учащающіяся и на высокихъ горныхъ плато образующія настоящіе лѣса, которыхъ, впрочемъ, не видно изъ долинъ. Долины полны зайцами, земляными бѣлками и шакалами; въ горахъ есть олени, горные бараны, медвѣди, черные и гризли, и американскій горный левъ — разновидность пантеры — попадающійся на всемъ сѣверо-американскомъ континентѣ. Зайцы размножаются такъ невѣроятно быстро и такъ серьезно вредятъ молодымъ садамъ и виноградникамъ, что иногда приходится огораживать послѣдніе проволочными сѣтками; нерѣдко устраиваются на нихъ правильныя облавы, въ которыхъ принимаетъ участіе все окрестное населеніе.

Почва большей части всей пустыни и въ особенности узкихъ, заключенныхъ между значительными горными хребтами долинъ чрезвычайно богата и при надлежащемъ орошеніи даетъ обильнѣйшіе урожаи не только фруктовъ и винограда, но и сѣна, картофеля, пшеницы и т. д. Только естественные сезоны посѣва и уборки совсѣмъ другіе, чѣмъ во всемъ остальномъ мірѣ; а при искусственномъ орошеніи они совсѣмъ не существуютъ и зависятъ не отъ времени года, а отъ самого фермера.

Климатъ долины — одинъ изъ наиболѣе постоянныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Лѣтнія жары умѣряются постоянно дующими съ запада тихоокеанскими вѣтрами, насыщенными влагой; по ночамъ очень часты сильные туманы, приносимые этими вѣтрами миль на сто внутрь страны. По зимамъ термометръ никогда не опускается до точки замерзанія—морозы въ долинѣ неизвѣстны, хотя горы и покрыты снѣгомъ всю зиму, а многія вершины круглый годъ. Первые зимніе дожди выпадаютъ обыкновенно въ декабрѣ, кончаются въ мартѣ.

Описываемое поселеніе, извѣстное подъ именемъ Кукамонги, тянется узкой, длинной полосой отъ желѣзной дороги до подножія горъ и со всѣхъ сторонъ окружено пустыней, какъ моремъ; основано оно лѣтъ

десять тому назадъ. Вся входящая въ составъ поселенія земля, около двухъ тысячъ десятинъ, распланирована правильными квадратами, и четыре длинные проспекта идутъ отъ желѣзной дороги до самыхъ горъ, на разстояніи полумили одинъ отъ другого, пересѣкаясь поперечными улицами на томъ же разстояніи, такъ что каждая квадратная четверть мили, или 160 акровъ, составляетъ отдѣльный, окруженный со всѣхъ сторонъ общественными улицами, участокъ. Эти проспекты и улицы обсажены съ обѣихъ сторонъ аллеями перечныхъ деревьевъ, эвкалиптовъ, австралійскихъ тамариндовъ, пальмъ, сосенъ, розъ, смотря по тому, что нравится владѣльцу, даютъ хорошую тѣнь цѣлый день и содержатся обыкновенно въ превосходномъ порядкѣ. Когда проѣзжаешь по нимъ въ экипажѣ, съ улицы видны только очень немногіе дома— большинство ихъ совсѣмъ скрыто за чащей аллей и окружающихъ ихъ садовъ. Аллеи эти, необыкновенно скрашивающія весь наружный видъ поселенія, имѣютъ нѣсколько назначеній и, кромѣ украшенія, во-первыхъ, онѣ задерживаютъ, а если онѣ очень густы, совсѣмъ уничтожаютъ силу зимнихъ вѣтровъ, обивающихъ фрукты въ незащищенныхъ садахъ; во-вторыхъ, всѣ онѣ состоятъ изъ быстро растущихъ древесныхъ породъ, и ихъ вершины срубаются постепенно на топливо, замѣняясь новыми побѣгами; въ-третьихъ, онѣ отѣняютъ дороги и сады и помогаютъ задерживать въ почвѣ быстро испаряющуюся на солнцѣ влагу.

Станція желѣзной дороги выходитъ на одинъ изъ проспектовъ, какъ разъ на южной окраинѣ поселенія, лежащей на 800 футовъ выше поверхности океана; отъ этой окраины мѣстность замѣтно, хотя и постепенно, повышается на сѣверъ до самаго подножія горъ. Горный хребетъ Сіерра-Мадре поднимается сразу отъ этого подножія очень крутыми, утесистыми склонами, и нѣсколько пиковъ болѣе десяти тысячъ футовъ высотою высятся какъ разъ сзади, ограждая долину и поселеніе отъ сѣверныхъ вѣтровъ и составляя очень красивую, хотя и однообразную панораму. На югѣ, миляхъ въ десяти отъ желѣзной дороги, черезъ пустыню, чернѣется другой горный хребетъ, значительно ниже Сіерры-Мадре; воздухъ такъ прозраченъ и чистъ, что оба эти горные хребта съ линіи желѣзной дороги кажутся совсѣмъ-совсѣмъ близко, всего въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ, хотя въ дѣйствительности они отстоятъ больше, чѣмъ на десять верстъ. Люди, никогда прежде не бывавшіе въ южной Калифорніи и не имѣющіе понятія о прозрачности здѣшняго воздуха, всегда непзмѣнно отказываются вѣрить, когда имъ говорятъ о здѣшнихъ разстояніяхъ, и принимаютъ эти разсказы за желаніе посмѣяться надъ ними.

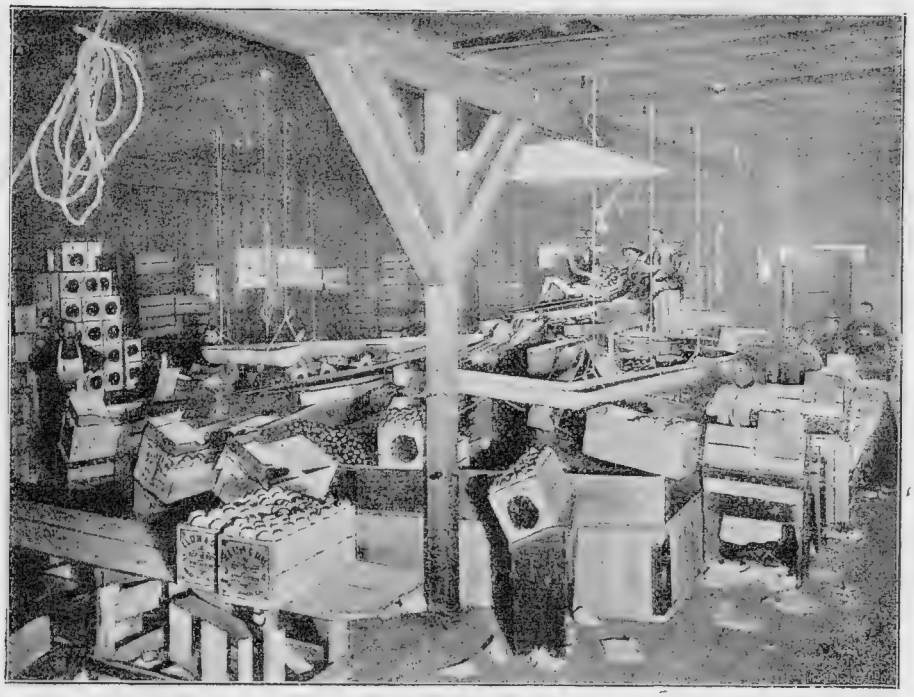
Постройки фермъ состоятъ всегда изъ жилого дома владѣльца и stable или barn, постройки общаго американскаго типа, обыкновенно

очень большой и заключающей въ себѣ конюшню, скотный дворъ, сѣнной, каретный и машинный сараи, все вмѣстѣ подъ одной крышей. Дома, за очень рѣдкими исключеніями, изъ пиленаго теса, обычной американской конструкціи, почти всегда выкрашенные снаружи и оштукатуренные внутри. Какъ бы малъ ни былъ участокъ и какъ бы бѣденъ ни былъ поселенецъ, вокругъ дома непремѣнно устроенъ цвѣтникъ, посажено нѣсколько красиво-тѣнистыхъ деревъ и разведенъ lawn, то-есть искусственный лугъ изъ кентукійскаго blue grass, спеціальной американской газонной травы, и все это всегда содержится въ превосходномъ порядкѣ, подчищено, подстрижено и придаетъ самому плохонькому, самому дешевому домику въ 2 или 3 комнаты веселый, праздничный видъ. Цвѣтовъ, часто очень рѣдкихъ и дорогихъ, въ нашемъ поселеніи нѣтъ конца; также много очень красивыхъ кустовъ и деревьевъ, разводимыхъ единственно для украшенія, какъ, напримѣръ, зонтичныхъ, разныхъ видовъ бамбука, камфарнаго дерева, сосенъ, японскихъ сливъ, олеандровъ и т. п.

Въ районѣ поселенія, въ разныхъ пунктахъ, имѣется четыре магазина, торгующіе всякимъ товаромъ, отъ гвоздей и сахара до готоваго платья и башмаковъ, одна аптека, три почтовыя конторы, на разстояніи полуторы мили одна отъ другой, съ полученіемъ и отправленіемъ всякаго рода корреспонденціи два раза въ день, три школы и одна церковь; впрочемъ, и всѣми школьными зданіями пользуются различныя секты для богослуженія по воскресеньямъ.

Въ Америкѣ нѣтъ сплошного фермерскаго населенія, нѣтъ такихъ, хотя бы и исключительно земледѣльческихъ, мѣстностей, гдѣ бы все населеніе было исконно земледѣльческое, со всѣми его особенностями: между настоящими фермерами всюду всегда попадается значительный процентъ и профессіональныхъ людей, и бывшихъ городскихъ ремесленниковъ, и бывшихъ купцовъ и фабрикантовъ, удалившихся на лоно природы отъ городской жизни. А въ южной Калифорніи процентъ такихъ людей особенно великъ, и они составляютъ большинство деревенскаго люда; земледѣльцы по профессіи, земледѣльцы отъ рожденія въ безусловномъ меньшинствѣ и не только не преобладаютъ въ жизни населенія, но и почти совсѣмъ стушевываются въ общей его массѣ. Разнородность и разнокалиберность этого населенія просто изумительны. Есть люди всѣхъ странъ, всѣхъ націй, всѣхъ профессій, всѣхъ ремеслъ, всѣхъ образовъ жизни и занятій: нѣмцы, французы, англичане, испанцы, итальянцы, мексиканцы, китайцы—совершенное вавилонское столпотвореніе; доктора, адвокаты, учителя, торговцы, фабриканты, плотники, машинисты, желѣзнодорожники, фермеры съ прерій Иллинойса и Айовы, изъ лѣсовъ Мэна и Вермонта, изъ хлопковыхъ и табачныхъ плантацій юга. Есть представители рѣшительно всѣхъ штатовъ, всѣхъ мѣстностей,

всѣхъ странъ земного шара. Встрѣчаешь человѣка въ настоящемъ фермерскомъ костюмѣ, небритаго, съ грубыми мозолистыми рабочими руками, въ широкополой обтрепанной шляпѣ и рядомъ съ нимъ даму въ очень модномъ нарядѣ, въ брильянтахъ и дорогихъ перчаткахъ; оказывается, это бывшій профессоръ какой-нибудь высшей школы, докторъ съ когда-то большой практикой въ одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ восточныхъ штатовъ, адвокатъ съ сѣвера или отставной священникъ съ юга, бѣжавшіе или отъ метелей и морозовъ, или отъ перемѣны



Упаковка апельсиновъ на калифорнской фермѣ.

обстоятельствъ, или отъ осилившаго все остальное стремленіе къ деревенскому покою. Много такихъ, которые пріѣхали исключительно изъ-за климата, въ надеждѣ продолжить и поддержать жизнь кого-либо изъ членовъ семьи: легочныя болѣзни гонятъ сотни людей на крайній югъ, и чистый сухой воздухъ пустыни считается наилучшимъ цѣлительнымъ для нихъ средствомъ. Фруктоводство не требуетъ особенной выносливости, особенной силы мускуловъ и привычки къ земледѣльческой работѣ, и слабый, относительно, горожанинъ скоро втягивается и дѣлается способнымъ воздѣлывать свой виноградникъ или апельсинную плантацію. Какихъ-нибудь трехъ, четырехъ, много шести мѣсяцевъ совершенно

достаточно для того, чтобы усвоить необходимые пріемы и приноровиться къ тому именно, что нужно въ данномъ случаѣ. Само собой разумѣется, что этому чрезвычайно много способствуетъ сама здѣшняя городская жизнь; въ Америкѣ мужская прислуга составляетъ весьма рѣдкое исключеніе, и обыкновенно главѣ дома и въ городѣ, кто бы онъ ни былъ, приходится и отпрягать, и запрягать лошадь, и вымыть экипажъ, и наколоть растопокъ, и полить вечеромъ газонъ передъ домомъ, и вскопать цвѣты, и нерѣдко даже растопить печь и сготовить завтракъ или ужинъ. Все это въ порядкѣ вещей и въ городѣ, и тамъ все это естественно и обычно, никого не удивляетъ и не затрудняетъ. Поэтому-то такія существенныя перемѣны въ жизни, какъ переходъ человѣка отъ профессорской каѳедры, или докторской практики, или прилавка купца къ дѣйствительному фермерству совершается здѣсь гораздо легче, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, и несравненно большій процентъ горожанъ выдерживаетъ съ большимъ успѣхомъ эту перемѣну и очень быстро къ ней приспособляется.

Фермы, въ среднемъ, очень невелики. Большинство заключаетъ въ себѣ не болѣе 20, 15, 10 акровъ; много такихъ, въ которыхъ всего 5 акровъ. На такой фермѣ требуется только нѣсколько часовъ въ день работы, иногда больше, для того чтобы содержать ее въ превосходномъ порядкѣ. Какіе-нибудь 2—3 часа въ день не могутъ очень утомить даже совершеннаго новичка-бѣлоручку. Правда, работы больше, пока сады молоды и деревья требуютъ постояннаго ухода, но новоселенцы-горожане почти всегда нанимаютъ посторонняхъ опытныхъ людей, настоящихъ земледѣльцевъ для того, чтобы произвести всѣ первоначальныя работы, или же покупаютъ готовыя молодыя плантаціи, уже вошедшія въ силу и требующія только обычнаго ухода, который уменьшается съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того какъ деревья приближаются къ зрѣлости.

Чрезмѣрный физическій трудъ, такъ нераздѣльно связанный съ обыкновеннымъ земледѣліемъ умѣренныхъ поясовъ и такъ убійственно дѣйствующій на нравственныя и умственныя силы земледѣльца, въ данномъ случаѣ совершенно отсутствуетъ. Нѣтъ долгихъ часовъ, нѣтъ мускульнаго напряженія, притупляющаго человѣка. Садоводу-фермеру не зачѣмъ надсѣдаться, не зачѣмъ уродовать себя. Онъ не знаетъ, что значитъ жаркій іюльскій или августовскій день, или что значатъ тучи на горизонтѣ, когда подваленъ большой лугъ или клеверное поле. Вся эта горькая чаша земледѣльца умѣреннаго пояса минуетъ его совершенно. Онъ не боится ни безвременныхъ дождей, ни засухи—искусственное орошеніе дѣлаетъ его дѣйствительнымъ хозяиномъ не только его урожаевъ, но и его времени; онъ знаетъ впередъ за мѣсяцъ, что именно онъ будетъ дѣлать въ извѣстный день и часъ, и его рабочее время и

физическія усилія распредѣлены болѣе или менѣе равномѣрно, безъ скачковъ и излишняго утомленія.

Въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ жители нашего поселенія строго придерживаются всѣхъ тѣхъ обычныхъ американскихъ условностей, которыя практикуются и въ городской жизни. Тѣ же дамскіе визиты, тѣ же визитныя карточки, тѣ же модные костюмы, перчатки и прочее. У каждаго фермера есть «визитный» экипажъ, бёгги или фаэтонъ, и его жена и дочери обыкновенно умѣютъ пользоваться имъ съ большимъ успѣхомъ. Въ каждомъ домѣ есть гостиная, съ коврами, мягкою мебелью, гардинами и т. д.; въ громадномъ большинствѣ случаевъ имѣется рояль или органъ, получается нѣсколько газетъ и журналовъ и замѣчается хотя бы и односторонняя, но все-таки умственная жизнь. Въ значительной степени сохранилось здѣсь гостепріимство и безкорыстная, добродушная взаимопомощь, которыми всегда отличается американскій дальній западъ. Въ случаѣ болѣзни всѣ сосѣди помогаютъ по очереди ходить за больнымъ, днемъ и ночью; въ случаѣ смерти они же снимаютъ съ семьи умершаго всѣ тѣ хлопоты и тяжелыя подробности, съ которыми обыкновенно сопряжена смерть въ домѣ. Все это дѣлается само собой, добродушно и естественно—никто не чувствуетъ неловкости, обязательства, всякій чувствуетъ, что эти услуги взаимныя, не требующія какихъ-либо объясненій или благодарностей.

Пустыня Могэвъ.

(Г. Сенкевича.)

Желѣзная дорога отъ Лосъ-Анджелоса до Санъ-Франциско была окончена во время моего пребыванія въ Калифорніи. По американскому обычаю первый поѣздъ былъ безплатный. Я воспользовался этимъ, чтобы по дорогѣ осмотрѣть всю правую сторону Калифорніи, а особенно пустыню Могэвъ.

Въ сторону отъ Лосъ-Анджелоса тянутся горы Санта-Анна. Желѣзная дорога проходитъ очень недалеко отъ нихъ. Послѣ десяти миль степи, поросшей травой, дикими подсолнечниками, а иногда на значительныхъ пространствахъ кактусами, безлѣсная мѣстность кончается и начинаются горы. Миновавъ длинный темный туннель, поѣздъ идетъ мимо ходовъ въ каньоны, поросшихъ дубами, платанами, лаврами и другими горными растеніями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вслѣдствіе изобилія воды растительность такъ пышна, что шагахъ въ двухъ сквозь нее ничего не разглядишь. Изъ окна вагона я видѣлъ множество разной цѣнной дичи, какъ, наприм., фазановъ, куропатокъ, земляныхъ векшъ и зайцевъ. Земля кругомъ была пустынна; кромѣ немногочисленныхъ желѣзнодорожныхъ станцій, нигдѣ ни домика, ни шалаша. Мѣ-

стами попадались роскошные пейзажи. Вотъ, напримѣръ, дорогу пересѣкаетъ рѣка; оба берега покрыты тысячами деревьевъ въ цвѣту; древесныя вершины соединяются между собою; лозы дикаго винограда, ліаны и дикій плющъ перекидываются съ одной стороны на другую, образуя надъ водою зеленую галлерею. Мѣстами ручей въ видѣ каскада падаетъ съ высоты футовъ въ десять. У подножія каскада лугъ, поросшій группами секвой, здѣсь не особенно громадныхъ, дальше же на сѣверъ достигающихъ до 400 футовъ вышины и тридцати въ поперечникѣ и являющихся самыми могучими въ мірѣ представителями растительнаго царства. Такіе луга съ ихъ вѣчнозеленой травой и деревьями, съ ихъ прозрачною водой какъ будто созданы для виллъ, красотою своей могущихъ соперничать съ итальянскими. Мѣстность однако принимаетъ мало-по-малу все болѣе дикій характеръ. Растительность постепенно исчезаетъ, уступая мѣсто скаламъ. Недостатокъ воды не допускаетъ здѣсь развитія какой бы то ни было органической жизни. Поѣздъ уже бѣжитъ среди амфитеатровъ голыхъ скалъ, полукружіями тянущихся вдоль дороги и какъ будто безконечныхъ. Видны только скалы и небо. Посмотришь направо или налѣво въ ущелье каньона, и видишь каменную пустую галлерею; передъ тобою каменная галлерея и за тобою тоже. Поѣздъ летитъ какъ бы среди вымершихъ городовъ. Могучее дыханіе локомотива и грохотъ колесъ, повторяемый эхомъ, — единственные звуки посреди царствующей тамъ тишины. Тутъ нѣтъ ни человѣка и никакихъ другихъ живыхъ тварей: пустынно и глухо!

Это Могэвъ?—спрашиваю я ѣдущаго со мною сквэтера.

— Нѣтъ, -отвѣчаетъ онъ,—Могэвъ—это пустыня.

— А здѣсь развѣ не пустыня?

Между тѣмъ проходитъ часъ, два, а дорога не измѣняется: все тѣ же скалистые амфитеатры и полукружія скалъ, подобныхъ другъ другу... Камень и камень... Я оставляю окно вагона, тѣмъ болѣе, что темнѣетъ.

На другой день утромъ поѣздъ остановился у маленькой станціи на границѣ Могэвъ. Станція эта состояла изъ нѣсколькихъ беззащитныхъ домовъ на голой степи: по обычаю, бронзовымъ цвѣтомъ окрашеннаго желѣзнодорожнаго домика, обыкновенной будочки изъ красныхъ досокъ съ надписью «Bakery» и другой такой же, съ вывѣской: «Saloon», что просто значитъ кабачокъ. Узнавъ, что собственно съ этой станціи можно попасть въ пустыню, тянущуюся вдоль желѣзнодорожной линіи, я высадился съ намѣреніемъ остаться на нѣсколько дней. Я не зналъ, гдѣ буду ночевать, но въ этомъ климатѣ можно спать и подъ открытымъ небомъ. Притомъ я ужъ столько ночей провелъ точно такимъ же образомъ, что еще одна ночь ничего не значила. Надписи же

«Bakery» и «Saloon» удостовѣряли меня, что во всякомъ случаѣ я достану сухарей и пива. Такъ и было. Когда поѣздъ ушелъ, я познакомился съ начальникомъ станціи, предложившимъ мнѣ ночлегъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что до настоящей пустыни, или, лучше сказать, до пальмоваго лѣса, еще цѣлый день конной дороги. На станціи лошадей не было, но мили за двѣ жилъ индѣецъ, когда-то бывшій проводникомъ купеческихъ обозовъ въ этой сторонѣ пустыни и имѣвшій нѣсколько мустанговъ, которыхъ легко можно было нанять. Мнѣ указали, гдѣ можно было найти его жилье, и, не имѣя въ виду ничего лучшаго, я немедленно и отправился туда. Спустя около часу дороги по степи, голой, какъ гумно, и выжженной, я увидѣлъ маленькую долину, или, лучше сказать, впадину, гдѣ посреднѣ стояла остроконечная индѣйская хата съ конскимъ стойломъ. Въ этой долинѣ было немного зелени, такъ какъ вода, выступавшая изъ земли въ видѣ болота, позволяла расти травѣ и небольшимъ кустарникамъ въ родѣ нашихъ приболотныхъ, но дерева не было ни одного. Около хаты торчали колосья кукурузы. Въ треугольномъ отверстіи вигвама сидѣлъ старый индѣецъ, обдирая шкуру съ убитой земляной векши; нѣсколько другихъ, уже ободранныхъ, сушились на солнцѣ.

Мнѣ довольно трудно было объясняться съ нимъ, такъ какъ его рѣчь состояла изъ смѣси выраженій англійскихъ, испанскихъ и индѣйскихъ. Къ счастію, на всякій мой вопросъ онъ постоянно отвѣчалъ одной фразой, чисто-испанской: «dos pesos!» (два доллара). Я спросилъ, далеко ли до лѣса. Онъ отвѣчалъ: «dos pesos!» Спросилъ, поѣдетъ ли онъ самъ со мной, или только дастъ мнѣ лошадь; онъ опять отвѣчалъ: «dos pesos». При этомъ, какъ бы для лучшаго объясненія, онъ показывалъ два пальца. Наконецъ, я согласился на «dos pesos», но съ условіемъ, чтобы мы выѣхали сейчасъ же. Онъ не особенно желалъ этого: ему хотѣлось то спать, то ѣсть, пока, видя, наконецъ, что нечего дѣлать, сталъ сѣдлать коня, ворча подъ носъ извѣстныя проклятья упрямому и «блѣдному лицу». Впрочемъ, дорожныя приготовленія были коротки. Новый мой проводникъ привязалъ къ сѣдлу объемистый мѣшочекъ съ кукурузой, а другой съ водою. Онъ тотчасъ же начерпалъ ее, но она была мутная и теплая, тогда какъ на станціи мы могли взять холодной. Объ этомъ вышелъ между нами споръ. Перо (Собака, такъ звали индѣйца) увѣрялъ, что мнѣ нѣтъ надобности ѣхать на станцію, что это не по дорогѣ и т. п., но я имѣлъ надобность, не желая ѣсть его отвратительныхъ сушеныхъ векшъ, купить сухарей и чего можно было достать.

Мы спорили сильно, не желая уступить другъ другу, но такъ какъ лошади были уже готовы, то я сѣлъ на одну и направился къ станціи, объявивъ Перо, что онъ можетъ поступать, какъ ему угодно.

Теперь онъ долженъ былъ ѣхать со мной, радъ ли, не радъ ли. По дорогѣ, когда мы скакали рядомъ, онъ сталъ еще своенравнѣе и заявилъ мнѣ, что я долженъ дать ему «mucho» (очень много) табаку и водки; я же отвѣчалъ, что вовсе не долженъ, и что если онъ не будетъ исполнять моей воли, то я не дамъ ничего. Я принужденъ былъ такъ поступать, чтобы не дать ему верхъ надъ собой. Перо, очевидно, также сожалѣлъ, что потребовалъ съ меня только два доллара, но это сожалѣніе было уже поздно.

Наконецъ, мы прибыли на станцію. Начальникъ, увидавъ моего Перо, сказалъ ему, что онъ настоящій разбойникъ и что, конечно, никто другой не могъ украсть полъ-окорока ветчины, пропавшей дня два назадъ. Теперь я понялъ, отчего Перо такъ не хотѣлось ѣхать на станцію. Я просилъ однако, чтобы его оставили въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что явныхъ свидѣтелей противъ него не было. Самъ же онъ увѣрялъ, что ветчину, вѣроятно, съѣлъ «perro» (собака), но не «big» (большой), а «perro» маленькій, на четырехъ ногахъ. Чтобы кончить все это, я послалъ его за водкой, самъ же отправился въ «Bakery», гдѣ нашелъ не только сухари, но ветчину и огромную связку банановъ, висѣвшую на толстомъ стеблѣ. Послѣ полудня мы отправились въ пустыню. Я посмотрѣлъ по направленію къ горамъ, которыя мы вчера проѣхали: онѣ едва виднѣлись на горизонтѣ въ видѣ синеватыхъ полосокъ мглы и облаковъ. Передъ намъ раскидывалась безбрежная сѣрая степь, на западъ нѣсколько склонявшаяся къ океану. Не видно было ни одного деревца на всемъ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ. Голая, сѣрая, истрескавшаяся крутыми извилинами почва была похожа на высохшее русло, сожженное солнечными лучами. Степь, мѣстами совершенно ровная, иногда слегка волновалась широкими, едва замѣтными для глазъ впадинами и холмами. Во впадинахъ росли сѣрые, хрупкіе, спаленные солнцемъ стебли какихъ-то высокихъ растеній, вѣроятно только во время весеннихъ дождей пробуждающихся къ жизни. Казалось, что вся окрестность должна быть совершенно мертвой, но здѣсь и тамъ я замѣчалъ слѣды звѣриной жизни. Между стеблями шелестили маленькія стада птицъ съ темно-синими перьями и съ свѣтло-красными пятнами на крыльяхъ. Бока небольшихъ возвышеній и впадины почвы были покрыты норами полевыхъ собакъ; черныя векши передъ самыми лошадьми прыгали въ свои ямки. Очевидно, зерна этихъ высокихъ стеблей достаточно прокармливаютъ маленькихъ животныхъ, а питьемъ служитъ имъ ночная роса.

Прозрачность воздуха и игра солнечныхъ лучей, отражаемыхъ почвою, производятъ здѣсь миражи, такъ что многіе мелкіе предметы, видимые издалека, принимаютъ исполинскій видъ. Стада векшъ, сидящихъ на заднихъ лапкахъ, я принималъ за стада шакаловъ или другихъ боль-

шихъ звѣрей. Проѣзжая мимо норъ земляныхъ собачекъ, мы видѣли гремучихъ змѣй, грѣвшихся на солнцѣ; и змѣи, и звѣрки эти живутъ всегда вмѣстѣ. Лошади хотя и стригутъ ушами, проходя мимо змѣй, но особенной тревоги не выказываютъ. Напротивъ того, если ѣздокъ убьетъ змѣю, то породистый мустангъ послѣ этого останавливается передъ каждой встрѣчной.

Мы ѣхали уже часа два, а окрестность почти нисколько не измѣнилась; только почва потеряла свою волнообразность; предъ нами раскинулась ровная, сѣрая, однообразная степь, и взоры наши, блуждая по ней, утопали въ безконечной дали. Былъ часъ четвертый пополудни, и солнце пекло, разливая море сіянья. Раскаленная почва отражала солнечный зной, и лошади вспотѣли. Степь начинала утомлять меня и надоѣдать. Пальмовый лѣсъ, куда мы направлялись, даже еще и не виднѣлся на горизонтѣ, а Перо утверждалъ, что до ночи мы не доѣдемъ до него...

Могэвъ, Джила, Колорадо и т. д. составляютъ одну систему пустынь, одно огромное плоскогорье, иногда пересѣкаемое рѣками, иногда волнообразное, но всегда имѣющее пустынный характеръ плоскости. Песчаныя пустыни, груды каменьевъ, горные отроги, мѣстами степь, лѣтомъ голая и потрескавшаяся,—вотъ общій характеръ этихъ огромныхъ пространствъ, почти совсѣмъ еще безлюдныхъ и по большей части враждебныхъ органическому міру. Впрочемъ, весной послѣ дождей наступаетъ минута жизни въ этомъ мертвомъ мірѣ. Песчаныя пространства порастаютъ мелкой травой, расщелины скалъ зеленѣютъ, степь, обыкновенно голая, украшается тысячью цвѣтовъ. Трудно описать всю роскошь радужной минуты воскресенія этихъ степей! Въ мартѣ и апрѣлѣ я видѣлъ пространства миль по десяти, поросшія желтыми цвѣтами въ родѣ тюльпановъ. Почти всегда случается такъ, что какое-нибудь одно растеніе, найдя для себя наилучшія условія, заглушаетъ всѣ другія въ самомъ зародышѣ, уничтожаетъ ихъ и царствуетъ неограниченно. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, за царствомъ тюльпановъ начинается царство голубыхъ фіалокъ, потомъ колокольчиковъ, дальше пурпурныхъ гвоздикъ, затѣмъ желтыхъ, бѣлыхъ, розовыхъ, пестрыхъ и Богъ знаетъ какихъ цвѣтовъ. Тутъ поочередно владычествуютъ оттѣнки всѣхъ красокъ; это просто моря цвѣтовъ. Но цвѣтеніе этихъ морей, колыхаемыхъ вѣтромъ, кратковременно. Въ концѣ мая степь уже мѣняетъ свою разноцвѣтную нарядную одежду на однообразную желтую, или, лучше сказать, вяло-желтую. Въ іюлѣ земля трескается. Цвѣты принуждены въ промежуткѣ съ марта до іюня вырасти, расцвѣсти, принести сѣмена и... приходитъ пора — завянуть... Что увяло — падаетъ на землю; сѣмена западаютъ въ трещины почвы, гдѣ темнота сохраняетъ ихъ отъ зноя; все же, что осталось на поверх-

ности, разсыпается въ прахъ и пепелъ, потомъ вѣтеръ разноситъ на всѣ четыре стороны этотъ прахъ и пепелъ, и степь остается совершенно голой.

Есть однако же мѣста, гдѣ ничего не растетъ даже и весной, послѣ дождей. Песокъ покрывается травой только тамъ, гдѣ подъ нимъ сейчасъ же лежитъ плодородный слой, но, напримѣръ, на Джилѣ песокъ мелокъ, разсыпчатъ, чрезвычайно глубокъ и совершенно безплоденъ. Мѣста, покрытыя мелкимъ щебнемъ, тоже остаются совершенно голыми, какъ и мѣста, гдѣ земля скалиста или устлана стеклообразнымъ веществомъ. Такая почва вездѣ преобладаетъ въ Могэвѣ, а особенно въ сторонѣ, прилегающей къ океану. Однако на нескахъ мѣстами растутъ такъ называемыя пальметты, которыя Перо назвалъ вымершимъ лѣсомъ и которыя завтра съ разсвѣтомъ мы должны были увидѣть.

Между тѣмъ мы остановились на ночлегъ. Перо привязалъ лошадей къ заостренному колу, воткнутому имъ въ расщелину почвы, далъ имъ пить и ѣсть, и когда онѣ стали жевать твердыя кукурузныя зерна, то и мы принялись за наши запасы. Напившись воды съ водкой, Перо началъ грызть своихъ отвратительныхъ, высушенныхъ на солнцѣ векшъ, я же предпочелъ бананы. Подкрѣпивъ силы, когда, наконецъ, совершенно стемнѣло, и положивъ сѣдла подъ головы, мы легли спать. На небѣ уже заблестѣли звѣзды, и большая красная луна мало-по-малу выплыла надъ горизонтомъ и, все блѣднѣя и блѣднѣя, поднималась на высоту. Стало такъ свѣтло, что я за нѣсколько десятковъ шаговъ могъ разсмотрѣть черную сѣтку расщелинъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля была такъ тверда и гладка, что мѣсячные лучи отражались отъ нея, какъ отъ полированной поверхности. Кругомъ не на чемъ было остановить взора и вниманія — вдали та же самая степь; мѣстами незначительныя впадины, озаренныя неопредѣленнымъ лунным свѣтомъ, и, наконецъ, точно такія же группы стеблей, гдѣ уныло шелестилъ вѣтеръ.

Въ этой пустынности и безпредметности есть однако свое очарованіе, но это какое-то дивное безсодержательное очарованіе. Здѣсь луна блуждаетъ по небу, отыскивая въ пустынѣ хоть какой-нибудь предметъ, затерянный въ ней, и желая найти его, чтобы хотя для чего-нибудь стоило свѣтить. Иногда мнѣ воображалось, что все окружающее—какъ будто широкое дно моря; что надъ нимъ недавно вздымались волны, но воды высохли или убѣжали и оставили послѣ себя пустыню. То представлялось мнѣ, что это еще непробужденный къ жизни край земли, показавшійся изъ бездны послѣ потопа и только ожидающій пробужденія. Именно такой видъ нѣкогда должна была имѣть земля, прежде чѣмъ изъ нея встали допотопные папоротники и хвощи. И какъ будто чудомъ перенесся за тысячи лѣтъ, въ то время таинственнаго сна земли, пока еще не пробудились ея дремлющія силы.

Однако я скоро былъ выведенъ изъ мечтаній. Погребальные плакальщики пустыни—шакалы—застонали и завыли въ близкой гущинѣ стеблей. «Вы водитесь и въ этомъ пустырѣ?» съ удивленіемъ подумалъ я. Шакалы дѣйствительно водятся повсюду. Въ степяхъ они питаются векшами, а векши—сѣменами сухихъ растеній. Въ степяхъ, какъ и вездѣ, жизнь основывается на томъ, что сильнѣйшій съѣдаетъ слабѣйшаго, и такъ безъ конца; шакалы же притомъ воруютъ, что могутъ, у пастуховъ и проѣзжихъ. Встрѣтивъ какого-нибудь болѣе сильнаго звѣря, какъ, напримѣръ, медвѣдя или кугуара, шакалы ходятъ за нимъ шагъ за шагомъ, разсчитывая на остатки отъ его трапезы. Это степные дармоѣды. Они плетутся за свѣтлѣйшимъ принцемъ когтей и живутъ его милостью. Зато, когда степной охотникъ подстрѣлитъ ихъ кормильца, а тотъ издохнетъ гдѣ-нибудь въ скалахъ, шакалы тотчасъ же съѣдаютъ его, что на ихъ условномъ языкѣ вѣроятно называется «сохраненіе смертныхъ останковъ отъ поруганія». Случается, когда путешественникъ, утомленный дневнымъ зноемъ, уснетъ, не разведя огня, хищники эти приближаются къ нему, старательно обнюхиваютъ, и хотя трусость ихъ не позволяетъ имъ прямо броситься даже на спящаго, они воруютъ у него запасы и иногда изъ-подъ самой головы. Что касается меня, то я предполагалъ уснуть спокойно: я уже столько наслышался этого гробового воя, что прежнее чувство суевѣрнаго страха теперь мнѣ было совершенно чуждо, но завыванія эти вселяли въ меня такую невыносимую тоску и досаду, что я во сто разъ лучше хотѣлъ бы слышать рычанье кугуаровъ. По обыкновенію, я пробовалъ заснуть, но не могъ, и наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, вынулъ изъ-за пояса револьверъ и выстрѣлилъ въ воздухъ. Лошади рванулись на веревкахъ, шакалы на мигъ смолкли, больше же всѣхъ испугался Перо, уже сладко уснувшій, и тотчасъ же вскочилъ.

— Что «блѣднолицый» дѣлаетъ?—съ ужасомъ спросилъ онъ.

— Не могу уснуть,—отвѣчалъ я,—и если Перо не прогонитъ шакаловъ, я буду стрѣлять всю ночь.

Перо, успокоившись, подумалъ съ минуту.

— У «блѣднолицаго» есть огниво?

— Есть

— У Перо тоже есть; ну, такъ пускай «блѣднолицый» зажжетъ кусты поближе, а Перо пойдетъ и зажжетъ подальше.

Мысль показалась мнѣ дѣльной, и мы тотчасъ же приступили къ ея исполненію. Когда я подошелъ къ кустамъ, два шакала быстро выскочили изъ нихъ и что есть духу убѣжали въ степь. Я легко досталъ огня, но стебли не загорались. Наломавъ самыхъ тонкихъ, я сталъ раздувать. Высохшіе листки тотчасъ же загорались, но затѣмъ мгновенно гасли. Болѣе опытный Перо между тѣмъ опередилъ меня. Пока я по-

напрасну надрывалъ грудь, въ сторонѣ, гдѣ былъ онъ, уже блеснулъ свѣтъ, и скоро кровавое зарево озарило темноту. Оглянувшись, я увидалъ черныя фигуры нашихъ лошадей, дальше краснымъ пламенемъ освѣщенныя сѣти земляныхъ трещинъ, пылающіе кустарники и индѣйца, похожаго на дьявола, танцовавшаго около огня.

Разбуженные скворцы съ крикомъ и шумомъ слетались на свѣтъ со всѣхъ сторонъ; высокіе стволы ярко вспыхивали, а тонкіе стебельки, трепеща на мгновеніе въ объятіяхъ золотого пламени, тотчасъ же утопали въ немъ. Надъ всѣмъ этимъ лилось блѣдное сіяніе луны, борясь и преломляясь на краяхъ освѣщеннаго пространства съ розовымъ отблескомъ огня. Перо, вырвавъ нѣсколько пылающихъ стволовъ и наклонивъ ихъ къ вѣтру, бѣжалъ зажигать слѣдующія группы кустовъ и за нимъ бѣжала и гасла во мракѣ красная струя искръ. Наконецъ, зажегъ и я свой кустикъ, потомъ два сосѣдніе, и когда запылало ихъ съ десятокъ, мы воротились къ лошадямъ. Кустарникъ скоро погасъ, но мы обезпечили себѣ по крайней мѣрѣ часа два отдыха, такъ какъ напуганные шакалы разбѣжались за предѣлы зарева. Мы оба тотчасъ же заснули, но зато Перо утромъ разбудилъ меня почти до разсвѣта. Полусонный, я влѣзъ на лошадь и, пустивъ лошадь обычнымъ мексиканскимъ мѣрнымъ галопомъ, опять уснулъ на сѣдлѣ и такъ хорошо, какъ бы въ постели. Не знаю, долго ли я спалъ, но когда проснулся, былъ уже полный день. Лошади бѣжали тихо и хотя не измѣняли галопа, но бѣгъ ихъ былъ настолько медленъ, что можно было бы догнать ихъ пѣшкомъ. Я осмотрѣлся; твердая почва степи со своею сѣтью трещинъ и сухими кустарниками стлалась за нами, и мы ѣхали теперь по грунту покрытому чрезвычайно мелкимъ пескомъ, мягкимъ и разсыпчатымъ, подобно пеплу. Исчезли также и волнообразныя возвышенія почвы. Насколько можно было охватить глазомъ, передъ нами и около насъ разстилалась сѣрая, гладкая какъ столъ равнина. Небесный сводъ, принимая на горизонтѣ сѣроватый оттѣнокъ, казалось, сливался съ землею въ недосягаемой дали. Кругомъ не росло ни стебелька травы, ничего и ничего: только вверху небо, а внизу песчаная, пепельная равнина. Перо привсталъ на стременахъ, очертилъ бронзовою рукою передъ собою дугу въ воздухѣ и сказалъ:

— Могэвъ.

Мы ѣхали еще съ полчаса, не встрѣчая вокругъ ни одного предмета. Наконецъ, однако что-то показалось на сѣверѣ: не то темная полоса, не то сгустившаяся мгла или туча, не то опушка лѣса. Это «что-то» все явственнѣе и явственнѣе вырисовывается на синевѣ горизонта, все выразительнѣе выдвигается изъ мутной дали, приближается, очерчивается и принимаетъ образы. Перо опять протягиваетъ бронзовую руку и говоритъ:

— Вымершій лѣсъ.

А, слава Богу! Живой онъ или мертвый,—привѣтъ ему! Я вонзаю въ бока мустанга длинныя, въ четверть фута, мексиканскія шпоры, и кудлатый лобъ его живѣе покачивается. Мы мчимся, какъ военные гонцы; лѣсъ вырастаетъ передъ нами, и черезъ полчаса мы на его опушкѣ.

Что это за пальметты и что говорится о нихъ въ ботаникѣ,—я не знаю *). Перо, простой индѣецъ, незнакомый съ художественнымъ слогомъ, называлъ однако этотъ лѣсъ вымершимъ. Тишина, неподвижность и смерть—вотъ первыя впечатлѣнія, производимыя этимъ лѣсомъ. Пальметты не похожи на другія деревья. У всякаго дерева есть стволъ,

Видъ въ пустынѣ Могэвъ.

сучья, болѣе толстыя и болѣе тонкія вѣтви,—словомъ, цѣлое разнообразіе линій, фигуръ и оттѣнковъ. У пальметтъ ничего этого нѣтъ. Пальметта—однообразный сѣраго цвѣта стволъ, раздѣляющійся вверху на двѣ, рѣдко на три тупо усѣченныя вѣтви. Дерево это какъ будто подобно человѣку, съ отчаяніемъ поднявшему руки къ небу. Пень отъ самой земли, а вѣтви до самаго верха покрыты толстой щетиной, не отдѣляющейся отъ коры и облекшей все дерево какъ будто чехломъ. Всѣ формы грубы, неподвижны и какъ будто неуклюже вытесаны изъ камня. Цѣлый лѣсъ кажется окаменѣлымъ, или какъ будто лѣсомъ исполинскихъ коралловъ, покоящихся на морскомъ днѣ. На сѣромъ пескѣ, гдѣ растутъ пальметты, болѣе не растетъ ничего, и нѣтъ нигдѣ

*) Юкки (Jucca brevifolia) отличаются своимъ гигантскимъ ростомъ, и потому были приняты путешественникомъ за деревья.

ни травки, ни цвѣтка, ни слѣда воды. Тутъ не услышишь птичьихъ трелей, и не одно насѣкомое не точитъ неподвижныхъ пней. Насколько хватитъ глазъ, стволъ за стволомъ возносятся, какъ мрачныя колонны, и ряды ихъ мертвы, безмолвны и бездушны. Вполнѣ умершій лѣсъ. У всякаго другого дерева жизнь выражается то въ трепетаніи вѣтвей, то въ зелени, то въ цвѣтахъ, то въ запахѣ: видно, что дерево живетъ, дышитъ, струитъ изъ себя живительный бальзамъ, расцвѣтаетъ, производитъ плодъ; между пальметтами же я бродилъ, какъ будто посреди надгробныхъ памятниковъ на какомъ-нибудь большомъ кладбищѣ. Я блуждалъ какъ духъ; лошади остались у начала лѣса, а индѣецъ, какъ другой духъ, шелъ за мной, сумрачный и безмолвный. Вѣтра не было; сѣрый песокъ безъ шума осыпался подъ нашими ногами; солнце высоко взошло надъ горизонтомъ и лило на наши головы пламенный зной. Повсюду царила могильная тишина. Отъ деревьевъ по песку ложились короткія тѣни, черными пятнами испещряя его сѣрую поверхность. Мы углублялись все дальше. Когда же тѣни отъ пальметтъ почти совсѣмъ пропали, обозначая полдень, Перо пошелъ накормить и напоить лошадей, а я остался одинъ, блуждая взоромъ по рядамъ мертвыхъ стволовъ. Я приглядывался къ слою песка подъ ногами, думая открыть какіе-нибудь слѣды животныхъ или птицъ, но сѣрая сыпучая поверхность была такъ гладка, какъ будто еще вчера по ней катились воды. Я углублялся все далѣе въ чащу тѣмъ смѣлѣе, что слѣды мои были какъ будто Аріадниной нитью, могшей въ ту же минуту вывести меня изъ этого лабиринта. Видъ нисколько не измѣнялся: тѣ же ряды стволовъ, тѣ же тяжело обрисовывающіеся каменные контуры и то же могильное спокойствіе. Чудная и особенная отъ всѣхъ пустыня, гдѣ главнымъ выраженіемъ смерти, небытія и тишины служитъ именно то, что должно бы вдохнуть въ нее жизнь, т.-е. деревья. Это какъ будто призраки деревьевъ. По правдѣ, я сомнѣваюсь, чтобы даже африканская Сахара или арабскія степи дышали такимъ гнетущимъ унынiемъ и поражали бы такою мертвенностью и оцѣпенѣніемъ, какъ Могэвъ. Тамъ по крайней мѣрѣ иногда зазеленѣетъ оазисъ; иногда надъ песчанымъ пригоркомъ на разливѣ вечерней зари обрисуются библейскіе образы верблюдовъ и всадниковъ, глядящихъ въ небо, а тутъ возвышаются одинѣ пальметты, бездушныя, страшныя, безмолвныя.

Однако и у Могэва есть свои отголоски, прерывающіе вѣчную тишину. Я уже вышелъ на край лѣса къ Перо и лошадямъ, какъ услышалъ этотъ отголосокъ пустынной дали. Сначала то былъ какъ будто тихій шумъ, становившійся все громче и ближе; онъ постепенно измѣнялся въ трескъ, потомъ мы услышали звонъ колокольчика, потомъ свистъ, или, лучше сказать, ревѣніе пара. Перо всмотрѣлся въ даль песчаныхъ колоннъ и сказалъ:

— Большія повозки бѣлыхъ.

Въ это время отголосокъ приблизился, достигъ зенита, и вдругъ мы увидали выбѣгающій изъ лѣса желѣзнодорожный поѣздъ. Поршни машины, видимые издалека, быстро двигались, какъ будто ноги какого-нибудь чудовища; пасть его испускала клубы дыма. Въ этомъ движеніи казалась какая-то непонятная сила, какое-то неистовство: поѣздъ представлялся исполинскимъ звѣремъ, бѣшено преслѣдующимъ свою добычу. Онъ не бѣжалъ, но рвался впередъ, какъ вихрь или ураганъ; пролетѣлъ подобно какому-то адскому хороводу, пыхтя, звоня и гудя; онъ ворвался въ степную равнину и летѣлъ дальше, пока, наконецъ, исчезъ въ степяхъ по направленію къ Лосъ-Анджелосъ.

— Бѣлые не боятся Могэва! отозвался Перо.

Американскій національный праздникъ.

(П. Тверского.)

4-го іюля Америка празднуетъ годовщину провозглашенія своей независимости. Этотъ день составляетъ главный и самый торжественный праздникъ Союза; вся нація участвуетъ въ его празднованіи чуть не поголовно. Въ Америкѣ праздниковъ совсѣмъ нѣтъ. Правда, такихъ праздниковъ, когда всѣ правительственныя учрежденія закрываются, есть нѣсколько, напримѣръ: Рождество, Новый годъ, день рожденія Вашингтона; но эти праздники, исключая Рождества, не играютъ никакой роли въ народной жизни и часто проходятъ совершенно незамѣченными: всякая работа, исключая общественной, продолжается всюду, какъ и въ будни, и не замѣтно никакихъ внѣшнихъ признаковъ праздника. Воскресенье является единственнымъ днемъ, когда все закрывается, и воскресный день и понынѣ служитъ яблокомъ раздора между духовенствомъ, съ одной стороны, и массой народа съ другой. Всѣ секты, исключая католиковъ, стремятся къ тому, чтобы сдѣлать изъ воскресенья день молитвы и отдыха; онѣ осуждаютъ не только публичныя увеселенія всякаго рода, но и невинныя занятія, въ родѣ рыбной ловли и просто прогулки. Католики, которые въ Соединенныхъ Штатахъ далеко не такъ строги, какъ въ Европѣ, относятся къ воскресному дню гораздо свободнѣе протестантовъ. Вообще же въ восточныхъ штатахъ воскресный день обыкновенно соблюдается; единственными немногими исключеніями являются самые большіе города, въ родѣ Нью-Йорка и Бруклина, но чѣмъ дальше подвигаешься на западъ, тѣмъ менѣе замѣчается и воскресный день.

Рождество и 4-е іюля, являясь, въ сущности, единственными праздниками въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣютъ дѣйствительно значеніе народныхъ празднествъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Празднованіе

Рождества не имѣетъ ничего исключительнаго, особеннаго; празднуется оно, смотря по мѣстнымъ обычаямъ и условіямъ; непремѣнно сопровождается обѣдомъ съ индѣйкой, и къ нему все странствующее населеніе Америки собирается домой; вся дѣловая часть народа непремѣнно должна въ этотъ день обѣдать за семейнымъ столомъ дома. Зато 4-е іюля является учрежденіемъ исключительно американскимъ, празднуется чрезвычайно оригинально и сравнительно однообразно по всему Союзу.

Еще за цѣлый мѣсяцъ до 4-го іюля въ нашемъ городѣ *) начали поговаривать о томъ, какимъ образомъ достойно отпраздновать этотъ день. Въ прошломъ году были уличныя процессіи, уличный парадъ съ мѣстной милиціей, пожарной командой и представительствомъ разныхъ отраслей промышленности и торговли города; но главной приманкой были два фейерверка въ двухъ общественныхъ паркахъ города, изъ которыхъ одинъ, устроенный испанско-мексиканскимъ населеніемъ, кончился весьма печально, такъ какъ въ одну изъ желѣзныхъ ракетъ уличные мальчишки украдкой опустили чуть ли не четверной зарядъ; желѣзную гильзу разорвало и убило и искалѣчило нѣсколько человѣкъ. Въ виду этого печальнаго событія, еще свѣжаго въ памяти многихъ, какой-либо общественный фейерверкъ былъ на нынѣшній годъ заранѣе забракованъ, и комиссія, завѣдывавшая сборомъ денегъ на празднество, рѣшила отпраздновать день вечернимъ парадомъ спеціально приготовленныхъ огромныхъ платформъ на колесахъ, везомыхъ шестью лошадьми, съ живыми картинами извѣстныхъ событій. Такихъ платформъ было заготовлено больше дюжины; комиссія успѣла собрать до 10 тысячъ долларовъ на празднество, выписанъ былъ особый артистъ изъ восточныхъ штатовъ, и дѣло повелось на широкую ногу, быстро и энергично. Предполагалось освѣтить главныя улицы, по которымъ должна была двигаться процессія, кромѣ обыкновенныхъ электрическаго и газоваго освѣщенія, еще постояннымъ бенгальскимъ огнемъ, а такъ какъ подъ божественнымъ небомъ южной Калифорніи дождя не бываетъ цѣлые девять мѣсяцевъ и на погоду всего этого сухого періода можно разсчитывать безъ ошибки, то затѣя комиссіи и обѣщала полный успѣхъ.

Въ нашемъ городѣ свыше полутораста верстъ кабельныхъ и электрическихъ желѣзныхъ уличныхъ дорогъ. Эти дороги еще съ ранняго утра прицѣпили къ своимъ поѣздамъ всевозможные вагоны, даже старые конные, давно вышедшіе изъ употребленія, для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить требованіямъ публики. Все городское населеніе, отъ мала до велика, и все подгородное, на семьдесятъ верстъ кругомъ и даже дальше, кишѣло на улицахъ съ ранняго утра. Главныя улицы и многіе дома были убраны флагами и бантами, всѣ ва-

*) Лосъ-Анджелосъ въ южной Калифорніи.

гоны уличныхъ дорогъ тоже, при чемъ городскимъ управленіемъ былъ назначенъ призъ въ 50 долларовъ наличными тому вагому, который по заключенію особо назначеннаго комитета будетъ признанъ разукрашеннымъ лучше всѣхъ остальныхъ. Американецъ не жалѣетъ денегъ на украшеніе своего дома 4-го іюля; во многихъ домахъ всякая колонна, всякое окно, всякое отверстіе были разукрашены, и звѣздный флагъ Соединенныхъ Штатовъ развѣвался изъ всякаго окна по главнымъ улицамъ. Даже каждая лошадь была украшена перьями и лентами: красный, синій и бѣлый цвѣта били въ глаза всюду. Улицы были биткомъ набиты народомъ въ праздничныхъ костюмахъ; мальчишки еще наканунѣ вечеромъ начали пускать ракеты и жечь fire-cracker'ы, нѣчто въ родѣ нашихъ хлопушекъ, только самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и взрывающихся съ разнообразнымъ шумомъ, отъ треска бумажной хлопушки до пушечнаго выстрѣла включительно.

Всю ночь напролетъ на 4-е іюля поддерживался самый адскій шумъ: пускали ракеты, жгли эти хлопушки, палили изъ ружей и пистолетовъ. Подгородныя желѣзныя дороги съ 7 часовъ утра начали подвозить со всѣхъ сторонъ цѣлые поѣзда подгородной публики, и дѣловыя улицы города запруживались все больше и больше, при чемъ и шумъ возрасталъ все больше и больше. Уличные вагоны были набиты до чрезвычайности: въ вагонѣ съ 20-ю мѣстами набивалось по 75 человѣкъ, изъ которыхъ добрая половина висѣла во всевозможныхъ положеніяхъ, прицѣпившись за что попало.

Утромъ мѣстная милиція, состоящая въ нашемъ городѣ изъ десяти ротъ пѣхоты и батареи артиллеріи, парадировала по улицамъ. Согласно федеральному закону, всѣ военныя и морскія силы Союза должны непремѣнно парадировать 4-го іюля, и эти парады составляютъ одну изъ оригинальныхъ особенностей празднованія. Милиція нашего штата состоитъ изъ трехъ бригадъ пѣхоты, одного полка кавалеріи и бригады артиллеріи, изъ шести, кажется, батарей. Это, въ общемъ, довольно неуклюжая военная сила, съ европейской точки зрѣнія не отличающаяся особенною стройностью движеній, хотя и одѣтая въ красивую, дорогую форму и вооруженная отличными скорострѣлками, которыми она владѣетъ въ совершенствѣ; стрѣлки здѣсь недюжинные, а оружіемъ каждый природный калифорніецъ умѣетъ владѣть съ большимъ успѣхомъ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ парадъ этотъ не привлекъ особеннаго вниманія: всѣ дожидались вечера, когда долженъ былъ начаться общій праздникъ.

Уже къ 7 часамъ вечера три главныя, идущія параллельно одна другой, улицы города, по которымъ должна была, согласно наканунѣ опубликованному всѣми газетами церемоніалу, двигаться процессія, были набиты народомъ отъ одного тротуара до другого; хлопушки

всякаго размѣра лопались во всѣхъ направленіяхъ; у всѣхъ, даже у самыхъ солидныхъ пожилыхъ людей въ цилиндрахъ, всѣ карманы были набиты ими, и всякій считалъ своимъ священнымъ долгомъ палить какъ можно чаще и громче. Хлопушки эти летали повсюду; никто не стѣснялся сосѣдями, ихъ бросали прямо подъ ноги, подъ платья дамамъ, на крыши уличныхъ вагоновъ, въ сидѣнье колясокъ, въ открытыя окна, въ двери домовъ,—словомъ, всюду. Никто не обижался; все это принималось, какъ нѣчто должное, и хотя богатѣйшіе и наиболѣе выдающіеся люди города были смѣшаны съ толпой,—ни на кого не обращали ни малѣйшаго вниманія; равенство американскаго народа нигдѣ такъ не бросается въ глаза, какъ на подобныхъ народныхъ праздникахъ, на общественныхъ играхъ, скачкахъ и т. д. Эта публика праздновала освобожденіе націи; она была на этихъ улицахъ для того, чтобы шумѣть и веселиться, и этимъ исключительно и занимались. Одинъ духъ царилъ въ этой толпѣ; въ ней не было мѣста ничему, кромѣ веселья, шума, смѣха, шутокъ и пѣсенъ. Весь городъ былъ на этихъ улицахъ: сѣдые, старые люди, грудные ребята, которыхъ не съ кѣмъ было оставить дома; всюду попадались цѣлыя семейства, начиная со старухи-бабушки и кончая мѣсячнымъ бэби, спавшимъ на одной рукѣ отца, который другою, свободною рукой усердно бросалъ хлопушки. Въ разныхъ мѣстахъ жгли бенгальскіе огни, пускали ракеты, звѣзды и всевозможные фейерверки; казалось, за шумомъ нельзя было ничего разслышать, за сплошной толпой ничего увидѣть, а все-таки всѣмъ было весело, и кипучее одушевленіе такъ и било повсюду въ глаза.

Часу въ девятомъ, наконецъ, двинулась процессія. Во главѣ ея ѣхалъ верхомъ начальникъ полиціи города, съ отрядомъ конныхъ и пѣшихъ полисмэновъ, за ними великій маршалъ, или главный распорядитель дня со своими адъютантами, всѣ верхомъ на разукрашенныхъ лошадяхъ и съ лентами черезъ плечо; затѣмъ оркестръ музыки, должно быть, игравшій веселый маршъ, котораго почти совсѣмъ не было слышно за грохотомъ хлопушекъ; а за нимъ платформы, освѣщенныя факелами изъ бенгальскихъ огней, озарившими всю улицу своимъ кровавымъ, яркимъ свѣтомъ. Былъ тутъ и Колумбъ, съ палубы своего диковиннаго корабля открывающій Америку, и Вашингтонъ, переплывающій со своей свитой рѣку Делаваръ, и знаменитое засѣданіе конгресса, на которомъ была подписана декларація независимости, и мельница Сюттера, на которой впервые 44 года тому назадъ было открыто золото на тихоокеанскомъ побережьи, и рогъ изобилія, награждавшій Калифорнію всѣми благами земными, и великая печать штата въ лицахъ, и чего-чего тутъ не было! Всѣ группы были въ костюмахъ соотвѣтственныхъ времени, изображаемому картиной, богатыхъ, вѣрныхъ и съ самымъ добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣхъ подробностей; на нѣ-

которыхъ платформахъ было до тридцати исполнителей и исполнительницъ, изображавшихъ извѣстное происшествіе. Процессія тронулась съ мѣста именно въ назначенную минуту, прошла, согласно маршруту, въ великолѣпномъ порядкѣ, не вышло ни малѣйшей зацѣпки или заминки, все шло какъ по маслу. Надо отдать справедливость американскому народу,—онъ умѣетъ устроить все именно такъ, какъ слѣдуетъ. Все было на своемъ мѣстѣ, никто не опоздалъ, ничто не было забыто, все предусмотрѣно.

Если бы какой-нибудь иностранецъ попалъ на улицы Лосъ-Анджелоса вечеромъ 4-го іюля, онъ непремѣнно пришелъ бы къ тому заключенію, что вся эта стотысячная толпа внезапно сошла съ ума и бѣснуется зря. Представьте себѣ безконечный фейерверкъ и всякіе взрывчатые снаряды прямо въ толпѣ, на улицахъ, запруженныхъ народомъ отъ одной стѣны до другой; вѣроятно, многіе пережглись, еще большее число поплатилось платьемъ. Но и всякій, кто идетъ на улицу въ это время, знаетъ, что именно его ожидаетъ: никто не разрядится, всякій надѣнетъ именно то платье, которое ему не жаль, и всякій готовъ принять хлопушку или ракету въ лицо или въ карманъ и запустить ее съ своей стороны сосѣду или сосѣдкѣ, кто бы они ни были. Надо быть самому зараженнымъ американскимъ духомъ, сжиться съ нимъ и вполнѣ понять его, чтобы не только хладнокровно относиться ко всему этому, но и находить въ немъ огромное удовольствіе, быть веселымъ и довольнымъ и окружающей толпой, и этимъ времяпровожденіемъ.

На Змѣиной рѣкѣ.

(В. Витковскаго.)

Чтобы добраться изъ Санъ-Франциско до знаменитыхъ водопадовъ на Змѣиной рѣкѣ, мнѣ надлежало сдѣлать объѣздъ кругомъ черезъ Портлэндъ. Отъ Сакраменто я свернулъ прямо на сѣверъ и покатилъ вверхъ по чудной долинѣ рѣки Сакраменто, среди роскошной, но дикой растительности. Налѣво виднѣлся кряжъ береговыхъ Кордильеровъ, а направо—величественная цѣпь Каскадныхъ горъ, весьма обильныхъ источниками и водопадами. Они питаютъ не только рѣку Сакраменто, но и вообще всю Калифорнскую долину, которая, будучи совершенно лишена дождей въ теченіе всего лѣта, безъ этого роскошнаго орошенія обратилась бы въ пустыню. Каскадныя горы состоятъ изъ ряда потухшихъ вулкановъ, поднимающихся далеко выше снѣговой линіи, и уже издали, чуть не отъ Сакраменто, я могъ изъ окна вагона любоваться снѣговою шапкою величайшаго тутъ колосса—горою Шаста, имѣющею 14.511 футовъ высоты. Всю дорогу мѣстность была чрезвычайно живописна. Отъ самаго Портлэнда дорога идетъ по лѣвому бе-

регу рѣки Колумбіи. По обѣ стороны довольно узкой долины этой рѣки высятся причудливаго вида мощныя скалы, въ иныхъ мѣстахъ прямо доходящія до самой воды. Полотно дороги представляетъ тутъ непрерывную смѣну туннелей, пронизывающихъ горные отроги, и віадуковъ, построенныхъ черезъ поперечныя долины. Эти поперечныя долины очень коротки и круты, и въ каждой видиѣется каскадъ или даже настоящій водопадъ. Нѣкоторые водопады имѣютъ огромную высоту, и водяная лента, видиѣющаяся на вершинѣ, обращается ниже въ бѣлую массу водяной пыли, уклоняющейся въ ту или другую сторону, смотря по направленію вѣтра.

Американцы утверждаютъ, что Колумбія красивѣйшая рѣка въ мірѣ; мнѣ она напомнила лучшія и живописнѣйшія мѣста Рейна; только боковыя горы на Рейнѣ обработаны, а на вершинахъ видиѣются историческіе замки, здѣсь же все дико, но зато болѣе величественно и грандіозно. Самая рѣка имѣетъ не менѣе версты въ ширину и отличается многоводностью. Кое-гдѣ попадаются скалы и въ самомъ руслѣ рѣки; подлѣ нихъ съ высоты полотна желѣзной дороги можно усмотрѣть дикіе водовороты и образующіяся и ниспадающія волны, покрытыя бѣлой пѣной. На такихъ скалахъ попадается иногда и лѣсъ, и тогда скала представляется яркимъ зеленымъ куполомъ. Но самыя красивыя мѣста тамъ, гдѣ Колумбія пробила себѣ путь въ главномъ хребтѣ Каскадныхъ горъ. Узкое и мрачное ущелье кажется вратами ада. Поѣздъ подъѣзжалъ къ этому ущелью почти въ полдень, но тутъ стоялъ полумракъ. Рѣка образуетъ здѣсь цѣлый рядъ весьма опасныхъ для судоходства пороговъ, и шумъ несущейся воды ясно слышенъ изъ вагона, хотя поѣздъ вьется высоко надъ рѣкою по искусственному карнизу почти отвѣсныхъ скалъ. Внизъ страшно и заглянуть: духъ захватываетъ. Въ мрачныхъ и узкихъ расщелинахъ растутъ вѣковыя сосны, а надъ головою носятся огромные орлы. Это ужасное, но величественное ущелье Каскадныхъ горъ называется Дэльсъ.

За ущельемъ открывается обширная равнина, по которой плавно и почти въ плоскихъ берегахъ течетъ Колумбія. Почти на каждой станціи я любовался ловлей лососей, въ изобиліи водящихся тутъ въ рѣкѣ. Вмѣсто невода здѣсь употребляется такъ называемое «рыбье колесо». На концѣ лодки устроена сѣтка въ видѣ полуцилиндра, вращаемаго особымъ ручнымъ приводомъ. Эта сѣтка, при своемъ вращеніи, зачерпываетъ воду и выгребаетъ въ лодку всю ту рыбу, которая попадается. Тутъ не требуется никакого искусства, а необходимо имѣть лишь сѣтку по возможности большихъ размѣровъ и умѣть угадать мѣсто, по которому проходитъ стадо лососей. Въ удачную пору рыба попадается при каждомъ оборотѣ сѣтки.

Чѣмъ дальше мы подвигались на востокъ, тѣмъ мѣстность станови-

лась однообразнѣе, и вскорѣ уже появились знакомыя мнѣ картины пустынь Невады. Берега Колумбіи тутъ песчаны и усѣяны дюнами весьма правильной, типичной формы. По бокамъ желѣзнодорожнаго полотна попадаются индѣйскія становища, составленныя изъ нѣсколькихъ вигва-

Гора Шаста.

мовъ, т.-е. конусообразныхъ шалашей, прикрытыхъ досками, буйволовыми шкурами или просто рваными тряпками.

Миновавъ послѣдніе отроги Каскадныхъ горъ, поѣздъ идетъ уже по настоящей пустынѣ, не представляющей ничего достопримѣчательнаго,

сперва по штату Орегонъ, а затѣмъ по штату Идахо, гдѣ мѣстность становится еще однообразнѣе. Кругомъ — никакой растительности, только жалкая сѣрая трава алкалай, на которую я насмотрѣлся уже въ Невадѣ, во время такого же печальнаго переѣзда черезъ Великую Американскую пустыню, лежащую къ западу отъ Большого Соленаго озера.

Около 12 часовъ дня поѣздъ остановился на станціи Шошонъ, и я перешелъ прямо съ платформы въ стоящую подлѣ нея гостиницу. Приказавъ подавать обѣдать, я началъ разспрашивать, какъ бы мнѣ проѣхать на водопадъ, извѣстный тутъ подъ именемъ «Ніагары Запада». Свѣдѣнія оказались неутѣшительными: отъ станціи надо ѣхать на лошадяхъ около 40 верстъ по пустынѣ, а хозяйка гостиницы содержитъ только два экипажа. Въ данную минуту одинъ экипажъ находится въ дорогѣ съ путешественниками, поѣхавшими на водопадъ еще вчера, другой же сломанъ и не годенъ впредь до починки. «Такимъ образомъ,—прибавила хозяйка,—вамъ придется дожидаться до завтра». Но мнѣ вовсе не хотѣлось терять лишній день, а потому, покончивъ съ обѣдомъ, я обратился къ найденному мною на дворѣ сыну хозяйки, весьма милому молодому человѣку, и началъ уговаривать его устроить дѣло такъ, чтобы я могъ ѣхать сейчасъ.

Шошонъ—это цѣлый городокъ съ 4.000 жителей, и потому немудрено, что послѣ поисковъ телѣга и лошади были найдены, и около 4-хъ часовъ дня я выѣхалъ на юго-востокъ по пустынѣ. Почва Идахо состоитъ исключительно изъ лавы, толщина слоя которой достигаетъ здѣсь отъ 300 до 900 футовъ. Нѣкогда это было сплошное огненно-жидкое море. Теперешнюю вулканическую почву нельзя назвать безплодною,—гдѣ есть вода, тамъ имѣется и растительность, но дѣло въ томъ, что воды здѣсь почти нѣтъ и не бываетъ ни дождя, ни снѣга. Влага облаковъ Тихаго и Атлантическаго океановъ перехватывается хребтами Каскадныхъ горъ на западѣ и Скалистыхъ на востокѣ, такъ что вѣтры отличаются тутъ поразительною сухостью. Абсолютная высота этого нагорнаго плато достигаетъ 4.000 футовъ. Посрединѣ территоріи штата Идахо вьется Змѣиная рѣка, несущая воды мелкихъ рѣчекъ со склоновъ Скалистыхъ горъ. Эта величественная рѣка въ продолженіе тысячелѣтій прорѣзала себѣ ложе въ видѣ узкаго оврага съ отвѣсными почти берегами, достигающими 1.000 и болѣе футовъ высоты. Опускаясь все глубже и глубже, ложе рѣки дошло наконецъ до твердыхъ горныхъ породъ, лежащихъ подъ вулканическою почвою и уже нелегко поддающихся дальнѣйшему размывающему дѣйствію воды. Въ Змѣиной рѣкѣ имѣется теперь нѣсколько водопадовъ, изъ которыхъ самый большой находится вблизи городка, названнаго по его имени Шошономъ. Но, собственно говоря, слово Шошонъ—это названіе племени индѣйцевъ, кочующихъ поблизости и въ настоящее время.

Нанятая мною телѣга оказалась весьма старою и дребезжала такъ подозрительно, что я началъ опасаться, доѣдемъ ли мы сегодня до цѣли путешествія. Дороги по пустынѣ, собственно говоря, нѣтъ. Кое-какія колеи почти незамѣтны, потому что проѣзжающихъ очень немного, а грунтъ весьма твердый. Мѣстность представляетъ волнистую каменистую пустыню, лишь кое-гдѣ поросшую мелкою сѣрою травой. Изрѣдка попадались довольно большія кучи камней, очевидно сложенныя руками человѣка. По словамъ моего возницы, эти кучи еще въ незапамятныя времена сложены индѣйцами и служили имъ (а теперь и намъ) указателями при странствованіяхъ, особенно во время безпрерывныхъ войнъ какъ между отдѣльными племенами, такъ и при нашествіи сюда бѣлыхъ.

Жара стояла невыносимая, а при ѣздѣ подымалась такая ужасная пыль, что при полномъ безвѣтріи путешествіе было довольно мучительно и главное однообразно. Сухость и прозрачность воздуха таковы, что не только упомянутыя кучи камней, но и отдаленныя горы на горизонтѣ видѣлись съ поразительною отчетливостью. Мнѣ показалось даже, что на западѣ я вижу снѣговыя вершины какихъ-то горъ. На мой вопросъ возница отвѣчалъ, что дѣйствительно это Скалистыя горы, а разстояніе до нихъ отсюда не менѣе 300 верстъ! Какъ мы ни торопились, но все же, благодаря отсутствію дороги и частымъ объѣздамъ разбросанныхъ глыбъ, мы ѣхали довольно медленно, и солнце стало близиться уже къ горизонту, а между тѣмъ впереди все та же однообразная и грустная картина. Неужели лошади выдержатъ этотъ переѣздъ не только безъ настоящаго привала, но и безъ воды? Возница очень разумно отвѣчалъ, что до самой Змѣиной рѣки воды здѣсь нѣтъ, и потому лошади уже привыкли къ подобной системѣ. Онѣ могутъ дѣлать даже бо́льшіе концы и не пить воды въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

Закатъ солнца въ этой пустынѣ представляетъ восхитительное зрѣлище. Огненно-красное солнце въ видѣ громаднаго диска закатывалось на совершенно ровномъ и открытомъ мѣстѣ горизонта. Все небо на западѣ приняло какой-то волшебный, пурпуровый оттѣнокъ, переходившій послѣдовательно въ голубой, зеленоватый и даже желтый. Противоположная же восточная часть небосклона представлялась ярко-синею. Цвѣта и оттѣнки, равно какъ ширина отдѣльныхъ полосъ, непрерывно мѣнялись. Когда же солнце скрылось за горизонтомъ, вся западная часть небеснаго свода продолжала горѣть такимъ яркимъ красновато-пурпуровымъ блескомъ, что можно было принять его за огромное зарево лѣсного пожара. Ни разу въ жизни не приходилось мнѣ видѣть подобной величественной картины солнечнаго заката.

Послѣ заката солнца темнота начала наступать довольно быстро, а пустыня представляла все ту же сѣдую, однообразную, волнистую

мѣстность. Судя по времени, мы должны были находиться уже недалеко отъ водопада, но отчего же не слышно рева? На такой вопросъ мой возница отвѣчалъ, что шумъ водопада не будетъ слышенъ вплоть до тѣхъ поръ, пока мы не доѣдемъ до самаго обрыва каньона. Водопадъ лежитъ на днѣ такого ущелья съ почти вертикально промытыми стѣнами, что звуки несутся только вдоль каньона и въ высоту, въ стороны же они не распространяются. Я пробовалъ останавливать телѣгу и разъ даже вышелъ изъ нея и приложилъ ухо къ землѣ, но кругомъ была мертвая, могильная тишина, прерываемая лишь храпомъ лошадей.

Между тѣмъ до водопада было уже недалеко, и вскорѣ зачернѣлась верхняя часть противоположной стѣны каньона. Черезъ нѣсколько мгновеній мы подъѣхали прямо къ провалу, въ которомъ однако я ничего не могъ различить. Только шумъ водопада былъ слышенъ явственно, но далеко не съ такою силой, какъ я ожидалъ. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что дорога по спуску лежитъ на полверсты выше водопада, главный же грохотъ падающей воды происходитъ конечно внизу, у подножья водопада, и несется внизъ по каньону; сюда же назадъ достигаютъ лишь звуки, отраженные неровностями стѣнъ. Дорога внизъ пролегаетъ вдоль стѣны обрыва и образуетъ весьма опасный и крутой спускъ, ничѣмъ не огороженный со стороны пропасти. Понятно, я тотчасъ вылѣзъ изъ телѣги и при послѣднихъ проблескахъ сумеречнаго свѣта сталъ спускаться почти ощупью. По мѣрѣ спуска дѣлалось все темнѣе и темнѣе, такъ что я наконецъ пересталъ даже различать телѣгу, двигавшуюся передо мною всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ.

Опасный спускъ со многими поворотами и неожиданными каменными ступенями, на которыхъ телѣга обрывалась съ такимъ трескомъ, что, казалось, готова была сейчасъ же разсыпаться, продолжался не менѣе получаса. Очутившись, наконецъ, на самомъ днѣ каньона, мы проѣхали небольшое ровное пространство, густо обросшее кустами, и выѣхали прямо къ водѣ. Это—Змѣиная рѣка. Оказалось, что гостиница построена на противоположномъ берегу, нѣсколько ниже по рѣкѣ, и намъ предстояло еще переправиться на другую сторону на паромѣ. Къ счастію, паромъ былъ подлѣ насъ, но сколько возница ни кричалъ, голосъ его сливался съ шумомъ водопада, и никто не откликался. Предстояло распорядиться самимъ. Паромъ устроенъ въ видѣ небольшого плота, достаточнаго для помѣщенія телѣги съ лошадьми. Съ одного берега на другой протянутъ крѣпкій проволочный канатъ. Поставивъ телѣгу, мы долго еще провозились, пока удалось отвязать паромъ: въ темнотѣ нельзя было видѣть веревокъ. Однако паромъ былъ наконецъ отцѣпленъ, и я вмѣстѣ съ возницею начали вертѣть колесо ворота, на который намотанъ проволочный канатъ.

Работа была нелегкая. Мокрый канатъ, подымаясь прямо изъ воды, обливалъ насъ съ головы до ногъ, въ темнотѣ трудно было дѣйствовать правильно, а мой возница оказался слабосильнымъ и мало мнѣ пособлялъ. Къ тому же лошади безпокоились и не хотѣли стоять на мѣстѣ; возница поминутно бросалъ воротъ и кидался ихъ уговаривать. Кругомъ—мракъ, ревъ водопада и узкая полоса неба, замыкающаяся стѣнами глубокаго ущелья. Что, если бы канатъ лопнулъ и насъ понесло бы внизъ, къ водопаду?

Къ счастью все обошлось благополучно, только мы оба такъ измучились, что были уже не въ силахъ подтянуть паромъ къ самому берегу и бросили воротъ еще тогда, когда, казалось, можно было уже ѣхать прямо въ телѣгѣ. Захвативъ веревку парома и сѣвъ въ телѣгу, мы тронулись впередъ. Лошади окунулись въ воду ниже брюха, затѣмъ телѣга сдѣлала какой-то дьявольскій скачокъ, и мы очутились на твердой землѣ. Здѣсь мы привязали веревку къ дереву и быстро покатили по торной дорогѣ, но въ полнѣйшей темнотѣ.

Черезъ нѣсколько мгновеній, при безпрерывно возраставшемъ шумѣ водопада, мы подъѣхали къ бѣлѣвшимся стѣнамъ гостиницы, гдѣ, повидимому, все спало, и нигдѣ не видно было ни одного огонька. Долго пришлось стучаться въ двери, пока, наконецъ, онѣ отворились, и при свѣтѣ принесеннаго фонаря мы переступили порогъ. Впустившая меня молодая американка тотчасъ засуетилась и начала собирать холодный ужинъ. Возница же отправился распрягать лошадей. Право, удивительно, какъ лошади могли выдержать столь продолжительный переѣздъ (съ 5 до 11-ти часовъ вечера) безъ малѣйшей остановки и безъ глотка воды!

Ужинъ былъ самый простой и состоялъ изъ солонины, ветчины и какихъ-то овощей.

Послѣ ужина я спросилъ, нельзя ли теперь же выйти полюбоваться водопадомъ. Мнѣ и моему вознице дали по фонарю, и мы вышли на балконъ гостиницы. Этотъ балконъ буквально дрожалъ и осыпался брызгами водопада, до котораго по прямому направленію не болѣе ста шаговъ. Сплошная бѣлая стѣна пѣны была отчетливо видна и свѣтилась какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Отъ площадки передъ балкономъ идетъ крутая тропинка внизъ къ рѣкѣ, къ подножью водопада. Сбоку отъ одного деревца къ другому протянутъ проволочный канатъ и потому, держась за него и освѣщая путь фонарями, мы безъ большого труда могли спуститься внизъ. Трудно описать представившуюся теперь картину. Среди мрачныхъ, совершенно черныхъ обрывовъ каньона высилась бѣлая стѣна, переливавшая разными оттѣнками фосфорическаго свѣта и обдававшая насъ водяною пылью. По точнымъ измѣреніямъ высота водопада равна 210 футамъ (30 саженъ), а ширина около 1.500

футовъ (болѣе 200 саженъ). Ночь была чудная и, главное, теплая. Мы просидѣли на камняхъ почти у самой клокочущей пучины всего нѣсколько минутъ, но почувствовали, что успѣли уже промокнуть, какъ подъ дождемъ.

Въ гостинницѣ мнѣ отвели премиленькую, просто убранную комнату, окна которой выходятъ прямо къ водопаду. Я поднялъ раму одного окна и долго еще просидѣлъ, любуясь невиданнымъ мрачнымъ пейзажемъ и наслаждаясь грохотомъ водопада; казалось, что все зданіе гостинницы дрожитъ и вотъ-вотъ опрокинется въ бездну.

Съ разсвѣтомъ я былъ уже на ногахъ и, подойдя къ окну, увидалъ совершенно другую картину. Вчера видна была одна бѣлая пѣна, теперь же было ясно видно, что до половины высоты, начиная сверху, водопадъ представляетъ сплошную вертикальную водяную стѣну, нижняя же часть скрыта клубами пѣны и водяной пыли, подымающейся снизу. Особую прелесть придаютъ водопаду дикость мѣстоположенія и глубина ущелья, стѣны котораго подымаются отвѣсно вверхъ безъ малаго на 200 саженъ.

Покончивъ съ завтракомъ, я пошелъ разсматривать наиболѣе замѣчательныя мѣста и началъ съ того же спуска къ подножью, гдѣ былъ уже вчера. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, все представлялось совершенно иначе, въ другомъ и пожалуй еще болѣе величественномъ видѣ. Ночью я видѣлъ сравнительно небольшую часть водопада; въ настоящее же время глаза охватывали гораздо большее пространство—всю водяную стѣну.

Главная прелесть каждаго, даже небольшого, водопада заключается, кажется, въ безконечномъ разнообразіи картинъ. Въ сущности водяная стѣна остается все тою же, но на каждомъ избранномъ мѣстѣ картина безпрерывно измѣняется; а такъ какъ глаза въ каждое данное мгновеніе невольно останавливаются на одной точкѣ, то впечатлѣніе получается несравненно болѣе притягательное, чѣмъ при разсмотрѣніи всякаго другого пейзажа. Тамъ нужно мѣнять точки зрѣнія или переносить взоръ съ одной точки на другую, здѣсь же, стоя на одномъ мѣстѣ и смотря лишь въ одну точку, наслаждаешься самыми причудливыми смѣнами впечатлѣній. Хорошо также слѣдить за одною опредѣленною частью водяной массы. Начиная сверху, такая часть медленно перегибается при началѣ паденія, затѣмъ съ постепенно возрастающею скоростью устремляется внизъ и наконецъ скрывается въ водяной пыли, разсыпаясь на мелкія брызги. Не менѣе красивое зрѣлище открывается и внизу пучины: тутъ сплошная водяная пѣна съ грохотомъ разбрасывается во всѣ стороны; каждое мгновеніе то тутъ, то тамъ изъ этой пучины выбрасывается бѣлый пѣнистый потокъ и устремляется вверхъ въ видѣ самыхъ причудливыхъ фонтановъ. Вся пучина окутана кромѣ того завѣсою водяной пыли, которая постоянно, но медленно дви-

жется впередъ или, подъ вліяніемъ вѣтра, уклоняется немного въ сторону, при чемъ въ этой пыли постепенно то появляется, то исчезаетъ обрывокъ радуги. Приближеніе этой пыли къ зрителю производитъ такую иллюзію, что порой кажется, будто она стоитъ на мѣстѣ, а самъ наблюдатель втягивается по направленію къ водяной стѣнѣ и вотъ-вотъ будетъ уничтоженъ и поглощенъ зіяющей пучиной...

Нѣсколько выше водопада изъ рѣки вздымается огромная скала, на которой виднѣется орлиное гнѣздо.

Шошонскій водопадъ.

Пока я стоялъ на выступѣ берега и любовался картиною водопада, ко мнѣ подошелъ какой-то приличный молодой человѣкъ и предложилъ погулять вмѣстѣ и осмотрѣть кое-какія частности. Прежде всего онъ повелъ меня въ мрачную боковую разсѣлину, не то пещеру, не то трещину въ стѣнѣ каньона. Въ глубинѣ этой разсѣлины струится водопадъ, очевидно ничтожное, по количеству воды, отвѣтвленіе главнаго. Воды въ немъ немного, но узость струи производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто водопадъ здѣсь гораздо выше. Затѣмъ мы начали карабкаться вдоль по стѣнѣ каньона, среди фантастически выдвинутыхъ впередъ скалъ и корявыхъ стволовъ растущихъ здѣсь деревьевъ. Взо-

бравшись приблизительно до половины высоты стѣны, мы очутились на небольшой площадкѣ, видъ откуда не поддается описанію. Мы были уже выше уровня воды рѣки, выше водопада, такъ что одновременно обозрѣвали спокойную, зеркальную, но темную поверхность воды до водопада, клокочущую водяную пѣну внизу и дальше далеко внизъ по теченію и наконецъ между ними самый водопадъ въ полномъ его величіи. Хотѣлось бы и тутъ посидѣть съ полчаса и полюбоваться, но спутникъ потащилъ меня въ новую пещеру, или, вѣрнѣе, опять въ разсѣлину стѣны каньона. Тутъ мы проникли далеко внутрь, гдѣ было совершенно темно. Спутникъ предложилъ мнѣ слушать, предупредивъ, что эта пещера носитъ названіе «Lokomotive Cave». Дѣйствительно, сюда почти не достигаетъ оглушительный ревъ водопада, но, преобразившись безчисленными отраженіями о стѣны разсѣлины, онъ производитъ впечатлѣніе грохота отдаленныхъ поѣздовъ, говорю —поѣздовъ, а не поѣзда, потому что невозможно различить, дать себѣ отчетъ, откуда движется этотъ воображаемый поѣздъ. Кажется, будто находишься на большой центральной станціи, куда со всѣхъ сторонъ несется на полныхъ парахъ множество поѣздовъ. Для полной иллюзіи не хватаетъ лишь свистковъ и звона колоколовъ, которыми снабжены всѣ американскіе паровозы.

Выйдя изъ пещеры, я увидалъ, что спуститься будетъ не такъ легко, какъ взобраться. Съ площадки, на которой мы теперь стояли, стѣна спускается отвѣсно, такъ что сразу и не догадаться, откуда мы могли сюда взойти. Однако спутникъ мой началъ спускаться, и я послѣдовалъ за нимъ, удерживаясь за выступы скалы и за корни и стволы небольшихъ корявыхъ кустовъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы были опять внизу у воды, но гораздо ниже по теченію рѣки, тамъ, гдѣ на ея изгибѣ образуются водовороты и гдѣ вода съ яростью подмываетъ берегъ. На небольшой отлогости я замѣтилъ множество крупныхъ и мелкихъ кусковъ дерева, весьма правильно обточенныхъ дѣйствіемъ воды и выброшенныхъ сюда. Вѣроятно, эти осколки деревьевъ принесены Змѣиною рѣкою издалека, со склоновъ Скалистыхъ горъ.

Далѣе внизъ по теченію уже ничего особеннаго не видно, и мы по самому берегу рѣки вернулись въ гостиницу. Но тутъ на каждомъ шагу открываются новые виды, одинъ величественнѣе и красивѣе другого. Ни дороги, ни даже тропинки здѣсь почти нѣтъ, приходится медленно идти чуть не съ опасностью для жизни, но зато тѣмъ пріятнѣе дѣлать недолгія остановки; тогда отдыхаешь отъ усталости и наслаждаешься зрѣлищемъ водопада и самаго ущелья. Этотъ каньонъ тянется и сопровождаетъ рѣку на сотни верстъ. Онъ такъ узокъ, что можно проѣзжать по пустынѣ весьма близко и не подозрѣвать о существованіи каньона, рѣки и водопада.

Послѣ обѣда мы направились къ другому водопаду, находящемуся въ пяти верстахъ выше Шошонскаго и называемому Водопады-близнецы. Путь по пустынѣ былъ крайне утомителенъ, главнымъ образомъ отъ жары и пыли, которая подымалась и отъ нашихъ лошадей, и просто отъ вѣтра. За всю дорогу мы никого не встрѣтили. Мой спутникъ выбралъ дорогу «напрямикъ», увѣряя, что это будетъ ближе обычно употребляемой тропы. Послѣ часа ѣзды, частью рысью, а по большей части шагомъ, мы начали спускаться по крутой и узкой ложбинѣ, ведущей къ каньону. Однако вскорѣ дальнѣйшая ѣзда верхомъ стала невозможной. Мы выбрали удобное мѣсто въ тѣни за скалой и, спѣшившись, привязали лошадей къ стволу оказавшагося тутъ дерева.

Дальнѣйшій спускъ съ каждымъ шагомъ дѣлался все труднѣе и труднѣе; зачастую приходилось осторожно ползти на четверенькахъ.

Но зато какія чудныя картины развертывались передъ нашими глазами съ каждымъ шагомъ или, вѣрнѣе, съ каждымъ скачкомъ внизъ. Подъ ногами была черная, какъ чернила, вода Змѣиной рѣки; на противоположной сторонѣ—стѣна каньона, а впереди по срединѣ рѣки два почти одинаковые водопада, раздѣленные высокою, мощною скалою изъ тѣхъ же черныхъ вулканическихъ базальтовъ, изъ которыхъ составлены и стѣны ущелья. Когда мы выбрались на довольно значительную горизонтальную площадку, откуда можно было спокойно обозрѣвать водопадъ, то я, кромѣ страшной усталости, томился еще жаждою и готовъ былъ бы спуститься дальше, лишь бы добраться до воды. Но это было невозможно: дальше идетъ буквально вертикальная стѣна и безъ помощи канатовъ или веревочныхъ лѣстницъ спускаться внизъ было немыслимо. Жажда была тѣмъ мучительнѣе, что передъ нами гремѣли два огромныхъ водопада съ чистѣйшею и прозрачною водою.

Водопады-близнецы не такъ высоки, какъ Шошонскій, ихъ высота, только 184 фута, но, по-моему они красивѣе, да и мѣстность тутъ еще болѣе дикая и неприступная,—къ нимъ невозможно подойти даже пѣшкомъ. Стѣны каньона здѣсь значительно ниже, не болѣе 700 футовъ, но видъ картины мрачнѣе, благодаря полному отсутствію растительности вблизи. Когда любуешься Водопадами-близнецами, особенно любопытно смотрѣть, какъ брызги и водяная пыль обоихъ перемѣшиваются внизу и образуютъ тамъ уже одну общую пучину: иногда кажется, что лѣвый водопадъ сильнѣе и оттѣсняетъ брызги праваго, иногда наоборотъ. Трудно сказать, который грандіознѣе, оба чрезвычайно похожи другъ на друга.

Однако пора бы подумать и объ обратномъ пути. Мы поискали и нашли теперь болѣе удобную трещину, по которой можно было подняться наверхъ. Въ этой трещинѣ замѣтны значительныя углубленія, пещеры, но до нихъ трудно было бы добраться, потому что входы рас-

положены очень высоко. Еще недавно въ такихъ пещерахъ, многочисленныхъ въ каньонѣ, скрывались индѣйцы, нападавшіе на поѣзда желѣзной дороги. Но теперь индѣйцы перекочевали дальше на западъ, а главнымъ образомъ повымерли, такъ что тутъ полная тишина, нарушаемая только ревомъ водопадовъ.

Вскочивъ на лошадей, мы быстро помчались обратно и еще засвѣтло добрались до гостиницы, гдѣ насъ ожидалъ уже ужинъ.

Іеллостонскій Національный паркъ.

(Циттеля.)

Іеллостонскій паркъ, составляющій государственную собственность американской націи, занимаетъ сѣверо-западный уголъ штата Уайоминга. Онъ имѣетъ видъ правильнаго четырехугольника, стороны котораго равны 88 и 94 километрамъ; на югѣ и западѣ онъ захватываетъ небольшія полосы въ штатахъ Монтанѣ и Идахо. Такимъ образомъ онъ лежитъ въ самомъ сердцѣ Скалистыхъ горъ; чрезъ его юго-западный уголъ проходитъ главная цѣпь этихъ горъ, составляющая водораздѣлъ между Атлантическимъ и Великимъ океанами. Но хотя вершины горныхъ цѣпей достигаютъ 10—11 тысячъ футовъ и частью покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, онѣ производятъ мало впечатлѣнія, такъ какъ самый паркъ представляетъ возвышенное плато, средняя высота котораго достигаетъ 8.000 футовъ.

Все пространство, занимаемое паркомъ, густо заросло хвойнымъ лѣсомъ. Благодаря большой абсолютной высотѣ мѣстности, растительность тутъ не разнообразна,—главнымъ образомъ кедровые и сосновые лѣса,—но послѣ пустынныхъ Скалистыхъ горъ и эта растительность кажется роскошной. Лѣса по большей части дѣвственны и непроходимы, и теперь еще имѣется множество мѣстъ, куда не ступала до сихъ поръ человѣческая нога. Климатъ отличается своей суровостью; въ теченіе круглаго года не бываетъ мѣсяца, въ которомъ не было бы морозовъ, а зимой всякія сообщенія прекращаются, находящіяся въ паркѣ гостиницы закрываются и даже снимаются сторожевые посты. Тѣмъ не менѣе фауна здѣсь довольно разнообразна; здѣсь водятся еще бизоны, сохраняющіеся въ паркѣ наподобіе того, какъ въ Бѣловѣжской пущѣ зубры.

Но главное, чѣмъ замѣчателенъ Іеллостонскій паркъ и что дѣлаетъ его однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ на всемъ земномъ шарѣ, это гейзеры и горячіе минеральные ключи, разсѣянные здѣсь въ такомъ количествѣ, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящее время въ Національномъ паркѣ открыто свыше десяти тысячъ горячихъ минеральныхъ источниковъ и нѣсколько сотенъ гейзеровъ. Эти замѣчательныя

явленія, а также общій дикій и живописный характеръ мѣстности, изобилующей красивыми и оригинальными видами, привлекаютъ въ настоящее время въ паркъ большое число туристовъ, увеличивающееся съ каждымъ годомъ.

Мнѣ не удалось видѣть восточной половины парка, красивѣйшими видами которой являются Іеллостонское озеро и долина рѣки того же имени. Іеллостонское озеро—одно изъ величайшихъ среди горныхъ озеръ Сѣверной Америки; его поверхность равняется 240 километрамъ, а форма напоминаетъ распростертую человѣческую руку, пальцы которой обращены на югъ. Хотя оно лежитъ на высотѣ почти 8.000 футовъ, его берега густо заросли лѣсомъ. Въ чистой, прозрачной водѣ водятся безчисленныя форели. Вдоль самыхъ береговъ бьютъ горячіе источники, такъ близко, что рыболовъ, не двигаясь съ мѣста, можетъ вытащить форель и тутъ же сварить ее въ горячей водѣ.

На востокѣ, неподалеку отъ озера, высятся дикія, разорванныя сѣрыя скалы, отражающіяся въ зеленой водѣ; на югѣ, западѣ и сѣверѣ берега болѣе плоски, а рѣдкія бухточки осѣнены темнымъ сосновымъ лѣсомъ.

Три другихъ небольшихъ озера лежатъ по ту сторону водораздѣла, скрытыя между высокими горами, и еще большее число ихъ теряется въ обширныхъ торфяныхъ болотахъ. Между водными потоками первое мѣсто по ширинѣ и обилію воды занимаетъ рѣка Іеллостонъ; кромѣ того, паркъ пересѣкается рѣками Мадисонъ и Гардинеръ, изъ которыхъ первая принимаетъ въ себя два притока: Фирхоль и Гиббонъ-риверъ.

Такъ называемый «Большой Каньонъ», или то мѣсто, гдѣ рѣка Іеллостонъ прокладываетъ себѣ путь черезъ горы, представляетъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ видовъ Сѣв. Америки. По выходѣ изъ озера рѣка течетъ сначала по холмистой долинѣ, покрытой лугами и лѣсомъ, пока не встрѣчаетъ сопротивленія въ высокихъ, сходящихся съ двухъ сторонъ скалистыхъ стѣнахъ. Здѣсь русло ея суживается вчетверо, она бѣшено мчится въ узкомъ скалистомъ ущельѣ, образуя стремнины на уступахъ скалъ, и, наконецъ, съ оглушительнымъ шумомъ низвергается съ отвѣсной стѣны въ 112 футовъ высотою. Глубоко внизу, въ ущельѣ вода собирается снова, пробѣгаетъ еще тысячу шаговъ и достигаетъ второго обрыва, въ 300 футовъ высоты. Здѣсь рѣка какъ бы останавливается на мгновеніе, прежде чѣмъ сдѣлать гигантскій скачокъ, но затѣмъ устремляется впередъ и падаетъ блистающей серебряной полосой въ страшную глубину, гдѣ она разлетается въ бѣлоснѣжныя облака водяной пыли. Отвѣсныя скалы, болѣе чѣмъ въ 1.800 футовъ высотой, ограничиваютъ это ущелье; онѣ состоятъ изъ вулканическихъ породъ, находящихся въ различныхъ степеняхъ разрушенія, и образуютъ рѣд-

кія причудливыя формы. Вершины ихъ поросли соснами, тогда какъ самыя стѣны совершенно лишены растительности, и только осыпи у ихъ основанія покрыты рѣдкимъ кустарникомъ. Вблизи стѣнъ видны огромные столбы и камни, оторванные отъ стѣнъ; они часто принимаютъ фантастическія очертанія разрушенныхъ замковъ, готическихъ построекъ и т. п. или стоятъ отдѣльно въ видѣ огромныхъ башенъ и иглъ. И всѣ эти причудливыя образованія окрашены природой въ такіе яркіе и великолѣпные цвѣта, что, какъ пишетъ одинъ восторженный путешественникъ, кажется, будто радуга упала съ неба и вылила свои краски на эти скалы. Преобладаютъ цвѣта желтый, оранжевый и красный, къ которымъ присоединяются и другіе въ различныхъ оттѣнкахъ.

Между тѣмъ какъ главное русло рѣки Іеллостона прокладываетъ себѣ путь черезъ вулканическія породы, ея восточный рукавъ прорѣзываетъ позднѣйшія наносныя образованія и течетъ по веселой, покрытой лугами долинѣ; здѣсь, недалеко отъ его впаденія въ главный рукавъ, на лѣвомъ берегу, находятся знаменитые ископаемые лѣса. Горизонтально напластованные слои прерываются громаднымъ, почти въ 2.000 футовъ высотою, обрывомъ, поверхность котораго усѣяна остатками окаменѣвшихъ деревьевъ. Около 20 ярусовъ ископаемыхъ деревьевъ стоятъ отвѣсно одинъ надъ другимъ; структура дерева по большей части хорошо сохранилась, и нерѣдко внутри пустыхъ стволовъ находятся великолѣпные кристаллы аметиста или разноцвѣтнаго кварца; почва кругомъ усѣяна кусками опала и агата различныхъ цвѣтовъ; въ болѣе мягкихъ прослойкахъ шиферныхъ и песчаниковыхъ слоевъ, раздѣляющихъ окаменѣвшіе лѣса, попадаются во множествѣ хорошо сохранившіеся листья и вѣтви различныхъ древесныхъ породъ.

Обыкновенный путь въ Іеллостонскій паркъ лежитъ по Тихоокеанской желѣзной дорогѣ до небольшого городка Ливингстонъ, откуда проведена узкоколейная вѣтвь, длиною около 90 верстъ, къ самому входу въ паркъ. 21 сентября 1883 года мы выѣхали изъ Ливингстона и, переночевавъ на конечной станціи, на другой день двинулись дальше на лошадяхъ по чрезвычайно плохимъ, головоломнымъ дорогамъ, то поднимавшимся въ гору, то круто спускавшимся внизъ, при чемъ наши довольно ветхіе экипажи ежеминутно рисковали свалиться въ пропасть.

Легкія облачка, съ ранняго утра заволакивавшія небо, совершенно исчезли, и солнце свѣтило въ полномъ блескѣ, когда мы съ вершины послѣдняго холма увидѣли внизу широкую котловину «Мамонтовыхъ источниковъ». Влѣво, на глубинѣ почти 1.000 футовъ, извивается вдоль величественной стѣны горъ рѣка Гардинеръ. Безчисленныя ущелья врѣзываются въ сѣрыя породы, складки которыхъ лежатъ передъ нашими глазами, какъ листы развернутой книги. Направо возвышаются

покрытыя лѣсомъ горы, округлыя очертанія которыхъ замыкаютъ къ югу долину. На разстояніи 6 километровъ у самаго склона лѣсистыхъ горъ возвышается вдали бросающійся въ глаза бѣлый холмъ, рѣзко выдѣляющійся своимъ цвѣтомъ на мрачномъ фонѣ сосноваго лѣса. Въ 200 шагахъ отъ него, въ долинѣ, стоитъ гостиница, красивое четырехъэтажное деревянное зданіе въ швейцарскомъ стилѣ, съ верандой и почти съ 300 комнатъ, и, само собой разумѣется, съ телеграфомъ, электрическимъ освѣщеніемъ и всевозможною роскошью, свойственною американскимъ гостинницамъ. Вблизи гостиницы земля покрыта тончайшею известковою пылью бѣлоснѣжнаго цвѣта, а неподалеку подымается довольно обширная терраса, на которую ведетъ отъ 6 до 8 низкихъ ступеней. Посреди нижней террасы возвышается огромный, около 47 футовъ высоты и 20 футовъ въ окружности у основанія, конической, кверху нѣсколько суживающійся столбъ, напоминающій гигантскую сахарную голову; его строеніе, изъ нависающихъ одинъ надъ другимъ натековъ известковаго туфа, указываетъ на то, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ дѣйствовавшему здѣсь нѣкогда источнику, весьма богатому известью. Изъ этого конуса, носящаго названіе «Шапки свободы», давно не вытекаетъ ни одной капли воды, да и вообще на нижней террасѣ существуетъ лишь немного углубленій, въ которыхъ собирается вода, стекающая сюда изъ вышележащихъ источниковъ.

За нижней первой террасой поднимается на 300—400 футовъ вверхъ холмъ, на которомъ расположены горячіе источники. Какъ будто изсѣченные рукою геніальнаго мастера, слѣдуютъ здѣсь одинъ надъ другимъ ряды уступовъ, которые всѣ построены по одному плану и въ то же время разнообразны до безконечности. Каждый уступъ занятъ многочисленными мелководными бассейнами, которые то выдаются полукругомъ за край, то отступаютъ въ глубь, соприкасаясь между собой или оставляя небольшіе перешейки; наружныя ихъ стѣнки покрыты натеками известковаго туфа гроздевидной формы, средина выгнута наподобіе свода, а основаніе часто окружено цѣлымъ лѣсомъ изящныхъ сталактитовъ. Уже издали можно различить четыре главныя террасы; на ровныхъ площадкахъ двухъ среднихъ террасъ преимущественно бьютъ горячіе источники. Отсюда идутъ трещины въ тѣ подземныя области, гдѣ вода источниковъ нагрѣвается до высокой температуры, а также насыщается растворенною известью. Тамъ, гдѣ такой источникъ выходитъ на земную поверхность, образуется водоемъ по большей части круглой или овальной формы, поперечникъ котораго достигаетъ иногда отъ 30 до 40 футовъ. Дрожащія серебристо-бѣлыя облака пара поднимаются надъ лазурно-голубой или свѣтло-зеленой, какъ кристаллъ, прозрачной водой. Внутреннія стѣнки бассейновъ также покрыты причудливыми сталактитовыми образованіями, закругленными и окрашен-

ными, какъ въ подводныхъ коралловыхъ рифахъ; надъ трещиной, откуда вытекаетъ источникъ, вода находится въ постоянномъ движеніи. Излишекъ воды переливается черезъ низкій край бассейна и наполняетъ плоскія углубленія и полукруглые бассейны, расположенные на краю террасы и не имѣющіе собственныхъ источниковъ. Вода источниковъ, въ моментъ выхода на свѣтъ имѣющая температуру 70—74° Ц., быстро охлаждается и у подножія холма ее уже можно пить безъ вреда. Падая съ уступа на уступъ каскадами или маленькими серебристыми струйками, она разливается по плоской поверхности террасъ и образуетъ естественныя минеральныя ванны любой температуры. Кромѣ углекислой извести, изъ воды при охлажденіи выдѣляются еще и другія вещества, напримѣръ, соединенія желѣза, магнезія и т. п., которыя въ соединеніи съ разнообразно окрашенными водорослями вызываютъ множество золотисто-желтыхъ, алыхъ и коричнево-красныхъ оттѣнковъ.

Поднявшись мимо горячихъ источниковъ на верхнюю площадку туфовой горы, мы увидѣли ровную поверхность, усѣянную пустыми воронкообразными углубленіями и коническими туфовыми холмиками; со всѣхъ сторонъ на нее надвигается лѣсъ. Большинство ключей давно изсякли и только мѣстами попадаются углубленія, наполненныя горячею водой и окруженныя омертвѣвшими и уже успѣвшими окаменѣть у корня деревьями. Чрезвычайно крутая дорога ведетъ отсюда вдоль горнаго хребта; черезъ часъ пути мы достигли возвышеннаго плато самаго парка, лежащаго выше на 1.000 футовъ, и вступили въ широкую, плоскую, покрытую щебнемъ горную долину, по которой извивается рѣка Гардинеръ. Направо стоялъ березовый лѣсъ, уже одѣтый въ золотой уборъ осени; налѣво, у подножія горы, поднимались клубы чернаго дыма отъ горѣвшаго еловаго лѣса.

Около двухъ часовъ ѣхали мы по холмистой странѣ, мало привлекательной для взора; наконецъ, въ концѣ одного лѣсистаго ущелья показалось маленькое озеро, на которомъ бобры возвели свои постройки. За озеромъ возвышается скала, еще издали блестящая на солнцѣ. Дорога покрыта чернымъ стекловиднымъ камнемъ, а приблизившись къ скалѣ, можно увидѣть, что она состоитъ изъ ряда вертикальныхъ обсидіановыхъ столбовъ, по крайней мѣрѣ въ 100 футовъ высоты, довольно правильной пятигранной формы. Надъ этими блестящими стеклянными колоннами лежитъ горизонтальными слоями масса обсидіана такой же высоты и вся перепоясанная коричнево-красноватыми или желтыми полосками.

Когда мы проѣзжали мимо озера, съ него поднялась стая дикихъ утокъ; надъ ними высоко въ воздухѣ плавно описывалъ круги орелъ, высматривавшій добычу. Въ лѣсу по стволамъ упавшихъ деревьевъ шмыгали красивыя бѣлки съ желтыми продольными полосами; на землѣ

валялись иногда рога и черепа американскаго лося, бизона и каменнаго барана, а наши проводники разсказывали различныя охотничьи исторіи про антилопъ и сѣраго медвѣдя, которые и теперь еще попадаются въ отдаленныхъ ущельяхъ. Солнце стояло уже довольно низко надъ горизонтомъ, когда мы, покрытые пылью, достигли Гиббоновой рѣки и разбитыхъ на ея берегу палатокъ, гдѣ мы должны были переночевать. Мы выкупались въ прозрачной холодной водѣ рѣки и съ грѣхомъ пополамъ поужинали, замѣняя чаемъ строго запрещенные здѣсь спиртные напитки. Послѣ ужина мы еще немного посидѣли у разведеннаго большого костра и затѣмъ, разыскавъ свои палатки, улеглись на тонкихъ матрацахъ, разостланныхъ прямо на землѣ. На другое утро мы проснулись отъ сильнаго холода, противъ котораго оказывались безсильными наши шерстяныя одѣяла. Кругомъ на лугу густо лежалъ иней; тамъ, гдѣ теченіе было не такъ быстро, рѣка покрылась корой льда и наша вода для умыванья замерзла. Разница температуры сравнительно съ вчерашнимъ полднемъ достигла 25° по Ц. и при этомъ воздухъ былъ такъ сухъ, что у большинства изъ насъ потрескалась кожа на лицѣ и рукахъ. Вообще же климатъ Іеллостонскаго парка менѣе сухъ, чѣмъ въ остальной части Скалистыхъ горъ, и зимой, которая продолжается здѣсь отъ средины сентября до начала іюня, выпадаетъ много снѣгу.

На разстояніи 15 минутъ отъ нашего лагеря находилась котловина неправильной формы, склоны и почва которой покрыты бѣлыми кремневыми отложеніями; со всѣхъ сторонъ ее окружаетъ лѣсъ. Эта котловина носитъ названіе «бассейна Норриса». Какъ будто изъ сотенъ трубъ всюду поднимаются облака пара, а склоны и края прилегающей возвышенности усѣяны горячими источниками и гейзерами. Около самой дороги, изъ разсѣлины въ каменистой почвѣ съ шумомъ и свистомъ вырываются горячіе газы и отъ времени до времени вылетаетъ струя кипящей воды. Немного далѣе поднимается въ воздухъ громадное бѣлое облако пара, по крайней мѣрѣ въ 150 футовъ высотою; оно вылетаетъ изъ воронкообразнаго углубленія съ такимъ оглушительнымъ шумомъ, какъ будто въ глубинѣ скрыта паровая машина. Верхушки окружающихъ его деревьевъ засохли и вулканическая порода, въ которой находится углубленіе, превратилась отъ дѣйствія пара въ песокъ. Тамъ и сямъ изъ расщелинъ почвы поднимаются струи пара, насыщенныя сѣроводородомъ, и отлагаютъ вокругъ желтые кристаллы сѣры. Центръ вулканической дѣятельности лежитъ однако въ самой котловинѣ. Тамъ почти на каждомъ шагу изъ горячей почвы вырываются струи кипящей воды и пара. Только съ чрезвычайною осмотрительностью можно подвигаться впередъ по невѣрной, колеблющейся подъ ногами почвѣ, при чемъ тонкая кора иногда проламывается и нога погружается въ горячій илъ или воду; иногда изъ трещины неожиданно брызнетъ фонтанъ и обдастъ

смѣльчака горячею жидкостью. Въ болѣе значительныхъ кратеровидныхъ углубленіяхъ вода постоянно волнуется; нѣкоторыя изъ нихъ наполнены коричневымъ кипящимъ иломъ, который по временамъ подбрасывается въ воздухъ силою пара. Несмотря на опасность, съ трудомъ удерживаешься отъ искушенія проникнуть далѣе въ глубь котловины, гдѣ группа круглыхъ, наполненныхъ темно-голубой водой, впадинъ красиво выдѣляется на бѣлой поверхности. Нѣкоторыя изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ спокойно вытекающимъ источникамъ, но большинство представляютъ настоящіе гейзеры и обыкновенно бросаются сразу въ глаза своею всегда волнующеюся поверхностью. Хотя гейзеры Норрисова бассейна и не принадлежатъ къ самымъ значительнымъ въ Іеллостонскомъ паркѣ, зато они отличаются усиленною дѣятельностью. Наиболѣе прилежный между ними—такъ называемый «Минутный человѣчекъ», вода котораго каждыя 40—60 секундъ приходитъ въ бурное движеніе. Два или три раза она поднимается, потомъ снова спускается и наконецъ взлетаетъ голубоватый снопъ воды высотой отъ 25—30 футовъ. Явленіе продолжается лишь нѣсколько секундъ и вслѣдъ затѣмъ взволнованная поверхность воды въ бассейнѣ принимаетъ спокойный видъ, какъ будто ничего не случилось.

Когда мы на другой день рано утромъ проѣзжали мимо бассейна Норриса, лошади пугались поднимавшихся столбовъ пара, которые въ холодномъ воздухѣ представлялись въ увеличенномъ видѣ. Самая долина скрывалась въ туманѣ, виденъ былъ только «Минутный человѣчекъ», обнаруживавшій, какъ всегда, неутомимую дѣятельность. Дорога ведетъ по холмистой, заросшей лѣсомъ мѣстности къ лосиному парку, довольно обширной котловинѣ, покрытой лужайками вперемежку съ лѣсомъ. Здѣсь также въ разныхъ мѣстахъ выбиваются горячіе источники, а на южномъ концѣ отходитъ въ сторону тропинка къ такъ называемымъ «цвѣтнымъ горшкамъ». Клубящіяся облака пара еще издали указываютъ мѣсто, гдѣ среди зелени луговъ разбросано болѣе сотни горячихъ источниковъ и гейзеровъ, выбрасывающихъ илъ. Удивительное великолѣпіе красокъ развертывается предъ изумленнымъ взоромъ: прозрачная какъ кристаллъ вода горячихъ источниковъ сверкаетъ изумрудно-зеленымъ или лазурно-голубымъ цвѣтомъ, а наполненные нѣжнымъ кипящимъ иломъ бассейны отливаютъ всевозможными оттѣнками бѣлаго, желтаго, пурпуроваго, фіолетоваго, голубого и зеленаго цвѣтовъ, и эта разноцвѣтная масса съ шумомъ подбрасывается вверхъ вылетающими изъ нея бѣлыми облаками пара.

За лосинымъ паркомъ дорога снова выходитъ къ Гиббоновой рѣкѣ. Она заворачиваетъ между отвѣсными стѣнами вулканическихъ утесовъ въ узкую долину, гдѣ мы принуждены были переправляться въ бродъ не безъ опасности для себя черезъ каменистое ложе рѣки. На бере-

гахъ много горячихъ сѣрныхъ источниковъ, посылающихъ дымящіеся ручьи въ холодную рѣку. Если, поднявшись на заросшую лѣсомъ возвышенность, сократить образующійся здѣсь изгибъ рѣки, то можно выйти къ тому мѣсту, гдѣ рѣка образуетъ великолѣпный водопадъ въ дикомъ романтическомъ ущельѣ. Отсюда черезъ два часа мы достигли «нижняго бассейна», расположеннаго близъ сліянія обоихъ рукавовъ

Гейзеръ въ Іеллостонскомъ паркѣ.

рѣки Фирхоль. Съ мѣста нашей остановки намъ была видна только часть этой обширной, около 100 кв. километровъ, котловины, усѣянная горячими источниками и гейзерами. По краямъ долины возвышаются лѣсистые холмы, а центральная часть лишена растительности и занята или трясинами или бѣлыми кремневыми отложеніями. Поверхность долины представляется поэтому какъ бы покрытой снѣгомъ, а съ окрестныхъ высотъ туда сбѣгаютъ дымящіеся ручьи горячихъ источниковъ.

Голубые, рѣзко очерченные бассейны воды нарушаютъ однообразіе этой бѣлой, лишенной растительности равнины. Въ какую сторону ни обращается взглядъ, всюду онъ встрѣчаетъ признаки дѣятельности подземныхъ силъ. Однако это обиліе впечатлѣній ослабляетъ ихъ силу и пресыщенный ими зритель останавливается далѣе только при самыхъ выдающихся. Изъ многочисленныхъ и большею частью величественныхъ гейзеровъ нижняго бассейна мы посѣтили лишь немногіе; наиболѣе выдающійся между ними «Фонтанъ-гейзеръ» расположенъ возлѣ самой дороги и привлекаетъ всеобщее вниманіе темно-голубою окраской своей воды, живописными формами своего бассейна и далеко видными изверженіями. Около 6 разъ въ теченіе сутокъ голубая поверхность его приходитъ въ сильное волненіе; почти около 10 минутъ накопившіеся пары дѣлаютъ тщетныя попытки подбросить вверхъ водяную массу, которая съ каждымъ разомъ поднимается все выше, пока, наконецъ, рядъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ взрывовъ не преодолѣетъ сопротивленія и глубокое озеро на нѣсколько минутъ превратится въ величественный, окутанный облаками пара фонтанъ воды.

Въ двухстахъ шагахъ отсюда на покрытой лѣсомъ площадкѣ того же холма лежитъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ грязевыхъ гейзеровъ Іеллостонскаго парка, такъ называемый «Большой цвѣтной горшокъ».

Въ овальномъ углубленномъ бассейнѣ, отъ 40 до 60 футовъ въ поперечникѣ, кипитъ нѣжная масса тончайшей фарфоровой глины; одна ея половина бѣла какъ снѣгъ, другая, вслѣдствіе слабой примѣси желѣза и мѣди, окрашена въ нѣжный розовый цвѣтъ. Хотя поднимающіеся пары постоянно волнуютъ илъ и то тамъ, то сямъ поднимаютъ его верхъ, а большіе пузыри газа непрерывно лопаются съ особымъ, свойственнымъ имъ трескомъ, однако розовая и бѣлая масса не смѣшиваются между собою. Вокругъ поверхность площадки усѣяна невысокими конусами изъ болѣе или менѣе затвердѣвшаго ила, изъ воронкообразныхъ углубленій нѣкоторыхъ конусовъ отъ времени до времени вытекаетъ извергающаяся на поверхность нѣжная тягучая масса. Эти конусы представляютъ миніатюрную модель вулкановъ, лучше которой трудно придумать.

Дорога слѣдуетъ далѣе по южному теченію рѣки Фирхоль до одного мѣста, гдѣ наше вниманіе привлекло блестящее издали плато кремневыхъ отложеній около $1^1/_2$ км. длиной и круто обрывающееся во всѣ стороны. Большіе ручьи голубой воды стекали сверху, образуя на крутыхъ кремнистыхъ террасахъ дымящіеся водопады, и затѣмъ вливались въ рѣку. На вершинѣ плоскаго холма расположены четыре темно-голубыхъ озера; самое большое изъ нихъ имѣетъ въ поперечникѣ отъ 250 до 350 футовъ. Это озеро—одно изъ замѣчательнѣйшихъ чудесъ Іеллостонскаго парка. Въ холодную погоду его окутываетъ бѣлое облако

пара, но во время нашего посѣщенія, въ жаркій полдень солнечнаго осенняго дня, темно-голубое, по краямъ зеленоватое озеро раскидывалось передъ нами во всемъ его блескѣ. Всякая малѣйшая волна, произведенная легкимъ вѣтеркомъ или поднимающимися газами, отливала всѣми цвѣтами радуги, отложенія же по берегамъ были ярко-краснаго, желтаго и коричневаго цвѣта.

Но самое замѣчательное чудо Іеллостонскаго парка находится въ нѣсколькихъ шагахъ книзу отъ описаннаго озера. Мы внезапно очутились на краю обрыва; внизу на глубинѣ 20 футовъ лежало второе большое озеро неправильной формы. Скалистые, разорванные берега круто обрывались къ поверхности озера или же нависали надъ ней, образуя чрезвычайно дикое ущелье. Въ его глубинѣ волновалась вода прекраснаго темно-голубого цвѣта, поверхность которой занимала около половины акра. Несмотря на опасность сорваться внизъ, мы не могли удержаться, чтобы не подойти какъ можно ближе и взглянуть на это единственное, ни съ чѣмъ несравнимое чудо природы. Облака пара постоянно поднимались надъ поверхностью воды. Внезапно изъ глубины, ближе къ центру озера, поднимается большой, какъ бы свѣтящійся конусъ пара и съ глухимъ шумомъ разрѣшается въ облако, между тѣмъ какъ вода поднимается на высоту фута. Затѣмъ нѣсколько секундъ продолжается пауза и вода лежитъ спокойно и гладко, пока изъ глубины снова не поднимется еще большее облако пара. Это явленіе повторяется все съ меньшими промежутками, пока все озеро не начинаетъ сильно волноваться. Оно достигаетъ почти краевъ ущелья, мощныя волны съ опѣненными верхушками съ шумомъ плещутся о берега и безсильно падаютъ назадъ въ ущелье. Но на ихъ мѣстѣ появляются другія, еще болѣе громадныя, волненіе усиливается, облака пара дѣлаются плотнѣе, шумъ и гулъ въ глубинѣ внушительнѣе и въ одинъ моментъ все озеро подбрасывается вверхъ въ видѣ громаднаго столба воды, достигающаго 25 футовъ толщины и до 300 высоты; облака же пара поднимаются на 1.000 и болѣе футовъ. Свистъ, ревъ и громъ наполняютъ воздухъ, такъ что нельзя разслышать собственныхъ словъ; земля дрожитъ подъ ногами, изъ глубины раздаются страшные взрывы, напоминающіе выстрѣлы самыхъ большихъ орудій, камни летятъ вверхъ, столбы воды, одинъ другого выше, взлетаютъ въ переполненную парами атмосферу. Постепенно колонна воды дѣлается ниже, шумъ ослабѣваетъ, раскаты грома становятся глуше и вся масса воды исчезаетъ въ ущельѣ такъ же внезапно, какъ она появилась, и ущелье теперь сухо. Только облака пара въ высотѣ и затихающій въ глубинѣ громъ свидѣтельствуютъ о только что бывшемъ здѣсь величественномъ явленіи, да еще уровень протекающей невдалекѣ рѣки повышается на 6—8 дюймовъ, и она мчится дымящимся потокомъ до 300 футовъ ши-

риною,—такъ велика масса воды, извергаемая этимъ величайшимъ на землѣ гейзеромъ—«Эксцельзіоръ».

Около 5 часовъ пополудни мы достигли «верхняго бассейна» гейзеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ конечной цѣли нашей поѣздки. На протяженіи $3^1/_2$ кв. километровъ берега рѣки Фирхоль усѣяны гейзерами и горячими ключами, отъ которыхъ поднимаются вверхъ облака бѣлаго пара. Блестящій бѣлый цвѣтъ кремнистой почвы рѣзко выдѣляется на темной зелени еловаго бора и голубой чертѣ горъ, замыкающихъ задній планъ.

При въѣздѣ въ верхній бассейнъ прежде всего бросается въ глаза странный, образовавшійся изъ кремневыхъ отложеній холмъ, возвышающійся среди площади, усѣянной горячими ключами. Это—Гротъ-гейзеръ. Тупой, закругленный холмъ, высотою около 15 футовъ, состоитъ изъ многочисленныхъ нишъ, которыя соединяются съ трещинами. Внутри слышится постоянный шумъ, и черезъ неправильные промежутки, продолжающіеся по нѣсколько часовъ, изъ всѣхъ нишъ вылетаютъ тонкія струи воды, которыя окутываютъ весь конусъ блестящимъ облакомъ паровъ и тончайшихъ водяныхъ струекъ.

Всѣ новые горячіе источники и гейзеры показываются на обоихъ берегахъ рѣки. Вотъ возвышается крутой, проломленный съ одной стороны конусъ гейзера «Гиганта»; его воронкообразный бассейнъ наполненъ то поднимающейся, то опускающейся водой. Каждые 4 дня онъ съ шумомъ и грохотомъ выбрасываетъ громадный столбъ воды на высоту отъ 150 до 200 футовъ. Во время его извержения расположенные поблизости гейзеры и источники прекращаютъ свою дѣятельность.

Замѣчателенъ также гейзеръ «Замокъ», конусъ котораго по формѣ дѣйствительно напоминаетъ развалины стариннаго замка. Его извержения продолжаются почти часъ и по большей части происходятъ два раза въ теченіе дня.

Короткая дорога по болотистой впадинѣ приводитъ отсюда въ центръ верхняго бассейна. Южная часть этой впадины замыкается покатымъ холмомъ, на склонѣ котораго виднѣется обширный, но невысокій конусъ гейзера «Вѣрный стражъ» или «Старый другъ». Его слоистые бока, сложенные изъ кремневыхъ скорлупокъ, поднимаются въ видѣ лѣстницы, на широкихъ уступахъ которой въ плоскихъ углубленіяхъ собирается вода различной температуры.

Кремневые сталактиты, изъ которыхъ состоитъ конусъ, бѣлаго или сѣраго цвѣта, съ шероховатою поверхностью, покрытою многочисленными трещинами или гроздевидными натеками. Мѣсто извержения обозначено большимъ скопленіемъ такихъ сталактитовъ, окружающихъ трещину въ 4 фута длины и 2 ширины. Къ ней можно подойти вплотную и заглянуть въ зіяющее отверстіе, такъ какъ «Старый другъ» въ

періодъ отдыха совершенно безопасенъ. Извержения его отличаются чрезвычайною пунктуальностью и бываютъ всякія 60—64 минуты. Сначала трещина наполняется притекающей снизу горячей водой; облака пара, смѣшиваясь съ отдѣльными струями воды, поднимаются кверху; слышится глухой подземный грохотъ, за которымъ слѣдуетъ болѣе сильный ударъ, поднимающій куполообразную гору воды на высоту отъ 10 до 15 футовъ. Послѣ двухъ или трехъ такихъ ударовъ взлетаетъ громадная, закутанная въ облака пара струя воды, достигающая высоты отъ 120—140 футовъ; новые, быстро и непрерывно другъ за другомъ слѣдующіе удары поддерживаютъ этотъ слегка голубоватый въ срединѣ столбъ воды на одной высотѣ; она разлетается во всѣ стороны, образуя подъ лучами солнца великолѣпныя радуги. Почти 5 минутъ длится это волшебное явленіе, затѣмъ сверкающій столбъ начинаетъ опадать; еще нѣсколько взрывовъ—и извержение кончилось. Облака пара разливаются, вода съ шумомъ сбѣгаетъ по террасамъ, наполняя углубленіе, и когда зритель, пораженный величественнымъ явленіемъ, подходитъ къ трещинѣ кратера, чтобы заглянуть въ нее, онъ находитъ ее пустой и безмолвной.

Кто имѣетъ возможность пробыть въ верхнемъ бассейнѣ цѣлый день, можетъ въ періодъ отдыха «Вѣрнаго друга» осмотрѣть другіе гейзеры. Прогулка по этой покрытой гейзерами долинѣ открываетъ передъ путешественникомъ цѣлую коллекцію интереснѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ сталактитовыхъ образованій, живописность и разнообразіе которыхъ превосходятъ самыя смѣлыя ожиданія. Въ одномъ мѣстѣ тонкая струя воды взлетаетъ изъ кратера похожаго на башню, въ другомъ виднѣется настоящій пчелиный улей, только болѣе значительныхъ размѣровъ; тамъ среди бѣлой равнины возвышается, какъ гигантское блюдо, невысокій конусъ гейзера, носящаго названіе «пуншевой чаши» и наполненнаго зеленой волнующейся водой, или же нѣсколько тупыхъ конусовъ соединяются въ одну группу и надъ ними въ воздухѣ колышется облако пара.

Не менѣе 440 горячихъ источниковъ и между ними 47 гейзеровъ находится въ верхнемъ бассейнѣ. Отложенія гейзерита здѣсь болѣе мощны, а дѣятельность гейзеровъ величественнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ парка. Но даже и верхнимъ бассейномъ еще не исчерпывается богатство чудесъ, разсыпанныхъ въ Іеллостонскомъ паркѣ природой. Въ лежащихъ далѣе областяхъ озеръ Шошонъ и Гарта находятся многочисленные горячіе ключи, сольфатары и такъ называемые грязевые гейзеры, т.-е. извергающіе горячій илъ. Въ общемъ въ настоящее время въ Іеллостонскомъ паркѣ извѣстно всего около 10.000 горячихъ источниковъ и нѣсколько сотъ гейзеровъ.

По Висконсину и Дакотѣ.

(Кржижицкаго.)

Около часу пополудни. Мы пересѣкаемъ область озеръ. Съ востока къ великимъ озерамъ Сѣверной Америки прилегаетъ цѣлая область, усѣянная многочисленными озерами различной, иногда очень значительной, величины. Изъ окна вагона я обозрѣваю лишь тѣсный горизонтъ, не могу поэтому сказать, образуютъ ли эти озера одну цѣпь, или же безпорядочно разбросаны въ пространствѣ, словно ожерелье, которое разорвалось, при чемъ отдѣльныя бусы разсыпались во всѣ стороны. Озера различной величины, но всѣ неизмѣнно круглой формы, иногда даже очень правильной. Ландшафтъ чрезвычайно разнообразенъ, но только съ виду, ибо на каждомъ шагу повторяется въ одномъ и томъ же родѣ. Множество рощъ, осѣняющихъ тѣнью своею покатости горъ; обиліе луговъ, то здѣсь, то тамъ покрытыхъ желтыми цвѣтами. На различныхъ разстояніяхъ отъ желѣзной дороги расположились фермы, по преимуществу мелкія, но онѣ попадаются гораздо рѣже, нежели на востокѣ. Рядомъ расположены строенія неизмѣнно грязно-кирпичнаго цвѣта. Надъ постройками мелькаетъ довольно большое крыло, въ формѣ колеса, и медленно поворачивается. Какъ нашъ колодезный журавль господствуетъ на дворѣ хутора, такъ и этотъ воздушный вѣтеръ возвышается здѣсь надъ крышами. Назначеніе обоихъ одинаково, но выполняютъ они это назначеніе различнымъ образомъ. Смѣтливый американецъ заставилъ движеніе воздуха накачивать воду, которая льется изъ канала въ огромную кадку внизу. Этотъ вѣтеръ работаетъ безостановочно, а кадка поставлена на такой высотѣ, что, пользуясь давленіемъ воды въ ней и приспособивъ соотвѣтствующій механизмъ, можно, словно дождемъ, орошать довольно значительное пространство.

Три часа пополудни. Холмы остались далеко позади насъ. Поверхность почвы сдѣлалась совершенно гладкой, словно поверхность стола. Вмѣстѣ съ возвышенностями исчезли и лѣса, которые такъ живописно спускались къ водамъ и смотрѣлись въ ихъ зеркало. Даже деревья стали теперь рѣдкостью. Мы въѣхали въ предѣлы прерій,—будемъ выражаться точнѣе и скажемъ: прежнихъ прерій, такъ какъ человѣкъ повсюду уничтожилъ дѣвственность захолустья, вспахалъ почву, превратилъ ее въ безбрежную хлѣбную ниву.

Отъ поры до времени среди поля выступаетъ небольшая рощица, посаженная заботливой рукой человѣка. Облѣсеніе голой нѣкогда степи составляетъ предметъ особенной заботы на сѣверо-западѣ Америки. Висконсинъ, Миннесота усердно заняты этимъ и возвысили это даже до степени общественной повинности. Въ опредѣленный день, обыкновенно въ концѣ апрѣля, населеніе празднуетъ торжество посадки де-

ревьевъ. Никто не отказывается отъ этой обязанности. Вдоль и поперекъ всей степи тянутся процессіи, обыватели несутъ молодыя деревца при звукахъ національнаго гимна и сажаютъ ихъ въ пустыряхъ.

Я везу съ собою брошюры, посвященныя этому торжеству, извѣстному подъ названіемъ Arbor-day (день деревьевъ). Это отчеты школьныхъ инспекторовъ о празднованіи дѣтьми праздника деревьевъ. Американцы на самомъ дѣлѣ умѣютъ сочетать прекрасное съ полезнымъ, забаву съ наукой! Еще за цѣлый мѣсяцъ до наступленія праздника въ

На американской фермѣ.

стѣнахъ школъ поднимаются страстные споры. Мальчики и дѣвушки, организующіеся при этомъ по образцу законодательнаго собранія своей великой родины, серьезно разсуждаютъ о томъ, какія деревца въ текущемъ году должна посадить школа на своемъ дворѣ. Образуются различныя партіи—партіи бука, пихты, вяза. Во время обсужденія каждая партія исчерпываетъ всевозможные доводы въ пользу того, какое дерево красивѣе, полезнѣе или практичнѣе. Борющіяся стороны прибѣгаютъ къ содѣйствію книжекъ, а учитель умѣло подсовываетъ матеріалъ въ соотвѣтствующихъ руководствахъ. Партіи идутъ на взаимныя уступки; выбираютъ своихъ представителей. Дѣти роются въ сочиненіяхъ писа-

телей, описывающихъ прелести лѣсовъ и рощъ. Наконецъ, приближается торжество. Школа подаетъ голоса за различныя деревца, а администрація штата доставляетъ тѣ изъ нихъ, въ пользу которыхъ оказалось большинство голосовъ. А когда наступаетъ, наконецъ, Arbor-day, радостямъ нѣтъ конца. Музыка, пѣсни, рѣчи, декламированіе—нѣтъ ни въ чемъ недостатка въ этотъ торжественный день.

Поѣздъ, не замедляя ни на минуту своего хода, останавливается, наконецъ, передъ станціей. Надпись гласитъ: Барнесвилль. Поселеніе это невелико, въ немъ нѣсколько сотъ жителей. Оно расположилось въ открытомъ полѣ, или, выражаясь точнѣе, среди преріи, лишенной деревьевъ и кустовъ и поросшей лишь степнымъ бурьяномъ. Главная, едва ли не единственная улица тянется параллельно желѣзной дорогѣ и не имѣетъ мостовой, а снабжена лишь однимъ тротуаромъ изъ досокъ. Дома представляютъ простыя деревянныя хижины и балаганы.

Не смѣйтесь надъ американскими захолустьями. Каждое мелкое, брошенное въ голой степи поселеніе мечтаетъ о великомъ будущемъ. Пусть только найдется въ немъ нѣсколько предпріимчивыхъ головъ, и кто знаетъ, какъ далеко пойдетъ нынѣшнее захолустье! Постарайтесь вникнуть поглубже въ то, что говорятъ вамъ эти домики. Правда, это хижины, но на одной изъ этихъ хижинъ виднѣется надпись: State bank (государственный банкъ). Возлѣ желѣзной дороги возвышаются два элеватора грязно-кирпичнаго цвѣта и странной формы; одинъ изъ нихъ принадлежитъ мѣстному союзу фермеровъ, о чемъ мы узнаемъ по надписи. Изъ-за густой сорной травы выглядываетъ рядъ жней, вяжущихъ снопы, и манитъ къ себѣ наши взоры яркой желтизной своей окраски, а тамъ вдали краснѣетъ одна, другая, много паровыхъ молотилокъ. Въ захолустьѣ кипитъ промышленная дѣятельность, и его торговые обороты, пожалуй, превышаютъ торговые обороты многихъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ.

Поселеніе давно уже исчезло изъ виду, а вслѣдъ за нимъ исчезли и фермы, которыя довольно тѣсною толпой окружаютъ станцію. Мѣстность потонула въ отдаленіи, и мы опять въ степи. Луга безъ конца! Трава по поясъ; теперь, когда она пожелтѣла отъ засухи, ее можно принять за хлѣбную ниву. Мѣстами пасется скотъ.

Поросшая дикой травой, естественная степь съ каждымъ шагомъ замѣтно убываетъ, зато все чаще и чаще появляются хлѣбныя поля, по преимуществу пшеничныя. Вотъ, наконецъ, преріи окончательно смѣнились безбрежнымъ пахотнымъ полемъ, гладкимъ, какъ столъ, безъ деревьевъ и холмовъ. Куда ни взглянуть, вездѣ на гладкой поверхности лежатъ поваленные снопы пшеницы. Странное впечатлѣніе производитъ эта картина на глазъ, привыкшій видѣть пшеницу мелкихъ полей, испещренныхъ разнообразными цвѣтами, изъ которыхъ одно засѣяно

краснѣющимъ клеверомъ, другое бѣлѣетъ цвѣтомъ гречихи, третье—желтое и которыя отдѣлены другъ отъ друга оградами и заборами. Гляжу въ бинокль въ надеждѣ увидѣть гдѣ-нибудь на горизонтѣ конецъ этого огромнаго поля. Напрасный трудъ! Оно тянется безъ конца, безъ перерыва. Въ полномъ смыслѣ слова—пшеничная степь, безъ деревьевъ, безъ межей, безъ другихъ хлѣбовъ, — одно сплошное жниво съ расположенными на разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга стогами сноповъ пшеницы. Порой цѣлыхъ четверть часа ѣдемъ по такому полю, которое

Обработка земли въ преріи.

лишь на минуту смѣняется чистымъ жнивомъ, а тамъ опять на десять и болѣе минутъ разстилается пространство, покрытое снопами. Единственное разнообразіе вносятъ фермы, ярко выступающія на желтомъ фонѣ своими строеніями грязно-кирпичнаго цвѣта. Иногда посаженныя человѣческою рукою рощицы заслоняютъ своею тѣнью жилища, но онѣ попадаются все рѣже и рѣже. Человѣкъ не успѣлъ еще здѣсь украсить степь искусственною зеленью. Лишенное деревьевъ, даже садика, человѣческое поселеніе располагается обыкновенно на пшеничной нивѣ и никакой заборъ не устанавливаетъ границъ между пространствомъ, за

нятымъ хуторомъ, и моремъ хлѣба. Степной бурьянъ всецѣло овладѣлъ дворомъ. Всевозможныя сорныя травы, изгнанныя плугомъ, назначили себѣ сходку подъ защитой строеній.

Самое устройство поселенія носитъ на себѣ своеобразный, чисто-американскій отпечатокъ. Въ немъ я не могу найти и слѣдовъ той привязанности къ землѣ, какою отличается европейскій крестьянинъ. Здѣсь каждая ферма производитъ впечатлѣніе подвижного шалаша кочевника, который во всякую данную минуту можетъ поставить свое жилище на колеса—а такіе случаи здѣсь бываютъ—и поѣхать дальше хищнически высасывать соки изъ другой почвы, бросивъ окончательно истощенный и оскудѣвшій участокъ земли. Человѣческія жилища передвигаются на колесахъ, вслѣдъ за ними идутъ хозяева, таща за собою огромныя жнея-вязалки, привязанныя къ паровому локомобилю, замѣняющему лошадь.

Мы пересѣкаемъ сравнительно населенную мѣстность. Глазъ не можетъ оторваться отъ красивенькихъ небольшихъ фермъ, бѣлѣющихъ въ толпѣ кирпичныхъ построекъ. Иногда попадается болѣе многочисленное скопленіе построекъ грязноватаго цвѣта. Это—хуторъ. Еще рѣже попадаются городки. Это станціи, мимо которыхъ презрительно проѣзжаетъ нашъ поѣздъ, не останавливаясь ни на минуту. Дома деревянные: вмѣсто улицъ, одинъ только дощатый тротуаръ, потонувшій въ сорной травѣ, ни слѣда забора, повсюду кругомъ пшеничная степь. Возлѣ желѣзной дороги рядъ одинаковаго устройства и неизмѣнно краснаго цвѣта элеваторовъ; среди бурьяна и всевозможной зелени краснѣютъ паровыя молотилки, желтѣютъ жнея-вязалки, виднѣются также и нѣкоторыя другія земледѣльческія орудія.

Мы оставили за собой поля «сѣверной звѣзды» и «всемірной житницы»; подъ этими названіями слываетъ Миннесота. Но это неосновательно, ибо она утратила уже первенство въ этомъ отношеніи и уступила его сосѣдней Дакотѣ. Мы проѣзжаемъ какъ разъ на рубежѣ этихъ двухъ штатовъ. Плодородіе почвы кажется просто баснословнымъ; по мнѣнію мѣстныхъ землевладѣльцевъ и агрономовъ, почва вполнѣ способна давать одинаковые сборы пшеничнаго зерна въ теченіе сотни лѣтъ, не нуждаясь нисколько въ удобреніи. Вотъ почему потокъ переселенцевъ разливается по прежней преріи, подобно горному ручью, выступившему изъ береговъ и прорвавшему насыпи въ долинѣ. Степи, которыя лѣтъ десять-двадцать тому назадъ оставались совершенно пустынными и служили лишь убѣжищемъ для бизоновъ, въ настоящее время представляютъ безконечную волнующуюся золотистую поверхность. Отъ бизоновъ остались лишь побѣлѣвшія кости; такой истлѣвшій остатокъ я нашелъ на землѣ, когда поѣздъ остановился въ открытомъ полѣ и мы съ ружьями предприняли небольшую охоту на степныхъ птицъ.

Семь часовъ вечера. Въ теченіе цѣлыхъ пяти часовъ неизмѣнно разстилается передъ нами одинъ и тотъ же видъ—пшеничное жниво безъ конца, съ правильно разбросанными стогами пшеницы. Эта правильность создается жнеей, выбрасывающей изъ себя снопы на одинаковыхъ разстояніяхъ. А среди этого безграничнаго поля я еще до сихъ поръ не замѣтилъ человѣка!

Что долженъ чувствовать человѣкъ, заброшенный въ пшеничную степь? Я имѣю въ виду не крупныхъ капиталистовъ, а обыкновеннаго фермера, соотвѣтствующаго по своему положенію нашему крестьянину. Что онъ не обладаетъ душой европейца и при продажѣ своего участка не станетъ горевать о томъ, что ему приходится покинуть деревенское кладбище, на которомъ покоятся его прадѣды, и навсегда проститься съ журчаніемъ деревенскаго ручейка, это очевидно. Мнѣ не приходилось еще разговаривать съ земледѣльцами, которымъ принадлежатъ эти безконечныя нивы, я даже не замѣтилъ ни одного изъ нихъ въ полѣ, но устройство фермы и вся ея обстановка бросаютъ свѣтъ на складъ ихъ жизни. Каждый домикъ имѣетъ видъ какъ бы временнаго пристанища. Можетъ быть, это обусловливается отсутствіемъ деревьевъ и заборовъ или тѣмъ обстоятельствомъ, что каждая ферма стоитъ особнякомъ. Впрочемъ, и рекламные листки говорятъ о томъ, что въ степи расположился рой человѣческой саранчи, подвигающійся по направленію къ мѣстностямъ, гдѣ особенно можно поживиться. Одинъ безъ всякаго сожалѣнія покинулъ свою ферму въ Висконсинѣ, узнавъ о плодородіи земель по рѣкѣ Красной; другой разстался съ роднымъ участкомъ земли въ Индіанѣ. Однимъ словомъ, всегда и вездѣ кто-нибудь что-то бросилъ, прельщенный слухами о томъ, какія дѣла ждутъ его здѣсь. И пусть только разнесется вѣсть о чемъ-нибудь, еще болѣе выгодномъ, эти люди навѣрно покинутъ свое теперешнее мѣстопребываніе и, подобно кочевникамъ, потянутся далѣе, чтобы въ другомъ мѣстѣ раскинуть свои шатры. Жажда наживы въѣлась въ существо здѣшняго земледѣльца.

На одной изъ станцій я увидѣлъ цѣлую толпу этихъ земледѣльцевъ. У всѣхъ смѣлый и увѣренный взглядъ, загорѣлыя лица съ осмысленнымъ выраженіемъ,—однимъ словомъ, это люди, которые, если выразиться по-американски, самостоятельно устраиваютъ свою судьбу и готовы искать счастья повсюду, хотя бы за тридевять земель. Земледѣлецъ становится здѣсь въ болѣе близкія отношенія къ городу и пропитывается болѣе городскими понятіями. Пашетъ онъ плугомъ, на которомъ сидитъ; собираетъ урожай при помощи самовяжущей жнеи; паровая молотилка, снимаемая за извѣстную плату поденно, выколачиваетъ его сборы. Ужъ это одно вноситъ въ крестьянское населеніе своеобразные духовные элементы. Вмѣсто того, чтобы хранить зерно у себя на

фермѣ, онъ ссыпаетъ его въ элеваторы, одѣвается въ платье, сшитое въ городѣ, даже въ печкѣ у себя сжигаетъ уголь, а на кухнѣ нефть, привезенную изъ города. На каждомъ шагу онъ зависитъ отъ города. Онъ пересталъ быть созданіемъ, работающимъ на чуждый для него городъ.

И разбросанность поселеній, лежащихъ одно вдали отъ другого, толкаетъ его по направленію къ городу. У насъ, гдѣ есть деревни, т.-е. группы расположенныхъ другъ возлѣ друга крестьянскихъ жилищъ, и не подозрѣваютъ, до какой степени благопріятствуетъ такое скопленіе хатъ на небольшомъ пространствѣ образованію самобытнаго деревенскаго духа. Иное дѣло тамъ, гдѣ ферма находится на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ другой фермы, какъ это мы видимъ на этой безконечной преріи. Весною, когда нивы зазеленѣютъ на безпредѣльномъ пространствѣ, и лѣтомъ, когда пшеничная степь покроется золотистымъ блескомъ,—въ такое время года человѣку бываетъ весело среди природы. Но зато какое запустѣніе воцаряется надъ преріей, когда зима одѣнетъ равнину снѣжнымъ саваномъ и метели начнутъ свободно разгуливать по этимъ безконечнымъ пустынямъ. У женщины не находится подъ рукою кумушки, да и хозяину трудно найти собесѣдника. Ближайшій городокъ служитъ единственнымъ убѣжищемъ. Тамъ происходятъ засѣданія различныхъ союзовъ, къ которымъ въ большомъ числѣ принадлежатъ земледѣльцы; дѣти посѣщаютъ школу; клубы предоставляютъ молодежи свои залы для танцевъ. Семейства фермеровъ переселяются въ это время года въ города. Городъ царитъ надъ деревней, хотя земля все еще продолжаетъ дѣлиться на мелкіе клочки, составляющіе частную собственность.

Изъ жизни сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

(М. Б.)

Высоко, въ дикихъ Бигхорнскихъ горахъ, я построилъ бревенчатую хижину, въ которой жилъ вдали отъ свѣта со своими тремя слугами.

На разстояніи приблизительно пятнадцати англійскихъ миль отъ меня жили индѣйцы-аррапагои. Они охотились за бизонами *), многочисленныя стада которыхъ бродили въ горахъ, и поддерживали свое существованіе торговлей буйволовыми шкурами, искусно обрабатываемыми женщинами этого племени.

Могущество этихъ индѣйцевъ въ настоящее время пало; время рѣшитъ, когда исчезнетъ съ лица земли это нѣкогда столь многочисленное и кровожадное племя, состоящее теперь всего изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

*) Разсказъ относится къ началу восьмидесятыхъ годовъ, когда бизоны еще не были истреблены.

Индѣйскій вождь.

Владѣя большими стадами лошадей, которыя свободно паслись въ горахъ, я сохранилъ съ этимъ племенемъ самыя дружескія отношенія. Почти каждую недѣлю меня навѣщало нѣсколько человѣкъ индѣйцевъ, и я принималъ и угощалъ ихъ, какъ только могъ. Качество кушаньевъ не играло никакой роли въ этомъ угощеніи; въ расчетъ принималось только количество ихъ, и въ этомъ отношеніи мои гости могли быть вполнѣ довольны мною: невѣроятное количество дичи, сала, хлѣба, бобовъ, риса и пр. всегда въ такихъ случаяхъ отправлялось въ ихъ желудки. Сколько бы имъ ни подавалось, они кончали свою трапезу только тогда, когда котлы, въ которыхъ готовилось кушанье, были вытерты хлѣбомъ и хлѣбъ этотъ уничтоженъ ими.

Обыкновенно индѣйцы пріѣзжали ко мнѣ около полудня, проводили у меня ночь и на слѣдующее утро снова уѣзжали. Съ помощью своихъ слугъ я развлекалъ ихъ различнымъ образомъ. Между прочимъ я пополнялъ составленный мною небольшой лексиконъ индѣйскихъ словъ. Я указывалъ на предметъ, мнѣ называли его, и я записывалъ названіе. Мои гости приходили въ восторгъ, когда я затѣмъ произносилъ на ихъ языкѣ различныя слова.

Большею частью посѣщавшіе меня индѣйцы были люди добродушные; они на шутку смотрѣли, какъ на шутку, и, понявъ въ чемъ дѣло, хохотали отъ души.

Однако я всегда долженъ былъ быть настороженъ и усердно наблюдать за этими людьми, потому что ихъ жизненное правило—«забирай», и если имъ представляется какая-нибудь возможность, они присваиваютъ себѣ все, что имъ нравится. Только, когда ихъ начальникъ, по прозванію «Маленькій медвѣдь», находился между ними, они старались казаться цивилизованнѣе. «Маленькій медвѣдь» былъ строгъ и любилъ, чтобы его считали выше другихъ. Онъ даже мылъ руки, а это во всякомъ случаѣ очень много со стороны индѣйца, тѣло котораго только тогда приходитъ въ соприкосновеніе съ водой, когда онъ принужденъ перейти рѣку или когда дождикъ смочитъ его до костей.

«Маленькій медвѣдь» не разъ приглашалъ меня посѣтить его въ его лагерѣ, и въ одинъ прекрасный день я отправился съ однимъ изъ моихъ слугъ, Андерсономъ Пикетомъ, верхомъ въ станъ индѣйцевъ. За нами слѣдовали двѣ лошади, нагруженныя съѣстными припасами, которые я намѣревался обмѣнять у индѣйцевъ. Главное условіе для того, чтобы встрѣтить дружескій пріемъ у краснокожихъ, было—не приходить къ нимъ съ пустыми руками.

Погода стояла превосходная, хотя и холодная. Землю покрывалъ тонкій слой замерзшаго снѣга, нисколько не мѣшавшій нашимъ животнымъ бодро подвигаться впередъ. Моя бревенчатая хижина находилась въ обширной котловинѣ, черезъ которую, пѣнясь и шумя, стремилась

рѣка по каменному руслу на востокъ и исчезала среди высокихъ, крутыхъ скалъ.

Нашъ путь лежалъ на югъ черезъ узкое ущелье. Подъѣзжая къ нему, мы наткнулись на огромнаго мертваго бизона. Начальникъ арапагоевъ говорилъ мнѣ, что года четыре тому назадъ онъ убилъ этого бизона, но такъ какъ шкура его не годилась, а мясо было старо и жестко, то его и оставили нетронутымъ.

Воздухъ въ верхнихъ областяхъ Биггорнскихъ горъ имѣетъ то свойство, что въ немъ трупы не подвергаются разложенію; мясо засыхаетъ и распадается мало-по-малу, если волки, которые во множествѣ водятся въ горахъ, не заботятся объ его уничтоженіи. Но, повидимому, бизонъ и имъ показался несъѣдобнымъ, потому что только отъ задней ноги не хватало куска.

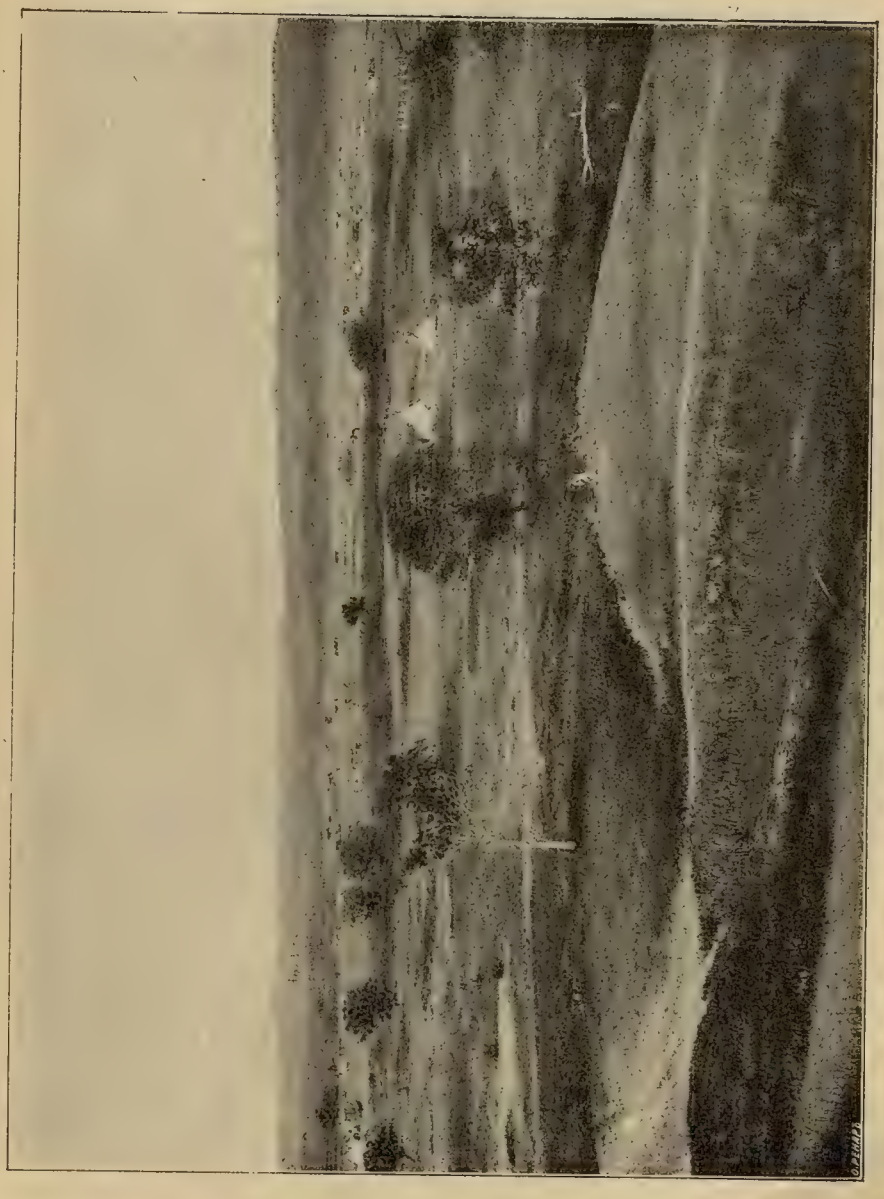
При видѣ звѣря съ устремленнымъ на насъ стекляннымъ взглядомъ глубоко впавшихъ глазъ наши кони пугливо шарахнулись въ сторону; только шпоры и кнутъ заставили ихъ двинуться съ мѣста, и съ быстротой молніи они промчались мимо животнаго.

Послѣ часовой ѣзды по оврагамъ, между высокими утесами и подъ крутыми обрывами, мы достигли холмистой равнины, простирающейся на нѣсколько миль кругомъ. Ее пересѣкали въ различныхъ направленіяхъ глубокіе рвы, которые весеннія воды, стекающія съ сосѣднихъ высотъ, мало-по-малу вырыли въ каменистой почвѣ. Съ востока ее окаймляла цѣпь красныхъ скалъ, съ запада—высокій горный хребетъ, простирающійся далеко на югъ.

Кругомъ царила мертвая тишина. Ни одного живого существа не было видно. Это была голая и пустынная мѣстность. Только мѣстами одиноко возвышался уродливый стволъ смолистой ели да неприхотливый шалфей цѣплялся своими корнями за камни. Рѣзкій восточный вѣтеръ, отъ котораго насъ до сихъ поръ защищали горы, значительно увеличивалъ холодъ.

Мой спутникъ былъ родомъ изъ южнаго Техаса и въ первый разъ переживалъ сѣверную зиму, которая къ тому же въ тотъ годъ была особенно сурова. Продолжительный и сильный морозъ причинялъ ему большія страданія. Но, несмотря на это, онъ всегда былъ веселъ и бодръ, пѣлъ и свисталъ цѣлый день. «Это поддерживаетъ теплоту», говорилъ онъ. Онъ и теперь затянулъ своимъ, не особенно мелодическимъ, свойственнымъ неграмъ носовымъ голосомъ веселую пѣсню, которую эхо горъ многократно повторяло.

Дорожный костюмъ моего негра былъ очень оригиналенъ. Ноги онъ закуталъ въ старыя покрывала. Четыре шерстяныя рубашки и толстый, подбитый мѣхомъ, кожаный тулупъ покрывали верхнюю часть его тѣла, а на руки были надѣты старые, дырявые чулки. Голову онъ



Индѣйскія поселенія въ Дакотѣ.

повязалъ краснымъ платкомъ, а поверхъ платка надѣлъ сѣрую, широкополую, спереди загнутую кверху шляпу, кокетливо надвинувъ ее набокъ.

Пока мы двигались по холмистой равнинѣ, дорога была хороша. Но когда черезъ два часа мы снова въѣхали въ горы, она стала невозможной.

Почва вся была покрыта камнями и обломками скалъ. Дорога то круто подымалась въ гору, то снова точно такъ же круто спускалась внизъ. Мѣстами передъ нами открывались глубокія пропасти, вдоль которыхъ вела узкая и отъ снѣга и льда совершенно скользкая тропинка; тогда мы сходили съ коней и, ведя ихъ подъ уздцы, миновали такимъ образомъ опасное мѣсто.

Отъ постояннаго пребыванія въ дикихъ горахъ лошади привыкаютъ къ самымъ труднымъ переходамъ и едва проходимымъ тропинкамъ. И самъ всадникъ подъ конецъ перестаетъ видѣть какую бы то ни было опасность въ самыхъ недоступныхъ мѣстахъ. Житель равнины ужаснулся бы, видя, какъ онъ беззаботно проѣзжаетъ на краю пропасти или, какъ плотно прижатый къ висящему надъ нимъ утесу, онъ по узкой, крутой тропинкѣ взбирается на такую высоту, на которой голова кружится.

Андерсонъ скоро замолкъ. Отъ времени до времени онъ слѣзалъ съ лошади и шелъ рядомъ для того, чтобы согрѣться. Тщетно я уговаривалъ его выпить нѣсколько глотковъ виски, онъ терпѣть не могъ этого напитка.

Скоро то здѣсь, то тамъ стали показываться небольшіе волки, которые въ этихъ малолюдныхъ горахъ почти не знаютъ страха. Ихъ не преслѣдуютъ даже индѣйцы, которые больше цѣнятъ зарядъ пороху, чѣмъ волчью шкуру. Они спокойно разсматривали насъ своими сверкающими глазами, и только когда мы близко подъѣзжали къ нимъ, удалялись легкою рысью.

Отъ времени до времени я давалъ отдыхъ нашимъ лошадямъ и въ эти минуты обводилъ восхищеннымъ взглядомъ окружавшую меня природу. Я все больше поражался роскошнымъ разнообразіемъ самыхъ неожиданныхъ декорацій; недостатокъ растительности вполнѣ выкупался величественными и причудливыми очертаніями горъ. Съ одной стороны возвышается зубчатый утесъ, напоминающій художественно-сооруженный храмъ; съ другой стороны зіяетъ пропасть, вся погруженная въ возбуждающій ужасъ мракъ. Сквозь высокія вершины открывается видъ на востокъ, и взоръ уходитъ далеко за освѣщенныя солнцемъ снѣговыя горы. Опьяненный отъ восторга глазъ не можетъ сразу охватить все величіе окружающей природы, которая самою дикостью своей, нетронутой человѣкомъ, производитъ подавляющее вне-

чатлѣніе. Черезъ нѣсколько часовъ мы достигли горнаго прохода, одного изъ тѣхъ величественныхъ проходовъ, которые приводятъ въ восхищеніе путешествующаго по мѣстнымъ горамъ. Гигантскіе утесы тѣснятся съ обѣихъ сторонъ узкаго прохода и протягиваютъ свои остроконечныя верхушки къ небу. Кажется, будто ихъ каменныя громады разступились для того, чтобы дать доступъ человѣку, которому не по силамъ преодолѣть эти препятствія, представляющіяся ему на пути.

Смолистая сосна и тополь произрастаютъ въ этомъ ущельѣ, гдѣ они защищены отъ самыхъ сильныхъ бурь, да высокая трава луговъ, засохшіе и пожелтѣвшіе стебли которой виднѣлись теперь изъ-подъ снѣга, растетъ на берегу маленькаго журчащаго ручейка.

Когда мы въѣзжали въ проходъ, какой-то странный шумъ поразилъ наше ухо. Онъ гулко отдавался среди царившей до сихъ поръ тишины. Я остановилъ коня, вытащилъ ружье изъ кожанаго чехла, висѣвшаго у сѣдла, и сталъ ждать. Пикетъ сдѣлалъ то же самое.

Шумъ все приближался, и скоро огромное стадо оленей показалось изъ-за ближайшей скалы. Замѣтивъ насъ, они на мгновеніе остановились, но вслѣдъ затѣмъ съ быстротой молніи промчались мимо насъ. Это была красивая картина—великолѣпныя горныя животныя, съ длинными вѣтвистыми рогами, мчавшіяся въ бѣшеной скачкѣ. Казалось, имъ конца не будетъ. Ихъ было, вѣроятно, до двухсотъ.

Въ пылу увлеченія Андерсонъ поднялъ ружье и прицѣлился; но я не далъ ему стрѣлять. Зачѣмъ убивать животное, которымъ мы не можемъ воспользоваться? Вблизи моей хижины было много дичи, и мы во всякое время могли имѣть достаточное количество мяса.

Наконецъ, послѣдній олень поровнялся съ нами. Онъ хромалъ на одну ногу и отставалъ отъ стада; до насъ доносилось его прерывистое дыханіе. Бѣдное животное, какъ видно, уже успѣло ознакомиться съ нашими свинцовыми пулями.

Мы поѣхали дальше медленнымъ шагомъ. Съ обоихъ сторонъ возвышались огромныя каменныя стѣны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ почти сходились высоко надъ нашими головами. Наконецъ, мы выѣхали изъ ущелья. Передъ нами открылись безконечные ряды горъ и холмовъ, убѣгавшихъ въ необъятную даль, подобно волнамъ дико бушующаго моря; верхушки ихъ, покрытыя снѣгомъ, сверкали подъ яркими лучами солнца.

На западѣ между горами показался дымъ. Мы поѣхали по этому направленію. Не прошло и получаса, какъ до насъ донесся лай собакъ; черезъ нѣсколько минутъ мы уже поднимались на холмъ, съ котораго видно было селеніе индѣйцевъ. Оно лежало у подошвы холма въ котловинѣ, черезъ которую протекала небольшая рѣка, частью покрытая льдомъ.

Около 50 круглыхъ, остроконечныхъ хижинъ съ отверстіями на верху для дыма были разбросаны подъ деревьями и между кустами. Эти «tibis», какъ индѣйцы называютъ свои жилища, были большею частью грязно-сѣраго цвѣта; немногія были выкрашены въ красный или синій цвѣтъ; на нѣкоторыхъ были нарисованы странныя пестрыя фигуры, звѣзды, изображенія звѣрей. Верхняя часть хижинъ была совершенно черна отъ дыма.

Цѣлая свора собакъ бросилась на насъ съ отчаяннымъ лаемъ; все въ станѣ пришло въ движеніе. Изъ каждаго вигвама появлялись индѣйцы и, заслонивъ рукой глаза отъ ярко сіявшаго солнца, смотрѣли на насъ съ любопытствомъ. Начальникъ ихъ, мой другъ, первый привѣтствовалъ насъ.

— Nononichàsez! (добрый день, другъ!)—крикнулъ онъ издали, и когда мы подъѣхали, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Довольны вы нашимъ посѣщеніемъ?—спросилъ я его.—Вы насъ не разъ приглашали къ себѣ.

— Да, конечно,—отвѣтилъ «Маленькій медвѣдь», улыбаясь и подавая руку Андерсону Пикету.

Онъ велѣлъ одному изъ индѣйцевъ, окружившихъ насъ толпой и смотрѣвшихъ на насъ съ разинутыми ртами, разсѣдлать и увести нашихъ лошадей. Мы соскочили съ копей и, вынувъ изъ чехловъ ружья, повѣсили ихъ на ремняхъ черезъ плечо. Тѣ изъ индѣйцевъ, которые были у меня въ моей бревенчатой хижинѣ, также дружески поздоровались съ нами.

Скоро вокругъ насъ собралась толпа дѣтей. Казалось, наше посѣщеніе доставило имъ большую радость, потому что они скакали вокругъ насъ, какъ бѣшеные. Судя по ихъ жестамъ, ихъ удивленіе возбудилъ главнымъ образомъ мой черный спутникъ. Одежда индѣйцевъ была почти одинакова у всѣхъ—рубашка изъ сукна или кожи съ бахромой на рукахъ и панталоны изъ голубого или сѣраго сукна также съ бахромой по бокамъ. Обувь ихъ состояла изъ кожаныхъ, большею частью пестро вышитыхъ, туфель. Туловище до подмышекъ было покрыто цвѣтными шерстяными одѣялами; они держались на ремнѣ, на которомъ висѣлъ ножъ въ кожаномъ чехлѣ. Кромѣ того, на мужчинахъ были пестро вышитыя различной величины сумки. Одни носили въ этихъ сумкахъ трубки и табакъ, другіе—карманные ножи, третьи хранили въ нихъ краски, которыми разрисовывали себѣ лицо. Аррапагои раскрашиваютъ лица красной или желтой краской; нѣкоторые дѣлаютъ на головѣ плѣшь, вырывая себѣ волосы, и окрашиваютъ голыя мѣста въ красный цвѣтъ. Краска состоитъ изъ сухого порошка, который употребляется безъ примѣси воды или какого бы то ни было жира.

Волосы у всѣхъ индѣйцевъ висѣли по обѣимъ сторонамъ широкаго

лица до самыхъ плечъ. У нѣкоторыхъ на затылкѣ было прикрѣплено перо. (Три, а то и больше перьевъ индѣйцы носятъ только на войнѣ.)

Одежда женщинъ только тѣмъ отличалась отъ мужской, что на ней не было бахромы. Вообще на женщинахъ не видно было никакихъ украшеній; только нѣкоторыя носили металлическія кольца въ ушахъ.

По приглашенію начальника племени мы вошли въ его хижину, которая отличалась отъ другихъ „tibis“ своимъ яркокраснымъ цвѣтомъ. Посреди хижины былъ разведенъ огонь. Старая беззубая женщина стояла надъ котломъ и мѣшала палочкою какую-то коричневую кипѣвшую въ немъ массу. Старуха удивленно взглянула на насъ, провела нѣсколько разъ палочкой по губамъ, вѣроятно, чтобы испробовать вкусъ кушанья, и, покачавъ головой, продолжала свое занятіе.

Индѣйскій вигвамъ.

„Маленькій медвѣдь“ вытащилъ изъ великолѣпно расшитой сумки, украшенной блестками и бахромой, трубку, сдѣланную изъ краснаго камня, и сталъ набивать ее табакомъ съ примѣсью „кипликинника“. Послѣднее вещество индѣйцы добываютъ изъ вѣтвей краснаго дерева; они осторожно снимаютъ съ нихъ верхнюю кожицу и, отдѣляя находящуюся между ней и древесиной кору, сушатъ ее надъ огнемъ. Превращенное въ порошокъ, это вещество часто замѣняетъ имъ табакъ. Оно имѣетъ довольно пріятный вкусъ и запахъ.

Шестъ человѣкъ послѣдовало за нами, и мы усѣлись въ кружокъ. Съ помощью раскаленнаго угля «Маленькій медвѣдь» закурилъ свою трубку и, затянувшись изъ нея нѣсколько разъ съ видимымъ удовольствіемъ, передалъ трубку мнѣ. Я послѣдовалъ его примѣру и пе-

редалъ трубку Пикету, который въ свою очередь далъ ее своему сосѣду. Такимъ образомъ трубка по очереди обошла всѣхъ. За этимъ обмѣномъ миролюбивыхъ чувствъ послѣдовалъ обѣдъ, устроенный въ честь гостей. Я охотно бы отказался отъ него, такъ какъ убѣдился въ неопрятномъ приготовленіи кушанья, но не раздѣлить съ ними трапезы значило бы нанести имъ самое сильное оскорбленіе. Когда старуха поставила котелъ посреди насъ и всѣ взялись за ножи, я вытащилъ и свой ножъ и, едва преодолѣвая отвращеніе, выудилъ себѣ возможно меньшій кусочекъ мяса; судя по его жесткости, это было мясо горной овцы или собаки *).

— Хорошо! Очень хорошо!—восклицалъ ежеминутно нашъ хозяинъ; остальные мужчины также выражали словами и жестами свое удовольствіе; благодаря ихъ хорошему аппетиту, для меня больше ничего не осталось.

Едва мы успѣли отобѣдать, какъ къ намъ вошли двое индѣйцевъ. Они сказали что-то своему начальнику, который жестами и нѣсколькими англійскими словами далъ понять мнѣ и моему негру, чтобы мы послѣдовали за нимъ. Онъ повелъ насъ, улыбаясь, въ другую хижину, гдѣ насъ ожидали пять индѣйцевъ. Снова трубка начала переходить изъ рукъ въ руки, послѣ чего намъ предложили поджаренное въ золѣ буйволовое мясо, которое мнѣ показалось очень недурнымъ. Когда мы уничтожили все, «Маленькій медвѣдь» повелъ насъ въ третій вигвамъ. Тамъ я съ трудомъ заставилъ себя отвѣдать кушанья, происхожденіе котораго осталось для меня неизвѣстнымъ.

Я рѣшительно не въ состояніи былъ съѣсть еще хоть что-нибудь. Андерсонъ не разъ бросалъ на меня отчаянные взгляды, ясно говорившіе, что и у него совершенно пропалъ аппетитъ. По счастью, мнѣ какъ разъ во-время пришла въ голову спасительная мысль. Какъ только мой другъ выказалъ намѣреніе посѣтить съ нами еще другіе «tibis», я громко воскликнулъ: «мѣна, мѣна!»

Одно это слово наэлектризовало индѣйцевъ. Они поспѣшно убѣжали, и не успѣлъ я вынести изъ палатки свои мѣшки съ съѣстными припасами, какъ со всѣхъ сторонъ стали стекаться мужчины, женщины и дѣти съ бизоновыми и бобровыми шкурами, вышитыми туфлями, сѣдельными сумками, одѣялами собственнаго издѣлія и т. п. Каждый хотѣлъ прежде другихъ заключить со мною мѣну, вслѣдствіе чего поднялся такой шумъ и крикъ, что я, наконецъ, заткнулъ себѣ уши и сердито вскричалъ: «Да замолчите!» Это оказало на индѣйцевъ желаемое дѣйствіе: всѣ замолчали. Я взялъ самую большую изъ принесенныхъ бизоновыхъ шкуръ. Владѣлецъ ея, долговязый индѣецъ съ разрисованнымъ желтой краской лицомъ, сейчасъ же протянулъ мнѣ свои

*) Собачье мясо считается у аррапагоевъ гастрономическою тонкостью.

десять пальцевъ, крича: «десять долларовъ». Шкура была великолѣпная, снизу отдѣланная крашеной соломой и пестрыми шерстяными нитями. Я хладнокровно поднялъ кверху два пальца правой руки и сказалъ: «два». Индѣецъ покачалъ головой. Я пожалъ плечами и, не

Индѣецъ.

обращая на него больше никакого вниманія, сталъ разсматривать другую шкуру. Это подѣйствовало; онъ тотчасъ же далъ мнѣ свою шкуру и получилъ за нее два доллара. Такимъ образомъ я пріобрѣлъ семь шкуръ, давая по крайней мѣрѣ пятую часть того, что за нее запрашивали.

Затѣмъ дошла очередь до женщинъ, которымъ я отмѣривалъ муку, рисъ и сахаръ взамѣнъ ихъ вышитыхъ издѣлій. Съ этою цѣлью у меня была припасена жестяная кружка. Но горе мнѣ было, если недостаточно я наполнялъ кружку; тогда вся окружающая толпа поднимала адскій шумъ. Женщины кричали, мужчины смѣялись, и ко всему этому присоединяли свои голоса дѣти.

Я съ самаго начала отложилъ въ сторону одинъ мѣшокъ съ сахаромъ; когда всѣ остальные мѣшки были опустошены и индѣйцы думали, что торгъ кончился, я вытащилъ свой запасный мѣшокъ. Его привѣтствовали съ шумнымъ восторгомъ. «Сахаръ, сахаръ!» кричали всѣ съ радостью, и мѣна снова началась. Сахаръ и виски пользуются особымъ предпочтеніемъ у индѣйцевъ.

Остатокъ сахара я раздѣлилъ между дѣтьми, которыя еще долго послѣ того облизывали себѣ пальцы—ни одна крупинка драгоцѣннаго лакомства не должна была пропасть даромъ. Когда толпа разошлась, мы съ Андерсономъ внесли всѣ пріобрѣтенные нами предметы въ особую палатку, отведенную намъ для этой цѣли. Тамъ уже лежали наши сѣдла и одѣяла. Какъ индѣецъ ни воровать отъ природы, онъ никогда не прикоснется къ собственности своего гостя. Зная это, я спокойно довѣрилъ прислуживавшимъ намъ индѣйцамъ всѣ свои вещи.

Посреди палатки, стѣны которой состояли изъ сшитыхъ оленьихъ кожъ, протянутыхъ на десяти пирамидально составленныхъ столбахъ, яркій огонь распространялъ благотворное тепло. Пикетъ прибавилъ къ костру еще нѣсколько полѣнъ дровъ, порядочный запасъ которыхъ лежалъ кучей возлѣ огня. Я поручилъ ему отыскать нашихъ лошадей, и такъ какъ моего друга нигдѣ не было видно, я положилъ свое ружье къ прочимъ вещамъ и отправился одинъ бродить по стану.

Вѣроятно, за послѣднія недѣли у индѣйцевъ была богатая охота, потому что на берегу рѣки множество женщинъ было занято выдѣлкой бизоновыхъ шкуръ. Обработка ихъ требуетъ многодневной напряженной работы. Шкуру снимаютъ съ бизона на мѣстѣ и отдаютъ ее женщинамъ, которыя протягиваютъ ее на землѣ, повернувъ волосомъ книзу и укрѣпивъ деревянными колышками. Когда она высохнетъ, ее натираютъ жиромъ и затѣмъ скоблятъ ножомъ или обломкомъ пилы. Это повторяется до тѣхъ поръ, пока кожа не пріобрѣтаетъ гибкости и мягкости. Согнутое положеніе, въ которомъ женщины находятся во время работы, еще болѣе увеличиваетъ тяжесть ея. И теперь, несмотря на холодный зимній день, потъ струился по лицамъ работающихъ.

Я не нашелъ между индѣйскими женщинами ни одной болѣе или менѣе красивой. Въ то время, какъ мужъ наслаждается пріятнымъ ничегонедѣланіемъ, жена должна исполнять всевозможныя работы, и этотъ непрерывный и большею частью непосильный трудъ преждевре-

менно старитъ индѣйскую женщину и губитъ ея красоту. Индѣйскимъ женщинамъ, какъ и всѣмъ краснокожимъ, чужда всякая чистоплотность; женщины, работавшія у рѣки, были покрыты толстымъ слоемъ грязи.

Къ югу отъ деревни находилась большая равнина, окруженная высокими скалами, на которой около 80 лошадей жадно выщипывали остатки выѣденной уже травы. Тамъ я нашелъ моего спутника, который, съ жалостью качая головой, смотрѣлъ на исхудалыхъ животныхъ. На нихъ были кожа да кости, а у многихъ на спинѣ и на бокахъ были раны отъ частой ѣзды на нихъ. Едва ли на свѣтѣ есть существо болѣе жалкое, чѣмъ лошадь индѣйца. На дикомъ западѣ говорятъ: восточный человѣкъ, когда нужно, погоняетъ свою лошадь, пока она не свалится; западный человѣкъ заставляетъ ее встать и ѣдетъ дальше, пока она снова не упадетъ; индѣецъ же гонитъ свою лошадь впередъ до тѣхъ поръ, пока она не околѣетъ. Онъ не знаетъ жалости. Зимою, когда во время охоты за бизонами, лошадь больше всего работаетъ, онъ никогда не позаботится о пищѣ для нея, и бѣдное животное должно довольствоваться тѣмъ, что находитъ вблизи деревни подъ снѣгомъ.

Нашихъ лошадей Андерсонъ увелъ дальше, въ мѣсто, гдѣ трава росла выше, и связалъ имъ переднія ноги, чтобы онѣ не убѣжали. Мы медленнымъ шагомъ вернулись въ деревню, простились съ немногими индѣйцами, провожавшими насъ, крикнувъ имъ «Hatnatziena» (будьте здоровы, друзья!), и уѣхали. Ночь была свѣтлѣе, чѣмъ я думалъ, и мы быстро подвигались впередъ.

Нашъ пріѣздъ въ бревенчатую хижину далеко за полночь не мало напугалъ моихъ слугъ: такъ какъ меня ожидали только на слѣдующій день, то они приняли насъ за разбойниковъ или конокрадовъ и встрѣтили насъ съ заряженными ружьями.

Чикаго.

(По Тверскому и Святловскому.)

Городу Чикаго едва исполнилось шестьдесятъ лѣтъ, и если такой возрастъ не великъ даже для отдѣльнаго лица, то для города онъ просто младенческій, а между тѣмъ этотъ младенецъ имѣетъ почти въ полтора раза больше жителей, чѣмъ Москва, и считается вторымъ городомъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и седьмымъ въ цѣломъ свѣтѣ. Чикаго называется городомъ всего лишь съ 1837 года, и уже черезъ 25—30 лѣтъ это незначительное мѣстечко, расположенное на болотистомъ берегу синяго Мичигана, насчитывало у себя около 300.000 жи-

телей. Затѣмъ, въ теченіе двухъ послѣдующихъ десятилѣтій, число жителей удвоилось и теперь ихъ свыше полутора милліона человѣкъ. Самая величина города, его необъятные концы и безконечныя улицы, содержимыя довольно неопрятно и зачастую прерываемыя пустырями, производятъ довольно-таки невыгодное впечатлѣніе на свѣжаго человѣка. Ни обойти, ни объѣздить городъ нѣтъ никакой возможности,—онъ просто давитъ васъ своею безконечностью. Украшенію города много содѣйствовали его пожары. Страшный пожаръ 1871 г., истребившій, въ сущности, весь городъ, не остановилъ ни на одинъ день его развитія: не прошло и года, какъ на мѣстѣ деревяннаго, неправильнаго съ узкими улицами и временными постройками города явился современный Чикаго, съ правильными широкими проспектами и бульварами и почти исключительно каменными зданіями.

Несмотря на такой быстрый ростъ, которому удивляются сами американцы, населеніе въ немъ размѣщено гораздо просторнѣе, чѣмъ въ городахъ Стараго Свѣта. Свобода размѣщенія и просторъ достигаются вообще въ американскихъ городахъ и въ Чикаго въ частности не только удобствомъ и просторомъ жилищъ (дома-особняки), но и необыкновеннымъ обиліемъ парковъ, которые включены въ городскую черту. Отъ этого зависитъ и необычайно малая смертность въ американскихъ городахъ; такъ, въ Чикаго умираетъ не болѣе 17—18 человѣкъ на тысячу въ годъ, хотя почвой города послужило грязное болото. Чикагскіе парки представляютъ изъ себя настоящіе дремучіе лѣса въ нѣсколько сотъ десятинъ земли съ большими озерами, горами и скалами.

Быстрому росту Чикаго прежде всего содѣйствовало его замѣчательно выгодное положеніе на великой водной системѣ Сѣв. Америки, у соединенія рѣки Иллиноисъ съ Мичиганскимъ озеромъ, среди области, отличающейся необыкновеннымъ плодородіемъ. Судоходство по великимъ озерамъ, до конца пятидесятыхъ годовъ составлявшее единственное возможное торговое сообщеніе между западомъ и востокомъ, развивалось чрезвычайно быстро, и Чикаго сдѣлался исходнымъ пунктомъ пароходнаго движенія. Въ пятидесятыхъ годахъ началась въ Чикаго торговля скотомъ и мясными продуктами,—торговля, больше всего выдвинувшая городъ впередъ. Чикаго первый началъ паковать мясные продукты въ жестянки и первый ввелъ эти мясные консервы во всеобщее употребленіе. Наконецъ, лѣсопильное дѣло и торговля тесомъ, составлявшія главное занятіе штатовъ Мичигана, Висконсина и Миннесоты, тоже пріютились въ Чикаго, и его многочисленные древо-обрабатывающіе заводы скоро сдѣлали его главнымъ центромъ этой торговли не только для всего запада, но и для вывоза за границу. Но мѣрѣ того какъ расширялись эти три главныя отрасли внутренней тор-

говли Соединенныхъ Штатовъ—торговля хлѣбнымъ зерномъ, скотомъ и его продуктами и лѣсомъ,—росло и значеніе Чикаго.

Несмотря на то, что менѣе 25% коренного населенія Чикаго состоитъ изъ уроженцевъ Америки, городъ этотъ несомнѣнно представляетъ собою наиболѣе типичное американское поселеніе, и здѣсь не замѣтно космополитизма, свойственнаго Нью-Іорку. Американецъ запада гораздо живѣе, гораздо энергичнѣе, гораздо рѣзче отличается отъ европейца, чѣмъ янки востока: онъ своеобразнѣе, живетъ быстрѣе и вліяетъ сильнѣе на все окружающее. Эмигрантъ, какъ бы неопытенъ онъ ни былъ, быстрѣе поддается здѣсь новымъ вліяніямъ и скорѣе приспособляется къ особенностямъ и требованіямъ своей новой родины.

Въ городѣ различаютъ три части: южную торговую, сѣверную, занятую аристократическими кварталами, и западную, занятую жилищами рабочихъ, польскою и еврейскою колоніями. Собственно Чикаго представляетъ изъ себя нѣсколько городовъ, слившихся между собой при посредствѣ парковъ и пустырей. Нѣтъ ничего мудренаго, что послѣдніе производятъ весьма непріятное впечатлѣніе: немощеныя, пыльныя улицы, песокъ по щиколотокъ, невзрачныя деревянныя постройки, отсутствіе тротуаровъ—вотъ на что наталкивается здѣсь прохожій.

Въ самомъ центрѣ Чикаго цѣна на землю дошла до баснословныхъ размѣровъ, и одинъ квадратный метръ земли не продается дешевле $2^1/_2$ тысячъ долларовъ; маленькіе магазины, футовъ 15 ширины на улицу, платятъ по тысячѣ и болѣе долларовъ въ мѣсяцъ аренды. Эта страшная дороговизна и постоянный спросъ на дѣловыя конторы именно въ центрѣ города и вызвали постройку многоэтажныхъ великановъ, отъ 16 до 24 этажей въ вышину, невиданныхъ на всемъ остальномъ земномъ шарѣ и составляющихъ самую характеристическую черту современнаго Чикаго. Такъ какъ грунтъ въ центрѣ города чрезвычайно ненадежный, состоящій, послѣ искусственнаго напоснаго слоя въ пятнадцать футовъ, изъ слоя довольно жидкой глины, расположеннаго на рыхломъ пескѣ, то задача постройки тяжелыхъ высокихъ зданій была не изъ легкихъ; но чикагскіе архитекторы преодолѣли побѣдоносно всѣ эти трудности, изобрѣтя особый методъ постройки, состоящій въ томъ, что первоначально, по удаленіи насыпного слоя, укладываютъ цѣлую цементно-желѣзную подушку, давящую на жидкую глину равномѣрно и не позволяющую скрѣпленному съ ней стальными колоннами зданію ни опускаться, ни подаваться въ сторону. Тѣмъ не менѣе по окончаніи постройки все сооруженіе иногда садится на извѣстную глубину, а вмѣстѣ съ нимъ садятся и другіе ближайшіе каменные гиганты-сосѣди, тогда какъ болѣе отдаленныя громады ровно на столько же (на нѣсколько вершковъ) вырастаютъ. Почва является въ роли какихъ-то клавишей, колеблющихся подъ тяжестью каменныхъ громадъ.

Колонны изъ скрѣпленной болтами стали идутъ отъ подвала до крыши во всякомъ простѣнкѣ между окнами, затѣмъ закладываются кирпичомъ, съ каменной облицовкой и, будучи въ каждомъ этажѣ связаны со всѣхъ сторонъ горизонтальными стальными же полосами, составляютъ стальную клѣтку, придающую всему зданію недостижимую при всякомъ другомъ методѣ постройки прочность. Быстрые элеваторы, доставляющіе жильцовъ и ихъ посѣтителей въ самое короткое время въ самые верхніе этажи, дѣлаютъ эти послѣдніе наиболѣе привлекательными во всемъ зданіи, такъ какъ они совершенно удалены какъ отъ уличнаго шума и грохота экипажей, такъ и отъ спертаго испорченнаго воздуха нижнихъ этажей и улицы; зато они и загромождаются людскими массами все болѣе и болѣе, и, конечно, ни въ одномъ городѣ земного шара не найдется такихъ запруженныхъ улицъ, какъ въ центральныхъ частяхъ Чикаго. Эта запруженность, усиливающаяся съ возведеніемъ каждаго многоэтажнаго великана, все больше и больше затрудняетъ уличное сообщеніе, и теперь уже по утрамъ отъ 7 до 10 и по вечерамъ отъ 4 до 6 нѣкоторыя улицы представляютъ собою сплошную массу человѣческихъ головъ; даже широкихъ тротуаровъ Чикаго не хватаетъ, и люди запружаютъ самую улицу, затрудняя всякое конное движеніе и дѣлая его все болѣе и болѣе опаснымъ: число несчастныхъ случаевъ на улицахъ быстро увеличивается съ каждымъ годомъ. Близка та минута, когда улицы не въ состояніи будутъ вмѣщать человѣческихъ потоковъ и когда американской изобрѣтательности придется разрѣшить трудную задачу, какимъ образомъ согласить ростъ домовъ вверхъ съ ограниченностью уличнаго пространства.

Нѣкоторые дома насчитываютъ до 4-хъ тысячъ жильцовъ, и ихъ элеваторы поднимаютъ до 20 тысячъ человѣкъ въ день. Среди колоссальныхъ зданій Чикаго наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе Масонскій храмъ и гостиница «Аудиторіумъ». Масонскій храмъ имѣетъ 22 этажа; онъ выстроенъ въ формѣ дома, который однако, благодаря своей гигантской вышинѣ, получаетъ сходство съ башней. Зданіе вмѣщаетъ въ себѣ до 500 различныхъ конторъ и банковъ, множество ресторановъ и торговыхъ заведеній. Болѣе полуторы дюжины элеваторовъ поддерживаютъ сообщеніе нижнихъ этажей съ верхними. Получаются настоящія вертикальныя улицы, по которымъ безостановочно, съ головокружительной быстротой снуетъ многотысячная толпа. Гостиница «Аудиторіумъ» покрываетъ пространство въ 62.000 квадратныхъ футовъ; постройка зданія вмѣстѣ съ землей подъ него обошлась на наши деньги около 10 милліоновъ рублей. Высота зданія равняется 90 метрамъ; однѣ домовыя водопроводныя трубы имѣютъ въ длину болѣе 40 верстъ, а электрическія проволоки достигаютъ баснословной дли-

ны—въ 400 верстъ. При этомъ любопытно, что все это колоссальнѣйшее зданіе было подведено подъ крышу въ теченіе какихъ-нибудь 10—11 мѣсяцевъ.

Но не одни только колоссальныя зданія составляютъ Чикаго; массы городского населенія живутъ въ домахъ-особнякахъ. Уроженецъ Америки рѣдко прибѣгаетъ къ квартирѣ; ему нуженъ домъ-особнякъ,

Домъ въ Чикаго.

хоть маленькій, хоть невразрачный, да особнякъ; онъ не выноситъ скученности и стѣсненій квартирной жизни. Многія улицы, какъ, напримѣръ, Мичиганъ-авеню, на цѣлыя мили сплошь застроены изящными, красивыми, дорогими особняками, архитектура которыхъ чрезвычайно разнообразна, и потому улицы эти производятъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ даже лучшія улицы Петербурга или Берлина. Онѣ не представляютъ собою сплошной стѣны четырехъ- и пятиэтажныхъ

домовъ этихъ городовъ съ симметрически расположенными дверями и окнами и нерѣдко отличающихся только цвѣтомъ наружной отдѣлки; здѣсь вы встрѣчаете всѣ стили, всѣ роды архитектуры, и не мало между этими домами своеобразныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ построекъ, плодовъ воображенія, стремившагося къ чему-нибудь чудному, особенному, не такъ, какъ у другихъ. Вообще если въ Чикаго и есть очень пустынныя, очень грязныя и даже зловонныя части, то есть и чистыя, красивыя, богатыя, опрятныя, производящія прекрасное впечатлѣніе и дающія отличное понятіе о богатствѣ и предпріимчивости города.

Одной изъ важнѣйшихъ достопримѣчательностей Чикаго являются его бойни. Это цѣлый громадный городъ, въ которомъ взамѣнъ людей живутъ быки, овцы и свиньи. Однѣхъ улицъ въ этомъ своеобразномъ городѣ болѣе 14 верстъ, а длина яслей, водопроводныхъ и канализаціонныхъ трубъ считается десятками верстъ. Въ скотопригонныхъ дворахъ могутъ одновременно найти пріютъ 25 — 30 тысячъ быковъ, 200 тысячъ свиней, 25 — 30 тысячъ овецъ и 5.000 лошадей. Однихъ сторожей-привратниковъ въ этомъ оригинальномъ городѣ считается до 3.000, и съ каждымъ годомъ городъ продолжаетъ расти и увеличиваться; открываются новые скотные дворы, устраиваются новыя водокачки. растутъ новые дома для служащихъ. Здѣсь давно уже имѣется и своя собственная церковь, и свои школы, и свой почтамтъ, и своя телеграфная контора, и даже своя собственная газета. Въ теченіе одного 1893 года здѣсь нашло пріютъ до 15 милліоновъ экземпляровъ различныхъ животныхъ, на общую сумму въ 240 мил. долларовъ. Вся эта публика пріѣхала по различнымъ желѣзнымъ дорогамъ и потребовала подъ себя свыше 300 тысячъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ. Всѣ линіи желѣзныхъ дорогъ, подходящія къ Чикаго,—а ихъ здѣсь до 30,—заходятъ въ это своеобразное царство, и скотъ разгружается здѣсь съ такимъ же комфортомъ, какъ и пассажиры. Вотъ почему можно долго прожить въ Чикаго и не увидѣть ни одного стада животныхъ на улицѣ, ни горсточки зернового хлѣба, а между тѣмъ столица Иллинойса является міровымъ центромъ по торговлѣ хлѣбомъ и скотомъ. Бывали дни, когда поѣзда сразу подвозили до сотни тысячъ животныхъ и всѣхъ ихъ успѣвали быстро и въ порядкѣ разгрузить и размѣстить по стойламъ и загонамъ.

Величина скотнаго двора или загона весьма разнообразна: имѣются гигантскіе загоны, могущіе вмѣстить сразу до 500 головъ скота, и, наконецъ, настоящія одиночныя заключенія на одну особь, которую почему-либо необходимо изолировать отъ остальныхъ товарищей. Многіе изъ этихъ загоновъ имѣютъ деревянный полъ и въ общемъ весь городъ содержится довольно опрятно.

Компанія скотныхъ дворовъ сама содержитъ лишь зданія, доставля-

стъ воду и кормъ и взимаетъ извѣстный процентъ съ прошедшихъ черезъ ея руки жильцовъ. Все остальное, т.-е. всѣ сдѣлки по продажѣ, отправкѣ, взвѣшиванію, — все это ведется легіономъ комиссіонеровъ, для которыхъ компанія настроила также множество домиковъ, отдаваемыхъ внаемъ за извѣстную плату. Покупка и продажа скота производится ежедневно раннимъ утромъ и зачастую тутъ же раскупается все, что подвозятъ утренніе поѣзда. Отъ каждой сдѣлки компанія взимаетъ особую плату по таксѣ—или съ головы или съ вагона.

Взвѣшиваніе, осмотръ и освидѣтельствованіе скота производятся въ присутствіи и подъ контролемъ правительственной инспекціи. Съ полсотни микроскоповъ заняты изслѣдованіемъ свиныхъ тушъ. Конечно, всѣ вывозимыя свиньи изслѣдуются по части трихинъ не изъ опасенія отправить на тотъ свѣтъ какого-либо любителя этого продукта въ Новомъ Свѣтѣ, а просто въ силу торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ со странами, которыя допускаютъ къ себѣ ввозъ американской свинины. Каждый микроскопъ изготовляетъ и разсматриваетъ въ день не менѣе 500 препаратовъ. Взятыя пробы—три отъ каждой туши—прячутся въ особую жестянку, при чемъ вмѣстѣ съ пробами кладется и нумеръ, соотвѣтствующій нумеру туши. Всѣ жестянки складываются въ ящикъ съ особымъ секретнымъ замкомъ, ключъ отъ котораго находится въ рукахъ у членовъ инспекціи. Инспекторъ выдаетъ пробу микроскописту (на каждую пробу дѣлается 3 изслѣдованія), и если окажутся трихины, то нумеръ покажетъ, какая туша подлежитъ браковкѣ. Всѣ изслѣдованныя туши снабжаются особымъ ярлыкомъ, удостовѣряющимъ ихъ доброкачественность, и безъ этой формальности ни одно судно, ведущее экспортную торговлю, не приметъ къ себѣ ни одного окорока. Кромѣ изслѣдованія трихинъ, цѣлая армія ветеринаровъ свидѣтельствуетъ битый скотъ, опредѣляетъ его доброкачественность, а также осматриваетъ живой скотъ передъ поступленіемъ его въ бойни. Всѣ эти господа содержатся на счетъ правительства и не получаютъ никакого вознагражденія отъ частныхъ фирмъ, отъ которыхъ они вполнѣ независимы. Бракованное мясо безъ всякихъ пререканій подвергается особой обработкѣ и превращается въ землеудобрительный тукъ.

Самый убой скота производится слѣдующимъ образомъ. Животныхъ пригоняютъ изъ скотопригонныхъ дворовъ въ другія загороди, сообщающіяся съ бойнями. Изъ этихъ загородей узкій покатый коридоръ ведетъ въ нижній этажъ зданія, гдѣ собственно и совершается процессъ убиванія. Рогатый скотъ убиваютъ иначе, чѣмъ свиней и овецъ. Быковъ убиваютъ или ударомъ молота по лбу или ружейнымъ выстрѣломъ въ лобъ между глазъ, почти въ упоръ, и прежде чѣмъ животное перестанетъ корчиться въ предсмертныхъ мукахъ, его туша подхватывается крючками, передвигается по блокамъ отъ одного рабочаго къ другому

и въ нѣсколько минутъ очищается и передается на храненіе въ громадные погреба, въ которыхъ разными искусственными способами поддерживается низкая температура и которые всѣ освѣщаются электричествомъ.

Со свиньями поступаютъ нѣсколько иначе. Въ мастерскую, въ которой царствуетъ острый специфическій запахъ крови и внутренностей, впускаютъ сразу изъ коридора до десятка животныхъ. Одинъ изъ мясниковъ быстро накидываетъ петлю на заднюю ногу животнаго, и блокъ поднимаетъ его сразу на нѣсколько метровъ отъ полу по направленію къ другому коридору, гдѣ помѣщается другой мясникъ съ ножомъ наготовѣ. Когда горло перерѣзано, животное бросается на 2—3 минуты въ резервуаръ съ кипяткомъ, вылавливается оттуда огромной ложкой и кладется на широкій столъ. На этомъ столѣ движется особая машина, приводимая въ движеніе паромъ. Задача этой машины заключается въ томъ, чтобы счистить съ ошпаренной кожи всю щетину. Чего не сдѣлаетъ машина, то дѣлаетъ съ дымящейся тушей бригада мальчиковъ, вооруженныхъ щетками съ металлической проволокой для выскабливанія щетины. Туши быстро передвигаются изъ рукъ въ руки, подхватываются крючками и передаются на другіе столы, гдѣ новая бригада рабочихъ вскрываетъ грудную и брюшную полости; внутренности извлекаются еще новыми рабочими и сбрасываются въ особыя вагонетки, увозящія ихъ изъ мастерскихъ по залитымъ кровью и почернѣвшимъ рельсамъ. Вагонетки (ихъ движутъ оборванные мальчуганы) поступаютъ въ спеціально устроенныя лабораторіи, гдѣ изъ внутренностей вытапливается сало. Туша, освобожденная отъ внутренностей, поступаетъ въ руки новой партіи рабочихъ. Здѣсь она теряетъ свою голову, расщепляется на двѣ половинки и опускается въ погребъ. Спустя 48 часовъ мясо солятъ или дѣлятъ на части, маринуютъ и запаковываютъ въ жестянки. При всемъ стараніи утилизировать всѣ составныя части животнаго, около 30% остаются бременемъ для промышленника.

Нѣтъ надобности идти далеко, чтобы ознакомиться съ дальнѣйшею процедурой обработки мяса. Вотъ, напримѣръ, зала, гдѣ помощью ножей, приводимыхъ въ движеніе паромъ, приготовляется начинка для колбасъ и сосисокъ. Такой начинки здѣсь изготовляютъ въ день около полуторы тысячи пудовъ. Рядомъ расположена мастерская, гдѣ упаковывается топленое свиное сало. Самая закупорка и спайка консервовъ производятся также машиннымъ способомъ, и только лакировка и этикетированіе производятся рабочими.

Въ прежнее время скотъ возили въ Америкѣ въ такихъ же плохо приспособленныхъ вагонахъ, въ какихъ его возятъ у насъ и посейчасъ. Скотъ доѣзжалъ до мѣста назначенія замореннымъ и его приходилось выпускать изъ вагоновъ черезъ каждыя 600 — 1.000 верстъ.

Теперь почти всякая дорога завела усовершенствованные вагоны, въ которыхъ удобно и кормить и поить перевозимый скотъ. Вагоны-ледники представляютъ послѣднее слово въ дѣлѣ перевозки битаго мяса. Нью-Іоркъ ѣстъ теперь всегда свѣжее мясо, битое въ Чикаго. Въ субботу его погружаютъ въ вагонъ, предварительно набитый льдомъ, а въ среду оно уже продается въ мясныхъ лавкахъ Нью-Іорка. Въ дорогѣ ледъ подсыпаютъ въ вагоны трижды и самый вагонъ заключаетъ въ себѣ мясо въ образѣ подвѣшенныхъ къ потолку тушъ, въ количествѣ вдвое большемъ, чѣмъ при перевозкѣ его въ формѣ живого скота. Громадная производительность Чикаго и другихъ центровъ мясного дѣла (Канзасъ, Омаха) станетъ понятна, если мы припомнимъ, что Европа не можетъ обходиться безъ помощи Новаго Свѣта въ дѣлѣ пропитанія своего населенія. Европѣ приходится докупать себѣ не только хлѣба, но и мяса, послѣдняго не менѣе чѣмъ 40.000 милліоновъ пудовъ. Въ этомъ и заключается секретъ колоссальнаго процвѣтанія города Чикаго.

Городъ Пульмана.

(Святловскаго.)

Въ 14-ти миляхъ отъ Чикаго, къ югу, на берегу краснваго озера Калуметъ, лежитъ небольшой, выстроенный изъ кирпича, городокъ. Городокъ этотъ совсѣмъ не похожъ на Чикаго, и будетъ очень жаль, если растущая не по днямъ, а по часамъ желѣзнодорожная столица центральныхъ штатовъ Америки поглотитъ и втянетъ въ себя этотъ крошечный городокъ, развившійся и возникшій по ея сосѣдству и вполнѣ самостоятельно отъ нея.

Городокъ называется—по имени его основателя Пульмана—Pullman City и возникъ всего лишь 15 лѣтъ тому назадъ. Исторія самого Пульмана такъ же несложна, какъ и его города. Пульманъ выдумалъ американскій спальный вагонъ, и имя его извѣстно во всей Америкѣ, а спальные вагоны здѣсь называются Pullman cars.

Пульманъ началъ строить свои вагоны въ 1867 году, а до этого времени былъ бѣднымъ человѣкомъ и занимался перевозкой домовъ въ Чикаго. Благодаря могучему развитію американской желѣзнодорожной сѣти, пульмановскіе вагоны нашли себѣ громадный сбытъ; мѣсто подъ вагонный заводъ вблизи Чикаго, т.-е. въ центрѣ гигантскаго желѣзнодорожнаго узла, было выбрано очень удачно, и заводъ этотъ въ нѣсколько лѣтъ превратился въ колоссальнѣйшее промышленное учрежденіе во всемъ свѣтѣ. Вотъ и весь секретъ пульмановской удачи и пульмановскаго богатства, которое зиждется на ежегодной переработкѣ въ своихъ мастерскихъ 85.000 тоннъ желѣза, которое превращается въ спальные, обыкновенные пассажирскіе и товарные вагоны. Въ настоя-

щее время вагонный заводъ Пульмана изготовляетъ среднимъ числомъ въ день по 40 штукъ товарныхъ вагоновъ (при десятичасовомъ рабочемъ днѣ получается по одному вагону въ каждую четверть часа), по одному спальному, стоимость котораго доходитъ до 20.000 долларовъ, и отъ 5 до 6 обыкновенныхъ пассажирскихъ вагоновъ и для конножелѣзныхъ дорогъ.

Пульмановскіе вагоны ходятъ почти по всей необъятной сѣти американскихъ желѣзныхъ дорогъ и играютъ въ Америкѣ не только роль спальныхъ вагоновъ, но это настоящіе и притомъ хорошо организованные подвижные отели, въ которыхъ можно не только прекрасно выспаться, но и пообѣдать, получить бутылку вина, выкупаться въ ваннѣ, выбриться и постричься и почитать газеты. Особенно хорошо организованъ въ этихъ подвижныхъ отеляхъ штатъ прислуги, и пульмановскіе негры держатъ высоко свое лакейское знамя. Пульманъ не только строитъ вагоны, но содержитъ всѣ эти вагоны-рестораны, отпускающіе въ годъ $4^1/_2$ милліона всякихъ кушаній и порцій, содержитъ весь громадный персоналъ служащихъ при вагонахъ (съ заводскими рабочими ихъ 15 тысячъ человѣкъ) и, кромѣ всего этого, снабжаетъ городъ Чикаго превосходнымъ кирпичомъ и зеркальнымъ льдомъ изъ озера Калуметъ.

Сперва его рабочіе ѣздили къ нему на заводъ каждый день изъ Чикаго, но теперь возлѣ завода выстроенъ городъ, въ которомъ считается не менѣе 2.000 хорошенькихъ каменныхъ домиковъ. Въ городѣ не имѣется ни городской думы, ни полицейскихъ чиновниковъ, ни судовъ, ни тюрьмы, ни вообще какихъ-либо правительственныхъ учрежденій современныхъ городовъ. Взамѣнъ всего этого мѣстныя окружныя власти вѣдаютъ одного Пульмана, которому всецѣло и нераздѣльно принадлежитъ весь выстроенный имъ городъ.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ этотъ своеобразный городокъ, то, пріѣхавъ въ него по пульмановской электрической дорогѣ, остановился въ гостиницѣ, единственной въ городѣ, принадлежащей Пульману и названной «Флоренціей» въ честь его дочери; далѣе пришлось посѣтить школу, въ которой обучаются дѣти рабочихъ, занятыхъ на пульмановской фабрикѣ. Учителя, конечно, приглашаются въ школу все тѣмъ же Пульманомъ. Театръ въ городѣ пульмановскій, церковь тоже (она стоитъ, впрочемъ, закрытой, такъ какъ Пульманъ назначилъ за нее арендную плату, которая оказалась не подъ силу горожанамъ), вода также пульмановская и даже пожарные, начиная отъ брандмайора и кончая послѣднимъ конюхомъ, состоятъ на службѣ все у того же всемогущаго и всесильнаго Пульмана, напоминающаго сказочнаго «Каннитферштана» изъ извѣстной датской басни, помѣщенной во всѣхъ старинныхъ хрестоматіяхъ.

Когда дѣло со спальными вагонами пошло быстро въ гору и Пуль-

манъ вздумалъ расширить свою фабрику, тогда и явилась мысль выстроить собственный рабочій городокъ. За безцѣнокъ удалось купить недалеко отъ Чикаго болотистый кусокъ земли (около 13 квадратныхъ километровъ), быстро произведены были осушительныя работы, вся мѣстность канализирована, проложены прекрасныя широкія улицы, устроенъ водопроводъ и заложены газовыя трубы.

Глина нашлась тутъ же на берегу озера, и весь городъ выстроили изъ собственнаго кирпича; заводскіе плотники и столяры приняли участіе въ общей работѣ, а замки, стекла, кухонныя принадлежности и пр. доставилъ городъ Чикаго. Все было готово въ апрѣлѣ 1881 года и, чтобы новымъ жильцамъ не было скучно переѣзжать на новоселье, къ тому же сроку были разбиты уличные бульвары, поспѣлъ театръ, церковь, рынокъ, гостиница и гостиный дворъ въ видѣ пассажа. Въ день открытія въ городѣ числилось 4 жителя, но зато увеличенная вагонная фабрика пущена была полнымъ ходомъ; спустя десять мѣсяцевъ въ городѣ было уже свыше 2.000 жителей, еще черезъ два года—свыше восьми тысячъ, а теперь ихъ 14.000 и ни одного дома не остается незанятымъ.

Чистота въ городѣ поразительная и по опрятности его можно скорѣе принять за голландское поселеніе, чѣмъ за американскую колонію, а тѣмъ болѣе за кварталъ сравнительно грязнаго Чикаго. Улицы превосходно мощены и теперь уже имѣютъ восемь миль длины; извозчиковъ нѣтъ, но всюду ходитъ электрическій трамвай. Магазиновъ, лавокъ, складовъ нигдѣ не полагается; все это сосредоточено въ пассажѣ, гдѣ помѣщается также и почта, и пульмановскій банкъ. Нигдѣ въ городѣ нельзя получить ни рюмки водки, ни стакана пива; продажа спиртныхъ напитковъ строго воспрещена и въ городѣ не имѣется ни одного кабака, ни одного питейнаго или распивочнаго заведенія. Рабочіе домики выстроены со всѣми удобствами, и, пожалуй, изъ Чикаго трудно придумать болѣе поучительную экскурсію, чѣмъ для осмотра рабочаго города Пульмана.

Для любителей болѣе дешевыхъ квартиръ у Пульмана имѣются квартиры въ общихъ домахъ, хотя американскіе рабочіе предпочитаютъ отдѣльные домики-особняки, арендная плата которыхъ всегда нѣсколько выше. Квартира въ общемъ домѣ изъ 3 — 5 комнатъ обходится отъ 5 до 15 долларовъ въ мѣсяцъ, плата же за небольшіе особняки въ пять комнатъ колеблется между 16—20 долларами въ мѣсяцъ. На выплату дома никому не отдаются, и въ колоніи Пульмана рабочій никогда не можетъ сдѣлаться собственникомъ обитаемаго имъ дома; все въ городѣ знаетъ одного властелина, могущественнаго Пульмана. Капиталъ, вложенный въ постройку города, приноситъ путемъ квартирной платы около 8% годового дохода; и такимъ образомъ филантропическая затѣя

Пульмана, предпріятіе котораго нынѣ оцѣнивается въ 60 мил. долларовъ, приноситъ громадный процентъ, которому могли бы позавидовать спекуляціи, не имѣющія въ основѣ никакой благотворительной подкладки.

Пульмановская колонія представляетъ, пожалуй, единственный на земномъ шарѣ примѣръ города, въ которомъ можно по волѣ одного лица выселить всѣхъ обитателей, какъ выселяетъ какой-нибудь квартирный хозяинъ своихъ неаккуратныхъ или непослушныхъ жильцовъ.

Во всѣхъ контрактахъ, заключаемыхъ этимъ крезомъ со своими жильцами-обывателями, въ числѣ первыхъ условій стоитъ параграфъ, который предоставляетъ владѣльцу города право отказать отъ квартиры, безъ объясненія причины, съ предупрежденіемъ лишь за одну недѣлю впередъ. Объ отказѣ за неплатежъ квартирной платы не можетъ быть рѣчи, ибо всѣ обыватели состоятъ рабочими на пульмановской фабрикѣ, и если они не платятъ, то при недѣльномъ расчетѣ съ нихъ будетъ удержано въ конторѣ. Обыватели пульмановскаго городка на каждомъ шагу чувствуютъ свою полную зависимость во всемъ отъ владѣльца города; нѣтъ ни одного вопроса, относительно котораго бы они смѣли разинуть ротъ и выразить собственное сужденіе.

Только въ одномъ школьномъ дѣлѣ (гдѣ обыватели уплачиваютъ также извѣстный школьный сборъ) жителямъ предоставляется нѣкоторое вмѣшательство и изъ нихъ организованъ училищный совѣтъ, руководящій школьнымъ преподаваніемъ. Если въ городѣ Пульмана квартиры дешевы, воздухъ лучше, чѣмъ въ Чикаго, а смертность меньше (16 на тысячу вмѣсто 19), зато обыватели принуждены мириться съ отсутствіемъ правъ горожанина, которыми такъ дорожитъ всякій американецъ. Какъ ни привыкли пульмановскіе рабочіе къ своему городку, но все же не могутъ забыть, что они лишены права обсуждать нужды своего города и что всякая смѣлая «критика» можетъ окончиться потерей мѣста, дома и родины. Оттого корней здѣсь никто не пускаетъ, и меня увѣряли, что хотя въ городѣ и числится 14 тысячъ жителей, но ни одинъ изъ нихъ не проживаетъ здѣсь болѣе 2-хъ лѣтъ подъ рядъ.

Вашингтонъ.

(В. Миропольскаго.)

Почти всѣ города имѣютъ для общаго обзора свои мѣстные естественные или искусственные возвышенные пункты, которые даютъ возможность видѣть весь городъ, какъ говорится, на ладони. Такъ, Римъ прекрасно виденъ съ базилики св. Петра; тѣ же удобства представляетъ Константинополь. Петербургъ хорошо виденъ съ Исаакіевскаго собора;

Москва—съ Воробьевыхъ горъ и Ивановской колокольни и т. д. Вашингтонъ также имѣетъ свой возвышенный пунктъ, съ котораго онъ виденъ весь во всѣхъ подробностяхъ. Такой пунктъ здѣсь—центръ Вашингтона, зданіе Капитолія, который построенъ на холмѣ, подобно Капитолію римскому. И каждый пріѣзжій считаетъ обязанностью полюбоваться прекраснымъ видомъ города и окрестностей съ этого пункта.

Чтобы доставить всѣ удобства для такого художественнаго наслажденія, въ зданіи Капитолія сдѣланы всевозможныя приспособленія: такъ, напримѣръ, куполъ Капитолія трижды опоясанъ на различной высотѣ желѣзною платформою съ чугунною рѣшеткой, чтобы желающій могъ вдоволь насмотрѣться на эту картину со всѣхъ сторонъ. Входъ въ Капитолій открытъ съ утра до вечера безпрепятственно и безконтрольно круглый годъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, и почти постоянно сотни лицъ любуются прекраснымъ видомъ съ этого пункта. Видъ съ Капитолія очень пріятный, изящный и привлекательный во всякое время—и утромъ, и вечеромъ, и днемъ, и ночью.

Съ разныхъ сторонъ Капитолія виденъ весь городъ: широкіе, прекрасно обсаженные по обѣимъ сторонамъ деревьями, бульвары, или авеню, расходятся во всѣ стороны, какъ радіусы отъ центра, всѣ прочія улицы обсажены тоже деревьями, и поэтому весь городъ представляется какъ бы однимъ огромнымъ садомъ, среди котораго стройными рядами идутъ красные и бѣлые дома, городскія постройки, церкви и прекрасныя правительственныя зданія. Множество городскихъ парковъ, разбросанныхъ во всѣхъ частяхъ города, дополняютъ это впечатлѣніе сада. Такого обилія растительности, деревьевъ и чудной зелени не представляетъ ни одна европейская столица.

Большая часть города съ востока, юга и запада окружена широкою лентою рѣки Потомака, на которой виднѣются пароходы и суда и желѣзнодорожный мостъ. Городъ самъ по себѣ не великъ, около 8-ми верстъ въ длину и около 6-ти въ ширину, но онъ такъ хорошо распланированъ, такъ просторенъ и такъ хорошо застроенъ, что кажется больше, чѣмъ онъ есть.

Уже при первомъ знакомствѣ съ этимъ городомъ, въ первую прогулку по немъ, несмотря на неизбѣжный городской шумъ и движеніе, васъ охватываетъ какое-то покойное, умиротворяющее чувство; чуется что-то доброе, семейное; вы какъ будто были въ немъ когда-то давно и вспоминаете знакомыя черты. Такъ что послѣ обозрѣнія города и прогулки по немъ то общее впечатлѣніе, которое само собой формируется въ вашей головѣ, можно выразить опредѣленіемъ такого рода: «красивый, чистый, пріятный, покойный, уютный городъ; должно быть, людямъ живется въ немъ хорошо». И вы не ошиблись: дальнѣйшее знакомство съ городомъ подтверждаетъ это общее впечатлѣніе.

Матеріалъ для выдѣлки кирпича у всѣхъ жителей Вашингтона постоянно подъ руками. Это значительно удешевило постройку домовъ здѣсь, и дома поэтому кирпичные во всѣхъ частяхъ города; деревянныя постройки составляютъ рѣдкое исключеніе, да и эти немногія при первой возможности замѣняются кирпичными. Наибольшая часть домовъ выкрашена красною краской подъ цвѣтъ краснаго кирпича, при чемъ обыкновенно на соединеніяхъ кирпичей проводятся бѣлыя линіи, такъ что для неопытнаго глаза всѣ эти зданія кажутся безъ всякой окраски. Этотъ способъ отдѣлки домовъ подъ цвѣтъ краснаго кирпича общій почти во всей Америкѣ. Краска эта держится очень долго и разъ окрашенный такимъ образомъ домъ стоитъ десятки лѣтъ безъ подновленія, тогда какъ обыкновенная бѣлая известковая штукатурка требуетъ ежегоднаго ремонта, иначе зданіе представляетъ собою унылый, ободранный видъ. Поэтому въ Вашингтонѣ, какъ и въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и прочихъ городахъ Союза, бѣлый цвѣтъ штукатурки можно видѣть только на общественныхъ зданіяхъ, преимущественно правительственныхъ, изъ частныхъ же домовъ только очень богатые люди позволяютъ себѣ эту роскошь.

Американецъ—человѣкъ семьи; домашній очагъ—это его храмъ, его святыня, гдѣ онъ проводитъ большую часть своего времени, гдѣ сосредоточены всѣ его радости и интересы среди дорогихъ для него существъ. Американецъ не любитъ трактирной жизни или ненужныхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто; онъ неохотно проводитъ свой досугъ внѣ дома, безъ жены и дѣтей. При такомъ отношеніи къ семьѣ и дому онъ желаетъ имѣть и самъ возможно большій комфортъ и доставить его всѣмъ членамъ семьи.

Сущность постройки домовъ заключается въ слѣдующемъ. Вся земля дѣлится на небольшіе равные участки, обыкновенно около 50 кв. саженъ. Такіе участки называются «лотами», и на такомъ крошечномъ пространствѣ вы должны устроить все свое хозяйство, т.-е. имѣть домъ, кухню, погребъ, сарай, конюшню, если есть лошадь или корова, и мѣста для разныхъ прочихъ необходимостей домашняго обихода; при этомъ вы должны все это устроить удобно и комфортабельно для всѣхъ и для всего.

Пространство между параллельными улицами, раздѣленное на участки, или лоты, представляетъ собою квадратъ. Этотъ квадратъ дѣлится пополамъ, параллельно улицамъ, такъ что одна часть лотовъ принадлежитъ къ одной улицѣ, а другая—къ ей параллельной. Оба эти ряда участковъ раздѣлены пространствомъ, обыкновенно не болѣе двухъ саженъ ширины; это пространство представляетъ собою нѣчто въ родѣ узкой улицы, которая обыкновенно не имѣетъ названія и служитъ средствомъ сообщенія задовъ отдѣльныхъ хозяйствъ; здѣсь, около этой, такъ сказать, черной улицы располагаются конюшни, стойла для скота, вы-

возится соръ и т. п. Такимъ образомъ одна часть лота выходитъ на проѣзжую улицу и составляетъ передній фасъ дома; а другая, задняя, часть выходитъ на черную безымянную улицу; въ такомъ же положеніи находится и другой рядъ лотовъ относительно другой параллельной улицы. Если читатель понялъ это расположеніе домовъ, то онъ понялъ устройство не только Вашингтона, но и всѣхъ городовъ Америки, потому что это именно основная черта устройства всѣхъ американскихъ городовъ. Поэтому и улицы въ городахъ взаимно пересѣкаются обыкновенно подъ прямымъ угломъ. Исключенія встрѣчаются только въ старыхъ частяхъ городовъ.

Такъ какъ лицевая сторона лота, обращенная на улицу, очень узка, не болѣе трехъ саженъ обыкновенно, то приходится при постройкѣ дома подниматься вверхъ и вглубь. Поэтому дома обыкновенно узки, высоки (въ 4 и 5 этажей, безъ подвала) и длинны, отъ 10 до 15 саженъ, а иногда и весь лотъ бываетъ застроенъ. Но большею частью, если домовладѣлецъ не разсчитываетъ пускать къ себѣ въ домъ жильцовъ, то длина дома бываетъ 8—10 саженъ, а остальное пространство оставляется для крошечнаго дворика, сараевъ и т. п. службъ.

Подъ тротуаромъ передъ домомъ обыкновенно находятся склады угля, дровъ и т. п. Для ссыпки угля устраивается въ тротуарѣ круглое отверстіе, около фута въ діаметрѣ. Нижняя часть подвальнаго этажа служитъ погребомъ огромныхъ размѣровъ, а въ верхней—кухня со всѣми приспособленіями къ ней. Затѣмъ, въ первомъ этажѣ парадная дверь на улицу съ отверстіемъ въ ней для писемъ и газетъ и съ ручкой для звонка, сѣни и парлоръ, или гостиная; сзади парлора—столовая, въ тѣсной связи съ кухнею и служебными частями дома. Парлоръ—обыкновенно самая большая и лучшая комната въ домѣ, прекрасно убранная коврами и покойною, удобною мебелью; рояль составляетъ принадлежность парлора. Здѣсь вся семья проводитъ все свое свободное время; сюда же собираются родные, друзья и знакомые.

Второй этажъ обыкновенно служитъ для помѣщенія старшихъ членовъ семьи, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою особую комнату и спальню. Въ третьемъ этажѣ комната для дѣтей и прислуги, если она есть. Камины или чугунныя печки для зимняго времени во всѣхъ главныхъ комнатахъ; каминъ въ парлорѣ обыкновенно самый изящный.

Вода проведена въ Вашингтонѣ во всѣ дома обильно, поэтому въ каждомъ домѣ устроены ванныя съ холодной и теплой водой и краны съ водой въ кухнѣ. Газъ проведенъ также во всѣ дома; домохозяева, по усмотрѣнію, проводятъ газовыя трубы въ любую часть дома, и почти во всѣхъ комнатахъ есть газовые рожки.

Полы въ домахъ по большей части деревянные, но вы ихъ нигдѣ не видите: во всѣхъ почти домахъ они закрыты—въ сѣняхъ, столовой

и кухнѣ прекрасною американскою клеенкою, а въ парлорѣ и всѣхъ прочихъ комнатахъ дома—коврами; при этомъ важно замѣтить, что клеенки и ковры составляютъ такую существенную принадлежность американскаго дома вообще и въ Вашингтонѣ въ частности, что они находятся въ помѣщеніи самаго бѣднаго чернорабочаго; разница только въ цѣнѣ и качествѣ.

Постели составляютъ предметъ особой заботливости; въ Вашингтонѣ и очень небогатые люди время сна и отдыха проводятъ въ очень комфортабельномъ положеніи.

Окна въ домахъ состоятъ изъ двухъ независимыхъ частей, или изъ двухъ полуоконъ. Каждое полуокно на особыхъ блокахъ и двигается по желобкамъ вверхъ и внизъ по желанію. Если хотите, то можете оба полуокна поднять вверхъ или оба опустить внизъ.

Передъ парадною дверью на улицѣ обыкновенно устраивается каменная лѣстница съ чугунною рѣшеткою по сторонамъ и площадкою передъ дверью. А такъ какъ эти пристройки находятся передъ всякимъ домомъ, то это придаетъ улицѣ очень оригинальный видъ, совершенно непохожій на европейскія улицы, за исключеніемъ Англіи. Въ теплые лѣтніе вечера всѣ семьи обыкновенно проводятъ здѣсь свое время отъ 7 до 9 и 10 часовъ. Взрослые разговариваютъ, а дѣти играютъ и рѣзвятся на тротуарѣ и на улицѣ; это придаетъ особую, своеобразную жизнь уличному Вашингтону и вечерами очень оживляетъ обыкновенно тихія днемъ его улицы.

Ни воротъ, ни калитокъ на улицу нѣтъ; домъ пристраивается къ дому безъ промежутковъ или пустотъ.

Но если эти дома цѣлесообразны для семейной жизни, то они очень малоудобны для торговыхъ цѣлей—для лавокъ, магазиновъ, ресторановъ и т. п. Эти заведенія, конечно, какъ и вездѣ, помѣщаются въ нижнемъ этажѣ. Владѣя какими-нибудь двумя съ половиной или тремя саженями фасовой стороны дома, купецъ не можетъ показать свой товаръ лицомъ покупателю по недостатку мѣста, такъ, какъ это дѣлаютъ хозяева магазиновъ въ городахъ Европы, гдѣ магазины занимаютъ втрое и вчетверо больше пространства въ ширину. Будучи узки, лавки, магазины, рестораны, по необходимости, очень длинны, иногда саженъ 7—10 и болѣе въ длину. Это придаетъ имъ уродливый видъ, и кромѣ того, они, по необходимости, сумрачны, такъ какъ свѣтъ отъ оконъ можетъ освѣтить хорошо ближайшую часть магазина или ресторана, а задняя часть обыкновенно въ полумракѣ. Чтобы помочь этому горю, богатыя фирмы или нанимаютъ сосѣдніе дома, или же строятъ спеціальные дома для торговли. Но такихъ исключеній въ Вашингтонѣ мало. Поэтому самые богатые магазины лишены европейскаго великолѣпія и блеска.

Отъ общаго плана отступаютъ дома богатыхъ людей и отели пер-

ваго класса. Банкиры, богатые фабриканты, купцы, сенаторы, бывшіе президенты и вице-президенты построили много домовъ въ разныхъ частяхъ города для собственнаго мѣстопребыванія зимою. Эти дома отдѣланы со всею роскошью и вкусомъ, какіе выработаны современной архитектурой. Но дома эти исключительные и принадлежатъ къ тѣмъ, о которыхъ говорится, что прежде, чѣмъ войти въ него, надо зайти въ лавочку, купить мыла, вымыть руки да потомъ уже звонить.

Второстепенные и третьестепенные отели почти ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ домовъ въ устройствѣ: они удобны, но безъ роскоши и шума; плата въ нихъ отъ полутора до двухъ долларовъ *). За эту цѣну, сверхъ помѣщенія, жилецъ получаетъ хорошій завтракъ, ленчъ (закуску) и обѣдъ.

Характеру домовъ соотвѣтствуютъ здѣсь и улицы. Весь городъ прорѣзанъ улицами и бульварами по всѣмъ направленіямъ такъ разумно, что въ городѣ не можетъ быть тѣсныхъ скопленій домовъ, такъ обычныхъ въ старыхъ городахъ. Здѣсь не можетъ быть поэтому источниковъ зловонія и грязи и эпидемическихъ болѣзней, потому что для движенія воздуха нѣтъ нигдѣ препятствій. Улицы обыкновенно, включая тротуары, имѣютъ десять саженъ ширины, а бульвары отъ 15 до 20-ти саженъ. Тротуары для пѣшеходовъ около домовъ выложены широкими плитами, но большая часть выложена кирпичомъ, который, впрочемъ грубъ для ноги,—широкія плиты лучше, хотя значительно дороже. Тротуары вездѣ всегда очень чисты и приведеніе ихъ въ порядокъ исполняютъ большею частью дѣти.

Всѣ улицы и бульвары обсажены по обѣимъ сторонамъ вѣтвистыми, тѣнистыми деревьями, такъ что лѣтомъ на солнечной сторонѣ можно ходить безъ зонтика, который иначе въ этомъ климатѣ необходимъ. Метутся улицы и бульвары на счетъ города огромными щетками, которыя приводятся въ движеніе двумя парами дюжихъ лошадей; четыре такихъ щетки метутъ улицы цѣлую ночь, начиная съ десяти часовъ вечера, такъ что утромъ весь городъ въ полномъ порядкѣ. Чтобы не дѣлать пыли щетками, впереди ѣдетъ огромная бочка съ водой, которая поливаетъ улицы дождикомъ; въ сухіе жаркіе дни такая поливка на людныхъ, проѣзжихъ улицахъ и бульварахъ бываетъ три-четыре раза въ день.

Улицы, на которыхъ движеніе не велико, вымощены деревянными брусками, то-есть имѣютъ торцовую мостовую; бойкія, проѣзжія улицы великолѣпно вымощены асфальтомъ. Наиболѣе удаленныя отъ центра улицы, по окраинамъ города, вымощены обыкновеннымъ мелкимъ камнемъ и поливаются очень рѣдко.

Всѣ улицы и бульвары прорѣзаны двойнымъ рядомъ рельсовъ, по

*) 3—4 рубля.

которымъ черезъ каждыя пять минутъ ходятъ прекрасные трамваи. Благодаря этому сообщенія въ городѣ чрезвычайно удобны; цѣна за всякое разстояніе пять центовъ (8 коп.); сверхъ того, множество омнибусовъ также снуютъ во всѣ стороны на болѣе далекія разстоянія. Поэтому своихъ лошадей держатъ только очень богатые люди, и когда они катаются въ чрезвычайно легкихъ американскихъ экипажахъ по гладкой асфальтовой мостовой на сытыхъ, красивыхъ коняхъ, то любо посмотрѣть. При этомъ богатые люди ѣздятъ всегда безъ кучеровъ, управляя лошадью сами. Извозчиковъ здѣсь немного и они очень дороги.

По всѣмъ частямъ города разбросаны парки, обыкновенно окруженные красивыми чугунными рѣшетками, съ фонтанами посрединѣ, съ площадками для игры дѣтей и множествомъ деревянныхъ и чугунныхъ скамеекъ для публики. Зелень и растительность въ нихъ поддерживаются самымъ тщательнымъ образомъ. Въ лѣтнее время парки обыкновенно полны гуляющими и дѣтьми съ нянями и матерями.

Благодаря широкимъ улицамъ и бульварамъ, множеству парковъ и замѣчательной чистотѣ города, Вашингтонъ теперь одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ, несмотря на лѣтніе жары. Соръ изъ домовъ и съ улицъ выносятъ ежедневно и онъ идетъ на удобреніе сосѣднихъ огородовъ и садовъ, такъ что по чистотѣ Вашингтонъ—лучшій городъ въ Америкѣ.

Какъ извѣстно, въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ господствующей религіи; всякому человѣку предоставлена здѣсь полная, безграничная свобода совѣсти и религіозныхъ убѣжденій. Но ни государство, ни городъ не имѣютъ права поддерживать какое-либо религіозное учрежденіе или вѣроисповѣданіе изъ общественныхъ суммъ и средствъ. Въ Вашингтонѣ находится множество храмовъ, принадлежащихъ разнымъ сектамъ и религіямъ. Въ архитектурномъ смыслѣ всѣ эти храмы можно раздѣлить на три группы. Наибольшая часть этихъ храмовъ представляетъ собою болѣе или менѣе обширныя залы даже безъ потолка; но и при этомъ внутренняя часть кровли окрашена и на ней сдѣланы или рисунки цвѣтовъ или звѣздъ, или тексты изъ Библіи; обыкновенно такіе залы-храмы обнесены оградой и обсажены деревьями и цвѣтами. Но при нихъ нѣтъ никакихъ пристроекъ. Ко второй группѣ относятся храмы, устроенные въ домахъ,—въ такомъ случаѣ въ домѣ отводится большая зала для религіозныхъ надобностей, а въ прочихъ частяхъ живутъ хозяева или духовное лицо, завѣдующее сектою. Къ третьей группѣ принадлежатъ обыкновенные храмы въ готическомъ стилѣ; такихъ храмовъ немного.

Всѣ храмы въ воскресные дни, до начала богослуженія, превращаются въ школы, гдѣ дѣти и взрослые, если желаютъ, получаютъ религіозное образованіе отъ духовныхъ, къ какой сектѣ кто принадле-

житъ. Нѣкоторые, особенно усердные изъ нихъ, держатъ и ежедневныя школы; въ этомъ особенно усердно католическое духовенство. Но это исключеніе, а не правило, потому что Вашингтонъ снабженъ свѣтскими школами обильно. Воскресные же уроки религіи такъ вошли въ нравы и обычай, что сдѣлались какъ бы обязательными. Уроки эти обыкновенно начинаются, прерываются и заканчиваются пѣніемъ священныхъ гимновъ. Ни креста, ни образовъ, ни статуй нѣтъ въ этихъ церквахъ; исключеніе составляютъ только храмы католическіе. Во-

Улица въ Вашингтонѣ.

всѣхъ безъ исключенія храмахъ полы устланы или коврами или веревочными матами, смотря по богатству храма; во многихъ храмахъ скамьи для сидѣнія молящихся обтянуты бархатомъ. Въ воскресные дни всѣ церкви полны изящными леди и джентльменами. Органы есть во всѣхъ церквахъ, даже и не католическихъ, какъ помощь для пѣнія.

Школы—честь и слава Америки, источникъ ея процвѣтанія и прогресса. Ни въ одной странѣ народное просвѣщеніе не достигло такихъ размѣровъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и ни одна страна въ мірѣ не тратитъ столько денегъ на просвѣщеніе своихъ дѣтей, какъ Америка.

Вашингтонъ въ этомъ отношеніи занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Поэтому зданія для школъ въ немъ принадлежатъ къ числу лучшихъ въ городѣ Обыкновенно они въ четыре этажа; классныя комнаты просторны, свѣтлы, съ патентованною американскою мебелью; украшены картами, картинами и прочими принадлежностями обученія. Наиболѣе праздничный видъ онѣ принимаютъ въ годичные экзамены въ іюнѣ каждаго года. Въ это время воспитанники и воспитанницы являются въ школы въ своихъ парадныхъ платьяхъ, въ сопровожденіи своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ. Классныя комнаты убираются флагами, зеленью, букетами; каждый изъ присутствующихъ имѣетъ также букетъ цвѣтовъ. Музыка и пѣніе—необходимыя принадлежности экзамена.

Наиболѣе красивое зданіе, посвященное просвѣщенію — это зданіе Колумбійскаго университета.

Изъ прочихъ общественныхъ зданій заслуживаютъ вниманія рынки и желѣзнодорожныя зданія. Каждый изъ рынковъ представляетъ собою большое зданіе; внутри—это просторная зала, освѣщенная тройнымъ рядомъ оконъ съ десятью огромными дверями. Вдоль этой залы идутъ параллельными рядами мраморные и деревянные столы, на которыхъ нагромождены вороха разной провизіи въ такомъ привлекательномъ видѣ, что и послѣ сытнаго обѣда можетъ явиться аппетитъ.

Благодаря обилію воды, простору и вниманію торговцевъ, рынки эти очень чисты; мясо обыкновенно завертывается въ бѣлыя скатерти, несмотря на то, что столы очень чисты, особенно мраморные. На этихъ рынкахъ можно видѣть вашингтонскихъ леди-хозяекъ, которыя приходятъ сюда сами съ прислугой или безъ нея, и вмѣстѣ эти рынки даютъ возможность ознакомиться со всѣми продуктами фермъ, скотнаго и птичьяго дворовъ, породами дичи и рыбы, огородовъ и садовъ.

Но не одни леди приходятъ сюда; нерѣдко является на рынокъ цѣлая семья: отецъ съ дѣтьми, няня, катающая ребенка въ колясочкѣ, слѣдуютъ за хозяйкой-леди. Особенно оживленный видъ принимаютъ рынки вечеромъ въ субботу, когда дѣлаются закупки на воскресенье. Тогда эти залы прекрасно освѣщены газомъ, полны народа, покупателей и простыхъ зрителей, и оглашаются веселымъ смѣхомъ, шутками и приглашеніями продавцовъ и продавщицъ. Всѣ покупатели или вообще публика одѣта нарядно, съ веселыми лицами, такъ что все это вмѣстѣ принимаетъ пріятный, веселый, праздничный видъ. Понятно, что въ такихъ рынкахъ, куда приходятъ изящныя леди, неудобно допустить грязь и нечистоту: она дѣйствительно и не допускается. Рынки устроены на счетъ города; купцы платятъ опредѣленную таксу за мѣсто, что выгодно обѣимъ сторонамъ: купцы имѣютъ прекрасное помѣщеніе на самомъ бойкомъ мѣстѣ, а городъ, украсивъ себя солидными зданіями, имѣетъ отъ нихъ постоянный доходъ. За каждымъ рынкомъ надзираютъ

особые клерки отъ города. Торговля обыкновенно продолжается отъ 4 часовъ до 8 утра; все остальное время зданія эти заперты, и только въ субботу вечеромъ дѣлается исключеніе.

Зданіе городской думы красиво, окружено прекраснымъ паркомъ.

Къ выдающимся общественнымъ зданіямъ принадлежатъ желѣзнодорожные вокзалы. Зданія эти роскошны, въ готическомъ стилѣ съ примѣсью американскаго; комнаты снабжены всѣми удобствами для пассажировъ, есть даже прекрасные умывальники, при которыхъ для пассажировъ мыло и полотенце, обиліе воды со льдомъ и безо льда; изящный буфетъ и ресторанъ; полы мозаичные, красивые, прекрасно отполированные. Скамьи, какъ и вездѣ въ Америкѣ, раздѣлены желѣзными перегородками на отдѣльныя сидѣнья, такъ что спать на нихъ въ ожиданіи отправки поѣзда, какъ это дѣлается сплошь на Руси, рѣшительно невозможно. Для курящихъ особая комната, а въ общей курить не позволяется. Вашингтонъ связанъ со всѣмъ союзомъ и служитъ передаточнымъ пунктомъ и соединеніемъ между желѣзными дорогами сѣвера, запада и юга, поэтому движеніе здѣсь огромное: ежедневно приходитъ и отходитъ болѣе 100 поѣздовъ въ день, помимо значительнаго пароходнаго движенія.

Но красоту города, его истинный смыслъ и значеніе, конечно, составляютъ зданія правительства Соединенныхъ Штатовъ. Союзное правительство устроено по образцу правительствъ каждаго отдѣльнаго штата, т.-е. состоитъ изъ власти законодательной, исполнительной и судебной. Мѣстомъ законодательной власти, т.-е. конгресса Соединенныхъ Штатовъ, служитъ Капитолій; поэтому намъ естественно начать съ него.

Капитолій невольно бросается въ глаза, потому что, будучи самъ по себѣ очень высокимъ зданіемъ, онъ стоитъ на холмѣ, который возвышается не только надъ городомъ, но и надъ всею окрестностью на многія мили. Мѣсто для него выбрано было самимъ Вашингтономъ.

Хотя Капитолій находится и въ центрѣ города, тѣмъ не менѣе стоитъ совершенно изолированно; близъ него нѣтъ ни одного зданія; вся эта огромная площадь занята паркомъ. Въ паркѣ по извѣстному плану разсажены деревья, которыя въ настоящее время даютъ много тѣни. Затѣмъ, между деревьями оставлены пустыя пространства въ формѣ треугольниковъ. Эти пространства, вмѣсто клумбъ съ цвѣтами и всякой другой растительности, покрыты зеленью. Но такую дивную изумрудную зелень и въ такомъ огромномъ количествѣ едва ли гдѣ возможно встрѣтить, и она придаетъ великое очарованіе парку и всей этой мѣстности.

Около Капитолія кругомъ оставлены широкія пространства для прохода и ѣзды и площадь предъ главнымъ входомъ; всѣ эти пространства вымощены гранитомъ, плитнякомъ и асфальтомъ не только удобно

и изящно, а роскошно; мѣстами пѣшеходныя дорожки выложены плитами мозаически, по рисунку.

Матеріаломъ для постройки Капитолія сначала служилъ желтоватый песчаникъ изъ Виргиніи; пристройки сдѣланы изъ бѣлаго мрамора съ голубыми жилками изъ Массачузетса; мраморныя колонны въ пристройкахъ, числомъ сто, изъ Мерилэнда. Куполъ Капитолія желѣзный, выкрашенный бѣлой краской; на вершинѣ его статуя Свободы, бронзовая фигура около 20 футовъ высоты, вѣнчаетъ все зданіе. Изящный, стройный, высокій куполъ, массивное зданіе, превосходныя мраморныя лѣстницы, роскошные портики, огромныя колонны, статуи и барельефы, все это въ связи съ историческими воспоминаніями придаетъ Капитолію особую привлекательность, своеобразную прелесть и художественное достоинство. Прекрасенъ Капитолій днемъ, онъ прекраснѣе утромъ, при восходѣ, и вечеромъ, при закатѣ солнца; но онъ еще прекраснѣе, поэтичнѣе при лунномъ освѣщеніи, когда вы одиноко любуетесь имъ и окружающею картиною, а городской шумъ мало-по-малу замираетъ. Смотря на Капитолій, вы читаете одну изъ самыхъ отрадныхъ страницъ изъ многовѣковой исторіи человѣчества.

Противъ фасада Капитолія стоитъ колоссальная статуя Вашингтона. Вашингтонъ представленъ здѣсь въ сидячемъ положеніи, на креслѣ, съ обнаженною головой и верхнею частью до пояса. Въ лѣвой его рукѣ мечъ въ ножнахъ, а правая указываетъ на небо. Кругомъ символическія фигуры и надпись: «Первый въ войнѣ, первый въ мирѣ, первый въ сердцахъ своихъ согражданъ».

Центръ Капитолія—ротонда, огромная, высокая, круглая зала, 14 саженъ въ діаметрѣ и 26 саженъ вышины. Трудно отыскать и въ Европѣ такую просторную и вмѣстѣ чрезвычайно пріятную и грандіозную залу, какъ эта. Она не имѣетъ никакого офиціальнаго назначенія и служитъ украшеніемъ Капитолія. Днемъ она освѣщена тройнымъ поясомъ огромныхъ оконъ. Посѣтители обыкновенно проводятъ здѣсь много времени. Во время засѣданій конгресса мѣстные жители приходятъ вечерами сюда просто прогуляться, посидѣть, поговорить, почитать газету, выкурить сигару. Дѣти играютъ и бѣгаютъ здѣсь, какъ дома у себя. Подметается она очень часто, потому что посѣтители набрасываютъ много сора. Но главную привлекательность имѣютъ здѣсь картины изъ исторіи Америки, напр.: первое вступленіе Колумба на американскій материкъ, открытіе Миссисипи, объявленіе независимости въ 1776 году (съ точнымъ изображеніемъ залы и лицъ, участвовавшихъ въ этомъ великомъ актѣ), сложеніе съ себя власти главнокомандующимъ союзной арміей, Вашингтономъ. Кромѣ картинъ, залу эту украшаютъ прекрасные барельефы, изображающіе событія изъ борьбы переселенцевъ съ индѣйцами.

Капитолій въ Вашингтонѣ.

Капитолій назначенъ служить мѣстомъ засѣданій конгресса, а конгрессъ представляетъ собою высшую законодательную власть въ Соединенныхъ Штатахъ. Управленіе каждаго штата состоитъ изъ двухъ законодательныхъ учрежденій—сената и палаты депутатовъ, собирающихся въ опредѣленное время въ столицѣ штата и отправляющихъ законодательную власть въ Капитоліи штата. Конгрессъ также состоитъ изъ двухъ законодательныхъ учрежденій—сената и палаты представителей, которые въ опредѣленное закономъ время обязательно являются въ столицу союза, Вашингтонъ, и держатъ свои законодательныя засѣданія въ Капитоліи. Выработанные конгрессомъ законы приводятся въ исполненіе исполнительною властью, при чемъ судебная власть слѣдитъ за тѣмъ, чтобы та и другая власти дѣйствовали согласно законамъ страны. Исполнительную власть представляетъ президентъ, который выбирается на 4 года.

Каждый штатъ имѣетъ полное самоуправленіе въ дѣлахъ своей внутренней жизни и дѣятельности. Правительство каждаго штата облечено властью охранять жизнь и собственность своихъ согражданъ: смотрѣть за порядкомъ и принимать разныя полицейскія мѣры; судить преступниковъ, наказывать ихъ по своимъ законамъ, заключать въ свои тюрьмы; установлять законы и правила по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, какъ воспитаніе и обученіе, призрѣніе бѣдныхъ и т. д.; устраивать дороги и мосты; давать разрѣшенія на устройство желѣзныхъ дорогъ и каналовъ; дѣлать оцѣнки имущества, облагать ихъ извѣстнымъ налогомъ и собирать эти налоги для разныхъ потребностей управленія внутри штата.

Что же остается послѣ этого правительству, общему для всего союза? Очень многое и важное, а именно: не имѣя ни права, ни власти вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ штатовъ, центральное правительство облечено законною властью дѣлать налоги для общихъ правительственныхъ потребностей; учреждать почты и почтовые тракты, установлять правила для заграничной торговли и для торговли и водяныхъ сообщеній между отдѣльными штатами; въ случаѣ внѣшней войны или волненій въ какомъ-либо штатѣ употреблять военную силу и располагать ею въ мирное время; дѣлать займы внѣшніе и внутреніе и выдавать патенты изобрѣтателямъ; чеканить монету, утверждать единицы мѣръ и вѣса; наказывать нѣкоторыя извѣстныя, указанныя закономъ преступленія и всѣ нарушенія законовъ общаго, союзнаго правительства.

Сенатъ составляется изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго штата, несмотря при этомъ ни на число жителей, ни на пространство штата, и потому сенатъ представляетъ не народъ, а именно самые штаты. Поэтому сенаторы избираются въ конгрессъ не народомъ штата, а прави-

тельствомъ каждаго штата, которое и даетъ инструкціи и требованія, которыя сенаторъ нравственно обязанъ поддерживать и проводить въ конгрессѣ. Чтобы быть избраннымъ въ сенаторы требуется возрастъ не ниже 30-ти лѣтъ. Сенаторы избираются на шесть лѣтъ. Вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ есть вмѣстѣ президентъ сената. Въ случаяхъ преданія суду президента или кого-либо изъ высшихъ правительственныхъ лицъ сенатъ превращается въ судебное учрежденіе и въ немъ тогда предсѣдательствуетъ верховный судья.

Президентъ избираетъ и назначаетъ лицъ на должности министровъ, посланниковъ, консуловъ, судей верховнаго совѣта и прочихъ должностныхъ лицъ, указанныхъ закономъ; но всѣ эти назначенія предварительно посылаются президентомъ на обсужденіе сената и получаютъ силу только въ случаѣ согласія сената. Если сенатъ не одобритъ назначеній, президентъ долженъ или представить новыхъ лицъ, или оставить прежнихъ на своихъ мѣстахъ.

Договоры международные также разсматриваются въ сенатѣ и получаютъ силу только съ его одобренія.

Зала засѣданія сената Соединенныхъ Штатовъ представляетъ собою великолѣпное помѣщеніе. Потолокъ устроенъ изъ желѣза и украшенъ изящною рѣзьбою по дереву; зала освѣщается сверху сквозь матовыя стекла въ потолкѣ и днемъ и вечеромъ во время засѣданія сената. Стѣны украшены живописью; вверху зала опоясана галлереей для публики, которая можетъ видѣть отсюда очень удобно сенаторовъ и все производство дѣлъ и слышать ихъ рѣчи. Мѣсто надъ кресломъ президента сената назначено для корреспондентовъ. Въ галлереѣ можетъ помѣститься до 1000 человѣкъ очень удобно: на всѣхъ скамьяхъ для публики находятся бархатныя подушки. За исключеніемъ секретныхъ засѣданій сената, входъ для публики безпрепятственный, конечно, съ соблюденіемъ полной тишины. Поэтому на галлереѣ вы видите и изящно одѣтыхъ леди, джентльменовъ, и рабочаго негра въ грязной рубахѣ, которую онъ не имѣлъ времени перемѣнить, идя съ работы, и ребятишекъ всякихъ возрастовъ. Отъ публики требуется полная тишина и порядокъ: иначе попросятъ оставить галлерею.

Кресло президента сената стоитъ у стѣны на возвышеніи; поодаль отъ него полукругами расположены кресла сенаторовъ со столиками передъ каждымъ кресломъ для письма. Полукруги идутъ отъ президента, возвышаясь постепенно на полфута. Около президента помѣщаются стенографы и секретарь сената. Сзади сенаторскихъ креселъ для удобства сенаторовъ находятся мягкіе диваны и кушетки. Сюда входъ публикѣ воспрещенъ и разрѣшается только высшимъ официальнымъ лицамъ, о чемъ публика извѣщается вывѣшенными около сената печатными правилами.

Передъ началомъ засѣданія коридоры и галлереи постепенно наполняются посѣтителями, а зала—сенаторами; спустя нѣсколько минутъ является президентъ сената (т.-е. вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ), котораго немедленно окружаютъ нѣсколько сенаторовъ; поговоривъ съ ними нѣкоторое время, онъ отправляется на свое предсѣдательское мѣсто, ударяетъ молоткомъ (деревяннымъ) по мраморной доскѣ своего стола и призываетъ этимъ знакомъ сенатъ къ порядку; сенаторы немедленно прекращаютъ разговоры и каждый идетъ къ своему мѣсту; послѣ краткой молитвы *) очередныя занятія начинаются чтеніемъ журнала предшествовавшаго засѣданія. Дѣлъ въ сенатѣ всегда много и самаго разнороднаго содержанія.

Очень оригинальную черту въ засѣданіяхъ сената и палаты депутатовъ представляютъ собою пажи сенаторовъ и депутатовъ. На официальномъ языкѣ они называются ихъ домашними секретарями. Это большею частью дѣти или родственники членовъ конгресса, мальчики отъ 10 до 14 лѣтъ; всѣ они очень просто, но чисто одѣты. Обязанность ихъ—быть на посылкахъ въ залѣ сената и палаты депутатовъ во время засѣданій. Они передаютъ книги, бумаги и проч. отъ одного члена другому; исполняютъ разныя порученія относительно посѣтителей, желающихъ видѣть какого-либо сенатора или депутата, и т. п. Если членъ конгресса желаетъ позвать пажа, то онъ хлопаетъ въ ладоши такъ громко, что это раздается по всей залѣ, послѣ чего является немедленно пажъ, получаетъ извѣстное приказаніе и мгновенно удаляется для его выполненія.

Перейдемъ теперь отъ сената къ палатѣ представителей. Члены ея представляютъ именно народъ, его интересы, желанія, нужды. Депутатъ долженъ имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду и быть гражданиномъ Союза. Срокъ депутатскихъ полномочій двухгодичный; выборы новыхъ депутатовъ происходятъ въ ноябрѣ черезъ каждые два года.

Главная власть и обязанность депутатовъ — составлять новые, дополнять или измѣнять старые законы, т.-е. законодательствовать вмѣстѣ съ сенатомъ и при его содѣйствіи и согласіи. Сенатъ по обсужденіи законовъ палатой представителей разсматриваетъ ихъ снова и затѣмъ или даетъ свое согласіе, или отказываетъ съ изложеніемъ своихъ мотивовъ отказа. Въ такомъ случаѣ законопроектъ вторично идетъ въ палату депутатовъ для разсмотрѣнія его поправокъ, дополненій или измѣненій къ нему. Палатѣ же депутатовъ предоставляется право избирать президента Соединенныхъ Штатовъ въ случаѣ, если голоса народа раздѣляются между нѣсколькими кандидатами на президентство.

*) Въ Америкѣ нѣтъ господствующей религіи, между тѣмъ всѣ общественныя занятія, торжества начинаются молитвою.

Прекрасная комфортабельная зала палаты дѣлаетъ очень пріятное впечатлѣніе и достойна своего назначенія быть мѣстомъ обсужденія высшихъ интересовъ страны. Наружность представителей также поддерживаетъ это впечатлѣніе. Физіономіи большинства выражаютъ умъ, смѣтливость, энергію, живость; американскіе депутаты въ своихъ манерахъ и движеніяхъ просты, но не грубы. Въ числѣ депутатовъ находятся и негры. Конечно, если они избраны въ депутаты, то это непремѣнно люди не безъ ума и таланта; дѣйствительно, держатъ они себя скромно, но съ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ представителю народа. Эти депутаты обыкновенно представляютъ чистый типъ негра: черный цвѣтъ кожи, ни мало не смягченный перемѣною климата; черные курчавые волосы, выдающіяся челюсти, отвислыя толстыя губы и великолѣпные бѣлые зубы. Одѣты они элегантно, какъ настоящіе джентльмены, и при этомъ чистое бѣлое бѣлье дѣлаетъ ихъ черноту еще болѣе рельефною. И бѣлые депутаты относятся къ нимъ, какъ къ равнымъ, дружески пожимаютъ руки, разговариваютъ, шутятъ и т. п. Но это только официально: впѣ официальныхъ сношеній между бѣлыми и черными людьми еще такая бездна, что нужна смѣна нѣсколькихъ поколѣній, чтобы сблизить эти двѣ расы до признанія полнаго равенства. Депутаты—народъ большею частью среднихъ лѣтъ, между 35 и 50; очень молодыхъ и очень старыхъ немного.

Зала палаты представителей находится на южной сторонѣ Капитолія; она по общему плану одинакова съ залою сената. Предсѣдатель палаты занимаетъ мѣсто у южной стѣны; поодаль отъ него полукругами кресла депутатовъ, съ письменнымъ столикомъ передъ каждымъ кресломъ. По обѣимъ сторонамъ представителя находятся портреты Вашингтона и Лафайета; почти напротивъ его огромная карта Соединенныхъ Штатовъ съ самыми мелкими подробностями географіи, статистики, этнографіи и метеорологіи страны. Ковры покрываютъ полы, какъ и въ сенатѣ, и также сзади депутатскихъ мѣстъ находится для отдыха рядъ диванovъ. Галлерея для публики устроена одинаково съ галлереею сената; особыя отдѣленія назначены для представителей печати и для дипломатовъ. Галлерея можетъ помѣстить свыше 1.000 человѣкъ публики. Зала эта, какъ и сенатъ, прекрасно освѣщается сверху, что очень удобно для глазъ и неизбѣжно, потому что обѣ залы помѣщаются внутри Капитолія и окружены коридорами и рядомъ служебныхъ комнатъ, такъ что здѣсь не было бы возможности пропустить свѣтъ сквозь окна. Поэтому обѣ залы—сенатская и депутатовъ—оконъ вовсе не имѣютъ, а только двери. Свѣтъ, постоянно ровный и обильный, проводится сквозь матовыя стекла потолка.

Зала депутатовъ по объему почти одинакова съ сенатской; но сенаторовъ, съ делегатами отъ территорій и чиновниками, всего человѣкъ

около 90; въ палатѣ же однихъ депутатовъ 292; прибавивъ къ этому 9 делегатовъ, чиновниковъ, пажей и почетныхъ посѣтителей (офиціальныхъ, такъ какъ частные не имѣютъ права входа), мы найдемъ, что въ этой залѣ всегда находится народа далеко за 300 душъ. Такое количество разнообразнаго народа само по себѣ уже должно производить значительный шумъ. Но тутъ къ шуму присоединяются громкій разговоръ и смѣхъ депутатовъ, раздающіеся по всей залѣ, ихъ переходы другъ къ другу и къ столу предсѣдателя, приходъ и уходъ ихъ изъ залы. Кромѣ этого, многіе члены пишутъ, при чемъ шелестъ бумаги, отпираніе и запираніе ящиковъ въ ихъ письменныхъ столахъ увеличиваютъ шумъ еще больше; переворачиваніе огромныхъ газетныхъ листовъ читающими также не обходится безъ шума. Затѣмъ около каждаго депутата ворохъ книгъ и разныхъ документовъ въ столикѣ, на немъ и подъ нимъ и подъ кресломъ; когда хозяинъ разыскиваетъ нужный документъ, то часть этого печатнаго матеріала сваливается, и пажи подбираютъ не безъ шума. Далѣе, депутаты во время засѣданій отправляютъ въ свой штатъ къ избирателямъ массу циркуляровъ, газетъ, парламентскихъ рѣчей, брошюръ, писемъ. Поэтому свертки, приготовленные для почты, летятъ, если близко, изъ рукъ депутата въ уголъ, гдѣ такихъ сверетковъ уже лежатъ сотни, или же, если швырянье не удобно, раздается громкое рукоплесканіе (принимаемое обыкновенно новыми посѣтителями за аплодисментъ), и по этому знаку является пажъ, который, получивъ порученіе, летитъ его исполнить. Всѣ коридоры около залы полны народомъ; это главнымъ образомъ люди дѣловые, имѣющіе надобность въ своихъ депутатахъ; тутъ вы видите представителей всего Союза: мужчинъ, лэди и миссъ; они пишутъ свои адресы на карточкахъ и передаютъ ихъ «хранителю дверей» *), который или самъ относитъ ихъ къ депутату, или же поручаетъ пажу; двери въ палату со всѣхъ сторонъ то и дѣло отворяются, и этотъ внѣшній шумъ неизбѣжно врывается въ палату.

И среди этого шума, движенія, разговоровъ, смѣха, рукоплесканій для призыва пажей читаются секретаремъ палаты отчеты и доклады, произносятся рѣчи, идетъ подача голосовъ и все прочее.

Если вы теперь сообразите все разнообразіе шума вольнаго и невольнаго внизу и вверху палаты, внутри и снаружи ея, то вы получите въ результатѣ уже не шумъ, а какой-то прерывистый, разнозвучный постоянный стонъ и гулъ въ этомъ законодательномъ собраніи. При этомъ

*) Хранители дверей въ сенатѣ и палатѣ депутатовъ, несмотря на кажущуюся маловажность ихъ службы, на дѣлѣ лица не только важныя, но и вліятельныя, и обыкновенно избираются изъ полковниковъ или генераловъ сенатомъ и палатою особо. Въ сенатѣ, гдѣ въ извѣстныхъ случаяхъ бываютъ секретныя засѣданія, хранитель дверей имѣетъ право присутствовать на послѣднихъ.

многихъ изумляетъ и то, что нѣкоторые депутаты, читая газету, кладутъ свои ноги или на сосѣднее кресло, если оно пусто, или же на свой письменный столъ; нѣкоторые лежатъ на диванахъ и дремлютъ; многіе сидятъ, разговаривая, спиной къ предсѣдателю.

Равнодушно ли относятся они къ дѣламъ палаты? Къ нѣкоторымъ да, а вообще нѣтъ. Есть дѣла очень нужныя и важныя, но, такъ сказать, покойнаго характера, каковы, напр., техническія. Положимъ, нужно очистить извѣстную гавань, устроить маяки, построить зданіе для солдатъ, прорыть каналъ, установить новый почтовый трактъ и т. п. Понятно, что такіе предметы не могутъ вызвать ни волненій, ни возбужденія; въ палатѣ дѣла такого рода разсматриваются въ спеціальной комиссіи, въ палату вносятся ради проформы для ея одобренія, потому что иначе рѣшенія комиссіи не имѣютъ законной силы и не могутъ быть внесены въ сенатъ. При разсмотрѣніи такихъ вопросовъ (а ихъ всегда большинство во время засѣданій) депутаты мало обращаютъ вниманія на чтеніе секретаря и заняты или разговорами, или своими дѣлами. Но и при этомъ всегда найдется человѣкъ 10 — 15, которые относятся съ интересомъ и къ такимъ спеціальнымъ дѣламъ, такъ что самыя дѣла отъ равнодушія большинства нисколько не страдаютъ.

Послѣ Капитолія, безъ сомнѣнія, для всякаго посѣтителя Вашингтона самый интересный предметъ «Бѣлый домъ», жилище президента. Домъ этотъ находится среди небольшого, но изящнаго парка съ прелестною зеленью, на разстояніи около двухъ верстъ отъ Капитолія. Отъ Капитолія до Бѣлаго дома идетъ самая оживленная, изящная и веселая часть города, находящаяся на Пенсильванскомъ бульварѣ; вокругъ Бѣлаго дома расположены правительственныя зданія.

По наружности домъ глядитъ просто, но очень пріятно: дома нашихъ многихъ помѣщиковъ, богатыхъ купцовъ будутъ больше и красивѣе, и гораздо богаче. Домъ въ три этажа; онъ построенъ изъ желтоватаго камня, но оштукатуренъ, закрашенъ бѣлымъ цвѣтомъ, отчего получилъ имя «Бѣлаго дома»; въ то время, когда онъ строился, это былъ единственный бѣлый домъ, а прочіе были или красные, или сѣрые.

Во второмъ этажѣ Бѣлаго дома замѣчательна большая пріемная зала, украшенная фресковою живописью, зеркалами, картинами, драпри и, конечно, коврами. Она употребляется для официальныхъ парадныхъ собраній и въ особенно важныхъ случаяхъ. Въ этой же залѣ совершается утратившій свой смыслъ, мучительный для президента, извѣстный «обрядъ пожиманія руки». Въ теченіе двухъ-трехъ часовъ президентъ стоитъ и пожимаетъ руки народа, который гуськомъ, въ линію, одинъ за другимъ подходитъ къ нему. Бывали случаи, что у президен-

товъ распухали руки до плечъ послѣ этихъ пылкихъ дружескихъ пожатій 5—10 тысячъ согражданъ.

Кромѣ этой залы, находятся и другія—зеленая, голубая и красная, въ которой президентъ принимаетъ посланниковъ и высшихъ чиновниковъ.

Черезъ Атлантическій океанъ.

(В. Витковскаго.)

Покинувъ живописный Коркскій заливъ *), нашъ пароходъ повернулъ на западъ и пошелъ полнымъ ходомъ. Въ это время раздался звонъ призывнаго колокола, и пассажиры шумною толпою двинулись въ обширную столовую. Общество во второмъ классѣ было самое разнообразное, но большинство составляли молодые люди, повидимому, мелкіе приказчики, уже не въ первый разъ совершающіе переѣздъ въ Америку. Къ концу обѣда ирландскіе берега еще виднѣлись на сѣверѣ, по всѣмъ же другимъ направленіямъ открывался широкій просторъ, и благодаря пасмурной погодѣ океанъ представлялся мрачнымъ, негостепріимнымъ. На палубѣ суетились матросы, разбирая вещи, подвязывали канаты и вообще приводили пароходъ въ порядокъ, который долженъ быть во время путешествія, дабы ничего не болталось и ничего не могло быть сброшено порывами вѣтра.

Огромная верхняя палуба парохода представляла полный просторъ для прогулокъ; тутъ же стояли сотни скамеекъ и складныхъ стульевъ, на которыхъ желающіе могутъ сидѣть и лежать. Благодаря дѣйствію машины пароходъ даже и въ тихую погоду не идетъ спокойно впередъ, а всегда немного покачивается съ боку на бокъ, при вѣтрѣ же это покачиваніе дѣлается весьма ощутительнымъ. Поэтому прогулки по палубѣ требуютъ извѣстнаго навыка: надо стараться и самому не падать и другихъ не толкать. Между тѣмъ, по отзывамъ врачей, эти прогулки—единственное надежное средство отъ морской болѣзни. Но такъ какъ простое шаганіе по палубѣ скоро надоѣдаетъ, то заботливая администрація предлагаетъ къ услугамъ пассажировъ незамысловатыя орудія для особыхъ игръ, спеціально приспособленныхъ къ постоянно покачивающейся палубѣ. Одна игра заключается въ бросаніи колецъ на стержень. Кольца сдѣланы изъ обрывковъ толстаго каната, и какъ они ни велики по сравненію съ толщиною стержня, но накинуть кольцо на поставленный въ нѣсколькихъ саженяхъ стержень при безпрестанныхъ перемѣнахъ въ наклонѣ палубы не очень легко. Другая игра заключается въ толканіи плоскихъ деревянныхъ кружковъ при помощи длинныхъ палокъ съ расширеніемъ въ видѣ лопатки. На па-

*) На южномъ берегу Ирландіи.

лубѣ чертится мѣломъ огромная фигура, раздѣленная на клѣтки; играющіе, стоя внѣ этой фигуры, толкаютъ каждый свой кружокъ и стараются попасть въ ту или другую клѣтку и выбить изъ нихъ кружки, посланные туда предыдущими толчками. И тутъ наклонъ палубы постоянно разстраиваетъ расчетъ играющихъ, такъ что многіе до того горячились и увлекались процессомъ игры, что, дѣйствительно, некогда было думать о качкѣ. Въ этихъ играхъ принимали участіе и дамы.

По вечерамъ мужчины собирались обыкновенно въ курилкѣ, гдѣ безцеремонно клали ноги на столъ и пили пиво, а нѣкоторые пѣли пѣсни. Однажды устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ. Какой-то старикъ усѣлся въ столовой на предсѣдательское мѣсто и по заранѣе составленной программѣ предлагалъ желающимъ развеселять публику. Всего больше было пѣвцовъ и пѣвицъ; хотя исполненіе ихъ было далеко не безукоризненное, но невзыскательная публика награждала всѣхъ дружными аплодисментами, которые заглушали шумъ машинъ и завываніе вѣтра. Нѣсколько ораторовъ произносили рѣчи или комическіе разсказы, а какой-то электротехникъ изъ Денвера (главный городъ штата Колорадо) прочелъ цѣлую лекцію о новѣйшихъ усовершенствованіяхъ въ области электрическаго освѣщенія.

Пора однако хоть вкратцѣ описать самый пароходъ.

Его длина равна слишкомъ 75 саж., ширина—9 саж. и высота около 6 саж. Весь корпусъ сдѣланъ изъ стали и раздѣленъ многими непроницаемыми переборками, такъ что въ случаѣ течи въ одномъ мѣстѣ только небольшое сравнительно пространство наполнится водою. Для пассажировъ эти переборки имѣютъ однако и неудобство, потому что затрудняютъ сообщеніе въ нижнихъ каютахъ: чтобы перейти изъ одного отдѣленія въ другое, необходимо пройти по нѣсколькимъ лѣстницамъ. Всего замѣчательнѣе тутъ три машины съ тремя отдѣльными трубами; въ постоянномъ дѣйствіи находятся однако лишь двѣ изъ нихъ, приводящія въ вращеніе два громадныхъ вала съ гребными винтами; третья машина поочередно отдыхаетъ и чистится. Въ кочегарномъ отдѣленіи—настоящій адъ: здѣсь черномазые отъ угольной пыли кочегары въ однѣхъ рубашкахъ непрерывно работаютъ, подбрасывая уголь въ топки. Изъ числа 400 человѣкъ служащихъ на пароходѣ, начиная съ капитана и до послѣдняго матроса, имѣется 120 кочегаровъ, раздѣленныхъ на три смѣны, такъ что 40 человѣкъ заняты безпрерывно, день и ночь, бросаніемъ угля въ топки; впрочемъ, это и немудрено, такъ какъ машины сжигаютъ каждыя сутки 18.000 пудовъ угля.

Пароходъ имѣетъ пассажирскихъ мѣстъ 500 перваго, 200 второго и 500 третьяго классовъ. Собственно каюты перваго класса, гдѣ пассажиры спятъ, ничѣмъ не отличаются отъ каютъ второго: тѣ же каморки на четыре человѣка со всѣми удобствами для спящаго и его вещей,

электрическими звонками и освѣщеніемъ; разница заключается только въ числѣ и роскоши отдѣлки общихъ помѣщеній. У пассажировъ 1-го класса имѣются роскошная громадная столовая, зала со сводчатымъ стекляннымъ потолкомъ и великолѣпными поворотными креслами для сидѣнья, гостиная съ роскошною легкою мебелью и піанино, библіотека, вся устланная коврами, съ изящными рѣзными книжными шкапами, бюстами выдающихся англійскихъ писателей и ученыхъ и нѣсколькими столами съ полными письменными принадлежностями и, наконецъ, роскошная и обширная курительная зала, въ которой вся мебель обита тисненою кожей, а полъ мозаичный изъ красивыхъ разноцвѣтныхъ ка-

Столовая 1-го класса на океанскомъ пароходѣ.

фель. Пассажиры 3-го класса помѣщаются частью въ носу, частью въ кормѣ внизу. У нихъ общія каюты, гдѣ устроены нары въ два яруса, и хотя пассажиры лежатъ тутъ вповалку одинъ подлѣ другого, но всѣ мѣста пронумерованы, и каждый имѣетъ свое. Пища для нихъ выносится на открытую палубу въ большихъ котлахъ, и каждый является со своею собственною посудою, такъ какъ таковой отъ парохода не полагается. Одно неудобство этихъ пассажировъ—это отсутствіе опредѣленнаго мѣста для отдохновенія днемъ; имъ предоставлены лишь боковыя галлереи, расположенныя вдоль всего парохода на нижнихъ палубахъ, по бокамъ внутреннихъ помѣщеній. Тутъ очень недостаточное число скамеекъ, и большинство сидитъ запросто на полу. Ночью всѣхъ этихъ пассажировъ запираютъ въ ихъ каютахъ внизу, и выходъ на свѣ-

жій воздухъ для нихъ прекращается. Пассажиры же 1-го и 2-го класса имѣютъ въ полномъ своемъ распоряженіи какъ днемъ, такъ и ночью всю верхнюю открытую палубу, на которой устроено множество красивыхъ деревянныхъ диванов на манеръ садовыхъ и, кромѣ того, имѣется нѣсколько сотъ складныхъ деревянныхъ креселъ, на которыхъ каждый можетъ усаживаться гдѣ угодно и какъ ему удобнѣе. Въ солнечные ясные дни поверхъ верхней палубы натягиваютъ огромный тентъ, и пребываніе на открытомъ воздухѣ въ тѣни и особенно гдѣ-нибудь за вѣтромъ весьма пріятно.

На случай крушенія парохода на верхней палубѣ подвѣшено множество лодокъ и даже два паровыхъ катера внушительныхъ размѣровъ. Кромѣ того, въ каждой каютѣ по числу пассажировъ у потолковъ укрѣплены пробковые пояса. Вся организація службы на пароходѣ внушаетъ довѣріе и спокойствіе. Матросы не суетятся и днемъ ихъ почти не видно. Только рано утромъ, передъ восходомъ солнца десятки ихъ высыпаютъ на палубу для производства общей приборки. При этомъ палуба обильно поливается водой и протирается швабрами.

У капитана парохода имѣются два помощника, которые поочередно дежурятъ и ежедневно опредѣляютъ мѣсто парохода.

Разгуливая по палубамъ, я нашелъ, что самыя любопытныя мѣста—это на носу и на кормѣ. На носу можно любоваться величественными фонтанами, происходящими отъ быстраго прорѣзыванія воды пароходомъ. Брызги этихъ фонтановъ поднимаются на три сажени и болѣе вверхъ и съ шумомъ разсыпаются по обѣ стороны. Съ кормы виденъ цѣлый водоворотъ, образуемый могучими пароходными винтами. Водоворотъ, страшный у кормы, далѣе постепенно затихаетъ и обращается въ длинный непрерывный слѣдъ свѣтло-голубой пѣны. Ночью картины брызгъ по бортамъ и за кормою еще красивѣе, чѣмъ днемъ. Брызги горятъ сильнымъ фосфорическимъ блескомъ. Каждая капля воды какъ бы обладаетъ собственнымъ свѣтомъ, но у кормы нерѣдко вспыхиваетъ яркое пламя, которое потомъ медленно угасаетъ, уносясь вдаль, по мѣрѣ движенія парохода впередъ. Этимъ зрѣлищемъ можно любоваться цѣлые часы—такъ оно красиво, разнообразно и величественно.

Въ субботу, въ третій день плаванія, погода стала измѣняться къ худшему: нависли густыя, мрачныя тучи и поднялся довольно сильный вѣтеръ. Пароходъ начало качать, и къ чаю, а особенно къ завтраку явилось гораздо меньше пассажировъ: многіе уже страдали припадками морской болѣзни. Какъ извѣстно, единственное средство противъ этой болѣзни—привычка. Настоящіе моряки ей не подвергаются; обыкновенные пассажиры при краткости морскихъ переѣздовъ въ настоящее время не имѣютъ возможности привыкнуть къ качкѣ. Кровообращеніе дѣлается неправильнымъ, вызываетъ тошноту, даже и рвоту. Страда-

ютъ не только женщины, но и сильные на видъ мужчины; дѣти вовсе не подвергаются морской болѣзни. Во время припадковъ многіе неподвижно лежатъ въ каютахъ, но лучше выходить наверхъ и гулять по палубѣ. При сильномъ движеніи припадки ослабѣваютъ.

Къ вечеру погода сдѣлалась еще хуже, а ночью началась настоящая буря. Несчастные пассажиры, чтобы развлечь себя, задумали устроить концертъ, но онъ былъ на этотъ разъ очень неудаченъ. Пѣвицы послѣ двухъ-трехъ тактовъ неестественно взвизгивали и убѣгали въ свои каюты. За ужиномъ посуда была поставлена въ особыя рамки, прикрѣпленныя къ столамъ, но это не избавляло отъ безпрестаннаго проливанія жидкостей, обливанія платья сосѣдей и т. п. Даже лакеямъ, уже привыкшимъ къ превратностямъ морской жизни, видимо было не по себѣ; ужинъ при весьма немногочисленномъ собраніи пассажировъ прошелъ крайне грустно: безпрестанно слышались клятвы того или другого пассажира, что онъ никогда не предприметъ новаго океанскаго путешествія.

Ночью на палубѣ не было возможности оставаться. Шелъ сильный дождь, и палуба, на которой и днемъ при качкѣ трудно ходить, теперь представляла скользкую гладкую поверхность: при малѣйшей неосторожности можно рисковать быть сброшеннымъ въ океанъ. Поневолѣ пришлось спуститься въ каюты. Здѣсь отовсюду доносились стоны больныхъ и суета прислуги.

Послѣ весьма непріятной ночи, въ теченіе которой мнѣ удалось заснуть лишь подъ утро, я былъ пораженъ тишиною: качка прекратилась, стоны у сосѣдей тоже. Одѣвшись и выйдя на палубу, я съ удовольствіемъ убѣдился, что стояла превосходная погода. Повидимому, океанъ хотѣлъ порадовать насъ къ праздничному дню воскресенья. Солнце ярко свѣтило, и небо почти очистилось отъ облаковъ. За завтракомъ я узналъ, что на пароходѣ будутъ совершены церковныя службы: англиканская въ общей залѣ 1-го класса и католическая (для ирландцевъ) въ каютѣ 2-го. Около 10 часовъ утра начало службы возвѣщалось уже протяжными звуками тѣхъ же инструментовъ, которыми пассажиры ежедневно по нѣскольку разъ созывались къ обычнымъ пріемамъ пищи.

Когда пассажиры вернулись на палубу, откуда можно было любоваться роскошнымъ видомъ почти спокойнаго океана и предаваться незатѣйливымъ играмъ, которымъ не мѣшала теперь качка, вниманіе многихъ было привлечено черною точкой и небольшимъ фонтанчикомъ недалеко отъ парохода: это былъ огромный китъ, грѣвшійся на солнцѣ и вскорѣ подплывшій довольно близко. Къ сожалѣнію, нельзя было разсмотрѣть тѣла кита: изъ воды выдѣлялась только его длинная черная спина. Затѣмъ, обозрѣвая горизонтъ въ бинокль, я увидалъ какъ бы

отдаленные паруса; но это были не паруса, а ледяныя горы, или, какъ называютъ ихъ англичане, айсберги. Однако онѣ были такъ далеко, что подробностей нельзя было разсмотрѣть даже въ бинокль; нѣтъ сомнѣнія, что эти айсберги были громадны.

Ночью въ спокойную погоду картина океана также очень занимательна. Звѣзды свѣтятъ чрезвычайно ярко на совершенно темномъ небосклонѣ. Это объясняется замѣчательною прозрачностью воздуха, свободнаго отъ пыли. Два раза въ теченіе нашего переѣзда мы встрѣчали ночью пароходы. Они проходили въ сущности довольно далеко, но мы обмѣнивались сигналами при помощи ракетъ. Всякая встрѣча отмѣчается въ судовыхъ журналахъ на случай погибели. Если судно и пропадетъ, то по собраннымъ потомъ справкамъ можно судить, гдѣ случилось крушеніе или по крайней мѣрѣ около какихъ мѣстъ судно видѣли въ послѣдній разъ.

Послѣ спокойной и тихой ночи съ воскресенья на понедѣльникъ я былъ пораженъ уже съ утра рѣзкими и непріятными звуками. Оказалось, что это ревуны, или сирены, приводимые въ дѣйствіе во время тумана для предотвращенія столкновеній съ другими судами. Увѣряютъ, что звуки ревуна слышны на 5 верстъ, и поэтому всякое встрѣчное судно можетъ своевременно принять мѣры для устраненія хотя и мало вѣроятнаго, но возможнаго столкновенія. Туманы въ океанѣ вообще не рѣдки, но лѣтомъ они держатся преимущественно вдоль извѣстнаго теплаго теченія Гольфстрема. Только во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ туманъ пропадаетъ; въ теперешнюю же пору, когда въ океанѣ было весьма холодно, теплыя воды Гольфстрема отмѣчаются полосой сплошного тумана.

Двое сутокъ мы не выходили изъ тумановъ, и пронзительные звуки ревуновъ наводили тоску на всѣхъ пассажировъ. Къ счастью, все обошлось благополучно, и пароходъ не уменьшалъ своего хода. На пятый день плаванія мы были уже южнѣе Ньюфаундлендскихъ мелей и быстро приближались къ цѣли.

Вечеромъ, наканунѣ прихода въ Нью-Іоркъ, въ курилкѣ на столахъ появились объявленія и расписанія американскихъ желѣзныхъ дорогъ, разложенныя администраціей парохода для развлеченія публики. Всѣ объявленія изданы очень изящно, но съ американскимъ беззастѣнчивымъ пошибомъ; каждая гостиница выдавала себя первою, если не по удобствамъ и роскоши, то по дешевизнѣ. Многочисленныя желѣзныя дороги, несмотря на тутъ же приложенныя карты, завѣряли, что представляютъ наиболѣе короткій путь во всѣ города штатовъ. Напримѣръ, изъ Нью-Іорка въ Чикаго существуетъ, судя по путеводителямъ, семь кратчайшихъ путей.

Пока мы болтали въ курилкѣ, подошелъ юнга съ пачкою газетъ,

только что отпечатанныхъ на пароходѣ. Тутъ оказалась и своя типографія.

Послѣдняя ночь на пароходѣ опять прошла тревожно. Туманъ былъ слабѣе, но снова началась качка. Опять возобновились стоны сосѣдей. Прислуга успокоивала надеждою, что это послѣдняя ночь и завтра мы будемъ на берегу; всѣ съ томленіемъ ожидали разсвѣта.

На шестой день плаванія я всталъ утромъ раньше обыкновеннаго и вышелъ на палубу посмотрѣть, не видно ли береговъ. Однако ничего не было видно, только погода разгулялась, тумана уже не было вовсе и ревуны безмолвствовали. Во время завтрака кто-то прибѣжалъ въ столовую и провозгласилъ, что берегъ уже виденъ. Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ и бросились къ окнамъ. Дѣйствительно, на сѣверѣ, т.-е. справа, виднѣлась низменная отмель острова Лонгъ-Айланда, совершенно голая, безъ построекъ и лишенная растительности. Однако и этого было довольно. Всѣ пріобрѣли вѣру, что сегодня мы будемъ въ Нью-Іоркѣ. Набожные ирландцы крестились и поздравляли другъ друга. Всѣ торопились на палубу любоваться Америкою, которая для многихъ должна будетъ сдѣлаться новымъ отечествомъ. Я вооружился биноклемъ и сталъ слѣдить за полосою песка, которая выдѣлялась постепенно все отчетливѣе, хотя мы были отъ нея не ближе 20 верстъ и плыли почти параллельно берегу. Кое-гдѣ виднѣлись уже постройки и даже фабричныя трубы. Съ берега повѣяло тепломъ, пассажиры начали переодѣваться и укладывать вещи. Какой-то джентльменъ собиралъ деньги въ пользу пароходной прислуги. Матросы укрѣпляли какія-то снасти и приводили въ порядокъ паровыя лебедки, чтобы изготовиться къ выгрузкѣ багажа. Вотъ открылся берегъ и на югѣ, слѣва; значитъ, мы вступили уже въ Нью-Іорскій заливъ.

Эмигранты.

(В. Короленко) *).

Проходитъ день, проходитъ другой. Солнце садится въ море съ одной стороны, на утро подымается изъ моря съ другой. Плещетъ волна, ходятъ туманныя облака, летаютъ за кораблемъ чайки, садятся на мачты, потомъ какъ будто отрываются отъ нихъ вѣтромъ и, колыхаясь съ бока на бокъ какъ клочки бѣлой бумаги, отстаютъ, отстаютъ и исчезаютъ назади, улетая обратно, къ европейской землѣ, которую наши лозищане покинули навѣки. Матвѣй Лозинскій провожаетъ ихъ

*) Изъ повѣсти „Безъ языка“. Матвѣй и Дыма — переселенцы изъ Волынской губ., изъ дер. Лозищи. Они ѣдутъ въ Америку, совершенно не умѣя говорить ни на какомъ иностранномъ языкѣ.

глазами и вздыхаетъ. И рисуется передъ нимъ сосновый лѣсъ, подъ лѣсомъ рѣчка съ блѣдною лозой, надъ рѣчкой бѣдныя соломенныя хаты. И кажется, вернулся бы назадъ къ прежней бѣдѣ, родной и знакомой.

А море глухо бьетъ въ борты корабля, и волны, какъ горы, поднимаются и падаютъ, съ рокотомъ, съ плескомъ, съ глухимъ стономъ, какъ будто кто грозитъ и жалуется вмѣстѣ. Корабль клонитъ, клонитъ... вотъ, кажется, совсѣмъ перевернется, а тамъ опять начнетъ подниматься съ кряхтѣніемъ и скрипомъ. Гнутся и скрипятъ мачты, сухо свиститъ вѣтеръ въ снастяхъ; а корабль все идетъ и идетъ; надъ кораблемъ свѣтитъ солнце, надъ кораблемъ стоитъ темная ночь, надъ кораблемъ задумчиво висятъ тучи, или гроза бушуетъ и ревetъ на океанѣ, и молніи падаютъ въ колыхающуюся воду. А корабль все идетъ и идетъ...

Къ вечеру океанъ подернулся темнотой, небо угасало, а верхушки волны загорались какимъ-то особеннымъ свѣтомъ... Матвѣй замѣтилъ прежде всего, что волна, отбѣгавшая отъ остраго корабельнаго носа, что-то слишкомъ бѣла въ темнотѣ, павшей давно на небо и на море. Онъ нагнулся книзу, поглядѣлъ въ глубину—и замеръ...

Вода около корабля свѣтилась, въ водѣ тихо ходили блѣдные огни, вспыхивая, угасая, выплывая на поверхность, уходя опять въ таинственную и страшную глубь... А передъ глазами ходилъ океанъ, и колыхался, и гремѣлъ, и сверкалъ, и угасалъ, и свѣтился...

На третій день пути, выйдя на палубу, Матвѣй увидѣлъ впереди корабль. Сначала ему показалось, что это маленькій игрушечный кораблikъ запутался между снастями того парохода, на которомъ они сами плыли. Но это оттого, что прозрачный и ясный воздухъ приближалъ все, а кругомъ, кромѣ воды, ничего не было. Парусный корабль качался и росъ, и когда поровнялся съ ними, то Лозинскій увидѣлъ на немъ веселыхъ людей, которые смѣялись и кланялись, и плыли себѣ дальше, какъ будто имъ не о чемъ думать и заботиться и жизнь ихъ будто всегда идетъ такъ же весело, какъ ихъ корабль по волнамъ при попутномъ вѣтрѣ... А въ другой разъ въ сильную качку, когда на носу ихъ парохода стояла цѣлая туча брызгъ, онъ опять смотрѣлъ, какъ такой же кораблikъ, весь наклонившись на бокъ, летѣлъ, какъ птица. Волны вставали и падали, какъ горы, и порой съ замираніемъ сердца Лозинскій и другіе пассажиры смотрѣли и не видѣли больше смѣлаго суденышка. Но оно опять вылетало на вершину и опять его парусъ касался пѣны, будто крыло чайки,—и онъ колыхался и шелъ, шелъ и колыхался... И Лозинскій думалъ про себя, что это, должно быть, уже американцы. Смѣлые люди!..

А бѣдному Дымѣ въ эту минуту былъ не милъ бѣлый свѣтъ.

Потому что когда корабль раскачивало то направо и налѣво, то отъ кормы къ носу, то опять отъ носа къ кормѣ, тогда небо, казалось, вотъ-вотъ опрокинется на море, а то опять море все разомъ лѣзло высоко къ небу... Отъ этого у бѣднаго Дымы страшно кружилась голова, что-то тосковало подъ ложечкой, и онъ все подходилъ къ борту корабля и впсѣлъ книзу головой точно тряпка. Бѣднаго Дыму тошнило, и онъ кричалъ, что это проклятое море вывернетъ его на изнанку... Сначала Матвѣй очень дивился тому, что у Дымы такой слабый характеръ, и даже стыдилъ его. Но потомъ увидѣлъ, что и много почтенныхъ людей и даже датскихъ и голландскихъ барышень, которыя плыли наниматься въ Америкѣ въ кухарки, дѣлали то же самое. Тогда Матвѣй понялъ, что это на океанѣ обыкновенное дѣло. Ему ничего, только иногда становилось какъ-то непріятно, а Дыма—человѣкъ первозный—проклиналъ себя и Лозинскую, и Матвѣя, и корабль... И даже, кажется, порой готовъ былъ кощунствовать... Но только сдерживался, потому что на морѣ оно какъ-то не такъ легко, какъ иной разъ на землѣ...

На томъ же кораблѣ плылъ еще чехъ, человѣкъ уже старый и невеселый. Его выписалъ къ себѣ сынъ, который устроился хорошо въ Америкѣ. Чешская рѣчь, правда, не очень близко, а все-таки немного подходитъ къ нашей. Поляку покажется, что это онъ говоритъ по-русски, а русскому—что по-польски. Наши лозищане знали и тотъ и другой языкъ, но все-таки Матвѣй не понималъ ни слова. А Дыма,—какъ говорится, человѣкъ, битый не въ темя,—скоро разговорился. Гдѣ не хватало языка, онъ помогалъ себѣ руками, и головой, и ногами. Гдѣ щелкнетъ, гдѣ причмокнетъ, гдѣ хлопнетъ рукой,—однимъ словомъ, стали они съ чехомъ пріятели. Ну, а чехъ говорилъ по-нѣмецки,—значитъ, можно было кое-какъ и объясниться и узнать черезъ него отъ людей.

Вотъ, когда вѣтеръ стихалъ и погода становилась яснѣе, Дыму и другихъ отпускала болѣзнь, и становилось на пароходѣ веселѣе. Тогда пассажиры третьяго класса выползали на носовую палубу, долговязый венгерецъ начиналъ играть на дудкѣ, молодой нѣмецъ на скрипкѣ, а молодежь брала шведскихъ барышень за талію и кружилась, обходя осторожно канаты и цѣпи. И надъ океаномъ неслись далеко звуки музыки, а волна подпѣвала и шаловливо кидала кверху бѣлую пѣну и брызги, и дельфины скакали, обгоняя корабль. А на душѣ становилось и весело и грустно.

Въ это время Дыма съ чехомъ усаживались гдѣ-нибудь въ уголкѣ, брали къ себѣ еще англичанина или знающаго нѣмца, и Дыма учился разговаривать. Прежде всего, разумѣется, онъ выучился американскому счету и затверживалъ его, загибая пальцы. Потомъ узналъ, какъ назвать хлѣбъ и воду, потомъ плугъ и лошадь, домъ, колодецъ, церковь.

И все списывалъ на бумажкѣ и твердилъ про себя. Онъ старался обучить и Матвѣя, но тому давалось трудно. Только и выучилъ по-англійски «три», потому что у нихъ три называется по-нашему.

А потомъ отъ стараго чеха Дыма узналъ, что такое свобода. Это, говоритъ, сдѣлана у нихъ на островѣ такая мѣдная статуя. Стоитъ выше самыхъ высокихъ домовъ и церквей, подняла руку кверху. А въ рукѣ—факелъ, такой огромный, что свѣтитъ далеко въ море. Внутри лѣстница, и можно войти въ голову, и въ руку, и даже на верхушку факела. Вечеромъ зажигаютъ огонь во лбу, и изо лба выходитъ сіяніе, точно отъ мѣсяца и даже много ярче. И называется эта мѣдная женщина «Свобода».

На седьмой день палъ на море страшный туманъ. Такой туманъ, что носъ парохода упирался будто въ бѣлую стѣну и едва было видно, какъ колышется во мглѣ притихшее море. Раза два-три, прямо у самого парохода, проплыли какія-то водоросли, и Лозинскій подумалъ, что это уже близко Америка. Но Дыма узналъ черезъ своего чеха, что это какъ разъ средина океана. Только не очень далеко на полдень—мелкое мѣсто. И здѣсь струя отъ полудня ударяется въ мель и идетъ на полночь, а тутъ же встрѣчается и холодная струя съ полночныхъ морей. И оттого надъ моремъ на этомъ мѣстѣ все гнѣздится туманъ. Пароходъ шелъ тихо, и необыкновенно громкій свистокъ ревѣлъ гулко и жалобно, а стѣна тумана отдавала этотъ крикъ, какъ эхо въ густомъ лѣсу. И становилось всѣмъ жутко и страшно.

И было, правду сказать, чего бояться. Одинъ разъ небольшая парусная посудина только-только успѣла вывернуться изъ-подъ носа у парохода. Но это еще ничего. Люди на кораблѣ махали шляпами и смѣялись на разстояніи какихъ-нибудь пяти саженъ. Но другой разъ чуть не вышло хуже. Среди бѣлаго дня, въ молочномъ туманѣ что-то видно почудилось капитану. Пароходъ остановили, потомъ отошли назадъ, какъ будто убѣгали отъ кого-то, кто двигался въ туманѣ. Потомъ стали въ ожиданіи. И вдругъ Лозинскій увидѣлъ вверху, какъ будто во мглѣ, встало облако съ сверкающими краями, а въ воздухѣ стало холоднѣе и повѣяло острымъ вѣтромъ. Пароходъ повернулся и тихо, будто украдкой, сталъ уползать въ глубь тумана налѣво. А направо было не облако, а ледяная гора. Лозинскій не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было видѣть разомъ такую огромную гору чистаго льда. Но это видѣли всѣ. На пароходѣ все притихло, даже винтъ работалъ осторожнѣе и тише. А гора плыла, тихонько покачиваясь, и вдругъ расплылась, будто растаяла въ молочной мглѣ...

Наши двое лозищанъ и чехъ тотчасъ же сняли шапки и перекрестились. Нѣмцы и англичане не имѣютъ обычая креститься, кромѣ молитвы. Но и они также вѣрятъ въ Бога и также молятся, и когда

пароходъ пошелъ дальше, то молодой господинъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ на шеѣ (ни за что не сказалъ бы, что это священникъ) всталъ посреди людей, на носу, и громкимъ голосомъ сталъ молиться. И люди молились съ нимъ, и пѣли какіе-то канты, и священное пѣніе смѣшивалось съ гулкимъ и жалобнымъ крикомъ корабельнаго ревуна, опять посылавшаго впередъ свои предостереженія, а стѣна тумана опять отвѣчала, только еще жалобнѣе и еще глуше...

А море тоже все болѣе стихало и лизало бока корабля, точно ласкалось и просило у людей прощенія.

Женщины послѣ этого долго плакали и не могли успокоиться. Особенно жалко было Лозинскому одну молодую дѣвушку, которая сидѣла въ сторонѣ и плакала, какъ ребенокъ, закрывая лицо угломъ шерстянаго платка. Онъ уже и самъ не зналъ, какъ это случилось, но только онъ подошелъ къ ней, положилъ ей на плечо свою тяжелую руку и сказалъ по-нашему, не подумавши даже, что вѣдь она, можетъ быть, не пойметъ:

— А, брось ты плакать, малютка. Богъ милостивъ. Видишь сама,— ничего не случилось...

— А! Какъ же мнѣ не плакать, когда я ѣду на чужую сторону. На родинѣ умерли отецъ и мать, а въ Америкѣ гдѣ-то есть братья, да гдѣ же они, я и не знаю... Подумайте сами, какая моя доля.

Лозинскій постоялъ, посмотрѣлъ и не сказалъ ей ничего. Онъ не любилъ говорить на вѣтеръ, да и его доля была тоже темна.

На двѣнадцатый день народъ началъ все набираться на носу, какъ муравьи на пловучей щепкѣ, когда ее прибиваетъ вѣтромъ къ берегу разлившагося ручья. Изъ этого наши лозищане поняли, что, должно быть, недалеко уже американская земля. И дѣйствительно, Матвѣй, у котораго глаза были острые, увидѣлъ первый, что надъ синимъ моремъ направо встала будто бѣлая игла. Потомъ она поднялась выше, и уже ясно было видно, что это бѣлый маякъ. По волнамъ то и дѣло неслись лодки съ косымъ парусомъ, бѣлые пароходы, съ окнами, точно въ домахъ, маленькіе пароходики, съ коромыслами наверху, какихъ никогда еще не приходилось видѣть лозищанамъ. А тамъ, въ синеватой мглѣ стало проступать что-то, что-то заскрипѣло, что-то забѣлѣло, что-то вытягивалось и пестрѣло. Пошли острова съ деревьями, пошла длинная коса съ бѣлымъ пескомъ. На косѣ что-то громыхало и стучало, и черный дымъ валилъ изъ высокой трубы.

Дыма толкнулъ Лозинскаго локтемъ:

— Видишь? Чехъ говорилъ правду.

Матвѣй посмотрѣлъ впередъ. А тамъ, возвышаясь надъ самыми высокими мачтами самыхъ большихъ кораблей, стояла огромная фигура женщины, съ поднятой рукой. Въ рукѣ у нея былъ факелъ, который

она протягивала навстрѣчу тѣмъ, кто подходитъ по заливу изъ Европы къ великой американской землѣ.

Пароходъ шелъ тихо среди другихъ пароходовъ, сновавшихъ точно водяные жуки по заливу. Солнце сѣло, а городъ все выплывалъ и выплывалъ навстрѣчу, дома вырастали, огоньки зажигались рядами и въ безпорядкѣ, дрожали въ водѣ, двигались и перекрещивались внизу и стояли высоко въ небѣ. Небо тихо темнѣло, но на немъ ясно еще рисовалась высоко въ воздухѣ тонкая сѣтка огромнаго, невиданнаго моста.

Исполинскіе дома въ шесть и семь этажей ютились внизу, подъ мостомъ, по берегу; фабричныя трубы не могли достать до него своимъ дымомъ, и онъ повисъ надъ водой, съ берега на берегъ, и огромные пароходы пробѣгали подъ нимъ, какъ ничтожныя лодочки, потому что это самый большой мостъ во всемъ Божьемъ свѣтѣ... Это было направо, а налѣво уже совсѣмъ близко высилась фигура женщины, и во лбу ея, еще споря съ послѣдними лучами угасавшей въ небѣ зари, загоралась золотая діадема, и вѣнокъ огоньковъ освѣщалъ факелъ въ высоко поднятой рукѣ...

А сердце Лозинскаго трепетало и сжималось отъ ужаса. Только теперь онъ понялъ, что такое эта Америка. Боже мой, Боже мой,—думалъ Матвѣй. Да здѣсь человѣкъ—какъ иголка въ травѣ или капля воды, упавшая въ море... Пароходъ шелъ уже часа два въ виду земли, въ виду построекъ и пристаней, а городъ все развертывалъ надъ заливомъ новые ряды улицъ, домовъ и огней... И съ берега сквозь шумъ машины неслось рокотаніе и гулъ. Казалось, кто-то дышитъ огромный и усталый, то опять кто-то жалуется и сердится, то кто-то ворочается и стонетъ... И опять только гудитъ и катится, какъ вѣтеръ въ стени, то опять говоритъ смѣшанными голосами...

Лозинскій отыскалъ Анну, молодую дѣвушку, съ которой онъ познакомился, и сказалъ:

— Держись, малютка, меня и Дымы. Видишь, что тутъ дѣется въ этой Америкѣ. Не дай Боже!

Дѣвушка схватила его за руку, и не успѣлъ сконфуженный Матвѣй оглянуться, какъ ужъ она поцѣловала у него руку. Потому что бѣдняжка, видно, испугалась этой Америки еще хуже, чѣмъ Лозинскій.

Пароходъ остановился на ночь на заливѣ, и никого не спускали до слѣдующаго утра. Пассажиры долго сидѣли на палубахъ, потомъ большая часть разошлась и заснула. Не спали только тѣ, кого, какъ и нашихъ лозищанъ, пугала невѣдомая доля въ незнакомой странѣ. Дыма, впрочемъ, первый заснулъ себѣ на лавкѣ. Анна долго сидѣла рядомъ съ Матвѣемъ, и порой слышался ея тихій и робкій голосъ. Лозинскій молчалъ. Потомъ и Анна заснула, склонясь усталою головой на свой узелъ.

И только Матвѣй просидѣлъ всю теплую ночь, пока свѣтъ на лбу статуи не померкъ и по водѣ залива не заиграли отблески зари на волнахъ, оставляемыхъ бороздами возвращавшихся съ долгой ночной работы пароходовъ...

На слѣдующее утро пришли на пароходъ американскіе таможенные чиновники, давали подписывать какую-то бумагу, а между тѣмъ корабль потихоньку стали подтягивать къ пристани. И было какъ-то даже грустно смотрѣть, какъ этотъ морской великанъ лежитъ теперь на

Статуя Свободы въ Нью-Іоркѣ.

водѣ безъ собственнаго движенія, точно мертвый, а какой-то маленькій пароходишко хлопочетъ около него, какъ живой муравей около мертваго жука. То потянетъ его за хвостъ, то забѣжитъ съ носу и свиститъ, и шипитъ, и вертится... А пристань оказалась — огромный сарай, какихъ много было на берегу. Онѣ стояли рядами, некрасивыя, огромныя и мрачныя. Только на одной толпились американцы, громко визжали, свистѣли и кричали «ура».

Наконецъ пароходъ подтянули. Какой-то матросъ, ловкій, какъ дьяволъ, взобрался кверху, подъ самую крышу сарая, и потомъ зака-

чался въ воздухѣ вмѣстѣ съ мостками, которые спустились на корабль. И пошелъ народъ выходить на американскую землю...

Скучно было нашимъ... Пошли и они,—извѣстно, не оставаться же на кораблѣ вѣчно. А если сказать правду, то Матвѣю приходило въ голову, что на кораблѣ было лучше. Плывешь себѣ и плывешь... Небо, облака, да море, да вольный вѣтеръ, а впереди, за гранью этого моря, что Богъ дастъ... А тутъ вотъ тебѣ и земля, а что въ ней... Всѣхъ кто-нибудь встрѣчаетъ, цѣлуютъ, обнимаются, плачутъ. Только нашихъ лозищанъ не встрѣчаетъ никто, и приходится идти самимъ искать невѣдомую долю. А гдѣ она?—Куда ступить, куда податься, куда поставить ногу и въ какую сторону повернуться,—неизвѣстно. Стали наши въ бѣлыхъ свитахъ, въ большихъ сапогахъ, въ высокихъ шапкахъ и съ большими палками въ рукахъ,—съ палками, вырѣзанными изъ родной лозы, надъ рѣчкою Лозовой,—и стоятъ, какъ потерянные, и дѣвушка со своимъ узелкомъ жмется межъ ними.

— Жидъ! А ей же Богу, пусть меня разобьетъ яснымъ громомъ, если это не жидъ,—сказалъ вдругъ первый Дыма, указывая на какого-то господина, одѣтаго въ круглую шляпу и въ кургузый, потертый пиджакъ. Хотя рядомъ съ нимъ стоялъ молодой барчукъ, одѣтый съ иголочки, однако, когда господинъ повернулся, то уже и Матвѣй убѣдился съ перваго взгляда, что непремѣнно жидъ, да еще свой, изъподъ Могилева или Житомира, Минска или Смоленска,—вотъ будто сейчасъ съ базара, только переодѣлся въ нѣмецкое платье.

Такъ они этому человѣку обрадовались, будто родному. Да и жидъ, замѣтивъ бѣлыя свитки и барашковыя шапки, тотчасъ подошелъ и поклонился.

— Ну, поздравляю съ пріѣздомъ. Какъ ваше здоровье, господа! Я сразу вижу, что это пріѣхали земляки.

— А что!—сказалъ Дыма съ торжествующимъ взглядомъ.—Не говорилъ я? Вотъ вѣдь какой это народъ хорошій. Гдѣ нужно его, тутъ онъ и есть. Здравствуйте, господинъ еврей, не знаю, какъ васъ назвать.

— А! Звали когда-то Борухъ, а теперь зовутъ Боркъ, мистеръ Боркъ, къ вашимъ услугамъ,—сказалъ еврей и какъ-то гордо погладилъ бороду.

— А! Чтобъ тебя! Ну, слушай же ты, Берко...

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей съ еще большею гордостью.

— Ну, пускай такъ и мистеръ,—такъ и мистеръ, чтобъ тебя взяло за бока... А гдѣ же тутъ хорошая заѣзжая станція, чтобы, знаешь, не очень дорого и не очень ужъ плохо? Потому что, видишь ты... Мы хоть въ простыхъ свиткахъ, а не совсѣмъ уже простяки... Отцы когда-то были шляхта... И притомъ еще съ нами, видишь самъ, дѣвушка...

— Ну, развѣ я ужъ самъ не могу различить, съ кѣмъ имѣю дѣло,— отвѣтилъ мистеръ Боркъ съ большою политикой... — Что вы обо мнѣ думаете?.. Мистеръ Боркъ дуракъ, мистеръ Боркъ не знаетъ людей... Ну только и вамъ я скажу: это ваше большое счастіе, что вы попали сразу на мистера Борка. Я вѣдь не каждый день хожу на пристань, зачѣмъ я сталъ бы каждый день ходить на пристань?.. А у меня вы сразу имѣете себѣ хорошее помѣщеніе, и для барышни найдемъ комнату особо, вмѣстѣ съ моею дочкой.

— А, вотъ видите вы, какъ оно хорошо,—сказалъ Дыма и оглянулся, какъ будто это онъ самъ выдумалъ этого мистера Борка.—Ну, веди же ты насъ, когда такъ, на свою заѣзжую станцію.

— Можетъ, вамъ нужно взять еще вашъ багажъ?

— Э! Какой тамъ багажъ! Правду тебѣ сказать, такъ и все вотъ тутъ, съ нами.

— Гэ, это не очень много. Джонъ!..—крикнулъ онъ на молодого человѣка, который-таки оказался его сыномъ. Ну, чего ты стоишь, какъ какой-нибудь болванъ! Таке ту бэгеджъ офъ миссъ *).

Молодой человѣкъ оказался не гордый, тотчасъ схватилъ изъ рукъ Анны узелокъ, и они пошли съ пристани.

Прошли черезъ улицу и вошли въ другую, которая, правду сказать, показалась нашимъ какой-то пещерой. Дома темные, высокіе, выходы изъ нихъ узкіе, да еще вполовину домовъ поверхъ улицы сдѣлана на столбахъ настилка, загородившая небо...

— А, Іисусъ, Марія, святой Іосифъ!—взвизгнула вдругъ въ испугѣ Анна и схватила за руку Матвѣя.

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа,—сказалъ про себя и Матвѣй,—а что же это еще такое?

— Ай, ай, чего вы это испугались!—сказалъ мистеръ Боркъ.—Да это только трэйнъ. Ну, ну, идите, что такое за важность... Пускай себѣ трэйнъ идетъ своей дорогой, а мы пойдемъ своей. Здѣсь, я вамъ скажу, такая сторона, что зѣвать некогда...

И мистеръ Боркъ пошелъ дальше. Пошли и наши, скрѣпя сердце, потому что столбы кругомъ дрожали, улица гудѣла, вверху лязгало желѣзо о желѣзо, и прямо надъ головами лозищанъ по настилкѣ на всѣхъ парахъ летѣлъ поѣздъ. Они посмотрѣли съ разинутыми ртами, какъ поѣздъ изогнулся въ воздухѣ змѣей, повернулъ за уголъ, чуть не задѣвая за окна домовъ, и полетѣлъ опять по воздуху дальше, то прямо, то извиваясь по площади...

И показалось нашимъ, привыкшимъ только къ шуму родного бора да къ шопоту тростниковъ надъ тихою рѣчкой Лозовой, что они те-

*) Возьми багажъ у барышни.

перь попали въ самое пекло. Дома—шапка свалится, какъ посмотришь; взглянешь назадъ—корабельныя мачты, какъ горѣлый лѣсъ; поднимешь глаза къ небу—небо закопчено и еще закрыто этой настилкой воздушной дороги, отъ которой въ улицѣ вѣчныя сумерки. А впереди человѣкъ видитъ опять, какъ въ воздухѣ, наперерѣзъ съ улицы въ улицу, летитъ уже другой поѣздъ, а воздухъ весь изрѣзанъ храпомъ, стономъ, лязганьемъ и свистомъ машинъ.

— Господи, Іисусъ, Марія, Духъ Святой,—шептала Анна блѣдными губами. Матвѣй только закусилъ усъ, а Дыма мрачно понурилъ голову и шагалъ, согнувшись подъ своимъ узломъ. А за ними бѣжали кучи какихъ-то уличныхъ дьяволятъ, даже иной разъ совсѣмъ черныхъ, какъ хорошо вычищенный сапогъ, и заглядывали имъ прямо въ лица, и подпрыгивали, и смѣялись, а одинъ большой негодяй кинулъ въ Дыму огрызокъ банана.

А ну, это человѣкъ, наконецъ, можетъ потерять всякое терпѣніе,—сказалъ Дыма, ставя свой узелъ на землю. Послушай, Берко...

Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей.

А что же, мистеръ Боркъ, у васъ тутъ дѣлаетъ полиція?

А что вамъ за дѣло до полиціи?—отвѣтилъ еврей съ неудовольствіемъ.—Зачѣмъ вамъ безпокоить полицію всякими пустяками? Здѣсь не такая сторона, чтобы сейчасъ звать полицію...

— Это называется свобода,—сказалъ Дыма очень язвительно.—Человѣку кинули въ лицо огрызокъ—это свобода... Ну, когда здѣсь уже такая свобода, то, послушай, Матвѣй, дай этому висѣльнику хорошаго пинка: можетъ, тогда они насъ оставятъ въ покоѣ.

— Ну, пожалуйста, не надо этого дѣлать,—взмолился Боркъ, къ имени котораго теперь все приходилось прибавлять слово «мистеръ».— Мы уже скоро дойдемъ, уже совсѣмъ близко. А это они потому, что... какъ бы вамъ сказать... имъ непріятно видѣть такихъ очень лохматыхъ, такихъ шерсткихъ, такихъ небритыхъ людей, какъ ваши милости. У меня есть тутъ поблизости цырюльникъ... Ну, онъ васъ приведетъ въ порядокъ за самую дешевую цѣну. Самый дешевый цырюльникъ въ Нью-Іоркѣ.

— А это, я вамъ скажу, хорошая свобода, чтобъ ее взяли черти!—сказалъ Дыма, сердито взваливая себѣ мѣшокъ на спину.

А въ это время въ Дыму опять полетѣла корка банана. Пришлось терпѣть и идти дальше. Впрочемъ, прошли немного, какъ мистеръ Боркъ остановился.

— Ну, а теперь, пожалуйста, пойдемъ на эту лѣстницу...

— Да куда же это мы пойдемъ, когда эта лѣстница не въ домѣ?— сказалъ Дыма. И дѣйствительно, лѣстница вела съ улицы наверхъ, на ту самую настилку, что была у нихъ надъ головами.

— Ну, намъ надо сѣсть сюда въ вагонъ.

Не пойду,—сказалъ Дыма рѣшительно.—Богъ создалъ человѣка, чтобы онъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ. Довольно и того, что человѣкъ проѣхалъ по этому проклятому морю, которое чуть не вытянуло изъ человѣка душу. А тутъ еще лети, какъ какая-нибудь сорока, по воздуху... Веди насъ пѣшкомъ.

— Ай, ай,—сказалъ мистеръ Боркъ нетерпѣливо,—что же мнѣ съ вами дѣлать. А! Я знаю, что я съ вами сдѣлаю. Я васъ сейчасъ вотъ тутъ брошу, дѣлайте себѣ, что хотите. Мнѣ время дорого, мое время—деньги. Зачѣмъ я стану терять съ вами мое дорогое время? Джонъ, отдай бэгеджъ офъ миссъ.

Джонъ усмѣхнулся, но не торопился отдавать Аннѣ багажъ. Матвѣй взялъ Дыму за руку и сказалъ:

— Пойдемъ уже.

— Пойдемъ, панъ Дыма,—робко сказала и Анна.

— Га! Что дѣлать. Въ этой сторонѣ, видно, надо ко всему привыкать,—отвѣтилъ Дыма и, взваливъ мѣшокъ на плечи, сердито вошелъ на лѣстницу.

На первомъ поворотѣ за конторкой сидѣлъ равнодушный американецъ, которому еврей далъ монету, а тотъ выдалъ ему 5 билетовъ. Эти билеты Боркъ кинулъ въ стеклянную коробку, и всѣ поднялись еще выше и вышли на платформу.

Поѣзда еще не было. Платформа была вровень съ третьими этажами домовъ. Внизу шли люди, ѣхали большіе фургоны, проходили, позванивая, вагоны конно-желѣзной дороги; вверху, по синему небу плыли облака, бѣлыя, свѣтлыя, совсѣмъ какъ наши. «Вотъ,—думалъ Матвѣй,—полетитъ это облако надъ землей, надъ моремъ, пронесется надъ Лозищами, заглянетъ въ свѣтлую воду Лозовой рѣчки, увидитъ лозищанскіе дома и поле, и людей. Подумаетъ ли кто-нибудь въ Лозищахъ, что двое лозищанъ стоятъ въ эту минуту въ чужомъ городѣ, гдѣ надъ ними сейчасъ издѣвались, точно они не христіане и пріѣхали сюда на посмѣшище... Стоятъ ни на землѣ, ни на горѣ и собираются летѣть по воздуху въ какой-то машинѣ». «Господи,—думала въ это время и Анна,—а ну, какъ это провалится, а ну, какъ полетимъ мы всѣ съ этой машиной внизъ, на каменную мостовую. Ісусъ, Марія, святой Іосифъ. Всякая душа хвалитъ Господа». Дыма смотрѣлъ и кусалъ длинный усъ...

На рельсахъ показался какой-то кругъ, покатился, сталъ вырастать, приближаться, желѣзо зазвенѣло и заговорило подъ ногами, и скоро передъ платформой пролетѣлъ цѣлый поѣздъ... Завизжалъ, остановился, открылись затворки—и нѣсколько десятковъ людей торопливо прошли мимо нашихъ лозищанъ. Потомъ они вошли въ вагонъ, заняли

пустыя мѣста, и поѣздъ сразу опять кинулся со всѣхъ ногъ и полетѣлъ такъ, что только мелькали окна домовъ...

Матвѣй закрылъ глаза. Анна крестилась подъ платкомъ и шептала молитвы. Дыма оглядывался кругомъ вызывающимъ взглядомъ. Онъ думалъ, что американцы, сидѣвшіе въ вагонахъ, тоже станутъ глазѣть на ихъ шапки и свитки и, пожалуй, кидать огрызками банановъ. Но, видно, эти американцы были люди серьезные: никто изъ нихъ не пялилъ глаза, никто не усмѣхался. Дымѣ это понравилось, и онъ немного успокоился...

А тамъ поѣздъ опять остановился, и наши вышли благополучно и опять спустились по лѣстницѣ на улицу...

Заѣзжій дворъ мистера Борка совсѣмъ не походилъ на наши. Просто-напросто большая комната, съ окнами, мимо которыхъ летѣли поѣзда, такъ что стекла то и дѣло застилало дымомъ. Комната развѣ тѣмъ и походила на нашу, что было въ ней не очень чисто. Для Анны мистеръ Боркъ нашелъ постель на своей половинѣ, а Дыма и Матвѣй помѣстились, разумѣется, въ общей.

Нью-Іоркъ.

(В. Витковскаго.)

Черезъ полчаса по въѣздѣ въ Нью-Іоркскій заливъ земля была уже видна почти кругомъ, и открытый океанъ занималъ лишь небольшую часть горизонта на востокѣ. Южный и западный берега были гористы и сплошь покрыты растительностью: виднѣлись постройки, какія-то загородныя виллы. Стали попадаться парусныя суда и пароходы. Вотъ и давно ожидаемый маякъ на пловучемъ суднѣ, а вотъ и мысъ Санди Хукъ, весь застроенный деревянными бараками и фабриками.

Наконецъ, мы миновали нѣсколько островковъ, и горизонтъ со всѣхъ сторонъ замкнулся берегами. Пароходъ уменьшилъ ходъ; навстрѣчу намъ идетъ маленькій американскій пароходикъ съ лоцманами и какими-то чиновниками. Мы остановились противъ форта Гамильтонъ, у самаго входа въ верхнюю гавань. Теперь можно было уже отчетливо видѣть берега. Вездѣ лѣсъ и множество красивыхъ домиковъ, въ томъ числѣ нѣсколько большихъ зданій лѣтнихъ гостиницъ, куда выѣзжаютъ нью-іоркскіе жители для пользованія морскими купаньями. Тутъ пришлось простоять болѣе часа. Американскія власти желали знать, кто и зачѣмъ пріѣхалъ. Мы поочередно подходили къ чиновнику въ соломенной шляпѣ и объявляли фамилію, профессію, цѣль пріѣзда, а также городъ, куда ѣдемъ дальше. Отмѣтивъ всѣ эти свѣдѣнія въ спискѣ, чиновникъ выдавалъ каждому билетикъ, который слѣдовало предъявить при выходѣ на пристань. Пассажиры 3-го класса, кромѣ всѣхъ этихъ допросовъ, подвергались еще медицинскому освидѣтельствованію, но

самому поверхностному. Между тѣмъ съ палубы уже можно было любоваться отдаленною панорамой Нью-Іорка: выше всѣхъ выдѣлялся большой вызолоченный куполъ, оказавшійся однако не соборомъ, какъ я вообразилъ, а зданіемъ биржи; затѣмъ привлекали всеобщее вниманіе висячій Бруклинскій мостъ и колоссальная статуя Свободы. На палубѣ почти вдругъ сдѣлалось очень жарко, и это казалось весьма страннымъ послѣ предшествовавшихъ холодовъ въ океанѣ.

Когда пароходъ опять тронулся, панорама Нью-Іорка дѣлалась все болѣе и болѣе разнообразною; ближайшія къ берегу зданія закрывались массою мачтъ всевозможныхъ судовъ. Увѣряютъ, что по обширности и красотѣ мѣстоположенія нью-іоркская гавань третья въ мірѣ. Лучшими считаются гавани въ Константинополѣ и Ріо-Жанейро. Вотъ мимо насъ медленно идетъ пароходъ весьма оригинальной постройки: это цѣлый трехъэтажный плавучій домъ, въ его открытыхъ съ боковъ палубахъ виднѣлись группы танцующихъ и слышались звуки вальса. Оказывается, что такіе увеселительные пароходы ходятъ изъ Нью-Іорка на взморье ежедневно и всегда бываютъ переполнены пассажирами, любующимися встрѣчею судовъ изъ Европы: многіе кричали и махали шляпами и платками. Вотъ мы миновали статую Свободы и вступили въ рѣку Гудзонъ. Эта рѣка у Нью-Іорка имѣетъ версты полторы ширины, и берега ея сплошь застроены пристанями различныхъ пароходныхъ компаній. Миновавъ многія пристани, нашъ пароходъ вовсе остановился, хотя ему очевидно надлежало повернуть подъ прямымъ угломъ и войти въ узкое пространство между двумя пристанями. Однако, несмотря на ширину рѣки, нашъ гигантъ не имѣетъ здѣсь достаточно мѣста для исполненія поворота. и за эту задачу взялись два маленькіе пароходика. Одинъ тянулъ корму, другой толкалъ ее съ противоположной стороны прямо своимъ носомъ. Эта операція продолжалась цѣлыхъ 20 минутъ, и только тутъ, среди другихъ близко стоящихъ и снующихъ по всѣмъ направленіямъ пароходовъ, можно было составить себѣ наглядное представленіе о громадности нашего парохода, который сдѣлался теперь совершенно безпомощнымъ.

Стоя все это время на палубѣ, я разсматривалъ первый изъ видимыхъ мною американскихъ городовъ. Тогда какъ въ европейскихъ городахъ первое, что бросается въ глаза въ новомъ городѣ—это колокольни церквей, здѣсь ихъ почти не видно. Выдѣляются только верхушки высокихъ домовъ да густыя сѣти телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ. На пристаняхъ и набережной много народу и обычная для портоваго города суета.

Наконецъ, поворотъ оконченъ. Съ пристани положили сходни; можно выходить на твердую землю. Боже, какъ это пріятно послѣ томительнаго шестисуточнаго пребыванія на пароходѣ. Но теперь некогда разсуждать:

наскоро прощаюсь съ товарищами по путешествію на пароходѣ и устремляюсь на пристань, чтобы скорѣе ступить на американскую почву.

Пароходная пристань въ Нью-Іоркѣ представляетъ огромный деревянный сарай, служащій залою для публики и помѣщеніемъ для осмотра багажа. Тутъ же оказалось нѣсколько комиссіонеровъ отъ главныхъ гостиницъ и отъ особаго товарищества, занимающагося исключительно перевозкою багажа. Однако они не набрасываются на публику, какъ въ Европѣ,—напротивъ, спокойно разгуливаютъ въ красивыхъ лѣтнихъ костюмахъ и соломенныхъ шляпахъ. Передавъ мою таможенную карточку одному изъ такихъ комиссіонеровъ и сказавъ, что желаю остановиться въ Центральной гостиницѣ, я избавилъ себя отъ всякихъ формальностей. Комиссіонеръ представилъ мои вещи таможенному чиновнику, который весьма любезно только пощупалъ ихъ снаружи и поставилъ кресты мѣломъ, что означало окончаніе осмотра. Затѣмъ комиссіонеръ привязалъ къ каждому чемодану холщевые билетики и написалъ на нихъ названіе гостиницы и мою фамилію. Все это, конечно, мелочныя подробности, но я упоминаю о нихъ потому, что, какъ потомъ убѣдился, комиссіонеры встрѣчаютъ проѣзжающихъ въ Америкѣ на всѣхъ поѣздахъ и пароходахъ и избавляютъ отъ множества хлопотъ съ багажомъ. На желѣзныхъ дорогахъ это дѣлается еще проще и безъ всякой потери времени, именно, на одной изъ послѣднихъ станцій передъ большимъ городомъ въ поѣздъ входитъ подобный комиссіонеръ и предлагаетъ желающимъ перевезти вещи въ гостиницу или на другой вокзалъ. При этомъ пассажиры обмѣниваютъ свои багажныя квитанціи на другія, по которымъ и получаютъ затѣмъ вещи въ назначенномъ пунктѣ. Это особенно удобно потому, что въ Америкѣ извозчики очень дороги (напримѣръ, въ Нью-Іоркѣ конецъ стоитъ около 4-хъ руб.), и большинство пассажировъ съ вокзаловъ направляется въ гостиницы пѣшкомъ или по конно-желѣзнымъ дорогамъ, такъ что возиться съ багажомъ не совсѣмъ пріятно. Комиссіонеры берутъ за каждое мѣсто, будь это сундукъ или ручной чемоданчикъ, но зато рѣшительно отказываются отъ всякихъ прибавокъ. Когда еще тутъ же на пристани въ Нью-Іоркѣ я хотѣлъ принудить взять «на чай», то получилъ въ отвѣтъ: «оставьте эти европейскія привычки: я такой же джентльменъ, какъ и вы».

Итакъ, съ пароходной пристани я пошелъ прямо въ городъ, разсчитывая прибыть въ гостиницу позднѣе, когда туда же прибудутъ мои вещи. Черезъ нѣсколько улицъ я очутился на главномъ проспектѣ, пересѣкающемъ вдоль весь Нью-Іоркъ,—это извѣстный Бродвей. Тутъ я тотчасъ купилъ планъ и началъ знакомиться съ городомъ.

Нью-Іоркъ построенъ на островѣ Манхатанъ, длиною около 20, а шириною не болѣе трехъ верстъ, въ самомъ устьѣ рѣки Гуд-

зонъ, при чемъ съ запада островъ омывается рѣкою Гудзонъ, а съ востока—ея рукавомъ Истъ-Риверъ. Южная часть острова, ближайшая къ океану, представляетъ ядро города, его древнѣйшую часть, построенную еще голландцами, первыми сюда переселенцами; городъ носилъ тогда названіе Новаго Амстердама. Тутъ улицы по большей части кривыя и узкія. Вся остальная часть города, постепенно застроившаяся и продолжающая еще застраиваться, на сѣверѣ представляетъ правильную сѣть продольныхъ и поперечныхъ улицъ, изъ которыхъ продольныя (числомъ 10) называются авеню съ послѣдовательными номерами отъ востока къ западу, а поперечныя, называемыя просто улицами (числомъ 217), пересѣкаютъ всѣ авеню подъ прямыми углами и занумерованы по порядку съ юга на сѣверъ. Такая система чрезвычайно облегчаетъ разысканіе адресовъ для пріѣзжаго. Съ нумерами авеню или улицы сейчасъ является и представленіе о мѣстѣ въ городѣ. Бродвей пересѣкаетъ весь городъ по діагонали и является главною артеріей всего Нью-Іорка. Для облегченія сообщенія имѣется множество конно-желѣзныхъ дорогъ, такъ что по нѣкоторымъ авеню проложено по четыре пары рельсовъ, но кромѣ ихъ устроены еще паровыя воздушныя желѣзныя дороги, которыя четырьмя почти параллельными линіями представляютъ не только удобное, но и весьма быстрое сообщеніе на большія разстоянія. Эти воздушныя дороги устроены на особыхъ помостахъ, поддерживаемыхъ рядами чугунныхъ колоннъ, на высотѣ 2-го или 3-го этажей. Онѣ пролегаютъ или посрединѣ, или съ боку улицы. На небольшихъ разстояніяхъ, приблизительно каждую версту, на перекресткахъ улицъ устроены станціи въ видѣ простого расширенія этихъ воздушныхъ помостовъ, и оттуда—лѣстницы для подъема и спуска. Неоспоримо, что такія желѣзныя дороги въ городѣ очень удобны, но онѣ безобразятъ и темнятъ улицы. Непривычному пѣшеходу внизу приходится вздрагивать при каждомъ проносящемся надъ нимъ поѣздѣ. Сверху валится соръ и всякая дрянь. Говорятъ, что здѣсь, подобно Лондону, предполагали проложить подземныя желѣзныя дороги, но это оказалось весьма затруднительнымъ, такъ какъ весь Манхатанъ представляетъ одну сплошную гранитную скалу.

Кромѣ общаго обозрѣнія города, я въ первый же день пріѣзда бродилъ по улицамъ Нью-Іорка съ цѣлью получить деньги по переводному векселю. Американскія деньги оказались длинными и узкими бумажками, совершенно похожими другъ на друга; для различенія цѣнности надо разсматривать самыя цифры, что довольно затруднительно.

Послѣ морской качки я, понятно, былъ порядочно измученъ и поспѣшилъ въ гостиницу на углу 4-го авеню и 42-ой улицы, какъ разъ противъ большого центральнаго вокзала. Огромная гостиница Центральная (Central Hôtel) съ 600 нумеровъ имѣетъ между прочимъ то удоб-

ство, что въ ней можно по желанію устроиться по европейскому или по американскому плану. «Американскій планъ» заключается въ томъ, что за извѣстную суточную плату постоялецъ пользуется не только комнатой, но и полнымъ содержаніемъ. Имѣя въ виду дѣлать частыя прогулки по Нью-Іорку и даже въ другіе близлежащіе города, я предпочелъ устроиться по «европейскому» плану и за 11 р. 80 к. въ сутки получилъ весьма приличную комнату, куда тотчасъ доставили и мои вещи. Весь нижній этажъ гостиницы занятъ рядомъ залъ, предоставляемыхъ въ общее пользованіе; кромѣ столовыхъ, тутъ имѣется гостиная для мужчинъ, гостиная для дамъ и великолѣпная комната, спеціально приспособленная для писанія писемъ; тутъ стоятъ столы со всѣми принадлежностями для письма, не исключая и цѣлыхъ полокъ съ почтовою бумагою и конвертами. Послѣдніе снабжены красивыми виньетками гостиницы и назначаются въ безконтрольное распоряженіе постояльцевъ. Тутъ же имѣется почтовый ящикъ для опусканія писемъ и телеграфная станція. Въ особой читальной комнатѣ лежатъ всевозможныя газеты (однако только американскія и англійскія) и масса изящно переплетенныхъ альбомовъ и иллюстрированныхъ изданій съ видами наиболѣе достопримѣчательныхъ мѣстъ великой республики. Первая комната нижняго этажа представляетъ огромныя сѣни, сообщающіяся съ улицею нѣсколькими дверями, при которыхъ однако не имѣется обычныхъ въ Европѣ швейцаровъ. Всѣ двери вслѣдствіе теплой погоды открыты, и черезъ нихъ снуютъ туда и сюда толпы людей. Въ сѣняхъ имѣется нѣчто въ родѣ обширнаго прилавка, за которымъ стоятъ нѣсколько джентльменовъ, весьма прилично одѣтыхъ и вѣчно роющихся въ какихъ-то неимовѣрно большихъ конторскихъ книгахъ. Каждаго постояльца записываютъ въ одну изъ этихъ книгъ, тамъ же выставляется и нумеръ отводимой ему комнаты, и тѣмъ кончаются всѣ формальности. По стѣнамъ сѣней устроены особыя полки, заставленныя расписаніями поѣздовъ безчисленныхъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ въ красивыхъ обложкахъ; каждое расписаніе имѣется во многихъ экземплярахъ, и желающіе могутъ брать ихъ себѣ. Тутъ же помѣщается конторка, въ которой можно не только пріобрѣсти билетъ на поѣздку съ любымъ поѣздомъ или пароходомъ, но и посовѣтоваться относительно наивыгоднѣйшаго или кратчайшаго направленія.

Для дамъ имѣются особыя общія комнаты, и потому мужчины въ своей читальнѣ не стѣсняются и, сидя на стульяхъ, кладутъ ноги на столъ или на подоконникъ поднятаго окна. Нельзя не сознаться, что такое сидѣнье весьма быстро возобновляетъ силы, особенно послѣ продолжительныхъ прогулокъ пѣшкомъ. Нѣкоторые снимаютъ при этомъ сюртуки и жилеты. Надо замѣтить, что во время моего пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ стояла весьма жаркая погода, и это особенно

чувствовалось въ городахъ; мнѣ часто приходилось спать совершенно раздѣтымъ и при поднятыхъ окнахъ всю ночь; климатъ сухой и чрезвычайно здоровый. Мужчины обыкновенно не носятъ жилетовъ и замѣняютъ ихъ широкимъ шелковымъ поясомъ.

На улицахъ Нью-Іорка, несмотря на чрезвычайно широкіе тротуары, страшная толкотня и давка. Всѣ куда-то спѣшатъ. Между ногами постоянно шныряютъ босые мальчишки съ огромными кипами не-

Улица въ Нью-Іоркѣ.

сложенныхъ газетныхъ листовъ: газеты печатаются тутъ по нѣскольку разъ въ день, и потому мальчишки предлагаютъ всегда самыя свѣжія новости. Есть очень дешевыя газеты въ 1 центъ; есть ежедневныя иллюстрированныя газеты. Все это читается на ходу или въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ бросается тутъ же на улицу, отчего улицы очень грязны. Сюда бросаютъ также корки апельсиновъ, банановъ, арбузовъ и проч. Фруктовъ вездѣ множество, а на базарахъ они свалены кучами прямо на мостовую. Фрукты, конечно, освѣжаютъ въ жаркую погоду. Но, кромѣ фруктовъ, на всѣхъ перекресткахъ, а осо-

бенно въ аптекахъ бойко торгуютъ содовою водой и мороженымъ. Американцы ухитрились даже соединить и то и другое вмѣстѣ: въ стаканъ кладутъ порцію мороженаго, поверхъ котораго прямо изъ крана льютъ содовую воду, подкрашенную еще какимъ-нибудь цвѣтнымъ сиропомъ. Такую сладкую и холодную бурду уже не пьютъ, а ѣдятъ ложечкою; это продается по 5 центовъ стаканъ (10 коп.). Тутъ же на прилавкѣ имѣется особая машина для мытья стакановъ. Въ резервуарѣ устроены вертикальныя трубочки, оканчивающіяся горизонтальными развѣтвленіями, загнутыми въ одну сторону. Если на эти развѣтвленія падѣтъ опрокинутый стаканъ, то отъ его тяжести трубочка опускается, и изъ ея вѣтокъ льются струи чистой воды, при этомъ стаканъ приводится въ быстрое вращеніе и черезъ нѣсколько секундъ дѣлается совершенно чистымъ. Процессъ мытья стакановъ этой машиной такъ красивъ, что собираетъ толпы любопытныхъ и увеличиваетъ выручку догадливаго торговца.

Пріѣзжаго въ Нью-Іоркъ прежде всего поражаетъ на улицахъ чистильщики сапогъ. Необходимо замѣтить, что въ кругъ обязанностей прислуги въ американскихъ гостиницахъ вовсе не входитъ чистка платья и сапогъ постояльцевъ. Поэтому каждый, не желающій заниматься этимъ самолично, волей-неволей принужденъ обращаться къ уличнымъ чистильщикамъ. Тогда какъ въ Европѣ къ подобнымъ господамъ обращаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, здѣсь, въ Америкѣ, они имѣютъ обширную практику. Въ Европѣ они не имѣютъ никакихъ приспособленій, развѣ только какую-нибудь жалкую скамеечку. Здѣсь чистильщики сапогъ воздвигли на перекресткахъ улицъ высокіе пьедесталы, на которыхъ стоитъ одно или цѣлыхъ два роскошныхъ, обитыхъ бархатомъ кресла, такъ что сапоги сидящаго оказываются на грудной высотѣ чистильщика, который не принужденъ изгибаться въ три погибели, а работаетъ стоя; въ пьедесталахъ устроены выдвижные ящики, гдѣ сложены сапожныя, платяныя щетки и разныя иныя туалетныя принадлежности. Надъ многими креслами укрѣплены еще зонтики, избавляющіе сидящихъ отъ палящихъ лучей солнца. На кресло садишься съ полнымъ комфортомъ и во время чистки сапогъ успѣваешь прочесть газету. Кромѣ такихъ привилегированныхъ чистильщиковъ, въ Нью-Іоркѣ имѣются и другіе, классомъ ниже; обыкновенно это мальчишки-негры, просто пристающіе къ прохожимъ съ пронзительнымъ крикомъ: «шайнъ».

Кстати о неграхъ. Въ Нью-Іоркѣ ихъ немного, но все же на улицахъ попадаются разные, такъ называемые здѣсь «цвѣтные» люди. Всѣ они одѣваются одинаково съ бѣлыми и не возбуждаютъ ни въ комъ удивленія. Тутъ можно видѣть всѣ оттѣнки отъ бѣлаго до чернаго. Нѣкоторые метисы и мулаты очень красивы и держатъ себя съ до-

стопнствомъ. Къ цвѣтнымъ людямъ принадлежатъ и китайцы, занимающіеся въ Нью-Іоркѣ исключительно ремесломъ прачекъ. Если попадается вывѣска «Прачечная», то въ окна можно любоваться, какъ сыны Небесной имперіи гладятъ бѣлье. Они носятъ здѣсь свой національный костюмъ и длинныя косы. Говорятъ, что китайцы — лучшія прачки въ мірѣ.

Главной достопримѣчательностью Нью-Іорка я считаю Центральный паркъ, занимающій дѣйствительно середину города и представляющій прямоугольникъ въ 5 верстъ длины и почти 1 версту ширины. Главный входъ туда съ 59-й улицы, неподалеку отъ стоящаго тутъ колоссальнаго бюста А. Гумбольдта. Отъ этого входа, или, вѣрнѣе, въѣзда, идутъ въ разныхъ направленіяхъ великолѣпныя шоссе и пѣшеходныя дорожки, покрытыя асфальтомъ. Послѣ каменныхъ и асфальтовыхъ тротуаровъ на улицахъ не совсѣмъ пріятно прогуливаться въ паркѣ опять по асфальту, но это только въ южной части парка; далѣе идутъ уже прекрасныя дорожки, посыпанныя пескомъ и отлично утрамбованныя. Чего только нѣтъ въ этомъ паркѣ! Начиная отъ дикихъ первобытныхъ скалъ, до самыхъ затѣйливыхъ произведеній изящнаго искусства. Пройдя сотню саженъ, я вышелъ на лужайку, за которою вырытъ огромный прудъ со множествомъ мостовъ и пристаней съ лодками, лыжами и т. п. Далѣе слѣдуетъ небольшой, но премиленькій звѣринецъ. Тутъ есть нѣсколько бизоновъ и буйволовъ, разгуливающихъ на свободѣ въ загороженныхъ лужайкахъ; дикіе звѣри—львы, волки и проч. помѣщены въ клѣткахъ. Еще дальше—другая огромная площадка со множествомъ скамеекъ и круглымъ навѣсомъ для музыкантовъ; по вечерамъ здѣсь играетъ какой-то оркестръ. Передъ эстрадой—бюстъ Бетховена; повидимому, американцы почитаютъ иностранныхъ ученыхъ и художниковъ. Затѣмъ начинаются самые причудливые повороты и изгибы дорожекъ, и мѣстность дѣлается волнистою; попадаются скалы и цѣлыя пространства, покрытыя первобытнымъ лѣсомъ. Выровнявъ горы и уничтоживъ лѣса на всемъ островѣ Манхатанѣ, гдѣ проведены уже улицы, догадливые янки оставили мѣстность, отведенную подъ Центральный паркъ, почти въ первобытномъ видѣ; они провели здѣсь только множество дорожекъ и дорогъ. Это смѣшеніе дикости съ культурою очень разнообразитъ картину, и, кажется, можно безошибочно сказать, что нигдѣ въ Европѣ среди столицы не имѣется парка, подобнаго нью-іоркскому.

У другого входа въ паркъ, противъ 81-й улицы, воздвигнуто очень красивое зданіе музея. Оно построено всего около 10-ти лѣтъ назадъ на частныя средства и до сихъ поръ остается частнымъ учрежденіемъ, получающимъ лишь небольшую субсидію отъ города. Кромѣ египетскихъ, вавилонскихъ и индѣйскихъ древностей, тутъ очень хорошая

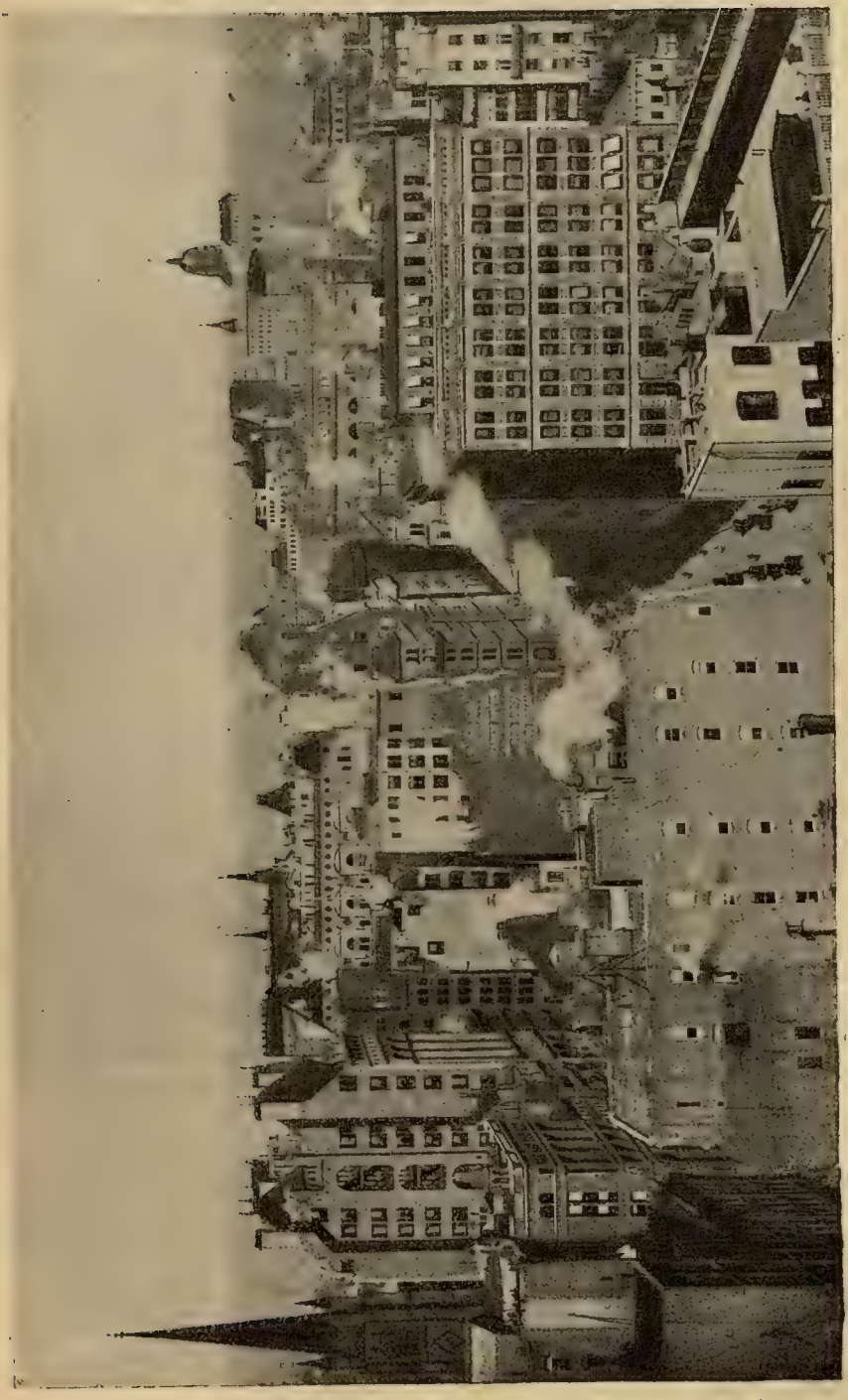
и весьма полная коллекція всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ, много картинъ, вазъ и проч.

Противъ музея, на красивомъ пригоркѣ, поставленъ весьма древній обелискъ, называемый Иглою Клеопатры. Этотъ обелискъ подарилъ американцамъ египетскій хедивъ Измаилъ-Паша. Для перевозки обелиска въ Нью-Іоркъ извѣстный богачъ Вандербильтъ пожертвовалъ необходимыя средства. Высота самаго обелиска вмѣстѣ съ пирамидальною вершиною почти 10 саженъ. Американцы опасались сперва, что рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду, разрушатъ камень или по крайней мѣрѣ повредятъ іероглифы на его поверхности, тѣмъ болѣе, что обелискъ имѣлъ уже кое-гдѣ трещины. Съ этою цѣлью всѣ поры и трещины задѣланы здѣсь парафиномъ, но обелискъ стоитъ хорошо и постоянно привлекаетъ толпы любопытныхъ.

Нельзя не упомянуть еще о громадномъ искусственномъ резервуарѣ Кротона, занимающемъ въ сѣверной части парка пространство не менѣе версты въ длину и около полверсты ширины. Онъ весь облицованъ по берегамъ гранитомъ и представляетъ запасъ прѣсной воды на весь Нью-Іоркъ, потому что вода рѣки Гудзона, вслѣдствіе грязи и солоноватости подъ вліяніемъ морскихъ приливовъ негодна для питья. Резервуаръ пополняется по трубамъ изъ рѣки Кротона въ 40 миляхъ къ сѣверу отъ города.

Помимо перечисленныхъ зданій, Центральный паркъ и самъ по себѣ представляетъ весьма занимательное и пріятное мѣсто для прогулокъ. По его широкимъ шоссированнымъ дорогамъ постоянно видны конные экипажи, велосипеды и кавалькады мужчинъ и женщинъ. Въ аллеяхъ же для пѣшеходовъ—масса гуляющихъ, располагающихся на скамейкахъ по-семейному съ дѣтьми, закусками и газетами. Особенно выгодно для городскихъ жителей именно центральное положеніе парка. Въ него можно проникнуть черезъ множество входовъ и въѣздовъ, охраняемыхъ пѣшими и конными полисменами.

Другая достопримѣчательность Нью-Іорка, считаемая даже однимъ изъ семи чудесъ Новаго Свѣта, это Бруклинскій мостъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ черезъ рукавъ Истъ-Риверъ. Это висячій мостъ, укрѣпленный на двухъ громадныхъ устояхъ. Чтобы дать возможность проходить подъ мостомъ самымъ большимъ судамъ съ ихъ мачтами, онъ такъ высокъ, что къ нему нужно подыматься по особой лѣстницѣ или же подъемною дорогою (для экипажей). Черезъ мостъ устроена еще и канатная желѣзная дорога. Паровозовъ тутъ нельзя употреблять, такъ какъ мостъ висячій и могъ бы качаться и, пожалуй, лопнуть отъ такого груза. Плата за проѣздъ 3 цента за конецъ, и публика, видимо, охотно пользуется этимъ сообщеніемъ. Для лучшаго осмотра я проѣхалъ въ Бруклинъ въ вагонѣ, а вернулся назадъ пѣшкомъ. Видъ съ



Нью-Іоркъ съ высоты 10-го этажа.

моста восхитительный. Можно любоваться не только этими смежными городами, но и взморьемъ на далекое разстояніе. На мосту устроены: широкій путь посрединѣ—для пѣшеходовъ, два боковыхъ пути для экипажей и наконецъ два же пути канатной желѣзной дороги; но рельсы ниже полотна моста, такъ что ежеминутно пробѣгающіе туда и назадъ поѣзда не пугаютъ лошадей и не мѣшаютъ пѣшеходамъ любоваться чуднымъ зрѣлищемъ. Дѣйствіе механизма, приводящаго въ движеніе поѣзда, весьма просто. Подъ вагонами постоянно движется безконечный канатъ, который въ Нью-Іоркѣ только поворачивается съ одного пути на другой, а въ Бруклинѣ спускается внизъ и намотанъ на толстый валъ, приводимый въ непрерывное вращеніе при помощи огромной паровой машины. На случай порчи или разрыва каната (онъ имѣетъ всего около 2-хъ дюймовъ въ діаметрѣ) подъ нимъ лежитъ другой—запасный; меня увѣрили, что за время дѣйствія механизма было только два случая разрыва каната и замѣна новымъ требовала оба раза не болѣе пяти минутъ. Подъ каждымъ вагономъ устроено нѣчто въ родѣ клещей съ толстыми деревянными подкладками. Когда клещи открыты—канатъ свободно проходитъ между подкладками и вагоны стоятъ на мѣстѣ, но когда кондукторъ поворотомъ ручки въ родѣ тормозной закроетъ клещи, то подкладки снерва слегка, а затѣмъ совершенно зажимаютъ канатъ, а послѣдній увлекаетъ съ собою клещи, а слѣдовательно и вагоны. Не проходитъ и нѣсколькихъ секундъ, какъ клещи зажимаются окончательно, и весь поѣздъ несется уже съ тою же скоростью, съ какой движется канатъ. Каждый поѣздъ состоитъ изъ трехъ вагоновъ, но поѣзда отходятъ днемъ черезъ одну минуту, а ночью рѣже. Когда публика очиститъ вагоны, они прикрѣпляются къ паровозу, переводящему поѣздъ на другую, рядомъ расположенную платформу, и пришедшій поѣздъ превращается въ отходящій. Всѣ эти движенія совершаются чрезвычайно быстро и съ точностью правильно регулированныхъ часовъ.

До послѣдняго времени, т.-е. до постройки этого моста, сообщеніе между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ поддерживалось при помощи паровыхъ паромовъ, но постоянный приростъ населенія въ Бруклинѣ и неудобство переѣздовъ въ дурную и туманную погоду побудили наконецъ подумать о мостѣ, который однако не долженъ былъ служить помѣхой обширному судоходству; вотъ почему остановились на типѣ висячаго моста и въ 1870 году приступили къ его постройкѣ. Главная и первоначальная работа заключалась въ устройствѣ двухъ огромныхъ башенъ, вблизи береговъ, но уже въ водѣ. Эти башни служатъ для поддержки огромныхъ проволочныхъ канатовъ. Длина каждаго каната больше версты, и концы канатовъ прочно задѣланы въ особыя каменныя основанія на берегахъ, на которыхъ держится мостъ.

Вдоль главной улицы Бродвей имѣется нѣсколько изящныхъ скверовъ и памятниковъ: Лафайету, Линкольну и др. Самому Вашингтону воздвигнута огромная тріумфальная арка.

Въ южной части города находится островокъ со статуей Свободы, которую я раньше видѣлъ лишь издали. Переѣхавъ при помощи воздушной желѣзной дороги на самую южную оконечность города, на такъ называемую «батарею», я весьма удачно попалъ къ самому моменту отхода небольшого пароходика и въ обществѣ нѣсколькихъ десятковъ туристовъ поплылъ къ острову, на которомъ стоитъ статуя; онъ расположенъ среди залива въ двухъ съ половиной верстахъ отъ берега. Американцы называютъ эту статую—«статуя свободы, освѣщающая міръ»; своими колоссальными размѣрами она производитъ дѣйствительно сильное впечатлѣніе. На пьедесталѣ въ 22 саж. высоты стоитъ женская фигура въ 16 саж.; если же считать отъ подошвы статуи до вершины факела, который фигура держитъ въ правой рукѣ, то получится 21 саж. Островокъ занятъ старинымъ каменнымъ фортомъ, не имѣющимъ теперь никакого военнаго значенія; тѣмъ не менѣе къ подножію статуи нужно проходить мимо американскаго часового съ ружьемъ. Входъ внутрь статуи безплатный; приходится платить лишь за пароходъ.

Внутри пьедестала устроена роскошная каменная лѣстница, а далѣе внутри самой статуи—легкая винтовая: при этомъ тутъ не одна, а двѣ винтовыя лѣстницы, переплетенныя между собою такъ, что подымающіеся наверхъ не сталкиваются съ идущими внизъ. Нижняя каменная лѣстница имѣетъ 195 ступеней, верхняя же желѣзная (до головы)—154. Поднявшись по этимъ лѣстницамъ, мы очутились внутри головы статуи и черезъ отверстія въ вѣнцѣ могли любоваться чуднымъ видомъ на окрестности. Нью-Іоркъ и Бруклинъ видны отсюда какъ на ладони. Но съ верхней площадки подъ шеей имѣется еще другая узенькая лѣстница внутри поднятой руки, до самаго факела—туда еще 54 ступеньки. Этою лѣстницею мы вышли на небольшой круглый балкончикъ, на которомъ можетъ однако помѣститься человѣкъ десять. Оттуда видъ еще красивѣе, особенно любопытно смотрѣть на пароходы, во множествѣ снующіе по заливу и по рѣкѣ Гудзону; къ сожалѣнію, сильный вѣтеръ на открытомъ балкончикѣ не позволяетъ тамъ долго оставаться, такъ что гораздо лучше и спокойнѣе обозрѣвать окрестности изъ головы.

О размѣрахъ фигуры можно судить по размѣрамъ отдѣльныхъ ея частей: средній палецъ руки имѣетъ 8 футовъ длины, а носъ 4 съ половиной фута.

Статуя Свободы сдѣлана знаменитымъ французскимъ скульпторомъ Бартольди. Желая придать статуѣ колоссальные размѣры, онъ разсудилъ, что ее нельзя отлить въ видѣ одной массы и придумалъ сдѣлать

статую изъ множества отдѣльныхъ мѣдныхъ листовъ, укрѣпленныхъ на желѣзномъ скелетѣ. 28 октября 1886 года статуя была торжественно открыта, и на ея факелѣ укрѣпленъ огромный электрическій фонарь, зажигаемый и нынѣ. Статуя невольно приковываетъ вниманіе каждаго пріѣзжающаго въ Нью-Іоркъ съ моря.

Прогулка внутрь статуи продолжалась почти часъ, и на слѣдующемъ пароходикѣ я вернулся въ Нью-Іоркъ.

Янки.

(В. фонъ-Поленца.)

Американское общество уже теперь сильно разнится отъ европейскаго, и различія между обоими обществами все болѣе увеличиваются. Населеніе Соединенныхъ Штатовъ съ внѣшней стороны совершенно американизировано, хотя число тѣхъ, чьи дѣды и прадѣды родились въ Америкѣ, сравнительно незначительно. Притокъ эмигрантовъ относительно уменьшается, тогда какъ естественный приростъ населенія увеличивается. Общіе историческіе и экономическіе интересы все болѣе и болѣе сближаютъ гражданъ. Остальное довершаютъ газеты, которыя даютъ всѣмъ одинаковый матеріалъ для чтенія и распространяютъ повсюду, къ какимъ бы партіямъ онѣ ни принадлежали, одинаковые взгляды на жизнь. Совершенно одинаковая система преподаванія въ общественныхъ школахъ вырабатываетъ изъ американскихъ дѣтей истыхъ янки. Они въ школахъ знакомятся главнымъ образомъ съ исторіей своей родины; такія понятія, какъ классическая древность или Средніе вѣка, если только они приходятъ съ ними въ соприкосновеніе, совершенно ихъ не интересуютъ; Законъ Божій въ американскихъ школахъ почти совершенно не преподаютъ. Въ домашней и общественной жизни женщина пользуется большей свободой и самостоятельностью. Рабочій, фермеръ не могутъ быть даже и сравниваемы съ представителями тѣхъ же классовъ въ Европѣ.

Несходство американскаго общества съ европейскимъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ дольше мы будемъ подвигаться на западъ.

Всего удивительнѣе то, что среди пестрой смѣси расъ и національностей, которыя селились и селятся въ Соединенныхъ Штатахъ, могло выработаться то, что можно назвать чисто американскимъ характеромъ. Опредѣлить американскій характеръ однимъ словомъ невозможно. Подобно ландшафту Сѣверной Америки, подобно ея климату, характеръ американца какой-то неровный, странный, иногда рѣзкій и грубый. Такъ, напр., извѣстный своимъ терпѣніемъ янки можетъ легко придти въ ярость. Прежде всего характеръ американца живой, легко возбуждающійся, но въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ у различныхъ евро-

пейскихъ народовъ. Французъ при всей своей живости остается пессимистомъ, янки же является безусловнымъ оптимистомъ. Славяне тоже приходятъ очень легко въ энтузіазмъ, но такъ же легко впадаютъ въ меланхолическую апатію. У американцевъ, напротивъ, способность легко одушевляться уравновѣшивается выдержанной, упорной энергіей.

Гдѣ самымъ яркимъ образомъ сказывается американскій характеръ, такъ это въ юморѣ. Въ Америкѣ онъ просто необходимъ. Онъ—приправа газетъ, имъ долженъ обладать всякій политикъ, если онъ хочетъ, какъ говорятъ американцы, быть «magnetic», быть центромъ и привлекать къ себѣ общее вниманіе: отъ ораторовъ и лекторовъ требуютъ гораздо больше юмора, чѣмъ основательныхъ знаній. И даже духовныя лица, желающія привлечь въ свою церковь побольше народу, не брезгуютъ юморомъ.

Янки мы всегда представляемъ себѣ исключительно холоднымъ, расчетливымъ дѣльцомъ, грубымъ эгоистомъ, которому чужды всякія благородныя движенія души, такъ какъ они могутъ ему только помѣшать въ его важныхъ занятіяхъ—погонѣ за долларомъ. На самомъ дѣлѣ это совершенно не такъ: американецъ—энтузіастъ и оптимистъ по своей натурѣ.

Въ Европѣ обыкновенно считаютъ любовь къ своей родинѣ добродѣтелью. Для американца патріотизмъ является чувствомъ совершенно обыкновеннымъ, обыденнымъ. Американскій патріотизмъ распространяется на все: на законы, на государственныя установленія, даже на признанные недостатки страны. По мнѣнію ихъ, все американское хорошо. Американскаго худого ничего быть не можетъ. Янки—патріотъ всегда и вездѣ. Американецъ, проживши нѣкоторое время на чужбинѣ, внезапно испытываетъ страшную тоску по родинѣ,—это не тихая, гнетущая тоска, а сознательный протестъ всего существа противъ чужбины. «Америка—единственная страна въ мірѣ, гдѣ можно жить, это Божья страна», по наивному воззрѣнію истаго янки. Нужно только видѣть, какое волшебное впечатлѣніе производитъ на американцевъ сознаніе того, что они приближаются къ родинѣ, въ какой восторгъ приходятъ они, когда наконецъ обрисовываются силуэтъ статуи Свободы и благородныя линіи Бруклинскаго моста, и какое горячее чувство благодарности и искренней любви къ общей матери-кормилицѣ — Америкѣ — овладѣваетъ ими! Этотъ патріотизмъ сказывается не только во внѣшнихъ проявленіяхъ, въ овацiяхъ и демонстраціяхъ, онъ лежитъ гораздо глубже въ сердцахъ американцевъ, онъ блестящимъ образомъ сказывается въ тяжелыя времена, когда отчизна требуетъ жертвъ отъ американскаго народа. Онъ ярко выразился въ междоусобной войнѣ 1861 года *), потому что это была борьба за принципы и идеалы, а не изъ-за добычи.

*) Которую часто не совсѣмъ правильно называютъ „войной за освобожденіе негровъ".

Мы должны будемъ признать за янки нѣкоторыя рыцарскія качества, хотя не все, что онъ дѣлаетъ, пишетъ и говоритъ, кажется намъ благороднымъ и безкорыстнымъ. Его рыцарство самымъ яркимъ образомъ сказывается въ его отношеніяхъ къ женщинѣ. Для него она не ангелъ, не домашнее животное, но физически болѣе слабое, душевно болѣе чистое и тонкое созданіе, защищать которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ является первымъ долгомъ мужчины. И этотъ взглядъ сказывается не только въ законодательствѣ, но и въ обращеніи самаго обыкновеннаго мужчины.

Вообще американская толпа обладаетъ тонкимъ чувствомъ приличія, высокоразвитымъ чувствомъ справедливости. Это, напримѣръ, можно видѣть въ театрѣ, гдѣ публика громко выражаетъ одобреніе положительнымъ типамъ, выводимымъ въ пьесѣ, и порицаніе—отрицательнымъ.

Пріятно поражаетъ всякаго посѣщающаго Сѣверную Америку то обстоятельство, что тамъ почти совсѣмъ не видно пьяныхъ. Американецъ всегда приличенъ, и причина этого кроется уже въ самомъ его воспитаніи. Въ Америкѣ мальчики воспитываются женщинами вмѣстѣ съ дѣвочками. Тотъ, кто видѣлъ американца въ играхъ и физическихъ упражненіяхъ, не скажетъ, что, благодаря этому воспитанію, онъ сдѣлался слабымъ и изнѣженнымъ; но, привыкнувъ съ ранняго возраста къ обращенію съ дѣвушками, онъ пріобрѣтаетъ извѣстную ловкость и непринужденность, которыя могутъ ему принести впослѣдствіи большую пользу.

Этому, повидимому, противорѣчитъ привычка американцевъ, извѣстная каждому, кто ходилъ по улицамъ американскаго города, жевать табакъ и плевать; затѣмъ манера мужчинъ сидѣть, заложивъ ноги чуть ли не выше головы, тоже не можетъ быть названа ни эстетичной, ни приличной. Но надо замѣтить, что эти скверныя привычки уже не царятъ на Востокѣ, въ городахъ съ болѣе старой культурой, какъ, напримѣръ, Вашингтонъ, Альбани, Бостонъ.

Къ слабымъ, къ больнымъ, къ дѣтямъ американецъ относится съ величайшимъ состраданіемъ. Нигдѣ больницы, дома для сумасшедшихъ, пріюты для брошенныхъ дѣтей, для слѣпыхъ и нѣмыхъ и богадѣльни такъ не расширены и такъ легко не доступны, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Нигдѣ не развита такая искренняя, задушевная, щедрая благотворительность. Американецъ не можетъ долго сердиться и зла онъ не помнитъ; это выказалось послѣ всѣхъ войнъ, которыя велъ американскій народъ. Этотъ принципъ всепрощенія ярко выражается въ судѣ, который вообще въ Америкѣ далеко не идеаленъ,—по отношенію къ преступникамъ онъ полонъ всепрощающей любви, назначая имъ наказанія, проникнутыя не духомъ мести, а чувствомъ заботливой любви. Для малолѣтнихъ преступниковъ учреждены школы, въ которыхъ вос-

питываются дѣти обоихъ половъ, которымъ преподаются принципы честной, трудовой жизни. Для взрослыхъ, въ отдѣльныхъ штатахъ, устроены такъ называемые реформаторіи. Сюда принимаются условно осужденные, т.-е. такіе люди, которые совершили преступленіе безъ злого умысла (наприм., въ раздраженіи или отъ голода); имъ назначаютъ наказаніе, но не приводятъ его въ исполненіе нѣсколько лѣтъ (5—10); если въ теченіе этого времени человѣкъ не совершитъ никакого проступка, его освобождаютъ отъ наказанія. Въ ихъ сердцахъ стараются пробудить чувства чести и добра. Если заключенный хорошо себя ведетъ, то его выпускаютъ изъ стѣнъ реформаторіи, но онъ остается подъ наблюденіемъ этого учрежденія. Насколько я могъ убѣдиться, въ реформаторіяхъ царствуетъ истинно гуманный духъ.

Во многихъ недостаткахъ можно справедливо упрекнуть янки, но только не въ мелочности или скупости. Что достоинства его, точно такъ же какъ и недостатки, сказываются въ грандіозныхъ размѣрахъ, доказываетъ его отношеніе къ деньгамъ. Нигдѣ не зарабатываютъ такихъ колоссальныхъ состояній, не гнушаясь средствами для достиженія богатства, какъ въ Америкѣ, но зато нигдѣ такъ щедро не раздаютъ на дѣла благотворительности милліоновъ, какъ въ этой странѣ, гдѣ библіотеки и университеты основываются частными людьми. Спекуляціями янки руководитъ не исключительно духъ наживы,—спекуляціи эти скорѣе являются своего рода спортомъ. Его энергичный, подвижный духъ побуждаетъ его вѣчно рисковать, пытать счастья. При этомъ онъ рѣдко думаетъ о бережливости. Наслѣдниками своими онъ мало интересуется. Онъ знаетъ отлично, что какимъ-нибудь колоссальнымъ пожертвованіемъ для бѣдныхъ или для образовательныхъ цѣлей онъ навѣки сохранитъ память о себѣ. Многіе отцы не оставляютъ своимъ сыновьямъ значительнаго наслѣдства для того, чтобы они учились зарабатызать деньги. Многія симпатичныя черты американскаго характера объясняются благосостояніемъ страны. Настоящую нищету можно найти лишь въ кварталахъ для бѣдныхъ въ большихъ городахъ. Кто пользуется здоровьемъ и физическимъ, и духовнымъ, тому не зачѣмъ быть бѣднымъ. Тамъ, въ Америкѣ, неизвѣстенъ глубокій трагизмъ положенія европейскихъ офицеровъ и мелкихъ чиновниковъ, которые часто вынуждены проживать денегъ больше, чѣмъ могутъ ихъ заработать. Отсутствіе различія сословій и кастоваго духа создало въ Соединенныхъ Штатахъ то радушіе, ту готовность помочь и то гостепріимство, которыя такъ рѣзко отличаютъ американца отъ напыщеннаго англичанина.

Того, кто въ Америкѣ изучалъ физіономіи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сходится много людей: на улицѣ, въ читальнѣ, въ народныхъ собраніяхъ, поразитъ энергія, которою дышитъ лицо каждаго янки, его бодрыя, оживленныя движенія, увѣренность въ удачѣ, которой проник-

нуто все его существо. Каждый американецъ обладаетъ однимъ качествомъ, которое можно назвать и достоинствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаткомъ, а именно—самоувѣренностью. И это качество является какъ бы послѣдствіемъ вѣры въ успѣхъ, живущей въ сердцѣ народа, которому до сихъ поръ все удавалось. Но противовѣсомъ самоувѣренности является одно изъ характерныхъ свойствъ янки—присутствіе духа; это достоинство американецъ проявляетъ самымъ сильнымъ образомъ въ самопомощи. Ничему такъ не удивляешься, когда переносишься изъ нашихъ странъ, гдѣ каждый гражданинъ находится подъ опекой, въ страну безграничной свободы, какъ пріятному и легкому способу управленія самимъ собой американскаго народа. Грандіозное собраніе—больше ста тысячъ присутствующихъ—и ни одного полицейскаго. Всѣ расходятся въ полнѣйшемъ порядкѣ, какъ бы повинуясь какому-то внутреннему побужденію. На улицѣ опрокидывается экипажъ и преграждаетъ дорогу; тотчасъ же нѣсколько сильныхъ мужчинъ поднимаютъ экипажъ, никто не ругается, никто не разсуждаетъ, никакой полицейскій не бранитъ публики; ни крика, ни ругани. Черезъ нѣсколько минутъ порядокъ водворенъ. Желѣзнодорожные поѣзда проѣзжаютъ самыя оживленныя улицы по всѣмъ направленіямъ, не уменьшая ни на секунду своего хода, а между тѣмъ нигдѣ ни рѣшетокъ, ни шлагбаумовъ, развѣ только гдѣ-нибудь найдется предостерегающая надпись. Въ Америкѣ исходятъ изъ того предположенія, что каждому жизнь дорога и что каждый выходящій на улицу находится въ полномъ обладаніи своихъ пяти чувствъ.

На ряду съ этими достоинствами въ характерѣ сѣверо-американцевъ довольно много и недостатковъ. Въ общественныхъ дѣлахъ чувствуется большой недостатокъ порядка, къ нимъ американецъ относится съ полнѣйшею беззаботностью. Несмотря на существованіе хорошихъ больницъ и высокое развитіе медицинской науки, общественная гигіена въ городахъ почти совсѣмъ не принимается въ расчетъ. Городское благоустройство часто оставляетъ желать очень многаго. Канализація очень плоха, а поэтому и смертность все еще относительно высока. Поразительно, что народъ, осуществившій такое величайшее произведеніе инженернаго искусства, какъ Тихоокеанская желѣзная дорога, оставляетъ въ самомъ печальномъ положеніи грунтовыя дороги Америки и совершенно не обращаетъ вниманія на рѣчное судоходство.

Во всемъ этомъ немалую роль играетъ политическая подкупность. Общественныя работы по освѣщенію и проведенію воды и канализаціи, повидимому, существуютъ только для того, чтобы служить средствомъ обогащенія приверженцевъ и друзей стоящей у власти политической партіи. Подкупы являются естественнымъ слѣдствіемъ той системы, по которой за побѣдителемъ признается право на добычу, какъ на вполнѣ

естественное вознагражденіе за труды и расходы по выборной агитаціи. И эти подкупы, всѣми открыто признаваемые и считаемые неизбѣжнымъ, даже необходимымъ зломъ, причиняютъ громадное зло народу.

Въ нѣкоторыхъ министерствахъ безпорядокъ сталъ явленіемъ постояннымъ, такъ, напримѣръ, въ военномъ. Всѣмъ извѣстны отсутствіе дисциплины въ войскѣ и флотѣ и ихъ малая боевая подготовленность. И все-таки американское войско никогда еще не было побѣждено. Въ граждан-

Янки.

скую войну 1861 года съ самаго начала борьбы были совершены ошибка за ошибкой, были проиграны сраженія, были въ самомъ разгарѣ военныхъ дѣйствій отозваны военачальники, и все-таки въ концѣ-концовъ Сѣверъ одержалъ верхъ надъ пылкимъ Югомъ. Характерно для Америки то обстоятельство, что во время этой войны, которая велась ради основныхъ принциповъ государства и поэтому привлекла къ участію всѣ лучшія силы, торговля и общественная жизнь не только не пришли въ упадокъ, но даже, напротивъ, расцвѣли, и постройка Тихоокеанской желѣзной дороги не была даже пріостановлена въ эти тяжелыя для

Америки времена. Это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ живучести и стойкости американскаго народа.

Съ происходящею изъ оптимизма беззаботностью тѣсно связано легкомысліе янки и, какъ результатъ его, поверхностность.

Какъ всякій поверхностный и беззастѣнчивый человѣкъ, американецъ несомнѣнно долженъ быть тщеславенъ. Дѣйствительно, каждый янки имѣетъ потребность къ тому, чтобы имъ восхищались, поражались, и этимъ самымъ сильно напоминаетъ ребенка или дикаря. Чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ все увеличивается хвастовство американцевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ мнѣ семь разъ показывали самый длинный мостъ въ мірѣ. Показывая мнѣ какъ-то мостъ, длиной котораго при всемъ желаніи нельзя было похвастать, одинъ американецъ похвалился хоть тѣмъ, что большинство самоубійцъ бросилось съ этого моста въ рѣку.

Несомнѣнно, нравы американцевъ значительно измѣнились къ лучшему въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде. Такихъ противныхъ хвастуновъ, эгоистовъ и лицемѣровъ, какими, напримѣръ, выставилъ Диккенсъ американцевъ, безъ сомнѣнія, въ настоящее время въ Америкѣ почти не существуетъ. Недостатокъ въ самокритикѣ, быть можетъ, простителенъ народу, который, занимая цѣлый материкъ, имѣлъ мало возможности сравнивать себя съ другими народами.

Ни на что янки не смотрятъ съ такимъ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ на этикетъ и церемоніалъ европейскихъ дворовъ, на различіе ранговъ въ нашей чиновничьей іерархіи, на наши ордена и знаки отличія. Какъ извѣстно, федеральнымъ чиновникамъ абсолютно запрещено принимать иностранные знаки отличія. Американское правительство старается при пріемахъ посланниковъ, при поѣздкахъ офиціальныхъ лицъ уничтожить всякую пышность и торжественность, какъ бы для того, чтобы доказать, что у нихъ, въ Америкѣ, на подобные пустяки и устарѣлые пріемы никакого вниманія не обращаютъ. Но все это не можетъ однако уничтожить тотъ фактъ, что въ настоящее время американское общество начинаетъ проникаться аристократизмомъ. Представители этого общества стараются придумать себѣ родословное дерево и крайне счастливы, если могутъ указать на своихъ чѣмъ-либо выдающихся дѣдовъ. А такъ какъ среди американцевъ нѣтъ лордовъ и фамильными замками они не владѣютъ, то они и зангрываютъ съ высшимъ свѣтомъ Европы, и, какъ извѣстно, за послѣднее время учащаются случаи браковъ американокъ-милліонершъ съ европейскими герцогами.

Но и въ тѣхъ среднихъ классахъ, которые не гонятся за титуломъ «эсквайръ» *), есть желаніе выдѣляться среди массы. Представители этихъ классовъ стараются попасть въ разныя общества и масонскія

*) Дворянинъ.

ложи и украшаютъ себя такими именами, передъ которыми блѣднѣетъ номенклатура средневѣковыхъ цеховъ и гильдій.

Янки беззастѣнчивъ и откровененъ; англійской чопорности въ немъ нѣтъ, но нѣтъ въ его душѣ и тѣхъ сердечныхъ потокъ, безъ которыхъ жизнь непривѣтлива и мрачна. Обыденная американская жизнь имѣетъ тотъ громадный недостатокъ, что она крайне монотонна. Американцы не нашли еще правильнаго отношенія между заработкомъ и пользованіемъ жизнью. Изъ-за преобладанія матеріальныхъ благъ, изъ-за игры на рискъ, изъ-за дѣловыхъ сношеній имъ не удалось дѣйствительно развить культуру. Поэтому по ту сторону океана не возникло городовъ подобныхъ Флоренціи, Генуѣ, Венеціи, Нюренбергу или Веймару. Но зато Чикаго, Миннеаполисъ, Питсбургъ, Нью-Іоркъ имѣютъ такія мельницы, стальные заводы, такіе дома для бѣдныхъ, подобныхъ которымъ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Несомнѣнно, все практическое является конькомъ американца. Онъ прежде всего справиваетъ о дѣлѣ и пользѣ какого-нибудь предмета. Величина и высокая цѣна, о которой онъ всегда и всѣмъ готовъ разглашать, дѣйствуютъ на него импонирующимъ образомъ.

Чудесныя силы таятся въ американскомъ народѣ, но нужна сильная буря, чтобы ихъ пробудить къ жизни. Нельзя сказать, чтобы постоянная удача во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ, необычайно блестящее экономическое положеніе благопріятно повліяли на образованіе среди американскаго народа героевъ. Теперь въ демократической Америкѣ пробудился «имперіализмъ»—стремленіе стать освободительницей и носительницей цивилизаціи, выражаясь мягко—«контролировать» чуждые Америкѣ народы и присоединять ихъ владѣнія.

Несмотря однако на все это, въ настоящее время среди американскаго народа замѣтно новое направленіе, въ которомъ соединились всѣ лучшіе элементы націи, чувствующіе отвращеніе къ общей поверхностности и грубости, къ подкупной беззастѣнчивости и стремящіеся къ облагороженной культурѣ.

Завоевательнымъ стремленіямъ имперіализма это направленіе противополагаетъ истинную цѣль демократіи—соблюденіе въ собственной странѣ свободы и права каждаго отдѣльнаго гражданина. Во внутренней политикѣ подобныя стремленія существуютъ уже давно и выражаются пожеланіями реформы въ средѣ федеральнаго чиновничества. Противъ власти денегъ образовалась реформатская народная партія. Въ этихъ стремленіяхъ соединились всѣ лучшіе элементы американскаго общества, менѣе поверхностные и заносчивые, чѣмъ остальные американцы.

Промышленные успѣхи, блестящее финансовое состояніе страны не ослѣпили ихъ и не лишили способности понимать опасности, угрожающія странѣ.

Какъ мы уже упоминали, обыденная жизнь американца чрезвычайно монотонна и однообразна.

Для страны, въ которой всегда происходитъ что-нибудь сенсаціонное, эта монотонность обыденнаго существованія просто удивительна. Она гонитъ американцевъ толпами въ Европу, въ маленькую, старомодную Европу, къ которой они, вслѣдствіе отсутствія въ ней свободы, относятся съ такимъ презрительнымъ состраданіемъ. Эта Европа имѣетъ въ себѣ нѣчто, чего они тамъ, въ Америкѣ, ни за какія деньги получить не могутъ,—старинную культуру и, главнымъ образомъ, разнообразіе жизни. Какое изобиліе оригинальности, напр., въ такой странѣ, какъ Норвегія, въ которой наполовину меньше жителей, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ съ его предмѣстьями! Какая масса пестрыхъ противоположностей въ небольшой Германіи, которая значительно меньше одного штата Техаса!

Теперь завоеваніе страны бѣлой расой уже закончено, и съ заселеніемъ страны и проложеніемъ желѣзнодорожныхъ путей цивилизація внѣдрилась вездѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ произошло и уравненіе. Одинъ и тотъ же языкъ, тѣ же газеты, тѣ же бросающіяся въ глаза рекламы, одна и та же форма сапога и одно и то же зубное полосканье для всѣхъ, однѣ и тѣ же бродячія труппы, ставящія каждый вечеръ одну и ту же пьесу, одни и тѣ же политическіе лозунги, уличныя сходки и анекдоты, одинъ и тотъ же, заимствованный у Европы, архитектурный стиль общественныхъ построекъ. Въ деревняхъ одни и тѣ же, изготовленные по заказу на фабрикахъ, дома и выпиленныя на лѣсопильномъ заводѣ, по возможности переносимыя, церкви.

Впрочемъ, не вездѣ такъ; въ Новомъ Свѣтѣ существуютъ еще задушевныя, не тронутыя американскою монотонностью, мѣста. Въ штатахъ Новой Англіи можно еще, къ величайшему удивленію, встрѣтить живописныя, тонущія въ зелени вязовъ и липъ, деревушки. Въ предмѣстьяхъ крупныхъ городовъ, часто граничащихъ съ какимъ-нибудь лѣскомъ и представляющихъ изъ себя смѣсь деревни съ городомъ, можно встрѣтить дома, которые дѣлаютъ честь строителямъ. Самыя древнія руины въ Соединенныхъ Штатахъ—это испанскіе монастыри въ Калифорніи и Новой Мексикѣ и помѣстья креоловъ въ Луизіанѣ. Ландшафту недостаетъ нѣмецкихъ замковъ, церковныхъ башенъ французскихъ соборовъ, итальянскихъ палаццо, нидерландскихъ ратушъ, англійскихъ замковъ и аббатствъ. Безъ сомнѣнія, въ Америкѣ мы можемъ найти нѣкоторыя изумительныя чудеса природы, такъ, напримѣръ, Ніагарскій водопадъ, Іеллостонскій паркъ, нѣкоторыя мѣстности Скалистыхъ горъ и Сіерра-Невады. Это однако исключенія; типическій американскій ландшафтъ крайне однообразенъ, нѣтъ въ немъ ни уютности, ни живописности. Безконечныя пшеничныя поля, безконеч-

ныя маисовыя поля, безконечныя преріи—вотъ утомительныя картины, которыя приходится видѣть туристу по цѣлымъ днямъ изъ своего купэ.

Если мы хотимъ узнать способности какого-нибудь народа, мы обыкновенно знакомимся съ классами и сословіями даннаго народа.

Если бы мы захотѣли сдѣлать подобное изслѣдованіе сѣверо-американскаго населенія, то тотчасъ же опредѣлилось бы рѣзкое различіе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Въ Германіи, напримѣръ, самыми важными общественными классами, на которыхъ покоится настоящее и и будущее страны, являются: крестьяне, дворяне, помѣщики, учителя, военные, чиновники, фабриканты, купцы и рабочіе. Въ Америкѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ классовъ совершенно не существуетъ.

Осѣдлаго крестьянскаго населенія въ нашемъ смыслѣ тамъ нѣтъ, точно такъ же не существуетъ дворянства, военное сословіе почти никакой роли не играетъ. Учительское сословіе начинаетъ только теперь развиваться. А на мѣстѣ нашихъ чиновниковъ тамъ являются свободные политики. Такимъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ какъ разъ тѣхъ сословій, на которыя мы привыкли взирать какъ на самыя старыя и обычныя въ государствѣ сословія.

Самыми важными въ Америкѣ и играющими значительную роль въ ея исторіи классами являются: рабочіе, фермеры, предприниматели и профессіональные политики.

Это не сословія въ томъ смыслѣ, въ которомъ они являются у насъ, сословія, самое существованіе которыхъ поддерживается государственными законами; въ Америкѣ сословія, это классы, на которые само собой распалось американское общество, благодаря различію въ занятіяхъ. У насъ обыкновенно выбираютъ какое-нибудь занятіе, если только ужъ не принадлежатъ къ какому-нибудь сословію, и, благодаря этому занятію, остаются въ извѣстномъ сословіи до конца своей жизни. Существуютъ даже сословія, какъ, напримѣръ, дворянское, офицерское и высшее чиновничье, которыя доступны только избраннымъ; если члены этого сословія выбываютъ изъ него за выходомъ въ отставку, они уже теряютъ преимущества. Напротивъ, американцы берутся за какое-нибудь занятіе и бросаютъ его по желанію. Сколько богачей разоряются ежегодно и снова опускаются въ низшіе, бѣднѣйшіе классы для того, чтобы при первомъ счастливомъ случаѣ снова подняться по общественной лѣстницѣ. Очень часто встрѣчаются въ Сѣверной Америкѣ люди, прожившіе два, три состоянія. Необыкновенный оптимизмъ янки не признаетъ полнѣйшей гибели человѣка. Даже калѣки—и тѣ не имѣютъ тамъ вида людей безнадежныхъ.

Какъ живутъ и работаютъ американцы.

(Г. де-Воллана и Гессе-Вартега.)

Существуетъ ли въ Соединенныхъ Штатахъ раздѣленіе на классы? Есть ли то, что мы называемъ высшимъ классомъ? По закону въ Америкѣ всѣ равны и тамъ нѣтъ того, что въ Европѣ называется аристократіею, которая признается другими классами за высшее общество. Въ Европѣ такое высшее общество группируется въ столицѣ, и оно признано во всей странѣ. Въ Америкѣ въ каждомъ городѣ есть свой кругъ «высшаго» общества, который неизвѣстенъ въ другихъ городахъ. Всякій милліонеръ, а тѣмъ болѣе милліардеръ, хотя и считаетъ себя выше другихъ согражданъ въ денежномъ отношеніи, не признается таковымъ другими сочленами общества. Онъ можетъ сколько хочетъ корчить изъ себя англійскаго лорда, обладать дворцами, милліонной обстановкой, держать скаковыхъ лошадей, имѣть свои лѣса для охоты, владѣть яхтой,—онъ все-таки не найдетъ въ своей странѣ того почета, которымъ пользуется настоящая аристократія въ Англіи и, что всего досаднѣе, онъ въ родномъ городѣ съ большимъ трудомъ найдетъ доступъ въ тотъ кругъ, который почему-то считается высшимъ обществомъ. Что же это за избранный кругъ въ демократической Америкѣ, въ который богачамъ не всегда открытъ доступъ? Вѣдь эти же люди, которые высказываютъ такія претензіи, сдѣланы изъ того же тѣста, такіе же свѣженспеченные милліонеры, а иногда даже и совсѣмъ не богаты, но ихъ претензіи освящены давностью уже трехъ поколѣній, пользовавшихся извѣстнымъ достаткомъ, и они происходятъ отъ людей, которые занимали извѣстное положеніе, обладали извѣстнымъ образованіемъ и культурой. Очень смѣшно, что въ такой, якобы демократической, странѣ, какъ Соединенные Штаты, всѣ стараются быть лучше сосѣда и всѣ хотятъ пришпилить къ себѣ извѣстный аристократизмъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первые выходцы принадлежали къ пуританамъ, гонимымъ за религію, и вотъ многіе стараются доказать, что они прибыли на одномъ суднѣ съ этими первыми выходцами, такъ называемыми «отцами пилигримами». До войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ многіе младшіе сыновья англійскихъ лордовъ отправлялись въ Америку искать счастья, какъ это дѣлается и теперь въ колоніяхъ, и селились тамъ на вѣчныя времена. И вотъ въ демократической Америкѣ, не признающей титуловъ и орденовъ, существуетъ настоящая погоня за родословными таблицами. Сотни лицъ заняты тѣмъ, чтобы прослѣдить происхожденіе той или другой фамиліи, получая за это большія деньги. Явились родословныя, показывающія, что на югѣ существуютъ многія фамиліи, въ жилахъ которыхъ течетъ королевская кровь. Нѣкоторые прослѣдили свое происхожденіе до Одина,

основавшаго Скандинавію (70 л. по Р. Х.). Тѣ, которые не могутъ хвастаться происхожденіемъ отъ королей, стараются прицѣпить къ себѣ колоніальное родство со временъ англійскаго владычества. Если вы можете доказать свое происхожденіе отъ какого-нибудь офицера Вашингтона, то вамъ (конечно, за плату) выдается дипломъ на пергаментѣ, и вы можете считать себя лучше своихъ согражданъ. На этомъ не останавливается погоня за отличіемъ и нѣкоторые основали Ацтекское общество, членами котораго могутъ быть только потомки воиновъ Мексиканской войны. И такъ, въ странѣ, гдѣ каждый можетъ быть президентомъ, формируется аристократія, которая не имѣетъ характерныхъ чертъ аристократіи, очень часто безъ родовитости и даже безъ богатства, но которая даетъ извѣстный тонъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ даже переѣздъ изъ одной улицы въ другую мѣняетъ весь кругъ знакомыхъ.

Вообще, тщеславія очень много въ американскомъ обществѣ. Вы тамъ услышите такія фразы: «она не изъ общества», и когда вы удивлены, потому что эта особа съ хорошимъ воспитаніемъ, образованная и даже богатая, то слышится вдругъ отвѣтъ: «ея отецъ торгуетъ бакалейными товарами», или: «они живутъ въ такомъ-то кварталѣ, который не считается модпымъ».

Истинная аристократія Америки — денежная. Въ одномъ Нью-Іоркѣ 1.320 человѣкъ, состояніе которыхъ оцѣниваютъ въ два милліона и больше. Во всей странѣ насчитываютъ 3.828 лицъ, обладающихъ болѣе чѣмъ милліоннымъ состояніемъ. Изъ нихъ четвертая часть имѣетъ свыше 10 милліоновъ, 48 лицъ—болѣе 40 милліоновъ, дюжина лицъ съ состояніемъ свыше 70 милліоновъ, и есть такіе (конечно, ихъ немного), которые имѣютъ однихъ доходовъ до 45 милліоновъ долларовъ въ годъ. Много дѣловыхъ людей, получающихъ жалованье или доходовъ въ 40.000 долларовъ въ годъ.

Среди богатыхъ въ Америкѣ, какъ и въ другихъ странахъ, много досужихъ людей. Если отцы и братья занимаются дѣлами, то это по американской привычкѣ и потому, что американцу неприлично ничего не дѣлать. Женщины этого класса разъѣзжаютъ по Европѣ и тратятъ большія деньги. Живутъ онѣ въ Парижѣ, разъѣзжаютъ на своихъ яхтахъ (въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе 10.000 яхтъ), зиму проводятъ въ Флоридѣ, возвращаются на нѣсколько мѣсяцевъ въ свои дворцы въ Нью-Іоркъ или Бостонъ, а лѣтомъ на берегъ моря—на свои роскошныя дачи въ Ньюпортѣ и другихъ мѣстахъ.

Такъ какъ милліардеры и доходы въ 250.000 тамъ не диковинка, то «семейство, получающее только (?) 100.000 долларовъ въ годъ, находится, по выраженію одного американскаго писателя, въ несчастномъ положеніи, въ которомъ оно понимаетъ, какъ опо могло бы хорошо

жить, если бъ у него было больше стредствъ». Для того, чтобы жить въ Нью-Іоркѣ въ свое удовольствіе, надо имѣть доходъ по крайней мѣрѣ въ 750.000 долларовъ въ годъ. Съ экономіей и отказываясь отъ нѣкоторыхъ удовольствій, можно тянуться за богачами, имѣя 250.000 до 300.000 долларовъ въ годъ. Для примѣра приведемъ таблицу расходовъ:

Текущіе расходы домовъ въ Нью-Іоркѣ и Нью-Портѣ съ жалованьемъ 25 человѣкамъ, пищей, винами и т. д., но безъ баловъ .	30.000 дол.
Балы, обѣды, цвѣты и т. д.	50.000 „
Паровая яхта	50.000 „
Расходы по конюшнѣ и конному заводу съ жалованьемъ 30 человѣкамъ	40.000 „
Сады, парники, цвѣтники и служба 20 человѣкъ	20.000 „
Двѣ дачи (въ сѣверныхъ горахъ и на югѣ у моря)	20.000 „
Одежда для мужа, жены, дочерей и маленькихъ дѣтей	20.000 „
Карманные расходы для всѣхъ членовъ семьи	50.000 „
Автомобили	10.000 „
Путешествія, спеціальные вагоны, отели и т. д.	10.000 „
Итого . . .	300.000 дол.

И это еще не очень много, такъ какъ многія статьи, какъ напр., туалеты женщинъ, поставлены очень умѣренно.

Типическая богатая семья въ Нью-Іоркѣ обладаетъ дворцомъ на 5-й авеню, дачей въ Нью-Іоркѣ, дачей въ Лонгъ Айландѣ, гдѣ они проводятъ время раннею весною и поздней осенью. Другія семьи имѣютъ дачу въ Нью-Іоркѣ, дачу въ Адирондакахъ для охоты, еще другую дачу въ горахъ, постоянную квартиру въ Парижѣ, затѣмъ каждый третій годъ семейство отправляется на сезонъ въ Лондонъ и въ Шотландію на время охоты. Семья имѣетъ свою океанскую яхту, скаковую конюшню. Дѣти содержатся согласно рангу или, лучше сказать, богатству родителей. Американскіе богачи своею роскошью даютъ тонъ даже лондонцамъ, которые жалуются, что за американцами не угнаться. Въ жилищахъ этихъ богачей существуетъ чрезмѣрная роскошь, не скажемъ дурного тона, потому что надъ обстановкой работали художники, но чрезмѣрно преувеличенная. Въ жилыхъ комнатахъ туалетныя принадлежности всѣ изъ золота, ванная,—это резервуаръ изъ мрамора съ золотыми украшеніями. Американская роскошь страдаетъ чрезмѣрностью. Если на столѣ являются цвѣты, то это розы съ громадными стеблями, красивыя и въ громадномъ количествѣ. На балахъ, вмѣсто котильонныхъ бездѣлушекъ, нѣкоторые богачи стали раздавать сотнями золотые портсигары съ драгоцѣнными камнями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ говорили, что балъ, данный Брадлей-Мартинъ, превзошелъ своею роскошью все, что было въ этомъ родѣ, и даже американ-

ское духовенство ополчилось противъ этой вакханаліи богатства. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Хайдъ истратилъ на одинъ балъ около милліона рублей. Гарри Леръ недавно устроилъ банкетъ для собакъ, которымъ подавали кушанья на серебряныхъ блюдахъ и столъ былъ убранъ цвѣтами.

Американская аристократія сначала старалась подражать англійской въ своихъ жилищахъ, въ обстановкѣ, сооружая дворцы въ городѣ съ картинными галлереями, биллiардными, бальными залами, оранжереями и т. д. Загородные дома были построены по образцу англійскихъ замковъ и при нихъ была скаковая конюшня, грумы и дворецкіе выписаны изъ Англіи, и нѣкоторые украшали свои кареты гербами. Молодые люди одѣвались у лондонскаго портного и предавались всякимъ спортамъ и чудачествамъ. Туалеты дамъ по своей роскоши и богатству умопомрачительны. Нѣкоторые богачи, въ родѣ Астора, не довольствуются тѣмъ, что богатство можетъ дать въ Америкѣ, и переселяются въ Англію, покупаютъ какой-нибудь историческій замокъ и, кто знаетъ, ихъ потомки будутъ засѣдать въ палатѣ пэровъ.

Но не одни свѣтскіе успѣхи привлекаютъ этихъ баловней судьбы. Какому-нибудь Іерксу въ Чикаго вдругъ вздумается заняться астрономіей, и онъ выписываетъ величайшій телескопъ въ мірѣ и астрономовъ, какъ онъ выписывалъ прежде людей для своего трамвая. Нѣкоторые тратятъ громадныя деньги для того, чтобы возстановить въ мельчайшихъ подробностяхъ обстановку прежнихъ вѣковъ. Рокфеллеръ и Станфордъ, заинтересованные наукою, основываютъ университеты. Роджерсъ пожертвовалъ на музей искусства семь милліоновъ. Мы не говоримъ о щедрыхъ пожертвованіяхъ Карнеги, которыя извѣстны всему міру.

При такой всеобщей роскоши нужно много денегъ, и бѣдному человѣку нѣтъ мѣста въ блистательномъ мірѣ высшаго общества. И вотъ мы видимъ дѣловой міръ, который напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы добыть эти деньги. Американецъ, какимъ бы дѣломъ ни занимался, какъ бы оно ни было неинтересно, любитъ свою работу, отдаетъ ей всю душу и основательно, честно исполняетъ свой долгъ. Многіе изъ нынѣшнихъ богачей, какъ Карнеги, Рокфеллеръ, Швабъ, начали съ грошей, исполняли роль посыльныхъ, перебивались кое-какъ, покуда не достигли до извѣстныхъ степеней, гдѣ уже деньги приносили громадные барыши. Характерною чертою американскаго дѣльца является то, что, даже достигнувъ громаднаго богатства, онъ продолжаетъ работать и относится къ своему дѣлу такъ же добросовѣстно, какъ онъ дѣлалъ это прежде. Въ немъ сохранилась сконцентрированная энергія и сильная воля цѣлаго поколѣнія піонеровъ, которая окрѣпла въ борьбѣ съ препятствіями, въ немъ еще живы всѣ инстинкты хищника, непре-

клопнаго, безжалостнаго. И въ этой погонѣ за богатствомъ не одна жажда денегъ только для денегъ, потому что американецъ дѣлецъ, по мѣрѣ накопленія средствъ, тратитъ все больше и больше на обстановку, на роскошь, живетъ во всю—если не самъ, то его семья пользуется царской роскошью. Если это желѣзнодорожный король, то онъ путешествуетъ не иначе, какъ въ экстреннномъ поѣздѣ, въ собственномъ вагонѣ, окруженный массой секретарей и прихлебателей. Въ этой присущей американцу жаждѣ дѣятельности, крупныхъ предпріятій, отъ смѣлости которыхъ кружится голова, жажды власти надъ толпою—есть своего рода поэзія. Достигнувъ богатства, онъ не хочетъ остановиться, какъ это дѣлаютъ французы, честолюбіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы быть рентьеромъ. Нѣтъ, богатѣя, онъ расширяетъ больше свои предпріятія, чтобы въ одинъ прекрасный день умереть отъ разрыва сердца.

И эта любовь къ дѣлу (business) переходитъ большею частью къ сыновьямъ. Сынъ Моргана продолжаетъ отцовское дѣло; начавъ съ самыхъ низшихъ должностей въ банкѣ отца, онъ наконецъ сдѣлался однимъ изъ директоровъ отдѣленія банка въ Лондонѣ. Сынъ милліардера Рокфеллеръ младшій, получивъ отличное воспитаніе, продѣлалъ все въ своей жизни: рубилъ дрова, дробилъ камни, работалъ клеркомъ на жалованье до 25 долларовъ въ недѣлю. Сыновья Гульда—желѣзнодорожнаго короля,—которымъ отецъ оставилъ $^0/_0$ съ капитала, продолжали предпріятіе отца. Старшій ведетъ желѣзнодорожное дѣло, второй уже нажилъ 10 милліоновъ на спичкахъ, третій—банкиръ, четвертый во главѣ телеграфовъ. Сынъ г-жи Гришъ—самой богатой женщины въ Соединенныхъ Штатахъ—началъ работать за 8 долларовъ въ недѣлю. Мать давала ему 50 центовъ въ день, на которые онъ могъ бы покупать себѣ обѣдъ. Ему это надоѣло и онъ отправился въ Техасъ, началъ свое собственное дѣло и нажилъ милліоны. Такихъ примѣровъ много.

Но не всѣ достигаютъ до высшей точки, есть много такихъ—и они составляютъ большинство,—которые должны прозябать въ какой-нибудь скромной должности. Возьмемъ, напр., клерковъ или мелкихъ чиновниковъ. Это люди съ скромными средствами (1.000—1.800 долларовъ въ годъ). Всѣ частныя компаніи, банки, желѣзныя дороги, городскія учрежденія нуждаются въ цѣлой арміи клерковъ. Но они очень плохо оплачиваются.

Въ сравненіи съ клерками рабочіе поставлены гораздо лучше. Рабочій обыкновенно членъ союза, который заботится о немъ въ случаѣ болѣзни, бездѣйствія и смерти. Конечно, не всѣ получаютъ 4 доллара въ день, чернорабочій долженъ довольствоваться $1^1/_2$. Но получая такъ много, онъ и платитъ больше за всѣ удобства жизни: за газовое

или электрическое освѣщеніе въ квартирѣ, за чистое бѣлье. Даже въ будни, въ нерабочіе часы онъ одѣтъ джентльменомъ, чисто и прилично, въ лаковыхъ ботинкахъ; встрѣтивъ его на улицѣ, вы не отличите его отъ мелкаго чиновника.

Придя къ вамъ для какой-нибудь подѣлки, онъ снимаетъ свой пиджакъ, приставные воротникъ и рукавчики, принимается за работу и, исполнивъ ее, тщательно вымывъ руки, облекается снова въ свой городской костюмъ. Такъ онъ является и на фабрику. Когда раздался звонокъ, они всѣ гуртомъ, если работаютъ по станкамъ, бросаются къ умывальникамъ, тщательно мылятся, моются, одѣваются во фланелевую рубаху, хорошія панталоны, пиджакъ, и американскій джентльменъ готовъ. У многихъ изъ нихъ есть золотые часы, и онъ, посмотрѣвъ на нихъ, идетъ въ свой клубъ или въ библіотеку Карнеги. Конечно, это рабочая аристократія, получающая отъ четырехъ до шести долларовъ въ день. Эмигранты не получаютъ такого содержанія, но, не безпокойтесь, и они при умѣньи и при счастьѣ рано или поздно превращаются въ американскаго джентльмена. Скажу кстати—каждый американецъ и каждая американка—джентльмены и леди. Вамъ не докладываютъ: пришелъ маляръ, пришла прачка, а прислуга говоритъ: «пришелъ джентльменъ». «пришла леди».

Американскій рабочій, получающій по 75 долларовъ въ мѣсяцъ, живетъ большею частью въ маленькомъ домикѣ съ хорошенькимъ палисадникомъ. Въ домѣ непремѣнно должна быть гостиная съ коврами, съ хорошенькими занавѣсками, съ качалкою, съ часами, съ зеркалами, съ фотографіями родителей и родственниковъ на стѣнахъ. Въ домѣ есть столовая съ чистою скатертью. Во второмъ этажѣ двѣ спальни съ ванною, есть еще чердакъ. За наемъ такого дома, которые строятся по однообразному типу рядомъ, какъ соты въ пчелиномъ ульѣ, онъ платитъ двадцать долларовъ. Благодаря мясу, привезенному изъ Чикаго въ холодильникахъ, онъ и его семья питаются вдоволь мясомъ и овощами. Жена его опрятно одѣта, даже сама не стираетъ бѣлья и только готовитъ на кухнѣ. Сорокъ долларовъ ей хватаетъ на весь обиходъ и немудрено, такъ какъ готовый мужской костюмъ стоитъ только 6 долларовъ, ботинки—1,75, шляпа 1 дол. Рабочій каждый мѣсяцъ платитъ извѣстный процентъ въ союзъ на страхованіе жизни. Я видѣлъ цѣлый рядъ такихъ домиковъ въ негритянскомъ кварталѣ и тамъ въ домикахъ тѣ же удобства.

Пьянство между рабочими большая рѣдкость и каждый старается какъ можно лучше обставить свою домашнюю обстановку, пойти въ театръ, на лекцію. Американскій рабочій честолюбивъ, онъ не думаетъ остановиться на извѣстной точкѣ и при первой возможности пріобрѣтаетъ въ разсрочку домъ: онъ культурнѣе и развитѣе своего европей-

скаго собрата. Получая бо́льшую заработную плату, онъ не относится, какъ англійскій рабочій, враждебно къ машинамъ; напротивъ, онъ съ восторгомъ привѣтствуетъ всякое упрощеніе и улучшеніе механизма. Эта культурность особенно замѣтна на сѣверѣ, гдѣ существуетъ всеобщее, обязательное образованіе. До четырнадцати лѣтъ и даже до шестнадцати въ городахъ и селахъ Сѣверной Америки ту же школу посѣщаютъ юноши, изъ которыхъ впослѣдствіи вырабатываются будущіе рабочіе, будущіе фабриканты и будущіе администраторы. Раздѣленіе начнется, когда нѣкоторые пойдутъ въ университетъ и высшія техническія училища.

Это равенство образованія дѣлаетъ то, что рабочій не считаетъ себя ниже своего хозяина, не смотритъ на него, какъ на врага, видится съ нимъ каждый день, если въ томъ явится необходимость, и держится съ большимъ достоинствомъ. Хорошо оплачиваемый, онъ трудится во всю. Если онъ мало-мальски смышленый и знающій человѣкъ, онъ старается придумать какое-нибудь упрощеніе или улучшеніе механизма, и если онъ достигнетъ своей цѣли, то, благодаря закону о патентахъ, онъ изъ простого рабочаго превращается въ капиталиста. Онъ знаетъ себѣ цѣну и, какъ хорошій солдатъ, не отчаивается быть когда-нибудь фельдмаршаломъ. И многіе достигаютъ своей цѣли. Въ Питтсбургѣ разсказываютъ, что Карнеги создалъ 32 милліонера изъ простыхъ рабочихъ. Стоило ему замѣтить на работѣ посмышленѣе человѣка, онъ давалъ ему ходъ, назначалъ его на отвѣтственный постъ и щедро оплачивалъ его. Что стоило ему дать человѣку 20.000, если онъ выигрывалъ отъ этого 200.000. И вотъ молодежь стремилась найти работу у Карнеги. Надо сказать здѣсь, что на всѣхъ отвѣтственныхъ мѣстахъ большею частью молодые люди и при этомъ жизнерадостные, бодрые и полные энергіи. Эта жизнерадостность и бодрость даетъ имъ возможность выдержать крайнюю напряженность труда. Кромѣ того, человѣческій матеріалъ, изъ котораго вырабатывается американскій рабочій, самый лучшій въ мірѣ. Выносливые европейскіе эмигранты, недовольные условіями на родинѣ, имѣющіе кое-какія средства, энергію начать жизнь сызнова въ новой странѣ, отвагу, предпріимчивость, чтобы порвать съ прошлымъ,—не сбродъ, какъ многіе привыкли думать, а лучшіе люди, которыхъ непремѣнно ждетъ удача тамъ, гдѣ они поселятся.

Кромѣ этихъ качествъ рабочаго, многіе приписываютъ замѣчательные успѣхи американской промышленности, существованію могущественныхъ промышленныхъ союзовъ (тресты). Образованіе этихъ промышленныхъ союзовъ или трестовъ происходитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ.

Нѣсколько компаній, находя убыточною дальнѣйшую конкуренцію между собою, входятъ въ соглашеніе и образуютъ одно новое общество.

Предпріятія отдѣльныхъ членовъ союза капитализируются и на всю сумму выпускаются акціи или паи, которые и распредѣляются между всѣми участниками. Управленіе всѣмъ предпріятіемъ переходитъ затѣмъ къ одному директору и правленію, составленному изъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ фабрикъ. Зачастую союзъ, въ интересахъ общаго дѣла, рѣшаетъ ту или другую фабрику, находящуюся въ невыгодныхъ условіяхъ сбыта, или вовсе закрыть, или сократить ея производство на половину или на треть; для владѣльца фабрики осуществленіе подобной мѣры совершенно безразлично, такъ какъ прибыль онъ во всякомъ случаѣ получаетъ изъ общаго предпріятія. Иногда фабрики самостоятельность свою сохраняютъ и лишь обязуются вносить барыши отъ предпріятія въ одну общую кассу, которая затѣмъ и распредѣляетъ ихъ по числу паевъ. Конечно, возможны и различныя злоупотребленія. Иногда бываетъ, что предпріятіе оцѣнено очень высоко и сумма выпущенныхъ паевъ превышаетъ его дѣйствительную стоимость. Это называется «watering the stock», т.-е. разбавить водою. Такъ, мѣдный трестъ пріобрѣлъ рудникъ за 38 мил., а выпустилъ акцій мѣднаго треста на 75 мил. Этотъ излишекъ акцій былъ проданъ публикѣ, и такимъ образомъ союзъ надулъ публику на 37 мил. долларовъ.

Типическимъ примѣромъ этихъ союзовъ можетъ служить Standard Oil Company, основанный въ 1872 году. Во главѣ ея стоитъ извѣстный милліардеръ Джонъ Рокфеллеръ. Компанія владѣетъ 0,9 всей нефтяной торговли Соединенныхъ Штатовъ. Главная дѣятельность треста сосредоточена въ Пенсильваніи, гдѣ находятся самые извѣстные нефтяные колодцы. Трестъ очень рѣдко занимается буреніемъ колодцевъ и дѣлаетъ это, главнымъ образомъ, лишь тамъ, гдѣ существуютъ неоспоримыя доказательства нахожденія нефти. Вообще же, онъ предоставляетъ буреніе отдѣльнымъ предпринимателямъ или мелкимъ компаніямъ, которые, такимъ образомъ, и несутъ весь матеріальный рискъ въ случаѣ неудачи изысканій. Трестъ не покупаетъ и самой земли съ нефтяными колодцами. Этого онъ не дѣлаетъ въ виду слишкомъ значительныхъ размѣровъ пространства, гдѣ можно найти нефть, на покупку котораго пришлось бы потратить огромные капиталы безъ всякой пользы. Но зато тамъ, гдѣ нефтяная промышленность начинаетъ требовать болѣе сложныхъ операцій и позволяетъ дѣйствовать съ прибылью на большія массы, тамъ трестъ появляется во всей своей силѣ и начинаетъ диктовать свои законы. Купивъ право предпринимателя, Standard Oil Company является полною и единственною хозяйкою колодцевъ. Такимъ образомъ, трестъ достигаетъ большой экономіи въ производствѣ, благодаря уже тому, что покупаетъ не самую нефть, а ея колодцы. Затѣмъ нефть въ сыромъ видѣ обыкновенно покупается нефтеочистительными заводами или посредниками между этими заводами и пред-

принимателями. Благодаря своимъ огромнымъ капиталамъ, Standard Oil Company обходится безъ посредниковъ и этимъ также достигаетъ большой экономіи въ расходахъ. Наиболѣе важные самостоятельные нефтеочистительные заводы трестъ закупаетъ, включая ихъ въ кругъ своей дѣятельности и уменьшая такимъ образомъ конкуренцію. Въ нѣкоторыхъ округахъ онъ произвольно уменьшаетъ цѣны на нефть, чтобы разорить непокорныхъ конкурентовъ. Зато трестъ вознаграждаетъ себя въ другихъ округахъ, гдѣ нѣтъ конкуренціи, увеличеніемъ цѣны на нефть безъ всякой причины. Самымъ важнымъ вопросомъ въ нефтяной промышленности является вопросъ о перевозкѣ нефти. Въ настоящее время перевозка сырой нефти въ Америкѣ производится почти исключительно посредствомъ нефтяныхъ трубъ, соединяющихъ мѣста производства съ нефтеочистительными заводами на берегахъ Атлантическаго океана или озеръ. На извѣстномъ разстояніи, обыкновенно отъ 50 до 80 миль, размѣщены сильные насосы, регулирующіе теченіе нефти. Трестъ владѣетъ всѣми большими канализаціями нефтепроводныхъ трубъ. Двѣ изъ линій оканчиваются въ Нью-Іоркѣ, одна—въ Филадельфіи, другая—въ Балтиморѣ; этими линіями снабжается вся восточная часть Америки и иностранные рынки. Четыре другихъ линіи оканчиваются въ Питсбургѣ, Буффало, Кливелэндѣ и Чикаго и служатъ для снабженія западной части Америки. Благодаря проведенію трубъ, явилась возможность перевозить сырую нефть приблизительно на 50% дешевле, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ. Это тоже представляетъ немалую экономію для Standard Oil Company. Съ помощью трубъ трестъ отбилъ отъ желѣзныхъ дорогъ весь транспортъ своей сырой нефти; но зато онъ остается для нихъ крупнымъ кліентомъ по перевозкѣ керосина, смазочныхъ и освѣтительныхъ маслъ и множества другихъ предметовъ нефтеочистительнаго производства.

Кромѣ сѣти нефтепроводовъ, охватывающей многія тысячи верстъ, Standard Oil Company владѣетъ еще девятнадцатью большими нефтеочистительными заводами въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ, да еще нѣсколькими меньшими въ Мексикѣ, Кубѣ и Южной Америкѣ. Она имѣетъ свои огромные фабрики и заводы, на которыхъ изготовляются баки, трубы, даже машины, необходимыя въ нефтяномъ дѣлѣ, и число механиковъ, занятыхъ на этихъ вспомогательныхъ заводахъ, гораздо больше, нежели на величайшей изъ желѣзнодорожныхъ линій Америки. Для перевозки своихъ продуктовъ на иностранные рынки Европы, Азіи, Африки и Австраліи компанія имѣетъ болѣе сотни океанскихъ пароходовъ, приспособленныхъ для перевозки нефти; къ нимъ надо добавить еще 300 меньшихъ пароходовъ въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ. Всюду, отъ Марокко и до Корен, отъ Аляски и до Южной Африки, находятъ себѣ сбытъ ея продукты, всюду есть ея агенты, и въ кассы

ея ежегодно стекаются сотни милліоновъ, пріобрѣтаемыхъ во всѣхъ уголкахъ земного шара.

Но дѣятельность этой всемогущей компаніи не ограничивается одной нефтью. Ей цѣликомъ или отчасти принадлежитъ много другихъ предпріятій, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и т. п. Ее часто сравниваютъ съ огромнымъ осьминогомъ, гигантскія щупальца котораго проникаютъ во всѣ уголки американской промышленности, и сравненіе это совершенно вѣрно.

Правленіе компаніи находится въ Нью-Іоркѣ. Всякій, подъѣзжающій къ Нью-Іорку на пароходѣ, видитъ огромный десятиэтажный домъ Standard C°, помѣщающійся на нижнемъ концѣ Бродвэя. Посѣтителя этого дворца прежде всего поражаетъ чрезвычайная тишина и спокойствіе, царящія внутри, какъ будто это не огромнѣйшая въ мірѣ компанія, а какой-нибудь старомодный торговый домъ въ Амстердамѣ. Управленія отдѣлами предпріятія распредѣлены по разнымъ этажамъ. Здѣсь же находятся и управленія тѣми предпріятіями, которыя были пріобрѣтены компаніей, но сохранили свою внѣшнюю самостоятельность и даже свою внутреннюю организацію; даже первоначальныя названія такихъ предпріятій уцѣлѣли на металлическихъ дощечкахъ, прибитыхъ къ дверямъ, перемѣнились только владѣльцы. Какой-нибудь Смитъ или Броунъ, прежній владѣлецъ такого предпріятія, въ извѣстной степени остался имъ и теперь, только интересы его слились съ интересами Standard C° и благодаря этому онъ, можетъ быть, уже пріобрѣлъ милліоны. Теперь они работаютъ сообща и Смитъ или Броунъ засѣдаютъ какъ шефы своихъ отдѣленій въ дирекціи компаніи. Каждое отдѣленіе: финансовое, техническое, перевозочное и т. д. имѣетъ своего представителя — опытнаго, дѣлового человѣка, который работаетъ только въ своей отрасли и совершенно не вмѣшивается въ другія. Главное управленіе находится въ девятомъ этажѣ. Здѣсь въ простой залѣ ежедневно собираются въ часы завтрака милліонеры, стоящіе во главѣ компаній, чтобы выслушать доклады управляющихъ отдѣленіями и отдать приказанія, немногословныя, но влекущія за собой милліонные обороты. Но о цѣли ихъ никто не знаетъ, кромѣ директоровъ. Во главѣ послѣднихъ стоитъ Джонъ Рокфеллеръ, основатель Standard Oil Company, являющійся душою всего предпріятія. Это простой, ничѣмъ не выдающійся человѣкъ, съ холоднымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ безъ бороды и лишенною волосъ головой. По костюму онъ тоже ничѣмъ не отличается отъ тысячъ своихъ клерковъ. Въ противоположность многимъ другимъ американскимъ милліонерамъ онъ живетъ скромно, пожалуй даже скупо, и имѣетъ мало знакомыхъ. Въ обществѣ онъ никогда не появляется. Онъ, какъ и большая часть другихъ директоровъ компаніи, баптистъ и пожертвовалъ нѣсколько милліо-

новъ на баптистскія церкви и миссіи. Въ настоящее время ему шестьдесятъ семь лѣтъ, но онъ такъ же бодръ и дѣятеленъ, какъ въ то время, когда основывалась Standard Company. Его личное состояніе оцѣнивается въ 3—4 милліарда, а ежегодный доходъ составляетъ около 100 милліоновъ рублей. Въ 1907 году Standard Oil Company по постановленію суда, признавшаго дѣйствія этого треста вредными, была оштрафована на 60 милліоновъ рублей. Рокфеллеръ игралъ въ теннисъ, когда ему доложили объ этомъ. Онъ выслушалъ и, не говоря ни слова, продолжалъ игру. И онъ, дѣйствительно, могъ выслушать такое извѣстіе молча и равнодушно. Если бы и окончательное рѣшеніе въ высшихъ инстанціяхъ суда было не въ его пользу, то самой ничтожной надбавки къ цѣнѣ керосина было бы достаточно, чтобы въ теченіе года вдвойнѣ покрыть этотъ штрафъ.

Исторіи другихъ трестовъ болѣе или менѣе походятъ на исторію Standard Oil Company. Такъ сталелитейный промышленный союзъ, основанный въ 1887 году, произвелъ полный переворотъ въ условіяхъ сталелитейной промышленности въ Америкѣ; удешевляя производство, онъ понизилъ цѣны на сталь и желѣзо, и американскіе рельсы завоевали себѣ заграничный рынокъ. Этотъ союзъ представляетъ собою капиталъ въ милліардъ долларовъ. Другой «Океанскій союзъ», во главѣ котораго находится Морганъ, соединилъ въ одно интересы пароходныхъ линій: германскихъ, американскихъ и англійскихъ. Союзъ мяса устанавливаетъ по всей Америкѣ свои цѣны не только на мясо, а и на фрукты, масло, яйца, сыръ. На всѣхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ вы видите громадные вагоны съ надписью: Refrigerator Car (вагоны-холодильники). Ихъ 54.000 и они принадлежатъ мясному тресту. Этотъ трестъ, отправляя милліарды фунтовъ мяса, сала, 57 милліоновъ фунтовъ сыра, 197 милліоновъ фунтовъ масла, предписываетъ свои законы желѣзнымъ дорогамъ, городамъ, частнымъ лицамъ. Онъ можетъ разорить ихъ и терроризируетъ ихъ до такой степени, что они боятся говорить на улицѣ что-нибудь противъ треста. Дѣло дошло до того, что если вамъ надо отправить по желѣзной дорогѣ съѣстные припасы, вы волею-неволею должны прибѣгнуть къ вагонамъ-холодильникамъ и платить имъ то, что они потребуютъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ваша провизія сгніетъ и васъ ждетъ разореніе въ будущемъ.

Число союзовъ растетъ съ каждымъ годомъ, и они охватываютъ все больше и больше всѣ отрасли промышленности. Не говоря объ океанскомъ трестѣ, электрическихъ трамваевъ, стальномъ, въ Америкѣ семь трестовъ соединили 1.528 предпріятій съ капиталомъ въ 2.662 милліоновъ долларовъ. На ряду съ ними существуютъ 298 промышленныхъ союзовъ, которые контролируютъ 3.426 предпріятій съ капиталомъ въ 4.055 милліоновъ долл. А всего въ Америкѣ 8.669 предпріятій

съ капиталомъ въ 20.379 милліоновъ долл. находится въ рукахъ трестовъ.

Но какъ бы ни развивались союзы, все-таки есть предѣлъ ихъ могуществу. Сосредоточивая въ себѣ такое множество предпріятій, союзъ оказывается слишкомъ громоздкимъ, неповоротливымъ; происходятъ хищенія, недосмотры, и эти неудобства сказываются на предпріятіи.

„Безъ языка“.

(В. Короленко) *).

По причинамъ, которыя мы изложимъ дальше, Матвѣй Лозинскій **) сталъ на цѣлыхъ два дня самымъ знаменитымъ человѣкомъ города Нью-Іорка, и каждый шагъ его въ эти дни былъ прослѣженъ очень точно. Прежде всего, человѣка въ бѣлой одеждѣ видѣли идущимъ по 4 авеню, потомъ онъ долго шелъ пѣшкомъ подъ настилкой воздушной дороги, къ Бруклинскому мосту. Казалось, его тянуло туда, гдѣ людиѣе и гуще. На углу Бродвея и какого-то переулка онъ вошелъ въ булочную и, указавъ на огромный кусокъ бѣлаго хлѣба, протянулъ руку съ деньгами на ладони. Онъ говорилъ что-то продавцу-нѣмцу и даже, когда тотъ отдавалъ сдачу, старался схватить его за руку и тянулся къ ней губами. Нѣмецъ вырвалъ руку и занялся другими покупателями. Человѣкъ постоялъ, посмотрѣлъ на булочника грустными глазами и вышелъ.

Это было время, когда выходятъ вечернія газеты. На небольшой площадкѣ, невдалекѣ отъ огромнаго зданія газеты «Трибуна», странный человѣкъ зачерпнулъ воды и пилъ ее съ большою жадностью, не обращая вниманія на то, что въ грязномъ водоемѣ два маленькихъ оборванца плавали и ныряли за никелевыми и мѣдными монетками, которыя имъ на потѣху кидали прохожіе. Безчисленное количество газетныхъ мальчишекъ, ожидавшихъ выхода номера и развлекавшихся пока чѣмъ попало, раздѣлили свое вниманіе между водолазами и страннымъ человѣкомъ въ бѣлой одеждѣ, котораго они засыпали цѣлою тучей звонкихъ остротъ. Въ это время черезъ площадку проходилъ газетный репортеръ-иллюстраторъ и наскоро набросалъ эту сцену въ своей книжкѣ. Безъ сомнѣнія, если бы этотъ джентльменъ могъ провидѣть будущее, онъ постарался бы сдѣлать свой рисунокъ какъ можно точнѣе. Но, во-первыхъ, онъ очень торопился и ему пришлось поэтому заканчивать набросокъ съ памяти, а во-вторыхъ, онъ былъ введенъ въ

*) Изъ повѣсти того же названія.

**) См. ст. „Эмигранты“. Матвѣй Лозинскій заблудился въ Нью-Іоркѣ, не зная языка.

заблужденіе присутствіемъ ныряющихъ мальчишекъ, которыхъ причислилъ къ семейству незнакомца. Наконецъ, онъ не зналъ также, что̀ изъ его работы можетъ выйти, такъ какъ незнакомецъ не могъ отвѣтить ничего на самые обыкновенные вопросы.

— Йуръ нэшенъ? (ваша національность)—спросилъ репортеръ, желая узнать, какой Матвѣй націи.

— Какъ мнѣ найти мистера Борка!—отвѣтилъ тотъ.

— Йуръ нэмъ? (ваше имя?)

— Онъ тутъ гдѣ-то... имѣетъ помѣщеніе.

— Говъ до ю лайкъ дисъ кэунтри?—Это значило, что репортеръ желалъ знать, какъ Матвѣю понравилась эта страна,—вопросъ, который, по его наблюденіямъ, обязаны понимать рѣшительно всѣ иностранцы...

Но незнакомецъ не отвѣтилъ, только глядѣлъ на газетнаго джентльмена съ такою грустью, что ему стало неловко. Онъ прекратилъ разспросы, ободрительно похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ:

— Wery well! (очень хорошо!) Это очень хорошо для васъ, что вы сюда пріѣхали. Америка—лучшая страна въ мірѣ, Нью-Іоркъ—лучшій городъ въ Америкѣ. Ваши милыя дѣти станутъ здѣсь образованными людьми.

Затѣмъ, «съ талантомъ, отличающимъ карандашъ этого джентльмена», онъ украсилъ на рисункѣ свитку лозищанина нѣсколькими фантастическими узорами, изъ его волосъ, буйныхъ, нестриженныхъ и слипшихся, сдѣлалъ одно цѣлое вмѣстѣ съ бараньей шапкой, и, наконецъ, всю эту странную прическу, по внезапному вдохновенію, перевязалъ тесьмой или лентой. Ростъ Матвѣя онъ прибавилъ еще на $^1/_4$ аршина, а у ногъ, въ водоемѣ, помѣстилъ двухъ младенцевъ, напоминавшихъ чертами предполагаемаго родителя.

Все это онъ наскоро снабдилъ подписью: «Дикарь, купающій своихъ дѣтей въ водоемѣ на Бродвеѣ», затѣмъ, сунувъ книжку въ карманъ и оставляя до будущаго времени вопросъ о томъ, можно ли сдѣлать что-либо полезное изъ такого фантастическаго сюжета, онъ торопливо отправился въ редакцію.

Какъ разъ въ эту минуту вышло вечернее прибавленіе, и все вниманіе площадки и прилегающихъ переулковъ обратилось къ небольшому балкону, висѣвшему надъ улицей, на стѣнѣ помѣщенія газеты «Трибуна». На этотъ балкончикъ выходили люди съ кипами газетъ, брали у толпившихся внизу мальчишекъ, запрудившихъ весь переулокъ, ихъ марки, а взамѣнъ кидали имъ кипы газеты. Минутъ въ 20 все было кончено. Сотни мальчишекъ мчали во всѣ стороны десятки тысячъ номеровъ, и ихъ звонкіе крики разносились съ этого мѣста по огромному городу.

На площадкѣ остался только лозищанинъ, да два оборванца вылавливали въ водоемѣ послѣднія монеты. Вскорѣ туда же подошелъ еще высокій господинъ въ партикулярномъ платьѣ, въ сѣрой большой шляпѣ и съ короткою палкой въ рукѣ, въ родѣ гетманской булавы, украшенной цвѣтнымъ шнуромъ и кистями. Это былъ полисменъ Гопкинсъ—лицо, извѣстное всему Нью-Іорку. Полисменъ Гопкинсъ былъ прежде довольно искуснымъ боксеромъ, на котораго ставились значительныя пари. Но послѣ нѣсколькихъ блестящихъ удачъ, перемежавшихся довольно грустными неудачами, пожелалъ перемѣнить профессію. Мистеръ Гопкинсъ рѣшилъ совершенно основательно, что профессія полисмена наиболѣе соотвѣтствуетъ его природнымъ талантамъ и склонности къ тѣлеснымъ упражненіямъ рискованнаго свойства. Кромѣ того, онъ находилъ, что увѣнстый клобъ изъ ясеня или дуба даетъ полисмену значительныя преимущества передъ самымъ искуснымъ боксеромъ, не говоря объ обыкновенныхъ гражданахъ страны.

Проходя невдалекѣ отъ фонтана, онъ остановилъ свой проницательный взглядъ на росломъ незнакомцѣ, сложеніе и силу котораго сразу оцѣнилъ, какъ знатокъ, безошибочно. Незнакомецъ всталъ и, взявъ въ обѣ руки шапку, согнулъ свой станъ такъ, что его голова пришлась почти вровень съ колѣнами Гопкинса; затѣмъ онъ сталъ ловить руку Гопкинса своей рукой и губами *). Очень можетъ быть, что полисменъ Гопкинсъ обратилъ бы больше вниманія на человѣка, производящаго публично такія странныя тѣлодвиженія, если бы въ это время его строгій взглядъ не былъ привлеченъ внезапнымъ появленіемъ надъ поверхностью бассейна двухъ дѣтскихъ головъ. Оказалось, что два водолаза, спрятавшіеся при его приближеніи, должны были вынырнуть, чтобы отдышаться. Гопкинсъ тотчасъ же взялъ мальчишекъ за шивороты, поднялъ ихъ высоко кверху своими сильными руками и сталъ отряхать, точно двѣ мокрыя тряпицы. Какъ разъ въ эту драматическую минуту пробѣгалъ изъ редакціи тотъ же репортеръ. Онъ остановился и изобразилъ Гопкинса съ двумя дикаренками въ рукахъ. Подпись:

«Полисменъ Гопкинсъ объясняетъ дикарю, что купаніе дѣтей въ городскихъ водоемахъ несогласно съ законами этой страны».

Сунувъ опять книжку въ карманъ, онъ ринулся со всѣхъ ногъ къ вагону канатной дороги, такъ какъ въ редакціи ему сообщили, что въ сосѣднемъ Бруклинѣ большой пожаръ требуетъ его присутствія и его таланта...

Гопкинсъ поставилъ мальчишекъ на мостовую, далъ имъ по легонькому шлепку, при одобрительномъ смѣхѣ проходящихъ, и затѣмъ по-

*) Въ той мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, люди, носящіе сермяжные свиты, имѣютъ обыкновеніе выражать свою любовь и уваженіе къ людямъ въ сюртукахъ посредствомъ низкихъ, почти до земли, поклоновъ и цѣлованья руки.

вернулся, чтобы заняться страннымъ незнакомцемъ. Очень можетъ быть, что ему удалось бы лучше выяснить, къ какой націи принадлежитъ этотъ человѣкъ и «какъ ему нравится эта страна»... если бы... въ то время, пока Гопкинсъ былъ занятъ съ мальчишками, странный человѣкъ не скрылся...

Изъ того, какъ этотъ высокій господинъ распорядился съ мальчишками, которыхъ до него никто не трогалъ, наконецъ по важному виду и по гетманской булавѣ съ кистями лозищанинъ понялъ, что это, должно быть, полицейскій и притомъ не изъ послѣднихъ. Онъ уже снялъ шапку, поклонился два раза и хотѣлъ поцѣловать у него руку, но затѣмъ, по внезапной догадкѣ, полѣзъ рукой за пазуху. Мѣшокъ съ деньгами былъ тутъ на груди, но паспортъ... паспортъ остался дома! А такъ какъ онъ не зналъ въ то время, что въ этой сторонѣ даже и не понимаютъ хорошенько, что такое паспортъ, то эта мысль холодомъ прошла у него по спинѣ... Поэтому пока мистеръ Гопкинсъ занимался съ мальчишками, лозищанинъ попятился немного назадъ, потомъ еще, а потомъ, какъ у насъ говорится, взялъ ноги за поясъ и пошелъ, не оглядываясь, прочь. Съ тяжелою мыслью въ головѣ, что вотъ онъ теперь—вдобавокъ ко всему—сталъ въ этой сторонѣ безпаспортнымъ бродягой, онъ смѣшался съ густою толпой на Бродвеѣ.

Тутъ еще разъ лозищанина приласкала надежда. Когда онъ шелъ по людной улицѣ, кто-то тронулъ его за рукавъ тихо и ласково. Рядомъ съ нимъ стоялъ негръ и что-то говорилъ ему, указывая рукою на стулъ, который стоялъ тутъ же на панели. Черное, лоснящееся лицо, красныя губы, сверкающіе бѣлки и вьющіеся волосы этого человѣка показались Матвѣю какъ будто знакомыми. Онъ даже подумалъ: не одинъ ли это изъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые приставали къ нему на улицѣ въ первый день пріѣзда. Но что же ему нужно теперь? А,— можетъ быть онъ узналъ Матвѣя, можетъ быть онъ знаетъ Борка и Дыму, можетъ быть онъ видѣлъ, что они ищутъ его по всему городу, и предлагаетъ подождать здѣсь, а самъ пошлетъ кого-нибудь за пріятелями Матвѣя.

Дѣйствительно, сажая Матвѣя на стулъ, негръ сказалъ что-то своему мальчишкѣ и тотъ внезапно куда-то провалился. Матвѣй радостный сѣлъ и кивнулъ негру головой. Лицо чернаго человѣка теперь ему очень понравились: глаза грустные и ласковые, губы добрыя. Правда, некрасивъ и черенъ, зато привѣтливъ и услужливъ. Онъ тоже кивнулъ Матвѣю головой, присѣлъ у его ногъ и вздумалъ, пока что, почистить Матвѣю сапоги. Матвѣй сначала противился, а потомъ подумалъ, что всякіе есть обычаи на свѣтѣ, пожалуй, какъ бы негръ не обидѣлся. И онъ согласился исполнить желаніе добраго человѣка, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно сапоги совсѣмъ порыжѣли за дорогу. Негръ все

такъ же ласково сталъ тереть ноги Матвѣя щетками, мазалъ сапоги ваксой, плевалъ, дышалъ и опять теръ. Минутъ черезъ пять сапоги Матвѣя стали какъ зеркало. Матвѣй кивнулъ головой и опять усѣлся на стулъ поудобнѣе, но негръ взялъ его за рукавъ и показалъ большимъ пальцемъ на свою ладонь. Матвѣй понялъ, что негръ проситъ «на водку», сошелъ со стула и полѣзъ въ карманъ.

— И стоитъ,—сказалъ онъ громко.—Вѣрно, что стоитъ. За такую услугу не знаю, что бы человѣкъ ни отдалъ.

И онъ вынулъ изъ кармана двѣ монеты. Негръ взялъ лишь одну.

— Бери еще,—сказалъ Матвѣй добродушно.

Негръ покачалъ головой. «Вотъ вѣдь какой честный народъ», подумалъ Матвѣй, и опять хотѣлъ взгромоздиться на стулъ, но въ это время какой-то господинъ сѣлъ раньше его, а прибѣжавшій мальчишка принесъ негру кружку пива. Негръ сталъ пить пиво, а мальчишка принялся вакситъ сапогъ американца. Волосы у Матвѣя стали подниматься подъ шапкой.

— А Дыма, а Боркъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ старому негру.

Тотъ повернулся, поглядѣлъ на Матвѣя, потомъ указалъ на его сапоги и сказалъ:

— Уэллъ.

— Уэллъ, — вспомнилъ Матвѣй. — Это значитъ «очень хорошо». Что же тутъ хорошаго? А, проклятый! Онъ говоритъ, что хорошо вычистилъ сапоги. Ему только это и было нужно...

«Собака ты, черная собака,—подумалъ онъ очень горько.—Человѣкъ на тебя надѣялся, какъ на друга, какъ на брата, какъ на роднаго отца. Ты мнѣ казался небеснымъ ангеломъ. А вмѣсто всего—вычистилъ мнѣ сапоги...»

И бѣдный человѣкъ пошелъ дальше. Сапоги его блестѣли, какъ зеркало, но на душѣ стало еще темнѣе...

Такъ вышелъ онъ на берегъ залива. Круглая площадка, на ней — небольшой садикъ, надъ головами прохожихъ вьется по столбамъ дорога, по дорогѣ пробѣжалъ поѣздъ, изогнулся надъ самымъ заливомъ и побѣжалъ дальше берегомъ, скрывшись за угломъ сѣраго дома и кинувши на воду клубъ чернаго дыма. Матвѣй сѣлъ на скамью и сталъ смотрѣть на воду. Вода колыхалась, искрилась, сверкала. Невдалекѣ свистнулъ пароходъ и отбѣжалъ отъ берега, нагруженный народомъ. Глаза Матвѣя побѣжали невольно за нимъ. Пароходикъ бѣжалъ прямо къ острову, на которомъ стояла знакомая мѣдная женщина. Мимо острова въ это самое время тихо проплывалъ гигантскій корабль, такой же, какъ и тотъ, на которомъ пріѣхали лозищане. Распущенный флагъ плескался по вѣтру и, казалось, стлался у ногъ мѣдной женщины, которая держала надъ нимъ свой факелъ... Матвѣй смотрѣлъ,

какъ европейскій корабль тихо расталкиваетъ своею грудью волны, и на глаза его просились слезы... Какъ недавно еще онъ съ такого же корабля глядѣлъ до самаго разсвѣта на эту статую, пока на ней угасали огни и лучи солнца начинали золотить ея голову...

Невладекѣ отъ этого мѣста стоитъ круглое, невысокое зданіе, въ родѣ цирка. Теперь это зданіе уже заколочено, а прежде, еще недавно, здѣсь получали пріютъ эмигранты изъ Европы, пріѣзжавшіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Если бы Матвѣй зналъ это, то навѣрное подошелъ бы поближе. Но онъ поднялся и пошелъ налѣво, вдоль берега, за убѣжавшимъ поѣздомъ.

Часа въ 4 страннаго человѣка видѣли опять у моста. Только что прошелъ мостовой поѣздъ, локомотивъ дѣлалъ поворотъ по кругу, съ лѣстницы сходила цѣлая толпа пріѣхавшихъ съ той стороны американцевъ,—и они обратили вниманіе на страннаго человѣка, который, стоя въ серединѣ этого людского потока, кричалъ:

— Кто въ Бога вѣруетъ, спасите!

Но, разумѣется, никто его не понялъ. Если бы такъ крикнулъ кто теперь въ большомъ американскомъ городѣ, то навѣрно ему отозвался бы кто-нибудь изъ толпы, потому что въ послѣдніе годы корабль за кораблемъ привозятъ множество нашихъ русскихъ евреевъ. Они расходятся отсюда по всему побережью, пробуютъ пахать землю въ колоніяхъ, нанимаются въ приказчики, работаютъ на фабрикахъ. Инымъ удается, иные богатѣютъ, иные пристраиваются къ землѣ, и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ уже не узнаешь еврейскихъ мальчиковъ, выростающихъ въ здоровыхъ фермерскихъ работниковъ. Но многіе также терпятъ неудачи; тогда, обѣдиѣвшіе и испуганные, они опять кидаются въ города, цѣпляются за прежнюю жизнь. Кто разложитъ на телѣжкѣ плохіе ножики и замочки, кто торгуетъ съ рукъ всякою мелочью, кто носитъ книжки съ картинками Нью-Іорка, Ніагары, великой дороги, кто бѣгаетъ на побѣгушкахъ у своей братіи и пріѣзжихъ. Идетъ такой бѣдняга съ дряннымъ товаромъ, порой со спичками, только бы прикрыть чѣмъ-нибудь свое нищенство, идетъ лохматый, оборванный и грязный, съ потускнѣвшими и грустными глазами, и по всему сразу узнаешь нашего еврея, только еще болѣе несчастнаго на чужой сторонѣ, гдѣ жизнь дороже, а удача встрѣчаетъ не всѣхъ.

Но тогда ихъ было еще не такъ много, а на несчастіе Матвѣя ему не встрѣтилось ни одного, когда онъ стоялъ среди толпы и кричалъ, какъ человѣкъ, который тонетъ. Американцы останавливались, взглядывали съ удивленіемъ на страннаго человѣка и шли дальше... А когда опять къ этому мѣсту сталъ подходить полисменъ, то Лозинскій опять быстро пошелъ отъ него и скрылся на мосту...

За мостомъ онъ пошелъ все прямо по улицамъ Бруклина. Онъ ждалъ,

что за рѣкой кончится этотъ проклятый городъ и начнутся поля, но ему пришлось идти часа три, пока, наконецъ, дома стали меньше и между ними, на большихъ разстояніяхъ, потянулись деревья.

Лозинскій вздохнулъ полною грудью и сталъ жадными глазами искать полей съ желтыми хлѣбами или луга съ зеленой травой. Онъ разсчиталъ, что, по-нашему, теперь травы уже поспѣли для косьбы, а хлѣба должны наливаться, и думалъ про себя:

«А! Подойду къ первому, возьму косу изъ рукъ, взмахну разъ-другой, такъ тутъ уже и безъ языка поймутъ, съ какимъ человѣкомъ имѣютъ дѣло... Да и народъ, работающій около земли, долженъ быть проще, а паспорта навѣрное не спросятъ въ деревнѣ. Только когда, наконецъ, кончится этотъ проклятый городъ...»

Теперь по бокамъ дороги пошли уже скромные коттеджи, въ одинъ и два этажа, на иныхъ висѣли вывѣски, какъ на нашихъ деревенскихъ магазинахъ—по дверямъ и въ окнахъ. Сады становились все чаще, дома все тѣ же, мощеная дорога лежала прямо, точно разостланная на землѣ холстина, надъ которой съ обѣихъ сторонъ склонились зеленыя деревья. Порой на дорогѣ показывался вагонъ, какъ темная коробочка, мелькалъ въ солнечныхъ пятнахъ, выросталъ и прокатывался мимо, и вдали появлялся другой... Порой казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ все это кончится и откроется даль, съ шоссейной дорогой, которая бѣжитъ по полямъ, съ однимъ рядомъ телеграфныхъ столбовъ, съ одинокой почтовой телѣжкой и съ моремъ спѣлыхъ хлѣбовъ по сторонамъ, до самаго горизонта. А тамъ свѣтлая рѣчка, мостикъ, лужокъ и привѣтливый деревенскій народъ на работѣ.

Но вмѣсто этого внезапно цѣлая куча домовъ опять выступала изъ-за зелени, и Матвѣй опять попадалъ въ нихъ, какъ будто въ новый городъ; порой даже среди скромныхъ коттеджей опять подымались гордые дома въ 6 и 7 этажей, а черезъ нѣсколько минутъ опять маленькіе домики и такая же дорога, какъ будто этотъ городъ не можетъ кончиться, какъ будто онъ занялъ уже всю эту страну...

И все здѣсь было незнакомо, все не наше. Кое-гдѣ въ садахъ стояла странная зелень, что-то вилось по тычинкамъ, связаннымъ дугами, и, приглядѣвшись, Матвѣй увидѣлъ здѣсь кисти винограда...

Наконецъ, въ сторонѣ, мелькнулъ межъ вѣтвей кусокъ черной, какъ бархатъ, пашни. Матвѣй быстро кинулся туда и сталъ смотрѣть съ дороги изъ-за деревьевъ.

Но то, что онъ здѣсь увидѣлъ, облило кровью его сердце. Это былъ кусокъ плоскаго поля, десятинъ въ 20, огороженнаго не плетнемъ, не тыномъ, не жердями, а желѣзной проволокой съ колючками. На одномъ краю этого поля дымилась труба завода, закопченнаго и чернаго, на другомъ—стоялъ локомобиль,—красивая и сверкающая машина на ко-

лесахъ. Маховое колесо быстро вертѣлось, сустливо стучали поршни, бѣлый паръ вырывался тоненькой, хлопотливой и прерывистой струйкой. Тутъ же, мѣрно волнуясь, плылъ въ воздухѣ приводный канатъ. Прослѣдивъ его глазомъ, Матвѣй увидѣлъ, что съ другого конца пашни, какъ животное, сердито взрывая землю, ползетъ желѣзная машина и грызетъ, и роетъ, и отваливаетъ широкую борозду чернозема.

Матвѣй перекрестился. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа! На что же теперь можетъ пригодиться въ этой сторонѣ деревенскій человѣкъ, вотъ такой пахарь, какъ Матвѣй Лозинскій, на что нужна умная лошадь, почтенный волъ, твердая рука, вѣрный глазъ и споровка? И что же онъ станетъ дѣлать въ этой сторонѣ, если здѣсь такъ пашутъ землю?

Нѣсколько человѣкъ слѣдили за этой работой. Можетъ быть, они пробовали машину, а можетъ быть обрабатывали поле, но только ни одинъ не былъ похожъ на нашего пахаря. Матвѣй пошелъ отъ нихъ въ другую сторону, гдѣ сквозь зелень блеснула вода.

Онъ жадно наклонился къ ней, но вода была соленая. Это уже было взморье, и два-три паруса виднѣлись между берегомъ и островомъ. А тамъ, гдѣ островъ кончался, надъ линіей воды тянулся чуть видный дымокъ парохода. Матвѣй упалъ на землю, на береговомъ откосѣ, на самомъ краю американской земли, и жадными, воспаленными, сухими глазами смотрѣлъ туда, гдѣ за моремъ осталась вся его жизнь. А дымокъ парохода тихонько таялъ, таялъ и, наконецъ, исчезъ.

Между тѣмъ за островомъ сѣло солнце. Волна за волной тихо набѣгала на берегъ и пѣна ихъ становилась бѣлѣе, а волны темнѣли. Матвѣю казалось, что онъ спитъ, что это во снѣ тихо плещутся эти странныя волны, угасаетъ заря, полный мѣсяцъ, большой и задумчивый, повисъ въ вечерней мглѣ, лиловой, прозрачной и легкой... Волны все бѣжали и плескались, а на ихъ верхушкахъ, закругленныхъ и зыбкихъ, играли то бѣлая пѣна, то переливы глубокаго синяго неба, то серебристые отблески мѣсяца, то, наконецъ, красные огни фонарей, которые какой-то человѣкъ, сновавшій по водѣ въ легкой лодкѣ, зажигалъ зачѣмъ-то въ разныхъ мѣстахъ надъ моремъ...

Потомъ, опять будто во снѣ, послышались голоса, крики, звонкій смѣхъ. Нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ, въ странныхъ костюмахъ, съ обнаженными руками и ногами до колѣнъ, появились изъ маленькихъ деревянныхъ будокъ, построенныхъ на берегу, и, взявшись за руки, кинулись со смѣхомъ въ волны, расплескивая воду, которая брызгала у нихъ изъ-подъ ногъ тяжелыми каплями, точно расплавленное серебро. Еще сильнѣе закачались зыбкіе гребни, еще быстрѣе запрыгали въ водѣ огни, перемѣшиваясь съ цвѣтными клочками неба и мѣсяца, а лодки подъ фонарями, черныя, точно изъ цѣльнаго угля, забились и запрыгали на верхушкахъ...

Матвѣю все казалось, что онъ спитъ или грезитъ. Чужое небо, незнакомая красота чужой природы, чужое, непонятное веселье, чужой закатъ и чуждое небо,—все это разслабляло его усталую душу...

— Господи Iисусе, Святая Дѣва... Всякое дыханіе... Помилуй меня грѣшнаго...

Потихоньку бормотаніе страннаго человѣка стихало. Онъ дѣйствительно спалъ, откинувшись на спину на откосѣ.

Проснулся онъ внезапно, точно кто толкнулъ его въ бокъ, вскочилъ и, не отдавая себѣ отчета, куда и зачѣмъ, пошелъ опять къ дорогѣ. Море совсѣмъ угасло, на берегу никого не было, дорога тоже была пуста. Коттеджи спали, освѣщаемые мѣсяцемъ сверху, спали также высокія незнакомыя деревья съ густою тяжелою зеленью, спало недопаханное квадратное поле, огороженное проволокой, спала прямая дорога, бѣлѣвшая и искрившаяся блѣдною полоской.

Послышался звонъ. Вагонъ вынырнулъ на свѣтъ изъ тѣни деревьевъ и, подпрыгивая, позванивая, гудя, какъ ночной жукъ, пробѣжалъ мимо. Матвѣй посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Лошадей не было, не было ни трубы, ни дыма, ни пара. Только наверху, откинувшись спереди назадъ, точно щупальце этого страннаго животнаго изъ стекла, желѣза и дерева, торчалъ желѣзный стержень съ утолщеніемъ на концѣ. Онъ какъ будто хватался вверху за тонкую проволоку, чуть видную въ темномъ воздухѣ, и всякій разъ, какъ ему встрѣчался узелъ, на его верхушкѣ вспыхивала яркая синеватая искра.

Вагонъ уменьшался, стихалъ его гудящій звонъ, и искорки блѣднѣли и угасали вдали, а изъ тѣни уже подходилъ другой, такъ же гудя и позванивая.

Это, должно быть, былъ уже послѣдній и шелъ почти пустой. Полусонный кондукторъ, замѣтивъ одинокую фигуру на дорогѣ, позвонилъ, вагонъ задрожалъ, заскрежеталъ на рельсахъ и замедлилъ ходъ. Кондукторъ наклонился, взялъ Лозинскаго подъ локоть и посадилъ на скамью. Лозинскій подалъ монету, раздался металлическій звонокъ счетчика, и вагонъ опять покатился, а мимо убѣгали назадъ коттеджи, сады, переулки, улицы. Сначала все это спало или засыпало. Потомъ какъ будто пробуждалось, гремѣло, говорило, свѣтилось. На небѣ разливалось зарево. Замелькали окна, уходя все выше и выше къ небу.

— Бриджъ (мостъ), — сказалъ кондукторъ. Матвѣй вышелъ, сожалѣя, что нельзя ѣхать такимъ образомъ вѣчно. Передъ нимъ зіяло опять, точно пещера, устье Бруклинскаго моста. Вверху пыхтя опять завернулся локомотивъ и подхватилъ поѣздъ. Въ лѣвой сторонѣ вкатывались вагоны канатной дороги, справа выбѣгали другіе, а рядомъ въѣзжали фургоны и шли рѣдкіе пѣшеходы.

Матвѣй остановился, подумалъ и опять смѣшался съ этимъ потокомъ.

Дойдя до половины моста, онъ остановился. Въ ушахъ у него шумѣло, въ головѣ что-то ворочалось. Мимо бѣжали поѣзда, вагоны, коляски, мостъ гудѣлъ, и было страшно слушать тонкіе свистки пароходовъ, долетавшіе снизу,—такъ они казались далеко и глубоко, въ какой-то безднѣ, переполненной спующими огоньками... А въ небо уходили два гигантскихъ пролета, съ которыхъ спускались канаты невиданной толщины. Цѣлая сѣть желѣзныхъ стержней, которые казались Матвѣю съ корабля такой красивой паутинкой, тянулись отъ канатовъ, поддерживая мостъ на вѣсу. Изъ-за нихъ едва можно было разглядѣть рѣчку, сливавшуюся съ заливомъ въ одно серебристое сіяніе, въ которомъ утопали и изъ котораго виднѣлись опять огни пароходовъ. И дальше тысячи огней, какъ звѣзды, висѣли надъ водой, уходя вдаль, туда, гдѣ новые огни горѣли въ Нью-Джерси. И среди всего этого моря огня, вдалекѣ, острые глаза Матвѣя едва различили круглую огненную діадему и факелъ Свободы. Ему казалось, что онъ видитъ въ синеватомъ свѣтѣ и голову мѣдной женщины, и поднятую руку. Но это уже свѣтилось слабо, чуть-чуть мерцая, какъ недавніе дни съ мечтами о счастіи на чужой сторонѣ...

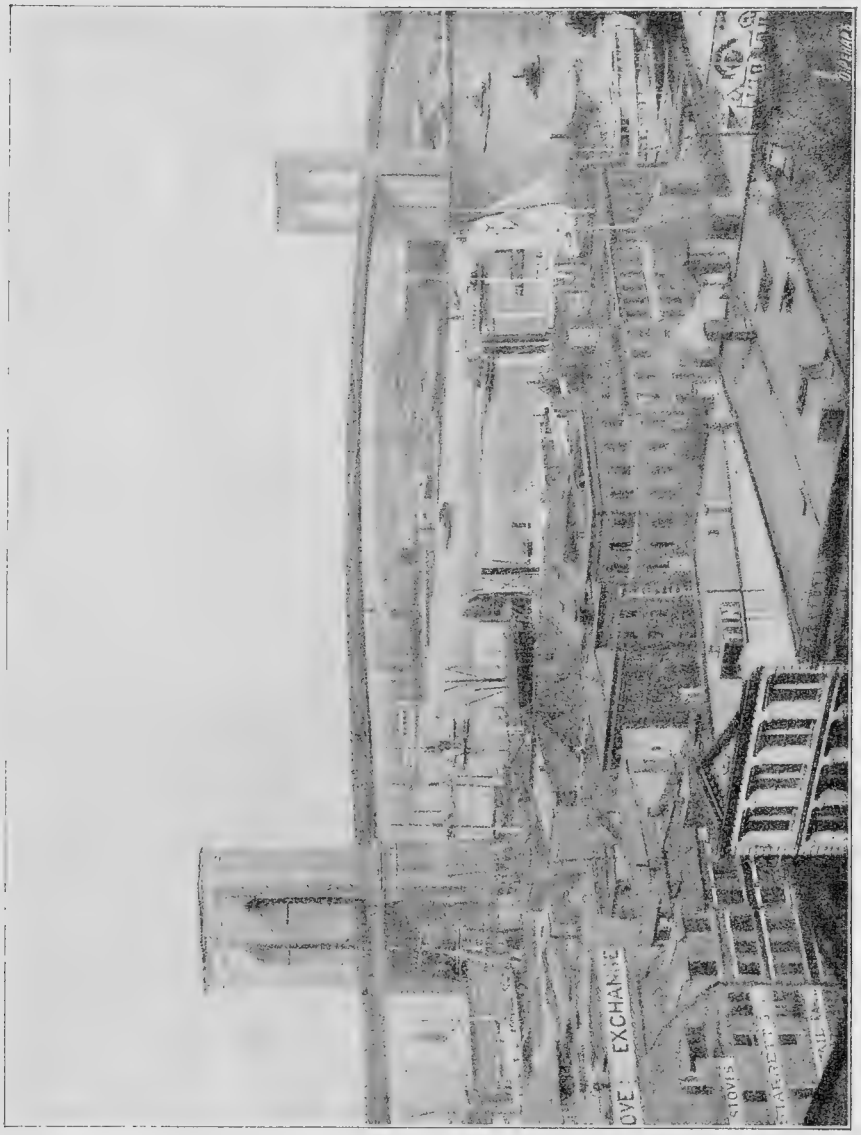
Въ черной громадѣ пролета, точно нора, свѣтилось оконце мостового сторожа, и самъ онъ, какъ ничтожный свѣтлякъ, выползъ изъ этой норы съ фонаремъ. Онъ тотчасъ же увидѣлъ на мосту иностранца, а это всегда нравится американцу. Сторожъ похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ нѣсколько одобрительныхъ словъ.

— Нельзя ли у тебя перепочевать?—спросилъ Матвѣй усталымъ голосомъ.

— О уэллъ (хорошо)!—отвѣтилъ тотъ по-своему и сталъ объяснять Матвѣю, что Америка больше всего остального свѣта,—это извѣстно. Нью-Іоркъ самый большой городъ Америки, а этотъ мостъ самый большой въ Нью-Іоркѣ. Изъ этого Матвѣй, если бы понималъ слова сторожа, могъ бы заключить, чего стоятъ остальные мостишки передъ этимъ.

Потомъ сторожъ поглядѣлъ въ глаза страннаго человѣка, прочелъ въ нихъ тоску, вмѣсто удивленія, и мысли его приняли другое направленіе. Конечно, если уже человѣку жизнь не мила, то пожалуй лестно кинуться съ-самаго большого моста въ свѣтѣ, но, во-первыхъ, это трудно,—не перелѣзешь черезъ эту сѣть проволокъ и канатовъ, во-вторыхъ, мостъ построенъ совсѣмъ не для этого. Все это сторожъ объяснилъ Матвѣю, а затѣмъ довольно рѣшительно повернулъ его и сталъ провожать, поталкивая сзади. Впрочемъ, странный человѣкъ пошелъ, какъ машина, туда, гдѣ надъ городомъ стояло зарево и, точно вѣнецъ, плавало въ воздухѣ кольцо электрическихъ огней надъ зданіемъ газетнаго дома.

За мостомъ онъ уже безъ приглашенія кондуктора взобрался въ вагонъ, на которомъ стояла надпись: Central park. Спокойное сидѣніе и ровный бѣгъ вагона манили невольно безпріютнаго человѣка, а куда



Бруклинскій мостъ.

ѣхать,—ему теперь было все равно. Только бы ѣхать, чѣмъ дольше, тѣмъ лучше, не думая ни о чемъ, давая отдыхъ усталымъ ногамъ, пока дремота налетаетъ вмѣстѣ съ ровнымъ постукиваніемъ колесъ.

Ему было очень непріятно, когда постукиваніе вдругъ прекратилось

и передъ нимъ всталъ кондукторъ, взявшій его за рукавъ. Онъ опять вынулъ деньги, но кондукторъ сказалъ: «No» (нѣтъ), и показалъ рукой, что надо выйти.

Матвѣй вышелъ, а пустой вагонъ какъ-то радостно закатился по кругу. Кондукторъ гасилъ на ходу огни, окна вагона точно зажмурівались; и скоро Матвѣй увидѣлъ, какъ онъ вкатился во дворъ станціи и сталъ подъ навѣсомъ, гдѣ, покрытые тѣнью, отдыхали другіе такіе же вагоны.

Здѣсь было довольно тихо. Луна стала совсѣмъ маленькая, и синяя ночь была довольно темна, хотя на небѣ виднѣлись звѣзды и большая, еще не застроенная площадь около Центральнаго парка смутно бѣлѣла подъ серебристыми лучами. Далекіе дома перемежались съ пустырями и заборами, и только въ одномъ мѣстѣ какой-то гордый человѣкъ вывелъ домъ этажей въ шестнадцать, высившійся черною громадой, весь обставленный еще лѣсами. Эта вавилонская башня рѣзко рисовалась на заревѣ отъ освѣщеннаго города.

До ушей Матвѣя донесся шумъ деревьевъ. Лѣсъ всегда тянетъ къ себѣ безпріютнаго бродягу, а Матвѣй Лозинскій чувствовалъ себя теперь настоящимъ бродягой. Поэтому онъ быстро повернулся и пошелъ къ парку. Если бы кто смотрѣлъ на него въ это время съ площади, то могъ бы видѣть, какъ бѣлая одежда то теряется въ тѣни деревьевъ, то мелькаетъ опять на мѣсячномъ свѣтѣ.

Онъ шелъ такъ нѣсколько минутъ и вдругъ остановился. Передъ нимъ поднималась въ чащѣ огромная клѣтка изъ тонкой проволоки, точно колпакомъ покрывшая дерево. На вѣтвяхъ и перекладинахъ сидѣли и тихо дремали птицы, казавшіяся какими-то сѣрыми комками. Когда Матвѣй подошелъ поближе, большой коршунъ поднялъ голову, сверкнулъ глазами и лѣниво расправилъ крылья. Потомъ опять усѣлся и втянулъ голову между плечъ.

Матвѣй отошелъ, боясь, чтобы птицы не подняли возни. Онъ ступалъ тихо и оглядывался, ища себѣ пріюта. Вскорѣ передъ нимъ забѣлѣло продолговатое зданіе. Половина его была темная, и Матвѣю показалось, что это какой-нибудь сарай, гдѣ можно свернуться и заснуть до утра. Но, подойдя, онъ опять увидѣлъ желѣзную рѣшетку, отъ которой отскочилъ въ испугѣ. Изъ-за нея сверкнули на него огнемъ два глаза. Большой сѣрый волкъ стоялъ надъ спящею волчицей и зорко слѣдилъ за человѣкомъ въ бѣлой одеждѣ, который бродитъ неизвѣстно зачѣмъ ночью около звѣринаго жилья.

Въ то же время откуда-то изъ тѣни человѣческій голосъ сказалъ что-то по-англійски рѣзко и сердито. Матвѣю этотъ окрикъ показался хуже ворчанія лѣснаго звѣря. Онъ вздрогнулъ и пугливо пошелъ опять къ опушкѣ. Тутъ онъ остановился и погрозилъ кулакомъ—кому? не-

извѣстно, но человѣкъ безъ языка чувствовалъ, что и въ немъ просыпается что-то волчье...

Легкое журчаніе воды потянуло его дальше. Это струился въ бассейнъ плохо прикрытый фонтанъ. Вода сочилась кверху, будто сонная, и, то поднимаясь, то падая совсѣмъ низко, струйка звенѣла и плескалась. Матвѣй склонился къ водоему и сталъ жадно пить. Потомъ онъ снялъ шапку и перекрестился, рѣшившись лечь тутъ же въ кустахъ. Издалека въ тишинѣ ночи до него донесся свистокъ. Можетъ быть, это еще одинъ пароходъ пришелъ изъ старой Европы и привезъ сюда людей, которые пріѣхали искать въ этой Америкѣ своего счастья, и теперь смотрятъ на огромную статую съ поднятой рукой, въ которой чуть не подъ облаками свѣтится факелъ. Только теперь лозищанину казалось, что онъ освѣщаетъ входъ въ огромную могилу.

Онъ еще разъ, съ сокрушеніемъ снявъ шапку и глядя въ звѣздное небо, перекрестился. Потомъ бережно положилъ около себя кусокъ хлѣба, съ которымъ все не разставался, и легъ въ кусты. Все стихло, все погасло, все заснуло на площади, около звѣринца и въ паркѣ. Только плескалась струйка воды, да гдѣ-то вскрикивала въ клѣткѣ ночная птица, да въ кустахъ шевелилось что-то бѣлое, и порой человѣкъ бормоталъ во снѣ что-то печальное и сердитое, можетъ быть, молитву или жалобы, или проклятія.

Ночь продолжала тихій бѣгъ надъ землей. Поплыли въ высокомъ небѣ бѣлыя облака, похожія на наши. Луна закатилась за деревья, становилось свѣжѣе и какъ будто свѣтлѣло. Отъ земли чувствовалась сырость...

Въ это утро безработные города Нью-Іорка рѣшили устроить митингъ около Центральнаго парка. Такъ какъ у безработныхъ времени всегда больше, чѣмъ имъ нужно, то они обыкновенно собираются на свои митинги значительно ранѣе назначеннаго часа.

Солнце поднялось довольно высоко, когда изъ сосѣднихъ улицъ стали сходиться какіе-то господа въ пиджакахъ, правда довольно потертыхъ, въ сюртукахъ, правда довольно засаленныхъ, въ шляпахъ, правда порядочно измятыхъ, въ крахмальныхъ, правда довольно грязныхъ, рубашкахъ. Они собирались къ фонтану и, какъ муравьи, сновали взадъ и впередъ между чащей и фонтаномъ.

Часамъ къ восьми уже все это мѣсто кишѣло толпой, которая все прибывала... Невдалекѣ отъ ночлега Лозинскаго расположилась теперь банда черномазыхъ и густоволосыхъ людей, болѣе оборванныхъ, чѣмъ остальные. Глаза, какъ сливы, смуглыя лица, небольшія шляпы, едва прикрывшія буйные кудри, и языкъ, какъ музыка, мягкій и мелодичный, — все это казалось не здѣшнимъ. И дѣйствительно, это были

итальянцы. Они лежали на просохшей травѣ въ безпечныхъ и лѣнивыхъ позахъ, но ихъ видъ, рѣзкія движенія и шумный говоръ, прорывавшіеся порой изъ-подъ безпечной лѣни, не предвѣщали, повидимому, ничего особенно хорошаго.

Къ девяти часамъ толпа залила всю площадку, и все пространство, занятое ею, представлялось однимъ муравейникомъ. Надъ толпой стояла тонкая пыль, взбитая тысячами ногъ; надъ толпой стоялъ гулъ, точно это гудѣлъ рой большихъ пчелъ, и людскіе крики порой скрещивались въ воздухѣ, точно гдѣ-то тутъ стучали стальныя сабли...

Ободренный всѣмъ этимъ, Лозинскій вышелъ тоже изъ чащи и, стоя немного въ сторонѣ, сталъ смотрѣть, что это будетъ.

Суровые и важные, туда прошли полисмены въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ. Надъ ними смѣялись, ихъ закидали враждебными криками и остротами, но они не обращали на это вниманія. А въ это время съ другой стороны, съ площади, послышались вдругъ звуки музыки. Повернувъ туда голову, лозищанинъ увидѣлъ, что изъ переулка, на той сторонѣ площади, около большой постройки, выкатился клубъ золотистой пыли и покатился къ парку. Точно гнали стадо или шло большое войско. А изъ облака неслись звуки музыки, то порой стихая,—и тогда слышался какъ будто одинъ только гулкій топотъ тысячи ногъ,—то вдругъ вылетая впередъ визгомъ кларнетовъ и мѣдныхъ трубъ, стукомъ барабановъ и звономъ литавръ. Впереди бѣжали двумя рядами уличные мальчишки, а за ними шелъ высокій тамбуръ-мажоръ, выдѣлывая тактъ большимъ жезломъ. За нимъ двигались рядами музыканты, съ раздутыми и красными щеками, въ каскахъ съ перьями, въ цвѣтныхъ мундирахъ съ огромными эполетами на плечахъ, расшитые и изукрашенные до такой степени, что, кажется, не оставалось на нихъ ни клочка, чѣмъ-нибудь не расцвѣченнаго, не завѣшеннаго какимъ-нибудь галуномъ или позументомъ.

Матвѣй думалъ, что далѣе онъ увидитъ отрядъ войска, и у него мелькнула даже мысль, какъ бы—кто ихъ знаетъ!—не вышло у этихъ людей какой-нибудь непріятности. Но когда пыль стала ближе и прозрачнѣе, онъ увидѣлъ, что за музыкой идутъ сначала рядами, а потомъ какъ попало, въ безпорядкѣ, все такіе же пиджаки, такія же мятыя шляпы, такія же пыльныя и полинялыя фигуры. А впереди всей этой пестрой толпы, высоко надъ ея головами, плыветъ и колышется знамя, укрѣпленное на высокой платформѣ. Кругомъ знамени, точно стража, стояло съ десятокъ людей, которые, такимъ образомъ, двигались вмѣстѣ съ толпой...

Гремя, стуча, колыхаясь, подъ яркіе звуки марша, подъ пестовые крики и свистъ ожидавшаго народа знамя подошло къ фонтану и стало. Складки знамени колыхнулись и упали, и только ленты стали

шевелиться по вѣтру, да порой полотнище плескалось, и на немъ струились золотыя буквы...

Когда пыль, поднятую этой толкотней, пронесло дальше къ площади, знамя опять стояло неподвижно, а подъ знаменемъ стоялъ человѣкъ, широко разѣвалъ ротъ и что-то кричалъ шумѣвшему кругомъ народу.

Потомъ на край платформы выступилъ другой—и тотчасъ же все смолкло. Это былъ человѣкъ небольшого роста, коренастый, съ выразительнымъ лицомъ и черными глазами южанина. У него былъ удивительный голосъ, сразу, безъ всякихъ усилій покрывшій шумъ этой толпы...

Было слышно, какъ вѣтеръ тихо шелеститъ листьями; было слышно, какъ порой тряхнется и глухо ударитъ по вѣтру своими складками огромное полотнище знамени... А рѣчь человѣка, стоявшаго подъ знаменемъ съ обнаженной головой, продолжалась плавная, задушевная и печальная...

Потомъ онъ повернулся и протянулъ руку къ городу, гнѣвно и угрожающе.

И въ толпѣ будто стукнуло что-то разомъ во всѣ сердца,—произошло внезапное движеніе. Всѣ глаза повернулись туда же, а итальянцы приподнимались на цыпочкахъ, сжимая свои грязные, загорѣлые кулаки, вытягивая свои жилистыя руки.

А городъ, объятый тонкою мглою собственныхъ испареній, стоялъ спокойно, будто тихо дыша и продолжая жить своею обычною, ничѣмъ невозмутимою жизнью. По площади тянулись вагоны, грохотали экспрессы, пыхтѣлъ гдѣ-то въ туннелѣ быстрый поѣздъ... Вѣтеръ несъ надъ площадью пыльное облако отъ парка. Облако это, точно лента, пронизанная солнцемъ, повисло въ половинѣ огромнаго недостроеннаго дома, напоминавшаго вавилонскую башню. Вверху, среди лѣсовъ и настилокъ, копошились, какъ муравьи, занятые постройкой рабочіе, а снизу то и дѣло подымались огромныя тяжести... Подымались, исчезали въ облакѣ и опять плыли кверху, между тѣмъ какъ внизу гигантскіе краны безшумно ворочались на своихъ основаніяхъ, подхватывая все новыя платформы съ глыбами кирпичей и гранита...

И на все это свѣтило яркое солнце веселаго яснаго дня.

Въ груди лозищанина подымалось что-то незнакомое, неиспытанное, сильное. Въ первый еще разъ въ американской землѣ онъ стоялъ въ толпѣ людей, чувство которыхъ ему было понятно, было въ то же время и его собственнымъ чувствомъ. Онъ не зналъ, куда онъ хочетъ идти, что онъ хочетъ дѣлать; онъ забылъ, что у него нѣтъ языка и паспорта, что онъ бродяга въ этой странѣ. Онъ все забылъ и, ожидая чего-то, все проталкивался впередъ, туда, гдѣ подъ знаменемъ

стоялъ человѣкъ, такъ хорошо понимавшій всѣ чувства, такъ умѣло колыхавшій ихъ своимъ глубокимъ, проникающимъ голосомъ...

Совершенно неизвѣстно, что сдѣлалъ бы Матвѣй Лозинскій, если бы ему удалось подойти къ самой платформѣ, и чѣмъ бы онъ выразилъ оратору, мистеру Гомперсу, волновавшія его чувства, если бы роковой случай не устроилъ это дѣло иначе, а именно такъ, что ранѣе мистера Гомперса, предсѣдателя одной изъ рабочихъ ассоціацій и искуснаго оратора, на пути лозищанина оказался мистеръ Гопкинсъ, бывшій боксеръ и полисменъ. Мистеръ Гопкинсъ, на ряду съ другими людьми въ сѣрыхъ каскахъ и съ клобами въ рукахъ, стоялъ неподвижно, какъ статуя, и, разумѣется, не былъ тронутъ краснорѣчіемъ мистера Гомперса. Нью-іоркская полиція отлично знала этого популярнаго джентльмена и дѣйствіе его краснорѣчія оцѣнивала съ своей точки зрѣнія. Она знала, что мистеръ Гомперсъ человѣкъ очень искусный и никогда въ своихъ словахъ «не выйдетъ изъ порядка». Но зато—таково было обычное дѣйствіе его слова—его слушатели выходили изъ порядка слишкомъ часто. Безработные всегда склонны къ этому въ особенности, а между тѣмъ давно уже не бывало митинга такого многолюднаго и каждому полисмену въ случаѣ свалки приходилось бы имѣть дѣло одному на сто.

Въ такихъ случаяхъ полиція держится крѣпко насторожѣ, слѣдя особенно за иностранцами. Пока все въ порядкѣ, а въ порядкѣ все, пока дѣло ограничивается словами, хотя бы и самыми страшными, и жестами, хотя бы драматическими, до тѣхъ поръ полисмены стоятъ въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ, позволяя себѣ порой даже знаки одобренія въ особенно удачныхъ мѣстахъ рѣчи. Но лишь только въ какой-нибудь части толпы явится стремленіе перейти къ дѣлу и «выйти изъ порядка», полиція тотчасъ же занимаетъ выгодную позицію нападающей стороны. И клобы пускаются въ ходъ быстро, рѣшительно, для многихъ съ самою прискорбною неожиданностью...

И таковъ уже обычай, а можетъ быть и просто инстинктъ, этой толпы, не знающей еще, что бы она сдѣлала тамъ, куда ее не пускаютъ полисмены, что граждане великой республики, повидимому, не очень гоняются за лишнимъ ударомъ полицейскаго клоба, считая его чѣмъ-то въ родѣ неудачнаго бокса. И толпа порой тысячъ въ двадцать отступаетъ передъ сотней-другой палокъ, при чемъ задніе, иногда даже улыбаясь, бѣгутъ, закрывая на всякій случай, головы руками...

Матвѣй Лозинскій, разумѣется, не зналъ еще, къ своему несчастію, мѣстныхъ обычаевъ. Онъ только шелъ впередъ, съ раскрытымъ сердцемъ, съ какими-то словами на устахъ, съ надеждой въ душѣ. И когда къ нему внезапно повернулся высокій господинъ въ сѣрой шляпѣ, когда онъ увидѣлъ, что это опять вчерашній полицейскій,—онъ излилъ

на него все то чувство, которое его теперь переполняло: чувство огорченія и обиды, безпомощности и надежды на чью-то помощь. Однимъ словомъ, онъ поклонился и хотѣлъ поймать руку мистера Гопкинса своими губами.

Мистеръ Гопкинсъ отскочилъ шагъ назадъ и... клобъ свистнулъ въ воздухѣ. Въ толпѣ рѣзко прозвучалъ первый ударъ.

Лозищанинъ внезапно поднялся, какъ настоящій медвѣдь изъ пущи. Это неожиданное оскорбленіе и боль переполнили чашу терпѣнія въ душѣ большого, сильнаго и кроткаго человѣка. Въ этомъ ударѣ для него вдругъ сосредоточилось все то, что онъ пережилъ, перечувствовалъ, перестрадалъ за это время.

Передъ мистеромъ Гопкинсомъ поднялось что-то огромное и дикое, поднялось, навалилось—и полисменъ упалъ на землю, среди толпы, которая вся уже волновалась и кипѣла... За Гопкинсомъ послѣдовалъ его ближайшій товарищъ, а черезъ нѣсколько секундъ огромный человѣкъ, въ невиданной одеждѣ, лохматый и дикій, одинъ опрокинулъ ближайшую цѣпь полицейскихъ города Нью-Іорка... За нимъ съ громкими криками и горящими глазами кинулись первые итальянцы. Американцы оставались около знамени, гдѣ мистеръ Гомперсъ напрасно надрывалъ грудь призывами къ порядку, указывая въ то же время на одну изъ надписей: порядокъ, спокойствіе, дисциплина!

Была одна минута, когда, казалось, городъ дрогнулъ подъ вліяніемъ того, что происходило около Central park'a... Уѣзжавшіе вагоны заторопились, встрѣчные остановились въ нерѣшимости, перестали вертѣться краны, и муравьи на постройкѣ, надъ золотистымъ облачкомъ, которое все стояло, растягиваясь и утончаясь, перестали ползать взадъ и впередъ... Рабочіе смотрѣли съ любопытствомъ на толпу, опрокинувшую полицію и готовую ринуться черезъ площадь на ближайшія зданія и улицы.

Но это была только минута. Площадь была во власти толпы, но толпа совершенно не знала, что же она станетъ дѣлать съ этою площадью. Между тѣмъ большинство осталось около знамени, и понемногу голова толпы, которая, точно змѣя, потянулась было по направленію къ городу, опять притянулась къ туловищу. Затѣмъ, послѣ короткаго размышленія, вожаки рѣшили, что митингъ сорванъ, и, составивъ наскоро резолюцію, протестующую противъ дѣйствій полиціи, они двинулись обратно. Впереди, какъ ни въ чемъ не бывало, опять выстроился наемный оркестръ, и облако пыли опять покатилось вмѣстѣ съ музыкой черезъ площадь. А за нимъ сомкнутымъ строемъ шли полицейскіе, ободрительно помахивая клобами и поощряя отставшихъ...

Черезъ полчаса паркъ опустѣлъ; подъемные краны опять двигались на своихъ основаніяхъ, рабочіе опять сновали чуть не подъ облаками

на постройкѣ, опять мѣрно прокатывались вагоны, и проѣзжавшіе въ нихъ люди только изъ вечернихъ газетъ узнали о томъ, что было полчаса назадъ на этомъ мѣстѣ. Только сторожа ходили около фонтана, качая головами и ругаясь за помятые газоны...

Американскія желѣзныя дороги.

(Святловскаго.)

Отъ Нью-Іорка до Чикаго около 1.000 миль, но благодаря конкуренціи безчисленныхъ желѣзнодорожныхъ линій, связующихъ эти два важнѣйшіе центра Соединенныхъ Штатовъ, можно проѣхать это громадное разстояніе и дешево и поразительно быстро. По нашимъ русскимъ дорогамъ путешествіе это продлится не менѣе 35—40 часовъ, а здѣсь превосходный поѣздъ Центральной Гудзонской дороги пробѣгаетъ это разстояніе въ 19 часовъ (скорость до 90 верстъ въ часъ). У насъ распространено мнѣніе, что въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ только вагоны перваго класса; это рѣшительное недоразумѣніе: второй классъ существуетъ почти на всѣхъ линіяхъ, а на многихъ второстепенныхъ имѣется и третій, и даже четвертый (для перевозки переселенцевъ по дешевому тарифу).

Лучшими, т.-е. наиболѣе благоустроенными и солидными, линіями между Нью-Іоркомъ и Чикаго считаются Пенсильванская дорога и Центральная Гудзонская. Это, пожалуй, самыя образцовыя и роскошныя дороги не только въ Штатахъ, но въ цѣломъ мірѣ. Первая изъ нихъ ведетъ черезъ Филадельфію, Питсбургъ и прорѣзываетъ живописныя Аллеганскія горы, вторая проложена берегомъ Гудзона, называемаго американскимъ Рейномъ, и ведетъ въ Чикаго черезъ знаменитый Ніагарскій водопадъ.

Въ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ многое заслуживаетъ подражанія. Напримѣръ, нельзя нахвалиться обычаемъ выставлять въ каждомъ пассажирскомъ вагонѣ громадный фильтръ съ ледяной водой для питья; у насъ до этого не додумались даже въ переполненныхъ, тѣсныхъ вагонахъ третьяго класса. Каждый вагонъ американскаго поѣзда снабженъ «ракетой» для тушенія пажаровъ. Для куренія имѣется всегда спеціальный вагонъ, а въ остальныхъ помѣщеніяхъ не можетъ быть и рѣчи объ обдаваніи ничѣмъ неповинаго спутника клубами табачнаго дыма. Нѣтъ этихъ вѣчныхъ пререканій и розысковъ злополучной дощечки съ надписью «для некурящихъ». Вагоны больше нашихъ (10 саж. длины), въ серединѣ проходъ между 16 рядами мягкихъ скамей (всѣхъ мѣстъ 64), при чемъ всѣ спинки перебрасываются и всѣ пассажиры ѣдутъ обыкновенно съ лицомъ, обращеннымъ въ сторону движенія поѣзда.

Американцы много и охотно курятъ, но еще больше жуютъ табачную жвачку. Привычка эта въ свѣжемъ человѣкѣ вызываетъ положительно отвращеніе; зачастую цѣлый вагонъ — и старъ и младъ, и мужчины и женщины заняты этимъ. Американскія улицы, полы въ вагонахъ и въ общественныхъ домахъ сплошь заплеваны этою жвачкой. Остановите американца на улицѣ и спросите его о чемъ-нибудь; прежде чѣмъ отвѣтить вамъ, онъ долженъ вынуть изо рта сигару, долженъ выплюнуть свою жвачку и тогда только можетъ начать разговоръ съ вами.

Изъ Нью-Іорка въ Чикаго и обратно я ѣздилъ много разъ, всякій разъ выбирая новый путь и проѣзжая новыми мѣстами. Всюду порядки одни и тѣ же, и всюду на вокзалахъ царствуютъ однообразные пріемы и способы обращенія съ пассажирами и ихъ вещами.

Американскій вокзалъ — чистѣйшая копія съ европейскаго: тѣ же барьеры, то же запираніе на ключъ, то же недопусканіе пассажировъ безъ билетовъ на платформу, тѣ же гнусливые швейцары, выкликающіе непзвѣстно на какомъ языкѣ названія станцій.

Желѣзнодорожные билеты продаются всюду. Вы ихъ можете купить и въ любой гостинницѣ, и во множествѣ частныхъ конторъ, и у массы частныхъ агентовъ. Багажъ также можно отправить изъ любой гостинницы, и путешественники здѣсь являются на вокзалъ прямо къ отходу поѣзда. Вся процедура съ багажомъ также не имѣетъ ничего общаго съ европейской. Багажъ здѣсь почти никогда не взвѣшиваютъ, везутъ даромъ (на билетъ полагается до 8 пудовъ безплатнаго багажа). Примѣчательною особенностью американскихъ вокзаловъ является отсутствіе на нихъ арміи носильщиковъ, такъ какъ ручной багажъ носятъ всѣ сами, а съ полученіемъ большого багажа не встрѣчается никакихъ затрудненій, и доставку его съ вокзала производятъ особые комиссіонеры за однообразную плату 32 коп. отъ каждой вещи. Спальные вагоны принадлежатъ двумъ компаніямъ и фирмамъ (Пульмана и Вагнера).

Въ спальныхъ вагонахъ *) путешественникъ пользуется, безъ преувеличенія можно сказать, настоящими домашними удобствами и главнымъ образомъ широкою двухспальною постелью, не имѣющею ничего общаго съ узкими диванчиками европейскихъ спальныхъ вагоновъ.

Каждый спальный вагонъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: наибольшее занимаетъ середину вагона и предназначено обращаться на ночь собственно въ спальню. По концамъ же устроены непроходныя, т.-е. отдѣленныя коридорчиками, части, изъ которыхъ одна представляетъ ку-

*) Описаніе пульмановскихъ спальныхъ вагоновъ взято изъ книги В. Витковскаго „За океанъ“.

рительную и туалетную комнату для мужчинъ, а другая, съ противоположной стороны,—дамскую уборную.

Пульмановскіе вагоны отличаются поразительною роскошью отдѣлки: вездѣ полированное красное или палисандровое дерево, позолота и зеркала. Въ мужскомъ курительномъ отдѣленіи диваны обиты тисненою кожей, къ стѣнкамъ придѣланы не только пепельницы, но и спичечницы, а полы мозаичные.

Дамскія отдѣленія представляютъ роскошные будуары, въ которыхъ диваны обиты шелкомъ, а шелковыя занавѣски отдѣланы даже кружевами. Какъ при мужской курительной, такъ и при дамской комнатѣ имѣются отдѣльныя помѣщенія съ роскошными умывальниками, снабженными въ изобиліи мыломъ, полотенцами, гребнями, головными и платяными щетками и т. д. Что касается средняго, наибольшаго, помѣщенія спальнаго вагона, то днемъ это обыкновенный изящный первоклассный вагонъ съ диванчиками по сторонамъ широкаго средняго прохода; ночью же диванчики сдвигаются, на нихъ кладутся матрацы и устраиваются великолѣпныя постели, при чемъ каждая постель отдѣляется отъ смежныхъ деревянными, на ночь вставляемыми, перегородками, отъ прохода—тяжелыми шерстяными занавѣсами, за которыми каждый имѣетъ совершенно изолированное отъ сосѣдей помѣщеніе. Матрацы, подушки, одѣяла, постельное бѣлье и т. д. хранятся днемъ въ особыхъ шкафахъ по концамъ вагона. Кромѣ всего этого, на ночь подвѣшивается къ стѣнѣ особая сѣтка, куда можно сложить платье, бѣлье и прочее, а въ окна по желанію вставляются рамы съ тонкою металлическою сѣткой; эти сѣтки не пропускаютъ пыли и избавляютъ отъ духоты при здѣшней жарѣ, иногда нестерпимой. Замѣчу кстати, что днемъ, когда окна подняты (въ Америкѣ окна въ вагонахъ, какъ и въ домахъ, подымаются вверхъ), съ навѣтреной стороны приставляются особые щиты, избавляющіе сидящихъ отъ вѣтра и пыли. Прислуга при спальныхъ вагонахъ—исключительно негры.

Словомъ, пульмановскіе вагоны въ поѣздѣ—это настоящая роскошная гостиница на колесахъ, и цѣлое семейство, занявъ мѣсто гдѣ-нибудь на восточномъ берегу Штатовъ, можетъ переѣхать на западный, не выходя изъ вагона.

Когда американцы утвердились въ Калифорніи, то тотчасъ же возникла мысль устроить рельсовый путь, связующій оба океана. Разстояніе между ними не шуточное, равное разстоянію между Петербургомъ и Лиссабономъ. Первую дорогу приходилось вести черезъ высокія горы ($2^1/_2$ версты) или безводныя пустыни, населенныя бизонами и кочующими индѣйцами, которые убивали бѣлыхъ и грабили рабочихъ. Дорогу повели одновременно съ двухъ концовъ и, конечно, не окончили бы такъ быстро, если бы на работу не явились желтолицые сыны Небесной

Имперіи. Китайцы, можно сказать, вынесли на своихъ плечахъ эту дорогу и заслужили репутацію хорошихъ, терпѣливыхъ и выносливыхъ работниковъ. Соединеніе обѣихъ линій, идущихъ отъ океановъ навстрѣчу другъ къ другу, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалось всею Америкой. Отъ Калифорніи работы вела Центрально-Океанская компанія, а отъ Атлантическаго океана клало рельсы другое Уніонистское общество. Соревнованіе обѣихъ компаній дошло до такой степени, что за сутки въ послѣдніе дни онѣ укладывали по 10 — 11 верстъ вполнѣ оконченнаго пути. Подъ конецъ калифорнійцы совсѣмъ побѣдили уніонистовъ, уложивъ за 11 рабочихъ часовъ 17 верстъ рельсоваго пути.

Поѣздъ, который подвезъ двѣ мили рельсовъ (12.810 пудовъ), былъ разгруженъ китайцами въ 9 м. 37 секундъ. Вся укладка 17 верстъ была ведена 8 рабочими, избранными изъ среды работниковъ самими товарищами, намѣтившими ихъ, какъ лицъ, не знающихъ утомленія. Весь день вся работа велась бѣгомъ, а лошади подвозили матеріалъ въ галопъ. Опорожненные вагоны поднимали на руки и пропускали впередъ подъ ними вагоны съ рельсами. Встрѣча обѣихъ армій произошла 10 мая 1869 года. Зрителей этого торжества собралось великое множество. Оставалось проложить какихъ-либо 200 шаговъ пути. Со стороны уніонистовъ шелъ отрядъ бѣлыхъ рабочихъ, отъ Калифорніи подвигались желтолицые джентльмены. Съ обѣихъ сторонъ были выбраны самыя сливки, такъ сказать, рабочихъ, молодецъ къ молодцу, на подборъ. Китайцы шли серьезно, подвигались впередъ съ какой-то молчаливою сосредоточенностью и работали съ необычайною быстротой. Въ 11 часовъ утра обѣ партіи сошлись грудь съ грудью, и два локомотива огласили воздухъ своимъ привѣтствіемъ; были приняты мѣры, чтобы послѣдній ударъ рабочаго молота особымъ электрическимъ приспособленіемъ былъ переданъ по телеграфу во всѣ штаты великой республики. Послѣдняя заклепка была изъ массивнаго золота, а молотъ изъ чистаго серебра. Съ послѣднимъ ударомъ молота вся Америка расцвѣтилась флагами, всюду загремѣли пушки, и торжественно закончилось великое дѣло Колумба: открыта была дорога, ведущая въ Индію. Съ тѣхъ поръ здѣсь выстроено еще четыре подобныхъ пути, связующихъ Атлантическій океанъ съ Великимъ.

Ростъ американской желѣзнодорожной сѣти не уступаетъ росту американскихъ городовъ, которые растутъ скорѣе шампиньоновъ. Въ 1831 г. въ Штатахъ было всего 30 верстъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1903 г. длина всей желѣзнодорожной сѣти достигла цифры около 320.000 верстъ, т.-е., оказывается, больше, чѣмъ всѣ дороги Европы, взятыя вмѣстѣ.

Въ Европѣ рельсами связываютъ города и промышленные центры,

въ Америкѣ сначала ведутъ и строятъ дорогу, на которой заранѣе намѣчаютъ мѣста развитія будущихъ центровъ обитанія человѣчества.

Нигдѣ такъ много не путешествуютъ, какъ въ Америкѣ. Лѣтомъ и весной почти всѣ американцы переселяются въ вагонъ, и дороги запружаются туристами.

Постоянная конкуренція американскихъ желѣзнодорожныхъ обществъ ведетъ къ тому, что желѣзнодорожная сѣть не только не представляетъ сколько-нибудь правильныхъ петель, напоминающихъ треугольники и квадраты нашихъ сѣтей, но превратилась сама въ клубокъ какой-то спутанной пряжи. Линіи, связующія болѣе населенные пункты страны, представляютъ изъ себя такой невообразимый хаосъ, въ которомъ путнику рѣшительно невозможно разобраться, тѣмъ болѣе, что объявленія различныхъ компаній имѣютъ въ виду исключительно собственную линію и умалчиваютъ обо всѣхъ остальныхъ. Курьерскіе поѣзда почти не останавливаются на станціяхъ, и съ поѣздомъ идетъ не только вагонъ-ресторанъ, но и курительный вагонъ, снабженный выборомъ книгъ и газетъ, парикмахерской и ванной. Американскія шпалы дѣлаются изъ дерева (сосна, кипарисъ и дубъ), хотя немало испытано было всякихъ матеріаловъ въ родѣ стекла, стали и прессованной соломы. Колеса пробуютъ дѣлать также изъ прессованной бумаги. Особенно въ ходу такія колеса на воздушныхъ желѣзныхъ дорогахъ Нью-Йорка и Чикаго. Они значительно уменьшаютъ вѣсъ локомотивовъ и вагоновъ, катящихся надъ головами городскихъ обывателей, и изготовляются изъ бумажной массы, сдавленной гидравлическою силой. Получается масса плотная, какъ дерево, и сохраняющая свою эластичность. На бумажное колесо надѣваютъ стальной бандажъ: выходитъ и прочно, и легко. Большинство дорогъ ширококолейныя, хотя есть и узкоколейныя и электрическія. Средняя скорость обыкновенныхъ поѣздовъ не превосходитъ 50 верстъ въ часъ. Американскою особенностью является обычай прокладывать рельсы прямо по городскимъ улицамъ и авеню, и зачастую гигантскій поѣздъ полнымъ ходомъ съ колокольнымъ звономъ движется какъ бы на перегонку съ городскими кэбами и извозчиками. Желѣзная дорога низведена здѣсь на степень простой конки и, подобно послѣдней, пробѣгаетъ по самымъ оживленнымъ улицамъ американскихъ городовъ.

И если признать, что повсемѣстно желѣзныя дороги являются прямымъ показателемъ богатства и культуры, то отсюда прямой выводъ, что Новый Свѣтъ значительно обогналъ въ этомъ отношеніи старую Европу.

Ніагара.

(В. Витковскаго.)

Отъ Чикаго на востокъ идутъ вполнѣ благоустроенныя мѣста Соединенныхъ Штатовъ. Чтобы ѣхать къ знаменитому Ніагарскому водопаду, можно избрать разные пути, изъ которыхъ одни пролегаютъ южнѣе озера Эри и, слѣдовательно, по территоріи Штатовъ, другіе сѣвернѣе, и потому почти половина пути идетъ по Канадѣ (отъ Детруа до Ніагары). Я избралъ послѣдній; эта дорога считается кратчайшею и по разстоянію, и по времени, но, главное, пересѣкаетъ рѣку Ніагару по висячему мосту ниже водопада.

До Детруа путь пролегаетъ сперва по самому берегу озера Мичигана, а затѣмъ пересѣкаетъ огромный полуостровъ, образуемый твердою землей между озерами Мичиганъ и Гуронъ, и идетъ почти все время по штату Мичиганъ, что по-индѣйски значитъ «озерная страна». Мѣстность по сторонамъ дороги—холмистая равнина, покрытая воздѣланными полями и перелѣсками, такъ что въ общемъ напоминаетъ среднюю полосу Европейской Россіи.

Подъ вечеръ я прибылъ въ Детруа. Этотъ городъ весьма красивъ и имѣетъ роскошныя, обсаженныя деревьями, широкія улицы, расходящіяся лучеобразно отъ огромной площади въ центрѣ города, гдѣ поставленъ большой и довольно изящный памятникъ солдатамъ, убитымъ въ разныхъ американскихъ войнахъ. Проходя по какой-то улицѣ уже вечеромъ, я увидалъ большую толпу народа, любовавшуюся даровымъ зрѣлищемъ. На стѣнѣ одного дома былъ прикрѣпленъ огромный кусокъ холста, куда проектировались разныя картины помощью волшебнаго фонаря, установленнаго въ открытомъ окнѣ верхняго этажа дома на противоположной сторонѣ улицы. Картины поминутно смѣнялись; это были виды разныхъ городовъ (преимущественно Европы и Азіи), сцены изъ американской исторіи и т. п. Послѣ каждыхъ двухъ-трехъ картинъ появлялось какое-нибудь объявленіе отъ магазина съ цѣнами и соотвѣтствующимъ адресомъ. Появлялись также карикатуры и комическія превращенія, которыя вызывали громкій хохотъ зрителей.

На одной изъ сравнительно глухихъ улицъ я наткнулся на оригинальную сцену обученія мѣстной милиціи. Цѣлая рота людей въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, но съ ружьями и въ амуниціи производила военныя упражненія подъ команду американскаго унтеръ-офицера въ форменной одеждѣ. Изъ разспросовъ прохожихъ я узналъ, что всѣ граждане города до извѣстнаго возраста обязаны обучаться военному строю, и чтобы они не теряли времени и не отвлекались отъ своей прямой дѣятельности, ученіе производится по вечерамъ на улицахъ

при электрическомъ освѣщеніи, когда большинство конторъ и магазиновъ закрыты.

Чтобы ѣхать изъ Детруа дальше въ Канаду, надлежало переплыть проливъ. Для этого вагоны поѣзда были установлены на паровой паромъ. Самый переѣздъ совершился ночью, и, кромѣ огней по обѣ стороны пролива, я ничего не видалъ. Когда паромъ приставалъ къ англійской территоріи, я опасался формальностей таможеннаго досмотра. Однако мои опасенія были напрасны: Канада предоставляетъ свои рельсы для свободнаго пробѣга по нимъ поѣздовъ Соединенныхъ Штатовъ, при чемъ багажъ пассажировъ, имѣющихъ билеты прямого сообщенія, т.-е. лишь проѣзжающихъ черезъ Канаду, таможенному досмотру не подвергается.

Ложась спать, я просилъ кондуктора разбудить меня пораньше, такъ какъ по расписанію въ 5 часовъ утра мы должны были прибыть къ платформѣ «Видъ водопадовъ», откуда, по разсказамъ, открывается одинъ изъ удивительнѣйшихъ видовъ въ мірѣ, прямо на Ніагару, и здѣсь всѣ поѣзда останавливаются на цѣлыхъ 10 минутъ, что для американскихъ сквозныхъ поѣздовъ считается весьма продолжительной остановкой. Кондукторъ разбудилъ меня еще раньше, чѣмъ я просилъ, и предложилъ посмотрѣть мѣсто, гдѣ поѣздъ будетъ пересѣкать знаменитый каналъ, устроенный англичанами для непосредственнаго сообщенія озеръ Эри и Онтаріо, въ обходъ Ніагарѣ. Я тотчасъ одѣлся и поспѣшилъ въ курительное отдѣленіе, изъ оконъ котораго могъ любоваться окрестностями, не тревожа прочихъ пассажировъ. Мѣстность была совершенно ровная, безлѣсная и по большей части хорошо возлѣланная. Вскорѣ показался мостъ и каналъ, по которому ходятъ весьма большіе пароходы. Хотя берега канала облицованы только дерномъ, но они содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Вдали виднѣлись шлюзы и ожидающія своей очереди суда. Разность высотъ озеръ Эри и Онтаріо равна, какъ извѣстно, почти 50 саженямъ.

Наконецъ, ровно въ 5 часовъ утра поѣздъ остановился подлѣ упомянутой выше платформы. Я уже заранѣе готовился увидѣть что-нибудь грандіозное, но то, что я дѣйствительно увидѣлъ, превзошло всякія ожиданія. Мнѣ приходилось видѣть разные водопады, но картина Ніагары не можетъ идти съ ними ни въ какое сравненіе. Хотя платформа, на которую выскочили я и многіе другіе пассажиры, расположена въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ берега, но охватить водопадъ однимъ взглядомъ невозможно, что и не мудрено, такъ какъ ширина его—полторы версты! Передо мной были двѣ водяныя стѣны: ближайшій или Канадскій водопадъ представляетъ вогнутую поверхность, а отдаленнѣйшій Американскій—совершенно правильную отвѣсную плоскость. Между ними зеленѣетъ «Козій» островъ, который подъ

впечатлѣніемъ грохота воды или только отъ вѣчно движущихся массъ водяныхъ стѣнъ кажется не неподвижнымъ, а какъ бы дрожащимъ и готовымъ тоже ринуться внизъ, въ пучину. Я былъ ослѣпленъ и свѣтомъ только что взошедшаго солнца, и блескомъ этой массы воды. Надъ обоими водопадами стоятъ цѣлыя горы водяныхъ брызгъ, прозрачныя наверху, но столь густыя внизу, что ни подножій водопадовъ, ни воды рѣки нельзя уже видѣть. Вся пучина внизу представляетъ картину какой-то бѣшеной борьбы огромныхъ клубовъ пѣны, брызгъ и то тутъ, то тамъ выскакивающихъ фонтановъ. Уровень этой пучины то приподнимается, то опускается, и кажется, вотъ-вотъ вся эта масса брызгъ провалится наконецъ куда-то въ преисподнюю, а за нею полетятъ и водопады, и берега со всѣми постройками, мостами, поѣздомъ и тою платформою, на которой я стоялъ.

Чтобы понять, откуда взялась такая масса воды, необходимо вспомнить, что рѣка Ніагара представляетъ единственный стокъ всей системы Великихъ Сѣверо-Американскихъ озеръ, а количество воды въ нихъ составляетъ почти половину всей прѣсной воды на земномъ шарѣ.

Платформа поставлена такъ удачно, что отсюда можно видѣть не одни водопады, но и рѣку Ніагару какъ вверхъ, такъ и внизъ. Рѣка вверху представляется непрерывно подымающеюся наклонною плоскостью пѣны и брызгъ, такъ какъ еще гораздо раньше собственно водопадовъ начинаются стремнины, или, какъ американцы ихъ называютъ, «рапиды». Это послѣдовательные ряды каскадовъ, несущіеся со страшною быстротою къ карнизамъ водопадовъ; каскады какъ бы спорятъ и стараются обогнать другъ друга, но, дойдя до карнизовъ, они уже примиряются между собою и дружно бросаются прямо внизъ, чтобы тамъ начать свою бѣшеную скачку съ новой силой. Выше водопадовъ берега рѣки совершенно плоскіе и едва видимы надъ водяною пеленой; у самыхъ же водопадовъ начинается мрачное, но чрезвычайно величественное ущелье, окаймленное почти отвѣсными обрывами скалъ въ 40 саженъ высоты. Ущелье видно и далеко вдаль; на днѣ его несется могучій потокъ, въ которомъ воды обоихъ мощныхъ водопадовъ соединяются вмѣстѣ и котораго глубина достигаетъ 30 саженъ.

Десять минутъ, назначенныя для остановки поѣзда у платформы «Видъ водопадовъ», пролетѣли, какъ одинъ чудный мигъ, и, занявъ свои мѣста въ вагонахъ, мы поѣхали дальше. Послѣ новой краткой остановки у площадки «Висячій мостъ» поѣздъ медленно пошелъ по знаменитому мосту, составляющему верхъ совершенства инженернаго искусства. Съ моста видны: вверхъ по теченію оба водопада во всей ихъ красѣ и другой висячій мостъ, устроенный для пѣшеходовъ и легкихъ экипажей, а внизъ по теченію такъ называемыя «Нижнія ра-

ницы», или стремнины. Смотрѣть внизъ съ высоты 40 саженъ страшно, да и вообще не знаешь куда смотрѣть, глаза разбѣгаются.

Въѣхавъ снова на территорію Штатовъ, поѣздъ медленно прошелъ мимо нѣсколькихъ улицъ городка Ніагарскіе Водопады и остановился наконецъ у настоящаго вокзала. Здѣсь я покинулъ вагонъ и поѣхалъ въ гостиницу «Катаракть», старинѣйшую и лучшую въ городѣ.

Рѣка Ніагара, составляющая протокъ между озерами Эри и Онтаріо, течетъ, приблизительно, съ юга на сѣверъ и имѣетъ около 50 верстъ длины. Уже у города Буффало, гдѣ она вытекаетъ изъ озера Эри, рѣка имѣетъ версту ширины и течетъ по плоскогорью. Противъ городка Ніагарскіе Водопады въ руслѣ лежитъ нѣсколько островковъ; между ними рѣка обращается уже въ рядъ бѣшеныхъ стремнинъ, а у Козьяго острова вся масса воды сливается водопадами, при чемъ правый, Американскій, водопадъ обращенъ прямо къ западу, а лѣвый, Канадскій, — къ сѣверу. Отъ водопадовъ внизъ рѣка течетъ снова прямо на сѣверъ и на пространствѣ десяти верстъ сравнительно узка, но чрезвычайно глубока и заключена въ мрачномъ ущельѣ. Здѣсь известковые пласты опять образуютъ естественный и общій уступъ, за которымъ рѣка послѣднія десять верстъ течетъ опять въ плоскихъ берегахъ и впадаетъ въ озеро Онтаріо.

Геологи, изучавшіе долину рѣки, замѣтили постепенное отступаніе водопада къ истоку. Отступаніе водопада совершается не равномѣрно, но періодическими обвалами. Дѣло въ томъ, что плоскогорье къ сѣверу отъ озера Эри состоитъ изъ слоя твердаго известняка, подъ которымъ залегаютъ болѣе мягкіе пласты глинистыхъ сланцевъ. Эти мягкіе пласты подмываются водою гораздо быстрѣе известняка, отчего скала подъ водопадомъ представляетъ выступающій впередъ карнизъ, и это даетъ водопадамъ ихъ величественный видъ вертикальныхъ водяныхъ стѣнъ. По мѣрѣ размыванія глинистыхъ сланцевъ лежащій на нихъ слой известняка, не имѣя достаточной опоры, обламывается огромными кусками, иногда уносимыми теченіемъ внизъ, а иногда остающимися у подножія водопада, какъ, напримѣръ, тѣ грозныя, всегда окутанныя водяною пѣною, скалы подъ Американскимъ водопадомъ, которымъ дали поэтическое названіе «скалъ вѣковъ». Такія обрушенія кусковъ верхняго известняка происходили иногда на глазахъ у зрителей и сопровождались страшнымъ грохотомъ и потрясеніемъ береговъ, какъ бы во время сильныхъ землетрясеній.

До 1885 года отдѣльные участки береговъ рѣки у водопадовъ принадлежали разнымъ владѣльцамъ, и путешественники помимо наталкивались на ихъ алчность: за право ступить на то или другое мѣсто нужно было платить, подобно тому какъ приходится платить въ Европѣ вездѣ, гдѣ есть что посмотрѣть. Теперь правительство

штата Нью-Іоркъ выкупило всю прилежащую полосу земли въ казенную собственность. Переговоры по этому вопросу тянулись цѣлыхъ шесть лѣтъ, и наконецъ ничтожное, сравнительно, пространство земли было пріобрѣтено за огромную сумму и сдѣлано доступнымъ и безплатнымъ для входа садомъ. По примѣру штата Нью-Іоркъ коро-

Ніагарскій водопадъ.

лева Викторія точно такъ же поступила съ полосою земли по канадской сторонѣ.

Зная, что красоты водопадовъ разбросаны на значительномъ пространствѣ обоихъ береговъ, я нанялъ легкій одноконный экипажъ, кучеръ котораго служилъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и отличнымъ проводникомъ. У выѣзда въ ограду сада казенной береговой полосы я получилъ отъ проводника даромъ планъ и краткое иллюстрированное описаніе главныхъ достопримѣчательностей.

Прежде всего я поѣхалъ на Козій островъ, составляющій теперь, быть можетъ, лишь остатокъ нѣкогда болѣе обширнаго острова, или же часть полуострова, у поворота рѣки, оторванную потокомъ, образовавшимъ впослѣдствіи Американскій водопадъ. На Козій островъ построенъ теперь прекрасный желѣзный мостъ, но разсказываютъ, что и раньше этотъ островъ неоднократно посѣщался и первыми туристами и даже индѣйцами.

Постройка моста производилась слѣдующимъ образомъ. Послѣ устройства берегового устоя съ него были выдвинуты длинные брусья, прочно укрѣпленные на устоѣ при помощи тяжелыхъ грузовъ. Сдѣлавъ временную настилку, съ концовъ брусьевъ опускали огромные камни на дно пучины, и когда первый быкъ былъ доведенъ до надлежащей высоты, установили первый пролетъ съ берегового устоя до быка. Затѣмъ съ перваго быка опять выдвинуты временные брусья, съ которыхъ устроенъ второй быкъ, и т. д. до самаго острова. Длина моста около 1000 футовъ. Необходимо замѣтить, что такой мостъ только и можно было построить съ американскаго берега на Козій островъ; протокъ между островомъ и канадскимъ берегомъ вчетверо шире и гораздо глубже.

Островъ имѣетъ около 20 десятинъ и роскошно покрытъ дѣвственною растительностью. Теперь на немъ проведено много хорошихъ дорогъ, по которымъ легко объѣзжать разные пункты въ экипажѣ, но все остальное пространство съ намѣреніемъ оставлено такимъ, какимъ оно было при первомъ посѣщеніи его европейцами.

Достойно замѣчанія, что растительность на Козьемъ островѣ весьма разнообразная, и тутъ существуютъ понынѣ виды растеній, давно уже исчезнувшіе на прилежащихъ берегахъ. Ботаники объясняютъ это тѣмъ, что нѣкогда островъ былъ значительно больше и, благодаря своему изолированному положенію между водопадами, не терпѣлъ тѣхъ естественныхъ измѣненій, которымъ подвергались мѣстности по берегамъ. Среди острова много дикихъ и красивыхъ скалъ; вообще какъ Козій островъ, такъ и разбросанные вокругъ него мелкіе островки, соединенные съ нимъ небольшими пѣшеходными мостиками, представляютъ на каждомъ шагу роскошные пункты для обозрѣнія разныхъ частей водопадовъ и стремнинъ.

Описывать водопадъ въ его общемъ величіи положительно невозможно. Прежде всего зритель подавляется массою воды. Въ другихъ водопадахъ у самаго карниза, гдѣ вода принимаетъ уже вертикальное направленіе, просвѣчиваетъ дно и можно хоть приблизительно оцѣнить глубину потока, такъ сказать толщу воды; въ Ніагарѣ это невозможно: глубина потока даже на самомъ карнизѣ не поддается оцѣнкѣ; это и не мудрено, такъ какъ въ Канадскомъ водопадѣ

она должна быть не менѣе трехъ саженъ! Въ 1827 году произведенъ интересный опытъ: внизъ по теченію было пущено старое, уже обреченное на сломъ судно «Michigan», сидѣвшее въ водѣ на 20 футовъ. По берегамъ расположились многочисленные зрители. Судно промелькнуло въ Верхнихъ стремнинахъ и на самомъ порогѣ Канадскаго водопада, безъ всякихъ скачковъ или ударовъ о дно, величественно опрокинулось въ пучину; съ этого момента никто не видалъ уже болѣе ни самаго судна, ни его обломковъ.

Очень красивы радуги, видимыя въ водяной пыли, подымающейся высоко вверхъ надъ водопадами. Такія же радуги можно видѣть и ночью, при лунномъ свѣтѣ; онѣ всего лучше видны съ маленькаго островка, соединеннаго съ Козьимъ красивымъ мостомъ и называемаго Луннымъ островомъ.

Между Козьимъ и Луннымъ островами проносится небольшая часть потока Американскаго водопада, называемая «Центральнымъ водопадомъ». Подъ этимъ-то Центральнымъ водопадомъ, имѣющимъ около 21 сажени ширины, можно проходить по такъ называемой «Пещерѣ вѣтровъ».

Самый лучшій видъ на Американскій водопадъ открывается съ небольшой платформы, устроенной на Луннomъ островѣ. Подлѣ самой платформы совершается перемѣна направленія потока изъ горизонтальнаго въ вертикальный; эта вѣчно измѣняющаяся картина приковываетъ зрителей на цѣлые часы. Подъ ногами огромная, сперва совершенно плоская, водяная стѣна больше $^1/_4$ версты ширины и около 23 саженъ высоты. Внизу, среди хаоса брызгъ и пѣны, изрѣдка обнажаются страшныя дикія скалы. Скалы вѣковъ! Но большей части онѣ сокрыты въ водяной мглѣ, но тамъ устроены мостки, на которые выходятъ смѣлые посѣтители Пещеры вѣтровъ.

На южной части Козьяго острова имѣется другая платформа, съ которой ближе всего можно любоваться мощнымъ Канадскимъ или Подковообразнымъ водопадомъ. Нынѣ фигура карниза представляетъ довольно неправильную вогнутую дугу, прежде же, до нѣсколькихъ ужасныхъ обваловъ, фигура дѣйствительно, говорятъ, имѣла видъ правильной подковы. Канадскій водопадъ, благодаря своей дугообразной формѣ и страшному обилію воды, представляетъ внизу неописуемую зіяющую бездну, внутрь которой нѣтъ никакой возможности проникнуть даже взоромъ. Видна лишь верхняя часть водяной стѣны, нижняя же пропадаетъ въ океанѣ пѣны и брызгъ.

Собственно говоря, на мой взглядъ, Американскій водопадъ гораздо красивѣе, но зато Канадскій величественнѣе, онъ подавляетъ своею мощностью. Индѣйцы считали его мѣстомъ обитанія Великаго Духа,

Маниту, которому ежегодно приносили здѣсь въ жертву двухъ самыхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ.

Для дѣвушекъ, предназначенныхъ въ жертву Великому Духу, приготовляли совершенно новый бѣлый челнокъ, и туда помѣщались разные плоды и цвѣты, дары отъ вѣрныхъ его почитателей. Челнокъ спускался за нѣсколько верстъ выше водопада, а зрители располагались у водопада, на берегу. Самый величественный, торжественный моментъ наступалъ, когда челнокъ, подойдя къ карнизу, внезапно принималъ отвѣсное положеніе и исчезалъ въ пучинѣ. Однако такое правильное и картинное зрѣлище случалось весьма рѣдко: по большей части лодка съ жертвами исчезала гораздо раньше, разбиваясь въ страшныхъ стремнинахъ выше водопада (Верхнія рапиды).

Эти Верхнія рапиды всего лучше видны съ маленькихъ островковъ, расположенныхъ къ югу отъ Козьяго острова. Они соединены желѣзными мостиками какъ между собою, такъ и съ Козьимъ островомъ. Когда стоишь на крайнемъ островкѣ, все огромное пространство воды, болѣе версты шириною, представляется въ видѣ непрерывныхъ каскадовъ, ниспадающихъ чуть не съ самаго неба. Шумъ воды въ этихъ стремнинахъ заглушаетъ грохотъ самыхъ водопадовъ, и если постоять тутъ долго, то порою слышны какъ бы отчаянныя и безнадежныя всхлипыванья толпы людей. Многіе признаютъ, что картины стремнинъ болѣе величественны, чѣмъ видъ самыхъ водопадовъ. Стремнины глубоки; въ нихъ, кромѣ воды и водяной пыли, ничего не видно; въ одномъ только мѣстѣ торчитъ огромная скала, о которую вода ударяется со страшною яростью, подымается иногда вверхъ отвѣсною стѣной, держится такъ нѣсколько мгновеній и затѣмъ опрокидывается черезъ скалу. На островкахъ можно просиживать цѣлые часы, и глазъ не устаетъ наслаждаться безпрерывно измѣняющимися чудными картинами. Замѣчу кстати, что толпы зрителей, столь словоохотливыхъ вообще въ Америкѣ, стоятъ и сидятъ тутъ въ совершенномъ безмолвіи: грандіозное зрѣлище всецѣло поглощаетъ человѣка. Правда, что и говорить тутъ совершенно безполезно: чтобы сосѣдъ услыхалъ, надо кричать ему на ухо.

Послѣ обзора Козьяго острова и островковъ, его окружающихъ, я вернулся на твердый американскій берегъ и долго просидѣлъ тутъ у самаго карниза американскаго водопада; здѣсь мимо ногъ зрителя проносится масса воды и тутъ же ниспадаетъ внизъ. Выступающая скала кажется дрожащей подъ ногами; хорошо, что тутъ имѣются твердыя желѣзныя перила, иначе отъ производимаго водопадомъ головокруженія легко было бы упасть въ самую бездну.

Отсюда я поѣхалъ на канадскій берегъ по ближайшему къ водопадамъ висячему мосту, приспособленному только для пѣшеходовъ и

легкихъ экипажей. Видъ съ моста—одинъ изъ лучшихъ; отсюда легко обозрѣвать оба водопада, брызги отъ которыхъ несутся до самаго моста, хотя отъ Канадскаго водопада сюда около двухъ верстъ.

Ѣздить по канадскому берегу очень пріятно, вездѣ отличныя дороги и красивыя мѣста. Объѣздивъ канадскій берегъ, я вернулся на американскій и по совѣту моего путеводителя поѣхалъ къ наклонной желѣзной дорогѣ, устроенной для болѣе удобнаго обозрѣнія нижнихъ стремнинъ.

Нижнія стремнины—это узкое (однако болѣе 200 саженъ ширины) и мрачное ущелье, въ глубинѣ котораго несется вся масса воды, собирающаяся здѣсь отъ обоихъ водопадовъ.

Наклонная желѣзная дорога находится уже внѣ казенной полосы. Въ длинномъ наклонномъ туннелѣ двигаются платформы съ диванчиками, при чемъ имѣются двѣ пары рельсовъ и двѣ платформы; когда одна платформа поднимается, другая опускается. Движущею силой служитъ вода водопада, проведенная по особой подземной трубѣ. Спустившись внизъ и выйдя къ самой водѣ на площадку съ крѣпкими желѣзными перилами, я увидалъ передъ собою нѣчто чудовищное. Среди ущелья съ массивными черными и почти обнаженными скалами несется могучій водяной потокъ; онъ несется съ замѣтнымъ паденіемъ внизъ и съ такою страшною скоростью, что вода даже на поверхности не успѣваетъ дробиться въ пѣну или брызги: это огромные водяные валы, постоянно обгоняющіе другъ друга. Всякій знаетъ непріятное ощущеніе, когда стоишь у самаго полотна желѣзной дороги, когда проносится мимо быстрый поѣздъ. Замѣните же теперь окружающее поле дикимъ ущельемъ и желѣзнодорожный поѣздъ мощнымъ водянымъ потокомъ въ 40 саженъ ширины и, какъ увѣряютъ, такой же глубины! Сравненіе подходящее, такъ какъ быстрота теченія здѣсь равняется 50 верстамъ въ часъ! Стоять тутъ, даже держась за перила, просто страшно; ежеминутно кажется, что вся платформа, примкнутая къ выступамъ скалъ, будетъ мгновенно снесена бѣшенымъ потокомъ. Скорость воды здѣсь очевидно больше, чѣмъ въ водопадѣ, такъ какъ та же вода, проходившая въ водопадахъ по поперечной линіи въ $1^1/_2$ версты, несется здѣсь на ширинѣ 40 саженъ. Водяные валы представляютъ, разумѣется, вѣчно измѣняющуюся картину. Говорить здѣсь рѣшительно невозможно: шумъ воды заглушаетъ всѣ посторонніе звуки. Я простоялъ тутъ цѣлыхъ полчаса; но, признаться, не могу дать себѣ отчета, что я ощущалъ за это время,—это было оцѣпенѣніе ужаса.

За нижними стремнинами имѣется еще одно весьма интересное мѣсто рѣки, именно Водоворотъ. Подъ вліяніемъ встрѣченнаго препятствія въ твердыхъ горныхъ породахъ Ніагара круто поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ направо. Съ теченіемъ времени разрушающая

сила водяного потока образовала здѣсь почти круглый бассейнъ, въ которомъ вода кружится съ ужасающею быстротой и бѣшенымъ ревомъ.

Вторую половину дня я рѣшилъ посвятить прогулкѣ подъ водопадомъ въ Пещеру вѣтровъ. У входа на Козьемъ островѣ построенъ красивенькій домикъ, гдѣ имѣются всѣ приспособленія для опасной прогулки. Сперва меня заставили записать фамилію и адресъ, дабы знать, кому и куда послать мои вещи и деньги на случай гибели въ пучинѣ. Для денегъ и цѣнныхъ вещей мнѣ дали желѣзную шкатулку, ключъ отъ которой предложили повѣсить на шею, на веревочкѣ. Затѣмъ мнѣ отвели особую комнату, гдѣ я совершенно раздѣлся и облачился въ особый костюмъ. Послѣдній состоялъ изъ толстыхъ шерстяныхъ брюкъ и куртки, поверхъ которыхъ я одѣлъ еще брюки и куртку изъ пропитаннаго смолою холста желтаго цвѣта. Куртка снабжена еще капюшономъ на голову. Къ ногамъ, совершенно голымъ, мнѣ привязали большіе куски войлока, что необходимо, дабы не поскользнуться на мокрыхъ скалахъ въ водопадѣ.

Получивъ въ проводники рослаго американца, я вышелъ изъ домика и началъ спускаться по винтовой лѣстницѣ, устроенной внутри деревянной башни, примыкающей къ обрыву скалъ Козьяго острова. Дорогою я считалъ ступеньки, ихъ оказалось 185. Изъ нижнихъ дверей башни я вышелъ на край обрыва надъ самой пучиной, гдѣ соединяются воды обоихъ водопадовъ. Здѣсь мы осторожно двинулись къ самому центральному водопаду, который реветъ и надъ головой и подъ ногами съ оглушительной силой. Вдоль обрыва имѣются сперва перила и для удобства переброшены кое-гдѣ доски. Но вотъ проводникъ взялъ меня за руку и потащилъ въ самый водопадъ. Видя, что перила прекратились, и чувствуя, что мнѣ не хватаетъ воздуха, нечѣмъ дышать, я хотѣлъ остановиться и передохнуть, но проводникъ ничего не слышитъ, да понятно и не можетъ слышать... онъ тащитъ меня впередъ по мокрому, скользкому и наклонному карнизу скалы. Въ глазахъ у меня помутилось, и я ничего уже не видѣлъ; вода крупными и частыми струями лилась, какъ въ душѣ, и сверху, и снизу. Проводникъ прижимаетъ меня къ скалѣ и медленно подвигается бокомъ, спиною къ водопаду. Мы вошли въ Пещеру вѣтровъ. Сообразивъ свое положеніе, я вскинулъ глаза кверху и сквозь мглу воды увидалъ черную скалу справа и водяную стѣну слѣва. Верхняя часть этой стѣны просвѣчивала слабымъ зеленоватымъ цвѣтомъ, ниже — одинъ брызги цѣлаго потопа. Дышать нечѣмъ: вмѣсто воздуха—одна водяная пыль. Держаться не за что. По скалѣ струится вода, полъ пещеры тоже совершенно мокрый и съ наклономъ кнаружи, прямо въ пучину. Положеніе довольно непріятное и опасное. Единственная опора — рука

Ніагарскій водопадъ.

проводника, но если онъ самъ поскользнется? Я закричалъ, но не услышалъ собственнаго голоса.

Черезъ нѣсколько мгновеній мы вышли на деревянный помостъ, ведущій къ одной изъ огромнѣйшихъ Скалъ вѣковъ. Тутъ я былъ уже въ безопасности, а тамъ, подъ водопадомъ, или, вѣрнѣе, за нимъ, нѣтъ ни перилъ, ни помоста, и одинъ неосторожный шагъ ведетъ за собой немшуемую гибель. Неуклюжій и толстый костюмъ мало помогаетъ; я промокъ насквозь и ощущалъ страшный холодъ и ужасъ. Однако стоящій передо мною и улыбающійся проводникъ вернулъ меня къ сознанію. Онъ указывалъ рукою на верхъ. Мы были прямо предъ водяною стѣной центральнаго водопада. Брызги продолжали обливать насъ съ головы до ногъ, но все же здѣсь уже можно было кое-какъ дышать. Глазамъ моимъ представились двѣ концентрическія въ видѣ полныхъ окружностей и весьма яркія радуги, которыя я, какъ нѣкогда Ной, принялъ за символъ спасенія.

Между тѣмъ мы шли дальше и по подмосткамъ обходили теперь снаружи тотъ самый водопадъ, за которымъ только что прошли. Мостки перекинуты съ одной стороны на другую и снабжены перилами. Доски и брусья прочно соединены толстыми желѣзными скрѣпами. Все время насъ обдавало водою и холодомъ. Собственно, трудно дать себѣ отчетъ, гдѣ находишься. Видъ съ этихъ мостковъ поистинѣ грандіозный! Водяныя брызги и цѣлыя струи несутся и сверху, и снизу послѣ отраженія отъ скалъ. Брызги снизу бьютъ въ лицо съ не меньшей силой, чѣмъ брызги сверху съ самаго карниза водопада. Вскорѣ мы подошли къ твердой землѣ, т.-е. къ тому мѣсту берегового уступа скалы, съ котораго проникли въ пещеру.

Пораженный и измученный, я съ трудомъ поднимался обратно по узкой винтовой лѣстницѣ деревянной башни. Дорогою проводникъ разсказывалъ мнѣ, какъ трудно и опасно его ремесло. Впрочемъ, какъ мнѣ потомъ сказывали, несчастные случаи бываютъ рѣдко.

Каждому, кто совершитъ путь въ Пещеру вѣтровъ, выдается особое удостовѣреніе за подписью правительственнаго агента о томъ, что дѣйствительно такое-то лицо и тогда-то совершило эту опасную прогулку въ сопровожденіи такого-то проводника.

На слѣдующій день я рѣшилъ совершить еще прогулку на пароходѣ по пучинѣ ниже водопада, по расширяющемуся мѣсту рѣки Ніагары, между водопадомъ и началомъ нижнихъ стремнинъ, чтобы еще разъ полюбоваться водопадомъ и уже не съ твердыхъ береговъ или съ острововъ, а съ самой рѣки.

Единственный пароходикъ, возящій пассажировъ по пучинѣ, совершаетъ свои опасные рейсы каждые два часа; онъ забираетъ пассажировъ какъ съ американскаго, такъ и съ канадскаго береговъ.

Ко времени отхода парохода набралось около 30-ти человѣкъ пассажировъ обоего пола. Въ каютѣ внизу каждому изъ насъ дали непромокаемый плащъ съ капюшономъ; для дамъ оказались особые плащи, болѣе изящнаго покроя. Когда мы поднялись на палубу, пароходъ былъ уже готовъ къ отплытію. Я подивился, какимъ образомъ его не бросило сейчасъ же внизъ по теченію. Возможность сравнительно безопаснаго плаванія объясняется лишь тѣмъ, что подъ водопадами ширина и глубина рѣки довольно значительная (600 и 30 саженъ), почему скорость теченія здѣсь не такъ огромна (15 верстъ въ часъ). Такъ или иначе мы отвалили отъ пристани и поплыли противъ теченія. Для капитана и рулевого устроена будка, сплошь забранная стеклами. Пассажирамъ же приходится быть на открытой палубѣ, которую сейчасъ же начало заливать брызгами водопада; мы были какъ бы подъ проливнымъ дождемъ. Можно, конечно, сидѣть и въ каютѣ, но оттуда почти ничего не видно.

Какъ ни величественны виды съ разныхъ пунктовъ берега, но необходимо признать, что полное представленіе о громадности и мощности Ніагары можно получить лишь съ палубы парохода. Онъ безстрашно подходилъ не только къ американскому, но даже къ канадскому водопаду. Конечно, мы не подходили ближе, чѣмъ саженъ на 50, но все же насъ обдавало цѣлыми потоками брызгъ. Видъ радугъ, которыми я любовался съ мостковъ передъ центральнымъ водопадомъ, отсюда, съ парохода еще красивѣе, такъ какъ обѣ полныя круговыя радуги кажутся несравненно большаго діаметра. Во время остановокъ передъ водопадами пароходъ продолжалъ усиленно работать своимъ винтомъ, потому что иначе его понесло бы внизъ къ стремнинамъ.

Наше плаваніе продолжалось не болѣе часа, и мы хотя промокли ужасно, но зато вышли на берегъ совершенно удовлетворенными.

Очевидцы разсказывали мнѣ, что картина Ніагары зимою еще болѣе величественна, нежели лѣтомъ. Брызги у подножія водопадовъ, замерзая, образуютъ цѣлыя ледяныя горы. Бывали зимы, когда ниже водопадовъ, тамъ, гдѣ я плавалъ на пароходѣ, образовывался настоящій ледяной мостъ, по которому носились на лыжахъ. Такой мостъ нисколько не мѣшаетъ дальнѣйшему теченію воды, такъ какъ глубина рѣки подъ нимъ очень значительна. Низверженіе огромныхъ льдинъ, идущихъ изъ Эри и разбиваемыхъ въ водопадахъ, тоже принадлежитъ къ весьма величественнымъ явленіямъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ о той матеріальной пользѣ, которую американцы уже извлекаютъ теперь и намѣреваются извлекать въ ближайшемъ будущемъ изъ этого чуда природы. На американскомъ берегу Ніагары, ниже водопада, уже давно устроено нѣсколько мельницъ, работающихъ даровою силой падающей воды. Для

этого выведены отъ рѣки кверху небольшіе каналы, по которымъ вода проходитъ въ турбины и оттуда выходитъ затѣмъ въ рѣку ниже водопада, вблизи перваго висячаго моста. Эта отработавшаяся вода видна на обрывѣ берега и образуетъ не очень-то изящные каскадики. На всѣхъ существующихъ мельницахъ перемалывается, говорятъ, до 30.000 вагоновъ зерна въ годъ. Но въ 1886 году составилась обширная компанія, которая проектировала прорыть огромный каналъ или, вѣрнѣе, туннель. Вода, отведенная этимъ туннелемъ, будетъ приводить во вращеніе 240 турбинъ, такъ что всего предположено утилизировать огромную энергію въ 120.000 лошадиныхъ силъ. Однако это нисколько не измѣнитъ величія зрѣлища самаго водопада.

Нью-Фаундлендъ.

(Гессе-Вартега.)

Изъ многочисленныхъ колоній Англіи, разсѣянныхъ по всему земному шару, древнѣйшая и ближайшая къ родной метрополіи, Нью-Фаундлендъ, тѣмъ не менѣе настолько мало извѣстна, что кажется, будто эта колонія самая дальняя и затеряна въ какомъ-нибудь невѣдомомъ уголкѣ Тихаго или Антарктическаго океана.

Нью-Фаундлендъ, своими рѣзко выступающими полуостровами, глубоко врѣзывающимися между ними фіордами, развитіемъ береговой линіи и даже своимъ общимъ характеромъ поразительно походитъ на сѣверную половину Великобританіи. Какъ будто вторая Шотландія расположилась въ устьяхъ пролива Св. Лаврентія. Большую часть острова занимаютъ голые, лишенные всякой растительности утесы, возвышающіеся до 480 м. и понижающіеся постепенно къ сѣверу. Таковъ же и общій характеръ береговой линіи. На югѣ и востокѣ островъ опоясываютъ сѣровато-красные утесы, вышиною отъ 150—180 м., почти отвѣсно падающіе въ море, которое мѣстами глубоко врѣзывается въ нихъ и своими волнами съ страшной силой бьется объ этотъ естественный крѣпостной валъ. Къ западу и сѣверу берега обрываются менѣе круто, а на сѣверной оконечности, вдоль пролива Бель-Иль, они становятся совершенно плоскими и песчаными. Многочисленныя группы острововъ разбросаны передъ сѣверо-восточнымъ берегомъ, тогда какъ передъ южнымъ лежатъ только два, болѣе крупныхъ, острова, Сенъ-Пьеръ и Микелонъ, принадлежащіе французамъ.

Въ настоящее время Нью-Фаундлендъ—англійская правительственная колонія, независимость которой ограничивается только губернаторомъ, назначаемымъ ей метрополіей, да парой военныхъ кораблей, стоящихъ въ гавани Сенъ-Джонса. Уступая островъ, Франція сохранила за

собой только право рыболовства по всему сѣверному и сѣверо-западному побережью. На протяженіи сѣверо-западнаго побережья, а также близъ большихъ озеръ и рѣкъ встрѣчаются въ небольшомъ числѣ плодородныя мѣстности, которыя, однако, занимаютъ не болѣе одной десятой пространства всего острова. Въ юго-восточной части Нью-Фаундленда въ полуостровъ Авалонъ съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и съ юга врѣзываются двѣ глубокія бухты и отдѣляютъ его почти совершенно отъ остального острова. Здѣсь сосредоточивается почти двѣ трети всего населенія Нью-Фаундленда; остальные жители ютятся въ ничтожныхъ поселкахъ, разсѣянныхъ вдоль побережья или удаленныхъ отъ него не далѣе 8 километровъ.

Не только все побережье на протяженіи 3.200 километровъ опоясываютъ скалы, но и весь островъ представляетъ не болѣе какъ громадное, бѣдное растительностью каменистое плоскогоріе съ вздымающимися на немъ мѣстами острокопечными скалами. Тамъ, гдѣ есть долины и низменности, встрѣчаются болота, на которыхъ растетъ мохъ и скудная карликовая древесная растительность; только вдоль глубокихъ фіордовъ, по теченію рѣкъ и близъ озеръ есть лѣса. Все значеніе Нью-Фаундленда заключается только въ изобиліи трески и тюленей, которыхъ ловятъ въ омывающихъ его водахъ. Въ этомъ промыслѣ заключается весь интересъ, единственный источникъ дохода и единственное средство къ существованію всего 200 тысячнаго населенія побережья. Цѣлыя флотиліи въ сотни кораблей съ десятками тысячъ рыбаковъ ежегодно выходятъ изъ гаваней французскихъ, шотландскихъ и американскихъ: весной — на ловъ тюленей вдоль сѣвернаго побережья, а лѣтомъ—трески вдоль южнаго побережья, и всѣ эти корабли возвращаются съ богатой добычей на родину. Ежегодный доходъ отъ рыболовства исчисляется въ 20 милліоновъ долларовъ, при чемъ 8 милліоновъ приходится на долю однихъ нью-фаундлендскихъ рыболововъ. Населеніе Нью-Фаундленда состояло до сихъ поръ почти исключительно изъ рыбаковъ, которые поневолѣ всю свою дѣятельность и помыслы сосредоточивали исключительно на морѣ, кормившемъ и доставлявшемъ имъ заработокъ, и не считали нужнымъ изыскивать другихъ средствъ къ существованію. Но съ постояннымъ ростомъ населенія, за послѣдніе годы рыболовство уже не достаточно обезпечиваетъ жителей, и они принуждены искать другихъ заработковъ, чтобы не сдѣлаться жертвами нищеты. Почти весь годъ скалы южнаго и восточнаго побережья закутаны сверху до низу густыми туманами, разстилающимися также по морю. Сотни большихъ кораблей и малыхъ рыбачьихъ лодокъ, заблудившись въ густомъ туманѣ, наскакиваютъ на подводные камни и разбиваются, и много тысячъ моряковъ погибло такимъ образомъ. Каждый годъ значительное количество рыбацкихъ судовъ тонетъ со

всѣмъ экипажемъ также вслѣдствіе столкновенія съ большими трансатлантическими пароходами.

Въ такую туманную погоду мы входили въ гавань Сенъ-Джонса,—городъ, считающійся самымъ богатымъ рыболовнымъ пунктомъ всего міра. Только здѣсь свѣжій сѣверный вѣтеръ разогналъ стлавшійся густой туманъ и мы увидѣли сѣровато-красныя, голыя скалы около ста футовъ вышины, вырастающія почти веритикальной непрерывной стѣной изъ бурныхъ волнъ моря; кажется, что въ ней нѣтъ никакого перерыва, такъ что мы смотрѣли съ большимъ страхомъ, какъ нашъ пароходъ направлялся прямо на нихъ. Только у самаго подножья скалъ замѣтили мы узкій входъ въ гавань, врѣзывающійся между двумя скалами, расположенными другъ отъ друга на разстояніи нѣсколькихъ сотенъ метровъ. Раньше на этихъ утесахъ находились батареи и укрѣпленія, которыя охраняли гавань отъ входа вражескихъ кораблей. Теперь укрѣпленія покинуты. Англійскій гарнизонъ оставилъ Нью-Фаундлендъ такъ же, какъ и всю Канаду.

Сенъ-Джонсъ возвышается амфитеатромъ отъ самаго побережья до вершины горы, гдѣ нѣсколько значительныхъ городскихъ зданій, а также католическій каѳедральный соборъ съ двумя боковыми колокольнями, какъ бы вѣнчаютъ его. Внизу по берегамъ надежной гавани тянутся длинные ряды складовъ и заводовъ, а верфи протягиваютъ длинныя деревянныя руки далеко въ море. Съ восточной стороны гавани виднѣются городскія сушилки для главнаго предмета торговли Нью-Фаундленда—трески, расположенныя террасами по склонамъ горъ. Эти сушилки представляютъ собой крытые хворостомъ навѣсы, громоздящіеся другъ надъ другомъ по склону горы; одна сторона ихъ опирается на скалу, а другая—на деревянные столбы. На навѣсахъ разложены для просушки десятки тысячъ штукъ трески, которая издаетъ сильный и противный запахъ.

Самый городъ не отличается красотою. Только на главной улицѣ, носящей названіе Уатеръ-Стритъ, есть нѣсколько каменныхъ торговыхъ строеній, достойныхъ вниманія. Магазины очень бѣдно обставлены, улицы грязны, дома запущены. Сенъ-Джонсъ почти круглый годъ окутанъ густой пеленой холоднаго тумана; только въ теченіе нѣсколькихъ дней въ іюлѣ и въ августѣ бываютъ солнечные дни, когда туманъ совершенно разсѣивается.

Климатическія условія Нью-Фаундленда весьма неблагопріятны. О Нью-Фаундлендѣ еще съ большимъ правомъ, нежели о Шотландіи, можно сказать, что если здѣсь не идетъ дождь, то валитъ снѣгъ. Лѣто здѣсь короткое и умѣренное, зима чрезвычайно холодная и обильная снѣгомъ, который окончательно заноситъ озера, рѣки и дороги, прекращая такимъ образомъ всякій доступъ къ болѣе отдаленнымъ поселкамъ. Во время

нашихъ экскурсій въ глубь страны мы неоднократно видали вдоль дорогъ высокіе столбы, похожіе на телеграфные, только безъ проволоки: они указываютъ зимой направленіе дороги и благодаря имъ только возможна регулярная доставка почты почтальонами, которые на своихъ длинныхъ канадскихъ лыжахъ совершаютъ пробѣгъ, руководствуясь этими вѣхами. При такихъ условіяхъ не мудрено, что населеніе Нью-Фаундленда стоитъ низко въ культурномъ отношеніи. Три четверти рыбаковъ пребываютъ въ полномъ невѣжествѣ и въ глубокой нищетѣ. Все, что покультурнѣе, сосредоточивается въ столицѣ, но и тамъ жизнь скорѣй похожа на прозябаніе. Длинные зимніе вечера даже въ лучшемъ обществѣ коротаютъ за карточнымъ столомъ, и нью-фаундлендскія дамы извѣстны въ Америкѣ, какъ хорошіе игроки. Въ 10 часовъ вечера все стихаетъ, и гробовое молчаніе ночи нарушаетъ только сторожъ, сохранившій, какъ пережитокъ далекаго прошлаго, свою алебарду и рогъ. Онъ обходитъ улицы, по-старинному выкликая часы.

Главный источникъ дохода населенія составляетъ, какъ уже было сказано, ловъ трески и тюленей. Куда ни взглянешь, вездѣ царствуетъ треска. Ея изображеніе красуется на гербѣ города, на кредитныхъ билетахъ, на монетахъ: съ одной стороны изображеніе королевы, съ другой—трески. На трескѣ сосредоточиваются всѣ интересы и вожделѣнія жителей, ее принимаютъ иной разъ вмѣсто денегъ, такъ что размѣнивая кредитку, нью-фаундлендцамъ поневолѣ приходится опасаться, что вмѣстѣ съ звонкой монетой всучатъ нѣсколько копченыхъ экземпляровъ трески. Когда я пошелъ на почту, украшенную гербомъ съ треской, то на свои деньги съ изображеніемъ трески я получилъ марки, гдѣ вмѣсто обычнаго портрета королевы опять-таки красовалась треска; треска же красуется на пуговицахъ мундировъ констеблей. Запахъ трески бьетъ въ носъ на нѣсколько миль кругомъ города.

Изъ всѣхъ частей тѣла трески извлекаютъ пользу: голову пекутъ, языкъ жарятъ, изъ кожи дѣлаютъ клей, толченыя кости идутъ на кормъ скоту, икра—хорошая приманка для сардинокъ. Все живетъ, питается треской и обогащается на ея счетъ.

Быстрота роста населенія не соотвѣтствуетъ однако количеству улова трески. Нью-фаундлендцы такъ избаловались богатствомъ трески, что забросили всѣ остальныя отрасли производства. Ихъ жизнь и стремленія посвящены только морю. Поэтому, если почему-либо выдается годъ съ плохими уловами трески, то по всему побережью царитъ голодъ и страшная нищета, которые, впрочемъ и въ удачные годы часто посѣщаютъ страну. Иной годъ рыбакъ и заработаетъ вполнѣ достаточно, но сидитъ всегда безъ гроша. Подобно неграмъ Южныхъ Соединенныхъ

Штатовъ Америки, ньюфаундлендскіе рыбаки уже съ начала года кругомъ въ долгу у большихъ торговыхъ фирмъ Сенъ-Джонса. Имъ выдаютъ въ долгъ съѣстные припасы, платье и т. п., но все это оцѣнивается торговыми фирмами втридорога. Когда рыбаки возвращаются съ лова, то вся ихъ добыча скупается за безцѣнокъ, и они остаются по-прежнему неоплатными должниками купцовъ Сенъ-Джонса, состоя у нихъ какъ бы въ крѣпостной зависимости.

О заселеніи негостепріимнаго и по большей части неплодороднаго центра страны трудно и мечтать уже потому, что только одна десятая часть острова пригодна для колонизаціи. Да и эта часть, пожалуй, еще долго не увидитъ плуга, въ чемъ мы убѣдились, сдѣлавъ нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ Сенъ-Джонса. Во время пути цѣлыя тучи москитовъ нападали на насъ, такъ что мы вернулись къ морю покрытые сотнями маленькихъ очень болѣзненныхъ ранокъ. Когда дуетъ береговой вѣтеръ, то даже на побережьѣ едва можно спастись отъ нихъ. Въ лѣтніе мѣсяцы, съ іюня по октябрь, москиты полновластные хозяева острова; жители, живущіе нѣсколько поодаль отъ побережья, почти не выходятъ изъ своихъ домовъ.

Къ югу и къ юго-востоку отъ Нью-Фаундленда простираются на сотни километровъ вѣчно окутанныя туманомъ мели, о которыя разбилось много тысячъ кораблей. Насколько эти мели опасны для мореходовъ, настолько онѣ полезны для самого острова. Безъ этихъ мелей непривѣтливый островъ былъ бы навѣрно такъ же незаселенъ и запущенъ, какъ сосѣднія съ нимъ земли Лабрадора. Мели Нью-Фаундленда длиною около 960 клм. и шириною отъ 300 до 480 клм. служатъ неизсякаемымъ источникомъ рыбныхъ богатствъ. Уже много сотенъ лѣтъ черпаются изъ этого хранилища милліоны тоннъ трески, а запасы ея все какъ будто не истощаются. Бываютъ годы, когда ловъ рыбы нѣсколько менѣе обыкновеннаго, и тогда жители начинаютъ сѣтовать, что мели истощились. Но уже на слѣдующій годъ получается вновь богатый уловъ.

Съ мая мѣсяца воды, омывающія Америку, къ сѣверу отъ Нью-Іорка, вдоль береговъ Канады, Нью-Фаундленда и Лабрадора до полосы вѣчнаго льда, изобилуютъ треской всѣхъ величинъ, но главное скопленіе ея бываетъ на меляхъ Нью-Фаундленда. До сихъ поръ еще не извѣстно, почему въ лѣтніе мѣсяцы треска покидаетъ морскую глубину и ищетъ мелководья. Нѣкоторые предполагаютъ, что она охотится здѣсь за мелкой рыбой, другіе—что ее прельщаетъ «морская вишня», которая растетъ въ мелкой водѣ, но главная причина, вѣроятно, заключается въ метаніи икры. Треска, насколько извѣстно, превосходитъ всѣхъ остальныхъ морскихъ рыбъ количествомъ и плодовитостью. Число яицъ трески доходитъ до девяти милліоновъ, и всѣ тѣ милліоны

тонн трески, которые вылавливаютъ ежегодно изъ моря—ничто въ сравненія съ тѣмъ, сколько ихъ пожираютъ различныя китообразныя и другіе хищники.

Происхожденіе нью-фаундлендскихъ мелей еще не выяснено. Изъ глубины неизмѣримыхъ водъ вырастаютъ эти плоскогорія, прорѣзанныя долинами и возвышаются въ морѣ, не достигая метровъ на 30—60 его поверхности. Старые рыбаки утверждаютъ, что мели подвержены постоянному поднятію и высчитываютъ, что черезъ нѣсколько сотенъ лѣтъ онѣ будутъ возвышаться надъ уровнемъ моря.

Какъ бы то ни было въ настоящій моментъ все значеніе мелей заключается въ непостижимомъ количествѣ трески, которую ежегодно вывозятъ оттуда французскіе, норвежскіе, англійскіе, а больше всего нью-фаундлендскіе рыбаки и которая даетъ средства къ существованію сотнямъ тысячъ людей. Два маленькихъ французскихъ острова, Сенъ-Пьеръ и Микелонъ, служатъ сборнымъ пунктомъ и гаванью сотнямъ рыбачьихъ кораблей, съ командой отъ шести до восьми тысячъ человѣкъ, которые ежегодно направляются изъ гаваней Франціи къ мелямъ. Однако нью-фаундлендская рыбацкая флотилія превосходитъ ее: команда ея равняется 10.000 рыбаковъ. Между этими двумя флотиліями царитъ вѣковая вражда. Французское правительство поощряетъ ловъ трески на нью-фаундлендскихъ меляхъ выдачей рыбакамъ значительной преміи. Вслѣдствіе этого французскіе рыбаки могутъ дешевле поставлять треску на рынки Европы и Южной Америки, чѣмъ нью-фаундлендскіе.

Съ еще большимъ основаніемъ жалуются нью-фаундлендцы на то, что французскіе рыбаки вылавливаютъ изъ водъ Нью-Фаундленда наживку. Приманка, необходимая для лова трески, живетъ въ мелкихъ прибрежныхъ водахъ. Такъ какъ прочія побережья лежатъ слишкомъ далеко отъ мѣста лова и наживку оттуда трудно было бы довезти въ свѣжемъ видѣ, то французы покупаютъ ее на Нью-Фаундлендѣ. Такимъ образомъ нью-фаундлендцы невольно поддерживаютъ успѣхъ французской конкуренціи, которая грозитъ имъ самимъ нищетою. Въ 1886 году положеніе нью-фаундлендскихъ рыбаковъ было такъ плохо, что понадобилась даже денежная помощь со стороны правительства, которое ассигновало четверть милліона долларовъ, чтобы спасти рыбаковъ отъ голодовки; въ связи съ этимъ въ томъ же году мѣстнымъ правительствомъ былъ изданъ законъ, запрещающій продавать французскимъ рыбакамъ свѣжую наживку. Однако англійское правительство въ Лондонѣ, боясь нарушить добрыя отношенія съ Франціей, до сихъ поръ не утвердило закона и дѣло обстоитъ по-старому. Главной наживкой служитъ одинъ мелкій видъ осьминога. Для ловли его употребляютъ краснаго цвѣта шестъ, густо обсаженный острыми гвоздями. Этотъ

шестъ погружаютъ въ воду и двигаютъ его тамъ взадъ и впередъ; моллюски, привлеченные краснымъ цвѣтомъ, обхватываютъ шестъ своими щупальцами и, напоровшись на острые гвозди, уже больше не въ силахъ освободиться отъ нихъ. Когда нѣсколько моллюсковъ прицѣпятся къ палкѣ, ее вытаскиваютъ изъ воды; осьминоговъ снимаютъ съ шиповъ и бросаютъ на дно лодки въ кучу. Въ тотъ моментъ, когда шестъ вытаскивается изъ воды, моллюски съ силой выбрасываютъ на рыбаковъ сначала весь имѣющійся въ мантійной полости зарядъ воды, около литра, а затѣмъ черную, какъ чернила, жидкость, которая не отмывается съ одежды. Однако рыбаки скоро научаются ловкимъ поворотомъ палки ограждать себя отъ предназначавшагося имъ заряда.

Обыкновенно нѣсколько лодокъ съ пятью, шестью рыбаками въ каждой ловятъ добычу вмѣстѣ. Трудно себѣ представить зрѣлище болѣе своеобразное. То и дѣло изъ воды вытаскиваютъ нѣсколько шестовъ, и почти каждый разъ сначала прозрачныя, затѣмъ черныя брызги разлетаются во всѣ стороны.

Другой весьма употребительной приманкой является мелкій видъ лосося. Ежегодно, въ концѣ іюня, появляются милліоны этихъ миловидныхъ, очень вкусныхъ въ свѣжемъ видѣ, рыбокъ у береговъ Нью-Фаундленда, такъ что маленькій мальчикъ ручной сѣткой можетъ наловить въ день нѣсколько сотенъ. Милліоны такихъ рыбокъ выбрасываются также волнами во время прилива, и жители сгребаютъ ихъ лопатами въ кучи и удобряютъ ими свои поля. Сельдь, которая появляется у береговъ Нью-Фаундленда обыкновенно осенью, тоже считается хорошей приманкой.

Когда собрано достаточное количество приманки, рыбаки отправляются на ловъ трески къ нью-фаундлендскимъ мелямъ. Треска охотнѣе всего идетъ на приманку при заходѣ или при восходѣ солнца, а также и ночью, такъ что рыбакамъ приходится жертвовать ночами для того, чтобы получить хорошій уловъ. При этомъ работа эта не изъ легкихъ. Лесу приходится иногда опускать на глубину 60 метровъ, почти до самаго дна морского. Треска хватаетъ приманку очень осторожно, такъ что изъ десяти рыбъ быть можетъ только одна попадется на крючокъ. Тогда лесу вытаскиваютъ и рыбу осторожно снимаютъ съ крючка: если прикоснуться къ приманкѣ руками, зачастую въ кровь израненными лесою, то рискуешь засорить ранки и образуются нарывы.

Треска ловится часто также большими сѣтями, достигающими морского дна. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рыбаки предполагаютъ, что кромѣ трески въ морѣ находится еще много другой рыбы. Тогда треска не идетъ на удочку, и ее легче поймать сѣтью, которую нѣкоторое время держатъ подъ водою, а затѣмъ стягиваютъ находящейся на ея

концахъ веревкой такъ, что получается нѣчто въ родѣ мѣшка, изъ котораго рыба не можетъ ускользнуть.

Вернувшись въ родную гавань, рыбаки приготовляютъ привезенную рыбу къ сушкѣ. Этимъ занимаются обыкновенно четыре человѣка: одинъ прорѣзываетъ рыбу вдоль, другой отрубаетъ ей голову и вынимаетъ внутренности, третій ловко вынимаетъ однимъ взмахомъ спинной хребетъ, а четвертый натираетъ обѣ половины солью. Затѣмъ рыба раскладывается на вышеупомянутые навѣсы, покрытые еловыми вѣтвями, для просушки. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, потребныхъ для просушки, нужно постоянно слѣдить за тѣмъ, чтобы рыба не слишкомъ долго лежала на солнцѣ одной стороной и не испортилась. На ночь рыбу сгребаютъ и покрываютъ брезентами. То же дѣлается и во время дождя. На продажу въ Сенъ-Джонсѣ рыба поступаетъ уже въ сухомъ видѣ и продается въ среднемъ по пять центовъ за фунтъ. Хорошо просоленная треска должна быть сухая, жесткая и на поверхности не должны быть видны соляные кристаллы, а мясо должно быть бѣлое.

Главнымъ рынкомъ для сбыта трески являются католическія страны, преимущественно тѣ, въ которыхъ говорятъ на испанскомъ языкѣ.

Квебекъ.

(Алексѣева.)

8-го октября къ вечеру мы увидѣли высокія, сплошнымъ лѣсомъ покрытыя горы, правый берегъ рѣки св. Лаврентія. Очертанія этихъ вершинъ плоски и волнисты, до самаго моря онѣ покрыты густымъ лѣсомъ, деревья отчасти уже оголены, мѣстами ярко блестятъ группы клена, въ разныхъ оттѣнкахъ желтаго и краснаго цвѣта, кое-гдѣ попадаются ель и береза. Берега пустынны, рѣдко можно видѣть у самаго моря бѣлые, крытые тесомъ домики, отдѣльныя фермы и небольшія рыбачьи селенія. Признаками культуры являлись загородки, прямою линіей тянувшіяся подъ прямымъ угломъ отъ берега вверхъ по горамъ черезъ маленькія поляны и черезъ самый лѣсъ. Мы шли въ разстояніи мили отъ берега; дальше стали попадаться бухты, горы были болѣе разнообразны въ своихъ очертаніяхъ.

Въ воскресенье, 10 числа, мы тихо и плавно плыли по широкой рѣкѣ св. Лаврентія; берега, видные съ обѣихъ сторонъ, представили намъ великолѣпную панораму. Гладкая зеркальная поверхность воды, еле замѣтное движеніе парохода, постоянно мѣнявшіяся очертанія гористыхъ береговъ удерживали на палубѣ пассажировъ, любовавшихся этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Рѣдко встрѣчавшіяся селенія съ чисто выбѣленными, крытыми гонтомъ и тесомъ домами и съ церквами,

остроконечные шпили которыхъ виднѣлись между горами, разнообразили ландшафтъ. Знаменитая канадская осень была въ полной красѣ. Деревья здѣсь долго удерживаютъ желто-красную листву и переливы этихъ цвѣтовъ составляютъ прелесть здѣшняго октября. Посреди рѣки теченіе было сильнѣе, отливъ песъ грязныя волны къ морю, по берегамъ вода была чиста, синевата, покойна и ясно отражала голубыя горки и желто-красные лѣса. Бѣлые тюлени играли на солнцѣ и яркоблестящая шкура ихъ часто виднѣлась надъ поверхностью воды. Стали попадаться парусныя суда, мелкія яхты и стоявшія на якорѣ лоцманскія лодки. Всѣ на палубѣ жадно смотрѣли на разстилавшееся великолѣпное зрѣлище.

Во время ранняго обѣда насъ позвали на палубу смотрѣть на водопадъ «Монморанси» въ восьми миляхъ отъ Квебека. Отвѣсная скала и пѣнистая вода ясно видны были съ корабля. Вокругъ водопада большое французское селеніе, живописно лежащее въ зелени хвойныхъ лѣсовъ у подножія синеватыхъ горъ на горизонтѣ. Въ два съ половиною часа мы подошли къ болѣе узкой части рѣки, къ мѣсту, казавшемуся и не военному человѣку важнымъ стратегическимъ пунктомъ— съ обѣихъ сторонъ отвѣсныя скалы сѣраго камня: цитадель грозно возвышается надъ городомъ; это мѣсто считается вторымъ послѣ Гибралтара по природнымъ преимуществамъ.

Повернувъ круто по теченію, мы причалили къ лѣвому берегу, при глубокомъ молчаніи на палубѣ. Машина, шумѣвшая безпрерывно 10 дней, замолкла; вѣтра не было; стояла тихая, сѣрая погода; намъ казалось необыкновенно торжественнымъ это молчаливое причаливаніе послѣ шумнаго, бурнаго плаванія. Одни возгласы и радостныя привѣтствія праздничной толпы (было воскресенье) мѣстныхъ жителей пріятно нарушали тишину. Всѣ сердечно стали прощаться другъ съ другомъ. Капитанъ въ вышитыхъ разными флагами туфляхъ и парадномъ мундирѣ пожималъ всѣмъ руку. Первые прыгнувшіе на пароходъ были носильщики; затѣмъ вдругъ нашло много разнообразныхъ личностей съ земли: агенты компаніи, служители отелей, посѣтители корабля, сыщики. Они образовали толпу и давку въ каютахъ и коридорахъ. Всѣ засуетились, боясь потерять ручной багажъ. Таможенный ссмотръ происходитъ въ длинномъ деревянномъ сараѣ. Черезъ часъ ожиданія мы наконецъ освободились и, нанявъ за три съ половиной доллара повозку до гостиницы (около 2 верстъ разстоянія) вмѣстѣ съ двумя другими пассажирами, веселыми, говорливыми французами, пѣшкомъ по пыльной немощеной дорогѣ, по деревяннымъ тротуарамъ вошли слѣдомъ за повозкой въ американскій городъ. Наше шествіе было больше похоже на загородное гулянье, нежели на прибытіе въ Квебекъ, самый старый и почтенный городъ по ту сторону океана.

Только что мы сошли съ парохода и вступили на американскую почву, какъ насъ поразили два контраста: за версту или полторы скверной, нечищенной шоссейной дороги мы заплатили высокій подорожный сборъ и тутъ же сѣли на великолѣпный перевозъ черезъ рѣку. Широкій колесный пароходъ, каждыя четверть часа, въ 4 минуты перевозитъ за ничтожную плату пассажировъ, багажъ, повозки съ товаромъ и экипажи. Плата взимается при входѣ; нѣтъ ни классовъ, ни билетовъ, ни кондукторовъ, ни контролеровъ. На перевозкѣ крытыя палубы, дамская каюта, всѣ удобства, курильная комната и неизбѣжная принадлежность всякаго американскаго парохода, вагона, передней и гостиной — сосудъ съ ледяною водой для питья. Убранство этого парохода, какъ и другихъ, поразительно просто: все выкрашено снаружи и внутри бѣлою краской, никакихъ украшеній незамѣтно въ отдѣлкѣ. Одно бросается въ глаза: это полки съ сотнями спасательныхъ поясовъ.

Добравшись пѣшкомъ до верхняго города, мы съ трудомъ нашли гостиницу, въ которую нашъ багажъ уже былъ доставленъ; ни вывѣски, ни швейцара у дверей гостиницы не оказалось. Съ улицы одна дверь прямо ведетъ въ читальню, другая въ дамскую комнату, третья въ переднюю—сѣни. Это послѣднее обширное помѣщеніе—характеристичная принадлежность американскихъ гостиницъ: въ ней сидятъ и курятъ мужчины, стоящіе въ гостиницѣ и зашедшіе съ улицы; здѣсь же прилавки съ продажей спиртныхъ напитковъ, сигаръ, газетъ и контора съ огромнымъ фоліантомъ, въ который вносятъ фамилію (непремѣнно собственноручно каждый прибывающій) и имя, послѣ чего получаютъ комнату со столомъ, за 3 — 5 долларовъ въ сутки. Простота устройства и убранства гостиницъ поражаетъ, удобства жизни въ нихъ удивляютъ, а дороговизна пугаетъ европейца. На звонокъ неизмѣнно является мальчикъ и часто безъ спроса несетъ воду со льдомъ, какъ предметъ, паичаще требуемый гостями. Квебекъ славится чистою водой, проведенною издалека изъ горнаго ключа; вода для кухни, ваннъ, рукомойника и питья одна и та же; все содержится такъ чисто, что воду для стола наливаютъ прямо изъ городского водопровода; фильтровъ нигдѣ нѣтъ. Гостиницы въ Америкѣ всѣ—собственность торговыхъ компаній и устроены на широкую ногу. Въ нихъ всегда читальни, дамскій входъ съ улицы, музыкальные салоны, цырюльни, продажа газетъ, билетовъ на всѣ желѣзныя дороги и пароходы и билетовъ всѣхъ театровъ, телефонъ и почта; часто бываетъ въ нихъ аптека и магазины съ принадлежностями одежды.

Ознакомясь съ гостиницей, мы пошли осматривать городъ. Квебе́къ или Кебе́къ, какъ произносятъ мѣстные французы, старѣйшій городъ Новаго Свѣта, поражаетъ своею оригинальностью. Нѣтъ другого амери-

канскаго города, который пользовался бы такимъ благопріятнымъ и живописнымъ мѣстоположеніемъ и въ которомъ можно было бы встрѣтить такія особенности въ образѣ жизни гражданъ. Есть установившіеся, общеизвѣстные типы американскихъ городовъ, свойственные настолько же канадскимъ городамъ, насколько и городамъ Штатовъ; Квебекъ—исключеніе: будучи самымъ древнимъ селеніемъ на сѣверѣ западнаго континента, онъ образуетъ переходное звено между европейскими и американскими городами. Памятники старины, прошлыхъ столѣтій—монастыри, соборы съ мощами святыхъ, французскій языкъ, въ теченіе сотенъ лѣтъ менѣе измѣнившійся, нежели въ самой Франціи, патріархальные нравы—продолжаютъ существовать рядомъ съ прямолинейными кварталами, элеваторами, электрическимъ освѣщеніемъ улицъ, рядомъ съ предпріимчивостью и быстро нажитымъ богатствомъ американцевъ.

Рѣдкій городъ пользуется такими природными преимуществами относительно мѣстоположенія и климата. Военное значеніе Квебека заключается болѣе въ характерѣ мѣстности, нежели въ возведенныхъ фортахъ; портъ для судовъ всѣхъ величинъ и плодородная почва вокругъ города довершаютъ природныя богатства Квебека. Живописное положеніе города по обѣимъ сторонамъ широкой рѣки св. Лаврентія, берега которой всего выше въ центрѣ города, прямое пароходное сообщеніе съ Европой и желѣзнодорожное съ остальною Канадой и Штатами мало однако привлекаетъ сюда туристовъ и предпріимчивыхъ переселенцевъ: городъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, быстро теряетъ свое торговое значеніе. Лѣсной матеріалъ, главный предметъ вывоза, приходитъ въ Монтреаль мимо Квебека. Одна изъ причинъ этого явленія—непредпріимчивость французскаго населенія: англійская часть жителей (всего восьмая часть) продолжаетъ торговать лѣсомъ и произведеніями почвы, преимущественно зерномъ и знаменитыми канадскими яблоками. Французы имѣютъ въ своихъ рукахъ только торговлю сапожнымъ товаромъ, который производится на фабрикахъ и кустарно и сбывается оптомъ во всю Канаду и сѣверные штаты.

Квебекъ лежитъ на лѣвомъ сѣверо-западномъ берегу рѣки св. Лаврентія, при устьѣ рѣки Сенъ-Шарль, около 250 миль отъ взморья. Полуостровъ, образуемый обоими рукавами, занятъ старымъ городомъ; на противоположномъ берегу лежитъ другая часть Квебека—новый городъ. Отвѣсная скала, возвышающаяся надъ рѣкою, занята цитаделью. Нижній, или старый, городъ грязенъ и неправильно планированъ; новый расположенъ прямолинейно, согласно американскому образцу. Улицы стараго города пересѣкаются укрѣпленіями, рвами, бастіонами. Подъемы по нимъ круты и извилисты, вездѣ шоссе, мостовыхъ нѣтъ, тротуары деревянные; въ новой части города—асфальтовыя мостовыя и кирпичные тротуары. Двѣ улицы крутизною своей напоминаютъ улицы горо-

довъ южной Франціи и Италіи; есть пѣшеходныя улицы, выстланныя досками, по которымъ пробираются мелкія ручныя повозки и телѣжки, запряженныя собаками. Ѣзда въ Квебекѣ удивительно быстрая; мѣстная порода лошадей характеризуется невысокимъ ростомъ, сухостью строенія и выносливостью; тяжелыхъ, ломовыхъ лошадей и стройныхъ упряжныхъ не видно. Во французскихъ кварталахъ много вывѣсокъ, висящихъ поперекъ улицы; часто встрѣчаются символы: шестъ, выкрашенный по бѣлому фону красною и синею полосами (артеріи и вены—памятникъ кровопусканію); у слесарей—ключи; у докторовъ—ступка съ пестикомъ. Окна большею частью закрыты зелеными жалюзи, которыя съ перваго ноября замѣняются зимними рамами. Двери въ частныхъ домахъ вездѣ двойныя, что не встрѣчается въ другихъ американскихъ городахъ и указываетъ на суровость климата.

Спотыкаясь по деревяннымъ тротуарамъ, поднимаясь съ горы на гору, мы прошлись по главнымъ улицамъ. Первая—это мѣсто банковъ, конторъ, торговыхъ компаній и складовъ зерна, муки и лѣсныхъ матеріаловъ. Между публичными зданіями замѣчателенъ каѳедральный католическій соборъ, основанный въ 1666 году.

Въ нижній городъ мы спустились въ элеваторѣ. Это два ящика съ сидѣніемъ для восьми персонъ, которые спускаются и подымаются попеременно по наклонной плоскости, круто выведенной по скалѣ. Эта машина приводится въ движеніе водой и безпрерывно втаскиваетъ ящикъ съ нежелающими лѣзть въ гору, опуская такой же внизъ, къ гавани.

Вечеръ былъ лѣтній; воздухъ чистый; погода тихая; ясный закатъ солнца, озолотившій вершины мачтъ и горъ вдали, придалъ великолѣпному виду съ террасы прелесть, трудно поддающуюся описанію. Еще не стемнѣло, какъ вездѣ на улицахъ заблистали электрическіе фонари, на террасѣ показались группы гуляющихъ. Въ Квебекѣ преобладаетъ французское населеніе. Нигдѣ въ Америкѣ нельзя встрѣтить столько гостепріимства, непринужденной любезности и радушія, какъ здѣсь. Старинные французскіе нравы еще въ силѣ, они даже смягчаютъ упорность англійской части общества, и въ короткое время нашего пребыванія въ Квебекѣ мы успѣли убѣдиться въ гостепріимствѣ канадцевъ. Англичане сторонятся французовъ, которые, съ своей стороны, держатся особнякомъ, но, преобладая количественно, всегда задаютъ тонъ. Шестая часть Квебека принадлежитъ монашествующимъ орденамъ, которые не платятъ податей; черезъ это городъ много теряетъ въ денежномъ отношеніи. Долговѣчность канадцевъ не обусловливается однимъ климатомъ, — нравы играютъ важную роль въ сохраненіи и поддержаніи здоровья. Хотя было время муниципальныхъ выборовъ, я не встрѣтилъ ни одного пьянаго въ многочисленныхъ груп-

Квебекъ.

пахъ мѣстныхъ жителей, толковавшихъ о политикѣ и партіяхъ на улицахъ. Выразивъ мое удивленіе по этому поводу, я узналъ, что встрѣтить пьянаго на улицахъ Квебека составляетъ событіе, предметъ городскихъ толковъ и считается явленіемъ, достойнымъ попасть въ мѣстную печать. Домашнее, келейное пьянство здѣсь тоже не процвѣтаетъ. По рѣкѣ Сенъ-Шарль, въ опрятномъ кварталѣ живутъ исключительно французы: они дубильщики, сапожники и мелкіе ремесленники. Торговля вся въ рукахъ англичанъ.

Здѣсь процвѣтаетъ католицизмъ въ такой степени, что мнѣ не въ шутку сказали: «не въ Римѣ слѣдуетъ жить папѣ, а здѣсь, на берегу Сенъ-Шарль; здѣсь ядро католицизма и напреданнѣйшіе приверженцы папы».

Французскій языкъ слышенъ вездѣ на улицахъ между простымъ народомъ; вывѣски на двухъ языкахъ; улицы сохранили старыя названія: онѣ всѣ во имя святыхъ. Подъ цитаделью, надъ рѣкой, тянется на протяженіи 4 верстъ знаменитая терраса Дефферинъ. Это мѣсто считается самымъ живописнымъ пунктомъ въ Сѣверной Америкѣ, оно напоминаетъ видъ отъ церкви Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ и Откосъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Самая терраса интересна по обширнымъ размѣрамъ и прекрасному электрическому освѣщенію; но она много теряетъ благодаря своему деревянному полу. Вездѣ кругомъ—скалы, каменные дома, гранитныя стѣны крѣпости, асфальтъ и цементъ, а на этой новой террасѣ — дырявая деревянная настилка. У подножія террасы, глубоко внизу, разстилается старый городъ, видны извилистыя, узкія улицы, разнообразныя крыши всевозможной окраски и матеріала: желѣзныя, тесовыя, аспидныя, жестяныя, гонтовыя (нѣтъ только черепицы и соломы); дальше по берегу тянется обширная пристань съ маленькими доками. Рѣка здѣсь—величественна и особенно широка къ юго-востоку, гдѣ она расходится и омываетъ большой островъ. На противоположномъ берегу, разбросанные между зеленью по высокому скалистому берегу, пестрѣютъ дома сосѣдняго мѣстечка; между ними выдѣляются два массивныя старыя зданія женскихъ монастырей. Обращаясь по теченію рѣки, можно на далекое пространство любоваться лѣвымъ берегомъ, который тоже высокъ, но не такъ крутъ, какъ въ Квебекѣ; здѣсь вездѣ густая зелень; по самому берегу тянется на протяженіи пяти миль селеніе Бопоръ. Эта часть панорамы особенно живописна, не столько обширностью вида, сколько разнообразіемъ очертаній и пестротой; бѣлые домики выглядываютъ изъ-за роскошной листвы золотистыхъ и красныхъ группъ деревьевъ; шпиль костела высоко подымается надъ волнистымъ горизонтомъ, образуемымъ цѣпью синеватыхъ горъ. Эти живописныя высоты тянутся, прерываясь только болотами и мелкими лѣсистыми долинами, вплоть до Гудзонова залива,

то-есть на протяженіи многихъ тысячъ верстъ. Онѣ необитаемы, если не считать кочующихъ туземцевъ — немногочисленныхъ племенъ краснокожихъ. Странно изъ мѣста, освѣщаемаго электрическими лампами, въ одно и то же время видѣть цивилизованный городъ и дикую страну, гдѣ привольно кочуютъ одни рыболовы и охотники за пушнымъ звѣремъ. Врядъ ли найдется другое мѣсто на землѣ, гдѣ изъ центра города можно окинуть глазомъ такое разнообразіе не только природныхъ красотъ, но и разительныхъ контрастовъ. У ногъ внизу—паровые элеваторы, мачты громадныхъ пароходовъ, конная дорога, начало одной изъ самыхъ длинныхъ желѣзныхъ дорогъ въ свѣтѣ, а вдали, на горизонтѣ — безпрерывная волнистая линія горъ, столь обширныхъ по протяженію и столь мало изслѣдованныхъ и дикихъ, что мѣстные жители считаютъ ихъ пустыней. Имъ имени не дано: въ географіи онѣ значатся «цѣпь горъ по берегу Св. Лаврентія». Лѣвѣе — долина рѣки Сенъ-Шарль; здѣсь почва обработана, и фермы чередуются съ мелкими селеніями; между ними замѣчательно одно селеніе, еле видное изъ-за густой зелени пихтъ и елей: оно сплошь заселено индѣйцами, сохранившими свои обычаи, нелюбовь къ обработкѣ земли, свой оригинальный типъ: прямые, жесткіе темные волосы, красно-бурый цвѣтъ кожи; они продолжаютъ считать себя индѣйцами, несмотря на свою осѣдлость и вѣрность католической религіи, которую приняли и примѣрно соблюдаютъ уже не первое столѣтіе.

Октябрь — время года, которое считается наилучшимъ въ Канадѣ. Ярко-золотистая и блестяще-красная листва клена, темная хвоя елей и пихтъ и разноцвѣтная зелень остальныхъ деревьевъ (преимущественно березы и осины) разнообразятъ господствующій желто-красный тонъ.

За городскою заставой преобладаетъ лѣтній колоритъ — зеленѣющія поля; усадьбы въ паркахъ и плодовые сады, чередуясь съ лѣсными участками, тянутся до тѣхъ же пустынныхъ синихъ горъ, которыя видны и въ остальныхъ частяхъ кругозора.

Благодаря гористой поверхности, изобилующей рѣками и озерами, скалистой почвѣ, чередующейся съ плодородными долинами, и благодаря близости моря, Канада пользуется климатомъ, который считается однимъ изъ самыхъ здоровыхъ на земномъ шарѣ. Квебекъ имѣетъ одинаковую съ Петербургомъ зиму и одинаковое съ Парижемъ лѣто. Сухость климата и чистота воздуха—главныя отличительныя черты климата Канады. Но сухость воздуха лѣтомъ никогда не бываетъ такою, чтобы вредить здоровью и обусловливать болѣзни. Хотя температура въ іюнѣ и іюлѣ одинакова съ температурой Аравіи въ тѣ же мѣсяцы, тѣмъ не менѣе сухой, пыльный неподвижный воздухъ аравійскихъ пустынь замѣненъ здѣсь жаркою, но чистою атмосферой, вѣчно колеблемой вѣтромъ, дующимъ съ горъ или съ моря и никогда не дающимъ воздуху застаиваться

въ долинахъ или въ улицахъ города. Климатъ вездѣ ровенъ, и нѣсколько географическихъ градусовъ протяженія въ Канадѣ образуетъ менѣе разницы въ температурѣ и флорѣ, нежели столько же миль въ Великобританіи. Пятимѣсячная зима съ саннымъ путемъ, катаніемъ на конькахъ и желѣзною дорогою на льду рѣки чередуются съ лѣтнею температурой, при которой дозрѣваютъ виноградъ и знаменитыя яблоки. Средняя годовая температура одинакова въ Квебекѣ и въ Москвѣ. Уже теперь замѣтна перемѣна въ климатѣ Канады—истребленіе лѣсовъ сильно вліяетъ на распредѣленіе тепла, климатъ дѣлается ровнѣе и мягче. Чахотка—рѣдкость въ Канадѣ, госпитали стоятъ пустыми, умираютъ болѣе естественною смертью въ преклонныхъ годахъ или отъ несчастныхъ случаевъ и увѣчій.

Черезъ канадскія преріи.

(Алексѣева.)

4 мая мы мчались по равнинѣ, разстилающейся на тысячи миль въ сѣверо-западной Канадѣ. Естественной границы въ этой степи между Канадой и Соединенными Штатами нѣтъ: одна 48-я параллель образуетъ идеальную межу этихъ странъ. Характеръ почвы въ этой мѣстности очень разнообразенъ: здѣсь всѣ переходы отъ плодороднаго чернозема до солончаковъ; но провести границу не удалось, и нѣтъ горъ и рѣкъ, отдѣляющихъ колонію Англіи отъ Соединенныхъ Штатовъ. Природа въ штатахъ Дакота и Монтана совершенно одинакова съ природой въ провинціяхъ Манитоба и Ассинибоя. Пригорки, холмы, овраги и балки тутъ рѣдки,—все одна горизонтальная гладь, поверхность, подобная морской. Отъ Виннипега до подножья Скалистыхъ горъ растительность не поднимается выше травы и степного ковыля. Кромѣ станціонныхъ зданій, по нашему пути встрѣчались мѣстечки съ громкимъ названіемъ городовъ, но населенія собственно въ этой странѣ еще мало. Пока большая часть страны принадлежитъ еще дикому индѣйцу, степному звѣрю и птицѣ; бѣлокожій проложилъ только тропинку въ видѣ Канадской желѣзной дороги къ богатой, уже вѣками заселенной провинціи по ту сторону горъ, Британской Колумбіи, открытой еще голландскими мореплавателями, обогнувшими мысъ Горнъ. Все пространство въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, которое образуютъ преріи Сѣверной Америки, еще мало заселено, несмотря на огромный потокъ переселенцевъ, ежегодно направляющійся сюда. Индѣйцы, которые считаютъ себя собственниками этихъ земель, кочуютъ лишь тамъ, гдѣ можно найти пастбище и воду; значительная часть прерій исключительно принадлежитъ звѣрю и птицѣ. Нигдѣ не видно такого обилія животной жизни, такой

массы пернатыхъ, какъ въ этой области, которая съ перваго взгляда кажется мертвою полосой, занятой лишь царствомъ растительнымъ. Даже при бѣгломъ проѣздѣ въ вагонѣ замѣтна жизнь степи и особенный характеръ ея обитателей: здѣсь все привольно и свободно, жизнь звѣря и птицы напоминаетъ первобытныя времена. Мирное сожительство человѣка съ остальными тварями поражаетъ того, кто въ первый разъ видитъ преріи, кто изъ тѣсныхъ, шумныхъ центровъ цивилизаціи очутился въ лонѣ настоящей природы. Дикіе звѣри и птицы такъ еще дики, что ихъ ничто не пугаетъ. Поѣздъ долженъ близко подъѣхать къ стаѣ гусей, чтобы поднять ихъ; на берегу озеръ утки вспархиваютъ какъ будто изъ-подъ рельсовъ; стада антилопъ-вилороговъ останавливаются въ такомъ разстояніи, что легко можно разглядѣть ихъ граціозныя формы. «Луговыя собачки» — степные грызуны въ родѣ нашего сурка или суслика—сидятъ на заднихъ лапкахъ у шпалъ и ѣдятъ хлѣбъ, брошенный имъ пассажирами; орлы летаютъ за поѣздомъ, а совы садятся на крышу вагона. Въ степи, кромѣ уживчивости звѣрей, поражаетъ еще количество ея обитателей: стаи гусей, сидящихъ по берегамъ озеръ, бѣлѣютъ, какъ широкая полоса снѣга, на цѣлыя версты; въ камышахъ утки чирикаютъ густыми стаями и, поднимаясь длинною вереницей, тянутся до самаго горизонта. Поразительны по количеству были и слѣды—остатки исчезнувшаго владѣтеля прерій—бизона. Вездѣ до самыхъ горъ, исключая сухихъ, солончаковыхъ мѣстъ, по всѣмъ направленіямъ тянутся тропинки, вытоптанныя стадами бизоновъ, которые, мѣняя пастбища или ища прѣсной воды, по цѣлымъ сотнямъ миль тянулись другъ за другомъ по степному приволью. Узкіе, извилистые, глубокіе слѣды, теперь уже заросшіе травою, всегда тянулись по прямому направленію. Слѣдя за ними, навѣрное можно достигнуть мѣстности, гдѣ есть свѣжая прѣсная вода, годная для водопоя стада въ нѣсколько сотъ головъ. Не однѣ эти дорожки вызываютъ воспоминанія о царяхъ степи—огромныхъ, тяжелыхъ, мохнатыхъ бизонахъ, десятками тысячъ пасшихся здѣсь еще такъ недавно. Круглыя, чрезвычайно правильной формы, ямы на пригоркахъ вырыты рогами быковъ, которые точили свое орудіе защиты, ставъ на колѣни и вертя мохнатою головой. Третій памятникъ—кости бизоновъ, бѣлѣющія повсюду въ преріяхъ. Шакалы и степные волки не растаскиваютъ падали; часто цѣлый скелетъ бизона блеститъ на солнцѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ было единоборство или гдѣ раненый или больной бизонъ былъ заколотъ членами своего же стада. По словамъ индѣйцевъ и охотниковъ, бизоны не умирали естественною смертью, а всегда получали конецъ отъ другихъ бизоновъ, проходившихъ мимо больного или раненаго и по очереди наносившихъ ударъ рогами тому, жизнь котораго не могла быть уже наслажденіемъ послѣ развившейся болѣзни или нанесенной раны. Очевидцы разсказы-

вали мнѣ, что еще лѣтъ тридцать тому назадъ преріи черпѣли на цѣлыя мили отъ густыхъ стадъ бизоновъ; во время постройки дороги поѣзда останавливались, когда плотно сомкнутое стадо бизоновъ переходило черезъ полотно желѣзной дороги. Въ настоящее время на сотни миль на югъ и на сѣверъ отъ желѣзной дороги бизоны поголовно истреблены,—лишь немногія отдѣльныя, одинокія семейства ихъ встрѣчаются на сѣверъ по рѣкѣ Соскачеванъ. Что является причиной истребленія полезнаго мирнаго животнаго? Удаль, ухарство и страсть къ наживѣ. Во время не-

Бизоны.

давняго возстанія индѣйцевъ провіантъ, доставляемый войскамъ, состоялъ преимущественно изъ бизоноваго мяса. Шкуры (особенно коровьи) цѣнились очень дорого и привлекали множество охотниковъ за бизонами изъ Соединенныхъ Штатовъ. Эти удальцы, заѣхавъ въ середину стада бизоновъ, производили бойню, стрѣляя вокругъ себя изъ магазинныхъ ружей. Теперь забава кончилась, все истреблено. Вмѣстѣ съ украшеніемъ прерій—бизоновыми стадами—исчезла и пища индѣйцевъ. За бизонами послѣдовали индѣйцы, племена ихъ вымираютъ отъ голода. Гдѣ бизонъ, тамъ былъ навѣрно и краснокожій. Янки обезлюдили степь, и правительство Канады теперь спохватилось и запретило охоту за бизо-

нами, подобно тому какъ у насъ запрещена охота за зубрами въ Бѣловѣжской пущѣ.

Стада бизоновъ доставляли индѣйцамъ и одежду.

Если намъ и не пришлось увидать бизоновъ, то по крайней мѣрѣ мы видѣли настоящихъ индѣйцевъ, перекочевывавшихъ съ одного пастбища на другое, слѣдуя по тропинкѣ, протоптанной бизонами. Ихъ было человѣкъ двадцать пять, всѣ верхомъ. Впереди ѣхали мужчины, за ними женщины съ дѣтьми за спиною; обозъ состоялъ изъ вьючныхъ лошадей съ предлинными шестами для разбивки палатокъ. Всѣ были съ непокрытыми головами, и хотя солнце сильно пекло, одни красные платки, въ видѣ повязки, защищали лобъ и виски.

Огромныя стаи птицъ, миріады луговыхъ собачекъ, выглядывавшихъ изъ норокъ, стада антилопъ-вилороговъ, бизоны (слѣды и черепа ихъ, бѣлѣвшіе на солнцѣ), два-три шалаша-палатки кочевниковъ—было все, что мы въ теченіе трехъ дней видѣли въ преріяхъ, кромѣ неба и зеленѣющей равнины. Погода все время стояла ясная; чистый воздухъ дозволялъ разглядѣть даль. Горизонтъ представлялся чистымъ и рѣзко очерченнымъ. Миража намъ не пришлось видѣть—это явленіе бываетъ здѣсь въ іюлѣ и августѣ, когда воздухъ еще суше и прозрачнѣе. Вѣтеръ все время былъ силенъ и въ солончаковыхъ мѣстностяхъ горой наносилъ мелкій песокъ на рельсы; мѣстами построены были заборы, какъ зимой отъ снѣговыхъ заносовъ.

Нигдѣ со времени выѣзда изъ родины, казалось мнѣ, я такъ не чувствовалъ себя дома и у себя, какъ здѣсь. Всѣ поражающія красоты и грандіозныя сцены Ніагары и Скалистыхъ горъ, всѣ великолѣпные виды по рѣкѣ св. Лаврентія и Аллеганскихъ горъ были для меня интересны по новизнѣ и силѣ впечатлѣнія, всего же глубже тронули меня преріи, какъ мѣсто, напоминающее широкое раздолье нашихъ родныхъ равнинъ.

За Виннипегомъ вокругъ близлежащихъ станцій видны еще кое-какія поселенія, но фермы всѣ были безъ загородокъ; дороги хотя и прямолинейны, но не окопаны и грунтовыя; всѣ строенія деревянныя и большею частью некрашеныя. Ни черепицы, ни аспидныхъ досокъ, ни желѣза болѣе не встрѣчалось,—все крыто было гонтомъ, тесомъ или соломой. Около станціонныхъ зданій тѣснился обыкновенно рядъ магазиновъ и лавокъ, въ которыхъ торговали преимущественно земледѣльческими орудіями. Сѣнокосилки, жнеи и плуги стояли десятками вокругъ этихъ зданій и напоминали наши телѣги и колеса на ярмаркахъ. Особый видъ лавокъ посвященъ сухимъ товарамъ, то-есть всему, что относится къ одеждѣ: готовые костюмы, обувь, бѣлье, матеріи и галантерейные товары. Далѣе — мѣста торговли въ родѣ нашихъ колоніальныхъ лавокъ, то-есть все относящееся до ѣды: здѣсь въ большомъ

ходу консервы въ жестянкахъ, очень удобный по здѣшнему мѣсту, незамѣнимый способъ сохраненія мяса, зелени и овощей. Далѣе—кабаки. Въ мѣстахъ, только что нарождающихся и обстраивающихся, такихъ спеціальныхъ магазиновъ и лавокъ нѣтъ, а встрѣчаемъ только «универсальные магазины» — мѣсто, гдѣ переселенецъ можетъ найти все, что нужно для перваго обзаведенія хозяйствомъ, все, во что одѣться и чѣмъ прожить до первой жатвы. Кромѣ магазиновъ и складовъ, въ каждомъ селеніи—церкви и школы. Школа на станціи Александра по постройкѣ—примѣръ американской простоты. Вокругъ нея ни садика, ни лавочки, ни забора. Самое зданіе—деревянный, безъ всякихъ украшеній, некрашеный ящикъ, съ двумя окнами и дверью. Мы проѣзжали въ третьемъ часу, и изъ этого домика высыпала огромная толпа мальчиковъ и дѣвочекъ. Станціонныя зданія далѣе на западъ стоятъ совершенно одинокими,—вокругъ ихъ положительно ничего нѣтъ: голая, плоская равнина, трава или песокъ. Всѣ попытки развести цвѣтники, посадить деревья очевидно не удаются; около нѣкоторыхъ станцій колодецъ и водопой для скота, но дальше на западъ и этого нѣтъ. Провизія, между прочимъ молоко и ледъ, привозится желѣзнодорожнымъ служителямъ поѣздами, и все продовольствіе доставляется сюда подобно тому, какъ на острова. Зато одна изъ степныхъ станцій пользуется удобствомъ, которому позавидовалъ бы иной важный городъ: рядомъ со станціоннымъ домомъ изъ земли возвышается чугунная трубка, по которой течетъ натуральный газъ. Это на станціи Трайлей, около которой почва богата залежами каменнаго угля. Антрацитъ и жирный уголь лежатъ чуть не на поверхности земли, но богатства освѣтительнаго матеріала и топлива пропадаютъ даромъ. Мѣстность здѣсь—настоящая пустыня; сухость климата, отсутствіе пастбищъ и хлѣбородной почвы сдѣлали эту часть прерій необитаемымъ островомъ посреди моря роскошныхъ, зеленѣющихъ пастбищъ. Эта область вполнѣ еще принадлежитъ дикарямъ. Они встрѣчаютъ поѣзда, и на каждой изъ поименованныхъ станцій можно было встрѣтить съ десятокъ этихъ дѣтей природы. Настоящіе индѣйцы съ темно-бронзовымъ цвѣтомъ кожи, рѣзкими чертами лица и длинными волосами, заплетенными въ мелкія косички на вискахъ, рѣзко отличаются отъ метисовъ—полуиндѣйцевъ, полуканадцевъ. Мужчины высокаго роста, идеально сложены и напоминаютъ классическія статуи древности. Молодые индѣйцы, драпируясь въ свои разноцвѣтныя байковыя одѣяла, принимаютъ живописныя позы; взглядъ ихъ проницателенъ, но всегда невозмутимо спокоенъ. Костюмъ ихъ испещренъ шитьемъ изъ бисера и яркими отдѣлками изъ разноцвѣтной кожи. Головной уборъ ихъ состоитъ изъ перьевъ и красныхъ бумажныхъ платковъ, обвязанныхъ вокругъ лба и затылка; защиты отъ солнца или дождя голова ихъ не имѣетъ, и при привѣтствіи имъ нечего снимать съ

головы. Они продавали полированные бизоновые рога, понимали очень плохо по-англійски и вступали въ разговоръ знаками съ пассажирами, предварительно сдѣлавъ рукопожатіе. Индѣянки съ дѣтьми за спиною всѣ были малорослы, растрепаны и грязны. Онѣ больше прятались отъ взоровъ блѣднокожихъ и тайкомъ просили милостыню.

Всѣ видѣнные мною индѣйцы спускались на четверенькахъ со ступеней платформы на землю. Меня поразила такая осторожность и неловкость этихъ атлетически сложенныхъ, воинственныхъ дикарей. Одинъ изъ ѣхавшихъ съ нами, хорошо знакомый съ обычаями дикарей, которыхъ онъ снабжаетъ товаромъ изъ своего склада въ Виннипегѣ, сообщилъ мнѣ, что индѣйцы, какъ обитатели плоской степной мѣстности, инстинктивно боятся всего, что не гладко, что возвышается или подымается, что у нихъ врожденный страхъ предъ горой или лѣстницей. Индѣйца нельзя убѣдить войти во второй этажъ. Ему, столь богато одаренному природой въ физическомъ отношеніи, столь ловкому и удалому, кажется ужаснымъ спуститься съ пяти, шести ступеней платформы.

Ближе къ горамъ на станціяхъ стали попадаться «ковбои», погонщики скота, гуртовщики и пастухи. Скотоводство на восточныхъ склонахъ Скалистыхъ горъ занимаетъ все пространство отъ Мексики до Атабаски. Ковбои большею частью выходцы изъ Штатовъ. Полудикіе по образу жизни, они ведутъ удалую жизнь среди обширныхъ незаселенныхъ пространствъ и отличаются необузданнымъ характеромъ и ухарствомъ. Это отборный народъ; никто съ физическими недостатками или слабымъ сложеніемъ не въ состояніи выдержать подобный образъ жизни. На желѣзнодорожныхъ платформахъ они выдѣлялись отъ остальной толпы своимъ живописнымъ кожанымъ сыромятнымъ необозримой ширины костюмомъ и широкополыми пояркovыми мексиканскими шляпами. На зеленѣющей равнинѣ около одной изъ станцій группа «ковбоевъ», стоявшихъ около своихъ лошадей, при закатѣ солнца представляла своими позами и живописнымъ костюмомъ картину, достойную кисти художника.

По Британской Колумбіи.

(Алексѣева.)

5 мая мы проснулись среди горъ. Преріи вдругъ прекращаются, и горы вырастаютъ съ обѣихъ сторонъ желѣзнодорожнаго полотна. Холмовъ и предгорій вовсе нѣтъ. Это объясняется тѣмъ, что равнина подымается незамѣтно, но постоянно, начиная отъ самой Манитобы. Вся эта провинція лежитъ высоко надъ уровнемъ моря и представляетъ наклонную плоскость скатомъ къ востоку. Возвышенное положеніе этой части дальняго запада объясняетъ, почему пастбища здѣсь такъ роскошны и подобны альпійскимъ. Здѣсь мѣсто скотоводства. Здѣсь па-

сутся стада въ тысячи головъ; эта мѣстность составляетъ продолженіе той богатой скотоводствомъ страны, которою гордятся Соединенные Штаты. Весь здѣшній скотъ пригоняется съ юга, преимущественно изъ Техаса. Пастбища здѣсь жирнѣе и водопой обильнѣе, нежели въ болѣе южныхъ штатахъ. Хотя скотоводство здѣсь только что заводится, владѣтели обширныхъ здѣшнихъ степей считаются обезпеченными богачами. Цѣнность владѣній въ провинціи Альберта растетъ быстро, и капиталы, затраченные на покупку земель въ здѣшнихъ мѣстностяхъ, считаются лучше обезпеченными, нежели суммы, на которыя куплены самыя солидныя акціи. Все здѣшнее населеніе состоитъ изъ однихъ ковбоевъ, ихъ хозяевъ и немногихъ торговцевъ и крайне малочисленно; нѣтъ ни хлѣбопашества, ни садоводства, ни даже попытки завести ремесленное или фабричное производство. Все тутъ ввезено, а вывозится одно — скотъ.

Сѣверо американскіе Кордильеры, какъ извѣстно, состоятъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ пересѣкаетъ желѣзная дорога, изъ трехъ горныхъ цѣпей: Скалистыя, Селькиркъ и Каскадныя. Между первою и второю цѣпью лежитъ обширная плоская возвышенность, страдающая бездождіемъ и сравнительно бѣдная растительностью.

Изъ прерій мы въѣхали въ горы, слѣдуя за рѣкою Боу-Риверъ, но противъ ея теченія. Извиваясь и круто поворачиваясь въ обѣ стороны, долина этой рѣки довела надъ до средины первой цѣпи горъ; мы незамѣтно поднялись на четыре тысячи футовъ отъ уровня моря. Тутъ послѣ долгаго путешествія по степи пріятно было встрѣтить зелень деревьевъ. Изъ оконъ вагона мы любовались растительностью, которая дѣлалась все роскошнѣе. Сперва росли одни корявые, суковатые дубы, буки и осины; затѣмъ пошли хвойныя породы — сосна и ель; стволы ихъ были прямы, ровны, но они не достигали крупныхъ размѣровъ. Чѣмъ дальше и выше мы поднимались въ горы, тѣмъ хвойныя породы становились численно обильнѣе, пока не вытѣснили всѣхъ лиственныхъ породъ. Въ Скалистыхъ горахъ, особенно на восточныхъ ихъ склонахъ, замѣчательна особая канадская сосна — дерево, не достигающее крупныхъ размѣровъ; она замѣчательна тѣмъ, что даетъ канадскій бальзамъ. Изъ коры безъ надрѣзовъ смола течетъ въ видѣ крупныхъ прозрачныхъ слѣпковъ. Древесина лимонно-желтаго цвѣта и сильно смолистаго запаха.

Первая гора, которая попалась намъ, возвышается на десять тысячъ футовъ (почти 3 версты) надъ уровнемъ моря; на сѣверо-западъ отъ насъ подымалась ея верхушка.

Первый перевалъ пришелся ночью, и мы не видѣли замѣчательнаго озера съ двумя истоками: однимъ чрезъ рѣку Колумбію въ Тихій океанъ и другимъ черезъ Боу-Риверъ въ Гудзоновъ заливъ и Атлантическій

океанъ. Стремительно спускаясь, мы впервые поражены были чуднымъ зрѣлищемъ дикаго каньона. Это узкая трещина среди скалъ, поднимающихся отвѣсно въ видѣ стѣнъ надъ шумящею горною рѣчкой; вершина этихъ стѣнъ покрыта блестящими снѣгами и прозрачными ледниками; хвойный лѣсъ покрываетъ скалы; гдѣ очень круто, тамъ отдѣльныя ели гнѣздятся на уступахъ, пуская корни въ трещины слоистыхъ скалъ. Мы проѣзжали эту тѣснину на разсвѣтѣ; вершины блистали и искрились въ то время, какъ вокругъ насъ въ глубинѣ царила сѣрая мгла.

Около станціи Стефенъ мы достигли самой высшей точки всей линіи, десять тысячъ восемьсотъ футовъ (свыше 3-хъ верстъ) надъ уровнемъ моря. Здѣсь поѣздъ спускался заторможеннымъ съ двумя локомотивами, работавшими въ направленіи, противоположномъ направленію слѣдованія поѣзда. Кромѣ того, часто встрѣчались стрѣлки съ запасными путями, на которые, въ случаѣ сильнаго раската, поѣзда могли бы выѣхать и остановиться сами собой. На запасныхъ путяхъ наклонъ былъ противоположенъ наклону главнаго пути. При нашемъ проѣздѣ это сворачиваніе случилось только однажды. Мы почувствовали, какъ мы моментально остановились и тотчасъ же при свисткахъ обоихъ локомотивовъ стали двигаться обратно, а затѣмъ опять внизъ. Этотъ спускъ тянется на нѣсколько миль, и наклонъ достигаетъ отъ 150 до 200 футовъ на милю.

Далѣе потянулась узкая долина одного изъ притоковъ Колумбіи; мѣстами мы ѣхали по узкимъ ущельямъ, гдѣ скалистыя стѣны, подымающіяся до облаковъ, затемняли дневной свѣтъ, мѣстами—по обрывамъ, гдѣ шумѣли рѣчки, перепрыгивая съ камня на камень, тѣснясь въ узкомъ руслѣ, которое мы то и дѣло переѣзжали по деревяннымъ мостамъ. Лѣса здѣсь были гуще, деревья крупнѣе и выше, нежели при въѣздѣ въ горы. Могучіе мачтовые стволы амфитеатромъ подымались по крутымъ склонамъ горъ и темною зеленью покрывали сѣрыя скалы. Надъ облаками блистали ледники, и узкія долины между вершинами сверкали снѣгомъ. Болѣе рѣзкаго контраста нельзя себѣ вообразить: вчера—ширь, гладь, солончаки, сухой жгучій воздухъ; сегодня—скалистыя стѣны, глубокія ущелья, отсутствіе видимаго горизонта, снѣга, ледники и обиліе воды и сырости.

Вскорѣ мы достигли рѣки Колумбіи. Здѣсь намъ встрѣтилось нѣсколько хижинъ золотоискателей. Все тутъ дико и непривѣтливо, начиная съ горъ, окаймляющихъ горизонтъ, лѣсовъ, большею частью горѣлыхъ, скалистой почвы, еле сколоченныхъ дощатыхъ жилищъ и кончая суровыми, страстными лицами публики, стоявшей на платформѣ. Здѣсь только начало мѣстности, богатой минеральными сокровищами. Далѣе, въ глубь горъ и по ту сторону горъ, на прибрежьѣ Тихаго океана—главное мѣстопребываніе золотоискателей.

Рѣка Колумбія стала теперь нашимъ проводникомъ въ горы.

Гора „Три сестры“ въ Канадѣ.

Горные потоки, которые намъ пришлось переѣзжать, всѣ живописны; самый замѣчательный изъ нихъ Стоней-Крикъ, черезъ который перекинутъ величайшій деревянный мостъ въ мірѣ. Съ этого моста вода въ пропасти кажется серебряною ниткой; высокія ели чуть видиѣются и кажутся черными точками въ глуби подъ мостомъ. Поѣздъ проходитъ мостъ самымъ тихимъ ходомъ по дрожащей и колыхающейся деревянной настилкѣ. Мостъ—25 саженъ вышины и 86 саж. длины.

За вторымъ переваломъ, въ горахъ Селькирка, начинается мѣстность, гдѣ обвалы и скалы рыхлой почвы встрѣчаются часто и круглый годъ дѣлаютъ путешествіе опаснымъ. Еще дальше и выше начинается область снѣговыхъ заносовъ и обваловъ. Горы здѣсь круче и обвалы встрѣчаются чаще, нежели въ Скалистыхъ горахъ. Лавина, отдѣлившись отъ ледника, катится по крутому наклону, все ускоряя свое стремительное движеніе и унося съ собою все, что встрѣчается на пути слѣдованія. Поражающее явленіе представляетъ путь такой лавины,—все истреблено, все уничтожено на пути, гдѣ прокатилась громадина, на нѣсколько сотъ футовъ глубины. Намъ не пришлось видѣть паденіе лавины; но и слѣды хода ея производятъ подавляющее впечатлѣніе, поражающее своимъ грознымъ характеромъ. Лѣса, состоящіе здѣсь изъ толстыхъ вѣковыхъ елей и сосенъ, сбриты; скалы сворочены, и весь скатъ горы выровненъ и сглаженъ. Деревья превращены въ щепки, или низко сломаны, растерзаны; слѣдовъ растительности не оставлено, все гладко, и все—скалы, деревья, глина и кусты и т. д.—перемѣщено, смято, замѣшано въ одну общую массу и лежитъ внизу, запружая рѣки и заполняя долины. Лавина начинается у ледника узкою полосой и все расширяется, смотря по количеству снѣга, скалъ и препятствій въ своемъ ходѣ. Въ одной изъ узкихъ долинъ мнѣ показали мѣсто, гдѣ весной текущаго года шестнадцать рабочихъ стояли на рельсахъ и наблюдали за паденіемъ лавины, образовавшейся на противоположномъ склонѣ горы. Долина однако была такъ узка и паденіе лавины такъ стремительно, что снѣговая масса, достигнувъ дна долины, завернула кверху и поднялась по склону горы, гдѣ стояли рабочіе. При расчисткѣ пути на слѣдующее утро изъ снѣга вырыто было шестнадцать труповъ. Для защиты пути отъ падающихъ лавинъ здѣсь также устроены снѣговыя галлереи.

Около пика Сидикатъ, вершина котораго доходитъ до одиннадцати тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, мы были около самой высшей точки. Здѣсь мы достигли области вѣчныхъ снѣговъ. Воздухъ былъ рѣдокъ, холоденъ, но сухъ. Все вокругъ насъ покрыто было глубокими сугробами. Мы проѣзжали черезъ заносы, гдѣ снѣгъ въ видѣ стѣнъ возвышался выше вагона. Небо нахмурилось, и пошелъ густой снѣгъ рыхлыми хлопьями. Вскорѣ между облаками показался клочокъ синевы, и намъ представилась чудная картина: стѣны изъ снѣга, темное небо,

падающіе хлопья снѣга и надъ этими ярко блистающія вершины горъ, покрытыя ледниками, которые рѣзко отдѣлялись на чистой лазури. Когда снѣгъ пересталъ идти, облака спустились въ долины, и мы ѣхали въ чистой атмосферѣ, въ то время какъ подъ нами шелъ снѣгъ.

Вскорѣ мы стали спускаться; весь поѣздъ былъ заторможенъ. Одинъ громадный локомотивъ, работавшій въ направленіи, противоположномъ направленію слѣдованія поѣзда, спускалъ насъ медленно и осторожно. Скатъ такъ крутъ, что полотно пришлось провести въ видѣ заворотовъ и петель. Въ одномъ мѣстѣ нѣсколько десятковъ футовъ отдѣляютъ два полотна дороги, изъ которыхъ одно на двѣсти футовъ выше другого. Шесть параллельныхъ линій видны сразу, каждая выше или ниже сосѣдней; всѣ онѣ переплетаются и извиваются, соединяя двѣ точки пути, столь далеко отстоящія другъ отъ друга въ вертикальномъ направленіи. До слѣдующей станціи мы рѣку Колумбію пересѣкли на деревянныхъ мостахъ тринадцать разъ.

Послѣдній, третій, перевалъ не столь высокъ, какъ предыдущіе. Онъ названъ «Орлинымъ», потому что инженеры, доведя свои изысканія до этой точки, затруднились въ дальнѣйшемъ направленіи пути. Они увидали орла и, послѣдовавъ лету его черезъ горы, нашли проходъ среди скалъ.

Около этого мѣста климатъ измѣнился; мы стали чувствовать, что перевалили черезъ горы. Стало теплѣе и сырѣе; растительность стала роскошнѣе, и попадались лиственныя породы; мѣстами показались цвѣты. Мы были уже въ провинціи Британской Колумбіи, въ странѣ, славящейся природными богатствами и бѣдной населеніемъ. Мы ѣхали вдоль теченія рѣки Фрезеръ, вдоль которой путь нашъ тянулся на нѣсколько сотъ миль. Фрезеръ—главная рѣка провинціи и важнѣе въ экономическомъ отношеніи всѣхъ остальныхъ рѣкъ прибрежья Тихаго океана.

7 мая негръ разбудилъ насъ въ шесть часовъ, и дѣйствительно стоило встать раньше, чтобы не пропустить живописныхъ береговъ рѣки Фрезера. Здѣсь мы восхищались такими красотами природы, которыя поражаютъ своею живописностью и грандіозностью самыхъ избалованныхъ путешественниковъ, пресыщенныхъ видами Италіи и Швейцаріи и сценами горныхъ цѣпей Андъ и Гималаевъ. До города Вале—пустыня; въ горахъ не встрѣчается даже здѣшнихъ туземцевъ, индѣйцевъ. Природа здѣсь такъ дика и негостепріимна, что не даетъ пристанища человѣку, несмотря на минеральныя и растительныя богатства. Горы полны драгоцѣнными металлами, рѣчные пески изобилуютъ золотыми розсыпями, всѣ скаты горъ до снѣговой линіи покрыты самыми цѣнными древесными породами. Красный кедръ и величественныя сосны достигаютъ гигантскихъ размѣровъ, одинакихъ съ размѣрами знаменитыхъ богатырей калифорнскихъ лѣсовъ. Но въ Британской Колумбіи нѣтъ и

клочка земли для вспашки и для разведенія сада: долинъ нѣтъ, все одни ущелья и трещины среди горъ.

Мы ѣхали по правому берегу рѣки, карабкаясь по тропинкѣ, высѣченной въ крутомъ берегу. Надъ нами и подъ нами на нѣсколько сотъ футовъ крутой берегъ образовывалъ стѣну дикаго слоистаго камня. Русло Фрезера очень неравномѣрно: оно то расширяется, образуя озеро съ водоворотами среди высокихъ скалъ, то сжимается въ узкій потокъ, чрезъ который можно перепрыгнуть. Въ одномъ изъ этихъ узкихъ мѣстъ скалы такъ тѣснятъ рѣку, что вода въ половодье подымается на семьдесять футовъ выше обыкновеннаго средняго уровня. Фрезеръ съ самаго истока мутенъ. Во время нашего проѣзда вода стала уже прибывать въ немъ; самый же разливъ и половодье, какъ и у всѣхъ здѣшнихъ рѣкъ, бываетъ въ іюлѣ. Гдѣ теченіе не столь быстро, по песчанымъ берегамъ, на косахъ и островахъ китайцы промывали золото. По словамъ знакомыхъ съ здѣшнею мѣстностью, они, работая не разгибая спины весь день, среднимъ числомъ вымываютъ золота доллара на два въ сутки.

Погода благопріятствовала намъ: вчерашнія снѣговыя тучи разсѣялись; солнце заблистало съ утра; облака клочками носились по темной синевѣ, по временамъ зацѣпляясь за снѣговыя вершины и повиснувъ на острыхъ шпиляхъ сѣрыхъ скалъ и прозрачныхъ ледниковъ. При поворотахъ панорама была всего болѣе восхитительна: внизу бушующая рѣка, окаймленная густою, свѣжею зеленью; выше скалы покрыты густою зеленью хвойнаго лѣса; еще выше рѣдкій ельникъ, доходящій до самой снѣговой линіи, и надъ всѣмъ этимъ снѣга и прозрачные зеленоватые ледники. Глазъ не могъ остановиться на одной точкѣ: все было восхитительно и живописно въ своемъ разнообразіи. Лѣвый противоположный берегъ рѣдко освѣщался утреннимъ солнцемъ; онъ представлялъ темную массу съ блестящею серебряною каймой снѣговыхъ вершинъ, рѣзко отдѣлявшихся отъ синевы неба. На немъ можно было наблюдать различныя полосы растительности, видѣть, какъ хвойныя породы вытѣсняютъ лиственныя, пока подъ снѣгомъ не царствуютъ однѣ низкія приземистыя сосны и тощія ели среди мховъ и лишаевъ. По лѣвому берегу тянулось шоссе, построенное лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ правительствомъ Канады. Оно тянется отъ города Вале, куда по рѣкѣ Фрезеръ изъ Тихаго океана доходятъ пароходы, до золотопромышленной области Корибу, лежащей на нѣсколько сотъ миль глубже въ горахъ. Это—естественное шоссе, такъ какъ насыпей и балласта почти нигдѣ на немъ нѣтъ по причинѣ каменистаго и скалистаго грунта на всемъ его протяженіи. До постройки желѣзной дороги по этому шоссе тянулись фургоны, запряженные двѣнадцатью парами воловъ; они взбирались на горы и въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ втаскивали провіантъ и продовольствіе рудокопамъ и привозили обратно транспортъ золота.

Цѣлое утро мы любовались живописными берегами Фрезера. Ниже города полотно желѣзной дороги ближе подходитъ къ уровню рѣки, и долина расширяется; попадается кое-какое населеніе, пока еще самое примитивное,—индѣйцы, которые здѣсь зовутся общимъ именемъ sauvage (произносится по мѣстному «сейвачъ»). Названіе это французское и примѣнимо ко всѣмъ дикарямъ. Оно дано первыми просвѣтителями этого края, миссіонерами іезуитами, которые ранѣе другихъ блѣднокожихъ проникли сюда. Низкій ростъ, широкія скулы, глазныя щели, сходящіяся подъ угломъ на широкой переносицѣ, отсутствіе бороды и пло-

Вигвамъ канадскихъ индѣйцевъ.

скіе мягкіе волосы сближаютъ видѣнныхъ нами здѣшнихъ индѣйцевъ съ инородцами Сибири и рѣзко отличаютъ ихъ отъ индѣйцевъ преріи; высокорослыхъ, горбоносыхъ воиновъ, владѣтелей равнинъ по ту сторону Скалистыхъ горъ. Здѣшніе индѣйцы исключительно живутъ рыболовствомъ, лишь немногія племена ихъ занимаются охотой въ горахъ. Они немногочисленны, и количество ихъ точно не опредѣлено; они живутъ по всей провинціи какъ у себя, на собственной землѣ, и компанія желѣзной дороги, проводя линію, платила имъ деньги за землю. Всѣ индѣйскія племена здѣсь считаются мирными и трудолюбивыми жите-

лями и въ будущемъ образуютъ несомнѣнно мирныхъ, покойныхъ горожанъ. Рыбная ловля въ іюлѣ и августѣ составляетъ ихъ главный промыселъ, какъ источникъ пропитанія и какъ средство, доставляющее имъ товаръ для вывоза. Во всѣхъ рѣкахъ, особенно же въ Фрезерѣ, во-

Рубка лѣса.

дится лосось. Эта рыба сушится на солнцѣ, коптится въ особыхъ для того возведенныхъ зданіяхъ и составляетъ предметъ первой важности во всей странѣ. Лосось для индѣйца—пища на круглый годъ: лѣтомъ въ сыромъ, зимой въ сушеномъ и копченомъ видѣ. Въ гостиницахъ и

частныхъ домахъ рѣдкая трапеза обходится безъ лосося. Мнѣ пришлось быть въ качествѣ врача въ жилищѣ одного индѣйца. Это было низкое дощатое (колотыя, не пиленыя доски) строеніе, довольно просторное и чистое внутри. Въ немъ обитало нѣсколько семей, во главѣ которыхъ стоялъ старшина племени. У этихъ индѣйцевъ — два рода старшинъ: одинъ—старшина племени, другой—церковный старшина, или староста (они всѣ католики и ревностные почитатели папы). Длинноволосый, безбородый, смуглый старикъ одѣтъ былъ совершенно по-европейски. Одна только обувь была характерна для индѣйца—онъ былъ въ мокасинахъ, родъ кожаныхъ мягкихъ башмаковъ, шитыхъ бисеромъ. Онъ сидѣлъ на полу, на циновкѣ, и вмѣстѣ съ внукомъ, очень похожимъ на нашихъ цыганъ, пилъ чай изъ блюдечка, закусывая лососиной. Посуда стояла у ногъ его на полу, и между сидѣвшими за трапезой лежала собака. Онъ не обнаружилъ удивленія или любопытства при нашемъ входѣ въ его жилище, молча смотрѣлъ на насъ, не двинувъ ни однимъ мускуломъ лица, и, сидя истуканомъ, рукой сдѣлалъ знакъ привѣтствія. Больной молодой парень, страдавшій послѣдствіями отмороженія ручныхъ и ножныхъ пальцевъ, лежалъ на нарахъ, въ углу. Странна была эта хижина: на стѣнѣ висѣли фотографическія карточки рядомъ съ рыболовными снастями дикарей; женщина стирала одежду рыбаковъ-индѣйцевъ англійскимъ мыломъ, полоская въ корытѣ американской конструкціи; широкоскулые индѣйцы сидѣли на корточкахъ на полу; англійская монахиня лѣчила католика; цивилизованные люди удивлялись всему, казались первыми и не въ своей тарелкѣ, а дикари покойно сидѣли, безучастно относились ко всему и молча наблюдали за блѣднокожими.

По берегу рѣки и около хижинъ въ родѣ той, въ которой мы были, вездѣ стояли шесты и жерди, сложенные въ видѣ подмостковъ для сушки рыбы. На соснахъ и еляхъ устроены были ящики для той же цѣли. По другимъ рѣкамъ далѣе въ глубь страны мы видѣли сушильни въ родѣ нашихъ ригъ или сараевъ, гораздо бо́льшія зданія, нежели тѣ, въ которыхъ живутъ индѣйцы. Доски въ этой дикой странѣ не пилятся изъ бревенъ, такъ какъ лѣсопиленъ очень мало, а добываются расколомъ легкоколкихъ стволовъ, наприм., кипариса, такъ что дома индѣйцевъ построены изъ той же породы деревьевъ, изъ которой дѣлаютъ наши карандаши или мебель. Богатство флоры здѣсь замѣчательно. Деревья, почти всѣ хвойныя, достигаютъ громадныхъ размѣровъ, всегда прямы и стоятъ рѣдко другъ отъ друга; срубъ и очистка отъ пней одного акра стоитъ 100—150 фунтовъ стерлинговъ, т.-е. отъ тысячи до полуторы тысячи рублей. Всѣ лѣса здѣсь не моложе пятисотъ лѣтъ. Дугласова сосна и туйя преобладаютъ надъ другими. Корни такъ широко расходятся еще надъ землей отъ ствола, что ихъ рубятся на вы-

сотѣ сажени отъ почвы. Цѣны дереву здѣсь нѣтъ. Часто лѣса жгутъ, чтобы очистить клочокъ земли подъ пашню или садъ. Почва такъ сыра здѣсь, что горятъ одни стволы, оставляя громадные пни и корни, которые впослѣдствіи приходится взрывать порохомъ.

Двигаясь вдоль лѣваго берега рѣки Фрезеръ, мы къ полудню выѣхали изъ горъ и катились по довольно широкой долинѣ. Это была пріятная перемѣна послѣ 600 миль, которыя мы проѣхали среди скалъ, снѣговъ и узкихъ ущелій. Горы отступили отъ насъ на нѣсколько миль, мы видѣли ихъ снѣговыя вершины лишь на горизонтѣ. Растительность все дѣлалась роскошнѣе, зелень все гуще и болѣе блестящей; всѣ кусты уже распустились, изгороди изъ дикихъ розъ уже расцвѣли, сады съ плодовыми деревьями осыпались: они успѣли отцвѣсти и дали уже завязь. А три дня тому назадъ и на цѣлый географическій градусъ южнѣе теперешняго нашего положенія, на Верхнемъ озерѣ, мы дрожали отъ холода и не видали и зеленой травки. Этотъ переходъ, эта разница климата и растительности по обѣимъ сторонамъ Скалистыхъ горъ обусловливается исключительно распредѣленіемъ суши и воды и морскимъ теченіемъ. Отлогій скатъ на востокъ вплоть до восточной Канады имѣетъ континентальный сухой климатъ съ жаркимъ лѣтомъ, засухами и холодную зиму съ трескучими морозами. Это обусловливается массой материка Сѣверной Америки и холоднымъ морскимъ теченіемъ изъ Сѣвернаго Ледовитаго океана внизъ, вдоль Ньюфаундленда, мимо восточныхъ береговъ Канады. Западный, болѣе короткій и крутой скатъ Скалистыхъ горъ имѣетъ противоположный климатъ: сырой, мягкій, парной. Лѣто влажное, зима малоснѣжная, гнилая; продолжительныя весна и осень. Этотъ морской климатъ обусловливается Японскимъ теченіемъ, поднимающимся къ Берингову проливу и спускающимся оттуда внизъ вдоль всего американскаго прибрежья до Мексики. Теченіе это приноситъ теплоту и влагу и есть причина роскошной растительности Колумбіи. Извѣстно, что нигдѣ въ умѣренномъ климатѣ растительность такъ не богата, какъ здѣсь.

Пашенъ вдоль пути нашего слѣдованія не было видно; попадались лишь одни сады и луга съ жирнымъ породистымъ скотомъ; заселеніе этой долины только что начинается и лишь самые отважные эмигранты добираются на этотъ крайній западъ. Немногіе прямо переселяются сюда изъ Стараго Свѣта, преимущественно изъ Шотландіи и Германіи. Большая часть здѣшнихъ поселенцевъ—выходцы изъ Манитобы и восточной Канады или потомки прежнихъ переселенцевъ.

Въ земляхъ Гудзонова залива.

(По Бахъ-Монреалю и Бредрову.)

Несмотря на неутомимыя изслѣдованія американскихъ и канадскихъ ученыхъ, на огромномъ сѣверо-американскомъ материкѣ существуютъ еще обширные совершенно не изслѣдованные участки, каждое путешествіе по которымъ обогащаетъ географическую науку новыми свѣдѣніями и даже открытіями. Эти участки лежатъ на территоріи Канады и Аляски, въ обширной озерной области, которая занимаетъ все пространство отъ Кордильеровъ Сѣверной Америки до береговъ Баффинова залива и залива Св. Лаврентія и отъ Ледовитаго океана до канадскихъ прерій и области Великихъ озеръ. Въ самую середину этой страны врѣзывается громадный Гудзоновъ заливъ, разрѣзая ее на двѣ части.

Нѣкогда эта страна была покрыта сплошнымъ ледниковымъ покровомъ, въ родѣ того, который и сейчасъ покрываетъ всю внутренность Гренландіи; подобный же покровъ одѣвалъ, какъ извѣстно, и всю сѣверную Европу—Скандинавію, Финляндію—и сѣверную часть Россіи и Германіи. Когда, съ измѣненіемъ климата, ледниковый покровъ растаялъ, въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, послѣ него осталось множество озеръ и болотъ, мѣстами буквально усѣивающихъ всю страну. Нѣкоторыя озера по своей величинѣ мало уступаютъ морямъ, напр.: Виннипегъ, Атабаска, Большое Невольничье.

Суровый, не по широтѣ холодный климатъ, короткое лѣто, изобиліе болотъ, озеръ и непроходимыхъ топей, громадные глухіе лѣса, безплодная почва и почти полное отсутствіе населенія дѣлаютъ страну эту одной изъ самыхъ недоступныхъ и трудно поддающихся изслѣдованію.

Одна изъ такихъ «глухихъ», совершенно не изслѣдованныхъ территорій лежитъ между Гудзоновымъ заливомъ и Большимъ Невольничьимъ озеромъ. Свѣдѣнія объ этой территоріи самыя неопредѣленныя, карты ея не существуетъ, и хотя для нѣкоторыхъ частей ея есть наброски карты, зато встрѣчаются участки длиной въ 400—500 километровъ, гдѣ врядъ ли нога «бѣлаго»—все равно будь это изслѣдователь или просто охотникъ—ступала болѣе двухъ разъ. Особенно не изслѣдована внутренняя часть страны, ближе къ Большому Невольничьему озеру.

Канадское правительство обратило вниманіе на эти безлюдныя земли и въ концѣ 90-хъ годовъ снарядило туда экспедицію подъ начальствомъ Гэбери. Онъ прошелъ весь путь отъ Гудзонова залива къ Невольничьему озеру, но его экспедиція не принесла почти никакихъ результатовъ, во-первыхъ потому, что, благодаря недостатку въ съѣстныхъ припасахъ, конецъ путешествія—именно самая интересная его часть—явился скорѣе бѣгствомъ отъ угрожающей голодовки, чѣмъ сознательной научной экскурсіей, а главное оттого, что экспедиція потеряла кораблe-

крушеніе, и вмѣстѣ съ судномъ погибли безвозвратно всѣ собранные за время путешествія чертежи и замѣтки.

Поэтому въ 1900 году канадскимъ правительствомъ была отправлена въ ту же область другая, гораздо лучше снаряженная, экспедиція подъ начальствомъ Дж. Тирреля, канадца, опытнаго изслѣдователя, совершившаго уже въ 1893 и 1894 годахъ большія путешествія по землямъ Гудзонова залива.

Чтобы со свѣжими силами исполнить самую трудную часть своей задачи, Тиррель рѣшилъ начать свое путешествіе отъ Невольничьяго озера.

Въ сѣверной Канадѣ весна начинается въ первыхъ числахъ іюня. Чтобы выступить съ береговъ Невольничьяго озера весной, экспедиція должна была въ теченіе зимы по южной желѣзной дорогѣ, а съ открытіемъ навигаціи—пароходомъ перебраться въ фортъ Рѣшенія,—торговый пунктъ на Невольничьемъ озерѣ, куда еще съ осени были отправлены пароходами необходимые припасы.

8 февраля 1900 года при 43-хградусномъ морозѣ экспедиція Тирреля, состоявшая изъ трехъ бѣлыхъ и пяти индѣйцевъ, прибыла въ городокъ Эдмонтонъ, крайній сѣверный пунктъ канадской желѣзнодорожной сѣти въ бассейнѣ рѣки Саскачевана. Онъ лежитъ у подошвы канадскихъ Скалистыхъ горъ и отстоитъ отъ Большого Невольничьяго озера приблизительно на 1000 километровъ. Почти вчетверо большее разстояніе отдѣляетъ Эдмонтонъ отъ Монреаля. Погода стояла такая неблагопріятная, что пришлось ждать цѣлую недѣлю, прежде чѣмъ стало возможно приступить къ дальнѣйшему путешествію; оно предполагалось частью пѣшкомъ, частью на собакахъ.

Выступивши изъ Эдмонтона, путешественники перешли черезъ невысокій водораздѣлъ, отдѣляющій бассейнъ Саскачевана отъ бассейна рѣки Атабаски; чтобы дойти до озера Атабаска нужно было около 600 километровъ идти по льду рѣки Атабаски. Стужа стояла страшная, и переходъ этотъ былъ очень тяжелъ; болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ и уходъ члены экспедиціи встрѣтили только въ фортахъ—торговыхъ складахъ Компаніи Гудзонова Залива; на остальномъ протяженіи пути имъ пришлось довольствоваться ночевкой въ спальныхъ мѣшкахъ и питаться пріобрѣтенными дорогой припасами. Вскорѣ сталъ давать себя чувствовать недостатокъ корма для животныхъ. Съ трудомъ удавалось покупать мороженую рыбу—зимнюю пищу кочующихъ здѣсь индѣйцевъ—да и ту въ недостаточномъ количествѣ; къ тому же цѣны на нее были баснословно высокія, весьма мало соотвѣтствующія тому громадному рыбному богатству, которое бываетъ здѣсь лѣтомъ. Счастливою случайностью явилась находка сначала дохлой лошади, потомъ дохлаго быка, замерзшее мясо которыхъ было можно оттаять для со-

бакъ. Послѣ четырехнедѣльнаго пути экспедиція прибыла въ фортъ Чиневайанъ, близъ озера Атабаска; здѣсь нашли желанный отдыхъ изголодавшіяся собаки и измученные морозами путешественники, которые къ тому же отъ ослѣпительнаго снѣга страдали глазными болѣзнями.

Для того, чтобы добраться только до исходнаго пункта своего путешествія, Тиррелю предстоялъ еще по крайней мѣрѣ такой же дальнѣйшій путь по льду Большой Невольничьей рѣки, соединяющей озера Атабаска и Большое Невольничье, и по льду послѣдняго озера. Слѣдовательно было нечего терять время. На озерѣ Атабаска наняли еще индѣйца и тронулись въ путь. Послѣ 10-дневнаго тяжелаго путешествія экспедиція достигла наконецъ форта Рѣшенія на Невольничьемъ озерѣ, гдѣ были сложены припасы для дальнѣйшаго пути; тамъ же для ихъ перевозки были куплены еще трое саней съ собаками.

По одну сторону форта Рѣшенія разстилается необозримая, восемь мѣсяцевъ въ году покрытая льдомъ поверхность Большого Невольничьяго озера; она простирается къ западу на 200 километровъ до того мѣста, гдѣ вытекаетъ изъ озера могучій Меккензи, катящій свои волны въ Ледовитый океанъ по малоизслѣдованной, покрытой лѣсами и снѣгомъ области. По другую сторону лежитъ восточная часть озера, причудливо изрѣзанная и извилистая; она тянется почти на 400 километровъ до устья быстрой рѣки Локкерта, представляющей стокъ для большой малоизвѣстной группы озеръ. Эта озерная группа, состоящая главнымъ образомъ изъ двухъ большихъ озеръ—Клинтонъ-Гольденъ и Артиллерійскаго, лежитъ значительно выше Большого Невольничьяго озера, и Локкертъ на своемъ пути образуетъ нѣсколько шумныхъ водопадовъ. За этой озерной группой тянется длинный безлѣсный водораздѣлъ, отдѣляющій бассейны Гудзонова и Баффинова заливовъ отъ бассейна Ледовитаго океана. По этому водораздѣлу и долженъ былъ идти Тиррель, чтобы найти болѣе или менѣе удобный переходъ отъ Невольничьяго озера къ Гудзонову заливу.

На восточномъ концѣ Невольничьяго озера уцѣлѣлъ старинный блокгаузъ, извѣстный теперь подъ именемъ форта Возсоединенія.

Тяжелаго труда стоило Тиррелю добраться сюда съ людьми и санями. На протяженіи почти 400 километровъ не было другого пути, кромѣ неровнаго и ненадежнаго льда Невольничьяго озера. По этой дорогѣ для полуголодныхъ собакъ грузъ былъ чрезвычайно тяжелъ, и экспедиція пришла въ фортъ Возсоединенія только 9-го мая. Незадолго передъ тѣмъ путешественники встрѣтили въ первый разъ свободную отъ льда воду—узкій восточный заливъ озера, въ который впадаетъ Локкертъ и при впаденіи разводитъ такое сильное теченіе, что эта часть озера едва замерзаетъ во время зимы. Въ виду того, что наступила

весна и стали открываться водные пути, собаки потеряли для экспедиціи всякую цѣнность и были отосланы обратно, въ фортъ Рѣшенія, а сами путешественники расположились въ фортѣ Возсоединенія лагеремъ на нѣсколько недѣль; Тиррелю надо было точно опредѣлить и нанести на карту восточный берегъ Невольничьяго озера. Артиллерійское озеро лежитъ на 200 метровъ выше Невольничьяго и поэтому Локкертъ состоитъ изъ ряда быстринъ и водопадовъ, что дѣлаетъ его недоступнымъ для челноковъ, которые представляютъ здѣсь единственный способъ передвиженія по водѣ. 8-го іюня путешественники достигли Артиллерійскаго озера, точная карта котораго составляла одну изъ частей ихъ программы; они добрались до него черезъ цѣпь изъ весьма небольшихъ озеръ, частью лежавшихъ въ прекрасной лѣсистой мѣстности и соединенныхъ между собою судоходными каналами.

Изслѣдованія убѣдили Тиррела, что область бассейна Большого Невольничьяго озера, благодаря своему центральному положенію, обилію рыбы и дичи и, повидимому, богатымъ залежамъ мѣди, имѣетъ значительное будущее, и съ помощью сравнительно небольшихъ затратъ на устройство путей сообщенія можно устроить вполнѣ удобный выходъ изъ нея къ Гудзонову заливу. Въ данное время однако дичь еще не встрѣчалась, и ледъ на озерахъ даже въ іюнѣ таялъ очень медленно; поэтому экспедиція сдѣлала привалъ на Артиллерійскомъ озерѣ, гдѣ путешественники цѣлыхъ 10 дней ждали, пока водные пути достаточно освободятся отъ льда. Предводитель одной встрѣченной здѣсь партіи индѣйцевъ-охотниковъ, шедшихъ за оленями и мускусными быками на мѣсто ихъ зимней стоянки, указалъ Тиррелю хорошее мѣсто для лагеря на восточномъ берегу озера; тамъ росли кусты и даже деревца, которыя въ этихъ широтахъ встрѣчаются уже очень рѣдко.

Артиллерійское озеро представляетъ собою обширный резервуаръ въ 90 километровъ длиною, большую часть года покрытый льдомъ. Лѣтомъ, когда на его пустынныхъ берегахъ начинаетъ пробиваться тощая зелень мховъ и лишаевъ, единственная здѣсь растительность, Артиллерійское озеро служитъ мѣстомъ сборища несмѣтныхъ стадъ дикихъ сѣверныхъ оленей («карибу»); воды озера переполнены рыбой, которой здѣсь не угрожаетъ почти никакая опасность. Рыбы такая масса, что одинъ изъ индѣйцевъ Тиррела поймалъ въ теченіе четверти часа 18 форелей отъ 16-ти до 20-ти фунтовъ вѣсомъ. Все озеро кишитъ форелью, щуками, карпами, уклейкой и другой рыбой. Индѣйцы увѣряли Тиррела, что въ озерѣ водятся гигантскія черныя рыбы отъ 20 до 30 футовъ длиною съ длинными мягкими усами, которыхъ они, индѣйцы, не осмѣливались ловить, повидимому, изъ суевѣрнаго страха. Всѣ краснокожіе клялись, что довольно часто видали этихъ рыбъ въ глубинѣ свѣтлаго озера; однако ничѣмъ нельзя было ихъ заставить устроить ловлю этихъ рыбъ.

Быть можетъ, въ Артиллерійскомъ озерѣ водится какой-нибудь видъ сома, сильно преувеличенный фантазіей индѣйцевъ.

Во второй половинѣ іюня озеро совершенно освободилось отъ льда, и экспедиція стала готовиться къ дальнѣйшему путешествію. Большую часть провіанта и дорожныхъ снарядовъ связали, зашили въ мѣха и укрѣпили между вершинами двухъ высокихъ деревьевъ. Въ защиту отъ единственнаго лазящаго хищника этой области—прожорливаго «каркажу» (канадская рысь)—стволы деревьевъ были какъ можно глаже выстроганы и, кромѣ того, по низу усажены острыми рыболовными крючками. Воздушная укладка держалась очень хорошо и впослѣдствіи одинъ разъ принесла Тиррелю большую пользу.

Наконецъ, экспедиція выступила. Несмотря на позднее вскрытіе Артиллерійскаго озера, на всѣхъ рѣкахъ и озерахъ вплоть до самаго озера Клинтонъ-Гольденъ все еще встрѣчался ледъ; только за этимъ озеромъ всѣ воды были свободны отъ льда. Всего на нѣсколько метровъ выше поверхности озера, надъ его восточнымъ краемъ поднимается поросшій травою склонъ, раздѣляющій бассейны двухъ морей—Ледовитаго океана и Гудзонова залива. Нашимъ путешественникамъ не составило никакого труда перенести челноки въ ближайшее по ту сторону водораздѣла озеро, которое лежитъ всего на восемь метровъ ниже водораздѣла. Несмотря на огромное обиліе влаги, во всей этой мѣстности нѣтъ кустовъ и деревьевъ. Тощая растительность, успѣвающая развиться за время короткаго (отъ 2 до $2^1/_2$ мѣсяцевъ) лѣта, состоитъ изъ мховъ, лишаевъ и луговыхъ травъ. Покинувъ 18 іюня Артиллерійское озеро, путешественники съ этихъ поръ больше не видали ни одного дерева, и только перваго іюля имъ встрѣтились двѣ жалкія сосны на берегу Лѣсного озера, получившаго по этому поводу свое названіе.

Лѣсное озеро—седьмое или восьмое въ ряду мелкихъ и крупныхъ озеръ, связанныхъ короткими порожистыми каналами и спускающихся къ Гудзонову заливу. Всѣ эти озера были окрещены Тиррелемъ. На одномъ изъ этихъ озеръ произошло первое охотничье приключеніе. На этомъ довольно большомъ, сильно развѣтвленномъ озерѣ путешественниковъ застигла буря и прибила къ берегу. Тиррель и его спутники воспользовались случаемъ и свѣтлою ночью (въ этой широтѣ ночи особенно свѣтлы въ іюнѣ), чтобы осмотрѣть мѣстность; здѣсь нашимъ путешественникамъ встрѣтились первые мускусные быки. Это было стадо, состоящее изъ 15 головъ; яркое освѣщеніе и отсутствіе кустарника позволяли узнать ихъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ. Было рѣшено устроить охоту. Вернуться къ лагерю и, захвативъ ружья, направиться въ челнокѣ вдоль берега было дѣломъ одной минуты. Между тѣмъ животныя, можетъ быть, отправляясь на обычный водопой, также приблизились къ берегу, и надъ откосомъ въ нѣкоторомъ

отдаленіи внезапно появились девять огромныхъ внимательныхъ головъ. Охотники подошли довольно близко, прежде чѣмъ рѣшились прицѣлиться и выстрѣлить. Очевидно пули попали въ двухъ животныхъ, которыя сейчасъ же съ яростью бросились на путешественниковъ; остальное стадо вихремъ умчалось прочь. Началась отчаянная стрѣльба, требовавшая довольно большого искусства, такъ какъ животныя оказались очень крѣпкими на рану, и только послѣ 8 пуль оба звѣря были убиты. Къ часу ночи охота была окончена и было можно приступить къ свѣжеванію дичи, которая была особенно желанна послѣ долгаго питанія консервами. Въ память этого ночного подвига путешественники насыпали пирамиду изъ камней на «холмѣ мускуснаго быка» и опредѣлили географическую широту мѣста; оказалось, что она приблизительно соотвѣтствуетъ широтѣ южной Гренландіи.

Все время дальнѣйшаго плаванія по цѣпи озеръ стояла прекрасная погода. Лѣто вступило въ свои права, температура поднялась до15—20° С., и вода днемъ нагрѣвалась до 10, даже 15°.

За упомянутымъ Лѣснымъ озеромъ мѣстность видимо измѣнилась. Рѣка, по долинѣ которой шелъ путь, скоро вступила въ крутые скалистые берега, образуя на протяженіи 500—600 футовъ великолѣпные каскады, которые приходилось предусмотрительно обходить. Вскорѣ началась дикая романтическая мѣстность, могущая во всякой странѣ найти посѣтителей и почитателей. Воды роскошнымъ водопадомъ низвергаются съ высоты 15 метровъ и, еще не успокоившись, врываются въ глубокій каньонъ, тянущійся на цѣлыхъ пять километровъ. Это узкое, величественное ущелье, съ прямыми отвѣсными стѣнами, въ глубинѣ котораго кипитъ и клокочетъ вода, бѣшено крутясь въ своемъ тѣсномъ руслѣ. За этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ послѣдовало еще нѣсколько живописныхъ быстринъ и водопадовъ, послѣ которыхъ рѣка, успокоившись, влилась въ широкій, тихій потокъ Тэлона; эта рѣка, отчасти уже изслѣдованная предыдущими экспедиціями, вмѣстѣ со слѣдующими за нимъ озерами образуетъ прекрасный, къ сожалѣнію открытый очень немного мѣсяцевъ въ году, водный путь отъ земель Гудзонова залива къ морю. Тэлонъ въ этомъ мѣстѣ имѣетъ 300—400 метровъ ширины; а вскорѣ онъ является прекрасной водной дорогой, доступной даже для неглубоко сидящихъ пароходовъ.

Здѣсь по обоимъ берегамъ снова появились густые лѣса, и стали ежедневно встрѣчаться большія стада мускусныхъ быковъ. Мускусные быки не переплывали Тэлонъ; они жили только на его сѣверномъ берегу и на островахъ. Спугнутое на островѣ стадо безъ оглядки бросалось въ потокъ, торопясь достигнуть сѣвернаго берега, гдѣ сейчасъ же удалялось бѣшенымъ галопомъ. Довѣрчивость этихъ животныхъ уже совершенно исчезла въ этой мѣстности, гдѣ на нихъ охотятся мѣстные

индѣйцы и эскимосы. Благодаря этому путешественникамъ, которые убивали звѣрей только тогда, когда угрожалъ недостатокъ пищи, несмотря ни на какія уловки, не удалось получить ни одного фотографическаго снимка этого по всей вѣроятности обреченнаго на вымираніе животнаго. Несмотря на такое бѣгство, однако, мускуснаго быка нельзя упрекнуть въ недостаткѣ мужества—болѣе взрослые быки всегда принимали угрожающій видъ при подозрительномъ приближеніи охотника, что бы онъ ни держалъ въ рукахъ—ружье или невинный аппаратъ кодакъ. Насколько часто попадались мускусные быки, настолько же рѣдко встрѣчались сѣверные олени—«карибу». Вообще дикіе олени скитаются по этой мѣстности огромными стадами, но въ лѣтнее время эти стада уходятъ на сѣверъ къ берегамъ Ледовитаго океана, гдѣ, къ сожалѣнію, встрѣчаютъ своихъ злѣйшихъ враговъ—эскимосовъ. Впрочемъ Гэнбери, бывшій здѣсь годомъ ранѣе, какъ разъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, встрѣчалъ массами мускусныхъ быковъ и карибу.

Экспедиціи Тирреля тоже пришлось встрѣтить большое скопленіе оленей, но при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ. На безлѣсномъ мѣстечкѣ, гдѣ богатый островами потокъ круто поворачивалъ къ востоку, путешественники, предупрежденные еще издали отвратительнымъ запахомъ падали, увидали тысячи убитыхъ карибу, лежавшихъ по берегу на протяженіи болѣе километра. Изъ нѣкоторыхъ были вырѣзаны лучшія части, другіе были просто брошены на жертву разложенію. Поблизости Тиррель встрѣтилъ компанію эскимосовъ, изъ 33-хъ человѣкъ; возмущенный такимъ массовымъ избіеніемъ, Тиррель обратился къ эскимосамъ съ гнѣвными словами, но эскимосы заявили, что они не виноваты, а олени завязли зимою, провалившись въ настѣ, можетъ быть, были еще занесены снѣгомъ во время снѣжной бури. Такимъ образомъ придраться было не къ чему, хотя Тиррель и не вѣрилъ этимъ объясненіямъ.

Вообще берега Тэлона оказались богаче дичью и составляютъ если не истощимую, то во всякомъ случаѣ еще пока неистощенную кладовую для эскимосскихъ племенъ, бродящихъ между берегами Гудзонова залива и Ледовитаго океана. Встрѣчались стаи дикихъ гусей, изъ которыхъ однажды, когда съѣстные припасы подходили къ концу, сорокъ штукъ было убито прямо палками. Видѣли дикихъ утокъ и другихъ менѣе крупныхъ представителей пернатаго царства, а одному изъ спутниковъ Тирреля посчастливилось даже убить рѣдкаго въ этой мѣстности серебристо-сѣраго медвѣдя—«гризли»; впослѣдствіи его шкура погибла во время крушенія одного изъ челноковъ. Въ качествѣ особой рѣдкости видѣли два раза на рѣчномъ пескѣ гигантскіе слѣды американскаго лося, этого великана канадскихъ лѣсовъ, который въ другихъ мѣстностяхъ становится уже рѣдокъ, а въ земляхъ Гудзонова залива еще ни

разу не попадался европейцамъ. Въ прежнее время эта мѣстность была одной изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ охотничьихъ областей для индѣйцевъ, и въ ней на ряду съ мускуснымъ быкомъ и оленемъ встрѣчался въ изобилiи и лось. Теперь индѣйцы удалились къ западу и—главное—убавились въ числѣ, эскимосы также только рѣдко доходятъ до Тэлона изъ своихъ сѣверныхъ областей, и мѣстность совершенно лишена постоянныхъ обитателей къ счастью для еще сохранившейся дичи.

Путешественники шли внизъ по теченiю рѣки до средины iюля; 16-го iюля Тиррель рѣшилъ раздѣлить экспедицiю на 2 части; изслѣдованiе остального пути до ближайшей бухты Гудзонова залива онъ предоставилъ своимъ двумъ спутникамъ, а самъ рѣшилъ вернуться по новому пути къ Большому Невольничьему озеру. Онъ надѣялся при этомъ найти какой-нибудь другой путь черезъ водораздѣлъ между Артиллерiйскимъ озеромъ и Тэлономъ, если даже неудобный для челноковъ, то болѣе по крайней мѣрѣ подходящiй для ходьбы, а можетъ быть и для прокладки дороги.

Итакъ, въ то время какъ два челнока съ пятью людьми снова поплыли внизъ по теченiю, чтобы еще до наступленiя зимы достигнуть родины черезъ Гудзоновъ заливъ, Тиррель съ двумя остальными индѣйцами отправился вверхъ по рѣкѣ, чтобы прежде всего изслѣдовать верхнее теченiе Тэлона. Путешественники прошли около 200 километровъ вверхъ по рѣкѣ, текущей подъ конецъ по плоской, поросшей травою мѣстности; они шли до тѣхъ поръ, пока наступающая осень—это было 9 августа—не потребовала возвращенiя. На удобномъ пунктѣ рѣки, повидимому удаленномъ по прямой линiи не болѣе чѣмъ на 120 километровъ, отъ Артиллерiйскаго озера, Тиррель разстался со своими послѣдними спутниками, которыхъ онъ послалъ по прежнему пути съ приказанiемъ ожидать его у Артиллерiйскаго озера. Самъ же онъ надѣялся добраться до него пѣшкомъ дней черезъ восемь и дорогою найти совершенно достаточное для себя количество дичи. Такъ какъ водяная дорога по маленькимъ озерамъ тянется не менѣе, чѣмъ на 500 километровъ, и на пути встрѣчаются постоянныя препятствiя въ видѣ многочисленныхъ рѣчныхъ быстринъ, то Тиррель предполагалъ быть на мѣстѣ гораздо раньше своихъ путешественниковъ. Однако его путешествiе оказалось гораздо болѣе труднымъ, чѣмъ онъ ожидалъ.

Захвативъ съ собою только свой спальный мѣшокъ и самый необходимый провiантъ, Тиррель 13-го августа пошелъ на западъ по берегу маленькой рѣчонки, отходящей отъ Тэлона. Уже къ вечеру онъ встрѣтилъ цѣпь маленькихъ озеръ, которыя пришлось обходить, такъ что путешествiю по прямому направленiю наступилъ конецъ. На третiй день путешественникъ очутился на берегу большого озера, которому онъ,

наконецъ, далъ свое собственное имя, израсходовавъ передъ тѣмъ на встрѣчныя озера и рѣки имена всѣхъ своихъ спутниковъ, всѣхъ хозяевъ экспедиціи и половины членовъ канадскаго министерства. И, навѣрное, ни одне воды не доставили ему столько затрудненій, какъ воды его собственнаго озера—озера Тиррель. При взглядѣ съ береговой возвышенности южный берегъ водоема показался Тиррелю наиболѣе удобнымъ для обхода. Онъ пошелъ по этому берегу, но вскорѣ наткнулся на глубокую рѣку; пришлось повернуть назадъ, затративъ даромъ нѣсколько часовъ пути. Обходъ другой стороны озера оказался чрезвычайно мѣшкотнымъ и потребовалъ трехъ дней тяжелаго пути. Такимъ образомъ, путешественникъ за пять дней напряженной ходьбы сдѣлалъ не болѣе 26 километровъ по прямому направленію къ западу, истративъ на пятую часть пути половину предполагаемаго времени. Возвращеніе назадъ было невозможно и приходилось идти впередъ. Медленно тянулось путешествіе дальше подъ дождемъ и вѣтромъ; ночи были такъ холодны и дождливы, что о снѣ нечего было и думать. къ тому же кругомъ не было ни единаго деревца или куста, чтобы укрыться, а сырая луговая трава не давала развести огонь. Къ вечеру восьмого дня было сдѣлано едва 55 километровъ въ западномъ направленіи, хотя въ своихъ скитаніяхъ между маленькими встрѣчными озерами путникъ прошелъ раза въ три большее разстояніе. Тутъ разразился сильный дождь съ градомъ, продолжавшійся почти пять дней, въ теченіе которыхъ истощенный безсонными ночами и голодомъ Тиррель могъ сдѣлать не болѣе 40 километровъ. Наконецъ, вечеромъ 25-го августа наступила ясная погода, ударилъ морозъ, и на слѣдующее утро на водѣ появился слой льда въ полпальца толщиною. Къ полудню показалось большое озеро, до котораго съ трудомъ доплелся Тиррель. Окружающая природа ощутительно измѣнилась. Лишайники смѣнились травою, показались съѣдобныя ягоды, олени, кое-гдѣ отдѣльныя деревья; еще одни сутки и на 16-й день пути передъ измученнымъ путникомъ развернулась широкая гладь желаннаго Артиллерійскаго озера. Тиррель подошелъ къ берегу озера какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ оставленъ складъ провизіи, что оказалось весьма кстати голодному путешественнику: складъ не былъ потревоженъ никакимъ четвероногимъ разбойникомъ. Здѣсь Тиррель оставался до 7-го сентября, когда прибыли оба индѣйца съ челнокомъ, и занимался измѣреніемъ озера. По прибытіи индѣйцевъ экспедиція немедленно выступила въ старый лагерь на Невольничьемъ озерѣ; здѣсь путешественниковъ подобралъ пароходъ «Арго» и по еще свободнымъ водамъ Невольничьей рѣки и озера Атабаска доставилъ ихъ въ фортъ Чипевайянъ. 4-го октября наступила зима, и путешествіе пришлось пріостановить,—надо было ждать, пока окончательно станетъ и окрѣпнетъ ледъ на рѣкѣ Атабаска, чтобы опять предпринять тысяче-

верстный переѣздъ въ санкахъ въ Эдмонтонъ. Наконецъ, 6-го декабря путешественники послѣ десятимѣсячнаго отсутствія прибыли въ Эдмонтонъ, откуда могли уже ѣхать по желѣзной дорогѣ.

На берегахъ Аляски.

(Д. Иванова.)

Вотъ уже седьмой день, какъ я качаюсь на волнахъ Тихаго океана по пути къ Берингову проливу и побережью Аляски... Семь дней видишь передъ собою лишь небо да море, а впереди еще нѣсколько дней такого же однообразнаго плаванья. Вся перемѣна лишь въ продолжительности дней, которые становятся все длиннѣе и длиннѣе, смѣняясь свѣтлыми бѣлесоватыми ночами. Вечерами выйдешь изъ каюты на палубу: впереди разстилается необозримое водное пространство, которое то слабо волнуется и рябитъ мелкими складками, то вдругъ все загромоздится рядами черныхъ водяныхъ гребней съ раздѣляющими ихъ пучинами. За кормой далеко тянется бѣлесовато-синяя широкая полоса—слѣдъ, оставляемый винтомъ парохода,—да носятся морскія чайки, неотступно слѣдующія за нами уже который день; онѣ то плавно носятся въ воздухѣ, то обгоняютъ пароходъ и кружатся надъ нимъ, то отдыхаютъ, качаясь на волнахъ...

Пасмурное мрачное небо, вѣчныя тучи и туманъ, туманъ безъ конца... Изрѣдка вѣтеръ разорветъ пелену тумана, проглянетъ солнце, и тогда мрачныя, изсиня-черныя волны мѣняются въ ярко-синія: ихъ верхушки, срываемыя вѣтромъ, блестятъ ослѣпительно-бѣлымъ, молочнымъ свѣтомъ; но лишь скроется солнце, все снова приметъ мрачный оттѣнокъ... Температура довольно низкая, 10^0 Ц.; свѣжій вѣтеръ бодритъ, мысли ясны, сонъ и аппетитъ отличны.

Сегодня, съ 5-ти часовъ вечера, съ правой стороны на горизонтѣ сначала неясно, а затѣмъ все отчетливѣе стали обрисовываться силуэты цѣлой цѣпи вулкановъ съ вершинами, покрытыми снѣгомъ; нѣкоторые изъ нихъ дымились. Вулканы прямо поднимались изъ воды въ своихъ строгихъ, коническихъ очертаніяхъ. Особенно эффектно выдѣлялся вулканъ Шешалдина, высотою около $2^1/_2$ верстъ надъ уровнемъ моря, среди группы болѣе мелкихъ вулкановъ и сопокъ.

Идемъ проливомъ между островами Уналашка и Унимакъ, принадлежащими къ группѣ Алеутскихъ острововъ. Многіе пароходы заходятъ здѣсь по дорогѣ въ Аляску. въ голландскую гавань на островѣ Уналашка, чтобы запастись водою и провизіей. Здѣсь находится православная церковь съ русской миссіонерской школой; говорятъ, что среди туземцевъ-алеутовъ англійскій языкъ распространяется слабо, такъ что торговыя конторы

и даже правительство Соединенныхъ Штатовъ принуждены держать на службѣ лицъ, знающихъ русскій языкъ.

Проходя Алеутскими островами и смотря на карту Берингова моря, всю испещренную русскими названіями, немилосердно коверкаемыми моими спутниками американцами, невольно припоминаешь имена Шелихова, Баранова, Рязанова и др. Сколько энергіи и усилій было положено въ этихъ мѣстахъ первыми русскими піонерами! Невольно преклоняешься передъ широкимъ размахомъ дѣятельности и предпріимчивости русскихъ людей былого времени, въ особенности если сравнить положеніе вещей въ настоящую минуту на нашемъ забытомъ сѣверѣ...

Берингово море, спокойное, съ бѣлесоватымъ оттѣнкомъ воды, сравнительно тепло и тихо; пароходъ едва покачиваетъ. Утромъ сплошная полоса тумана; мы идемъ, подавая ежеминутно свистки. Въ воздухѣ чувствуется какая-то особенная свѣжесть и сырость. Я заснулъ послѣ завтрака, въ гамакѣ, на носу парохода, и проснулся отъ пронизывающей меня сырости; гамакъ, пледъ, пальто—все было мокро отъ росы. Пришлось укрыться въ каютъ-кампаніи. Здѣсь, по обыкновенію, находилось большое общество: на первомъ планѣ за роялью сидѣла наша обычная музыкантша—миссъ, которая тщетно стремилась расшевелить неподвижно лежащихъ, закутанныхъ въ пледы пассажировъ; тутъ же возились дѣти, беззаботно играя другъ съ другомъ и не обращая вниманія на морскую качку, которая вообще на дѣтей мало дѣйствуетъ. Угрюмыя, сосредоточенныя лица мужчинъ, изрѣдка перебрасывающихся короткими фразами, ловко балансирующіе съ подносами въ рукахъ «стюарды» (лакеи), разносящіе всѣмъ давно уже надоѣвшій бульонъ съ галетами, дополняли собою картину. По мѣрѣ приближенія къ г. Ному кончается беззаботное времяпровожденіе пассажировъ. Дня за два до прибытія въ портъ уже начинаются первые признаки предстоящей высадки. Начинается укладка багажа; около открытаго трюма постоянно толпятся пассажиры, съ требованіемъ своихъ вещей; идутъ разговоры, въ которыхъ высказываются опасенія, удастся ли тотчасъ по прибытіи въ Номъ высадиться на берегъ. Извѣстно, что за отсутствіемъ какой-либо бухты у Нома выгрузка какъ пассажировъ, такъ и багажа крайне затруднительна.

16-го августа, часовъ съ 12-ти дня, на сѣверѣ начали обозначаться неясныя полоски земли, затѣмъ все яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ движенія парохода, стали обрисовываться контуры побережья Сюардскаго полуострова; еще полчаса ходу, и въ бинокль можно ясно различить рядъ горныхъ возвышенностей съ раздѣляющими ихъ широкими, расплывчатыми долинами рѣкъ Нома и Змѣиной. Кое-гдѣ на вершинахъ, по ущельямъ горъ лежитъ снѣгъ. Утро ясное; въ воздухѣ довольно холодно; на морѣ сильный вѣтеръ развелъ большую волну; нашъ пароходъ замѣтно

покачиваетъ, и онъ то и дѣло зарывается въ воду носомъ; брызги отъ волнъ обдаютъ палубу, но, несмотря на это, пассажиры толпятся у праваго борта, съ любопытствомъ всматриваясь въ постепенно вырисовывающійся силуэтъ своеобразнаго города, выросшаго всего два года назадъ на пустынныхъ берегахъ Берингова пролива. Ближе къ номскому рейду взорамъ любопытныхъ открывается едва вогнутая въ материкъ береговая линія, по которой, вытянувшись въ нѣсколько миль длиною на прибойной полосѣ, раскинулся своими новенькими зданіями городъ Номъ; прежде всего бросается въ глаза обширный пакгаузъ и склады пароходныхъ торговыхъ компаній, выстроенные изъ гальванизированнаго желѣза, масса подъемныхъ кранов и небольшія пристани; затѣмъ нѣсколько вглубь отъ берега виднѣется рядъ двухъ-этажныхъ зданій, въ которыхъ помѣщаются отели, рестораны, торговыя и правительственныя учрежденія. Въ обѣ стороны отъ средины города замѣчаются болѣе рѣдкія постройки одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ и просто парусинныхъ палатокъ, которыя далеко тянутся по берегу моря; тѣ же палатки встрѣчаются кое-гдѣ за городомъ, разбросанныя по склонамъ горъ. Вслѣдствіе отсутствія какой-либо бухты и мелководья номскаго рейда пароходы должны останавливаться въ 2 — 3 миляхъ отъ города, при чемъ высадка пассажировъ и разгрузка товаровъ совершается при помощи спеціальныхъ паромовъ, буксируемыхъ небольшими плоскодонными пароходиками. Раздается команда застопорить машину, матросы суетятся на носу парохода, спуская якорь, и одновременно воздухъ оглашается громкимъ ревомъ сирены, — это нашъ пароходъ даетъ знать о своемъ прибытіи. Навстрѣчу намъ подходитъ небольшой таможенный пароходъ съ мѣстными властями для соблюденія необходимыхъ формальностей. Пока происходитъ медицинскій осмотръ пассажировъ, при чемъ они дефилируютъ гуськомъ кругомъ палубы, мимо доктора, постепенно прибываютъ къ нашему пароходу все новыя и новыя лодки; нѣкоторыя привезли любопытныхъ горожанъ, встрѣчающихъ своихъ знакомыхъ, другіе пріѣхали спеціально получить газеты изъ Соединенныхъ Штатовъ, которыя были привезены цѣлыми кипами для продажи мѣстнымъ жителямъ. Интересно видѣть, съ какой быстротой расхватываются газеты и везутся въ городъ, гдѣ онѣ немедленно будутъ разобраны газетчиками, которые не замедлятъ огласить берега Берингова пролива выкрикиваньемъ нью-іоркскихъ, чикагскихъ и т. п. издашій. Потребность въ газетахъ со стороны янки такъ велика, что каждый отдѣльный номеръ будетъ проданъ въ Номѣ за 25 центовъ (50 коп.).

Формальности всѣ кончены, пассажиры съ нетерпѣніемъ ждутъ прибытія парома, при посредствѣ котораго имъ наконецъ удастся послѣ 9-дневнаго морского перехода ступить на твердую землю.

Высадка пассажировъ, а также разгрузка багажа здѣсь довольно

затруднительны; плоскій берегъ, постоянно омываемый бурунами, не позволяетъ парому подойти вплотную, вслѣдствіе чего пассажирамъ приходится прыгать въ воду съ багажомъ въ рукахъ, при чемъ всякій неудачный прыжокъ вызываетъ у собравшейся многочисленной толпы веселый смѣхъ и остроты.

Едва наша группа пассажировъ вступила на берегъ болѣе или менѣе благополучно и, незнакомая съ городомъ, остановилась въ раздумьѣ, куда идти и что дѣлать съ багажомъ, какъ насъ окружили комиссіонеры транспортныхъ конторъ, каждый предлагая свои услуги. Несмотря на дороговизну доставки багажа (4 рубля съ каждаго мѣста), мы съ удовольствіемъ воспользовались ихъ предложеніемъ и, предоставивъ имъ заботу о багажѣ, получили возможность тутъ же приступить къ осмотру этого своеобразнаго города.

Номъ, выросшій на берегахъ Берингова пролива, всего 2 года тому назадъ, несмотря на неблагопріятное географическое положеніе и суровость природы, въ настоящее время насчитываетъ уже не одну тысячу жителей. Надо удивляться той невѣроятной быстротѣ, съ какой въ такой короткій промежутокъ времени могъ здѣсь возникнуть вполнѣ благоустроенный городъ, съ водопроводомъ, телефономъ, газовымъ освѣщеніемъ, почтой, телеграфомъ (въ посту св. Михаила) и даже ежедневными газетами, издатели которыхъ не могутъ жаловаться на свои дѣла, продавая отдѣльные экземпляры по 25 центовъ (50 коп.). Городъ построенъ прямо на тундрѣ, вдоль самаго берега моря.

Сотни построекъ изъ дерева, желѣза и просто изъ парусины вытянулись длинными линіями и образовали двѣ главныхъ улицы. Отели, рестораны, игорные дома, кафе-шантаны чередуются здѣсь съ магазинами, торговыми конторами, банками и частными домами. По узкимъ, мощенымъ деревомъ улицамъ замѣтны цѣлыя толпы народа; доски положены прямо на тундру, которая, оттаивая, превращается въ жидкую массу; боковыя улицы образованы болѣе рѣдкими и скромными строеніями—до жалкихъ лачугъ изъ выкиднаго лѣса—и покрыты болѣе узкими деревянными помостами, такъ какъ ходить по растаявшей тундрѣ совершенно невозможно.

Въ Номѣ существуетъ нѣсколько отелей, изъ которыхъ лучшимъ считается «Гольденъ-Гейшъ отель». Пройдя по главной улицѣ Фронтъ-Стритъ, мы, свернувъ въ ближайшій переулокъ, скоро очутились у подъѣзда отеля. Онъ помѣщается въ большомъ трехъ этажномъ деревянномъ зданіи, имѣетъ нѣсколько десятковъ номеровъ и ресторанъ. Цѣны за номеръ оказались очень высокими: приходится платить за небольшую комнату съ скромной обстановкой 25 долларовъ въ недѣлю. Цѣны ресторана тоже крайне высоки: суточное довольствіе, то-есть завтракъ, обѣдъ и ужинъ, около 8 долларовъ (16 рублей). Перемѣнивъ наскоро

свой костюмъ на болѣе соотвѣтствующій, т.-е. надѣвъ высокіе американскіе сапоги, мы, въ составѣ почти той же компаніи, снова отправились бродить по городу. Какіе нравы, типы и способы заработка встрѣчаешь здѣсь на каждомъ шагу. Кажется, со всего свѣта собрались сюда представители всѣхъ національностей: американцы, англичане, шведы, норвежцы, датчане, русскіе, евреи, нѣмцы, греки, китайцы, японцы и др., гонимые жаждой нажить деньги. Послѣднія здѣсь почти потеряли свою цѣнность въ монетѣ, и только золото въ самородкахъ или мелкимъ пескомъ всюду взвѣшивается и принимается въ уплату. Среди американцевъ на номскихъ улицахъ часто попадаются туземцы-эскимосы, а также чукчи, пріѣхавшіе для продажи рыбы, шкуръ и различныхъ своихъ издѣлій изъ моржовой кости. Наивные инородцы съ изумленіемъ разсматриваютъ навезенныя сюда рѣдкія для нихъ диковинки; тутъ же бродятъ ѣздовыя собаки, которыя здѣсь страшно цѣнятся, служа зимою вмѣстѣ съ оленями единственнымъ способомъ передвиженія. Особенно славятся чукотскія собаки, за которыхъ, говорятъ, платятъ по 150—200 долларовъ (300—400 руб.). Несмотря на исключительное положеніе этого города, большой процентъ котораго составляетъ самый темный элементъ людей, прибывшихъ сюда ради наживы изъ Штатовъ, а также высланныхъ за разныя «прегрѣшенія» изъ Клондайка, нельзя не признать его вполнѣ сложившимся по обычному типу американскихъ городовъ. Въ настоящее время здѣсь уже организовано городское самоуправленіе, имѣется городской голова, гласные и даже представители полиціи, существуетъ пожарная команда, санитарный совѣтъ, госпитали и даже благотворительныя учрежденія. Построена церковь баптистовъ и строится большой католическій соборъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ здѣсь таможню, во главѣ которой стоитъ морской офицеръ. Съ 1899 года для поддержанія порядка среди жителей въ Номѣ поставленъ военный гарнизонъ, числомъ до 150 человѣкъ; для него въ 2—3-хъ миляхъ на востокъ отъ города построены казармы, приспособленныя для зимовки и снабженныя всѣмъ необходимымъ. Вслѣдствіе большого наплыва иностранцевъ многими европейскими государствами учреждены вице-консульства; такъ, здѣсь имѣются англійскій, французскій, нѣмецкій, шведскій и норвежскій представители. Нѣтъ сомнѣнія, что и Россія, въ виду извѣстнаго процента среди золотоискателей русскихъ подданныхъ (главнымъ образомъ изъ прибалтійскихъ губерній и Финляндіи), а также съ развитіемъ жизни на берегахъ Чукотскаго полуострова, будетъ вынуждена имѣть здѣсь тоже своего вице-консула.

Благодаря возникновенію золотопромышленности на Сюардскомъ полуостровѣ (такъ былъ названъ американцами крайній выступъ Аляски въ Беринговомъ проливѣ въ честь государственнаго секретаря Соединенныхъ Штатовъ г. Сюарда, при которомъ Аляска была уступлена

Россіей), экономическое развитіе окраинныхъ, дотолѣ пустынныхъ береговъ Аляски идетъ значительными шагами впередъ. Правительство Штатовъ съ энергіей содѣйствуетъ частной предпріимчивости своихъ гражданъ; такъ, кромѣ организаціи зимняго почтоваго сообщенія г. Нома, по р. Юкону черезъ городъ Дажонъ-Сити, топографическимъ учрежденіемъ предприняты детальныя работы по съемкѣ территоріи Аляски, и въ настоящее время уже имѣются подробныя карты Сюардскаго полуострова. Что касается золотопромышленности, то послѣдняя прогрессивно увеличивается. Кромѣ г. Нома, какъ по берегамъ Берингова пролива, такъ и Ледовитаго океана возникло уже нѣсколько населенныхъ пунктовъ (гг. Теллеръ, Арктикъ), являющихся мѣстными центрами отдѣльныхъ горныхъ округовъ, на которые подѣленъ Сюардскій полуостровъ. Надо замѣтить, что въ настоящее время, когда прошло увлеченіе морскими береговыми разсыпями, поиски золота, какъ и слѣдовало ожидать, направились въ глубь страны, вверхъ по горнымъ рѣчкамъ, ближе къ водораздѣльному гребню, занимающему центральную часть Сюардскаго полуострова.

Сѣрый, пасмурный день; туманъ все болѣе и болѣе распространяется, застилая горизонтъ, ближайшія окрестности города и даже улицы; на морѣ едва рисуются силуэты паруспыхъ шкунъ и пароходовъ, стоящихъ на рейдѣ. Сегодня мнѣ предстоитъ поѣздка на Анвиль-Крикъ, гдѣ расположено большинство пріисковъ, въ томъ числѣ самый богатый на Сюардскомъ полуостровѣ, принадлежащій первому открывателю здѣсь золота—мистеру Линдерблюму. Познакомившись съ нимъ по пріѣздѣ въ Номъ, я охотно воспользовался его любезнымъ приглашеніемъ побывать у него на пріискѣ, гдѣ онъ обѣщалъ мнѣ показать американскій способъ разработки золота. Мистеръ Линдерблюмъ, владѣтель самыхъ богатыхъ пріисковъ, лапландецъ по происхожденію, еще молодой человѣкъ—не болѣе 30-ти лѣтъ, попавшій въ Аляску въ качествѣ оленнаго пастуха, выписаннаго правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ для пастьбы оленей въ Аляскѣ. Открытіе золота имъ было сдѣлано совершенно случайно, въ компаніи 3—4 шведовъ и норвежцевъ, по указаніямъ, полученнымъ отъ мѣстныхъ эскимосовъ; въ то время здѣсь еще не было никакого поселенія, и этимъ открывателямъ пришлось перенести много лишеній, пока слухъ о невѣроятномъ богатствѣ сдѣланныхъ ими открытій не достигъ Соединенныхъ Штатовъ, откуда немедленно прибыли новые искатели золота и были привезены припасы первой необходимости.

Пріиски, расположенные по рѣкѣ Анвиль-Крикъ, куда мы отправились вмѣстѣ съ мистеромъ Линдерблюмомъ, еще съ прошлаго года соединены желѣзною дорогой протяженіемъ въ 6—7 миль, устроенной крупнымъ золотопромышленнымъ товариществомъ, подъ названіемъ «Компанія дикаго гуся». Съ большимъ удовольствіемъ я сѣлъ на платформу

этой самой сѣверной желѣзной дороги, которая, вѣроятно, послужитъ звеномъ будущаго непрерывнаго рельсоваго пути изъ Европы въ Америку. Быть можетъ, въ скоромъ будущемъ, благодаря необычайному экономическому развитію и обмѣну сношеній между странами свѣта, возможно будетъ проѣхать въ вагонѣ изъ Лиссабона черезъ весь материкъ Стараго Свѣта до Берингова пролива, откуда черезъ Аляску, Канаду, Соединенные Штаты, Мексику, Южную Америку достичь Буэносъ-Айреса, лежащаго на противоположной сторонѣ Атлантическаго океана. Рельсы номской узкоколейной желѣзной дороги прикрѣплены къ шпаламъ, положеннымъ прямо на поверхность тундры, безъ всякаго балласта; во время движенія поѣзда шпалы сильно придавливаются вслѣдствіе оттаиванія тундры, отчего платформы испытываютъ значительные толчки. Какъ пассажиры, такъ и грузъ перевозятся до пріисковъ на простыхъ платформахъ. Несмотря на очевидную опасность схода съ рельсовъ, поѣздъ идетъ довольно быстро, пробѣгая все разстояніе отъ Нома до Анвиль-Крика не болѣе какъ въ 20 минутъ.

Начальный пунктъ этой дороги находится въ $1 — 1^1/_2$ мили отъ г. Нома, за рѣкой, черезъ которую частной компаніей устроенъ деревянный висячій мостъ; за право перехода по этому мосту взимается съ каждаго человѣка по 10 коп., а за лошадей по 50 коп. Купивъ въ кассѣ билеты, стоящіе по одному доллару съ человѣка, мы заняли цѣлую платформу, при чемъ были предупреждены кондукторомъ, чтобы держаться другъ за друга, въ виду возможности быть сброшеннымъ съ платформы отъ рѣзкихъ толчковъ во время хода поѣзда.

Переѣхавъ рѣку по спеціально устроенному жиденькому мосту, поѣздъ идетъ по ровной открытой тундрѣ, окаймляющей широкою полосой ближайшія горныя возвышенности. Говорятъ, что вся эта тундра сплошь золотоносна и уже подѣлена между различными лицами. Разработка ея тормозится только отсутствіемъ воды для промывки песковъ. Пройдя около 5 миль, поѣздъ постепенно втягивается въ горы; на этомъ протяженіи имѣется 2—3 небольшихъ желѣзнодорожныхъ будки-станціи изъ наскоро сбитыхъ досокъ; на одной я замѣтилъ неизбѣжную вывѣску «салона»—это предпріимчивый янки улавливаетъ мимо идущихъ съ пріисковъ рабочихъ.

Скоро мы достигли конечнаго пункта этой дороги, какъ разъ упирающейся въ пріиски Линдерблюма. Здѣсь выстроена болѣе солидная станція; 2—3 пакгауза для товаровъ, а нѣсколько десятковъ саженъ ниже виднѣется рядъ парусинныхъ палатокъ и деревянныхъ построекъ пріиска, куда мы и направились. Признаться, осматривая здѣсь американскій способъ разработки золота, я встрѣтилъ мало поучительнаго. Разработка пріисковыхъ участковъ крайне несложна и состоитъ изъ предварительной постройки плотинъ, шлюзовъ и вскрышки песковъ.

Пески выбрасываются на шлюзы лопатами, гдѣ они промываются водой, собираемой въ вершинѣ пріиска запрудами. Для проведенія воды пользуются крайне практичными какъ по своей дешевизнѣ, прочности, такъ и по легкости переноски брезентовыми рукавами; промытые пески со шлюзовъ окончательно отмываются на круглыхъ желѣзныхъ сѣткахъ. Разработка участковъ самая хищническая, какой вообще отличаются американцы, касается ли это эксплоатаціи горныхъ, лѣсныхъ или рудныхъ богатствъ ихъ страны.

Удачное открытіе, сдѣланное на Сюардскомъ полуостровѣ группой шведовъ и норвежцевъ, во главѣ съ мистеромъ Линдерблюмомъ, послужило причиной привлеченія сюда значительнаго контингента его соотечественниковъ, и въ настоящее время большинство пріисковъ принадлежитъ шведамъ и норвежцамъ, которые зарекомендовали себя хорошими работниками въ дѣлѣ поисковъ и разработки золота. Осматривая пріиски, мнѣ приходилось все время слышать шведскую рѣчь; отъ хозяина пріиска до послѣдняго рабочаго всѣ были шведы, норвежцы и финны; ихъ добродушныя лица, съ наивными дѣтскими голубыми глазами и льняными волосами, невольно напомнили мнѣ мое недавнее посѣщеніе Финляндіи, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось здѣсь встрѣтить нѣсколько лицъ, говорящихъ по-русски.

Природа и люди крайняго сѣверо-запада Америки.

(А. К.)

Мощная и широкая рѣка Юконъ *), равная приблизительно по длинѣ Волгѣ, около 4.000 км., вливаетъ свои воды въ самую сѣверную часть Тихаго океана, въ Берингово море, шестью рукавами. Страна, которой принадлежитъ большая часть теченія этой рѣки, называется Аляской; она составляла до 1868 г. часть Россійской имперіи, а затѣмъ была продана послѣднею правительству Соединенныхъ Штатовъ. Вторая по величинѣ рѣка на сѣверо-западѣ Аляски, рѣка Кускоквимъ, впадаетъ въ море западнѣе Юкона. Все пространство между нижними теченіями этихъ двухъ рѣкъ занято тундрой, обширной равниной, усѣянной безчисленными озерами и рѣчками. Громадныя массы песка, которыя изъ году въ годъ приносятъ съ собою рѣки, повышаютъ морское дно, такъ что пароходы только съ трудомъ могутъ проходить тамъ около берега: рѣка съ каждымъ годомъ удлиняетъ свою дельту; по всей вѣроятности, и все пространство низменной тундры такого же намывного происхожденія. Въ низовьяхъ оба берега рѣки низменные, и рѣка чрезвычайно широка; протекая мѣстами по нѣсколькимъ рукавамъ, отдѣленнымъ

*) Туземцами и европейцами въ Аляскѣ не употребляется названіе Юконъ; они называютъ ее на своемъ языкѣ просто „Великой рѣкой“—Квикъ-Пакъ (Kwik-Pak).

другъ отъ друга островами, рѣка достигаетъ ширины отъ 5 до 10 в. Причину необыкновенной ширины рѣки можно отнести къ чрезвычайной быстротѣ теченія и огромной массѣ воды, стремящейся въ весеннее водополье отъ верховыхъ ея притоковъ: воды эти, не вмѣщаясь въ руслѣ, размываютъ берега, отдѣляя отъ нихъ то множество острововъ, которое мы находимъ въ нижнемъ теченіи. Вмѣстѣ съ пескомъ рѣка приноситъ также въ море много пловучаго лѣса, который представляетъ истинное благодѣяніе для обитателей безпріютнаго и почти лишеннаго растительности побережья Аляски. Населеніе прибрежной части собираетъ вынесенный рѣкою въ море и выброшенный морскими волнами на берегъ пловучій лѣсъ какъ для топлива, такъ и для построекъ и различныхъ деревянныхъ издѣлій. Особенно много пловучаго лѣса приноситъ рѣка во время весенняго водополья, которое бываетъ около середины мая. Весною вообще тундра оживаетъ: поверхность земли, обнаженная отъ снѣга, покрывается травой, прилетаютъ съ юга для гнѣздованія милліоны птицъ и наполняютъ воздухъ своимъ крикомъ, стаи гусей, утокъ, журавлей и лебедей тянутъ на сѣверъ. Все какъ бы стремится насладиться жизнью въ короткій періодъ сѣвернаго лѣта. Лучи солнца дрожатъ и искрятся въ безчисленныхъ озерахъ и углубленіяхъ, занятыхъ талой водой, въ рѣчкахъ, медленно пробирающихся по слабо покатой поверхности тундры.

Но, несмотря на продолжительность арктическаго дня, земля успѣваетъ оттаять на солнцепекѣ всего до 2 футовъ глубины, а въ постоянной тѣни и того меньше—всего на 1 футъ.

Съ повышеніемъ температуры появляются и цѣлыя массы москитовъ, представляющихъ истинный бичъ этихъ странъ для человѣка и для животныхъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ путешественники какъ на дальнемъ сѣверѣ, такъ и въ тропическихъ странахъ одинаково краснорѣчивы въ описаніи тѣхъ мукъ, которыя причиняютъ эти кровопійцы. Противъ нападенія ихъ, не прекращающагося ни днемъ, ни ночью, противъ замѣщенія убитыхъ милліонами новыхъ не помогаютъ никакія средства. Можно герметически запереть помѣщеніе и съ вечера перебить всѣхъ до одного москитовъ, и тѣмъ не менѣе быть убѣжденнымъ, что къ утру какими-то таинственными путями заберутся новыя тысячи враговъ и тѣло все будетъ покрыто болячками отъ ихъ укусовъ.

Если весною тундра представляется въ своемъ лучшемъ нарядѣ, зато зимою и осенью она поражаетъ безжизненностью. Осень—это время наиболѣе сильныхъ вѣтровъ, сильныхъ ливней, смѣняемыхъ снѣжными метелями, время, когда невозможно ѣхать ни на саняхъ, ни на лодкѣ. Зимою мощный снѣжный покровъ, какъ громадный саванъ, отъ горизонта до горизонта застилаетъ на тысячи верстъ равнину съ ея озерами и рѣками, а надъ нею опускается, какъ одноцвѣтный сѣрый колоколъ,

небо, покрытое густыми облаками. Нѣтъ ни одного возвышенія, ни кустика или кровли дома, которые бы издали манили путника или указывали ему путь. Всего на нѣсколько футовъ подымаются отъ земли плоскія круглыя хижины эскимосовъ, и то если ихъ за ночь, какъ это часто бываетъ, не занесетъ снѣгомъ вровень съ остальною мѣстностью. Необходимо весьма точное знаніе мѣстности и высоко развитая способность оріентироваться, чтобы не заблудиться среди тундры, гдѣ слѣдъ отъ саней, какъ въ морѣ струя воды у киля корабля, служитъ единственнымъ указаніемъ для путника, особенно во время метели, когда и безъ того небольшой кругозоръ сокращается до размѣровъ всего нѣсколькихъ шаговъ въ ту или другую сторону. Нерѣдко случалось, что путникъ, на минуту отлучившись отъ своихъ саней, уже не могъ найти ихъ и погибалъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ шаговъ. Только отъ времени до времени продолжительная полярная ночь прерывается сполохами сѣвернаго сіянія.

Чѣмъ далѣе вверхъ по теченію рѣки, тѣмъ мѣстность становится возвышеннѣе, и, начиная отъ станціи Андреевской «Торговой компаніи Аляска» (Alaska Commercial-Company), вдоль праваго берега рѣки Юкона идетъ непрерывный хребетъ высотою отъ 500—800 футовъ, лѣвый же берегъ низменный поемный. Такою же низменной тундрой является и все пространство между лѣвымъ возвышеннымъ берегомъ рѣки Кускоквима и правымъ берегомъ Юкона. Правда, и въ тундрѣ тамъ и сямъ встрѣчаются отдѣльные холмы, даже вулканы или сопки, какъ, напримѣръ, пять потухшихъ вулкановъ между мысомъ Романцовымъ и Ванкувером, но они не образуютъ здѣсь связнаго хребта. Вообще многочисленные вулканы, разсѣянные по всей Аляскѣ, изъ которыхъ нѣкоторые еще дѣйствуетъ, и часто бывающія землятрясенія свидѣтельствуютъ, что вулканическая дѣятельность здѣсь еще не угасла. Мѣстами, гдѣ вслѣдствіе обвала праваго берега обнажились слои, изъ которыхъ сложена поверхность земли, на глубинѣ отъ 4—8 футовъ подъ слоемъ земли можно видѣть слой льда, и несмотря на то, на поверхности растутъ трава и кусты. Вмѣстѣ съ повышеніемъ береговъ начинаютъ чаще и чаще попадаться деревья. Господствующимъ деревомъ является ель, попадается также довольно толстая береза. По берегамъ Юкона возвышаются тополи; ивнякъ и ольховникъ занимаютъ поемныя мѣста и косы. Мелкій кустарникъ разсѣянъ по сухимъ тундрамъ съ обѣихъ сторонъ рѣки, рябина попадается въ низинахъ между горами; калина, въ видѣ кустарника футовъ пяти вышиной, растетъ вездѣ вмѣстѣ съ шиповникомъ и смородиной.

Изъ ягодъ брусника, морошка и голубика принадлежатъ къ наиболѣе полезнымъ и заготовляются про запасъ туземцами на зимнее время; княженика, превосходнаго вкуса, собирается какъ лакомство дѣтьми;

смородина черная и красная не употребляется туземцами, ею лакомятся медвѣди. Грибовъ довольно много: попадаются рыжики, осиновики, березовики и другіе.

Туземное народонаселеніе Аляски принадлежитъ къ двумъ племенамъ: эскимосскому и индѣйскому. Эскимосское населеніе обитаетъ вдоль побережья и въ видѣ большого кольца окружаетъ индѣйскія народности, населяющія внутреннюю часть Аляски и называемыя общимъ именемъ «инкалики». Въ мѣстностяхъ пограничныхъ населеніе составляется изъ обоихъ племенъ или обнаруживаетъ смѣшанное происхожденіе. Впрочемъ, бѣлые поселенцы не проводятъ строгаго различія между обоими племенами и всѣхъ обитателей Аляски называютъ вообще индѣйцами.

Средства къ существованію обитателямъ сѣвернаго побережья Аляски даетъ море и тундра. Такъ какъ растительный міръ слишкомъ бѣденъ, чтобы обезпечить нужды туземцевъ, и такъ какъ климатическія условія требуютъ большой затраты тепла, то, естественно, въ пищѣ сѣверянъ имѣютъ наибольшее значеніе мясо и жиръ. Такимъ образомъ добываніе пищи и матеріаловъ для одежды заставляетъ сѣверянина обратиться къ преслѣдованію животныхъ, которыхъ, кстати, водится весьма много какъ въ морѣ, такъ и въ тундрѣ. Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ животныхъ сѣвера является олень. Правда, жители Аляски не сумѣли, подобно своимъ соплеменникамъ на азіатскомъ материкѣ, приручить сѣвернаго оленя, но и въ дикомъ состояніи, какъ предметъ охоты, онъ доставляетъ имъ и пищу и одежду.

Оленей промышляютъ какъ оружіемъ, такъ и петлями. Замѣтивъ тропу, по которой олени ходятъ пить къ ручью, на ближайшія вѣтви настораживаютъ петли, другіе концы которыхъ привязываютъ къ самымъ деревьямъ; при проходѣ стада олень, задѣвая за петлю, затягивается. Такимъ образомъ случается, что одинъ промышленникъ добываетъ въ ночь два-три десятка оленей. Кромѣ оленей, мѣха даютъ многочисленные пушные звѣри, въ изобиліи встрѣчающіеся какъ въ тундрѣ, такъ и въ лѣсахъ: медвѣди черный, сѣрый и бурый—наиболѣе опасныя животныя для туземцевъ между прочимъ и потому, что отъ нихъ труднѣе всего уберечь зимніе запасы; разнообразные виды лисицы, волки, россомахи, соболи, бѣлки, горностаи, а въ водѣ выдры и бобры—вотъ наиболѣе замѣчательные представители млекопитающихъ на самомъ материкѣ. Находясь въ зависимости отъ животнаго міра, туземецъ изучилъ всѣ повадки звѣря, чтобы тѣмъ вѣрнѣе выйти побѣдителемъ изъ борьбы. Зимою, когда волкъ выходитъ на добычу и глубокіе неслегшіеся снѣга препятствуютъ ему гоняться съ успѣхомъ за оленями, онъ приближается къ селеніямъ и для своего пропитанія высматриваетъ собакъ. Тогда туземецъ беретъ нѣсколько тонкихъ плоскихъ прутиковъ китоваго уса и заостряетъ ихъ концы, свиваетъ въ нѣсколько

оборотовъ и, обкатавъ тюленьимъ жиромъ, бросаетъ въ разныя мѣста близъ своего жилища. Волкъ падокъ на жиръ: съ голоду глотаетъ два три комка; жиръ варится скоро, усъ, выпрямляясь, колетъ его желудокъ и приводитъ къ вѣрной смерти. Наутро охотникъ по слѣдамъ доходитъ до павшаго звѣря.

Едва ли однако не главною пищею всего населенія является вяленая и слегка прокопченая рыба, особенно изъ породы лососей, которую заготовляютъ въ громадныхъ количествахъ. Тѣ семейства, которыя по какимъ нибудь причинамъ не успѣваютъ сдѣлать запасъ вяленой или квашеной рыбы, такъ называемой юколы, принуждены обыкновенно голодать зимою. Точно такъ же рыба идетъ въ пищу собакамъ. Ловля рыбы производится часто заколами, которые подъ острымъ угломъ идутъ отъ берега къ серединѣ рѣки. Рыба, плывущая навстрѣчу этому заколу, направляется во внутреннюю часть его и попадаетъ въ разставленныя тамъ верши. По нижнему Юкону на ряду съ неводами и вершами употребляются также для ловли сѣти, сдѣланныя изъ особаго вида крапивы. Эти сѣти растягиваются поперекъ рѣки, такъ что верхній ихъ край плаваетъ на поверхности, будучи прикрѣпленъ къ обломкамъ дерева или коры, тогда какъ нижній, отягощенный грузомъ, лежитъ на днѣ рѣки. Рыбакъ на лодкѣ остается у верхняго края сѣтей, и какъ только чувствуетъ толчокъ, причиненный большимъ лососемъ, то тотчасъ же вытаскиваетъ ту часть сѣти, гдѣ запуталась рыба, беретъ ее въ лодку и убиваетъ. Иногда эти рыбы достигаютъ чрезвычайно большого вѣса, фунтовъ 80—90, хотя въ среднемъ онѣ вдвое легче. Онѣ весьма сильны, такъ что при ихъ вытаскиваньи часто случается, что весь каякъ опрокидывается. При счастливомъ уловѣ одному рыбаку удается поймать подъ рядъ нѣсколько штукъ. Такъ какъ убитые лососи представляютъ слишкомъ большой грузъ для легонькой лодки, то ихъ прикрѣпляютъ внѣ ея.

Населеніе самаго побережья Аляски въ то время, когда море свободно отъ льда, промышляетъ тюленей. Въ маѣ и іюнѣ ловятъ много моржей; осенью незадолго до ледостава ловятъ бѣлугъ громадными сѣтями, сдѣланными изъ моржовыхъ ремней. Зимою въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ происходитъ ловъ макляковъ, представляющихъ одинъ изъ видовъ тюленя. На макляковъ охотятся съ ружьями и гарпунами, часто довольно далеко отъ берега. Эта охота сопряжена съ большими опасностями, такъ какъ буря иногда отрываетъ ледъ отъ берега и уноситъ его далеко въ Берингово море, гдѣ охотники по большей части погибаютъ. Эскимосы употребляютъ для этой охоты каяки, поставленные на особенныя, нарочно для этой цѣли приспособленныя сани, такъ что они могутъ одинаково переѣзжать какъ черезъ льдины, такъ и черезъ полыньи.

У населенія еще задолго до появленія русскихъ и вообще европейцевъ существовали торговыя сношенія. Они шли преимущественно въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны черезъ Беринговъ проливъ съ чукчами, съ другой стороны съ индѣйцами, населяющимися южную часть Аляски. Передаточнымъ звеномъ въ торговлѣ съ чукчами служили обитатели побережья, среди которыхъ болѣе развиты наклонности къ торговлѣ. Чукчи доставляли мѣха оленей, табакъ, различныя металлическія издѣлія, бисеръ и вымѣнивали эти товары на пушнину. Въ свою очередь прибрежное населеніе отъ себя направляло внутрь страны маклячьи и тюленьи шкуры, жиръ, моржовые клыки и другіе предметы приморской промышленности. Въ настоящее время торговля сосредоточивается главнымъ образомъ въ рукахъ Торговой компаніи Аляска (Alasca — Commercial-Company), которая покрыла страну и прилежащіе острова цѣлою сѣтью станцій. Главное управленіе этой компаніи находится въ С.-Франциско; съ 1868 года она получила монополію на охоту за морскими котиками съ тѣмъ условіемъ, чтобы за каждое убитое животное представлять въ казну извѣстную плату и, кромѣ того чтобы были приняты мѣры противъ окончательнаго истребленія животныхъ. Охота за морскими котиками и бобрами производится исключительно на островахъ Берингова моря. Торговая компанія устроила свои станціи по сѣверному и южному побережьямъ Аляски, а также на островахъ Кука. На сѣверо-западѣ самая важная станція—это фортъ св. Михаила на островѣ того же имени, основанный русскими въ 1833 году. На самомъ материкѣ происходитъ значительная торговля мѣхами, и вверхъ по теченію Юкона на 2.800 верстъ расположены 8 станцій, между которыми поддерживаютъ сношеніе два небольшихъ парохода. Кромѣ того, до 10 станцій разсѣяно въ разныхъ частяхъ Аляски и въ прилежащихъ водахъ.

Эскимосъ.

Каждой станціи принадлежитъ нѣсколько домовъ и построекъ. Прежде всего это хорошо устроенный магазинъ, содержащій всѣ мануфактурные и колоніальные товары, употребляемые для мѣновой торговли; здѣсь же хранятся и полученные въ обмѣнъ мѣха. Далѣе слѣ-

дуетъ домъ управляющаго—всегда изъ европейцевъ,—казарма для рабочихъ, затѣмъ необходимая принадлежность каждаго поселенія на сѣверѣ—баня и, наконецъ, построенная по эскимосскому способу на высокихъ столбахъ кладовая, въ которой хранится сушеная рыба, кормъ для собакъ, сани и упряжь. Вокругъ этихъ построекъ прежде возводился тынъ на случай внезапнаго нападенія со стороны враждебныхъ туземцевъ, въ послѣднее же время, когда между бѣлыми и туземцами установились болѣе дружественныя и частыя сношенія, постройка такого забора сдѣлалась излишней. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ станцій селятся обыкновенно нѣсколько семействъ туземцевъ, которыя кормятся отбросами со стола бѣлыхъ.

Управляющій станціей имѣетъ отъ 2 до 6 помощниковъ, по большей части представляющихъ помѣсь между русскими и туземцами. Зимой, когда установится санный путь, собираютъ полудикихъ собакъ станціи, впрягаютъ ихъ въ нарты, которыя нагружаютъ хлопчатобумажными матеріями, порохомъ, дробью, пистонами, табакомъ, спичками, иглами, пожами, бисеромъ, — словомъ, всѣмъ, что можетъ прельстить сердце эскимоса или индѣйца и его красавицы. Затѣмъ пускаются въ путь прямо черезъ замерзшія озера и рѣки въ ближайшую деревню, удаленную на 30—50 верстъ. Здѣсь завязывается оживленная торговля, при чемъ туземцы промѣниваютъ мѣха на европейскіе товары.

Одна изъ станцій на Юконѣ, подъ названіемъ Миссія (Mission), представляетъ центръ миссіонерской дѣятельности русскихъ на сѣверозападѣ Аляски. Когда Аляска принадлежала русскимъ, то туда было вызвано духовенство для исполненія требъ среди православнаго населенія русской колоніи. Съ теченіемъ времени къ паствѣ присоединилось населеніе, происшедшее отъ смѣшенія русскихъ съ эскимосами и алеутами. Затѣмъ проповѣдь православія была распространена и на языческое населеніе, и русская миссія покрыла большую часть Аляски своими станціями. Съ переходомъ Аляски подъ власть Соединенныхъ Штатовъ дѣятельность ихъ продолжала развиваться безпрепятственно, и ей нужно приписать смягчающее вліяніе на жизнь и нравы эскимосовъ и индѣйцевъ Аляски. Всѣ миссіонеры подчинены русскому епископу, проживающему въ С.-Франциско и каждый годъ посѣщающему свою паству въ Аляскѣ.

Большая часть туземцевъ продолжаетъ, однако же, придерживаться языческихъ вѣрованій. Они вѣруютъ въ цѣлый сонмъ добрыхъ и злыхъ духовъ, изъ которыхъ послѣдніе насылаютъ на людей болѣзни и различныя несчастія. Посредниками между міромъ духовъ и человѣкомъ, а въ случаѣ болѣзни—кудесниками-лѣкарями являются шаманы, которые, впрочемъ, не пользуются у туземцевъ Аляски такимъ почетомъ, который выпадаетъ на долю ихъ собратій у нашихъ инородцевъ

на сѣверѣ Азіи, въ томъ случаѣ, если они одновременно не являются состоятельными людьми и особенно ловкими торговцами. Шаманы вовремя дѣйствія одѣваютъ особую одежду и различнаго рода приличными случаю манипуляціями и фокусами стараются произвести впечатлѣніе на присутствующихъ. При этомъ играютъ роль также амулеты и деревянные идолы. Туземцы вѣруютъ въ загробную жизнь. Послѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи, покойника одѣваютъ въ особенно нарядныя одежды и сажаютъ на стулъ, поддерживаемый на значительной высотѣ на четырехъ столбахъ, при чемъ два изъ нихъ служатъ для опоры спины, а на два передніе покойникъ опирается руками.

Затѣмъ женщины наполняютъ помѣщеніе, гдѣ находится умершій, и на деревянныхъ блюдахъ приносятъ ему различныя угощенія: мясо, жиръ, ягоды, и потчуютъ его. Это продолжается 4 дня, и только по истеченіи такого срока можетъ быть совершено погребеніе. Тѣло помѣщается въ ящикъ, который въ свою очередь вставляется во второй— внѣшній, все пространство между двумя ящиками заполняется глиной для предохраненія отъ воздѣйствія атмосферы, и затѣмъ оба ящика утверждаются на четырехъ столбахъ на высотѣ, равной приблизительно росту человѣка. Стѣнки внѣшняго ящика и крышка украшаются узорами, наведенными черной или красной краской. Здѣсь же изображаются различныя сцены изъ жизни покойника, охота на сѣверныхъ оленей или медвѣдей, тюленей и т. д. Иногда памятники надъ могилами достигаютъ довольно значительныхъ размѣровъ и украшаются изображеніями различныхъ животныхъ или фигурами людей изъ дерева, глаза и ротъ которыхъ часто сдѣланы изъ моржовыхъ клыковъ, а руки представлены двумя цѣльными моржовыми клыками.

Поминки по умершимъ совершаются ежегодно по три раза: весною, осенью и зимою. Но окончательное поминовеніе, послѣ котораго уже перестаютъ поминать на годичныхъ поминкахъ, дѣлается туземцами лѣтъ черезъ десять или пятнадцать, смотря по тому, когда соберутся съ достаткомъ. Эти поминки сопровождаются раздачей имущества покойника, играми и празднествами и представляютъ одно изъ наиболѣе характерныхъ явленій въ общественномъ быту эскимосовъ. Случается, что нѣсколько семействъ собираются вмѣстѣ для устройства поминокъ, и тогда съѣзжается изъ окрестностей много народа, иногда до 200 человѣкъ и болѣе.

Въ каждомъ туземномъ селеніи имѣется общественное зданіе, извѣстное подъ названіемъ «кажима»; отъ обыкновенныхъ зимнихъ жилищъ онъ отличается только своими большими размѣрами. Въ кажимахъ мужчины производятъ всѣ свои домашнія работы; выдѣлываютъ шкуры, плетутъ сѣти, связываютъ нарты; тамъ же рѣшаются всѣ важныя дѣла селенія: кажимъ замѣняетъ гостиную при пріемѣ гостей, столовую при уго-

щеніи ихъ, залу во время общественныхъ игръ, наконецъ баню, которая составляетъ одно изъ первѣйшихъ наслажденій туземцевъ.

Въ этотъ кажимъ и собирается толпа, принимающая участіе въ поминкахъ; участники празднествъ размѣщаются вдоль стѣнъ въ нѣсколько ярусовъ, одинъ надъ другимъ, оставляя середину зданія свободной для танцевъ. Торжество начинается пѣніемъ, при чемъ разсказывается жизнь умершихъ и прославляются ихъ подвиги, затѣмъ въ середину выступаютъ танцоры или актеры—женщины или мужчины,—перемѣняютъ здѣсь же свои обычныя платья на другія; часто одѣваютъ также перчатки и украшаютъ голову орлиными перьями. Танцы происходятъ подъ звуки бубна—деревяннаго обода съ натянутой на него кожей—и состоятъ въ различныхъ тѣлодвиженіяхъ и подпрыгиваніи на мѣстѣ, такъ что все искусство танцора выражается гибкостью и подвижностью мускуловъ. Женщины остаются постоянно на мѣстѣ и только изгибаются, дѣлая плавныя движенія руками. Иногда во время танцевъ изображаются пантомимой различные эпизоды изъ охотничьей жизни.

Послѣ танцевъ происходитъ непосредственно раздача имущества покойника всѣмъ присутствующимъ или этому предшествуетъ шершество. Весь полъ кажима уставляется различными блюдами и начинается угощеніе, при чемъ небольшая часть запасовъ бросается въ подполье, со словами: «примите, умершіе, изъ запасовъ нашихъ и помогайте намъ тайно въ слѣдующее лѣто». Все торжество продолжается иногда нѣсколько дней, при этомъ случается, что устроители поминокъ раздаютъ все свое накопленное имущество.

Подобныя же празднества или вечеринки устраиваются туземцами и по другимъ поводамъ и помогаютъ имъ коротать вечера глубокою осенью и въ началѣ зимы. Вообще гостепріимство составляетъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ качествъ здѣшняго населенія. Цѣлыя поселенія иногда, истративъ всѣ свои запасы, переселяются къ своимъ сосѣдямъ съ полной увѣренностью, что, пока что есть тамъ, съ ними подѣлятся.

Таковъ въ общихъ чертахъ матеріальный бытъ и общій складъ жизни обитателей сѣверо-запада Аляски.

Изданія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.

Народы Европейской Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціей проф. Н. Ю. Зографа. Три выпуска формата in-folio, содержащихъ въ себѣ художественно исполненныя фототипическимъ способомъ свыше 200 фигуръ типовъ народовъ, населяющихъ Европейскую Россію, дающихъ наглядное и вѣрное представленіе о наружномъ видѣ народностей, изображеніе ихъ жилищъ, одеждъ, бытовыхъ и этнографическихъ особенностей, домашней обстановки и характерныхъ сценъ изъ народной жизни.

Цѣна за всѣ три выпуска 1 руб. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. вып. 1-ый *одобренъ* для ученическихъ библіотекъ высшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и всѣ три *включены* въ каталогъ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Де-Фо, Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо, іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго. *Одобрено* Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. М., 1888 г. Цѣна за 2 тома 4 руб., пересылка по разстоянію за 3 фунта. Въ роскошномъ переплетѣ цѣна 5 руб.

Свифтъ, Джонатанъ. Путешествіе Лемьюэля Гулливера. Полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко, съ біографіей Свифта и примѣчаніями Вальтеръ Скотта, Шеридана, Кука, Тейлора, Теккерея и др. Томъ I. Путешествіе въ Лилипуту и Бробдиньягъ. Томъ II. Путешествіе въ Лапуту и въ Гуигнгнамъ. Съ 164 рисунками, рѣзанными въ Лондонѣ. М., 1890 г. За 2 тома цѣна 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 1 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ, съ 450 рисун. въ текстѣ, въ трехъ томахъ. При второмъ томѣ помѣщена статья академика А. Н. Веселовскаго, написанная для этого изданія (пересылка каждаго тома за 3 фун. по разстоянію). Томъ I, изд. 2-е. Ц. 3 р. 15 к. Томъ II. Ц. 2 р. 75 к. Томъ III. Ц. 2 р. 75 к. (за переплеты по 50 к. за каждый томъ).

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ (популярная физика). Содержаніе: Кн. I. Фонографъ. — Телефонъ. — Телефонографія. — Телефотъ.— Кн. II. Электрическая энергія.— Кн. III. Свѣтовая энергія.—Физическіе опыты безъ аппаратовъ. М., 1892 г. 516 стр. Ц. 1 р. 50 к.

С. Д. Дрожжинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

3-ье исправленное и дополненное изданіе.

Большой томъ въ 533 стр. съ портретомъ автора.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. 3-ье изданіе допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и включено въ списокъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

Главный складъ изданій при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, **въ Москвѣ:** Пименовская, соб. д., и отдѣленіяхъ: **въ С.-Петербургѣ:** Фонтанка, 117, типогр. М-ва Путей Сообщенія; **въ Кіевѣ:** Караваевская, 5.

Цѣна 2 р. 25 к.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНІЮ.
С. П. Б. О-во ГРАМОТНОСТИ
Театральн. ул. 6.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Москва, Пименовская ул., с. д., телефоны №№ 5-26 и 66-13;

и отдѣленіяхъ: **С.-Петербургъ,** Фонтанка, 117, и **Кіевъ,** Караваевская, 5.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
БИБЛІОТЕКА
ПО НАЧАЛЬНОМУ НАРОДНОМУ
ОБРАЗОВАНІЮ.
С.П.Б. О-во ГРАМОТНОСТИ
Театральн. ул. 5.